
VE RI
TAS


VE RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1884.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Варшавѣ—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

РОДОВЫЯ ПРОЗВАНІЯ ВЪ РОССІИ *).

VII.

Сверхъ узаконенія, входящаго въ «уложеніе о наказаніяхъ», относительно присвоенія кѣмъ-либо не принадлежащей ему фамиліи и закона объ усыновленіи съ передачею фамиліи усыновляемому, у насъ касательно родовыхъ прозваній не существуетъ ни общихъ, ни частныхъ узаконеній даже въ отношеніи дворянства. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только одни евреи, которымъ—и то лишь съ недавняго времени—воспрещено перемѣнять тѣ фамильныя прозвища, которыя они носили до обращенія въ христіанство. Существуютъ также нѣкоторыя правила о переходѣ такъ называемыхъ заповѣдныхъ имѣній вмѣстѣ съ фамиліями ихъ учредителей, если лица, получающія эти имѣнія, не однофамильцы учредителей. При отсутствіи насчетъ фамилій какихъ-либо положительныхъ узаконеній, каждое дѣло объ измѣненіи ихъ, о передачѣ ихъ другимъ лицамъ или о присоединеніи къ прежней фамиліи новой восходитъ на высочайшее усмотрѣніе, и изъ нѣкоторыхъ подобнаго рода случаевъ видно, что такой порядокъ соблюдается не только въ отношеніи лицъ изъ такъ называемыхъ привилегированныхъ, но и другихъ сословій.

Послѣ Петра I и до Императора Павла не было у насъ ни одного случая передачи родоваго по женскому колѣну прозванія. Императоръ Павелъ приказалъ начать составленіе *Общаго гербовника дворянскихъ родовъ Всероссійской имперіи*. Онъ жаловалъ почетные титулы, начиная отъ барона и до свѣтлѣй-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

шаго князя, и повелѣлъ одному изъ своихъ любимцевъ, генералу Ладыженскому, какъ потомку по женскому колѣну князей Ромодановскихъ, принять потомственно эту знаменитую фамилію не только съ княжескимъ титуломъ и съ родовымъ гербомъ, но и съ предоставленнымъ князю-кесарю Ромодановскому правомъ употреблять придворную ливрею. Такимъ образомъ, здѣсь на европейскій совершенно ладъ появилась «субституція» или подставка одной угасшей фамиліи другою, представители которой происходятъ отъ первой по женскому колѣну. Съ этого времени въ каждое царствованіе случалась болѣе или менѣе частая передача пресѣкавшихся въ мужскихъ представителяхъ титулованныхъ и вообще дворянскихъ фамилій. Такъ, одному изъ Глѣбовыхъ передана была знаменитая нѣкогда,—родственная царскому дому,—боярская фамилія Стрѣшневыхъ, которая потомъ, по браку одной изъ Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ, должна была бы перейти къ нѣмецкой дворянской фамиліи фонъ-Бревернъ, но такъ какъ дочь Бреверна отъ упомянутаго брака вышла замужъ за князя Шаховскаго, то къ нему и перешла фамилія Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ. Два раза въ одинъ и тотъ же родъ дворянъ Корсаковыхъ была передаваема фамилія князей или собственно калмыцкихъ хановъ Дондуковыхъ. Фамилія графовъ Остермановъ съ графскимъ титуломъ перешла сперва къ одному изъ дворянъ Толстыхъ, а потомъ къ одному изъ князей Голицыныхъ. Къ одному изъ князей же Голицыныхъ перешла фамилія князей Прозоровскихъ, а къ одному изъ Демидовыхъ фамилія князей Лопухиныхъ съ пожалованнымъ П. В. Лопухину титуломъ свѣтлости. Были еще и слѣдующія передачи фамилій: князю Оболенскому фамиліи Нелединскихъ-Мелецкихъ; Глинкѣ—Мавриныхъ; Шубину—Поздѣевыхъ; князей Дашковыхъ, безъ княжескаго титула, графу Воронцову; Толстому, внуку фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, была передана, съ отступленіемъ отъ общаго правила, только родовая фамилія фельдмаршала, безъ пожалованныхъ ему титуловъ князя и свѣтлости и наименованія «Смоленскій». Такая ограниченная передача объясняется тѣмъ, что самъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ пожалованъ этими почетными титулами только лично, безъ распространенія ихъ на потомство. Фамилія князя Барклая-де-Толли перешла къ одному изъ Веймарновъ, а другому представителю этой послѣдней фамиліи перешли фамилія и титулъ графа Лидерса. Фамилія и титулъ графа Сумарокова перешли къ Эльстону, графа Коцебу — къ

барону Пилларъ-фонъ-Пильхау, князя же Воронцова—къ одному изъ графовъ Шуваловыхъ. Фамилія князей Рѣпниныхъ была передана одному изъ князей Волконскихъ; фамилія и титулъ графа Сперанскаго—князю Кантакузену, а графа Безбородко — графу Кушелеву. Къ одному изъ сыновей донскаго генерала Орлова перешли сперва фамилія и графскій титулъ, пожалованный Павломъ I донскому атаману Денисову, а потомъ къ одному изъ его внуковъ перешли фамилія и титулъ графа Никитина; къ одному изъ Давыдовыхъ перешла фамилія графовъ Орловыхъ.

Въ прежнее время передача угасшей фамиліи и соединеннаго съ нею титула распространялась на все мужское и женское потомство лица, получавшаго ихъ, но теперь такая передача ограничивается предоставленіемъ права носить переданныя фамиліи и титулъ только одному старшему въ родѣ. Такъ было установлено при передачѣ разныхъ фамилій, а, между прочимъ, при передачѣ Маслову фамиліи князей Одоевскихъ, но за то былъ допущенъ болѣе широкій способъ такой передачи. Такъ, пожалованный извѣстному нѣкогда кавказскому генералу Евдокимову графскій титулъ, вмѣстѣ съ его фамиліей, былъ переданъ мужу племянницы его жены, нѣкоему Доливо-Добровольскому.

Кромѣ передачи фамилій по женскому колѣну и даже, какъ мы видѣли, по свойству, допускается у насъ и передача титула племянникамъ по мужскому колѣну; такъ, напримѣръ, графскіе титулы Бенкендорфа, Ридигера и Киселева предоставлены были, по ихъ бездѣтности, ихъ роднымъ племянникамъ — однофамильцамъ, а графскій титулъ, пожалованный извѣстному генералу Милорадовичу, былъ переданъ одному изъ его родственниковъ и однофамильцевъ.

Въ другихъ славянскихъ странахъ не существовало обычая, и донынѣ не существуетъ его, передавать родовыя прозванія по женскому колѣну. Въ Польшѣ до такой степени уклонялись отъ подобной передачи, что даже самые именитѣйшіе и богатѣйшіе магнаты никогда не рѣшались продолжать свой родъ такимъ способомъ. Нынѣшніе поляки, находящіеся въ подданствѣ Россіи, Австріи и Пруссіи, — насколько намъ извѣстно, — не измѣнили этому стародавнему обычаю. Въ этомъ отношеніи они твердо держатся старины, такъ какъ даже учредители «ординацій», т.-е. нераздѣльныхъ громадныхъ имѣній съ условіемъ перехода ихъ къ старшему въ родѣ, ограничивали этотъ переходъ лишь мужскимъ поколѣніемъ. Учрежденіе въ Польшѣ ординацій

восходитъ къ концу XV столѣтія, но затѣмъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ переходимости ординацій по женскому колѣну не установлялось. При учрежденіи всѣхъ ординацій, а, между прочимъ, и двухъ самыхъ главныхъ радзивилловскихъ ординацій — одной олыксвой, соединенной съ герцогскимъ титуломъ, а другой несвижской—было оговариваемо, что обѣ эти ординаціи по женскому колѣну не переходятъ. Только въ 1591 году, при учрежденіи такъ называемой «пинчовской» ординаціи Петромъ и Сигизмундомъ Мышковскими, было постановлено, что ординація эта переходитъ и по женскому колѣну, причемъ то лицо, къ которому она перейдетъ такимъ путемъ, обязано будетъ присоединить къ своей родовой фамиліи и фамилію Мышковскихъ. Такое распоряженіе учредителей названной ординаціи было нарушеніемъ польскихъ обычаевъ, и оно объясняется тѣмъ, что Мышковскіе, нося полученный ими изъ-чужа, не употреблявшійся вовсе въ Польшѣ титулъ маркграфовъ или маркизовъ, отдалились уже тѣмъ самымъ отъ преданій польской шляхты и слѣдовали иноземнымъ уставамъ. Впослѣдствіи пинчовская ординація перешла по женскому колѣну къ Велепольскимъ, предки которыхъ были краковскіе райцы или мѣщане нѣмецкаго происхожденія и назывались Бокнары. Теперь же старшій въ родѣ Велепольскихъ, владѣлецъ ординаціи, именуется: графъ Велепольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій. Хотя въ 1609 году, при учрежденіи знаменитой острожской ординаціи, сблизившей впослѣдствіи Россію съ мальтійскимъ рыцарскимъ орденомъ, и допущенъ былъ переходъ этой ординаціи къ потомкамъ ея основателя, князя Януша Острожскаго, и по женскому колѣну, но, все-таки, пресѣкшейся фамиліи князей Острожскихъ, несмотря на всю ея извѣстность, не носили послѣдующіе владѣтели ординаціи—князья Сангушки.

Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояло пресѣченіе какой-нибудь шляхетской или магнатской фамиліи въ нисходящемъ, прямомъ мужскомъ поколѣніи, крайне опечаленный этимъ представитель угасавшаго рода разыскивалъ всюду своихъ однофамильцевъ, и какъ бы такая обрѣтенная имъ личность ни была бѣдна и ничтожна, и какъ бы ни былъ онъ плоховатъ самъ по себѣ,—самый знатный магнатъ охотно выдавалъ за него свою дочь, чтобы въ лицѣ этого родича продолжать свое фамильное прозваніе. Разсказы о подобныхъ бракахъ часто составляютъ преданіе нѣкоторыхъ болѣе или менѣе знатныхъ польскихъ фамилій.

У чеховъ, сербовъ и у другихъ славянскихъ народовъ и нынѣ родъ считается совершенно пресѣкшимся, если нѣтъ болѣе въ живыхъ его мужскихъ представителей; и если нѣкоторыя, напр., чешскія фамиліи перешли въ другіе роды, то это состоялось подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, въ отступленіе отъ кореннаго славянскаго обычая.

VIII.

Намъ не привелось встрѣтить ни одного такого случая, который бы показывалъ, что въ старинной Руси употреблялись родовыя прозванія, переведенныя съ какого-либо иностраннаго языка на русскій. Въ Польшѣ подобные случаи бывали, хотя, впрочемъ, и очень рѣдко. Такъ, извѣстная нѣмецкая фамилія фонъ-Гуттенъ, происходящая отъ нѣмецкаго слова Hutt—шапка, была переведена тамъ Чапскій, и представители этой фамиліи графы Чапскіе стали только въ недавнее время снова писаться своимъ прежнимъ нѣмецкимъ прозваніемъ, т.-е. Гуттенъ-Чапскій. Одна французская фамилія Граммонъ была переведена по-польски Вельгорскій — словами, имѣющими значеніе «большая гора». Другая нѣмецкая фамилія Унруэ—«непокой» была переведена—Непокойчицкій. Замѣчателенъ странный переводъ на нѣмецкій языкъ французской фамиліи Бетанкуръ, существовавшей да, кажется, еще и теперь существующей въ Россіи. Изъ этой фамиліи происходилъ извѣстный въ началѣ XV столѣтія завоеватель Канарскихъ острововъ. Пишется онъ по-французски Betencourt, а по-немѣцки она была переведена «Vieh im Hof», откуда и вышла извѣстная въ остзейскомъ краѣ фамилія бароновъ Фитингофовъ. Подъ вліяніемъ латинскаго языка въ Германіи въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій завелся среди тамошнихъ ученыхъ обычай переводить нѣмецкія фамиліи на классическіе языки. Вслѣдствіе этого между нѣмцами встрѣчаются: Сарторіусъ, собственно переводъ слова Schneider, такъ какъ оба эти слова значатъ портной, или Пискаторъ—переводъ фамиліи Fischer, т.-е. рыбакъ. Фамилія, которую носилъ извѣстный другъ Лютера Меланхтонъ, т.-е. «черная земля», была переводъ его нѣмецкой фамиліи Schwarzerde. Замѣтимъ кстати, что между учеными, преимущественно же между лютеранскими пасторами, относительно присвоенія себѣ родоваго прозванія завелся еще и другой обычай. Для составленія такого прозванія очень часто служило крестное имя отца на латинскомъ языкѣ,

употребленное въ родительномъ падежѣ. При семъ подразумѣвалось слово «filius» — сынъ. Поэтому такія фамиліи самымъ ближайшимъ образомъ совпадаютъ съ русскимъ отчествомъ. По этой причинѣ среди нѣмцевъ встрѣчается такое множество фамилій: Арнольди, Фредерици, Якоби, Вильгельми, Христіани, Маттеи и т. д., что, въ сущности, значитъ сынъ Фридриха, Якова, Вильгельма, Христіана, Матвѣя и т. д. Въ Швеціи ученыя и духовныя лица прибавляли къ своимъ недворянскимъ прозваніямъ латинское окончаніе «ius». Такъ, напримѣръ, предокъ нынѣшнихъ русскихъ графовъ Адлерберговъ былъ пасторъ Свибеліусъ, достигшій впослѣдствіи званія епископа упсальскаго, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшійся и примасомъ королевства шведскаго. Такъ какъ въ Швеціи существуетъ обычай, при возведеніи въ дворянство, или нѣсколько измѣнить прежнее прозваніе, или замѣнить его совершенно новымъ, то въ концѣ XVII столѣтія сыновья епископа Свибеліуса, при полученіи ими дворянства отъ короля Карла X, приняли фамилію Адлербергъ. Въ Россіи въ недавнее время былъ одинъ переводъ нѣмецкой фамиліи на русскій языкъ. Извѣстный нашъ грамматикъ Востоковъ, чистокровный нѣмецъ, носилъ родовое прозваніе Остенекъ, но такъ какъ нѣмецкое его прозвище не согласовалось съ его занятіемъ,—учить русскихъ ихъ родному языку,—то нѣмецъ Остенекъ и обратился въ русскаго—въ Востокова.

IX.

Кромѣ тѣхъ условій, при которыхъ, какъ мы видѣли, составились у насъ въ старину нѣкоторыя двойныя фамиліи, и кромѣ перехода нѣкоторыхъ изъ пресѣкшихся въ мужскомъ представительствѣ фамилій по женскому колѣну, у насъ явились двойныя фамиліи еще и на другихъ основаніяхъ и по другимъ поводамъ. Такъ, нѣсколько фамилій были пожалованы у насъ въ видѣ особой, чрезвычайно почетной награды, что было заведено въ подражаніе римлянамъ, у которыхъ побѣдитель какой-либо страны или народа получалъ прозваніе, заимствованное отъ имени тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ прославился своими побѣдами. Такое подражаніе римлянамъ было впервые примѣнено у насъ Екатериною II къ графу Алексѣю Орлову, который за одержанную имъ при Чесмѣ надъ турецкимъ флотомъ побѣду получилъ наименованіе—Чесменскій. Отъ Екатерины II получили такія же почетныя прозванія: Ру-

мянцевъ, за переходъ черезъ Дунай — Задунайскаго; Суворовъ, за побѣду при Рымникѣ — Рымникскаго; князь Долгоруковъ, за покореніе Крыма—Крымскаго и Потемкинъ, за присоединеніе къ Россіи Тавриды — Таврическаго. Императоръ Александръ I, за побѣды въ 1812 году русской арміи въ предѣлахъ Смоленской губерніи, прибавилъ къ родовой фамиліи предводительствовавшаго ею генералъ-фельдмаршала Голенищева-Кутузова наименованіе Смоленскій. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ фельдмаршалу Дибичу, за переходъ за Балканы — наименованіе Забалканскій, а Паскевичу, за взятіе Эривани — Эриванскій. Послѣднее подобнаго рода пожалованіе было при Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, который прибавилъ къ фамиліи генералъ-адъютанта Муравьева наименованіе Амурскій, въ память присоединенія имъ къ Россіи Амурскаго края. Придача такихъ почетныхъ названій сопровождалась въ бо́льшей части случаевъ съ пожалованіемъ графскаго или княжескаго титула, и она обращалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ родовое потомственное прозваніе.

Кромѣ того, были у насъ два особые случая придачи второй новой фамиліи съ княжескимъ титуломъ. Такъ, Императоръ Павелъ наименовалъ графа Суворова-Рымникскаго княземъ Италійскимъ, а Императоръ Николай Павловичъ графа Паскевича-Эриванскаго — княземъ Варшавскимъ.

Пожалованіе почетныхъ прозваній, вродѣ приведенныхъ нами, допускается, хотя и чрезвычайно рѣдко, въ Пруссіи. Такъ, тамъ фельдмаршалъ Блюхеръ получилъ наименованіе Вальдштадтскаго, а генералъ Бюловъ—Денневицкаго, т.-е. von Waldstadt и von Dennewitz.

Наполеонъ I чрезвычайно любилъ пожалованія почетныхъ фамилій, и всѣ его маршалы имѣли почетныя прозванія, заимствованныя отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они отличились воинскими подвигами. Такая же награда съ титулами была даваема и нѣкоторымъ лицамъ изъ гражданскихъ сановниковъ, причемъ такія прозванія брались произвольно, какъ, напримѣръ, Фуше герцогъ д'Отрантъ, Маре дюкъ-де-Фельтръ. Между прозваніями маршаловъ было и прозваніе «de la Moscova», предоставленное маршалу Нею съ княжескимъ титуломъ. Наполеонъ III далъ, между прочимъ, почетное прозваніе Malakoff маршалу Пелисье, за взятіе подъ Севастополемъ Малахова кургана, и даже китайское прозвище «Паликао» адмиралу Кузэнъ-де-Монтобану за его блестящія дѣйствія въ китайскихъ водахъ.

Какъ на особые случаи придачи въ Россіи новыхъ фамилій, укажемъ на слѣдующіе: нѣкоему Свѣчину итальянскій князь Торремуза,—не владѣтельный — двоюродный братъ его жены,— «уступилъ» одну изъ своихъ фамилій — итальянскую фамилію Гальяни съ титуломъ графа, и Императоръ Александръ Павловичъ дозволилъ этому Свѣчину именоваться графомъ Свѣчинымъ-Гальяни. Король итальянскій Викторъ - Эммануилъ предоставилъ одному изъ Демидовыхъ фамилію Санъ-Донато съ титуломъ князя, и г. Демидову дозволено было пользоваться этимъ титуломъ, но не считаясь русскимъ княземъ. Крестьянину Костромской губерніи Коммиссарову, при возведеніи его за спасеніе жизни покойнаго Государя въ дворянское достоинство, къ его прежнему крестьянскому прозвищу была прибавлена, по мѣсту его рожденія въ Костромской губерніи, фамилія Костромской. Къ фамиліи одного англичанина — Шервутъ было за открытіе имъ заговора декабристовъ пожаловано прозваніе «Вѣрный».

Извѣстно, что одинъ бельгіецъ, по фамиліи Виленъ, желая выразить свое удивленіе къ необыкновеннымъ личнымъ достоинствамъ короля французскаго Людовика XIV, попросилъ у него дозволенія прибавить къ своей фамиліи цифру XIV. Король согласился на такую просьбу, и потомки этого бельгійца выставляютъ при своемъ родовомъ прозваніи цифру XIV. У насъ въ Россіи былъ случай, очень схожій съ этимъ случаемъ. Императоръ Павелъ Петровичъ построилъ Михайловскій замокъ, и ему доставляла удовольствіе похвала новопостроенному дворцу. Объ этомъ провѣдалъ одинъ изъ директоровъ государственнаго банка, статскій совѣтникъ Данилевскій. Пользуясь настроеніемъ императора и желая обратить на себя его высочайшее вниманіе, онъ написалъ императору, что, восхищаясь безпредѣльно «Михайловскимъ» замкомъ, онъ, Данилевскій, дерзаетъ всеподданнѣйше просить его величество о дозволеніи въ ознаменованіе этого прибавить ему, Данилевскому, къ родовому его прозванію фамилію Михайловскій. Павелъ Петровичъ удовлетворилъ эту просьбу, выразивъ просителю свое благоволеніе. Этотъ Михайловскій-Данилевскій былъ отцомъ извѣстнаго нашего военнаго историка, котораго, однако, неправильно называли Михайловскій, такъ какъ собственно онъ, по происхожденію своей прибавочной фамиліи, долженъ былъ бы именоваться Михайловской.

Говоря о прибавочныхъ фамиліяхъ, укажемъ на одинъ особый случай. Около 1860 «казанское литературное общество», за-

нимавшееся въ особенности изслѣдованіемъ средней Азіи, поднесло нѣмецкому ученому Герману Шлягенвейту, за переходъ имъ, какъ путешественникомъ, горнаго хребта Кюэлюнь, названіе «Закюэлюнскаго», и это почетное названіе было, въ видѣ родовой фамиліи, утверждено за нимъ баварскимъ правительствомъ. Отчего бы другимъ нашимъ ученымъ обществамъ не послѣдовать такому примѣру въ отношеніи нашихъ соотечественниковъ и не наименовать г. Пржевальскаго «Азійскимъ», а, пожалуй, и г. Миклуху-Маклая—«Папуасскимъ».

Въ царствованіе Императора Александра Павловича нѣкоторые изъ такъ называвшихся «воспитанниковъ»,—питомцевъ лицъ, принадлежавшихъ къ извѣстнымъ русскимъ дворянскимъ, а частью и къ титулованнымъ фамиліямъ,—которые носили особыя, данныя имъ прежде прозванія, причислены были по просьбамъ ихъ воспитателей къ фамиліямъ этихъ послѣднихъ, съ предоставленіемъ имъ при такомъ причисленіи дворянства, гербовъ и титуловъ, принадлежавшихъ ихъ воспитателямъ.

Въ отношеніи прибавочныхъ фамилій замѣчателенъ при Петрѣ I такой случай. Извѣстному сперва дьяку, а потомъ боярину, бывшему своему наставнику Никитѣ Моисеевичу Зотову царь далъ загадочную фамилію «Магнусъ Наклеванги». Вѣроятно, тутъ было нѣчто шуточное, но, тѣмъ не менѣе, Зотовъ назывался и подписывался своею новою фамиліею даже въ государственныхъ актахъ.

Нѣсколько болѣе или менѣе старинныхъ, но неблагозвучныхъ дворянскихъ фамилій были въ разное время, съ высочайшаго разрѣшенія, или измѣнены, или замѣнены другими. То же дѣлалось и дѣлается разными сословными обществами въ отношеніи нѣкоторыхъ родовыхъ, не совсѣмъ приличныхъ прозвищъ, употребляемыхъ ихъ сочленами.

X.

На западѣ Европы поводомъ къ возникновенію новыхъ дворянскихъ фамилій служили, между прочимъ, и такъ называемые «морганатическіе» браки. Такое названіе браковъ одни производятъ отъ нѣмецкаго слова «Morgen-Gabe», т.-е. отъ того подарка, который мужъ дѣлалъ своей женѣ на другой день свадьбы, а другіе — отъ готскаго слова «morginn», что̀ значитъ ограничивать. Послѣднее толкованіе вполнѣ вѣрно, такъ какъ морганатическій бракъ хотя и считается вполнѣ дѣйствительнымъ, и въ

церковномъ, и въ гражданскомъ отношеніяхъ, и не можетъ быть расторгнутъ на иныхъ основаніяхъ, какъ и всякій законный бракъ, но, тѣмъ не менѣе, фамильныя права супруга, а иногда и супруги, сопровождаются извѣстными ограниченіями для той стороны, которая считается ниже. Въ отношеніи мужей такіе браки бываютъ чрезвычайно рѣдки да и въ отношеніи фамильнаго названія остаются совершенно незамѣтны. Что же касается жены, то она, какъ и дѣти, рожденныя отъ морганатическаго брака, не носятъ фамиліи мужа и отца и не пользуются ни его титуломъ, ни его гербомъ, такъ что собственно начинаютъ родъ съ своей матери. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ допускаются такіе браки, женихъ при совершеніи ихъ подаетъ невѣстѣ не правую, какъ это принято, а лѣвую руку. Поводомъ къ заключенію морганатическаго брака служитъ неравное общественное положеніе невѣсты примѣнительно къ положенію, занимаемому женихомъ, т.-е. если она считается ниже его въ этомъ отношеніи по своимъ родителямъ. Главнымъ признакомъ такого брака служитъ различіе въ фамильныхъ прозваніяхъ брачной четы. Морганатическіе браки установлены въ Германіи собственно для лицъ изъ владѣтельныхъ домовъ, но они съ разрѣшенія верховной власти допускаются и для представителей знатныхъ родовъ. Такъ, въ Пруссіи жена короля Фридриха-Вильгельма III, графиня Гаррахъ, носила титулъ и фамилію княгини Лигницъ; жена короля датскаго Христіана IX — графини Даннеръ. Дочь нашего знаменитаго поэта Пушкина Наталья Александровна, состоящая въ супружествѣ съ герцогомъ Насаусскимъ, получила фамилію графини Меренбергъ. Новыя фамиліи, возникающія при морганатическихъ бракахъ, должны переходить и къ потомству морганатическихъ супруговъ. Такъ, теперь въ Вѣнѣ существуетъ князь Монтенуово, внукъ бывшей эрцгерцогини австрійской, а потомъ вдовы Наполеона I, вступившей во второй бракъ съ графомъ Нейпергомъ. Сыну, рожденному отъ этого брака, дана была упомянутая итальянская фамилія.

Въ старинной Руси морганатическіе браки не существовали, да и не могли установиться въ отношеніи невѣсты даже и во владѣтельныхъ семействахъ, такъ какъ удѣльные и великіе князья, а потомъ и цари постоянно вступали въ супружество съ своими подданными, и при этомъ какъ насчетъ ихъ супругъ, такъ и рождаемыхъ отъ такихъ браковъ дѣтей, конечно, не установлялось уже никакихъ ограниченій.

Петръ Великій хотѣлъ, однако, завести у насъ что-то вродѣ морганатическихъ браковъ, но безъ установленія ихъ закономъ, да и законъ о нихъ не соотвѣтствовалъ бы взгляду Петра, не обращавшаго вниманія на породу. Тѣмъ не менѣе,—неизвѣстно, впрочемъ, по какимъ именно причинамъ и соображеніямъ,—онъ не дозволилъ, чтобы дѣти князя Рѣпнина, рожденныя отъ законнаго его брака съ какою-то чухонкою, назывались князьями Рѣпниными, но повелѣлъ имъ именоваться Рѣпнинскими, безъ княжескаго титула, признавъ ихъ, впрочемъ, дворянами.

И послѣ Петра Великаго морганатическіе браки не установились у насъ даже въ царскомъ домѣ, такъ какъ при готовившихся бракахъ Императора Петра II, сперва съ княжною Меншиковою, а по низверженіи Меншикова, съ княжною Долгоруковою, не установлялось никакого ограниченія правъ какъ будущихъ супругъ-императрицъ, такъ равно и потомства, которое произошло бы отъ браковъ. Мы находимъ даже, что въ упомянутыхъ случаяхъ не оказалось на лицо и тѣхъ особыхъ обычаевъ, какіе существовали прежде. Такъ, при государяхъ московскихъ тесть царскій мѣнялъ свое прежнее крестное имя, а невѣсту царскую нарекали за нѣсколько времени до брака «благовѣрною царевною».

Первый у насъ въ императорской фамиліи морганатическій бракъ былъ бракъ цесаревича Константина Павловича съ польскою графинею Іоанною Грудзинскою, причемъ ей и будущему ея потомству предоставлено было княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и съ фамиліею Ловичъ, отъ имени княжества, принадлежавшаго нѣкогда архіепископамъ гнѣзненскимъ. Впослѣдствіи при бракахъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, князей Романовскихъ, ихъ супругамъ изъ невладѣтельныхъ домовъ и потомкамъ отъ этихъ браковъ была предоставлена родовая фамилія Ихъ Высочествъ де-Богарне, съ графскимъ титуломъ, замѣнившимъ присвоенный этой весьма древней французской дворянской фамиліи титулъ маркиза.

Говоря о фамильныхъ прозваніяхъ лицъ женскаго пола, замѣтимъ, что въ юго-западной Руси существовалъ въ XVI вѣкѣ особый обычай. Тамъ дѣвушка, вступая въ бракъ, принимала фамилію мужа, но потомъ очень часто, даже въ оффиціальныхъ актахъ именовалась и подписывалась только тѣмъ родовымъ прозваніемъ, которое она носила до своего замужства. Объясненія такой особенности намъ отыскать не удалось.

За изъятіемъ членовъ императорскаго дома, у насъ морганa-

тическіе браки, а, слѣдовательно, и различія между фамильными именами супруговъ и ихъ дѣтей ни въ какомъ случаѣ не допускаются, такъ какъ жена, какого бы происхожденія она ни была, она и дѣти, рожденныя отъ законнаго съ нею брака, пользуются всѣми правами, какія вообще истекаютъ изъ брачнаго союза. Только въ случаѣ выхода замужъ дѣвицы или вдовы за лицо низшаго сословія, онѣ сохраняютъ права, предоставленныя имъ по рожденію или по предшествовавшему браку, но прежней своей фамиліи не удерживаютъ. У насъ по закону не установлено даже правило, существовавшее въ Польшѣ, чтобы замужняя женщина или вдова при составленіи какихъ-либо оффиціальныхъ актовъ именовалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своею прежнею родовою фамиліею. Такое означеніе предоставлено у насъ на волю каждой, но вообще оно у насъ не принято, за исключеніемъ визитныхъ карточекъ и надгробныхъ памятниковъ. Впрочемъ, у насъ былъ только одинъ случай, гдѣ жена постоянно отличалась не по фамиліи, однако, но по прирожденному ей титулу. Такъ, принцесса Гольштейнъ-Бекская, бывшая въ супружествѣ за княземъ Барятинскимъ, дѣдомъ покойнаго фельдмаршала, писалась сама и ее именовали не княгинею, а «принцессою» Барятинскою.

Въ заключеніе этой главы мы скажемъ о фамиліяхъ тѣхъ, которые, по дѣйствующимъ у насъ законамъ, обречены являться въ міръ безъ всякаго права на какое-либо родовое прозваніе—о незаконорожденныхъ дѣтяхъ. Обыкновенно прозваніе въ видѣ родовой фамиліи дается имъ по имени крестнаго отца или по имени матери. Въ дворянскихъ же фамиліяхъ очень часто присвоивается, при запискѣ незаконныхъ дѣтей въ метрическія книги, родовое прозваніе ихъ отца, но съ отброскою первой буквы или перваго слога. Такъ, побочный сынъ фельдмаршала Румянцева назывался Умянцовымъ и носилъ титулъ барона, пожалованный ему королемъ польскимъ. Другой сынъ фельдмаршала Румянцева въ воспоминаніе одной изъ побѣдъ, одержанныхъ его отцомъ, былъ названъ Кагульскимъ. Графъ Орловъ-Чесменскій далъ своему побочному сыну въ видѣ фамиліи пожалованное ему, Орлову, наименованіе Чесменскій. Князь Безбородко далъ побочной своей дочери фамилію Верецкая, по названію первой деревни, пожалованной ему Екатериною II. Есть у насъ, между прочимъ, и одна обязательная для незаконнорожденныхъ дѣтей фамилія—Гомбурцовъ. Ее должны присвоивать тѣмъ малюткамъ, которые воспитываются въ Воспитательномъ домѣ на счетъ процентовъ съ

капитала въ 10,000 рублей, пожертвованныхъ принцессою Анастасіею Ивановною Гессенъ-Гомбургскою, женою фельдмаршала русской службы въ половинѣ прошлаго столѣтія, рожденною княжною Трубецкою. Правило относительно дачи такого прозванія въ память фамиліи жертвовательницы было установлено ею самою въ честь фамиліи ея мужа «Гомбургъ». Независимо отъ этого, подобныя дѣти получаютъ нерѣдко родовыя фамиліи своихъ отцовъ, если съ этими фамиліями не соединены почетные титулы, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ родичи, пользующіеся титуломъ, не имѣютъ повода предъявлять притязанія на причисленіе къ ихъ роду лица, не имѣющаго на это права по своему происхожденію. Подобнаго рода щекотливыя притязанія устраняются легко и въ тѣхъ еще случаяхъ, когда отецъ, имѣющій двѣ родовыя фамиліи, даетъ побочнымъ своимъ дѣтямъ только одну изъ нихъ, или, наконецъ, тѣмъ, что, передавая имъ свою настоящую фамилію, прибавляетъ къ ней еще какую-либо другую фамилію. Въ простонародьѣ подкидышамъ дается обыкновенно прозваніе Богдановъ,—прозваніе, имѣющее свой явный смыслъ.

XI.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ особымъ частностямъ, которыми обусловливается происхожденіе фамильныхъ прозваній по областямъ и сословіямъ.

Родовыя прозванія въ Малороссіи чрезвычайно разнообразны и среди тамошняго простонародья; и по тѣмъ словамъ, отъ которыхъ они происходятъ, и по ихъ окончанію, они рѣзко отличаются отъ прозваній великорусскихъ. Среди же дворянства бо̀льшая часть старинныхъ малороссійскихъ фамилій, какъ бо̀льшая часть великорусскихъ, оказывается не туземнаго, а чуждаго происхожденія. Хотя представители этихъ фамилій вполнѣ «обмалорусились», какъ «обвеликорусились» въ Великой Россіи потомки иноземныхъ выходцевъ, но, тѣмъ не менѣе, и среди первыхъ сохранились въ фамильныхъ прозваніяхъ признаки ихъ иноземнаго начала. Изъ сотни съ небольшимъ тѣхъ малороссійскихъ родовъ, члены которыхъ занимали еще во времена гетмановъ важнѣйшія уряды или должности въ войскѣ запорожскомъ, коренныхъ малороссійскихъ прозваній можно насчитать очень не много. Въ числѣ же чужестранныхъ фамилій были: Апостолы—молдавская; Брюховецкіе, Бутовичи, Валькевичи, Гудовичи, Гу-

лянцкіе, Дунины-Барковскіе, Заборовскіе, Забѣлло и другія — польскія; Барновичи—чешская; Капнисты, Мануйловичи—греческія; Домонтовичи—литовская; Кочубеи и Якубовичи—татарскія; Милорадовичи—герцеговинская; Гамалѣи—турецкая и т. д. Иныя фамиліи хотя и кажутся чисто малороссійскими, но родоначальниками ихъ были выходцы изъ-чужа. Такъ, напримѣръ, фамилія Сулима происходитъ отъ нѣмецкихъ графовъ Сольмъ.

Такая пестрота среди малороссійскихъ фамильныхъ прозваній объясняется тѣмъ, что въ XVI столѣтіи Украйна была сборищемъ искателей приключеній, наплывъ которыхъ былъ значителенъ съ разныхъ сторонъ, въ особенности же изъ Польши. Оттуда удалялось въ Малороссію множество такъ называемыхъ «баннитовъ», т.-е. шляхтичей, которые за своеволіе и нелады съ польскимъ правительствомъ, а иногда и за какія-либо общія уголовныя преступленія, осуждены были на «банницію», т.-е. на изгнаніе изъ отечества. Баннитовъ было такъ много, что въ войскахъ Богдана Хмѣльницкаго считалось ихъ до 6,000. Значительное число этихъ удальцовъ осѣло потомъ на Украйнѣ, и потомки ихъ, сдѣлавшись православными, сохранили, однако, за нѣсколькими исключеніями, свои родовыя польскія прозванія, и, кромѣ того, нѣкоторые изъ чистокровныхъ малороссовъ, желая прослыть шляхтичами, или принимали польскія фамиліи, или передѣлывали свои простонародныя малорусскія прозванія на польскій ладъ, такъ что, напримѣръ, Гриценко или Потапчюкъ обращались въ Грицевскаго и въ Потапскаго. Казакъ Василенко передѣлалъ свою фамилію такъ: онъ обратилъ имя Василій въ польское Базиль и затѣмъ прибавилъ окончаніе «евскій». У малороссовъ, склонныхъ къ шуткамъ, большая часть родовыхъ прозваній произошла отъ насмѣшливыхъ прозвищъ. Такъ, хохла, спалившаго хату, прозвали «Палій», а разводившаго огонь около рѣки — Паливода. Человѣка громаднаго роста прозывали въ насмѣшку Малютой и, наоборотъ, приземистаго — Махиной и т. д. Среди малороссовъ, какъ и среди великороссовъ, не было обычая производить свои фамильныя прозванія отъ принадлежавшихъ имъ «маетностей» или имѣній. Они производились, какъ и въ Великой Руси, главнымъ образомъ, отъ отчествъ, затѣмъ отъ личныхъ прозваній, а иногда и отъ названія должностей, занимаемыхъ кѣмъ-либо изъ членовъ рода, причемъ господствовавшими окончаніями, имѣвшими значеніе происхожденія, а также и ласкательный смыслъ, были «ко», «юкъ» и «акъ». Такъ, на-

примѣръ, въ видѣ отчествъ явились: Семененко, Кириленко, произведенныя отъ собственныхъ именъ Семенъ и Кирило; Крамаренко—отъ крамарь, т.-е. лавочникъ, Судьенко — отъ слова судья и т. д. Павлюкъ—уменьшительное имя Павелъ; Чернякъ, Красюкъ — прилагательныя имена, обращенныя сперва въ личныя, а потомъ въ родовыя прозвища.

Двойныя фамиліи въ Малороссіи довольно употребительны. Это объясняется, какъ мы полагаемъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ Малороссіи, какъ и въ Великой Россіи, довольно поздно установились окончательныя родовыя прозванія, такъ что тамъ, въ одно и то же время, употреблялись и личныя, и наслѣдственныя прозвища, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что во время отпаденія Украйны отъ Польши поселившіеся на Украйнѣ польскіе шляхтичи, изъ страха преслѣдованія, замѣнили свои родовыя фамиліи малороссійскими прозвищами, а потомъ, когда при водворившихся среди казачества великорусскихъ порядкахъ пришлось доказывать шляхетство или дворянство, они стали дѣлать ссылки на принадлежавшія имъ издавна шляхетскія фамиліи. Поэтому въ бо́льшей части случаевъ на ряду съ малороссійскимъ прозвищемъ встрѣчается и шляхетско-польская фамилія, напр., Курилло-Сементовскій, Немировичъ-Данченко, Гудима-Левковичъ и т. д., да и, кромѣ того, такая прибавка смахивала на шляхетско-польскій «przydomek», о чемъ мы говорили выше. Когда же вслѣдствіе разныхъ надобностей и служебныхъ исканій малороссы начали ѣздить въ Петербургъ, гдѣ ихъ не слишкомъ долюбливали, то они стали приближать свои чисто-хохлацкія фамильныя прозванія къ великорусскимъ, съ прибавкою соотвѣтствующихъ окончаній. Та́къ, Костенко и Павленко обращались въ Костенкова и Павленкова, Солоница — въ Солоницына, Нечай—въ Нечаева и т. д.

Особенность фамильныхъ прозваній у малороссовъ заключается въ измѣненіи ихъ окончаній для лицъ женскаго пола. Такъ, для замужнихъ и для вдовъ употребляются окончанія «иха», а для дѣвицъ «ичка», напр., Мазепиха, Кочубичка. Это, впрочемъ, свойственно и польскому языку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нашему простонародью. Такъ, поляки называютъ жену Тышкевича и Сапѣги—Тышкевичѐва и Сапѣжи́на, а дочерей ихъ—Тышкевичувна и Сапѣжанка. У нашего народа тоже, какъ мы сейчасъ сказали, существуетъ для отличія женскихъ лицъ особая форма для такихъ фамильныхъ прозваній, которыя въ русскомъ

языкѣ не измѣняются въ женскомъ родѣ, напримѣръ, Миллерша, Шмидтша, такъ что и маркизу Помпадуръ называли бы у насъ въ простонародьѣ Помпадурша, Помпадуршина или, пожалуй, Помпадуриха.

Въ прибалтійскомъ нашемъ краѣ, гдѣ все старинное дворянство нѣмецкаго происхожденія, фамиліи въ этомъ сословіи должны существенно разниться отъ туземно-народныхъ эстскихъ и латышскихъ прозвищъ. Если мы не ошибаемся, то съ такимъ прозвищемъ тамъ среди мѣстнаго дворянства существуетъ одна только фамилія фонъ-Куббе, или Каупо, Каупе, выдававшаяся по своей знатности среди леттовъ еще до прихода къ нимъ нѣмецкихъ крестоносцевъ. Одинъ изъ представителей этого леттскаго рода принялъ въ 1216 г. отъ папы Целестина III фамилію Ливе или Ливенъ и былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ россійскихъ свѣтлѣйшихъ князей и бароновъ Ливеновъ. Вообще же въ прибалтійскомъ краѣ древнихъ фамилій, существовавшихъ во время господства тамъ ливонскаго ордена, осталось теперь не много, всего не болѣе ста. Остальныя же тамошнія нѣмецкія фамиліи состоятъ изъ потомковъ позднѣйшихъ германскихъ выходцевъ и еще болѣе изъ потомковъ эстовъ и латышей, принявшихъ нѣмецкія фамильныя прозванія. Говоря о старинномъ остзейско-нѣмецкомъ дворянствѣ, у насъ нынѣшнихъ его представителей называютъ очень часто «потомками» рыцарей, но это не совсѣмъ точно, такъ какъ рыцари давали обѣтъ безбрачія и, слѣдовательно, не могли имѣть законныхъ дѣтей. Есть также въ остзейскихъ губерніяхъ не мало онѣмечившихся французскихъ фамилій, переселившихся туда вслѣдствіе воздвигнутыхъ, по уничтоженіи въ концѣ XVII столѣтія нантскаго эдикта, гоненій на гугенотовъ во Франціи. Къ чужеземнымъ, но уже вполнѣ онѣмечившимся фамиліямъ принадлежатъ нѣсколько польскихъ фамилій, а также и потомки выкрещенныхъ евреевъ, принявшихъ нѣмецкія фамиліи. Къ нѣмецкимъ дворянскимъ фамиліямъ причислено и нѣсколько русскихъ, внесенныхъ по какому-либо случаю въ тамошніе дворянскіе матрикулы. Среди этихъ фамилій встрѣчается и фамилія Сперанскаго, внесенная въ лифляндскій матрикулъ, до полученія имъ еще графскаго титула. Изъ малороссійскихъ онѣмечившихся родовъ существовала нѣкогда въ Лифляндіи фамилія Малама, пользовавшаяся баронскимъ титуломъ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Западнаго края, къ русскимъ подданнымъ присоединилось множество лицъ, носившихъ польскія,

литовскія и ополяченныя русскія дворянскія фамиліи. Фамиліи эти не измѣнились вслѣдствіе этого присоединенія, но что касается тамошнихъ крестьянъ и мѣщанъ, изъ христіанъ, то родовыя ихъ прозванія получили, особенно у крестьянъ, великорусскую окраску. Въ ихъ родовыя прозванія стали обращаться, противъ тамошняго обычая, полуотчества, а чиновники изъ поляковъ, не умѣвшіе сладить съ такимъ нововведеніемъ, писали полуотчества съ окончаніемъ то на «овъ», то на «инъ», какъ попало, не соображаясь съ свойствами русскаго языка. Оттого въ западномъ краѣ вмѣсто прозванія, напримѣръ, Ѳоминъ явился Ѳомовъ, а вмѣсто Семеновъ—Семенинъ.

Чрезвычайно большой приливъ совершенно чуждыхъ русскому языку родовыхъ прозваній произошелъ въ Россіи вслѣдствіе присоединенія къ ней Закавказскаго края. Но замѣчательно, что нигдѣ не удается такъ легко, какъ тамъ, внѣшнее обрусѣніе туземныхъ фамилій и, притомъ, самымъ простымъ способомъ—измѣненіемъ или усѣченіемъ окончаній, свойственныхъ грузинскимъ фамиліямъ на «швили» и армянскимъ на «янцъ» — на «овъ». Такъ, тамъ явились фамиліи: Аваловы, Андронниковы, Мачабеловы, Меликовы, Палавандовы, Салаговы, Тумановы, Челокаевы, Эристовы и другія, которыя съ перваго раза могутъ показаться по ихъ окончанію, а нѣкоторыя даже и по звуку, великорусскими фамильными прозваніями.

Кромѣ того, въ такъ называвшемся Новороссійскомъ краѣ и въ бывшей Бессарабской области существуетъ не мало молдавскихъ и греческихъ фамилій, которыя по окончанію и по звуку рѣзко отличаются отъ русскихъ, малороссійскихъ и польскихъ фамилій. Молдавскія фамиліи оканчиваются преимущественно на «ско» и на «ано» или «ено». Нѣкоторыя греческія фамиліи легко поддаются обрусѣнію. Такъ, напримѣръ, Леопардосъ обращается въ Леопардова, Албаносъ—въ Албанова и Евлампіосъ—въ Евлампіева. Греческая фамилія одного изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ—Качіони обратилась въ Каченовскаго. Нынѣшнія греческія фамиліи оканчиваются преимущественно на «аки», но окончаніе это не должно смѣшивать съ окончаніемъ «акій», встрѣчающимися въ старинныхъ польско-малороссійскихъ фамиліяхъ, какъ, напримѣръ, Мазаракій.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что обрусѣніе по фамильнымъ прозваніямъ производится у насъ уже издавна не только въ силу давности, но и сразу. Такъ, между камчадалами, участвовавши-

ми въ маскарадѣ, бывшемъ по случаю свадьбы въ «ледяномъ домѣ», были: Юдинъ, Бороздинъ и Черновъ; въ старинныхъ документахъ встрѣчается «индѣецъ» Ивановъ, «японецъ» Бѣдаковъ и «бурятъ» Чистоинъ. Въ числѣ людей, приведшихъ въ 1741 году въ Петербургъ изъ Персіи слоновъ, значатся, между прочими, «персіане»: Соколовъ, Петровъ, Крестьяновъ, Барабановъ и «армяне»: Ивановъ и Константиновъ.

Мѣстными особенностями при образованіи фамильныхъ прозваній можно считать слѣдующія. Среди донскихъ казаковъ, вмѣсто окончанія «ской», употребляется окончаніе «сковъ», напр., вмѣсто Днѣпровской—Днѣпросковъ; а въ Сибири — «ыхъ» и «скихъ» въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, напримѣръ, Иванъ Блѣдныхъ, Василій Еловскихъ и т. д.

XII.

Указавъ вообще на происхожденіе и образованіе фамильныхъ прозваній въ Россіи, мы добавимъ къ этому нѣсколько особенностей, зависѣвшихъ не столько отъ языка мѣстныхъ жителей и прилива разныхъ чужеземцевъ, сколько отъ условій сословнаго быта и нѣкоторыхъ случайностей. Замѣчанія эти относятся, во-первыхъ, къ фамильнымъ прозваніямъ нашего духовенства и, во-вторыхъ, къ такимъ же прозваніямъ евреевъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства.

Несмотря на то, что въ такъ называемыхъ «внутреннихъ великорусскихъ» губерніяхъ православное духовенство принадлежитъ къ самой коренной части туземнаго населенія, въ средѣ его встрѣчается такое разнообразіе фамильныхъ прозваній, какое едва ли можно замѣтить даже среди нашего стариннаго дворянства, происходящаго въ значительной части отъ иноземныхъ выходцевъ и подвергавшагося различнымъ вліяніямъ со стороны чуждыхъ русскимъ національностей. Въ православномъ русскомъ духовенствѣ попадается не мало совершенно нерусскихъ, разумѣется, сравнительно со множествомъ фамилій чисто-русскаго склада, сходныхъ съ прозваніями, столь употребительными среди другихъ, ближайшихъ къ духовенству сословій, т.-е. фамилій, произведенныхъ отъ обиходныхъ русскихъ словъ или полуотчествъ. Такъ, напримѣръ, среди его находятся лица, носящія фамильное прозваніе, вродѣ: Носовъ, Орѣховъ, Медвѣдевъ и т. д. На ряду, однако, съ этими простыми родовыми прозваніями ве-

ликорусскаго духовенства оказывается много прозваній чрезвычайно вычурныхъ и произведенныхъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ разныхъ иностранныхъ языковъ. Замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ сдѣлано гораздо болѣе позаимствованій изъ латинскаго, нежели изъ греческаго языка, который, конечно, долженъ былъ бы быть гораздо ближе предстоятелямъ восточно-греческой церкви, нежели языкъ латинскій. Съ перваго взгляда кажется, что такое позаимствованіе не имѣетъ никакого историческо-культурнаго значенія, но, въ сущности, оно весьма важно, такъ какъ оно указываетъ на то господствующее вліяніе, которому въ исходѣ XVII вѣка стало подчиняться образованіе нашего духовенства. Проглядываетъ это вліяніе и въ сходствѣ фамильныхъ прозваній, существующихъ среди великорусскаго, какъ городскаго, такъ и сельскаго духовенства, съ фамиліями польскими. Все это объясняется тѣмъ, что еще въ исходѣ XVIII столѣтія,—а потомъ и до второй половины XVIII вѣка, когда фамильныя прозванія въ великорусскомъ духовенствѣ еще не установились,—насадителями просвѣщенія среди его, а потомъ и въ числѣ какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ іерарховъ были малороссы, воспитавшіеся въ польско-латинскихъ школахъ и приносившіе въ Россію позаимствованную тамъ закваску, при которой латинскій языкъ получалъ и въ нашихъ духовныхъ училищахъ первенствующее значеніе.

Представляется чрезвычайно страннымъ, что въ составѣ нашего клира чисто-русскіе люди носятъ, напримѣръ, такого рода прозванія: Преферанскій, Орнатскій, Делигенскій, Сперанскій, Лекторскій, Лявданскій, Гумилевскій, Оранскій или болѣе усиленное Меліоранскій, Констанскій, Альбинскій и множество другихъ подобныхъ тому родовыхъ прозваній, заимствованныхъ изъ латинскаго языка и по окончанію свойственныхъ преимущественно польскимъ фамиліямъ. Къ послѣднимъ подходятъ очень часто, хотя и случайно, также и тѣ фамиліи среди православнаго великорусскаго духовенства, которыя заимствуются отъ какой-либо мѣстности, напримѣръ, Лазовскій, отъ села Лазова, въ Ярославской губ., и Ламанскій—отъ рѣки Ламань, въ Вологодской губерніи. Этого, впрочемъ, еще мало, такъ какъ пестрота въ фамильныхъ прозваніяхъ нашего духовенства идетъ еще далѣе. Къ производству ихъ служили и служатъ: имена миѳическихъ героевъ, а также прославившихся мужей языческой древности, имена грековъ и римлянъ и даже имена боговъ и богинь грече-

скаго Олимпа. Встрѣчаются въ корняхъ фамилій, носимыхъ представителями нашей церкви, имена извѣстныхъ лицъ въ исторіи разныхъ народовъ,—имена, внесенныя исключительно въ святцы западной церкви, и, наконецъ, географическія названія разныхъ иностранныхъ областей, рѣкъ и городовъ. Вслѣдствіе этого у насъ есть изъ коренныхъ великороссовъ митрополиты, архіереи, архимандриты, священники и проч. съ такими, напримѣръ, прозваніями: Минервинъ, Геркулесовъ, Парисовъ, Церерннъ, Цицероновъ, Юнонинъ, Діанинъ, Аквилоновъ, Мильтіадовъ, Ѳемидинъ, Ѳермопильскій, Орлеанскій, Амстердамскій, Рудольфовъ, Леопольдовъ и т. д. Есть также фамиліи, произведенныя отъ именъ библейскихъ: Немвродовъ, Ноевъ, Сарданапаловъ.

На ряду съ такими фамильными прозваніями является безконечное множество прозваній, заимствованныхъ отъ названій праздниковъ и построенныхъ въ чествованіе ихъ церквей. Всякій русскій, конечно, знаетъ, сколько встрѣчается всюду въ великорусскихъ губерніяхъ: Воскресенскихъ, Богоявленскихъ, Спасскихъ, Стрѣтенскихъ, Троицкихъ, Духовскихъ и т. д. Такой способъ производства фамильныхъ прозваній несравненно болѣе приличествуетъ православному великорусскому духовенству, нежели указанный нами выше способъ производства отъ именъ, не соотвѣтствующихъ вовсе духовному сану. Этотъ послѣдній способъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, что среди нашего духовенства—вопреки обычаю стариннаго русскаго дворянства и русскаго простонародья вообще—не повелось давать такія прозванія исключительно по личнымъ прозвищамъ отцовъ, а также мало встрѣчается прозваній по отчествамъ. Оттого среди нашего духовенства не встрѣчается почти ни Долгоноговыхъ, ни Курицыныхъ, ни Ласточкиныхъ и тому подобныхъ фамильныхъ прозваній. Нѣкоторыя изъ своеобразныхъ фамилій, присвоенныхъ лицамъ духовнаго званія, посредствомъ государственной службы ихъ представителей, перешли и въ среду русскаго дворянства.

Въ Малороссіи православное духовенство составлялось, какъ и католическое въ Польшѣ, почти исключительно изъ шляхты, слѣдовательно, изъ такихъ лицъ, которыя имѣли уже какое-либо родовое прозваніе. Великорусское же духовенство такихъ прозваній не имѣло, и потому являвшіеся среди его архипастыри и начальствующія лица изъ уроженцевъ Малороссіи хотѣли пополнить этотъ слишкомъ замѣтный для нихъ недостатокъ. Прозваніе духовныхъ только по отчествамъ и по позаимствованію фа-

милій отъ церквей и праздниковъ представляло, по ихъ привычкѣ, слишкомъ большое однообразіе и порождало бы сбивчивость, а потому, съ одной стороны, подъ вліяніемъ представителей епархіальной, а иногда только и семинарской власти, а съ другой— подъ вліяніемъ классицизма, и возникли тѣ замысловатыя для русскаго человѣка прозванія, о которыхъ мы упоминали выше.

Сами іерархи изъ малороссовъ, какъ шляхтичи, придавали извѣстную важность фамильнымъ прозваніямъ, отъ которыхъ они, по примѣру католическаго духовенства, не отрекались и по вступленіи въ монашество. Въ подражаніе имъ, такой обычай началъ было установляться и среди великорусскаго монашества, такъ какъ представители его на ряду съ именемъ, нареченнымъ при постриженіи, стали выставлять и свое родовое прозваніе, въ такомъ, впрочемъ, только случаѣ, если оно было дворянское, какъ, напримѣръ, Георгій Дашковъ. Церковное правительство, съ своей стороны, не признавало такой занесенной изъ-чужа новизны правильною, и она, просуществовавъ не долго, вывелась изъ употребленія, тѣмъ болѣе, что дворянъ вступало въ монашество очень не много. Въ настоящее время при одноименности іерарховъ прибавляется и семинарская ихъ фамилія, напримѣръ: Филаретъ Амфитеатровъ и Филаретъ Гумилевскій, но это прибавка только частная, а не допускаемая церковнымъ управленіемъ.

Что касается еврейскихъ прозвищъ, то до присоединенія къ Россіи областей, подвластныхъ прежде Польшѣ, такія прозвища не могли имѣть никакого общаго значенія, а прозвища попадавшихся случайно въ Московскую Русь евреевъ передѣлывали на русскій ладъ, напримѣръ: Яковлевъ, Марковъ. Въ исходѣ XVII столѣтія, еще до Петра Великаго, въ число переводчиковъ посольскаго приказа попали двое выкрещенныхъ евреевъ, одинъ подъ фамиліею Веселовскій, а другой—подъ фамиліею Шафировъ, собственно Шапиро, что означаетъ камень сапфиръ. Вообще же евреи во всей Европѣ не имѣли сперва родовыхъ прозваній по тѣмъ причинамъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Для означенія же родства въ нисходящей и восходящей линіяхъ они употребляли древне-еврейское слово «бенъ», означающее сынъ и соотвѣтствовавшее русскому отчеству. При замѣнѣ же въ обиходной жизни древне-еврейскаго языка исковерканнымъ нѣмецкимъ жаргономъ слово «бенъ» стало замѣняться окончаніемъ «зонъ» или «сонъ». Отсюда такое множество фамильныхъ прозваній, кончающихся на «сонъ», что такія

прозванія считаются признакомъ еврейскаго происхожденія, хотя это и не безусловно вѣрно, потому что съ такимъ окончаніемъ существуютъ, между прочимъ, и шведскія, и нѣмецкія фамиліи. Есть также коренныя еврейскія фамиліи, которыя ближайшимъ образомъ совпадаютъ съ самыми употребительными нѣмецкими фамиліями. Напримѣръ, нѣмецкая фамилія Мейеръ, происходящая отъ латинскаго слова «major»—старшій, смѣшивается очень часто съ еврейскою фамиліею Мееръ, что значитъ пророкъ. На западѣ Европы принятіе евреями родовыхъ, а не однихъ только употреблявшихся ими издавна личныхъ прозваній, сдѣлалъ обязательнымъ римско-нѣмецкій императоръ Іосифъ II. Онъ приказалъ, чтобы каждый живущій въ его владѣніяхъ еврей присвоилъ себѣ какое-либо прозвище, которое потомъ и переходило бы наслѣдственно на все потомство первопринявшаго извѣстное прозвище. Исполненіе этого указа было возложено на полицейскія власти, которыя и воспользовались такимъ распоряженіемъ, чтобы поживиться на счетъ евреевъ. Громкія и пріятныя для евреевъ имена, какъ Рубинштейнъ, Пургольдъ, Розенталь и т. п., полиція стала давать богатымъ евреямъ при полученіи съ нихъ значительной подачки. Уплатившіе полиціи только умѣренно получали прозванія отъ именъ географическихъ: Винеръ, Лембергеръ, Кашауеръ и т. д.; тѣмъ евреямъ, которые не могли достаточно ублаготворить полицію, давались имена болѣе простыя, какъ-то: Фуксъ, Гунъ, Эссигъ, и, наконецъ, тѣ изъ нихъ, которые были не въ ладахъ съ полиціею, получили, какъ бы въ отместку съ ея стороны, грубыя и даже ругательныя прозванія: Эзелькопфъ, Лауффрессеръ и даже Швейнсонъ.

Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ евреи не были принуждаемы принимать родовыя прозванія по назначенію этихъ послѣднихъ со стороны полиціи, они преимущественно заимствовали ихъ отъ собственныхъ личныхъ именъ и названій разныхъ нравившихся имъ предметовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія первоначально только личныя прозвища обращались постепенно въ родовыя.

Первое распоряженіе объ обязательномъ принятіи прозваній евреями, поступившими въ подданство Россіи, и о передачѣ этихъ прозваній потомству состоялось еще при Екатеринѣ II, при присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи. Но постановленіе это не приводилось въ исполненіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія метрическихъ записей о рождающихся, да и самъ еврей, по разнымъ своимъ соображеніямъ, очень часто мѣнялъ по нѣс-

колько разъ принятое имъ однажды прозваніе, такъ что разобраться въ этой путаницѣ было не только трудно, но, пожалуй, и невозможно. Въ настоящее время живущіе въ Россіи некрещенные евреи присвоиваютъ себѣ самыя разнообразныя фамиліи, такъ что ихъ трудно по этому признаку отличить не только отъ нѣмцевъ, поляковъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ, но и коренныхъ великоруссовъ, напримѣръ, есть и выкрещенные и некрещенные евреи: Ильины, Прохоровы, Елисѣевы и т. д. Въ одномъ уголовномъ процессѣ, происходившемъ въ Волынской губ., въ числѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей были евреи: Пружанинъ, Воловъ и Соскинъ, которыхъ можно было принять за русскихъ, если бы на ряду съ этими прозваніями не стояли исключительно еврейскія собственныя имена: Сруль, Хаимъ и Мошка.

Въ прежнее время евреи мѣняли свои фамиліи при обращеніи въ христіанство. Такъ какъ поводомъ къ этому бывало очень часто желаніе избѣгнуть предстоящаго за какое-либо преступленіе наказанія или уменьшить его мѣру, или же подъ новымъ христіанскимъ именемъ и новою фамиліею укрыться отъ преслѣдованія полицейской или судебной власти, то таковая перемѣна въ настоящее время воспрещается закономъ, и евреи, принявшіе православіе, обязаны удерживать тѣ фамильныя прозванія, которыя они носили до крещенія.

Хотя вообще перемѣна фамиліи или присвоеніе чужой у насъ не допускается, но есть случаи, въ которыхъ за это не полагается никакой отвѣтственности. Подъ произвольной фамиліей, хотя бы и съ какимъ-нибудь почетнымъ титуломъ, званіемъ и чиномъ, на самомъ дѣлѣ не принадлежащими, дозволяется являться въ печати, въ области ученой или литературной дѣятельности. Такъ, у насъ законъ не препятствуетъ присвоивать сочинителю какой угодно ему такъ называемый «псевдонимъ» или, собственно, ложное имя, то поэтому, напримѣръ, у насъ существуетъ графъ Жасминовъ. Такой порядокъ относительно писателей и издателей допускается законодательствами всѣхъ странъ, гдѣ существуетъ печать.

Замѣна собственной фамиліи другою, произвольно взятой, допускается также повсемѣстно, а, между прочимъ, и у насъ при появленіи кого-либо на театральной сценѣ. У насъ такой починъ сдѣлала Императрица Екатерина II, давшая знаменитому въ ея время русскому актеру Нарыкову фамилію Дмитревскій, по сходству его съ однимъ извѣстнымъ ей польскимъ графомъ, носившимъ такую

фамилію. Впослѣдствіи подобныя перемѣны сдѣлались у насъ очень обыкновенны. Такъ, фамилія одной извѣстной въ свое время русской актрисы Лѣсогоровой была замѣнена переводомъ этой фамиліи на нѣмецкій языкъ—Вальдбергъ. Въ тридцатыхъ годахъ одинъ изъ пѣвцовъ русской оперы—французъ Шарпантье являлся на сценѣ подъ фамиліею Леонова, а актеръ Дальмосъ, коренной французъ, явился на русской сценѣ подъ фамиліею Прохорова. Въ настоящее время такихъ превращеній на сценѣ чрезвычайно много. Скажемъ кстати, что повсюду въ театральномъ мірѣ, а также и въ Россіи, бываетъ всего чаще замѣна пѣвцами и пѣвицами ихъ неитальянскихъ фамилій итальянскими. Такъ, ходила молва, что извѣстная нѣкогда въ Петербургѣ пѣвица Фіоретти, въ дѣйствительности Цвѣткова, приняла свою фамилію отъ слова «fiore», что означаетъ цвѣтокъ, и будто фамилія французскаго актера Дьедоне, пользовавшагося недавно въ Петербургѣ большимъ расположеніемъ публики, была переводъ русской фамиліи—Богдановъ.

Е. Карновичъ.

ЛЮДИ СТАРАГО ПОВЕДЕНІЯ *).

Семья Кремлевыхъ.

I.

— Сергѣй Андреичъ! Батюшка! Да никакъ это вы?... Скажите, пожалуйста, какая пріятная неожиданность: въ столицѣ, среди столь многошумнаго населенія и вдругъ встрѣтить пріятнаго стараго знакомца! Вотъ, говорите послѣ этого противъ симпатическаго влеченія душъ! Нѣтъ-съ, знаете, свой своему поневолѣ другъ, свой своего на днѣ моря сыщетъ!

Всю эту длинную тираду какъ-то восторженно, залпомъ, начавъ еще за десять шаговъ отъ Русанова и кончивъ ее, уже сжимая ему обѣими пухлыми руками и ладонь, и рукавъ, и даже локоть, проговорилъ Уваръ Капитонычъ Кремлевъ, помѣщикъ В—ской губерніи. Онъ поймалъ Русанова безцѣльно шагавшимъ вдоль набережной у храма Спасителя.

Русановъ, пораженный столь неожиданнымъ потокомъ словъ и дружескихъ изліяній, не имѣлъ даже возможности улучить секунду, чтобы ввернуть и съ своей стороны словечко, и только добродушно улыбаясь смотрѣлъ на знакомую фигуру давно уже, однако, забытаго имъ старика, Кремлева. Впрочемъ, его всегда можно было вспомнить моментально, тѣмъ болѣе, что его привычка—при разговорѣ подносить свое широкое, розовое и одутловатое лицо съ маленькимъ носомъ и нечесаной сѣдой бородой прямо къ лицу собѣсѣдника — еще болѣе усилилась вмѣстѣ съ усиленіемъ близорукости. Передъ Русановымъ, лишь только ощу-

*) *Русская Мысль*. кн. V.

тилъ онъ близость этого пышащаго жаромъ и пòтомъ лица, этотъ особый, «сытный» запахъ, выходившій изо рта Кремлева, внезапно исчезла площадь храма Спасителя съ ея вычурной панорамой Москвы,—и воображеніе моментально перенесло его на ржаныя и яровыя поля одного изъ глухихъ великороссійскихъ уѣздовъ, на лѣсную опушку, рдѣвшую свѣжей зеленью подъ мягкимъ блескомъ заходящаго солнца, ласково пригрѣвавшаго классическую группу старо-деревенскаго режима. На привольно раскинувшейся зеленой полянѣ, подъ тѣнью молоденькаго, душистаго березняка изволило кушать чай многочисленное семейство господъ Кремлевыхъ, въ виду полей, на которыхъ шла спѣшная уборка хлѣбовъ. И кого-кого не считало въ своихъ нѣдрахъ семейство Кремлевыхъ, сдѣлавшееся по своей многочисленности притчей въ языцѣхъ среди мѣстныхъ дворянъ и крестьянъ: тутъ были кадеты и гимназисты, студенты различныхъ факультетовъ и невѣсты различныхъ возрастовъ и различныхъ воззрѣній на «идеалъ», и даже тѣ созданія средняго рода, для которыхъ существовалъ пока одинъ «идеалъ», — это пухлая, тяжелая на подъемъ, вѣчно ходящая, какъ въ колоколѣ, въ накрахмаленной блузѣ, «мама». И среди этой «благословенной семейки» въ полномъ смыслѣ слова «млѣлъ» чадолюбивый Уваръ Капитонычъ, считавшій счастливѣйшимъ временемъ своей жизни тотъ каникулярный періодъ, когда всѣ его разнообразныя чада стекались подъ семейный кровъ, «къ очагу», всѣ «сливались въ одну душу», «одной душой жили». «А это великое дѣло-съ!... Каждый бодрѣе себя чувствуетъ въ жизни!.. Великое дѣло—какъ вы ни говорите!—обыкновенно увѣрялъ Уваръ Капитонычъ, горячо протестуя противъ «насмѣшниковъ».—Это глупцы только видятъ въ большой семьѣ отягощеніе, что будто она обезсиливаетъ... Вздоръ-съ! Она именно каждому члену силу придаетъ, энергію, бодрость... Чувствуетъ, что не одинъ онъ, всегда у него уголъ есть... Это ужь наше, народное, и никто этого у насъ не отниметъ... Посмотрите-ка на мужиковъ: вѣдь, это ихъ идеалъ-съ!» и т. д. въ такомъ родѣ очень горячо любилъ разсуждать Уваръ Капитонычъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого чадолюбія проистекало и пристрастіе Кремлева ко всякой молодежи. Достаточно было назваться товарищемъ кого-либо изъ его сыновей, чтобы, безъ дальнѣйшихъ церемоній, стать самымъ близкимъ человѣкомъ Увара Капитоныча. Въ такомъ именно родѣ познакомился съ нимъ и Русановъ, учившійся вмѣстѣ съ однимъ

изъ его среднихъ сыновей. Мало этого, свое пристрастіе къ молодежи и право быть среди нея Уваръ Капитонычъ умѣлъ, и имѣлъ основаніе, поддерживать и укрѣплять кое-чѣмъ. Нерѣдко онъ, въ минуту откровенности (хотя это знали не только его дѣти, но и всѣ въ уѣздѣ), говорилъ на ухо кому-нибудь «по старше»: «Э, батюшка, мы сами были молоды...» И молодежь любила Увара Капитоныча.

И вотъ этотъ самый Уваръ Капитонычъ Кремлевъ теперь оживленно топтался передъ Русановымъ на своихъ коротенькихъ, выгнутыхъ дугой ногахъ, раскланиваясь всѣмъ туловищемъ, захлебываясь, улыбаясь и, какъ иноходецъ, быстро двигая своимъ широкимъ задомъ. Онъ былъ теперь, очевидно, одѣтъ по столичному, въ сѣрое пальто, изъ котораго такъ и лѣзли вонъ его коренастые члены; на сѣдой головѣ торчала у него новенькая шапка, съ пуговкой на маковицѣ.

И Русанову была пріятна, чрезвычайно пріятна эта встрѣча теперь, и онъ продолжалъ улыбаться, уже не покушаясь прерывать словоохотливаго старика.

— И не навѣститъ! А? — продолжалъ выкрикивать старикъ.—Мы уже здѣсь вотъ съ недѣлю... А вы давно ли?

— Да уже лѣтъ пять...

— Пять лѣтъ! И ни у кого изъ нашихъ не были?

— Да развѣ они здѣсь? Я зналъ только про одного Модеста Уварыча...

— Что Модестъ Уварычъ!... Помилуйте!... Всѣ здѣсь, всѣ, вотъ уже три года: Аполлонъ, Модестъ, Савва, Вуколъ и даже Анна...

Русановъ невольно сконфузился и покраснѣлъ.

— Право, я не могъ знать... Они сами...

— Ай, ай, ай!—жалобно закачалъ головой старикъ.—И это свои люди!... А?... Да, помилуйте, помилуйте... Впрочемъ, что дивить: ужь ежели близкіе, кровные, — заговорилъ было Кремлевъ съ сердечной грустью, но вдругъ повернулъ Русанова за рукавъ назадъ и прямо поставилъ его передъ высокимъ, румянымъ, полнощекимъ юношей, съ большими, умными темными глазами и темными кудрями, выбивавшимися изъ-подъ шапо-кляка.

— Рекомендую: мой сынъ, Ко̀нрадъ... То-есть собственно Кондратій... Но ужь мы съ женой и всѣ такъ привыкли: Ко̀нрадъ... Это ужь послѣдній, «послѣдышекъ»... Хе, хе! Но за то-съ... (и Кремлевъ приналъ губами къ уху Русанова) за то-съ

не тѣмъ чета-съ,—о-о какой!... Помните, Конрадъ Валенродъ?... Хе, хе, хе!... Вотъ, въ университетъ пріѣхалъ... Только что аттестованъ созрѣвшимъ. Классикъ!... Ну... энтого... того... Что бишь я?... Да! Теперь, батюшка, къ намъ!... Нѣтъ ужь, теперь не отпущу. Прямо къ завтраку... Вы свободны?

— Да, свободенъ теперь...

— Вы какъ же... т.-е. откуда и куда?...

— Я даю уроки, такъ, частнымъ образомъ... въ одномъ частномъ училищѣ... Былъ сейчасъ на пріемныхъ... Классовъ еще нѣтъ.

— А! Прекрасно, прекрасно... Вы что же? Почувствовали особое расположеніе, такъ сказать, призваніе къ этой профессіи?— все, попрежнему, заискивающе улыбаясь, спрашивалъ старикъ.

— Да... т.-е. какъ вамъ сказать?—замялся Русановъ и опять покраснѣлъ, и разсердился на себя за то, что покраснѣлъ. Но Кремлевъ и не думалъ настаивать на отвѣтѣ.

— Ну, идемте... Мы живемъ на Никитской... Зашелъ вотъ полюбопытствовать... на это... энтого... того... византійское изящество и величіе,—показалъ онъ на храмъ Спасителя.—Признаюсь, изумительно!... И больше ничего сказать не могу... Изумительно!... А ваше обиталище?

— Я тоже на Никитской...

— Скажите на милость!... Явный Промыселъ!... А, между тѣмъ, въ три года, свои люди, рядомъ живутъ—и не видались даже!... Ахъ, господа, господа!... Впрочемъ, что же дивить?— сказалъ старикъ, уже сходя съ площади и направляясь къ Моховой вмѣстѣ съ Русановымъ и Конрадомъ. Старикъ не договорилъ и они нѣсколько времени шли молча, такъ какъ Уваръ Капитонычъ постоянно заглядывалъ въ окна магазиновъ, поднося носъ къ самымъ стекламъ.

II.

Улица была очень оживлена. Стояла та осенняя перемежающаяся погода, когда солнце словно заигрываетъ съ людьми: то оно спрячется совсѣмъ за цѣлую гряду хмурыхъ облаковъ, которыя начнутъ сѣять словно сквозь сито, дождь цѣлые часы; то внезапно свѣжій вѣтеръ все это сдуетъ съ неба, — и солнце опять весело, радостно сіяетъ на прозрачномъ горизонтѣ, обливая улицы мягкимъ и все еще горячимъ свѣтомъ, сверкая на ярко-зеленыхъ, облитыхъ дождемъ

крышахъ, на глянцевитыхъ камняхъ мостовыхъ и на разрумяненыхъ лицахъ тоже внезапно оживившихся пѣшеходовъ. Теперь именно такъ весела была какъ-будто «умытая» улица, по которой шли Кремлевы и Русановъ.

Пока старикъ Кремлевъ заглядывалъ въ стекла магазиновъ, Русановъ продолжалъ идти рука объ руку съ Конрадомъ. (Русановъ такъ много видѣлъ вблизи себя юныхъ существъ, такъ часто приходилось ему имѣть дѣло съ ихъ нѣжной, непосредственной натурой, что не говоря еще съ Конрадомъ ни слова, по однимъ взглядамъ, по жестамъ, по пріемамъ, по походкѣ, въ особенности по неуловимой робости, скрытой подъ видимымъ желаніемъ казаться развязнѣе и старше, робости, соединенной съ уваженіемъ, — Русановъ уже догадывался, каковъ долженъ быть этотъ юноша, и онъ заговорилъ съ нимъ тотчасъ же, безъ принужденія, свободно; лишь только отецъ отсталъ позади).

— Вы въ университетъ или въ какое-нибудь спеціальное высшее заведеніе?—спросилъ Русановъ.

— Да, я лично предпочелъ бы университетъ,—отвѣчалъ юноша, дѣлая лишній шагъ, чтобы поравняться съ Русановымъ.—Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ того, что скажутъ мнѣ здѣсь... братья или вообще тѣ... мнѣніемъ которыхъ я дорожу,—выговорилъ Конрадъ.

— Почему же вы уважаете именно мнѣніе братьевъ?—быстро спросилъ Русановъ, какъ-будто этотъ вопросъ лично касался его, и взглянулъ въ открытое, прямое, нѣсколько даже излишне-серьезное лицо юноши.

— Потому что я привыкъ ихъ уважать. Они лучшіе люди изъ всѣхъ, кого я встрѣчалъ... Прежде я получалъ отъ нихъ часто письма, хотя въ послѣднее время я рѣдко ихъ видѣлъ... Притомъ, если бы не они, то...

Юноша не договорилъ, какъ будто боясь для перваго знакомства высказывать слишкомъ грубыя и рѣзкія вещи.

— А товарищи у васъ здѣсь есть?—спросилъ Русановъ.

— Товарищи есть, но друзей нѣтъ... Я жилъ въ губернскомъ городѣ у класснаго наставника, какъ въ пансіонѣ или бурсѣ... и жилъ больше замкнуто... Мнѣ не нравилась эта жизнь... Я считалъ это время ученія очень тяжелымъ для себя, обязанностью во что бы ни стало получить аттестатъ зрѣлости... Любилъ я только одного отца и нашу усадьбу... Это было лучшее время, когда я пріѣзжалъ домой.

Юноша говорилъ такъ просто, что Русановъ сразу полюбилъ его и тотчасъ, по привычкѣ, невольно подчинился тому влеченію «сблизиться» съ юношей, которое охватывало его постоянно, когда онъ встрѣчался съ тѣмъ, что онъ называлъ «натурой».

— Если у васъ нѣтъ здѣсь друзей,—сказалъ онъ съ искренней сердечностью,—вы, пожалуйста, приходите ко мнѣ... къ намъ... Надѣюсь, сообща мы ихъ сыщемъ... Вы тамъ встрѣтите коекого изъ сверстниковъ... У насъ раньше было много...—заикнулся было Русановъ, но остановился, и легкая тѣнь горечи и скорби прошла по его лицу. Онъ какъ будто даже испугался своего приглашенія. «Зачѣмъ еще?» подумалъ было онъ. Но, взглянувъ на юношу, повидимому, успокоился и спросилъ:

— Я—Русановъ. Вы меня не знаете?

— Нѣтъ, знаю. Я васъ видѣлъ одинъ разъ у насъ въ деревнѣ. Я былъ еще очень малъ, но запомнилъ, потому что братья мнѣ не разъ послѣ писали и говорили о васъ... Вѣдь, вы, кажется, отказались отъ своего имѣнія?—спросилъ юноша совершенно ровнымъ и, попрежнему, наивно-серьезнымъ тономъ.

Русановъ невольно сконфузился при этомъ неожиданномъ вопросѣ юноши и улыбнулся той наивной серьезности, съ которою онъ былъ заданъ. Не отвѣчая, Русановъ протянулъ быстро юношѣ руку и сказалъ:

— Пожалуйста, непремѣнно приходите... Я вамъ запишу адресъ мой.

— Я буду очень радъ,—сказалъ Конрадъ, въ свою очередь, крѣпко сжимая руку Русанова; и по этому пожатію, и по смущенному выраженію довольнаго лица, Русановъ понялъ, что этотъ юноша дѣйствительно его уважаетъ, и ему было пріятно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ опять почувствовалъ робкое смущеніе и безотчетный страхъ,— чувство, котораго прежде, въ недавніе годы, онъ почти не испытывалъ; и въ особенности смущалъ его и заставлялъ робѣть этотъ прямой, искренній, но упорный взглядъ юноши, — признакъ глубоко-честной и впечатлительной натуры, для которой имѣетъ вѣсъ самое ничтожное слово.

— Подождите! Задохся! — закричалъ увлекшимся бесѣдой спутникамъ старикъ Кремлевъ, въ перевалку, быстро сѣменя ногами, старавшійся ихъ догнать.—Фу, батюшки!... Ну, и бѣгаете же вы здѣсь!... Виноватъ! Извините!... А я вотъ кое къ чему присматривался... Такъ, къ тряпкамъ... дочь и жена просили... Да! Такъ на чемъ это я остановился?—спросилъ старикъ,

усиленно почесывая за ушами.—Такъ вы говорите, что видали одного Модеста?

— Да, я къ нему заходилъ.

— Ну, Модестъ, это—особа!... Персона!...

— Да; сколько мнѣ приходилось слышать, онъ пользуется въ Москвѣ большой извѣстностью въ ученомъ мірѣ... Онъ составилъ себѣ реноме...

— Вотъ, вотъ... Именно реноме... Модестъ, это—персона!... Признаться вамъ сказать, даже я его нѣсколько смущаюсь... т.-е. эдакой недоступности, которая вокругъ него... Впрочемъ, вы не подумайте, что это что-нибудь такое... врожденное... Боже упаси! У насъ этого въ роду нѣтъ... Онъ милый, добрѣйшій... Только какъ будто напустилъ на себя... Вотъ именно: я за всѣми ими замѣчаю, что какъ будто всѣ наши Кремлевы напустили на себя... И знаете что?... Я могу говорить съ вами откровенно... Вѣдь, вы намъ были близки... И зачѣмъ скрываться отъ своихъ?... Это—грѣхъ противъ природы человѣческой!—говорилъ старикъ; въ то же время, понизивъ голосъ и взявъ подъ руку Русанова, онъ нѣсколько отвелъ его отъ Конрада.—Я съ вами могу быть откровеннымъ,—продолжалъ онъ, —(Конраду не надо еще всего знать... Онъ такой... восиріимчивый...). Знаете, я, признаться, ихъ не понимаю, всѣхъ васъ, господа, не понимаю... Вѣдь, я ихъ, своихъ-то, самъ едва разыскалъ по Москвѣ... Адресовъ даже не знаютъ другъ друга... Въ адресный столъ ѣздилъ... Да-съ, самъ въ адресный столъ ѣздилъ... Какъ-то немножко неловко было справляться о дѣтяхъ, о братьяхъ,—съ грустью прибавилъ старикъ.—Впрочемъ, все уладилось... Вѣдь, тутъ никакой ссоры или чего-нибудь такого... Я, признаться, побаивался: не вышло ли чего... Напротивъ, всѣ, какъ и были, вы знаете, прекрасные, достойные люди... Всѣ другъ друга любятъ, говорятъ съ уваженіемъ... Я очень радъ... Такъ вы говорите—были у Модеста?

— Да, былъ раза два-три... Но, къ сожалѣнію, не могъ добиться съ нимъ свиданія, хотя оставлялъ мою карточку... Онъ не счелъ нужнымъ заѣхать и ко мнѣ, — отвѣчалъ Русановъ съ непріятнымъ чувствомъ досады въ душѣ.

— Ахъ, господа, господа! — покачалъ опять сокрушенно головой старикъ. — Впрочемъ, я, какъ отецъ, смѣю васъ завѣрить, что съ его стороны не можетъ быть ничего преднамѣреннаго въ отношеніи васъ... Это — достойный человѣкъ, и та-

кой же добрый и милый, какимъ вы изволили знать его раньше... Вы, пожалуйста, не сердитесь... Повѣрьте мнѣ, какъ отцу...

— Да я и не сержусь, Уваръ Капитонычъ,—улыбаясь, сказалъ Русановъ.

— И прекрасно-съ... Въ жизни много недоразумѣній бываетъ. Къ сожалѣнію, люди такъ склонны относиться къ нимъ слишкомъ ревниво... И даже люди, одинаковые по духу, часто расходятся изъ совершенно непонятныхъ и фальшивыхъ поводовъ... Ну, да я радъ, очень радъ... Я чувствую, что я васъ всѣхъ опять сведу, что я всѣ эти недоразумѣнія разсѣю однимъ дуновеніемъ... Хе, хе, хе!... Во мнѣ, знаете, есть эта способность—округлять вокругъ себя жизнь... Это у всякаго отца, который любитъ семейный очагъ. Я очень радъ...

— Это было бы прекрасно, Уваръ Капитонычъ,—замѣтилъ Русановъ.—Боюсь только, что у современнаго человѣка недоразумѣнія слишкомъ сложны и что эта болѣзнь серьезна...

— А зачѣмъ вы ее преувеличиваете?... Въ этомъ-то вся и суть, что вы преувеличиваете пустяки... Пустое, пустое!... Такіе хорошіе все люди, а, между тѣмъ... Былъ и у Вукола-съ... Тоже достойнѣйшій вышелъ человѣкъ... Только, знаете, этотъ сталъ какъ-то ужь даже не отъ міра сего... И жена у него—прекрасная, достойная женщина... Живутъ они скромно (не такъ, какъ Модестъ; у этого палаты-съ: ковры, бронза), но также съ достоинствомъ... Ихъ всего двое—мужъ и жена... Комнатки маленькія, но убраны... какъ бы вамъ сказать?... съ аскетической изящностью... Это—пуритане, русскіе пуритане! Новый типъ... Теперь онъ занимается въ архивѣ духовныхъ дѣлъ...

— А гдѣ же Савва?—спросилъ Русановъ съ особымъ любопытствомъ, такъ какъ именно товарищемъ его былъ Савва, третій сынъ Увара Капитоныча, котораго онъ какъ-то уже много лѣтъ потерялъ изъ вида.

— Саввушка?—вскрикнулъ старикъ и даже руками всплеснулъ. —Да, вѣдь, мы же къ нему и идемъ!... Ахъ, Господи, Господи!... Я у него остановился... Я люблю-съ... попроще онъ, какъ-то знакомѣе намъ... Израильская жизнь, какъ говорятъ мужички... Саввушка такой у меня добрый, милый... Женушка у него...

— Развѣ онъ женатъ?

— Какже-съ, какже-съ!... Вполнѣ израильская жизнь... Онъ полюбилъ простую, скромную дѣвушку... Теперь около нихъ—

царство небесное, ей-Богу-съ: пятеро малютокъ, мамки, няньки— шумъ, гамъ, столпотвореніе!... Умиленіе, сударь мой!... А *они*, представьте, стыдятся... Хе, хе, хе!... Самихъ себя стыдятся, что у нихъ такая благодать... И никому не показываются, забились въ уголокъ ото всѣхъ... Савва, кромѣ своей банковой конторы, ни къ кому ни ногой!... Стыдятся, царства небеснаго стыдятся! А?...

— Такъ вотъ онъ какъ, Савушка-то?—невольно воскликнулъ Русановъ, улыбаясь и чувствуя въ глубинѣ души приливъ самой сердечной веселости.

Всякій разъ, когда Русановъ вспоминалъ о Саввѣ, онъ не могъ иначе вообразить его, какъ въ самый критическій моментъ его жизни, когда онъ уже былъ на третьемъ курсѣ. Савва былъ веселый, добрый малый, не особенно бойкій и прилежный студентъ, но за то самый прилежный посѣтитель всякаго рода вечеринокъ. Однажды, передъ самымъ экзаменомъ, когда Русановъ съ Саввой только что поусерднѣе засѣли за книги (они въ это время жили вмѣстѣ), въ комнату вошла молоденькая дѣвушка, въ черной шапочкѣ на бекрень, съ волнистыми подстриженными русыми кудрями, бойкимъ взглядомъ веселыхъ глазъ и розовымъ пухлымъ личикомъ. Не обращая вниманія на смущеніе Саввы, дѣвушка (фельдшерица, какъ оказалось), надувъ губки и сердито сверкая глазами, сказала: «Кремлевъ! вы, наконецъ, покончили съ своимъ малодушіемъ?... Я васъ жду...» Савва, что-то бормоча, схватилъ фуражку и увелъ за собой сердитую дѣвушку. Это было утромъ, а во время обѣда Савва, когда Русанова не было дома, схватилъ свой чемоданчикъ и исчезъ совсѣмъ не только съ квартиры, но и изъ университета. Послѣ Русановъ слышалъ, что они жили гдѣ-то на Волгѣ, въ страшной нуждѣ. Затѣмъ переиспытали всего много.

— Да-съ!... Вотъ онъ, Саввушка-то нашъ! — шутилъ старикъ.—А вы какъ бы думали?... Вы думаете, можно грѣшить противъ духа жизни? Нѣтъ-съ, батюшка! Это такой же великій грѣхъ, какъ и противъ Духа святаго... А вы, чай, тоже стыдитесь? Малютки у васъ есть?

— Да я не женатъ, Уваръ Капитонычъ.

— Напрасно, напрасно-съ... Попомните меня: грѣхъ противъ духа природы не прощается...

— А если измѣнишь Духу святому?—спрашивалъ, все улыбаясь, Русановъ.

— Вотъ у васъ все такъ!—махнулъ сердито рукой Уваръ Капитонычъ. — Поневолѣ такъ будетъ, когда естества будете стыдиться, естествомъ небрежить будете... Поневолѣ-съ, коли по угламъ другъ отъ друга разбѣжитесь, стыда ради... И Духу святому мало послужите!... Мало, мало-съ!... А вотъ мы сейчасъ и дома-съ... Оставимъ все это... Я очень радъ... Вы меня извините, простите старика, если я что-нибудь сказалъ лишнее... я болтливъ съ близкимъ, хорошимъ человѣкомъ... Говорю искренно: я очень, очень радъ!—закончилъ старикъ Кремлевъ у самыхъ воротъ, беря въ обѣ пухлыя руки руку Русанова и встряхивая ее.—Пожалуйте... Милости прошу!—приглашалъ онъ, пропуская Русанова въ калитку, которая вела на широкій дворъ одного только въ Москвѣ сохранившейся старой архитектуры дома, стоявшаго позади двора, со множествомъ полисадниковъ.

III.

По одному изъ многочисленныхъ крылецъ Кремлевъ и Русановъ, поднявшись на нѣсколько ступеней, подходили къ двери квартиры Саввы, изъ-за которой уже былъ слышенъ глухой шумъ голосовъ.

— Слышите, слышите?—улыбаясь, спрашивалъ Уваръ Капитонычъ. — Вотъ откуда даютъ знать... Это у Саввушки... Улей!

А когда позвонили, слышно было, что за дверью внезапно произошелъ между кѣмъ-то разладъ, собственно изъ-за того, кажется, кому удостоиться чести отложить крючокъ.

— Кто тамъ?—спросилъ тоненькій голосокъ.

— Да отворяйте же, плуты... Это я—дѣдушка!—крикнулъ старикъ.

— Дѣдушка! Дѣдушка!—закричали голоса за дверью и захлопали въ ладоши.

Наконецъ, тяжелый крючокъ былъ отложенъ, кажется, не безъ помощи подоспѣвшей няньки, дверь отворилась и цѣлая вереница столпившихся въ передней курточекъ, матросокъ, сарафанчиковъ устремила на вошедшихъ свои бойкіе, свѣтлые глазки.

— Ну, ну, плуты, объ чемъ вы спорили, отчего такъ долго не отворяли дверь?—спрашивалъ, раздѣваясь, старикъ

Кремлевъ, захвативъ изъ кармана пальто коробку конфектъ, которая, главнымъ образомъ, и заинтересовала дѣтей.

— Ну, ну... берите, только, пожалуйста, по-любви, по-милу, по-равненію... Слышите?—говорилъ старикъ, отдавая коробку старшей внучкѣ.

— Дѣти, подите вонъ изъ передней! Что за гадкая привычка выскакивать?... Вы не дадите никому войти,—раздался изъ дальней комнаты хотя рѣзкій, крикливый и строгій женскій голосъ, но именно тотъ, котораго наименѣе боятся и слушаются дѣти.

Когда гости, вслѣдъ за гурьбой дѣтей, вошли въ небольшое зальце, имъ на встрѣчу изъ сосѣдней комнаты вышла молодая бѣлокурая женщина, низенькая, худая, съ ввалившейся грудью, но съ полнымъ, миловиднымъ, румянымъ лицомъ, съ тѣмъ «домашнимъ» выраженіемъ, когда хозяйка дома никого не ожидаетъ встрѣтить изъ постороннихъ. Она уже приготовилась строго наморщить брови и отдуть губы, чтобы сдѣлать выговоръ дѣтямъ, когда увидала сзади старика Кремлева Русанова.

«Да, это *она*!»—чуть было не вскрикнулъ Русановъ.

— Рекомендую,—сказалъ старикъ,—моя невѣстка, Глафира Трифоновна... Сергѣй Андреичъ Русановъ, Глашенька: первѣйшій, старый нашъ другъ съ Саввушкой, премилый, предобрый, свой человѣкъ...

Глашенька вспыхнула и такъ была поражена неожиданностью, что схватилась холодной, поблѣднѣвшей рукой за край стола; ея глаза безпокойно забѣгали и она едва протянула дрожащую руку Русанову, чуть выговоривъ совершенно беззвучно приглашеніе.

— А это все Саввушкины и Глашенькины, мелюзга-то!... Во-о-онъ ихъ сколько!... Посмотрите-ка туда—тамъ еще двое,—говорилъ, смѣясь, старикъ, показывая Русанову въ сосѣдней комнатѣ кормилицу съ дѣтьми. — Царство-то небесное, не правда ли?.. А?.. А зачѣмъ краснѣть, Глашенька, краснѣть зачѣмъ?—потрепалъ онъ по щекѣ невѣстку.—Вишь зарумянилась, какъ піонъ...

Дѣйствительно, Глашенька зардѣлась еще больше, но такъ какъ она все же была теперь не наивная дѣвушка, а мать, то у нея тотчасъ же нашелся случай выйти изъ смущенія, такъ какъ одного изъ членовъ «царства небеснаго» необходимо и неотложно надо было вывести.

Старикъ Кремлевъ тяжело опустился въ широкое, довольно потертое и обсиженное кресло и отъ души хохоталъ.

— Ну, мелюзга, ну, къ дѣдушкѣ на колѣни... Гопъ, гопъ!— кричалъ онъ, разставляя свои кривыя ноги.

Мелюзга бросилась къ нему и облѣпила его, какъ пчелы, съ визгомъ и крикомъ. Одинъ, самый юркій, забрался на верхъ спинки, сѣлъ на нее верхомъ и, постукивая Кремлева ладонью по лысинѣ, кричалъ: «У дѣдушки на головѣ арбузъ, арбузъ!..»

Кремлевъ такъ и заливался смѣхомъ. Смѣялся, хотя добродушно, но какъ-то вынужденно, и Русановъ, рѣшительно не имѣя возможности войти во вкусъ непривычной для него сцены.

Выразивъ сочувствіе удовольствію старика, Русановъ невольно остановилъ вниманіе на обстановкѣ. Квартира Саввы была обычная, средняя квартира для «такъ называемой интеллигенціи», съ небольшой залой и столовой, замѣняющей и гостинную, и съ тремя-четырьмя небольшими комнатками сзади, обыкновенно сплошь обращенными въ спальни, изъ которыхъ одна ходитъ за хозяйскій «кабинетъ»; простенькая, «рыночная», мебель стояла только въ залѣ, въ прочихъ же комнатахъ полагались, для экономіи, табуреты и столы, а стулья, когда нужно, переправлялись изъ комнаты въ комнату. Русановъ замѣтилъ, что хозяйка, очевидно, совсѣмъ оправившись отъ смущенія, хлопотала уже около двухъ сдвинутыхъ въ столовой столовъ, стараясь возможно ровнѣе покрыть ихъ скатертью, которой, оказывалось, на два стола не хватало. Это хозяйку смущало, какъ смущалъ, повидимому, недостатокъ и еще чего-то, объ чемъ она очень серьезно говорила съ прислугой, вынимая изъ стариннаго портмонэ деньги.

— А скоро, Глашенька, придетъ Саввушка?—крикнулъ старикъ.

— Я думаю, скоро, папаша,—отвѣтила изъ столовой невѣстка уже совсѣмъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ.

— А Нюта гдѣ же? Еще не пришла?

— Нѣтъ еще... Но и она скоро придетъ. У нихъ нынче неполный день.

— А Апполонъ гдѣ же?

— Дома; онъ въ кабинетѣ.

— Это тоже мои... Анна и Аполлонъ, — сказалъ старикъ Русанову.—Одно могу сказать про нихъ, что... живутъ пока здѣсь... Оно, конечно, тѣсненько Саввушкѣ и трудненько, но я, все-таки, очень радъ, очень радъ... Анюта занимается въ кон-

торѣ, въ банкирской... Своимъ трудомъ, видите ли... А Аполлонъ... Впрочемъ, увидите сами... Узнаете послѣ...

Скоро явился и Савва. Быстро скидая въ передней пальто и калоши и отбиваясь отъ дѣтей, онъ, въ то же время, въ боязливомъ недоумѣніи силился разсмотрѣть сквозь запотѣвшія золотыя очки и узнать Русанова, сидѣвшаго противъ двери.

— Сергѣй, это ты?—сказалъ Савва, быстро входя въ залу и по дорогѣ положивъ на столъ портфель и новую книгу.

Пріятели, улыбаясь, взглянули другъ на друга, вспыхнули въ невольномъ смущеніи и расцѣловались.

— Какими судьбами? Ты давно здѣсь?

— Пять лѣтъ.

Савва засмѣялся тихимъ, но надтреснувшимъ смѣхомъ, и на его кругломъ, но миловидномъ и симпатичномъ лицѣ, носившемъ на себѣ печать не то физическаго, не то нравственнаго угнетенія, пробѣжала тѣнь легкой грусти, неудовольствія и той тайной, непріязненной раздражительности, въ которой трудно различить, чѣмъ человѣкъ недоволенъ: собой или другими. Глаза его, между тѣмъ, разсѣянно и смущенно бѣгали за стеклами очковъ съ дѣтей на старика, со старика на Русанова и Конрада. Савва весь былъ въ отца: такой же коренастый, средняго роста и на такихъ же изогнутыхъ ногахъ.

И вся фигура его, съ широкимъ задомъ, такая же неуклюже-подвижная, какъ у отца, теперь двигалась отъ смущенія, какъ на шарнерахъ.

— Пять лѣтъ уже? Да-а, не мало,—протянулъ онъ, стоя и задумчиво скручивая папиросу.—Ну, однако, все-таки, какими же судьбами?—спросилъ онъ, вскидывая на Русанова свои бархатныя рѣсницы, придававшія его лицу что-то женственное.

— А-а!... Какими судьбами? Вотъ отгадай-ка, — крикнулъ старикъ Кремлевъ, сіяя удовольствіемъ.

— Папа затащилъ? Вѣрно?

— То-то вотъ и есть! Погодите, я васъ всѣхъ здѣсь со дна моря вытащу, всѣхъ разыщу и всѣхъ сведу.

— Ну-у!—грустно опять замѣтилъ Савва, чуть кивнувъ сомнительно головой.—Впрочемъ, у тебя есть несомнѣнно эти... организаторскія способности.

— Да никакихъ способностей, голубчикъ мой, не требуется! Одно: чадолюбивый отецъ,—смѣясь, замѣтилъ старикъ.

— Старые дворяне мнѣ всегда говорили, что, въ былое время,

никто лучше отца не умѣлъ съорганизовать, сплотить дворянскихъ партій... Онъ считался поэтому силой, его боялись... Не знаю, какъ теперь, въ земствѣ своемъ ты орудуешь...

— Земство! — сердито вскрикнулъ старикъ, вскакивая съ кресла. — Земства нѣтъ, а есть одно проходимство, сборище людей безъ рода, безъ племени... Какое это органическое учрежденіе, когда въ немъ толкутся только или разорившіеся дворяне, червонные валеты какіе-то, или хорошіе люди вродѣ васъ, — извините! — которыхъ, чтобы свести вмѣстѣ, надо со дна моря вытаскивать да веревками другъ къ другу тащить?... А гдѣ въ немъ органическая сила — старое дворянство и мужикъ съ своей семьей, съ женами, дѣтьми, двоюродными и троюродными дядьями и братьями, съ шабрами?... Вотъ!...

— Ну, такого земства, конечно, у насъ нѣтъ, съ женами и дѣтьми, — улыбнулся Савва, — а что касается хорошихъ людей, то, кажется, извѣстно, что были пробы... сплачивались...

— Были «пробы!» — перебилъ нетерпѣливо старикъ. — Вы намъ не «пробы» дайте, не искусственное сплоченіе на какихъ-нибудь тамъ теорійкахъ, а вы намъ органическую силу дайте, которая бы сама изъ себя истекала... Вотъ это сила!... Вотъ, бывало, у насъ на дворянскихъ выборахъ, въ старину, все въ ходъ идетъ: и жены, и дочери, и братья, — всѣ заинтересованы... И у мужиковъ также... Свой интересъ у всѣхъ, да не единичный, не интересъ члена управы, или гласнаго, которому хочется ту или иную идейку провести и осуществить, а интересъ всѣхъ — мужей, женъ, дочерей, сыновей, шабровъ... Вотъ! — разошелся старикъ Кремлевъ, махая руками. — Это я понимаю... Это — земство...

— Но что же ты сдѣлаешь, когда его нѣтъ? — спросилъ тихо Савва.

— Конечно, нѣтъ, — и не будетъ, — запальчиво возразилъ старикъ, — и не будетъ, пока вотъ я буду вынужденъ свою собственную семью разыскивать въ одномъ городѣ.

Савва стыдливо опустилъ свои густыя, бархатныя рѣсницы на глаза и, наклонивъ голову, раздраженно провелъ рукой по лицу.

Старикъ что-то хотѣлъ еще сказать, все еще сверкая глазами изъ-подъ сѣдыхъ бровей, но остановился.

— Вотъ что, голубчикъ мой, — заговорилъ онъ мягко и съ обычной добродушной улыбкой. — Ты вотъ засмѣялся, когда я

сказалъ, что, молъ, земство съ женами и дѣтьми... А это вѣрно!... А ты вотъ стыдишься этого... царства-то небеснаго,—мотнулъ головой старикъ по направленію къ дѣтямъ.

— Когда же я стыдился? — дѣйствительно покраснѣвъ отъ такого неожиданнаго оборота рѣчи, сказалъ Савва.

— И ты стыдишься, и Глашенька стыдится...

— И почему это вы такъ думаете, папаша?—спросила, входя, Глафира Трифоновна, все еще краснѣя и избѣгая взгляда Русанова, хотя уже совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ.— Напротивъ, я думаю, что для насъ... для меня (поторопилась она поправить) въ нихъ уже все въ жизни,—прибавила она, медленно переводя свои большіе каріе глаза съ одного ребенка на другаго съ тою грустною задумчивостью, которая всегда является у матерей, когда касаются будущности ихъ дѣтей.

— Да, напротивъ,—для насъ уже тутъ все, что осталось, въ чемъ еще понимаешь и находишь какой-нибудь смыслъ,— быстро проговорилъ Савва съ глубокимъ вздохомъ, котораго онъ не умѣлъ сдержать. Онъ поднялся и, также избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Русановымъ, сталъ смотрѣть въ окно.

— А-а!—тихо и лукаво засмѣялся старикъ, подмигивая Русанову на сына и невѣстку.—А зачѣмъ вздыхать, если такъ?... Зачѣмъ? Зачѣмъ говорить: «Мы ужь перешли Рубиконъ! Мы ужь отрѣзаны!»?... Почему такъ? По ту сторону, молъ, все великое, славное, а здѣсь—низменное, житейское... А? Такъ?

— А развѣ не такъ?—какъ будто проронилъ чуть слышно Савва, быстро отвертываясь отъ окна и стараясь скрыть лицо, по которому пробѣжала чуть замѣтная судорога.—Что же, Глаша, завтракать?—нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Да, да, пора,—подхватилъ и старикъ.—Ну, оставимъ это... Все это мы устроимъ, выяснимъ,—потрепалъ онъ по плечу Савву.—А теперь я очень радъ, очень радъ... А вотъ и Анна... Рекомендую: моя вторая дочь,—показалъ онъ Русанову на входившую въ залу худую, блѣдную, но съ замѣчательно красивымъ, холоднымъ и суровымъ лицомъ женщину не первой молодости, въ черномъ простомъ платьѣ, въ черной же тюлевой наколкѣ, на головѣ.

Прежде чѣмъ подать руку Русанову, она вопросительно посмотрѣла на отца и брата, какъ будто спрашивая, кому именно ее рекомендуютъ.

— Русановъ... Сергѣй Андреичъ... Помнишь?

Она медленно провела по лицу Русанова холодными, черными, какъ уголь, глазами, протянула ему такую же холодную, сухую руку съ тонкими, маленькими пальцами и, не говоря ни слова, медленно прошла въ столовую, поразивъ Русанова своимъ все еще граціознымъ станомъ.

За нею пошли всѣ.

IV.

Столъ уже былъ готовъ. Глашенька успѣла загнать всѣхъ дѣтей въ дѣтскую.

— Ну, я очень радъ... Милости прошу,—приглашалъ старикъ Русанова сѣсть рядомъ съ собой.—Я очень радъ, что мы всѣ начинаемъ понемногу, по старинному прекрасному обычаю, сходиться за однимъ столомъ... Помнишь, Савва, Анна?... Помните, какъ у меня... ха, ха, ха!... бывало, засядетъ за столъ восемнадцать душъ обоего пола?

— Помню, папа,—отвѣчала дочь гортаннымъ, съ переливами въ горлѣ, голосомъ, еще болѣе усиливавшимъ сухую холодность ея обращенія. — Могу я взять, Глафира Трифоновна, этотъ кусокъ? — спросила она съ лишне-изысканною деликатностью.

— Пожалуйста... Вотъ этотъ лучше... Позвольте, я положу вамъ, — съ лихорадочной предупредительностью отвѣчала Глашенька.

— Не безпокойтесь... Я возьму... Благодарю васъ.

Тщательно поправляя бѣлые рукавчики и методически приготовляясь ѣсть, Анна пристально устремила свои черные, угольные глаза въ тарелку.

— Какъ это хорошимъ людямъ не ѣсть вмѣстѣ, не раздѣлять хлѣба-соли? Это измѣна-съ,—говорилъ, между тѣмъ, старикъ Кремлевъ,—народнымъ началамъ измѣна... Вотъ вы все эти мелочи пустяками считаете... А, вѣдь, на мелочахъ этихъ жизнь держится, да и не ими ли еще она и управляется... Постойте, не пройдетъ трехъ дней, какъ за этимъ столомъ соберется у меня тоже восемнадцать душъ... Не могу, не могу жить безъ этого!... Смысла въ жизни не вижу, господа, какъ хотите, смѣйтесь надъ старикомъ... Я тебѣ, кажется, говорилъ, Саввушка, что и Вуколъ, и Модестъ обѣщали собраться завтра всѣ, здѣсь... Знаешь, вечеркомъ, по-родственному, по-любви... Мнѣ хочется, чтобы у насъ все это шло... въ любви и совѣтѣ. И Конрадъ

также хочетъ этого... чтобы, такъ сказать, сообща намѣтить дальнѣйшіе пути въ его жизни... Да?

— Что-жь? Я очень радъ,—поспѣшилъ отвѣтомъ Савва, все время упорно смотрѣвшій на вилку, которую онъ повертывалъ въ рукахъ.

— А что же Аполлонъ? Гдѣ же Аполлонъ?—вскрикнулъ старикъ.—Отчего онъ не идетъ? Конрадъ, сходи, голубчикъ, за нимъ... И тащи его сюда... этого сепаратиста!

Конрадъ вышелъ и скоро вернулся, сказавъ, что Аполлонъ заявилъ рѣшительно, что не желаетъ ни ѣсть, ни выходить.

Старикъ Кремлевъ осердился и что-то проворчалъ, пошлепавъ отдутыми губами.

— Аполлонъ Уварычъ, папаша, отказывается у насъ настойчиво и отъ завтрака, и отъ закусокъ... А за обѣдомъ ѣстъ одно блюдо... Онъ какъ будто сдерживается ѣсть у насъ,—сказала Глашенька.—Савва и то сердится на него за это...

Старикъ поднялся и пошелъ за Аполлономъ самъ, но скоро вернулся, сѣлъ, ничего не сказалъ и принялся сердито рѣзать кусокъ мяса. Молчали и всѣ Кремлевы и какъ-то особенно настойчиво и усиленно стучали по тарелкамъ ножами и вилками, словно они были на желѣзнодорожной станціи.

Но старикъ Кремлевъ, быстро покончивъ съ кускомъ мяса, откинулся къ спинкѣ стула и уже опять добродушно улыбался.

— Ну, оставимъ Аполлона... Онъ молодъ еще... дурачится... Хе, хе, хе!.. Да, Глашенька?.. Вотъ какъ мы соберемся всѣ... тогда всѣ придутъ... въ царство-то небесное... Такъ, Глашенька?

— Я вамъ вполнѣ сочувствую, папаша, но какъ это сдѣлать?—отвѣчала Глашенька наивнымъ, дѣтскимъ тономъ.

— Да, какъ это сдѣлать? — задумчиво подтвердилъ Савва, постукивая концомъ вилки о край тарелки и смотря на нее, попрежнему, упорнымъ взглядомъ.

— А вотъ какъ... хе, хе, хе!—сказалъ старикъ, весело подмигивая Глашенькѣ.– Ну-ка, дай мнѣ эту бутылку... Я вижу, ты, Савва, совсѣмъ разучился угощать хорошихъ пріятелей.

— Ахъ, да, виноватъ! — сконфузился Савва. — Ты пьешь, Сергѣй?

— Да, иногда... съ своей молодежью... мы не прочь распить бутылочку-другую...

— А еще около тебя все молодежь, попрежнему? — спросилъ Савва, какъ будто нѣсколько съ изумленіемъ даже, и по-

краснѣлъ отъ мысли, зачѣмъ онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ такимъ изумленнымъ голосомъ.

— Да... еще есть... кое-кто... Но уже немного, — краснѣя отчего-то, въ свою очередь, проговорилъ Русановъ.

— А-а! Это прекрасно!—сказалъ старикъ, вооружаясь бутылкой.—Ну-съ, ваши стаканы... А ты, Анна?

— Благодарю, папа, я не выношу...

— Напрасно... Тебѣ это было бы полезно... Ты себя замаешь совсѣмъ... Ну, что, какъ твои банкиры?

— Дѣла нашихъ банкировъ плохи. Каждый день мы получаемъ очень неблагопріятныя извѣстія съ лондонской и берлинской биржи... Я съ ужасомъ думаю, что не нынче—завтра нашей конторѣ неизбѣжный крахъ... Я съ ужасомъ думаю объ этомъ,—проговорила Анна, попрежнему, методично вытирая салфеткой руки.

— Отчего же съ ужасомъ? — спросилъ старикъ. — Что тебѣ Гекуба и что ты Гекубѣ? Хе, хе, хе!...

— Оттого, папа, — сказала Анна и подняла на отца изумленные черные глаза,—оттого, что я принуждена буду остаться только съ работой... на этого профессора... съ однимъ этимъ уродскимъ переводомъ уродливой книги, надъ которой я измучилась... Я не спеціалистка... Оттого, — выразительно добавила она, — что я тогда не ручаюсь за собственное существованіе.

— Анна, зачѣмъ такъ рѣзко выражаться?—замѣтилъ Савва, а губы его задергала въ углахъ судорога, появлявшаяся каждый разъ, когда ему приходилось говорить со своими братьями и сестрами.

— Зачѣмъ?—перенесла Анна на брата свои сверкающіе холоднымъ огнемъ глаза, въ которыхъ загорѣлось раздраженіе.— Затѣмъ, что я не желаю своимъ существованіемъ мѣшать кому бы ни было, какъ хочу, чтобы не мѣшали мнѣ. Я желаю, чтобы въ моей жизни былъ *смыслъ*,—отчетливо подчеркнула она послѣднюю фразу.

— Но ты можешь, наконецъ, опять въ деревню... ко мнѣ... Что-жь банкиры? Господь съ ними! Какъ будто безъ банкировъ нѣтъ ужь и смысла въ жизни?—съ искренней наивностью спросилъ старикъ Кремлевъ.

— Благодарю васъ,—проговорила Анна, тщательно отряхая съ колѣнъ крошки хлѣба, и встала.

— Ты куда же?—крикнулъ старикъ.

— Я къ себѣ... Виновата!... Мнѣ нужно отдохнуть.

— Хе, хе, хе! — неестественно засмѣялся старикъ. — Что за народъ нынче!... Вотъ и обидѣлась!.. Чирьи!... Извините... Ей-богу, чирьи... Самые наболѣвшіе, зеленые чирьи... Прошу извинить за сравненіе, — смѣялся старикъ,—но не съумѣю подобрать лучше... Вотъ и Аполлонъ... Конечно, онъ несчастливъ,—печально проговорилъ старикъ, сдвигая сѣдыя брови и замолкая на нѣсколько секундъ.—Да, большое несчастіе, и ему должно простить... Но, все-таки... зачѣмъ такъ?.. «Я, говоритъ, инвалидъ (это въ двадцать-то пять лѣтъ!). Мы, говоритъ, только въ тягость... Это не прежде... Теперь у *нихъ* у всѣхъ свои дѣла, свои интересы... Гдѣ ужь намъ *ихъ* стѣснять?... Это, говоритъ, даже совсѣмъ подло... Саввушкѣ едва свою семью прокормить, а ужь гдѣ ему объ насъ, инвалидахъ, заботиться!..» Вѣдь, вотъ какъ говорятъ,—прибавилъ старикъ.—Ну, не великое ли это несчастіе, если человѣкъ, уже въ молодыхъ лѣтахъ, доведенъ до того, что поворачивается языкъ выговаривать такія рѣчи?... Ахъ, какое несчастіе!—говорилъ старикъ, сокрушенно покачивая головой.

А Савва все сидѣлъ, опустивъ внизъ свои пушистыя рѣсницы, и нервно игралъ часовымъ ключемъ, между тѣмъ какъ судорожныя подергиванія въ углахъ губъ все усиливались.

— Вотъ и Вуколъ, — продолжалъ старикъ,—вонъ что говоритъ: «Мы всѣ другъ друга любимъ и уважаемъ, и даже христіанскій долгъ предписываетъ... Но, папаша, не буду ли я лишнимъ? Мои убѣжденія... мой образъ жизни... столь расходятся съ общимъ мнѣніемъ...» Ахъ, ахъ, ахъ!.. «Убѣжденіе, образъ мыслей!..» А кровныя-то узы, простыя человѣческія чувства? Инстинктъ-то, инстинктъ-то? Или они уже ничего не говорятъ?... «Свобода отношеній!..» «Не стѣснять другъ друга!..» Позвольте, господа,—разгорячился старикъ.—Свобода — прекрасная вещь и я противъ нея ничего не имѣю... Но любовь, дружба, симпатія, семья,—это не свобода, а стѣсненіе-съ... Основа любви не свобода, а стѣсненіе себя... Извините!... Да-съ, стѣсненіе себя во имя другаго...

— Ну, однако, пойдемте, папа, въ залу,—быстро вставая, сказалъ Савва,—и оставимъ это... Сергѣю не можетъ быть въ этомъ, папа, никакого интереса... Все это дѣлишки, имѣющія смыслъ только для насъ...

— Напротивъ... Хе, хе, хе! — засмѣялся старикъ, дели-

жатно дотрогиваясь рукой до плеча Русанова. — Я, признаюсь, думаю, что все это можетъ имѣть значеніе и въ общемъ смыслѣ... Извините, я думаю, всѣ мы грѣшны одними грѣшками... Такъ ли-съ?

— Пожалуй, что вѣрно, — задумчиво отвѣчалъ Русановъ, какъ будто припоминая что-то недавнее, какой-то новый рядъ впечатлѣній, значеніе которыхъ онъ не умѣлъ уяснить себѣ раньше.—Мы жаждемъ свободы для братства, а въ концѣ находимъ одиночество... Это одинъ изъ жестокихъ житейскихъ парадоксовъ...

Эта мысль въ послѣднее время какъ-то гнетуще занимала Русанова и, высказавъ ее, онъ даже покраснѣлъ, какъ будто уличивъ себя въ ренегатствѣ, и чтобъ успокоить себя, взглянулъ на Савву. Но Савва, въ свою очередь, при послѣднихъ словахъ Русанова, съ недовѣрчивымъ изумленіемъ посмотрѣлъ мелькомъ на него и затѣмъ, взглянувъ на часы, сказалъ: «А читали вы сегодня газеты?.. Знаете, папа...» И Савва торопливо заговорилъ о политикѣ, какъ будто спѣша перебрать всѣ газетныя новости. Для Русанова было очевидно, что какъ Савва ни старался, повидимому, горячо говорить о литературѣ, церкви, школѣ,—все это было для него чѣмъ-то далекимъ, постороннимъ, потерявшимъ «вкусъ». И въ политикѣ наиболѣе искренно и непосредственно заинтересованнымъ оказался старый Кремлевъ. Онъ опять, махая руками, пустился развивать свою «органическую теорію», съ признаніемъ «права на участіе въ жизни женъ, дочерей, дядьевъ, шабровъ...»

— Все это старая исторія,—сказалъ Савва.—Всѣ эти ваши «органическіе элементы» достаточно, кажется, очень даже внушительно испробованы... Опытъ...

— Въ чемъ опытъ, сударь, въ чемъ?—перебилъ старикъ, поднося свое улыбающееся лицо къ лицу сына.—Опыты бываютъ разные... Можно дѣйствительно сдѣлать опытъ, а можно просто пальцы только обжечь и принять отъ личной боли (несомнѣнной, несомнѣнной!) свои ощущенія за истинный результатъ опыта.

— Впрочемъ, Богъ съ вами,—сказалъ Савва и махнулъ рукой.—Мы ужь отрѣзанные ломти...

— Теперь ужь, молъ, дѣло вамъ, старикамъ, а наше, молъ, дѣло отжитое!... Хе, хе, хе!... Такъ, что ли... вы нынче говорите? Не какъ прежде?... Ахъ вы, инвалиды, инвалиды!—добродушно смѣялся старикъ и вдругъ, что-то вспомнивъ, вышелъ.

— Нда-а,—протянулъ, вздохнувъ, Савва и весь какъ-то заметался, когда вышелъ отецъ, какъ будто онъ оставилъ его совершенно безпомощнымъ, съ глазу на глазъ со злѣйшимъ врагомъ.

Онъ не зналъ, объ чемъ заговорить съ Русановымъ, и сидѣлъ, опустивъ голову внизъ и нервно раскачивая одну ногу. Русановъ тоже не зналъ, что сказать.

— А много у тебя дѣтей?—вдругъ спросилъ онъ, чувствуя всю неумѣстность этого вопроса.

— Да... есть... много... А что?—быстро переспросилъ Савва, поднявъ на Русанова пытливый и почти непріязненный взглядъ.

— Нѣтъ, я такъ,—смутился Русановъ, и чтобы поправить дѣло, спросилъ о новой книжкѣ либеральнаго направленія, принесенной Саввой и, очевидно, только что купленной.—Ты, по-прежнему, еще сохранилъ страсть къ новымъ книжкамъ?

— Да... изрѣдка покупаю... А что?.. Ты, однако, зачѣмъ это спрашиваешь? Или ты думаешь...—что-то хотѣлъ сказать Савва, прищуривая глаза.

— Право, я ничего не думаю, Савва,—улыбнулся Русановъ.

— Или ты думаешь, что ужь я... Впрочемъ, ты, конечно, правъ, ты имѣешь основаніе,—залепеталъ Савва, какъ стыдливый ребенокъ, себѣ подъ носъ и весь съежился, какъ улитка.

Вдругъ вернулся старикъ Кремлевъ съ озабоченнымъ лицомъ, совершенно непохожимъ на то, съ какимъ все время видѣлъ его Русановъ.

Старикъ подошелъ къ Саввѣ и тихо сказалъ:

— Анна плачетъ.

И на лицѣ старика при этихъ словахъ отразилось такъ много горечи, недоумѣнія и жалости.

Савва молча поднялъ глаза на отца и его пушистыя рѣсницы вдругъ заморгали, судорога задергала углы губъ; онъ вскочилъ и, стараясь спрятать лицо, взглянулъ на часы.

— Ну, пора мнѣ... Извини... Если хочешь, ты побесѣдуй съ отцомъ,—сказалъ онъ, обернувшись, Русанову, но не смотря на него. Русанову показалось, что Савва сейчасъ заплачетъ самъ.

— Я тоже пойду,—сказалъ Русановъ.

— Какъ хочешь... Я къ тебѣ зайду непремѣнно... Ты въ «Карсѣ»? Заходи ко мнѣ... Впрочемъ, какъ видишь, у меня интереснаго мало...

Когда Русановъ разошелся у воротъ съ Саввой, — несмотря ни на увѣреніе старика «всѣхъ сплотить, все округлить», ни на обѣщаніе Саввы зайти къ нему,—онъ чувствовалъ одно... чувствовалъ, какъ страшно и больно «бередить раны другъ другу», когда, опережая тебя, уже выростаетъ новая жизнь и чутко прислушивается къ біенію твоего пульса...

V.

Дней черезъ пять, въ субботу, вечеромъ, когда у Русанова собрался, по обыкновенію, кружокъ своихъ людей, нынѣ уже небольшой, къ нему пришелъ старикъ Кремлевъ съ Конрадомъ.

Едва старикъ увидалъ мирную группу, собравшуюся, по обыкновенію, за чайнымъ столомъ въ комнатѣ Клеопатры, едва услыхалъ живой и веселый говоръ молодежи, едва уловилъ матерински-внимательное и любовное выраженіе на лицѣ Клеопатры, какъ пришелъ въ неописанный восторгъ.

— Ахъ, какъ я радъ, какъ радъ!—говорилъ онъ, нѣсколько разъ сжимая руки Русанова и сладкими, умильными глазами обводя всѣхъ присутствовавшихъ и каждому любовно улыбаясь.— Право, я самъ не свой становлюсь, когда вижу такое прекрасное общество... Очень пріятно!.. Сударыня!—обратился онъ къ Клеопатрѣ,—вы счастливѣйшая женщина на свѣтѣ!

— О, да... Я была еще счастливѣе недавно! — воскликнула, въ свою очередь, обычнымъ экзальтированнымъ тономъ Клеопатра.—Насъ теперь, къ сожалѣнію, становится все меньше...

— Отчего же, сударыня? Отчего-съ? — спросилъ старикъ такимъ жалобнымъ голосомъ, какъ будто дѣло касалось его семейства.

— Я не знаю... Я боюсь думать объ этомъ, — тихо отвѣчала Клеопатра, опустивъ глаза, въ которыхъ слишкомъ замѣтно отражалось тайное раздраженіе.

— Да, да, да! — заговорилъ грустно старикъ. — Въ жизни много таинственнаго и,—извините, если выражусь по просту,—и совсѣмъ безтолковаго. Какая-то толчея-съ!... Право!... А, между тѣмъ, такъ много слезъ, несчастій, страданій... Впрочемъ, виноватъ! — спохватился Уваръ Капитонычъ, вскакивая и обѣими потными руками пожимая маленькую, сухую руку Клеопатры.— Простите старика!.. Зря болтаю... Здѣсь, и въ особенности здѣсь,

среди этой юности, грѣшно говорить такія рѣчи. «Уныніе—великій грѣхъ», сказалъ кто-то. Напротивъ, сударыня, я искренно радъ, что есть еще въ жизни уголки, гдѣ... Что я имѣю удовольствіе быть съ сыномъ среди такого прекраснаго общества!... Сударыня, позвольте надѣяться, что вы приголубите и моего юнца?... Онъ такъ въ этомъ нуждается и, притомъ, онъ самъ такъ желаетъ съ вами сойтись, — понизивъ голосъ, прибавилъ старикъ,—такая, знаете, впечатлительная натура... Я особенно дрожу за него... Послѣдній изъ Кремлевыхъ, послѣдышекъ!

— Будьте увѣрены... Я сама такъ радуюсь всякому новому живому существованію въ нашемъ уголкѣ,—отвѣчала—Клеопатра, всматриваясь сіяющими отъ удовольствія глазами въ юную, бодрую, полную здоровьемъ и свѣжестью красивую фигуру Конрада, съ его темными мелкими кудрями, какъ шапка нависшими надъ высокимъ бѣлымъ лбомъ, съ его черными глазами, такими пытливо-умными и, въ то же время, такими мягкими и задумчивыми (они напоминали нѣсколько глаза Анны).

На эти глаза обратила давно уже вниманіе и еще одна личность, посматривавшая несмѣло изъ-за самовара; то была Агаша, робкая, добрая и беззавѣтно преданная Клеопатрѣ дѣвушка (дочь покойнаго сапожника Королева). Клеопатра представила ее старику Кремлеву съ сыномъ, какъ «самую близкую къ ней душу».

Старикъ и Конрадъ разговорились съ ней, но какъ ни старался старикъ казаться оживленнымъ, Русановъ замѣтилъ, что онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ: очевидно, старику тяжело было держать себя въ тонъ съ юной молодежью, несмотря на все желаніе не выказать «унынія».

Русановъ предложилъ ему войти въ его номеръ, оставивъ молодежь на попеченіи Клеопатры. Старикъ поспѣшно согласился. Когда они вошли въ сосѣднюю комнату, Кремлевъ тяжело и устало опустился въ кресло и, склонивъ голову на грудь, молчалъ нѣсколько секундъ.

— Пора къ шабрамъ... домой,—сказалъ онъ, наконецъ, проведя рукой по лицу.—Вотъ пришелъ съ вами проститься.

— Что вы торопитесь?

— Нельзя-съ... Тоже—служба...

— Вы служите все еще?

— Какже-съ! Кто изъ насъ теперь не служитъ?... Я мировой судья... Впрочемъ, какой я судья! Я *мировая судья*, какъ насъ тамъ прозываютъ... Хе, хе, хе!... У насъ такъ одинъ

почтенный собратъ изъ лабазниковъ подписывался: «почетная мировая судья».. Ну, съ тѣхъ поръ и пошло! Да, вѣдь, и у меня, признаться, все больше письмоводитель... Дѣла много, вникнуть надо, а у меня у самого заботы... Семейство, знаете, не малое, хозяйство...

— А какъ ваше хозяйство?

— Какое наше хозяйство!—сокрушенно сказалъ старикъ.— Про наши хозяйства всѣ уши прожужжали... И дѣйствительно— плохо... Не будь я *мировая судья*, совсѣмъ хоть брось дѣло... А, между тѣмъ, наше помѣстье было большое, да и теперь еще есть надъ чѣмъ потрудиться...

— Что же такъ?

— Объясненія, конечно, давно извѣстны: отсутствіе крѣпостнаго труда... Это вѣрно, но я, все-таки, нѣсколько иначе на это смотрю, по старинѣ. Думаю, что оттого зло, что мы дома перестали жить, «домъ» потеряли... Прежде,—конечно, и крѣпостной трудъ имѣлъ значеніе,—прежде всѣ дома были, за службой и посторонними занятіями не гнались; а коли дома, все нѣтъ-нѣтъ да въ землю смотришь!... Да, у насъ было большое помѣстье, и хорошее!... Были лѣса... Ну, сначала дочери повыклевали... Хе, хе, хе!... Вотъ Анна взяла... Конечно, я ничего не говорю: съ ея стороны все это было прекраснымъ, благороднымъ побужденіемъ... У насъ, у Кремлевыхъ, это въ роду... А, все-таки, теперь ужь этого куска-то нѣтъ у насъ... Вотъ, онъ у кабатчика у нашего! А славный былъ кусокъ!... Да, но обидно то, что взамѣнъ, вѣдь, и другое - то ничто не уцѣлѣло; все вихремъ словно сдуло: всѣ эти женскіе учительскіе институты, школы съ физическими кабинетами, ясли тамъ эти разныя... Ахъ, Анна, добрая Анна! — вздохнулъ старикъ, опять опуская на грудь голову, и смолкъ.

— Она, видите, вышла замужъ за одного «энергичнаго» разночинца, — началъ опять старикъ, съ особымъ выраженіемъ тайной непріязни подчеркнувъ слово «энергичный». — Такой былъ мужчина съ открытымъ взглядомъ и благородной рѣчью! Ну, онъ сначала велъ у нея разныя финансовыя операціи по осуществленію ея «хорошихъ дѣлъ»... А потомъ, — Богъ его знаетъ!—очень ли онъ ужь этими финансовыми операціями проникся, или раньше-то очень настрадался, бѣдняга (сынъ дьякона сельскаго былъ), только онъ скоро взглянулъ на «хорошія дѣла» Анны скептически и практически... Дѣйствительно, скоро имѣніе

было продано, половина денегъ, уложенная на ясли, вмѣстѣ съ этими яслями и погибла, другая... грѣшить не хочу, не знаю... Только Анна скоро разошлась съ мужемъ и съ шестилѣтней дочерью уѣхала въ Петербургъ, учиться; жила безъ средствъ почти, кочевала по меблированнымъ комнатамъ и потеряла дочку уже въ десять лѣтъ... И теперь...

У старика пробѣжала по щекѣ одинокая слеза и застыла въ серебряной бородѣ; онъ стряхнулъ ее носовымъ платкомъ.

— Какое хозяйство!—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Хлопотъ много, я ужь старъ, а ни помощника, ни на смѣну никого нѣтъ... Несмотря на то, что угодья у насъ прекрасныя, а приходится признаться, что и мы ведемъ хозяйство не лучше другихъ... Модестъ вотъ тоже выпросилъ выдѣлъ... Ну, отдали ему. Что-то онъ хотѣлъ съ нимъ сдѣлать (право, такъ и теперь не знаю, что именно, что-то только интеллигентное, вродѣ какъ бы образцовой для мужиковъ деревни... вотъ, вѣдь, что загнулъ!), да такъ и теперь валяется: мужикамъ въ аренду не сдаетъ и самъ не обрабатываетъ...

Старикъ вдругъ остановился, помолчалъ и спросилъ, внимательно смотря въ лицо Русанова:

— Скажите, пожалуйста, вы ничего не знаете о Модестѣ? То-есть, я хочу сказать, не извѣстно вамъ что-нибудь относительно его образа жизни здѣсь?

— Право, я не знаю,—сказалъ, смущаясь, Русановъ.—Слышалъ я здѣсь только, что его считаютъ оригиналомъ, эксцентрикомъ...

— Оригиналомъ! — прошепталъ задумчиво старикъ. — А не слыхали вы, что онъ пьетъ запоемъ? Изъ своихъ, близкихъ по духу и по профессіи, ни съ кѣмъ ни сходится, всѣхъ бѣжитъ, а, между тѣмъ, пьетъ съ какими-то странными личностями, которыхъ самъ не уважаетъ... Со всѣми другими холоденъ, надмененъ... Я слышалъ, при немъ живетъ маленькая дѣвочка на рукахъ швейцарки... А онъ мнѣ ее не показывалъ!... А какъ онъ въ наукѣ?

— Онъ пользуется большой извѣстностью.

— Гм... Странное у него къ ней отношеніе... Я, конечно, мало тутъ что понимаю, но, все-таки, полагалъ, что ученый любитъ свою науку, какъ жену, какъ друга... страстно эдакъ... Третьяго дня собрались мы у Саввы всѣ... Пріѣхалъ и Модестъ (въ каретѣ), забрался въ уголъ (онъ на меня похожъ,

только брюнетъ... Да, вѣдь, когда-то и я былъ брюнетъ!... Хе, хе, хе!), да, забрался въ уголъ, сидитъ, ножичекъ вытащилъ изъ кармана и ногти стругаетъ. Спросятъ—отвѣтитъ, взглянетъ словно сонными глазами, улыбнется и опять за ногти. Вотъ я и спрашиваю: «Какъ же ты думаешь, Модестъ? Ты спеціалистъ: есть ли резонъ поступать Конраду именно на естественный факультетъ?»—«Можетъ быть, есть, а, можетъ, и нѣтъ».—«Не лучше ли на медицинскій? Все-таки. спеціальность, прямо ближнему пригодна».—«Что-жь, и на медицинскій хорошо, пожалуй».—«Т.-е. какъ же это, пожалуй? Вѣдь, ты вотъ полюбилъ науку, значитъ...»—«Ничего, говоритъ, не значитъ... Все это—пустяки: призваніе тамъ. «служеніе» и прочее... Важно одно: талантъ и успѣхъ... Есть они—все твое будетъ вездѣ, нѣтъ—пресмыкайся или отправляйся ad patres... Это ужь какъ кому по вкусу». И это при Конрадѣ!... Я, знаете, чуть ротъ ему не заткнулъ платкомъ.

Старикъ замолкъ.

— Говорятъ... (мнѣ это и Савва подтверждалъ)... Вы не слыхали?... Говорятъ, у него гдѣ-то недалеко отъ Москвы есть собственная дача, и тамъ у него живетъ тигрица, т.-е. не какая-нибудь иносказательная, а въ прямомъ смыслѣ... Тамъ за ней смотрятъ дворецкіе, лакеи... Онъ самъ ѣздитъ туда каждый мѣсяцъ пить съ пріятелями... Тѣ пьютъ, а на самихъ лица нѣтъ, а Модестъ дразнитъ тигрицу (онъ ее гдѣ-то щенкомъ купилъ), начнетъ бороться съ ней...

Старикъ говорилъ объ этомъ, все понижая голосъ, и съ болѣе и болѣе возрастающимъ ужасомъ смотрѣлъ на Русанова, какъ будто тотъ ему объ этомъ разсказывалъ, а не онъ ему.

— Говорятъ, дочь свою и самъ онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ, не велитъ приводить ее на свою половину... А то ночью пріѣдетъ вдругъ, и прямо къ ней, въ спальню... Сядетъ у ея кроватки и плачетъ по цѣлымъ часамъ... Вы не замѣчаете, что съ Кремлевыми дѣлается что-то неладное? — спросилъ вдругъ старикъ, попрежнему, внимательно смотря въ лицо Русанову, который жадно слушалъ его.

Русановъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но опустилъ глаза и промолчалъ.

— А про Вукола вы ничего не слыхали? Вы не встрѣчались съ нимъ?—опять заговорилъ Кремлевъ.

— Нѣтъ. Я меньше всѣхъ его знаю.

— Милый, добрый такой... Признаюсь, я не ожидалъ... Мнѣ его больше всѣхъ жалко стало... Я его тоже давно не видалъ... Былъ у него только набѣгомъ... А вотъ третьяго дня, какъ всѣ мы собрались...

Старикъ нервно провелъ по лицу рукой и вздохнулъ, какъ будто воспоминаніе объ этомъ вечерѣ ложилось на него гнетущей тяжестью, изъ-подъ которой онъ не могъ выбиться.

— Вѣдь вотъ,— сказалъ Русановъ,— какъ вы ожидали, съ вашимъ пріѣздомъ снова всѣ собрались вокругъ васъ.

— Да, да, я очень радъ!—заговорилъ поспѣшно Уваръ Капитонычъ.—Все-таки, сошлись на вечерокъ. Хотя не на долго, а сошлись всѣ... И Модестъ, и Вуколъ, и Савва... и Аполлонъ..., да... и Анна... Цѣлая больница!—прибавилъ онъ, засмѣявшись сдержаннымъ, надтреснутымъ смѣхомъ.—Живаго мѣста ни у кого нѣтъ... Признаюсь, я былъ словно на угольяхъ... Того и жду: вдругъ кто-нибудь скажетъ что неосторожное—и все вспыхнетъ! Я ужъ, признаться, порадовался, что Аполлонъ покашлялъ, покашлялъ, поворчалъ что-то про себя и ушелъ... Хорошо, что свое мнѣніе онъ высказалъ мнѣ ужъ послѣ, когда я зашелъ къ нему въ комнату: «Нечего сказать! Благодарю, говоритъ, не ожидалъ! Вотъ ужъ никакъ не думалъ, что въ такую компанію придется вернуться черезъ семь лѣтъ (онъ только что возвратился: больной, разбитый, нервный, желтый,—желчь, что ли, у него разлилась!). Компанія! Какіе-то ученые безъ страсти къ наукѣ, идеалисты безъ вѣры въ идеалы, народники безъ народа и насѣдки, краснѣющія за цыплятъ... Какая прочная и сильная организація!...» Выпалилъ все это, пожелтѣлъ еще больше и закашлялся.

— А вотъ вы, однако, не зашли къ намъ, на наше семейное собраніе, а обѣщали? — круто оборвалъ свой расказъ старикъ Кремлевъ и вопросительно взглянулъ на Русанова, который опять съ какой-то жадностью, даже удивлявшею его самого, вслушивался въ его разсказъ.

Послѣдній вопросъ какъ будто толкнулъ Русанова.

— Виноватъ,—сказалъ онъ, собираясь съ мыслями.—Я думалъ, что буду лишній, что могу помѣшать...

— А-а, да, да!... Ну, что же? Не будемте мѣшать другъ другу, не будемте мѣшать!—проговорилъ старикъ съ такой глубокой грустью, что Русанову сдѣлалось ужасно жалко его. Но подъ впечатлѣніемъ ли его разсказовъ, которые взволновали са-

мого Русанова, или подъ давленіемъ собственнаго душевнаго настроенія, только у Русанова не нашлось для него словъ утѣшенія.

Старикъ Кремлевъ быстро поднялся съ кресла, встряхнулся, будто сбрасывая тяжелый грузъ, лицо его приняло вдругъ прежнее обычно-ласковое, доброе и заискивающее выраженіе добряка-помѣщика, онъ взялъ въ обѣ руки руку Русанова и сказалъ:

— Ну, оставимъ все это... Только, пожалуйста... Конрада... поберегите моего... Прошу васъ! прошу, какъ отецъ!—проговорилъ онъ, все ближе поднося свое лицо къ лицу Русанова, такъ что послѣдній могъ видѣть, какъ блестѣли его влажные, полные слезъ глаза.

— Послѣдышекъ! Послѣдній изъ Кремлевыхъ! — продолжалъ старикъ мягкимъ, умоляющимъ, дрожащимъ голосомъ, не выпуская руки Русанова изъ своихъ.—Еслибъ вы знали только, что это за дитя!... Нѣтъ, я даже не хочу быть пристрастнымъ, какъ отецъ... Вы сами это можете понять... Замѣтили вы его глаза? Это глаза моей бабушки (у Анны такіе же). Моя бабушка когда-то держала масонскую ложу въ Москвѣ, около Мясницкой... Въ Конрадѣ—все лучшее, Кремлевское... Въ тѣхъ, въ другихъ, все это разбросалось... а въ Конрадѣ, какъ въ фокусѣ!.. Все!... Онъ еще такъ юнъ, такъ нѣженъ... Если бы ему окрѣпнуть, только бы окрѣпнуть!...

— Послушайте, еще нѣсколько минутъ... Я болтунъ — и какъ старикъ, и какъ Кремлевъ (это у насъ есть въ роду), и какъ отецъ... Я слишкомъ злоупотребляю вашимъ вниманіемъ... Но еще пять минутъ! Только пять минутъ... на Конрада!

— Пожалуйста... Я очень радъ,—улыбнулся Русановъ.

— Признаться вамъ сказать,—началъ старикъ разсказывать, какъ будто по секрету, взявъ Русанова подъ руку и ходя съ нимъ вдоль комнаты,—признаться сказать, я полюбилъ ужасно Конрада уже въ тотъ почти день, когда онъ родился... Не умѣю вамъ объяснить, отчего это... Даже, знаете, я стыдился этой любви... Помилуйте, послѣ стольких ребятишекъ, уже почти старикъ—и вдругъ такія нѣжности!... Не знаю, не знаю почему, только (можетъ быть, оттого, что послѣдышекъ, можетъ, за глаза, за весь этотъ *Кремлевскій*, такъ сказать, обликъ, можетъ, тутъ трепетала родовая жилка: она есть, есть...) я привязался къ нему страстно... Никто мнѣ не доставлялъ столько за-

ботъ. Я самъ разыскалъ для него лучшую женщину въ нашихъ деревняхъ въ кормилицы, изъ лучшей крестьянской семьи. Чтобы она не скучала, я взялъ ее въ домъ вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Потомъ няня... Няня у него была изъ старыхъ, изъ такихъ, которыя теперь рѣдки... Потомъ онъ росъ... росъ онъ у меня на всемъ божьемъ привольѣ луговъ, полей и лѣсовъ... И въ какое время!... То было счастливѣйшее время въ моей жизни... Ему было тогда уже лѣтъ девять-десять. Значитъ, самыя первыя, прекрасныя впечатлѣнія на немъ отразились... Все тогда вокругъ меня зеленѣло, цвѣло молодое, бодрое, свѣжее... шумное, такое любящее, веселое!... Помните, помните каникулы? Вѣдь, вы къ намъ тогда наѣзжали?

— Да, да... Помню!—какъ-то радостно и восторженно невольно воскликнулъ и самъ Русановъ, словно и на него пахнуло вдругъ изъ-за десятка лѣтъ этой первоначальной свѣжестью.

— Ну, вотъ!... Потомъ я его отдалъ въ гимназію; впрочемъ, я долго воспитывалъ его дома... У меня жили молодые учителя, по рекомендаціи старшихъ сыновей... Да-съ, потомъ я отдалъ его въ гимназію... Я, признаюсь, побаивался, отпуская его туда одного... Но мои опасенія скоро разсѣялись: черезъ годъ онъ уже явился такимъ... Какъ вамъ сказать?.. Трудно это опредѣлить... Да вотъ вамъ: когда онъ пріѣзжалъ, прислуга не знала—былъ онъ дома, или нѣтъ. Его комнаты никогда не касалась рука лакея или горничной. Онъ спалъ на жесткомъ войлокѣ, носилъ парусинныя блузы, самъ мелъ свою комнату, безъ стыда и жеманства, самъ чистилъ свои сапоги и одежду, самъ запрягалъ или сѣдлалъ лошадь... Деликатный, мягкій и серьезный со всѣми, онъ, признаюсь, даже тревожилъ меня своею впечатлительностью... а въ особенности тѣмъ, что очень, очень рѣдко высказывался... Все что-то онъ копилъ, копилъ въ своей душѣ, какъ драгоцѣнный кладъ... Занимался онъ упорно. Уроки ему давались трудно, въ особенности языки... И онъ съ ужаснымъ упорствомъ проходилъ этотъ искусъ, безъ слова жалобы, почти съ равнодушіемъ, какъ что-то неизбѣжное для чего-то тамъ... впереди... Да... А что тамъ?—остановился старикъ, упорно смотря въ лицо Русанова, и замолчалъ.

— Ну, все равно... Не будемъ пророками... Мы такъ всѣ изболѣли, что склонны принимать свои личныя ощущенія за непреложныя истины... А гдѣ тотъ, кто осмѣлится сказать, что онъ знаетъ истину? Такъ ли?

Русановъ молчалъ.

— Прошу васъ объ одномъ: больше живости, свѣта... Больше живости... Повеселѣе... Вотъ! Поддерживайте этотъ огонекъ, который горитъ у васъ, *тамъ*,—показалъ онъ по направленію къ комнатѣ Клеопатры.—Объ одномъ прошу: не разбивайте этого свѣтлаго у Конрада, во что бы онъ ни вѣрилъ... все одно... Но только бы искренно, только бы не уныніе, не отчаяніе. Прошу васъ, прошу! — опять крѣпко жалъ старикъ руку Русанова со слезами на глазахъ.

VI.

Русановъ былъ взволнованъ.

Вдругъ все, что еще недавно было такъ мучительно пережито, передумано и перечувствовано; все, что онъ только что въ такой жесткой и безжалостной формѣ излилъ въ письмахъ къ своему старому пріятелю,—все это вдругъ снова налегло на его душу, и стало ему и больно, и страшно... Вѣра!... Но гдѣ слова для ея выраженія? Гдѣ музыка души, которая прежде вдохновляла его рѣчи? Гдѣ пламень, который зажигалъ кровь, вливалъ энергію въ мышцы, страсть въ сердце, отвагу въ душу? Слова... слова остались тѣ же, но вѣяли холодомъ, безжизненностью; музыка смолкала и отдавались на глубинѣ души только чуть внятные, отдаленные какъ будто, мучительно-жгучіе скорбные аккорды; пламень погасалъ, чуть мигая неровными, порывистыми вспышками... Зачѣмъ же опять и еще? Зачѣмъ эти встрѣчи?

Такъ думалъ Русановъ въ эту ночь, проводивъ старика Кремлева съ сыномъ. Безнадежный, мрачный пессимизмъ охватывалъ его своимъ холоднымъ дыханіемъ все больше и больше. Онъ чувствовалъ, какъ подъ этимъ всезамораживающимъ дыханіемъ подгибались его колѣна, ноги переставали держать его, апатія и вялость прокрадывались во всѣ жилы, пульсъ переставалъ биться и все медленнѣе, лѣнивѣе работала въ головѣ мысль...

И, какъ старикъ Кремлевъ, онъ, измученный и угнетенный, безсильно опустился въ кресло.

— Serge! вы еще не ложились? Можно къ вамъ войти?— спросила Клеопатра за дверью.

— Нѣтъ еще, входите, — тихо вздохнувъ, отвѣчалъ Русановъ, чувствуя, что онъ не въ силахъ подняться.

Клеопатра вошла въ его маленькій, полуосвѣщенный лампой съ зеленымъ абажуромъ номеръ и сѣла возлѣ него, не замѣчая его настроенія, сама вся погруженная въ міръ собственныхъ мыслей.

— Serge,—заговорила она,—вы хорошо знаете этого юношу, Конрада?

Русановъ поднялъ на Клеопатру глаза и его поразило сильно ея взволнованное лицо.

— Нѣтъ. Я уже говорилъ вамъ, что встрѣтилъ его въ первый разъ на улицѣ, съ отцомъ... А что?

— Онъ произвелъ на меня странное... поразительное впечатлѣніе... Знаете что? Я страстно полюбила его, какъ никогда еще никого не любила въ жизни, какъ не любила бы, можетъ быть, своего сына, если бы онъ не былъ Конрадъ.—Проговорила все это Клеопатра быстро, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи.

— Его взглядъ, — продолжала она, — его взглядъ... этихъ черныхъ глазъ... рветъ мнѣ сердце... Я чувствую, что при одномъ воспоминаніи я испытываю смущеніе... Знаете, Serge, мнѣ кажется... у меня засѣла неотвязная мысль, что этотъ загадочный юноша внесетъ въ мою жизнь что-нибудь чрезвычайное... А замѣтили вы что-нибудь въ Агашѣ? Впрочемъ, онъ произвелъ на всю нашу молодежь, кажется, сильное впечатлѣніе... Этотъ взглядъ—безмолвный, проницательный и невыразимо грустный... Это—ужасный взглядъ! Serge, намъ надо беречь его и лелѣять, какъ хрусталь...

— Да, да!—воскликнулъ порывисто Русановъ, вскакивая съ кресла, какъ будто поднятый электрическимъ ударомъ. Ему вспомнился этотъ Конрадъ, когда онъ встрѣтилъ его въ первый разъ, припомнилось это робкое уваженіе къ нему, Русанову, ко всѣмъ имъ, этимъ людямъ стараго поведенія, которое, казалось, проникало все существо его, припомнилась эта страстная жажда услыхать отъ нихъ рѣшающее слово, и эта твердая, дѣтская вѣра, что это рѣшающее слово есть у нихъ, есть, потому что они—соль земли, и эта робкая еще, колеблющаяся, но упорная рѣшимость слѣдовать за ними.

VII.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ. Конрадъ продолжалъ навѣщать Русанова; но въ послѣднее время эти визиты стали рѣже и короче. Русановъ и Клеопатра замѣчали, что все увеличи-

вающаяся грусть Конрада стала перемежаться припадками какой-то нервной раздражительности. Въ его взглядѣ исчезала прежняя мягкость и та добрая, ровная увѣренность и стойкость, которыя такъ прежде ярко свѣтились въ немъ. Усилія Русанова и Клеопатры по возможности разсѣять сгущавшуюся надъ душой Конрада тучу оставались все менѣе и менѣе успѣшны.

Русановъ и Клеопатра, наконецъ, съ какой-то неопредѣленной боязнью стали слѣдить за Конрадомъ. Русановъ нѣсколько разъ навѣстилъ даже Савву. Повидимому, въ семьѣ Саввы дѣла не измѣнились къ лучшему. Напротивъ, Анна, послѣ крушеніи конторы, нашла себѣ новое мѣсто съ еще меньшимъ вознагражденіемъ, а, между тѣмъ, болѣе тяжелое. Она хирѣла и замораживалась на глазахъ у всѣхъ съ каждымъ часомъ. Между тѣмъ, семья Саввы увеличилась еще,—вслѣдствіе чего Аполлонъ ушелъ отъ него окончательно, жилъ въ невозможной каморкѣ гдѣ-то, безъ всякихъ занятій, и почти умиралъ съ добровольнаго голода. Понятно, что при такихъ условіяхъ Русановъ, заикнувшись поговорить съ Саввой о Конрадѣ, услыхалъ въ отвѣтъ только мрачную фразу: «Да, надъ Кремлевыми тяготѣетъ рокъ...», причемъ Савва чуть не разрыдался.

Тревога Русанова и Клеопатры усиливалась, кромѣ того, опасеніями не за одного Конрада, а и за Агашу, которая, очевидно, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Конрада, и подъ страннымъ вліяніемъ: она походила на птицу, все больше и больше запутывавшуюся въ сѣть, изъ которой съ испугомъ и безсильно старалась выбиться.

Агаша была взята Клеопатрой и Русановымъ къ себѣ въ Москву, вмѣстѣ съ братомъ, когда ей было уже пятнадцать лѣтъ, взята прямо изъ деревни, изъ каморки сапожника Степана Тимофеича Королева. Теперь ей было двадцать лѣтъ слишкомъ. Это была дѣвушка полная, бѣлокурая, съ длинной и толстой бѣлой косой, какія бываютъ только у дѣвушекъ изъ народа. И какъ дѣвушки изъ народа, она, едва попала въ сравнительно болѣе благопріятныя условія жизни, тотчасъ распустилась, «какъ маковъ цвѣтъ», что ее немножко даже смущало: смущали слишкомъ полныя и розовыя щеки, смущали черезъ-чуръ упругія руки, грудь и ноги. Лицо ея не было красиво, но было миловидно, какъ вообще лица простыхъ русскихъ дѣвушекъ, миловидно дѣтски-простымъ, искреннимъ и наивнымъ отраженіемъ ихъ несложной душевной жизни. И душа ея также привольно и

свободно распускалась въ новой жизни. Новая обстановка устранила отъ нее даже тотъ рядъ впечатлѣній, которыя она испытывала у отца: грустное сознаніе бѣдности, мелочныхъ обидъ за отца, за мать, за братьевъ и сестеръ. Всего этого уже не было, но не было и мучительныхъ пытокъ сознанія отъ новыхъ впечатлѣній, въ которыхъ изнывали ея воспитатели и которыя она, если и понимала, то разсудочно только. Но за то въ ней развилась одна черта, которую невозможно было искоренить даже въ теченіе пяти лѣтъ: добрая, тихая, любящая, она, тѣмъ не менѣе, постоянно была въ какомъ-то испугѣ и почти невозможно было вызвать ее на откровенность. Это не была замкнутость, а просто непонятная боязнь, растерянность. И она предпочитала лучше молчать, чѣмъ говорить. Несмотря на пятилѣтнее пребываніе въ новыхъ условіяхъ, она жила среди нихъ какъ-то ощупью, съ боязливымъ недоумѣніемъ. Всего годъ, какъ Клеопатра устроила ее младшей помощницей учительницы въ одной частной школѣ, но жила она вмѣстѣ съ Клеопатрой.

Однажды, не задолго до Рождества, Русанову пришлось проходить по одному очень отдаленному бульвару, какъ вдругъ онъ замѣтилъ на одной изъ скамеекъ Конрада и Агашу. Чтобы не смутить ихъ, онъ повернулъ съ бульвара на панель и прошелъ мимо незамѣченнымъ. Агаша въ этотъ день вернулась позднѣе обыкновеннаго и ничего не сказала. Очевидно, это свиданіе ихъ было не первымъ. Русановъ только еще яснѣе замѣтилъ, что Агаша стала грустнѣе, серьезнѣе, а ея испуганность и растерянность приняли уже слишкомъ рѣзкій характеръ; въ ея взглядѣ иногда было столько недоумѣвающаго ужаса, что Русановъ рѣшился даже переговорить съ Клеопатрой, тѣмъ болѣе, что если это были первыя вспышки молодой страсти, то онѣ были черезъ-чуръ странны.

Черезъ день послѣ этого у Русанова былъ обычный вечеръ. Пришелъ братъ Агаши, Никаша, кончавшій курсъ въ одной ремесленной школѣ; пришли и другіе изъ молодежи. Пришелъ и Конрадъ. Но сегодня онъ былъ грустнѣе обыкновеннаго и, притомъ, во всемъ немъ сказывалось что-то неестественно-развязное; глаза у него горѣли и растерянно скользили какъ-то съ предмета на предметъ. Русановъ замѣтилъ, что то же настроеніе тотчасъ передалось и Агашѣ, едва появился Конрадъ. Онъ неоднократно, мелькомъ, взглядывалъ на Агашу нѣсколько вы-

зывающимъ взглядомъ; но она, словно въ испугѣ, избѣгала этого взгляда.

У Конрада былъ прекрасный, хотя и слабый, и необработанный, баритонъ. Онъ любилъ пѣть, и Русановъ нерѣдко упрашивалъ его на вечерахъ спѣть ту или другую пѣсню, которыя ему особенно удавались. Иногда онъ разучивалъ новыя, особенно ему понравившіяся, пьесы, самъ подбирая мотивы.

Русановъ попросилъ его спѣть и сегодня, чтобы разсѣять его, такъ какъ послѣ пѣнія Конрадъ обыкновенно дѣлался веселѣе и довольнѣе.

Конрадъ не отказался и сегодня.

— Я вотъ уже два дня настойчиво разучиваю одну вещицу, которую вычиталъ у Гёте и которая мнѣ очень понравилась... Не знаю, удастся ли...

Онъ, по обыкновенію, всталъ позади стула, оперся руками на его спинку и, нѣсколько раскачиваясь корпусомъ и опустивъ внизъ глаза, пропѣлъ какъ-то особенно мягко и задушевно, хотя во многихъ мѣстахъ фальшиво и неудачно:

Одежды бѣлой не снимайте
Съ меня. Пристала мнѣ она...
Съ земли прекрасной скоро, знайте,
Въ могилу я сойти должна.
Но день придетъ,—я скоро вѣжды
Свои открою, наконецъ!
Покину свѣтлыя одежды,
Покину поясъ и вѣнецъ.
. . . .
Я бѣдъ не знала, но скорбѣла
И буду вѣкъ душой скорбѣть.
Я слишкомъ рано постарѣла:
Хочу навѣкъ помолодѣть!

Конрадъ какъ-то оборвалъ послѣдній стихъ и замолчалъ, но остался на прежнемъ мѣстѣ, опустивъ смущенно глаза и разсѣянно и нервно перебирая пальцами по спинкѣ стула. Ждали ли всѣ, что Конрадъ еще будетъ пѣть, или подъ впечатлѣніемъ только что пропѣтаго, всѣ молчали довольно долго. Повидимому, и это молчаніе, и самое настроеніе, вызванное пѣснью, подѣйствовало на Русанова какъ-то раздражающе. Онъ поднялся и, нервно взбивъ волосы на головѣ, прошелъ нѣсколько разъ вдоль комнаты, какъ будто что-то обдумывая, и потомъ заго-

ворилъ, не обращаясь лично ни къ кому, какъ это часто съ нимъ случалось,—заговорилъ на тему о «вмѣненіи». Эта тема играетъ немаловажную роль въ психопессимизмѣ и она особенно занимала Русанова въ послѣднее время. На эту же тему отчасти намекало и гётевское стихотвореніе.

Русановъ сталъ говорить; какъ и всегда, онъ говорилъ просто, бзъ всякой вычурности, не стараясь подбирать эффектныя фразы, жесты и округлять періоды; какъ и всегда, путался часто, иногда долго подъискивая выраженія, и, какъ всегда, рѣчь его, прежде всего, отличалась искренностью, которая и подкупала въ его пользу даже тогда, кагда онъ самъ смутно сомнѣвался въ справедливости своихъ положеній. За послѣднее время, впрочемъ, въ его рѣчь вкрадывалась все чаще и чаще невольная раздражительность, неопредѣленная и непонятная для него самого.

Русановъ въ послѣднее время сильно согнулся и постарѣлъ. Въ его жидкія, сухія, какъ сѣно, но все еще длинныя кудри пробивалась сѣдина; борода тоже порѣдѣла. На лицѣ появились какія-то судорожныя подергиванія, сильно увеличивавшія его раздражительность.

Тѣмъ не менѣе, сегодня онъ увлекся, казалось, попрежнему, такъ что Клеопатра Павловна, и та съ пріятнымъ и восторженнымъ изумленіемъ слушала его. Русановъ говорилъ долго, въ особенности горячо возставалъ противъ пессимистическаго міровоззрѣнія, которое такъ губитъ нашу интеллигенцію, но только его протестъ противъ пессимизма звучалъ слишкомъ уже сердечною мягкостью, какъ будто онъ былъ ему слишкомъ близокъ и какъ будто онъ боялся слишкомъ больно коснуться чего-то. Но ему самому и Клеопатрѣ казалось, что въ его рѣчи игралъ такой восторженный идеализмъ, какого они даже не ожидали.

Русановъ еще говорилъ, когда Конрадъ тихо поднялся и сталъ искать свою шляпу. Русановъ пріостановился и присѣлъ рядомъ съ Клеопатрой, когда Конрадъ подошелъ къ нимъ проститься. Онъ былъ взволнованъ; глаза его горѣли и блуждали еще больше. То настроеніе непонятной тревоги, съ которой онъ пришелъ къ нимъ, стало еще замѣтнѣе.

— Простите меня, я не могу... больше,—сказалъ Конрадъ, подавая руку Клеопатрѣ.

— Вамъ не понравилось, что говорилъ Serge?—спросила она шутя.

— О, напротивъ!... Это все такъ хорошо!—горячо возразилъ Конрадъ и, въ то же время, остановилъ свой блуждающій взглядъ на ней и Русановѣ.

То былъ взглядъ такого скорбнаго унынія, любви и недовѣрія, жалобы и отчаянія, что Русановъ почувствовалъ, какъ этотъ взглядъ угнеталъ его и что ужь онъ больше не произнесетъ ни слова такъ, какъ онъ говорилъ раньше. Настроеніе ли самого Русанова подсказывало ему, или въ самомъ взглядѣ Конрада слишкомъ ясно свѣтилось это, только Русанову и Клеопатрѣ казалось, что онъ читалъ въ ихъ сердцахъ и говорилъ: «О, добрые, хорошіе люди! Прекрасны ваши рѣчи, но онѣ облиты кровью... Я уже чую часъ, когда разразится надъ вами послѣдній ударъ и вы смолкнете совсѣмъ. Вѣдь, вы—живое противорѣчіе вашихъ словъ; ваша судьба опровергаетъ васъ: безсильному нѣтъ въ жизни мѣста...»

— Вы сегодня особенно взволнованы. Что съ вами?—спросилъ его тихо Русановъ, отводя подъ руку въ сторону.

— Я не знаю... Но я... Анна умираетъ,—отвѣчалъ порывисто Конрадъ.—Это я въ честь ея разучилъ пѣсню,—прибавилъ онъ, грустно улыбнувшись.

— Что съ ней?

— Вѣроятно, простудилась,—пробормоталъ онъ невнятно и быстро подошелъ къ Агашѣ, особенно крѣпко и вызывающе пожалъ ей руку и вышелъ. И Русановъ, и Клеопатра не могли не замѣтить, какъ поблѣднѣла Агаша и съ какимъ молчаливымъ испугомъ смотрѣла она вслѣдъ Конрада.

Никаша, коренастый юноша, съ широкимъ, бѣлесоватымъ и некрасивымъ плебейскимъ лицомъ, съ нѣсколько вызывающимъ взглядомъ человѣка, который полонъ сознаніемъ каждаго завоеваннаго шага въ жизни, хотя бы онъ не шелъ еще дальше однобортнаго школьнаго вицмундира съ мѣдными пуговицами, уже давно подергивалъ нервно плечомъ во все время, пока Конрадъ объяснялся съ Русановымъ.

— Не нравится мнѣ этотъ баринъ,—выговорилъ, наконецъ, онъ съ плохо скрытой непріязнью, когда Конрадъ ушелъ.—Жеманство одно...

— Отчего вы, Никаша, всегда нападаете на Конрада? Онъ славный юноша,—замѣтилъ Русановъ.

— Можетъ быть,—проворчалъ Никаша съ утрированнымъ пренебреженіемъ.—Только мнѣ кажется, это—актеры, а не прос-

тые люди... Для нихъ личный успѣхъ или неуспѣхъ, личныя ощущенія—все... Они въѣлись въ нихъ... Ради нихъ они, пожалуй, готовы весь народъ поставить на карту, если это нужно, чтобы доказать, какъ они страдаютъ, бѣдные... Чего народъ! Они весь міръ порѣшатъ! Ка-акже! На нихъ, вѣдь, міръ клиномъ сошелся!

— Нѣтъ, Никаша... Вы несправедливы... Нѣтъ! Я этого не ожидалъ отъ васъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ Русановъ.

Это явное неудовольствіе кольнуло Никашу.

— Не знаю, можетъ быть... Вы послушали бы, что онъ про васъ говоритъ,—сказалъ Никаша раздраженно и покраснѣлъ отъ внутренняго сознанія гадливости произнесенной имъ фразы, но онъ не въ силахъ былъ удержаться. — Это эгоисты и больше ничего!—заключилъ онъ съ упорствомъ раздраженной ревности.

Русановъ былъ очень недоволенъ и нервная судорога постоянно дергала его щеку и придавала непріятное выраженіе его обыкновенно мягкому и симпатичному лицу. Эта судорога еще больше раздражила его. Онъ окончательно замолчалъ.

Вообще вечеръ былъ испорченъ и скоро всѣ разошлись. Агаша становилась все страннѣе; ей, очевидно, было не по себѣ, и она постоянно пугливо взглядывала на Клеопатру, когда та смотрѣла на нее. Одинъ разъ она уже надѣла было шапочку, собираясь идти, но потомъ опять сняла и осталась.

— Агаша, что съ вами?—спросила Клеопатра.

— Ничего, Клеопатра Павловна,—быстро отвѣтила Агаша, опять пугливо взглянувъ на нее.

— Какъ ничего? Вы сами не въ себѣ... Скажите мнѣ, голубушка, если можете...

— Право, я не знаю... Я сама не понимаю...

— Чего вы не понимаете?

— Право... Я не знаю... Мнѣ такъ страшно какъ-то... — говорила Агаша и во всѣ глаза съ такимъ наивнымъ выраженіемъ недоумѣнія смотрѣла на Клеопатру, что послѣдняя ни на секунду не сомнѣвалась въ ея искренности, но не сомнѣвалась также и въ томъ, что она ей не въ состояніи ничего объяснить.

— Съ вами говорилъ Конрадъ?—спросилъ она.

— Да, говорилъ... Онъ много говорилъ мнѣ.

— Не сказалъ онъ вамъ чего-нибудь особеннаго?

— Нѣтъ, онъ такъ много говорилъ... Только я не могу всего передать... Говорилъ о своихъ братьяхъ и сестрахъ... О

своей жизни.... Только я не понимаю.... Такъ, мнѣ страшно какъ-то...

— Агаша, вы любите его?—тихо спросила Клеопатра, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ... Да... Право, я ничего не понимаю,—въ испугѣ вскочила Агаша.

— Ну, простите меня, дитя мое, что я васъ словно допрашиваю,—сказала Клеопатра, цѣлуя ее.—Но вы сами такъ безпокоитесь. Ложитесь, милая, и усните.

Агаша, дѣйствительно, скоро раздѣлась и легла, съ тѣмъ же ребяческимъ испугомъ совсѣмъ закутавшись въ одѣяло, какъ будто она думала, что уже тутъ никто больше не побезпокоитъ ея и пугать не будетъ.

«Господи, помилуй меня! Господи, помилуй!» — прошептала она, не отдавая себѣ отчета, какъ нѣкогда шептала въ деревенской хибаркѣ, залѣзая на полати подъ старый отцовскій тулупъ.

VIII.

Между тѣмъ, Русановъ долго еще ходилъ по своему номеру, мрачно передумывая свои думы все о томъ же «процессѣ жизни», который не давалъ забыться на минуту, не давалъ укрыться отъ себя никуда. Онъ видѣлъ, что этотъ «процессъ жизни» врывался даже въ ихъ мирный уголокъ и налагалъ свою тяжелую печать на самыя завѣтныя упованія. Русановъ никакъ не ожидалъ, чтобы въ Никашѣ могло сказаться такъ много затаенной вражды къ тѣмъ, которые по убѣжденію были всѣ такіе же «хорошіе люди», какъ и онъ. Русановъ сильно былъ раздосадованъ Никашей въ этотъ вечеръ, и внутренно краснѣлъ отъ негодованія каждый разъ, когда вспоминалъ о немъ. Русановъ чувствовалъ, что на душѣ его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Чтобы нѣсколько разсѣяться и освѣжиться, онъ вышелъ на улицу, хотя было уже около часа ночи.

Тихая, зимняя, безмолвная ночь лежала надъ Москвой, одна изъ тѣхъ морозныхъ, свѣжихъ и ядреныхъ ночей, которыя дѣлаютъ суровую зиму такой обаятельной для русскаго. Темное небо, сплошь усѣянное миріадами звѣздъ, перепоясанное бѣлымъ звѣзднымъ поясомъ Млечнаго Пути, какъ будто уходило все дальше и дальше отъ земли въ темную надзвѣздную бездну. Воздухъ былъ чистъ, прозраченъ и какъ-то жгучъ; блестящая мелкая

изморозь искрилась около фонарей. Заиндивѣлыя деревья Тверскаго бульвара недвижно стояли въ глубокомъ снѣ. Пешеходовъ почти не было уже. Только не вдалекѣ поскрипывали по жесткому снѣгу шаги уныло и медленно ходившаго городоваго да изрѣдка сбоку провизжать полозья саней съ заиндивѣлой лошаденкой и согнувшимися отъ холода Ванькой и сѣдокомъ.

Когда Русановъ подошелъ къ памятнику Пушкина, онъ чувствовалъ себя уже не только бодрымъ, но даже повеселѣвшимъ. Онъ какъ-то обрадовался этому новому настроенію. Увидавъ огни на углу въ гостинницѣ, исключительно посѣщаемой запоздавшими кутилами и студентами и гдѣ ему самому иногда приходилось выпивать съ тѣми же студентами, онъ повернулъ къ ней. У крыльца стояли два извощика, поджидавшіе «счастливаго» сѣдока. Въ гостинницѣ народу было, видимо, не много. Въ первой залѣ сидѣлъ только какой-то мрачный господинъ съ большими усами и бритымъ подбородкомъ и лѣниво и сонно пилъ стаканъ за стаканомъ пива. Русановъ спросилъ тоже пива и помѣстился въ этой же залѣ, гдѣ, повидимому, все дремало: дремали полу-погашенные канделябры, дремали половые, дремалъ буфетчикъ и даже жиденькія поджарыя пальмы, стоявшія въ углахъ въ зеленыхъ кадушкахъ. За то въ сосѣднемъ залѣ шелъ оживленный говоръ: кто-то спорилъ, кто-то смѣялся, кто-то дребезжалъ стаканами и бутылками. Русановъ долго не могъ, да и не хотѣлъ особенно разобрать, о чемъ шла рѣчь въ веселой компаніи, какъ вдругъ раздался тонкій, рѣзкій, почти визгливый голосъ, покрывшій собою всѣ прочіе голоса, которые скоро всѣ смолкли совсѣмъ.

— Я говорю-съ,—кричалъ визгливый господинъ, видимо, даже силясь перекричать всѣхъ,—я говорю-съ, что болѣе печальнаго положенія трудно себѣ вообразить-съ, когда мальчики, у которыхъ, съ позволенія сказать, молоко на губахъ не обсохло-съ, принимаются рѣшать міровые вопросы-съ... Какъ вамъ угодно-съ: я всегда это говорилъ и говорю-съ!... Мальчишка-съ, не выдержавъ экзамена или поссорившись съ инспекторомъ, у насъ считаетъ себя въ правѣ щеголять пессимизмомъ, третируетъ en canaille восьмидесяти-милліонный народъ, объ которомъ онъ даже по географіи порядочныхъ свѣдѣній не имѣетъ-съ... А позвольте узнать, что выходитъ изъ этихъ мальчиковъ въ тридцать лѣтъ-съ? Какое общество?... Въ тридцать лѣтъ, когда собственно человѣкъ и долженъ былъ бы представить изъ себя умственную и

нравственную силу-съ, когда... однимъ словомъ-съ, мы вмѣсто того видимъ-съ цѣлые легіоны байбаковъ-господчиковъ, оскорбленныхъ якобы героевъ, которые заражаютъ воздухъ безнадежнымъ нытьемъ... Они даже-съ не въ состояніи помочь сами себѣ, лучшимъ изъ своихъ-съ, которые гибнутъ, съ женами и дѣтьми, на ихъ глазахъ-съ отъ позорной нужды-съ... Постыдитесь! Очнитесь! Настоящіе пессимисты умѣли, по крайней мѣрѣ-съ, умирать!—закончилъ ораторъ даже съ визгомъ, обращаясь къ кому-то.

«Пожалуй, онъ былъ бы правъ, еслибъ...»—подумалъ было про себя Русановъ, отпивая глотокъ, какъ вдругъ стаканъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Пошелъ вонъ!... Вонъ отсюда, или я расшибу твою тупую, безмозглую, вагнеровскую башку!—вдругъ загремѣлъ звучный, сильный, но еще очень молодой голосъ.

Не было сомнѣнія, это былъ голосъ Конрада.

— Вы сумасшедшій, Кремлевъ!—пропищалъ визгливый голосъ.

— Пошелъ вонъ отсюда, или я тебѣ докажу, что Кремлевы умѣютъ лучше умирать, чѣмъ жить съ такими... ослами!

— Вы пьяны... Я не хочу имѣть теперь съ вами дѣла. Но вы мнѣ отвѣтите, Кремлевъ, отвѣтите!—провизжалъ низенькій господинъ, тонкій и юркій, въ золотыхъ очкахъ, съ большимъ носомъ, маленькими, мелкими шажками быстро проходя мимо Русанова въ швейцарскую.

Русановъ узналъ въ немъ Зобова, фельетониста одной маленькой московской газеты, постоянно тёршагося среди молодежи.

Половые давно уже повскакали и стояли готовые на всякій случай въ дверяхъ залы.

Русановъ въ волненіи взглянулъ изъ-за нихъ на шумѣвшую группу, которая продолжала ожесточенно спорить. Одни доказывали, что Зобовъ правъ, другіе возражали. Между тѣмъ какъ Конрадъ, весь розовый, пошатываясь съ бутылкой въ одной рукѣ, а другой поддерживая повисшую на его локтѣ молоденькую женщину съ усталыми глазами и блѣдную, стоялъ передъ столомъ и силился, кажется, произнести за что-то тостъ.

— Господа! За единственный... За единственный, господа!... За единственный счастливѣйшій день, господа, какой можетъ быть въ жизни!... Господа, пьемъ!—кричалъ онъ уже осипшимъ, но все еще нѣжнымъ юношескимъ голосомъ.

— Пей, Marie!

Русановъ, сурово надвинувъ брови, быстро подошелъ къ своему столу, наскоро расплатился и вышелъ вонъ.

На утро Русановъ, едва вставъ, тотчасъ же пошелъ къ Саввѣ узнать о Конрадѣ. Оказалось, что Конрадъ не ночевалъ дома уже двѣ ночи. Русановъ ничего не разсказывалъ Саввѣ, только просилъ сказать Конраду, когда онъ вернется, чтобы тотъ непремѣнно зашелъ къ нему. Но Конрадъ не пришелъ въ этотъ день.

На слѣдующее утро, за утреннимъ чаемъ, Русановъ, читавшій газету, вдругъ опустилъ ее и измѣнился въ лицѣ.

— Что съ вами?—спросила изумленная Клеопатра.

Скрывать было невозможно.

— Конрадъ застрѣлился, въ номерѣ, въ гостинницѣ... Но это, можетъ быть, ошибка,—прибавилъ онъ, совершенно увѣренный, что это очень могло быть.

Агаша, слабо вскрикнувъ, вскочила и замерла на мѣстѣ, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ; казалось, испугъ, который не покидалъ ея, достигъ теперь высочайшей степени.

Клеопатра Павловна сначала поблѣднѣла, замерла, даже не вскрикнула, не сняла со стола побѣлѣвшую руку, но потомъ съ ней случилось что-то странное: она взглянула сердитыми, непріязненными глазами сначала на Агашу, потомъ на Русанова и медленно вышла изъ номера.

Русановъ побѣжалъ къ Кремлевымъ. У Саввы дверь была раскрыта нà-стежь. Шубы, свалившіяся съ вѣшалки, валялись на полу. Въ залѣ толкался народъ и о чемъ-то, кажется, совершенно безсознательно хлопоталъ. Глашенька суетливо бѣгала изъ комнаты въ комнату, Савва ходилъ изъ угла въ уголъ, не замѣчая сновавшихъ ему подъ ноги дѣтей; тутъ же нянька и кухарка зачѣмъ-то топтались, вздыхая и заставляя дѣтей совершенно безъ толку переходить съ мѣста на мѣсто.

Тутъ были уже и Вуколъ, и Аполлонъ. Вуколъ, высокій и тоненькій мужчина, лѣтъ сорока слишкомъ, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы вплоть до шеи, на которой виднѣлся только черный галстухъ, ходилъ медленно и осторожно, какъ будто боясь кого-нибудь побезпокоить, около стола и отъ времени до времени бралъ измятый нумеръ газеты, пробѣгалъ

внимательно прискорбное извѣстіе и клалъ опять и начиналъ ходить, погруженный въ глубокое созерцаніе. Его взглядъ, жесты, движенія были мягки, плавны и какъ - то даже излишне-предупредительны. Тѣмъ не менѣе, было замѣтно, что этотъ человѣкъ весь настолько поглащенъ внутреннимъ, совершающимся въ немъ процессомъ, что врядъ ли кто-либо могъ разсчитывать но его откровенность. Вообще, несмотря на утрированную даже мягкость его движеній, голосъ и взгляды, онъ производилъ странное, нѣсколько какъ бы пугающее впечатлѣніе; особенно это было замѣтно по дѣтямъ, которыя, сконфуженно ускользая отъ его ласки, совершенно свободно терлись около мрачнаго дяди Аполлона. А Аполлонъ былъ дѣйствительно мраченъ и какъ-то вызывающе спокоенъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, бокомъ ко всѣмъ, въ старомъ, измятомъ и долго немытомъ парусинномъ пальто, несмотря на зиму, въ протертыхъ брюкахъ и сильно поношенныхъ штиблетахъ. Длинное, худое лицо его было желто и жестко, сѣрые глаза угрюмо стрѣляли изъ подлобья, но неуловимая иронія, проникавшая все существо его и придававшая лицу его нѣчто дѣтски - вызывающее, значительно смягчала впечатлѣніе отъ его «мрачности». Онъ уже переходилъ на третье мѣсто, скрываясь отъ дѣтей Саввы, и, наконецъ, вскрикнулъ: «Это чортъ знаетъ что! Отъ твоего «божьяго благословенія» дѣваться некуда! И что за манера держать дѣтей заодно съ серьезными людьми?» Савва и Глашенька переконфузились не на шутку, но, должно быть, въ тонѣ Аполлона звучало такъ мало устрашающаго для дѣтей, что его негодованіе нисколько не помѣшало двоимъ изъ нихъ забраться снова къ нему на колѣни.

— Ну, вотъ, я тебѣ говорилъ,—плаксиво началъ Савва, здороваясь съ Русановымъ,—вотъ и началось съ Кремлевыми.

— Полно!... Вы ничего не знаете о Конрадѣ, что съ нимъ было до этого?

— Ничего.

Русановъ сталъ разсказывать все, что зналъ о настроеніи Конрада за послѣднее время. Слушать разсказъ собрались всѣ чада и домочадцы Саввы. Вуколъ слушалъ стоически-спокойно (было замѣтно даже это его напряженіе), Аполлонъ равнодушно - спокойно. Савва все подергивалъ головой, какъ будто постоянно подтверждалъ, что это именно такъ все и должно было быть и что это ему и заранѣе было извѣстно. Давно уже слушалъ молча и Модестъ, остановившійся въ дверяхъ, въ иль-

ковой шубѣ, съ бояркой и тростью въ рукѣ. Онъ слушалъ, какъ слушаетъ профессоръ на экзаменѣ студента.

Модестъ, — несмотря на то, что онъ былъ старшій изъ братьевъ и что въ черной бородѣ его сильно пробивалась сѣдина,— былъ красивѣе всѣхъ, напоминая Анну. Это была одна изъ тѣхъ физіономій съ печатью блигородной грусти, при видѣ которыхъ невольно думается: «да, этотъ господинъ пережилъ не одинъ любовный романъ!»

— Ну, вотъ, — сказалъ Савва, когда кончилъ Русановъ.— Я тебѣ говорилъ...

Вуколъ ничего не сказалъ.

Но Аполлонъ очень внятно и внушительно произнесъ: «Нечего сказать! Стоило родиться, чтобы доказать столь интересное положеніе! Впрочемъ, мы, Кремлевы, кажется, всѣ изъ кишокъ лѣземъ, чтобы что-то кому-то доказать. И кого это мы благоудивить думаемъ?!»

Модестъ аккуратно переносилъ свои холодно-внимательные глаза съ одного дѣлавшаго замѣчанія на другаго. Наконецъ, онъ обвелъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и спросилъ:

— Однако, гдѣ же онъ теперь?

— На томъ свѣтѣ-съ!—съострилъ Аполлонъ.

— Нѣтъ, т.-е. тѣло...

— Я, право, не знаю, — замѣтилъ хлопотливо и растерянно Савва.—Все это такъ неожиданно... Мы только сами узнали... Вѣдь, это должна полиція, что ли...

— Гдѣ эта гостинница?—спросилъ Модестъ.

Ему сказали.

— Я съѣзжу... Да прошу не говорить Аннѣ,—сказалъ онъ.— Положимъ, она все равно умретъ... но тѣмъ менѣе слѣдуетъ ей интересоваться тѣмъ, что дѣлается на землѣ,—прибавилъ онъ, улыбнулся и ушелъ.

Русановъ взялъ на себя порученіе отправить телеграмму старику Кремлеву.

Во весь этотъ день Клеопатра, видимо, избѣгала встрѣчаться съ Русановымъ и даже не интересовалась, что къ обѣду не пришла Агаша, и они отобѣдали вдвоемъ, молча. Русановъ замѣтилъ, что выраженіе непріязни на ея лицѣ, казалось, такъ и застыло. Наступилъ вечеръ, а Агаша все не приходила; Русановъ начиналъ безпокоиться, когда вдругъ на столикѣ Агаши, въ номерѣ Клео-

патры, замѣтилъ запечатанное письмо. Онъ передалъ его Клеопатрѣ. Та прочитала и не сказала ничего. На нее нашелъ нервный столбнякъ. Она, попрежнему, сѣла на диванчикъ и стала смотрѣть неподвижно въ стѣну.

Агаша писала: «Простите меня... Я, ей-Богу, ничего не могу сообразить, что со мной дѣлается. Только мнѣ страшно... Только я не могу больше... Не кляните меня, неблагодарную... Я уѣду къ маменькѣ».

Перевертывая, задумчиво, это письмо въ рукахъ, Русановъ замѣтилъ другое, валявшееся подъ столомъ и писанное рукой Конрада.

Онъ поднялъ и прочиталъ.

«Я васъ жду завтра. Будетъ вамъ малодушествовать! Тяжело видѣть сильную молодую натуру, ведущую какую-то растительную жизнь. И неужели вамъ ни разу не было тошно отъ постояннаго сосѣдства сорокалѣтнихъ старичковъ, безвкусно перетряхивающихъ старье, въ которое извѣрились сами? Впрочемъ, объ этомъ я, кажется, достаточно толковалъ съ вами! Я не люблю повторяться. Слышите же! Я жду васъ на мой «праздникъ жизни». Ахъ, какъ хороша хоть одна минута, но полная, захватывающая!... Если не придете, да будетъ надъ вами вѣчно тяготѣть мое презрѣніе! Адресъ и время вамъ извѣстны».

«Глупенькая! даже не съумѣла спрятать концы въ воду»,—подумалъ Русановъ въ первую минуту, но затѣмъ онъ почувствовалъ, какъ начинали выступать у него багровыя пятна на щекахъ, на лбу. Онъ инстинктивно сунулъ записку въ карманъ и быстро вышелъ, боясь, чтобы Клеопатра не вернула его и не потребовала это письмо.

Скоро онъ ушелъ изъ квартиры совсѣмъ, даже забывъ, что оставляетъ Клеопатру почти безпомощной. Онъ вернулся только къ ночи и, измученный, повалился на постель.

. . . .

На третье утро послѣ смерти Конрада, Русановъ и Клеопатра, молчаливые, угрюмые, избѣгая смотрѣть другъ на друга, сидѣли по угламъ чайнаго стола, когда въ номерѣ Русанова послышался торопливый, тяжелый шумъ, тяжелое, прерывистое дыханіе; дверь нà-стежь отворилась—и передъ изумленными до ужаса глазами Русанова и Клеопатры показалась фигура старика Кремлева. Въ медвѣжьей шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ, въ мерлушьей шапкѣ на всклокоченныхъ сѣдыхъ волосахъ, со сбитой на сторону,

мокрой отъ инея бородой, весь красный, безумно ворочая воспаленными глазами, старикъ, тряся толстой съ круглымъ набалдашникомъ палкой, закричалъ, едва переступивъ порогъ:

— Вы мнѣ отвѣтите за него!... Отвѣтите! Клянусь истиннымъ Богомъ, отвѣтите!

Клеопатра вскрикнула, истерически зарыдала и, въ нервномъ припадкѣ, откинулась къ стѣнкѣ кресла. Русановъ бросился къ ней, а старикъ, между тѣмъ, кричалъ:

— Отдайте моего сына! Отдайте... моего Конрада, Конрада... Мнѣ больше ничего не нужно... Ничего больше...

И старикъ завылъ какъ-то: то были не то рыданія, не то стоны.

— Что я говорю?... Я съ ума схожу... Умъ у меня мѣшается... Сударыня, простите меня... глупаго, сумасшедшаго старика! Простите, сударыня!—вдругъ сталъ онъ умолять, ползая на колѣняхъ передъ Клеопатрой и волоча за собой полы тяжелой шубы. Русановъ, уложивъ на постель Клеопатру, бросился къ старику, кое-какъ поднялъ его съ полу и усадилъ въ кресло.

Кремлевъ, безпомощно опустивъ голову на грудь, слабо и тихо нылъ и стоналъ. По лицу его и бородѣ лились слезы, изо рта текла слюна, какъ у разбитаго параличемъ.

Русановъ невольно на секунду отвернулся, закрывъ лицо руками. Слезы душили его.

Н. Златовратскій.

НА ВСТРѢЧУ СЧАСТЬЮ *).

(Shandon Bells).

Романъ Вилльяма Блэка.

Глава XXI.

Неожиданная комбинація.

Безъ всякихъ тревожныхъ мыслей или предчувствій направился Фицджеральдъ въ этотъ вечеръ къ мистриссъ Четвиндъ. Ему горя мало было отъ того, что бы ни случилось съ нимъ въ это свиданіе, и онъ почти не думалъ о послѣдствіяхъ.

Войдя въ домъ, онъ оставилъ пальто и шляпу въ передней и отправился со связкой книгъ и журналовъ въ гостинную. Къ своему большому удивленію, онъ не засталъ тамъ никого. Положивъ связку на столъ, онъ подошелъ къ камину и вперилъ взглядъ на колеблющійся огонь, точно искалъ въ немъ разрѣшенія какихъ-то сомнѣній. Въ комнатѣ царила глубочайшая тишина.

Легкій шорохъ вызвалъ его изъ размышленій, и, обернувшись, онъ увидалъ Мэри Четвиндъ, приближавшуюся къ нему съ доброй улыбкой на губахъ.

— Здравствуйте, мистеръ Фицджеральдъ,—сказала она, глядя на него своимъ яснымъ взоромъ.

Онъ почтительно отвѣчалъ на ея привѣтствіе.

— Тетушка вамъ кланяется и очень жалѣетъ, что не увидитъ васъ сегодня. Она простудилась и докторъ велѣлъ ей дня два не выходить изъ спальни. Не желаете ли вы сѣсть?

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

Говоря это, миссъ Четвиндъ опустилась въ кресло у камина. Что за изумительное самообладаніе у этой дѣвушки! Все, что бы она ни дѣлала, ни говорила, выходило такъ просто и естественно! Глядя на ея спокойныя и граціозныя манеры, онъ невольно вспомнилъ Китти, то игривую, то нѣжную, то шаловливую, конечно, безъ всякаго желанія проводить между ними параллель. Китти была для него единственною женщиною на свѣтѣ; другой такой, какъ она, не существовало.

— Надѣюсь, что нездоровье вашей тетушки не серьезно?— спросилъ онъ.

— О! нѣтъ, нисколько. Да, правду сказать, я такъ жестока, что даже рада ему. Оно даетъ мнѣ возможность поговорить съ вами въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, если вы согласны удѣлить мнѣ ихъ. Я имѣю къ вамъ большую просьбу, и боюсь, что не съумѣю изложить ее какъ слѣдуетъ.

Она вовсе не имѣла испуганнаго вида, а говорила очень добродушно: даже глаза ея какъ будто улыбались.

— Быть можетъ, я могу вывести васъ изъ затрудненія, миссъ Четвиндъ,—началъ Фицджеральдъ.—Я догадываюсь, кажется, о цѣли нашей бесѣды...

— Не думаю, чтобы вы могли мнѣ помочь.

— Я хотѣлъ только сказать,—продолжалъ онъ равнодушно,— что если у васъ есть кто-нибудь, кому вы желаете передать мое мѣсто, я прошу васъ сдѣлать это не задумываясь.

— О, вопросъ совсѣмъ не въ этомъ!—поспѣшно перебила она его.—Кто могъ бы замѣнить васъ? Напротивъ, мистеръ Фицджеральдъ, я вамъ очень благодарна, да и всѣ мы. Вы вернули тетушкѣ прежнюю веселость и разговорчивость; она только и толкуетъ, что о васъ, о вашихъ статьяхъ и о вашемъ пріятелѣ, шотландскомъ художникѣ. Нѣтъ, дѣло совершенно не въ томъ.

Во всякое другое время Фицджеральдъ слушалъ бы съ удовольствіемъ эти ласковыя и искреннія слова, въ особенности потому, что не подозрѣвалъ до той поры, какъ смотритъ миссъ Четвиндъ на его положеніе въ домѣ. Но въ этотъ вечеръ мысли его были далеко; ему было безразлично, какая бы судьба ни постигла его занятія съ мистриссъ Четвиндъ; на сердцѣ у него было невыносимо тяжко, и онъ самъ не зналъ почему.

— Вы не разъ, конечно, слыхали отъ тетушки объ ея помѣстьѣ Boat of Harry?

— Да,—отвѣчалъ Фицджеральдъ, встрепенувшись; онъ вспо-

мнилъ, что это мѣсто находилось въ Ирландіи и было поэтому на цѣлыхъ триста съ лишнимъ миль ближе къ его мыслямъ.

— Такъ вотъ о немъ я и хочу съ вами поговорить. Но, прежде чѣмъ высказать свою просьбу, я должна дать вамъ нѣкоторыя объясненія. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что тетушка по своему рѣдкому великодушію подарила свое имѣніе, съ полной обстановкой, лошадьми, экипажами и всѣмъ прочимъ, моему бѣдному брату.

— Да, я знаю,—отвѣчалъ Фицджеральдъ, много слышавшій уже изъ разныхъ источниковъ объ этомъ имѣніи на берегу залива Бэнтри и почему-то думавшій одно время, что миссъ Четвиндъ хочетъ послать его туда въ качествѣ управляющаго или смотрителя.

— Къ счастью, братъ мой былъ самъ довольно богатъ и могъ поддерживать это имѣніе,—продолжала миссъ Четвиндъ.—Но, все-таки, главною его страстью была охота, и онъ постоянно жилъ зимою въ Англіи. За то лѣто и осень онъ проводилъ въ Boat of Harry, куда иногда пріѣзжали на короткое время и мы съ тетушкой. Это были счастливѣйшіе дни ея жизни; она просто боготворила своего милаго мальчика, какъ она его называла, съ гордостью смотрѣла, какъ онъ хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи. Ея привязанности къ нему не было придѣловъ. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что она страшно боится моря...

— Я догадывался объ этомъ по нѣкоторымъ ея отзывамъ.

— Кажется, она сама чуть не потонула еще дѣвушкой. Какъ бы то ни было, она терпѣть не можетъ морскихъ плаваній, но, однако, все-таки, купила для Франка маленькій пароходъ и, преодолѣвая свою нервность, ѣздила на немъ кататься, меня брала съ собой и притворялась, что въ восторгѣ, когда мы съ шумомъ и свистомъ неслись мимо Гленгарифа, ежеминутно опасаясь налетѣть на скалу. Какъ смотрѣла я на эти экскурсіи — нечего вамъ и говорить...

— Я небольшой знатокъ этого рода ощущеній, но, все-таки, понимаю, что дамамъ оно должно быть не по вкусу.

Говоря это, онъ все время думалъ только о Гленгарифѣ. Проѣзжала ли тамъ Китти съ своей спутницей? Гуляли ли онѣ на берегу моря въ сумеркахъ? Что это она не пишетъ до сихъ поръ?

— Потомъ, послѣ страшной катастрофы,—продолжала миссъ Четвиндъ, на мгновенье отвернувшись,—когда мы лишились нашего бѣднаго Франка, я думала, что тетушка никогда болѣе

не оправится. У нея исчезъ весь интересъ къ жизни. Она пожелала, чтобъ Boat of Harry оставался нетронутымъ, какъ былъ при жизни брата. Ни до чего нельзя было прикоснуться. Состояніе его, видите ли, перешло къ ней. Жить въ имѣніи ей было невыносимо; еще невозможнѣе казалось продать его. Такъ оно и остается до нынѣшняго дня.

Она слегка вздохнула.

— Вы знаете теперь печальную сторону дѣла. Быть можетъ. бо́льшая часть моего разсказа была вамъ уже раньше извѣстна. А теперь вернемся къ моей просьбѣ, мистеръ Фицджеральдъ. Она очень проста и совсѣмъ не сентиментальна. Мнѣ кажется, просто грѣшно оставлять такое прекрасное имѣніе совершенно безъ пользы. Думаю, что и тетушка согласилась бы съ этимъ, еслибъ перемѣна совершилась постепенно. Я, конечно. не желала бы, чтобъ она продала его; оно уже давно принадлежитъ тетушкиной семьѣ и съ нимъ связаны, къ тому же, воспоминанія для насъ обѣихъ. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ погибъ мой бѣдный братъ. Тетушка, повторяю, стала гораздо болѣе походить на прежнюю мистриссъ Четвиндъ съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ вами, и значительно менѣе хандритъ. Ну, скажите, пожалуйста, не находите ли и вы тоже, что такое мѣсто, какъ наше имѣніе, не должно пропадать безъ пользы?

— Конечно, отвѣчалъ Фицджеральдъ.—Да развѣ никто тамъ не живетъ?

— Нѣтъ, въ томъ-то и нелѣпость. Впрочемъ, мнѣ и говорить бы такъ не слѣдовало; вѣдь, это происходитъ отъ любви тетушки къ Франку! Никто тамъ не живетъ. Мы должны платить,—или, по крайней мѣрѣ, хоть тетя платитъ,—за содержаніе цѣлой домашней обстановки и взамѣнъ этого получаемъ иногда осенью ящикъ съ дичью или штуку лососины. У насъ. вѣдь, тамъ цѣлый штатъ—лошади, кучеръ, охотникъ, лодочникъ, двѣ женщины—и единственное живое существо, хотя изрѣдка пользующееся всѣмъ этимъ, это нашъ повѣренный, Макъ-Джи, и то. когда онъ пріѣзжаетъ платить прислугѣ жалованье и немного поохотиться или покататься на пароходѣ.

Я предлагала тетушкѣ перевезти въ Лондонъ, по крайней мѣрѣ. хоть лошадей, но когда она на это ничего не отвѣчала, а только отвернулась, чтобы скрыть слезы, могла ли я настаивать? Это были лошади Франка; онъ ими гордился. То же самое и съ пароходомъ. Она и слышать не хочетъ о его продажѣ. Въ теченіе

долгаго времени всякое упоминаніе о Boat of Harry было ей такъ тяжело, что я касалась этого предмета только, когда мнѣ приходилось посылать мистеру Макъ-Джи чекъ. Да и тогда я просто говорила: «Тетя, Макъ-Джи требуетъ столько-то». Все это кажется вамъ, быть можетъ, нелѣпою сентиментальностью; пожалуй, это и такъ. Но, вѣдь, я сестра Франка, знаю, какъ добра была къ нему тетушка и, если ей хочется сохранять неприкосновеннымъ все, что ему принадлежало, то не мнѣ находить это смѣшнымъ.

— Конечно, нѣтъ,—серьезно отвѣчалъ Фицджеральдъ. Ему очень нравилось, какъ она говорила объ этомъ предметѣ. Никогда не считалъ онъ ее способною на такую отзывчивость.

— Но теперь,—продолжала миссъ Четвиндъ,—когда прошло уже столько времени и тетушка нѣсколько повеселѣла, пора, мнѣ кажется, сдѣлать ей усиліе надъ собою и извлечь пользу изъ имѣнія. Я не считаю себя жадною, но увѣряю васъ, что мнѣ досадно выдавать чеки на содержаніе такого ненужнаго мѣста. Быть можетъ, совѣсть моя возстаетъ противъ такой безцѣльной затраты, главнымъ образомъ, потому, что я вижу вокругъ себя столько нужды, горя и всякихъ страданій.

— Вы несомнѣнно правы,—отвѣчалъ Фицджеральдъ, хотя не понималъ хорошенько, при чемъ онъ тутъ. — Если мистриссъ Четвиндъ не желаетъ продать имѣніе и ей тяжело жить въ немъ самой, почему бы не отдать его въ наймы? Если охота тамъ хороша, наниматели найдутся. Мѣстность красивая.

— Вотъ это и я думаю,—отвѣчала миссъ Четвиндъ съ своей спокойной, умной улыбкой.—Только единственный человѣкъ, который могъ бы убѣдить тетю сдать имѣніе въ наймы и тѣмъ сократить расходы, это именно вы, мистеръ Фицджеральдъ. Теперь вы знаете, въ чемъ моя просьба.

— Я? Но я-то что-жь могу сдѣлать?—воскликнулъ онъ.

— Еслибъ я просила тетю отдать въ наймы нашъ домъ, она сочла бы меня жестокосердою и безчувственною,—отвѣчала миссъ Четвиндъ.—Мысль передать чужому человѣку экипажъ Франка, его ружья, каюту на пароходѣ показалась бы ей ужасною. Но ее можно пріучить къ этому постепенно. Еслибъ вы съѣздили туда и пожили тамъ нѣкоторое время, это не было бы ей непріятно. Къ вамъ она чувствуетъ величайшее расположеніе. Вы, приблизительно, ровестникъ Франка, понимаете толкъ въ охотѣ, и она нашла бы естественнымъ, что вы гостите у насъ. Разъ первый шагъ будетъ сдѣланъ, остальное пойдетъ само собою. Тогда ужь

не трудно будетъ убѣдить тетушку сдать на будущій годъ домъ кому-нибудь изъ ея друзей: нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ она называетъ нашихъ знакомыхъ, очень любятъ охоту. Знаю,—торопливо продолжала миссъ Четвиндъ, замѣтивъ на лицѣ молодаго человѣка изумленіе,—что я требую отъ васъ большой жертвы. У васъ есть работа, а я какъ будто предлагаю вамъ бросить ее на неопредѣленное время. Но такъ ли это? Я не могу представить себѣ мѣста, гдѣ лучше бы работалось, чѣмъ тамъ. если только Boat of Harry не покажется вамъ слишкомъ уединеннымъ. Въ такомъ случаѣ вы могли бы пригласить къ себѣ мистера Макъ-Джи, и будьте увѣрены, что онъ, большой любитель спорта, съ удовольствіемъ присоединится къ вамъ. Мнѣ кажется, вы черезъ-чуръ усидчиво работали съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали въ Лондонъ, и почти не выѣзжали изъ города.

— Позвольте,—сказалъ Фицджеральдъ нѣсколько растерянно,—вы это серьезно говорите? Вы дѣйствительно предлагаете мнѣ съѣздить въ ваше имѣніе?

— О, ни чуть!—сказала она ласково.—Это пока моя собственная фантазія. Только не отказывайтесь, пожалуйста, если тетушка предложитъ вамъ поѣхать въ Ирландію и отдохнуть тамъ. Я изложила теперь все положеніе дѣлъ и, еслибъ вы согласились на нашу просьбу, это было бы, какъ вы видите, большимъ одолженіемъ для всѣхъ насъ и въ особенности для меня, такъ какъ помогло бы мнѣ осуществить мой планъ.

Такое предложеніе должно бы показаться очень соблазнительнымъ всякому молодому человѣку съ такими вкусами и привычками, какъ у Фицджеральда. Но въ настоящую минуту онъ и думать не хотѣлъ объ этомъ. Другіе замыслы, гораздо болѣе важные для него и его будущаго, поглощали его.

— Вы говорите о нынѣшнемъ годѣ?—спросилъ онъ.—Я сейчасъ долженъ бы ѣхать?

Относительно того, сейчасъ ли, я еще ничего не могу опредѣлить. Скажемъ, пожалуй, что сейчасъ или, по крайней мѣрѣ, такъ скоро, какъ мнѣ удастся уломать тетушку.

— Я очень жалѣю,—отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—но важныя дѣла могутъ отозвать меня на черезъ нѣсколько дней изъ Лондона и я не могу связать себя никакимъ обѣщаніемъ.

Въ ту же минуту въ его головѣ промелькнула неожиданная мысль, отъ которой вся кровь хлынула у него къ мозгу. Что, еслибъ соединить эти двѣ экскурсіи и привезти Китти въ имѣніе

мистриссъ Четвиндъ вмѣсто Айнишина? Вотъ бы отлично! Бѣдная Китти, такъ безплодно мечтающая о каретѣ и парѣ лошадей! И экипажъ, и спокойная барская усадьба для медоваго мѣсяца, и яхта, и слуги, — все въ ея распоряженіи! Могло ли что-нибудь случиться болѣе кстати? Бываютъ же странныя совпаденія! Что передъ нимъ и Китти такъ неожиданно откроются врата этого рая на берегу моря, это, конечно, никогда и не снилось ей даже въ тѣ минуты, когда она мечтала о богатствѣ, о каретѣ, запряженной парой, и о прогулкахъ среди прелестной природы. Не побудитъ ли ее это обстоятельство назначить скорѣе опредѣленный срокъ? Устоитъ ли она передъ картиною этого счастливаго и уединеннаго уголка?

— Позвольте узнать,—быстро спросилъ онъ,—долженъ ли я ѣхать въ ваше имѣніе непремѣнно одинъ?

— Одинъ? О, нѣтъ! Я говорила о вашемъ одиночествѣ только въ томъ случаѣ, еслибъ вы пожелали продолжать тамъ литературныя занятія. Не думаю, конечно, хотя вы и большой любимецъ тети, чтобы она позволила вамъ взять съ собою большую компанію...

— О, я вовсе не объ этомъ говорю! — поспѣшно отвѣчалъ молодой человѣкъ. Передъ его воображеніемъ проносились въ эту минуту картины такія яркія, какихъ никогда не могъ бы нарисовать даже Джонъ Россъ.

— Это было бы большимъ одолженіемъ для меня,—снова начала дѣвушка, видя, что онъ возвращается къ ея плану,—отдыхомъ для васъ и услугою для бѣдной тети. Она скоро убѣдится въ этомъ. Настоящее положеніе дѣлъ не можетъ долго тянуться, и я увѣрена, разъ началась бы постепенная перемѣна, тетя первая согласится, что такъ лучше. Сказать правду, мистеръ Фицджеральдъ, я боялась одно время ея idée fixe. Она была мнѣ непріятна, въ особенности когда я знала, что тетушка одна: меланхолія ея становилась тогда болѣзненною и совершенно безнадежною. Теперь же, когда тетя снова начала интересоваться ежедневною жизнью, несомнѣнно, настало для нея время преодолѣть свою чувствительность и позволить произвести нѣкоторыя перемѣны въ Boat of Harry, и никто не можетъ сдѣлать этого лучше васъ. Не знаю, приходило ли вамъ въ голову,—продолжала миссъ Четвиндъ, и въ первый разъ въ теченіе всего разговора въ ней обнаружилось нѣкоторое смущеніе,—но мнѣ кажется, что тетушкѣ хочется, насколько это пока возможно, поставить васъ на

мѣсто Франка, т.-е.. я хочу сказать, въ сферѣ ея привязанностей и интересовъ. Меня просто поражаетъ, когда я вхожу иногда случайно въ комнату, что тетя говоритъ съ вами совершенно тѣмъ тономъ, какъ нѣкогда съ нимъ. Ей кажется, что вы одного съ нимъ роста, хотя вы гораздо выше его. Бѣдная тетя подчасъ забываетъ кое-что; вотъ ей и представляется, что братъ мой такъ же любилъ книги, поэзію, какъ и вы; между тѣмъ, если Франкъ ненавидѣлъ что-нибудь на свѣтѣ, такъ именно книги. кромѣ тѣхъ, которыя касались спорта. Не большую библіотеку найдете вы въ Boat of Harry, если съѣздите туда. Вы, можетъ быть, находите, что я нехорошо дѣлаю, говоря такъ о своемъ умершемъ братѣ. Мнѣ и самой иногда кажется, что во мнѣ недостатокъ чувствительности, потому что я не могу вѣрить во все, что говоритъ о Франкѣ бѣдная тетя. А, все-таки, я его очень любила; весь міръ измѣнился для меня послѣ его смерти; мнѣ казалось, что я уже ни съ кѣмъ болѣе не сойдусь и не найду никого, кто принесетъ мнѣ столько пользы, говоря со мной просто и трезво, если я готова увлечься невозможными фантазіями. Но, когда я вижу, какъ часто встрѣчаются вокругъ насъ подобныя утраты, мнѣ кажется иной разъ, что я еще слишкомъ горюю, что мнѣ слѣдовало бы вовсе не думать о братѣ, а дѣлать свое дѣло и вѣрить, что все къ лучшему. Только міръ точно опустѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Франкъ. Знаете ли что, мистеръ Фицжеральдъ? Я не очень сентиментальна, но и мнѣ было бы непріятно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, еслибъ вы привезли большую компанію чужихъ людей въ Boat of Harry.

— О! конечно, нѣтъ,—сказалъ онъ торопливо. — Мнѣ и въ голову это не приходило.

Губы ея слегка дрожали.

— Еслибъ кто-нибудь поѣхалъ со мною,—снова началъ онъ, думая, что лучше будетъ, если она узнаетъ всю правду,—такъ только моя жена.

— Но, вѣдь, вы не женаты, мистеръ Фицджеральдъ!—воскликнула она съ изумленіемъ.

— Нѣтъ...

— Значитъ, скоро женитесь?—продолжала миссъ Четвиндъ, но тутъ же поспѣшно опустила глаза.—Извините, пожалуйста: я отняла у васъ слишкомъ много времени. Зачѣмъ не остано-

вили вы мою болтовню? Ну, такъ что-жь? Могу я считать васъ своимъ союзникомъ?

— Миссъ Четвиндъ,—улыбаясь, сказалъ молодой человѣкъ,—я подозрѣваю, что у васъ такіе же пріемы, какъ и у вашей тетушки, и что вы тоже дѣлаете добро, точно какъ будто сами принимаете одолженіе.

— Напротивъ,—отвѣчала она, подавая ему руку,—мои намѣренія очень корыстолюбивы Я не хочу, чтобы деньги тратились даромъ изъ года въ годъ, и прошу вашей помощи въ этомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу скрыть, что вамъ будетъ у насъ хорошо. Покойной ночи и спасибо!

Несмотря на его страстное желаніе выйти скорѣе на улицу и обдумать смыслъ новаго предложенія, которое онъ передастъ Китти, Фицджеральдъ не могъ не вынести изъ этого свиданія пріятнаго впечатлѣнія. Мэри Четвиндъ говорила съ нимъ такъ мило, серьезно и искренно, что онъ почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти. Быть можетъ, онъ не понималъ ее хорошенько до того времени. Незамѣтно, чтобы ея сердце ожесточилось подъ вліяніемъ умственныхъ занятій. Что, если между наукою и чувствомъ нѣтъ, въ концѣ-концовъ, никакого смертельнаго антагонизма? Какъ ласково говорила она о старушкѣ, какая искренняя привязанность сказывалась въ каждомъ ея замѣчаніи о братѣ! Даже въ мимолетномъ смущеніи ея было что-то женственное; она сейчасъ же прекратила разспросы, лишь только подумала, что они могутъ быть оскорбительны. Если же, благодаря ей, такое великое счастіе выпадетъ на долю Китти и его, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы доказать миссъ Четвиндъ, какъ благодаренъ онъ за ея вниманіе.

Прежде всего, необходимо тотчасъ же увѣдомить Китти. Онъ радъ былъ всякому лишнему средству убѣдить ее, а этотъ доводъ,—такъ подсказывало ему, по крайней мѣрѣ, его пылкое воображеніе,—былъ достаточно соблазнителенъ. Только подѣйствуетъ ли онъ на нее въ такой же степени? Представятся ли и ей всѣ минуты ихъ будущей совмѣстной жизни въ домѣ на берегу моря, какъ онѣ рисовались въ его фантазіи? Какъ жаль, что онъ не могъ прибавить по утру этотъ лишній аргументъ къ своему посланію. Ну, да все равно! Когда она пріѣдетъ въ Лимерикъ, оба письма будутъ, навѣрное, заразъ ожидать ее на почтѣ!

Потомъ, въ своемъ нетерпѣніи, онъ поспѣшилъ на телеграфную станцію и отправилъ Китти слѣдующую депешу: «Если ты

все еще въ Килларнэѣ, вытребуй письма изъ Лимерика. Не отвѣчай на первое письмо, пока не получишь второго. Увѣдомь, дошла ли телеграмма».

Это второе письмо было то самое, которое онъ только что собирался писать. Онъ рѣшился принять самый дѣловой тонъ и предположить, что Китти будетъ въ восторгѣ отъ предложенія миссъ Четвиндъ. Зачѣмъ станетъ онъ уговаривать и умолять ее? Развѣ его преданная Китти не столько же порадуется осуществленію ихъ самыхъ дорогихъ надеждъ, какъ и онъ? Ей нечего бояться свадебныхъ расходовъ; чѣмъ проще будетъ все, тѣмъ лучше. И если онъ невольно выпустилъ нѣкоторыя мелкія подробности и, ничуть не искажая истины, далъ Китти возможность думать, что предложеніе жить въ имѣніи было сдѣлано миссъ Четвиндъ только въ виду ихъ предстоящей свадебной поѣздки, что за бѣда? Пускай Китти вѣритъ, что ей хотѣли оказать вниманіе!

Все, что отъ него зависѣло, было теперь сдѣлано. Отправивъ письмо, онъ вернулся домой, отыскалъ Росса и провелъ вечеръ въ его мастерской. Послѣднее время Фицджеральдъ какъ-то боялся сидѣть одинъ на одинъ въ своей комнатѣ наверху. Странныя мысли проносились тогда въ его умѣ, опасенія, отъ которыхъ захватывало духъ, страшныя, ненавистныя, недостойныя его и обидныя для преданной и нѣжной Китти. Кто же заступится за ея честь и вѣрность, если даже онъ усомнится въ ней?

Глава XXII.

Разрѣшеніе сомнѣній.

Дни шли за днями, ни принося ни писемъ, ни телеграммъ въ скромное жилище на Фольгэмской дорогѣ. Работать стало для Фицджеральда невозможно. Онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, прислушиваясь къ шагу почтальона, или праздно бродилъ по улицамъ, въ увѣренности, что письмо будетъ непремѣнно ожидать его дома.

Росса онъ всячески старался избѣгать, но это было не легко. Художникъ приходилъ наверхъ, съ минуту смотрѣлъ на него, потомъ, по обыкновенію, подозрительно озирался, точно желалъ охватить взоромъ всѣ подробности, и сейчасъ же тащилъ Фиц-

джеральда къ себѣ въ мастерскую, гдѣ ужинъ, роскошный, по ихъ понятіямъ, былъ всегда приготовленъ для двухъ.

— Я уже раза два за послѣднее время подмѣчалъ кое-что за вами, пріятель. Вы опять принялись за старое?

— За что именно?

— Морите себя съ голода.

— Нисколько. Зачѣмъ стану я морить себя, когда имѣю вѣрныхъ четыре фунта въ недѣлю и шансы получить еще больше?

Россъ что-то ворчалъ, ставя на столъ разные предметы. Потомъ онъ принесъ для своего друга бутылку пива, и пріятели, наконецъ, усѣлись. Фицджеральдъ началъ говорить о несчастіи, случившемся наканунѣ на желѣзной дорогѣ, но у Росса были другія мысли на умѣ.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не морите себя съ голода?— опять началъ онъ, взглянувъ вскользь на сосѣда.

— Ни чуть.

— Ну, а вы, все-таки, выглядываете нехорошо. Вы слишкомъ много бываете дома и въ городѣ и скоро совсѣмъ забудете, на что похожа деревня. Хороша же будетъ тогда ваша литература— блѣднолицая и безкровная! Да что же это съ вами, наконецъ, чортъ возьми!—сердито воскликнулъ онъ.—Не хотите даже мяса?

Фицджеральдъ оттолкнулъ отъ себя тарелку.

— Я ужь ѣлъ сегодня,—уклончиво отвѣчалъ онъ

— Когда?

— Не очень давно.

— Когда?—повторилъ Россъ.

— Да такъ, посреди дня.

— Значитъ, вы пріучили себя не ѣсть ничего послѣ двухъ часовъ?

Что касается Росса, то онъ не дремалъ надъ своей тарелкой, и сначала Фицджеральду приходилось одному вести весь разговоръ. Онъ вращался исключительно около текущихъ газетныхъ новостей.

— Есть предметъ, о которомъ я желалъ бы, чтобы вы написали статью,—сказалъ, наконецъ, Россъ.—Это было бы полезно для многихъ.

— Что берете вы за снабженіе нуждающихся литераторовъ темами?

— О, это вовсе не годится для изящной литературы. Напротивъ, это что-то вродѣ молота для раздробленія жалкаго

лицемѣрія. Изобличите-ка, дружище, весь вредъ сочувствія, которое встрѣчается въ книгахъ,—и, прибавлю, главнымъ образомъ, въ книгахъ, написанныхъ женщинами,—къ благороднымъ личностямъ, всѣми силами старающимся поддерживать декорумъ и мучающимся изъ-за этого. Похвальная гордость, видите ли вы! Они жертвуютъ собою для семьи! Похвальная гордость, нечего сказать! Ну, страдаетъ-таки она подчасъ, я полагаю, когда кредиторы ломятся въ квартиру! Что касается меня, то я жалѣю только о тѣхъ торговцахъ, которыхъ эти люди обираютъ. Я слышалъ,—продолжалъ Россъ, съ минуту зорко глядя на Фицджеральда,—что вы, ирландцы, падки на это поддерживанье наружнаго блеска, т.-е., говоря попросту, любите жить не по карману.

Фицджеральдъ этого только и ждалъ. Подобныя выходки его пріятеля всегда кончались личнымъ примѣненіемъ.

— Нѣкоторые изъ мелкопомѣстныхъ сквайровъ дѣйствительно имѣютъ у насъ эту слабость,—отвѣчалъ онъ,—только думаю, что эту черту можно встрѣтить почти у всѣхъ обѣднѣвшихъ баръ. Имъ не легко отказываться отъ того образа жизни, къ которому они съ дѣтства привыкли.

— Но все зло заключается, главнымъ образомъ, въ самомъ началѣ, милый вы мой,—отвѣчалъ Россъ.—Начать жить не по средствамъ, вотъ въ чемъ бѣда. Ну, возьмемъ хоть васъ. Какъ думаете вы устроиться?

— Я ужь не разъ говорилъ вамъ. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ за восемь или десять шилинговъ въ недѣлю, а потомъ мы поищемъ домикъ.

— Какой величины?

— Маленькій. Знаю, о чемъ вы думаете, Россъ; не давайте лучше лукавить. Вы воображаете, что я морю себя съ голода, чтобы накопить какъ можно больше денегъ, и выводите изъ этого заключеніе, будто я замышляю жить слишкомъ роскошно. Не такъ ли?

— Именно такъ,—быстро отвѣчалъ Россъ.—Вы попали прямо въ цѣль. Я не понимаю такихъ крайнихъ мѣръ. Мнѣ все кажется, что, когда молодые люди женятся, они должны приноравливаться къ своимъ средствамъ, а улучшатся ихъ обстоятельства, можно увеличить и расходъ. Если же вы начнете пышно, а потомъ запутаетесь, неужели же я стану жалѣть васъ? Ни чуточки!

— Нѣтъ, я знаю, что̀ вы сдѣлаете,—отвѣчалъ Фицджеральдъ,

хорошо понимавшій теперь Росса.—Возьмете и выручите насъ изъ бѣды. Только въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о голодѣ.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Почему лицо у васъ такъ осунулось?—спросилъ Россъ, отъ вниманія котораго ничто не ускользало.

— Я слишкомъ усидчиво работалъ,—смущенно отвѣчалъ Фицджеральдъ,—да и безпокоился нѣсколько за послѣднее время.

— Хорошо, еслибъ вы привезли поскорѣе сюда эту молодую дѣвицу и тотчасъ же женились на ней,—сказалъ Россъ.

— Теперь, быть можетъ, этого уже недолго ждать,—былъ отвѣтъ Фицджеральда, и другъ его поглядѣлъ на него съ минуту въ надеждѣ, что онъ скажетъ еще что-нибудь, замѣтилъ его нежеланіе говорить и не продолжалъ допроса.

Слѣдующее утро опять не принесло никакихъ вѣстей. Фицджеральдъ положительно не въ силахъ былъ дольше выносить этой неопредѣленности и послалъ телеграммы въ Киллярнэй и Лимерикъ, чтобы узнать, получила ли Китти его письмо. Кромѣ того, телеграфировалъ еще лимерикскому почтмейстеру, прося сообщить, присылала ли миссъ Ромэйнъ за своей корреспонденціей. День прошелъ кое-какъ; отвѣта все не было. Теперь Фицджеральдъ уже совершенно увѣровалъ, что Китти нѣтъ ни въ Киллярнэѣ, ни въ Лимерикѣ, и тысячи предположеній тѣснились въ его встревоженной головѣ. Онъ принялся пересматривать ея письма. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтилось ему слѣдующее выраженіе: «мы двинемся по направленію къ Лимерику», и ему пришла на умъ мысль, не поѣхали ли онѣ, вмѣсто желѣзной дороги, другимъ путемъ въ дилижансѣ, и тогда мало ли какія приключенія могутъ случиться съ ними? Только этимъ объяснялось непостижимое молчаніе Китти. Но тутъ же онъ подумалъ, что никакого серьезнаго несчастія быть не могло, такъ какъ слухъ о немъ непремѣнно проникъ бы въ газеты. Бѣдовая, право, Китти! Умудрилась затеряться гдѣ-то въ горахъ!

Наконецъ, когда онъ всего менѣе ожидалъ этого, прибыло письмо или, вѣрнѣе, краткая записка.

«Милый Вилли! Я должна сказать тебѣ, что очень неделикатно надоѣдать мнѣ постоянно письмами и телеграммами. Всѣ оказываютъ мнѣ столько вниманія и пріязни, что твоя взыскательность поражаетъ меня тѣмъ болѣе. Это никому не можетъ нравиться. За письмами я въ Лимерикъ не посылала; на это не

хватило бы времени; и сама туда не поѣду, такъ какъ мой ангажементъ нарушенъ. Полагаю, однако, что мнѣ хорошо извѣстно содержаніе этихъ писемъ, и, признаюсь, уже нѣсколько устала отъ постоянныхъ препирательствъ. Ты не думаешь, повидимому, ни о чемъ, кромѣ удовлетворенія собственныхъ желаній. Имѣю ли я право пустить по міру миссъ Пэшьенсъ, у которой нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни? Она была очень добра ко мнѣ и я, понятно, не могу разстаться съ нею, не обезпечивъ сперва ее. Я искренно желаю, чтобы всѣ были довольны, въ особенности тѣ, которые мнѣ преданы, но иногда такъ трудно угодить всѣмъ, что я подчасъ, кажется, на все способна. Пожалуйста, будь поснисходительнѣе; ты черезъ-чуръ нетерпѣливъ.

«Любящая тебя Китти».

Онъ глядѣлъ на письмо въ нѣмомъ изумленіи. Неужели это писала та самая Китти, съ которою онъ гулялъ рука объ руку по полямъ въ воскресные дни, которая не находила словъ, довольно нѣжныхъ, ласкъ, достаточно теплыхъ для него? А теперь она же укоряетъ его въ недостаткѣ деликатности и дразнитъ тѣмъ, что другіе—добрѣе. Возможно ли измѣниться такъ? Онъ не помнилъ недавняго времени, не думалъ о письмахъ Китти за послѣдніе шесть или восемь мѣсяцевъ, а видѣлъ передъ собою все только Айнишинъ.

Нѣтъ, она не могла такъ измѣниться! Онъ этому не вѣритъ. Она просто была не въ духѣ и въ такія минуты писала обыкновенно торопливо, иногда безсвязно, подчасъ даже не совсѣмъ правильно. Надо взять дѣло въ собственныя руки, поѣхать и завладѣть Китти; это будетъ всего вѣрнѣе. Разъ онъ почувствуетъ въ своей рукѣ ея маленькіе, хорошенькіе пальчики, онъ успокоится. Бѣдная дѣвочка! она стала капризна только оттого, что такъ одинока.

Внезапно его поразила мысль, что она не сообщаетъ ему даже, куда ѣдетъ. Что же это такое? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ потеряетъ ее изъ виду? Неужели ея капризъ продлится неопредѣленное время? Непонятный страхъ, пронзившій его сердце точно раскаленнымъ желѣзомъ, овладѣлъ имъ. Не видя ничего передъ собою, совершенно растерянный, онъ спустился по лѣстницѣ и вошелъ въ мастерскую Росса.

— Россъ,—сказалъ онъ, и тотъ съ изумленіемъ уставился на него глазами, такъ странно звучалъ его голосъ,—я никогда не показалъ бы никому любовнаго письма. Бѣда только въ томъ,

что любви тутъ никакой нѣтъ. Я желалъ бы, чтобъ вы прочли вотъ это и сказали мнѣ, что думаете.

Онъ совершенно задыхался.

— Была между вами какая-нибудь ссора?—спросилъ Россъ, медленно и внимательно прочитавъ письмо до конца.

— Ссора? Ни тѣни ссоры,—горячо отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Сказать вамъ откровенно, что я думаю?—спросилъ Россъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица своего друга.

— Конечно! Почему же нѣтъ? Я только того и жду.

— Ну, такъ я думаю, что эта молодая дѣвушка готовится выйти замужъ за другаго.

Фицджеральдъ протянулъ руку и взялъ назадъ письмо.

— Вы совершенно ошибаетесь,—спокойно произнесъ онъ, но лицо его было блѣдно и глаза дико блуждали.—Вы совершенно ошибаетесь. Вы не знаете моей... моей милой Китти.

Онъ вышелъ, не проронивъ болѣе ни слова. Россъ понималъ его теперь слишкомъ хорошо, чтобъ послѣдовать за нимъ.

Нѣтъ, онъ не повѣритъ Россу; то, что онъ говоритъ, противно человѣческой природѣ. Сердце женщины не можетъ быть такъ вѣроломно. Его милая Китти не станетъ нѣжно глядѣть въ другіе глаза. Онъ слишкомъ живо помнитъ, какъ сильно билось еще недавно ея сердце.

Наконецъ, прибыло новое письмо.

«Любезный мистеръ Фицджеральдъ! Посреди хлопотъ укладыванія мнѣ поручено сообщить вамъ извѣстіе, которое, боюсь, нѣсколько огорчитъ, но, навѣрное, мало удивитъ васъ. Миссъ Ромэйнъ выходитъ завтра замужъ за мистера Коббса, послѣ чего молодые поѣдутъ, по всему вѣроятію, на островъ Мэнъ, гдѣ у мистера Коббса есть друзья. Что касается меня, то, признаюсь, я этому очень рада, такъ какъ, хотя миссъ Ромэйнъ всегда была добра ко мнѣ и остается неизмѣнно расположенною и теперь, ея постоянныя увлеченія то тѣмъ, то другимъ причиняли мнѣ, все-таки, много непріятностей и нерѣдко навлекали на меня подозрѣніе, будто я склоняю ее въ пользу одного или возбуждаю противъ другаго, между тѣмъ какъ я нисколько не интересуюсь такими мелочами. Всего болѣе жаль мнѣ той неустойки въ сорокъ фунтовъ, которую придется заплатить лимерикскому антрепренеру; но у мистера Коббса денегъ пропасть и, по всему вѣроятію, онъ считаетъ это пустяками. Мнѣ поручено возвратить

вамъ нѣкоторыя вещи, только раньше завтрашняго дня я не найду подходящаго ящика. Вещи будутъ застрахованы.

«Преданная вамъ Э. Пэшьенсъ».

Къ этому письму, совершенно инымъ, дрожащимъ почеркомъ было приписано въ самомъ углу одно только слово—*прости*.

Говорятъ, что утопающій видитъ въ послѣднюю минуту всѣ главныя событія своей жизни; цѣлая вереница ясныхъ, живыхъ образовъ проносится передъ нимъ въ нѣсколько секундъ. Фицжеральдъ, припавъ лицомъ къ стиснутымъ рукамъ, тоже видѣлъ рядъ картинъ, и во всѣхъ этихъ быстро смѣняющихъ другъ друга сценахъ центральною фигурою являлась постоянно женщина. Вся остальная часть его жизни была забыта. Что за чудныя картины, озаренныя лучемъ молодости, любви и надеждъ! Всюду, гдѣ бы ни представлялись онѣ ему, на морѣ, посреди скалистаго ущелья или на склонѣ зеленѣющаго холма, всюду видѣлъ онъ все тѣ же смѣющіяся губы, тѣ же улыбающіеся глаза. По временамъ сцена измѣнялась. Это ужь не море, не Айнишинъ, а ярко освѣщенная зала, брачный пиръ. Гости весело сидятъ за столомъ, но увы! говоря словами Гейне:

«Mein Liebchen war ja die Braut!»

Такъ, значитъ, ударъ былъ для него неожиданъ? Нѣтъ. Долгіе дни и недѣли жилъ онъ подъ гнетомъ какого-то безъименнаго страха, который тяготѣлъ надъ нимъ, словно мрачная туча. Онъ не хотѣлъ глядѣть на нее, старался спастись, убѣдить себя, что она не существуетъ, никогда не признавался даже самому себѣ въ своихъ сомнѣніяхъ относительно вѣрности и честности Китти. Онъ и теперь ни слова не говоритъ о лживости женщинъ, о коварныхъ уетахъ и тому подобномъ. Для этого рана его слишкомъ глубока. Ударъ поразилъ его въ самое сердце, коснулся коренныхъ основъ его вѣры въ человѣческую природу. Безсознательно, весь погруженный въ свои мысли, видя передъ собою только Айнишинъ, онъ досталъ шляпу и трость и вышелъ на улицу. День былъ прекрасный; всѣ какъ будто куда-то спѣшили. Онъ же зналъ только одно—что на свѣтѣ уже ничего не оставалось для него, развѣ нѣсколько воспоминаній. Ничто не интересовало его болѣе; у него не было ни заботъ, ни надеждъ, а, между тѣмъ, бѣднягѣ не стукнуло еще и двадцати четырехъ лѣтъ...

Глава XXIII.

Sie tragen zu Dir, o Geliebte!

Полдень въ началѣ іюня; небо ясно. Старомодная почтовая карета съ шумомъ и скрипомъ катится по пустынной дорогѣ къ заливу Бэнтри. Теплый лѣтній воздухъ наполненъ ароматомъ густо-растущей жимолости или запахомъ торфянаго дыма, поднимающагося изъ трубъ ближайшихъ избъ. Есть на что залюбоваться проѣзжему. Вода, застоявшаяся по бокамъ дороги, густо порасла голубыми незабудками. Болота переливаютъ всевозможными цвѣтами, а грубыя каменныя стѣны, окружающія жалкія фермы или сады, покрыты золотистымъ терномъ. Даже отдаленные, безплодные холмы, гдѣ скудная трава едва пробивается на голыхъ скалахъ, и тѣ пестрѣютъ различными оттѣнками и приковали бы взоръ художника. Чудный день; воздухъ ясенъ, и солнце свѣтитъ такъ ярко, что тѣни подъ живыми изгородями или крутымы выступами холмовъ кажутся совершенно черными, но это не тотъ густой мракъ, который придала бы картинѣ кисть художника, а прозрачный, лучезарный, глубокій, ясно обнаруживающій все, что въ немъ скрывается, и прерываемый остроконечными листьями ириса, густая зелень которыхъ сверкаетъ на солнцѣ.

Одинокій проѣзжій, сидящій въ дилижансѣ, смотритъ на всѣ эти предметы съ какимъ-то механическимъ вниманіемъ, точно онъ принуждаетъ себя ихъ разглядывать. Можно думать, что онъ только что вырвался изъ Долины смерти и за нимъ все еще стелется страшная черная туча, на которую онъ не смѣетъ оглянуться. Онъ занятъ или, вѣрнѣе, хочетъ заняться окружающею картиною, но въ то время, какъ онъ старается созерцать предметы безпристрастнымъ взоромъ художника, изучать обширныя болота, жалкія лачуги и унылые холмы съ точки зрѣнія колорита, онъ, въ сущности, слышитъ въ каждомъ звукѣ, замѣчаетъ въ каждой подробности только горе человѣческое и всю трагедію жизни.

Первый видъ обширнаго залива Бэнтри заставилъ сердце путешественника болѣзненно забиться. Картины и мечты, еще такъ недавно наполнявшія его душу, снова воскресли передъ нимъ. Но только на минуту. Съ страшнымъ усиліемъ отстранилъ онъ ихъ и ни за что не признался бы даже самому

себѣ, какъ болѣзненно замерло его сердце. Онъ старается увѣрить себя, что изучаетъ ландшафтъ совершенно въ духѣ Джона Росса.

Посмотрите на необъятное пространство моря, длинными зубцами врѣзавшагося въ зеленѣющій берегъ. Воздухъ покоенъ; лѣтнее небо такъ безмятежно, что голубой цвѣтъ воды кажется густою массою, окаймляющею лѣсистые острова и утесы. Далекіе холмы террассами спускаются къ безмолвному Атлантическому океану и кажутся необитаемыми и пустынными. Грустная картина, несмотря на всю прелесть дня! Но, если хочешь удалиться отъ міра, созерцать тайны природы, искать забвенія и тишины, то нигдѣ измученная душа не найдетъ, конечно, такого покоя, какъ среди этихъ далекихъ береговъ, безмолвныхъ холмовъ и ущелій!

Въ Гленгарифѣ путешественнику пришлось, однако, натолкнуться на незнакомыхъ людей. Въ хорошенькой гостинницѣ, совершенно затерянной среди деревьевъ, цвѣтовъ и кустарниковъ, онъ засталъ нѣсколькихъ туристовъ, которые сидѣли въ саду за столиками, пили чай, играли въ шахматы, курили и весело болтали. Они съ любопытствомъ оглядѣли, конечно, вновь прибывшаго, но что за бѣда? Черезъ минуту онъ скрылся уже въ домѣ и спрашивалъ хозяйку, нѣтъ ли свободной комнаты на одну ночь?

— Вы—мистеръ Фицджеральдъ, по всему вѣроятію?

— Да,—съ удивленіемъ отвѣчалъ путешественникъ.

— Для васъ оставлена уже комната.

— Поспѣю ли я завтра къ почтовой каретѣ?—спросилъ Фицджеральдъ, глубоко тронутый этимъ новымъ доказательствомъ заботливости мистриссъ Четвиндъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакой нужды, сэръ,—отвѣчала хозяйка.— За вами пріѣдетъ въ половинѣ десятаго карета изъ Boat of Harry. Мистеръ Макъ-Джи уже всѣмъ распорядился. Онъ очень жалѣетъ, что не можетъ встрѣтить васъ тамъ, но у него сегодня важное дѣло въ Кенмэрѣ.

Въ эту минуту слуга подалъ Фицджеральду книгу для путешественниковъ. Онъ машинально взялъ перо, вписалъ свое имя, потомъ началъ безцѣльно просматривать имена другихъ проѣзжихъ, но внезапно какъ будто очнулся, быстро захлопнулъ книгу и отвернулся отъ нея, точно боясь, что кто-нибудь за нимъ подсматриваетъ. Потомъ онъ пошелъ въ свою комнату,

заперся въ ней, сѣлъ къ открытому окну и пробылъ такъ до обѣда, любуясь прекрасной зеленью, прислушиваясь къ пѣнію птицъ и стараясь не думать ни о чемъ. Онъ боялся даже вспомнить страшное подозрѣніе, которое заставило его такъ поспѣшно бросить отъ себя книгу. Что за тяжесть давила его грудь! Онъ отлично зналъ, что, рано или поздно, но онъ не уѣдетъ изъ дому не перелистовавъ этихъ роковыхъ страницъ.

За обѣдомъ Фицджеральдъ сидѣлъ рядомъ съ весьма бойкимъ старичкомъ въ коричневомъ парикѣ и съ лицомъ блѣднымъ и высохшимъ. Его веселая болтовня, если не отличалась большою мудростью или глубиною, помогала коротать время. Онъ сообщилъ молодому человѣку много свѣдѣній объ окрестныхъ жителяхъ.

— Въ чемъ состоитъ, по вашему, высшая форма человѣческаго благополучія?—внезапно спросилъ старичекъ.

— Въ возможности убивать утокъ направо и налѣво,— отвѣчалъ мистеръ Вилли, чтобы только сказать что-нибудь.

— О, нѣтъ! Это наслажденіе сильное, а сильныя наслажденія всегда ведутъ къ разочарованію. Счастье заключается въ спокойствіи и довольствіи и возможно только тогда, когда мы уже пережили бурныя страсти молодости. Отъ чего зависитъ счастіе? Бóльшею частью отъ хорошаго сна. Съ своей стороны, я намѣренъ жить до девяноста лѣтъ.

— Отъ души желаю вамъ этого.

— Думаю, что доживу. Нѣтъ причинъ не дожить,—отвѣчалъ веселый старичекъ.—Я берегу свое счастье и здоровье заразъ, да это, впрочемъ, одно и то же. Единственное возбужденіе, которое я себѣ дозволяю въ теченіе всего дня, единственная вещь, нѣсколько выходящая у меня изъ общаго уровня,—это обѣденная пора. Въ ваши лѣта я дѣлалъ то, что и всѣ мои сверстники, то-есть, не бывъ пьяницей, пилъ. все-таки слишкомъ много. Содовую воду съ водкой по утру. бутылку клярета за завтракомъ, иногда еще рюмку мадеры до обѣда и установленное количество вина за столомъ. Что же оказывалось? Вся прелесть новизны исчезла, вино не возбуждало меня болѣе. Моя нервная система слишкомъ освоилась съ этими правильными возліяніями. Теперь же я не позволяю себѣ до обѣда ничего, кромѣ чая или содовой воды; за то выпиваю за столомъ извѣстную порцію шампанскаго. Мои нервы наслаждаются этимъ непривычнымъ стимуломъ, и я становлюсь даже разговорчивымъ, не такъ ли?

— Но относительно хорошаго сна—вы не сказали мнѣ еще, какимъ путемъ добываете вы его?—спросилъ Фицджеральдъ.

— Извольте, я готовъ возвѣстить это хоть съ высоты колокольни,—серьезно отвѣчалъ старикъ.—Необходимо имѣть занятіе для всѣхъ свободныхъ минутъ, такое занятіе, которое настолько приковывало бы мысли, чтобъ вы могли провести цѣлый дождливый день безъ скуки; что-нибудь такое, что забавляло бы вашъ умъ — вечеромъ, въ послѣдній часъ передъ сномъ, не оставляя. однако, у васъ въ головѣ никакихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Вотъ я и читаю для этого на ночь *Британскую энциклопедію*. Не послѣднее изданіе, куда могли бы закрасться какія-нибудь новѣйшія умозрѣнія, а изданіе 1812 года, въ сорока полутомахъ. Пока я читаю, я совершенно заинтересованъ Абруццами, Абиссиніею, Аквилеею и такъ далѣе, однако, не настолько, чтобы это могло помѣшать мнѣ уснуть, а, добравшись до конца двадцать четвертаго тома, могу начать все съизнова, не сохранивъ въ памяти не единаго факта. Одну только роскошь позволяю я себѣ, надо сознаться, именно употребленіе небольшаго числа іероглифовъ, которые я ставлю на поляхъ по мѣрѣ чтенія. Когда я снова встрѣчаюсь съ ними впослѣдствіи, я невольно говорю себѣ: «Вотъ это я читалъ въ послѣдній разъ въ Боскэстлѣ, въ гостинницѣ мистриссъ Смитъ; какая сильная буря была тогда!» Или что-нибудь другое въ этомъ родѣ.

— Вы проводите, должно быть, бо̀льшую часть вашей жизни въ гостинницахъ?—замѣтилъ Фицджеральдъ.

— Всю мою жизнь, милый мой, всю жизнь,—живо отвѣчалъ старикъ.—Съ какой стати сталъ бы я возиться съ хозяйствомъ? Я предоставляю это людямъ, гораздо болѣе опытнымъ. Могъ ли бы я быть спокоенъ и доволенъ, еслибъ бранился цѣлый день съ прислугой или мучился мыслью, не дымятъ ли мои трубы? Что мнѣ за охота хлопотать, напримѣръ, изъ-за стола? Если мнѣ не нравится столъ. моя спальня или направленіе вѣтра въ одномъ мѣстѣ, я переѣзжаю въ другое. Этого я не могъ бы сдѣлать, еслибъ былъ обремененъ собственнымъ домомъ и прислугою. Живу я сообразно съ временемъ года и нахожусь то на островѣ Уайтѣ, то въ западной Шотландіи. Англія, Шотландія и Ирландія—вотъ мой домъ; у меня громадный штатъ прислуги, и я имъ вполнѣ доволенъ. Ну, а вы какъ? Въ ваши годы не

путешествуютъ для одного только удовольствія. Позвольте узнать, какая у васъ профессія?

— Въ настоящее время никакой не имѣю,—задумчиво отвѣчалъ Фицджеральдъ.—Я помышляю о томъ, не отправиться ли мнѣ въ Америку.

— А?—сказалъ сосѣдъ, съ любопытствомъ оглядывая его.— Развѣ вы не знаете изреченія: «Америка—здѣсь или нигдѣ»?

— Это изъ Вильгельма Мейстера,—замѣтилъ Фицджеральдъ.— Признаюсь, я никогда не могъ понять его. Полагаю, однако, что въ этомъ изреченіи есть какое-нибудь остроуміе. Дѣло въ томъ, что правительство не дастъ мнѣ здѣсь ста шестидесяти акровъ земли по пяти шиллинговъ за акръ.

— Значитъ, вы хотите сдѣлаться фермеромъ? Извините, пожалуйста, но я отнюдь не думалъ бы, чтобы это занятіе для васъ годилось. Вы говорили о Вильгельмѣ Мейстерѣ,—продолжалъ пожилой господинъ все съ тою же вѣжливостью,—что думаете вы о Вертерѣ? Онъ былъ любимцемъ молодежи въ дни моей юности.

— Его я люблю еще меньше, — откровенно признался Фицджеральдъ (взглядъ его по временамъ блуждалъ, точно онъ видѣлъ передъ собою совсѣмъ иные, далекіе предметы). — Я не охотникъ до тепличныхъ чувствъ, не думаю, чтобы можно было любить женщину равнодушную, холодную, всю поглощенную хозяйственными дрязгами. Еслибъ она хоть когда-нибудь любила Вертера, дѣло было бы другое. Я понимаю, что человѣкъ можетъ оставаться всю свою жизнь вѣрнымъ женщинѣ, которая его любила и которую онъ потомъ потерялъ, т.-е. если она умерла, конечно,—прибавилъ онъ поспѣшно.—Тогда память о ней останется ему дорога на всю жизнь. Такого человѣка я не жалѣю, а считаю счастливцемъ.

— Какъ?—спросилъ старый джентльменъ,—счастливцемъ потому, что онъ лишился любимой дѣвушки?

— Да, прежде чѣмъ уличилъ ее въ невѣрности,—отвѣчалъ Фицджеральдъ совершенно просто.—Тогда ничто уже не въ состояніи ниспровергнуть его кумира. Женщина эта навсегда останется въ его глазахъ красивою и преданною, выше всякихъ подозрѣній. А разъ она была неизмѣнно добра, вѣрна и правдива, онъ легче повѣритъ, что и другія женщины такія же. Это весьма важно, т.-е. я хочу сказать, чтобъ она умерла во время, прежде чѣмъ успѣла уронить себя въ его глазахъ и показать ему, какъ лживы бываютъ люди.

— Знаете ли, мой юный другъ, что это весьма странная теорія для человѣка вашихъ лѣтъ,—замѣтилъ сосѣдъ, изумленно глядя на него.

Кровь бросилась въ лицо Фицджеральда. Онъ говорилъ самъ съ собою.

— О!—началъ онъ поспѣшно,—есть, конечно, доля правды въ томъ, что вы сказали объ Америкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для этого требуется извѣстный капиталъ. Но земля тамъ хорошая. податей, кажется, сначала не берутъ...

— Но есть ли у васъ хоть какой-нибудь практическій опытъ, позвольте спросить?

Фицджеральдъ такъ обрадовался возможности удалиться отъ жгучаго предмета, на который неожиданно наткнулся, что сообщилъ своему собесѣднику весьма подробныя свѣдѣнія о своей судьбѣ, объ усиліяхъ пробить себѣ путь въ литературномъ мірѣ Лондона и т. д. Онъ не назвалъ ни одного имени, а упомянулъ только названіе нѣкоторыхъ газетъ.

— Все, что вы мнѣ сообщили, очень интересно для меня, и вотъ по какой причинѣ,—сказалъ сосѣдъ. — Позвольте спросить, случалось ли вамъ встрѣчаться съ мистеромъ Ноэлемъ?

Мистеръ Ноэль былъ редакторомъ одной крупной ежедневной газеты и имя его пользовалось значительной извѣстностью.

— Нѣтъ, не случалось,—отвѣчалъ Фицджеральдъ.

— Быть можетъ, вы и не обращались къ нему?

— Нѣтъ, я не имѣлъ случая представиться ему.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, вотъ видите ли, я одинъ изъ собственниковъ его газеты и съ удовольствіемъ дамъ вамъ рекомендательное письмо къ мистеру Ноэлю.

Понятно, что Фицджеральдъ поблагодарилъ сосѣда за любезное предложеніе, но не торопился, однако, воспользоваться имъ. Жизнь дала ему уже нѣсколько хорошихъ уроковъ; воображеніе его поулеглось. Прошло то время. когда случайнаго разговора въ ирландской гостинницѣ было достаточно, чтобы пробудить въ немъ мечты о славѣ и извѣстности. Да и какая польза могла произойти изъ этой рекомендаціи? Даже еслибъ ему удалось писать въ газету, что-жь изъ этого? Кому это нужно? Денегъ у него теперь достаточно; время борьбы миновало; ему вовсе не хочется, чтобы его голосъ раздавался среди нестройнаго лондонскаго шума.

Тѣмъ не менѣе. онъ былъ очень благодаренъ своему старому

сосѣду за развлеченіе, доставленное его бесѣдою, такъ какъ тотчасъ же по окончаніи обѣда имъ снова овладѣлъ прежній страхъ. Онъ торопливо прошелъ мимо столика, гдѣ лежала книга для путешественниковъ, на минуту остановился, почти рѣшаясь перелистать ее и избавить себя, такимъ образомъ, отъ нестерпимой тревоги, однако, преодолѣлъ свои колебанія и не далъ себѣ на этотъ разъ воли. Что прошло, то прошло. Черная туча осталась позади. Ему надо думать о настоящемъ. Неужели здѣсь, въ этотъ прелестный вечеръ, посреди мирной красоты Гленгарифа онъ не найдетъ, чѣмъ заняться? Надо дѣлать то, что дѣлаютъ всѣ. Только, какъ бы поскорѣе уйти отъ нихъ...

Онъ сѣлъ въ лодку, приказалъ гребцу ѣхать, куда онъ хочетъ, и радъ былъ, когда они отчалили отъ берега. Потому ли, что тишина была такая глубокая, только по временамъ отрывки знакомыхъ мелодій какъ бы доносились до него изъ бездны прошлаго, напоминая о другихъ, незабвенныхъ ночахъ и сценахъ. Но, вѣдь, передъ нимъ не Айнишинъ, а Гленгарифъ. Что за чудный заливъ, что за лѣсистые холмы, таинственные острова! Далеко гдѣ-то на небѣ еще виднѣлся желтоватый свѣтъ зари; здѣсь же, у береговъ, все блѣдно, холодно и ясно. Близъ острововъ вода совершенно черная, но сіяніе неба отражается на мелкой ряби и окрашиваетъ ее золотистыми переливами. Вотъ высоко всплеснула громадная рыба; молодыя цапли крякаютъ, принимаясь гдѣ-то высоко на деревѣ за свою вечернюю трапезу; у подножья скалъ, подъ нависшимъ кустарникомъ, виднѣется по временамъ мокрая, сѣрая спина выдры и снова исчезаетъ въ глубинѣ. Лодка медленно двигается къ открытому морю; темнота сгущается; слабый сѣдой туманъ подымается у подножья холмовъ, но сумерки еще такъ ясны, что можно разобрать снасти яхты, стоящей вдали на якорѣ, точно фантастическій образъ посреди темнаго, безбрежнаго моря. Наконецъ, лодка тихо поворачиваетъ къ берегу, скользя по поверхности мелкой воды; недалеко отъ пристани легкій вѣтерокъ обдаетъ Фицджеральда ароматомъ розъ. Чудный вечеръ! Звѣзды показываются одна за другою; серебристый серпъ луны вырѣзывается на южномъ краѣ небосклона; волны тихо и немолчно лепечутъ, разбиваясь о берегъ.

Вдругъ что-то больно кольнуло сердце Фицджеральда. Онъ стоитъ одинъ у благоухающей изгороди (почти всѣ жители гостинницы вошли уже въ домъ) и мечтательно прислушивается къ глухому шепоту моря. Что это за звуки? Два человѣка идутъ

по дорогѣ, едва видимые въ усиливающемся мракѣ, и тихо напѣваютъ дуэтъ Мендельсона. Развѣ онъ никогда не слыхалъ прежде этой музыки или не понималъ всей ея нѣжности, страстности и тоски? Внезапно подъ вліяніемъ грустнаго напѣва имъ овладѣло точно какое-то безуміе. Ему показалось, что стоитъ только бросить все, поѣхать въ Коркъ, подняться на вершину холма, войти въ знакомый маленькій домъ, и онъ увидитъ, что страшный кошмаръ послѣднихъ недѣль былъ простымъ сномъ. Нѣтъ, Китти не можетъ быть измѣнницей; она не забыла его; ему легко въ этомъ убѣдиться. Надо только какъ можно скорѣе повидаться съ нею!

Пѣніе смолкло; видѣнія исчезли. Онъ стоитъ одинъ посреди ночнаго мрака и тишины. Медленно вернулся онъ въ ярко освѣщенную гостинницу и въ сѣняхъ наткнулся на старика, съ которымъ бесѣдовалъ за столомъ.

— А, это вы? Я уже удивлялся, куда это вы пропали. Вотъ письмо къ мистеру Ноэлю.

— Очень благодаренъ.

— Вы увидите, что онъ прекрасный человѣкъ; къ тому же, я не часто обременяю его просьбами.

— Мнѣ кажется, что вы дѣлаете слишкомъ много для чужаго человѣка,—откровенно сказалъ Фицджеральдъ.—Я нѣсколько знаю газетные порядки. Что, если я вдругъ до смерти надоѣмъ бѣдному мистеру Ноэлю?

— Ну, этого я не боюсь,—добродушно отвѣчалъ сосѣдъ.— Что-то въ нашемъ разговорѣ за столомъ показало мнѣ, что у васъ на молодыхъ плечахъ голова старика. Вы увидите,—прибавилъ онъ, понижая голосъ и говоря конфиденціально,—что я писалъ мистеру Ноэлю только какъ другъ. Наша газета имѣетъ нѣсколько собственниковъ, и мы порѣшили никогда не вмѣшиваться въ редакціонныя дѣла, кромѣ развѣ важныхъ случаевъ.

— Надѣюсь,—смѣясь, сказалъ Фицджеральдъ,—что распредѣленіе дивиденда принадлежитъ къ числу этихъ случаевъ?

— Дѣла наши идутъ отлично,—отвѣчалъ старикъ,—и понятно, что мы не желаемъ вмѣшиваться въ предпріятіе, которое даетъ намъ такой хорошій доходъ. Словомъ, въ письмѣ моемъ я вовсе не рекомендую васъ Ноэлю, какъ сотрудника, а просто сообщаю, что мнѣ удалось познакомиться съ вами за табль д'отомъ и что вы смекаете кое-что въ литературномъ дѣлѣ. Вотъ и все. Понимаете?

— О, вполнѣ! Очень вамъ обязанъ.

— Несмотря на то, что я самъ уже порядочная развалина,— шутливо продолжалъ старикъ,—я, все-таки, вѣрю въ пользу прилива новой крови въ организмъ; то же дѣлаетъ и мистеръ Ноэль. «Новыхъ силъ нужно для газеты»,—говорю я ему.—«Да, если можно ихъ достать»,—отвѣчаетъ онъ. Ну, мнѣ, однако, пора погрузиться въ чтеніе энциклопедіи. Не помню хорошенько, на чемъ я остановился? О, да, на *Лондонѣ*, и именно на описаніи большаго пожара. Очень интересно, увѣряю васъ. Но, — прибавилъ онъ выразительно,—не *черезъ-чуръ* интересно, не настолько, чтобы помѣшать мнѣ заснуть.

— Покойной ночи въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Фицджеральдъ.

— Я еще не лягу, въ особенности если вы придете въ гостинную. Конечно, придете; тамъ нѣсколько премиленькихъ барышень. Моя книга тутъ же, а ихъ болтовня или пѣніе мнѣ не мѣшаютъ. Напротивъ, очень пріятно оторваться отъ размышленій о древнихъ Ѳивахъ или войнахъ Александра и увидать передъ собою пухленькія щечки и хорошенькіе глазки. Я всегда нарочно оставляю книгу въ гостинной, хотя раза два эти бѣдовыя барышни прятали ее отъ меня, такъ, изъ шалости.

Онъ ушелъ, оставивъ Фицджеральда въ сѣняхъ.

— У васъ, кажется, много посѣтителей, — обратился молодой человѣкъ къ хозяйкѣ, — въ особенности по этому времени года?

— О, да. Публика очень любитъ нашу гостинницу. Многіе спѣшатъ въ Килларнэй, пока тамъ все еще въ цвѣту.

Онъ перелистывалъ книгу для путешественниковъ. Лицо и манеры его казались спокойными; сердце же билось отъ безъименнаго страха.

— Красивое мѣсто Boat of Harry?

— Да, говорятъ. Сама я тамъ никогда не была.

Онъ не слыхалъ ея отвѣта. Случайно наткнулся онъ на три имени; два изъ нихъ были соединены скобками и всѣ три написаны одной рукою:

Миссъ Ромэйнъ }
Миссъ Пэшьенсъ } изъ Корка.

Э. Л. Коббсъ . . . изъ Ливерпуля.

Онъ поспѣшно захлопнулъ книгу, не оборачиваясь, чтобъ хозяйка не видала его помертвѣлаго лица. Потомъ ушелъ въ

гостинную, забился въ уголъ и стиснулъ руками газету, держа ее высоко передъ собою; буквы казались ему огненными. Что это какъ душно? Должно быть, ночь тепла. Кто-то засмѣялся; что за странный звукъ! Раздался аккордъ; водворилась тишина. и одна изъ барышень, о которыхъ говорилъ старикъ, начала пѣть. О ужасъ! любимую пѣсню Китти. Стиснутыя руки Фицджеральда дрожали; мученія его были невообразимы. Но онъ продолжалъ упорно читать, устремляя блуждающіе глаза на слова. лишенныя для него всякаго смысла. Когда кончилась музыка. онъ, шатаясь, вышелъ, тщательно отворачивая отъ всѣхъ лицо, и нашелъ, наконецъ, тишину, прохладу и время одуматься въ своей маленькой комнатѣ наверху.

Но и тамъ странныя мысли продолжаютъ волновать его. Зачѣмъ, сидя у окна, глядитъ онъ такъ пристально на зеркало? Вѣдь, оно можетъ отражать разныя лица, не сохраняя на себѣ никакого отпечатка. Что за праздныя фантазіи! Онъ взялъ книгу и снова принялся читать; но читалось плохо. Окно все еще было отворено: свѣжій ночной воздухъ врывался въ него, но Фицджеральду было душно. Онъ какъ будто чувствовалъ, что Китти жила именно здѣсь, въ этой комнатѣ; въ корридорѣ за дверью цѣловалась она съ женихомъ, а потомъ возвращалась сюда и глядѣла въ зеркало, желая убѣдиться, такъ ли обворожительно лгали сегодня ея глаза, какъ прежде. Этими же глазами искала она и его въ Коркѣ, когда, улыбаясь и запыхавшись, прибѣжала на станцію, чтобы проводить его, безъ сомнѣнія, довольная, что онъ уѣзжаетъ и не будетъ болѣе безпокоить ее. Она отняла у него свою любовь, за то дала ему корзинку съ салатомъ, нарѣзаннымъ собственными руками. Ну, не добрая ли она, не великодушная ли? Сколько въ ней женской внимательности, ласки и заботливости! Онъ все еще видитъ, какъ она улыбалась ему и махала платкомъ, пока поѣздъ медленно удалялся отъ станціи. Она рада была, конечно, что такъ дешево отдѣлалась отъ него, что глаза ея встрѣчались съ его глазами, а онъ не умѣлъ глубоко заглянуть въ нихъ и прочесть все ихъ вѣроломство.

Воздухъ кажется ему зараженнымъ; онъ не въ силахъ долѣе оставаться въ комнатѣ. Не на этотъ ли самый подоконникъ опиралась она, любуясь прекраснымъ утромъ? О, глаза ея премиленькіе! Всякій прохожій залюбуется такимъ хорошенькимъ лицомъ. Почемъ поцѣлуи, красавица? Говорятъ, они теперь про-

дажные! Высока ли на нихъ цѣна? Откуда звать покупателя, изъ Ливерпуля или изъ Манчестера? Ну, а какъ сердца? Скоро ли продаются они въ настоящее время? Теперь, вѣдь, этотъ товаръ дешевъ!...

Онъ бросилъ книгу. Не много прочелъ онъ.

Но зачѣмъ все это презрѣніе? Вѣдь, Китти, по крайней мѣрѣ, въ Айнишинѣ, дѣлала все, что могла, чтобъ любить его. Бѣдная Китти! Ея маленькое, слишкомъ нѣжное сердце ошиблось. Она хотѣла быть предана и вѣрна ему, но ея сердечко продолжало трепетать, и что-жь дѣлать, если отъ этого разбита чужая жизнь?

Нѣтъ, онъ больше не останется въ этой комнатѣ. Въ ней все ему гадко; онъ задыхается. Спустившись по лѣстницѣ, онъ вышелъ въ ночной мракъ.

Съ юга дулъ легкій вѣтеръ; вѣтки деревьевъ дрожали и шумѣли; на берегу стоялъ гулъ. Мать-земля прислушивалась къ стону своего сына—океана. Только далеко на небѣ, посреди свѣтящихся, тихихъ звѣздъ все спокойно. Но увы! попасть туда можно не иначе, какъ черезъ темную могилу.

Глава XXIV.

Одиночество.

На слѣдующее утро старый баринъ въ коричневомъ парикѣ стоялъ на террассѣ, когда присланный изъ Boat of Harry экипажъ — помѣстительный ландо, запряженный парою красивыхъ сѣрыхъ лошадей—подкатилъ къ подъѣзду и на крыльцѣ появился Фицджеральдъ. Научившись у Росса такъ же внимательно слѣдить за выраженіемъ человѣческаго лица, какъ и за оттѣнками неодушевленныхъ предметовъ, молодой человѣкъ тотчасъ замѣтилъ, что его вчерашній другъ и покровитель былъ не только удивленъ, но даже нѣсколько смущенъ.

— Я ѣду теперь не по журнальному дѣлу,—поспѣшно сказалъ Фицджеральдъ, пока укладывали его багажъ,—а въ качествѣ агента или ревизора, чтобы осмотрѣть тутъ, поблизости, имѣніе и убѣдиться, все ли въ порядкѣ для будущаго постояльца.

— О, въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчалъ старикъ, внимательно разглядывая упряжь.—Ну, экипажемъ онъ во всякомъ случаѣ останется доволенъ. Ландо—самая подходящая вещь для нашего

непостояннаго климата, хотя нѣсколько тяжеловатая по здѣшнимъ крутымъ дорогамъ. Впрочемъ, лошади, кажется, сытыя.

— Прощайте,—сказалъ Фицджеральдъ, пожимая его руку.

— Если у меня хватитъ мужества снова припяться за газетное дѣло, я съ благодарностью воспользуюсь вашимъ рекомендательнымъ письмомъ!

— Повѣрьте, этотъ экспериментъ окажется полегче вашего предполагаемаго путешествія въ Небраску. Бросьте лучше всѣ мечты о ста шестидесяти акрахъ земли, право, бросьте!

Фицджеральдъ усѣлся въ ландо, и послѣ того какъ первая лошадь, которая, какъ онъ узналъ впослѣдствіи, называлась Веллингтономъ, встала сперва на дыбы, а потомъ бросилась въ сторону, экипажъ полетѣлъ, какъ изъ лука стрѣла. Утро было прекрасное; въ воздухѣ носилось что-то вродѣ легкаго морскаго тумана, ярко освященнаго лучами солнца. Вѣтеръ дулъ съ юга. Если это и было для молодаго человѣка чѣмъ-то, похожимъ на изгнаніе, то во всякомъ случаѣ въ прелестный, изящный уголокъ.

Однако, Фицджеральду, сидящему на мягкихъ, обитыхъ голубымъ штофомъ подушкахъ, было неловко, точно онъ нищій, внезапно превратившійся въ принца. Онъ глядѣлъ на коричневую ливрею кучера и соображалъ: «нельзя ли сдѣлать человѣческое существо, облеченное въ нее, немного поразговорчивѣе и нѣсколько менѣе почтительнымъ». Для этого онъ нарочно усилилъ свой ирландскій акцентъ и вскорѣ замѣтилъ, что его хитрость удалась, и что кучеръ, добродушный малый лѣтъ тридцати, начинаетъ глядѣть ласковѣе. Наконецъ, Фицджеральдъ обратился къ нему съ словами:

— Какъ васъ зовутъ?

— Морто Дюнъ, сэръ.

— Ну, такъ вотъ что, Морто, остановите-ка лошадей на минуту; я сяду къ вамъ на козлы. Мнѣ хочется поразспросить васъ насчетъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сэръ.

Такимъ образомъ, Фицджральдъ влѣзъ на козлы, но онъ, однако, не сразу пустился въ разговоръ о топографіи, а похвалилъ сначала лошадей, узналъ, что Веллингтонъ болѣе красивъ, но неспокоенъ; за то Дэнъ—настоящій рабочій конь и бывшій любимецъ мистера Франка. Изъ несвязной болтовни кучера о лошадяхъ, экипажахъ, сѣнѣ, охотѣ и тому подобномъ скоро, впрочемъ, обна-

ружилось, что у его милости, то-есть у прежняго владѣльца, было много любимцевъ и среди людей, и среди животныхъ, и что онъ оставилъ добрую память по себѣ. Горячъ онъ былъ, нечего грѣха таить, но гнѣвъ его разлетался отъ одного слова, и не было такой вещи, на которую не пошли бы для него люди, его окружавшіе.

Фицджеральдъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, не мало свѣдѣній о Boat of Harry и его окрестностяхъ, и бесѣда эта значительно сократила для него длинный путь. Онъ добросовѣстно относился къ своимъ новымъ обязанностямъ и внимательно разспрашивалъ Морто о цѣнахъ на хлѣбъ, о введеніи сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д. Странно казалось ему явиться хозяиномъ въ домъ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Поладитъ ли онъ съ окружающими? Какъ пойдетъ у него дѣло?

Тѣмъ временемъ солнце мало-по-малу начало скрываться за тучи и внезапно полилъ сильный дождь.

— Не сядетъ ли теперь ваша милость въ карету?—спросилъ Морто.

— О, нѣтъ! Но я подержу возжи, пока вы закроете ее. Я отлично знаю здѣшнюю погоду и прихватилъ съ собою непромокаемое пальто.

Вскорѣ оказалось необходимымъ его надѣть. Мелкій дождь лилъ упорно; очертанія холмовъ становились все болѣе и болѣе невидимы; небо совершенно почернѣло. Морто тоже имѣлъ съ собою непромокаемый плащъ, но, очевидно, пренебрегалъ такимъ дождемъ и не считалъ его способнымъ повредить его ливреѣ. Лошади шлепали по колѣно въ грязи; дождь то усиливался, то уменьшался по мѣрѣ того, какъ вѣтеръ гналъ тучи съ горъ, а Фицджеральдъ продолжалъ сокращать дорогу разспросами о Boat of Harry, его обитателяхъ и подробностяхъ ландшафта.

Наконецъ, они свернули съ большой дороги и поѣхали по какой-то аллеѣ. Карета съ трудомъ двигалась въ грязи; капли дождя, падавшія съ вѣтвей, съ шумомъ ударяли по ея верху. Наконецъ, Морто въѣхалъ въ ворота; экипажъ быстро покатился по шоссированной дорожкѣ и остановился, наконецъ, у подъѣзда дома, временнымъ хозяиномъ котораго сдѣлался Фицджеральдъ.

Это было простое, четыреугольное, двухъэтажное зданіе. Лужайка и клумбы, окружавшія его, находились въ отличномъ порядкѣ, и нигдѣ не замѣчалось признаковъ упадка. Оставивъ въ сѣняхъ мокрый плащъ, Фицджеральдъ вошелъ сперва въ

залу, а потомъ въ столовую. Въ каминѣ пылалъ огонь; все было такъ чисто и прибрано, точно сейчасъ должна выйти заботливая хозяйка и привѣтствовать гостя. На столѣ былъ приготовленъ завтракъ; передъ огнемъ грѣлись туфли. Около кресла, стоявшаго передъ каминомъ, находился маленькій столикъ, на которомъ лежали книги и нумера старыхъ журналовъ.

— Извините, пожалуйста, — раздался вдругъ чей-то голосъ у двери.

Отъ этого звука вся кровь хлынула къ сердцу Фицджеральда: такъ напомнилъ онъ ему звукъ другаго голоса, на вѣки для него погибшаго. Онъ быстро обернулся. Передъ нимъ стояла прилично одѣтая, хорошенькая женщина, лѣтъ двадцати шести.

— Извините, пожалуйста, сэръ,—снова начала она,—кажется, я васъ побезпокоила. Вещи отнесены наверхъ. Не угодно ли вамъ теперь позавтракать?

— Хорошо,—отвѣчалъ онъ,—когда хотите. Мнѣ не къ спѣху.

— Надѣюсь, что вы останетесь всѣмъ довольны, сэръ.

— О, я въ этомъ увѣренъ. Вѣдь, я не прихотливъ.

— Потрудитесь, пожалуйста, сказать, если вамъ что-нибудь нужно; мы все достанемъ. Отъ митриссъ Четвиндъ мы имѣли два письма; мистеръ Макъ-Джи тоже пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ. Отъ души желаю, чтобъ вамъ было хорошо здѣсь, сэръ.

— О, все будетъ отлично; я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы, вѣроятно, мистриссъ Дюнъ?

— Да, сэръ. Мужъ думалъ, что сегодня пойдетъ дождь; я и затопила каминъ, чтобъ просушить ваши вещи.

— Спасибо. Только врядъ ли придется топить въ такую теплую погоду.

— Это ужь какъ вамъ будетъ угодно, сэръ, — отвѣчала мистриссъ Дюнъ и вышла.

Фицджеральдъ подошелъ къ окну. Мѣстность показалась ему красивою, несмотря на дождь. Все было тихо; онъ затруднился бы сказать, происходитъ ли слабый звукъ, доносившійся до него, отъ плеска дождя или журчанья невидимаго ручейка. Дождь освѣжилъ всю зелень, начиная отъ роскошныхъ олеандровъ и кончая каштанами и буками, полукругомъ окаймлявшими домъ. Между деревьями открывались прогалины, черезъ которыя виднѣлись обширные луга, лѣса и серебристыя воды залива. По временамъ дождь стихалъ и тогда слышалось щебетанье птицъ или далекое мычанье коровъ.

Снова раздался стукъ въ дверь, и Фицджеральдъ вздрогнулъ. Много далъ бы онъ, чтобы голосъ этой женщины не имѣлъ такой особой интонаціи. Лучше бы она каркала, какъ ворона!

— Войдите.

Появилась мистриссъ Дюнъ. Фицджеральдъ отвернулся къ окну.

— Завтракъ готовъ, сэръ,—послышался ему знакомый, щемящій душу голосъ.

— Спасибо,—отвѣчалъ онъ, надѣясь, что она уйдетъ. Но она продолжала стоять за пустымъ стуломъ. Онъ всталъ и пересѣлъ къ столу.

— Какого вина прикажете, шампанскаго или клярета?—спросила мистриссъ Дюнъ.—Я еще не раскупорила бутылки. Мистеръ Франкъ пилъ то одно, то другое.

Фицджеральдъ вспыхнулъ, точно школьникъ. Какъ бы разъяснить ей, что онъ вовсе не мистеръ Франкъ, а такой же подначальный человѣкъ, какъ и она? Ясно, что инструкціи мистриссъ Четвиндъ и мистера Макъ-Джи ставятъ его въ совершенно ложное положеніе.

— Я вовсе не привыкъ къ такой роскоши, мистриссъ Дюнъ,— откровенно признался онъ.—Нѣтъ ли въ домѣ пива?

— О, конечно, есть! Я сейчасъ подамъ. Меня зовутъ Кэтъ, сэръ.

Когда она вернулась съ бутылкою эля и поставила ее на столъ, онъ сказалъ, не глядя на нее:

— Очень вамъ благодаренъ, мистриссъ... мистриссъ Дюнъ. Позвольте мнѣ называть васъ такъ, если вамъ все равно. И, пожалуйста, не дожидайтесь; здѣсь все, что нужно, а если чего не хватитъ, я позвоню.

— Какъ вамъ угодно, сэръ,—отвѣчала хорошенькая горничная все также вѣжливо. Потомъ, помѣшавъ огонь въ каминѣ, вышла.

Оставшись одинъ, Фицджеральдъ опять погрузился въ печальныя думы и почти не прикоснулся къ обильному завтраку. Немного спустя, онъ всталъ, пересѣлъ на кресло, закурилъ трубку, но вскорѣ выронилъ ее изъ рукъ и крѣпко заснулъ. Онъ не смыкалъ глазъ всю предшествующую ночь.

Разбудилъ его, какъ ему показалось, голосъ Китти, и онъ вскочилъ съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно. Но это была только мистриссъ Дюнъ.

— Васъ спрашиваетъ нашъ охотникъ, Микъ, сэръ.

— Позовите его сюда.

Микъ оказался бойкимъ малымъ лѣтъ двадцати двухъ. Фицджеральдъ осмотрѣлъ съ нимъ псарню, конюшню; потомъ снова вернулся въ свою комнату, взялъ книгу, хотѣлъ читать, но рѣшительно не могъ. Буквы исчезали передъ его глазами и, вмѣсто нихъ, возникали картины и образы.

Онъ бросилъ книгу, надѣлъ болотные сапоги и непромокаемый плащъ, взялъ удочку и, пробираясь черезъ кустарники, направился къ узкому и быстрому потоку, стремившемуся съ горъ къ морю. Никого не спросилъ онъ даже, есть ли надежда на успѣхъ ловли; онъ только чувствовалъ, что не въ силахъ провести цѣлый день въ комнатѣ. Поздно вернулся онъ домой, промокнувъ до костей и не поймавъ ничего.

— Въ которомъ часу желаете вы обѣдать, сэръ?—спросила его мистриссъ Дюнъ.

— Право, все равно. Мнѣ кажется, будто я ужь пообѣдалъ.

— Мистеръ Франкъ кушалъ обыкновенно въ семь часовъ, сэръ.

— Ну, хорошо. Только, пожалуйста, не хлопочите много.

Мистриссъ Дюнъ, видимо, колебалась.

— Извините, сэръ,—сказала она, наконецъ,—не будете ли вы такъ добры поговорить съ Микомъ?

— Насчетъ чего?

— Насчетъ феніевъ, сэръ. Они начали появляться въ нашихъ краяхъ и запугали до смерти бѣднаго Мика. Онъ не хочетъ связываться съ ними, а они грозятъ ему, да и всему дому, кстати.

— Позовите его сюда, мистриссъ Дюнъ.

Черезъ мгновенье появился Микъ съ встревоженной физіономіею.

— Нѣтъ ли феніевъ въ здѣшнихъ краяхъ, Микъ?—спросилъ Фицджеральдъ. Кэтъ Дюнъ внимательно прислушивалась, дѣлая видъ, будто убираетъ со стола.

— Н-нѣтъ, сэръ.

— Ну, я этому очень радъ. Я самъ съ береговъ Черной рѣки и знаю, какъ справляться съ этими негодяями. Если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится появиться около дома, сбивать съ толку молодыхъ людей, заставлять ихъ пить виски и шататься

по ночамъ, идите прямо ко мнѣ. Пока я здѣсь, я не позволю никому соваться сюда. Вы, что ли, готовили эти заряды?

— Да, ваша милость.

— Такъ знайте же, что у меня всегда въ карманѣ нѣсколько изъ нихъ, а на всякій случай и ружье подъ рукой, въ особенности по ночамъ. Если я увижу хоть одного бродягу около дома, я не стану съ нимъ долго разговаривать, а всажу въ него весь зарядъ.

Микъ ушелъ, совершенно ошеломленный, отыскалъ своего пріятеля, Морто, и послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокомысленнаго молчанія сказалъ:

— Ну, надо признаться, что новый баринъ знаетъ, чего хочетъ. Какъ бы только не дожить до бѣды!

Вечеромъ Фицджеральдъ обѣдалъ въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ хорошенькая мистриссъ Дюнъ скоро замѣтила, что ему хочется быть одному. Около девяти часовъ она опять появилась, неся на подносѣ ликеры.

— Спасибо,—сказалъ онъ,—мнѣ ничего больше не нужно.

— Въ такомъ случаѣ, покойной ночи, сэръ. Ваша свѣча на столѣ.

— Покойной ночи.

Такъ прошелъ первый день Фицджеральда на новомъ мѣстѣ. Онъ не помышлялъ еще о работѣ и ему въ голову не приходило воспользоваться своими впечатлѣніями для литературныхъ цѣлей. Какъ радъ онъ, что можетъ, наконецъ, сдѣлать что-нибудь для мистриссъ Четвиндъ, представить ей благопріятный отчетъ о состояніи дома и примирить ее, быть можетъ, съ мыслью отдать его въ наймы. Ему даже не снилось, съ какою цѣлью старушка такъ убѣдительно просила его съѣздить въ Boat of Harry и посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ.

Глава XXV.

Проблески истины.

Скоро, однако, Фицджеральду суждено было догадаться о намѣреніяхъ старушки. Проживъ нѣкоторое время въ этомъ тихомъ, уютномъ и красивомъ уголкѣ, гдѣ главнымъ его занятіемъ были длинныя, одинокія прогулки по берегу моря или катанье на лодкѣ, онъ отправилъ Мэри Четвиндъ слѣдующее письмо:

«Уважаемая миссъ Четвиндъ! Тетушка ваша, судя по ея письмамъ, желаетъ, чтобы я жилъ здѣсь совершенно безъ дѣла, и, признаюсь, поддаться этому соблазну весьма легко; окрестности прелестныя, а сосѣди—люди крайне привѣтливые. Тѣмъ не менѣе, считаю долгомъ напомнить, что сдать въ наймы домъ и право на охоту будетъ легче теперь, чѣмъ впослѣдствіи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не пожалѣть, что такая прекрасная усадьба остается постоянно незанятою. Часть молодыхъ выводковъ погибла, къ сожалѣнію, отъ сильныхъ дождей еще раннею весною; за то зайцевъ будетъ много. По общимъ отзывамъ, охота здѣсь очень хороша и по зимамъ, хотя вашъ братъ и не имѣлъ обыкновенія жить въ Boat of Harry въ это время года. Какъ я уже раньше писалъ вашей тетушкѣ, все въ домѣ содержится превосходно, лошади тоже въ отличномъ состояніи, но псарня менѣе удовлетворительна. Что касается яхты, то для нея поспѣетъ на будущей недѣлѣ новый паровикъ. Красота мѣстности вамъ, конечно, хорошо извѣстна; тѣмъ не менѣе, если въ Гленгарифѣ или Килларнэѣ появится фотографъ, я возьму на себя смѣлость зазвать его сюда, чтобы снять нѣсколько видовъ. Это будетъ стоить недорого и принесетъ большую пользу при отдачѣ дома въ наймы».

Вотъ что отвѣчала на это миссъ Четвиндъ:

«Уважаемый мистеръ Фицджеральдъ! Я потерпѣла полное пораженіе. Письмо ваше показалось мнѣ такимъ разсудительнымъ, что я рѣшилась передать тетушкѣ о вашемъ предложеніи, конечно, окольными путями. Вамъ извѣстно, что тетя никогда не выходитъ изъ себя; но я, все-таки, могла замѣтить, какъ глубоко огорчила ее мысль брать деньги за имѣніе бѣднаго Франка. Она сочла меня, очевидно, безчувственною и жестокосердою. Понятно, что я уже послѣ того не настаивала. Быть можетъ, я дѣйствительно слишкомъ поторопилась. Мнѣ кажется иногда, что тетушка хочетъ просить васъ принять отъ нея въ даръ Boat of Harry, по всему вѣроятію, вмѣстѣ съ именемъ Четвиндовъ. Я не должна бы, можетъ быть, сообщать вамъ о своемъ предположеніи, такъ какъ не имѣю на это никакихъ полномочій; знаю, однако, что тетя говорила о своемъ планѣ съ докторомъ Бьюдомъ (вашимъ большимъ пріятелемъ, замѣчу мимоходомъ), и, если онъ посовѣтуетъ ей осуществить его, вы, по меньшей мѣрѣ, будете обязаны прислать ему изъ благодарности ящикъ дичи. Тетушка желала бы, чтобъ вы дождались въ Boat of Harry вре-

мени охоты, если только, конечно, вы не черезъ-чуръ скучаете тамъ. Очень радуемся, что вамъ нравится домъ и окрестности и надѣемся найти въ вашихъ будущихъ статьяхъ отголоски пребыванія на берегу залива Бэнтри.

«Ваша Мэри Четвиндъ».

«P. S. По зрѣломъ размышленіи мнѣ кажется, что тетушка, пожалуй, права. Боюсь, что и я не примирилась бы съ мыслью передать домъ Франка чужимъ людямъ. Но такъ какъ это исключительно дѣло чувства, то я воздержусь отъ всякаго вмѣшательства или совѣта».

Фицджеральдъ читалъ это письмо, сидя на откосѣ холма, куда оно было доставлено ему изъ дому. Далеко внизу виднѣлась маленькая усадьба, вся закрытая густою зеленью, прекрасно выкошенная поляна, окаймленная высокими деревьями, обширные луга и серебристо-бѣлый рукавъ моря. Не чудная ли это картина разстилается подъ яркимъ іюньскимъ небомъ? Не завидна ли участь владѣльца такого прелестнаго мѣста? Вотъ гдѣ можно бы, кажется, прожить долгіе годы мирно и счастливо въ кругу друзей! Странно, но онъ глядитъ на все это безъ всякаго радостнаго желанія. Онъ не дорожитъ теперь уютностью и благами домашняго очага. Здѣсь, среди унылыхъ холмовъ, окруженныхъ облаками, несущимися отъ Атлантическаго океана, ему привольнѣе. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ надвигаются таинственныя тѣни, какъ холмы становятся все мрачнѣе и величественнѣе, иногда снова выступаютъ въ фантастическихъ очертаніяхъ, и передъ лицомъ этой грандіозной фантасмагоріи человѣческая жизнь со всѣми ея заботами и страданіями кажется ему чѣмъ-то мелкимъ и ничтожнымъ. Онъ видитъ, какъ вѣчно взволнованное море темнѣетъ или свѣтлѣетъ, смотря потому, нависаетъ или проясняется небо. По временамъ бѣлый туманъ разрывается и обнаруживаетъ далекія, невѣдомыя пространства, гдѣ все кажется лазорево-голубымъ. Тепло, и точно какое-то золотистое сіяніе разливается тогда по скаламъ и лугамъ; посреди безмолвной тишины, гдѣ-то далеко надъ водопадомъ щебечетъ ласточка; вѣтеръ съ моря становится нѣжнымъ и ароматнымъ.

Фицджеральдъ замѣтилъ вдругъ какой-то предметъ, движущійся по холму. Не сомнѣваясь, что это опять посланный изъ дому, онъ положилъ письмо въ карманъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Оказалось, что пріѣхалъ мистеръ Макъ-Джи, и, пры-

гая съ камня на камень, молодой человѣкъ поспѣшно направился къ дому.

Макъ-Джи былъ высокимъ, дороднымъ, добродушнѣйшимъ существомъ, всѣми силами старавшимся сдѣлать пребываніе въ Boat of Harry пріятнымъ для Фицджеральда. И теперь онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобъ сказать ему, что яхта «Черный Лебедь» снабжена уже новымъ паровикомъ, благодаря которому ходъ ея ускорится на двѣ мили въ часъ, предложить молодому человѣку съѣздить по желѣзной дорогѣ въ Коркъ и вернуться оттуда моремъ.

— О, нѣтъ, благодарю,—поспѣшно отвѣтилъ Фицджеральдъ.

— Повѣрьте, что это такъ же безопасно, какъ сидѣть въ церкви,—сказалъ мистеръ Макъ-Джи съ добродушнымъ смѣхомъ.— Дождемтесь, пожалуй, тихой погоды.

— Да дѣло вовсе не въ томъ,—возразилъ Фицджеральдъ.— Мнѣ просто не хочется быть теперь въ Коркѣ.

— Я думалъ, что это васъ немного развеселитъ. Вѣдь, здѣсь нечего дѣлать въ это время года.

— Рыбная ловля идетъ у меня отлично. Если вы подождете немного, я угощу васъ за завтракомъ форелью, которую самъ изловилъ вчера.

— Неужели? А я-то пробовалъ удить разъ сто и постоянно безъ успѣха, точно я закидывалъ удочку въ чайникъ своей бабушки. Пожалуй, я готовъ остаться позавтракать съ вами. Пускай лошадь хорошенько отдохнетъ.

Форель оказались превосходною. Мистеръ Макъ-Джи держалъ себя совершенно какъ дома.

— Послушайте-ка, Кэтъ, милочка,—обратился онъ къ мистриссъ Дюнъ, подававшей пиво,—нѣтъ ли у васъ въ домѣ хоть рюмочки виски?

— Извините, пожалуйста, мою забывчивость,—вмѣшался тутъ Фицджеральдъ,—но я, право, еще не знаю хорошенько, кому изъ насъ болѣе подобаетъ быть здѣсь хозяиномъ.

— Не мало вечеровъ провелъ я въ этой комнатѣ съ бѣднымъ Франкомъ, и лучшаго товарища или такого джентльмена, какъ онъ, не скоро найдешь,—задумчиво произнесъ Макъ-Джи.— Спасибо, душечка,—обратился онъ къ мистриссъ Дюнъ, подававшей ему виски.—Нѣтъ ли у васъ еще горяченькой воды? Ну,— продолжалъ онъ, глядя на Фицджеральда,—вы носите хорошую ирландскую фамилію. Пью же за ваше здоровье и за счастливое

пребываніе здѣсь. Будьте увѣрены, что вы придете въ восторгъ отъ «Чернаго Лебедя». Какъ только вамъ теперь вздумается, вы сейчасъ можете съѣздить, куда угодно, хоть въ Гленгарифъ, и чортъ побери всю яхту, если она не сдѣлаетъ десяти миль въ часъ!

Удовольствіе встрѣчи съ новымъ лицомъ, давно невѣдомое Фицджеральду, заставило его почти забыть содержаніе письма миссъ Четвиндъ, но когда онъ сѣлъ послѣ завтрака пить кофе съ своимъ гостемъ на лужайкѣ передъ домомъ и когда они закурили, наконецъ, трубки, тихая прелесть мѣста снова произвела на него свое обычное дѣйствіе, и онъ невольно спросилъ себя, что бы онъ чувствовалъ, еслибъ этотъ милый уголокъ дѣйствительно принадлежалъ ему. Понятно, что объ этомъ нечего было и думать; это совершенно несбыточная мысль! Гдѣ ему взять деньги, необходимыя для поддержанія такого имѣнія, уплаты жалованья прислугѣ, прокормленія лошадей? Такъ же легко можно бы предложить какому-нибудь трубочисту пользоваться во время лѣтняго сезона яхтою въ триста тоннъ. Ему было настолько ясно, что весь этотъ планъ ничто иное, какъ милая, сентиментальная фантазія мистриссъ Четвиндъ, что-то совершенно выходящее изъ предѣловъ практической возможности, что онъ чуть было не заговорилъ о немъ съ своимъ добродушнымъ гостемъ, но такъ какъ мистеръ Макъ-Джи погрузился, какъ разъ въ это самое время, въ сладкую дремоту, онъ невольно воздержался отъ своего желанія, а потомъ порѣшилъ лучше вовсе не касаться этого вопроса.

Кругомъ было тихо; немудрено и заснуть въ такой обстановкѣ! День прояснился; голубыя пространства между густыми бѣлыми облаками стали шире, и ласкающіе лучи солнца ярко озаряли теперь поля и лужайку, густую зелень лимонныхъ деревьевъ и желтовато-зеленые листья акацій. Воздухъ тепелъ, мягокъ и насыщенъ ароматомъ всей этой обильной растительности, какимъ-то неопредѣленнымъ, нѣжащимъ благоуханіемъ; быть можетъ, это запахъ сочной, еще не скошенной травы. Чайки вьются надъ берегомъ, тамъ, гдѣ море врѣзалось смѣлымъ изгибомъ въ цвѣтущую равнину. Черный дроздъ пролетѣлъ въ воздухѣ, нарушая общее безмолвіе. У подножья холма безпрерывно журчитъ невидимый ручей, и только далекій лай собакъ или скрипъ возовъ напоминаютъ о жизни, совершенно чуждой этому заколдованному уголку.

Мистеръ Макъ-Джи вдругъ встрепенулся.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Я, кажется, заснулъ. Да и немудрено въ такомъ райскомъ мѣстѣ. Ну, а вы что будете теперь дѣлать?

— Пойду опять къ ручью и постараюсь наловить форели къ обѣду.

— Съ Богомъ! А я велю сѣдлать лошадь, потому что отсюда до Бэнтри, вѣдь, не близко.

Съ этими словами гость исчезъ и Фицджеральдъ опять остался въ полномъ одиночествѣ и тишинѣ. Вечеромъ, когда показалась луна, онъ вышелъ изъ дому, пробрался къ крутому обрыву, нависшему надъ серебристымъ ручьемъ, сѣлъ на срубленное дерево и оглянулся. Ущелье это было уже, но гораздо миловиднѣе айнишинскаго. Легкій вѣтерокъ съ моря заносилъ сюда опьяняющій запахъ. Внезапно дикая мысль закралась въ голову Фицджеральда. Въ журчаньѣ ручья ему почудился звукъ человѣческаго голоса, странный, но совершенно внятный: *Клянусь надъ журчащимъ ручейкомъ: я отдаю тебѣ свою жизнь!* Голосъ этотъ раздавался гдѣ-то совершенно близко. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Фицджеральдъ свѣсился надъ обрывомъ, ожидая увидать внизу двухъ обнявшихся людей. Или, быть можетъ, это только голосъ молодой дѣвушки, теперь уже умершей, а прежде связанной со всѣмъ, что было свѣтло, красиво и дѣлало жизнь радостною? Опять ничего не слышно, кромѣ безцѣльнаго, безсмысленнаго ропота воды въ глубинѣ темнаго ущелья. Грозные холмы и мрачное море не даютъ отвѣта на запросы. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, жить такой трепетной, жалкой жизнью на безучастной, холодной землѣ, подъ далекимъ, равнодушнымъ, безпощаднымъ небомъ?...

Глава XXVI.

На выручку!

Около этого времени на столбцахъ одной ежедневной лондонской газеты сталъ появляться рядъ статей, которыя очень скоро привлекли вниманіе публики. Онѣ были совершенною новостью въ журналистикѣ; иные утверждали, что ничего подобнаго нѣтъ даже во всей англійской литературѣ. Статьи эти носили заглавіе *Досуги отшельника* и въ нихъ изображались различныя удовольствія сельской жизни. Это были описанія одинокихъ ски-

таній по большимъ дорогамъ, по морскому берегу или вдоль бурныхъ потоковъ, рядъ тщательно обрисованныхъ картинъ природы, окруженныхъ невыразимою прелестью. Въ этомъ новомъ видѣ этюдовъ вовсе не замѣчались обыкновенные пріемы поэтовъ; напротивъ, они отличались крайнею оригинальностью. Наблюдательность автора была поразительная; картина выходила яркая и наглядная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за нею какъ будто скрывалось еще что-то другое, патетическое, трогательное. Звуки и сцены, такъ просто и непринужденно изображенные, были проникнуты тонкими, гуманными симпатіями, какою-то отзывчивостью, по временамъ, быть можетъ, немного грустною. Казалось, будто авторъ сорвалъ завѣсу, скрывающую природу, и все, скалы, цвѣты, лѣса нашептывали ему свои тайны, а грандіозное безмолвіе горъ глубоко затрогивало его сердце. Мало-по-малу авторъ совсѣмъ перестал касаться опредѣленныхъ сюжетовъ и дѣлалъ все большія отступленія, пока статьи не превратились, наконецъ, въ разсужденія человѣка, который всегда, держитъ ли онъ въ рукѣ ружье, удочку или просто созерцаетъ море, берега и холмы, видитъ передъ собою однѣ только вѣчныя тайны природы и старыя, печальныя и неразрѣшимыя загадки человѣческаго существованія.

Понятно, что такіе очерки казались на первыхъ порахъ странными на столбцахъ лондонской ежедневной газеты. Самъ редакторъ колебался сначала, помѣщать ли ихъ, но что-то въ нихъ привлекло его вниманіе и, совершенно поглощенный въ это время какимъ-то министерскимъ кризисомъ, онъ положилъ рукопись въ карманъ, привезъ ее домой и показалъ своей женѣ. Къ счастью для Фицджеральда, она обладала тонкимъ литературнымъ вкусомъ.

— Это поразительныя статьи,—сообщила она мужу.—Въ одной изъ нихъ есть такое изображеніе зимней ночи посреди необозримаго болота, что у меня просто морозъ пошелъ по кожѣ.

— Да, но, вѣдь, это не текущія новости, а мы издаемъ ежедневную газету,—нерѣшительно отвѣчалъ редакторъ.

— Не все ли равно, лишь бы публикѣ нравилось.

— Это скорѣе журнальныя статьи.

— Съ какой же стати давать журналамъ монополизировать всю литературу!

Какъ бы то ни было, опытъ былъ сдѣланъ, и публика, не обращающая ни малѣйшаго вниманія на редакціонныя традиціи,

полюбила эти тихія и ясныя описанія сельской жизни и говорила о нихъ даже несмотря на волненія министерскаго кризиса. Сначала въ статьяхъ замѣчался хоть нѣкоторый практическій оттѣнокъ; въ нихъ сообщалось много свѣдѣній о ружьяхъ, собакахъ, рыбной ловлѣ. Даже добродушный Скобелль потребовалъ въ клубѣ нѣсколько нумеровъ этой газеты и такъ увлекся однимъ изъ очерковъ, что невольно воскликнулъ: «Чортъ возьми! Непремѣнно съѣзжу нынѣшнимъ лѣтомъ въ Ирландію! «причемъ такъ яростно ударилъ кулакомъ по столу, что какіе-то старцы, сладко дремавшіе въ своихъ креслахъ, испуганно открыли глаза, думая, не настало ли свѣтопреставленіе.

Но, какъ уже сказано выше, мало-по-малу авторъ началъ уклоняться отъ прямаго сюжета статей и вдаваться въ довольно своеобразныя философскія разсужденія. Онъ какъ будто говорилъ: На непостижимомъ жизненномъ пути, ведущемъ отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному, гдѣ можетъ человѣкъ всего легче найти вѣрныя привязанности, какъ не среди великихъ и грандіозныхъ явленій природы? Жизнь коротка. Зачѣмъ стараться разрѣшать непостижимыя тайны человѣческаго сердца, ставить счастье свое въ зависимость отъ такой непрочной вещи, какъ людская привязанность? Если мы сблизимся съ природою, мы ежегодно увидимъ появленіе тѣхъ же цвѣтовъ, день за днемъ можемъ привѣтствовать занимающуюся зарю, слушать ласкающій и успокоивающій голосъ моря. Другъ обманетъ насъ; глаза, нѣкогда глядѣвшіе любовно, сдѣлаются равнодушными, красивое лицо поблекнетъ, смерть похититъ наше сокровище; одна природа останется вѣчно неизмѣнною, если мы съумѣемъ прислушиваться къ ея голосу и понимать ея неувядающую красу.

Все это, конечно, скорѣе подразумѣвалось, чѣмъ прямо высказывалось, и только опытный слухъ улавливалъ затаенную нотку печали и догадывался, быть можетъ, о ея причинахъ. Понятно, что молва объ этихъ статьяхъ донеслась и до извѣстнаго намъ дома близъ Гайдъ-парка, и миссъ Четвиндъ, не очень усердно читавшая обыкновенно газеты, должна была по желанію тетки тотчасъ же отыскать статьи и прочесть ихъ вслухъ. Всего болѣе поразило ее, что отъ простыхъ описаній природы и сельскихъ удовольствій у нея не разъ сжималось сердце, но она не успѣла высказать своего мнѣнія, такъ какъ чтеніе окончилось передъ самымъ обѣдомъ.

Во время стола миссъ Четвиндъ первая коснулась этого вопроса и спросила, не знаетъ ли кто-нибудь автора очерковъ.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ докторъ Бьюдъ, но, по моему, нельзя не пожалѣть, что такой человѣкъ тратитъ даромъ свои силы на литературу. Она въ немъ вовсе не нуждается; онъ необходимъ для науки. Могу васъ увѣрить, мистриссъ Четвиндъ, что тонкій наблюдатель — весьма рѣдкая птица, гораздо болѣе рѣдкая среди людей науки, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Мало кто любитъ дѣлать внимательныя изслѣдованія; всѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе создать теорію. А на что, позвольте васъ спросить, такая наблюдательность литературѣ? Ея дѣло дѣйствовать на умъ, на эмоціи. Этого человѣка слѣдовало бы приспособить къ изученію нравовъ животныхъ или къ другому, такому же полезному дѣлу.

— Признаюсь, что послѣ всѣхъ толковъ я нѣсколько разочаровался въ статьяхъ,—вмѣшался тутъ профессоръ Симсъ.—Я просмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ и нашелъ много непослѣдовательностей. Начинаетъ авторъ съ охоты, а кончаетъ Шекспиромъ. Мнѣ кажется также, что онъ забирается въ область художниковъ и описываетъ то, что слѣдуетъ рисовать. Съ какой стати говоритъ онъ намъ, напримѣръ, о серебристыхъ волнахъ, которыя вѣтеръ поднимаетъ на нескошенномъ лугу? Это и безъ него всѣ видятъ.

— Но не всѣ въ состояніи видѣть,—возразила Мэри, по обыкновенію, спокойно и мѣтко.—Эти статьи переносятъ всю картину прямо къ вамъ въ комнату.

— А вы тоже читали ихъ, мистриссъ Четвиндъ?—спросилъ докторъ Бьюдъ, обращаясь къ старушкѣ.

— Мэри только что читала мнѣ вслухъ.

— Что вы о нихъ думаете? Кто, по вашему, ихъ авторъ: ученый ли, желающій оправдать свою праздность, философъ ли, охотящійся за дичью, или художникъ, взявшійся за литературу потому, что не находитъ сбыта для своихъ картинъ?

— Право, не знаю,—нерѣшительно отвѣчала старушка.—Пока Мэри читала, мнѣ все казалось, что мой Франкъ непремѣнно избралъ бы такую тему, еслибъ взялся за литературу. Статьи мнѣ понравились. Только онѣ по временамъ немного грустны и какъ-то странны.

— Ну, а ваше мнѣніе, миссъ Четвиндъ?

Мэри слегка вздрогнула; она слушала разговоръ, опустивъ глаза.

— Мое мнѣніе?—отвѣчала она нѣсколько медленно.—Я думаю, что ихъ писалъ человѣкъ, у котораго большое горе на душѣ.

Во время обѣда она казалась разсѣянною, а когда ушли посѣтители, вернулась въ гостинную и принялась снова внимательно перечитывать статьи. Когда мистриссъ Четвиндъ вошла, наконецъ, въ комнату, она застала племянницу совершенно поглощенною этимъ занятіемъ.

— Что это у тебя, новые очерки, Мэри?

— Нѣтъ, я еще разъ просматриваю прежніе.

Немного спустя, она подняла голову; старушка не замѣтила ея волненія.

— Тетя, ты, навѣрное, догадываешься, кто писалъ эти статьи?

— Я?—отвѣчала мистриссъ Четвиндъ.—Я только думаю, что Франкъ могъ бы ихъ написать.

— Но, тетя, развѣ ты не узнаешь мѣстности? Вѣдь, это Boat of Harry.

Старушка вздохнула.

— Да, онъ, навѣрное, писалъ бы именно объ этомъ; онъ такъ любилъ это мѣсто!

— Да, тетя, вѣдь, эти статьи написаны именно о Boat of Harry. Развѣ ты не узнала ущелья, моря, острововъ? Все тутъ изображено, даже акаціи на лужайкѣ, столикъ съ мраморной доской; это настоящій фотографическій снимокъ. Статьи непремѣнно написаны мистеромъ Фицджеральдомъ.

— Фицджеральдомъ? Это вовсе не удивительно,—отвѣчала старушка, все еще думая, повидимому, о погибшемъ племянникѣ.—Онъ, вѣдь, очень уменъ и, должно быть, рано началъ писать. Для этого, вѣроятно, нуженъ навыкъ. Только я думаю, что и Франкъ могъ бы то же сдѣлать.

— А я такъ вотъ что думаю, тетя,—отвѣчала племянница нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.—Если статьи дѣйствительно написаны мистеромъ Фицджеральдомъ, мы не имѣемъ права требовать, чтобы онъ оставался долѣе въ этой глуши. Я... я полагаю, что онъ испыталъ какое-нибудь большое горе; это видно въ каждой строкѣ. А если у него есть горе, въ чемъ бы оно ни состояло, не намъ, женщинамъ, оставлять его одинокимъ, изнывающимъ отъ тоски. Это не гуманно. Мнѣ никогда не представлялось, чтобы Boat of Harry была такая глушь, пока я не

прочла эти строки. У насъ всегда бывало тамъ столько гостей. Это, должно быть, ужасно, не такъ ли, тетя?

— О нѣтъ, Мэри; ему, кажется, такъ нравятся птицы и все, что его окружаетъ. Такъ ты думаешь, что это писалъ мистеръ Фицджеральдъ? Скажи, пожалуйста! Вотъ онъ сдѣлался теперь знаменитостью, хотя никто еще не знаетъ его имени.

— Узнаютъ, не безпокойся.

— Такъ это описаніе *его* жизни въ Boat of Harry? Да, да; очень похоже и мило! Удивительно, что я не узнала сразу нашего лѣса надъ ущельемъ! Ты какъ-нибудь прочти мнѣ опять эти статьи, Мэри.

— Ты точно вовсе не понимаешь, что̀ я говорю, тетя, все живешь мечтами. Я, главнымъ образомъ, виновата, что мистеръ Фицджеральдъ поѣхалъ въ Ирландію, и я хочу скорѣе поправить дѣло.

— Ну, теперь, признаюсь, я дѣйствительно ничего не понимаю,—отвѣчала старушка.

— Мистеръ Фицджеральдъ сдѣлалъ мнѣ одно признаніе до своего отъѣзда,—начала Мэри съ непривычнымъ румянцемъ на умномъ лицѣ,—а объ остальномъ я сама догадалась. Не говори съ нимъ, пожалуйста, объ этомъ, тетя, смотри не пророни ни слова; мнѣ кажется, что его постигло горе. Надо было объ этомъ раньше вспомнить, но я вообразила, что если онъ поживетъ въ нашемъ домѣ, ты привыкнешь къ мысли пускать туда по временамъ кого-нибудь изъ твоихъ друзей, а потомъ и совсѣмъ отдать его въ наймы.

— Я просила тебя не касаться этого вопроса, Мэри. Мнѣ осталось жить недолго, и если я желаю дѣлать съ своею собственностью, что хочу...

— Тетя, милая, не говори со мною такъ!—сказала дѣвушка, обнимая старушку.—Вѣдь, ты знаешь, я хлопочу не о своей выгодѣ. Надѣюсь, что денежныя дѣла никогда не станутъ между тобою и мною.

Мистриссъ Четвиндъ взяла руку Мэри и погладила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты хорошій человѣкъ. Я желала бы только, чтобы ты болѣе берегла свои собственныя деньги. Ну, говори, что-жь ты хочешь, чтобъ я сдѣлала?

— Одно изъ двухъ, милая тетя: или отзови мистера Фицджеральда назадъ изъ Boat of Harry...

— Да я хочу передать ему все имѣніе, Мэри. Кому другому

могла бы я его оставить? Кто пойметъ такъ хорошо, какъ онъ, всю прелесть этой мѣстности? Нѣтъ, Мэри; я долго думала объ этомъ. Я не могу ни продать дома, ни отдать его въ наймы и не хочу также, чтобы онъ достался послѣ моей смерти твоему двоюродному брату и чтобы его негодные мальчишки бѣгали по комнатамъ моего бѣднаго Франка. Тебѣ имѣніе не нужно. Ты все равно выйдешь замужъ и отдашь его человѣку, о которомъ я не имѣю никакого понятія!

— Мнѣ довольно и моего состоянія, тетя,—отвѣчала дѣвушка.

— Знаю, знаю. У тебя все идетъ на бѣдныхъ. Ну, такъ зачѣмъ же мистеру Фицджеральду возвращаться? Что ему дѣлать теперь въ Лондонѣ? Зачѣмъ не обжиться у насъ, не остаться тамъ на сезонъ охоты?

Племянница помолчала съ минуту.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что можно сдѣлать,—сказала она, наконецъ.—Съѣздимъ съ тобою въ деревню.

— Поѣхать въ Boat of Harry!—испуганно произнесла старушка.

— Въ скоромъ времени,—бойко заговорила Мэри,—всѣ начнутъ разъѣзжаться изъ города, и никого не останется, чтобы поболтать съ моей милой тетей. Почему бы и намъ не уѣхать?

— Ну, да, но какъ же это ѣхать въ Boat of Harry?—укоризненно сказала старушка.

— Никогда бы я не подумала, тетя, что ты откажешься помочь другу въ бѣдѣ.

— Да я ничего не знаю о его бѣдѣ, Мэри. Что могу я сдѣлать для него, если не должна проронить ни слова?

— Мнѣ хочется посмотрѣть, что дѣлается въ Boat of Harry. Нѣтъ нужды оставаться тамъ долго; мы могли бы пріѣхать на короткое время, а потомъ отправиться далѣе въ Килларнэй. Мнѣ кажется, что мистеръ Фицджеральдъ впалъ въ болѣзненное состояніе отъ одиночества.

— Многаго требуешь ты отъ меня, дитя,—произнесла старушка, нѣсколько минутъ спустя.

— Я увѣрена, тетя, что ты сама будешь очень рада опять увидать Дэна, Веллингтона, Кэтъ, Морто и дѣтей въ школѣ.

— Но какъ ужасно будетъ вернуться въ пустой домъ!

— Да онъ тогда не будетъ пустъ, тетя. Мы пригласимъ сосѣдей, сами будемъ ѣздить въ гости; наконецъ, я увѣрена, что Морто съ восторгомъ свезетъ насъ въ Килларнэй.

— Не думала я снова увидать когда-нибудь старый домъ,— грустно сказала мистриссъ Четвиндъ.

— Знаешь ли, тетя, еслибъ я была такъ великодушна, чтобы подарить кому-нибудь домъ съ землею, лошадьми, экипажами и всѣмъ прочимъ, я пожелала бы посмотрѣть, по крайней мѣрѣ, нравится ли все это человѣку, благодаренъ ли онъ? Почемъ знаешь ты, приметъ ли еще мистеръ Фицджеральдъ твой подарокъ или какъ смотритъ онъ вообще на свою обстановку?

— Объ этомъ можно, кажется, судить по его статьямъ,— отвѣчала мистриссъ Четвиндъ, улыбаясь.

— И такъ, вопросъ порѣшенъ, тетя. Теперь ни слова болѣе.

Глава XXVII.

Въ деревнѣ.

Мэри Четвиндъ столько разъ читала и перечитывала *Досуги отшельника*, что каждая строчка запечатлѣлась въ ея сердцѣ. Когда, нѣсколько времени спустя, она стояла прекраснымъ іюльскимъ утромъ у окна гленгарифской гостинницы и смотрѣла на чудный, спокойный въ эту минуту заливъ, лѣса и горы, ей казалось, будто сонъ превратился въ дѣйствительность. Мѣстность, на которую она глядѣла, представлялась ей уже не такою, какъ въ прежніе годы, а совершенно преображенною подъ вліяніемъ новаго освѣщенія, приданнаго всему авторомъ.

Въ комнату вошла мистриссъ Четвиндъ.

— Желала бы я знать, пріѣдетъ ли мистеръ Фицджеральдъ за нами,—сказала дѣвушка.

Въ эту минуту на дорогѣ послышался звукъ колесъ.

— Тетя, пойдемъ скорѣе!—воскликнула Мэри.—Вотъ Дэнъ и Веллинктонъ, и Морто, и мистеръ Фицджеральдъ. Только зачѣмъ это на козлахъ?

Старушка подошла къ окну и, увидавъ пустую карету, оперлась на руку племянницы, не говоря ни слова, и потомъ отвернулась, чтобъ скрыть слезы.

— А, понимаю!—съ притворной веселостью начала Мэри, догадавшись, что Фицджеральдъ не хотѣлъ предстать передъ старушкой на мѣстѣ, нѣкогда принадлежавшемъ ея племяннику.— Понимаю! Съ козелъ ему гораздо виднѣе ландшафтъ. Ну, тетя, готова ли ты? Вынесены ли твои вещи?

Фицджеральдъ стоялъ въ сѣняхъ, когда онѣ сошли съ лѣстницы. Онъ подошелъ къ дамамъ, пожалъ имъ руки, сказалъ, что багажъ положенъ въ карету, и спросилъ, готовы ли онѣ ѣхать. Въ полусвѣтѣ сѣней онъ казался совершенно такимъ же, какимъ былъ въ Лондонѣ, только, быть можетъ, нѣсколько серьезнѣе. Когда мистриссъ Четвиндъ и ея племянница сѣли въ карету, онѣ увидали, что багажъ ихъ занималъ оба мѣста спереди. Лакей хотѣлъ захлопнуть дверцу.

— Подождите,—сказала Мэри почти сердито.—Морто, съ какой стати весь багажъ лежитъ въ каретѣ? Для васъ сейчасъ будетъ очищено мѣсто, мистеръ Фицджеральдъ.

— Благодарю,—отвѣчалъ онъ, подходя къ ней.—Я лучше сяду на козлахъ.

— Ни въ какомъ случаѣ,—быстро отвѣчала она.—Вы ужь вдоволь наглядѣлись на здѣшнюю мѣстность. Морто, возьмите все это къ себѣ. Теперь, мистеръ Фицджеральдъ, все готово. Неужели вы не понимаете, что мы съ тетей до смерти надоѣли другъ другу во время долгаго пути? Мы желаемъ слышать отъ васъ всѣ мѣстныя сплетни.

Такимъ образомъ, молодому человѣку пришлось сѣсть въ карету. Водворилось минутное смущеніе. Онъ уже успѣлъ отвыкнуть отъ новыхъ лицъ и былъ бы радъ сидѣть на козлахъ. Къ тому же, мистриссъ Четвиндъ до такой степени втолковала себѣ, что онъ уже настоящій собственникъ имѣнія, что безпрестанно извинялась передъ нимъ за непрошенное посѣщеніе. Веселость Мэри и простота ея обращенія вскорѣ разсѣяли неловкость, и заливъ Бэнтри, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ Фицджеральда, мало-по-малу окрасился совсѣмъ новымъ свѣтомъ. То же случилось и съ Boat of Harry. Знаетъ ли мистеръ Фицджеральдъ, что старый садовникъ со сгорбленной спиной, длинными волосами и косою въ рукахъ прозванъ «батюшкой-Сатурномъ»? Замѣтилъ ли онъ, какъ походитъ на гнома единственный инженеръ, машинистъ и капитанъ «Чернаго Лебедя», въ особенности, когда онъ высовываетъ изъ трюма яхты свою голову, всю обсыпанную угольною пылью? А ландо? Развѣ никто не говорилъ ему, что его настоящее названіе Ноевъ ковчегъ? И онъ вполнѣ заслуживаетъ этого прозвища, особенно въ дождливую погоду, потому что можетъ вмѣстить въ себѣ половину мѣстныхъ жителей. Неужели онъ ничего не слыхалъ о «Лукошкѣ», лучшемъ суднѣ

флота ея королевскаго величества? Хорошо, по крайней мѣрѣ, что «гномъ» не взорвалъ еще никого на воздухъ!

— Очень жестоко съ твоей стороны, Мэри, такъ депоэтизировать здѣсь все,—сказала, наконецъ, старушка.—Пожалуй, и вы еще начнете пренебрегать Boat of Harry, мистеръ Фицджеральдъ. Не знаю, по старымъ ли воспоминаніямъ, или почему, но только мнѣ это мѣсто кажется прелестнымъ.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается? — отвѣчалъ онъ. — Всѣ окрестности здѣсь красивы.

— Но нѣсколько уединенны?—робко спросила Мэри.

— О, нѣтъ!

Она удивленно посмотрѣла на него.

— Вы не находите ихъ уединенными?

— Нисколько,—просто отвѣчалъ онъ.—То-есть онѣ, быть можетъ, и дѣйствительно уединенныя, только въ этомъ для меня ихъ главная прелесть.

Она помолчала съ минуту, потомъ сказала съ добродушнымъ видомъ:

— Тетя, какъ нравится тебѣ этотъ комплиментъ? А мы-то вообразили, что вамъ здѣсь тоскливо, и придумали осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ недѣли на двѣ... я хочу сказать, на нѣсколько дней...

Она, видимо, конфузилась, хотя добродушно - насмѣшливая улыбка не сходила съ ея губъ. Потомъ она посмотрѣла на молодаго человѣка своимъ открытымъ, яснымъ взглядомъ.

— Я должна покаяться передъ вами. Мои мрачные ковы не удались. Тетушка не соглашается отдать домъ въ наймы.

— И слышать объ этомъ не хочу, — сказала старушка, но въ тонѣ ея незамѣтно было рѣзкости.

— Такимъ образомъ, вы видите, что мои происки послужили только къ вашему изгнанію изъ человѣческаго общества.

— Но здѣсь вовсе не такая глушь, какъ вы думаете, миссъ Четвиндъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, улыбаясь.—Люди на берегу залива Бэнтри все тѣ же, что и всюду. Вы не повѣрите, какія страсти бушуютъ въ этомъ затишьѣ.

Наступила минутная тишина. Мэри боялась, не слишкомъ ли много говорила она съ нимъ о его одиночествѣ. Не могла же она тутъ же объяснить ему, что догадалась объ этомъ изъ его статей и, читая ихъ, прислушивалась къ его затаенному горю! Все теперь казалось ей опять будничнымъ, пока Фицджеральдъ

указывалъ мистриссъ Четвиндъ мѣсто, гдѣ потерпѣла крушеніе яхта, спрашивалъ, читала ли она лекцію профессора Симса, или приказывалъ Морто остановиться, чтобы онъ могъ пѣшкомъ взойти на крутую гору. Лишь изрѣдка, когда взоръ Фицджеральда задумчиво скользилъ по широкой поверхности залива, въ его глазахъ свѣтилось что-то,—и тогда она снова находила, что пріѣздъ ихъ не былъ совершенно безполезенъ.

Когда они подъѣхали къ дому, миссъ Четвиндъ нарочно засуетилась, чтобы не дать старушкѣ погрузиться въ печальныя воспоминанія. Ну, не говорила ли она, что все такъ и будетъ: батюшка - Сатурнъ докашиваетъ лужайку; хорошенькая Кэтъ выбѣгаетъ на встрѣчу улыбающаяся. Надо скорѣе привести собакъ, позвать «гнома» и поразспросить его насчетъ яхты. Но, къ удивленію, оказалось, что мистриссъ Четвиндъ вовсе не такъ взволнована своимъ пріѣздомъ, какъ можно было опасаться. Домъ далеко не былъ пустымъ. Въ немъ раздавался, напротивъ, шумъ, бѣготня, возня. Когда водворилось, наконецъ, что-то похожее на порядокъ и они сѣли завтракать, мистриссъ Четвиндъ, вмѣсто того, чтобъ казаться печальною, сказала, напротивъ, съ улыбкой на красивомъ, ласковомъ старческомъ лицѣ:

— Знаешь, Мэри, вѣдь, это все совершенно, какъ было въ старину!

Завтракъ не отличался роскошью, но старушка, казалось, была въ высшей степени довольна всѣмъ.

— Ваша телеграмма прибыла вчера очень поздно, — началъ Фицджеральдъ,—а сегодня утромъ мнѣ пришлось выѣхать изъ дому такъ рано, что я не успѣлъ достать форелей, дичи или чего-нибудь другаго къ завтраку.

— Да все, что тутъ есть, превосходно, — отвѣчала она.— Хорошо бы только, если бы Кэтъ дала намъ немного вина. Надѣюсь, оно вамъ понравилось?

— Я... я увѣренъ, что оно очень хорошо.

— Неужели вы не пробовали его до сихъ поръ?—спросила изумленная мистриссъ Четвиндъ.

— Пиво здѣсь очень вкусно,—уклончиво отвѣчалъ онъ.

Старушка посмотрѣла на племянницу, точно желая сказать: это надо измѣнить,—однако, промолчала.

Вслѣдъ затѣмъ пошли опять разспросы; она хотѣла знать о его впечатлѣніяхъ, точно никогда не читала *Досуговъ отшельника*. Нравится ли ему мѣстоположеніе дома? Хороша ли охота?

А какъ насчетъ зимы? Не кажется ли ему, что здѣсь должно быть уныло? Наконецъ, она очень удивилась, узнавъ, что онъ еще ни разу не пользовался «Чернымъ Лебедемъ».

— Я не знатокъ по части яхтъ,—отвѣчалъ онъ.—Мнѣ кажется, однако, что онѣ должны поглощать много угля.

— О, нѣтъ, самое ничтожное количество. Надѣюсь, что не это помѣшало вамъ кататься на ней.

— Я подумалъ, что будетъ лучше, если новый владѣлецъ найдетъ большой запасъ угля.

— Не безпокойся, тетя,—вмѣшалась тутъ Мэри.—Мы отлично покатаемся завтра, если погода будетъ ясная, и увидимъ тогда, хорошъ ли паровикъ.

— Но только не я,—рѣшительно возразила мистриссъ Четвиндъ.—Вы можете ѣхать вдвоемъ, если хотите. Я желаю окончить дни свои мирно.

— Мистеръ Фицджеральдъ,—обратилась къ нему Мэри,—катались вы когда-нибудь на паровой яхтѣ?

— Ни разу въ жизни.

— Такъ это будетъ для васъ совершенно новымъ ощущеніемъ; вы непремѣнно должны испытать его. Вамъ покажется, будто какой-то разъяренный звѣрь мчитъ васъ неизвѣстно куда, и вы станете все время недоумѣвать, гдѣ именно заблагоразсудится ему расшибить вамъ голову. Я полагаю, вы вовсе незнакомы съ навигаціею по заливу Бентри?

— Совершенно незнакомъ.

— Это еще лучше,—серьезно продолжала она.—Ну, а если стрѣлка покажетъ вамъ, что давленіе пара поднялось на двадцать фунтовъ выше положеннаго числа, съумѣете вы выпустить паръ?

— Нисколько.

— Превосходно! Это будетъ самымъ сильнымъ ощущеніемъ вашей жизни! Гномъ внизу, давленіе пара достигаетъ ста фунтовъ, дикій звѣрь мчится безъ оглядки, а вы и не подозрѣваете даже, гдѣ находятся подводныя скалы. Говорите послѣ того, что Boat of Harry сонное мѣсто!

— Да замолчи же, наконецъ, Мэри! — сказала старушка; потомъ, обращаясь къ Фицджеральду, продолжала: — Не знаю, право, что съ ней случилось. Ей какъ будто хочется сдѣлать вамъ все здѣсь противнымъ. Яхта такъ же безопасна, какъ это кресло; стоитъ только взглянуть на новый паровикъ. Какъ прі-

ятно выѣхать въ совершенно тихую погоду, когда всякая парусная яхта не могла бы тронуться съ мѣста, — покататься, сколько хочешь, позавтракать и вернуться, лишь только вздумается! Я бы и сама поѣхала съ вами завтра...

— Но только...

— Только *что?*

— Я хотѣла узнать, какое извиненіе придумаешь ты на этотъ разъ, тетя?—невозмутимо продолжала Мэри.

— Ну, такъ вотъ я нарочно поѣду, — храбро сказала мистриссъ Четвиндъ.

— Но, тетя, вѣдь, ты чутка, какъ котенокъ; малѣйшее пятнышко на лицѣ или рукахъ приводитъ тебя въ отчаяніе, а когда флота ея королевскаго величества «Лукошко» вздумаетъ извергать облака мокрой сажи...

— Уйдемъ лучше, мистеръ Фицджеральдъ, — сказала старушка, — и будемъ пить кофе въ саду. Если вы останетесь здѣсь хоть минуту, Мэри увѣритъ васъ, пожалуй, что морской воздухъ вреденъ, а Boat of Harry извѣстенъ, какъ разсадникъ оспы.

Но эта перестрѣлка, нарочно придуманная миссъ Четвиндъ, произвела желанное дѣйствіе и отвлекла вниманіе старушки на текущіе вопросы. Весело было глядѣть, какъ непринужденно усѣлась она на своемъ обычномъ мѣстѣ на лужайкѣ. Испытаніе, котораго она такъ страшилась, вовсе не оказалось тяжелымъ. Она глядѣла на выкошенную поляну, цвѣты, далекіе холмы, и невольно думала, что лучшаго мѣста для литературныхъ занятій не найти. Удивительно ли, что Фицджеральдъ написалъ въ этомъ поэтическомъ уединеніи такія прелестныя статьи! Поглощенная этими пріятными размышленіями, старушка, сопровождаемая молодыми людьми, принялась осматривать свои владѣнія, похвалила садовника за прекрасное содержаніе сада, побывала на птичникѣ и выразила, наконецъ, готовность дойти до берега, взглянуть на «Чернаго Лебедя». Фицджеральдъ отвязалъ лодку, взялся за весла, и вскорѣ высадилъ обѣихъ дамъ на бортъ маленькой яхты.

— Что за прелестная игрушка! —вырвалось у него, къ великому восторгу старушки.—Не угодно ли вамъ въ самомъ дѣлѣ покататься завтра, мистриссъ Четвиндъ? Я бы велѣлъ развести пары.

— Если вы этого желаете,—нерѣшительно отвѣчала она.

— Ну, не мучьте тетю,—вмѣшалась, смѣясь, Мэри.—Она бу-

деть дрожать все время. Пусть она лучше проводитъ насъ до берега и посидитъ тамъ, а на возвратномъ пути мы захватимъ ее. Хорошо такъ будетъ, тетя?

— Очень хорошо,—отвѣчала мистриссъ Четвиндъ,—если только ты опять не дурачишься. Когда мистеръ Фицджеральдъ ближе познакомится съ тобой, онъ лучше будетъ знать, говоришь ты правду или нѣтъ.

Наконецъ, они вернулись домой; Фицджеральдъ взялъ рыболовный снарядъ и вышелъ, чтобъ наловить форелей къ обѣду.

— Мэри,—сказала, нѣсколько минутъ спустя, мистриссъ Четвиндъ,—что за чудный день былъ сегодня! Напиши-ка мистеру Макъ-Джи, чтобъ онъ навѣстилъ меня. Можно даже послать за нимъ яхту.

— Хорошо, тетя. Только, мнѣ кажется, ты дѣлаешь большую ошибку.

— Въ чемъ?

— Ты снова носишься съ мыслью передать имѣніе мистеру Фицджеральду?

— Да; ну, такъ что-жь?

— Что будетъ онъ съ нимъ дѣлать? У него нѣтъ денегъ для его содержанія. Ты не можешь требовать отъ человѣка съ такими блестящими дарованіями, чтобъ онъ схоронилъ себя здѣсь на всю жизнь. Да я и не поручила бы Макъ-Джи составить передаточную запись.

— Богъ съ тобой, Мэри, я вовсе и не думаю поручать ему составленіе какихъ-нибудь записей, а желаю только, чтобъ онъ счелъ, сколько требуется на содержаніе имѣнія. Когда я дарю картину, я дарю и рамку. Если то, что говорятъ о статьяхъ мистера Фицджеральда—правда, ему придется, конечно, жить часть года въ Лондонѣ, и я желала бы, чтобы онъ былъ для насъ... хоть отчасти... тѣмъ, чѣмъ былъ... мой бѣдный Франкъ. Неужели ты думаешь, что онъ этого не стоитъ?

— Я этого не говорю, тетя. Только не всѣ стоющіе люди находятъ такихъ друзей. Полагаю, что онъ будетъ продолжать писать. Ты знаешь, тетя,—ну, не сердись, пожалуйста,—я всегда находила, что ты слишкомъ баловала Франка, и не разъ желала, чтобы онъ бросилъ вѣчную свою охоту и принялся за какое-нибудь полезное дѣло.

— Довольно объ этомъ, Мэри,—отвѣчала тетка, однако, повидимому, вовсе не раздраженнымъ тономъ. Не всѣ такіе поли-

тики-реформаторы, какъ ты. Понятно, мнѣ и въ голову не приходитъ назначить мистеру Фицджеральду такое содержаніе, которое сдѣлало бы его совершенно независимымъ, хотя мнѣ кажется, что я могу вполнѣ довѣриться ему. Если онъ не замѣнитъ мнѣ совсѣмъ моего Франка, то въ мои годы, все-таки, пріятно дѣлать хоть кому-нибудь добро.

— Если ты окончательно рѣшилась, тетя, позволь мнѣ самой поговорить завтра съ нимъ.

— Почему же нѣтъ? Кто же лучше тебя знаетъ всѣ обстоятельства?

Дѣйствія Мэри Четвиндъ всегда отличались большимъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Тѣмъ не менѣе, когда она очутилась лицомъ къ лицу съ главною цѣлью ихъ поѣздки, она невольно призадумалась и много бы дала, чтобъ трудное объясненіе было уже покончено.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КОРАЛЛЫ.

Широко раскинулся вѣтвями
Чуждый неба, звуковъ и лучей,
Цѣлый лѣсъ кораллов подъ волнами,
Въ глубинѣ тропическихъ морей.
Милльонамъ тружениковъ вѣчныхъ
Колыбель, могила и пріютъ,
Дивный плодъ усилій безконечныхъ,
Этотъ міръ полипы создаютъ.
Каждый родъ,—ступень для жизни новой,—
Будетъ смертью въ камень превращенъ,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколѣньямъ будущихъ временъ;
И встаетъ изъ бездны океана,
И растетъ коралловый узоръ;
Презирая натискъ урагана,
Онъ стремится къ небу на просторъ.
Онъ вознесся кружевомъ пурпурнымъ,
Исполинской чащею вѣтвей
Въ полусвѣтѣ мягкомъ и лазурномъ
Преломленныхъ трепетныхъ лучей.
Часъ придетъ,—и гордо надъ волнами,
Раздробивъ ихъ влажный изумрудъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Съ торжествомъ кораллы вознесутъ...
И, смирясь, эдемъ его цвѣтущій
Бирюзой обниметъ океанъ;
Встанутъ къ небу пальмовыя кущи.
И падетъ сплошная сѣть ліанъ.

* *
*

О, пускай въ глухой и темной долѣ
Какъ полипъ уродливъ я и слабъ,—
Я могучъ святою жаждой воли,
Истомленный труженикъ и рабъ!
О, пускай лишь атомъ я безсильный
Божествомъ задуманныхъ міровъ,—
Положу хоть камень свой могильный
Я въ основу будущихъ вѣковъ...
Тамъ, за далью вижу я надъ нами
Новый рай, лучами весь облитъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Высоко надъ бездною царитъ.

Д. Мережковскій.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

II.

Комитетъ 6 декабря 1826 г. и его проектъ ограниченія крѣпостнаго права.—Подготовленіе графа Кисилева къ дѣятельности по крестьянскому вопросу.—Комитетъ 1835 г.

Подробный обзоръ всего сдѣланнаго въ царствованіе Александра I для ограниченія крѣпостнаго права убѣдилъ насъ въ томъ, что эта трудная задача, надъ которою въ первую четверть XIX вѣка ломали голову и государственные люди, и ученые, и многіе лучшіе представители высшаго сословія, не только не была разрѣшена во всемъ ея объемѣ, но почти не было принято серьезныхъ частныхъ мѣръ, которыя могли бы подготовить достиженіе этой цѣли. Самою выдающеюся мѣрою по крестьянскому вопросу было прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній, но такимъ образомъ ограничивалось только дальнѣйшее распространеніе крѣпостнаго права; учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ съ цѣлью дать возможность крѣпостнымъ выкупаться на свободу цѣлыми селеніями принесло также ничтожные практическіе результаты, которые заставили разочароваться людей, мечтавшихъ достигнуть такимъ путемъ если не совершеннаго исчезновенія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго уменьшенія числа крѣпостныхъ людей въ Россіи.

Преемникъ Александра I, Императоръ Николай, сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность его возможно быстраго разрѣшенія. Прежде всего, это внушилъ ему

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

одинъ изъ его преподавателей, извѣстный ученый, членъ нашей академіи Шторхъ, въ своихъ лекціяхъ великимъ князьямъ по политической экономіи. Шторхъ, по его собственнымъ словамъ, сознавалъ, что «не оправдалъ бы довѣрія», которымъ его почтили, если бы представилъ своимъ августѣйшимъ ученикамъ «деликатные вопросы», затрогиваемые политическою экономіею, «не съ точки зрѣнія истины и разума»; онъ думалъ, что «если долгъ всякаго писателя защищать дѣло справедливости и человѣчности, то это вдвойнѣ обязанность наставника великихъ князей, мнѣнія которыхъ такъ сильно вліяютъ на судьбу народовъ». Какъ иностранецъ, какъ ученый, уже по самой своей спеціальности принужденный пользоваться трудами не русскихъ, а западно-европейскихъ мыслителей, онъ недостаточно уяснилъ себѣ важныя особенности русской жизни, русскихъ поземельныхъ отношеній и потому не выработалъ опредѣленной программы мѣръ по крестьянскому вопросу: вполнѣ допуская освобожденіе крѣпостныхъ съ землею на различныхъ условіяхъ, онъ, въ то же время, считалъ возможнымъ и безземельное освобожденіе съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами, или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность. Для Шторха въ этомъ дѣлѣ всѣ дороги вели въ Римъ, всѣ средства были хороши, чтобы раздѣлаться съ рабствомъ, которое, при всемъ различіи въ положеніяхъ крѣпостнаго и раба европейскихъ колоній, «существуетъ вездѣ, гдѣ есть право собственности человѣка надъ человѣкомъ». Такимъ образомъ, Шторхъ не давалъ въ своихъ лекціяхъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на назойливый вопросъ русской жизни: что дѣлать для уничтоженія крѣпостнаго права, но, по крайней мѣрѣ, онъ возбуждалъ въ своемъ ученикѣ мысль о вредномъ вліяніи рабства на экономическое благосостояніе страны, на земледѣліе, промышленность и торговлю и заставлялъ его желать возможно скорѣе покончить съ крѣпостнымъ правомъ.

Во все время царствованія своего старшаго брата Императоръ Николай не принималъ участія въ государственномъ управленіи; предувѣдомленный, и то лишь за нѣсколько лѣтъ до смерти Императора Александра, о томъ, что ему предстоитъ современемъ вступить на престолъ, онъ, все-таки, не зналъ, что это дѣло окончательно рѣшенное, оформленное секретнымъ распоряженіемъ государя. Онъ не могъ не знать, тѣмъ не менѣе, что мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права занимала постоянно Императора

Александра, что ему подавали много проектовъ по этому предмету, что вопросъ о прекращеніи безземельной продажи крестьянъ обсуждался въ 1820 г. въ государственномъ совѣтѣ и т. п. Въ своей рѣчи предъ обсужденіемъ въ 1842 г. въ государственномъ совѣтѣ проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ, Императоръ Николай сказалъ, что его предшественникъ намѣренъ былъ въ началѣ царствованія даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, но что впослѣдствіи онъ «отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи». А, между тѣмъ, Императору Николаю пришлось убѣдиться вскорѣ по вступленіи на престолъ, что въ обществѣ было немало людей, желавшихъ уничтоженія крѣпостнаго права. Съ другой стороны, при вступленіи на престолъ Императора Николая, между крестьянами распространились слухи, что они получатъ землю и, кромѣ того, будутъ освобождены отъ податей и повинностей. Возникшія вслѣдствіе этого волненія вызвали манифестъ 12 мая 1826 года, которымъ было объявлено, что всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей и помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ отъ власти господъ измышлены злонамѣренными людьми, что всѣ крестьяне должны безпрекословно исполнять обязанности, возложенныя на нихъ закономъ, что всякое дальнѣйшее непослушаніе вызоветъ самое строгое наказаніе и что такъ какъ государю, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, поданы были неосновательныя прошенія, то составители и переписчики подобныхъ бумагъ, какъ нарушители общественнаго спокойствія, подвергнутся взысканію. Но вслѣдъ за тѣмъ, однако, двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ (19 іюня и 6 сентября) дворянству предписывалось христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, такъ какъ до свѣдѣнія императора дошли факты, доказывающіе нарушеніе со стороны помѣщиковъ ихъ обязанностей, какъ христіанъ и вѣрноподданныхъ. Государь будетъ самъ наблюдать за исполненіемъ этого долга и по закону наказывать за его нарушеніе; предводители дворянства должны стараться предупредить подобные проступки помѣщиковъ.

Этимъ не ограничилась, однако, дѣятельность правительства по крестьянскому вопросу въ первое время царствованія Императора Николая: 6 декабря 1826 года былъ учрежденъ секретный комитетъ, которому поручено было разсмотрѣть многія важныя предположенія относительно улучшенія различныхъ отраслей го-

сударственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, измѣненія быта крестьянъ, для чего комитету были переданы и многіе проекты по этому послѣднему предмету, представленные правительству въ царствованіе Императора Александра. Предсѣдателемъ комитета былъ сдѣланъ графъ (потомъ князь) В. П. Кочубей, членами — тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій, генеральный начальникъ гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи князь, Ил. В. Васильчиковъ, членъ государственнаго совѣта гр. П. А. Толстой, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Дибичъ и главноуправляющій почтовымъ департаментомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ; производителями дѣлъ сначала статсъ-секретари Дашковъ и Блудовъ, а затѣмъ баронъ М. А. Корфъ. Такимъ образомъ, въ составѣ комитета оказалось три лица, которыя уже ранѣе задумывались надъ вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Кочубей, въ неоффиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ Императора Александра въ первые годы его царствованія, предлагалъ запрещеніе продажи людей безъ земли, изданное при Императорѣ Павлѣ относительно Малороссіи, распространить на всю Россію и поддерживалъ мысль о выкупѣ въ казну дворовыхъ, а въ частномъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову (въ ноябрѣ 1801 года), кромѣ того, говорилъ о необходимости запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, а также дозволить помѣщичьимъ крестьянамъ покупать ненаселенныя земли цѣлыми обществами съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ не могъ ихъ отчуждать. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Сперанскому, въ 1819 г., Кочубей высказывалъ мысль, что, вмѣсто того, чтобы возбуждать постоянное безпокойство слухами о различныхъ мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, «несравненно бы лучше произвести съ надлежащими осторожностями общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ», и упоминалъ, что давно составилъ записку по этому предмету, которую представитъ государю при первомъ удобномъ случаѣ. По званію министра внутреннихъ дѣлъ, Кочубею приходилось бесѣдовать о крестьянскомъ вопросѣ и съ В. Н. Каразинымъ, и съ декабристомъ Якушкинымъ. Наконецъ, въ предъидущей главѣ мы видѣли, что онъ игралъ рѣшительную, на этотъ разъ, впрочемъ, не симпатичную роль и при обсужденіи въ 1820 г. въ государственномъ совѣтѣ вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли. Кн. Ил. Васильчиковъ не былъ также новичкомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: въ 1816 году ему пришлось поднести Императору Александру приговоръ 65 дворянъ Петербург-

ской губерніи объ обращеніи ихъ крѣпостныхъ въ обязанныхъ крестьянъ, а въ 1820 г. Васильчиковъ выразилъ было готовность принять участіе въ основаніи общества дворянъ для освобожденія крѣпостныхъ и подписалъ заявленіе о цѣли общества, но на другой день отказался отъ своей подписи. Наконецъ, Сперанскій высказалъ въ своихъ проектахъ государственныхъ преобразованій не мало здравыхъ мыслей и предложеній относительно крестьянскаго вопроса *), но, въ то же время, утверждалъ, что рѣшеніе его должно не предшествовать политическимъ реформамъ, а слѣдовать за ними. Во всякомъ случаѣ и по уму, и по близкому участію въ законодательной дѣятельности при Императорѣ Александрѣ, Сперанскому не могла не принадлежать выдающаяся роль въ комитетѣ 6 декабря 1826 года, и потому неудивительно, что именно онъ получилъ высочайшее повелѣніе составить записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго ихъ освобожденія. Двойственное отношеніе къ крестьянскому вопросу во время ихъ предшествующей дѣятельности трехъ наиболѣе выдающихся членовъ комитета служило не совсѣмъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ относительно дальнѣйшаго хода этого дѣла.

Сперанскій, въ запискѣ, представленной имъ комитету 6 декабря 1826 года, излагаетъ сначала всѣ узаконенія о крѣпостныхъ людяхъ со времени уложенія и затѣмъ переходитъ къ сравненію прежняго крѣпостнаго права съ настоящимъ. Сущность прежняго крѣпостнаго права состояла въ слѣдующемъ: 1) крестьяне составляютъ принадлежность вотчины и не могутъ быть отдѣлены отъ нея ни продажею, ни залогомъ; но съ одной земли на другую тѣмъ же помѣщикомъ они могутъ быть переселены; 2) дворовые люди, т.-е. старинные и полные холопы и ихъ потомство, принадлежатъ помѣщику лично въ собственность, а потому могутъ быть заложены и проданы по одиночкѣ; 3) дворовые люди изъ кабальныхъ принадлежатъ помѣщику лишь до его смерти, и ни проданы, ни заложены быть не могутъ; 4) дворовые люди, взятые во дворъ изъ крестьянъ, принадлежатъ вотчинѣ и считаются наравнѣ съ крестьянами. Сущность новаго крѣпо-

*) См. нашу статью: «Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I» въ *Русской Мысли* 1883 г., кн. XI, стр. 24—36.

стнаго права состоитъ въ слѣдующемъ: 1) крестьяне, такъ же, какъ и земля, на которой они живутъ, принадлежатъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне—движимое (во всѣхъ указахъ, говоритъ Сперанскій, крестьяне признаны именно движимымъ имуществомъ). И хотя это движимое имущество приписывается по ревизіи къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, такъ и крестьяне безъ земли могутъ быть проданы, заложены, а крестьяне, кромѣ того, переселены, взяты во дворъ и даже, по волѣ помѣщика, безъ суда сосланы въ ссылку. Дворовые люди, изъ какого бы состоянія первоначально они ни происходили, точно такое же движимое имущество помѣщика, какъ и крестьяне; между тѣми и другими нѣтъ никакого существеннаго различія по закону. Владѣлецъ, не имѣющій земли, можетъ приписать ихъ во время ревизіи къ своему дому, но какъ домъ безъ нихъ, такъ и они безъ дому проданы быть могутъ. «При сравненіи этихъ двухъ системъ,—говоритъ Сперанскій,—нельзя не признать, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая. Хотя введеніе ея обусловлено важными причинами—необходимостью обезпечить правильное собираніе казенныхъ податей и отбываніе военной службы, но нельзя упустить изъ вида и важныхъ неудобствъ такого порядка. Отъ неограниченной свободы обращать крестьянъ въ дворовыхъ, помѣщичьи дома наводнились толпою праздныхъ служителей, усилились прихотливыя, а часто и распутныя затѣи; увеличилась безумная роскошь и разорительное тщеславіе; явились новыя нужды, новые налоги на крестьянъ и неоплатные долги; состояніе крестьянъ ухудшилось еще болѣе тѣмъ, что за всю эту праздную толпу, приписанную къ деревнѣ, подушная подать и рекрутская повинность часто отправляются деревнею. Масса крѣпостныхъ ремесленниковъ по деревнямъ мѣшаетъ развитію городовъ, ибо гдѣ взять потребителей, на кого работать мѣщанамъ, когда каждый помѣщикъ всѣ свои потребности и даже прихоти, хотя худо, нестройно и убыточно, удовлетворяетъ домашними произведеніями и даже пускаетъ ихъ въ продажу? При такомъ порядкѣ у насъ никогда не будетъ ни городовъ, ни прочнаго состоянія. Вслѣдствіе права продавать крестьянъ безъ земли и отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, они сдѣлались вещью, имуществомъ, которымъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а это приводитъ иногда къ жестокостямъ и злоупотребленію». Для измѣненія такого по-

рядка правительство принимало уже разныя мѣры, но самою главною изъ нихъ Сперанскій справедливо считаетъ прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній.

Дальнѣйшія мѣры, необходимыя, по мнѣнію Сперанскаго, для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ, онъ раздѣляетъ на первоначальныя или основныя и на постепенныя, расположенныя въ извѣстной связи на нѣсколько лѣтъ. Въ качествѣ первоначальныхъ мѣръ онъ предлагаетъ: 1) запретить крестьянъ безъ земли—продавать, закладывать, дарить и отдавать въ приданое; запрещается и продажа ихъ на своэъ отъ одного владѣльца къ другому; 2) считать недѣйствительными: продажу одной земли безъ крестьянъ, которые на ней водворены, продажу деревни съ малымъ количествомъ земли изъ той, которая къ ней принадлежитъ, продажу извѣстнаго числа дворовъ деревни съ участкомъ земли менѣе того, какое на нихъ причитается по разсчету изъ всего ея количества и, наконецъ, продажу земли съ крестьянами и потомъ перепродажу одной земли безъ крестьянъ тому же или другому владѣльцу *). «Эти основныя мѣры,—говоритъ Сперанскій,—обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т.-е. сдѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу, прекратятъ личную продажу ихъ въ видѣ движимаго имущества, уничтожатъ унизительное понятіе, какое имѣютъ внутри и внѣ Россіи о рабствѣ крестьянъ».

Вслѣдъ затѣмъ, въ видѣ переходной мѣры, Сперанскій рекомендуетъ измѣненіе порядка увольненія крестьянъ. При личномъ увольненіи крестьянъ и дворовыхъ, помѣщикъ обязанъ платить подати за нихъ до ревизіи, а крестьянинъ не можетъ быть принятъ ни въ сельское, ни въ мѣщанское общество безъ ихъ согласія. При увольненіи крестьянъ съ землею въ свободные хлѣбопашцы также встрѣчаются разныя стѣсненія: 1) нельзя увольнять по духовнымъ завѣщаніямъ; 2) нельзя увольнять цѣлыми деревнями такъ, чтобы крестьяне были лично свободны, а земля отдавалась бы имъ въ наемъ по договорамъ; 3) нельзя крестьянъ, уволенныхъ однимъ помѣщикомъ, принять и поселить на земляхъ другаго съ оброкомъ по договору. Прекращеніе этихъ и подобныхъ стѣсненій послужило бы, по мнѣнію Сперанскаго, наилучшею мѣрою для постепеннаго перехода изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное.

---

*) Этотъ второй пунктъ не былъ впослѣдствіи включенъ въ проектъ закона.

Единственное рѣшительное, по мнѣнію Сперанскаго, средство установить съ твердостію положеніе крестьянъ и прекратить, съ одной стороны, злоупотребленія помѣщиковъ, а съ другой—неповиновенія, крестьянъ, это—опредѣленіе всѣхъ работъ и повинностей *договоромъ*. Но это важное преобразованіе крѣпостнаго права можетъ совершиться, по его мнѣнію, не иначе, какъ мѣрами зрѣло и въ совокупности ихъ соображенцыми, которыя должны были бы приводиться въ исполненіе постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и которымъ должно предшествовать преобразованіе земскаго управленія. Такими мѣрами Сперанскій считалъ: 1) устройство быта казенныхъ крестьянъ *) и 2) приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ то же положеніе, какое будетъ опредѣлено для казенныхъ. Отношенія крѣпостнаго населенія къ владѣльцамъ земли должны быть почти тѣ же, какъ и крестьянъ казенныхъ къ казнѣ; все различіе можетъ состоять: 1) въ полицейскомъ надзорѣ и 2) въ томъ, что оброки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могутъ быть замѣняемы работами. Такъ какъ записка Сперанскаго до сихъ поръ неизвѣстна въ полномъ видѣ и мы знаемъ ея содержаніе лишь въ подробномъ изложеніи, то можетъ быть возбужденъ вопросъ, предполагалъ ли Сперанскій тотъ *договоръ*, которымъ онъ желалъ опредѣлить всѣ крестьянскія работы и повинности, поставить въ зависимость отъ извѣстныхъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ, или предоставлялъ его свободному соглашенію помѣщика съ крестьянами? Судя по тому, что онъ желалъ, въ концѣ-концовъ, уравнять бытъ крѣпостнаго населенія съ казеннымъ, повинности котораго онъ желалъ точно опредѣлить, можно было бы подумать, что и повинности крѣпостныхъ не могли быть предоставлены дѣйствію одного договора, а поставлены въ зависимость отъ закона, иначе крѣпостные могли бы оказаться въ гораздо болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ казенные, уравненіе съ которыми, какъ замѣтилъ Сперанскій еще во время бытности губернаторомъ въ Пензѣ, составляетъ постоянный предметъ ихъ желаній. Но мы имѣемъ полное основаніе думать, что

*) Авторъ слишкомъ мрачными красками рисуетъ ихъ положеніе. „Этотъ родъ людей,—говоритъ онъ,—бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ неопредѣлены и распредѣлены весьма неуравнительно. Земскіе исправники—тѣ же помѣщики, съ тою только разницею, что они перемѣняются и что на нихъ есть возможность жаловаться; но за то эти трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ». Ник. Ив. Тургеневъ еще въ своей запискѣ 1819 г. очень основательно возражалъ тѣмъ, кто преувеличивалъ дурное положеніе казенныхъ крестьянъ.

установленіе окончательныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами послѣ всѣхъ предварительныхъ мѣръ предоставлялось, по проекту Сперанскаго, именно такъ называемому «свободному» договору. Дѣло въ томъ, что въ своемъ *Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ*, составленномъ въ 1809 г., Сперанскій (по крайней мѣрѣ, въ первой его редакціи), кромѣ нѣкоторыхъ другихъ мѣръ на пользу крѣпостныхъ крестьянъ, требовалъ еще опредѣленія ихъ повинностей особымъ закономъ и доказывалъ, что «наймомъ обрабатывать у насъ земель по пространству ихъ и малости населенія невозможно». Въ *Проектѣ конституціонной организаціи государства*, составленномъ, повидимому, позднѣе и въ которомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувствуется уже вліяніе англійскихъ аристократическихъ взглядовъ, Сперанскій, тѣмъ не менѣе, требовалъ въ первую эпоху мѣръ для освобожденія крестьянъ—опредѣленія ихъ повинностей закономъ (а во вторую — дозволенія свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому), но въ замѣткахъ, набросанныхъ имъ въ Пензѣ въ 1819 г., онъ не считаетъ обезпеченія крестьянъ землею ненарушимымъ условіемъ, а допускаетъ замѣну ея *по добровольному согласію*. Уже это заставляетъ думать, что договоръ относительно крестьянскихъ работъ и повинностей, выставляемый имъ въ запискѣ для комитета 6 декабря, какъ послѣднее слово въ дѣлѣ устройства быта крѣпостнаго населенія, могъ основываться, по его мысли, на исключительно добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ, при отсутствіи котораго крестьянамъ предоставлялось выселиться на земли иныхъ владѣльцевъ. Несмотря на то, что въ такомъ случаѣ помѣщичьи крестьяне могли, послѣ окончательнаго устройства ихъ быта на основаніи проекта Сперанскаго, очутиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ казенные, Сперанскій, дѣйствительно, не шелъ далѣе допущенія свободнаго договора, какъ это мы увидимъ ниже, при изложеніи проекта закона, составленнаго на основаніи его записки.

Когда записка Сперанскаго была внесена на обсужденіе комитета, члены его ухватились за высказанную въ ней мысль, что однимъ изъ первыхъ и надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія состоянія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть учрежденіе лучшаго хозяйственнаго управленія казеннаго сельскаго населенія. Улучшеніе управленія казенными крестьянами, будучи, по мнѣнію комитета, полезнымъ для нихъ самихъ, послужило бы об-

разцомъ для частныхъ владѣльцевъ; большинство изъ нихъ постепенно послѣдуетъ примѣру правительства, а упорное и неразсудительное меньшинство легко уже будетъ принудить къ этому, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Считая эту мысль очень важною, комитетъ полагалъ, что нужно бы немедленно поручить особой коммиссіи изъ людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ заняться изысканіемъ способовъ для приведенія ея въ исполненіе.

Относительно исправленія и дополненія существующихъ законовъ объ увольненіи крѣпостныхъ безъ земли, комитетъ призналъ нужнымъ постановить, что помѣщикъ, при выдачѣ отпускной, взыскиваетъ съ увольняемаго и вноситъ за него въ казну всѣ подати за столько лѣтъ, сколько остается до новой ревизіи, срокъ которой, приблизительно, предполагается черезъ 15 лѣтъ послѣ предъидущей; уволенный долженъ въ теченіе года приписаться къ какому-либо состоянію, не платитъ, конечно, податей до новой ревизіи, такъ какъ онѣ уже имъ внесены, и въ первые три года послѣ причисленія къ обществу или цеху не подвергается рекрутской очереди. Мѣщанскія общества и казенныя селенія не будутъ уже имѣть права отказывать вольноотпущеннымъ, которые пожелаютъ къ нимъ приписаться, но не обязаны давать имъ земли. Всякій уволенный можетъ по своему желанію и въ казенныхъ селеніяхъ, и у помѣщиковъ, и у владѣльцевъ, не принадлежащихъ къ классу дворянъ, не только нанимать землю, но и наниматься для обрабатыванія ея по договору; изъ нихъ составятся особыя общества *вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ*, подобно существующимъ уже обществамъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и, подобно этимъ послѣднимъ, они составятъ особенные рекрутскіе участки, но, притомъ, будутъ имѣть право переходить съ мѣста на мѣсто съ надлежащими видами на жительство. Впрочемъ, имъ слѣдуетъ предоставить на основаніи общихъ узаконеній право покупать и инымъ образомъ пріобрѣтать землю въ собственность.

Кромѣ записки Сперанскаго, комитету 6 декабря были переданы и нѣкоторые другіе проекты и предположенія. Такъ, генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи представилъ государю записку объ отмѣнѣ для Псковской губерніи высочайше утвержденнаго 3 марта 1822 года положенія государственнаго совѣта относительно ссылки помѣщичьихъ людей на поселеніе въ Си-

бирь по волѣ ихъ господъ *) и возстановленія силы указа 10 февраля 1763 года о ссылкѣ въ Сибирь только тѣхъ людей, которые не будутъ одобрены на повальномъ обыскѣ. По поводу этой переданной ему записки Паулуччи комитетъ разсуждалъ, что, безъ сомнѣнія, было бы желательно принять болѣе рѣшительныя мѣры для совершеннаго прекращенія злоупотребленія помѣщичьею властью, которое, впрочемъ, по его мнѣнію, примѣтно уменьшилось, но, въ то же время, полагалъ, что недостатки государственнаго устройства не могутъ быть исправлены внезапными перемѣнами, иногда подвергающими опасности общее спокойствіе. Правительству остается только поддерживать порядокъ примѣрами справедливой строгости и ставить мало-по-малу законныя преграды дѣйствіямъ произвола, а это оно всегда и дѣлало. Въ видѣ доказательства, комитетъ сослался на постановленіе 22 іюня 1828 года, которымъ, для удержанія помѣщиковъ отъ неосновательныхъ домогательствъ объ удаленіи неугодныхъ имъ крестьянъ изъ селеній, наложены на нихъ довольно тяжкія условія (удаляемые не зачитаются за рекрутъ, а ихъ жены сравнены съ солдатками). Что же касается распространенія на эти случаи силы указа 1763 г., относящагося собственно къ общему уголовному судопроизводству и къ слѣдствіямъ о подозрѣваемыхъ въ какомъ-либо преступленіи, то комитетъ нашелъ неудобнымъ это допустить, такъ какъ производство повальныхъ обысковъ о тѣхъ крѣпостныхъ людяхъ, на поведеніе которыхъ жалуются помѣщики, могло бы подать поводъ ко многимъ безпорядкамъ и волненіямъ во владѣльческихъ селеніяхъ, а буйныхъ и строптивыхъ крестьянъ побудить даже къ явному возмущенію.

Кромѣ того, комитету было объявлено высочайшее повелѣніе о составленіи проекта закона для прекращенія продажи людей безъ земли. По этому поводу комитетъ выразилъ увѣренность, что для большей части дворянъ, здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ, очевидна не только польза, но даже необходимость положить конецъ всему, что можетъ имѣть видъ унизительнаго, противуестественнаго торга людьми, но, въ то же время, онъ утверждалъ, что есть, однако же, и другой, къ сожалѣнію, еще многочисленный, классъ помѣщиковъ необразованныхъ, закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ, которымъ предполагаемая государемъ мѣра покажется стѣсненіемъ права собственности; поэтому ко-

*) См. первую главу нашей статьи. *Русская Мысль*. 1884 г., кн. VI, стр. 208.

митетъ предполагалъ, что, для предупрежденія всякаго ропота, всякихъ лживыхъ толковъ и волненія въ умахъ, нужно обнародовать запрещеніе продавать людей безъ земли, вмѣстѣ съ постановленіями, благопріятными для другихъ сословій: этимъ правительство докажетъ, что оно заботится о всѣхъ классахъ подданныхъ безъ исключенія. Для составленія закона о прекращеніи продажи людей безъ земли былъ учрежденъ по высочайшему повелѣнію, независимо отъ комитета 6 декабря, особый комитетъ, въ которомъ, кромѣ членовъ перваго, велѣно было присутствовать дѣйствительному тайному совѣтнику Тутолмину. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ 1820 г. произошло разногласіе по вопросу о запрещеніи продажи людей безъ земли. Когда различныя мнѣнія, высказанныя по этому предмету, были доложены государю, онъ приказалъ, по доставленіи новыхъ мнѣній, представить ихъ ему въ подлинникахъ до внесенія въ государственный совѣтъ; однако, дѣло это не получило дальнѣйшаго хода въ царствованіе Императора Александра.

Въ 1827 г. по поводу одного частнаго случая Императоръ Николай повелѣлъ государственному совѣту разсмотрѣть, можно ли допускать продажу крѣпостныхъ людей за долги помѣщиковъ. Государственный совѣтъ, признавая, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ болѣе общаго рѣшенія—можно ли вообще продавать людей порознь и безъ земли, приступилъ къ разсмотрѣнію этого послѣдняго вопроса въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи. При продолжительныхъ разсужденіяхъ по этому предмету предсѣдательствующій кн. Куракинъ предложилъ мнѣніе, главныя основанія котораго состоятъ въ слѣдующемъ: 1) раздѣлить крѣпостныхъ на крестьянъ и дворовыхъ людей и дозволить продажу первыхъ съ землею, а продажу вторыхъ вовсе запретить; 2) по новой ревизіи отдѣлить дворовыхъ людей отъ крестьянъ и затѣмъ запретить обращеніе крестьянъ въ дворовые; 3) рекрутскую повинность съ дворовыхъ людей установить особо, дозволивъ помѣщикамъ ставить ихъ за крестьянъ; 4) объявить помѣщикамъ, что подушная подать съ дворовыхъ людей будетъ возвышена и что ее должны уплачивать сами владѣльцы, а не крестьяне; 5) запретить продажу крестьянъ безъ земли, дозволивъ ее только на свозъ съ вѣдома губернскаго начальства безъ раздробленія семействъ и съ обезпеченіемъ ихъ устройства на новыхъ мѣстахъ; 6) дозволить отпускать крестьянъ

на волю семействами для поселенія на земляхъ, пріобрѣтенныхъ ими самими, казенныхъ, другихъ помѣщиковъ, а также и купцовъ по особымъ условіямъ, о чемъ издать новое положеніе, руководствуясь правилами, изданными для свободныхъ хлѣбопашцевъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились два члена государственнаго совѣта — графъ Строгановъ и Сперанскій, а Тутолминъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ предлагалъ въ дополненіе существующихъ уже узаконеній: 1) запретить продажу дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли; 2) предоставить лицамъ, имѣющимъ право владѣть фабриками и заводами, покупать крестьянъ и дворовыхъ людей по существующимъ законамъ (т.-е., вѣроятно, уже не на поссессіонномъ, а на полномъ вотчинномъ правѣ); 3) запретить приписку дворовыхъ людей къ домамъ; 4) продажу крестьянъ и дворовыхъ людей съ землею оставить на прежнемъ положеніи, воспретивъ только разлучать семейства, и 5) дозволить продажу крестьянъ и дворовыхъ людей на свозъ съ условіемъ, чтобы покупщикъ имѣлъ землю, удобную для заселенія. Общее собраніе государственнаго совѣта въ засѣданіи 22 апрѣля 1829 г., въ виду важности вопроса о прекращеніи продажи людей безъ земли и связи существующаго порядка распоряженія со стороны помѣщиковъ своими крѣпостными со многими вопросами государственнаго хозяйства и управленія, нашло необходимымъ поручить составленіе предполагаемаго закона особому комитету, который, какъ мы уже говорили выше, и былъ учрежденъ по высочайшему повелѣнію.

На разсмотрѣніе этого особаго комитета былъ внесенъ проектъ отдѣльно составленнаго положенія о крестьянахъ (казенныхъ и помѣщичьихъ) и дворовыхъ людяхъ, въ который вошли и предположенія по этому предмету, высказанныя въ запискѣ Сперанскаго, и изложенныя выше дополненія къ нимъ, сдѣланныя комитетомъ 6 декабря. Постановленія, содержащіяся въ этомъ проектѣ, какъ сообразныя съ предположеніями, сдѣланными въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, были одобрены комитетомъ (причемъ Тутолминъ отказался отъ прежняго своего мнѣнія) и комитетъ положилъ издать эти правила вмѣстѣ съ прочими, предположенными комитетомъ 6 декабря. Дѣйствія этого послѣдняго продолжались постоянно до 1830 года. По окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ бывшихъ въ виду его предположеній, имъ были составлены проекты: 1) дополнительнаго закона о состояніяхъ, въ которомъ заключались положенія о по-

рядкѣ гражданской службы, о дворянствѣ, духовенствѣ, гражданствѣ и крестьянствѣ; 2) проектъ манифеста, при которомъ должно быть издано это узаконеніе; 3) вышеупомянутый проектъ особаго положенія о дворовыхъ людяхъ съ проектомъ дополнительнаго о томъ указа, и 4) проектъ особаго указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имѣній.

Остановимся на содержаніи только тѣхъ проектовъ, которые прямо касаются крестьянскаго вопроса.

Въ постановленіяхъ о крестьянахъ, согласно предложенію Сперанскаго, предполагалось запретить всякое отчужденіе крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли, а также продажу ихъ на свозъ (несмотря на то, что послѣднее допускали Куракинъ и Тутолминъ). Относительно увольненія крѣпостныхъ крестьянъ «лично безъ земли» были повторены правила, принятыя въ комитетѣ 6 декабря 1826 г.; при этомъ «вольноотпущеннымъ земледѣльцамъ», кромѣ пріобрѣтенія земли въ собственность, дозволялось: 1) «по взаимному договору нанимать у другихъ землю изъ оброка на такое число лѣтъ, какъ *по обоюдному согласію* (а не на основаніи, слѣдовательно, какихъ-либо установленныхъ закономъ правилъ) будетъ между ними постановлено, и водворяться на сей нанятой землѣ до срока»; 2) наниматься у другихъ также по договору для обрабатыванія изъ опредѣленной доли ея произведеній или же за условленную плату деньгами; 3) переходить и переселяться не только изъ одного уѣзда въ другой, но и изъ одной губерніи въ другую съ вѣдома казенной палаты.

Право, данное помѣщикамъ указомъ 20 февраля 1803 г. (о свободныхъ хлѣбопашцахъ), увольнять крестьянъ цѣлыми селеніями съ землею предполагалось оставить въ силѣ. Увольненіе это можно было производить или на основаніи закона 1803 г. *), или на основаніи вновь составленныхъ правилъ, которыя не представляли особенно существенныхъ нововведеній; замѣтимъ только, что этимъ крестьянамъ, уволеннымъ селеніями или частями селеній (послѣднее допускалось и закономъ 1803 г.), такъ же, какъ и «вольноотпущеннымъ земледѣльцамъ», дозволялось покупать и брать землю у другихъ владѣльцевъ въ аренду и наниматься для обрабатыванія земли, но переселяться на купленныя

*) Онъ изложенъ въ нашей статьѣ: „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I". *Русская Мысль* 1883 г., кн. X, стр. 5—6.

или нанятыя земли и переходить въ другія состоянія, даже и съ согласія всего ихъ сельскаго общества, имъ запрещалось до уплаты прежнему своему помѣщику всей «положенной въ договорѣ, за увольненіе ихъ и за предоставленную имъ землю, суммы». Крестьяне, уволенные, такимъ образомъ, по договору, если будутъ уличены судомъ въ нарушеніи заключенныхъ ими съ прежними помѣщиками условій, должны были подвергаться не только всей строгости взысканій, установленныхъ законами для частныхъ договоровъ, но и заключенію въ рабочихъ домахъ; если же эти мѣры окажутся недостаточными для понужденія ихъ исполнить условія, то они могутъ быть по судебному же приговору возвращаемы въ прежнее крѣпостное состояніе. Послѣднее допускалось и закономъ 1803 г.; что же касается заключенія въ рабочіе дома, то графъ Румянцевъ предлагалъ эту мѣру въ своемъ первоначальномъ проектѣ, вызвавшемъ законъ 1803 г., но она принята не была. Слѣдуетъ отмѣтить въ новыхъ правилахъ увольненія крестьянъ селеніями съ землею отсутствіе одного стѣснительнаго правила, требуемаго закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ: чтобы помѣщикъ при заключеніи условія раздѣлилъ всю дачу на участки и чтобы каждый изъ крестьянъ «имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли». Правило это, впрочемъ, строгое соблюденіе котораго уничтожило бы общинное землевладѣніе у всѣхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и ранѣе не соблюдалось вполнѣ, т.-е. крестьянамъ обыкновенно самимъ предоставлялось раздѣленіе земель на участки.

Но составители проекта не удовольствовались дозволеніемъ освобождать крѣпостныхъ крестьянъ селеніями съ землею и по одиночкѣ или семействами безъ земли. «Сверхъ того,—читаемъ мы въ проектѣ манифеста о состояніяхъ,—всякій помѣщикъ имѣетъ право увольнять своихъ крестьянъ какъ лично, или семействами, такъ *и цѣлыми селеніями*, *или частями селеній*, *безъ земли* и съ землею, и на другихъ условіяхъ, *по взаимному его съ ними согласію;* но договоры на такихъ, непредназначенныхъ въ семъ законѣ, условіяхъ должны, прежде окончательнаго оныхъ заключенія, быть представляемы на усмотрѣніе наше чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и не иначе совершаемы, какъ по особеннымъ на то разрѣшеніямъ». Этимъ постановленіемъ, если бы оно получило силу закона, отмѣнялось бы существовавшее прежде положительное запрещеніе освобождать крестьянъ безъ земли цѣлыми селеніями.

Особое положеніе о дворовыхъ людяхъ имѣло цѣлью не только положить предѣлъ увеличенію этого разряда крѣпостныхъ, но также различными стѣсненіями во владѣніи ими понудить помѣщиковъ постепенно обращать ихъ въ крестьянъ. Прежде всего, въ этомъ положеніи предписывалось при новой ревизіи и во всѣ за нею слѣдующія, а также во всѣхъ крѣпостныхъ актахъ, означать дворовыхъ отдѣльно отъ крестьянъ и называть ихъ «дворовыми крѣпостными людьми», и затѣмъ съ первой же ревизіи платить подушную подать съ дворовыхъ и отправлять рекрутскую повинность отдѣльно отъ крестьянъ.

Очень важно установляемое проектомъ запрещеніе отдавать крестьянъ въ рекруты вмѣсто дворовыхъ; обратная же замѣна дозволялась. Еще важнѣе было то, что съ первой по изданію этого положенія ревизіи запрещалось обращать крестьянъ въ дворовыхъ, но какъ до переписи, такъ и послѣ нея было дозволено переводить дворовыхъ въ крестьяне съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) чтобы переводъ былъ произведенъ безъ разлученія семействъ (а къ семейству причислялись мужъ, жена и малолѣтнія дѣти до 10 лѣтъ) и 2) дворовый, переведенный въ крестьяне, долженъ быть не только перечисленъ по книгамъ въ казенной палатѣ, но и дѣйствительно въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ перечисленія водворенъ въ деревнѣ. Предполагалось облегчить отпускъ дворовыхъ на волю и потому было разрѣшено постановлять въ отпускныхъ условіяхъ не только относительно единовременнаго или по срокамъ платежа условленной, капитальной суммы, но и объ опредѣленномъ оброкѣ, платимомъ ежегодно въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ или до самой смерти увольняемаго; но въ первомъ случаѣ въ условіяхъ должна быть означаема капитальная сумма, которая можетъ быть внесена вмѣсто опредѣленнаго оброка и по уплатѣ которой ежегодный взносъ прекращается. Всѣ платежи, опредѣленные въ такихъ условіяхъ, взыскиваются съ увольняемыхъ предпочтительно предъ всѣми казенными и частными исками; въ случаѣ же неисправности въ платежѣ капитальной суммы или оброка «виновные» отдаются въ работу съ тѣмъ, чтобы заработанныя ими деньги шли на уплату долга прежнему помѣщику. Дворовые, отпущенные на волю, обязаны въ два года по совершеніи отпускной избрать родъ жизни, подъ угрозою подвергнуться отвѣтственности, какъ бродяги; когда же въ узаконенный срокъ они припишутся куда-нибудь по собственному выбору, то увольняются еще на два

года отъ платежа всякихъ податей *). Составители проекта находили особенно неудобнымъ существованіе класса дворовыхъ, принадлежащихъ такимъ владѣльцамъ, которые вовсе не имѣютъ деревень. Поэтому было опредѣлено, что со времени изданія новаго положенія дворовые, не приписанные къ деревнямъ, не могутъ быть принимаемы въ залогъ или служить обезпеченіемъ какого-либо обязательства. Еще важнѣе въ этомъ проектѣ было запрещеніе впредь продавать и закладывать дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; передача личныхъ правъ на дворовыхъ однимъ владѣльцемъ другому дозволялась только по законному наслѣдству и по рядным записямъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ безъ раздробленія семействъ; по духовнымъ завѣщаніямъ дворовые могутъ переходить въ другое владѣніе не иначе, какъ съ тѣмъ селеніемъ, къ которому они приписаны. Очевидно, изъ опасенія, чтобы новыя правила не вызвали неповиновенія со стороны дворовыхъ ихъ господамъ, составители проекта включили въ него слѣдующее правило: «дворовые люди, состоя въ крѣпостномъ правѣ у владѣльцевъ и будучи обязаны имъ службою и полнымъ повиновеніемъ, въ случаѣ непослушанія или какихъ-либо дерзостей подлежатъ, попрежнему, не токмо мѣрамъ домашняго исправленія, но и отдачѣ въ зачетъ въ рекруты или въ смирительные и рабочіе дома и наказаніямъ при полиціяхъ по просьбамъ и предъявленіямъ ихъ владѣльцевъ. Сверхъ сего, на основаніи высочайше утвержденнаго 30 августа 1827 г. мнѣнія государственнаго совѣта, помѣщики могутъ представлять неисправныхъ крѣпостныхъ людей своихъ, какъ дворовыхъ, такъ и крестьянъ, въ губернскія правленія, объявляя, что не желаютъ имѣть ихъ при себѣ или въ своемъ селеніи».

Въ проектахъ этихъ новыхъ законовъ мы находимъ нѣсколько важныхъ и благопріятныхъ для крѣпостныхъ людей постановленій, а именно запрещенія отчуждать крѣпостныхъ крестьянъ въ дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ предложеніемъ Сперанскаго, въ проектъ было включено крайне

*) Впрочемъ, помѣщикъ, при выдачѣ отпускной, могъ получить съ увольняемаго и внести за него въ казну вмѣсто слѣдующихъ до новой ревизіи податей единовременно 20 руб. подушныхъ и 10 руб. за земскія повинности.

неблагопріятное для будущности крестьянъ разрѣшеніе освобождать ихъ цѣлыми деревнями безъ земли въ случаѣ ихъ согласія.

Въ 1830 г. проекты комитета 6 декабря были внесены въ государственный совѣтъ, разсмотрѣны тамъ въ нѣсколькихъ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ общаго собранія и приняты съ нѣкоторыми частными измѣненіями, за исключеніемъ запрещенія продавать крестьянъ на свозъ. Нѣкоторые члены государственнаго совѣта замѣтили, что продажа на свозъ должна быть дозволена въ извѣстныхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, какъ единственное средство уравненія населенія въ Россіи, а иначе въ малоземельномъ имѣніи будетъ страдать не только помѣщикъ отъ неполученія дохода съ крестьянъ, но и сами крестьяне не будутъ имѣть возможности воздѣлывать хлѣбъ въ количествѣ, достаточномъ для ихъ пропитанія. Въ виду этого и нѣкоторыхъ другихъ затрудненій, одиннадцать членовъ государственнаго совѣта полагали составить особыя правила о чрезвычайныхъ случаяхъ, въ которыхъ можетъ быть предоставлена владѣльцамъ переуступка правъ на своихъ крестьянъ для переселенія съ различными предосторожностями отъ злоупотребленій, съ несомнѣнными удостовѣреніями въ необходимости переселенія и пользы его для самихъ крестьянъ и, наконецъ, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Министръ финансовъ Канкринъ допускалъ исключеніе единственно въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ лишается земли по суду и когда крестьяне должны быть съ нея переведены.

Напротивъ того, шестнадцать членовъ государственнаго совѣта находили, что всякое исключеніе изъ общаго правила будетъ, въ сущности, составлять дозволеніе, попрежнему, продавать людей безъ земли «вопреки намѣреніямъ новаго закона». Съ мнѣніемъ большинства согласился и государь.

Проекты, составленные въ комитетѣ 6 декабря, послѣ нѣкоторыхъ исправленій въ государственномъ совѣтѣ были представлены Императору Николаю, но онъ два раза возвращалъ ихъ обратно для новаго соображенія и приказалъ, чтобы они были напечатаны и разосланы членамъ совѣта. Наконецъ, совершенно исправленные проекты были поднесены государю въ іюнѣ 1830 года и затѣмъ по высочайшему повелѣнію были отправлены въ Варшаву на разсмотрѣніе великаго князя цесаревича Константина Павловича. Цесаревичъ въ особой запискѣ изложилъ свои возраженія на нѣкоторые параграфы проектовъ, которые, какъ мы уже знаемъ, обнимали всѣ сословія, и, кромѣ того, сдѣлалъ общее

замѣчаніе, что какъ, съ одной стороны, сохраненіе древняго порядка главныхъ состояній должно дѣйствовать на твердость государственнаго быта, такъ, съ другой стороны, сильнѣйшая ограда для сохраненія главныхъ состояній, коренныхъ законовъ и государственныхъ уставовъ есть ихъ древность. Поэтому цесаревичъ полагалъ относительно существенныхъ перемѣнъ, содержащихся въ этихъ проектахъ, что лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени. Притомъ, такъ какъ этими проектами вводятся перемѣны вдругъ во многихъ предметахъ, то такая сложность часто бываетъ причиной недостаточно внимательнаго разсмотрѣнія каждой перемѣны, отчего по изданіи новыхъ законовъ возникаютъ вопросы и сомнѣнія, требующія разрѣшеній, которыя иногда измѣняютъ изданный законъ или ослабляютъ силу и уваженіе къ нему новыми прибавленіями и измѣненіями. Противъ этого замѣчанія государь написалъ: «Мысль сія была и моя; но причины, по коимъ я согласился на предположеніе вмѣстѣ издать все, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію». Сдѣланныя на проектъ замѣчанія были переданы государемъ въ началѣ іюля 1830 г. предсѣдателю государственнаго совѣта, который заготовилъ по нимъ объясненія, но неизвѣстно, были ли они представлены государю и вообще нѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Во всякомъ случаѣ дѣятельность комитета 6 декабря не осталась безъ вліянія на послѣдующее законодательство по крестьянскому вопросу въ царствованіе Императора Николая: мы увидимъ ниже, какъ много составители проектовъ для позднѣйшихъ комитетовъ черпали изъ записки Сперанскаго и проекта 1830 г.; правда, самыя существенныя изъ предложеній этихъ проектовъ (какъ, напр., запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли или дѣлать ихъ дворовыми) не получили силы закона до самаго паденія крѣпостнаго права, но за то эта отсрочка дала возможность укрѣпиться мысли о крайней опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ и въ секретномъ комитетѣ 1839—1842 гг. это хорошо сознавали уже почти всѣ члены.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Императора Николая мы не будемъ пока касаться всѣхъ принятыхъ въ это время частныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; остановимся, прежде всего, на разборѣ дѣятельности учрежденныхъ съ этою цѣлью секретныхъ комитетовъ. При этомъ мы убѣдимся, что Императоръ Николай ис-

кренно желалъ подготовить паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Что же касается окружавшихъ его лицъ, то едва ли не единственнымъ изъ числа высшихъ сановниковъ, искренно желавшимъ ограниченія помѣщичьей власти, былъ графъ П. Д. Киселевъ, на котораго Императоръ Николай и смотрѣлъ, какъ на своего ближайшаго помощника въ этомъ дѣлѣ; въ виду этого, прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности слѣдующихъ секретныхъ комитетовъ, мы считаемъ необходимымъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ этою замѣчательною личностью.

Родители П. Д. Киселева, принадлежавшіе къ высшему московскому кругу, были въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Ѳ. В. Ростопчинымъ; ихъ домъ также посѣщалъ и М. Н. Карамзинъ; мы знаемъ, что тотъ и другой принадлежали къ числу самыхъ крайнихъ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, и молодой Киселевъ, получившій домашнее воспитаніе, могъ, конечно, слышать ихъ желчные отзывы о «либералистахъ», мечтающихъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Но умная и добрая мать старалась окружать сына достойными сверстниками, въ числѣ которыхъ былъ А. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій (къ послѣднему Киселевъ сохранилъ дружбу до конца своихъ дней), а они примкнули впослѣдствіи къ числу людей, желающихъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ и, слѣдовательно, могли вліять въ этомъ отношеніи и на Киселева. Въ 1812—14 годахъ Павелъ Дмитріевичъ былъ адъютантомъ Милорадовича, человѣка также либеральнаго образа мыслей въ крестьянскомъ вопросѣ, и въ этомъ званіи совершилъ походъ заграницу, гдѣ могъ видѣть иныя условія быта крестьянъ. Назначенный флигель-адъютантомъ государя въ апрѣлѣ 1814 г., Киселевъ на этомъ мѣстѣ сблизился, между прочимъ, съ кн. А. С. Меньшиковымъ, который, въ царствованіе Императора Александра, также желалъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и былъ однимъ изъ членовъ кружка, предполагавшаго въ 1820 г. основать съ этою цѣлью общество, которое, однако, не было разрѣшено. Киселевъ своимъ умомъ, распорядительностью и честнымъ, открытымъ характеромъ скоро пріобрѣлъ расположеніе государя, который давалъ ему довольно важныя порученія, и этою близостью къ Императору Александру онъ воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы въ августѣ 1816 года подать ему въ Москвѣ записку о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи; въ ней авторъ, имѣя въ виду не уничтоженіе

сразу крѣпостнаго права, что онъ считалъ не безопаснымъ, а лишь постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ, и ограниченіе власти, помѣщиками незаконно присвоенными, сдѣлалъ нѣсколько разумныхъ предложеній съ этою цѣлью, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже заключали въ себѣ зародышъ тѣхъ мнѣній и проектовъ по крестьянскому вопросу, которые онъ представлялъ въ царствованіе Императора Николая.

Въ 1826 г. одинъ случай волненія крестьянъ въ Украйнѣ заставилъ Киселева набросать нѣсколько мыслей по этому поводу, приводившихъ къ заключенію, что и здѣсь Провидѣніе ясно указываетъ правительству на необходимость тщательнаго разсмотрѣнія причинъ, возбуждающихъ мятежный духъ въ крестьянахъ, и на тѣ постановленія, которыя необходимы къ отвращенію этихъ причинъ. Изъ слѣдующей затѣмъ програмиы особой записки по этому предмету видно *), что еще до 1831 года Киселевъ сознавалъ необходимость тѣхъ мѣръ для подъема благостоянія русскаго крестьянскаго населенія Украйны посредствомъ ограниченія помѣщичьей власти, которыя лишь чрезъ 20 лѣтъ, и то не вполнѣ, были осуществлены генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ.

Первый случай поработать надъ регулированіемъ положенія земледѣльческаго населенія представился Киселеву не въ Россіи, а въ Дунайскихъ княжествахъ, во главѣ управленія которыхъ онъ былъ поставленъ въ 1829 г. и гдѣ въ теченіе 5 лѣтъ занималъ мѣсто полномочнаго предсѣдателя993 Дивановъ. Но тутъ Киселеву пришлось бороться съ эгоистическими стремленіями землевладѣльцевъ, а также онъ, вѣроятно, былъ недостаточно знакомъ съ мѣстными отношеніями и потому постановленія составленнаго въ это время органическаго регламента, касающіяся повинности крестьянъ, вовсе не облегчили ихъ положенія. Ки-

*) Въ составъ ея должны были войти, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: „населеніе Украйны; первобытное состояніе крестьянъ... раздача имѣній въ поссессіонное владѣніе и самопроизвольное отягощеніе крестьянъ; презрѣніе поляковъ къ народу. исповѣдующему другую религію и говорящему другимъ языкомъ; вражда крестьянъ къ помѣщикамъ... трудность измѣнять обычаи, которые, отъ времени, приняли видъ законности и права; необходимость въ семъ случаѣ дѣйствовать осторожно, дабы, при дарованіи правъ однимъ, не отнять ихъ неправильно отъ другихъ; способъ къ тому, заключающійся въ составленіи губернскихъ коммиссій съ порученіемъ имъ: а) изложить правила для составленія инвентарей или сельскихъ подворныхъ вѣдомостей; б) назначить обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ относительно дней работы. опредѣленія оной по силамъ и возможности человѣка и по количеству земли и выгодъ, предоставленныхъ крестьянамъ; в) разсмотрѣть права помѣщиковъ относительно взиманія налоговъ, здѣсь подъ разными наименованіями существующихъ“, и проч.

селевъ, въ своей запискѣ объ обязанныхъ крестьянахъ въ Россіи (1840 г.), формулировалъ общіе принципы постановленій о крестьянахъ Дунайскихъ княжествъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ; оговорившись, что «тамошнимъ крестьянамъ была уже давно предоставлена личная свобода, но что они разными ограниченіями и стѣсненіями перехода съ одного мѣста на другое приведены были вновь какъ бы въ крѣпостное состояніе», онъ перечисляетъ главныя основанія введеннаго имъ положенія объ отношеніяхъ въ княжествахъ владѣльцевъ и крестьянъ: 1) Дворяне признаются вотчинниками земель, а крестьяне сохраняютъ полное право личной свободы. 2) Помѣщики должны непремѣнно снабдить живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ опредѣленнымъ количествомъ угодій за установленныя повинности и не могутъ высылать ихъ изъ своихъ помѣстій, пока тѣ исполняютъ свои обязанности. 3) Участокъ крестьянина обезпечиваетъ его содержаніе и уплату податей въ казну; но если бы крестьянинъ пожелалъ пріобрѣсти бо̀льшее количество земли, въ такомъ случаѣ онъ входитъ съ помѣщикомъ въ особое соглашеніе, а если оно не состоится, то можетъ нанять землю у другаго владѣльца или даже перейти въ другое помѣстье. 4) Крестьянинъ, исполнившій свои обязанности относительно землевладѣльца, имѣетъ право перейти отъ него на другія земли, но, чтобы это не повело къ бродяжничеству, постановлено, что крестьяне, получившіе полный надѣлъ земли, въ случаѣ переселенія безъ особенной къ тому причины, оставляютъ свой домъ, усадьбу и садъ въ пользу помѣщика, тогда какъ крестьяне, переселяющіеся по недостатку земли у помѣщика или по случаю женитьбы и полученія въ наслѣдство недвижимаго имѣнія, могутъ продать принадлежащіе на прежнихъ мѣстахъ дома и усадьбы въ свою пользу. Приводя, однако, эти общія основанія реформы, Киселевъ не указываетъ здѣсь на то, что количество труда, назначеннаго для исполненія въ каждый день обязательной работы, было такъ велико, что въ дѣйствительности его можно было выполнить лишь въ 3 дня, а, кромѣ того, крестьянинъ былъ обязанъ помѣщику вносить натурою десятую часть произведенія своей земли; переселеніе на другія земли обставлено также весьма большими затрудненіями. Хорошею стороною регламента въ Дунайскихъ княжествахъ было то, что онъ уничтожилъ классъ такъ называемыхъ «сокотельниковъ и послушниковъ», находившихся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ («бояровъ»), которые, въ вознагражденіе за

нихъ, получили пожизненныя пенсіи отъ казны; сокотельники и послушники поступили въ общій составъ крестьянъ и были сравнены съ ними въ платежѣ податей. Впослѣдствіи Киселевъ самъ не скрывалъ, что составленное имъ положеніе показало ему всѣ трудности предмета и недостатокъ опытности въ подобномъ дѣлѣ, но въ защиту его слѣдуетъ, однако, указать на то, что ему приходилось выдерживать трудную борьбу для проведенія крестьянской реформы въ Румыніи *).

Вниманіе, съ которымъ Киселевъ отнесся къ положенію сельскаго населенія Дунайскихъ княжествъ, доказало, что онъ можетъ работать для постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права и въ Россіи. На первой же аудіенціи, по возвращеніи изъ Молдавіи и Валахіи (въ 1834 г.), государь заявилъ Киселеву, что въ отчетѣ объ управленіи княжествами его особенно заинтересовало то мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ. «Мы займемся этимъ когда-нибудь,—продолжалъ Императоръ Николай.—Я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли,—сказалъ далѣе государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета,—здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи».

Въ іюлѣ того же года между Киселевымъ и Императоромъ Николаемъ произошелъ еще болѣе замѣчательный разговоръ. Государь сказалъ Киселеву, что, занимаясь подготовленіемъ труднѣйшихъ дѣлъ, которыя могутъ пасть на наслѣдника престола, онъ признаетъ самымъ необходимымъ «преобразованіе крѣпостнаго права», такъ какъ оно въ настоящемъ положеніи оставаться болѣе не можетъ. «Я, — продолжалъ императоръ, — говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и *ни въ одномъ не нашелъ прямаго сочувствія*; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны; несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ семи чле-

*) Въ началѣ 1833 г. онъ писалъ: „Мы приступаемъ къ разсмотрѣнію повинностей крестьянъ (въ Молдавіи); мое положеніе весьма щекотливое, и я не знаю, какой будетъ результатъ. Я одинъ долженъ защищать этихъ беззащитныхъ людей противъ олигархіи жадной и буйной“.

новъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ (извѣстный комитетъ 6 декабря 1826 г.). Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ, — продолжалъ императоръ—я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу».

Киселевъ съ восторгомъ отнесся къ этому предложенію государя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не умолчалъ, что исполненіе его, въ виду предстоящихъ затрудненій, потребуетъ большихъ усилій и энергіи. Онъ объяснилъ различіе нашего законодательства по этому предмету отъ того, которое сохранилось въ Дунайскихъ княжествахъ, и не скрылъ, что составленное имъ тамъ положеніе относительно крестьянъ показало ему всю его неопытность въ подобномъ дѣлѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ съ душевнымъ удовольствіемъ принялъ приказаніе государя, сказавъ, что болѣе надѣется на свое усердіе, чѣмъ на способности. «И я не опытенъ, — перебилъ его государь, — но твердо уповаю на внушеніе Всевышняго, который насъ просвѣтитъ и направитъ».

Отпуская Киселева, государь повелѣлъ ему хранить въ строгой тайнѣ его слова, дозволивъ только поговорить со Сперанскимъ о крестьянскомъ вопросѣ вообще, не упоминая, однако, о разговорѣ съ государемъ. Нѣсколько позднѣе Императоръ Николай въ шутку называлъ Киселева своимъ «начальникомъ штаба по крестьянской части».

Въ мартѣ 1835 г. государь учредилъ новый секретный комитетъ «для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій», членами котораго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова были назначены Сперанскій, Канкринъ, Киселевъ и Дашковъ. Программа дѣятельности комитета была весьма обширная: устройство конфискованныхъ имѣній для раздачи ихъ въ частныя руки, устройство казенныхъ старостинскихъ и фундушевыхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразованіе управленія казенными крестьянами и, наконецъ, мѣры къ улученію состоянія помѣщичьихъ крестьянъ. Члены

комитета находили, что всѣ части предстоящаго имъ труда «должны быть обработаны подъ господствомъ одной главной мысли и служить одна другой подкрѣпленіемъ и примѣромъ, съ тѣми измѣненіями и различіями, коихъ потребуютъ свойства каждой части и мѣстныя обстоятельства» и потому старались, прежде всего, согласиться въ основныхъ началахъ, которыми они должны руководствоваться въ своихъ трудахъ. Они признали, что нѣтъ иного способа къ достиженію предназначенной имъ цѣли, какъ «установленіе для крестьянъ вѣрнаго и со всею осторожностью размѣреннаго перехода отъ одной степени на высшую и, такъ сказать, нечувствительному возвышенію ихъ отъ состоянія крѣпостнаго до состоянія свободы въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить могутъ». Но опредѣленіе степеней и порядка этого перехода «требуетъ величайшей осмотрительности: поспѣшность, необдуманныя распоряженія и даже одно имя свободы, рано произнесенное, могутъ имѣть послѣдствія гибельныя». Комитетъ установилъ «три степени состоянія крестьянъ всѣхъ наименованій, казенныхъ и помѣщичьихъ», а именно: 1) состояніе крѣпостныхъ съ ограниченіемъ работы на владѣльца тремя днями на основаніи манифеста 1797 г.: таково положеніе помѣщичьихъ крестьянъ великороссійскихъ губерній; они находятся въ полной зависимости отъ помѣщика: тяжесть ихъ работъ, кромѣ числа дней и распоряженія ихъ личностью, не ограничены закономъ; 2) состояніе крестьянъ, обязанныхъ *мѣрною работою*: они остаются *крѣпкими землѣ*; количество работъ ихъ будетъ опредѣлено закономъ соразмѣрно количествамъ земли, получаемой ими въ пользованіе отъ помѣщика и 3) состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и обрабатывающихъ помѣщичьи земли на основаніи заключаемыхъ договоровъ; такой порядокъ установленъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Однодворцы, свободные хлѣбопашцы и другіе, состоящіе на особыхъ правахъ и владѣющіе *собственною землею* *), не были включены комитетомъ въ эти разряды, такъ какъ они «не могутъ служить степенью къ установленному переходу»; казенные же крестьяне, очевидно, относились комитетомъ ко второй степени, хотя, по

*) Еще межевою инструкціею 1766 г. однодворческія земли помѣстнаго происхожденія были признаны общественными, казенными; собственными ихъ землями считались только купленныя или данныя въ вотчину.

крайней мѣрѣ, въ Великороссіи и Сибири, они платили опредѣленный оброкъ, а не несли извѣстной работы.

Комитетъ справедливо полагалъ, «что переходъ на вторую степень», т.-е. изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, «будетъ уже важнымъ улучшеніемъ для крестьянъ первой степени», но, къ сожалѣнію, онъ считалъ также очевиднымъ, что съ «благоразумно приготовленнымъ» переходомъ крестьянъ на третью степень, т.-е. къ тѣмъ отношеніямъ, какія были установлены въ Остзейскомъ краѣ, «*исполнится желаніе правительства и удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущаго спокойствія и процвѣтанія Россіи*». Такимъ образомъ, по мнѣнію комитета, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ является обезземеленіе крестьянъ по образцу Прибалтійскаго края. Еще печальнѣе, что комитетъ допускалъ возможность такого обезземеленія и для казенныхъ крестьянъ, находившихся несомнѣнно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ, хотя и лично свободное, но лишенное наслѣдственнаго пользованія землею земледѣльческое населеніе нашей западной нѣмецкой окраины. Такимъ образомъ, въ эту эпоху царствованія Императора Николая, очевидно, еще не была отброшена мысль о возможности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Окончательное измѣненіе во взглядахъ правительства, рѣзкое неодобреніе крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ начинается только со времени слѣдующаго секретнаго комитета 1839—42 гг., и заслуга этого измѣненія въ направленіи дѣятельности правительства всецѣло принадлежитъ графу Киселеву, который въ комитетѣ 1835 г. не могъ играть выдающейся роли, такъ какъ преобладающее вліяніе въ немъ, очевидно, принадлежало Сперанскому и Канкрину.

Для осуществленія принятой имъ программы комитетъ 1835 г. предполагалъ руководствоваться слѣдующими основными началами: 1) при всѣхъ удобныхъ случаяхъ распространять и утверждать коренное правило, что «земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помѣщика (казны или частнаго лица)» и что крестьяне могутъ пользоваться ею не иначе, «какъ съ согласія помѣщика и взамѣнъ опредѣленной за нея работы. Несчастная мысль, почти повсемѣстно существующая между помѣщичьими крестьянами, что они сами принадлежатъ господину, а земли принадлежатъ имъ, по мнѣнію комитета, есть одно изъ главныхъ препятствій къ достиженію желаемой

цѣли при введеніи предполагаемыхъ улучшеній крестьянскаго быта; она можетъ возбудить волненіе умовъ и подать поводъ къ важнымъ безпорядкамъ». 2) Опредѣлить различные по мѣстнымъ обстоятельствамъ размѣры работъ, которыми должно обложить по закону крестьянъ 2-й степени, какъ первый шагъ къ предполагаемому улучшенію ихъ быта, тщательно соображая эти размѣры не по числу душъ, а по количеству получаемой въ пользованіе земли и по способамъ каждаго семейства къ ея обрабатыванію; впрочемъ, по мнѣнію комитета, не одна земля, а также и промыслы должны быть приняты въ основаніе при опредѣленіи повинностей крестьянъ, особенно казенныхъ. Слова эти возбуждаютъ вопросъ: предполагалось ли ограничить введеніе «мѣрной работы» лишь западною окраиною Россіи, гдѣ существовала барщинная система, или думали распространить ее и на казенныхъ крестьянъ Великороссіи и Сибири, у которыхъ барщина вездѣ замѣнялась оброчною податью? Въ послѣднемъ случаѣ это было бы, конечно, не улучшеніе, а ухудшеніе ихъ быта, такъ какъ крестьяне всегда предпочитали оброчную систему. 3) «Приготовить рядъ постановленій и распоряженій, совокупно соображенныхъ, но отдѣльно изложенныхъ, кои бы развивались постепенно и были приводимы въ дѣйствіе съ разстановкою, отнюдь не имѣя вида, особливо сначала, какой-либо перемѣны въ государственныхъ постановленіяхъ; должно. чтобы, при переходѣ съ одной степени на другую, крестьяне находили уже ощутительную выгоду въ перемѣнѣ своего положенія и были приготовлены пользоваться оною, не переступая предписанныхъ границъ... Дарованіе вдругъ остзейскимъ крестьянамъ права свободнаго перехода было возможно потому, что они были къ тому нѣсколько приготовлены и что обычаи, языкъ и вѣра, отличая ихъ рѣзкою чертою отъ жителей сосѣдственныхъ губерній, удерживали ихъ въ собственныхъ предѣлахъ. Но подобный переворотъ едва ли можетъ быть такъ скоро совершенъ не только въ великороссійскихъ, но даже въ западныхъ губерніяхъ, хотя въ нихъ распространены уже понятія о мѣрной работѣ. Сверхъ внезапнаго потрясенія правъ собственности, могло бы послѣдовать и то, что крестьяне, вдругъ получивъ свободу переходить съ земли, къ коей они и предки ихъ были крѣпко привязаны закономъ, хлынули бы цѣлыми селеніями въ губернія южныя, куда давно манитъ ихъ благорастворенность воздуха, обиліе земли и мечтательныя на-

дежды лучшей и, притомъ, менѣе трудной жизни, подвергаясь на пути всякимъ бѣдствіямъ, затрудняя всѣ необходимыя сношенія между правительствомъ и подданными и разсѣвая вредный примѣръ даже въ мѣстахъ, отъ нихъ отдаленнѣйшихъ».

Прежде всего, члены комитета приступили къ чтенію бумагъ, относящихся къ предположенной раздачѣ на особыхъ правахъ частнымъ людямъ конфискованныхъ имѣній. Признано было необходимымъ ожидать предстоящаго окончанія производимой въ нихъ люстраціи и тогда уже, «сообразивъ полученныя свѣдѣнія съ проектами новыхъ инвентарей, учредить весь порядокъ мѣрной работы въ раздаваемыхъ имѣніяхъ такимъ образомъ, чтобы крестьяне не имѣли причины сожалѣть о прежнихъ своихъ владѣльцахъ и чтобы, оставаясь, по закону, еще привязанными къ помѣщичьей землѣ, они могли привязываться къ ней болѣе и болѣе тѣми выгодами, кои прилежный трудъ доставляетъ земледѣльцу», а до того времени не раздавать конфискованныхъ имѣній.

Затѣмъ члены комитета занялись обозрѣніемъ внесеннаго, по повелѣнію государя, министромъ финансовъ проекта новаго управленія казенными имуществами и нашли, что, согласно съ изложенными выше основными правилами, это преобразованіе должно составлять одно цѣлое съ общимъ дѣломъ улучшенія состоянія крестьянъ разныхъ названій. Любопытно, что самъ Канкринъ говорилъ въ комитетѣ о своемъ проектѣ управленія государственными крестьянами, что онъ ни къ чему не поведетъ. Осенью 1835 г. засѣданія комитета возобновились; они продолжались и въ январѣ слѣдующаго года, но не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Сперанскій прямо говорилъ въ комитетѣ, что по дѣлу о помѣщичьихъ крестьянахъ онъ не ожидаетъ успѣха. Тогда государь рѣшился изъ общаго вопроса о сельскомъ населеніи Россіи выдѣлить устройство казенныхъ крестьянъ и поручить его Кисслеву, съ какою цѣлью въ апрѣлѣ 1836 г. и было учреждено V-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, впослѣдствіи преобразованное въ министерство государственныхъ имуществъ.

Въ концѣ 1835 г. Киселеву пришлось въ особой запискѣ высказать свои взгляды на задачу, предстоящую правительству по отношенію къ ограниченію крѣпостнаго права; поводомъ для этого послужила вызванная однимъ частнымъ случаемъ мысль государя, не слѣдуетъ ли право, предоставленное въ 1820 г.

помѣщичьимъ крестьянамъ въ Грузіи, въ случаѣ продажи съ аукціона имѣнія, къ которому они принадлежали, выкупаться на свободу со всею землею данной вотчины, распространить и на тѣ случаи во всей Россіи, когда продаются съ публичнаго торга имѣнія, доставшіяся разночинцамъ. Министръ финансовъ Канкринъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта заявилъ, что «пріобрѣтеніе свободы нѣсколькими тысячами семействъ не можетъ принести государству существенной пользы и что для вѣрнѣйшаго достиженія подобной цѣли требуются мѣры не частныя, но общія», и государственный совѣтъ отвергъ предполагаемую мѣру. Тогда Киселевъ въ ноябрѣ 1835 г. составилъ записку, гдѣ, указывая на мнѣніе Канкрина и признавая отчасти его справедливость, утверждалъ, однако, что правительство, «опредѣливъ *общее основное правило,* которымъ оно руководствуется или намѣрено руководствоваться, затѣмъ должно уже пользоваться каждымъ представляющимся ему удобнымъ для успѣшнѣйшаго достиженія его цѣли *частнымъ случаемъ*»; для постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи такую политику онъ находилъ даже удобнѣе принятія общихъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, соглашаясь съ неудобствомъ допускать крестьянъ участвовать въ торгахъ (Канкринъ ссылался на то, что желаніе пріобрѣсти свободу можетъ побудить ихъ къ неумѣренному повышенію цѣны помѣстья и это вредно отразится на ихъ благосостояніи), Киселевъ предлагалъ, чтобы имѣнія, достающіяся личнымъ дворянамъ и разночинцамъ, или продавались на основаніи существующаго уже закона, или оставлялись въ ихъ владѣніи, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне, будучи крѣпкими землѣ, несли обязанности на извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Такими постановленіями было бы положено «первое начало новому, нынѣ въ нашемъ законодательствѣ не существующему, классу граждaнъ, классу, такъ сказать, *условныхъ* земледѣльцевъ». Впослѣдствіи право пріобрѣтенія недвижимаго имущества на такомъ основаніи могло бы быть распространено вообще на всѣхъ капиталистовъ; на томъ же основаніи можно было допустить учрежденіе майоратовъ и даже поставить опредѣленіе повинностей по закону необходимымъ условіемъ при учрежденіи помѣщиками фабрикъ и заводовъ въ ихъ имѣніяхъ (такія мысли и имъ подобныя Киселевъ высказывалъ еще въ своей запискѣ 1816 г., поданной Императору Александру). Киселевъ выражаетъ увѣренность, что въ виду такихъ мѣръ многіе

изъ дворянъ, особенно крупные помѣщики и люди образованные, сами присоединятся къ дѣйствіямъ правительства и, какъ ради собственной выгоды, такъ и изъ чувства человѣколюбія, станутъ постепенно даровать своимъ крестьянамъ «свободу условную, съ крѣпостію ихъ только къ одной землѣ». Онъ полагалъ даже, что такимъ образомъ будетъ постепенно достигнуто «уничтоженіе въ Россіи крѣпостнаго состоянія», очевидно, противупоставляя крѣпостное право прикрѣпленію къ землѣ, сохраненіе котораго онъ считалъ возможнымъ *). Въ этой запискѣ 1835 г. объ *условныхъ* или, какъ они названы были позднѣе, *обязанныхъ* крестьянахъ, мы находимъ уже зародышъ тѣхъ мыслей, которыя были подробно развиты Киселевымъ въ обширномъ трудѣ, представленномъ въ 1840 г. сначала государю, а затѣмъ и секретному комитету, учрежденному въ концѣ предшествующаго года для пересмотра закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Отправляясь лѣтомъ 1835 г. для леченія заграницу, Киселевъ не забылъ приказанія государя собирать матеріалы для составленія проекта постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Въ Карлсбадѣ онъ старался обстоятельно познакомиться съ бытомъ богемскихъ крестьянъ и законодательными мѣрами, принятыми для улучшенія ихъ прежняго положенія. Въ Вѣнѣ онъ видѣлся съ русскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ Татищевымъ, бесѣдовалъ съ нимъ о крестьянскомъ вопросѣ и просилъ выслать ему въ Петербургъ всѣ данныя для изученія австрійскаго законодательства по устройству быта крестьянъ. Пересылая въ началѣ 1836 г. Киселеву записку объ улучшеніи быта крестьянъ въ Австріи, Татищевъ въ письмѣ къ нему высказываетъ желаніе освобожденія крестьянъ въ Россіи съ тѣмъ, чтобы земля осталась собственностью помѣщиковъ. Въ своемъ отвѣтѣ Киселевъ обнаруживаетъ ясное пониманіе того, что̀ было возможно осуществить въ его время: онъ говоритъ, что Россія, по его мнѣнію, «нуждается болѣе всего въ изданіи органическаго закона, способнаго справедливо и точно опредѣлить права и обязанности помѣщиковъ и землевладѣльцевъ. Нетороплиывый и спо-

*) Неизвѣстно, была ли эта записка доведена до свѣдѣнія государя, но только тотъ частный законодательный вопросъ, который ее вызвалъ, былъ рѣшенъ въ 1836 г. самимъ государемъ такимъ образомъ, что крѣпостные люди, доставшіеся по наслѣдству лицамъ, неимѣющимъ права ими владѣть, отбираются немедленно въ казенное вѣдомство, съ уплатою изъ казны опредѣленной суммы за каждую ревизскую душу мужскаго пола.

койный путь, которымъ слѣдовала Австрія въ этомъ дѣлѣ, есть единственный, который мы могли бы принять у насъ для того, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ». Въ слѣдующемъ году Киселевъ, при посредствѣ нашего посланника въ Берлинѣ, Рибопьера, собралъ подробныя свѣдѣнія и о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи при освобожденіи крестьянъ. Въ 1837 г. онъ вступилъ въ переписку о крестьянскомъ вопросѣ съ М. С. Воронцовымъ. который былъ въ 1820 г. однимъ изъ членовъ-основателей уже упомянутаго нами и неразрѣшеннаго общества, имѣвшаго цѣлью освобожденіе крестьянъ. На вопросъ о его мнѣніи по этому предмету, Воронцовъ посовѣтовалъ тотчасъ же начать съ мѣры, одобренной государемъ семь лѣтъ тому назадъ, именно отдѣлить совершенно дворовыхъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ, записывать ихъ особо и запретить обращеніе въ это сословіе крестьянъ; ускорить уменьшеніе дворни онъ совѣтовалъ также значительнымъ налогомъ на дворовыхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Воронцова, «великая рана, великое пятно, тяготѣющее надъ нами, истинный стыдъ Россіи въ XIX в.,—личное рабство,—было бы, если не уничтожено, то, по крайней мѣрѣ, потрясено и скоро исчезло бы совершенно». Киселевъ, въ своей запискѣ 1816 г., также настаивалъ на принятіи мѣръ для уменьшенія количества дворни, а въ 1840 и 1844 гг., въ особыхъ комитетахъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью, могъ гораздо подробнѣе развить свои мысли.

Въ томъ же году Киселеву пришлось въ письмѣ къ виленскому генералъ-губернатору, кн. Н. А. Долгорукому, высказать свой взглядъ на то, въ какомъ направленіи должно дѣйствовать русское правительство относительно крестьянскаго вопроса въ западной Россіи. Въ отвѣтъ на подробный разсказъ князя Долгорукова о томъ, какъ онъ старался убѣдить мѣстныхъ помѣщиковъ самихъ заняться улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, Киселевъ рѣшительно выразилъ мысль, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, должна принадлежать правительству. «Подобная мѣра во всѣхъ этихъ провинціяхъ, по моему мнѣнію,—писалъ онъ,—должна быть *предписана* самимъ правительствомъ, а не *принята* имъ. Поведеніе помѣщиковъ въ отношеніи ихъ къ крестьянамъ даетъ на это право правительству, и чѣмъ болѣе будутъ говорить факты въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе правительство вынуждено будетъ искать средствъ, чтобы помочь. Какое же лѣкарство можно пред-

ложить? Примѣръ прибалтійскихъ провинцій, гдѣ сами помѣщики регулировали права и обязанности землевладѣльцевъ (т.-е. пользующихся землею крестьянъ)? Наполеонъ, идолъ поляковъ, поступилъ безцеремоннѣе, когда однимъ почеркомъ пера уничтожилъ рабство въ герцогствѣ Варшавскомъ. Мы должны, я думаю, поступить болѣе правильно, болѣе осторожно и показать, что государь желаетъ своею властью принять участіе въ интересахъ массы земледѣльцевъ, какъ это сдѣлала Марія-Терезія и три послѣдніе короля Пруссіи... Въ западныхъ провинціяхъ ввести регулированіе правъ и обязанностей между владѣльцами и земледѣльцами (т.-е. крестьянами) легче, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи. Тамъ существуютъ инвентари; пусть сдѣлаютъ ихъ обязательными для обѣихъ сторонъ, пусть установятъ общее основаніе для ихъ составленія. Затѣмъ пусть будутъ учреждены суды для разбора недоразумѣній между владѣльцами и крестьянами, и вы будете имѣть точку отправленія, чтобы распространить болѣе и болѣе гражданскія права на эту массу нашего населенія, поставленную, такъ сказать, внѣ закона. Дѣло это будетъ сдѣлано безъ произнесенія слова свобода, и рабство исчезнетъ незамѣтно для самого раба». Такимъ образомъ, письмо князя Долгорукаго подало Киселеву поводъ развить подробнѣе тѣ мысли, которыя были имъ набросаны въ вышеупомянутой программѣ записки 1826 г.; тутъ мы опять видимъ, что Киселевъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права, а только къ обращенію его въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе къ землѣ; въ этомъ сказался его практическій умъ, преслѣдовавшій лишь задачи, осуществимыя при данныхъ условіяхъ времени, и, къ тому же, эти идеи служили хорошимъ противовѣсомъ взглядамъ тѣхъ людей, которые совѣтовали освободить крестьянъ безъ земли и затѣмъ предоставляли установленіе дальнѣйшихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами соглашенію обѣихъ сторонъ.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА *).

Очерки, путевыя замѣтки, разсказы.

III. Общія свойства «скучающей публики».

I.

Давно ужь нѣтъ моихъ спутниковъ—ни фельдшера, ни купца Тараканова (случай опять свелъ меня съ ними на обратномъ пути); пароходъ миновалъ Казань и идетъ ужь по широкой пустынной Камѣ; въ общей каютѣ, кромѣ меня, нѣтъ другихъ проѣзжающихъ; пусто, одиноко; слышно только хлюпанье воды за стѣной парохода да легкое звяканье покачивающейся лампы или дребезжаніе стакана о графинъ. Одиночество, однако же, ни чуть не тревожитъ и не гнететъ; напротивъ, возможность покойно и безъ помѣхи подумать «обо всемъ» доставляетъ истинное удовольствіе.

Не могу не сказать, что это удовольствіе «думать» доставили мнѣ мои случайные спутники, фельдшеръ и купецъ Таракановъ, такъ какъ до встрѣчи съ ними и до знакомства съ ихъ наблюденіями я находился въ какомъ-то странномъ душевномъ настроеніи, которое можно бы опредѣлить самымъ настойчивымъ, упорнымъ и упрямымъ желаніемъ именно не думать ни о чемъ. Это желаніе я съ особенною силою ощутилъ, войдя вечеромъ, наканунѣ отъѣзда изъ Нижняго, въ пустую, какъ и теперь, общую каюту,—ощутилъ и испугался. Въ былое время самое слово «ѣхать» уже радовало и восхищало, и стоило только добраться до пароходной палубы или до вокзала желѣз-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ной дороги, какъ мгновенно спадали «съ души оковы, съ сердца муки» и счастье быть не въ своемъ только углу, а «въ людяхъ», среди этихъ сотенъ всякихъ лицъ, мнѣній, разговоровъ, наблюденій, біографій, сразу снимало съ плечъ цѣлые года... «Ѣздить по Россіи» въ шестидесятыхъ годахъ было истиннымъ счастьемъ. «Разговоръ» не умолкалъ ни днемъ, ни ночью, ни въ вагонѣ, ни на пароходѣ, ни въ телѣгѣ даже. «Публика» смѣшалась какъ во встряхнутомъ мѣшкѣ; раскрылъ ротъ, долго запертой на крѣпкій крѣпостной замокъ, и мужикъ, развязалъ языкъ чиновникъ, баринъ не скупился на то, чтобы подѣлиться своимъ «мнѣніемъ». Все это чувствовало себя на порогѣ новой жизни, все было оживлено безконечной радостью того, что какая-то каторга кончилась, ушла, осталась тамъ, за спиной, и наружу рвалось все, что только было въ каждомъ живаго и «своего». Публика третьяго класса пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ была безподобна по разнообразію лицъ и разговоровъ; но и публика первыхъ классовъ была также хороша, также не молчала ни днемъ, ни ночью: сколько проектовъ, предположеній, плановъ, критики и т. д. можно было слышать тогда здѣсь, а, главное, слышать все и во всѣхъ трехъ классахъ безъ малѣйшей помѣхи... Нечего и говорить, что иной разъ можно было смѣяться, «помирать» со смѣху отъ Москвы до Астрахани, не переставая... «Вешнія воды» миновали и, имѣя за плечами лѣтъ двадцать опыта, мы ужь совсѣмъ сдѣлались неразговорчивы и совсѣмъ невеселы. До того невеселы, что лично я былъ даже просто пораженъ незнакомой мнѣ прежде жаждой полнѣйшаго отдыха, когда, повторяю, вошелъ въ послѣдній разъ на пароходную полубу. Никакихъ «годовъ» «съ плечъ» не снимала предстоявшая поѣздка, т.-е. я не чувствовалъ, не ощущалъ удовольствія ѣхать. Какая-то, откуда-то ужь знакомая тусклость жизни, которая мнѣ уже видѣлась, мерещилась, даже отталкивала отъ потребности видѣть ее своими глазами... Напротивъ, чувствовалось полное удовольствіе, что вотъ въ каютѣ этой никого нѣтъ, что здѣсь пусто и тихо, что не человѣческая рѣчь, а только звяканье стакана о графинъ да металлическій звукъ колеблющейся лампы нарушаютъ эту пріятнѣйшую тишину.

Но хорошее свѣтлое утро и случайные разговоры фельдшера и купца Тараканова помогли мнѣ очнуться, пробудили желаніе думать. Пробудилось желаніе думать, явилась охота читать; изъ-

подъ салфетокъ, лежавшихъ не подалеку отъ моихъ ногъ, у зеркала торчали цѣлыя груды всевозможныхъ газетъ, провинціальныхъ и столичныхъ. Каютный слуга, очевидно, почиталъ «бумагу», тщательно сберегая оставляемые проѣзжающими нумера газетъ, расправляя ихъ и освобождая иногда отъ частицъ чего-то съѣдобнаго, которое въ иные изъ этихъ нумеровъ было завернуто. Кромѣ этой кучи газетъ, на пароходѣ оказалась очень хорошая библіотека,—много хорошихъ книгъ и лучшіе наши журналы за нѣсколько лѣтъ,—такъ что и думать, и читать можно было вволю. Такимъ образомъ, благодаря этой связкѣ газетъ, пароходной библіотекѣ и разговорамъ фельдшера и купца Тараканова (въ особенности послѣдняго), тяжелое и темное душевное состояніе мое начинало проходить и мысль начинала проясняться...

Да, теперь ужь одно то, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что тяжкое, долгое, безсмысленное, несправедливое и во всѣхъ отношеніяхъ *нелегальное* царство Артемъ Артемычей начинаетъ проходить. Безчисленные, уже печатающіеся и еще въ бо́льшемъ количествѣ предчувствуемые, хищническіе процессы въ самомъ дѣлѣ рисуютъ передъ этими людьми довольно ясныя очертанія (говоря языкомъ Тараканова) «тюремныхъ мѣстъ». Слово «хищеніе» нисколько не исчерпываетъ всей сложности этого явленія. Лопнувшіе банки, опустошенные сундуки, опустошенные карманы обывателей,—это только самая ясная, популярная часть явленія, опредѣляемаго словомъ «хищеніе». Во сто разъ больше значенія это явленіе имѣетъ въ нравственномъ смыслѣ, въ нравственныхъ своихъ послѣдствіяхъ. Даже запутанные разсказы купца Тараканова рисуютъ это явленіе въ размѣрахъ, далеко выходящихъ за предѣлы простой кражи.

Расхищая, подличая, надувая и частныхъ лицъ, и правительство, нужно было еще *заставить молчать*, *заткнуть ротъ* человѣку честному, не-вору и не-надувалѣ.

Хорошаго человѣка они до смерти напугали, забили его въ уголъ, затоптали, а средственнаго, неустоявшагося еще человѣка и совсѣмъ развратили. Вотъ почему въ настоящее время, при очевидной увѣренности, поддерживаемой въ васъ и судебной властью, взявшеюся за очистку мусорныхъ ямъ, двадцать лѣтъ считавшихся золотыми россыпями, и тѣми мнѣніями людей разнаго званія, съ которыми вамъ приходится сталкиваться, — при несомнѣнной, повторяю, увѣренности въ томъ,

что царству Артемъ Артемыча съ братіей конецъ приближается, вы, къ большому вашему огорченію, не видите пока ничего, что можетъ заступить ихъ мѣсто: ни типовъ людей, которые станутъ на мѣсто свергаемыхъ истукановъ, ни плана ихъ дѣятельности, ни задачъ, которымъ они будутъ служить,—ничего этого вы ясно не видите и ясно, опредѣленно представить себѣ не можете.

«Скучающая публика» мечется вамъ въ глаза со столбцовъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій на каждомъ шагу и какъ будто бы даже занимаетъ то самое мѣсто, съ котораго удаляются Артемъ Артемычи. «Скучающая публика» толчется по откосамъ, слушая, какъ оркестръ наигрываетъ: «который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей», радуется пріѣзду труппы актеровъ, толчется у клубныхъ буфетовъ, смотритъ на индѣйцевъ, смотритъ на акробата, на одной ногѣ держащаго столъ, на акробатку, держащую зубами цѣлаго солдата, смотритъ на гипнотизированную собаку, на собаку, которая играетъ въ карты, и на оперетку смотритъ, и на драму, и на комедію,—и все ей скучно, сонно и вяло, и тошно... Она, какъ будто, привыкла къ тому, чтобы передъ ея глазами постоянно что-нибудь мелькало и, въ то же время, ко всему мелькающему предъ ея глазами ощущаетъ какъ бы оскомину: акробатка, трагедія, передѣлка комедіи, индѣецъ, куплетъ, Шекспиръ, фокусникъ, —все это мелькаетъ передъ нею, и все она не знаетъ, что ей собственно нужно. Антрепренеры, желающіе угодить *вкусамъ* «скучающей публики», рѣшительно не знаютъ, что именно она предпочитаетъ въ настоящую минуту: Самарина ли, Ѳедотову и настоящую драму или индѣйцевъ? Открыть ли для нея лоттерею безъ проигрышей, выписать ли Ристори, Сальвини, или просто преподнести музей съ отдѣленіемъ «за особую плату»? Словомъ, «какой-то плетью хилой» (стихъ Тургенева) болтается, качается изъ стороны въ сторону интеллигентная мысль «скучающей публики». А она-то какъ разъ занимаетъ въ лѣтописяхъ и хроникахъ русской жизни, изображаемыхъ русскою прессой (какъ столичной, такъ и провинціальной), то самое мѣсто, въ которое вы адресуетесь съ вопросами: «Что же теперь? Какъ дальше? Какіе ваши планы?»

Современныя русскія хроники и лѣтописи, надобно сказать между прочимъ, представляютъ собою явленіе весьма замѣчательное. Общій видъ и содержаніе средняго газетнаго нумера

можно охарактеризовать такимъ образомъ: самое интересное, понятное, любопытное и заслуживающее вниманіе въ современной газетѣ,—это все, что касается иностранной политики и жизни. Здѣсь вы чувствуете и живое, и связное теченіе мыслей писателя и, читая, видите, что къ тому, что вы знали вчера, сегодня что-то прибавилось. Правительственныя распоряженія и узаконенія также довольно серьезный отдѣлъ; затѣмъ идетъ бездонная пропасть слуховъ, отъ которыхъ начинаетъ рябить въ глазахъ и чувствуются признаки отупѣнія мысли; самый крошечный отдѣлъ—внутреннихъ извѣстій, гдѣ какъ на подборъ собщенные три-четыре факта заставляютъ *только* остолбенѣть въ непониманіи ихъ и вытаращить глаза. Факты всегда сообщены кратко, въ обрѣзъ: «Крестьянинъ Петровъ, чтобы смирить свою жену, заставилъ роднаго отца своего, среди бѣлаго дня, сдѣлать съ ней то-то и то-то...» Волосъ дыбомъ становится! Далѣе, изъ Калязина сообщаютъ, что «чиновникъ N, придя домой, взялъ ножъ и зарѣзалъ восемь человѣкъ дѣтей, отца, мать и жену, послѣ чего безъ шапки ушелъ неизвѣстно куда». Изъ Дмитрова сообщаютъ, что «въ ночь съ 6 на 7 число неожиданно выпалъ градъ, величиной съ римскій огурецъ, уничтожилъ до основанія зданіе мѣстнаго банка со всѣми документами» и т. д. Словомъ, подборъ этихъ «краткихъ» извѣстій до такой степени ошеломляющъ, что, прочитавъ ихъ, чувствуешь, будто кто нанесъ тебѣ неожиданные и ничѣмъ необъяснимые удары. Все спутывается послѣ этихъ извѣстій: ни съ правительственными распоряженіями, ни со слухами, ни тѣмъ паче съ иностранными извѣстіями ничего нѣтъ общаго. Тамъ, въ иностранныхъ извѣстіяхъ, каждый день видишь, что на одномъ и томъ же деревѣ выросъ новый листокъ; здѣсь—каждый день выноситъ на поверхность жизни куски какихъ-то невѣдомыхъ деревьевъ, вѣсти изъ невѣдомыхъ областей жизни, чудеса въ рѣшетѣ. Вотъ въ это-то мгновеніе и начинаешь отыскивать: гдѣ же центръ, корень, изъ котораго выростаетъ это древо слуховъ, вѣстей, фактовъ? Гдѣ живые интересы живыхъ людей? И чѣмъ эти люди живутъ, дышатъ? И вотъ тутъ-то вы и наталкиваетесь на матеріалы, свидѣтельствующіе, что нѣтъ ни центра, ни корня, ни живаго дня, а есть какая-то «скучающая публика», что-то утратившее вкусъ, аппетитъ жизни, что-то слоняющееся и толкающееся изъ угла въ уголъ, тратящее деньги, апплодирующее и вообще еле-еле влачащее свое канцелярски-буфетно-клубно-загородное существованіе. Лучше, чѣмъ

гдѣ бы то ни было это «существованіе» или «влаченіе жизни» изображается въ корреспонденціяхъ изъ Москвы. Сколько ни живу на свѣтѣ, только и читаю въ письмахъ изъ Москвы о Лентовскомъ да объ «Эрмитажѣ», да куда корреспондентъ ѣздилъ ужинать. И что же? Право, въ такихъ корреспонденіяхъ нѣтъ поддѣлки или неточности противъ дѣйствительности.

Въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ рисуется, благодаря прессѣ, этотъ резервуаръ нашей интеллигенціи, изъ которой должны выдти новыя фигуры и типы замѣстителей сходящихъ со сцены Артемъ Артемычей. Это снованіе, вялость, отсутствіе аппетита къ чему бы то ни было опредѣленному и непрерывный зудъ къ глазѣнью на что бы то ни было и сованью изъ угла въ уголъ,—суть черты общія, огульныя для этой огромной интеллигентной толпы, которая въ дѣйствительности не можетъ быть иначе характеризована, какъ словами: «скучающая публика». Но и эти безформенныя жертвы оскомины можно, при нѣкоторой внимательности, подраздѣлить на двѣ, какъ мнѣ кажется, довольно-таки рельефно обозначающіяся группы...

II.

Чтобы характеризовать первую изъ этихъ группъ, я воспользуюсь тѣми матеріалами, которые пароходному слугѣ удалось сберечь подъ салфетками. Беру одинъ провинціальный листокъ и читаю слѣдующее:

«Куда дѣвались хорошенькія женщины? Гдѣ наши красавицы?» Этотъ вопросъ видно занимаетъ всѣхъ въ столицѣ, этимъ вопросомъ занимаются наши либералы; даже *Новости* жалуются, что казавшаяся въ гостинной и на паркетѣ ангеломъ во плоти, олицетворенной граціей оказывается вдругъ, *по ближайшей справкѣ*, какимъ-то жалкимъ, ощипаннымъ, дряблымъ цыпленкомъ. *Прикажите* (эво какъ!) вашей красавицѣ раздѣться и вы увидите, говорятъ *Новости*.... (то оказывается далѣе, я не рѣшаюсь передавать здѣсь—такъ подробно и вообще такъ «нехорошо» изображены огорченія автора цитируемой изъ № 172 *Новостей* статьи) *). Вопросъ этотъ очень жизненный и серьезный». «Это очень, очень серьезный вопросъ (т.-е. о подлинныхъ достоинствахъ раздѣтыхъ на какихъ-то паркетахъ и въ какихъ-то гостинныхъ красавицъ), съ которымъ современному обществу уже и теперь приходится считаться, а насколько этотъ вопросъ дастъ себя знать современемъ, этого мы еще не знаемъ и предвидѣть не можемъ (*Эхо*, № 1218). Объ этомъ вопросѣ (т.-е. о голомъ вопросѣ) не мѣшало бы подумать гораздо серьезнѣе, чѣмъ о томъ, чтобы дать женщинѣ равноправность. Дать равноправность мы никогда не опоздаемъ, если это уже такъ необходимо» (*Эхо*). Господи Боже мой! восклицаетъ по этому поводу фельетонистъ *Волжскаго Вѣстника*. Да не въ домъ ли умалишенныхъ мы попали? Точно ли это говорится въ печати? Увы, да! И это говорится самымъ серьезнымъ

*) Какъ этотъ отрывокъ со словъ «куда дѣвались», такъ и нижеслѣдующій я выписываю изъ № 76 *Волжскаго Вѣстника*.

образомъ, какъ будто намъ только всего и не достаетъ, что хорошенькихъ женщинъ, какъ будто наконецъ, самимъ женщинамъ только и не достаетъ, что красоты и грацiи?» (*Волжск. Вѣстн.*, № 76).

Такъ разсуждаютъ, какъ видите, «протестующiе» мужчины. Но, къ сожалѣнiю, и дамы стали поговаривать какъ-то не ладно:

«Любовникъ въ Италiи совсѣмъ не то, что у насъ: это хозяинъ «избранной» имъ женщины. Благодаря тому, что въ Италiи весь высшiй классъ и добрая часть средняго сословiя *ровно ничего не дѣлаютъ* (?) и имѣютъ массу свободнаго времени, любовникъ сидитъ по цѣлымъ днямъ у своей возлюбленной, а не ограничивается *какими-нибудь* мимолетными свиданiями или тайными рукопожатiями; онъ дѣйствительно (по Божьи!) ухаживаетъ за нею и *строго* слѣдитъ, чтобы никто другой не сѣлъ на его мѣстѣ; ухаживаетъ постоянно и усердно, не оставляя свою подругу ни на балахъ, ни на гуляньяхъ, ни въ театрахъ. Случается, что въ собранiяхъ всѣ молодыя барыни сидятъ точно набрали въ ротъ воды или разговариваютъ только между собою; это происходитъ отъ того, что любовники запретили имъ изъ ревности разговаривать съ другими мужчинами. Послушанiе итальянскихъ женщинъ въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, наружное, замѣчательно. Быть невѣрною своему любовнику считается неприличiемъ. Связи длятся иногда пять, шесть лѣтъ, иногда всю жизнь. Если же случается, что женщина обманываетъ своего друга, то мужъ первый выражаетъ ему соболѣзнованiе, разсуждая, *конечно*, что лучше дозволить женѣ имѣть одного, такъ сказать, патентованнаго любовника, нежели пускаться въ неизвѣстныя авантюры. Все вышесказанное относится къ средней и верхней Италiи; въ Неаполѣ сохранились еще испанскiе нравы: мужчины тамъ болѣе ревнивы, а женщины въ утѣшенiе имѣютъ столько любовниковъ, сколько *въ состоянiи* найти ихъ...» (—Что-жь это, Марья Васильевна, у васъ такъ любовниковъ мало?—Да нѣту, батюшка! По всему Палерму искала — хоть что хошь!... Кое-какъ да кое-какъ ужь всѣми неправдами сбила себѣ на старые зубы четырехъ шарманщиковъ, да видно на томъ и заговѣешься!) «*Понятно*, передъ такими женщинами, какъ итальянскiя, имѣть успѣхъ, прочитавши Спенсера или Карла Маркса, нельзя. Здѣсь требуются отъ влюбленнаго совсѣмъ другiя качества и наши «развиватели» и «прогрессисты», съ ихъ разсужденiями объ эмбрiологiи и «фиктивными браками», въ Италiи далеко не ушли бы. Итальянки менѣе всего ищутъ фикцiй, а, главнымъ образомъ, *солидной* дѣствительности. Въ этомъ случаѣ онѣ прямыя наслѣдницы классическаго мiра. Соотвѣтственно съ подобными требованiями, и итальянская молодежь проводитъ время не столько въ чтенiи прекрасныхъ книжекъ, сколько въ физическихъ упражненiяхъ... Я присутствовала на международномъ турнирѣ фехтованiя, происходившемъ въ Туринѣ. На турниръ не явились еще главные знаменитости, какъ Санъ-Малато, полагая, что не найдутъ достойныхъ соперниковъ, но и тѣ, которыхъ я видѣла, это не люди, а черти, небольшiе, изящно сложенные, живые, со стальными мускулами, дьявольскою силою, огнемъ и удивительною вѣрностью взгляда. Въ старыхъ романахъ герои всегда описывались такими,—нѣжными съ виду и замѣчательной силы и неутомимости. Эта противуположность всегда нравится женщинамъ, любящимъ сочетать силу съ изяществомъ. Въ особенности неаполитанцы имѣли громадный успѣхъ на турнирѣ...» (*Новое Время*, № 2968).

И затѣмъ въ большомъ фельетонѣ, кромѣ мускуловъ, упоминается о спинахъ танцовщицъ, а въ самомъ концѣ подписано «Русская».

Не знаю, «хорошо ли» все то, что написала госпожа «Русская», но знаю, что какъ фельдшеръ, такъ и купецъ Таракановъ (съ которыми, какъ я уже сказалъ, судьба опять столкнула меня на обратномъ пути, о чемъ въ своемъ мѣстѣ я раз-

скажу подробно) не одобрили содержанія прочитанныхъ мною имъ отрывковъ и въ особенности послѣдняго.

— Нехорошо что-то! — сказалъ фельдшеръ Михаилъ Михайловичъ.

— Резоновъ-то, другъ любезный, не показано,—прибавилъ купецъ Таракановъ. — Я хоша этихъ дѣловъ не касаюсь и не охотникъ, а тоже кое-что слыхивалъ и видывалъ по безсовѣстной-то части... Этого мусору завсегда вездѣ много, и заграницу не за чѣмъ ѣздить, у себя есть... Вотъ въ Замоскворѣчьи, которыя, напримѣръ, существуютъ старыя, обошшѣлыя безстыдницы изъ купеческаго сословія, такъ и тѣ даже резоны представляютъ: «Мужа, говоритъ, надобно любить *по закону*, т.-е. нельзя, капиталъ капиталомъ соединены и закономъ накрыты, а офицера—*для порядку*, все равно, напримѣръ, какъ въ хорошемъ домѣ надо швейцара держать, или, напримѣръ, паркетный полъ въ парадной комнатѣ, ну, а ужь *по совѣсти и по душѣ*—кто случится да кто въ самомъ дѣлѣ по сердцу... Тутъ ужь человѣкъ всякаго званія подходитъ». А тутъ вотъ какъ-то совсѣмъ безъ резоновъ описывается: ничего, вишь, не дѣлаютъ, сидятъ, и любовникъ сидитъ шесть лѣтъ, молчать велитъ, а мужъ караулитъ обоихъ, чтобы все было честно, благородно... Отчего же это онѣ за любимыхъ-то, вотъ такихъ, что по шести-то лѣтъ сидятъ, не выходятъ?... Да и мужу какъ будто нѣтъ резону въ караульщики наниматься... Нѣтъ, что - то неладно! Тоже, должно быть, кто-нибудь въ этомъ дѣлѣ деньгами держитъ, а другой кто-нибудь слезы кулакомъ утираетъ... Сидятъ, ничего не дѣлаютъ... А я такъ думаю—и плакать, чай, умѣютъ...

— Ну, а такъ, чтобы о какихъ-нибудь добросовѣстныхъ предметахъ, ничего не описываетъ?—спросилъ фельдшеръ.—Примѣромъ, хоть по своей по женской части? Какъ, напримѣръ, тамъ насчетъ сиротъ, питомцевъ воспитательныхъ домовъ?

— Нѣтъ, насчетъ этого нѣтъ!

— Да ужь должно быть такъ!—сказалъ Михаилъ Михайловичъ.—Живши въ Петербургѣ, довольно я наглядѣлся, какъ дамскій полъ даже ужь чисто женскую часть оставляетъ безъ вниманія... Семдесятъ пять тысячъ, коли не больше, родится дѣтей въ годъ въ Питерѣ; тысячъ тридцать требуется кормилицъ, слѣдовательно, пищи для младенцевъ, а, вѣдь, въ какомъ безпорядкѣ дѣло! А нѣтъ, не пишутъ ничего...

По поводу этихъ рѣчей Михаила Михайловича припомнился

мнѣ одинъ очень печальный эпизодъ, вычитанный въ газетахъ прошлымъ лѣтомъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ есть такъ называемая Самокатская площадь, оживляющаяся только во время ярмарки. Мѣсто это ужасное. Днемъ былъ я тамъ одинъ разъ, во время ярмарки, проѣздомъ, и то мнѣ стало какъ-то жутко въ этой огромной рваной толпѣ сильнаго, «огромнаго», мускулистаго чернорабочаго люда, какъ-то угрюмо (нерѣдко въ этой толпѣ попадается и злое лицо), но молча предающагося разгулу и иногда, но также молча, какъ всегда, пропивающагося буквально до нитки, до голаго тѣла. Много здѣсь этого голаго рабочаго загорѣлаго тѣла, глядящаго на васъ изъ разорванныхъ въ дракѣ рубахъ, изъ дыръ «ни на что непохожей», «кабацкой одёжи»; много здѣсь растрепанныхъ головъ, безъ шапокъ, много босыхъ гигантскихъ ногъ, лицъ отекшихъ, избитыхъ, голосовъ сиплыхъ и рѣжущихъ душу.

Вся площадь загромождена увеселительными заведеніями: циркъ, панорама, звѣринецъ. Но на эти заведенія толпа только глазѣетъ, разсматривая выставленныя на улицу декораціи, на которыхъ изображены дамы въ короткихъ платьяхъ, поднимающія тяжести или держащія ихъ на чудовищной своей груди; акробаты головой внизъ на бутылкѣ; лошадь, проскакивающая сквозь обручъ; картина какой-то битвы съ клубами дыма и трупами. Веселится эта толпа не здѣсь.

На той же площади расположены народныя бани, постоянно разверстыя настежъ, въ которыя съ утра до вечера идутъ и изъ которыхъ съ утра до вечера выходятъ. Кромѣ этого увеселительнаго мѣста, здѣсь масса трактировъ, выстроенныхъ какъ бы по одному плану: двухъэтажный большой квадратъ, обнесенный широкой галлереей внизу и вверху. Здѣсь, на галлереяхъ, всегда можно видѣть толпы дѣвицъ или, какъ говоритъ купецъ Таракановъ, «арфистокъ», въ короткихъ платьяхъ съ позументами, иногда въ трико бураго или розоваго цвѣта. Все это грязно, опухло отъ питья (*надо пить со всякимъ*), съ одутловатыми, буквально мертвыми лицами, лицами утопленника съ открытыми глазами. Эти дѣвицы, которыхъ массы, суть жертвы «темперамента» этой огромной, молчаливой, угрюмой, рваной и дикой толпы, наполняющей Самокатскую площадь.

Такъ вотъ, въ прошломъ году въ одинъ изъ такихъ трактировъ мужикъ и баба привезли двухъ дочерей, 17-ти и 19-ти лѣтъ, и «сторговались» съ хозяевами: съ каждаго гостя хозяину

гривенникъ за помѣщеніе. Стоитъ взглянуть на этихъ гостей, чтобы понять, что все это бѣднота, голь и рвань, а, все-таки, дочери мужика и бабы выручали съ этой голи въ день *до четырехъ рублей*, которые и вручали матери. На судѣ же выяснилось, что мать била дочерей за то, что они мало выручаютъ. Судъ этотъ возникъ по жалобѣ матери дѣвицъ на содержательницу дома терпимости. Когда ярмарка стала подходить къ концу и выручка въ трактирѣ стала слабѣть, мать рѣшила продать дочерей въ домъ терпимости. «Хороши ли у тѣ дѣвки-то?» — спрашивала хозяйка.—«Дѣвки у меня хорошія. Много ли дашь за двоихъ-то?» Хозяйка сказала: «Коли стоютъ, такъ и сто рублей дамъ, приводи». Мать привела. Хозяйка обѣщала дать сто рублей, и выдала шестьдесятъ на руки, а остальныхъ сорока не додала, уѣхала въ Казань и дочерей туда увезла. Мать требовала 40 рублей. Не помню, какъ это дѣло рѣшилъ мировой судья, у котораго оно разбиралось. Но дѣло, какъ видите, такъ *просто-ужасно*, что его долго можно помнить. Вспомнилось оно мнѣ и подъ вліяніемъ разговоровъ фельдшера, и я подумалъ: «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, явленія женской жизни такого рода, какъ то, котораго мы коснулись, приведя только что разсказанный нижегородскій случай, и которыми испещрена жизнь на каждомъ шагу, достойны меньшаго интереса, чѣмъ свойства итальянскихъ молодцовъ? Вѣдь, многимъ и многимъ злымъ и безстыднымъ людямъ, нынѣ спокойно злодѣйствующимъ на бѣломъ свѣтѣ, было бы труднѣе жить, чувствовалось бы «стыднѣе», если бы результаты ихъ зла были всѣмъ видны и показаны во всемъ ихъ ужасѣ, а стыдливому человѣку это дало бы большую силу вѣрить въ необходимость борьбы со зломъ и бороться. Наконецъ, въ частности въ вышеприведенномъ нижегородскомъ случаѣ дѣйствуютъ, вѣдь, тоже, съ позволенія сказать, женщины, или, выражаясь словами купца Тараканова, «тоже, вѣдь, люди».

Прочитавъ въ газетахъ процессъ о взысканіи матери дѣвицъ 40 руб., я испытывалъ ошеломленное состояніе мысли. Въ такомъ состояніи мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ крестьяниномъ (дѣло было въ деревнѣ). Крестьянинъ этотъ былъ изъ числа самыхъ зоологичныхъ деревенскихъ умовъ. Въ головѣ его работало не сознаніе, а какъ бы исключительно одни только законы химіи, которые и проникали всѣ его сужденія обо всемъ ежедневномъ обиходѣ жизни: слабаго человѣка, бобыля, попав-

шагося ему въ лапы, онъ давилъ до смерти, безъ сознанія и разуменія, а такъ же невольно для себя, какъ невольно действуютъ законы химіи. Задавитъ, сожретъ, оботретъ пасть лохматую и перекрестится; даже не помнитъ: что такое собственно было? Справедливо то, что *было,* или несправедливо?

Вотъ этому-то химику я и разсказалъ только что прочитанный ошеломительный эпизодъ.

— Какъ же это такъ, Семенъ Никитичъ?—сказалъ я.—Отецъ и мать ведутъ родныхъ детей на торгъ и продаютъ на эдакое дело... Что-жь это такое творится на беломъ свете?

Химикъ долгое время не понималъ, о чемъ собственно идетъ речь и въ чемъ дело, такъ какъ «сію минуту» въ его делахъ и хозяйстве, а, следовательно, и въ умственной его колбе было совершенно иное содержаніе (вероятно, что-нибудь по части навоза или какого-нибудь камня или тёсу), котораго онъ не могъ устранить и заместить инымъ, т.-е. размышленіемъ о «некасающемъ» предмете. Однажды было, что онъ не узналъ даже своего фотографическаго портрета, помещеннаго въ группе волостныхъ старшинъ, преподнесенной сими «уважаемому» непременному члену, и нужно долго было доказывать ему, что это именно онъ, пока, наконецъ, онъ не уверовалъ, узнавъ себя по оторванной у ворота пуговице, что явственно отпечаталось на фотографіи. «Должно, и въ самомъ деле я. Такъ и потерялъ пуговицу-то въ те поры, пропади она!»

После того, какъ я еще разъ и съ подробными толкованіями повторилъ ему, что собственно меня ошеломило, онъ, все еще не освободивъ своей реторты отъ содержимаго, издалъ какой-то средній, понятно-непонятный, зоологически-человеческій звукъ носомъ, пустивъ его сквозь усы,—«н-н-н-да à!» и, наконецъ, овладевъ частицей разсказаннаго, частицей, «подходившей» къ химической работе головы, вдругъ оживленно заговорилъ:

— Н-нетъ, это не должно быть! Это что-нибудь тутъ не такъ! Теперича помилуйте: ежели две девки, взять, въ летнее время, при хозяйстве на жниве, оне мало-мало пятнадцать рублей серебромъ на деньги-то... А опять, въ то же время, сенокосъ — опять нанимать, а своихъ девокъ въ эдакой силе, семнадцати, девятнадцати летъ... Н-нетъ! Это не должно быть!

— То-есть, что не должно быть? Было!

— Не родныя-съ! Не должно быть, чтобы родныя дети были, вотъ я про что... Мужикъ, баба, две девки,—это въ хозяйстве

оченно способно... Нѣтъ, не родныя-съ! А вотъ я какъ думаю: какъ вышла она за вдовца съ двумя дѣвицами, да овдовѣла отъ него, да вышла опять за одинокаго, такъ вотъ это дѣйствительно что быть можетъ!

— То-есть что же?

— Чужія-съ! Отца нѣту, матери нѣту, а эти мужикъ и баба ни мать и ни отецъ, такъ вотъ это дѣйствительно можетъ быть. Сироты, ну, имъ и ужь, конечно, откуда-жь можетъ быть защита? Вотъ ихъ и продали... А такъ, чтобы родитель, въ своемъ хозяйствѣ, да двухъ дѣвокъ... Да это работника-то дороже нанять, помилуйте!

Такъ вотъ какой еще неожиданный оборотъ возникнулъ изъ этого эпизода, и вотъ какая нежданная «мелочь» жизни выскользнула изъ незнакомой, а только чувствуемой нами «тьмущей-тьмы» ежедневной дѣйствительности.

Возвращаясь теперь къ опредѣленію свойства *перваго* изъ отчетливо примѣтныхъ направленій умственныхъ интересовъ «скучающей публики», мы не будемъ усложнять этого опредѣленія цитатами и примѣрами, доказывающими, что ясность направленія несомнѣнна. И въ литературѣ, и въ жизни, и въ живой рѣчи слышится такъ много жажды (въ извѣстной части скучающаго общества) покончить съ фикціями, докопаться до какой-то «подлинной правды», что доказательства и цитаты, право, излишни... Извѣстный сортъ людей, снѣдаемыхъ оскоминою жизни, тоже ищетъ «солидной дѣйствительности», «настоящаго», «дѣйствительнаго» («итальянскій любовникъ *дѣйствительно* любитъ»), также жаждетъ какой-то твердой почвы подъ ногами и ищетъ ее въ самомъ корнѣ «существа существъ» и «вещества веществъ». Раздѣваетъ людей, снимаетъ съ нихъ корсеты и прочую одёжу и въ какомъ-то мрачномъ тупомъ угнетеніи духа бормочетъ: «Ты насъ Карлами Марксами-то не морочь, а вотъ какъ насчетъ главнаго-то ты понимаешь?... Равноправность эту, милая, потомъ, когда угодно, а вотъ ты удостовѣрь, чтобы я подлинно зналъ и т. д.». «Мясца, мясца мнѣ,—бормочетъ одурманенный писатель (точно протопопъ въ романѣ Помяловскаго *Братъ и сестра*»),—мясца мнѣ!.. Эти политическія экономіи выѣденнаго яйца не стоютъ... *Сущность*-то вотъ гдѣ должна быть!.. Вотъ гдѣ суть-то!... Любопытно, что это у нее: натуральное или...» Словомъ, та часть «скучающей публики», которая, желая выдти изъ состоянія одурманеннаго влаченія жизни, ищетъ «солид-

ной дѣйствительности», которая роется въ темныхъ, неопрятныхъ углахъ жизни, глядитъ пристально въ эти углы и, конечно, безплодно полагаетъ найти тамъ *самую суть*,—есть, повторяемъ, первая изъ двухъ, мало-мальски опредѣленно думающихъ группъ, замѣтныхъ въ огромной, сѣрой, студнеобразной массѣ скучающей публики.

Другая группа совсѣмъ иного свойства.

III.

Эта вся—выше облака ходячаго! Эта витаетъ въ невѣдомыхъ пространствахъ, въ надзвѣздныхъ высяхъ, пытаясь *тамъ* также найти, наконецъ, правду и «настоящее», «самую суть», «существо веществъ», найти гдѣ-то далеко отъ этой безформенной, облипающей, какъ подвальная сырость, дѣйствительности... Объ этихъ совершенно и въ буквальномъ смыслѣ неземныхъ теоріяхъ въ прошломъ году въ одной изъ московскихъ газетъ было напечатано нѣсколько фельетоновъ, исполненныхъ удивленія передъ рѣшительнѣйшимъ отсутствіемъ хотя бы малѣйшей связи этихъ теорій съ горькою дѣйствительностью. Не имѣя подъ рукою другаго матеріала, я позволю себѣ сдѣлать здѣсь изъ этихъ фельетоновъ самое краткое извлеченіе.

Вотъ въ чемъ дѣло. *Одинъ писатель* написалъ произведеніе, въ которомъ провелъ ту мысль, что люди живутъ и ощущаютъ жизнь только во взаимномъ добромъ общеніи и, слѣдовательно, чтобы чувствовать въ себѣ душу живу, надобно дѣлать ближнему добро и любить его какъ самого себя. Въ этомъ произведеніи авторъ привелъ нѣсколько текстовъ изъ св. писанія, подтверждающихъ его положенія и доказывающихъ, что только этимъ путемъ люди приблизятся къ тому раю на землѣ, о которомъ говоритъ св. писаніе.

Другой авторъ въ отвѣтъ на это пишетъ цѣлую брошюру, гдѣ доказываетъ, что

«христіанское ученіе никогда не признавало автономной, своевольной любви къ ближнему... Этакъ всякій начнетъ любить ближняго да возмущаться зломъ во имя любви къ ближнему. Такъ недалеко и отъ кровавыхъ возмущеній».

Простота взгляда *перваго* писателя не находитъ сочувствія во второмъ:

«Одинъ изъ глубокомысленныхъ ученыхъ V или VI вѣка, Исаакъ Сирійскій, выражается такъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Многая простота есть удо-

бопревратна», т. е. ненадежна, обоюдуостра, и въ мѣсто добра можетъ довести до бѣды. Никакого рая *на земли* никогда христіанство не сулило, а предрекало мерзость запустѣнія, глады и моры, и что все обѣщанное блаженство обѣщано не здѣсь, а тамъ... «Можно ли любить Гамбету?» — спрашиваетъ этотъ второй авторъ и отвѣчаетъ: «Трудно себѣ представить, чтобы который-нибудь изъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ озарился свѣтомъ истины. Но положимъ. Сила Господня и въ немощахъ нашихъ познается. Градовскіе и К. (и Гамбетты) немощны, но Богъ силенъ. Предположимъ, что дошли они премудростію до страха и смирились; живутъ въ томленіи кроткаго прозелитизма, — какъ бы были они тогда привлекательны и милы!... Но теперь ихъ *даже не слѣдуетъ жалѣть*... А если ихъ поразятъ несчастія, если они потерпятъ гоненія или какую-нибудь земную кару, *то этому роду зла* можно даже немного и порадоваться».

Третій писатель смягчилъ эту жестокую теорію «радованія злу» такими словами:

«Хотя, дѣйствительно, христіанство и не вѣритъ ни въ лучшую, автономическую, мораль лица, ни въ разумъ собирательнаго человѣчества, долженствующій рано или поздно создать рай на землѣ, но это вовсе не означаетъ, что любовь къ ближнему зло, но только то, что *самозаконность* этой любви должна быть подчинена любви къ церкви. Только любя церковь и служа ей, можно во истинну послужить всему народу и человѣчеству. Служеніе ближнему должно совпадать со служеніемъ Богу, а Богу иначе нельзя служить, какъ любя то, что онъ самъ возлюбилъ, единственный предметъ любви Божіей, его возлюбленную и подругу, т.-е. церковь».

Въ этотъ разговоръ *второго* и *третьяго* писателя вмѣшался *четвертый* и заговорилъ такъ:

«Если религія, для того, чтобы дать человѣку дѣйствительную опору и удовлетворить его духовной потребности въ безусловномъ, должна сама имѣть безусловный источникъ, должна происходить свыше, какъ положительное откровеніе Божества, и этотъ свой сверхчеловѣческій характеръ должна сохранить въ неизмѣнно пребывающихъ формахъ, *то почему ограничивать* эти формы, выраженіемъ которыхъ является церковь, только *этимъ міромъ?* Эти формы, носительницы вѣчной истины, *одинаково*, существенно *потребны* для конечнаго человѣческаго, *какъ здѣсь, такъ и тамъ*. Если человѣчество земное образуетъ живое тѣло Христово на землѣ, *то человѣчество неземное* образуетъ его тѣло неземное, но, тѣмъ не менѣе, тѣло, непремѣнно выражающееся въ образующей, животворящей формѣ. Если эта форма *здѣсь* есть церковь земная, то *тамъ* это церковь неземная».

Третій писатель не замедлилъ отвѣтить на это «пикантное» (какъ сказалъ бы Михаилъ Михайловичъ) соображеніе такимъ неожиданнымъ образомъ:

«Если (четвертый) авторъ дѣйствительно согласенъ съ тѣми моими мыслями о церкви, которыя онъ одобряетъ, то онъ *долженъ помнить*, что *люди и духи живые и умершіе могутъ принадлежать или не принадлежать къ церкви*, но что ни сами по себѣ, ни порознь, ни въ совокупности церкви не образуютъ, а образуются ею; церковь не есть только собраніе людей *живыхъ или умершихъ—все равно* *), а, прежде всего, то божественное безусловное, что ихъ собираетъ, именно—воплощеніе вѣчной истины во Христѣ и тѣлѣ Христовомъ. Конечно, авторъ (*четвертый* писатель) не думаетъ, чтобы *все, идущее съ того свѣта*, исходило изъ неземной церкви, такъ какъ онъ знаетъ, что не все, совершающееся въ нашемъ мірѣ, есть проявленіе видимой церкви».

---

*) *Русь* 1883 г., № 9.

А тому писателю (*второму*), который провозвѣстилъ пришествіе мерзости запустѣнія, тотъ же авторъ (*третій*) сдѣлалъ такое внушеніе:

«И напрасно онъ указываетъ, что торжество и прославленіе церкви все должно совершиться на томъ свѣтѣ. Безусловной границы между *здѣсь* и *тамъ* въ церкви *не полагается*. И самая *земля*, по св. писанію, есть терминъ измѣняющійся. Одно есть та земля, о которой говорится въ книгѣ Бытія, что она была невидима и неустроена, и тьма верху бездны, и другое та, про которую говорится: «Богъ на землѣ явился и съ человѣки поживе» *и еще* иная *будетъ земля* и новое небо, въ нихъ же правда живетъ. *Дѣло въ томъ*, что нравственное состояніе человѣчества и *всѣхъ духовныхъ существъ вообще* вовсе не зависитъ отъ того, *живутъ они здѣсь на землѣ, или нѣтъ*, а, напротивъ, самое состояніе земли и ея отношеніе къ невидимому міру опредѣляется нравственнымъ состояніемъ духовныхъ существъ и та всемірная гармонія (о которой говоритъ г. Достоевскій) означаетъ вовсе не утилитарное *благоденствіе на теперешней* землѣ, а именно начало новой земли, въ которой правда живетъ. И наступленіе этой всемірной гармоніи произойдетъ вовсе не путемъ мирнаго прогресса, а въ мукахъ и болѣзняхъ, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: «И знаменіе вѣліе явися на небеси, жена облечена въ солнце и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяте. И во чревѣ имущи вопіетъ болящи и страждущи родити».

Съ этого пункта *третій* и *четвертый* писатели значительно расходятся въ цѣляхъ своихъ дальнѣйшихъ произведеній. Чтобы вывести читателя изъ того неловкаго положенія, въ которое онъ, очевидно, попалъ, благодаря изображенной выше бесѣдѣ трехъ писателей, этотъ *третій* писатель пытается примѣнить свои взгляды на практикѣ и въ статьѣ *Объ истинномъ дѣлѣ* затрогиваетъ даже польскій вопросъ, говоря: «Тутъ ужь не одна христіанская совѣсть, но и человѣческая мудрость говоритъ о примиреніи. И недостаточно здѣсь мирныхъ чувствъ къ противникамъ, какъ *къ людямъ вообще*, ибо эти противники не суть люди вообще, а люди совершенно особенные, съ своимъ опредѣленнымъ характеромъ, и для дѣйствительнаго примиренія нужно *глубокое пониманіе именно этого* ихъ особеннаго характера, нужно обратиться къ самому этому ихъ духовному существу и *отнестись къ нему по-Божьи*». Это совершенно понятное для насъ, деревенскихъ обывателей, выраженіе «по Божьи», однако, дѣлается подъ вліяніемъ теоретическихъ взглядовъ, о которыхъ мы говоримъ, не совсѣмъ удобопонятнымъ, такъ какъ тотчасъ послѣ словъ «по-Божьи» (по-тихому, по-хорошему, по-милому, по-любезному и по-пріятному) мы находимъ звѣздочку и примѣчаніе, въ коемъ сказано, что «по-Божьи» *вовсе* не означаетъ уступокъ и компромиссовъ, а что дѣло идетъ объ устраненіи внутренней причины этой борьбы, чрезъ духовное примиреніе на почвѣ чисто религіозной. А къ этому примѣчанію прибавлено

и еще другое, въ которомъ также спѣшатъ остановить вашу прыть въ слишкомъ простомъ пониманіи выраженія «по-Божьи», и чтобы снять съ него «всякое недоразумѣніе», объявляютъ, что «и религіозное-то единство не иначе можетъ быть возстановлено, какъ чрезъ устраненіе внутреннихъ причинъ разлада». Такимъ образомъ, оказывается, что во внутреннихъ, религіозныхъ причинахъ есть еще другія внутреннія причины, которыхъ вообще нельзя устранить ни даже при помощи уступокъ и компромиссовъ, и, въ концѣ-концовъ, ясное и простое выраженіе «по-Божьи» погружается въ такую бездонную тьму, что невольно думаешь объ Исаакѣ Сирійскомъ, который еще въ V вѣкѣ сказалъ, что *многая простота есть удобопревратна*. И точно. Удобопревратна она и въ рѣшеніи вопроса, что дѣлать и зачѣмъ жить, который *третій* авторъ прямо ставитъ въ своей статьѣ о настоящемъ дѣлѣ. «Какъ прежде образованія государственнаго тѣла былъ періодъ, когда всѣ бродили, такъ же должно быть и предъ духовнымъ развитіемъ Россіи. Въ эту-то пору съ неотразимой силой являются вопросы: для чего жить, что дѣлать?» И на этотъ неотразимый вопросъ авторъ отвѣчаетъ также весьма неотразимо: «спрашивать *прямо*, что дѣлать, значитъ *предполагать*, *что есть какое-то готовое дѣло*, къ которому стоитъ только приложить руки, и значитъ пропускать другой вопросъ: *готовы ли* дѣлатели?» И опять оказывается, что Исаакъ Сирійскій правъ: «многая простота удобопревратна». Извольте приготовлять сначала дѣлателей, имѣя въ виду, что самаго дѣла еще и опредѣлить невозможно!

Четвертый писатель, выдвинувшій вопросъ о *тамошней* церкви, не только въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей не счелъ возможнымъ хотя бы такъ, для примѣра, прикоснуться къ землѣ, но взвился въ надвоздушныя пространства и принялъ участіе въ рѣшеніи чрезвычайно любопытнаго вопроса. Представьте себѣ, что знакомый вашъ—Иванъ Ивановичъ Кукушкинъ умеръ отъ чахотки. Предположите еще, что умеръ онъ въ г. Батумѣ, гдѣ, какъ извѣстно, очень дешева чи-чун-ча, и что во время смерти Ивана Ивановича на немъ былъ пиджакъ изъ этой самой чи-чун-чи. Лакей Осипъ снялъ съ умершаго барина этотъ пиджакъ и повѣсилъ въ шкафъ, а ключи отдалъ Марьѣ Васильевнѣ. И вдругъ, на спиритическомъ сеансѣ, вызванный съ того свѣта, Иванъ Ивановичъ (живой или умершій — все равно!) является въ «пиджакѣ» изъ чи-чун-чи. Марья Ва-

сильевна сама отпираетъ вамъ шкафъ и показываетъ здѣшній земной пиджакъ, который виситъ на гвоздѣ. Теперь спрашивается: изъ какой матеріи та, тамошняя, неземная чи-чун-ча, въ которой явился Иванъ Ивановичъ послѣ смерти? И совершенно серьезно было доказано, что это не та чи-чун-ча, которую провозятъ батумскіе контрабандисты, а тамошняя, и даже найдено было особое названіе для той матеріи, въ которой являются Иваны Ивановичи на сеансы.

Такъ вотъ еще какое теченіе примѣтно въ мысляхъ другой, наиболѣе ясной группы «скучающей публики». И здѣсь, какъ видите, люди желаютъ добраться до *настоящаго дѣла*, до *самой сути* и задаютъ вопросы: зачѣмъ жить, что дѣлать? Но за рѣшеніемъ ихъ устремляются Богъ знаетъ какъ далеко отъ земли.

А, между тѣмъ, земное *дѣло*, опредѣляемое земнымъ словомъ, стоитъ въ неопрятной срамотѣ и истинной мерзости запустѣнія.

Въ то самое время, когда въ литературѣ шли вышеприведенные разговоры, авторъ фельетоновъ, изъ которыхъ мы сдѣлали извлеченіе, на несчастіе его, былъ поражаемъ періодическимъ, черезъ нѣсколько дней, черезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ, повтореніемъ газетами одного земнаго факта, который, поражая необыкновенною неопрятностью современной земной дѣйствительности, не могъ быть рѣшенъ мало-мальски благообразно никакими теоріями. Фактъ этотъ такого рода:

«10 іюня (1883 г.) въ камерѣ мироваго судьи 13 уч. разбиралось дѣло по обвиненію полиціею мѣщанина Сергѣева въ самовольномъ возвращеніи въ столицу. Обвиняемый на видъ почти ребенокъ, съ симпатичнымъ, но страшно болѣзненнымъ лицомъ, безъ сапогъ и безъ бѣлья, въ виду чего мировой судья Трофимовъ (вѣчная ему память!) распорядился, чтобы Сергѣеву были куплены рубашка, штаны и сапоги. Сущность обвиненія заключалась въ томъ, что Сергѣевъ, *будучи высланъ изъ Петербурга* нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Шлиссельбургъ, за прошеніе милостыни, *съ воспрещеніемъ возвращаться въ теченіе трехъ лѣтъ, самовольно* возвратился и вновь задержанъ за прошеніе милости. На судѣ выяснилось, что родители Сергѣева умерли, когда ему было 13 лѣтъ. Оставшись безъ всякихъ средствъ существованія, безъ пріюта и не зная никакого ремесла, Сергѣевъ (отецъ обучилъ его грамотѣ) рѣшилъ идти на работу въ Петербургъ. Здѣсь онъ поступилъ на бумагопрядильную фабрику, но вскорѣ заболѣлъ и пролежалъ въ больницѣ около 4 мѣсяцевъ; по выходѣ оттуда, онъ оказался безъ хлѣба, одежды и пристанища. Голодъ заставилъ его просить милостыню, за что онъ и былъ отправленъ на родину въ Шлиссельбургъ. По доставленіи туда, его отпустили на всѣ четыре стороры и онъ снова очутился въ прежнемъ безпомощномъ положеніи. Пробившись нѣсколько времени, онъ зимою, босой опять отправился въ столицу, опять былъ взятъ и теперь вотъ судится. Бѣлья и сапогъ онъ не имѣетъ уже около 3-хъ мѣсяцевъ. Мировой судья въ своемъ приговорѣ высказалъ, *что обвиняемый былъ доведенъ до нищенства страшною нуждою и болѣзнью и что затѣмъ ему не была оказана помощь и онъ былъ брошенъ на произволъ судьбы. Принимая все это во вниманіе*, но не считая себя въ правѣ освободить обвиняемаго отъ наказанія за самовольное возвращеніе, мировой судья поста-

новилъ: 1) подвергнуть Сергѣева аресту на 4 дня, 2) передать затѣмъ въ распоряженіе полиціи и 3) просить г. градоначальника обратить вниманіе на дѣйствія полиціи».

Черезъ нѣсколько дней о томъ же Сергѣевѣ было вновь помѣщено слѣдующее сообщеніе:

«Судьба этого несчастнаго мальчика обратила на себя вниманіе одного изъ участковыхъ попечителей о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, который доложилъ комитету о безвыходномъ положеніи Сергѣева. Но сдѣлалъ ли что-нибудь комитетъ—неизвѣстно. Если же судить по тому, что наднихъ Сергѣевъ, выпущенный изъ тюрьмы, по отбытіи четырехдневнаго ареста, къ которому былъ приговоренъ мир. суд. 13 уч., на свободу, былъ вновь задержанъ за прошеніе милостыни и снова обвинялся у мир. суд. 21 участка, то надо думать, что комитетомъ Сергѣеву не было оказано никакой помощи. Обвиняемый и на этотъ разъ оказался въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ мы видѣли его въ послѣдній разъ. *Мировой судья приговорилъ его опять къ четырехдневному аресту*».

А затѣмъ опять черезъ нѣкоторое время было объявлено, что за прошеніе милостыни Сергѣевъ вновь отправленъ въ Шлиссельбургъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что если даже любя ближняго и покупая ему штаны, рубаху и сапоги, нельзя не заключить его въ тюрьму, то ужь совершенно понятно, что ничего, кромѣ высылки съ воспрещеніемъ не ходить безъ штановъ въ теченіе всей жизни и не безпокоить насъ, нельзя сдѣлать; даже четырехдневной тюремной или этапной пищи нельзя дать Сергѣеву, по теоріи предстоящей намъ мерзости запустѣнія, такъ какъ *самозаконная* своевольная любовь может довести до кровавыхъ возмущеній; точно также *ровно ничего* нельзя сдѣлать и по теоріи еще несуществующаго здѣсь на землѣ настоящаго дѣла. Ничего нельзя придумать въ пользу этого мальчика въ обществѣ, гдѣ предусмотрительность относительно удобствъ человѣческой жизни доходитъ до придумыванія щипчиковъ для выдергиванія волосъ изъ носу. Мы ужь и не говоримъ, что во имя взглядовъ той группы скучающей публики, которая ищетъ правды, «настоящаго» въ «солидной дѣйствительности», а не фикціяхъ, для Сергѣева нѣтъ спасенія. Онъ весь фикція, во имя которой «нельзя имѣть никакого успѣха у итальянскихъ дамъ», и съ разсужденіемъ о немъ далеко у нихъ не уѣдешь.

Но не уѣдешь далеко во имя Сергѣева также и при помощи той средины *скучающей публики*, которая толчется и томится промежду двухъ очерченныхъ нами группъ. Эта средина производитъ впечатлѣніе по истинѣ удручающее. Умъ и совѣсть ея изрублены невидимою рукою въ какую-то кашу. Случайная мысль

о «настоящемъ дѣлѣ» отравлена здѣсь острымъ страхомъ «передъ значеніемъ и силою рубля, а тайная алчность къ той «настоящей» правдѣ, которая скрывается тамъ, «за корсетомъ», въ свою очередь, отравляется смутнымъ нытьемъ изуродованныхъ, смятыхъ остатковъ чувства стыда.

А Сергѣевъ, то-есть фактъ жизни, нескладной, тяжкой, трудной, Сергѣевъ семейный, общественный, городской, деревенскій, мужицкій, то-есть все то, правдивое вниманіе къ чему только и можетъ дать силу и крѣпость вашимъ мыслямъ, убѣжденіямъ и дѣламъ, онъ-то и оказывается неподходящимъ ни къ какимъ теоріямъ; онъ только мелькаетъ предъ вами, всегда почти изумляя, и исчезаетъ невѣдомо куда, неостанавливаемый вашей мыслью, отвыкшей черпать свою силу и смѣлость изъ живой дѣйствительности.

IV.

— Что это, господа, скучно какъ? Хоть бы въ «дураки» съ кѣмъ-нибудь поиграть!

Эти слова громко, такъ сказать, во всеуслышаніе всей публики, наполнявшей крытую палубу парохода, проговорилъ какой-то черномазый мужикъ, видомъ артельщикъ; все время онъ лежалъ на полу, ничкомъ, уткнувшись растрепанной черной головой въ красную подушку, и вдругъ поднялъ голову, сѣлъ, сталъ торопливо царапать руками свои спутанные волосы и, въ то же время, сдѣлалъ вышеприведенное громогласное воззваніе. А точно, на пароходѣ было скучненько. Жара палила, рѣка была пустынна, берега скучны, промежутки между остановками продолжительны. Палубная публика, проснувшаяся вмѣстѣ съ восходомъ солнца, успѣла уже умыться, напиться чаю, потолковать и вновь, отъ нечего дѣлать, укладывалась на старыя мѣста, — укладывалась не спать, а такъ, полежать. Жарко было отъ палящаго солнца, отъ раскаленной пароходной машины. отъ раскаленной пароходной кухни...

— А что, въ самомъ дѣлѣ?—быстро вскакивая съ лавки, стоявшей около борта, отозвался, издалека, другой палубный пассажиръ. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, въ сюртукѣ, надѣтомъ на русскую рубашку, гладко выбритый. Что-то напоминавшее трактирнаго лакея было въ этой фигурѣ.

— Ребята!—вновь воззвалъ мужикъ, похожій на артельщика, продолжая сидѣть на полу,—нѣтъ ли у кого картъ на подержаніе?

— За прокатъ отдадимъ!—прибавилъ тоже во всеуслышаніе и лакей.—Ужь навѣрно у кого-нибудь да есть... Слышите, что-ль, почтенные?..

— Эй ты, любезный! нѣтъ ли въ буфетѣ у хозяйки?..Спрокось-сь!

— Какія карты!—нехотя отвѣтилъ буфетный слуга, пробираясь съ чайнымъ приборомъ и шагая черезъ головы и ноги лежавшей на полу публики.

Лакей, первый отозвавшійся на приглашеніе артельщика, соскочилъ съ своей лавки, проворно пересѣлъ на полъ и, похлопывая артельщика по спинѣ, какъ стараго знакомаго, говорилъ:

— Такъ какъ же, любезный? Хлопочи. Надо какъ-нибудь время коротать.

— Нѣтъ! Богъ съ ними и съ картами!—проговорилъ новый пассажиръ, появляясь откуда-то около артельщика и лакея. Это былъ совершенно приличный молодой человѣкъ, неизвѣстно какой профессіи и какого званія. На немъ была вполнѣ приличная шляпа котелкомъ, вполнѣ приличное лѣтнее пальто, надѣтое поверхъ русской рубашки голубаго цвѣта, вышитой, очевидно, женскими руками. И говорилъ онъ, и держался, и глядѣлъ вполнѣ прилично и благообразно.

— Я много на картахъ потерялъ!—продолжалъ онъ.—Меня однажды, также вотъ на пароходѣ, на пятьсотъ рублей жулики обчистили, такъ я съ тѣхъ поръ даже боюсь и смотрѣть на карты...

— Что вы! Мы не жулики! По пятачку проиграемъ—велика бѣда!—отвѣтилъ ему лакей.—Присаживайтесь!

— Сначала-то всегда такъ по пятачку, а потомъ и пойдешь выкладывать зря, сколько рука захватитъ въ карманѣ...

— Это, любезный, какъ играть и съ кѣмъ. Вотъ отъ чего зависитъ. Коли у меня въ карманѣ три гривенника, такъ ужь я не вытащу на конъ ста рублей!—прибавилъ и артельщикъ.

— Конечно, я игрывалъ на большую... Ну, обжегся и побаиваюсь.

— Ну, чего тамъ, Господи помилуй... По большой! Съ нашимъ братомъ этого нельзя; у насъ тоже каждая копѣйка трудовая... Ужь не оставляйте компаніи...

— Развѣ что отъ скуки... Да вотъ картъ-то нѣту...

— Надо раздобывать! Что-жь, почтенные, нѣтъ ли у кого какой колодишки?

— Что дадите за прокатъ?—опять невѣдомо откуда появляясь, проговорилъ четвертый палубный пассажиръ. На этотъ разъ пассажиръ представлялъ изъ себя чистѣйшій типъ голи и рвани кабацкой. Толкаясь, отъ нечего дѣлать, то тамъ, то сямъ по пароходу, я уже давно замѣтилъ эту рваную фигуру; еще съ вечера эта фигура сидѣла на палубѣ третьяго класса у столика, пила водку и безпрерывно разглагольствовала о чемъ-то протестующимъ тономъ; косушка водки и селедка съ самаго утра не сходили со столика, передъ которымъ засѣдала фигура рваная, небритая, немытая, въ опоркахъ, въ какой-то кацавейкѣ и въ сплюснутомъ на затылкѣ картузѣ. Повидимому, человѣкъ этотъ былъ горькій пьяница: онъ пилъ и ничего не ѣлъ и, въ то же время, твердо держался на ногахъ,—«припился», какъ утверждаютъ знатоки питейнаго дѣла.

— Вотъ отецъ и благодѣтель!—воздѣвая руки къ стоявшей рваной фигурѣ, плутовски-восторженнымъ тономъ воскликнулъ лакей, сидѣвшій на полу.—Рубашку послѣднюю сыму, отдамъ!

— А я думаю,—съ ироническою вѣжливостью проговорилъ благообразный господинъ въ «котелкѣ»,—вы можете вполнѣ безкорыстно доставить обществу полное удовольствіе; карты у васъ лежатъ въ карманѣ и по окончаніи опять туда возвратятся.

— Ишь ты, братъ!—ломаясь, бормоталъ пьяница, уже запустившій было руку въ рваный карманъ рваныхъ панталонъ.—Нѣтъ, ты подавай мнѣ могарычей!

Послѣ довольно продолжительныхъ ломаній и кривляній пьяницы и упрашиваній то шутовскихъ со стороны лакея, то вѣжливыхъ и «полированныхъ» убѣжденій со стороны котелка, то, наконецъ, грубыхъ и нетерпѣливыхъ требованій артельщика перестать галдѣть и начинать игру, карты очутились въ рукахъ лакея и, усѣвшись кружкомъ, лакей, «котелокъ» и артельщикъ начали какую-то игру.

— Больше пятачка,—сказалъ котелокъ,—ужь извините, господа, и я не пойду! Довольно, наученъ!

— Научили! Хе-хе-хе!—сочувственно поддержалъ эти рѣчи кто-то изъ посторонней публики.

— Да, очень прекрасно просвѣтили на этотъ счетъ!... Будетъ! Кажется, ни въ жизнь бы не взялъ въ руки этой погани, да ужь такъ... скучно...

Началась игра. На полу между тремя игроками лежали деньги, мѣдные пятаки. Понемногу вокругъ этихъ трехъ людей стали,

отъ нечего дѣлать, собираться посторонніе зрителя. Стали слышаться слова: «Вашъ гривенникъ», «Мой пятакъ!» «Ахъ, песъ его дери! гривенникъ убѣгъ въ чужой карманъ»! и т. д.

Часа черезъ два послѣ начала этой игры мнѣ опять случилось выйти изъ каюты на палубу; игроки сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, но публики было вокругъ нихъ очень много, и она была ужь не такая, почти апатическая, какъ два часа тому назадъ. Теперь ужь можно было замѣтить въ нѣкоторыхъ лицахъ напряженное вниманіе; иные ужь прямо перевѣшивались черезъ плечи игроковъ, по временамъ слышались совѣты: «ходи, ходи, не робѣй, бей!» И на полу между игроками лежали ужь не однѣ мѣдныя деньги,—виднѣлись рублевки и мелочь. Разговоръ какъ игроковъ, такъ и публики былъ оживленъ. Иные изъ публики даже спорили между собою о картахъ игроковъ, которыя были всѣмъ видны, хотя игроки, получивъ сдачу, старались держать ее какъ-то въ горсти.

— Крой пиковкой! Не робѣй! Твоя!

— Вѣдь, у яво козырь, елова голова! Пиковкой!

— Кр-ррой пиковк-а-ай! Вижу я, какой козырь!

— А! была не была! Вотъ!

— Ну, и просолилъ!

— Просолилъ! Чисто просолилъ...

— Вѣдь, говорилъ—козырь! Нѣтъ! «Знаю я...»

— Такъ, вѣдь, песъ его зналъ!

— Песъ!

— Ну, куда ни шло! Ушла рублевочка! Сдавай сызнова, ворочу! Оживленіе и интересъ зрителей къ игрѣ возрастали и поддерживались постоянно разными карточными эпизодами. Между прочимъ, послѣ одной сдачи, былъ всѣхъ оживленнѣе «лакей»; взглянувъ въ свои карты, онъ вдругъ проговорилъ:

— Господа компаньоны! Сдѣлайте милость! Уважьте! Позвольте рыскнуть!

Говорилъ онъ какимъ-то умоляющимъ тономъ, прижимая карты къ груди.

— Отцы родные! Такая привалила карта,—вотъ!—Онъ наклонился къ постороннему зрителю и показалъ ему карты.

— Н-да!—сказалъ многозначительно зритель.

— Позвольте поставить десять цѣлковыхъ! Кто соотвѣтствуетъ? Карта оченно великолѣпна.

— Идетъ!—гаркнулъ артельщикъ.—Клади красную!

— Нѣтъ, позвольте!—благообразнымъ жестомъ руки накрывая выкинутую лакеемъ десятирублевую бумажку, проговорилъ весьма благообразнымъ тономъ благообразный владѣлецъ шляпы «котелкомъ».—Позвольте вамъ сказать, что такихъ правиловъ нѣтъ! Коль скоро вы въ компаніи, то вы должны дѣлать уваженіе... Вы бы, можетъ быть, хотѣли и сто рублей выиграть, но когда вамъ не соотвѣтствуетъ компаньонъ, и, можетъ быть, по своимъ средствамъ лишится всего, что у него есть, то это не можетъ быть дозволено въ игрѣ. Извольте взять вашу ассигнацію... Получите-съ!... А какъ на кону былъ рубль, то извольте и вы становить рубль, хотя бы у васъ былъ даже хлюстъ!

— Вѣрно!—послышалось въ публикѣ.

— Такъ, такъ! Этакъ-то съ жадности всякій бы тебя обобралъ.

— Хорошо!

— Но за что-жь я потеряю свою пользу?—возразилъ лакей, волнуясь алчными порывами.

— Мало ли какой тебѣ надо пользы!

— Ахъ, карты-то какія!

— Да тебѣ какое дѣло мѣшаться?—возразилъ грубо и гнѣвно артельщикъ.—Ежли тебѣ твоихъ денегъ жалко, говори «пасъ», больше ничего, а союзному дѣлу не препятствуй.

— Вѣрно! Вѣрно!—возопили голоса публики.

— Можетъ, я хочу проиграть! Какое тебѣ дѣло?

— Н-ну, если такъ, то я «пасъ»! А вы какъ угодно.—Слова эти благообразный господинъ произнесъ кротко и сложилъ карты, не глядя въ нихъ.

— Такъ идетъ?—спросилъ въ азартѣ лакей артельщика.

— Вали! Станови красную! Вотъ моя!

Двѣ красныхъ бумажки валялись на полу.

— Ходи!

— Ходи ты!

— Вотъ!

— А вотъ!

— А это?

— А мы вотъ какъ!

— Твоя! Твоя!—загалдѣла публика, и артельщикъ, весь сіяющій, вдругъ весь вспотѣвшій, съ мокрымъ осклабившимся лицомъ, потянулъ къ себѣ всей пятерней двѣ красныхъ.

— Ловко! Вотъ такъ ловко!

Артельщикъ только улыбался и сіялъ.

— Конечно, всякому свое счастье!—благообразно вздохнувъ, произнесъ благообразный котелокъ.

— А ты у меня учись,—сказалъ лакей,—десять цѣлковыхъ выкинулъ на удалую и жалѣть не буду! Сдавай!

Публика, собравшаяся вокругъ игроковъ, была сразу въ высшей степени заинтересована этимъ эпизодомъ; въ большинствѣ это былъ народъ сѣрый, бѣдный, трудомъ нажившій деньгу и, очевидно, въ большинствѣ только теперь знакомившійся съ какимъ-то новымъ, мгновеннымъ способомъ наживы. Десять цѣлковыхъ, поставленные на конъ лакеемъ, всѣ видѣли своими глазами и также всѣ своими глазами видѣли, что артельщикъ, на какихъ-то новыхъ основаніяхъ, получилъ право на эти десять рублей, которые, опять же у всѣхъ на глазахъ, очутились у него въ кошелькѣ. «Ловко»,—мелькало въ выраженіи лицъ очень и очень многихъ зрителей, мужиковъ, рабочихъ, даже у отца дьякона, который также внимательно смотрѣлъ на игру. Въ числѣ зрителей этой игры, обратила мое вниманіе фигура одного крестьянина: это былъ пароходный рабочій въ картузѣ съ мѣднымъ ярлыкомъ, роста онъ былъ огромнаго, и,—какъ часто это бываетъ у сильныхъ людей,— лицомъ походилъ на ребенка: самое дѣтское, простодушное выраженіе лица было у него. Онъ подошелъ къ группѣ играющихъ довольно давно и сначала былъ совершенно равнодушнымъ зрителемъ; по его лицу было видно, что «въ этихъ дѣлахъ» онъ ровно ничего не понимаетъ, что это его даже и не интересуетъ, но послѣ эпизода съ десятью рублями что-то какъ будто проснулось въ его сонныхъ, спокойныхъ, какъ стоячая вода, глазахъ. Что-то какъ будто шевельнулось, плеснуло въ этой стоячей водѣ. Онъ поближе придвинулся къ игрокамъ, пристальнѣе сталъ смотрѣть въ карты, на деньги, на руки игроковъ, на ихъ кошельки.

— Михайло!—позвали его откуда-то.

— Сейчасъ!—отозвался онъ, но не уходилъ, а съ возрастающею внимательностью сталъ вникать въ дѣло. Его позвали въ другой разъ, и тогда онъ, съ трудомъ оторвавшись отъ зрѣлища, бѣгомъ побѣжалъ туда, куда его звали, и скоро возвратился тоже «бѣгомъ»...

— Не шулера ли какіе?—сказалъ мнѣ какой-то толстый купецъ, также изъ числа зрителей, спускаясь со мною въ каюту.—

Много этого мусорнаго народу развелось... Я глядѣлъ, глядѣлъ,— будто какъ что-то есть...

— Не знаю, не видалъ я этого!

— Это только такъ, представленіе одно, будто незнакомые собрались, то-есть трое-то... Они очень знакомы... Вотъ посмотрите, раззадорятъ они публику!... Это завсегда ихній пріемъ!... И откуда это, Господи, сколько пошло по Россіи шарлатановъ всякихъ? Чисто отбою нѣтъ!

Подозрѣнія купца вполнѣ оправдались впослѣдствіи, но не въ этомъ пока дѣло. Меня очень интересовала фигура мужика, на моихъ глазахъ начавшая, такъ сказать, развращаться. Я видѣлъ эту фигуру въ воловьей работѣ при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ, видѣлъ его гигантскую силу и дьявольскій трудъ, ни чуть не отразившійся на этомъ спокойнѣйшемъ дѣтскомъ лицѣ, едва-едва обрамленномъ бѣлокурой бородкой, видѣлъ его апатическимъ и ровно ничего не понимающимъ зрителемъ карточнаго состязанія и видѣлъ, наконецъ, какъ въ этой дѣтской душѣ шевельнулось что-то острое и жадное... «Что будетъ съ нимъ дальше?»—подумалось мнѣ и часа черезъ два я опять вышелъ на палубу.

Парень (его звали Михайло) былъ къ этому времени просто неузнаваемъ, да неузнаваема была и вся толпа, окружавшая игроковъ. Возбужденіе жадости къ деньгамъ, которыя въ видѣ «рублевокъ», «трешницъ», «мѣдяковъ», мелочи кучей лежали на полу, на глазахъ всѣхъ переходя отъ одного игрока къ другому, было необыкновенно сильно. Но мужикъ, этотъ огромный верзило, на лицѣ и фигурѣ котораго трудно было замѣтить слѣды малѣйшаго волненія послѣ того, напр., когда онъ только что перетаскалъ на берегъ не одну сотню цибиковъ чая или демидовскаго желѣза, теперь, подъ вліяніемъ животной страсти, волновался и буквально трепеталъ каждымъ мускуломъ. Жаръ какой-то валилъ отъ этого огромнаго тѣла, все лицо содрогалось и глаза прыгали между вытаращенными вѣками; огромная трясущаяся рука то вытаскивала изъ кармана замшевый кошелекъ, крѣпко сжимая его въ рукѣ, то пыталась отворить его, но опять прятала и опять вынимала. Наконецъ, парень не выдержалъ, отчаяннымъ жестомъ раздвинулъ толпу, присѣлъ къ игрокамъ и, весь блѣдный, трясущійся, принялъ участіе въ игрѣ; онъ плохо понималъ, въ чемъ дѣло, и потому, когда ему сдавали карты, онъ сейчасъ же показывалъ ихъ сосѣду, тому самому рваному пьянчугѣ, который предложилъ игрокамъ свои карты. «Брось, наплевать! Ни-

чего не стоитъ! Пасъ!»—совѣтовалъ пьянчуга, или, напротивъ, поощрялъ: «Ходи! ходи! Бей! Такъ...» И не только не умалялось волненіе верзилы, не только всѣ члены его не переставали ходить ходуномъ, но, напротивъ, увеличивавшаяся блѣдность лица и трясущіеся пальцы заставляли думать, что ужь не жаръ томитъ его, а холодъ, ознобъ деретъ ему тѣло... И вдругъ онъ опять вспыхнулъ и весь загорѣлся огнемъ: ему «привалила карта»; это, во-первыхъ, увидалъ онъ самъ; во-вторыхъ, это провозгласилъ во всеуслышаніе пьянчуга, а затѣмъ такіе же возгласы удивленія къ счастливымъ картамъ выразила и публика, толпившаяся за спиной у игроковъ. «Вали, вали! Не робѣй! Станови! Не бойся! Выиграешь! Твоя, твоя!»—со всѣхъ сторонъ галдѣла публика и сами игроки, а верзило съ отупѣвшимъ, налившимся кровью лицомъ только поворачивалъ голову то направо, то налѣво, то пряталъ карты въ горсть, точно сокровище, то опять совалъ ихъ «посмотрѣть» кому придется... Ему предстояло либо проиграть пятнадцать рублей, либо выиграть сорокъ пять; наконецъ, онъ рѣшился и голосомъ кулачнаго бойца, приготовляющагося къ отчаянной дракѣ, воскликнулъ:

— Иду! Ходи!

— Иду и я!—также, точно приготовляясь размозжить сопернику голову (а не обыграть въ карты), воскликнулъ и артельщикъ.

Лакей ничего не воскликнулъ, но сидѣлъ блѣдный, какъ смерть, съ горящими глазами.

Секунды двѣ-три стояла мертвая тишина.

— Твоя! Взялъ! Охо-хо-хо деньжищъ-то поволокъ!—возопила вдругъ вся публика.

Оказалось, что выигралъ артельщикъ, а верзило проигралъ. А лакей хоть тоже проигралъ, но не выдержалъ своей роли и явно обрадовался.

Верзило молча и какъ-то деревянно смотрѣлъ, какъ его деньги забираетъ артельщикъ; онъ даже какъ будто успокоился и пересталъ трястись.

— Будетъ!—сказалъ онъ, поднялся съ полу и пошелъ. Пошелъ онъ прямо къ кухнѣ, взялъ швабру, стоявшую тутъ, и какъ ни въ чемъ не бывало принялся вытирать ею полъ около крана, передъ которымъ умываются пассажиры третьяго класса. Онъ какъ будто хотѣлъ показать, что съ нимъ ничего не случилось, что онъ знаетъ, что самъ виноватъ. Я подивился этой силѣ харак-

тера, этой возможности быть «какъ ни въ чемъ не бывало», проигравъ такую кучу денегъ, какъ 15 руб. Но радость моя была не долга: онъ потеръ шваброй мокрый полъ и пошелъ было съ этой шваброй куда-то въ другое мѣсто, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ остановился и вдругъ, какъ подрѣзанная трава, упалъ, свалился на полъ, уронивъ швабру... Онъ свалился куда-то за тюки съ товарами, не разбирая «куда», и, колотясь головой обо что ни попало, взвылъ на весь пароходъ.

— Бат-ю-ушки... м-мои... мил-лые!.. Отцы мои... Пятнадцать цал-ко-о-о-выхъ... О-охо... о-о-хъ—охъ-охъ!...

Самые маленькіе, неумѣющіе даже лепетать, дѣти могутъ такъ горько, такъ отчаянно, такъ жалобно плакать, какъ плакалъ этотъ верзило, «катаясь» между тюками товара, стукаясь лбомъ и огромнымъ тѣломъ обо что ни попало. Такого ребяческаго малодушія, такого ничтожества душевнаго, какое обнаружилъ верзило, нельзя себѣ представить, не представляя именно совершенно безпомощнаго ребенка; между верзилой, на весь пароходъ и на всю Каму пищавшимъ, «какъ малый ребенокъ», и тѣмъ верзилой, котораго нѣсколько минутъ тому назадъ «трясло» всего и «ломало» подъ впечатлѣніемъ проснувшейся алчности, жадности, не было ничего общаго; это были два разныя существа: то былъ звѣрь, а теперь чуть не грудной ребенокъ, и ни звѣрь, ни ребенокъ одинаково были не похожи на сильнаго, могучаго, тихаго работника, каковъ верзило былъ въ дѣйствительности. Проявивъ въ себѣ глупую жадность звѣря и неумное отчаяніе несмысленнаго младенца, верзило произвелъ на публику парохода впечатлѣніе какого-то глупца и даже смѣшнаго дурака.

— Дуракъ! Такъ дурака и надо!

— А съ дураками нѣшто не такъ надобно?

— Дураковъ надо учить!

— Разъ-другой поучатъ такъ-то дурака, анъ онъ и умнѣй будетъ!

— Ишь-ты! Сорокъ пять цѣлковыхъ хотѣлъ слизать, а какъ не вышло, такъ и взвылъ какъ бѣлуга!

— Охъ! охъ! охъ! охъ!.. пя-а-а-а-атнадцать ца-ал-ко... о-охъ—охъ...

— Ха! ха! ха! ха!—помирала со смѣху публика.

И по истинѣ было смѣшно.

Но верзило не исчерпалъ еще всѣхъ своихъ душевныхъ свойствъ. Верзило вылъ и катался по полу довольно долго, едва

ли не до тѣхъ поръ, покуда вся пароходная публика вмѣстѣ и по одиночкѣ не засвидѣтельствовала ему лично своего мнѣнія о томъ, что онъ «дуракъ».

— Какъ обыгрывать, такъ ничего, а какъ проигрывать, такъ закудахталъ?

— Охо-хо-хо... Батюшки... матушки мои!

— Ха-ха-ха-ха!

Положительно всякій пассажиръ подходилъ къ нему, слушалъ его вытье и говорилъ, что «такъ дураковъ и надо».

Наконецъ, всѣ назвали его дуракомъ и разошлись по своимъ мѣстамъ. Игроки, партнеры верзилы, тоже давнымъ давно разбрелись. Артельщикъ, выигравшій деньги, спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ, уткнувшись лицомъ въ подушку; онъ не слыхалъ, какъ обыгранный мужикъ вылъ. Благообразный человѣкъ въ котелкѣ сидѣлъ вверху, на рубкѣ, и меланхолически любовался видомъ Камы, а лакей почему-то перебрался съ своей подушкой и узломъ на другой конецъ палубы, сказавъ прежнимъ сосѣдямъ: «Уйтить отъ васъ, а то, пожалуй, взвоешь вотъ какъ этотъ мужикъ!..» Наконецъ, затихъ и верзило.

— Очухался, видно?

— Въ другой разъ не будетъ!

— Видно вытьемъ-то не поможешь!

Но верзило думалъ не такъ. Онъ, правда, затихъ, не вылъ, не охалъ и не катался по полу, а долго сидѣлъ за ящиками, утирая носъ рукавомъ красной рубахи. Сидѣлъ онъ такъ довольно долго, потомъ всталъ, оправилъ рубаху и пошелъ...

И пошелъ онъ прямо къ капитану парохода—жаловаться.

Отворивъ дверь капитанской каюты, онъ тотчасъ же упалъ на колѣни и, разставивъ безпомощно руки, взмолился:

— Явите божескую милость! Что-жь это будетъ? Пятнадцать рублевъ... Это не игра, вашскородіе!... Отецъ родной... Это одно мошенство!.. Помилуйте! Я жаловаться буду... Эти деньги у меня чужія! Что-жь это такое? Господи помилуй!...

Публика видѣла это.

— Ишь подлецъ какой! Небось, кабы самъ счистилъ сорокъ-то пять рублей, не пошелъ бы жаловаться... Сказалъ бы: «маё»...

А какой по первому впечатлѣнію хорошій типъ: сильный, работящій, простой, скромный, съ наивными глазами... Пудовые тюки мелькаютъ въ его рукахъ, какъ соломенки, «ворочаетъ»

то длинной, широкой полосы, пролегающей вдоль всей Россіи, точно шоссейноя дорога, масса интеллигентнаго народа. Я называю «всю» представившуюся мнѣ массу «интеллигентною» исключительно только, такъ сказать, по обличью, по внѣшнему образу жизни, хотя самой большой и главной части этой массы не придаю никакого значенія въ интеллигентномъ отношеніи. Эта масса есть обжорный рядъ, толпа своего удовольствія, «солидной дѣйствительности». Она огромна и она первая лѣзетъ въ глаза. За нею слѣдуетъ не менѣе огромное скопище интеллигенціи, получающей жалованье, томящейся завистью, скучающей, закусывающей у клубныхъ и желѣзнодорожныхъ буфетовъ, томящейся въ танцовальныхъ, театральныхъ и игорныхъ залахъ, на пикникахъ, за карточными столами, въ ученыхъ и научныхъ обществахъ и засѣданіяхъ, и жаждущей прибавки. За нею слѣдуетъ еще болѣе огромная масса людей, также закусывающихъ, также томящихся и также никакого практическаго результата не оставляющихъ послѣ своего исчезновенія съ лица земли, — людей, мысль которыхъ, хотя и не замерла, но освѣщаетъ только (и то чуть - чуть) пустоту и безсовѣстность собственнаго существованія: человѣкъ пьетъ, играетъ, участвуетъ во всякой поддѣлкѣ «общественныхъ дѣлъ» и, въ то же время, постоянно надъ собой подтруниваетъ, издѣвается, называетъ себя дрянью и продолжаетъ закусывать, играть и т. д., не находя въ своей мысли очертаній другихъ условій и обстановки жизни, не находя въ себѣ даже силы представить что-нибудь лучшее, что-нибудь болѣе опрятное. Каждый день увязая все глубже и глубже въ грязь, человѣкъ такой не перестаетъ понимать это, не перестаетъ издѣваться надъ собой, знаетъ даже глубину своего паденія, но продолжаетъ сновать, не выпуская изъ рукъ картъ и не отходя отъ буфета. За этими самообличителями слѣдуетъ огромнѣйшій разрядъ теоретиковъ всевозможныхъ сортовъ, видовъ и цвѣта. Одни, благодаря средствамъ, расчистивъ вокругъ себя аршина на два въ діаметрѣ кучи того неопрятнаго хлама, которымъ изобилуетъ жизнь, ищутъ *настоящаго*, какъ мы видѣли въ предъидущемъ отрывкѣ, въ совершенствѣ личномъ, проповѣдуютъ «неземную справедливость», неземныя *дѣла*, доходятъ, въ последовательномъ развитіи своихъ идей, до вопроса о томъ, изъ какой матеріи шьются «тамошніе пиджаки». Другіе, окруженные горами «сегодняшняго» хлама, уносятся мыслью въ отдаленнѣйшее будущее Россіи, тщательно изучаютъ тотъ моментъ, когда

Англія и Россія вступятъ въ единоборство, и превосходно знаютъ, какія блестящія перспективы могутъ изъ этого столкновенія возникнуть. Третьи, не только не расчищая вокругъ себя хлама, но, напротивъ, ежеминутно созидая его, изощряютъ свои мысли въ реторикѣ восхваленія нашего будущаго; наконецъ, даже люди вполнѣ здравомыслящіе, исходящіе мыслью изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, и тѣ весьма скоро съуживаютъ свою мысль на теоретическомъ знаніи жгучаго дѣла «настоящаго», тощаютъ безъ живаго опыта жизни, скудѣютъ знаніемъ этого большаго дѣла во всемъ его теперешнемъ *живомъ* объемѣ... Когда въ прошедшемъ году, во время рабочаго кризиса въ Парижѣ, печатались отчеты парламентской коммиссіи, созванной для изысканія средствъ къ помощи, читая ихъ можно было только удивляться той мелочности, до вниманія къ которой могутъ опускаться такіе тузы, какъ депутаты. Депутатъ Лезонъ долженъ высчитывать, сколько нужно выкупить тюфяковъ, одѣялъ (холодно, вѣдь!), дѣтскихъ кроватей, часовъ, лампъ, кухонныхъ принадлежностей... Читая эти отчеты, я жилъ въ деревнѣ и, признаться, думалъ такъ: «Да его ли депутатское дѣло заниматься этакими пустяками? Да они, неумытыя рыла, не заслуживаютъ того, чтобы этотъ господинъ копался да рылся, какому пьяницѣ что нужно, тюфякъ ли, одѣяло или кастрюлю! Ужь видно, что добёръ баринъ-отъ, господинъ-отъ Лезонъ; мы эдакихъ еще и видомъ не видали!» Да помилуйте: когда мы дождемся, чтобы у насъ въ волостномъ правленіи разговаривали о томъ, есть ли кому что жрать и есть ли у всѣхъ сапоги? У насъ въ самомъ центрѣ нищеты и нужды только и идетъ разговоръ о высшихъ дѣлахъ и цѣляхъ.

Или вотъ еще, не нашъ, а иностранный эпизодъ. Кажется, въ декабрѣ прошлаго года или въ январѣ настоящаго парижскій префектъ Пубель издалъ распоряженіе «о мусорныхъ ящикахъ». Всякій соръ и хламъ, выбрасываемый изъ домовъ на улицу, до этого распоряженія подбирался и сортировался особенными спеціалистами мусорной части, шифонье. Распоряженіе префекта уничтожило эту спеціальность, и вотъ на сцену обыденной, будничной жизни выдвинулся мусорный вопросъ, и какъ ни ничтоженъ онъ самъ по себѣ, но, во-первыхъ, вопросъ этотъ *весь* выяснился такъ, что рѣшительно не знаешь такой черты въ немъ, которая была бы закрыта чьей-нибудь ладонью. Выяснилось количество живущихъ мусорнымъ дѣломъ, выяснилась

организація его, оказались и рабочіе, и кулаки, капиталисты мусора, оказалась вся выгодность этого дѣла, оказалось, что мусорное дѣло беретъ въ свои руки огромная англійская компанія, что эти ящики—большое финансовое предпріятіе, что «гигіена», которая тутъ яко бы замѣшалась, только предлогъ для того, чтобы отнять хлѣбъ у шифонье и передать его господамъ капиталистамъ. Для полнѣйшаго выясненія этого вопроса, въ журналахъ и газетахъ печатались разсказы и воспоминанія, касавшіеся жизни мусорщиковъ, біографіи людей, которыхъ жизнь оторвала отъ бѣлаго дня и бросила въ тьму этого ночнаго, грязнаго труда. На сценахъ пѣлись куплеты, давались пьесы,—словомъ, все, что могъ этотъ эпизодъ содержать въ себѣ, все, что въ немъ затрогивало какую-нибудь струну человѣческаго сердца: алчную, филантропическую, общечеловѣческую, — все было выяснено, выпотрошено передъ всѣми. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, изъ всего этого вышло только то, что ящики остались.

Мы не переживаемъ въ такой полной широтѣ живаго факта дня, не знаемъ такъ многосложно этого живаго факта, какъ знаютъ это европейскіе люди. Это знаніе «подробностей» не можетъ исчезнуть безслѣдно изъ сознанія народа; подробности эти, открытыя во всей полнотѣ, тысячью своихъ сторонъ пали на тысячи людей, съ тысячами взглядовъ на жизнь, и вездѣ прибавили силы и крови. У насъ не такъ. Мы въ большинствѣ случаевъ видимъ только результатъ, «ноль», и съ этого ноля начинаемъ свое теоретическое мышленіе, мышленіе правильное, но безкровное. У насъ можно цѣлые дни толковать о рабочемъ вопросѣ, набить оскомину на немъ, изсушить свой умъ на тысячахъ теоретическихъ тонкостей и ни разу не побывать ни на одной фабрикѣ, не посмотрѣть какъ тамъ «въ самомъ дѣлѣ». Есть у насъ люди, которые привыкли даже плакать надъ цифрами и совершенно отвыкли обращать вниманіе на людей, изъ которыхъ эти цифры дѣлаются...

Или вотъ еще маленькая печальная страничка изъ русской жизни: на нашихъ глазахъ возникъ такъ называемый женскій вопросъ, хотя тогда же или вскорѣ послѣ его возникновенія какой-то поэтъ хотѣлъ было его похоронить и изобразилъ было его въ видѣ ребенка, котораго литература подняла на улицѣ, отдала на воспитаніе въ типографію, стала кормить бумагой и поить чернилами, т.-е. постепенно приводила его къ гробу, но на дѣлѣ, однако, вышло не такъ: женское образованіе пошло развиваться

на дѣлѣ и мы имѣемъ не одинъ выпускъ женщинъ-докторовъ, которыя ужь давно «работаютъ» въ народѣ. Но до сихъ поръ въ литературѣ, въ прессѣ, изъ которой вся русская публика только и почерпаетъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, ничего, то-есть почти ровно ничего не было разсказано объ этомъ опытѣ «работать въ народѣ». На моей памяти, я читалъ только одинъ разсказъ женщины-доктора о ветлянской чумѣ и еще разсказикъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Теперь также на нашихъ глазахъ курсы эти падаютъ, закрываются,—и опять ни откуда ни звука, такъ что, попрежнему, самое любопытное для «насъ» остается все только безконечное чтеніе рецензій объ «Эрмитажѣ», Лентовскомъ и «Ливадіи». А опытъ людей, сознательно отправившихся изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ, нуженъ, необычайно нуженъ для общества и въ особенности для подрастающаго молодаго поколѣнія, которое теперь, въ свободное отъ уроковъ время, стоитъ за спинками стульевъ, на которыхъ сидятъ родители, играющіе въ карты, и наблюдаютъ, со всѣмъ напряженіемъ дѣтской впечатлительности, за ходомъ игры. Одна такая книга, какъ *Что читать народу?* (въ 25 лѣтъ одна!)—манна небесная въ нашей изсушающей душу жизненной пустотѣ. Опытъ «работать въ народѣ» — трудный, непривѣтливый, изнурительный, мучающій человѣка,—манна небесная потому, что въ немъ именно и есть правда, съ нею только и можетъ начаться наше самостоятельное развитіе, воспитаніе. Ни въ какомъ другомъ смыслѣ нѣтъ ходу нашей самостоятельности, нѣтъ приложенія нашимъ силамъ, стало быть, нѣтъ имъ развитія: все можно купить готовымъ; все, что обѣщаетъ намъ развитіе у насъ европейскихъ порядковъ, все давно ужь въ совершенствѣ обдумано и выдумано не нами. Всѣ вотъ эти колеса, винты, гайки, молотки, бочки, изображенные на фотографіи какой-то «группы» инженеровъ или механиковъ и заставляющіе Марью Васильевну думать: «какой умный Иванъ Ѳедоровичъ!» (онъ изображенъ съ какой-то кочергой),—все это куплено, только куплено, а на выдумку всего этого Иванъ Ѳедоровичъ не тратилъ собственнаго ума ни капли. Даже кашинскимъ винодѣламъ нечего выдумывать, а остается только подделывать. Словомъ, во всемъ строѣ европейнствующаго русскаго человѣка, отъ науки, отъ книги до сапога и чулка, не на что тратить свою мысль, все ужь готово: «поди и купи». Эта полная возможность «все купить», отъ знанія до чулка, совершенно обезсиливаетъ нашъ умъ, наши силы, — такъ намъ въ

этихъ условіяхъ все хорошо и умно сдѣлано другими, — и нашъ умъ, наша совѣсть, наши силы даже волей-неволей должны работать въ иномъ направленіи, чтобы имѣть хоть какую-нибудь гимнастику и не исчахнуть въ пустынѣ тоски или въ пустынѣ «своего удовольствія». Спрашивается, что, напр., можетъ сдѣлать оригинальнаго, самостоятельнаго наша литература, если она приметъ это готовое, чужими руками устроенное теченіе жизни за нѣчто новое? Ровно ничего! Всѣ мотивы, которые могутъ на этомъ пути встрѣтиться наблюдателю, уже разработаны и, какъ оригинальные, разработаны превосходно. Да, наконецъ, въ настоящее время въ мелкой журналистикѣ уже практикуется кое-что по части «перелицовки» тамошняго на наше россійское. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ одной госпожей, которая по нуждѣ дѣлаетъ для одной маленькой газеты такія вещи: возметъ французскій или нѣмецкій разсказъ изъ буржуазной среды и передѣлаетъ его на русскіе нравы: вмѣсто Біаррицъ, напишетъ Ялта, вмѣсто Гансъ, Кузьма Иванычъ, а вмѣсто гофъкригсъ-ратъ, надворный совѣтникъ Анафемцевъ,—вотъ и все. Читаютъ и похваливаютъ, потому что дѣйствительно трудно выдумать что-нибудь оригинальное, когда *все* одинаково у извѣстной среды, будь она французская, русская, нѣмецкая... Наши буржуа не могутъ выдумать какой-нибудь обстановки жизни или дать ей какое-нибудь иное содержаніе, кромѣ той обстановки и того содержанія, которыя вообще свойственны типу буржуа. На этомъ готовомъ пути грозитъ намъ полнѣйшее утомленіе отъ готовыхъ удобствъ, средствъ жизни, и самаго его содержанія, и единственное наше спасеніе, единственная возможность пробудить наши силы не на готовомъ и поэтому ослабляющемъ даже охоту думать, дѣлать и жить, а на новомъ, что можетъ поднять всѣ наши силы, что потребуетъ даже удесятеренной энергіи, состоитъ въ опытѣ жить, принимая за главнѣйшую цѣль жизни благосостояніе народа. Это трудно, это невозможно иногда, невыносимо, но въ этомъ непрерывномъ опытѣ, въ этихъ непрерывныхъ неудачахъ, разочарованіяхъ, радостяхъ, высказанныхъ и несказанныхъ слезахъ,—въ этомъ, повидимому, мучительномъ сознаніи недостижимости цѣли,—во всемъ этомъ только и можетъ быть наша самостоятельная жизнь, отсюда только и придетъ матеріалъ, который ляжетъ въ основаніе воспитанія будущихъ поколѣній.

Съ какимъ по истинѣ дѣтскимъ восхищеніемъ разсказывалъ

мнѣ одинъ мой пріятель слѣдующій маленькій эпизодъ. Задумалъ этотъ мой пріятель походить пѣшкомъ и посмотрѣть, какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ добрые люди. Съ мѣсяцъ ходилъ онъ по Московскому уѣзду, и въ одну настоящую, заправскую «черную ночь», въ дождь и вѣтеръ, забрелъ невѣдомо куда, въ какой-то огромный лѣсъ, или паркъ, съ заросшими, но правильными, величественными аллеями, и скоро очутился передъ громадной развалиной стариннаго барскаго дворца. И въ паркѣ темно, и пусто во дворцѣ,—только вѣтеръ реветъ и воетъ, раскачивая огромныя деревья... Куда идти? И вдругъ, обойдя руину съ другой стороны, онъ замѣтилъ огонекъ. Огонекъ свѣтился въ единственномъ окошкѣ, не лишенномъ рамы и задернутомъ занавѣской. Обрадовавшись огоньку и жилью, пріятель сталъ искать входа въ него и скоро нащупалъ дверь, которая, какъ послѣ оказалось, не имѣла даже петель и была только приставлена снаружи; съ громомъ и стукомъ повалилась она, эта дверь, отъ одного легкаго прикосновенія и этотъ громъ заставилъ выскочить обитателей жилья: въ сѣняхъ, наполненныхъ мусоромъ отъ обваливающагося кирпича, появился древнѣйшій старикъ и молодая дѣвушка. Дѣвушка оказалась учительницей сельской школы, которая помѣщалась тутъ же, въ другой, не совсѣмъ разрушенной каморкѣ. На селѣ негдѣ «приткнуться», все занято трактирами и кабаками, а земское зданіе школы еще не готово, такъ вотъ земство и нашло возможнымъ «приткнуть» ее съ нѣсколькими картами и книжнымъ шкафомъ въ этомъ микроскопическомъ углу огромнаго дворца, кое-какъ приведя уголъ въ возможный порядокъ. Пріятель мой, такъ нежданно появившійся и надѣлавшій такого шума, оторвалъ дѣвушку отъ работы: она исправляла дѣтскія сочиненія. Завязался простой разговоръ о школѣ, о ребятишкахъ, о ежедневныхъ школьныхъ мелочахъ, и разговоръ этотъ былъ точно лучъ свѣта во всей этой видѣнной, слышанной и пережитой тьмѣ... Во время разговора торопливо вбѣжала въ комнату деревенская дѣвочка, закутанная въ платокъ и съ высокой палкой въ рукѣ. «Я у тебя, Алексѣвна,—сказала она учительницѣ, — ноне ночевать не буду!»—«Отчего?»—«Да мнѣ надыть пьяныхъ и прохожихъ по дворамъ разводить... Отецъ-то хмѣленъ, а очередь наша... такъ вотъ я вмѣсто отца-то!»—и ушла. И опять хорошо и свѣтло показалось моему пріятелю. Какой бы микроскопическій, съ высшей точки зрѣнія, «палліативъ» ни представляла эта учительница, читаю-

щая дѣтскія сочиненія на тему: «какъ я разъ испужался» или «какъ я разъ расшибся»,—хорошъ человѣкъ, который рѣшился на этотъ палліативъ, который гдѣ-то въ углу, въ трещинѣ стараго дома нашелъ возможнымъ, а, главное, *нужнымъ* разговаривать съ какими-то чумазыми ребятишками, и дѣло его хорошо. Какъ ни мизерны средства этого человѣка, но онъ не скажетъ: «Почитай Кузьму Иваныча потому, что у него восемнадцать кабаковъ!» Не скажетъ: «Хлопочи только о своемъ карманѣ!» и т. д. Этого *нельзя* сказать ей, иначе она бы и не была здѣсь, не ежилась бы въ углу этой развалины съ своими тетрадками, сказками... Все это чуть-чуть замѣтный огонекъ въ черной, окутывающей ее кругомъ тьмѣ, но огонекъ несомнѣнно, хотя и трудно, мучительно трудно отвоевать его право не гаснуть среди цѣлой орды кабатчиковъ, кулаковъ, на которыхъ держится неурядица народная.

И, право, только вотъ такіе едва-едва мерцающіе огоньки и радуютъ, хотя огоньки, точно, еле мерцаютъ... Молчаливое совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній гораздо болѣе распространено, чѣмъ желаніе живаго дѣла; теоретическое изящество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей, развивается въ ущербъ вниманію къ сегодняшней человѣческой нуждѣ,—и это во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ; приводить въ связь съ сегодняшней мелочной дѣйствительностью свои отшлифованныя до высшей степени изящества теоретическія построенія русскій человѣкъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Недавно въ газетахъ былъ опубликованъ такой случай: въ Кронштадтѣ существуетъ какая-то ремесленная касса, дѣла которой ведутся по способу Артемъ Артемычей: молебенъ, расхищеніе, пожертвованіе корпіи въ «Красный Крестъ», молебенъ и опять расхищеніе.

На общее собраніе этой кассы, гдѣ члены хотѣли возстать на такіе распорядки, появились пріѣхавшіе изъ Петербурга «новые люди». Эти новые люди теоретически были до того справедливы, говорили такъ превосходно, что собраніе, заслушавшись ихъ рѣчей, сразу забаллотировало прежнее правленіе и выбрало въ члены правленія новыхъ, пріѣзжихъ людей. Но когда дѣло дошло до необходимости показать справедливость своихъ отшлифованныхъ мыслей на дѣлѣ, то-есть войти въ мелочи жизни небогатыхъ трудящихся хозяевъ кассы и, основываясь именно на этихъ мелочахъ (ради нихъ-то, вѣдь, и касса возникла), на-

чать новые порядки, то новые люди оказались совершенно ничего въ этихъ мелочахъ не понимающими, не имѣющими никакого понятія о нуждѣ, о томъ, какъ живетъ бѣдный человѣкъ, каковъ его трудъ. И что же? Въ то же самое засѣданіе разочарованные бѣдняки должны были свергнуть новыхъ людей съ только что дарованныхъ имъ мѣстъ и съ горемъ и уныніемъ должны были выбрать опять старыхъ: эти хоть и воруютъ, но, все-таки, знаютъ, почемъ свѣчи, какъ дорога крупа и т. д.

Иллюстрацій, которыя бы наглядно показали, до какой степени отвыкшая отъ реальнаго дѣла мысль русскаго человѣка привыкла молча и неподвижно присутствовать при созерцаніи того самаго зла, объ уничтоженіи котораго эта мысль смертельно печалится, можно было бы привести несмѣтное количество.

V.

Едва я дописалъ послѣднюю строчку, какъ въ мою комнату вошелъ одинъ мой пріятель. Я прочиталъ ему написанное и между нами произошелъ такой разговоръ:

— Это вѣрно,—сказалъ пріятель,—что русскій человѣкъ подавленъ и ослабленъ обиліемъ «готоваго», которое, къ тому же, вовсе ему не по душѣ. И фальшь, и ложь этого готоваго видны намъ воочію... Что же касается «дѣла» во имя благосостоянія народа, и это, если доподлинно не знаетъ, то чувствуетъ всякій мало-мальски грамотный человѣкъ, и на практикѣ потребность этого дѣла осуществлялась и осуществляется по мѣрѣ возможности безъ ослабленія. Но все это не то, т.-е. не удовлетворяетъ нашей души...

— Отчего же?

— Да оттого, что человѣку непремѣнно надобно знать, что должно выдти изъ этого? Ну, хоть бы, съ позволенія сказать, утопію бы какую-нибудь намъ представили... Это не хорошо, это не такъ, это несправедливо, а хорошо «такъ» и справедливо—вотъ эдакимъ вотъ манеромъ... У европейцевъ, не чувствующихъ аппетита къ старымъ порядкамъ, всегда на смѣну ихъ есть фантазія о новыхъ; всякій европеецъ - реформаторъ отвѣтитъ вамъ на вопросъ — что надо? Вотъ что! А у васъ, т.-е. у насъ, нѣтъ... Народъ, масса, капитализмъ, община, а все что-то не то! Образчика, фантазіи не создано по поводу того, что̀ и какъ должно быть, что и какъ справедливо.

Давайте-ка эту фантазію, образчикъ,—проснемся! Право, проснемся!

Я бы, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не рѣшился давать этихъ образчиковъ и даже въ дружеской болтовнѣ не нашелъ бы удовольствія фантазировать на этотъ счетъ. Но одно совершенно случайное обстоятельство заставило меня невольно сосредоточить вниманіе на этомъ дѣлѣ: мнѣ показалось, что «образчикъ» можетъ быть предъявленъ публикѣ... Совершенно случайно въ мои руки попало одно народное, современное произведеніе, гдѣ говорится «обо всемъ», и мнѣ показалось, что въ этомъ произведеніи воистину «брезжитъ» какой-то свѣтъ, давая возможность хотя чуть-чуть уловить очертанія чего-то гармоническаго, справедливаго и необычайно свѣтлаго.

Въ слѣдующій разъ я и познакомлю читателя съ этимъ произведеніемъ.

Г. Успенскій.

ЛЮБОВЬ ВСЕ ВИДИТЪ *)

(Amor ha centi occhi).

Романъ Сальваторе Фарина.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Часть вторая.

I.

Отправляясь въ Сардинію, чтобъ испросить у родной земли для матери—могилу, а для себя—будущность, графъ Родригесъ не тѣшилъ себѣ иллюзіями, а, напротивъ, представлялъ себѣ все въ черномъ цвѣтѣ. Его душа, слабая, когда была предоставлена самой себѣ, сильная, если ее поддерживали взглядъ и слово дорогаго человѣка, была готова твердо стоять противъ униженія и бороться съ бездѣйствіемъ и предразсудками. Выйдя на берегъ въ жалкомъ, старомъ Порто-Торресъ и проходя его кривыми, неровными, грязными улицами, а затѣмъ нездоровымъ полемъ, которое, какъ болѣзненная рана, разстилается за вымощеннымъ городомъ, Козимо просилъ жену не торопиться судить объ островѣ по этому образцу. Онъ показалъ ей вдали оливковыя рощи, которыя окаймляютъ земли Сассари и задерживаютъ распространеніе песковъ и болота. Но Беатриче была спокойна. Въ Порто-Торресъ она полюбовалась дворцомъ короля Барбаро, колоннами и кровлями Санъ-Гавано, не глядя на остальное, не огорчаясь видомъ голыхъ полей, и съ радостью встрѣтила первыя *нурраге* **). Только подъ оливами, только когда кругомъ, на плодородной

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) *Скалы*, *утесы*, на сардинскомъ нарѣчіи.

землѣ, тамъ и сямъ показались виноградныя лозы и когда стали, зеленѣя, разстилаться посѣвы,—только тогда Беатриче призналась, что ей было сначала какъ будто скучно.

— Теперь я довольна,—говорила она.—Мнѣ нравится это унылое поле. Ваши оливы могутъ похвалиться, если имъ удастся разсѣять мое дурное расположеніе духа. Увидите, будемъ счастливы!

— Увидишь, будемъ счастливы!—горячо вскричалъ Козимо.— Я не повѣшу головы въ бѣдѣ... Если люди спросятъ, куда дѣвалось богатство моихъ предковъ, я спрошу, куда они дѣваютъ свое время... время—богатство живыхъ?

Полусерьезно, полушутливо Беатриче сказала: «браво!» и затѣмъ спросила, кто же будетъ такъ интересоваться ихъ дѣлами?

Увы, Беатриче не знала, какое мученіе явиться, не приготовясь, передъ любопытными взглядами, лукавыми вопросами, жестокимъ состраданіемъ любопытныхъ, которыхъ такъ много въ маленькихъ городахъ. Къ счастью, Козимо преувеличивалъ свое безпокойство на этотъ счетъ; у него была защита: онъ привезъ хоронить мать.

Къ тому же, хотя залоги и продажи открыли добрымъ людямъ глаза, хотя въ Сассари и Плоаге никто уже не вѣровалъ въ милліоны фамиліи Родригесъ, но было довольно и того, что графъ Козимо пріѣхалъ; это къ нему располагало. Судя такъ, зря, иной недоброжелатель рѣшалъ, что съ домомъ Родригесъ покончено, какъ со многими старинными дворянскими домами, и что графъ Козимо не посмѣетъ носа показать въ Сардинію, а, между тѣмъ, графъ Козимо тутъ какъ тутъ, будто побѣдитель, съ цѣлой свитой живыхъ и мертвыхъ! Въ самый вечеръ его прибытія въ Сассари, разсуждая въ кофейняхъ объ этомъ происшествіи, многіе говорили, что нельзя вѣрить всему, что толкуютъ о Родригесъ, а еще черезъ день, когда графиня Вероника легла на кладбище Сассари, подъ кипарисами, нѣсколько визитныхъ карточекъ показали графу, что дворянство Сассари не слушаетъ злыхъ толковъ.

Тамъ, гдѣ Козимо ожидалъ лицемѣрнаго состраданія, онъ нашелъ только безпокойное любопытство. Одинъ житель Плоаге, скупившій бо̀льшую часть феодальнаго владѣнія Родригесъ, пріѣхалъ нарочно въ дилижансѣ въ Сассари узнать, въ чемъ дѣло, но ничего не увидалъ.

Проживъ нѣсколько времени въ лучшей гостинницѣ, графъ,

съ помощью Сильвіо, нанялъ небольшой домикъ за городомъ, въ полѣ, по дорогѣ къ Вѣтряной Мельницѣ. — бѣленькій домикъ, до котораго еще не достигли улицы. Когда привезли мебель, выторгованную изъ покупки Чилекка, графъ убралъ домикъ такъ, чтобъ женѣ еще могло казаться, будто она не покидала своего уголка въ Миланѣ.

Анджела и Беатриче пожелали не разставаться и Сильвіо съ охотой согласился; это избавляло его отъ заботы заводиться домомъ въ Сассари и давало возможность оставаться большую часть дня въ полѣ.

Все это, устроенное благоразумно, хотя и не скупо, казалось великолѣпнымъ тому, кто видѣлъ домикъ съ дороги, не имѣя права войти въ него. Еще было лучше, когда узнали, что Сильвіо Бони и графъ Родригесъ купили недалеко отъ Вѣтряной Мельницы цѣлую долину, хотя и великолѣпную, но крайне убыточную, такъ какъ пять владѣльцевъ пошли отъ нея съ сумою.

Покупка совершилась правильнымъ контрактомъ у нотаріуса, съ немедленной уплатой, круглымъ счетомъ, сорока тысячъ лиръ. Этого въ маленькомъ городкѣ не видывали; здѣсь даже такіе владѣльцы, которымъ въ пору въ теченіе цѣлаго дня верхомъ объѣхать свои поля, и тѣ подчасъ не знаютъ, куда кинуться, чтобъ достать тысячу франковъ.

— И на кой прахъ графу Козимо эта долина? Обрабатывать ее — труда много, а прибыли — почти никакой. Чиччіо-Маріа, старый Чиччіо-Маріа, который началъ съ того, что поденщикомъ пахалъ чужія поля, а теперь—богатый обыватель, хотя, все-таки, носитъ длинный колпакъ и штаны раструбами, знаменитый Чиччіо-Маріа, который перечтетъ по пальцамъ всѣ оливы и всѣ лозы во всѣхъ владѣніяхъ въ окрестности, — прямо говорилъ, кому угодно было слушать (а такіе всегда находились), что покупка графа Козимо и *профессора*—«одно разоренье».

Но графу Козимо и Сильвіо не приходило въ голову обращаться за совѣтомъ къ Чиччіо-Маріа. Сильвіо періодически переѣзжалъ изъ Сассари въ Кастельсардо, изъ Сассари въ Проклятую Долину, какъ называлось только что пріобрѣтенное имѣніе, изъ Сассари въ Муросъ и хлопоталъ, но о чемъ, объ этомъ не зналъ никто.

Графъ Козимо, между тѣмъ, разъѣзжалъ тоже; онъ побывалъ въ Плоаге, во Флоринасъ, съ женой и съ Анджелой, показался на минуту въ своемъ пустомъ палаццо де-Нарди, въ домѣ своего

лоца; далъ знать, что, отдавъ въ наймы небольшія земли, которыя у него оставались, не намѣренъ продавать ихъ за ничто, какъ на то надѣялись; однимъ кредиторамъ уплатилъ, другихъ успокоилъ и выкупилъ нѣкоторые залоги. Успокоясь нѣсколько, онъ сказалъ Беатриче:

— У насъ пять тысячъ лиръ дохода и имѣніе, которое, какъ говоритъ Сильвіо, принесетъ еще больше, да доходъ съ твоего приданаго.

Объ этомъ приданомъ никогда еще не говорилось и Беатриче покраснѣла отъ радости, услыша въ первый разъ, что оно не безполезно и мужъ не стыдится признавать это.

— Какъ я счастлива!—сказала молодая женщина.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ! Я счастлива, что живу на этомъ островѣ!

Разъ, когда Сильвіо не было, Козимо позвалъ Беатриче и Анджелу на важный совѣтъ: какъ назвать купленное имѣніе?

— Какъ его теперь зовутъ?—спросила Анджела.

— Его зовутъ *Проклятая Долина*.

— Назовемъ—*Рай*,—сказала дѣвочка.

— Назовемъ—*Ангельская Долина*.

— Нѣтъ, *Долина Беатриче!*

— Назовемъ—*Наша Надежда*,—серьезно прервала Беатриче.

Сильвіо, возвратясь, нашелъ долину уже окрещенною.

— Да,—повторилъ онъ за другими,—*Наша Надежда!*

Но Сильвіо былъ печаленъ. Онъ безпокойно и упорно бился съ горемъ, которое терзало его сердце.

— Что съ тобой, дядя?—спрашивала Анджела.

Онъ отвѣчалъ только ласками. Козимо и Беатриче онъ сказалъ, что еще ничего не узналъ о Джіорджіо.

II.

Чтобы покончить всѣ дѣла своего господина, Амброджіо пришлось пробыть въ Миланѣ дольше, чѣмъ онъ ожидалъ. За то онъ ѣхалъ въ Сардинію съ чистой совѣстью, исполнивъ еще одинъ свой планикъ, небольшой, но хорошенькій,—отдавъ въ наймы до Михайлова дня комнаты покойной графини и комнаты графа, такъ какъ за нихъ было уже заплачено хозяину до этого срока. Это прибавило въ карманъ Амброджіо тысячки двѣ лиръ. Заплативъ кое-какіе старые должишки, Амброджіо распорядился такъ

умно, что, нисколько не компрометируя графа Родригесъ, привезъ ему нѣсколько сотенъ лиръ остатка да всѣ уплаченные счета.

Онъ привезъ еще великолѣпный сюрпризъ—повара и кучера; тѣ, наслушавшись, будто въ Сардинію можно пріѣхать въ одной рубашкѣ, а въ нѣсколько лѣтъ разбогатѣть, не пожелали пропустить такой оказіи.

Точно также не прочь были бы разбогатѣть въ Сардиніи и лакей Франческо, и конюхъ Стефано, но за недѣлю предъ тѣмъ они поклялись нѣкоторымъ особамъ въ вѣчной вѣрности, а потому и не рѣшились оставить Миланъ.

Когда, предшествуемые Чеккино, который ѣздилъ встрѣчать Амброджіо въ Порто-Торресъ, поваръ Джіованни и кучеръ Пантамо вошли въ бѣленькій домикъ, графу Козимо показалось, будто воротилось все прежнее; въ преданности старыхъ слугъ онъ видѣлъ обѣщаніе судьбы.

Онъ схватилъ и крѣпко жалъ ихъ руки. Умилительно было видѣть, какъ поваръ Джіованни, со слезами на глазахъ отъ этого пожатія, поглаживалъ себя по животу, какъ будто отыскивая бѣлый фартукъ, знакъ своего достоинства, и тѣмъ желалъ скрыть свое волненіе.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—вы изволили отставить насъ отъ службы, но не запретили намъ въѣзда въ Сардинію. Не дурно ли мы поступили?

— Прекрасно!—увѣрялъ графъ. — Мѣста здѣсь хватитъ на всѣхъ.

— Такъ и говорилъ Амброджіо,—вмѣшался Понтамо.—Онъ говорилъ, будто приди въ Сардинію въ одной рубашкѣ, какъ разъ фортуну свою схватишь; мы въ Миланѣ тридцать лѣтъ рукава у рубашки засучивали, а фортуны все не видали.

— Издалека развѣ,—подтвердилъ поваръ.

Джіованни, горя нетерпѣніемъ разбогатѣть, захватилъ кухню и объявилъ, что баринъ долженъ почувствовать присутствіе своего стариннаго кухмистера. Чеккино, который въ ожиданіи лучшаго, исправлялъ его должность, весело покорился своей смѣнѣ и принялся за старую роль поваренка.

Аннета сидѣла на главномъ мѣстѣ за завтракомъ въ кухнѣ; Пантамо, помѣстившись рядомъ съ нею, разсказывалъ о Миланѣ, о Франческо, о Стефано и объ ихъ возлюбленныхъ. Надо было послушать все это, чтобы понять, что̀ можетъ наговорить ловкая субретка, когда долго замолчится, и счастливый кучеръ, когда

обязанность не приковывает его къ козламъ. Джіованни, подъ впечатлѣніемъ добраго вина, спустился съ пьедестала своего кухмистерскаго величія и фамильярно обращался съ Чеккино.

Это былъ прекрасный день, но, вѣдь, «не всякій же день такіе дни», основательно замѣтилъ Амброджіо. На завтра Джіованни и Пантамо собирались идти искать фортуну. Профессоръ Сильвіо сдѣлалъ имъ слѣдующее предложеніе:

— Что вы намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ.

— Не знаемъ,—отвѣчали они.

— Такъ я знаю. Тебѣ, Джіованни, деревенская жизнь, конечно, нравится. Присматривать за полевыми работами, за стадами и такъ далѣе,—все это тебѣ по нраву, признайся?

— Признаюсь,—сказалъ Джіованни,—только не понимаю...

— А ты, Пантамо? Если поручить тебѣ телѣгу, колясочку, пару хорошихъ лошадей, чтобъ ты — сегодня ломовымъ, завтра кучеромъ — разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, вѣдь, этимъ ты будешь доволенъ?

Пантамо не отрицалъ, но тоже не понималъ. Сильвіо объяснился. Джіованни, если захочетъ, можетъ отправиться жить въ помѣстье *Наша Надежда*; тамъ, въ домѣ, во второмъ этажѣ, будетъ ему комната. Для Пантамо—комната рядомъ. Днемъ Пантамо будетъ возить въ телѣгѣ въ Сассари и въ Сорсо оливки или масло, смотря по времени года. Масло и вино въ *Надеждѣ* будутъ самыя отличныя изъ всего Хогударо. Жалованья не будетъ, а предполагаются помѣщеніе и полное содержаніе и, кромѣ того, доля изъ общей прибыли.

Планъ привлекалъ и нравился. Джіованни и Пантамо находили, что Сардинія уже начинаетъ исполняетъ свои обѣщанія. Но когда они увидѣли *Надежду* и поняли, какъ преобразится этотъ маленькій рай менѣе нежели въ годъ, удовлетвореніе перешло въ восторгъ.

— Пантамо!—началъ поваръ, становясь у круглаго окошечка *своей* комнаты.—Пантамо! видалъ ли ты что-нибудь подобное во снѣ? Смотри на этотъ прелестнѣйшій видъ. Замѣть эти оливы, апельсинныя деревья и гранаты... Гляди! Пальмы и кисти финиковъ на верхушкѣ, какъ мачты въ балаганѣ... Пантамо, ты видишь сны всякую ночь,—видалъ ли ты что-нибудь такое?

Можно предположить, что, грезя всякую ночь, Пантамо видалъ и получше, но онъ не пожелалъ даже этой оговоркой огорчить товарища и только кивнулъ головою.

— Но какая тишина!—продолжалъ Джіованни. Или здѣсь нѣтъ никого? Стало быть, это покинутая деревня?

— Здѣсь все такія деревни.—отвѣчалъ Сильвіо. — Необходимыхъ работъ я еще не началъ; за сборомъ оливокъ дѣла будетъ не много, потому что деревья не въ порядкѣ и нынѣшній годъ не дадутъ плода.

— Но мужики-то гдѣ же?

— Мужики живутъ въ городѣ,—отвѣчалъ съ досадой профессоръ,—работаютъ мало, берутъ за работу дорого: ихъ не убѣдишь, что они неправы.

— Вотъ это хорошо! Мужики въ городѣ, а кухмистеры въ деревнѣ!—вскричалъ Джіованни.—Да одни соловьи... такъ имъ и пѣть всю ночь, чтобъ никто ихъ не слышалъ? Ты слушай, слушай, какъ они поютъ-то, Пантамо!

И Джіованни совсѣмъ становился аркадійцемъ. Но Сильвіо думалъ о другомъ, а Пантамо не позволялъ себѣ подобныхъ увлеченій.

За часъ до заката Сильвіо приказалъ запереть окна и двери дома и всѣ трое вышли изъ виллы. Запирая деревянную калитку окружающей виллу стѣны, Сильвіо еще разъ оглянулся на прелестные, но *унылые* стволы старыхъ оливъ.

Неровная, каменистая дорога шла между двухъ каменныхъ стѣнокъ: виднѣлись только верхушки оливъ, нѣжно блѣдныя при закатѣ. Когда солнце бросаетъ свои послѣдніе золотые лучи сквозь листву оливъ, надъ ней разстилается какое-то спокойствіе, какая-то ласка и грусть, болѣе говорящія сердцу, чѣмъ сѣверныя степи или роскошные виды тропиковъ.

Ни Джіованни, ни Понтамо, ни Сильвіо не нравились эти стѣнки, скрывающія отъ глазъ сассарскія поля и владѣнія.

— На что онѣ?—спрашивалъ Джіованни.—Вѣдь, не отъ ночныхъ же воришекъ? Они найдутъ всегда гдѣ пролѣзть и гдѣ спрятаться.

— Разумѣется, ни къ чему,—подтвердилъ Сильвіо.

Онъ терпѣть не могъ этихъ стѣнокъ, стоящихъ относительно очень дорого и приносящихъ только одно удобство: не пускать животныхъ. Сильвіо говорилъ, что невозможно любить деревню, похожую на кладбище, и любить пейзажъ, искрошенный на кусочки и въ которомъ взглядъ не пробѣжитъ и нѣсколькихъ шаговъ, не уткнувшись въ загородку.

— Когда въ сассарскихъ деревняхъ будутъ жители, — про-

рочилъ онъ,—эти глупыя стѣнки замѣнятся живыми изгородям кустарникомъ или канавами, въ которыя проведется вода и потоковъ... а она теперь гніетъ и застаивается болотами... намъ этого не увидать!

— Почему не увидать?—воскликнулъ Джіованни.

Восторженный поваръ ни въ чемъ не отчаявался, даже томъ, что проживетъ Маѳусаиловы годы.

Они вышли на большую дорогу. Здѣсь было оживленн Крестьяне, ихъ жены и дѣти спѣшили въ Сассари, чтобъ успѣ воротиться домой къ ужину. Всѣ были веселы. Одна небольш толпа проходила за другой и всѣ щебетали, какъ воробь Мужчины, почти всѣ молодые, съ заступами на плечахъ, трубками въ зубахъ, смѣло смотрѣли въ лицо синьору Сильві не дотрогиваясь до шапки. На всѣхъ лицахъ было одно чу ство—независимость, и оно дѣлало бѣдняковъ симпатичным Но отъ живописнаго сардинскаго костюма они сохранили толь длинный черный колпакъ; вмѣсто гетровъ, чулокъ и широких короткихъ суконныхъ панталонъ, они носили жакетки по горо ской модѣ. Но этотъ нарядъ, изорванный, въ заплатахъ, всегда чистый, былъ для нихъ знакомъ равенства и они носи его съ достоинствомъ.

Костюмъ женщинъ, повязанныхъ платками, ничѣмъ не напом налъ стариннаго сассарскаго костюма; только на очень немногих чаще на старухахъ, были зашнурованные корсеты. Онѣ, какъ мужчины, прошли, не кланяясь незнакомымъ. У нѣкоторыхъ на г ловахъ были корзины, которыя, казалось, сейчасъ свалятся, крестьянки ступали такъ твердо и ловко, что корзины не к чались.

Пахари и сборщицы оливокъ провожали профессора поч до самаго дома. Сильвіо, наконецъ, не замѣчалъ ихъ, всматривая издали въ окно, гдѣ разглядѣлъ лица Беатриче и Анджелы.

— Здравствуйте, профессоръ!

— Здравствуйте, донна Беатриче! Зравствуйте, *синьорикк*

Анджела очень смѣялась, когда ее, въ Сардиніи, въ перв разъ назвали *синьорикой*, и тутъ тоже расхохоталась.

Едва Сильвіо вошелъ, графъ удержалъ его за руку и сд лалъ знакъ другимъ, чтобъ уходили.

— Что новаго?—спросилъ профессоръ.

— Приходилъ человѣкъ, который спрашивалъ тебя; онъ х четъ видѣть тебя наединѣ.

— Гдѣ онъ?

— До твоего прихода онъ просилъ его спрятать и сказалъ, что его жизнь въ моихъ рукахъ. Я заперъ его на ключъ въ твоей комнатѣ, какъ онъ самъ того пожелалъ. Вотъ и ключъ.

— Джіорджіо!—сказалъ, блѣднѣя, Сильвіо.

— Нѣтъ, маленькій, старый.

— Лиса!

III.

Лиса цѣлый часъ ждалъ и сильно безпокоился; конечно, онъ принесъ вѣсти о Джіорджіо. Сильвіо хотѣлось скорѣе бѣжать къ нему, но благоразуміе требовало другаго. Надо прежде поздороваться съ дамами и удалить любопытныхъ.

Устроить послѣднее было трудно, но профессоръ справился съ этимъ. Онъ услалъ Пантамо и Чеккино въ два разные конца города за какими-то пустяками, оставивъ Джіованни въ кухнѣ за очагомъ, а Амборджіо и Аннету въ столовой за приготовленіями къ ужину. Пожимая руку графини, Сильвіо, какъ и ожидалъ этого, прочелъ въ ея глазахъ, что она все знаетъ. Дѣвочка смотрѣла на Сильвіо невинно и восторженно, тѣмъ взглядомъ, отъ которыхъ (по мнѣнію Сильвіо и другихъ) вспыхиваютъ любовные пожары. Онъ извинился, что оставитъ ихъ на минуту, и поспѣшилъ къ себѣ.

Но на порогѣ онъ остановился. Неужели тамъ *онъ*, этотъ страшный человѣкъ, чья голова уже двѣнадцать лѣтъ какъ оцѣнена?

Сильвіо еще сомнѣвался и, прежде чѣмъ взялся за ключъ, посмотрѣлъ въ замочную щель, точно ли человѣкъ, который позволилъ себя запереть, отдавъ себя въ руки незнакомца, былъ Лиса?

— Онъ!

Онъ стоялъ у стола, на который положилъ изорванную книжку, смотрѣлъ на дверь и держалъ въ рукѣ пистолетъ.

— Другъ!—сказалъ за дверью Сильвіо, затѣмъ отворилъ ее и подалъ руку другу своего дѣтства.

— Ты не перемѣнился, — сказалъ бандитъ, держа за руку Сильвіо. — Я слышалъ, ты начитался книжекъ и тебя сдѣлали профессоромъ. Узналъ я и порадовался. Но знай, что найти тебя такимъ же, какимъ ты былъ прежде, мнѣ еще пріятнѣе.

Сильвіо не находилъ словъ. Онъ смотрѣлъ на старика, от
скивая въ этомъ исхудаломъ лицѣ, скрытомъ за сѣдой. космат
бородою, черты знаменитаго бандита, за которымъ двѣнадца
лѣтъ охотилась *юстиція*.

— Что смотришь?—угадывая его мысль сказалъ бандитъ. Ты смотришь и думаешь: «вотъ онъ, страшный человѣкъ!»

— Нѣтъ,—сказалъ, смѣясь, Сильвіо.

— Но слушай... тебѣ это сказать можно: не страшный
человѣкъ, а за свою свободу стою. Ты можешь, не стыдя
пожать мнѣ руку: зла она не сдѣлала, развѣ по необходимос
Если *юстиція* до сихъ поръ меня не схватила, то не пото
только, что я—*старая Лиса*, какъ меня кличутъ, а потом
что я малъ, а Сардинія наша велика. Къ тому же, если че
вѣкъ захочетъ, то всегда можетъ умереть свободнымъ. Ка
Богъ святъ, живаго меня не возьмутъ. Еслибъ сейчасъ, вмѣ
тебя, вошелъ полицейскій, я бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ-
кончено... Только поплакали бы обо мнѣ,—прибавилъ онъ, ка
будто смотря передъ собою на чье-то милое лицо.—Ты знаеш
зачѣмъ я пришелъ?—спросилъ онъ вдругъ рѣзко.

— Мой братъ...

— Въ надежномъ мѣстѣ. Только двинуться не можетъ; о
болѣнъ.

— Болѣнъ?

— Немножко. Сердце у него пухнетъ, ну, и больно; да н
чего, выздоровѣетъ. Женщину я одну знаю: отъ всего лечи
Разъ попала мнѣ пуля въ бокъ. Я—къ кумѣ Петрониллѣ. О
дала мнѣ стаканчикъ воды, и вся боль прошла. Пуля котор
годъ все во мнѣ туда-сюда катается... Братъ выздоровѣе
не сомнѣвайся. Ему ужь повѣсили на шею ладонку отъ Са
Франческо. А я схожу къ Петрониллѣ да снесу ей волос
Джіорджіо.

— Гдѣ онъ?

— Въ *стаццо* у друга, въ Галлурѣ. Постель у него хо
шая; гора Лимбара тутъ и есть, на глазахъ; воздухъ, вода,
все славное. Дѣвушка одна бѣдная ходитъ за нимъ, какъ за б
томъ. Не сомнѣвайся, выздорѣетъ. Найдемъ, какую траву
нужно.

— Но что же онъ?—спрашивалъ Сильвіо.—Что говори
Что съ нимъ было по возвращеніи? Какъ мы тутъ мучили
что онъ не являлся... Разсказывай все.

Лиса взялъ руку профессора и началъ, будто небрежно, но съ снисходительной улыбкой:

— Надо тебѣ знать, что я выучился читать.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я всегда говорю правду. Старый Лиса еще никого не обманывалъ, кромѣ шпіоновъ *юстиціи*, и то если не удавалось избавиться отъ нихъ другимъ манеромъ... И такъ, любезный мой, я выучился читать. Не похвалюсь: всего *писаннаго* я не знаю, а вотъ буквы напечатаныя и писаніе твоего брата я разбираю. Для того я и учился и, какъ видишь, все учусь.

Онъ взялъ изорванную книжку и показалъ ее Сильвіо; это была азбука. На первой страницѣ было некрасиво написано: «Анджела Бони».

— Это первая книжка твоей племянницы, — продолжалъ бандитъ.—Ей было шесть лѣтъ и она ее всю умѣла прочесть, и писать умѣла. Это она сама написала. Знаешь, какъ она мнѣ досталась? Чрезъ одного твоего работника, который былъ у тебя въ Кастельсардо. Я за это рожокъ пороха ему далъ... Есть въ Темпіо бѣдная дѣвушка; *юстиція* у нея отца убила: былъ онъ, какъ и я, бандитъ. Дѣвушка теперь учительницей въ школѣ; я къ ней разъ пошелъ и говорю: «Отецъ твой былъ честный человѣкъ и умеръ свободнымъ; я его зналъ и любилъ. За мою любовь къ нему выучи меня всему, что въ этой книжкѣ написано». И выучила, бѣдняжка. То я къ ней въ домъ ходилъ, то она со мною въ горы: не боялась меня. Когда Джіорджіо присылалъ письмо, она мнѣ читала, покуда я самъ не выучился... Марія-Антонія хороша, какъ не знаю что, и замужъ не захотѣла. Ее тамъ, въ Темпіо, уважали, а много было хорошей молодежи, изъ хорошихъ семей. Только, недавно, приходитъ она ко мнѣ въ горы и говоритъ: «Ты мнѣ за втораго отца. Уведи меня. Не могу больше воротиться въ Темпіо».—«Что ты, несчастная, тамъ надѣлала?»—«Сама не знаю. Одинъ малый хотѣлъ меня поцѣловать, а я его поранила; кровь его видѣла. Уведи меня, батюшка мой, а то меня схватятъ, скажутъ, что нечего было другаго отъ меня и ждать, потому—я дочь бандита...» Отвелъ я ее въ стаццо, и она счастлива, стережетъ овецъ, читаетъ, пишетъ; тамъ я у нея въ недѣлю выучился больше, чѣмъ за все прежнее время. Но мнѣ нельзя долго оставаться въ одномъ мѣстѣ; судьба моя такая.

— Такъ Марія - Антонія?...—спросилъ Сильвіо.

— Ну, да. Марія-Антонія за твоимъ братомъ ходитъ, книжки

ему читаетъ, чтобъ крѣпче спалъ... Но мы не о томъзаговорили. О чемъ, бишь, мы говорили?... Да! Твой братъ мнѣ писалъ и, пр томъ, иногда довольно длинно. Говорилъ все, что ему въ голову пр ходило, о васъ спрашивалъ. Если у меня о васъ вѣстей не был я выдумывалъ, чтобъ его утѣшить. И бился я съ нимъ, угов ривалъ его: онъ обвинялъ себя въ моей участи, будто по е винѣ я сдѣлался бандитомъ, и грозилъ, что вернется и выдас самъ себя, чтобъ меня выгородить. Наконецъ, я убѣдилъ ег что это будетъ совсѣмъ напрасно, что послѣ того дѣла въ К стельсардо, въ которомъ, оба мы, и братъ твой, и я,—вотъ, ка Богъ святъ!—чисты, какъ вода въ Монте-Лимбара,—что у послѣ того дѣла случилась со мной еще бѣда: искалѣчилъ я одно сторожа да шпіона отправилъ на тотъ свѣтъ. Увѣряю тебя, совсѣмъ не того хотѣлъ: я хотѣлъ искалѣчить шпіона, что онъ живъ былъ, въ примѣръ другимъ, а убить сторожа, которому я увѣренъ, это было бы пріятнѣе: малый былъ хорошій... Н сбился я опять!... Что я говорилъ?

— Что Джіорджіо...

— Да, что Джіорджіо хотѣлъ воротиться и выдать себя. П шетъ мнѣ: «Правда на свѣтъ выйдетъ, а судьи—люди».—«Д я говорю, судьи—человѣки, а правда—у Бога. Живы родн *того*, покойника, а свидѣтели, что насъ съ тобой обвиняли, теперь обвинять станутъ». Послушался онъ меня и ушелъ жи въ Африку. Недавно написалъ мнѣ, что передъ смертью хоче видѣть дочь, и увѣдомилъ, когда пріѣдетъ; я пошелъ его встр чать на берегъ. Исхудалъ онъ; борода большая, черная. О меня прежде узналъ, чѣмъ я его. Мы съ нимъ пошли пѣшком Силенъ казался, бѣдняга, ничего; только проходимъ мимо в шего дома, вдругъ у него сердце раздулось такъ, что онъ да къ стѣнѣ прислонился, а то бы упалъ. Какъ мы дошли до лѣс ужь я и не знаю. Я тамъ привязалъ *Мавра*, мою черную лошадк Ждемъ, когда солнце зайдетъ. Брату твоему совсѣмъ плох держаться на лошади не можетъ... Да, вѣдь, на то есть Лиса. Беру его къ себѣ на сѣдло, ухватился онъ за меня, а Мавр мчитъ насъ всю ночь. Пріѣхали въ надежное мѣсто. Мавр мой захромалъ, потерялъ подкову, а у брата горячка...

— А потомъ?—спросилъ Сильвіо.

— Все еще хвораетъ.

— Потомъ-то что?

— Да! Потомъ-то?... Да! Всякую недѣлю пастухъ ходил

въ Сассари узнавать, нѣтъ ли письма на почтѣ; наконецъ, твое пришло, слава Богу! *Онъ* будто поздоровѣлъ, считалъ дни, когда вы пріѣдете, и все боялся умереть, не дождавшись. А ужь какъ узналъ, что вы въ Сассари, хотѣлъ съ постели вскочить, къ вамъ бѣжать, бѣдняга, да болѣзнь помѣшала. Клянусь тебѣ, я бы его пустилъ; силъ бы не было его удержать...

— Вы когда о насъ узнали?—спросилъ Сильвіо.

— Онъ-то ужь съ недѣлю, а я только третьяго дня. Мнѣ шепнули, чтобъ я на нѣсколько дней уходилъ изъ стаццо. Друзья уже знаютъ, что̀ отвѣчать, если спросятъ объѣздчики.

— А если за нимъ они наѣдутъ?

— За нимъ не пожалуютъ; *юстиція* про него забыла. Да никто и не знаетъ, что онъ воротился на островъ; пастухи знаютъ его подъ именемъ Эфизіо Пачисъ; одной Маріи-Антоніи все извѣстно.

Сильвіо подумалъ, что сама Марія - Антонія скрывается въ стаццо отъ *юстиціи*. Лиса угадалъ его мысль и засмѣялся.

— Объѣздчикамъ до Маріи-Антоніи дѣла нѣтъ,—сказалъ онъ.— Молодецъ, котораго она проколола ножницами въ руку, не жаловался *юстиціи*, вылечился дома и пуще прежняго желаетъ цѣловать мою дочку. Славный малый! Землица у него, домикъ свой; зовутъ его Чичито-Скано; надняхъ онъ придетъ въ стаццо мириться...

Онъ остановился и печально прибавилъ:

— Ну, и Марія-Антонія воротится въ Темпіо, и бандитъ опять останется одинъ... Впрочемъ, къ чорту черныя мысли! Надо придумать, какъ повести дѣвочку къ отцу, а тамъ я и уйду; отсюда до Логу-Ленто больше получаса хорошей ходьбы, а завтра чѣмъ свѣтъ мнѣ опять надо въ путь, въ стаццо... Гдѣ Анджела? Можно ее видѣть?

— Надо предупредить Козимо,—сказалъ тихо Сильвіо.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ ему положеніе дѣла. Когда Сильвіо сказалъ, что дѣвочка ничего не знаетъ объ участи своего отца, что для ея спокойствія считали нужнымъ все скрывать отъ нея, по крайней мѣрѣ, до той поры, когда она, съ годами, лучше пойметъ жизнь, старый бандитъ вытянулъ губы, но не сказалъ ни слова.

Сильвіо задумался.

— Оставайся ужинать съ нами,—сказалъ онъ вдругъ.—Я скажу, что ты...

— Эфизіо Пачисъ. Это имя уже не разъ служило и ещ
можетъ послужить.

— Останься ужинать,—настаивалъ профессоръ.

— Благодарю, Мавръ меня ждетъ.

— Какой Мавръ?

— Я-жь тебѣ сказалъ — моя лошадь. Я привязалъ ее в
оливковомъ лѣсу, на Логу-Ленто... Правда, веревка длинна
трава тамъ есть, а Бригадиръ ему для компаніи...

— Какой Бригадиръ?

— Моя сабака.

— Оставайся ужинать,—еще разъ повторилъ Сильвіо.

— А почему-жь бы и не ужинать?—весело вскричалъ бан
дитъ.—Не искушай! Я, пожалуй, останусь.

— Такъ дѣло рѣшенное?

— Никто не знаетъ кто я?

— Кромѣ слугъ, всѣ знаютъ,—отвѣчалъ, смѣясь, Сильві

— Я дѣвочку напугаю.

— И дѣвочка ничего не знаетъ.

Бандитъ еще колебался. Искушеніе было великое, заман
чивое—сидѣть за накрытымъ столомъ, ужинать въ ярко-освѣ
щенной залѣ, противъ прекрасной синьоры, за разговорами
за виномъ позабыть собственную нищету... Сильвіо понялъ эт
изъ его взгляда, взялъ его подъ руку и сказалъ рѣшительно:

— Ну, кончено! Ты остаешься.

— Еще не кончено,—возразилъ, краснѣя, Лиса.

— Такъ скорѣе рѣшай! Остаешься?

— Какъ Богъ святъ, остаюсь! Только, погоди, дай мнѣ со
брать мой багажъ... Вѣдь, кто знаетъ...

Онъ захватилъ пистолетъ и азбуку, остававшіеся на столѣ
сунулъ ихъ въ карманъ и пошелъ за Сильвіо.

Проходя корридоромъ въ столовую, откуда изъ стеклянно
двери лился веселый свѣтъ, «страшный человѣкъ» ступалъ осто
рожно, будто сконфуженный ребенокъ, но онъ тотчасъ же опра
вился, какъ только вошелъ въ освѣщенную залу; затѣмъ он
остановился на порогѣ, снялъ колпакъ и сказалъ съ достоин
ствомъ:

— Желаю всѣмъ здоровья и радости!

Казимо подошелъ къ бандиту и пожалъ протянутую имъ руку

— Онъ ужинаетъ съ нами, — сказалъ Сильвіо. — Еще при
боръ,—приказалъ онъ субреткѣ.

Лиса, между тѣмъ, подалъ руку Беатриче, и такъ какъ она уже знала сардинскій обычай, то сейчасъ же пожала ее.

— Добро пожаловать гостю!

— Радъ видѣть хозяйку!—отвѣчалъ бандитъ, глядя ей въ глаза.—А гдѣ же дѣвочка?

Анджела пряталась въ тѣни, въ углубленіи окна, и, услышавъ, что говорятъ о ней, спрятала что-то въ карманъ.

— Анджела!—сказалъ Лиса.

Его голосъ дрогнулъ. Анджела подошла, поднявъ голову, хорошенькая, смѣлая, и подала руку бандиту.

— Добро пожаловать!—сказала и она.

Она смотрѣла «совсѣмъ дамочкой».

— Радъ видѣть!—повторилъ бандитъ.—Который ей годъ?—обратился онъ къ Сильвіо.

Анджела отвѣтила сама:

— Почти тринадцать.

— Да... да, тебѣ почти тринадцать. А меня не помнишь?

Анджелѣ не нравилось, что ей говорили *ты*, но она покорялась. Въ Сардиніи, кажется, всѣ сговорились задѣвать ея самолюбіе: всѣ говорили съ ней такъ странно, нецеремонно.

— Постойте,—сказала она,—кажется, помню; но я была маленькая...

— На рукахъ тебя носилъ, на спинѣ носилъ,—продолжалъ Лиса, едва выговаривая слова и не сводя глазъ съ личика дѣвочки, напоминавшаго далекій образъ другой женщины.—Я почему па тебя гляжу? Точно передо мною твоя мать... Скажи, не хочешь ли меня поцѣловать?

— Почему же не поцѣловать?—отвѣчала Анджела и чмокнула его въ бородатое лицо.

— Это не мнѣ!—вырвалось у бандита.—Нѣтъ, теперь ты поцѣлуй *меня*... У меня дѣтей нѣтъ и меня всѣ ребята цѣлуютъ.

— Я еще поцѣлую, но я не ребенокъ,—возразила Анджела.

— Правда твоя, ты не ребенокъ,—повторилъ бандитъ, продолжая глядѣть на нее.

Лиса больше не смущался.

Стоило ему разговориться, и онъ легко находилъ и разсказы, и шутки. Онъ зналъ всю Галлуру, всю Англону, всю армію пѣшихъ и конныхъ карабинеровъ. Беатриче въ первый разъ видѣла человѣка такого склада и вызывала его на откровенность, поддерживая въ себѣ новое, пріятное волненіе. Продолжая выдавать

себя за Эфизіо Пачисъ, бандитъ разсказывалъ собственную жизнь; внимательность женщины льстила ему. Разъ онъ назвалъ даже свое настоящее имя.

— *Лиса!*—вскричала Беатриче.—А вы знаете Лису?

— Немножко,—отвѣчалъ, улыбаясь, бандитъ.

— Каковъ онъ? Разскажите о немъ,—сказала графиня.

— Лиса,—продолжалъ бандитъ, — вотъ такой, какъ я: маленькій, худой, сморщенный. И ничуть не страшенъ. Зла никогда никому не сдѣлалъ, только защищается. Хорошенькихъ женщинъ онъ любитъ. Если бы карабинеры оставили его въ покоѣ, онъ, старикъ, вотъ съ такой сѣдою бородой, какъ моя, въ капуцины бы не пошелъ, а взялъ бы за себя замужъ дѣвку красивую, но глупенькую...

— Почему же глупенькую?

— Красавицѣ идти за свободнаго, на что̀ тутъ умъ?... Что-жь? Развѣ не правда?

— Правда!—вскричала, смѣясь, Беатриче.

— Правда!—подтвердилъ Козимо.

Сильвіо промолчалъ; Анджела, не сводя глазъ съ бандита, не поняла ничего.

Ужинъ былъ веселъ. За десертомъ подали *верначчіа*, но бандитъ только обмочилъ усы, снялъ колпакъ и, обращаясь къ хозяйкѣ съ деревенской учтивостью, достойной пастушескихъ временъ, началъ стихи, по-сардински:

Nadu m'ana cosas mannas...

Всѣ захлопали импровизатору. Онъ растерялся.

— Дальше, дальше!—кричала Беатриче.—Я ничего не понимаю, но мнѣ очень нравится. Дальше, синьоръ Эфизіо!

«Синьоръ Эфизіо» прислушивался, оборотясь къ окну.

— Это окно на дорогу?—спросилъ онъ спокойно.

— Да.

Онъ еще послушалъ среди напряженнаго молчанія и потомъ засмѣялся.

— Мнѣ послышалось, что залаяла собака.

— Здѣсь нѣтъ собакъ,—возразилъ Чеккино, подходя къ окну,—и на дорогѣ никого.

— Покорно благодарю, Чеккино,—сказалъ бандитъ.

Держа въ одной рукѣ колпакъ, въ другой стаканъ, онъ опять обратился къ графинѣ:

Nadu m'ana cosas mannas
De tua belesa e buntade...
Como però no m'ingannas.

Хитрецъ опять пріостановился, будто ожидая вдохновенія.

— Что это значитъ?—спросила Беатриче у Сильвіо.

— Это значитъ: «*Мнѣ хвалили твою красоту и доброту; я вижу, что не обманули*»,—объяснилъ Сильвіо.

Эффектъ былъ достигнутъ. Лиса замѣтилъ на лицѣ графини ту неловкость, когда люди боятся, что другъ сдѣлаетъ или скажетъ пошлость, и закончилъ граціозно:

Chi ses bella già lu ido,
Echi ses bona già l'isco;
De s'oju meu mi fido!

Анджела захлопала первая. Эта маленькая сцена смутно напомнила ей, какъ она, ребенкомъ, бывала на крестьянскихъ праздникахъ, гдѣ состязались пѣвцы, а она награждала поцѣлуями и побѣдителей, и побѣжденныхъ.

— А это что значитъ?—спросила Беатриче.

— «*Что ты красавица — я вижу; что ты добра — я знаю, вѣрю глазамъ моимъ*»,—перевелъ Сильвіо.

— Благодарю.

Но Лиса больше ни на что не обращалъ вниманія; едва отхлебнувъ изъ стакана, онъ поставилъ его на столъ и прислушивался. На этотъ разъ не было сомнѣнія: около дома лаяла собака.

— Это Бригадиръ, - сказалъ бандитъ какъ будто самому себѣ, спокойно всталъ и подалъ руку графинѣ.--A nos bidere!—сказалъ онъ шутя, и перевелъ: «До свиданія!» Затѣмъ онъ поцѣловалъ Анджелу, а, выходя, весело толкнулъ Чеккино, который, самъ не зная почему, началъ удивляться этому человѣку.

Чрезъ Аннету поэтическая извѣстность бандита достигла кухни. Амброджіо, Пантамо и Джіованни случайно были на крыльцѣ и видѣли, какъ вышелъ странный человѣкъ (котораго никто не видѣлъ, когда онъ вошелъ), такъ неожиданно приглашенный ужинать съ господами. Собака металась на улицѣ; Аннета уговаривала и успокоивала ее сквозь двери, увѣряя, что «хозяинъ» сейчасъ придетъ, и затѣмъ обращалась къ своему другу Пантамо съ замѣчаніемъ, какъ умны бываютъ собаки.

Лиса не волновался и не спѣшилъ; въ корридорѣ онъ остановилъ Козимо и Сильвіо.

— Мы ничего не рѣшили. Бросьте на почту записочку на имя Эфизіо Пачисъ, когда назначите день.

— Это напрасно,—возразилъ Козимо.—Зачѣмъ еще мѣшкать? Чрезъ недѣлю.

— Въ будущій четвергъ,—подтвердилъ Сильвіо,—мы будемъ въ Темпіо, въ домѣ патера Эммануила.

— Въ будущій четвергъ, въ Темпіо, въ домъ патера Эммануилу придетъ другъ, захватитъ васъ и проводитъ до стаццо,—сказалъ бандитъ. — Жаль, мнѣ нельзя будетъ придти. A nos bidere!

Онъ обнялся съ Сильвіо; тотъ хотѣлъ еще немного проводить его, но Лиса заставилъ его остаться и повторилъ:

— A nos bidere!

Амброджіо отворилъ дверь; собака ворвалась въ корридоръ.

— Тише, Бригадиръ!—приказалъ бандитъ.

Бригадиръ замолчалъ; старикъ еще разъ простился, запахнулъ плотнѣе свой кафтанъ, надвинулъ капишонъ на голову и спокойно сошелъ съ крыльца на улицу. Козимо и Сильвіо смотрѣли ему вслѣдъ. Лиса нѣсколько времени шелъ по дорогѣ; собака слѣдовала за нимъ по пятамъ. У стѣны, окружавшей еще необработанную землю, онъ взялъ собаку за шею, перекинулъ ее на другую сторону, потомъ перескочилъ самъ и чрезъ нѣсколько минутъ исчезъ въ темномъ полѣ.

— Мы не знаемъ, что еще можетъ случиться,—сказалъ Козимо.—*Онъ*, казалось, былъ покоенъ и увѣренъ въ себѣ. Но, все-таки, не мѣшаетъ, чтобъ никто не говорилъ о нашемъ нынѣшнемъ гостѣ.

— Это правда,—сказалъ Сильвіо.

— Друзья,—сказалъ графъ, войдя въ кухню,—никто изъ васъ *не видалъ* человѣка, который сейчасъ вышелъ; никто изъ васъ *не знаетъ*, что у насъ сегодня ужиналъ пастухъ. Прошу васъ помнить это.

Онъ только и сказалъ, но этого было достаточно.

Въ кухнѣ убирали медленно. Во весь остатокъ вечера всѣ умы были заняты этимъ косматымъ человѣкомъ.

— Гдѣ Анджела? — спросилъ Козимо, найдя жену одну въ столовой.

Анджела была въ своей бѣленькой комнаткѣ.

Стоя предъ своимъ письменнымъ столомъ, она наскоро, крадучись, перечитывала странички, писанныя ею самою въ новенькой переплетенной тетради. Дочитавъ до конца, она оглянулась на дверь, боясь, что увидятъ, вынула изъ кармана маленькую блѣдную фотографію, посмотрѣла на нее, наклонилась надъ тетрадью и начала писать своимъ прекраснымъ почеркомъ:

«*10 мая.*—Не онъ! Мученіе начинается снова! Боже мой, какъ я...»

Пламя свѣчи, къ которой она слишкомъ близко подвинулась, коснулось ея волосъ. Анджела слегка вскрикнула отъ страха и, забывъ тетрадь, бросилась со свѣчкой смотрѣться въ зеркало. Съ радостью убѣдилась она, что пострадалъ только одинъ волосокъ, непокорный гребню.

Она серьёзно возвратилась къ письменному столу, отодвинула свѣчу подальше и дописала начатую фразу:

—«Боже мой! какъ я несчастна!...».

IV.

Начало дневника Анджелы восходило не къ особенно отдаленнымъ временамъ. Какъ сама она признавалась на первой страницѣ, она «сдѣлала непростительную вину, проведя столько лѣтъ въ школѣ и ни разу не бросивъ взора въ глубину своего сердца.» Теперь ей хотѣлось бы припомнить день за днемъ надежды, отъ которыхъ она перешла къ разочарованію и отчаянію, со ступеньки на ступеньку, отъ перваго наказанія директриссы къ роли въ какой-то моральной комедійки, къ роману, прочитанному тайкомъ, къ первой мечтѣ о любви, къ первой исповѣди. По виновной, пагубной небрежности, все это теперь ужь отошло — и радости и скорби; она могла вообще сказать, что судьба скупо отмѣрила ей радости. «Но,—спрашивала Анджела,—не общая ли это участь? Да! Жизнь — борьба и въ ней должно побѣдить или умереть! Побѣдить или умереть!... Смерть... О, смерть!...» Мысль о могилѣ ее не страшила. Съ первой страницы Анджела была готова умереть; у нея было предчувствіе: ей не долго жить; тайный голосъ говорилъ, что ей не вкусить и тѣхъ немногихъ радостей, которыя достаются въ удѣлъ человѣчеству. Что нужды! Она принимала свою судьбу; она, какъ мученица, шла ей на встрѣчу, записывая всякій вечеръ въ эту тетрадь повѣсть своего дня... И настанетъ день (майское утро!),

настанетъ ея послѣдній часъ; она прикажетъ принести на свою смертную постель эту тетрадь, эту повѣренную своей недолгой жизни... и тогда... Анджела хорошенько не знала, что сдѣлаетъ *тогда*, но ужь, конечно, нѣчто такое, отъ чего всѣ присутствующіе зальются слезами. Принявъ твердое рѣшеніе и объяснивъ себѣ его основаніе, Анджела перевернула страницу и начала свой дневникъ.

1 апрѣля.

Джіованнина и Джельтруда держали пари, что я надѣну вязаное кружево, но я не надѣла; онѣ хотѣли заставить меня идти къ директриссѣ и въ пріемную, но я не пошла. День прошелъ; Джіованнина и Джельтруда проиграли пари.

Я обѣщала себѣ написать исторію моей жизни. Вотъ она.

Я родилась на островѣ Сардиніи, въ Сассари; мою мать звали Беббія, но я ея не знала; она умерла чрезъ нѣсколько дней послѣ моего рожденія. Всѣ говорили мнѣ, что она была очень хороша собою, что у нея были большіе черные глаза и маленькій ротикъ. У меня нѣтъ ея портрета, но, помню, мнѣ показывали картинку, похожую на мою мать; говорятъ также, будто я на нее похожа. Какъ это можетъ быть, если я не красавица?

Помню еще мою бабушку. И бабушка была хороша собою, но все тайкомъ плакала, и когда брала меня на руки, чтобъ поцѣловать, я всегда видѣла слезы на ея покраснѣвшихъ глазахъ. Она умерла. Я осталась одна въ мірѣ, одна съ дядей Сильвіо, братомъ моего отца.

Отецъ мой!... Гдѣ мой отецъ? Зачѣмъ никогда не пришелъ онъ обнять свою дочь, дать ей силу выносить эту жизнь? Страшная тайна окружаетъ существованіе виновника дней моихъ. Никто не говорилъ мнѣ о немъ, никто не говоритъ никогда. Только, бывало, бабушка всякій вечеръ передъ сномъ приказывала: «Молись за своего бѣднаго отца; онъ несчастенъ». Бабушка умерла и никто больше не приказываетъ мнѣ молиться за отца, но я сама его не забываю.

Господи Боже, Тебѣ поручаю моего отца! Его зовутъ Джіорджіо Бони; онъ скиталецъ и несчастенъ...

Сердце говоритъ мнѣ, что онъ еще не умеръ; еще мнѣ не сказали: «плачь, ты—сирота!» Но если онъ живъ, почему не является, почему не пишетъ? Я попробовала спросить дядю Сильвіо, но онъ не хотѣлъ отвѣчать; онъ, можетъ быть, думаетъ, что

я слишкомъ молода. Но я выскажу ему, что жестоко скрывать отъ дочери участь отца; я заставлю его сказать мнѣ...

Часы занятій кончены, сейчасъ идемъ ужинать и спать. До завтра.

2 апрѣля.

Въ теченіе дня не случилось ничего важнаго. Продолжаю исторію моей бѣдной жизни, простой жизни, въ которой таится мучительная скорбь.

Бабушка умерла; дядя Сильвіо повезъ меня въ Миланъ. У насъ тамъ были родные: бабка-графиня, сестра моей бабушки. Она не понравилась мнѣ. Странная женщина! Все спрашиваетъ такія вещи, на которыя не знаешь, что отвѣчать. Она очень богата; у нея великолѣпный домъ, къ ней ѣздятъ на вечера всѣ миланскія синьоры, пьютъ чай, играютъ на фортепіано, иногда танцуютъ. Но теперь уже давно не бываетъ никого; графиня больна и, говорятъ, собирается умереть. Дядя-графъ—сынъ графини Вероники; онъ рѣдко веселъ, но добрый и мнѣ нравится. Его жена—графиня Беатриче, тетя Беатриче, но она не хочетъ, чтобъ я ее звала ни графиней, ни теткой. Я зову ее—Биче. Она мой лучшій другъ. Она всегда смѣется, потому что счастлива, а я... мое сердце растерзано.

Кажется, Биче что-то знаетъ о моемъ отцѣ; можетъ быть, ей запретили говорить о немъ со мною.

Джельтруда и Джіованнина заплатили мнѣ пари. Джельтруда дала мнѣ хорошенькую картинку, а Джіованнина серебряное колечко. Это колечко—память одной ея подруги; я потому и не хотѣла его брать, но Джіованнина сказала, что эта подруга уѣхала и теперь она о ней больше не думаетъ. Кажется, и картинка Джельтруды тоже *сувениръ* подруги, которая... уѣхала!

3 апрѣля.

Сегодня мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ и семь мѣсяцевъ... Еще пять мѣсяцевъ и будетъ тринадцать—роковое число... У меня есть предчувствіе; я слышу голосъ, который твердитъ мнѣ, что въ тринадцать лѣтъ я должна умереть. Но почему я все думаю о смерти? Можетъ быть, потому, что очень больна старая графиня; ее сегодня причащали. Ко мнѣ приходилъ дядя Сильвіо и сказалъ, что нѣтъ надежды. Вечеромъ надо будетъ помолиться за душу графини.

4 апрѣля.

Бабушка-графиня скончалась. Я оставляю школу и ѣду въ Сардинію. Отецъ! мнѣ кажется, будто я иду тебѣ на встрѣчу! Никто не говорилъ мнѣ о тебѣ, но, я увѣрена, я тебя узнаю: сердце не обманывается и, къ тому же, у меня есть твой портретъ.

Я была еще крошкой, когда бабушка показала мнѣ портретъ отца; она берегла его въ книгѣ. Когда она умерла, я вынула портретъ и взяла. Съ тѣхъ поръ я не разстаюсь съ нимъ. Вотъ онъ и теперь передо мною; смотрю и спрашиваю: какая страшная тайна разлучаетъ его съ дочерью? Отецъ худъ; усы, борода, большіе глаза... Какъ онъ блѣденъ! Но, можетъ быть, выцвѣла фотографія?

7 апрѣля, въ открытомъ морѣ.

Между волнами и небомъ! Еще виднѣется вдали узкая черточка берега, но скоро и она исчезнетъ.

Поздно ночью.

Я забыла сказать, что съ нами ѣдетъ тѣло графини Вероники; она желала быть погребенной въ Сардиніи и мы веземъ ее хоронить. Показались дельфины; у нихъ черныя морды; они пускаютъ кверху воду фонтанами. Одинъ матросъ сказалъ мнѣ, что это добрыя твари, безвредныя. Солнце заходитъ. Какъ ѣсть хочется! Я спросила матроса, когда совсѣмъ не будетъ видно земли; онъ отвѣчалъ, что она все будетъ видна. Досадно. Мнѣ бы хотѣлось хоть часъ одинъ видѣть только небо и воду. Я сказала объ этомъ Беатриче; она засмѣялась и назвала меня причудницей. Биче не понимаетъ моихъ чувствъ; она не такая женщина. Но она такъ добра и такъ мило смѣется... Надо пожалѣть о ней.

8 апрѣля.

Мы въ Сассари. Многіе уже приходили къ намъ; но *онъ* не приходилъ. Однако, я чувствую, что онъ близко. Въ Порто-Торресъ какой-то человѣкъ въ капишонѣ заговорилъ со мною; я не понимала ни слова, потому что забрала себѣ въ голову, будто это мой отецъ. Потомъ я разглядѣла: это былъ нищій, весь въ лихорадкѣ и просилъ у меня милостыни. Я рѣшилась побѣдить свое волненіе и ждать, что̀ будетъ. Я покойнѣе: я смирилась. Моя Сардинія мнѣ нравится. И сардинцы мнѣ тоже нравятся; они не особенно любезны, скорѣе горды, называютъ меня *синьорикка* и въ глаза мнѣ говорятъ, что я красавица. Подъ этимъ они разумѣютъ, что я сильна и здорова... Никто не знаетъ, что̀ въ

моей душѣ; никто не знаетъ, какъ я страдаю, даже когда смѣюсь; никто не знаетъ, какая рана тамъ, въ глубинѣ...

9 апрѣля.

Сегодня дядя Сильвіо воротился сердитый изъ Муросъ. Что̀ онъ дѣлалъ въ Муросъ? Зачѣмъ ѣздилъ? Я спросила его объ этомъ, но онъ не отвѣчалъ. Я нечаянно взошла въ залу, гдѣ были онъ, графъ и Биче, и всѣ они вдругъ замолчали. Досадно мнѣ это секретничанье. Что̀ не идетъ отецъ?

Анджела продолжала день за днемъ записывать въ своей тетради все, что случалось; описывала бѣлый домикъ у Вѣтряной Мельницы, въ который они переѣхали изъ города; описывала прелестную Проклятую Долину, домъ во Флоринасъ, палаццо въ Плоаге; частыя отсутствія дяди Сильвіо, его дурное расположеніе духа; пріѣздъ Амброджіо, Пантамо и Джіованни. Она не скупилась на анализъ своихъ чувствованій, но, когда бывала принуждена признаться, что провела веселый день, что, вообще, ей жилось весело, что Сардинія—точно разнообразная книга, въ которой сто̀итъ только перевертывать страницы—и являются виды одинъ другаго прелестнѣе, сцены одна другой занимательнѣе,—когда она записывала это, то обыкновенно ставила строчку точекъ и затѣмъ вопросъ:

«Но счастлива ли я?»

Страшный вопросъ, на который, въ отвѣтъ, дѣвочка ставила еще строчку точекъ.

10 мая Анджела писала въ своемъ дневникѣ:

«Пришелъ какой-то человѣкъ, спросилъ дядю и исчезъ. Я стояла у окна, имѣя намѣреніе посмотрѣть на него, когда онъ выйдетъ изъ дома; но онъ не вышелъ. Дядя Козимо, возвращаясь въ залу, былъ смущенъ. Что̀ такое происходитъ? Что̀, если это *онъ?*

Позднѣе, вечеромъ.

«Этотъ человѣкъ все тутъ, въ домѣ; должно быть, заперся въ комнатѣ дяди Сильвіо, но у меня нѣтъ силъ убѣдиться...

Поздно ночью.

«Не *онъ!* Мученіе начинается снова! Боже мой, какъ я несчастна!...»

V.

Поѣздка въ Темпіо, назначенная еще за недѣлю, не возбу-
дила подозрѣній дѣвушки, тѣмъ болѣе, что собирались ѣхать
Беатриче, и графъ Козимо. Хотѣли осмотрѣть пастбище, которо
думали купить, и условиться о продажѣ шерсти съ одни
старикомъ — патріархомъ цѣлаго рода пастуховъ. Что намѣре-
вались дѣлать изъ козьей шерсти дядя профессоръ и дядя Ко-
зимо, Анджела не спрашивала. Они сказали, что именно тепер
самое время стрижки, стало быть, Биче и она ѣхали смотрѣть
какъ будутъ стричь овецъ и бить шерсть; что-жь оставатьс
дома однѣмъ?

Путешествіе до Темпіо не представило двумъ женщинам
ничего особенно занимательнаго.

Къ вечеру пріѣхали въ Темпіо. Суровый видъ гранитнаго се-
ленія, расположеннаго въ великолѣпныхъ горахъ Лимбары, про-
извелъ на Беатриче и Анджелу глубокое впечатлѣніе. Онѣ бы-
ли еще болѣе довольны, когда узнали, что пойдутъ не в
гостинницу, а въ приходскій домъ, и когда ихъ встрѣтилъ н
толстый, пузатый хозяинъ, а высокій, худощавый священникъ
настоящій горный проповѣдникъ, безъ вѣчнаго молитвенника в
рукахъ, смотрѣвшій людямъ прямо въ лицо живыми, ясными гла-
зами изъ-подъ густыхъ бровей.

Отецъ Эммануилъ сказалъ пріѣзжимъ, что его домъ—един-
ственный во всемъ Темпіо, гдѣ можетъ синьора провести ночь
что онъ предоставляетъ его весь къ услугамъ гостей и жалѣет
только, что не зналъ заранѣе, чтобъ немножко поубраться; впро-
чемъ, будетъ все необходимое.

Отецъ Эммануилъ былъ уроженецъ Галлуры, изъ рода чест-
ныхъ, гордыхъ и полныхъ воображенія лимбарскихъ пастуховъ
послѣ многихъ лѣтъ священства, ему, казалось, все еще был
трудно приспособиться къ своему положенію «пастыря душъ»
Его домъ былъ скорѣе домъ охотника, а не духовнаго лица. Во всѣх
углахъ—ружья, старинныя сардинскія, длинныя, кремневыя,
сардинскія новѣйшія съ короткими стволами; карабины-двустволки
пистолеты большіе и маленькіе; шпаги и сабли висѣли въ из-
головьяхъ постелей, рядомъ съ изображеніями Мадонны, убран-
ными вышиваньями монахинь.

Послѣ ужина отецъ Эммануилъ отворилъ комнаты, назначен-
ныя гостямъ. Изумленнымъ взорамъ Беатриче и Анджелы пред-

ставились постели, висящія между небомъ и землей и на которыя предстояло прыгать, сотворивъ молитву. Отецъ Эммануилъ былъ человѣкъ внимательный; онъ лишь слегка спросилъ за ужиномъ о привычкахъ пріѣзжихъ, но было ясно, что для него довольно и двухъ словъ.

Было уже поздно. Беатриче и Анджела ушли въ свою комнату. Видя, что нѣтъ никого, Сильвіо и Козимо переглянулись. Тогда отецъ Эммануилъ ударилъ себя по лбу, вспомнивъ, что утромъ приходилъ Чичито-Скано и просилъ предупредить «гостей», когда они пріѣдутъ, что завтра на зарѣ онъ непремѣнно придетъ проводить ихъ въ стаццо.

— Хотите посмотрѣть, что̀ такое стаццо?—спросилъ священникъ, и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ, что теперь тамъ особенно весело: начинаютъ стричь овецъ и бить шерсть, а при этомъ пастухи обыкновенно угощаются, пьютъ и поютъ.

Больше онъ ничего не сказалъ. Гости разошлись, много смѣялись, влѣзая на постели, и скоро заснули.

Пантамо бросился на полураскатанную цыновку, служившую и постелью, и изголовьемъ.

Отецъ Эммануилъ обошелъ домъ, заперъ всѣ двери и окна, удалился въ свою комнату и закурилъ длинную трубку отличнаго контрабанднаго табаку; затѣмъ онъ легъ и задулъ свѣчу.

На зарѣ всѣхъ разбудилъ стукъ въ ворота. Пришелъ Чичито-Скано.

Эта «жертва» Маріи-Антоніи еще носила правую руку на перевязкѣ; дикарка-дѣвушка, защищаясь слишкомъ усердно, рисковала на вѣкъ изуродовать своего поклонника; но Чичито-Скано не унывалъ и не особенно страдалъ отъ раны. Отецъ Эммануилъ, хмуря свои густыя брови, сказалъ шутливо-строго, что молодой человѣкъ носитъ перевязку затѣмъ, чтобы, вѣнчаясь, помнить грѣхъ свой, и даже не пойдетъ въ стаццо смотрѣть шерстобитье.

Между тѣмъ, Чичито и другіе домашніе прилаживали за сѣдлами двухъ черныхъ лошадокъ мѣшки съ сѣномъ для синьоръ.

Графъ Козимо никогда не ѣзжалъ верхомъ съ дамой на сѣдлѣ, а потому не отвѣчалъ за безопасность своей жены или Анджелы; слѣдовательно, было необходимо распорядиться иначе: Чичито-Скано взялся довезти дѣвочку, а Сильвіо—Беатриче; Козимо оставалось усадить амазонокъ и самому вспрыгнуть на сѣдло.

Отецъ Эммануилъ махнулъ имъ рукою, прощаясь, съ своего порога и три лошадки понеслись.

Долго ѣхали они среди прелестнѣйшей природы, переѣзжая в бродъ ручьи, образовавшіеся изъ снѣговъ, накопленныхъ на вы сотахъ Лимбары, которыя поднимались, сіяющія, въ розовом туманѣ зари.

Сильвіо побѣдилъ странное впечатлѣніе, которое испыталъ когда его обхватила рука подруги. Теперь онъ чувствовалъ эт невинныя объятія, но когда, во время спуска подъ гору, на не слегка наклонилась подруга, онъ ощутилъ не волненіе, а толь заботу, какую-то дружескую благодарность. Онъ сдѣлался ра говорчивъ; не оборачиваясь и крича на-вѣтеръ, онъ объяснял Беатриче свойства этой каменистой галлурской почвы, плодородно до того, что она производитъ и виноградъ, и дубъ, и черешни лучшіе во всей вселенной.

— Черешни!—смѣясь, дразнила Беатриче, и профессоръ отва живался до того, что оглядывался на свою даму и шутливо хло палъ по бѣлой ручкѣ, которая хваталась за его пальто.

Когда, услыша смѣхъ, подъѣзжалъ Козимо, Сильвіо хотѣлос бросить поводья, обнять друга и сказать... что природа хороша какъ невѣста, а майское утро пышно, какъ свадебный праздникъ

Часа черезъ два ѣзды, при въѣздѣ въ дубовый лѣсокъ, вс три всадника собрались и Чичито-Скано объяснилъ, что этот лѣсъ принадлежитъ округу Альцагена, въ которомъ много бол шихъ и маленькихъ стаццо, а между ними и стаццо Длинна Джіанандреа.

— Это кто же, Длинный Джіанандреа?

Чичито-Скано сказалъ, что Длинный Джіанандреа—родоначал никъ богатаго семейства пастуховъ; что они всѣ, мужчины женщины, живутъ въ большомъ домѣ—каменномъ, какихъ кру гомъ немного. Джіанандреа—отецъ Маріанджелы, Гаино, Маурицi Бастіаны и Николетты. Четверо старшихъ живутъ уже семьям и у нихъ есть дѣти. Только Николетта, Длинная Николетт меньшая дочь—вылитый портретъ отца! Она одна не замужем Но скоро и ей мужъ найдется. По секрету: Джіанъ-Мартино, с мый маленькій пастушонокъ въ округѣ, но смѣлый малый,—ч трудно достать, то ему и нужно,—Джіанъ-Мартино забралъ себ въ голову достать Николетту. Дѣвка смѣется, да не долго ей при дется смѣяться. Извѣстно, людей мѣряютъ не по росту.

Въѣхавъ въ лѣсъ, путники почти простились со свѣтом такъ была сплошна въ немъ листва и развѣсисты вѣтви. Лисиц и зайцы выскакивали изъ-подъ ногъ у лошадей. Чичито-Скан

очень бы охотно спустилъ зарядъ-другой, но первая ласка будущей невѣсты поставила его въ такое положеніе, что пришлось оставить оружіе дома и путешествовать... какъ семинаристъ!

Анджела была этимъ очень довольна и не скрывала своего удовольствія. Ей казалось, что если Чичито-Скано станетъ стрѣлять по зайцамъ и лисицамъ, ей будетъ трудно зажать себѣ уши, не свалившись съ лошади.

Воображеніе Сильвіо шалило дорогой. Но при мысли, что сейчасъ увидитъ брата, Сильвіо раскаялся въ своей разсѣянности. То же ожиданіе заставило забиться сердце Козимо и Беатриче. Одна Анджела, ничего не подозрѣвая, два раза переспросила, какія это растенія, всѣ въ бѣлыхъ цвѣточкахъ; ей никто не отвѣчалъ.

— Дядя Сильвіо, что это за цвѣты?—приставала дѣвочка, думая, что Чичито-Скано не знаетъ.

— Чечевица,—отвѣчалъ Чичито, будто съ просонокъ.

Сильвіо былъ совсѣмъ не въ состояніи отвѣчать; когда проѣзжали мимо живой изгороди, окружавшей овчарню, ему послышался стонъ...

VI.

Чрезъ минуту, издали, съ громкимъ лаемъ, мчалась стая собакъ. Анджела и Беатриче немножко испугались, чтобъ эти звѣри, скача кругомъ, не схватили ихъ за ноги, но собаки еще не добѣжали, когда ихъ остановили свистомъ. Лаять онѣ не унимались, пока изъ-за изгороди не выбѣжалъ мальчишка и не погнался за ними, бросая въ нихъ каменьями. Псы замолкли и, не дожидаясь новаго нападенія юнаго героя, бѣгомъ воротились въ стаццо; тамъ ихъ пинками обратили къ болѣе мирному настроенію и они, вмѣстѣ съ пастухами, приготовились къ пріему пріѣзжихъ.

Собралось человѣкъ двадцат домашнихъ Длиннаго Джіанандреа. У мужчинъ были ружья и они, казалось, хотѣли салютовать гостямъ выстрѣлами на воздухъ, но увидя, что Анджела заткнула уши пальцами, Джіанандреа приказалъ своимъ не поднимать шума и любезно подошелъ къ дамамъ, чтобы помочь имъ сойти съ лошадей.

— Добро пожаловать, дорогая гостья,—повторилъ онъ, подставляя руки Беатриче, которая безстрашно въ нихъ бросилась.

Старикъ улыбался ей ласково, отечески, и пошелъ также снимать Анджелу.

— Эту-то ужь я поцѣлую!—сказалъ онъ и точно поцѣловалъ ее въ головку.

Анджелѣ было весело; она граціозно покорилась и, къ тому же, какъ противиться? Можетъ быть, ея назначеніе въ Сардиніи давать себя всѣмъ цѣловать. Джіанандреа подалъ примѣръ; за нимъ подошли женщины; Анджела всѣхъ перецѣловала. Маріанджела была красавица, съ черными, какъ уголь, глазами; у Бастіаны былъ маленькій ротикъ, прелестные зубки и открытая привѣтливая улыбка; Николетта была высока и стройна, какъ елочка, губы ея были очень тонки, но она была такая нѣжно-блѣдная, а глаза ея имѣли такой ясной, глубокій, добрый взглядъ.

Въ кружкѣ дочерей Джіанандреа и другихъ женщинъ явилась вдругъ Марія-Антонія, гордая Марія-Антонія — римская статуя, изсѣченная изъ гранита Лимбары. Она наградила улыбкой своего возлюбленнаго, но взглядомъ повелѣла ему не подходить. Чичито-Скано понялъ и вмѣшался въ толпу.

Лошадей разсѣдлали; маленькій пастухъ отвелъ ихъ и привязалъ къ деревьямъ, на длинной веревкѣ, чтобы они могли позабавиться, пощипать травки, покуда дадутъ имъ овса. Сильвіо и Козимо тоже обнялись съ Джіанандреа и обошли весь кругъ, пожимая всѣмъ руки. Подавая правую, пастухи лѣвой рукой прикасались къ колпаку, повторяя: «добро пожаловать!» Потомъ Джіанандреа попросилъ дамъ войти въ стаццо и отдохнуть, покуда приготовятъ что-нибудь позавтракать.

— Домъ тѣсенъ, но сердце широко, — сказалъ онъ торжественно.

Сильвіо однимъ взглядомъ убѣдился, что брата тутъ не было. Онъ пропустилъ вслѣдъ за Джіанандреа своихъ спутниковъ и остался на площадкѣ предъ домомъ. Пастухи развели нѣсколько костровъ и жарили, повертывая на деревянныхъ шестахъ, кто поросенка, кто цѣлаго козленка.

Сильвіо спрашивалъ себя, не слишкомъ ли необдуманно они устроили эту поѣздку?

Въ самомъ дѣлѣ, съ того вечера, какъ лай собаки вызвалъ его изъ дома Козимо, Лиса не далъ о себѣ никакой вѣсти. Между тѣмъ, отецъ Эммануилъ былъ предупрежденъ о пріѣздѣ гостей и Чичито-Скано чѣмъ свѣтъ привелъ лошадей .. Напрасно Сильвіо не отвелъ въ сторону, не разспросилъ Чичито... Но о чемъ раз-

спрашивать? Если Чичито не подавалъ вида, что знаетъ что-нибудь, слѣдовательно, не считалъ этого нужнымъ. Но не было сомнѣнія, что Чичито повиновался приказаніямъ бандита.

— Вы—профессоръ?—спросила молодая женщина, загораживая ему дорогу у двери дома.—Я Марія-Антонія, — сказала она и понизила голосъ.—Братъ тутъ, не далеко, въ хижинѣ, и ждетъ васъ. Хотите идти къ нему?

— Пойдемте,—выговорилъ Сильвіо.

Они пошли. Чичито-Скано показался въ дверяхъ, но не посмѣлъ пойти за ними.

— Каковъ онъ?—спросилъ съ безпокойствомъ Сильвіо.

— Вчера ему было лучше, но ночью онъ не сомкнулъ глазъ и теперь ему хуже прежняго.

Марія-Антонія ничего больше не сказала и пошла быстрѣе, опередивъ своего спутника. Чрезъ нѣсколько минутъ она указала на группу молодыхъ дубовъ и спросила:

— Вы войдете... или мнѣ предупредить его?

Сильвіо почувствовалъ себя дурно, прислонился къ дереву и сдѣлалъ ей знакъ идти впередъ... Но чей-то голосъ, проникнувшій ему до сердца, произнесъ близко:

— Не робѣй!

— Братъ!—вскричалъ Сильвіо.

Марія-Антонія услышала этотъ крикъ, остановилась и смотрѣла, въ слезахъ... А вдали остановился и смотрѣлъ какой-то человѣкъ, верхомъ...

Дѣвушка обѣжала большой кругъ и понесла старому Лисѣ свои слезы.

Сильвіо рыдалъ на груди брата. Тотъ выждалъ нѣсколько минутъ и отклонилъ его.

— Смотри, что со мной сдѣлало горе,—сказалъ онъ.—Я ужь больше не плачу.

— Джіорджіо!—повторялъ Сильвіо, глядя въ это худое, измученное лицо.—Ты скажи, какъ твое здоровье?—спросилъ онъ, не зная, что сказать и боясь выказать всю свою жалость.

— Здоровье—ничего,—отвѣчалъ Джіорджіо,—но я старъ. Недавно мнѣ казалось, что я умру, и прощался съ жизнью... Я молилъ Бога лишь о томъ, чтобы онъ далъ мнѣ возможность увидѣть дочь, увидѣть брата, увидѣть землю, гдѣ я родился, и тогда пусть настаетъ мой послѣдній часъ!... Я засталъ васъ всѣхъ, я живъ... не смѣю жаловаться. Богъ милосердъ!

Сильвіо, между тѣмъ, старался узнать своего прежняго Джіорджіо въ этомъ пастухѣ, въ этомъ несчастномъ, въ этомъ бандитѣ.

Джіорджіо не было еще сорока лѣтъ, но его когда-то черная борода, закрывавшая половину лица, уже была не черная; сѣдые волосы кольцами подали на шею. На немъ былъ длинный колпакъ, холщевая рубашка съ толстыми серебряными филигранными пуговицами, зеленая бархатная потертая куртка, грубый кафтанъ, панталоны съ широкими складками, чулки, гетры и толстые башмаки съ острыми концами. Никто не узналъ бы въ немъ смѣлаго красавца, мужа Беббіи.

— Я вижу, ты удивляешься той перемѣнѣ, которая произошла во мнѣ,— сказалъ Джіорджіо. — Даже взглядъ мой перемѣнился. Да, столько страшныхъ дней видѣли мои глаза, столько ночей они не смыкались, что врядъ ли могутъ смотрѣть попрежнему! И ты перемѣнился,—прибавилъ онъ, вглядываясь въ брата,—и у тебя на лицѣ горе.

Марія-Антонія тѣмъ временемъ извѣстила Лису. Онъ подъѣхалъ и тихонько сошелъ съ лошади. Джіорджіо услышалъ.

— Здравствуй,—сказалъ онъ.

— Здравствуй, — отвѣчалъ бандитъ; затѣмъ онъ привязалъ лошадь и ласкалъ Бригадира.

— Братъ,—продолжалъ Джіорджіо,—вчера у меня страшно болѣло сердце; я боялся, что пролежу сегодня весь день, глядя на Лимбару и думая о своемъ несчастіи... Оно огромнѣе нашей гранитной горы. Но я приказалъ сердцу не болѣть хотя не надолго, и, видишь, сегодня здоровъ. Часа два назадъ, въ овчарнѣ...

— Этотъ стонъ...—выговорилъ Сильвіо.

— Я застоналъ. Не стало терпѣнія дожидаться, я хотѣлъ видѣть васъ, хоть спрятавшись. Ты не знаешь, что значитъ прожить тринадцать лѣтъ вдали отъ всего дорогаго, и прожить осужденному! Боишься, что хорошіе люди злы на тебя; боишься, что въ серцахъ братьевъ нѣтъ къ тебѣ больше святаго чувства... Я хотѣлъ видѣть тебя, видѣть дочь, прочесть у васъ въ глазахъ, что вы не отвергнете бандита...

— Ты ее видѣлъ? — прервалъ Сильвіо, не отвѣчая на это горькое сомнѣніе.

— Видѣлъ! Точно *она*, моя милая мертвая! Видѣлъ и сказалъ Богу: «Господи, какую прелесть создалъ ты для другихъ!»

Сильвіо показался упрекъ въ этомъ словѣ, но братъ продолжалъ кротко:

— Никто никогда не говорилъ ей объ отцѣ? Ты такъ написалъ мнѣ и я отвѣчалъ, что такъ и нужно. Но, видишь ли, мнѣ кажется, что сердце заболѣло у меня оттого, что... Имѣть дочь, обожать ее, какъ святыню, и знать, что она беззаботна, равнодушна ко мнѣ, какъ къ чужому, и еще упрашивать всѣхъ, чтобъ скрывали отъ нея существованіе ея отца... Видишь ли, эта мысль понемногу убивала меня. Я самъ писалъ тебѣ: «Сирота растетъ далеко отъ тѣни, которую бросаетъ несчастіе отца; не поминай о немъ»... Но когда въ послѣднемъ письмѣ ты сказалъ, что Анджела ничего не знаетъ, я понялъ, что сердце мнѣ не повиновалось, и я надѣялся, что мое дитя меня любитъ... А теперь...

— Теперь?—повторилъ Сильвіо.

— Увижу ее, посижу съ нею. Найдите мнѣ предлогъ ее поцѣловать... Найдете?.. Но пусть она ничего не знаетъ; такъ нужно.

Онъ опустилъ голову на грудь, но чрезъ минуту вдругъ оправился.

— Не знаю, можно ли мнѣ будетъ оставаться въ Сардиніи, или еще придется бѣжать. Здѣсь меня никто не знаетъ, но положеніе мое безвыходное. Остаться я могу только подъ условіемъ, чтобъ никто не зналъ моего имени. Я не могу довѣриться Анджелѣ, она—ребенокъ. Кто знаетъ? Еще, можетъ быть, полюбитъ меня, измѣнитъ себѣ какъ-нибудь. Лучше ужь пусть убиваетъ меня понемножку своимъ равнодушіемъ. А если придется бѣжать умирать въ Африку, зачѣмъ пробуждать въ дочери чувство, отъ котораго она будетъ навѣки несчастна?... Нѣтъ, нѣтъ! Я долго думалъ объ этомъ. Я ни о чемъ другомъ не думалъ въ эти послѣдніе, смертные дни. Я съумѣлъ скрыться, притвориться; никто меня не знаетъ здѣсь. Меня поняла одна Марія-Антонія и предъ нею я не могъ побѣдить себя; мнѣ было необходимо видѣть на чьемъ-нибудь лицѣ отблескъ моихъ надеждъ... Пастухи зовутъ меня Эфизіо Пачисъ. Это имя одного бѣдняка въ Англонѣ. Помнишь? Онъ пропалъ въ одну бурную ночь. Онъ былъ бѣденъ, но честенъ. Жена его, ты помнишь, цѣлые дни скиталась по берегу, все ждала, что море отдастъ ей трупъ ея мужа, и не вѣрила, когда злые люди увѣряли ее, будто мужъ не утонулъ, а бѣжалъ въ Африку. Я взялъ его имя: оно мнѣ не повредитъ.

— Ты ни на что не надѣешься?—спросилъ Сильвіо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джіорджіо, опуская голову.—Лиса многихъ спрашивалъ; въ мою пользу не находится ни одного свидѣтеля.

— Я найду!—вскричалъ Сильвіо.

— Братъ,—сказалъ отчаянно Джіорджіо,—адвокатъ говорилъ мнѣ, что для перемѣны перваго приговора я долженъ самъ отдаться въ руки правосудія. Какъ ты посовѣтуешь?

Сильвіо не отвѣчалъ. Въ эту минуту послышался странный рѣзкій звукъ.

— Зовутъ!—вскричалъ весело Джіорджіо.—Завтракъ готовъ! Идемъ на праздникъ!

Лиса и Марія-Антонія, видя, что разговоръ между братьями конченъ, подошли имъ на встрѣчу.

— Хорошо ли доѣхалъ, профессоръ?—спросилъ бандитъ, пожимая руку Сильвіо и не дожидаясь отвѣта. — Я радъ. Вотъ Марія-Антонія, о которой я говорилъ. Злая дѣвка! И слышать больше не хочетъ составить компанію старому Лисѣ; лучше, говоритъ, пойду за молодаго мужа да нарожу ребятъ...

Марія-Антонія ударила его кулакомъ и затѣмъ попросила прощенія. Лиса, въ угоду ей, сдѣлался серьезенъ и оглянулся.

— Гдѣ Бригадиръ? А, съ Мавромъ! Сюда, Бригадиръ! У Мавра травка на завтракъ подъ носомъ, а ты любишь козьи косточки.

Бригадиръ подбѣжалъ, махая хвостомъ.

— Чтò случилось въ тотъ вечеръ?—спросилъ Сильвіо.

— Да ничего. Два вора забрались въ оливникъ, а Бригадиръ прибѣжалъ мнѣ доложить, полагая доставить мнѣ этимъ удовольствіе. Нашелъ я пріятелей за работой: они ломали замокъ у сарайчика и хотѣли утащить немножко оливокъ, чтò было собрано за день, но лишь увидѣли меня, удрали съ пустыми руками.

Они уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стаццо. Молодой пастухъ продолжалъ трубить въ морскую трубу въ видѣ раковины, наполняя этимъ ревомъ окрестное пространство.

Джіорджіо остановился.

— Помни: меня зовутъ Эфизіо Пачисъ. Иди впередъ. Намъ лучше явиться порознь.

Сильвіо пошелъ впередъ, не возражая. Марія-Антонія, Лиса и мнимый Эфизіо слѣдовали за нимъ.

VII.

На дворѣ былъ приготовленъ длиннѣйшій столъ изъ досокъ, примощенныхъ на козлы, который былъ покрытъ скатертями. Вынесено было все, на чемъ только можно было сидѣть, а такъ какъ, все-таки, этого было мало, то нѣсколько пастуховъ катили къ столу крупные каменья.

Для пріѣзжихъ, для стариковъ и для женщинъ было достаточно тарелокъ и стакановъ; молодежь довольствовалась однимъ стаканомъ на двоихъ, а то обходилась и безъ стакановъ, лишь бы доставало верначчіа въ общей фляжкѣ. Изъ сосѣднихъ стаццо пришли пастухи и женщины, неся съ торжествомъ жареныхъ поросятъ и козлятъ, свѣжій сыръ, творогъ, всякое печенье и простоквашу. Съ своей стороны, Длинный Джіанандреа, чтобы съ честью принять гостей въ своемъ домѣ, не только закололъ теленка и съ утра наготовилъ цѣлый чанъ *мичіураты* *), но изъ холодныхъ потоковъ Лимбары досталъ форелей, а съ моря—дорадъ, трильи и свѣжаго тунца. Были зайцы съ своихъ полей, утки съ рѣки, куропатки изъ ближняго лѣса, гдѣ охотились, несмотря на запрещеніе; были вишни изъ дальнихъ садовъ и салатъ изъ темпійскихъ огородовъ. Были бутылки съ виномъ на столѣ, между обѣдающими, а на землѣ, въ ямкахъ, стояли еще бутылки, будто часовые, готовые сейчасъ прибыть на помощь; но главное *войско* было расположено предъ окномъ дома, на гранитной скамьѣ. Тамъ были вина изъ Сассари и Сорсо, крѣпкія изъ Темпіо, душистыя изъ Лакузеи. Но необходимо оговориться, что это была только выставка: сардинцы, вообще, очень трезвы, большіе охотники до горной ключевой воды и упиваются только мичіуратой, веселыми разговорами, пѣснями и стихами.

Когда всѣ усѣлись вокругъ стола, Джіанандреа привсталъ, приподнялъ колпакъ и пожелалъ всѣмъ хорошаго аппетита. Въ это время наблюдатель могъ бы замѣтить, что всѣ тѣ, кому было не все равно, гдѣ ни сѣсть, выбрали себѣ мѣста, которыхъ бы не промѣняли на другія. Напримѣръ, Читито-Скано очутился подлѣ Маріи-Антоніи, а маленькій, удалой Джіанъ-Мартино, прибѣжавшій, по милости своихъ коротенькихъ ножекъ, послѣд-

---

*) *Мичіуратой* называется въ Галлурѣ кисловатое питье изъ немного свернувшагося молока съ примѣсью дрожжей для броженія.

нимъ, посмѣивался надъ насмѣшками пріятелей и сѣлъ рядышкомъ съ Николеттой.

Между Анджелой и Сильвіо осталось мѣсто.

— Кто здѣсь сядетъ?—спросила дѣвочка.

— Я, если позволите,—отвѣчалъ дрогнувшій голосъ.

Анджела оглянулась и встрѣтила блестящіе глаза и блѣдное лицо въ черныхъ волосахъ.

Джіорджіо почувствовалъ, что его схватила рука брата, напоминая о мужествѣ. Мужество нашлось. Онъ наклонилъ голову, ожидая, когда уймется біеніе сердца; потомъ хотѣлъ незамѣтно взглянуть на дочь, но она въ это время сама смотрѣла на него. Онъ смутился.

— Вамъ дурно?—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, Анджела.

— Почему вы знаете мое имя?

— Оно у тебя на лицѣ написано,—отвѣчалъ несчастный.

Никто не удивился, что эта любезность завершилась поцѣлуемъ... За столомъ? Почему-жь нѣтъ? Анджела уже ничему не удивлялась, поблагодарила, стала ѣсть и смотрѣла на другихъ.

Тѣ немногіе, которые все знали, замирая слѣдили за этой маленькой сценой и вздохнули свободнѣе... Лиса до тѣхъ поръ держался въ сторонѣ; но тутъ подошелъ и онъ, сѣлъ подлѣ Маріи-Антоніи и началъ веселье куплетомъ.

Увидя его, никто изъ пирующихъ не удивился и не произнесъ его страшнаго имени. Въ отвѣтъ на его куплетецъ, одинъ изъ пастуховъ сейчасъ же переложилъ въ стихи пословицу, которая въ Галлурѣ и, кажется, вездѣ гласитъ одно: «голодное брюхо къ поэзіи глухо».

Завтракали весело. За дессертомъ, когда домашніе подали печенье и мичіурату, старикъ Джіанандреа также, наконецъ, хлѣбнулъ изъ собственной особенной фляжки и сказалъ привѣтствіе въ стихахъ Беатриче.

— Ну, пей и ты, и тоже скажи что-нибудь,—сказалъ онъ Лисѣ, передавая ему фляжку.

Бандитъ выпилъ и вызвалъ рукоплесканія блестящей импровизаціей на логударскомъ нарѣчіи.

Беатриче тоже выказывала восхищеніе, но и она, и Козимо, и Сильвіо прислушивались только къ тому, что Джіорджіо говорилъ съ дочерью. Дѣвочка съ любопытствомъ спрашивала его

и, въ свою очередь, живо отвѣчала на его вопросы; ея слова звучали музыкой для несчастнаго. Часто его рука неопредѣленно, несмѣло старалась коснуться ея руки, ея плеча. Не замѣчая, Анджела уклонялась отъ этой безмолвной ласки, веселилась и смѣялась шуткамъ пастуховъ, которые на концѣ стола пили *мичіурату* и плескали ею другъ въ друга.

Бѣдный отецъ старался чѣмъ-нибудь привлечь къ себѣ свое дитя. Но онъ не измѣнялъ себѣ. Угадывая безпокойство тѣхъ, кто его любилъ, и видя, какъ выступали слезы на глазахъ Беатриче, онъ поднималъ свою гордую голову и смотрѣлъ ясно.

Пированье, однако, было неожиданно прервано. Собаки уже нѣсколько времени мирно занимались глоданьемъ костей, какъ вдругъ разомъ все бросили, разомъ залаяли и помчались въ лѣсъ.

— Крупная дичь,—возвѣстилъ, не трогаясь съ мѣста, Лиса.—Олень или кабанъ.

Анджела, не теряя времени, заткнула уши и не слышала нѣжныхъ словъ, которыми успокоивалъ ее чернобородый человѣкъ.

— Бѣдняжечка моя,—говорилъ онъ, — боится выстрѣловъ! Твоя мама была красавица, какъ ты, но посмѣлѣе...

Молодые пастухи, желая отличиться, побѣжали за собаками.

Лиса качалъ головою.

— Вотъ всѣ они такіе, молодежь!—сказалъ онъ.—Но если звѣрь ушелъ, онъ замѣтитъ, что въ лѣсу ему оставаться нельзя, кинется вонъ, пробѣжитъ здѣсь и мы его убьемъ.

Анджела вынула было пальцы изъ ушей, но опять ихъ заткнула.

— Какой это звѣрь?—спросила Беатриче.

— Вотъ онъ! Олень! — отвѣчалъ Джіорджіо. — Ты сказалъ вѣрно: онъ бѣжитъ не къ лѣсу, а сюда...

Раздался выстрѣлъ и олень упалъ.

Чрезъ четверть часа молодежь воротилась въ торжествѣ, неся свой трофей за рога и за ноги. Собаки еще лаяли на бѣдную тварь, которая глядѣла на нихъ потухающими глазами.

— Кто убилъ?—спросилъ Джіанандреа.

— Джіанъ-Мартино!

Слѣдовательно, олень былъ приношеніемъ Николеттѣ и Джіанъ-Мартино сказалъ ей это (не на ушко, какъ было ему желательно), но громко, при всѣхъ. Она вся вспыхнула.

Въ этой счастливой охотѣ выказалось искусство одного

Джіана-Мартино; это подало мысль состязаться въ стрѣльбѣ. Желающихъ нашлось не мало. Цѣлью должна была служить веревка, протянутая отъ одного дерева къ дому. Кто только задѣнетъ веревку—имѣетъ право поцѣловать ту изъ женщинъ, какую выберетъ, а кто перерветъ веревку—можетъ цѣловать всѣхъ.

Что̀ могло быть ужаснѣе для Анджелы? Въ смятеніи, она подумала спастись бѣгствомъ, но человѣкъ съ черной бородой былъ тутъ, рядомъ, и сказалъ, что если она постарается превозмочь первое непріятное ощущеніе, то потомъ это ужь будетъ ничего.

Веревку натянули далеко, такъ, что ее едва было видно; пастухи собрались съ ружьями.

Выстрѣлы затрещали одинъ за другимъ. Анджела, повинуясь своему покровителю, была рада, что стала героиней, и бѣгала, повторяя всѣмъ, что это ей очень понравилось.

Молодые пастухи тратили выстрѣлы понапрасну: никому не удавалось попасть въ цѣль. Джіанъ-Мартино не былъ счастливѣе другихъ и отчаянно смотрѣлъ на Николетту. Чичито-Скано не могъ принять участія въ состязаніи; онъ только судилъ о неудачахъ и злилъ стрѣлковъ.

— Если бы немножечко пониже да поближе, ты бы сразу ее перехватилъ! — говорилъ онъ. — Что-жь дѣлать? Несчастье!

Пришла очередь старшихъ. Длинный Джіанандреа съ минуту цѣлился, выстрѣлилъ, и веревка дрогнула. Старикъ, какъ учтивый хозяинъ, среди общихъ рукоплесканій, подошелъ поцѣловать руку графини Беатриче.

Слѣдовали другіе неудачные выстрѣлы. Выступилъ Лиса, и веревка дрогнула. Снова послѣдовали рукоплесканія.

— Уступаю поцѣлуй тому, кто имѣетъ на него право,—сказалъ онъ.—Я уступаю его Чичито-Скано, который не можетъ держать ружья.

Чичито-Скано подбѣжалъ къ Маріи-Антоніи и безпрекословно получилъ расплату.

Кто-то крикнулъ:

— Твоя очередь, кумъ Эфизіо!

Джіорджіо поблѣднѣлъ; ему подали ружье. Онъ отговаривался, что болѣнъ, что дрожатъ руки, и долго цѣлился.

— Промахнулся! Ахъ, досада!—вскричала Анджела; ей хотѣлось, чтобы другъ побѣдилъ.

— А досадно!—сказалъ весело Джіорджіо. —Такъ сдѣлай, какъ будто я попалъ. Поцѣлуй меня!

Чего стоило Анджелѣ поцѣловать его еще разъ? Но злой духъ внушилъ ей капризъ.

— О, нѣтъ, синьоръ! Надо по уговору,—сказала она.

— Тебѣ, Сильвіо!

Профессоръ спустилъ курокъ, почти не прицѣливаясь, попалъ въ средину веревки и перервалъ ее сразу; одинъ конецъ, раскачиваясь, повисъ вдоль стѣны дома, а другой взвился и закрутился за дерево.

Торжество для Сильвіо было неожиданное.

— Случайность...—сказалъ онъ, конфузясь.

Вслѣдъ затѣмъ два *кума* повели его кругомъ—цѣловать сначала дѣвушекъ, потомъ замужнихъ.

Подойдя къ Беатриче, смущенный, онъ повторилъ, что не заслужилъ, что это только «случайность» и не требовалъ поцѣлуя, на который имѣлъ право.

Подошелъ Козимо.

— Ты долженъ поцѣловать мою жену,—сказалъ онъ, становясь рядомъ съ нею.

— Разумѣется!—сказала Беатриче, весело подставляя ему свое свѣжее личико.

Сильвіо, прикасаясь къ этой розовой, соблазнительной щечкѣ, вовсе не походилъ на побѣдителя.

— И покраснѣлъ!—замѣтила Беатриче.

Сильвіо не возразилъ, а еще больше вспыхнулъ.

На другомъ дворѣ стаццо была свалена шерсть послѣдней стрижки; женщины сбирались тамъ въ кружокъ и молодежь пошла за ними. Со всѣхъ сторонъ кричали, что начинается шерстобитье. Беатриче и Анжела подбѣжали смотрѣть на трудъ, который, вслѣдствіе обычая, превратился у пастуховъ въ аркадійскій праздникъ.

Во дворѣ оставались только домашніе, убиравшіе со столовъ, и Сильвіо. Онъ такъ и стоялъ, не сходя съ мѣста, тамъ, гдѣ внезапный румянецъ выдалъ его сердце.

«Что я сказалъ *ей*? Что я сказалъ Козимо? Неужели *это* правда?»—спрашивалъ онъ себя.

Благоразуміе, никогда ему не измѣнявшее, пробовало убѣждать, что «нѣтъ, не правда»... Но совѣсть, когда онъ спрашивалъ

ее безъ оговорокъ, сознавалась, что какой-то странный вихрь поднялся у него въ головѣ и въ сердцѣ.

Вѣрнѣе—въ головѣ. Это—временная галлюцинація, туманъ изъ такихъ, что поднимаются въ мозгу у людей, слишкомъ много работавшихъ головою. Можетъ быть, дѣйствіе возраста,—кризисъ, которымъ должна закончиться суровая юность и начаться зрѣлость, смирившая себя и твердая.

Онъ всѣми силами разума старался разобрать свое чувство, изучить свое волненіе, громко назвать его причину. Добросовѣстно исполнялъ онъ мучительную работу: выставлялъ на видъ собственную немощь, потому что хотѣлъ скорѣе выздоровѣть, потому что не могъ вынести мысли, что это преступное чувство займетъ въ его душѣ то мѣсто, гдѣ столько лѣтъ жили честность и дружба.

— Что вы тутъ дѣлаете, профессоръ?—спросилъ его кто-то.—Вѣдь, ужь началось шерстобитье.

— Вотъ, смотрю въ поле,—отвѣчалъ Сильвіо.

Онъ смотрѣлъ въ пространство, гдѣ почти не было деревьевъ; вдали темными пятнами двигались стада; каменистая почва сверкала на солнцѣ; слышались звонки и блеянье овецъ... Ни одинъ оттѣнокъ, ни одинъ звукъ не приносилъ отдыха взволнованному чувству.

— Слушайте!—раздалось на ближайшемъ дворѣ.

Чичито-Скано импровизировалъ:

Что за польза притворяться,
Отрекаться на словахъ?
Взоры—явная улика.
И въ любви обмана нѣтъ.
Отговариваться—глупо,
А скрываться и похуже!

Мечтанія Сильвіо были захвачены въ расплохъ. Онъ повторялъ про себя: «Отговариваться—глупо...»

Раздался женскій голосъ и протестовалъ:

Нѣтъ, не взоры,—есть другія
Доказательства любви...

Прекрасной школьной учительницѣ не удалось продолжать: Чичито-Скано, увѣренный теперь въ томъ, что его «дѣло выгорѣло», на самыхъ губахъ ея остановилъ возраженіе, которое

она начала было. Поднялся общій хохотъ, а затѣмъ всѣ вдругъ примолкли.

Сильвіо хотѣлъ удалиться, бѣжать; но, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ полю, онъ взглянулъ предъ собою и встрѣтилъ неподвижные, свѣтлые глаза телки, которая остановилась и осматривала его, какъ предметъ, особенно любопытный. Профессоръ медленно пошелъ назадъ, въ стацдо, и сталъ на крыльцѣ дома, откуда могъ видѣть всѣхъ собравшихся за работой.

Козимо и Беатриче увидали его и весело ему кивнули. Это обрадовало бѣднаго Сильвіо.

«Ты не виновно, мое несчастное сердце!—подумалъ онъ.— Люби! Я все открою Козимо, открою ей самой...»

Теперь онъ былъ въ состояніи смотрѣть на праздникъ.

Женщины и мужчины сидѣли всѣ кругомъ широкаго двора. Гору шерсти раздѣлили на маленькія кучки и разложили предъ работниками: они ловко расщипывали ее руками, безъ всякаго другаго орудія.

Анджела и Беатриче сидѣли тоже въ кругу и, хотя ихъ работа шла очень неуспѣшно, пастухи, однако, были отъ нея въ восторгѣ и говорили:

— Онѣ вовсе не гордыя!

Сильвіо захотѣлъ тоже работать, какъ ужь давно работалъ Козимо, какъ работалъ его братъ, сидя подлѣ Анджелы, и усѣлся въ кругъ, извиняясь, что не принялся за дѣло до сихъ поръ.

Ему сказали, что Чичито-Скано поднесъ цвѣтокъ Маріи-Антоніи.

— Есть тутъ еще одинъ человѣкъ, которому тоже хочется кому-то поднести цвѣточекъ!—объявилъ Лиса.

У Джіана-Мартино была въ рукахъ дикая горная роза. Сидя въ кругу, маленькій пастухъ кокетливо и граціозно обратился къ Николеттѣ и сказалъ:

Не прошу я тебя: не люби, не жалѣй!
Грудь твоя—бѣлый снѣгъ, сердца нѣтъ въ ней давно.
Дай замерзнуть на ней, глядя въ очи твои...

Дерзкій получилъ отвѣтъ, какого заслуживалъ. За Николетту вызвался отвѣчать самъ Длинный Джіанандреа.

— Дочь стихами не умѣетъ,—сказалъ онъ:

Сердца нѣтъ,—ты сказалъ; грудь, лицо—бѣлый снѣгъ;
Не растаять снѣгамъ, не узнать мнѣ любви.
Для чего-жь всякій часъ пристаешь ты ко мнѣ?...

Коротко и просто. Джіанъ-Мартино смутился.

Тогда вступился Эфизіо Пачисъ, то-есть Джіорджіо.

Онъ попросилъ общаго вниманія и прекратилъ споръ, внушительно обращаясь сначала къ жестокой пастушкѣ, потомъ къ смѣлому пастушку:

Для тебя, красотка Николетта,
Родился на свѣтъ Джіанъ-Мартино.
Поднимись повыше, бѣдный мальчикъ,
И цѣлуй ее покрѣпче въ губки.

Джіанъ-Мартино не заставилъ повторить и быстро вскочилъ на ноги. Проворно встала съ мѣста и Николетта.

Пастушонокъ не потерялся и, улыбаясь, смотрѣлъ на высокую дѣвушку; она также улыбалась, поддразнивая и искушая его. Онъ сказалъ, что скучно представлять изъ себя ту лисицу, что въ сказкѣ лѣзла за маслинами, но достать не могла... И вдругъ, пока всѣ совѣтовали Николеттѣ покориться, Джіанъ - Мартино подпрыгнулъ и на лету поцѣловалъ ее. Кто-то увѣрялъ, будто Николетта чуть-чуть наклонилась, а то бы гдѣ ему достать! Но Джіанъ-Мартино не обижался на это.

— Что-жь, если наклонилась? Тѣмъ лучше,—говорилъ онъ.

— Да, да! Наклонилась!

— Нѣтъ, нѣтъ, не наклонялась!

Николетта не говорила ни да, ни нѣтъ, а хохотала до упаду.

VIII.

Обороняться отъ *наступательнаго* гостепріимства Длиннаго Джіанандреа не было никакой возможности и надо было согласиться ночевать у пастуховъ, чтобъ не показать вида, будто можно сомнѣваться въ удобствахъ ночлега. Заставивъ Беатриче сказать, что она остается, Джіанандреа отворилъ огромный сосновый шкафъ и, съ помощью Николетты, у которой руки были длиной съ отцовскія, вынулъ тончайшія простыни, сберегаемыя для важныхъ случаевъ. Молодежь съ удовольствіемъ узнала, что ляжетъ спать на соломѣ въ прихожей, потому что лучшія постели приготовлены для пріѣзжихъ въ двухъ разныхъ комнатахъ,—одной для дамъ, другой для мужчинъ, какъ того требуютъ приличія. Напрасно Козимо и Сильвіо просили положить ихъ со всѣми на солому; пришлось уступить и согласиться взять постели.

Пока женщины приготовляли все въ домѣ, Джіанандреа предложилъ Беатриче прогуляться въ лѣсъ.

Былъ ужь часъ заката. Солнце еще весело свѣтило на пустыя поляны, но по волнистымъ склонамъ долинъ тянулись и все расширялись тѣни. Мелкія птички еще скакали по землѣ, подъ ногами неподвижныхъ телокъ, но уже со всѣхъ сторонъ слетались въ лѣсъ стаи скворцовъ и сороки парами. Пустынный видъ оживлялся иногда вдали фигуркой маленькаго пастуха, который бѣгалъ по полю, собирая овецъ. На поворотѣ дороги встрѣтилось стадо барановъ; однообразно звеня бубенчиками, оно пробѣжало въ загонъ; издали раздавалось мычанье коровъ. Смеркалось.

При шумѣ людскихъ шаговъ, казалось, всякій кустъ извѣщалъ своего сосѣда о приходѣ чужихъ. Зяблики и дрозды, потревоженные въ своемъ первомъ снѣ, перелетали съ мѣста на мѣсто. Дальше, въ темной глубинѣ чащи, казалось, ужь настала ночь. Соловей громко разсказывалъ свою повѣсть, а другія птицы слушали его. Люди притихли, но пѣвецъ слышалъ ихъ шаги, замолкъ и перенесъ свой печальный разсказъ еще дальше, въ темноту. Джіанандреа замѣтилъ, что лучше воротиться.

Гуляя, Сильвіо обыкновенно всегда шелъ рядомъ съ Беатриче; но на этотъ разъ онъ оставилъ ее впереди, подъ руку съ мужемъ, и шелъ въ кружкѣ остальной компаніи. Противъ обыкновенія, онъ былъ разговорчивъ, толковалъ недовѣрчивымъ пастухамъ, что слѣдуетъ обрабатывать поля, что это лучше, чѣмъ пускать по нимъ козъ. Онъ толковалъ о благоустройствѣ острова и общемъ благосостояніи; убѣжденіе внушало ему рѣчи, въ которыхъ выражались образы, мелькавшіе въ его воображеніи.

— Вы—послѣдніе званые на пиръ земледѣлія въ Сардиніи,— говорилъ онъ,—но и вы придете на этотъ пиръ. У васъ меньше земли, чѣмъ у другихъ; но ваши стада получатъ лучшій кормъ, не будутъ проводить ночей подъ открытымъ небомъ, дадутъ вамъ больше молока, мяса и шерсти; вы будете готовить сыръ лучшимъ способомъ... разбогатѣете и вы, и нашъ островъ...

Слушатели недовѣрчиво покачивали головою и, какъ могли, возражали, нерѣдко не зная даже, что отвѣчать.

— Вотъ, видите!—восклицалъ, ободряясь, противникъ,—видите, вы сами не знаете, что сказать! Значитъ, наша правда!

Но при этомъ Сильвіо хотѣлъ закричать на весь лѣсъ:

— Да, да, ваша правда!.. Я ее люблю, я всегда ее любилъ!...

Вотъ она идетъ впереди, подъ-руку съ мужемъ, смѣется, спокойна, увѣрена и не чувствуетъ взгляда, который, не отрываясь, ласкаетъ ея волосы, ея шею, цѣлуетъ ея щеки; когда она, шутя чему-нибудь, своимъ милымъ, *птичьимъ* движеніемъ повертывается то къ Джіанандреа, то къ Козимо... И ни разу не повернулась она къ Сильвіо!

Но тѣмъ лучше... Забытый, затерянный въ толпѣ пастуховъ, онъ чувствовалъ себя сильнѣе, могъ увѣреннѣе надѣяться, что не выдастъ себя. Въ любви, которая тайно родилась въ этомъ старомъ сердцѣ, была вся привлекательная глупость первой страсти. Сильвіо ужь не думалъ, — какъ померещилось ему въ первую минуту, — что разомъ рѣшится признаться во всемъ и тѣмъ вырветъ любовь изъ груди: нѣтъ, ему былъ слишкомъ дорогъ этотъ второй разцвѣтъ убѣгающей юности: его уже не тяготили его тридцать три года; онъ уже убѣждалъ себя, что любить никогда не поздно...

Лишь бы Беатриче и Козимо не догадались, лишь бы удалось все скрыть отъ глазъ дружбы. Что̀ за преступленіе, однако, любить женщину, которая этого сто̀итъ? Если въ такое долгое время знакомства Сильвіо не увлекся ни красотой ея, ни граціей, то теперь онъ преклоняется предъ ея добротой, ея мужествомъ, предъ совершенствами, которыя Беатриче выказала послѣ паденія древняго дома де-Нарди. Любовь облагорожена этой мыслью: она становится долгомъ: это—любовь здоровая и погубить не можетъ...

Такъ думалъ онъ и продолжалъ обнимать ее мысленно. Беатриче, все-таки, не оглядывалась.

Продолжая читать лекціи земледѣлія своей непокорной аудиторіи, профессоръ началъ раздумывать, что такое равнодушіе Беатриче неестественно, и приписывалъ ему значеніе, отъ котораго замирало его сердце.

«Догадалась! — думалъ онъ. — Я выдалъ себя, когда поцѣловалъ ее!».

Эта мысль бросала его изъ стороны въ сторону, какъ сказочный великанъ ребенка... И, странное дѣло! ему было невыразимо пріятно; его всего проникала нѣга,—нѣга людей слабыхъ и больныхъ... *Она* догадалась, *она* все знаетъ! Такъ что же? Когда женщина знаетъ, что любима, хотя бы и не любила сама, мученіе переносится легче... Сильвіо гдѣ-то вычиталъ это утѣшительное изреченіе.

Подходили къ стаццо. Анджела оставалась тамъ, слушая разсказы о бандитахъ. Она явилась при свѣтѣ вечерней зари, стоя на каменной стѣнкѣ ограды. Эфизіо Пачисъ не покидалъ ее и охранялъ, прислонясь къ этой стѣнкѣ, но дѣвочка, увѣренная, что не упадетъ, только слегка опиралась рукой на его голову. Въ тишинѣ раздался ея голосокъ:

— Биче!

Молодая женщина пріостановилась, увидѣла дѣвочку и махнула ей платкомъ, но Анджелѣ этого было мало.

— Биче!—закричала она громче и протяжнѣе.

— Ау!—отвѣчала Беатриче.

Ея крикъ раскатился въ полѣ и отозвался въ сердцѣ Сильвіо.

— Профессоръ разсѣянъ,—замѣтилъ кумъ Баинджіо.

Профессоръ былъ дѣйствительно насколько разсѣянъ, что не возразилъ на эти слова. Онъ догналъ Козимо и Беатриче, но, не довѣряя себѣ, рѣшился остановиться на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы дать себѣ время успокоиться. Къ тому же, ему казалось, будто и Козимо, и Беатриче о немъ забыли... Тѣмъ лучше. Но въ эту самую минуту Беатриче спросила мужа:

— Гдѣ же нашъ профессоръ?... А, вотъ вы, синьоръ медвѣдь!

Синьоръ медвѣдь подлетѣлъ, будто на крыльяхъ.

— Вамъ меня нужно?—спросилъ онъ довольно развязно.

Беатриче спокойно взяла его руку.

— Нужно было, чтобъ вы были съ нами, синьоръ медвѣдь.

При этомъ она улыбнулась и этой самой улыбкой, сама того не вѣдая, отворила для него золотыя двери любви.

«О, такъ лучше! — подумалъ Сильвіо. — Тайна — моя и изъ моего сердца не выйдетъ!»

Онъ былъ внѣ себя отъ блаженства.

Они подошли ближе; Анджела однимъ прыжкомъ соскочила со стѣнки и упала на руки отца; онъ пошатнулся и едва удержалъ ее. Дѣвочка пошатнулась тоже, но вмигъ оправилась и, какъ козленокъ, побѣжала на встрѣчу друзьямъ. Джіорджіо смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Бѣдный отецъ! Какъ ему тяжко!—выговорила Беатриче.

— Ахъ, да, бѣдный! — вздохнулъ Сильвіо, и самъ удивился: такъ фальшиво зазвучало сочувствіе на устахъ счастливаго влюбленнаго.

— Что хорошаго въ лѣсу?—спросила, еще на бѣгу, Анджела.

— Надо было самой идти и посмотрѣть, — отвѣчала Беатриче.—Вы зачѣмъ не изволили пойти, синьорина?

— Мнѣ разсказывали исторію о бандитѣ,—сказала дѣвочка, кивнувъ на отца,—объ одномъ добромъ бандитѣ... Онъ только зла и сдѣлалъ, что честь свою защитилъ... Однако, защищая свою честь, онъ убилъ человѣка. Власти его искали; онъ бѣжалъ... моремъ, вплавь, и скрылся въ далекой, въ далекой сторонѣ... Его, однако, не схватили и съ тѣхъ поръ онъ никому не сдѣлалъ зла. Вотъ и конецъ исторіи... Да! дядя Сильвіо, сколько же ихъ, этихъ Эфизіо Пачисъ?

— Какъ сколько?

— Да вотъ *этого* зовутъ Эфизіо Пачисъ и тотъ, что приходилъ къ намъ на прошлой недѣлѣ, тоже Эфизіо Пачисъ...

— Правда. Ихъ два,—отвѣчалъ, не смущаясь, Сильвіо.

— А *этотъ* зналъ мою маму, — заговорила тихо Анджела и замолчала. Джіорджіо подходилъ спокойно, будто посторонній.

— Послушайте, добрый человѣкъ, — обратилась къ нему Анджела,—какъ звали этого бандита?

— Ахъ, не называй его такъ!—прервала Беатриче.

— Такъ какъ же сказать?... Синьоръ Эфизіо, — повторила она,—какъ звали этого бандита?

Джіорджіо положилъ ей руку на плечо.

— Не называй меня *синьоромъ*. Я бѣднякъ.

— А какъ же называть?

— Дѣти зовутъ меня здѣсь *папа Эфизіо*.

Анджела сдѣлала гримаску, желая дать понять, что она не дитя, но покорилась и въ третій разъ спросила:

— Папа Эфизіо, какъ же звали этого бандита?

— Не знаю, — отвѣчалъ Джіорджіо и голосъ его дрогнулъ.

В. Крестовскій (псевдонимъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ночью вешней.

Мѣсяцъ мостъ золотой перекинулъ
Надъ спокойной равниною водъ
И по синему небу дозоромъ
Надъ деревнею сонной идетъ.
    Еле слышатся шепотъ цвѣтущихъ
    Первымъ цвѣтомъ нагорныхъ садовъ
    Да далекіе мѣрные всплески
    Волнъ по темной каймѣ береговъ.
И огней по деревнѣ убогой
Многозвѣздная нить порвалась,
И своимъ голубѣющимъ блескомъ
Ярче южная ночь разлилась.
    Сладко дышется въ ночь голубую
    Тѣмъ, кто можетъ свободно дышать,
    Тѣмъ, кто можетъ грядущаго утра
    Безъ тревоги мучительной ждать...

Мартовъ.

РИМЪ.

Неизданные очерки Адама Мицкевича *).

Адамъ Мицкевичъ всю жизнь былъ искреннимъ почитателемъ Рима и античнаго міра. Въ декабрѣ 1851 года вотъ что писалъ онъ дочери, бывшей въ то время въ вѣчномъ городѣ:

«Я очень доволенъ, что Римъ нѣсколько взволновалъ тебя. Душѣ необходимы волненія, и если ее не волнуетъ что-либо великое, она поддается впечатлѣніямъ низкимъ и недостойнымъ. Римъ остается до сихъ поръ великимъ, и нѣтъ на землѣ ничего, болѣе великаго. Очень немногимъ удается побывать въ Римѣ. Въ мое время добраться до него изъ Новогрудка (родина поэта) было такъ же трудно, какъ теперь попасть на луну. Ты представить себѣ не можешь, какъ мы стремились къ нему душею, читая Тита Ливія, Светонія и Тацита! Въ то время обученіе наше велось еще по правиламъ старинной Польской Республики; умомъ мы переносились въ нее и въ Римъ. Ты явилась на свѣтъ въ иное время. Но Римъ остался, чѣмъ былъ, и до сихъ поръ ничто его не замѣнило на землѣ. Вспомни, что этотъ маленькій городокъ, бывшій во времена царей меньше Позена (Новогрудка ты, вѣдь, не знаешь), покорилъ весь міръ,—покорилъ городокъ, а не нація, такъ какъ римской націи, въ теперешнемъ значеніи этого слова, никогда не было. Какихъ усилій, какой массы крови и труда стоилъ каждый камень этого города! И его законы,

*) Владиславъ Мицкевичъ, сынъ знаменитаго поэта и ученаго, передалъ редакціи Revue internationale отрывки изъ писемъ своего отца и два неизданныхъ очерка съ своими короткими замѣтками. Считая эти замѣтки заслуживающими вниманія, мы воспроизводимъ всю статью въ томъ видѣ, въ какомъ она помѣщена во флорентинскомъ Revue, издающемся подъ редакціей г. Анжело де-Губернатисъ. *Ред.*

его идеи до сихъ поръ еще господствуютъ надъ міромъ. Я прошу тебя прочесть Тита Ливія и обдумать прочитанное на мѣстѣ... Впослѣдствіи я буду писать тебѣ о христіанскомъ Римѣ. Теперь же поразмысли надъ тѣмъ, что такое были Петръ и Павелъ, эти выходцы изъ маленькаго жидовскаго городишка, низвергнувшіе величайшую имперію въ мірѣ и водрузившіе крестъ на ея обломкахъ. Франція подражаетъ языческому Риму, но не въ состояніи уподобиться ему. Ты знаешь Парижъ и видишь, какъ ничтоженъ онъ въ сравненіи съ Римомъ».

Въ лекціяхъ, читанныхъ въ Collège de France, Адамъ Мицкевичъ превосходно разъяснилъ значеніе собственности у римлянъ. Мимоходомъ ему не разъ приходилось касаться хорошо знакомой ему античной жизни. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ онъ выясняетъ превосходство Рима надъ Греціей:

«Миѳологическіе герои и полубоги—Геркулесъ, Персей, Язонъ не принадлежатъ никакой національности; они—не іонійцы, не дорійцы. Происхожденіе ихъ никогда не было извѣстно съ полною достовѣрностью. За эпохою полубоговъ наступило время національныхъ героевъ язычества. Тутъ Римъ является властвующимъ надъ міромъ.

«Въ то время, какъ Греція, разбившаяся на безчисленное множество школъ, проводила время въ измышленіяхъ различныхъ формъ правительства и въ спорахъ о превосходствѣ того или иного измышленія, не дѣлая даже попытки къ ихъ практическому примѣненію,—въ это время явились римскій преторъ и римскій консулъ для поддержанія порядка въ болтливыхъ городахъ.

«Всѣ матеріальныя силы индустріи всегда повиновались тому, кто разрѣшитъ основную задачу человѣчества. И римскій поэтъ говоритъ своимъ соотечественникамъ, что они должны предоставить грекамъ искусства и ремесла, такъ какъ ихъ собственное ремесло — господствовать: *Jmperio regere, Romane, memento*.

«Римскій центуріонъ,—невѣжественный и грубый, но гордый сознаніемъ, что является представителемъ рѣшенія величайшаго политическаго вопроса античнаго міра,—требовалъ къ себѣ учениковъ величайшихъ геометровъ, Архимеда и Эвклида, и палочными ударами заставлялъ ихъ проводить для себя военныя дороги, строить машины. Изъ чудныхъ городовъ, поражающихъ насъ своими развалинами, онъ забиралъ этрусскихъ архитекто-

ровъ и палками заставлялъ ихъ строить храмы и тріумфальныя арки въ Римѣ. И это потому, что онъ пріобрѣлъ право повелѣвать и господствовать, величайшее право, выпадающее, какъ награда, на долю того, кто всѣмъ пожертвовалъ за то, чтобы подняться на такую высоту, съ которой возможно рѣшеніе задачи времени.

«Въ древности Греція создала и формулировала доктрины. Римъ заимствовалъ нѣкоторыя изъ нихъ и положилъ въ основу настоящихъ практическихъ школъ. Стоицизмъ римлянъ болѣе искрененъ и гордъ, чѣмъ стоицизмъ самого закона; между римскими проконсулами и поэтами были эпикурейцы, превосходившіе Эпикура.

«Греки очень скоро поддались растлѣвающему дѣйствію своей матеріалистической и чисто внѣшней цивилизаціи и, въ свою очередь, быстро развратили римлянъ. Настало время, когда большіе города Греціи и Италіи превратились въ арены состязаній софистовъ и гаеровъ. Все населеніе сбѣгалось слушать препирательства эпикурейцевъ и циниковъ, академическія рѣчи ученыхъ о красотѣ Елены или краснорѣчивыя диссертаціи въ похвалу... мухѣ.

«Еще во время римской республики греки, послѣ долгихъ неурядицъ, уничтожили свой древній государственный строй и сгладили путь деспотизму. Утративши вѣру въ самихъ себя, они стали самыми покорными рабами Римской имперіи, резонерствовали о разумности этой имперіи, старались подыскать для нея логическія основанія и подкрѣпить ее своими теоріями. Полибій, современникъ Сципіона, первый изъ грековъ провидѣлъ уже будущее единство римлянъ. Позднѣе греческіе легисты съумѣли найти оправданія всѣмъ дѣяніямъ императоровъ».

Я счелъ полезнымъ сдѣлать эти цитаты для выясненія высокой компетентности автора, самыя смѣлыя гипотезы котораго всегда опирались на исторію Съ исторіей въ рукахъ онъ стремился доказать, что человѣчество прогрессируетъ лишь толчками, сообщаемыми ему великими людьми, и что всякій періодъ резюмируется въ какой-либо необыкновенной личности. Въ Collège de-France онъ читалъ:

«Богъ, черезъ посредство святыхъ и мудрыхъ мужей, сообщаетъ человѣчеству чувство истины и посылаетъ мужей сильныхъ для ея осуществленія. Послѣ мудрецовъ и провидцевъ античной Греціи явился Александръ Великій,—человѣкъ, представляющій

собою наиболѣе полное выраженіе Греціи. Безъ Александра Великаго миѳологія была бы сказкою; онъ придалъ ей реальность, — онъ былъ хорошъ, какъ Апполонъ, бродячъ, какъ Вакхъ, силенъ, какъ Геркулесъ, и побѣдоносенъ, какъ Марсъ. Въ немъ соединились всѣ качества языческихъ боговъ. Онъ пошелъ далѣе античной Греціи и считалъ себя въ дѣйствительности чѣмъ-то высшимъ простаго смертнаго, вѣрилъ въ свое божество. Не изъ политическихъ видовъ именовалъ онъ себя сыномъ Юпитера; онъ самъ удивлялся, видя, какъ течетъ кровь изъ его ранъ. Юлій Цезарь олицетворилъ собою римскій паганизмъ, болѣе возвышенный и облагороженный, чѣмъ паганизмъ грековъ. Аристократическій Олимпъ римлянъ состоялъ изъ боговъ-сенаторовъ и боговъ-плебеевъ: *Dii consentes et Dii minores*, боговъ сильныхъ, мудрыхъ, могущественныхъ, побѣдителей, законодателей. Юлій Цезарь обладалъ всѣми этими качествами. Онъ тоже перешелъ границу язычества; въ немъ тоже было нѣчто, чего онъ самъ не могъ опредѣлить. «Развѣ римляне считаютъ меня въ самомъ дѣлѣ такимъ же человѣкомъ, какъ они?» говорилъ онъ. Цезарь оплакивалъ своего умершаго врага, чего не дѣлали римскіе боги; Цезарь плакалъ, узнавши о смерти Помпея» *).

Приводимые ниже отрывки продиктованы авторомъ двумъ его друзьямъ. Писаніе утомляло моего отца, особливо въ послѣднія годы его жизни, и онъ очень любилъ диктовать. Узнавши случайно, что одинъ изъ его друзей можетъ стенографировать, онъ воскликнулъ: «Какъ жаль, что я не зналъ это раньше!» Онъ былъ въ восторгѣ отъ мысли имѣть секретаря, способнаго успѣвать записывать его рѣчь.

Избраніе Нервы продиктовано имъ по-польски г. Александру Ходьзко 2 іюня 1853 года и около того же времени г. Арману Леви по-французски: *Народы Италіи до основанія Рима*. Это послѣднее произведеніе никогда издано не было. Между обоими очерками нѣтъ ничего общаго, кромѣ ихъ отношенія къ исторіи Рима. Иногда среди бесѣды, въ которой Адамъ Мицкевичъ развивалъ взгляды, поражавшіе своею оригинальностью, на просьбу разъяснить какое-либо обстоятельство, онъ предлагалъ кому-ни-

*) Съ нѣкоторыми философскими взглядами великаго поэта, въ томъ видѣ, какъ они переданы здѣсь его сыномъ, мы согласиться не можемъ, въ особенности же съ взглядомъ на значеніе и роль великихъ людей въ прогрессѣ человѣчества и въ частности съ взглядомъ на Александра Македонскаго и на Юлія Цезаря, о чемъ и считаемъ нужнымъ оговориться. Въ этомъ отношеніи намъ кажется, что въ Адамѣ Мицкевичѣ поэтъ пересилилъ мыслителя. *Ред.*

будь изъ друзей взяться за перо и, ходя по комнатѣ, диктовалъ требуемыя объясненія, потомъ перечитывалъ и исправлялъ написанное.

Если бы онъ располагалъ достаточнымъ свободнымъ временемъ, то, несомнѣнно, изложилъ-бы въ цѣльномъ и методическомъ произведеніи результаты долгаго изученія античнаго міра. Къ сожалѣнію, обстоятельства сложились такъ, что досуга у него не было, а надежда принести пользу своей родинѣ вынудила его поѣздку въ Константинополь, гдѣ онъ и скончался отъ холеры.

Предлагаемыя нами здѣсь страницы свидѣтельствуютъ о томъ, какъ любилъ Адамъ Мицкевичъ бесѣдовать объ античной жизни, составлявшей предметъ его блестящихъ курсовъ. Отъ его чтенія латинской литературы въ Лозаннѣ уцѣлѣло лишь нѣсколько лекцій, дѣлающихъ еще болѣе прискорбною потерю остальныхъ. Не суждено было исполниться его желанію представить въ новомъ освѣщеніи великія событія римской исторіи, о которыхъ до сего времени не сказано еще послѣдняго слова, несмотря на вѣковыя работы самыхъ выдающихся умовъ. По этой части онъ оставилъ намъ лишь немногіе очерки, все-таки, представляющіе, на нашъ взглядъ, большой интересъ. Къ опубликованію ихъ насъ побуждаетъ чувство, тождественное съ тѣмъ, повинуясь которому археологъ тщательно хранитъ кусокъ разбитой или неконченной древней мозаики.

Владиславъ Мицкевичъ.

I.

Народы Италіи до основанія Рима.

Если при опредѣленіи времени существованія какого - либо народа принимать въ соображеніе время, прожитое всѣмъ человѣчествомъ, коего каждый народъ въ отдѣльности есть лишь не болѣе, какъ вѣтвь, то исторія народа римскаго представится намъ новою исторіей. Можно даже сказать, что ею начинается эпоха, именуемая нами новою. При чтеніи римской исторіи, яснымъ становится, что уже имѣешь дѣло съ европейцами, понимающими смыслъ проходящихъ передъ ними событій, способными уразумѣть ихъ причины и разсчитать послѣдствія. Всѣ европейцы въ большей или меньшей степени римляне. А потому на исторію

римскаго народа можно смотрѣть, какъ на первую главу исторіи Европы. Мы говоримъ исключительно о Европѣ, такъ какъ вліяніе римскаго народа въ дѣйствительности отразилось лишь на племенахъ, до настоящаго времени населяющихъ Европу.

До начала Рима въ Азіи и въ Африкѣ уже сложились человѣческія общества, въ теченіе вѣковъ жившія религіозною и политическою жизнью. Тамъ уже существовали государства. Лица, ихъ создавшія, такъ или иначе разрѣшили вопросъ объ отношеніяхъ человѣческой личности къ міровому существованію; они нашли тотъ связующій пунктъ, посредствомъ котораго душа человѣка входитъ въ общеніе со всѣмъ его прошедшимъ и съ его будущимъ; давши своимъ товарищамъ новыя рѣшенія относительно цѣли ихъ дѣятельности, они смогли создать новыя общества. Такимъ образомъ, въ Индіи и въ Египтѣ возникли обособленныя религіозныя и политическія индивидуальности. Въ это время Европа представляла лишь хаосъ странъ, по которымъ двигались племена, вышедшія изъ глубины Азіи и съ береговъ Африки; собственно говоря, она была еще необитаема. Становища, которыхъ нельзя назвать селеніями и еще менѣе городами, переносились съ мѣста на мѣсто; существованіе ихъ въ нравственномъ отношеніи зависѣло отъ страстей выстроившаго ихъ народа и покидавшаго свои жилища по минутному вдохновенію, или же подъ вліяніемъ физическихъ условій, необходимыхъ для существованія этихъ по бо̀льшей части кочевыхъ племенъ. Около того времени, къ которому исторія относитъ основаніе Рима, центральная и южная Европа были заняты тремя большими племенами, если не считать ихъ подраздѣленій. Только эти части Европы начинали выдѣляться изъ хаоса первыхъ переселеній народовъ. Эти три племени встрѣтились на полуостровѣ, названномъ впослѣдствіи Италіей. На осѣвшіе въ ней прочно народы можно смотрѣть, какъ на колоніи большихъ племенъ, центры которыхъ существовали въ иныхъ странахъ. Въ эту эпоху Италія соединяла въ себѣ почти всѣ національные элементы европейскихъ народовъ. Аборигены были, по всей вѣроятности, родичами сикуловъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, африканскихъ племенъ, и являлись представителями доисторическаго прошлаго, исчезающей расы. Южные берега и часть побережья, обращеннаго къ Эгейскому морю, были издавна заняты греками эолійскаго и дорійскаго происхожденія. Верхняя часть полуострова принадлежала народу, хотя и почитавшемуся древнимъ, но, очевидно, пришлому, спустившемуся съ Альпійскихъ

горъ, какъ гласило преданіе. Народъ этотъ, называвшій себя разена и получившій отъ римлянъ названіе этрусковъ, оставилъ мало письменныхъ памятниковъ. Трудно опредѣлить точно, къ какой онъ принадлежалъ расѣ. Нѣкоторые ученые считали его происходящимъ изъ Африки; другіе приписываютъ ему индогерманское происхожденіе и даже болѣе близкое—отъ племенъ готскихъ. Нѣкоторыя изслѣдованія, предпринятыя славянскими учеными, стремятся доказать, что народъ этотъ славянскаго корня. Историческая наука до сихъ поръ не имѣетъ достаточныхъ документальныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Разены составляли обширную политическую конфедерацію родовъ, управляемыхъ каждый своимъ начальникомъ или царемъ. О ихъ соціальномъ положеніи, военной силѣ и художественномъ развитіи мы скажемъ впослѣдствіи. Гальское племя, основавшееся въ Италіи, по всей вѣроятности, ранѣе прихода этрусковъ и изгнанное изъ страны, лежащей между рѣками Тибромъ и По, удерживало еще за собою нѣкоторыя части Умбріи и Пиценумъ, сосѣднія съ территоріей, получившей позднѣе названіе Лаціума. Съ другой стороны, то же племя вслѣдъ за этрусками перешло Альпы и основалось въ верхней Италіи, охвативши, такимъ образомъ, владѣнія разеновъ съ юга и съ сѣвера. Въ сторонѣ Адріатики существовало еще иное племя—мидійцевъ или вендовъ. Старыя преданія, записанныя Плиніемъ и Страбономъ, указываютъ на Малую Азію, какъ на отечество этого народа. Полибій категорически называетъ его древнѣйшимъ изъ населявшихъ Италію; во всякомъ случаѣ это указываетъ на большую древность его прихода въ Италію. Названія мѣстностей, рѣкъ и горъ, сохранившіяся у старыхъ греческихъ и римскихъ писателей, кажутся намъ славянскими. Изслѣдованія Чатаржича, Коллара и другихъ славянъ несомнѣнно доказываютъ славянское происхожденіе всѣхъ народовъ, извѣстныхъ въ Италіи подъ именемъ генетовъ или венетовъ. Нельзя сказать того же относительно лидійцевъ. Ихъ существованіе въ Италіи вполнѣ доказано; но исторія ихъ до сихъ поръ недостаточно разработана, не имѣется даже никакихъ указаній на причины ихъ исчезновенія. Есть весьма вѣскія основанія предполагать, что лидійцы были лишь частью племени венетовъ, или даже вѣрнѣе, что *лидъ* было однимъ изъ названій венетовъ. Еще менѣе извѣстенъ народъ, занимавшій горы Лигуріи, и хотя имя Литгуръ нерѣдко встрѣчается у славянъ, никакихъ иныхъ слѣдовъ его родства съ славянами не найдено:

болѣе правдоподобнымъ кажется племенное родство лигурійцевъ съ галлами. И такъ, мы видимъ въ Италіи элементы расъ гальской и славянской, племени лидійцевъ или вендовъ, и греческія колоніи. Среди этихъ трехъ различныхъ народовъ и въ мѣстности, составлявшей, такъ сказать, точку пересѣченія ихъ вліяній, мы увидимъ возникновеніе римской ассоціаціи, города Рима. Одинъ историкъ указалъ на замѣчательный синхронизмъ, на совпаденіе времени основанія Рима съ годомъ разрушенія Іерусалимскаго храма.

II.

Избраніе Нервы.

Смертью Домиціана закончилось царствованіе первыхъ Цезарей, обязанныхъ, каждый въ свою очередь, достиженіемъ власти войскамъ; первый Цезарь—войскамъ всей республики, его преемники, со времени паденія Нерона, — гарнизонамъ различныхъ провинцій. Такія вмѣшательства арміи въ дѣла имперіи на время прекратились при гибели послѣдняго изъ Флавіевъ, нежданно павшаго подъ ударами дворцовыхъ убійцъ. Легіоны оставались вездѣ спокойны, ни одинъ изъ полководцевъ не заявлялъ претензіи на верховную власть. Всѣ были озадачены смертью грознаго императора, всѣ выжидали. Преторіанцы, ближайшая къ Риму вооруженная сила, къ содѣйвтвію которыхъ не обращалась пока никакая партія, удерживаемые въ пассивномъ повиновеніи, не питавшіе никакой симпатіи къ умершему императору, не любившему войны, затворились въ своемъ лагерѣ и тоже выжидали событій. Другія, болѣе удаленныя арміи и ихъ начальники были готовы слѣдовать примѣру столицы, очутившейся, вслѣдствіе необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, рѣшительницею судебъ имперіи въ первый разъ со смерти Юлія Цезаря. Въ средѣ высшихъ классовъ столицы были еще живы историческія воспоминанія Рима и бродили какія-то смутныя стремленія воскресить эти воспоминанія, вызвать ихъ вновь къ бытію. Никогда еще римское высшее общество не имѣло такого яснаго представленія о законахъ, правахъ и стремленіяхъ древняго Рима, какъ именно въ то время, когда все это подверглось столь глубокимъ потрясеніямъ. Старые римляне, поглощенные до возвышенія перваго изъ Цезарей активною дѣятельностью, предались впослѣдствіи размышленіямъ, воспоминаніямъ о прошломъ

и идеальному воспроизведенію былаго. Въ рѣшительную минуту наступившаго теперь междуцарствія оказалось очень внушительное число приверженцевъ идеальнаго прошедшаго. Всѣмъ казалось, что сенатъ и народъ римскій (Senatus Populusque Romanus) опять вступятъ во всѣ свои права и скрѣпятъ цѣпь исторической жизни, разорванную эфемерными узурпаціями имперіи и принципата (до временъ историка Тацита власть императоровъ не называлась ни тираніей, ни царскою властью, а именовалась *Principatum*). Итакъ, сенатъ и народъ собирались на площадяхъ. Сенатъ состоялъ, правда, уже не изъ старыхъ, родовитыхъ патриціевъ, а изъ людей, выдающихся служебнымъ положеніемъ, богатствомъ и вліяніемъ; но въ немъ еще крѣпки были традиціи древняго сената. Только народа не было. Однѣ изъ старыхъ курій исчезли безслѣдно, воспоминаніе о другихъ еще держалось кое-какъ при помощи пустыхъ формальностей, посредствомъ созыва отъ времени до времени мнимыхъ оффиціальныхъ представителей курій, трибовъ и центурій (*tribus et centurii*). Наконецъ, классъ всадниковъ состоялъ изъ людей, имѣвшихъ нѣчто общее съ старинными всадниками; при значительныхъ достаткахъ, его представители соединяли образованность съ опытностью въ общественныхъ дѣлахъ, пріобрѣтенную благодаря служебнымъ занятіямъ по финансовой и административной части. Собраніе сенаторовъ, облеченныхъ оффиціально признаваемымъ за ними значеніемъ, и членовъ сословія всадниковъ составляло въ то время самый вліятельный классъ въ Римѣ. Вокругъ него группировались кое-какія толпы черни, которую сенаторы и всадники очень охотно величали народомъ римскимъ.

Однако же, несмотря на все желаніе воскресить прежній порядокъ вещей, пришлось очень скоро,—въ первыя же сутки,—убѣдиться въ невозможности вновь вызвать къ бытію авторитетъ консуловъ. Теперь повторилось то же, что уже разъ произошло послѣ смерти Калигулы: сами консулы первые всѣми мѣрами отдѣлывались отъ консульства. Еще ранѣе, когда народное возстаніе грозило Вителлію и когда этотъ императоръ, желая сложить власть, отдалъ свой императорскій мечъ консулу, консулъ пришелъ въ неописанный страхъ отъ такой чести.

Послѣ смерти Домиціана произошло какъ разъ то же самое. Минутный возвратъ свободы далъ столицѣ лишь право впервые избрать себѣ императора. Она воспользовалась имъ вполнѣ добросовѣстно и при самой торжественной обстановкѣ. Выборъ палъ

на Нерву, достойнаго, всѣми уважаемаго старика. Радость была всеобщею; со всѣхъ сторонъ толпились люди съ предложеніями услугъ; всѣ ожидали чего-то особеннаго. Никто не предвидѣлъ имѣющихъ скоро возникнуть затрудненій, и самъ Нерва менѣе, чѣмъ кто-нибудь. Вслѣдъ за избраніемъ онъ хотѣлъ начать съ ограниченія своей власти исключительно принципатомъ, т.-е. первенствующимъ положеніемъ въ сенатѣ; неограниченную власть, доставшуюся ему въ наслѣдіе отъ Цезарей, онъ хотѣлъ раздѣлить съ старинными легальными властями, каковыми были консулы, преторы и даже трибуны. Но еще Клавдій былъ скоро доведенъ до отчаянія нахальствомъ людей, привыкшихъ къ рабству и вдругъ возвышенныхъ имъ до степени равныхъ себѣ; и хотя онъ самъ терпѣливо сносилъ, когда его таскали за бороду, но армія, лучше его знавшая низость гражданъ, возмутилась этимъ и силою заставила императора стать на ту высоту, съ которой онъ было спустился.

Съ Нервой произошло нѣчто иное. Римъ удручалъ его лишь чрезмѣрными и постоянными изъявленіями любви, преданности и покорности. Таково было въ дѣйствительности расположеніе столицы. Если бы Римъ ограниченъ былъ только чертою города, какъ въ древности, то Нерва возобновилъ бы времена Нумы Помпилія; но Римъ этого времени обнималъ собою весь міръ. На старика-императора сразу свалились заботы о цѣлой имперіи, сложныя дѣла провинцій и ихъ правителей, сношенія съ сосѣдями. Въ Римъ прибыли толпы начальствующихъ лицъ изъ провинцій и чужеземныхъ пословъ. Преторіанцы и другія арміи, озадаченные неожиданнымъ избраніемъ Нервы, начинали сознавать свою силу, одумываться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждать своихъ вождей и начальниковъ. Императоръ не имѣлъ свободной минуты, которую онъ могъ бы посвятить созерцанію своего идеала древняго Рима. Старыхъ друзей и прежнихъ знакомыхъ не замедлили отъ него оттѣснить; времени не хватало на совѣщанія съ сенатомъ, среди котораго онъ дожилъ до старости и которому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Вмѣсто обсужденія дѣлъ на форумѣ сообща съ римскимъ народомъ, ему приходилось ежедневно разрѣшать безчисленное количество текущихъ дѣлъ съ прокураторами, губернаторами провинцій, командирами легіоновъ,—съ цѣлою толпою людей, тѣснящихся вокругъ императора, сознающихъ его безсиліе, легкую возможность эксплуатировать его доброту и соперничающихъ между собою изъ-за пріобрѣтенія вліянія на него.

Очутившись въ такомъ неожиданномъ и прискорбномъ для себя положеніи, Нерва съ античною римскою простотою сознался въ недостаткѣ энергіи, требуемой обстоятельствами, и, по счастливому вдохновенію, нашелъ единственное средство для выхода изъ затрудненія—избраніе себѣ замѣстителя. Онъ сталъ искать таковаго не въ средѣ своихъ родныхъ и друзей, а въ рядахъ старыхъ слугъ имперіи. Тутъ-то вниманіе его обратилось на Ульпія Траяна, уже пользовавшагося извѣстностью въ арміи. Родомъ испанецъ, онъ личными заслугами достигъ званія начальника легіона—*legatus*. До этого времени Ульпій Траянъ, кажется, не былъ лично извѣстенъ Нервѣ, или, по крайней мѣрѣ, не былъ въ числѣ людей, ему близкихъ. Совершенно неожиданно для себя получилъ онъ извѣстіе, удивившее Римъ не менѣе, чѣмъ его самого.

Въ день одной изъ церемоній, Нерва, въ сопровожденіи сената, отправился въ Капитолій и тамъ, послѣ принесенія жертвъ, въ выраженіяхъ, формула которыхъ принята римскимъ правомъ, торжественно объявилъ Траяна своимъ преемникомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, удручаемый приставаніями будущихъ приверженцевъ новаго Цезаря, онъ сталъ торопить его прибыть въ Римъ не только для принятія въ свои руки власти, но и для того, чтобы дать почувствовать эту власть людямъ, преслѣдовавшимъ стараго императора своими неотвязными приставаніями. Въ письмѣ Траяну онъ употребилъ стихъ Гомера: «Пусть твои стрѣлы отплатятъ грекамъ за мои слезы».

М. П. МУСОРГСКІЙ *).

(Біографическій очеркъ).

IV.

Мы позволили себѣ сдѣлать такое большое вступленіе къ предлагаемому біографическому очерку по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что публика знакома съ такъ называемой «новой школой» лишь по печати, или же по наслышкѣ, такъ какъ произведенія новаторовъ находятъ себѣ малый сбытъ на музыкальныхъ рынкахъ, да и вообще мало распространяются; то, что публика знаетъ о нихъ, является въ идеализированномъ видѣ, исходя или отъ самихъ новаторовъ (а съ ихъ отношеніемъ къ своимъ и не-своимъ мы уже познакомились), или же отъ людей, враждебно настроенныхъ относительно ученій и произведеній этой школы, а, слѣдовательно, и пристрастныхъ; во-вторыхъ, безъ такого предварительнаго объясненія дѣятельность Мусоргскаго была бы не совсѣмъ ясна, и, пожалуй, трудно было бы опредѣлить то значеніе въ нашей музыкальной литературѣ, которое имѣетъ разсматриваемый композиторъ.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку его жизни и дѣятельности, необходимо сказать, что въ немъ мы имѣемъ дѣло съ выдающимся, крупнымъ и самороднымъ талантомъ, отъ котораго можно бы было и слѣдовало ожидать весьма многаго, если бы онъ такъ рабски не подпалъ подъ вліяніе «новыхъ теорій» и не пожертвовалъ своимъ дарованіемъ буквѣ ихъ требованій; онъ единственный вѣрный послѣдователь этихъ теорій, такъ какъ большинство новаторовъ само мало-по-малу отступаетъ отъ

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

созданной програмы и возвращается къ общепринятымъ фор-мамъ; Мусоргскій же, сказавшій свое «слово», является образ-цомъ непоколебимой вѣры въ тенденціи новаторовъ. Въ этомъ фанатизмѣ и глубокомъ убѣжденіи въ непогрѣшимости «новой школы» и кроется, на нашъ взглядъ, какъ причина его непопу-ярности и безъизвѣстности, такъ и причина враждебнаго къ нему отношенія публики и прессы. Онъ желалъ быть «новымъ» quand-même и нерѣдко приносилъ въ жертву реализму высшія за-дачи искусства. При всемъ томъ никто никогда не отрицалъ въ немъ великаго таланта, но всѣ и всегда сожалѣли о томъ, что этотъ талантъ заключенъ въ слишкомъ узкіе предѣлы.

Уже фактъ существованія разныхъ о немъ отзывовъ доказы-ваетъ, что Мусоргскій представляетъ собой крупную величину; только посредственность не вызываетъ никакихъ толковъ и спо-ровъ и проходитъ незамѣченной. Правда, необходимо сознаться, что противники нео-реализма ужь слишкомъ усердствовали въ своемъ стремленіи унизить достоинства этого композитора; но во-первыхъ, съ этой нашей слабостью,—«унижать все свое»,— ставшею девизомъ нашей критики, необходимо пока мириться, да и пора же привыкнуть къ этому, а, во-вторыхъ, вѣдь, и гг. но-ваторы тоже не жалѣли красокъ, какъ мы это видѣли. Мы по-стараемся выбрать средній путь, воздавая должное его таланту и не признавая прекраснымъ то, что переступаетъ границы дозволеннаго въ искусствѣ, гдѣ вѣрность декламаціи замѣняется звукоподражаніемъ и воспроизведеніемъ интонацій человѣческаго голоса, гдѣ, вмѣсто реальной правды въ возвышенномъ смыслѣ выступаетъ грубая вседневная дѣйствительность, гдѣ, вмѣсто поэ-тическихъ красокъ и изящныхъ формъ, бьетъ въ глаза анти-худо-жественный реализмъ.

Характеръ дарованія Мусоргскаго по преимуществу *юмори-стическій* и поэтому лучшими страницами въ его произведеніяхъ слѣдуетъ считать тѣ, въ которыхъ онъ коснулся этой области творчества; нигдѣ, на нашъ взглядъ, онъ не достигъ такой вы-соты, какъ въ сферѣ романсовой дѣятельности, въ которой онъ рисуетъ отдѣльныя жизненныя и правдивыя сценки, вы-водя различные типы, прекрасно очерченные въ музыкальномъ смыслѣ; въ этихъ небольшихъ по объему твореніяхъ ярче всего высказался талантъ Мусоргскаго. Но не станемъ забѣгать впе-редъ, а обратимся къ его жизни и дѣятельности, выразившейся въ трехъ музыкальныхъ областяхъ—инструментальной, оперной

романсовой. Непродолжительная жизнь его (1839—1881 гг.) должна быть раздѣлена на три періода въ смыслѣ композиторской дѣятельности: первый, обхватывающій собою время до 1865 г., можетъ быть названъ періодомъ образованія; второй, между 1865 и 1875 гг., такъ сказать, блестящій періодъ его творческой дѣятельности, такъ какъ на долю этого десятилѣтія выпадаютъ лучшія его произведенія во всѣхъ вышесказанныхъ сферахъ, и, наконецъ, третій, отъ 1875 г. до 1881 г., періодъ упадка его таланта. Мусоргскій принадлежитъ къ тому разряду нашихъ художниковъ, которые пережили свою славу.

Сынъ состоятельныхъ родителей, Петра Алексѣевича и Юліи Ивановны, урожденной Чириковой, Модестъ Петровичъ родился въ имѣніи родителей, въ селѣ Коревѣ (Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи). До десятилѣтняго возраста онъ жилъ въ деревнѣ. среди крестьянъ. Музыкой онъ сталъ заниматься весьма рано подъ руководствомъ матери. Замѣтивъ въ ребенкѣ блестящія способности къ музыкѣ (на седьмомъ году онъ ужь игралъ небольшія сочиненія Листа), родители рѣшили дать ему хорошее музыкальное образованіе, и вотъ онъ десяти лѣтъ былъ отвезенъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Филаретомъ, въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ Петропавловскую школу; здѣсь онъ учился два года. Затѣмъ, пробывъ годъ въ приготовительномъ пансіонѣ Комарова, Мусоргскій поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и здѣсь занимался четыре года. О его школьныхъ годахъ братъ его, Филаретъ Петровичъ, между прочимъ, писалъ г. Стасову слѣдующее:

«Учился онъ въ школѣ очень хорошо и былъ постоянно въ первомъ десяткѣ учениковъ; съ товарищами былъ очень близокъ, былъ ими вообще любимъ и познакомился съ семействами многихъ изъ ихъ числа. Читалъ онъ очень много, особливо всего историческаго; будучи въ старшихъ классахъ, читалъ также съ увлеченіемъ нѣмецкихъ философовъ; одно время онъ усердно занимался переводомъ съ нѣмецкаго на русскій Лафатера».

Вышедши изъ этого заведенія въ 1856 г., онъ тотчасъ поступилъ въ преображенскій полкъ, гдѣ и прослужилъ до 1859 г., т.-е. три года, и вышелъ въ отставку. Дѣло было въ томъ, что ему предстояло разстаться съ Петербургомъ, такъ какъ стрѣлковый баталіонъ, куда былъ переведенъ Модестъ Петровичъ, долженъ былъ выступить въ Царскую Славянку, а разстаться съ родными и знакомыми ему не хотѣлось; къ тому же, онъ ужь и

тогда сознавалъ, что «служба мѣшаетъ ему заниматься, ка
ему надо», и что «соединить военную службу съ искусствомъ-
дѣло мудреное».

На впечатлительную и воспріимчивую натуру М. П. имѣ
большое вліяніе въ дѣтствѣ два обстоятельства, о которы
нельзя не упомянуть, говоря о его жизни. Это, во-первых
нѣкоторое личное сближеніе съ народомъ, а, во-вторыхъ, ня
композитора, вселившая въ него любовь ко всему народно
своими сказками, которыми она убаюкивала «барчука».

Воспитаніе и жизнь среди крестьянскихъ дѣтей сдѣлали т
что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сталъ смотрѣть на мужик
какъ на «человѣка»; объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо е
брата къ В. В. Стасову, напечатанное послѣднимъ въ *Вѣст-
никѣ Европы* въ статьѣ *М. П. Мусорскій*; вотъ что, межд
прочимъ, тамъ сказано:

«Въ отроческихъ и юношескихъ годахъ, а потомъ и въ зрѣ
ломъ возрастѣ, братъ Модестъ всегда относился ко всему наро
ному и крестьянскому съ особенной любовью и считалъ русска
мужика *настоящимъ человѣкомъ*».

О вліяніи же няни самъ Модестъ пишетъ въ своей кратко
автобіографіи въ такомъ духѣ:

«Няня близко познакомила меня съ русскими сказками и я от
нихъ иногда не спалъ по ночамъ. Онѣ были тоже главнѣйшим
импульсомъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ на фортепіано
когда я еще не имѣлъ понятія о самыхъ элементарныхъ прави
лахъ игры на фортепіано». Неудивительно, что няня у него фи
гурируетъ и въ романсахъ, и въ оперѣ.

Въ Петербургѣ онъ бралъ уроки фортепіанной игры у из
вѣстнаго въ то время пьяниста Герке; однако, не слѣдуетъ ду
мать, что профессоръ проходилъ съ нимъ элементарную теорію
на это указываетъ братъ композитора, говоря въ письмѣ: «ни
какихъ музыкальныхъ правилъ онъ ему не преподавалъ». Наш
композиторъ въ это время серьезно изучалъ классическую му
зыку и основательно познакомился съ произведеніями Бетховена
Моцарта, Баха и др. Къ этому же времени относятся знакомств
его съ Даргомыжскимъ, оставшимся почти единственнымъ круп
нымъ представителемъ русской музыки послѣ смерти Глинк
(1857 г.), и вступленіе въ число членовъ «могучей кучки»
именовавшейся «балакиревской» партіей по имени М. А. Балаки

рева, которому суждено было играть такую важную роль въ средѣ «новаторовъ».

Что касается вліянія послѣдняго на Мусоргскаго, то, насколько можно судить по письму М. А. Балакирева къ В. В. Стасову, оно выразилось, главнымъ образомъ, въ указаніи формъ сочиненій; вотъ что мы читаемъ въ этомъ письмѣ:

«Такъ какъ я не теоретикъ, я не могъ научить Мусоргскаго гармоніи (какъ, напр., теперь учитъ Н. А. Римскій-Корсаковъ), то я ему объяснялъ *формы сочиненій*... Я объяснялъ ему техническій складъ исполняемыхъ нами сочиненій (симфоніи Бетховена, Шумана, Шуберта, Глинки и др.) и его самого занималъ разборомъ формы».

Удивительно то, что, несмотря на основательное изученіе классической музыки, да еще подъ руководствомъ такого талантливаго музыканта, каковъ М. А. Балакиревъ, Мусоргскій не пошелъ по стопамъ величайшихъ музыкальныхъ геніевъ, а выбралъ себѣ такой путь, который ничего общаго съ классиками не имѣетъ. Къ сожалѣнію, г. Стасовъ не указываетъ виновника переворота въ направленіи мыслей Мусоргскаго. Скачокъ отъ классицизма къ ультра-реализму слишкомъ рѣзокъ и туго поддается объясненію. Не скрываетъ ли г. Стасовъ, изъ скромности, разумѣется, ту роль, которую онъ самъ игралъ въ направленіи таланта Мусоргскаго? Мы склонны такъ думать, во-первыхъ, на томъ основаніи, что многія темы, какъ мы увидимъ ниже, были ему прямо предложены г. Стасовымъ и, вѣроятно, сообща были обрабатываемы и обсуждаемы, а, во-вторыхъ, еще на основаніи тѣхъ мѣстъ изъ писемъ композитора, въ которыхъ онъ высказываетъ свои взгляды на искусство,—взгляды, являющіеся чуть не повтореніемъ тенденцій г. Стасова. Такъ какъ въ письмахъ этихъ выражается, такъ сказать, profession de foi Мусоргскаго, то позволимъ себѣ ихъ привести.

«Художественное изображеніе одной красоты,—говоритъ онъ въ письмѣ къ В. В. Стасову,—въ матеріальномъ ея значеніи грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства. Тончайшія черты природы человѣческой и человѣческихъ массъ, *назойливое «ковырянье» въ этихъ мало изведанныхъ странахъ и завоеваніе ихъ,—вотъ настоящее призваніе художника*. «Къ новымъ берегамъ!» Безстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни,—къ новымъ берегамъ!... Въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда есть тончайшія черты, ускользаю-

щія отъ схватки, никѣмъ нетронутыя. Подмѣчать и изучать ихъ въ чтеніи, въ наблюденіи, по догадкамъ, всемъ нутромъ изучать и кормить ими человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, котораго еще не пробовали,—вотъ задача-то восторгъ и присно восторгъ!» (18 октября 1872 г.).

Чрезъ три года онъ писалъ:

«Жизнь, гдѣ бы она ни сказалась; *правда*, какъ бы она ни была солона; сметливость, искренняя рѣчь къ людямъ à bout portant,—вотъ моя закваска, вотъ чего хочу и въ чемъ боялся бы промахнуться. Такъ меня кто-то толкаетъ и такимъ пребуду» (7 августа 1875 г.). Едва ли нужны комментаріи къ этимъ мыслямъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ г. Стасову по поводу «Danse Macabre» Сенъ-Санса, имѣвшей большой успѣхъ:

«*Не музыки намъ нужно*, не словъ, не палитры и не рѣзца: нѣтъ, чортъ бы васъ побралъ, лгуновъ, притворщиковъ et tutti quanti,—*мысли живыя подайте*, живую бесѣду съ людьми ведите, какой бы сюжетъ вы ни выбрали для бесѣды съ ними» (ноябрь 1875 г.).

Въ этихъ словахъ нельзя не слышать отголоска новаторской критики, сводящей художество на степень одной лишь мозговой работы, изгоняя изъ его области ту часть, въ которой именно и сказывается талантъ-творчество,—вдохновеніе и фантазію. Отнять у художественнаго произведенія эти аттрибуты и творить однимъ умомъ, не значитъ ли это, по справедливому замѣчанію Гончарова, «требовать отъ солнца, чтобы оно давало лишь свѣтъ, но не играло лучами—въ воздухѣ, на деревьяхъ, на водахъ, не давало бы тѣхъ красокъ, тоновъ и переливовъ свѣта, которые сообщаютъ красоту и блескъ природѣ?» Не есть ли это «искусство безъ искусства»? Не сводится ли этимъ требованіемъ художество на степень ремесла, а художественное произведеніе на степень фотографическихъ снимковъ или стенографическихъ отчетовъ? А что Мусоргскій такъ именно смотрѣлъ на искусство, ясно вытекаетъ изъ слѣдующаго мѣста его автобіографіи:

«Искусство,—говоритъ онъ,—есть *средство* для бесѣды съ людьми, а не цѣль». Исходя изъ убѣжденія, что рѣчь человѣка регулируется строго музыкальными законами, Мусоргскій смотритъ на задачу музыкальнаго искусства, какъ на *воспроизведеніе въ музыкальныхъ звукахъ* не одного только настроенія чувства, но и, *главнымъ образомъ, настроенія рѣчи человѣческой.*

Къ счастью для Мурсогскаго, талантъ его часто бралъ верхъ надъ разсудкомъ и этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что онъ оставилъ намъ нѣсколько капитальныхъ вещей; заковать талантъ невозможно, и какъ бы ни было велико вліяніе окружающей среды и ея искуственныхъ преградъ, онъ всегда найдетъ себѣ выходъ и обнаружится въ полномъ блескѣ. Какъ ни старался Мусоргскій «назойливо ковырять въ мало-изв ѣданныхъ странахъ», залогъ его славы лежитъ не въ «ковыряньи», а въ тѣхъ страницахъ, въ которыхъ сказался его самородный талантъ. въ которыхъ онъ хоть на время отказался отъ рабской покорности буквѣ новаторскихъ теорій. Можно только сожалѣть о томъ, что такихъ страницъ у него сравнительно меньше, чѣмъ тѣхъ, въ которыхъ онъ желалъ быть «новымъ».

Небезъинтересно также будетъ познакомиться съ способомъ его творческой дѣятельности; въ одномъ изъ писемъ къ Ц. А. Кюи мы находимъ слѣдующее мѣсто, характеризующее, насколько добросовѣстно и серьезно смотрѣлъ онъ на свою задачу, какъ художника: «Наблюдалъ за бабами и мужиками,—писалъ онъ,—извлекъ аппетитные экземпляры. Одинъ мужикъ сколокъ съ Антонія въ шекспировскомъ *Цезарѣ*. Очень умный и оригинально-ехидный мужикъ! Все сіе мнѣ пригодится, а бабьи экземпляры—просто кладъ! У меня всегда такъ: я, вотъ, заприм ѣтилъ кой-какихъ народовъ, а потомъ при случаѣ и тисну» (15 августа 1868 г.).

Это не вымученная, кабинетная работа, а трудъ, составляющій плодъ наблюденій и изученія жизни, и если бы композиторъ придавалъ этимъ наблюденіямъ опоэтизированныя очертанія, облекалъ бы ихъ въ изящную форму, не воспроизводилъ бы ихъ буквально и протокольно, безъ всякаго декорума, то наша музыкальная литература была бы обогащена многими замѣчательными твореніями; къ сожалѣнію, Мусоргскій слишкомъ усердно платилъ свою дань новаторскимъ требованіямъ...

Однако, возвратимся къ его жизни и дѣятельности, представляющимъ собой типичное явленіе для русскаго художника. Онъ крайне нуждался и долженъ былъ искать на сторонѣ занятій, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ и отнимающихъ лишь время. Съ авторскимъ гонораромъ, какъ извѣстно, у насъ далеко не уйдешь и, чтобы имѣть хоть какія-нибудь средства къ существованію, нашему художнику приходится прибѣгать къ службѣ или частнымъ занятіямъ. Мусоргскій выбралъ первую; пять лѣтъ онъ прослу-

жилъ въ инженерномъ департаментѣ (1863—1868 гг.) и вслѣдствіе сокращенія штатовъ долженъ былъ выйти въ отставку. Годъ спустя, онъ получилъ мѣсто въ лѣсномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ и здѣсь прослужилъ десять лѣтъ, до 1879 г., когда онъ снова вышелъ въ отставку.

Характерной иллюстраціей его матеріальнаго благостоянія можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ В. В. Стасову отъ 15 іюня 1876 г., слѣдовательно, за то время, когда онъ былъ болѣе или менѣе обезпеченъ:

«За это время, много дѣйствуя на клавикордахъ, я начинаю приходить къ убѣжденію, что если велѣно будетъ снискивать насущный хлѣбъ «бряцаньемъ», съумѣемъ».

Служба и обязательныя работы мало вязались съ стремленіями Модеста Петровича; пришлось манкировать службой, чѣмъ, разумѣется, было вызвано недовольство начальства, повлекшее за собой, въ свою очередь, непріятности, отразившіяся на его матеріальномъ положеніе, а нужда все сильнѣе и сильнѣе давала себя чувствовать; на этотъ разъ якоремъ спасенія явился департаментъ контроля; но и здѣсь служба была службой... Мусоргскій за нѣсколько времени до своей смерти, случившейся въ день его рожденія, т.-е. 16 марта, долженъ былъ и отсюда выйти. Женатъ онъ не былъ.

Еще два обстоятельства въ жизни Модеста Петровича, какъ русскаго художника, весьма типичны и поэтому достойны того, чтобы ихъ отмѣтить. Во-первыхъ, любовь къ dolce far niente; нужно сознаться, что наши художники чрезвычайно любятъ *отдыхать*; достигнувъ нѣкоторой извѣстности, нашъ художникъ полагаетъ почему-то, что онъ уже *все* совершилъ и что ужь пора отдохнуть; это явленіе имѣетъ гораздо меньше мѣста на Западѣ; Викторъ Гюго, Гуно, Листъ, Вагнеръ и Берліозъ до послѣднихъ дней своей жизни не перестаютъ и не переставали работать въ полной увѣренности, что они дѣло дѣлаютъ; нашъ же художникъ, между прочимъ, и Мусоргскій, очень склоненъ къ сибаритничанью, въ особенности, когда онъ ужь пріобрѣлъ нѣкоторою извѣстность и имѣетъ основаніе думать, что онъ ужь коечто сдѣлалъ. Модестъ Петровичъ слишкомъ рано остановился; можно сказать, что съ 1875 г., т.-е. когда композитору было всего 36 лѣтъ, онъ ужь болѣе не творитъ. Во-вторыхъ, наши художники, къ сожалѣнію, слишкомъ часто одержимы слабостью къ вину и этой типичной слабости не былъ лишенъ и Мусоргскій...

Композиторскія наклонности Мусоргскій сталъ обнаруживать очень рано; еще на тринадцатомъ году жизни онъ написалъ «Porte-enseigne Polk'y», которая была напечатана въ 1852 г. Въ 1856 г. онъ мечталъ объ оперѣ на сюжетъ Han d' Islande Виктора Гюго, но у автора было слишкомъ мало теоретическихъ свѣдѣній для выполненія этого намѣренія. Въ слѣдующемъ году написана имъ фортепіанная вещь, посвященная товарищу по школѣ, Н. А. Оболенскому.—Souvenir d'enjance,—и помѣченная 16 октября 1857 г.

Изъ *инструментальныхъ* произведеній за разсматриваемый періодъ времени слѣдуетъ отмѣтить два скерцо: *B-dur*, исполненное подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна въ одномъ изъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества въ Петербургѣ, и *Cis-moll*: сюда же относятся: *Intermezzo simphonique in modo classico*, написанное, какъ показываетъ заглавіе, въ классическомъ (баховскомъ) стилѣ; оно было инструментовано въ 1867 г. и посвящено П. А. Бородину; *Impromptu* же, *Menuet-monstre*, *Prélude* и его другія юношескія инструментальныя сочиненія, по словамъ г. Стасова, не сохранились.

Онъ попробовалъ свои силы и на *оперномъ* поприщѣ. Такъ, онъ написалъ нѣсколько №№ къ трагедіи Софокла *Эдипъ* и четыре картины къ оперѣ *Саламбо* на сюжетъ романа Флобера того же названія. Что касается перваго произведенія, то одинъ №, хоръ народа у храма Эвменидъ предъ появленіемъ Эдипа, былъ исполненъ съ большимъ успѣхомъ въ концертѣ Лядова 1868 г. Со вторымъ же произведеніемъ случилось нѣчто необычайное; вотъ что говоритъ объ этомъ событіи новаторскій критикъ, г. Стасовъ:

«Лучшія части оконченныхъ картинъ вошли въ составъ *Бориса Годунова*, десять лѣтъ спустя; но,—прибавляетъ онъ, спохватившись, что восточная музыка на восточный сюжетъ Флобера не подходитъ къ чисто-русскому, народному, сюжету пушкинскаго *Бориса*,—заимствованный матеріалъ подвергся значительной передѣлкѣ, разработкѣ, расширенъ и углубленъ, соображенъ съ требованіями новаго сюжета». Намъ думается, что какъ бы ни былъ разработанъ матеріалъ въ ширь и въ глубь, характеръ восточной музыки все же остается восточнымъ, а не сдѣлается національнымъ, русскимъ, за то такая пересадка, вѣроятно, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ новѣйшаго *реализма* и это, вѣроятно, вполнѣ «ново, оригинально, реально, не-

слыхано и до сихъ поръ не бывало», какъ говоритъ г. Стасовъ, по нашему же мнѣнію, едва ли такую передѣлку слѣдуетъ считать счастливой, а тѣмъ болѣе *реальной*.

Мусоргскій составилъ либретто изъ флоберовскаго романа и написалъ четыре картины между 1863—64 гг. и больше къ этому сюжету не вернулся. Намъ остается еще упомянуть о *романсахъ* его за это время. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались: *Саулъ*, написанный въ 1863 г., текстъ для котораго сочиненъ самимъ композиторомъ, *Ночь* на слова Пушкина: «Твой голосъ для меня и ласковый, и томный» и *Калистратъ* на слова Некрасова; на этомъ романсѣ сдѣлана любопытная надпись: «Первая попытка комизма». *Саулъ* неоднократно исполнялся въ концертахъ.

Какъ не трудно убѣдиться, въ этихъ первыхъ произведеніяхъ Мусоргскій выбираетъ по преимуществу темы классическія и нерѣдко подпадаетъ подъ вліяніе то того, то другаго композитора; тутъ еще нѣтъ ничего самобытнаго и самостоятельнаго и поэтому подробно на нихъ не останавливаемся.

V.

Приступая ко второму періоду дѣятельности Н. П. Мусоргскаго, необходимо сказать, что въ своихъ произведеніяхъ за это время онъ отрекся отъ подражаній и во всѣхъ сферахъ дѣятельности,—инструментальной, оперной и романсовой,—является оригинальнымъ, нерѣдко даже въ ущербъ искусству и его задачамъ.

Не чувствуя особеннаго призванія къ *инструментальной* музыкѣ, нашъ композиторъ удѣлялъ ей весьма не много мѣста сравнительно съ другими родами. Если упомянуть о симфонической картинѣ *Вѣдьмы (Иванова ночь на Лысой горѣ)*, сочиненной и инструментованной въ 1867 г., да о двухъ переложеніяхъ бетховенскихъ квартетовъ (F-dur и E-moll) въ двѣ руки въ томъ же году, да о фортепіанной сюитѣ *Картинки съ выставки Гартмана*,—выставки акварелей и рисунковъ В. Е. Гартмана, устроенной весною 1874 г. г. Стасовымъ и вдохновившей Мусоргскаго написать десять картинокъ*), какъ воспоминаніе объ

*) Въ составъ *Выставки* вошли: *Гномъ*, *Старый замокъ*, *Дѣти съ няней* (въ Тюльерійскомъ саду), *Польская телѣга*, *Балетъ птичекъ*, *Два еврея, богатый и бѣдный*, *Споръ бабъ на рынкѣ въ Лиможѣ*, *Парижскія катакомбы*, *Избушка бабы-яги на курьихъ ножкахъ* и *Богатырскія ворота*. Написанное въ 1874 г., произведеніе это вошло въ списокъ посмертныхъ произведеній Мусоргскаго.

этой выставкѣ,—то этимъ перечнемъ и замыкается вся инструментальная дѣятельность его за разсматриваемое десятилѣтіе.

Гораздо больше времени и мѣста удѣлилъ композиторъ оперной и романсовой дѣятельности. За это время написаны были *Женитьба*, о которой мы вкратцѣ упомянули во вступленіи, и *Борисъ Годуновъ* на сюжетъ пушкинской драмы.

Что касается *Женитьбы* на гоголевскій сюжетъ, то къ сказанному о ней прибавимъ лишь нѣкоторыя документальныя данныя. Въ письмѣ къ Ц. А. Кюи отъ 3 іюля 1868 г. Модестъ Петровичъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я покончилъ первую сцену *Женитьбы*. Первое дѣйствіе дѣлится на три сцены: со Степаномъ—первая, со свахой—вторая и съ Кочкаревымъ—третья... Въ первой сценѣ мнѣ удалось сдѣлать ловкую выходку Степана: когда его зовутъ въ третій разъ, онъ входитъ озлобленно, но сдержанно, разумѣется, и на слова Подколесина: «Я хотѣлъ, братецъ, тебя поразспросить». отвѣчаетъ fortissimo: «Старуха пришла!», совершенно сбивая, такимъ образомъ, надоѣданья барина. Въ настоящее время набросана вчернѣ вторая сцена (со свахой). «Песъ вретъ» и «сѣдой волосъ» очень удались. Думаю, что сценка не дурна и интересна. Въ самомъ концѣ ея, медвѣжья ажитація Подколесина, при словѣ «сѣдой волосъ», вышла очень курьезна. Теперь принимаюсь за Кочкарева. Въ концѣ-концовъ, первое дѣйствіе, по моимъ соображеніямъ, можетъ служить опытомъ «opéra dialogué».

Мы уже видѣли, что Мусоргскій своимъ мозаичнымъ изученіемъ гоголевскихъ типовъ достигъ только «перемѣнъ интонацій», т.-е. усовершенствованія декламаціи, что составляетъ только одну изъ составныхъ частей, входящихъ въ понятіе объ оперѣ, какъ о художественномъ произведеніи, и едва ли предстоитъ надобность также указать на то, что этотъ *опытъ драматической музыки въ прозѣ* (такъ озаглавилъ композиторъ свою партитуру) есть плодъ *ума*, а не творчества, если подъ послѣднимъ не разумѣть одну лишь технику дѣла; въ низведеніи «оперы» къ сплошному речитативу, сопровождаемому аккордами или аккомпаниментомъ, мы видимъ тотъ ультра-реализмъ, который переходитъ границы искусства, гдѣ художественная красота замѣняется анти-художественной правдой, не имѣющей никакого интереса для большинства, любящаго въ оперѣ, прежде всего, *музыку*, и которому нѣтъ никакого дѣла до «назойливаго кувырянья» и до вычурныхъ умствованій. Эта кропотливая работа есть со-

чиненіе на заданную тему, а не результатъ творчества. Такой трудъ можетъ восхитить только глубокихъ знатоковъ техники или же, вѣрнѣе, «страстныхъ» любителей рѣдкостей и «небывалаго».

Не будемъ повторять мнѣніе г. Стасова, который глубоко увѣренъ, что эта «небывало-оригинальная попытка» не останется безъ послѣдователей и подражателей; факты опровергаютъ пока эту надежду: прошло 16 лѣтъ, а мало кто знаетъ о существованіи этой «попытки». Да и самъ Мусоргскій, видимо, немногаго ожидалъ отъ этого «опыта», судя по тому, что, написавъ одинъ актъ еще въ 1868 г., онъ больше къ нему не возвращался. На насъ эта «музыка» произвела такое впечатлѣніе, какъ будто сопровождающій аккомпаниментъ постоянно мѣшаетъ слушать слова гоголевскаго текста. Къ счастью для композитора, онъ предвидѣлъ, что его произведенію угрожаетъ ужасная участь — быть пищей архивной пыли (участь, которой *Женитьба*, дѣйствительно, подверглась), и въ слѣдующихъ произведеніяхъ онъ болѣе или менѣе отступилъ отъ этого идеала въ музыкѣ.

Относительно происхожденія этой *opéra-dialogué*, въ письмѣ Мусоргскаго къ В. В. Стасову отъ 2 января 1872 г. находится слѣдующее небезъинтересное мѣсто:

«Въ дорогой для меня вашъ день (день рожденія г. Стасова) вы не выходите изъ моихъ мозговъ. Чѣмъ бы потѣшить дорогаго человѣка? Отвѣтъ безъ малѣйшаго промедленія, какъ у всѣхъ продерзостныхъ головъ: подарить самого себя. Такъ и дѣлаю. Вы знаете, что я дорого цѣню ее, эту *Женитьбу*, и, правды ради, знайте, что *она подсказана Даргомыжскимъ* (въ шутку) и Кюи (не въ шутку). Берите же меня, дорогой мой, и дѣлайте со мной, что хотите».

Г. Стасовъ внесъ эту партитуру вмѣстѣ съ другими бумагами и автографами Мусоргскаго въ Императорскую публичную библіотеку, гдѣ она нынѣ и хранится.

Женитьба неоднократно исполнялась въ «кружкѣ товарищей-композиторовъ» при такомъ составѣ: Подколесина исполнялъ авторъ, партію Кочкарева—Даргомыжскій, сваху—А. Н. Пургольдъ, а аккомпанировала сестра г-жи Пургольдъ, нынѣ г-жа Римская-Корсакова. Перейдемъ къ *Борису Годунову*, самому капитальному труду М. П.

На одномъ изъ вечеровъ у сестры Глинки, Л. И. Шестаковой, профессоръ Никольскій предложилъ Мусоргскому написать оперу на сюжетъ пушкинскаго *Бориса;* Мусоргскому

до того понравилась эта мысль, что, оставивъ *Женитьбу*, онъ тотчасъ принялся за этотъ трудъ и, притомъ, съ такимъ рвеніемъ, что въ продолженіе всего двухъ мѣсяцевъ окончилъ весь первый актъ. Работы предстояло не мало; нужно было, прежде всего, отдѣльныя отрывочныя сцены пушкинскаго текста какъ-нибудь связать вмѣстѣ; понятно, не всѣ сцены могли войти въ либретто; пришлось сдѣлать значительныя урѣзки и нѣкоторыя вставки для соединенія несвязанныхъ у Пушкина сценъ; но композиторъ не щадилъ ни трудовъ, ни времени и опера была окончена въ ноябрѣ 1869 г., а зимою 1869—1870 г. онъ ее инструментовалъ. Она состояла изъ четырехъ дѣйствій.

Дирекція Императорскихъ театровъ отказала Мусоргскому въ пріемѣ *Бориса Годунова* на сцену по той причинѣ, во-первыхъ, что женскому персоналу было удѣлено слишкомъ мало мѣста въ оперѣ, — недостатокъ, на который ему не однажды указывали и «товарищи-композиторы», въ средѣ которыхъ она исполнялась, — а, во-вторыхъ, что почти не было сценъ для дѣйствующихъ лицъ. Тогда композиторъ принялся за переработку *Бориса*, причемъ сдѣланы были слѣдующія важнѣйшія измѣненія. По совѣту профессора Никольскаго, передѣланъ конецъ драмы: опера кончается сценой возстанія народа, торжествомъ самозванца и плачемъ юродиваго о бѣдной Руси. Прибавленъ весь пятый актъ; по совѣту г. Стасова, внесено слѣдующее: увеличена роль хозяйки корчмы; ей приданъ «характеръ прежней кутилы»; вставлена ея пѣсня на слова Шеина: «Поймала я сиза селезня»; присочинены пѣсенки мамки: «Какъ дрова комаръ рубилъ» и царевича Ѳедора: «Туру-туру пастушокъ» на слова того же Шеина; самимъ композиторомъ придуманы эпизодъ съ курантами и текстъ для разсказа царевича: «Попинька нашъ сидѣлъ съ мамками въ свѣтлицѣ»; обѣ эти вещи пришлось впослѣдствіи выпустить, какъ замедлявшія теченіе и ходъ оперы.

Опера состоитъ, такимъ образомъ, изъ пяти дѣйствій и семи картинъ. Первое представленіе *Бориса* состоялось 27 января 1874 г. въ бенефисъ г-жи Платоновой, исполнявшей партію Марины, съ участіемъ незабвеннаго артиста Осипа Афанасьевича Петрова въ партіи Варлаама, г. Мельникова, прекрасно исполнявшаго Бориса, и г-жъ Леоновой, Крутиковой и др. Констатируемъ фактъ, что опера имѣла успѣхъ и довольно солидный; автора и исполнителей много вызывали и послѣ картинъ, и послѣ дѣйствій.

Нужно ли говорить о томъ, что это произведеніе надѣлало много шуму? Тотчасъ образовались, разумѣется, лагери; въ то время, какъ одни (въ особенности «свои») доходили въ своихъ восторгахъ до того, что сразу наградили автора титуломъ «генія», другіе, наоборотъ, не только не находили ничего хорошаго, но ударились въ другую крайность и абсолютно не признавали за произведеніемъ никакихъ достоинствъ. Вотъ что писалъ о *Борисѣ* критикъ г. С., окрестившій всю оперу эпитетомъ «сплошной *какофоніи*»:

«Мусоргскій слабъ до смѣшнаго; отсутствіе художественнаго инстинкта въ соединеніи съ незнаніемъ и желаніемъ всегда быть новымъ, необыкновеннымъ, даетъ въ результатѣ музыку *дикую* и *безобразную*» (*Биржевыя Вѣдомости* 1874 г., № 28). Мнѣніе безспорно пристрастное. Г. Ларошъ воздаетъ должную дань таланту автора въ речитативахъ и характеристикѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ, что композиторъ—слабый музыкантъ, т.-е. что онъ не въ состояніи аккомпанировать свои мелодіи такъ, какъ это дѣлаютъ великіе мастера оркестровки; вотъ его резюме: «Композиція его оперы отзывается диллетантизмомъ и неумѣлостью, хотя обнаруживаетъ сильные проблески *даровитой* натуры; національный и историческій интересъ сюжета, обаяніе пушкинской поэзіи, весьма бойко и ловко составленный сценарій и превосходная игра нашихъ артистовъ помогаютъ успѣху новаго произведенія болѣе, чѣмъ перо композитора» (*Голосъ* 1874 г., № 29).

Еще болѣе справеливое мнѣніе высказалъ г. М. Р.:

«...Въ Мусоргскомъ большіе задатки и блестящая будущность, если онъ направитъ правильно свой *несомнѣнный талантъ* и рѣшится выйти изъ рабской, какой-то крѣпостной зависимости кружка. Въ своей оперѣ онъ блестящимъ образомъ заявилъ сценическія способности, умѣнье пользоваться эффектными сценами; въ нѣкоторыхъ №№ проявляются оригинальность и творческая сила». (*Русскій Міръ* 1874 г., № 29).

Изъ «кучкистовъ» особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе г. Кюи по своему, признаться, неожиданному выводу:

«Г. Мусоргскій—талантъ сильный и оригинальный, богато надѣленный многими качествами, необходимыми для опернаго композитора, съ увлеченіемъ отдающійся современнымъ опернымъ требованіямъ; краски его ярки, подчасъ *грубы*; онъ особенно склоненъ къ изображенію сценъ народныхъ». Останавливаясь

подробно на каждой сценѣ и восторгаясь ею, г. Кюи переходитъ къ недостаткамъ *Бориса*, которые выражаются, по его мнѣнію, въ «рубленомъ речитативѣ» и «разрозненности музыкальныхъ идей», хотя они «оправдываются незрѣлостью автора», сказывающейся во всемъ: «и въ либретто, и въ нагроможденіи детальныхъ эффектовъ до того, что пришлось дѣлать купюры, и въ *увлеченіи звукоподражаніемъ*, и *въ низведеніи художественнаго реализма до анти-художественной дѣйствительности*, въ смѣси, наконецъ, прекрасныхъ музыкальныхъ мыслей съ ничтожными» (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1874 г., № 37). Вотъ сюрпризъ, котораго нельзя было ожидать отъ сотоварища по кружку, по идеямъ и идеаламъ въ музыкѣ; вотъ ужь подлинно «своя своихъ не познаша»! Что же это такое? Мнѣніе кучкиста о кучкистѣ...

Разбранивъ, такимъ образомъ, Мусоргскаго за то, что̀ такъ дорого цѣнится на рынкѣ новаторскихъ фабрикатовъ, г. Кюи, однако, въ своемъ критическомъ этюдѣ подъ заглавіемъ *М. П. Мусоргскій*, появившемся вскорѣ послѣ смерти композитора, говоритъ слѣдующее: «Пра̀вда, въ созданіяхъ Мусоргскаго есть крупные нѐдочеты и недостатки, но *безъ этихъ недостатковъ Мусоргскій былъ бы геніемъ*» (?!). Стоитъ только, слѣдовательно, не обладать нѣкоторыми недостатками и недочетами и принадлежать къ «своимъ», чтобы получить патентъ на кличку «генія»; вотъ до чего доводитъ увлеченіе своими личными симпатіями; вотъ до какихъ противорѣчій можно договориться, руководствуясь исключительно своими субъективными взглядами на искусство и его представителей! Гораздо выдержаннѣе и постояннѣе въ своемъ мнѣніи неутомимый энтузіастъ-критикъ, г. Стасовъ; у него мы противорѣчій во мнѣніи не найдемъ. Вотъ что онъ говоритъ объ этой оперѣ:

«*Борисъ Годуновъ* есть *одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній* не только русскаго, но и *европейскаго искусства*. Изображеніе народа является въ такихъ формахъ правды и реальности, какихъ *никто еще до него не пробовалъ*. Монахи Варлаамъ и Мисаилъ, хозяйка корчмы, пристава, юродивый, наконецъ, многія лица безъ имени въ народныхъ сценахъ и всего болѣе народныя массы крестьянъ и бабъ,—все это типы, *небывалые еще въ операхъ Россіи и во всей Европѣ*. Въ сравненіи съ ними даже лучшіе народные хоры Мейербера (не говоря уже о Глинкѣ и Вагнерѣ) идеальны, безличны, условны

и не національны... Постиженіе исторіи, глубокое воспроизв деніе безчисленныхъ оттѣнковъ народнаго духа, настроенія у и глупости, силы и слабости, трагизма и юмора,—все это *бе примѣрно* у Мусоргскаго... Какая глубоко-правдивая рѣчь всѣхъ этихъ Митюхъ, Ѳомокъ, Епифановъ, юродивыхъ, Ив нычей, Афимій, корчмарокъ, мальчишекъ-сорванцовъ и десятко безъименныхъ личностей! Какія русскія *интонаціи голоса!* Я твердо вѣрую,—заканчиваетъ онъ,—что чѣмъ больше буде расти художественная и историческая интеллектуальность наше общества, тѣмъ глубже и болѣе будутъ изучать этотъ *ch d'oeuvre, одинъ изъ величайшихъ перловъ русскаго народна искусства*» (*Вѣстникъ Европы*, іюнь 1881 г.).

Какъ бы въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Стасовъ приводи еще слова нашего извѣстнаго историка, г. Костомарова, сказанны имъ автору послѣ одного изъ представленій: «Да, вотъ это та страница исторіи!» Никто не станетъ сомнѣваться, что г. Ко томаровъ—заслуженный историкъ, и если его восхитила «страни исторіи», то, во-первыхъ, «исторіи», а не страница *музык* во-вторыхъ, «исторія» эта не Мусоргскаго и не Пушкина, хо Мусоргскій является музыкальнымъ иллюстраторомъ драматиче каго произведенія Пушкина, и, наконецъ. въ-третьихъ, ничто обязываетъ нашего знаменитаго историка быть такимъ же знам нитымъ авторитетомъ въ музыкальномъ дѣлѣ; другое дѣло, ес бы г. Стасовъ привелъ какое-нибудь авторитетное мнѣніе дѣлѣ музыки.

Вотъ въ общихъ чертахъ мнѣнія нашей прессы о той опер Мусоргскаго, которой онъ *дебютировалъ* на оперномъ поприщ и которая должна была заставить многаго ожидать отъ это композитора; всѣ безъ исключенія признавали за нимъ самобы ный талантъ; возставали противъ формы, противъ направлені но никто не отрицалъ въ авторѣ дарованій; напротив большинство ожидало, что Мусоргскій современемъ откажетс отъ претензій оригинальничать, выберетъ свой самостоятельны путь, не попадая ни подъ чье вліяніе, и станетъ руководствоватьс исключительно своимъ художественнымъ чутьемъ; авторъ бы слишкомъ молодъ, чтобы дать поводъ допустить мысль о том что на этотъ «дебютъ» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на первую *послѣднюю* попытку на поприщѣ опернаго творчества. Мы по черкнули «послѣднюю» потому, что даже присяжные хвалите Мусоргскаго должны признаться, что «послѣдующія оперныя пр

изведенія Мусоргскаго слабѣе *Бориса*»; намъ, слѣдовательно, приходится смотрѣть на эту оперу, какъ на высшую точку развитія его опернаго таланта.

Условія, побудившія его взяться за этотъ сюжетъ, намъ кажется, вполнѣ совпадаютъ съ духомъ дарованія композитора; мы уже знаемъ, что его талантъ преимущественно юмористическій, что онъ съ особенной любовью предавался наблюденію и изученію «тѣхъ тончайшихъ чертъ, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ наблюдателя», и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно напоминаетъ собой Гоголя; но одно дѣло литература, имѣющая своимъ орудіемъ слово, которому доступно описать тончайшіе душевные штрихи, и другое дѣло музыка, область которой—чувства и настроенія, не всегда ясно поддающіяся опредѣленному выраженію; понятно, что средства выраженія литературы и музыки не одни и тѣ же; въ смѣшеніи функцій одного искусства съ функціями другаго, на нашъ взглядъ, и кроется ошибка Мусоргскаго.

Далѣе, къ отличительнымъ свойствамъ Мусоргскаго, какъ композитора, слѣдуетъ отнести и то, что онъ не чувствовалъ никакого расположенія къ описаніямъ любовныхъ сценъ; у него почти отсутствуетъ *эротическій* элементъ; происходитъ ли это отъ стремленія оригинальничать, или же отъ особенностей натуры композитора,—рѣшить не беремся; отмѣчаемъ лишь фактъ сходства и въ этомъ отношеніи съ Гоголемъ; наконецъ, Мусоргскій, всей душой любившій народъ, не могъ найти лучшей канвы для обрисовки народныхъ массъ и ихъ волненій, какъ тотъ, который представляетъ собой пушкинскій *Борисъ Годуновъ*, приноровленный къ опернымъ требованіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ и любовныхъ мотивовъ нѣтъ, и обширное поле дѣйствія для обрисовки народа; тутъ много моментовъ чисто-комическихъ, прекрасный матеріалъ для выясненія страстей,—хотя и ходульныхъ, по вѣрному опредѣленію Бѣлинскаго,—Бориса; тутъ и няня выведена, и ребенокъ царевичъ; словомъ, всѣ данныя къ тому, чтобы блеснуть новымъ произведеніемъ въ народномъ характерѣ. Чтобы не слишкомъ подробно останавливаться на разборѣ этого произведенія, скажемъ, что жизненность, неподдѣльный комизмъ, юморъ и художественная правда вездѣ сопровождаютъ композитора въ тѣхъ моментахъ, гдѣ онъ не жертвуетъ этими лучшими своими качествами въ пользу предвзятыхъ тенденцій и стремленія быть новымъ; въ

послѣднемъ же случаѣ, взамѣнъ вышеисчисленныхъ достоинств выступаютъ дѣланность, оригинальничанье, преувеличиванье инт нации голоса, звукоподражанія и прочіе аттрибуты новаторск школы. Авторъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ большую склонность къ г перболическимъ выраженіямъ и эта склонность, дѣйствительн нашла себѣ широкій просторъ въ *Борисѣ*.

Къ лучшимъ страницамъ оперы слѣдуетъ отнести хоров массы, народныя сцены и комическія, напр., сцена въ корчм гдѣ прекрасно охарактеризованы въ музыкальномъ отношеніи в дѣйствующія лица; весьма сильное впечатлѣніе производитъ сце Бориса въ царскихъ палатахъ, въ особенности въ мастерско исполненіи г. Мельникова; очень характерна и пѣсенка ца вича «Туру-туру пастушокъ»; ахиллесову пяту оперы состав ютъ лирическія сцены, для которыхъ требуется мелодія. Къ д тоинствамъ оперы необходимо причислить, кромѣ *комизл жизненность*, особенно сказывающуюся въ моментахъ народны движеній, неподдѣльный *юморъ*, полный трагизма, юморъ,— которомъ, по выраженію Гоголя, сквозь видимый міру смѣ слышны незримыя слезы,—проглядывающій съ особенной си въ сценѣ насмѣшливаго величанія народомъ боярина Хруще а также въ пѣснѣ юродиваго о Руси («Горе, горе Руси! Пла русскій людъ!»), проникнутой сердечной болью и оставляющ сильное и безотрадное впечатлѣніе, и, наконецъ, *правда* въ обрис кѣ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ не переходилъ за предѣ дозволеннаго эстетикой въ искусствѣ. Оркестровка временами г бовата, но въ этомъ опять слѣдуетъ видѣть дань, которую к позиторъ, быть можетъ, современемъ отказался бы платить ваторамъ, если бы онъ отрекся отъ рабскаго послушанія, одной стороны, а съ другой—продолжалъ бы трудиться для « кусства». Но въ настоящее время, когда Мусоргскій умеръ лучшей оперы въ смыслѣ «музыки» намъ не далъ, когда *Б рисъ* является единственнымъ критеріемъ для сужденія о хар терѣ его опернаго творчества, приходится еще болѣе сожалѣ что этотъ безспорный талантъ такъ увлекся теоріями куч Чтобы судить о томъ, до чего онъ увлекся ими и искренно ровалъ въ ихъ будущность, достаточно привести слѣдующее мѣ изъ письма его къ В. В. Стасову, обнаруживающее. кстати его самоувѣренность, и самонадѣянность:

«Скоро на судъ! Весело мечтается о томъ, какъ станемъ на лобное мѣсто, думающіе и живущіе о *Хованщинѣ* въ

время, когда насъ судятъ за *Бориса*. Бодро, до дерзости, смотримъ мы въ дальнюю музыкальную даль, что насъ манитъ къ себѣ, и *не страшенъ судъ*. Намъ скажутъ: «Вы попрали законы божескіе и человѣческіе!» Мы отвѣтимъ: «Да» и подумаемъ: «То ли еще будетъ?» Про насъ прокаркаютъ: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Мы отвѣтимъ: «Non, non et non, madame» (2 января 1873 г. *Вѣстникъ Европы*).

Борисъ Годуновъ шелъ только въ Петербургѣ, но и тамъ опера эта безъ всякаго видимаго основанія была снята съ репертуара; въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть вліянія партіи его противниковъ; какъ бы то ни было, опера давала сборы и охотно посѣщалась публикой; кромѣ того, она всѣми признана за произведеніе талантливое и оригинальное, хотя не безъ недочетовъ и недостатковъ; она безпорно *національная*, а семья нашихъ русскихъ композиторовъ вовсе не такъ велика, чтобы безъ всякой важной причины подвергнуть остракизму одно изъ созданій русскаго композитора; ставятся же у насъ другія оперы, которыя гораздо слабѣе и ниже *Бориса*.

Если Мусоргскій не особенно обогатилъ нашу оперную литературу, то этого нельзя сказать про его *романсовую* дѣятельность; въ этой области у него дѣйствительно есть много произведеній, вполнѣ самобытныхъ и оригинальныхъ, составляющихъ плодъ наблюдательности и талантливости; ихъ можно раздѣлить на комическіе, юмористическіе, сатирическіе, драматическіе, изъ дѣтскаго міра и др.

Комическіе романсы, не претендующіе на серьезное музыкальное значеніе и имѣющіе скорѣе характеръ шутливый, веселый, писались Мусоргскимъ въ разное время и бо̀льшей частью по поводу какихъ-либо подмѣченныхъ реальныхъ сценокъ; такимъ образомъ, произведенія эти являются слѣдствіемъ наблюденій и подсказанныхъ жизнью случаевъ, также какъ и романсы юмористическаго направленія; этимъ признакомъ отличается творчество Модеста Петровича отъ творчества другихъ композиторовъ, произведенія которыхъ есть плодъ придуманной, такъ сказать, кабинетной работы; въ этомъ обстоятельствѣ, быть можетъ, лежитъ причина ихъ жизненности и грубой реальности; но въ комическихъ романсахъ, преслѣдующихъ *шутку*, эта реальность (напр., звукоподражанія) является умѣстной и иногда даже остроумной. Къ такимъ романсамъ слѣдуетъ отнести *Козла*, въ которомъ выведена барышня, испугавшаяся въ саду козла и спря-

тавшаяся въ кусты, но не испугавшаяся своего жениха, зобразнаго и отвратительнаго, но богатаго старика; *По грибы* можетъ служить образчикомъ веселой и граціозной музыки; *минаристъ*—романсъ, рисующій въ комическомъ духѣ семи риста, принужденнаго зубрить свою латынь и неравнодушно глядывающаго на «знатную дочку попа Семена»,—одно изъ пичныхъ созданій Мусоргскаго; *Семинаристъ* напечатанъ Лейпцигѣ въ 1870 г.

Къ романсамъ *юмористическаго* характера, въ котор сквозь шутку и насмѣшку проглядываетъ сочувствіе къ бл нему, слѣдуетъ отнести *Савишну*, написанную еще въ 1865 и неоднократно исполнявшуюся въ концертахъ даровитой арти кой А. Я. Петровой. Романсъ этотъ, какъ и большинство и написанъ композиторомъ на собственный текстъ; въ этомъ ношеніи Мусоргскій опередилъ Даргомыжскаго, положившаго чало этому роду романсовъ, но не рѣшавшагося выступать своимъ собственнымъ текстомъ. Поводомъ къ *Савишнѣ* по жила подмѣченная композиторомъ сценка объясненія въ лю юродиваго молодой, красивой и здоровой женщинѣ. 1865 имѣлъ, между прочимъ, весьма грустное значеніе для соргскаго: онъ лишился горячо любимой имъ матери *); пам ея посвящены: *Колыбельная* («Спи, усни, крестьянскій сын на слова Островскаго изъ *Воеводы* и двѣ фортепіанныя пье *Няня и я* и *Первое наказаніе*; всѣ они вмѣстѣ озаглавл *Изъ воспоминаній дѣтства*; изъ нихъ *Колыбельная* испол гнетущей правды. Къ этому же типу принадлежитъ и *Озорн* пристающій къ несчастной горбатой старухѣ съ разными ком ментами и шуточками, и др.

Нѣчто новое, самобытное составляютъ его романсы *са рическаго* направленія, въ которыхъ Мусоргскій пародиров въ музыкальныхъ формахъ произведенія или направленія изв ныхъ музыкантовъ, осмѣивая ихъ педантичность, строгое соб деніе установленныхъ музыкальныхъ формъ и требованій, или критиковъ, недружелюбно относившихся къ нему и ко всей « гучей кучкѣ». Такъ, еще въ *Классикѣ* былъ осмѣянъ одинъ музыкальныхъ дѣятелей, если не ошибаемся, г. Фаминцы сначала герой романса излагаетъ свое profession de foi: «Я про ясенъ, скроменъ, въ мѣру страстенъ», затѣмъ имъ овладѣва

*) Отца онъ потерялъ еще гораздо ранѣе, въ 1853 г.

ужасъ въ виду «новаго» движенія, начавшагося въ искусствѣ, и, наконецъ, романсъ оканчивается опять въ скромномъ духѣ. *Классикъ* написанъ былъ въ 1867 г. и, конечно, приводилъ въ восторгъ гг. новаторовъ, открывшихъ въ своей средѣ человѣка, способнаго музыкально, такъ сказать, полемизировать съ анти-кучкистами.

Разумѣется, г. Стасовъ не преминулъ воспользоваться этимъ свойствомъ дарованія Мусоргскаго для осмѣянія противниковъ партіи и плодомъ его стараній былъ *Раекъ*, написанный Мусоргскимъ въ 1869 и изданный въ 1871 г., по совѣту новаторскаго критика. Здѣсь Мусоргскій подъ видомъ раешника зазываетъ публику, съ подобающими сему случаю прибаутками, полюбоваться «на великихъ на господъ, музыкальныхъ воеводъ», въ лицѣ которыхъ выведены тогдашній директоръ петербургской консерваторіи, Заремба, строгій классикъ, будто бы учившій, что «минорный тонъ—грѣхъ прародительскій, а мажорный—грѣхъ искупленія» (классическая тема); Ѳиѳъ,—сокращенное имя Ѳеофила Толстаго, музыкальнаго критика, писавшаго подъ псевдонимомъ «Ростиславъ»,—восторгающійся итальянской музыкой и всемірной дивой Патти (итальянскій фіоритурный мотивъ); г. Фаминцынъ, будто бы погибшій въ борьбѣ съ врагомъ, и Сѣровъ, названный «титаномъ», который «мчится, несется, метется, рветъ и мечетъ, злится, грозитъ», недовольный тѣмъ, что его не выбрали въ директоры русскаго музыкальнаго общества (музыкальныя темы взяты изъ *Рогнѣды* («Ты мнѣ, женка, не перечь») и *Юдиѳи*).

Раекъ—вещь довольно остроумная и оригинальная, но въ настоящее время потерявшая всякое значеніе, какъ произведеніе, написанное для извѣстнаго случая, слѣдовательно, лишенное типичности и будущности; если мы остановились на ней, то исключительно ради ея оригинальности. Но для кучкистовъ *Раекъ*, конечно, очень дорогъ; г. Стасовъ и эту вещь, на которую слѣдуетъ смотрѣть, какъ на каррикатуру и пародію, превозноситъ съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ дѣйствительно достойныя вниманія произведенія: «Ничего подобнаго этой грозной и ѣдкой сатирѣ и каррикатурѣ музыка еще *сроду не представляла*. Это было нѣчто новое и непробованное» (А *Классикъ?*). Начатъ былъ еще одинъ романсъ, и также по предложенію г. Стасова, *Ракъ* (1874 г.), въ лицѣ котораго выведенъ былъ «критикъ Л—ъ», но композиторъ не довелъ этого романса до конца, предпочитая заняться кое-чѣмъ болѣе серьезнымъ.

Такъ, у него встрѣчается цѣлый рядъ романсовъ, ри ющихъ, въ маленькихъ по объему, но большихъ по замыс картинахъ, суровую жизнь и гнетущую дѣйствительность, ставляющихъ крайнюю противуположность романсамъ комическа характера. Это—романсы чисто *драматическаго* свойства, которыхъ описано подавляющее и безвыходное горе. Къ ни слѣдуетъ отнести *Забытаго*, написаннаго на слова гр. А. Голенищева-Кутузова; эта «баллада», не однажды исполнявшая съ большимъ успѣхомъ въ концертахъ г. Корсовымъ, была вѣяна картиной того же названія нашего извѣстнаго художни В. В. Верещагина.

Къ этому же типу принадлежатъ: *Колыбельная*, о котор мы выше сказали, и *Сиротка* на текстъ композитора; въ не изображенъ голодный, дрожащій отъ холода нищій, преслѣду мый равнодушіемъ проходящихъ, къ которымъ онъ взываетъ помощи. Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ этого ро должна быть причислена и группа романсовъ, вошедшихъ въ сп сокъ посмертныхъ сочиненій Мусоргскаго и названныхъ г. С совымъ *Пѣсни и пляска смерти*, по имени героя ихъ—*Смерт* Сюда входятъ: а) *Трепакъ*, содержаніе котораго — *Смерть* мораживаетъ въ лѣсу несчастнаго пьянаго старичка; роман этотъ много разъ былъ пѣтъ на вечерахъ г-жи Шестаков (сестры М. И. Глинки) О. А. Петровымъ; b) *Колыбельна* въ которой *Смерть* изображена вырывающей изъ объятій мате больнаго и любимаго ребенка; и этотъ романсъ исполнялся концертахъ А. Я. Петровой; с) *Серенада*; здѣсь *Смерть* по видомъ трубадура задушаетъ молодую красавицу въ то врем когда онъ ей поетъ любовную серенаду, и d) *Полководец* въ этомъ романсѣ *Смерть* губитъ цѣлую толпу народа среди бу и разгара битвы; всѣ эти романсы, носящіе мрачный, подавля щій характеръ, написаны на слова графа А. А. Голенищ Кутузова и помѣчены большей частью 1874 г.

Но надъ всѣми родами романсовой дѣятельности Мусор скаго безспорно царитъ такъ называемая *Дѣтская*, пре ставляющая собою собраніе пяти романсовъ изъ дѣтскаго мір главными героями котораго, разумѣется, являются дѣти; къ с жалѣнію, этихъ романсовъ, въ которыхъ Мусоргскій вперв затрогиваетъ въ музыкѣ міръ дѣтей, если исключить дѣтс сценки для фортепіано Шумана, со всѣми ихъ привлекател ными сторонами, слишкомъ немного. Это произведеніе, хара

теризующее намъ дѣтей съ ихъ шаловливымъ и наивнымъ лукавствомъ, изображающее ихъ то капризными, то удивленными, то испуганными, по оригинальности замысла, по реальной вѣрности выведенныхъ типовъ и по талантливости выполненія въ музыкальныхъ формахъ, выдвигаетъ автора на значительную высоту; если бы композиторъ написалъ одну только эту вещь, то и тогда бы онъ уже имѣлъ право на извѣстность. *Дѣтская* можетъ смѣло считаться вкладомъ въ сокровищницу нашей музыкальной литературы. Въ составъ *Дѣтской*, озаглавленной этимъ именемъ по совѣту г. Стасова, вошли: *Съ няней*, *Въ углу*, *Жукъ*, *Съ куклой* и *На сонъ грядущій*. Художникъ И. Е. Рѣпинъ, воодушевленный живописностью этихъ сценокъ, нарисовалъ для *Дѣтской* заглавный листъ, гдѣ слово *Д-ѣ-т-с-к-а-я* составлено изъ игрушекъ, а виньетка изображаетъ собой содержаніе всѣхъ пяти романсовъ, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ.

Съ няней написано въ 1868 г. и посвящено (вмѣстѣ съ *Колыбельной Еремушки*) А. С. Даргомыжскому, посовѣтовавшему Мусоргскому «продолжать» эти произведенія изъ дѣтскаго міра; надпись, сдѣланная композиторомъ, гласитъ: «Великому учителю музыкальной правды». Въ этомъ романсѣ изображенъ ребенокъ, которому няня разсказываетъ про буку страшнаго и про княгиню съ княземъ. *Въ углу* посвященъ художнику В. А. Гартману. Няня находитъ размотанный клубокъ, спущенныя петли чулка и ставитъ Мишеньку въ уголъ, а Мишенька все сваливаетъ на котеночка, жалуется, что его напрасно обижаютъ и что онъ «больше не будетъ любить свою нянюшку, вотъ что!», и, наконецъ, когда няня остается равнодушной къ его доводамъ, онъ старается доѣхать ее тѣмъ, что у нея у самой «носикъ-то запачканный». Въ *Жукѣ*, посвященномъ В. В. Стасову, ребенокъ разсказываетъ про свой домикъ изъ прутиковъ въ саду и про ударившагося объ его щечку жука, упавшаго затѣмъ на землю. *Съ куклой* — посвященъ Танюшѣ и Гогѣ Мусоргскимъ. Дѣвочка укладываетъ свою куклу спать и разсказываетъ про волшебные сады на чудномъ островѣ. Наконецъ, въ романсѣ *На сонъ грядущій*, посвященномъ Сашѣ Кюи, выведена дѣвочка, читающая молитву предъ сномъ за всѣхъ въ домѣ, начиная съ родителей и родственниковъ и кончая цѣлымъ спискомъ крѣпостныхъ, и забывшая «Господи, помилуй и меня грѣшную»; музыка этого

романса сердечна, дѣтски-серьезна и особенно симпатична, когда она касается «бабушки добренькой».

Всѣ эти романсы очень поэтичны, художественно правдивы и заставляютъ совершенно забывать о новаторствѣ автора. Всѣ соглашаются въ томъ, что *Дѣтская*—художественное произведеніе, оригинальное, самобытное и новое. Любопытно то, что Францъ Листъ пришелъ въ такое восхищеніе, что хотѣлъ переложить *Дѣтскую* для одного фортепіано; по этому поводу Мусоргскій писалъ къ В. В. Стасову, въ Вѣну: «Я никогда не думалъ, чтобы Листъ, избирающій колоссальные сюжеты, могъ серьезно понять и оцѣнить *Дѣтскую*, а, главное, восторгнуться ею: вѣдь, все же дѣти-то въ ней россіяне, съ сильнымъ мѣстнымъ запашкомъ» (1873 г.).

Въ спискѣ посмертныхъ произведеній Мусоргскаго къ *Дѣтской* причислены: *Поѣздка на палочкѣ въ Юкки* (близъ Парголова) и *Котъ-матросъ*; г. Стасовъ упоминаетъ еще о *Фантастическомъ снѣ ребенка* и о *Ссорѣ двухъ дѣтей*, а также и о другихъ темахъ, имъ предложенныхъ композитору, которымъ, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Мусоргскій, видимо, мало придавалъ значенія этимъ своимъ произведеніямъ считая себя опернымъ композиторомъ par excellence.

Намъ остается еще упомянуть о *Пораженіи Сеннахериба* (на слова одной изъ еврейскихъ мелодій Байрона), написанномъ для хора и оркестра и посвященномъ М. А. Балакиреву, подъ управленіемъ котораго оно исполнено было на одномъ изъ концертовъ «безплатной музыкальной школы» (въ февралѣ 1867 г.), съ большимъ успѣхомъ, и объ *Іисусѣ Навинѣ* (соло и хоръ), основой для котораго послужилъ «хоръ ливійцевъ» изъ его оперы *Саламбо*; онъ подвергся значительной переработкѣ въ 1874 — 75 гг., причемъ прибавлена средняя часть: «Плачутъ жены Ханаана».

Резюмируя романсовую дѣятельность Мусоргскаго, необходимо сказать, что если Даргомыжскій говорилъ по поводу *Бориса Годунова*, что Мусоргскій «идетъ еще дальше его» (когда онъ слушалъ эту оперу въ исполненіи «кружкомъ», еще до появленія ея на сценѣ), то эти слова вполнѣ оправдались относительно романсовъ. Начало, положенное Даргомыжскимъ въ основу нѣкоторыхъ романсовъ (*Титулярный Совѣтникъ*, *Червякъ*, *Капралъ* и др.), требующее замѣны эротическаго элемента какимъ-нибудь новымъ, нашло горячаго и усерднаго послѣдователя въ Мусоргскомъ, пошедшимъ въ этомъ отношеніи еще дальше; онъ совершенно отвергъ

это чувство или же выставлялъ его только въ юмористическомъ видѣ. Также опередилъ онъ своего «учителя» въ томъ отношеніи, что большинство текстовъ его романсовъ сочинено имъ самимъ.

На нашъ взглядъ, достоинства таланта Мусоргскаго именно и сказались въ его романсахъ; даже строгое слѣдованіе новаторскимъ теоріямъ здѣсь получаетъ иную окраску: для того, что являлось лишнимъ нагроможденіемъ деталей въ оперѣ, въ романсѣ, гдѣ авторъ поставленъ въ болѣе узкія рамки, непозволяющія слишкомъ большаго распространенія, нѣтъ мѣста; далѣе чрезмѣрная склонность къ реализму тутъ опять-таки не такъ бросается въ глаза, потому что сюжеты, выбираемые для этихъ небольшихъ произведеній, требуютъ болѣе грубаго воспроизведенія дѣйствительности. Если къ этому еще прибавимъ наблюдательность композитора, соединенную съ безспорнымъ юмористическимъ талантомъ и съ врожденною любовью ко всему народному, то ясно будетъ, что въ этой области музыкальной дѣятельности Мусоргскій дѣйствительно обогатилъ нашу музыкальную литературу, внеся въ нее свѣжіе элементы, жизненные и реальные, правда, переступающіе иногда предѣлы, дозволенные эстетическими требованіями, но въ данномъ случаѣ болѣе умѣстные, чѣмъ въ оперѣ.

Заканчивая этотъ «блестящій» періодъ дѣятельности Мусоргскаго, необходимо сказать, что композиторъ за это десятилѣтіе пробовалъ свои силы на поприщѣ *балетной* музыки. Директоръ театровъ, С. А. Гедеоновъ, предложилъ чрезъ В. В. Стасова зимою 1871 г. четыремъ «товарищамъ-композиторамъ» сочинить музыку къ его оперѣ-балету *Млада*; трудъ этотъ взяли на себя: Мусоргскій и гг. Бородинъ, Кюи и Римскій-Корсаковъ; на долю Модеста Петровича выпало: нѣсколько народныхъ сценъ, маршъ и большая фантастическая сцена: *Служеніе черному козлу;* изъ нихъ маршъ, передѣланный и оркестрованный въ 1880 г., исполненъ былъ въ одномъ изъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества подъ названіемъ «Marcia alla Turca»; объ этомъ маршѣ отзываются съ похвалой.

VI.

Паденіе таланта не можетъ совершиться вдругъ; оно есть неизбѣжное слѣдствіе, вытекающее изъ цѣлаго ряда причинъ, вызвавшихъ его. Собственно говоря, нѣтъ никакой необходимости

доискиваться, отчего ослабѣлъ талантъ Мусоргскаго: были ли тому причины случайныя или постоянныя, постепенно развившіяся, или же частная жизнь его сложилась такъ, что его духовныя силы должны были придти въ окончательный упадокъ; для насъ важенъ лишь фактъ упадка его творческихъ силъ. Весьма возможно, что безпощадное отношеніе критики и отсутствіе обезпеченнаго матеріальнаго положенія, съ одной стороны, а съ другой—извѣстная лѣнь и склонность къ вину сдѣлали то, что Мусоргскій сталъ заниматься искусствомъ, спустя рукава. За этотъ періодъ онъ или заканчиваетъ раньше начатое (*Хованщина*), или же, хотя и производитъ новыя вещи, но въ нихъ уже «нельзя узнать прежняго Мусоргскаго», какъ говоритъ г. Стасовъ.

Правда, и за послѣднее время своей жизни композиторъ писалъ и инструментальныя, и оперныя, и романсовыя произведенія, но въ нихъ ужь незамѣтно того огня, который согрѣвалъ его прежнія вещи, незамѣтно и той кипучей и лихорадочной работы, которая отличала десятилѣтіе между 1865 и 1875 г.; незамѣтно также, чтобы Мусоргскій за этотъ періодъ такъ горячо отстаивалъ теоріи новаторовъ, какъ прежде; нѣкоторыя произведенія прямо доказываютъ, что онъ иногда избираетъ темы не исключительно-національнаго характера, напр., пѣсня о *Блохѣ* на текстъ изъ *Фауста* Гете. Быть можетъ, равнодушное отношеніе публики, нападки прессы и снятіе съ репертуара *Бориса* были главными виновниками перемѣны въ Мусоргскомъ; какъ бы то ни было, положеніе его за послѣднее время было очень печально, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и вслѣдствіе горькаго сознанія, что его творческія силы слабѣютъ день ото дня.

Списокъ *инструментальныхъ* вещей, написанныхъ за разсматриваемое время, не великъ: два каприччіо *Бейдарки* и *Гурзуфъ*, большая сцена *Буря на Черномъ морѣ* и неоконченная «сюита на средне-азіатскія темы» исчерпываютъ весь перечень этого рода произведеній.

Особенно торопился Мусоргскій окончить оперу *Хованщина*, начатую еще въ началѣ 70-хъ годовъ, которую постигла печальная участь: опера, какъ извѣстно, была забаллотирована большинствомъ голосовъ въ оперномъ комитетѣ и, такимъ образомъ, не увидѣла свѣта. *Хованщину* инструментовалъ г. Римскій-Корсаковъ. Содержаніе этой оперы касается эпохи борьбы старой и новой Руси.

На сцену выведены фигуры: главы раскольниковъ, Досиѳея, и

князей—Хованскаго, представителя до-петровской Руси, и Голицына, поборника западныхъ идей; въ оперѣ участвуютъ двѣ раскольницы, составляющія между собой рѣзкій контрастъ: одна, пышущая здоровьемъ и страстью, Марѳа, а другая, слабенькая, худенькая, болѣзненная и фанатичная Сусанна, находящіяся въ безпрерывной коллизіи; далѣе, тутъ выведены десятилѣтній Петръ съ потѣшными, царевна Софья со стрѣльцами, раскольничій скитъ, Нѣмецкая и Стрѣлецкая слободы, пасторъ и его семейство и пр. Въ концѣ оперы должно произойти, по словамъ г. Стасова, самосожженіе изувѣровъ, когда сильный, энергическій и умный Досиѳей увидѣлъ, что «старая Русь гибнетъ и новая начинается».

Композиторъ много работалъ надъ историческими источниками XVII вѣка и основательно изучалъ расколъ. Опера писалась въ разное время въ продолженіе восьми лѣтъ; лучшія части ея относятся къ 1872—1875 гг.; окончена она была лѣтомъ 1880 г. По словамъ людей, хорошо знакомыхъ съ *Хованщиной*, опера эта обладаетъ недостатками и достоинствами, свойственными таланту Мусоргскаго. Къ первымъ относятъ: отсутствіе въ сюжетѣ драматической цѣльности и постепенно возрастающаго драматическаго интереса и безсвязность сценъ, являющихся въ большинствѣ случаевъ разрозненными и ничѣмъ немотивированными; музыка носитъ характеръ набросковъ, гармонизація жестка и угловата. За то обрисовка хоровыхъ (народныхъ) массъ весьма талантлива, бытъ до-петровской Руси очень рельефно очерченъ, а характеристика фанатиковъ - раскольниковъ, и въ особенности главнаго, Досиѳея, превосходна. Конечно, опера не лишена элементовъ нео-реализма, напр., сцена умерщвленія князя Хованскаго, или же сцена самосожженія раскольниковъ. Несмотря на музыкальныя красоты этихъ сценъ, онѣ должны произвести на театрѣ отталкивающіе впечатлѣніе, благодаря своему ультра-реализму.

Кромѣ этой оперы, осталась другая, далеко неоконченная, комическая опера *Сорочинская ярмарка* на текстъ Гоголя. Задумана она была еще въ 1875 г.; Мусоргскій хотѣлъ создать малороссійскую роль для О. А. Петрова; съ нимъ композиторъ близко сошелся послѣ постановки *Бориса Годунова*, въ которомъ Петровъ былъ такъ неподражаемъ въ партіи монаха Варлаама. Комическія сцены во второмъ дѣйствіи *Сорочинской ярмарки* вышли очень удачными, по словамъ слышавшихъ ихъ

Списокъ *романсовъ* Мусоргскаго увеличился за последнее время еще несколькими, вошедшими въ изданіе его посмертныхъ сочиненій; изъ нихъ одна группа, написанная на текстъ гр. А. А. Голенищева-Кутузова, носитъ общее названіе *Безъ солнца* и состоитъ изъ шести произведеній: *Въ черныхъ стѣнахъ*, *Меня ты въ толпѣ не узнала*, *Оконченъ праздный шумный день*, *Скучай*, *Эллегія* и *Надъ рѣкой*. Чтобы судить о достоинствахъ этихъ вещей, достаточно привести мнѣніе г. Стасова, съ восторгами котораго мы уже достаточно познакомились; онъ говоритъ, что эти произведенія «мало даютъ уже знать прежняго Мусоргскаго».

Нашъ очеркъ былъ бы далеко не полонъ, если бы мы вовсе не упомянули о двухъ сторонахъ дарованія Модеста Петровича: онъ былъ прекраснымъ декламаторомъ и еще лучшимъ аккомпаніторомъ. Въ молодости у него былъ небольшой, но пріятный голосъ—баритонъ.

Мы уже знаемъ, что Мусоргскій исполнялъ партію Подколесина въ *Женитьбѣ*; но еще гораздо раньше онъ пробовалъ свои силы на сценическомъ поприщѣ, разумѣется, въ домашнихъ спектакляхъ. Въ 1858 г. Мусоргскій игралъ роль Порочина въ комедіи г. Крылова *Прямо на бѣло*, исполненной въ одномъ домашнемъ спектаклѣ у г. Кюи; также игралъ онъ роль Пролетаева въ *Тяжбѣ* Гоголя, затѣмъ онъ исполнилъ главную партію въ комической оперѣ г. Кюи *Сынъ мандарина*, въ которой онъ съ неподражаемымъ комизмомъ олицетворилъ китайца. Вообще нужно сказать, что онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ къ воспроизведенію разныхъ типовъ; исполнялъ ли онъ какой-нибудь романсъ или роль, онъ передавалъ изображаемое лицо, соблюдая интонацію голоса, мимику и жестикуляцію, но, притомъ, внося въ исполняемое свой личный элементъ.

Хорошо аккомпанировать — особый даръ; Мусоргскій же славился какъ замѣчательный аккомпаніаторъ. Онъ обладалъ особенной чуткостью предугадывать намѣренія исполнителя; съ нимъ легко было пѣть артистамъ; вотъ почему ни одинъ почти концертъ не обходился безъ его участія. Особенно часто фигурировалъ онъ на эстрадѣ, когда давались концерты въ пользу учащейся молодежи. По врожденной добротѣ своей, Мусоргскій никогда не отказывалъ никому въ своемъ аккомпаниментѣ и всегда раздѣлялъ успѣхъ съ артистами. Лѣтомъ 1879 г. онъ предпринялъ артистическое путешествіе по Россіи вмѣстѣ съ извѣстной артисткой, Дарьей Михайловной Леоновой, и ихъ вездѣ принимали

съ энтузіазмомъ. Во время этого путешествія онъ написалъ свои инструментальныя произведенія *Бейдарки* и *Гурзуфъ*, о которыхъ мы сказали выше. Признательная молодежь съумѣла выразить свою благодарность композитору, всегда участвовавшему въ концертахъ, устраивавшихся въ ея пользу, массой вѣнковъ, положенныхъ ею на его могилу.

Обладая столькими разнообразными талантами, изъ которыхъ каждый могъ бы дать обезпеченный кусокъ хлѣба, Мусоргскій умеръ въ нищетѣ, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ пролежалъ нѣсколько дней, оставленный на произволъ судьбы.

Заимствуемъ описаніе обстановки, среди которой пришлось скончаться этому даровитому человѣку, у одного изъ музыкальныхъ петербургскихъ критиковъ, не принадлежащаго къ новаторской школѣ и не раздѣляющаго ея тенденцій.

«Я вошелъ въ палату Николаевскаго госпиталя. Сердце невольно сжималось. Условія, при которыхъ умеръ Мусоргскій: полное одиночество, обстановка, въ которой долженъ былъ угаснуть этотъ талантъ, производили щемящее впечатлѣніе... Видно, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ умиралъ человѣкъ богемы... Прямо предъ входными дверями стоялъ шкафъ и конторка, два стула, два столика съ газетами и пятью или шестью книгами, изъ которыхъ одна была трактатомъ Берліоза *Объ инструментовкѣ;* какъ солдатъ, онъ умиралъ съ оружіемъ въ рукахъ (точь въ точь, какъ А. Н. Сѣровъ). Шевелилось невольно горькое чувство, невольно думалось о странной судьбѣ нашихъ русскихъ людей. Быть такимъ талантомъ, какимъ былъ Мусоргскій (талантъ этотъ признавали всѣ, хотя бы и не раздѣлявшіе тенденцій покойнаго), имѣть всѣ данныя, чтобы стоять высоко и жить, и, вмѣсто того, умереть въ больницѣ, среди чужаго люда, не имѣя дружеской или родной руки, которая бы закрыла глаза... Что за фатумъ преслѣдуетъ наши дарованія!..»

Картина, достойная назиданія! Быть оригинальнымъ талантомъ, превосходнымъ аккомпаніаторомъ, замѣчательнымъ декламаторомъ, всю жизнь почти провести на службѣ, имѣть массу преданныхъ «друзей», знакомыхъ и «товарищей» и умереть въ крайней нищетѣ, въ госпиталѣ, вдали отъ родныхъ, не видя предъ собой въ послѣднія минуты ни одного дружескаго лица,—это ли еще не печальный конецъ? А при жизни?

Что отрадное видѣлъ Мусоргскій? Постоянная газетная брань, насмѣшки и колкости, нападки зоиловъ, — вотъ спутники, со-

провождающіе наши выдающіеся таланты по тернистому пути ихъ жизни; нужда, голодъ, равнодушіе общества и полнѣйшая неизвѣстность относительно завтрашняго дня, — вотъ аттрибуты его частной жизни. Мудрено ли при такихъ условіяхъ таланту остановиться въ своемъ ростѣ или же совершенно заглохнуть? Нужно сознаться, мы великіе мастера разглагольствовать широковѣщательно и многошумяще и, въ то же время, на дѣлѣ пальцемъ о палецъ не ударить, чтобы поддержать въ трудную минуту свой родной талантъ! Когда же, наконецъ, мы научимся цѣнить нашихъ лучшихъ людей?

За то, нужно отдать намъ справедливость, никто лучше насъ не умѣетъ такъ помпезно обставлять ихъ похороны; тутъ всѣ становятся друзьями, проливаютъ слезы о преждевременно потерянномъ дарованіи, кладутъ вѣнки (благо вѣнокъ недорого стоитъ) на его могилу, чуть не клятвенно увѣряютъ другъ друга, что они-то и цѣнили всегда этотъ безвременно погибшій талантъ, произносятъ «теплыя слова» и горячія, прочувствованныя рѣчи (въ полной увѣренности, что онѣ на слѣдующій день появятся въ газетахъ) и даже иногда ставятъ по подпискѣ памятникъ; впрочемъ, на послѣдній не такъ-то скоро раскошеливаются (прошло 27 лѣтъ со смерти Глинки, а памятника ему нѣтъ, какъ нѣтъ). Торжественныхъ похоронъ удостоился и Мусоргскій.

Въ заключеніе мы должны признать, что Мусоргскій, хотя и слишкомъ увлекался новыми «теоріями», былъ несомнѣнно талантливъ, одаренъ самобытнымъ дарованіемъ, и какъ ни малочисленны его произведенія, онъ внесъ новую струю въ сферу нашего музыкальнаго творчества; его *Борисъ*, *Дѣтская* и многіе изъ романсовъ, изображающихъ жизнь со всѣми ея проявленіями, и, притомъ, жизнь русскую, національную, въ которыхъ онъ затрогиваетъ свѣжіе элементы,—остаются вкладомъ въ нашу музыкальную литературу; къ достоинствамъ его непремѣнно должно быть причислено и значительное расширеніе рамокъ романсовой литературы внесеніемъ новыхъ, жизненныхъ, хотя подчасъ и грубыхъ, элементовъ. Характерными признаками его таланта были: юморъ, комизмъ, наблюдательность, новизна и поэтичность во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ только не впадалъ въ гиперболизмъ и гдѣ желаніе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало не брало верхъ надъ художественными задачами и ихъ

требованіями. Менѣе убѣжденный въ святости и непоколебимости «новаго направленія» и болѣе преданный задачамъ «искусства», Мусоргскій при его талантѣ сдѣлалъ бы гораздо болѣе, но и сдѣланное имъ не должно быть забыто и имѣетъ право на извѣстность и уваженіе.

В. Баскинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ К. ШАЙНОХИ *).

(Переводъ съ польскаго).

II.

Барбара Радзивиллъ.

1. Свиданіе.,

Всякій, въѣхавши въ городъ Вильно триста лѣтъ тому н
задъ, прежде всего, замѣчалъ на лѣвомъ берегу Виліи невысок
королевскій замокъ, прилегающій къ стѣнамъ каѳедральнаго с
бора, а не подалеку обширный дворецъ Радзивилловъ, окруже
ный деревьями тѣнистаго сада. Строенія эти отдѣлялись другъ о
друга тольконе широкой улицей и рѣчкой Виленкой, котора
окруживъ однимъ изъ своихъ рукавовъ королевскій замокъ, ту
же впадала въ Вилію. Въ замкѣ проживалъ младшій король Зи
мунтъ (Сигизмундъ), 25-ти-лѣтній молодой человѣкъ, намѣстни
великаго княжества Литовскаго, нѣсколько мѣсяцевъ тому наза
овдовѣвшій послѣ своей жены Эльжбеты Ракушанки. Радзиви
ловскій домъ служилъ мѣстомъ пребыванія двумъ благороднымъ
тоже овдовѣвшимъ, дамамъ. Первая была женою каштеля
вилепскаго, гетмана великаго княжества, Юрія Радзивилла, вт
рая, ея дочь, 25-ти-лѣтняя вдова троцкаго воеводы Гаштолд
Такъ какъ каштелянка вдовѣла уже четыре, а дочь ея три год
то время обязательнаго траура прошло и обитательницы радз
вилловскаго дома безпрепятственно могли посѣщать обществ
Имъ случалось даже не одинъ разъ бывать и въ королевско
замкѣ, въ покояхъ умершей королевы Эльжбеты, всегда пер
полненныхъ гостями. Но дальше простаго знакомства дѣло

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

шло, а со смертью королевы и послѣднія сношенія замка съ дворцомъ прекратились.

Умершая королева, прекрасная, благочестивая, любимая всѣми, не пользовалась особымъ расположеніемъ своего мужа. Онъ не очень сильно оплакивалъ ее; по природѣ своей дѣятельный, любящій увеселенія, онъ съ трудомъ выносилъ скуку и однообразіе траура. Молодые придворные, окружавшіе Зигмунта Августа, всѣми силами старались по возможности развлекать его. Мѣсто публичныхъ баловъ и пріемовъ заняли холостыя пирушки, среди которыхъ король забывалъ разницу между своимъ высокимъ положеніемъ и положеніемъ своихъ товарищей. Изъ послѣднихъ можно упомянуть о Станиславѣ Кезгаллѣ, стольникѣ литовскомъ, двоюродномъ братѣ воеводши троцкой, и Станиславѣ Довойнѣ, въ то время старостѣ мерецкомъ, а позже воеводѣ полоцкомъ, тоже родственникѣ Радзивилловъ. Довойна, ловкій придворный, отчасти знакомый съ медициной, человѣкъ по тогдашнему времени очень образованный, въ особенности старался развлекать молодаго короля. Конечно, въ такой средѣ шли часто разговоры о самыхъ красивыхъ женщинахъ въ Литвѣ. Одинъ разъ вспомнили о троцкой воеводшѣ. Король имѣлъ о ней очень неясное представленіе: онъ только мелькомъ видалъ ее на прошлогоднихъ балахъ. Громкія похвалы, которыми осыпали прелестную воеводшу, склонили короля возобновить старыя впечатлѣнія. Окруженный придворной свитой, Зигмунтъ Августъ отправился навѣстить сосѣдей.

Визитъ короля доставилъ немало удовольствія обѣимъ сторонамъ. Зигмунтъ Августъ воочію убѣдился, что толки о красотѣ воеводши не были нисколько преувеличены. Такія же необычайно правильныя черты лица, такой же нѣжный цвѣтъ кожи, такая же стройная фигура не были еще рѣдкостью среди дочерей Литвы. Но чѣмъ она наиболѣе привлекала къ себѣ сердца, такъ это своими прелестными, добрыми глазами и ласковымъ голосомъ, вполнѣ гармонирующими съ медленною граціею ея движеній. На первый взглядъ казалось, что пани Гаштолдъ обладаетъ слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, но всякій, всмотрѣвшись пристальнѣе въ ея глубокіе, полные думы глаза, въ гордыя очертанія ея высокаго лба, понялъ бы, что подъ такою оболочкой можетъ таиться только великая душа. Сколько внутренней жизни виднѣлось въ этихъ задумчивыхъ, полузакрытыхъ шелковистыми рѣсницами, глазахъ!

Монастырское воспитаніе польскихъ дѣвушекъ внушало и
всегда скрывать живость души и характера подъ покровомъ бла
честивой скромности и смиренія. Конечно, самое положеніе вдов
не лишая ее прелести молодой дѣвушки, дозволяло Барба
больше свободы въ своихъ дѣйствіяхъ. Женское воспитаніе
Литвѣ было, все-таки, гораздо менѣе стѣснено, чѣмъ въ Польш
литовскія панны отлично знали силу своихъ прелестей въ дѣ
покоренія мужскихъ сердецъ. Молодая литвинка тѣмъ болѣе
гла заинтересовать молодаго короля, что онъ, воспитанный сре
огненныхъ взоровъ фрейлинъ-итальянокъ своей матери Боны,
томъ всегда вращался въ обществѣ монастырскихъ воспитанни
Короны и, естественно, жаждалъ общества совершенно противу
ложныхъ женщинъ. Теперь онъ нашелъ то, что ему было нуж
и красоту, и большую свободу въ обращеніи,—нашелъ и обрадов
ся, какъ будто увидалъ нѣчто невиданное имъ до тѣхъ поръ.

Въ свою очередь, и впечатлѣніе, произведенное Августомъ,
было обидно для его самолюбія. Высокому, стройному молодо
человѣку, съ меланхолическимъ лицомъ, съ черными волоса
надъ красивымъ лбомъ, не нужно было быть королемъ, что
понравиться. Блескъ короны еще болѣе возвышалъ его въ г
захъ матери и дочери. Обѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро
повторится посѣщеніе короля.

Оно не заставило себя ждать; напротивъ, за однимъ пос
довало другое, третье и такъ скоро одно послѣ другаго, что
терпѣніе обѣихъ женщинъ смѣнилось какою-то странною заду
чивостью. Мать и дочь еще не смѣли повѣрить другъ др
своихъ предположеній, что имъ не мѣшало принимать короля
съ большимъ и большимъ дружелюбіемъ, обращать на кажд
королевское слово особое вниманіе. Наконецъ, признаки ста
такъ ясны, что мать рѣшилась въ дружеской бесѣдѣ намекн
дочери о любви короля. Пани воеводша знала о этомъ лучше
тери, но ничего не отвѣтила. Она стала только немного весел
болѣе оживилась, что приводило короля въ совершенный восторг

Нескрываемыя чувства короля могли только развѣ удив
родственниковъ воеводши, но ни въ какомъ случаѣ не оскорби
ихъ. Дочь дома Радзивилловъ родилась не далеко отъ трона.
неприлично было сдѣлаться королевской любовницей, но коро
было прилично увѣнчать ея княжескую голову. Если прадѣ
молодаго Зигмунта Августа, Ягелло, раздѣлилъ тронъ съ не
гатой, некрасивой польской шляхтянкой, то почему же

правнуку пренебрегать бракомъ съ прелестной дочерью рода, держащаго въ рукахъ судьбы своего отечества? И такъ, опасаться Радзивилламъ было нечего, хотя будущее сильно интересовало ихъ. Возможность брачнаго союза съ воеводшей всецѣло поглотила ихъ. Пани каштелянка даже не вытерпѣла и обратилась къ помощи тайной силы. Для того ли, чтобъ узнать будущее дочери, или чтобъ сильнѣе раздуть начинающуюся любовь короля, она совѣтовалась съ литовскими ворожеями, съ какимъ-то нѣмцемъ Хогнеромъ и выписала даже изъ Варшавы извѣстную въ то время колдунью. Братья воеводши, родной Николай Рыжій, подчашій литовскій, и двоюродный—Николай Черный, маршалъ литовскій, естественные опекуны вдовы, снисходительно смотрѣли на ухаживанья короля за ихъ сестрой. Если мать и братья разсчитывали на блестящее будущее Барбары, удивительно ли, что она сама не имѣла никакихъ причинъ сомнѣваться въ немъ?

Знакомство короля съ воеводшей тѣмъ временемъ все продолжалось. Прежніе церемоніальные визиты смѣнились простыми, дружескими посѣщеніями. Августъ давно уже открылъ свои чувства предъ воеводшей и былъ выслушанъ болѣе, чѣмъ благосклонно. Все это совершалось въ тайнѣ отъ матери и братьевъ. Тайныя свиданія происходили въ радзивилловскомъ саду. Для бо́льшаго удобства, король приказалъ перекинуть мостъ черезъ Виленку, раздѣляющую дворецъ отъ дома его возлюбленной. Черезъ этотъ мостъ, идущій отъ задней калитки дворца къ калиткѣ Радзивилловъ, король каждый вечеръ направлялся въ любимый садъ. Это былъ большой итальянскій садъ, окруженный тѣнистыми шпалерами литовскихъ липъ и елей. Въ задней части сада находились большія пространства, засаженныя вишнями, яблонями и т. п. плодовыми деревьями. Около дворца серебрилось нѣсколько прудовъ, обсаженныхъ по берегамъ пахучими цвѣтами и кустарниками. Тамъ широко разраслись кусты бузины и размарина, тутъ благоухали фіалки и лавенда. Весь садъ, со своею роскошною растительностью, съ возвышающимся по серединѣ дворцомъ, выстроеннымъ недавно по плану итальянскаго архитектора изъ мало знакомаго матеріала,—изъ кирпичей,—казался тогдашнимъ литвинамъ образцомъ заграничной роскоши и изящества и какъ разъ гармонировалъ съ чувствами молодой, любящей пары, отыскивающей уединенія подъ тѣнью деревьевъ. Чувства короля были чисты. Онъ не позволилъ бы грѣховной

страсти запятнать свои отношенія къ любимой женщинѣ. Рыца-
скій поклонникъ женской красоты, французскій король Фра-
цискъ I не за долго передъ тѣмъ пустилъ на Сену нѣсколь-
лебедей; изящный сынъ Боны тоже послѣдовалъ его примѣр-
Поселившись на маленькомъ, поросшемъ вербою, островкѣ Ви-
ліи, недалеко отъ радзивилловскаго сада, лебеди долгое врем-
служили Вильно пріятнымъ напоминаніемъ о любви молода-
короля.

Но не эти сентиментальныя проявленія составляли главну-
суть садоваго романа. Въ немъ крылось глубокое чувство, с-
грѣвающее влюбленную пару, въ особенности сердце Августа.
Что Барбара любила его, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаг-
Одних лѣтъ съ Зигмунтомъ, но какъ женщина, старше е-
морально, она хорошо видѣла всѣ выгоды своего теперешня-
положенія. Позднѣйшія событія достаточно убѣждаютъ насъ, в-
какой цѣнѣ была у ней корона. Когда, нѣсколько лѣтъ спуст-
упорное сопротивленіе страны противъ признанія брака Барбар-
съ королемъ угрожало ему даже низверженіемъ съ трона; когд-
множество сильныхъ пановъ отказались ему повиноваться, а п-
всей Польшѣ ходили уже слухи о безкоролевьи, въ Барбарѣ н-
на минуту не проснулось желаніе усмирить приближающуюс-
бурю, хотя для этого нужно было отказаться только отъ одно-
публичнаго объявленія брака, отъ коронаціи. Еслибъ не изуми-
тельная ловкость и энергія Августа, Барбара наградила бы муж-
за доставленную ей корону лишеніемъ этой же короны. Корон-
занимала одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ мысляхъ наше-
героини. Къ счастью для нея, ей не приходилось притворяться-
насиловать себя. Въ порѣ первой молодости, красивый, строй-
ный, вдобавокъ, такъ беззавѣтно любящій, могъ ли Зигмунт-
возбудить въ женщинѣ другое чувство, помимо любви? Нико-
и въ голову не приходитъ недовѣрчиво отнестись къ чувствам-
воеводши. Въ концѣ она любила дѣйствительно, всею душою.
Но насколько безкорыстнѣе ея любви была любовь Августа! Бар-
барѣ этотъ союзъ сулилъ только тріумфы да радости, Августу же
вплоть до смерти жены, одни мученія. Еслибъ исторія доброд-
телей королей считалась бы исторіей народовъ, то ничѣмъ не-
поколебимое постоянство Августа и сила его привязанности заста-
вили бы всѣхъ сказать, что не было на свѣтѣ короля выш-
Зигмунта по отношенію къ Барбарѣ. Такая глубина и сила чувств-
дѣлаютъ прелесть свиданій въ саду чище и лучше всѣхъ досел-

извѣстныхъ романовъ. Какъ мы увидимъ дальше, это знала и цѣнила сама Барбара. Въ торжественную минуту, когда всѣ земныя, тлѣнныя соображенія меркнутъ передъ вѣчнымъ, она предпочла мѣсто своихъ свиданій чести покоиться посреди королей.

Любовь нашей пары продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ,— довольно долго для того, чтобъ вѣсти о ней успѣли разнестись по всей странѣ. Дошли онѣ и до Короны, на дворъ стараго короля Зигмунта. Перепуганная королева Бона, вмѣстѣ съ королевнами, начала осаждать сына письмами, отговаривая его отъ неровнаго брака. То же самое рѣшила предпринять и радзивилловская семья. Теперь было уже несомнѣнно, что любовь короля созрѣла настолько, что никакія препятствія не преодолѣютъ ее. Даже болѣе: препятствія могли еще больше разжечь ее. И вотъ собрался семейный совѣтъ, состоящій изъ пани каштелянки и обоихъ Наколаевъ, Рыжаго и Черняго. Братья отправились къ королю съ покорнѣйшей просьбой — прекратить свои посѣщенія радзивилловскаго дома, такъ какъ эти посѣщенія на всю семью, а въ особенности на пани воеводшу набрасываютъ дурную тѣнь. Пораженный король сообразилъ всю резонность требованій Радзивилловъ и, всегда готовый идти за первымъ побужденіемъ своихъ великодушныхъ чувствъ, далъ слово, что больше не переступитъ порога дома воеводши. Братья удалились съ глубокимъ поклономъ, по литовскому обычаю. Августъ мужественно подавилъ сердечную боль; больше онъ не долженъ былъ видѣть воеводшу.

И долго, долго не видалъ онъ ее. Но развѣ онъ могъ не видать ее вовсе? Гдѣ то утѣшеніе, которое вознаградитъ его за такую жертву? Дѣйствительно, требовало ли этого благо народа? Влюбленный король рѣшительно отвергалъ подобное предположеніе. Въ продолженіи своей любви онъ видѣлъ единственное средство вознести, осчастливить любимую имъ женщину. Нѣтъ, онъ не перестанетъ любить. Нужно только снестись какъ-нибудь съ воеводшей, чтобы снова видѣться съ ней тайно въ прелестномъ радзивилловскомъ саду.

Старая пани каштелянка въ это время совѣщалась со своими ворожеями и колдуньями, братья внимательно стерегли садовую калитку, отлично зная, что имъ дѣлать въ случаѣ прихода молодаго короля, а пани воеводша повсюду разыскивала денегъ взаймы. Прекрасныя вдовы очень часто бываютъ въ стѣсненныхъ

денежныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ болѣе могло это случить
съ нашей героиней, которая принуждена была дорого оплачиват
чтобъ ея тайныя свиданія не разгласились. И вотъ въ то врем
когда молодой король Литвы и Польши горѣлъ всѣмъ пыло
страсти, прелестная воеводша оставляетъ у какого-то пана Ив
новскаго золотую цѣпь и два парчевыхъ чепрака, вѣсящіе вм
стѣ 227 червонныхъ венгерскихъ злотыхъ и шесть съ половино
гривенъ, за сто двадцать восемь копъ грошей, 96 гарнцевъ ме
(послѣдній, вѣроятно, для потребностей большой свиты) и выдае
залогодателю обязательство на русскомъ языкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выдачи этого манускрипта Зи
мунтъ Августъ, наконецъ, могъ видѣться съ воеводшей. Это бы
въ концѣ сентября 1537 года, въ ясную осеннюю ночь. Взя
съ собою своихъ старыхъ друзей, стольника Кезгаллу и старос
Довойну,—и тотъ, и другой друзья Радзивилловъ,—молодой к
роль знакомою дорогою вошелъ въ любимый садъ. Приближе
ные короля остались въ сторонѣ, а молодой король поспѣшилъ
покои воеводши, упасть къ ногамъ возлюбленной. Когда радос
новаго свиданія изгладила изъ сердецъ любовниковъ всѣ слѣ
горя прошлой разлуки, двери отворились и въ комнату вош
Радзивиллы.

— Ваше величество дали слово не бывать у нашей сестры,-
сказали они,—зачѣмъ же вы пришли теперь?

Августъ гордо посмотрѣлъ имъ въ глаза.

— Кто знаетъ?—отвѣтилъ онъ.—Можетъ быть, мое посѣщ
ніе покроетъ васъ вѣчной славой и честью!

— Дай Богъ!—воскликнули Радзивиллы и, снова раствори
двери, позвали ксендза, который находился въ сосѣдней комна
въ полномъ облаченіи. Явилась старая пани каштелянка со стол
никомъ Кезгаллой и въ присутствіи этихъ четырехъ лицъ бра
ный союзъ соединилъ навсегда счастливыя руки застигнуты
любовниковъ.

Важный актъ долженъ былъ остаться въ самой строгой тайн
Отъ этого зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ его обнародовані
Супруга короля осталась при матери, во дворцѣ Радзивилло
а свиданія, теперь безпрепятственныя, совершались подъ пр
крытіемъ той же таинственности, что придавало имъ еще бол
прелести.

Къ сожалѣнію, не долго молодой парѣ можно было наслаждать
своимъ счастьемъ. Въ половинѣ ноября Зигмунтъ Августъ до

женъ былъ ѣхать въ Польшу, въ Краковъ, чтобы тамъ въ своей семьѣ или на предстоящемъ пётрковскомъ сеймѣ сдѣлать первую попытку придать законный видъ своему браку съ воеводшей. Желаніе упрочить положеніе Барбары заставляло короля разстаться съ нею въ первыя же недѣли супружескаго союза; Августъ мужественно оставилъ любимую женщину для проведенія ея же дѣла и думалъ только о томъ, какъ бы уберечь свое сокровище во время разлуки. Дворецъ Радзивилловъ не казался пригоднымъ для этой цѣли. Требовалась величайшая тайна, даже, можетъ быть, охрана жизни жены короля, на которую могли бы обрушиться всѣ послѣдствія гнѣва отца Зигмунта и ярости его партіи и—кто знаетъ?—подосланные убійцы въ то время вовсе не были рѣдкостью. Барбару нужно скрыть въ какомъ-нибудь отдаленномъ, укрѣпленномъ, недоступномъ мѣстѣ. Какъ разъ этимъ требованіямъ соотвѣтствовалъ радзивилловскій замокъ Дубинки, находившійся въ семи часахъ пути отъ Вильно. Тамъ жена короля должна была прожить неопредѣленное время, подъ охраною своего брата Николая Рыжаго и Станислава Довойны. Около 15 ноября 1547 г. изъ Вильно выѣхало нѣсколько придворныхъ экипажей, увозящихъ короля въ Польшу, а его прелестную супругу въ уединенныя Дубинки.

II. Дубинки.

Со времени поселенія въ Дубинкахъ для Барбары начались дни ея горькихъ разочарованій. Какая страшная разница между сладкими грезами и мечтаніями минувшихъ свиданій съ милымъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ виленскаго сада и теперешней суровой дѣйствительностью! Счастье обыкновенной, будничной любви воеводша могла бы найти въ обыкновенномъ брачномъ союзѣ. Единственная утѣха для нея, это—слышать титулъ «ваше королевское величество», которымъ величали прелестную Барбару немногіе ея приближенные друзья и котораго она еще не могла услыхать изъ устъ другихъ, въ присутствіи многочисленной толпы народа. Какъ дорого пришлось ей заплатить за это пятимѣсячной разлукой съ мужемъ, томительною скукою въ одиночествѣ!

Замокъ лежалъ на высокой горѣ, посреди широкой долины, окруженной поросшими лѣсомъ возвышенностями. Подножіе горы омывалось кругомъ озеромъ, — главнымъ укрѣпленіемъ замка. Дальше, по долинѣ лѣтомъ желтѣли нивы, зеленѣли паст-

бища. Почти весь горизонтъ былъ закрытъ темнѣющимъ по вершинамъ непроходимымъ лѣсомъ.

Воображеніе теперешнихъ туристовъ любитъ представлять себѣ эту окрестность при блескѣ лѣтняго солнца, когда изъ оконъ высокаго замка открывался красивый видъ на простирающіяся внизу пространства зрѣющихъ хлѣбовъ, на вѣнецъ лѣсовъ вокругъ. Но теперь и совсѣмъ нѣтъ замка въ Дубинкахъ, исчезли даже развалины жилища возлюбленной Ягеллона, а когда она въ первый разъ выглянула изъ окна замка, все кругомъ было сѣро подъ непривѣтливымъ осеннимъ небомъ.

Всѣ обстоятельства складывались самымъ неблагопріятнымъ образомъ для Барбары. Разлука съ Августомъ, неизвѣстность, долго ли ей придется жить въ Дубинкахъ, осенняя непогода, наконецъ, самый путь до Дубинокъ, шестнадцати часовая дорога по грязи съ ранняго утра до поздней ночи,—все это неблагопріятно повліяло на супругу короля. Пани каштелянка сама ухаживала за дочерью, а ловкій Довойна исполнялъ обязанности доктора. Съ этой цѣлью, главнѣйшимъ образомъ, Августъ и прикомандировалъ его къ дубинскому замку. Панъ староста мерецкій, правда, не видалъ иныхъ симптомовъ, кромѣ «необъяснимыхъ рыданій, сопровождаемыхъ частыми и глубокими обмороками», но за то эти явленія бывали такъ внезапны и сильны, что старосту безпокоили по нѣсколько разъ не только днемъ, но даже и ночью. Не даромъ бѣдный Довойна жалуется въ письмѣ къ Августу, что если это продолжится долѣе, то онъ съ ума сойдетъ, а прошлая недѣля показалась ему за годъ. Но сквозь эту кажущуюся фамильярность проглядываетъ тонкая лесть. Если такое состояніе духа королевы являлось послѣдствіемъ разлуки съ мужемъ, то недовольство Довойны ясно характеризовало степень любви королевы къ счастливому Августу. Дальше онъ повторяетъ то же, но уже прямо. «Клянусь вашему величеству,—пишетъ онъ, — я никогда не видалъ, чтобы какая-нибудь жена любила такъ своего мужа, какъ ея величество любитъ своего супруга и повелителя. Quia probavi et vidi». Уединеніе дубинской жизни прерывалось только письмами молодаго короля. Позже, прибывъ на коронный сеймъ въ Пётрковѣ, Августъ долженъ былъ обратить все свое вниманіе на положеніе текущихъ дѣлъ, чтобы, пользуясь обстоятельствами, сгруппировать вокругъ себя партію при дворѣ и въ народѣ,—партію, которая помогла бы ему въ дѣлѣ объявленія Барбары королевой. Оттого королевскія письма ста-

новятся болѣе рѣдкими и жители Дубинокъ больше пробавляются вѣстями и слухами изъ Польши, часто совершенно нелѣпыми.

Въ это время прелестная Барбара развлекала себя дѣлами благочестія. Это вѣрное средство должно было положить конецъ ея теперешнему невеселому положенію. Жена короля со смиреніемъ духа сняла свои роскошныя одежды и облеклась въ рубище. Она даже, на время разлуки съ мужемъ, приняла на себя обязанности монахинь бернардинскаго ордена. За два или за три часа до разсвѣта она поднималась съ постели, шла въ церковь, стоящую на замковой горѣ, и тамъ горячо молилась за Августа и себя Придя отъ обѣдни, она каждый день щедро одѣляла милостыней нищихъ и убогихъ, не знающихъ, изъ какой руки они принимаютъ подаяніе. Теперь, съ надеждами на блестящую корону, Барбара приняла видъ сокрушенной, горькой вдовы, оплакивающей смерть мужа, чего вовсе не было послѣ смерти троцкаго воеводы.

Но все это не было въ состояніи утолить тоску разлуки и уединенія. Какимъ счастливымъ считался тотъ день, когда кто-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ молодаго короля заѣзжалъ въ Дубинки, чтобы привести оттуда извѣстія Зигмунту! Вмѣстѣ съ нимъ прибывали и письма короля къ женѣ и ея охранителямъ, а часто и подарки. Такой неожиданный посолъ явился въ первую недѣлю пребыванія въ Дубинкахъ, въ лицѣ Флоріана Зебжидовскаго, секретаря Августа. Онъ ѣхалъ вслѣдъ за королемъ въ Пётрковъ. Радостно встрѣтивъ гостя, Барбара заперлась въ комнатѣ писать письмо королю.

Большой листъ бумаги, сложенный вдвое, лежалъ передъ прелестной избранницей Августа. Выбравъ перо, она протянула свою изящную ручку, которую Августъ такъ часто осыпалъ горячими поцѣлуями, въ лѣвый уголъ полулиста и начала:

«Возлюбленный супругъ и повелитель! Ѣдущій за вашимъ величествомъ панъ Зебжидовскій былъ такъ добръ, что заѣхалъ къ намъ въ Дубинки»... Тутъ королева ошиблась, нѣсколько разъ перечеркнула слѣдующее слово и продолжала далѣе: «и спрашивалъ меня, не будетъ ли у меня какихъ порученій къ вашему величеству? И, услыхавъ это, я оченъ обрадовалась, что могу послать черезъ пана Зебжидовскаго письмо къ вамъ, о здоровьѣ и счастьѣ котораго я всегда горячо молю Господа Бога. И еще при томъ письмѣ посылаю вашему величеству (тутъ ошибка въ словѣ «колечко») колечко, которое убѣдительно прошу ваше

величество милостиво принять отъ своей слуги, носить всегда при себѣ и памятовать обо мнѣ». Здѣсь оканчивается первая страница. Перевернувъ листъ, рука Барбары продолжала писать далѣе: «И хотя я не знаю, чѣмъ заслужила свое счастье, и могу ли быть вѣрной помощницей вашего величества, но такъ какъ ваша милостивая воля избрала меня, то прошу васъ вѣрить мнѣ, что я всегда молю Бога за здоровье моего короля и господина и за то, чтобъ поскорѣе увидать его въ добромъ здоровьѣ». Ниже, на серединѣ страницы — «вашего королевскаго величества», а въ самомъ низу, въ правомъ углу—«нижайшая и покорная слуга Б. Р.».

Барбара сложила письмо и, надписавъ: «Его к. в., моему господину, въ собственныя руки отъ королевы Барбары изъ Дубинокъ», запечатала фамильною печатью Радзивилловъ.

Обрадованный порученіемъ, Зебжидовскій не много важнаго могъ передать королю. Настолько же несодержательны были и извѣстія отъ короля изъ Польши. Не смѣя раньше времени открыть тайну своего брака отцу и матери, онъ довѣрился только двумъ вліятельнымъ сенаторамъ: Яну Тарновскому, ксендзу краковскому, и епископу Самуэлю Мацѣевскому. Тѣ, не желая вступать съ королемъ въ какія-либо пререканія по этому поводу, почти одобрили его бракъ, но сдѣлать бо́льшаго съ своей стороны ничего не могли. Главною цѣлью поѣздки короля было найти какъ можно больше сторонниковъ въ Великой и Малой Польшѣ. Свѣдѣнія о неопредѣленномъ положеніи дѣлъ, очевидно, не могли особенно радовать жителей Дубинокъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Зима вступила въ свои права, а вмѣстѣ съ ея приходомъ прибавились новыя заботы и опасенія охранителямъ супруги короля. Если въ выборѣ дубинскаго замка важную роль играли соображенія о его неприступномъ положеніи, то зимою эти соображенія оказывались несостоятельными. Замерзшее озеро, главная защита замка, открывало зимою свободный доступъ къ замку. «Лѣтомъ,—пишетъ староста мерецкій Зигмунту Августу, — когда Дубинскій замокъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою, можно бояться развѣ только одного Бога, но зимою...» Зимою нужно было удвоить бдительность. Охранители королевы такъ и дѣлали, ни днемъ, ни ночью не предаваясь безпечности. Подчашій литовскій вмѣстѣ со старостой обходили стражу у башень замка, а прелестная королева сидѣла у окна своей угольной комнаты надъ озеромъ и не

спускала взора съ дороги, не изъ боязни вражескаго нашествія, а только чтобъ увидать, не ѣдетъ ли кто со стороны Вильно, не везетъ ли вѣсти отъ короля.

Въ это время ожиданія извѣстій извнѣ, внутри случилось странное происшествіе. Однажды, когда подчашій и староста бесѣдовали съ королевой въ ея угольной комнатѣ, часть пола обрушилась на ихъ глазахъ. Можно себѣ вообразить испугъ королевы! Полумертвою ее перенесли въ противуположную часть замка. Послѣ тщательнаго и скораго изслѣдованія, староста и подчашій убѣдились, что въ подвалѣ подъ комнатой лопнулъ одинъ изъ сводовъ. Все это было такъ очевидно, что не допускало рѣшительно никакихъ другихъ толкованій. Виною всему недосмотръ самихъ охранителей. Подчашій принялъ всю вину на себя и въ подробномъ письмѣ къ королю изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, во избѣжаніе какихъ нибудь ложныхъ и невѣрныхъ слуховъ, которые могли бы понапрасну встревожить короля.

А это было вовсе не лишнимъ. Къ довершенію всѣхъ непріятностей разлуки короля съ обожаемой женщиной, пошли разныя сплетни. Завистливые люди не могли простить Барбарѣ ея возвышенія и начали распускать слухи, неблагопріятные для влюбленной пары. Изъ Дубинокъ въ Пётрковъ, изъ Пётркова въ Дубинки перелетали новости, и очень дурныя новости. Такъ, недавно, жена литовскаго подскарбія, Горностаева, получила извѣстіе, что будто бы молодой король, видя невозможность признанія его брака родителями и народомъ, началъ охладѣвать къ Барбарѣ и посвятилъ свое сердце новымъ привязанностямъ. Мало-по-малу эта вѣсть дошла до Дубинокъ и сильно взволновала бѣдную Барбару. Только письмо Августа, однимъ словомъ презрѣнія уничтожившаго эту «гнусную ложь», немного успокоило королеву. Точно также и паденіе пола въ Дубинкахъ послужило основаніемъ нелѣпымъ слухомъ въ Коронѣ. Нѣкто панъ Лащъ, только что прибывшій изъ Вильно въ Пётрковъ, перепугалъ Августа подробнымъ описаніемъ происшедшаго. По его словамъ, королева была вся засыпана обломками; глаза ея сильно пострадали отъ известковой пыли. Подчашій, который въ это время, вмѣстѣ съ Довойной, находился внизу, подъ комнатой, сломалъ руку и ногу, а староста мерецкій такъ перепугался, что нѣсколько дней ничего не говорилъ.

Но сплетни умолкли и въ Дубинкахъ вновь воцарилась мертвая тишина. Пребываніе въ этомъ укрѣпленномъ изгнаніи ста-

новилось невыносимымъ. Нетерпѣливый староста въ своихъ письмахъ къ королю называлъ теперешнюю свою жизнь «тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ». Подчашій Радзивиллъ могъ себя утѣшать, по крайней мѣрѣ, надеждой скоро увидать корону на головѣ своей сестры. Еще горячѣе мечтала о томъ же Барбара, постоянно глядя въ окно на виленскую дорогу и ожидая, скоро ли увидитъ того, кто скажетъ: «король ѣдетъ!»

И вотъ, наконецъ, королева дождалась письма отъ Августа который писалъ, что Вильно вновь увидитъ его въ половинѣ февраля. Немного спустя, новый гонецъ донесъ, что король уже въ Вильно. Но какъ мало радостнаго въ этомъ извѣстіи Вмѣсто ожидаемаго призыва прибыть въ столицу Литвы, вмѣсто пріѣзда Августа въ Дубинки, пришло королевское письмо, предписывающее Барбарѣ остаться въ Дубинкахъ до тѣхъ поръ пока обстоятельства не соединятъ супруговъ.

Это письмо какъ громомъ поразило Барбару. Опять ожиданія Можетъ быть, слухи объ охлажденіи Августа къ ней не был ложными? Обмороки начали вновь повторяться съ прежнею силою Теперь уже и подчашій не могъ ничего подѣлать съ сестрой Смягченный ея настойчивыми просьбами, онъ самъ отправилс въ Вильно разузнать, въ какомъ положеніи стоятъ дѣла, н смотря на строгое приказаніе Зигмунта не покидать королевы н на минуту. Панъ подчашій везъ письмо Барбары къ мужу,— письмо, ясно рисующее безпокойство Барбары.

«Я, нижайшая слуга вашего величества, осыпанная ласкам вашими, никогда не осмѣлюсь сомнѣваться въ высокомъ распо ложеніи вашего величества ко мнѣ, и по сей день не сомнѣваюс только мнѣ больно одно, что, находясь такъ близко отъ вашег величества, я ничего не знаю о вашемъ здоровьѣ и опасаюсь, как бы оно, сохрани Богъ, не пострадало отъ тяжкихъ трудовъ вашихъ и долгой дороги. Пусть во всемъ будетъ воля вашего величества только я удержаться не могу и посылаю къ вамъ вашего вѣр наго слугу, а моего брата, пана подчашаго, которому я дал порученіе увидать васъ и въ тотъ же день извѣстить меня вашемъ здоровьѣ. Поручаю себя милостивому вниманію вашег величества. Б. Р.»

Подчашій засталъ Августа неизмѣнившимся по отношенію к Барбарѣ, но обремененнымъ новыми непріятностями. Ничего почт не сдѣлавъ въ Коронѣ, Августъ и въ самой Литвѣ нашелъ нео жиданную оппозицію противъ своего брака. Собранные въ Вильн

для привѣтствія короля паны совѣта великаго княжества, наущенные врагами Радзивилловъ, осадили Августа просьбами оставить безъ послѣдствій теперь уже всѣмъ извѣстный бракъ. Августъ далъ отрицательный отвѣтъ; анти-радзивилловская партія начала мстить, распуская нелѣпые слухи о Барбарѣ и распространяя повсюду оскорбительные для ея чести сатиры и пасквили. Послѣдніе даже наклеивались во множествѣ на стѣны замка и ратуши. При такомъ положеніи вещей вовсе не время было публично признать за Барбарой королевскій титулъ. Подчашій получилъ приказъ немедленно вернуться въ Дубинки, увѣрить Барбару въ неизмѣнной привязанности мужа и уговорить ее быть терпѣливою.

Возвращеніе брата мало порадовало Барбару. Терпѣніе ея могло, такимъ образомъ, протянуться на многія лѣта. Письма короля были такъ однообразны, требовали только одного терпѣливаго выжиданія, что потеряли всякую прелесть новизны. Новое двухмѣсячное пребываніе въ «дубинскомъ узилищѣ», невозможность видѣть любимаго человѣка, несмотря на незначительное 7-ми мильное разстояніе, отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга, едва ли могло благопріятно дѣйствовать на расположеніе духа Барбары. Она вся измѣнилась, похудѣла, сдѣлалась равнодушною къ окружающему. Въ такомъ состояніи застало ее письмо Зигмунта Августа въ половинѣ апрѣля мѣсяца. Какая неожиданная, поразительная новость заключалась въ этомъ письмѣ! Вотъ что писалъ король:

«Панъ подчашій! Необходимо и въ высшей степени важно,—а почему, вы узнаете отъ меня впослѣдствіи,—чтобъ ея величество, наша возлюбленная супруга, прибыла въ Вильно завтра ночью, тайно, и остановилась бы въ вашемъ домѣ. Вещи, которыя ей необходимы, могутъ быть привезены въ субботу. Намъ же необходимо, sic astra volunt, чтобы завтра certe, certissime она была въ Вильно. Что касается ея вступленія въ замокъ, о томъ поговоримъ при личномъ свиданіи. Четвергъ, 48. Sigismundus Augustus Rex Pol».

Такъ вотъ зачѣмъ такъ неожиданно призывали Барбару! Ее хотятъ ввести въ замокъ и представить всему народу великаго княжества, какъ супругу короля и князя! Откуда такая неожиданная перемѣна? Привезшій письмо на всѣ вопросы отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ и что ни въ Вильно, ни при королевскомъ дворѣ особаго ничего не случилось. Письмо Зигмунта

Августа откладывало на дальнѣйшее время всякое объясненіе. Нужно было подавить безплодное любопытство и поскорѣе собираться въ дорогу. Какъ веселы были эти хлопоты Барбарѣ! Благодаря ея усиліемъ, утромъ слѣдующаго дня она могла оставить ненавистныя Дубинки. Послѣ пятимѣсячной жизни въ ихъ стѣнахъ, она помчалась въ каретѣ шестерикомъ по знакомой, хорошо знакомой дорогѣ въ милое Вильно, въ старинный великокняжескій замокъ.

III. Въ маломъ замкѣ.

Двухдневный промежутокъ времени, который истекъ отъ посылки королевскаго письма, совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ въ Вильно. Окружающіе Зигмунта, свита, дворъ, населеніе города,—все было занято свѣжею вѣстью изъ Кракова. Старый король Зигмунтъ умеръ. Донесъ о томъ королю высланный изъ Кракова секретный гонецъ. Черезъ четыре дня прибылъ оттуда Янъ Пшерембскій, ксёндзъ-пробощъ каѳедральнаго собора, съ торжественнымъ извѣстіемъ о смерти стараго и вступленіи на престолъ давно уже коронованнаго молодаго короля. Зазвонили всѣ виленскіе колокола и зажглись тысячи восковыхъ свѣчей внутри виленскихъ храмовъ, при унылыхъ напѣвахъ заупокойной службы. Зигмунту Августу нужно было какъ можно скорѣе торопиться въ Краковъ принять бразды правленія. Близкій его отъѣздъ стянулъ въ Вильно массу пановъ, явившихся проститься съ своимъ великимъ княземъ. Среди всеобщаго шума и волненія, приготовленій къ выѣзду короля изъ столицы и порученія управленія дѣлами великаго княжества совѣту магнатовъ, могъ ли обратить на себя вниманіе тихій въѣздъ жены короля и ея поселеніе въ фамильномъ домѣ Радзивилловъ? Тамъ, скрываясь ото всѣхъ, тихо прожила она нѣсколько слѣдующихъ дней, до вторника 17 апрѣля 1548 года.

Въ этотъ памятный день Зигмунтъ Августъ созвалъ къ полудню въ замокъ на великій совѣтъ всѣхъ проживающихъ въ Вильно пановъ и сановниковъ литовскихъ. Множество публичныхъ дѣлъ задержало собравшихся въ замковой залѣ до часу пополудни, или, какъ тогда говорилось, до девятнадцати часовъ. Въ это время въ комнатѣ, прилегающей къ залѣ, послышался шумъ шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ. Зигмунтъ Августъ услыхалъ это съ очевиднымъ удовольствіемъ и, привставъ съ мѣста,

обратился къ совѣту: «Важныя причины заставляли меня скрывать до сегодня то, что я теперь открываю вамъ. Барбара Радзивиллъ, воеводша троцкая, — моя жена, обвѣнчалась со мной по христіанскому обряду, въ присутствіи ея родственниковъ. Знайте, что подобный союзъ, заключенный законнымъ образомъ между христіанами, никакая сила расторгнуть не можетъ». Онъ приблизился къ дверямъ залы и распахнулъ ихъ. Въ сѣняхъ стояла Барбара, въ великолѣпной королевской одеждѣ, въ сопровожденіи братьевъ и многочисленной свиты пановъ и дамъ, высланныхъ королемъ въ радзивилловскій дворецъ для сопровожденія королевы.

Представивъ удивленному совѣту прелестную Барбару, король выразилъ желаніе, чтобы отнынѣ ее, «избранную имъ изъ знатнѣйшаго дома Литвы и рожденную отъ знаменитаго отца, почитали повсюду и отдавали почести, какъ королевѣ и госпожѣ». Послѣ этихъ словъ онъ приблизился къ Барбарѣ, какъ къ признанной женѣ, взялъ ее за руку и, сопровождаемый всею свитою, повелъ во внутренніе покои, назначенные для ея помѣщенія. Но нужно было озаботиться о назначеніи штата для двора королевы. Станиславъ Мацѣевскій, братъ приверженца короля, епископа краковскаго, получилъ званіе гофмейстера, Янъ Тарло— подчашаго; Станиславъ Довойна, охранитель королевы во время пребыванія въ Дубинкахъ, былъ награжденъ полоцкимъ воеводствомъ. Торжественный обѣдъ закончилъ этотъ памятный для Барбары день,—первый шагъ ея къ трону.

Столь горячо ожидаемая корона была близка, но какою цѣною пришлось покупать ее! Предстояла вторая тяжелая разлука. Прошло десять дней и Августъ вновь долженъ былъ покинуть Барбару и спѣшить въ Краковъ. Утро 28 апрѣля напомнило Барбарѣ ея жизнь въ Дубинкахъ. Изъ семи мѣсяцевъ ея супружеской жизни начинался шестой разлуки съ любимымъ человѣкомъ. Не пришлось ли когда-нибудь Барбарѣ пожалѣть о королевскомъ санѣ Августа? Не случилось ли ей позавидовать простымъ, неизвѣстнымъ людямъ, которымъ судьба не предписываетъ разставаться другъ съ другомъ?

Барбара улыбнулась бы только при такомъ сентиментальномъ вопросѣ. Кто узналъ все очарованіе короны, можетъ ли тотъ жаловаться на ея тяжесть? Здѣсь, на каждой ступени, на этой лѣстницѣ Іакова отъ земли къ небесамъ, открывается новый горизонтъ наслажденій и страданій, новая сфера стремленій и поры-

вовъ, незнакомая толпѣ. Здѣсь всѣ будничныя, обыденныя стра
сти кажутся мелкими и ничтожными; то, что снизу кажетс
такимъ, на верху представляется иначе, въ иномъ освѣщеніи
новыхъ краскахъ; любовь нашей Барбары, всѣми силами душ
стремящейся къ коронѣ, почти теряетъ всякій видъ идиллическо
любви. Самая пылкая мечта обыкновенныхъ любовниковъ—сов
мѣстное пребываніе другъ съ другомъ уступило здѣсь мѣст
полному подчиненію обстоятельствамъ, почти постоянной разлукѣ
жажда дѣлить свои мысли, слить души во едино должна была в
романѣ Барбары преобразиться въ подчиненныя отношенія слуг
къ господину,—слуги, обязанной каждое вольное слово любв
стѣснять каменной стѣной неизмѣнной формулы—«ваше величе
чество». Неужели же, въ награду за всѣ эти пожертвованія, он
не могла мечтать о коронѣ, о союзѣ съ монархомъ?

Барбара поняла свою роль, примирилась съ необходимость
разлуки и нетерпѣливо ожидала того момента, когда мужъ позо
ветъ ее въ Польшу, въ замокъ краковскій, въ тотъ благословен
ный край, гдѣ корона увѣнчаетъ ея главу. А пока малый ви
ленскій замокъ долженъ былъ удовлетворять ея страсти къ вла
дычеству. Жену Августа окружалъ многочисленный и блестящі
дворъ. Самые важные сановники княжества отдавали ей надле
жащую честь; молодые, незнакомые съ бывшей воеводше
троцкой, спѣшили съ заявленіемъ своей преданности велико
княжнѣ литовской. Тѣмъ труднѣе было сладить со старыми па
нами. Они, знающіе Барбару съ малыхъ лѣтъ, привыкли требо
вать отъ нея больше почтенія къ своимъ старымъ годамъ, чѣм
повиноваться ей, какъ королевѣ. Среди церемоніальныхъ пріемов
Барбара чувствовала себя глубоко оскорбленною. Ея горькія жа
лобы на недостаточно почтительные поклоны, а иногда даже н
ядовитыя слова нѣкоторыхъ литовскихъ матронъ дошли до корол
въ Краковъ. Къ большому неудовольствію Барбары, мудры
Зигмунтъ Августъ посовѣтовалъ ей старинное средство—терпѣні
«Что касается тѣхъ старыхъ дамъ,—пишетъ король къ Рыжем
Радзивиллу, постоянному опекуну сестры и повѣренному короля,—
то пусть она потерпитъ до нашего свиданія. Мы ясно видимъ
что онѣ не имѣютъ ни малѣйшей причины вести себя такъ, н
по теперешнимъ временамъ приходится терпѣть и ждать».

Спокойный тонъ короля, когда дѣло касалось оскорбле
ній его жены, въ глазахъ Барбары едва ли могли смягчит
послѣдующія строки, полныя заботливости о здоровьѣ и бе

опасности королевы. Король узналъ, что она слушала обѣдню на св. Пасху въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава, гдѣ производятся кирпичныя работы, и встревожился. «А ну, какъ сверху упадетъ кирпичъ, или его кто-нибудь сброситъ на королеву? Всегда нужно быть осмотрительнымъ,—пишетъ король къ подчашему.—Лучше, еслибъ ея величество была въ церкви св. Анны. Или, если ужь ей непремѣнно хотѣлось быть въ каѳедральномъ соборѣ, то можно было бы сдѣлать балдахинъ». Король во всѣхъ письмахъ настойчиво упрашиваетъ, чтобъ Барбара не вѣрила неблагопріятнымъ слухамъ изъ Короны, что ему строятъ преграды по поводу объявленія ихъ брака. «Вѣдь, такимъ образомъ можно сильно повредить своему здоровью, къ величайшему нашему огорченію». Такая нѣжная заботливость проявляется въ каждомъ письмѣ Августа къ Барбарѣ. Въ ихъ романѣ онъ спустился внизъ, чтобъ поднять ее до своего уровня; для нея онъ готовъ былъ пожертвовать своимъ королевскимъ достоинствомъ. Онъ силами своего сердца, лучшими чувствами своей души оплачивалъ всѣ издержки предпринятой имъ игры, тогда какъ Барбара заслужила отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей суровое предостереженіе, чтобъ на будущее время «склоняла сердце и колѣна передъ королемъ, да не такъ, какъ прежде, а не то Богъ покараетъ такую неблагодарность за благодѣяніе, которое изъ праха возводитъ ее на тронъ».

Но всѣ эти напоминанія были напрасны. Барбара не сомнѣвалась уже болѣе въ Августѣ. Корона, власть были такъ недалеко отъ нея... А пока можно было пользоваться тѣмъ, что давала ей судьба въ настоящее время.

Со времени переѣзда Барбары въ Вильно и здоровье ея улучшилось, и расположеніе духа ея стало яснѣе. Правда, поведеніе старыхъ дамъ и злостные слухи, идущіе изъ Короны, бросали темныя пятна на ея свѣтлую дорогу, но и это до поры, до времени. Скоро Зигмунтъ вызоветъ ея изъ малаго великокняжескаго дворца въ Краковѣ въ королевскій дворецъ и тогда лучезарнаго свѣта ея солнца не затмятъ никакія тучи. Прошло пять мѣсяцевъ послѣ разлуки и желанная минута наступила.

Въ своихъ письмахъ Августъ нерѣдко упоминалъ, что очень хотѣлъ бы видѣться съ женою. Радзивиллы, конечно, воспользовались удобнымъ случаемъ и довели до свѣдѣнія короля, что одна лишь надежда на скорое свиданіе благопріятно вліяетъ на здоровье и состояніе духа королевы. Заботливый Августъ, въ свою очередь,

поспѣшилъ воспользоваться указаннымъ ему лѣкарствомъ. Вскор
послѣ этого намека пришло длинное королевское письмо, въ ко
торомъ подчашему предписывалось немедленно привезти сестр
въ Польшу, именно въ городъ Радомъ, гдѣ ее будетъ ждать сам
Августъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были отданы приказанія Довойнѣ
королевскому конюшему относительно лошадей и экипажа дл
королевы.

Неторопливая всегда, Барбара на этотъ разъ не медлила с
приготовленіями къ дорогѣ. Будь, что будетъ, но дорога эта
все-таки, приближала ее къ трону. До сихъ поръ Августъ съу
мѣлъ увѣрить мать и пановъ польскихъ въ своемъ непоколеби
момъ постоянствѣ къ Барбарѣ, такъ что они не могли уже от
крыто противиться королю, а чтобы не встрѣтить сопротивлені
и въ народѣ, Августъ постановилъ отложить созывъ сейма как
можно долѣе, до тѣхъ поръ, пока это не будетъ выгодно для ег
плановъ. Королева же въ это время непремѣнно должна был
ѣхать въ Польшу и, показавшись народу, незамѣтно прибли
зиться къ коронѣ.

IV. Путь къ коронѣ.

Выѣздъ Барбары изъ Вильно въ первой половинѣ сентябр
1548 г. совпалъ съ годовщиной ея тайнаго брака съ Августомъ
Начало осени, увядшіе листья которой устилали молодому королі
въ прошломъ году дорогу любви, теперь такими же самым
листьями прощалось съ Барбарой. Обрадованная предстоящим
путешествіемъ, прекрасная путешественница не знала, что эт
прощанье будетъ послѣднимъ.

Барбару сопровождала многочисленная свита. Главными ли
цами были гофмейстеръ двора Станиславъ Мацѣевскій, кашт
лянъ любельскій и братъ королевы Николай, подчашій литовскій
Дорога шла на Гродно, Бѣльскъ и Подлясье. Въ Ловшицахъ
первомъ городкѣ короны польской, королеву привѣтствовал
придворный отрядъ изъ двѣнадцати всадниковъ, подъ началь
ствомъ Флоріана Зебжидовскаго, командированнаго королемъ к
услугамъ королевы. У слѣдующаго польскаго города, Лукова
произошла торжественная встрѣча королевы сановниками коро
левства: воеводами русскимъ, вроцлавскимъ, любельскимъ, каш
теляномъ радомскимъ и епископомъ полоцкимъ. Тутъ же при
сутствовали и дамы: княгиня Мазовецкая съ дочерью, воеводш
русская и подольская, каштелянка сонденцкая и при нихъ многія

другія. Всѣ эти паны и пани ѣхали съ королевой вплоть до Радома. Тамъ, за четверть мили передъ городомъ, король Августъ встрѣтилъ жену. Подчашій литовскій такъ описываетъ эту сцену въ письмѣ къ матери:

«Его величество стоялъ въ полѣ, саженяхъ въ двадцати отъ дороги. Тамъ было послано отъ короля до дороги, прямо по землѣ, черное ліонское сукно. Карета королевы подъѣхала какъ разъ къ самому сукну. Тутъ королева вышла и пошла къ королю, а онъ ей на встрѣчу. Почти на половинѣ этого сукна они и сошлись. Подканцлеръ отъ имени короля радушно привѣтствовалъ королеву, но воевода любельскій произнесъ отъ имени королевы такую почтительную и покорную рѣчь, что она всѣмъ присутствующимъ очень понравилась. Онъ все повторялъ: ея величество, королева, моя милостивая госпожа, вѣрноподданная слуга и жена вашего королевскаго величества, моего милостиваго господина. Больше всего понравилась людямъ эта покорность. Въ Радомѣ у короля былъ обѣдъ. Послѣ обѣда онъ поднялся наверхъ къ королевѣ и пробылъ у нея съ часъ. Народу на улицу набралось видимо-невидимо. Иные молились за короля и королеву, другіе ворчали что-то. Такъ и всегда бываетъ, когда соберется много народу: всѣмъ не угодишь. Слава Богу, пророчество пана Глѣбовича не сбылось: Онъ говорилъ, что меня въ Польшѣ повѣсятъ, а королеву утопятъ въ Вислѣ. А теперь королева вмѣстѣ съ мужемъ, да и меня тутъ видѣть рады и принимаютъ съ честью. Что дальше съ нами будетъ — надѣюсь на Бога».

Дѣйствительно, Божья помощь была необходима. Время торжества еще не наступило. Напротивъ, теперь-то и готовились самые тяжкіе удары, наступала пора самыхъ суровыхъ испытаній. Несмотря на свое крайнее нежеланіе, Августъ долженъ былъ созвать сеймъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ прибытія Барбары, въ концѣ октября. Было объявлено, что главный вопросъ, предложенный на разсмотрѣніе сейма, будетъ вопросъ о бракѣ короля. Общее настроеніе коронной шляхты сулило мало хорошаго королевскимъ намѣреніямъ. Можетъ быть, предстоялъ страшный выборъ между Барбарой и короной. Пронесетъ ли Богъ тучу надъ любящею четою?

Въ виду такого угрожающаго положенія, нельзя сказать, чтобы жизнь нашихъ молодыхъ супруговъ текла безмятежно. Для того, чтобы отравить все, достаточно уже было массы гнуснѣйшихъ

пасквилей, которые представляли народу бракъ короля въ са-
момъ непривлекательномъ видѣ. Наконецъ, черезъ три недѣл
Барбарѣ вновь пришлось разстаться съ мужемъ. Обязанност
звали его въ Пётрковъ на все время созваннаго туда сейма
Барбара осталась въ Радомѣ.

Здѣсь была самая ужасная остановка на ея дорогѣ къ ко-
ронѣ, на дорогѣ въ замокъ краковскій. Едва ли въ жизни Бар-
бары бывали два такихъ неспокойныхъ мѣсяца, какъ во врем
грознаго пётрковскаго сейма. Каждая дерзкая выходка, всякі
смѣлый голосъ могъ порвать ту слабую нить, какою, по мнѣні
почти всего народа, была соединена королевская чета. При та-
комъ тревожномъ положеніи дѣлъ необходимо было знать точн
о всякой мелочи. Между Пётрковымъ и Радомомъ то и дѣло сно-
вали гонцы съ королевскими письмами. Нетерпѣливость Барбары
ея способность раздражаться отъ всякой мелочи (на что ея при-
ближенные жаловались еще въ Дубинкахъ и Вильно) тепер
стали рѣшительно невыносимы, въ особенности для тѣхъ, кт
долженъ былъ извѣщать ее о подробностяхъ сейма,—для корол
и Николая Радзивилла. А вѣсти изъ Пётркова были таковы:

Первые дни сейма, отъ 1 до 5 ноября 1548 года, прошл
безъ упоминанія о королевскомъ бракѣ. Только 6 ноября, въ по-
недѣльникъ, на общемъ собраніи сената и депутатовъ, разбираю-
щемъ, по обычаю, то, чего нужно бы желать отъ короля, тро
выборныхъ отъ депутатовъ, въ особенности одинъ изъ нихъ
Лупа Подловскій, въ горячей рѣчи убѣждали сенатъ, чтобы онъ
вмѣстѣ съ палатой депутатовъ, принудилъ короля нарушит
тайный бракъ. Желаніе это раздѣлялось почти всей палатой де-
путатовъ, всей шляхтой, всей (выражаясь теперешнимъ языкомъ
демократической половиной сейма. Подозрительная шляхта боялас
какъ бы новое родство короля съ одной изъ могуществен-
нѣйшихъ фамилій страны не нарушило равновѣсія свободы, н
усилило партіи магнатовъ насчетъ шляхетской партіи. Въ сво
очередь, магнаты, въ особенности сенатъ, благосклонно относилис
къ браку короля. Но сколько поддержки ни находилъ король в
сенатѣ, все это парализировалось оппозиціей противной стороны
личнымъ нерасположеніемъ королевы Боны къ Барбарѣ и интри-
гами краковскаго воеводы Петра Кмиты, ищущаго популярност
у шляхты. Во всякомъ случаѣ борьба предстояла страшная
На другой день, во вторникъ, король лично выслушивалъ желані
сейма. Прежде говорили сенаторы, потомъ депутаты; всѣ уя

скрыто касались вопроса о королевскомъ бракѣ и почти всѣ суждали его. Сенаторы, правда, допускали возможность какъ-нибудь уладить дѣло къ обоюдному удовольствію, но депутаты ѣмъ рѣшительнѣе ставили свою оппозицію. Въ этомъ духѣ раснорѣчивѣе всѣхъ говорилъ русскій депутатъ Баратынскій. одъ конецъ его рѣчи, перешедшей въ тонъ просьбы, всѣ депуаты опустились на колѣна, со слезами умоляя короля внять еланіямъ народа. Взволнованный король всталъ, обнажилъ гоэву и заявилъ сейму, что свой отвѣтъ откладываетъ до завтра, абы зрѣло обдумать дѣло.

На слѣдующій день король спокойно, но рѣшительно сказалъ, то не можетъ нарушить супружеской клятвы, прибавивъ при томъ, что во всемъ остальномъ онъ будетъ согласоваться съ олей народа. Король проговорилъ свою рѣчь и вышелъ изъ залы.

Сенаторы въ глубинѣ души ничего не имѣли противъ брака, о, смущенные настойчивостью депутатовъ, колебались. Новыя росьбы депутатовъ, новые происки сторонниковъ Боны и новыя нтриги Кмиты, наконецъ, побудили и сенатъ возобновить просьбу признаніи брака недѣйствительнымъ. Обѣ палаты соединились ля этой цѣли 14 декабря на засѣданіи въ присутствіи самого короля. Это былъ, какъ говорятъ современные лѣтописцы, день еликаго испытанія для Августа. Первымъ заговорилъ президентъ алаты депутатовъ, прося короля о позволеніи возобновить просьбу, динъ разъ уже отвергнутую королемъ. Когда Зигмунтъ Августъ озволилъ, всталъ отъ лица всѣхъ пановъ совѣта и рыцарства рафъ Андрей Гурскій, каштелянъ и староста познанскій. Длинная и суровая рѣчь его повторила всѣ существующіе аргументы ротивъ королевскаго брака. Когда ораторъ кончилъ, ничѣмъ епоколебимый король въ длинной, такой же спокойной и рѣшиельной, какъ прежде, рѣчи повторилъ, что ни за что не нарушитъ азъ заключеннаго союза. Дѣло этимъ не кончилось. Пользуясь ильнымъ недовольствомъ сейма, поднялся съ мѣста Кмита отвѣать на рѣчь короля, но смѣлость оратора, его рѣзкія выражеія такъ сильно разгнѣвали Августа, что онъ прервалъ рѣчь и риказалъ Кмитѣ замолчать. Тогда все собраніе почло себя осорбленнымъ въ лицѣ Кмиты. Воевода Рафаилъ Лещинскій едва огъ унять расходившихся депутатовъ. Король, уважая право аждаго, извинился за нетерпѣливый перерывъ голоса Кмиты, для того, чтобы совсѣмъ покончить съ поднятымъ вопросомъ, казалъ слѣдующее: «Что случилось, того передѣлать нельзя;

и вамъ, господа, гораздо приличнѣе просить меня не о томъ, чтоб
я измѣнилъ клятвѣ, данной мною женѣ, а, напротивъ, сдерж
валъ бы ее по отношенію ко всѣмъ прочимъ. Я не покину сво
жены, пока Господь Богъ не призоветъ меня къ себѣ. Моя с
вѣсть дороже мнѣ любаго королевства въ свѣтѣ». Король, гл
боко растроганный, сейчасъ же оставилъ засѣданіе. Все собр
ніе пришло въ страшное волненіе. Разгоряченные предводите
партій громко клялись не оставлять своего сопротивленія впло
до добровольнаго развода короля или объявленія недѣйствител
нымъ его незаконнаго брака. Янъ Тенчинскій, воевода санд
мірскій, увлекшись, закричалъ, что предпочелъ бы видѣть въ кр
ковскомъ замкѣ самого Солимана, чѣмъ Барбару королевой пол
ской. Гнѣзненскій архіепископъ, Николай Дзержговскій, пылкій
ликополянинъ, предложилъ грѣхъ Зигмунта Августа, который о
совершитъ, покинувъ Барбару, разложить на всѣхъ жител
королевства. Къ этому же мнѣнію присоединился епископъ пш
мышскій, Дзядускій. Все стояло за разводъ короля.

Для практическаго осуществленія этой цѣли не оставало
иного средства, какъ только прекращеніе всѣхъ дѣлъ этого сейм
т.-е. нужно было, по просту, сорвать сеймъ. Къ этому и скл
нялись члены сейма. Они надѣялись, что послѣ этого сей
будетъ созванъ новый, на которомъ желанія народа войдутъ
силу. Въ этомъ духѣ Янъ Сѣраковскій, президентъ рыцарска
сословія, отъ имени депутатовъ простился съ королемъ, приб
вивъ, что послѣ неудачнаго разрѣшенія вопроса о супружест
короля сейму неудобно разбирать прочія дѣла. Прежде всег
нужно было помѣшать королю (какъ это всегда водилось) пос
сейма рѣшить нѣсколько судебныхъ дѣлъ. Обычай этотъ съ да
нихъ поръ былъ прерогативый королевской власти. Но коро
спокойно самъ принялся за разборъ дѣлъ и тяжущіеся по бол
шей части въ молчаніи подчинялись его приговорамъ. Но Авг
ста и здѣсь ожидалъ тяжелый ударъ. Станиславъ Матвѣй Ста
ницкій изъ Змигрода, противникъ королевскаго брака, связанны
родствомъ со многими фамиліями, въ особенности съ родом
Зборовскихъ, заявилъ свою неподсудность суду короля, влас
котораго, яко бы, не была утверждена рыцарскимъ сословіем
Стадницкій громко заявилъ, что нѣтъ болѣе короля въ Польшѣ
Его примѣръ, его родственныя связи, махинаціи королевы Бон
въ соединеніи съ своевольствомъ шляхты, сильно потрясли по
непоколебимое значеніе короля. А тутъ еще письменная дѣ

льность славнаго въ то время Станислава Ожеховскаго, его
грастныя брошюры, направленныя противъ королевскаго брака.
одкрѣпляемое всѣмъ этимъ, шляхетское сословіе дозволяло се-
ѣ отрицать существованіе короля въ Польшѣ, толковать о
езкоролевьи. Кто могъ предвидѣть, что принесетъ будущій
ймъ?.

Положеніе короля было до такой степени отчаянное, что самъ
игмунтъ Августъ не прочь былъ усмирить бурю отказомъ отъ
ѣкоторыхъ привилегій, требуемыхъ имъ для Барбары, отка-
аться отъ коронаціи и ограничиться только однимъ признаніемъ
рака. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ и брату Барбары, подча-
ему, спрашивая совѣта. Но Радзивиллы и Барбара готовы были
корѣе подвергуть короля опасности лишиться короны, чѣмъ са-
имъ отказаться отъ нея. Убѣдительное письмо подчашаго умо-
яло короля оставить его пагубную мысль. Августу, живущему
еперь для Барбары, достаточно было услышать, что лишеніе
адежды на коронацію огорчаетъ обожаемую имъ жену и можетъ
одорвать ея здоровье. Онъ отписалъ подчашему: «что касается
оронаціи, то мы будемъ дѣйствовать, какъ вы пишете»—и со
воимъ обычнымъ терпѣніемъ и опытностью вновь продолжалъ
авировать противъ неблагопріятнаго вѣтра. Чтобы воспользо-
аться временными выгодами своего положенія, освоить Барбару
ю всѣми случайностями будущаго сейма, король рѣшилъ пе-
евести ее въ Краковъ. Съ этой цѣлью королева, послѣ трех-
ѣсячнаго пребыванія въ Радомѣ, переѣхала поближе къ Кра-
ову, въ Корчинъ. Черезъ нѣсколько недѣль, 9 февраля 1549
ода, король, окончивъ разборъ судебныхъ дѣлъ въ Петрковѣ,
оже прибылъ въ Корчинъ, чтобы отвезти оттуда королеву въ
раковскій замокъ.

13 февраля состоялся торжественный въѣздъ въ столицу.
Узнавъ о намѣреніи короля, въ Корчинъ съѣхались епископъ
раковскій Самуэль Мацѣевскій и каштелянъ Янъ Тарновскій.
При королѣ находились епископъ холмскій Янъ Дрогоѣвскій, вое-
оды Стажеховскій и Зборовскій, каштеляны сандомірскій, вис-
ицкій и войницкій. По дорогѣ въ Краковъ короля встрѣтили
ъ Прошовицахъ еще много пановъ и дамъ. Окруженная много-
исленною и пышною свитою, королевская чета торжественно,
ривѣтствуемая звономъ колоколовъ, въѣхала въ краковскія
тѣны. Передъ городомъ короля встрѣтилъ городской совѣтъ.
При въѣздѣ въ городъ впереди шли пажи короля и магнатовъ,

за ними пышно разодѣтые дворяне и потомъ, окруженный вы шими сановниками, самъ молодой король. За ними слѣдова королева со своею свитою и дамами. На замковой горѣ кор ждало духовенство. Аббатъ могильскій далъ приложиться кресту сначала королю, потомъ королевѣ; капитулъ привѣтст валъ царственную чету привѣтствіемъ, послѣ чего соборъ ог сился торжественными звуками органа—Te deum laudamus. ролева заняла помѣщенія въ покояхъ, гдѣ всегда пребывали ролевы, а король въ другихъ, напротивъ.

V. Въ краковскомъ дворцѣ.

Мечты Барбары осуществились. Мало-по-малу избранница роля прошла своею тернистою дорогою отъ «дубинскаго зак ченія» до краковскаго дворца. Радости Барбары не было кон Едва только король пріѣхалъ въ Корчинъ, едва сдѣлалось вѣстнымъ его намѣреніе перевести Барбару въ краковскій дворе какъ гофмейстеръ двора королевы, каштелянъ любенскій цѣевскій, пишетъ ея брату, Николаю Рыжему: «Наконецъ-т могу вздохнуть спокойно; все устроилось лучше, чѣмъ мы о дали. Тѣ, которые еще такъ недавно противились королевск браку, теперь, при видѣ непоколебимой рѣшимости его величест готовы взять назадъ свои слова. Ей Богу, кажется, и сам помолодѣлъ, и твердо надѣюсь, что Господь пошлетъ намъ по бури ясные дни».

Дѣйствительно, водвореніе Барбары въ королевской резиден ясное доказательство твердости короля, сильно повліяло на строеніе умовъ тогдашняго общества. Отсутствіе же какихъ-л доводовъ прямому сопротивленію Барбарѣ придавало соверш шемуся факту еще бо̀льшую силу. Общественное мнѣніе, вѣ измѣнчивое, очевидно, начало склоняться на противную сторо А тутъ еще подоспѣло новое свидѣтельство твердости короля. резъ 10 недѣль послѣ водворенія Барбары въ краковскомъ двор Зигмунтъ Августъ новыми актами подтвердилъ свое благовол къ женѣ, публично огласивъ въ столицѣ, что онъ предоставля Барбарѣ въ пожизненное владѣніе краковскій дворецъ, со вс прилегающими къ нему угодьями, и многія земли и имѣнія Литвѣ и Жмуди, со всѣми доходами. Другая новость глас что рьяный Стадницкій, дотолѣ энергически сопротивлявш

компетенціи суда короля, теперь подчинился ему и публично, торжественно просилъ у Зигмунта прощенія. Наконецъ, къ партіи короля присоединился и его могущественный соперникъ, воевода краковскій Петръ Кмита. Послѣ долгихъ колебаній, подчиняясь вліянію обстоятельствъ, онъ, вмѣстѣ съ женой, представился Барбарѣ и пригласилъ королевскую чету въ свой замокъ Висничъ, гдѣ по этому поводу происходило многодневное пиршество, роскошь котораго трудно поддается описанію. Если вожаки партій преклонили головы передъ королемъ, то неудивительно, что и предводительствующіе толпою переходили тоже въ королевскій лагерь. Еще недавно, въ концѣ 1548 года, всѣ сердца, безъ уважительнаго повода, горѣли ненавистью къ королевскому браку, а теперь, въ 1549 г., всѣ симпатіи, тоже безъ всякой причины, стали на его сторону. Туча, затмившая солнце, прошла, гроза, собравшаяся подъ Пётрковымъ, миновала безъ бури. Но кто могъ быть увѣренъ, что не погибнетъ въ ней отъ громоваго удара? Всѣ, дрожавшіе за свою участь, теперь могли радоваться проблеску яркаго солнца. Не даромъ радовался гофмейстеръ двора королевы, не даромъ радовалась сама Барбара.

Но какъ, однако, странно было счастье Барбары! Вся ея судьба, какъ предъидущая, такъ и настоящая, отличалась удивительными особенностями. Чѣмъ глубже была ея радость, чѣмъ полнѣе удовлетвореніе, тѣмъ страннѣе была ея тактика. Конечная цѣль ея стремленій была близка, хотя и требовала нѣкоторыхъ усилій; всѣ ожидали, что Барбара кротостью и лаской постарается привлечь къ себѣ сердца подданныхъ. Первые ея шаги на коронной почвѣ—ея свиданіе съ королемъ подъ Радомомъ пришлись по вкусу всѣмъ потому, что они свидѣтельствовали о мягкомъ нравѣ новой королевы. Такой же мягкости и вниманія ожидали отъ нея и въ краковскомъ дворцѣ. Но желаніе народа шло въ одну сторону, тогда какъ природныя способности Барбары, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, влекли ее въ другую. Барбара представилась теперь очамъ народа гордой, надменной, недоступной. Такое противорѣчіе между всеобщими ожиданіями и дѣйствительностью,—противорѣчіе, по всей вѣроятности, нежелательное для самой королевы, является, какъ неизбѣжный результатъ ея характера, ея судьбы, и придаетъ особый интересъ теперешней порѣ ея жизни. Эту эпоху можно, по справедливости, назвать самою романическою изъ всей жизни Барбары.

То былъ моментъ побѣды, счастья, покоя, отдыха. Считая с времени пріѣзда въ Краковъ до ближайшаго, великаго событія до коронаціи, прошло вдвое больше времени, чѣмъ прожила ко ролевская чета послѣ своего брака. Послѣ всевозможнѣйшихъ пертурбацій, Барбара имѣла возможность отдохнуть отъ февра 1549 г. до декабря 1550 г., т.-е. почти два года. Все эт время король и королева провели вмѣстѣ, не разлучаясь друг съ другомъ.

Все было бы хорошо, еслибъ не слабое состояніе здоровь Барбары. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Краков она почувствовала себя дурно, но, по обыкновенію, не обрати на это никакого вниманія. Болѣзнь, дѣйствительно, прошла скор но черезъ годъ возвратилась вновь со всѣми своими грозны признаками. Уже тогда, за девять мѣсяцевъ до предполагаем коронаціи и за годъ до смерти королевы, ея здоровье находило въ опасности, но Богъ смиловался надъ Августомъ и далъ ем еще тринадцать мѣсяцевъ счастья съ любимой женой. Барба выздоровѣла. Трудно предположить, чтобы разрушительная б лѣзнь не повліяла на весь умственный складъ Барбары. Столь испытаній, столько страданій, какъ физическихъ, такъ и морал ныхъ, не могло пройти безслѣдно.

Счастіе Барбары мы и представить себѣ не можемъ бе примѣси горя. Радость водворенія въ королевскомъ дворцѣ сопр вождается воспоминаніемъ о слезахъ, пролитыхъ въ Дубинкахъ въ Радомѣ, надежда на близкую корону отравляется тайнымъ пре чувствіемъ близкой смерти. Страшный призракъ близко загляну въ глаза Барбары, но она тщательно скрывала ото всѣхъ св тревожныя предположенія. Къ удивленію всего двора, короле вдругъ почувствовала склонность къ уединенію. По цѣлымъ дня и даже недѣлямъ она просиживала одна въ отдаленныхъ поко замка. Она не могла выносить даже присутствія своихъ дамъ, и н рѣдко съ ея устъ срывалось рѣзкое слово, если кто-нибудь во время нарушалъ ея покой. Только для одного Августа дѣл лось полное исключеніе. Казалось, въ предчувствіи близкой ра луки, Барбара хотѣла прожить только съ нимъ однимъ то кор кое время, которое ей было предоставлено судьбой. Она не отп скала его отъ себя ни на шагъ, горько сожалѣя о тѣхъ минутах которыя онъ долженъ былъ посвящать дѣламъ государства. исключеніемъ Зигмунта и короны, Барбара оставалась ко все равнодушной. Она даже не искала популярности, не поддержива

своимъ вліяніемъ просьбы лицъ, обращающихся къ королю. Чувствуя свое счастье непрочнымъ, она не могла заботиться о чужомъ счастьѣ. Точно также равнодушно относилась она ко всѣмъ торжествамъ и удовольствіямъ, если при этомъ не было возможности показать себя народу во всемъ величіи королевской власти. Когда Августъ собирался въ путешествіе по Великой Польшѣ, Барбара, противъ воли своихъ родственниковъ, пожелала тоже принять участіе въ тріумфальной поѣздкѣ мужа, но когда ей приходилось отправляться съ королемъ въ церковь или другое какое-нибудь мѣсто, она съ трудомъ разставалась со своимъ уединеніемъ. Долго король и его свита должны были ждать въ сѣняхъ, пока королева одѣнется.

Конечно, подобная тактика королевы не могла нравиться многимъ. Ее обвиняли въ гордости и надменности. Недопущенный къ королевѣ каштелянъ любельскій жалуется такъ: «Я, все-таки, совѣтникъ королевства. Король всегда сажаетъ меня въ своемъ присутствіи, а королева не приказываетъ меня впускать къ себѣ. Такъ вотъ за что я сталъ ненавистенъ всей Польшѣ! Скоро же ея величество забыла мою службу! Если она такъ пренебрегаетъ нами, то пусть остерегается, какъ бы Богъ не наказалъ ее за это». Оскорбительное слово, сказанное Барбарой одной изъ своихъ фрейлинъ, породило длинную, очень непріятную исторію. Избалованная панна подняла страшный шумъ. Пріѣхалъ отецъ, нѣкто панъ Скотницкій, для того, чтобы увезти дочь домой. Родственники королевы и гофмейстеръ Мацѣевскій начали упрашивать разгнѣваннаго старика оставить дочь при дворѣ, тогда какъ враждебная королевѣ каштелянка войницкая подущала его остаться при первоначальномъ намѣреніи. Всякая мелочь служила поводомъ къ обвиненію. Сенаторы, принужденные вмѣстѣ съ королемъ дежурить въ сѣняхъ, пока королева одѣнется, роптали. Особенное неудовольствіе возбуждала неохота, съ которою королева представительствовала передъ королемъ въ частныхъ просьбахъ разныхъ лицъ. Секретарь Барбары, Кошуцкій, умоляетъ ея брата посовѣтовать королевѣ болѣе горячее участіе къ тѣмъ, кто къ ней обращается.

Но, какъ мы видимъ, сама судьба поставила Барбару въ такое трагическое положеніе. Могла ли она ласково одарять свой дворъ улыбками, когда предчувствіе смерти сжимало ея сердце; могла ли настойчиво требовать у короля новое староство для какого-нибудь и безъ того богатаго человѣка, когда ея счастье

угасало на ея же глазахъ и не было на землѣ силы, которая могла бы спасти ее?

Много труда стоило людямъ, близкимъ къ королевѣ, отговорить ее отъ поѣздки въ Великую Польшу, гдѣ, среди буйной шляхты, ее могли встрѣтить всевозможныя обиды и непріятности. Барбара, наконецъ, отказалась отъ своего намѣренія и только жадно ждала коронаціи. «О, еслибъ моей жизни хватило настолько, чтобъ хоть одинъ день проносить корону на головѣ!»—вырвалось однажды изъ ея больной груди. А, между тѣмъ, преграды, воздвигнутыя врагами королевы, падали одна за другою. Вновь созванный пётрковскій сеймъ оказался благопріятнымъ для проведенія вопроса, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ надѣлалъ столько шума. Днемъ коронаціи было назначено 9 декабря 1550 г.

VI. Коронація.

Послѣднее желаніе Барбары скоро должно было исполниться. Самыя пылкія мечтанія ея во время прогулокъ въ радзивилловскомъ саду теперь были близки къ осуществленію. Но какъ грустно сбывалось на дѣлѣ то, что блистало такими радужными красками въ ея мечтаніяхъ! Какъ бѣдно и сѣро разцвѣталъ цвѣтокъ, который подавалъ столько надеждъ при своей завязи! И не только внутри Барбары все потемнѣло: окружающее, тоже вполнѣ гармонировало съ этимъ. Къ ея скорбямъ прибавилось еще одно новое горе—смерть ея матери, каштелянки виленской. Она умерла въ апрѣлѣ 1550 г., не дождавшись коронаціи дочери. Вѣсть о ея болѣзни немногимъ опередила опасную болѣзнь самой Барбары; вѣсть о смерти каштелянки была первою вѣстью, которую узнала еле выздоровѣвшая дочь. Около могилы матери вскорѣ выросла другая могила расположеннаго къ Барбарѣ человѣка—краковскаго епископа Мацѣевскаго. Одновременно съ этими утратами, королю и королевѣ много горя причинило несогласіе въ самомъ семействѣ Радзивилловъ. Двоюродный братъ Барбары, Янъ, кравчій литовскій, родной братъ Николая Черпаго, перешелъ на сторону противной партіи, вступилъ въ тѣсный союзъ съ противниками королевскаго брака и сильно тормазилъ миролюбивое разрѣшеніе щекотливаго вопроса. Даже между единомысленными братьями—Николаемъ Чернымъ и Николаемъ Рыжимъ водворились какія-то натянутыя отношенія. Удрученная болѣзнью и горемъ, Барбара должна была въ письмахъ къ брату, подчашему, часто касаться

ого больнаго мѣста. Наконецъ, едва ли королю и королевѣ прі-
но было совершенно разочароваться въ человѣкѣ, котораго они
гда-то такъ приблизили къ себѣ и который теперь такъ ко-
рно предалъ ихъ, — нашемъ знакомомъ, старостѣ мерецкомъ,
нынѣ воеводѣ полоцкомъ, Станиславѣ Довойнѣ. Во время своего
ебыванія въ Краковѣ онъ началъ сильно интриговать противъ
оего стариннаго друга, брата королевы, съ цѣлью отклонить
роля отъ его намѣренія даровать ему Кайдановъ, одно изъ
чшихъ имѣній въ Литвѣ. Держась совершенно противуполож-
й тактики при королевѣ, Довойна послужилъ предметомъ за-
вной сцены, описанной въ письмѣ секретаря королевы, Кошуц-
го, къ пану подчашему. «Недавно этотъ плутъ, Довойна,—
шетъ Кошуцкій,—пришелъ къ королевѣ и говоритъ: «А знаете,
ше величество, король хорошо бы сдѣлалъ, если бы отдалъ
медленно Кайдановъ пану подчашему. Вотъ пану маршалу онъ
лъ то-то и то-то, а подчашему ничего». Королева отвѣтила
у: «Я, право, не знаю, милый панъ староста, каковы намѣре-
я короля, но думаю, что онъ дастъ что-нибудь и пану подча-
ему». Потомъ, послѣ ухода старосты, королева передала королю
есь свой разговоръ съ Довойной; король сказалъ: «Ну, если До-
йна говорилъ вамъ такъ, то заведите когда-нибудь со мною въ
о присутствіи разговоръ о Кайдановѣ и просите, чтобъ я отдалъ
о подчашему, а я буду сопротивляться, хотя уже рѣшилъ сдѣ-
ать ему этотъ подарокъ. Вы увидите тогда, что планы Довойны
овсе не таковы». И, дѣйствительно, скоро состоялось свиданіе
роля съ королевой въ присутствіи Довойны. Королева и гово-
итъ: «О, еслибъ ваше величество были такъ милостивы, от-
али бы Кайдановъ брату!» А король на всѣ просьбы отвѣчаетъ:
Никакъ нельзя сдѣлать этого! Кайдановъ по своей стоимости—
 же самое, что Гродно. Я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ.
равда, панъ Довойна? Вы не далѣе, какъ вчера, говорили, что
айдановъ равенъ Гродно и что отдать его кому-нибудь я не
огу безъ большаго ущерба для самого себя». Довойна поблѣд-
ѣлъ и, заикаясь, понесъ какую-то несуладицу». Кромѣ того,
а немъ тяготѣло еще одно обвиненіе, какъ на врачѣ королевы.
рудно предположить, чтобъ средства, какими онъ пользовалъ
акъ долго Барбару въ Дубинкахъ и Вильно, отъ предполагаемой
аменной болѣзни, были лучше только что описанной плутни.
ъ довершенію всего, королева вновь расхворалась. Съ наступ-
еніемъ зимы 1550 года, когда коронація была уже объявлена,

ей становилось все хуже и хуже. Силы ея падали такъ быстро что она опасалась не дотянуть до желаннаго дня. Теперь всѣ е желанія вырывались въ одномъ стонѣ: «О!, только на один день пережить бы коронацію!»

При такихъ-то печальныхъ условіяхъ приближался торжест венный день. Вмѣстѣ съ этимъ совпадало поднесеніе дани нѣ которыхъ ленниковъ польской короны — князей прусскаго поморскаго. Въ Краковъ собрался почти весь сенатъ, съѣхалис послы вышеупомянутыхъ князей а прибыли по собственном желанію еще два сосѣднихъ князя: Янъ Лигницкій, потомок силезскихъ Пястовъ, и князь Цѣшинскій; наконецъ, пріѣхал оба брата королевы, одаренные новыми наградами. Маршал Николай Черный былъ возведенъ въ званіе великаго канцлер литовскаго, а Николай Рыжій получилъ троцкое воеводство.

Утромъ 9 декабря архіепископъ гнѣзненскій Дзержговскій окруженный почти всѣми епископами королевства, ожидалъ в каѳедральномъ соборѣ на Валелѣ прибытія королевской четы Она показалась въ назначенный часъ, въ сопровожденіи всег двора и сената, съ воеводой краковскимъ Петромъ Кмитой в главѣ. Въ необозримой толпѣ пановъ и дамъ, горожанъ и на рода особенно выдѣлялись оба силезскіе князья и послы ленных князей. Напротивъ главнаго алтаря возвышался тронъ, обиты лондонскимъ и орлеанскимъ сукнами краснаго цвѣта. Впервы взошла на него Барбара въ необычайно богатой одеждѣ, укра шенной драгоцѣнными каменьями. Среди обѣдни примасъ с епископами и канониками приблизился къ трону, помазалъ чел Барбары священнымъ елеемъ и возложилъ на ея голову так долго ожидаемую ею корону. Раздавшійся со всѣхъ сторон радостный крикъ, привѣтствующій новую королеву, вѣроятн былъ для нея самымъ дорогимъ голосомъ, которымъ когда-либ земля говорила съ ея душою.

Послѣ торжества наступила пора раздачи подарковъ — бога таго оружія, мѣховъ, соболей и пр. Наконецъ, роскошный пир приготовленный для всѣхъ присутствующихъ въ двухъ внов отдѣланныхъ комнатахъ замка, блестѣвшихъ парчевыми обоям своихъ стѣнъ, закончилъ сегодняшнюю церемонію.

На утро на краковскомъ рынкѣ, предъ очами Барбары, на блюдающей изъ оконъ дворца Іордана Спытки, король, на трон передъ ратушей, принималъ, по давнему обычаю, дань ленных князей. это была первая и послѣдняя публичная церемонія, в

которой Барбара принимала участіе, какъ признанная королева. Всѣми силами скрываемая болѣзнь проявилась теперь во всей своей силѣ. Уже вчера, возвратившись съ коронаціи, на привѣтствія приближенныхъ друзей Барбара отвѣтила съ болѣзненной улыбкой: «Теперь Господь меня призываетъ къ иной коронѣ; молитесь тогда за меня, чтобъ онъ замѣнилъ мой скиптръ вѣтвью небесной оливы и смягчилъ горе моего мужа».

Слова королевы были пророческими словами. Ей не оставалось уже больше ничего желать на землѣ въ теченіе тѣхъ шести мѣсяцевъ, которые судьба давала ей на долю.

VII. Смерть.

Если Барбара горячѣе, чѣмъ слѣдовало, желала земнаго блеска и почестей, то Господь покаралъ ее за это. Внушивъ любовь Зигмунту, она добилась его руки; стремясь изъ уединенныхъ Дубиновъ въ великокняжескіе покои малаго замка, а оттуда въ королевскій дворецъ Кракова, она въ теченіе трехъ лѣтъ прошла эту дорогу до коронаціи, и вотъ теперь, когда цѣль ея желанія была достигнута, ангелъ смерти распростеръ надъ нею свои крылья и повелѣлъ ей разстаться со всѣмъ.

Весь декабрь, январь и февраль болѣзнь все усиливалась, причиняя невыносимыя страданія и все болѣе и болѣе унося силы королевы. При такихъ условіяхъ нечего было и думать объ осуществленіи желанія, которое появилось у короля и королевы не задолго до коронаціи—о поѣздкѣ въ Литву, о пребываніи въ Вильно, этой свидѣтельницѣ начала ихъ любви. Королева уже не вставала съ постели и письма ея секретаря, Кошуцкаго, къ Николаю Радзивиллу давали мало надежды на сохраненіе жизни Барбары. Отчаянное положеніе Барбары было явно. Насытившись королевскими почестями, ея сердце смягчилось въ виду приближающейся смерти и всею силою рвалось къ воспоминаніямъ прошлаго, юныхъ лѣтъ, отечества. Однажды прибылъ ко двору съ письмами старый дворянинъ Радзивилловъ, Нешика. Прислушиваясь къ чтенію письма, королева горько зарыдала и приказала позвать къ себѣ стараго слугу своего рода, но король, опасаясь опасныхъ послѣдствій подобнаго свиданія, не допустилъ литвина къ ложу больной жены. Всякое, сколько-нибудь сильное потрясеніе могло порвать непрочную нить ея жизни. Но вдругъ, передъ самымъ отъѣздомъ Нешики, при дворѣ раз-

неслась радостная вѣсть, что королевѣ лучше. Опасный нарывъ на лѣвомъ боку Барбары,—нарывъ, вскрыть который считалось дѣломъ крайне рискованнымъ, вскрылся самъ собою. Всѣ врачи королевы считали это очень благопріятнымъ знакомъ. Нешика, вмѣстѣ съ двумя отчаянными письмами, повезъ третье, радостное. Весь дворъ ликовалъ; вчерашняя тревога смѣнилась полной надеждой на благополучный исходъ болѣзни. «Королева день ото дня чувствуетъ себя лучше, — пишетъ Николай Черный къ брату. — Да не оставитъ насъ Господь, какъ желаютъ этого наши враги». Письмо Зигмунта дышетъ еще бо̀льшею радостью. Описывая всѣ подробности выздоровленія Барбары, король считаетъ теперь ненужнымъ помощь предложенной подчашимъ женщины, весьма искусной въ магической наукѣ.

При такомъ-то положеніи вещей (какъ доноситъ гофмейстеръ королевы пану подчашему) весь дворъ былъ неслыханно изумленъ однимъ обстоятельствомъ. Королева Бона, до сихъ поръ враждебная Барбарѣ, неожиданно прислала изъ своей резиденціи, Варшавы, почетныхъ пословъ къ Барбарѣ, съ заявленіемъ своей любви и пріязни.

Дѣйствительно, можно было удивиться! До сихъ поръ Бона издалека, но энергически, всѣми силами старалась подорвать счастье Барбары. Не успѣвъ, еще при жизни Зигмунта втораго, отвлечь сына отъ любимой женщины, она, подпольными ходами, всячески старалась повредить признанію ненавистнаго ей брака на прошломъ пётрковскомъ сеймѣ, а когда и это не помогло, употребила всѣ свои силы, чтобъ помѣшать предстоящей коронаціи. Теперь, видя крушеніе всѣхъ своихъ плановъ, она рѣшилась надѣть на себя маску пріязни и съ любовью сама пошла на встрѣчу невѣсткѣ. Барбара была опасно больна и могла умереть, а примиреніе съ нею послужило бы ступенью къ примиренію съ Августомъ, негодующимъ на тактику своей матери. Наконецъ, подъ видомъ дружбы, можно было и подкопаться подъ вліяніе Барбары. Во всякомъ случаѣ, по безпристрастнымъ свидѣтельствомъ исторіи, Бону можно обвинить только въ ненависти къ Барбарѣ да въ ея безплодныхъ интригахъ. Правда, онѣ только отравили жизнь Барбары, но мысль о другой, дѣйствительной отравѣ могла придти только въ голову подозрительнаго Августа.

На третій день Пасхи, за пять недѣль до смерти Барбары, въ королевскихъ покояхъ происходила церемонія, которой Зигмунтъ Августъ старался придать какъ можно болѣе блеска. Ко-

ролева Барбара, по всеобщему мнѣнію, близкая къ выздоровленію, еще лежала въ постелѣ. При ней, какъ публичный объяснитель ея словъ, въ качествѣ гофмейстера двора, находился панъ каштелянъ любельскій Мацѣевскій. Вокругъ королевы стояла блестящая толпа пановъ и дамъ, всѣ, кто случился въ это время въ Краковѣ. Передъ такимъ-то собраніемъ пріѣхалъ францисканскій монахъ съ двумя письмами—отъ Боны и королевны Софіи, сестры Августа. Передавъ письма гофмейстеру, монахъ заговорилъ по-латыни: «Ея величество, королева Бона, милостію Божіею королева польская, видя волю небесъ, которой подчиняется на землѣ все, а также и мысли ея возлюбленнаго сына, который избралъ ваше величество подругою жизни, послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія, рѣшила признать и почитать ваше величество за свою дочь и возлюбленную невѣстку. Теперь она черезъ меня, своего духовника и повѣреннаго, шлетъ вамъ свое привѣтствіе и возсылаетъ теплыя молитвы ко Всевышнему, дабы онъ воздвигъ ваше величество отъ одра болѣзни и даровалъ вамъ всякое счастье въ жизни». Барбара, устами своего гофмейстера, отвѣчала, «какъ только могла лучше отвѣтить». Такимъ образомъ, миръ между двумя королевами Польши былъ заключенъ. Передъ Зигмунтомъ и Барбарой, какъ пишетъ Радзивиллъ Черный брату, не было уже больше преградъ. Да, гладкая дорога вела прямо ко гробу!

Черезъ три часа послѣ сцены примиренія успокоенный король и дворъ были поражены новымъ припадкомъ болѣзни Барбары. У нея образовался второй нарывъ и вскрылся, какъ и первый. Силы королевы, истощенныя долголѣтними душевными страданіями и почти полугодовою болѣзнью, падали съ каждымъ часомъ. Лихорадка и горячка докончили остальное. Восьмой день мая (1551 г.) долженъ былъ положить конецъ всему,—надеждамъ и страданіямъ.

Но до этого самаго дня, когда всѣ потеряли надежду и, подъ предлогомъ утомленія, всячески старались удалиться отъ ложа больной, только одно сердце Зигмунта Августа боролось съ отчаяніемъ, только одинъ Зигмунтъ Августъ ни на шагъ не отходилъ отъ ложа умирающей. Почти у порога могилы, Барбара страстно захотѣла перемѣнить мѣстожительство; королевскіе покои краковскаго замка показались ей душными. Вскормленная лѣсистою Литвою, дочь рода, въ гербѣ котораго находятся три охотничьихъ трубы, она вновь захотѣла еще разъ подышать благоуханнымъ

лѣснымъ воздухомъ. Королевскій замокъ въ Неполомицахъ, стоящі среди глухой пущи, вполнѣ соотвѣтствовалъ этой цѣли. Корол приказалъ изготовить большую карету, куда могло бы помѣститьс ложе больной и ея прислуги. Карета, однако, не проходила в городскія ворота. Тогда по сосѣдству съ воротами начали ломат отверстіе въ стѣнѣ, но Барбарѣ уже чуждо было все земное.

Передъ утромъ восьмаго мая, въ праздничный день св. Ста нислава, въ королевѣ проснулось предчувствіе близкой кончины Она попросила начать служить обѣдню пораньше и пожела принять причастіе. Послѣ елеосвященія наступила пора прощань съ Августомъ. Послѣднею своею просьбою королева вынудила Августа обѣщаніе отвезти ее назадъ въ Литву. Единственным желаніемъ, которымъ честолюбіе и гордость могли бы осѣнит душу умирающей, было бы желаніе лежать послѣ смерти в королевской усыпальницѣ, посреди усопшихъ королевъ. Похорон Барбары въ другомъ мѣстѣ могли бы быть сочтены за посмерт ное отнятіе у нея королевскаго достоинства, чего не успѣл отнять при жизни, но Барбара, все-таки, хотѣла опочить въ род ной Литвѣ, въ Вильно, поближе къ тѣнистымъ радзивилловским садамъ, свидѣтелямъ первой любви и золотыхъ мечтаній, так скоро и такъ страшно загубленныхъ. Обѣщаніе, данное Зигмун томъ Барбарѣ, похоронить ее въ Литвѣ, увезти изъ страны, гд ея сердце такъ часто подвергалось оскорбленіямъ, было настольк твердо, что никакія позднѣйшія просьбы и резоны Радзивиллов не могли поколебать его. Больная еще нѣсколько часовъ бор лась со смертью и, наконецъ, въ полдень ею овладѣла странна тревога. Она подозвала къ себѣ Августа; не видя его, она протя нула къ нему руки, которыя онъ сжалъ въ нѣмой скорби. Но туч расла и расла, — черное крыло ангела смерти спускалось вс ниже. Барбара испустила дыханіе въ объятіяхъ мужа. Послѣд ній лучъ жизни угасъ...

Обезумѣвшій, оглушенный этимъ ударомъ, Августъ весь о дался исполненіямъ послѣдняго долга умершей. На другой ден король отправилъ письмо къ воеводѣ троцкому, извѣщая его смерти Барбары. Среди подробностей о ходѣ послѣдней болѣзн нѣтъ ни малѣйшаго намека на отравленіе. По городу же разн сился слухъ, приписывающій королевѣ Бонѣ отравленіе невѣстк при помощи проживавшаго тогда въ Краковѣ секретаря и доктор Боны, итальянца Монти.

На третій день по смерти, въ субботу, тѣло покойницы

одѣтое въ черное атласное платье, было положено въ богатый гробъ, украшенный всѣми аттрибутами королевской власти. На блѣдномъ челѣ Барбары блистала золотая корона, правая рука сжимала скипетръ, а лѣвая королевскую державу. При торжественной панихидѣ, въ присутствіи всего двора и духовенства, гробъ былъ заколоченъ на глухо крышкой. Каждая подробность погребенія тщательно описывалась королемъ въ письмахъ къ брату Барбары. Ничто такъ ярко не обрисовываетъ любви короля, какъ эти письменныя сношенія съ человѣкомъ, который, будучи братомъ усопшей, и, послѣ короля, болѣе всѣхъ пораженный постигшей ихъ утратой, казался ему послѣднимъ напоминаніемъ о незабвенной...

Когда прошелъ слухъ, что король намѣревается перевезти въ Литву останки Барбары, всѣ почувствовали угрызеніе совѣсти. Король словно бросалъ имъ упрекъ за сопротивленіе противъ Барбары. Всѣ сенаторы и сановники направились къ Августу съ просьбой о погребеніи Барбары въ королевской усыпальницѣ, но король оставался вѣренъ послѣдней волѣ Барбары. Письмо короля (третье въ теченіе 10 дней) предписывало Николаю Радзивиллу ждать погребальный кортежъ и самого короля въ столицѣ Литвы. 25 мая, послѣ вторичной торжественной панихиды надъ гробомъ, перенесеннымъ въ каѳедральный соборъ, прахъ королевы былъ положенъ на особо изготовленный катафалкъ и пышная процессія подъ предводительствомъ самого короля двинулась изъ Кракова въ Литву.

Почти цѣлый мѣсяцъ шелъ печальный кортежъ. Августъ во все время дороги почти ни на минуту не отходилъ отъ дорогаго гроба. Всю дорогу онъ проѣхалъ верхомъ, въ глубокомъ трауре, убитый горемъ. При въѣздѣ въ какой-нибудь городъ или село, король сходилъ съ коня и шелъ пѣшкомъ, несмотря ни на какую погоду.

За королемъ слѣдовалъ весь дворъ королевы и еще нѣсколько пановъ. Помѣщеніе гроба и свиты во время частыхъ остановокъ причиняло не мало хлопотъ. Такъ какъ это было связано со священною обязанностью Августа, то онъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности. «Намъ желательно,—пишетъ король въ одномъ изъ писемъ, распоряжаясь относильно пріема кортежа на слѣдующей станціи,—чтобы въ Рудникахъ (охотничьемъ замкѣ короля) тѣло ея величества стояло передъ домомъ, въ сѣняхъ того самаго дома, гдѣ мы жили. А такъ какъ гробъ никогда не

снимается съ катафалка, то онъ и долженъ стоять въ сѣня
на катафалкѣ же. Фрейлины королевы расположатся въ верхни
помѣщеніяхъ, мы же въ другомъ домикѣ, тоже наверху, г
останавливался нашъ покойный родитель».

Въ каждомъ селеніи прахъ королевы встрѣчался духовенство
Катафалкъ везли лошади карей масти. Когда однѣ выбивали
изъ силъ, искали другихъ, но тоже непремѣнно карей маст
причемъ ихъ покупали иногда за очень дорогую цѣну.

Уже въ дорогѣ король получилъ отъ брата умершей, воево
троцкаго, письмо, гдѣ послѣдній, въ весьма энергическихъ в
раженіяхъ, указывалъ невозможность похоронить Барбару гд
нибудь, помимо королевской усыпальницы въ Краковѣ. «Ес
вы, по милости Божіей, а потомъ уже по своей,—проситъ го
дый Радзивиллъ,—возвели ее на тронъ и увѣнчали короной,
этимъ самымъ приравняли ее къ помазанникамъ Божіимъ,
чести ея и вашей. Ради Бога, погребите ея тѣло тамъ же,
perpetuum ejus memoriam, между гробами прочихъ королей,
не скажутъ люди, что ее исключили изъ королевской семьи, ч
она недостойна лежать рядомъ съ тѣми коронованными ос
бами». Король отвѣчалъ, что не можетъ оставить тѣло Барба
въ Польшѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что о
далъ клятву самой Барбарѣ; во-вторыхъ, въ Польшѣ мно
враждебно относились къ покойницѣ при ея жизни. «Такъ какъ,
пишетъ Августъ,—къ ней живой относились непочтительно, то м
не сочли соотвѣтственнымъ съ нашимъ достоинствомъ хорони
ее въ странѣ такихъ людей. Ut illud compleri possit; o, ter
ingrata, non habebis ossa mea! (да сбудутся слова: о, неблаг
дарная земля, не будутъ лежать въ тебѣ мои кости!)». И убѣ
денный воевода проситъ, наконецъ, чтобы тѣло Барбары поко
лось, по крайней мѣрѣ, въ той же самой усыпальницѣ въ Вильн
гдѣ лежитъ первая жена короля, Эльжбета. Хотя это и расход
лось съ планами короля, желавшаго похоронить Барбару въ з
ложенной имъ церкви св. Анны, но онъ согласился на прось
Радзивилла.

Подъ конецъ іюня король съ дорогимъ ему гробомъ въѣха
въ Вильно, въ сопровожденіи литовскихъ пановъ, которые ож
дали короля за нѣсколько миль отъ столицы. Духовенству к
роль приказалъ на этотъ разъ воздержаться отъ особенно пыш
ныхъ церемоній и встрѣтить умершую королеву у церковных

дверей. Цѣлую недѣлю въ Вильно дѣлались приготовленія къ предстоящему погребенію. Стѣны комнатъ замка и внутренности церквей были обиты трауромъ. О самомъ погребеніи мы знаемъ только, что оно совершилось съ королевской пышностью. Останки Барбары почили, по желанію короля, въ каѳедральномъ соборѣ, рядомъ съ королевой Эльжбетой. Вскорѣ надъ могилами обѣихъ королевъ были поставлены два мраморныхъ памятника, работы итальянскихъ скульпторовъ.. Осиротѣвшему Августу ничего не оставалось, кромѣ воспоминаній о Барбарѣ. Всѣ ея вещи, мелочи, платья, драгоцѣнности,—все служило королю до послѣднихъ минутъ жизни, даже и въ духовномъ завѣщаніи, предметомъ поклоненія. Всѣ его дальнѣйшія дѣйствія указываютъ на силу его неугасшей любви къ Барбарѣ и привязанности къ тѣмъ, кто ее ему напоминалъ. Передъ выѣздомъ изъ Вильно король заложилъ церковь во имя св. Барбары. Двоюродный братъ королевы, Николай Радзивиллъ Черный, маршалъ и канцлеръ великаго княжества литовскаго, былъ возведенъ еще въ должность воеводы виленскаго, что дѣлало его всемогущимъ властителемъ Литвы. Бывшаго секретаря королевы, Станислава Кошуцкаго, Августъ сдѣлалъ своимъ библіотекаремъ.

Всю свою жизнь король не снималъ траура. Комнаты любимаго жилья въ Книшинѣ остались навсегда обитыми чернымъ сукномъ. Существуетъ преданіе, что король принуждалъ одного извѣстнаго чародѣя показать ему тѣнь Барбары.

Память Барбары жила на свѣтѣ до смерти Зигмунта Августа. Съ нимъ умерли и всѣ воспоминанія о Барбарѣ. Даже ея родъ позабылъ о ней, позабылъ до такой степени, что дозволилъ развалиться ея склепу въ каѳедральномъ виленскомъ соборѣ. Прахъ Барбары перемѣшали съ прахомъ другихъ и отъ гробницы Барбары не осталось даже ни малѣйшаго слѣда. Только книга эпитафій ученаго Старовольскаго сохранила намъ надпись, когда-то находившуюся на ея памятникѣ, и ставящую въ главную заслугу умершей, что «она не одному помогала, никого не обидѣла». Для обыденной жизни этой похвалы достаточно, но для героини исторіи мало подобнаго ореола. При великихъ историческихъ образахъ, при мужествѣ Чарновской, при жертвѣ королевы Ядвиги, свѣтъ Барбары меркнетъ. Историческое величіе обусловливается обыкновенно величіемъ жертвъ, а Барбара ничѣмъ не пожертвовала. Она жаждала только личнаго счастья. Но такъ какъ это

счастье было куплено цѣною слезъ и горя, а, можетъ быть, и жизни, такъ какъ она много выстрадала, то поэзія, сестра страданія справедливо вѣнчаетъ ее вѣнцомъ мученія. И много пѣсенъ въ Польшѣ поется о любви Барбары, и много слезъ проливается изъ сочувствія къ ея страданіямъ, столь близкимъ и понятнымъ сердцу каждаго.

В. Л.

КАИНОВО ПЛЕМЯ *).

(Романъ).

*(Окончаніе **).*

Сегодня Надя Столѣшникова сдѣлалась, наконецъ, женою Велинскаго. Всѣ эти послѣдніе дни шли съ какою-то головокружительною быстротою. Магазины, театры,—точно какой-то громадный калейдоскопъ, въ которомъ ей самой приходилось вертѣться. Нужно отдать справедливость биржевому царю. Онъ вовсе не пользовался привилегіями жениха и не надоѣдалъ невѣстѣ. Разъ или два онъ заглянулъ къ ней, просидѣлъ, не выпуская шляпы изъ рукъ, по четверти часа и уѣхалъ, не успѣвъ надоѣсть. Надя невольно цѣнила деликатность Сергѣя Сергѣевича, хотя ей самой было чрезвычайно странно поведеніе Велинскаго. Разлетѣлся было Коротковскій, но его не приняли. Надя въ этомъ отношеніи поступила круто. Она рѣшилась совсѣмъ покончить этотъ глупый случайный романъ. Когда Велинскому сообщили, что Столѣшниковы отказали художнику отъ дому, тотъ только поднялъ брови.

— Какъ! Уже?—удивился онъ.—Я думалъ, что тѣмъ кончится, но только не такъ скоро.

— За что ты такъ?—спросила Надю Ксенія.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) Эти заключительныя четыре страницы получены были редакціей по выходѣ сентябрской книги *Русской Мысли*, а потому и не могли войти въ ея составъ.

Ред.

— Надоѣло... Изолгался онъ весь... Ни въ чемъ на нег положиться нельзя.

— Всѣ изолгались!—рѣшила Ксенія.—Коротковскій не хуж и не лучше другихъ... Красивѣе только. Какъ въ дѣлахъ всякаг рода, такъ и въ увлеченіяхъ!... Сегодня одно, завтра другое Лучше всего то, что теперь даже не считаютъ нужнымъ скры вать это. Вчера я спрашивала нашего тенора: въ кого онъ нынч влюбленъ?... Онъ, знаешь, вѣчно въ кого-нибудь влюбленъ... Чт же ты думаешь онъ? Совершенно серьезно отвѣчаетъ: «Я всегд влюбленъ въ ту, съ которой говорю». И тутъ этотъ противны взглядъ... Точно султанъ, которому стоитъ только платокъ кинуть чтобы все было къ его услугамъ.

Всякія торжества были весьма умно отложены Велинским до слѣдующаго мѣсяца. Надя къ тому времени освоится с своимъ положеніемъ, думалъ онъ. Вечеромъ послѣ свадьбы Велинскаго собрался тѣсный кружокъ ближайшихъ друзей,—чело вѣкъ семь, восемь, не болѣе. Надя была нервна и блѣдна. Ве линскій улыбался молча, глядя на ея волненіе.

— Чего вы? Что съ вами?—спросилъ онъ ее.

Та повела на него удивленнымъ взглядомъ.

— Развѣ что-нибудь, кромѣ декораціи, измѣнилось въ вашем положеніи?

Надя окончательно не поняла ни слова и спросила его:

— Что это значитъ, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Послѣ... Простите! Теперь не время для интимныхъ раз говоровъ... Насъ друзья ждутъ...

Старикъ Столѣшниковъ сіялъ, точно сегодня исполнились луч шія его надежды. Ксенія должна была пѣть и вернулась из театра вся возбужденная рукоплесканіями, внося съ собої отуманивающій фиміамъ успѣха, придающій столько красоті только что обласканной имъ женщинѣ. Она не успѣла даже сте реть гримировки и такъ бросилась цѣловать Надю.

— Страшно мнѣ,—призналась ей та,—ужасно страшно!

Каминъ ярко пылалъ въ гостинной. Вокругъ него собралис всѣ. Даже странно было: точно это обыкновенный вечеръ, н выходившій изъ привычекъ собравшихся здѣсь хозяевъ и го стей. Разговоръ шелъ вовсе не тотъ, какого ожидала Надя.

— Что-жь, Александръ Васильевичъ, такъ-таки мы и Ка ново племя?—улыбнулся Велинскій, переспрашивая худощава

и блѣднаго молодаго человѣка, только что представленнаго Надѣ.— Нашъ извѣстный писатель!—отрекомендовалъ ей Сергѣй Сергѣевичъ своего друга.—Это, вѣдь, ваше любимое опредѣленіе, кажется?

— Да, — лѣниво протянулъ онъ. — Что же? Родословная-то, вѣдь, блестящая. Нынче, вѣдь, все равно, отъ кого хочешь происходи, только чтобы родъ былъ древній.

— Такъ!—засмѣялся Велинскій.— Не похоже что-то...

— Съ дреколіями на брата мы не выступаемъ,—вмѣшался старикъ Столѣшниковъ.

— Зачѣмъ же дреколія? Съ тѣхъ поръ сколько тысячелѣтій прошло — оружіе могло измѣниться. Это, вѣдь, Адамъ съ дѣтьми иного способа не знали, кромѣ дубины. А теперь... Помилуйте! Да и самое племя Каиново развилось такъ...

— Довольно, довольно!—засмѣялись всѣ.

— Кстати, пора и молодымъ отдыхать. Поздно уже,—поднялся Столѣшниковъ и, горячо обнявъ Надю, быстро повернулся, чтобы никто не замѣтилъ слезъ на его глазахъ.

— Надежда Андреевна!—остановилъ свою жену Велинскій, когда проводили гостей. Она хотѣла проскользнуть мимо него незамѣченной.

— Что вамъ угодно?—воскликнула она.

— Нѣсколько словъ...

Она поблѣднѣла... Сейчасъ, сейчасъ начнется, и ощущеніе какой-то острой боли проникло въ ея сердце.

— Видите ли... По своему я васъ очень люблю... Хотя это и не къ лицу мнѣ... Еще болѣе цѣню...—нѣсколько терялся Велинскій.—Но я хотѣлъ бы васъ предупредить еще ранѣе, чтобы вы уже не волновались и не мучились. Времени не было только,—кругомъ все оказывались чужіе. Я хотѣлъ вамъ сказать, что я не нищій и милостыни не хочу, и никакой силой не возьму того, что еще не принадлежитъ мнѣ.

— Я не понимаю васъ,—прошептала Надя съ глазами, полными слезъ.

— Видите ли...—и въ голосѣ Велинскаго прозвучала совсѣмъ несвойственная ему нѣжность. — Идите и спите спокойно. Ничего, кромѣ обстановки и имени, въ вашемъ положеніи не измѣнилось... Я не буду вашимъ мужемъ, пока вы сами не захотите этого... До завтра, Надя!

Онъ быстро наклонился, поцѣловалъ ея руку и ушелъ в
противуположную дверь.

Надя такъ и приросла къ мѣсту.

— Что это: разсчетъ или великодушіе?—провела она по г
рѣвшему лбу рукою, и если она не почувствовала себя счастл
вой, то спокойной, навѣрное...

В. Немировичъ-Данченко.

По вопросу о вывозѣ нашихъ фосфоритовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ иностранныя фирмы начали разрабатывать фосфоритныя залежи нашей Подоліи, а самый фосфоритъ вывозить заграницу, преимущественно въ Англію. По этому поводу стали распространяться у насъ всякіе тревожные слухи, опредѣляющіе размѣры этого вывоза милліонами пудовъ въ годъ, указывающіе на ничтожность уплачиваемой англичанами цѣны за фосфоритъ и заявляющіе о самой беззавѣтной эксплуатаціи англичанами нашей Подоліи, о самомъ безпредѣльномъ расхищеніи ими нашихъ фосфоритовъ. Слухи эти взволновали и общество, и печать, возбудили всевозможныя опасенія за наше будущее: снова заговорили о бѣдственномъ положеніи нашего земледѣлія, о крайнемъ истощеніи нашихъ почвъ, о крайней необходимости фосфоритовъ для нашего сельско-хозяйственнаго промысла, снова обострились экономическіе интересы, снова заявились односторонніе разсчеты и сообщили сужденіямъ по этому предмету страстный характеръ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайнее направленіе. Въ фосфоритахъ стали видѣть единственное спасеніе нашего земледѣлія; въ нихъ стали усматривать не только необходимое условіе нашего благополучія въ настоящемъ, но и залогъ нашего благоденствія въ будущемъ.

«Залежи фосфорнокислой извести,—говоритъ г. Филипченко въ своемъ докладѣ кіевскому обществу сельскаго хозяйства,—составляютъ единственно возможное условіе земледѣльческой культуры въ дальнѣйшемъ будущемъ и отсутствіе ихъ у насъ (если онѣ будутъ истощены иностранцами) будетъ равносильно закрытію лавочки по культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ и свеклы». «Мы теперь же должны усвоить,—продолжаетъ докладчикъ,—что если никакого veto не будетъ наложено на расхищеніе фосфоритовъ англичанами, то они вывезутъ его весь, и что если мы тогда только спохватимся и сознаемъ нужду въ немъ, то будетъ уже слишкомъ поздно!» «Можно позволить грабить русскій народъ,—говорится въ газетѣ *Русь* (№ 15 за 1883 г.),—эксплуатировать его богатства; это еще поправимо, пополамъ съ грѣхомъ, въ будущемъ; отдайте иностранцамъ и жидамъ золото, желѣзо, лѣса рус-

скіе, все, что хотите, но не давайте фосфоритовъ заграницу. Потомст помянетъ васъ добрымъ словомъ». «Другое дѣло фосфориты,—обращает г. Полимсестовъ къ московскому обществу сельскаго хозяйства въ св емъ докладѣ.—За вывозкою ихъ кровные сыны русской земли могутъ г лодать; здѣсь равнодушіе и забвеніе насущныхъ потребностей родной зем. должны быть причислены къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, за которы судятъ Богъ, здравый народный смыслъ, потомство и неподкупная ист рія», и въ заключеніе предлагаетъ обществу «ходатайствовать передъ пр вительствомъ о безусловномъ воспрещеніи вывоза фосфоритовъ и обраб таннаго изъ него тука заграницу».

Вывозъ подольскихъ фосфоритовъ утрачиваетъ, такимъ образомъ, св мѣстный характеръ и пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе, возбу дая вопросъ о вывозѣ нашихъ фосфоритовъ вообще и о значеніи это вывоза для благосостоянія и преуспѣянія нашей земледѣльческой стран Вопросъ этотъ, судя по слухамъ, привлекъ уже къ себѣ вниманіе прав тельства и ожидаетъ даже своего разрѣшенія въ близкомъ будущемъ.

Но чѣмъ бо́льшую важность для страны представляетъ данный вопрос тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ правильномъ и цѣлесообразномъ е рѣшеніи, которое можетъ быть обезпечено исключительно путемъ обсто тельнаго и безпристрастнаго изученія самаго вопроса, спокойнаго и вс сторонняго его обсужденія. Только при этомъ условіи возможно придти к надлежащему рѣшенію, способному удовлетворить дѣйствительныя потре ности страны и согласоваться съ истинными интересами государства. Н какому увлеченію, какими бы высокими побужденіями оно ни вызывалос не должно быть мѣста въ данномъ случаѣ; всякая пристрастность можетъ лиш препятствовать здравому обсужденію, отклонять отъ надлежащаго пут всякая односторонность приводитъ неминуемо къ ложному заключені Крайне желательно поэтому подробное и разностороннее разсмотрѣніе во роса, спокойное и возможно объективное обсужденіе его, прежде чѣмъ он получитъ свое окончательное рѣшеніе; никакая подробность не можетъ сч таться при этомъ излишнею, никакое мнѣніе—безполезнымъ. Все это з ставляетъ меня сказать и свое слово по занимаемому меня вопросу, выр зить и свой взглядъ на этотъ предметъ *).

Торговыя сношенія государства съ другими странами составляютъ н стоятельную потребность экономической жизни каждаго народа, необходим условіе матеріальнаго и культурнаго прогресса его. Сношенія эти вызыв ются взаимными выгодами народовъ, обусловливаются необходимостью вз имной помощи, выражаются взаимнымъ обмѣномъ произведеній ихъ стран

*) Эти же самыя соображенія побудили редакцію помѣстить предлагаемую стать не смотря на то, что въ одномъ изъ „внутреннихъ обозрѣній" *Русской Мысли* (м 1884 г.) редакція высказалась противъ вывоза нашихъ фосфоритовъ, въ чемъ о существенно расходится съ авторомъ настоящей статьи. *Ред.*

Но если международная торговля равно необходима для всѣхъ странъ вообще и опредѣляетъ благосостояніе всего человѣчества въ цѣломъ, то для каждаго государства въ частности она тѣмъ болѣе приноситъ пользы, тѣмъ болѣе способствуетъ возвышенію его экономическаго положенія, прогрессу его матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ выше общая производительность его страны, чѣмъ бо̀льшее количество его произведеній поступаетъ на внѣшній рынокъ, чѣмъ болѣе сумма вывоза его собственныхъ произведеній превышаетъ сумму ввоза произведеній другихъ странъ. Поэтому становятся понятными съ этой точки зрѣнія и разныя покровительственныя пошлины, какъ средства къ сокращенію ввоза; мѣры же, направленныя къ сокращенію вывоза, являются, при нормальныхъ условіяхъ, и вредными въ этомъ смыслѣ, и совершенно излишними. Внутренній рынокъ обыкновенно въ достаточной степени регулируетъ размѣры вывоза въ другія страны, куда поступаетъ, такимъ образомъ, излишекъ отъ внутренняго потребленія. Слѣдовательно, такія мѣры могутъ имѣть примѣненіе лишь временно, при исключительныхъ, экстренныхъ условіяхъ страны въ данный моментъ, и касаться, притомъ, единственно продуктовъ насущнаго продовольствія населенія и необходимѣйшихъ орудій народнаго производства.

Съ этой же точки зрѣнія надлежитъ разсматривать и вопросъ о вывозѣ нашихъ фосфоритовъ. Постараемся поэтому первопачально выяснить, представляетъ ли наше современное положеніе указанныя условія, необходимыя для запрещенія этого вывоза, а для этого попытаемся разрѣшить: во-первыхъ, имѣются ли у насъ въ настоящее время въ наличности эти исключительныя условія, и, во-вторыхъ, являются ли наши фосфориты такимъ необходимымъ орудіемъ народнаго производства.

Требованія о запрещеніи вывоза нашихъ фосфоритовъ основываются въ сущности на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) что почвы наши и въ настоящее время уже сильно истощены, а въ будущемъ предстоитъ еще бо̀льшее истощеніе ихъ, и 2) что единственное средство къ устраненію этой истощенности нашихъ почвъ и къ предотвращенію грядущей безплодности ихъ заключается въ фосфорно-кисломъ удобреніи, каковыми являются наши фосфориты.

Такимъ образомъ, исключительность и экстренность современныхъ намъ условій усматривается въ истощенности нашихъ почвъ, необходимость же фосфоритовъ для нашей земледѣльческой промышленности — въ настоятельной потребности у насъ въ фосфорно-кислыхъ удобреніяхъ, въ неизбѣжномъ примѣненіи фосфоритовъ для поддержанія нашего земледѣльческаго промысла.

Расмотримъ каждое изъ этихъ положеній отдѣльно.

Въ истощеніи почвы усматривается исключительность нашего времени, въ дѣйствительности же рѣчь объ этомъ истощеніи слышится у насъ въ теченіе почти полутора вѣковъ. Такъ, со времени основанія въ 1765 году вольно-экономическаго общества на страницахъ его *Трудовъ* непрестанно

обсуждаются разные способы къ поднятію плодородія нашихъ почвъ и ука зываются различныя средства для этого, съ минеральными удобреніям включительно. Не ограничиваясь одними обсужденіями, общество, кромѣ того принимаетъ мѣры къ примѣненію указанныхъ средствъ и къ изысканi новыхъ; съ этою цѣлью оно назначаетъ въ 1791 году преміи какъ для по мѣщиковъ, такъ и для крестьянъ за введеніе на своихъ поляхъ удобрені мергелемъ и известью и за посѣвъ кормовыхъ травъ, а въ числѣ задач на соисканіе премій въ 1792 году указываетъ и на такія: «кто наилуч шее и наибольшее употребленіе сдѣлаетъ изъ костей, напрасно прочь бро саемыхъ»; «кто печную золу въ большихъ огородахъ наиполѣзнѣйше упо требитъ»; «кто введетъ въ употребленіе такой навозъ, который до нын неизвѣстенъ» [1]).

Слѣдовательно, истощеніе нашихъ полей и заботливость о повышені ихъ производительности не составляютъ исключительной принадлежност нашего времени и не можетъ потому относиться къ числу экстрен ныхъ условій.

Хотя мнѣніе это объ истощенности нашихъ почвъ и не представляет какого-либо новаго явленія въ нашей жизни, но, тѣмъ не менѣе, разсмот римъ его основанія, на которыхъ оно зиждется и которыя вызывают такія тревожныя опасенія за будущее нашего земледѣлія. Такими основа ніями въ настоящее время служатъ: во-первыхъ, свѣдѣнія объ урожаяхъ з болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени въ отдѣльныхъ имѣн яхъ и, во-вторыхъ, химическіе анализы почвъ въ связи съ анализами кул турныхъ растеній.

Сравнивая цифровыя данныя объ урожаяхъ по пятилѣтіямъ и по деся тилѣтіямъ, какъ это дѣлаетъ г. Морозовъ [2]), можно дѣйствительно замѣ тить нѣкоторое пониженіе урожайности, но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, н видѣть, что пониженіе это вообще неравномѣрно не только по мѣстно стямъ, но также и по времени. Такъ, въ приведенномъ г. Морозовым примѣрѣ «одного» имѣнія Казанской губерніи, средній урожай овса, состав лявшій въ 1-е пятилѣтіе (1835—1840 г.)?—101 пудъ съ хозяйственной д сятины, внѣзапно упалъ въ слѣдующее пятилѣтіе (1840—1845 г.) на 8 пудовъ, а въ 4-е пятилѣтіе (1850—1855 г.) составляетъ уже всего 59 п довъ, и затѣмъ понижался уже послѣдовательно въ теченіе слѣдующих двухъ пятилѣтій; въ послѣднее же пятилѣтіе (1865—1870 г.) снова пов сился довольно значительно. При сравненіи же указанной урожайности им ній другихъ мѣстностей по пятилѣтіямъ оказывается: урожаи ржи въ трех имѣніяхъ изъ пяти приведенныхъ г. Морозовымъ въ періодъ 1860—18 г. повысились сравнительно съ предшествующими періодами и въ одном изъ нихъ даже сравнительно съ первымъ періодомъ (1841—1846 г.);

---

[1]) «Труды И. В.-Э. Об.», ч. XIII, 1791 г., стр. 261, 263, 268, 273, 275.
[2]) Морозовъ: „О фосфорно-кислыхъ удобреніяхъ“. 1884 г., стр. 1—4.

тотъ же періодъ повысилась и урожайность овса въ трехъ имѣніяхъ изъ четырехъ указанныхъ; сличеніе же урожая этихъ по десятилѣтіямъ показываетъ, между прочимъ, что въ имѣніи Сенгилеевскаго уѣзда урожайность ржи въ 1862—1872 г. была выше (=7,68 чет.), чѣмъ за первый періодъ, 1842—1852 г. (=7,25 чет.).

Слѣдовательно, такой послѣдовательности въ пониженіи урожайности, которая могла бы служить сколько-нибудь надежнымъ основаніемъ для сужденія объ истощеніи почвъ, не указывается и въ приведенныхъ г. Морозовымъ примѣрахъ.

Съ другой стороны, существуютъ примѣры и совершенно иного свойства. Такъ, въ имѣніи г. Сикарда (Кишиневскаго уѣзда) средняя урожайность (по десятилѣтіямъ) пшеницы послѣдовательно повысилась въ теченіе 30 лѣтъ (1851—1880 г.) и равнялась въ 1-е десятилѣтіе—3,3 чет. съ десятины, во 2-е—3,5, въ 3-е—4 чет.; также и овса и ячменя: 8,5, 8,6, 9 четв.; урожайность же кукурузы почти не измѣнилась: 8,2, 8,6, 8 четв.; при этомъ управленіе имѣніемъ г. Сикарда приходитъ къ заключенію, что «среднее число урожайныхъ годовъ въ нашей мѣстности мало измѣняется отъ одного десятилѣтняго періода до другаго. Такъ, неурожайныхъ годовъ за 10 лѣтъ оказывается среднимъ числомъ всего 3, и то больше на ленъ» [1]).

Можно было бы привести еще не мало подобныхъ данныхъ въ подтвержденіе того или другаго мнѣнія, но отъ этого сила доказательности ихъ въ сущности нисколько бы не увеличилась. Всѣ такія свѣдѣнія и указанія имѣютъ вообще характеръ совершенной исключительности, относятся къ крайне ничтожному сравнительно числу случаевъ, касаясь весьма малыхъ промежутковъ времени и, притомъ, различной продолжительности и очень мелкихъ площадей, и тоже разныхъ размѣровъ. Поэтому обобщать эти отдѣльные случаи и на основаніи ихъ дѣлать заключенія относительно всей площади Россіи нельзя безъ явной натяжки, безъ нарушенія необходимой объективности сужденія.

Допуская обобщенія подобнаго рода, мы неминуемо получимъ выводы, совершенно несогласные съ дѣйствительностью. Заключая изъ немногихъ отдѣльныхъ случаевъ объ общемъ послѣдовательномъ упадкѣ урожайности нашихъ почвъ, мы должны признать и настоящее положеніе нашей хлѣбной производительности вообще; принимая же при этомъ во вниманіе возрастаніе народонаселенія, должны ожидать послѣдовательнаго сокращенія отпуска нашихъ хлѣбовъ заграницу.

Въ дѣйствительности же заграничный вывозъ нашего хлѣба, равнявшійся въ 1849 г.—18,8 милліонамъ рублей, послѣдовательно возросталъ: въ 1852 г. онъ уже составлялъ 34 мил. руб.; въ 1853 г. въ отпускъ

---

1) «1881 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи». Изд. департ. земл. и сельск. пром. Приложеніе, стр. 1—3.

могло поступить 4 мил. четв. [1]), а въ $18^{82}/_{83}$ г. вывезено хлѣба $33,_{5}$ мил. четв. и при этомъ менѣе предшествующаго года на 4 мил. четв. [2]). Слѣдовательно, вмѣсто уменьшенія, отпускъ хлѣба постоянно возрасталъ и увеличился за послѣднія 30 лѣтъ въ 8 — 9 разъ, представляя очевидное доказательство и общаго возрастанія у насъ хлѣбной производительности.

Но если даже эта сумма общаго производства хлѣба не выражаетъ еще степени плодородія почвы, такъ какъ количество производства зависитъ въ значительной мѣрѣ и отъ площади, занятой культурою зерновыхъ хлѣбовъ, то отдѣльныя свѣдѣнія объ урожайности еще менѣе способны доказать общую производительность нашихъ почвъ: урожайность эта обусловливается не только естественною производительностью почвы, но еще и множествомъ другихъ мѣстныхъ и временныхъ условій, настолько разнообразныхъ и, притомъ, совокупныхъ, что обособить каждое изъ нихъ, отдѣлить вліяніе одного отъ другаго нѣтъ никакой возможности. «Уменьшеніе урожаевъ, по справедливому выраженію самого же г. Морозова, есть шаткое мѣрило истощенія земли» [3]); мѣрить же на это шаткое мѣрило обширныя пространства значитъ, навѣрное, вводить себя и другихъ въ неминуемое заблужденіе. Ясно, что всѣ выводы и заключенія, основанныя на такихъ измѣреніяхъ, представляютъ въ сущности ничто иное, какъ только субъективныя представленія, личныя соображенія и совершенно произвольныя сужденія.

Итакъ, истощенность нашихъ почвъ вообще остается совсѣмъ недоказанною всѣми этими данными объ урожайности.

Но главнымъ основаніемъ мнѣнія объ истощенности нашихъ почвъ служитъ въ сущности апріорное соображеніе, что такъ какъ «мы издавна вели на нашихъ поляхъ хозяйство съ исключительною цѣлью полученія зерновыхъ продуктовъ и, притомъ, изъ года въ годъ вывозили хлѣба за границу, а вмѣстѣ съ ними и частицы нашей почвы» [4]), то истощеніе нашихъ почвъ должно было послѣдовать: «оно есть явленіе вполнѣ естественное».

Соображеніе это, совершенно правильное въ принципѣ, далеко не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности и уже совсѣмъ не пригодно въ практическомъ отношеніи. Оно основывается на учетѣ расхода питательныхъ веществъ, которыя уносятся изъ почвы культурными растеніями и которыя еще могутъ быть учтены до нѣкоторой степени, и совсѣмъ игнорируетъ естественный приходъ, о которомъ мы имѣемъ лишь самое общее понятіе

---

[1]) Reden: «Handbuch der Bodens-Bevölker. — Erw. und Verkers - Statistik» 1884 г., стр. 170—171.

[2]) «1883 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи». Изд. департ. земл. и с. пром. стр. 70. Собственно же въ 1883 г., считая съ 1 января, вывезено хлѣба $39,_{7}$ мил. четв. болѣе 1882 г. слишкомъ на 5 мил. четв. (*Рус. Вѣст.*, № 293).

[3]) Морозовъ, l. c., стр. 1.

[4]) Морозовъ, l. c., стр. 6.

но который, тѣмъ не менѣе, существуетъ и составляетъ очень важный факторъ въ экономіи природы. Приходъ этотъ обусловливается разнообразными физико-химическими процессами, непрестанно совершающимися въ почвѣ и состоящими въ безпрерывномъ взаимнодѣйствіи составныхъ частицъ почвы, и опредѣляется степенью энергіи этихъ процессовъ, которая, въ свою очередь, зависитъ, съ одной стороны, отъ химическихъ свойствъ и физическаго состоянія почвенныхъ частицъ, съ другой—отъ внѣшнихъ вліяній атмосферическихъ факторовъ и произрастающихъ растеній. Процессы эти почти еще совсѣмъ не изучены и не разъяснены наукою, а въ силу ихъ крайней сложности и чрезвычайнаго разнообразія,– въ зависимости отъ разнообразія почвъ, — не предвидится даже возможности уясненія ихъ въ близкомъ будущемъ. До тѣхъ же поръ всѣ наши разсчеты подобнаго рода не выйдутъ изъ области предположеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но, тѣмъ не менѣе, гадательныхъ, довѣряться которымъ можно лишь въ самой слабой степени и, притомъ, лишь относительно.

Проф. Костычевъ въ своемъ новомъ прекрасномъ трудѣ показываетъ несостоятельность учетовъ по статикѣ плодородія наглядными примѣромъ. Онъ дѣлаетъ учетъ азота въ почвѣ и въ заключеніе замѣчаетъ: «Какой бы источникъ азота мы ни взяли, мы не можемъ опредѣлить съ удовлетворительною точностью приходъ въ почву азота»; «столь же неопредѣленны наши свѣдѣнія и о расходѣ этого вещества: въ видѣ азотной кислоты азотъ легко вымывается изъ почвы, но въ какомъ количествѣ въ данномъ мѣстѣ, намъ неизвѣстно; часть азота изъ разлагающихся органическихъ веществъ выдѣляется въ свободномъ состояніи и опять мы не въ состояніи опредѣлить, сколько именно и т. д.». «Кромѣ всего этого, неточность учета по статикѣ плодородія обусловливается непостоянствомъ состава сельско-хозяйственныхъ продуктовъ» [1]).

Не вездѣ, не во всякой почвѣ и не всегда приходъ и расходъ потребныхъ для растенія питательныхъ веществъ находится въ постоянномъ и неизмѣнномъ отношеніи; напротивъ того, отношеніе это подвержено очень значительнымъ колебаніямъ: въ одномъ случаѣ расходъ значительно превышаетъ приходъ, въ другомъ же онъ вознаграждается «приходомъ вслѣдствіе вывѣтриванія минераловъ и горныхъ породъ, содержащихся въ почвѣ, притокомъ азота изъ воздуха и т. п.», наконецъ, при нашемъ содѣйствіи, выражающемся въ механическомъ воздѣйствіи на почву и въ облегченіи накопленія въ ней нужныхъ веществъ тѣмъ или другимъ путемъ (или непосредственнымъ внесеніемъ ихъ, или предоставленіемъ почвѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха и пр.), онъ можетъ быть менѣе прихода и составлять только нѣкоторую часть его. Очевидно, что дѣйствительность окажется въ этомъ случаѣ въ прямомъ противорѣчіи съ соображеніемъ о необходимости истощенія культурныхъ почвъ вообще и что соображенія

---

[1]) Костычевъ: «Ученіе объ удобреніи почвъ». 1884 г., стр. 4.

эти въ примѣненіи къ данной почвѣ могутъ быть вполнѣ несостоятель ными.

Въ практическомъ же отношеніи соображенія эти и совсѣмъ непри годны. Для практическихъ цѣлей нисколько не важно знать, что почвы вообще истощаются, а важно опредѣлить, какая степень истощенія дѣлает данную почву въ данное время невыгодною для культуры, слѣдовательно какое состояніе почвы нужно признать истощенностью въ этомъ смыслѣ. Это же зависитъ исключительно отъ мѣстныхъ общественно-экономическихъ усло вій даннаго времени. Въ одномъ случаѣ при извѣстныхъ условіяхъ доста вляетъ выгоду такое состояніе почвы, которое въ другомъ случаѣ, при другихъ условіяхъ, принесетъ лишь одинъ убытокъ. При крѣпостномъ трудѣ напримѣръ, «только въ тѣхъ мѣстностяхъ, по словамъ г. Ермолова, гдѣ населеніе было густо и гдѣ хозяинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи боль шое количество дароваго труда, каково бы ни было при этомъ качество почвы, сельское хозяйство процвѣтало и давало доходъ»; съ упраздненіемъ же крѣпостной зависимости мѣстности эти «представляются едва ли не самыми обездоленными въ цѣлой Россіи» [1]). Въ имѣніи г. Кене, въ окрест ностяхъ Магдебурга, одни оборотные расходы, не считая процентовъ на основный капиталъ, составляютъ, по словамъ г. Ермолова, 66 руб. на каждую десятину. «Доходы хозяйства покрываютъ всѣ эти расходы, упла чиваютъ проценты на основный капиталъ и еще оставляютъ хозяину из рядный барышъ». У насъ же, понятно, нѣтъ, да и не можетъ еще быть такого хозяйства, которое могло бы вынести такіе расходы и «не было бы въ одинъ годъ задавлено этою непомѣрною высокою цифрою оборотнаго капитала» [2]).

Кромѣ того, расходъ почвенныхъ веществъ различенъ при различныхъ системахъ полеводства. То состояніе производительности почвы, которое вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ одной системы, будетъ совершенно непригодно для другой. Системы же эти не создаются по произволу, а слагаются подъ вліяніемъ всей совокупности разнообразныхъ условій вре мени и мѣста; поэтому нельзя сказать, которая изъ нихъ хуже или лучше: «всѣ системы хороши,—говоритъ г. Ермоловъ,—въ свое время и въ сво ихъ мѣстахъ, и, наоборотъ, всѣ системы, не въ свое время и не на своемъ мѣстѣ примѣненныя, дурны и грозятъ разореніемъ хозяину» [3]). Различ ное состояніе почвы признается истощеннымъ при различныхъ системахъ, а, слѣдовательно, и самое понятіе истощенности—понятіе вполнѣ относи тельное и недопускающее какого-либо абсолютнаго обобщенія.

Такимъ образомъ, истощенность нашихъ почвъ вообще не можетъ еще считаться доказанною ни фактическими данными, ни апріорными соображе

---

[1]) Ермоловъ: «Организація полеваго хозяйства». I, стр. 14.
[2]) Ермоловъ, l. c., стр. XXI.
[3]) Ермоловъ, l. c., стр. 178.

ніями; ее можно предполагать, можно указывать на возможность такого истощенія, но полагать свое предположеніе въ основаніе для дальнѣйшихъ сужденій, строить на немъ выводы и заключенія о будущемъ невозможно, безъ явнаго риску ввести въ заблужденіе и себя, и другихъ.

Признаніе данной почвы истощенною возбуждаетъ вопросъ о причинахъ этой истощенности, безплодія почвы.

Недостаточно еще знать, что такая-то почва малопроизводительна; необходимо опредѣлить, чѣмъ именно обусловливается эта непроизводительность ея, чего недостаетъ въ почвѣ для успѣшнаго произрастанія воздѣлываемыхъ растеній.

Хотя этотъ частный вопросъ еще менѣе допускаетъ какое-либо общее, огульное рѣшеніе, но, тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время съ особенною настойчивостью доказываютъ, что почвы наши страдаютъ недостаткомъ фосфорной кислоты. Такъ, напримѣръ, г. Морозовъ утверждаетъ, что «надобно опасаться полнаго истощенія чернозема въ недалекомъ будущемъ относительно фосфорной кислоты. Въ настоящее время вся сѣверная часть черноземной полосы страдаетъ отъ недостатка въ почвѣ фосфорной кислоты, и мы не ошибемся, приписавъ (не сполна, а отчасти) уменьшеніе урожаевъ въ черноземныхъ губерніяхъ именно недостатку въ почвѣ фосфорной кислоты» [1]).

Такимъ образомъ и усматривается наша насущная потребность въ фосфорно-кислыхъ удобреніяхъ, а, слѣдовательно, и въ фосфоритахъ.

Существованіе же этой потребности стараются доказать химическими анализами, а необходимость для насъ фосфорно-кислыхъ удобреній примѣромъ западно-европейскихъ хозяйствъ.

«По анализу Фелькера,—говоритъ г. Морозовъ,—въ самарскомъ черноземѣ, высушенномъ при 100° Ц., заключается:

Органическихъ веществъ и химически соединенной воды	11,249
Окисловъ желѣза	5,287
Глинозема	4,568
Извести	2,090
Магнезіи	0,934
Кали	0,635
Натра	0,076
Сѣрной кислоты	0,114
Азотной кислоты	0,002
Хлора	0,007
Фосфорной кислоты	0,149
Нерастворимыхъ силикатовъ и песку	73,761
Угольной кислоты и потери при анализѣ	1,128
Итого	100,000

[1]) Морозовъ, l. c., стр. 5.

«Вѣсъ 1 куб. саж. чернозема принимаютъ въ 500 пуд. Вѣсъ, слѣд вательно, 800 куб. саж. (т.-е. вѣсъ пласта земли пространствомъ въ десят. и глубиною въ 1 арш.)=400,000 пуд. На 1 десятину, такимъ обр зомъ, приходится:

Кали	2,540 пуд.
Натра	304 »
Извести	8,360 »
Магнезіи	3,736 »
Фосфорной кислоты	596 »
Сѣрной кислоты	456 »
Азота	1,448 »
Органическихъ веществъ	44,996 »
Силикатовъ, песку, хлора и пр.	337,564 »
Итого	400,000 пуд.

«Принимая средній урожай ржи (на 1 дес.) въ 60 пуд. зерна, 155 пу соломы и 10 пуд. мякины и ухоботья, мы найдемъ, что въ приведенны количествахъ зерна, соломы, мякины и ухоботья содержится:

Кали	15,68 пуд.
Натра	1,60 »
Извести	6,07 »
Магнезіи	3,08 »
Фосфорной кислоты	8,85 »
Сѣрной кислоты	1,83 »
Азота	14,78 »

«Раздѣливъ цифры предъидущей таблицы,—продолжаетъ г. Морозовъ, на соотвѣтственныя цифры послѣдней, мы получимъ числа, выражаюп періоды времени, въ которые почва должна истощиться относительно то или другаго питательнаго вещества при томъ условіи, если бы изъ го въ годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ культивировалась рожь. Такимъ обр зомъ, мы найдемъ, что черноземъ истощится:

Кали	чрезъ	162 года.
Натромъ	»	187 лѣтъ.
Известью	»	121 годъ.
Магнезіей	»	121 »
Фосфорной кислотой	»	67 лѣтъ.
Сѣрной кислотой	»	25 »
Азотомъ	»	100 » [1])».

[1]) Морозовъ. l. c., стр. 4—5.

И такъ, черезъ немного десятковъ лѣтъ, по разсчету г. Морозова, даже лучшія наши черноземныя почвы окончательно истощатся и сдѣлаются совершенно непроизводительными.

Перспектива, въ самомъ дѣлѣ, ужасающая и близость ея способна смутить даже самаго безпечнаго человѣка.

Но дѣйствительно ли такъ близко это мрачное будущее нашего земледѣлія? Неужели какой-нибудь десятокъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ неминуемаго окончательнаго истощенія нашихъ черноземныхъ почвъ вообще или, по крайней мѣрѣ, той именно, анализъ которой приведенъ г. Морозовымъ?

На дѣлѣ же, къ счастію, оказывается, что вся эта страшная картина скораго конца нашего земледѣлія—не болѣе, какъ слѣдствіе невѣрныхъ цифровыхъ данныхъ, а отсюда и неправильности всего разсчета.

Не только средній (какой принятъ въ разсчетѣ г. Морозова), но даже хорошій урожай ржи въ 100 пуд. зерна и 200 пуд. соломы и проч. на 1 десят. содержитъ:

Кали	86	фунтовъ.
Извести	30	»
Магнезіи	17	»
Фосфорной кислоты	51	»
Сѣрной кислоты	10	»
Азота	96	» [1]).

Производя тотъ же разсчетъ, какой представленъ г. Морозовымъ, мы получимъ, что въ самарскомъ черноземѣ совершенно истощится:

Кали	черезъ	1,065	жатвъ.
Известь	почти	11,147	»
Магнезія		8,790	»
Фосфорная кислота		467	»
Сѣрная кислота		1,824	»
Азотъ		600	»

Слѣдовательно, это недалекое будущее вовсе не такъ близко и измѣряется столѣтіями, въ теченіе которыхъ наша земледѣльческая промышленность пройдетъ еще черезъ много фазисовъ и съумѣетъ во время предупредить грядущую опасность и избѣгнуть рисуемаго для нея печальнаго конца.

1) «Настольная книга для рус. сел. хозяевъ». 1875 г., т. I, стр. 494—495; также: Kroecker: «Leitfaden f. d. ayric.-chem. Analyse». 1862. Tab. C.—Интересно, что и самъ же г. Морозовъ, на 6 стр., приводитъ для другихъ хлѣбовъ приблизительно вѣрныя цифры: для пшеницы, напримѣръ, 52 фун. фосф. кислоты и, въ то же время, при разсчетѣ допускаетъ, что рожь отнимаетъ 8,85.

Такie разсчеты способны служить нѣкоторою иллюстраціей, но со-вершенно не могутъ представлять надежнаго основанія для какихъ-ли общихъ заключеній, являться точкою отправленія при обсужденіи какихъ-то ни было общихъ вопросовъ.

Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, на основаніи анализа единственнаго о-разца заключать о свойствѣ почвы, занимающей огромную площадь въ миллioнoвъ десятинъ, когда составъ почвы такъ измѣнчивъ и содержа въ ней питательныхъ веществъ подвержено такимъ значительнымъ ко-баніямъ?

Изъ приведенныхъ мною въ другомъ мѣстѣ 21 анализа чернозема р-личныхъ мѣстностей легко видѣть, что содержаніе фосфорной кислот напримѣръ, колеблется въ черноземѣ отъ 0,037% (Бессараб. губ., бли г. Кишинева) до 0,609% (Полтав. губ.) [1]).

Слѣдовательно, если въ основаніе разсчета принять одну изъ эти цифръ, то результатъ получится совершенно иной, чѣмъ при разсчетѣ основаніи другой цифры; а отсюда и заключенія о свойствѣ и продолж-тельности нашего чернозема будутъ въ томъ и другомъ случаѣ совсѣ разныя.

Такимъ образомъ, существующіе анализы черноземныхъ почвъ не поз-ляютъ сколько-нибудь увѣренно судить ни объ общемъ, ни о частно истощеніи ихъ, а тѣмъ болѣе заключать о средствахъ для повышенія и производительности.

Анализы эти производились разновременно, разными лицами и помощ различныхъ пріемовъ, да, наконецъ, и самые образцы почвъ брались не п одинаковыхъ условіяхъ. Но даже, если бы не существовало слѣдовъ эти условій, препятствующихъ детальному сравненію результатовъ этихъ ан-лизовъ, если бы были приняты всѣ необходимыя предосторожности д полученія возможно однородныхъ результатовъ (какъ это имѣло мѣс при анализахъ, результаты которыхъ приведены г. Докучаевымъ), ес бы, наконецъ, почвы одной и той же мѣстности анализировались однимъ тѣмъ же лицомъ черезъ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительн промежутки времени, то и тогда не были бы ни доказаны степе и свойство истощенности почвы, ни указанъ способъ къ поправленію по-вы. «Если производится анализъ почвы,—говоритъ проф. Костычевъ,—то п немъ дѣлаются неизбѣжныя ошибки, и ни одинъ химикъ не поручится, ч онъ сдѣлалъ ошибку менѣе 0,01, обыкновенно же ошибка можетъ бы и больше. Поэтому, если въ одной почвѣ будетъ найдено 0,016%, а

---

[1]) Крыловъ: «Современное состояніе вопроса о черноземѣ и его происхожденіи стр. 28—29. Это колебаніе въ содержаніи фосфорной кислоты подтверждается и н-выми анализами 29 образцевъ чернозема различныхъ мѣстностей и съ различны глубинъ, приведенныхъ г. Докучаевымъ въ его крайне обстоятельномъ изслѣдован чернозема: „Ходъ и главнѣйшіе результаты изслѣдованія русскаго чернозема". 18 г., стр. 8—9.

другой 0,022°/₀ фосфорной кислоты, то цифры эти нужно считать одинаковыми. Мало того, въ приведенномъ нами случаѣ (при опытахъ Вагнера надъ фосфорно-кислыми удобреніями) мы легко могли бы найти въ неудобренной почвѣ 0,022°/₀, а въ удобренной только 0,016°/₀ фосфорной кислоты, и никто бы не могъ этого поставить въ вину химику, производившему анализъ». «Всѣмъ сказаннымъ,—продолжаетъ проф. Костычевъ,—вполнѣ объясняются такіе случаи: берется проба почвы, сохраняется лѣтъ 15 или 20, и затѣмъ съ того же мѣста берется новая проба; несмотря на то, что почва за 15—20 лѣтъ истощилась урожаями, анализъ не показывалъ разницы между ея составомъ теперь и 20 лѣтъ тому назадъ» [1]).

Но относительно количества фосфорной кислоты черноземныя почвы, по словамъ проф. Ильенкова, «не представляетъ превосходства сравнительно съ другими почвами». «Анализы 12 почвъ, произведенные въ лабораторіи академіи, даютъ на 1,000 частей сухой почвы 1.2 какъ наибольшее и 0,55 какъ наименьшее, среднее—0,88», такое же почти содержаніе оказывается и въ почвахъ не черноземныхъ [2]); въ почвахъ же Московской губерніи найдено при позднѣйшихъ анализахъ фосфорной кислоты отъ 0,828 до 1,130 въ 1,000 частяхъ почвы, высушенной при 120° Ц. [3]), слѣдовательно, даже болѣе, чѣмъ въ почвахъ черноземныхъ. Вообще почвы Московской губерніи, по мнѣнію составителя *Сборника*, г. Вернера, «по количеству питательныхъ для растеній веществъ не бѣднѣе чернозема и въ этомъ отношеніи ихъ нельзя назвать истощенными», но «онѣ грубѣе, бѣднѣе растворимыми веществами и, главное, отличаются худшими физическими свойствами, а потому онѣ болѣе всего нуждаются въ тщательной обработкѣ и хорошемъ удобреніи, что должно улучшить ихъ физическія свойства и внести въ нихъ больше растворителей» [4]). Дѣло, слѣдовательно, вовсе не въ недостаткѣ въ нашихъ почвахъ фосфорной кислоты, а совсѣмъ въ иномъ. «Не меньшее количество фосфорныхъ кислотъ,—замѣчаетъ г. Ильенковъ,—содержатъ и нечерноземныя почвы, находящіяся въ состояніи высокой культуры, напримѣръ, нѣкоторыя почвы Германіи содержатъ до 3 частей фосфорной кислоты въ 1,000 частяхъ, а, между тѣмъ, онѣ не могутъ подобно черноземуа производить безъ удобренія высокіе урожаи» [5]). Не обезпечиваетъ, стало быть, производительности и втрое, вчетверо бо́льшее содержаніе въ почвѣ фосфорной кислоты.

Зная, что данная почва содержитъ такое-то количество, положимъ, фосфорной кислоты, мы этимъ нисколько не увеличиваемъ себѣ возможность повышенія производительности этой почвы.

---

1) Костычевъ, l. c., стр. 217.

2) Ильенковъ: «О химическомъ составѣ черноземныхъ почвъ», стр. 11.

3) «Сборникъ стат. свѣдѣній по Московской губ.», т. V, вып. II. «Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ». Изд. моск. губ. зем. 1883 г., стр. 21.

4) Сборникъ, стр. 28.

5) Ильенковъ, l. c., стр. 11.

По этому поводу проф. Костычевъ вполнѣ основательно указыва что, прежде всего, предстоитъ рѣшить: «какое количество этого вещес должно быть въ почвѣ, чтобы растенія могли развиваться хорошо? Вопр же этотъ не только не разрѣшенъ наукою, но до сихъ поръ едва за нутъ; между тѣмъ, безъ его разрѣшенія мы, если бы даже знали по каки нибудь признакамъ, что почву нужно-удобрять, напр., фосфорною кислот то не могли бы сказать, сколько ее нужно вывезти въ поле, чтобы повыс содержаніе въ почвѣ этого вещества до желательной нормы» [1]).

Слѣдовательно, химическій анализъ совершенно неспособенъ слу основаніемъ при разрѣшеніи вопроса о потребностяхъ нашихъ почвъ: по выраженію проф. Костычева, «слишкомъ грубъ сравнительно съ тѣ что отъ него требуется практикою, а, стало быть, и надеждъ на въ практическомъ отношеніи возлагать нечего, за исключеніемъ нѣкотор особенныхъ случаевъ. Вообще онъ можетъ имѣть значеніе только та средства, которое позволяетъ намъ производить сравнительное опредѣл достоинства (но не абсолютной урожайности) почвъ, и то въ нѣкотор только отношеніяхъ» [2]).

Итакъ, ни свѣдѣнія объ урожайности, зависящей отъ массы разнооб ныхъ причинъ и мѣстныхъ условій [3]), ни химическіе анализы почвы даютъ никакого права заключать о степени и свойствѣ истощенія наш почвъ, а тѣмъ болѣе о потребности ихъ въ томъ или другомъ удобре

Если потребность нашихъ почвъ въ фосфорно-кислыхъ удобреніях можетъ еще никоимъ образомъ почитаться доказанною, то полезност необходимость такого удобренія усматривается въ примѣрѣ заграничн хозяйствъ, гдѣ уже десятки лѣтъ съ успѣхомъ примѣняются эти удобр и куда везутъ ихъ съ берега Тихаго океана, а также отъ насъ, изъ Рос Если примѣненіе минеральныхъ туковъ, а въ томъ числѣ и фосфорно слыхъ, получило право гражданства на Западѣ, если употребленіе ихъ собствуетъ большой интензивности заграничныхъ хозяйствъ и содѣйст етъ ихъ высокой культурѣ, то и намъ слѣдуетъ примѣнять эти туки нашихъ почвахъ, и намъ надлежитъ всячески заботиться о правѣ гражданства въ нашихъ крайне экстензивныхъ хозяйствахъ и постав при помощи этихъ туковъ и наше земледѣліе на ту же степень культу

Примѣръ другихъ народовъ, несомнѣнно, поучителенъ, и пользоват имъ, разумѣется, и желательно, и даже необходимо, но безусловно ражать этому примѣру значитъ стоять на совершенно ложномъ пути и ступать въ прямой ущербъ своимъ собственнымъ выгодамъ и въ противно

---

1) Костычевъ, l. c., стр. 213.

2) Костычевъ, l. c., стр. 217.

3) Къ числу этихъ условій принадлежитъ и лѣсъ, вліяніе котораго на урож ность доказывается множествомъ примѣровъ и теоретическихъ соображеній, при денныхъ въ книгѣ г. Вейнберга: «Лѣсъ, его значеніе въ природѣ и мѣры къ его храненію». 1883 г.

своимъ собственнымъ потребностямъ. Исторія подобныхъ заимствованій нашихъ отъ Западной Европы представляетъ не мало поучительныхъ примѣровъ и въ нашей сельско-хозяйственной практикѣ.

«Обратимся къ 20-мъ и 30-мъ годамъ нашего столѣтія,—говоритъ г. Ермоловъ,—эпохѣ, которая можетъ представить намъ много интереса, такъ какъ это было время чуть ли не наибольшаго и, притомъ, всеобщаго увлеченія сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи». «Хозяева наши устремились заграницу на поклоненіе Тэеру, Домбалю и прочимъ сельско-хозяйственнымъ знаменитостямъ того времени и мечтали, возвратясь домой, на основахъ крѣпостнаго права возвести у себя хозяйства по образцу Мёглинскаго и Ровильскаго. Увлеченіе «раціональнымъ» хозяйствомъ было въ полной силѣ» [1].

Но за увлеченіе это хозяева поплатились очень дорогой цѣной. По возвращеніи домой они «съ жаромъ принялись за перенесеніе на нашу почву всего видѣннаго и облюбованнаго ими заграницею», затратили на это переустройство своихъ имѣній на заграничный ладъ большіе капиталы, обременили ими совершенно непроизводительно свои имѣнія и, въ концѣ-концовъ, совсѣмъ разорились, побросали и распродали свои имѣнія.

«Такимъ образомъ,—заключаетъ г. Ермоловъ свой обстоятельный обзоръ нашихъ заимствованій съ Запада,—Германія, Англія и вообще Западная Европа — одно, а Россія — другое. Что раціонально, что составляетъ существенное условіе успѣшности хозяйства тамъ, то можетъ быть неумѣстно, можетъ неминуемо вести хозяйство къ разоренію у насъ. Лучшее англійское хозяйство, съ его туками и сѣвооборотами, съ его турнепсами и мартгарнами, будетъ, при всемъ своемъ совершенствѣ, точно такъ же нераціонально въ какой-нибудь Новороссіи или Самарской губерніи, какъ и лучшее наше хозяйство было бы нераціонально тамъ, въ Англіи» [2].

Слѣдовательно, примѣръ западно-европейскихъ хозяйствъ точно также не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительной необходимости и раціональности повсемѣстнаго примѣненія у насъ фосфорно-кислыхъ удобреній.

«Раціональное веденіе хозяйства, по справедливому замѣчанію г. Ермолова, обусловливается, прежде всего, внимательнымъ изученіемъ дѣйствительности, сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, критическимъ разборомъ всего окружающаго—и своего, и чужаго, и стараго, и новаго. Для улучшенія сельскаго хозяйства у насъ одинъ путь—знанія и здраваго смысла; но на этомъ пути мы можемъ разсчитывать только на себя, на то, чего мы сами добьемся, а не на указанія, не на примѣръ Западной Европы» [3].

Но чего же мы сами добились относительно пригодности для нашихъ почвъ фосфорно-кислыхъ удобреній?

---

[1]) Ермоловъ, l. c., стр. IV.
[2]) Ермоловъ, l. c., стр. XXII.
[3]) Ермоловъ, l. c., стр. XXIII.

Несмотря на то, что минеральные туки примѣняются у насъ съ по
вины прошлаго столѣтія, но они до сихъ поръ не получили у насъ скол
нибудь замѣтнаго распространенія и не выходятъ изъ предѣловъ опыт
и, притомъ, далеко немногочисленныхъ. Остановимся на тѣхъ ихъ ни
при которыхъ примѣнялись фосфорно-кислыя удобренія, и посмотримъ
ихъ результаты.

«Самое видное мѣсто, по справедливому замѣчанію г. Морозова, въ
слѣ опытовъ съ искусственными удобреніями принадлежитъ опытамъ,
изведеннымъ въ 1866 и 1869 годахъ въ губерніяхъ Симбирской, Мос
ской, Смоленской и С.-Петербургской, согласно программѣ, составлен
Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ, по инициативѣ и п
наблюденіемъ проф. Д. И. Менделѣева. Общій планъ состоялъ въ то
чтобы опредѣлить зависимость урожаевъ отъ обработки и удобренія,
чемъ произведены были изслѣдованія почвъ и продуктовъ съ опытныхъ
лей, а также произведены были и метеорологическія наблюденія въ т
мѣстностяхъ, гдѣ производились опыты» [1]).

Не приводя здѣсь цифровыхъ данныхъ для полученныхъ при этихъ о
тахъ урожаяхъ, я ограничусь только выводомъ изъ нихъ г. Морозова,
торый по этому поводу справедливо указываетъ, «что фосфорныя удо
нія не оказали вліянія на приростъ урожая. Это — во-первыхъ. Во-
рыхъ, на полѣ смоленскомъ, весьма бѣдномъ фосфорною кислотою, по
чился, сверхъ ожиданія, весьма незначительный приростъ урожая. Кр
того, почва московская, заключающая въ себѣ въ 13 разъ болѣе фосф
ной кислоты сравнительно съ смоленскою почвою, дала урожаи, почти
наковые съ послѣдней» [2]).

Эти опыты, слѣдовательно, дали результаты, неблагопріятные для ф
форно-кислыхъ удобреній. Такъ же смотритъ на результаты этихъ опыт
и проф. Менделѣевъ, который находитъ, что наши почвы, говоря не о
ноземѣ, если страдаютъ чѣмъ по своей природѣ, то отнюдь не недос
комъ чего-либо въ отдѣльности, а преимущественно всеобщимъ недос
комъ правильнаго удобренія и обработки, и въ особенности недос
комъ не въ количествѣ составныхъ частей, а въ ихъ качествѣ, слово
недостаткомъ растворителей» [3]).

Иначе смотритъ на результаты этихъ опытовъ г. Ермоловъ; онъ
верждаетъ, что они тоже показываютъ вліяніе на урожайность фосфо
кислыхъ солей,—вліяніе, которое выражается «столько же въ повыше

[1]) Морозовъ, l. c., стр. 72.

[2]) Морозовъ, l. c., стр. 73.

[3]) Морозовъ, l. c., стр. 73. «Нерѣдко ложное толкованіе,—говоритъ проф. Ме
лѣевъ въ другомъ мѣстѣ,—тѣхъ выводовъ, которые сдѣлалъ Либихъ въ отнош
къ питанію растеній составными началами почвы, служило къ горячей и изли
проповѣди въ пользу удобренія фосфористыми веществами». «Основы химіи». 187
ч. 2, стр. 535.

количества, сколько въ улучшеніи качества выращиваемаго при помощи ихъ продукта» [1]).

Такое разногласіе въ оцѣнкѣ результатовъ этихъ опытовъ двухъ авторитетныхъ судей служитъ, по моему мнѣнію, очевиднымъ доказательствомъ, что результаты эти совершенно не ясны и нисколько не убѣдительны, а, слѣдовательно, и не благопріятны для примѣненія у насъ фосфорно-кислыхъ удобреній.

Опыты надъ этими туками производились, кромѣ того, частными лицами въ различныхъ мѣстностяхъ и на различныхъ почвахъ.

Такъ, кн. Васильчиковъ примѣнялъ въ 1871 году фосфорно-кислыя удобренія на песчаноглинистой почвѣ въ Старорусскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., и на глубокой черноземной почвѣ съ глинистою подпочвою въ Лебедянскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., и получилъ, повидимому, вообще благопріятные результаты, за исключеніемъ картофеля, который на удобренномъ полѣ оказался бѣднѣе крахмаломъ. Г. Губкинъ же, производившій свои опыты въ 1882 г. на землѣ марьино-горской сельско-хозяйственной школы, нашелъ, что «для даннаго хозяйства можетъ быть съ выгодою примѣнено костяное удобреніе, какъ съ навозомъ, такъ и безъ него, не смотря на высокую покупную стоимость тука. Удобреніе же суперфосфатомъ можетъ быть выгодно только тогда, когда можно будетъ покупать его по болѣе дешевымъ цѣнамъ, нежели въ настоящее время» [2]).

По опытамъ г. Фриде надъ дѣйствіемъ азотированнаго фосфорита (бывшаго завода Болычевцева и К°), произведеннымъ въ имѣніи г. Мухортова, оказалось, что «урожай не покрываетъ расходовъ на удобреніе».

Въ имѣніи г. Шекуна, Харьковской губ., въ 1872 году были произведены опыты надъ дѣйствіемъ различныхъ туковъ Уколовскаго завода, причемъ получился результатъ недурной на ржаномъ полѣ и печальный на ячменномъ, на которомъ этотъ тукъ принесъ убытку 8 руб. на десятину. Опыты на казанской учебной фермѣ, произведенные въ 1871 году надъ азотированнымъ фосфоритомъ, дали результатъ «весьма плачевный».

Хорошіе же, повидимому, результаты получились при опытѣ, произведенномъ въ 1869 году въ имѣніи г. Брылкина надъ примѣненіемъ на подзолистой почвѣ азотированнаго и неазотированнаго фосфорита (завода Болычевцева и К) и костяной и роговой муки съ завода Шмидта.

По опытамъ же, произведеннымъ въ 1873 г. въ имѣніи гр. Соллогуба, Дмитріевскаго уѣзда, Курской губерніи, оказалось, «что по отношенію къ сбору зерна лучшіе результаты получились при удобреніи желыхами, затѣмъ конскимъ навозомъ. Прибавленіе фосфоритной муки къ навозу не отразилось ни на сборѣ, ни на увеличеніи вѣса зерна».

Между тѣмъ, въ имѣніи г. Останьковича, Старооскольскаго уѣзда, Кур-

---

1) Морозовъ, l. c., стр. 76.
2) Морозовъ, l. c., стр. 79.

ской губерніи, удобреніе суперфосфатомъ Уколовскаго завода дало въ 187
1875 и 1876 годахъ вообще «блестящіе результаты» [1].

Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ эти опыты дали результат
очень различные: частью совсѣмъ неблагопріятные для фосфоритнаго уд
бренія (опыты г. Фриде, казанской фермы и въ имѣніи гр. Соллогуба), части
сомнительнаго свойства (опыты Импер. вольно-эконом. общества), части
условные (опыты гг. Губкина и Шекуна), частью, наконецъ, и благопріятн
(опыты кн. Васильчикова, гг. Брылкина и Останьковича), а потому не по
воляютъ дѣлать какихъ-либо общихъ заключеній и выводовъ.

Кромѣ того, къ результатамъ этихъ опытовъ слѣдуетъ относиться край
осторожно и съ большою осмотрительностью. Дѣло въ томъ, что всѣ эти опыт
за исключеніемъ опытовъ вольно-эконом. общества, производились бе
общаго опредѣленнаго плана, безъ общаго руководящаго начала, а искл
чительно по произволу каждаго хозяина: туки брались различные и непр
вѣренные, обработка земли была неодинакова, хлѣба удобрялись разные
размѣры участковъ—произвольной величины, до десятка десятинъ включ
тельно (у г. Останьковича, напр., въ участкахъ по 12 десятинъ). Такъ ж
вѣроятно, производились и прошлогодніе опыты въ губерніяхъ: Тверско
Виленской, Витебской и Псковской, гдѣ фосфорно-кислыя удобренія да
вообще результаты удовлетворительные [2]).

Между тѣмъ, неправильно обставленный и безъ надлежащей точнос
произведенный опытъ способенъ лишь привести къ совершенно ложны
заключеніямъ и вполнѣ превратнымъ сужденіямъ. Поэтому-то производст
опытовъ надъ дѣйствіемъ удобрительныхъ веществъ вовсе не такъ пр
сто, какъ полагали: для этого недостаточно одинъ участокъ удобрить,
другой оставить безъ удобренія, и затѣмъ только сравнить ихъ урожа
Не даромъ же столько ученыхъ и практическихъ дѣятелей положили столь
труда на изысканіе наиболѣе надежнаго метода для этихъ опытовъ и д
ихъ учета.

«Представимъ себѣ,—говоритъ проф. Костычевъ,—два участка съ н
одинаковою почвою; урожаи на одномъ изъ нихъ малы потому, что поч
нуждается въ азотѣ; на другомъ, кромѣ азота, въ ней мало, положим
влажности. Безъ удобренія на обоихъ получаются урожаи, различающіе
незначительно; при удобреніи селитрою на первомъ изъ нихъ будутъ устр
нены всѣ препятствія хорошему развитію растеній и урожай поэтому б
детъ великъ, тогда какъ на другомъ, при томъ же удобреніи, урожай може
увеличиться незначительно отъ недостатка влаги. Кромѣ влажности, могу
быть и другія условія, которыми разные участки отличаются другъ о
друга, и роль этихъ условій будетъ такова же. Изъ этого слѣдуетъ, ч

[1]) Морозовъ, l. c., стр. 76—82.

[2]) «1883 годъ въ сельско-хоз. отношеніи». Изд. д-та зем. и с. пр., стр. 150, 1
188, 251.

колебанія въ урожаяхъ на неудобренныхъ участкахъ не даютъ надлежащаго понятія о разницахъ въ урожаяхъ, какія были бы въ томъ случаѣ, если бы тѣ же участки были удобрены; на удобренныхъ участкахъ разницы эти могутъ быть несравненно сильнѣе». Поэтому «по мѣрѣ умноженія опытовъ, по мѣрѣ того, какъ результаты ихъ обсуждались все съ большею и большею обстоятельностью, убѣжденіе въ простотѣ задачи при организаціи опытовъ постепенно исчезало» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе сознавалась необходимость устраненія при этихъ опытахъ различныхъ, иногда почти неизбѣжныхъ, ошибокъ для полученія надежныхъ результатовъ, безъ чего и самые опыты утрачиваютъ всякое значеніе. Лучшимъ же средствомъ для этого, по мнѣнію проф. Костычева, «надо считать производство опытовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно. Такъ какъ невозможно допустить, чтобы въ разныхъ мѣстахъ ошибки были сдѣланы въ одномъ и томъ же направленіи, то средній выводъ изъ нѣсколькихъ опытовъ всегда будетъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ выводъ изъ одного опыта. Если бы опытовъ было очень много, то средній выводъ изъ нихъ былъ бы совершенно вѣренъ для значительнаго большинства имѣній данной мѣстности. Для этого необходимо, однако, чтобы всѣ опыты производились въ имѣніяхъ, незначительно отдаленныхъ другъ отъ друга. Если бы въ Россіи были произведены опыты надъ удобреніями, напр., по одному въ каждомъ уѣздѣ, то изъ нихъ нельзя было бы сдѣлать сколько-нибудь надежныя заключенія какъ въ примѣненіи къ одному какому-либо уѣзду, такъ и ко всей Россіи, даже и въ томъ случаѣ, если бы повсюду получались результаты, не сильно разнящіеся между собою. Только совокупность мѣстныхъ опытовъ рѣшаетъ вопросъ для данной мѣстности и потому десять опытовъ, произведенныхъ въ какомъ-либо уѣздѣ, для окрестныхъ хозяевъ болѣе цѣнны, чѣмъ сотня опытовъ въ мѣстахъ, значительно удаленныхъ» [2]).

Какое же послѣ того можетъ имѣть значеніе десятокъ опытовъ, раскинутыхъ по всей Россіи?

Вотъ о чемъ намъ слѣдуетъ дѣйствительно позаботиться; вотъ въ чемъ должна заключаться самая первая задача прогрессированнаго совершенствованія нашего земледѣлія! До тѣхъ же поръ, пока мы не получимъ путемъ опыта отвѣта отъ самихъ же растеній, въ чемъ нуждаются они на данной почвѣ, до тѣхъ поръ всѣ наши утвержденія по этому поводу будутъ простыми измышленіями, неспособными указать дѣйствительныя потребности нашихъ разнообразныхъ почвъ.

Для того, чтобы судить о необходимости и цѣлесообразности для нашихъ почвъ фосфорныхъ удобреній, нужно имѣть многочисленныя показанія самихъ почвъ, непосредственныя свидѣтельствованія воздѣлываемыхъ

---

[1]) Костычевъ, l. c., стр. 222, 218.
[2]) Костычевъ, l. c., стр. 223.

на нихъ растеній. Только на основаніи такихъ точно установленны данныхъ можно доказывать необходимость этого удобренія для наше земледѣлія, настаиватѣ на широкомъ примѣненіи его на нашихъ почвах Но такихъ данныхъ у насъ, какъ мы видѣли, въ наличности не имѣетс

Между тѣмъ, потребность наша въ этихъ тукахъ еще ничѣмъ не пр явилась; напротивъ того, мы имѣемъ прямыя указанія на отсутствіе насъ этой потребности; выражается же отсутствіе этой потребности отсу ствіемъ спроса. Такъ, два завода, возникшіе въ концѣ 60-хъ годовъ, эпоху тоже оживленныхъ толковъ о необходимости для нашего земледѣл фосфорно-кислыхъ удобреній, въ Курской губерніи, и приготовлявшіе э туки изъ мѣстныхъ фосфоритовъ, просуществовали очень недолго и з крылись за неимѣніемъ сбыта для своихъ фабрикатовъ. Въ последни время одинъ хозяинъ Суджанскаго уѣзда (Курской губ.) устроилъ у се въ имѣніи небольшой заводикъ для приготовленія *костьнаго* суперфо фата и уранизированной костяной муки, но покупателей даже и на э туки не находится [1]).

На отсутствіе спроса указываетъ, наконецъ, то обстоятельство, ч подольскіе фосфориты везутся исключительно заграницу. Если бы у на дѣйствительно ощущалась потребность въ этомъ удобреніи, то, несомнѣні существовалъ бы и возросталъ и внутренній спросъ, и «предпріимчив иностранцы» не приминули бы, разумѣется, воспользоваться этимъ спр сомъ и часть добываемыхъ ими фосфоритовъ употребили бы, несомнѣнн на удовлетвореніе также и его. Но этого, какъ извѣстно, нѣтъ; не вин слѣдовательно, этихъ иностранцевъ, что они весь добытый матеріалъ о правляютъ за море.

Если нельзя искусственно создать несуществующей потребности, то нѣкоторой степени возможно возбудить извѣстными способами спросъ, вр менно увеличить сбытъ. Такой насильственный способъ дѣйствія, раз мѣется, не можетъ вообще почитаться желательнымъ и полезнымъ д страны, въ нашемъ же случаѣ онъ можетъ причинить ей даже существе ный вредъ.

Довольно многочисленные точные опыты и изслѣдованія вполнѣ уб дительно доказываютъ, что фосфорная кислота, «прибавленная въ избытк дѣйствуетъ, напротивъ, въ совсѣмъ иномъ направленіи: солома получает перевѣсъ надъ зерномъ также, какъ и при недостаточномъ количест фосфорной кислоты». На этомъ основаніи проф. Костычевъ настоятель указываетъ, что «брать большія количества (фосфорныхъ удобреній) следуетъ потому, что излишекъ кислоты можетъ вредно отозваться урожаѣ, а потомъ можетъ перейти въ почвѣ въ соединенія, недоступн для растеній, и, стало быть, пропадетъ безъ пользы» [2]).

[1]) «1883 годъ въ сельско-хоз. отношеніи». Изд. д-та зем. и с. пр., стр. 87.
[2]) Костычевъ, l. c., стр. 126 и 134.

Слѣдовательно, настаивать на необходимости повсемѣстнаго употребленія фосфорно-кислыхъ удобреній значитъ не хотѣть знать ни положеній науки, ни указаній практики, значитъ рисковать дѣйствительными интересами своей страны.

Фосфорно-кислое удобреніе «не можетъ служить универсальнымъ лекарствомъ земледѣлія»,—вполнѣ справедливо указываетъ проф. Менделѣевъ [1]).

Это положеніе надлежитъ твердо помнить всѣмъ видящимъ въ фосфоритахъ «единственное» спасеніе нашего земледѣлія.

Но если современное положеніе нашей страны не представляетъ, такимъ образомъ, ни одного изъ непремѣнныхъ условій для совершеннаго запрещенія или, по крайней мѣрѣ, для затрудненія и ограничанія вывоза нашихъ фосфоритовъ, то, быть можетъ, самыя условія этого вывоза и практикуемая эктплуатація фосфоритныхъ залежей настолько невыгодны для насъ, что вызываютъ или оправдываютъ такія ограничительныя мѣры.

Какъ бы ни была желательна въ принципѣ эксплуатація того или другаго продукта, но если эксплуатація эта приноситъ одинъ убытокъ, то она, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ жизни и, само собою разумѣется, должна быть прекращена, по крайней мѣрѣ, до болѣе благопріятныхъ условій времени, когда возникнетъ дѣйствительная потребность въ ней.

Другое дѣло, если эксплуатація эта или вообще данная отрасль промышленности только относительно невыгодна,—т.-е. если бы она могла доставлять сравнительно бо̀льшія выгоды при иныхъ условіяхъ своего производства, — тогда требуется не прекращеніе ея, не уничтоженіе ея въ самомъ ея началѣ, а, напротивъ, расширеніе ея, содѣйствіе ея развитію: по мѣрѣ распространенія и совершенствованія этой промышленности выработаются самою жизнью болѣе выгодныя условія для нея, создадутся болѣе правильныя отношенія ея къ другимъ отраслямъ народной дѣятельности.

Между тѣмъ, эта относительная невыгодность выставляется противниками заграничнаго вывоза нашихъ фосфоритовъ главнымъ мотивомъ для его запрещенія. Г. Филипченко, напримѣръ, указываетъ, что шестью стами тысячъ пудовъ фосфорита, проданными англичанамъ гр. Вансовичемъ, можно было бы удобрить 30 тысячъ десятинъ пшеничныхъ полей. Полагая, что подольскій фосфоритъ возвысилъ бы урожай только на $3^1/_2$ четверти зерна на десятину, мы получили бы лишнихъ 1 милліонъ пудовъ, или, считая среднюю цѣнность пшеницы по 1 рублю за пудъ, 1 милліонъ рублей. «Вотъ этотъ-то милліонъ рублей,—восклицаетъ г. Филипченко по этому поводу,—есть тотъ самый, который мы продали англичанамъ за 60 тысячъ рублей, отпуская фосфоритъ по 10 коп. за пудъ, т.-е. отпуская цѣнность почти въ 7 разъ менѣе ея дѣйствительной стоимо-

---

[1]) «Основы химіи», ч. 2, стр. 535.

сти. Естественно, что великіе торгаши — англичане зубами ухватились
товаръ, который продается, если принять въ разсчетъ курсъ, въ 30 ра
дешевле своей цѣнности [1]).

Слѣдуя такому способу опредѣленія стоимости матеріала по предпо
гаемой цѣнѣ возможнаго продукта этого матеріала, можно было бы сто
мость и простой глины, напримѣръ, опредѣлять по вѣроятной цѣнѣ то
дома, который можетъ быть построенъ изъ кирпича, сдѣланнаго изъ э
глины. Но даже этотъ разсчетъ при оцѣнкѣ глины былъ бы, въ сущнос
болѣе основателенъ: изготовленіе кирпича изъ глины, постройка дома
употребленіе на него кирпича съ наибольшею выгодою,—все это дѣло ру
человѣческихъ и совершенно въ предѣлахъ нашей власти. Въ отноше
же результатовъ фосфоритнаго удобренія предѣлы нашей власти и про
вола крайне ограничены: они зависятъ почти исключительно какъ
свойства почвы и растеній, на ней воздѣлываемыхъ, такъ и отъ многи
другихъ мѣстныхъ и климатическихъ условій, вліяніе которыхъ мы
только не можемъ предотвратить, но не въ состояніи даже опредѣли
хотя бы лишь съ приблизительною точностью. «Учеты по статикѣ пло
родія почвы,—вполнѣ основательно указываетъ проф. Костычевъ,—не
служиваютъ довѣрія вслѣдствіе ихъ неточности», а «въ практическомъ
ношеніи они были бы безполезны даже въ томъ случаѣ, если бы мы
могли сомнѣваться въ ихъ вѣрности» [2]).

Но независимо отъ несостоятельности разсчетовъ вообще, основанны
на статикѣ плодородія почвы, независимо также отъ возможности по
женія урожайности зерна вслѣдствіе несоразмѣрнаго внесенія въ по
фосфорной кислоты, какъ это было уже указано,—независимо отъ вс
этого полнѣйшая произвольность разсчетовъ гг. Филипченко и Полим
стова заключается еще въ томъ, что въ нихъ устраненъ учетъ выгодно
этого удобренія при данныхъ условіяхъ, а, между тѣмъ, только этотъ уч
и рѣшаетъ вопросъ о примѣнимости удобренія.

«Если бы при расходахъ на удобреніе въ 10 руб.,—говоритъ по эт
поводу проф. Костычевъ,—урожай отъ него увеличился въ стоимости тол
на 8 руб. (или вообще меньше, чѣмъ на 10 рублей), то очевидно,
примѣнять удобреніе было бы невозможно: хозяйство возможно только

1) Морозовъ, l. c., стр. 45. А г. Полимсестовъ въ своемъ увлеченіи вы
сляетъ, что отъ совершеннаго вывоза фосфоритовъ нашихъ „русская земля дол
лишиться въ одинъ годъ цѣнностей на 19.000,000 руб.“ Но и эта цифра каже
почтенному докладчику малою, и онъ послѣдовательно доводитъ ее до 190 мил
іоновъ рублей. Въ заключеніе своего разсчета г. Полимсестовъ выражаетъ
опасеніе, что иностранцы устроятъ „склады купленныхъ фосфоритовъ на русс
землѣ“ и станутъ вывозить ихъ при первой возможности и надобности въ н
(«О фосфоритахъ», стр. 21—22); спѣшу успокоить почтеннаго докладчика на эт
счетъ: простой экономическій разсчетъ не позволитъ иностранцамъ дѣлать т
убыточныя предпріятія.

2) Костычевъ, l. c., стр. 5.

тѣхъ поръ, пока издержки окупаются доходами, въ противномъ же случаѣ оно въ скоромъ времени будетъ разорено и, слѣдовательно, невозможно».

А, между тѣмъ, при нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше опытахъ, фосфоритныя удобренія причинили и болѣе значительные убытки.

«Поэтому не только невозможно требовать, — продолжаетъ проф. Костычевъ, — чтобы хозяинъ непремѣнно возвращалъ въ почву все, извлекаемое изъ нея урожаями, но даже не во всѣхъ случаяхъ можно совѣтовать вообще удобрять почву; можно совѣтовать только то, что выгодно, а выгоднымъ въ одномъ случаѣ можетъ быть полный возвратъ или даже обогащеніе почвы, въ другомъ случаѣ возвратъ не полный, наконецъ, въ третьемъ можетъ быть даже отсутствіе удобренія. Хищническое хозяйство не то, которое не производитъ полнаго возврата, а только то, которое ведется въ убытокъ» [1]).

Эти-то основныя истины сельско-хозяйственной экономіи и были упущены совсѣмъ изъ вида гг. Филипченко и Полимсестовымъ, разсчеты которыхъ получаютъ поэтому значеніе простыхъ ариѳметическихъ упражненій.

Цѣна всякаго продукта составляется изъ стоимости его, выражающей сумму затраченнаго на него труда во всѣхъ видахъ, и прибыли производителя, опредѣляется рынкомъ и обусловливается отношеніемъ спроса къ предложенію. Чѣмъ больше спросъ сравнительно съ предложеніемъ, тѣмъ выше цѣна, тѣмъ выгоднѣе производителю, тѣмъ болѣе повышается и стоимость, тѣмъ бо̀льшее количество труда и лучше оплачивается; и наоборотъ, чѣмъ меньше спросъ, тѣмъ менѣе выгодъ доставляетъ этотъ данный продуктъ, тѣмъ ниже становится и его стоимость.

Спросъ же на наши фосфориты, какъ на удобрительное вещество, былъ до послѣдняго времени, до начала заграничнаго вывоза, нулевой: его не существовало; слѣдовательно, и цѣны онъ не имѣлъ никакой, и стоимости, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакой не представлялъ. Курскій фосфоритъ, подъ названіемъ самородa, горнаго камня, рогача, «съ давнихъ поръ употребляется въ Курскѣ для мощенія улицъ, бута, различныхъ построекъ и другихъ потребностей», «а при постройкѣ шоссе изъ Орла въ Курскъ шелъ на мощеніе его на пространствѣ между Кромами и станціей Селихова» [2]) и цѣнился, слѣдовательно, не дороже, а даже ниже булыжника и тому подобныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ для этой цѣли.

Съ появленіемъ заграничнаго спроса цѣна на подольскіе фосфориты стала нѣсколько опредѣляться: сначала, судя по словамъ г. Долинскаго, онъ продавался англичанамъ по 10 коп. за пудъ [3]), а въ концѣ

---

1) Костычевъ, l. c., стр. 6—7.

2) Морозовъ, l. c., стр. 42. Мурчисонъ: «Геологическое описаніе Россіи», пер. Озерскаго, т. I, стр. 980—981.

3) Морозовъ, l. c., стр. 44.

1883 года, по показаніямъ г. Дуниковскаго, онъ стоилъ на ст. Деражн (одесской жел. дор.) уже 35—40 коп. пудъ [1]).

Фосфориты же другихъ мѣстностей и до сихъ поръ не имѣютъ никако спроса.

Что же касается другаго фактора цѣны — предложенія, то оно может быть почти безгранично; стоитъ только посмотрѣть на извѣстные уже з пасы фасфоритовъ, въ видѣ обслѣдованныхъ болѣе или менѣе залеже ихъ, чтобы судить о грандіозныхъ размѣрахъ возможнаго предложенія.

Нахожденіе въ Россіи фосфоритовъ, породъ, содержащихъ болѣе и менѣе значительное количество фосфорно-известковой соли, сдѣлалось и вѣстнымъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. Въ 30-мъ году проф. Эйхвальд описалъ, подъ названіемъ «Mergelkugeln», «желваки фосфорно-кислой и вести или фосфоритъ», встрѣчающійся въ мѣловой формаціи Подольско губерніи и достигающій «величины дѣтской головы» [2]), а въ 1844 го указываетъ, кромѣ того, нахожденіе «желваковъ» фосфорита въ «мѣловом рухлякѣ» Симбирской губ., близъ дер. Шиловки [3]). Далѣе экспедиціей Му чисона была найдена въ окрестностяхъ г. Курска порода, состоящая «из неправильныхъ, почкообразныхъ сростковъ, тѣсно слѣпленныхъ между с бою и образующихъ плиты» и описанная подъ названіемъ «желѣзно руды»; такая же порода встрѣчена была и на р. Ведугѣ, въ Воронежско губ., тоже въ мѣловой формаціи ниже «бѣлаго мѣла» (пластъ IV) [4]). П анализамъ Ходнева оказалось, что породы эти содержатъ фосфорно-кисл известь [5]). Въ то же время, П. М. Языковъ нашелъ «желваки фосфорн кислой извести» въ мѣловомъ рухлякѣ окрестностей г. Симбирска, о чем между прочимъ, сообщилъ черезъ г. Фрирса Мурчисону [6]), а впослѣдстві въ 1849 году, онъ обращаетъ на нихъ особое вниманіе, говоря, что ру

---

[1]) Emil von Dunikowski: «Geolog. Unters. in Russich-Podolien. Verhandl. d k. k. Geol. Reichsanst». № 17 и 18. Sitzung 18 Decem. 1883, Seit 289.

[2]) «Natur. hist. Skizze von Volh. und Podol». 1830, pag. 28. Еще ранѣе, въ 18 году, знаменитый Готтгельфъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ нашелъ въ Верейском уѣздѣ (Москов. губ.) минералъ, который описалъ подъ названіемъ ратовкита и к торый состоитъ, по анализу Миллера и Гельма, изъ фосфорно-кислой извести, анализу же Іона изъ 20% фосфорно-кислой и 49% плавиково-кислой извести (ф ристаго кальція), почему Фишеръ и отнесъ этотъ минералъ къ „семейству фосфо но-кислому“, помѣстивъ его рядомъ съ фосфоритомъ («Ориктогнозія». 1818 г., ч. стр. 428). Но послѣ того минералъ этотъ стали относить уже къ плавиковымъ. (Эй вальдъ: «Ориктогнозія». 1844 г., стр. 333; Dufrenoy: «Traité de Min.», t. II, p. 37 и другіе.

[3]) Эйхвальдъ: «Ориктогнозія, преимущественно въ отношенія Россіи». 1844 год стр. 331.

[4]) «Геолог. описаніе Россіи», пер. Озерскаго, ч. I, стр. 980—982.

[5]) Phosph.-Saure Kalkerde in der russ. Kreideformation, chem. nachgen. Geo nostich beobachet von Jasykoff, Murshison, Verneuil und Graf Keyserling. Verhand der Kais. Russ. nimer. Gesel. zu Petersb. 1845—1846 гг., Seit. 140.

[6]) «Геолог. описаніе Россіи», т. I, стр. 989.

лякъ этотъ «могъ бы съ большою пользою употребляться на удобреніе полей» и «достопримѣчателенъ тѣмъ, что въ нижнихъ горизонтахъ пластовъ содержитъ желваки *фосфорно-кислой извести* [1]). Затѣмъ г. Купріяновъ, занимавшійся изслѣдованіемъ курскаго саморода, передалъ образцы его Клаусу, который на основаніи химическаго анализа призналъ ихъ за фосфориты, приписывая образованіе ихъ «ископаемымъ костямъ». Съ этимъ объясненіемъ не соглашается Бишофъ, указывая при этомъ на громадное распространеніе въ Россіи этой породы, занимающей площадь 800 кв. (?) верстъ [2]). Самородъ этотъ затѣмъ привлекъ на себя вниманіе гг. Гильомен, находившихъ его, на основаніи анализовъ, матеріаломъ, годнымъ для приготовленія фосфорно-кислыхъ удобрительныхъ туковъ [3]). Г. Гельмерсенъ и Г. Д. Романовскій указываютъ на присутствіе его въ Орловской губерніи, причемъ послѣдній признаетъ найденный ими «совершенно одинаковымъ» съ курскимъ [4]), а г. Кулибинъ—въ Тамбовской губ. Этотъ послѣдній описываетъ довольно подробно условія его залеганія въ окрестностяхъ гор. Спасска, приводитъ его анализъ (28,84% фосфорно-известковой соли) и въ заключеніе говоритъ, что «вещество это представляетъ хорошій матеріалъ для удобренія и въ этомъ отношеніи почти четыре пуда равносильны одному пуду пережженныхъ до-бѣла костей» [5]). Такимъ образомъ, свѣдѣнія о существующихъ у насъ фосфоритныхъ залежахъ послѣдовательно расширялись, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все бóльшее вниманіе обращалось на ихъ удобрительныя свойства. Въ виду такого значенія фасфоритовъ министерство государственныхъ имуществъ поручило въ 1866 году проф. А. Н. Энгельгардту изслѣдованіе залежей самородовъ. Проф. Энгельгардтъ подробно обслѣдовалъ эти залежи и прослѣдилъ ихъ на всемъ протяженіи отъ г. Рославля (Смоленской губ.) до г. Симбирска, доказавъ, что онѣ тянутся непрерывнымъ слоемъ, составляя непремѣнный членъ нашей мѣловой формаціи, занимаютъ площадь до 20 тысячъ квадр. верстъ и содержатъ отъ 13% до 29% фосфорной кислоты. Такъ появилось первое, очень обстоятельное общее изслѣдованіе нашихъ фосфоритовъ. Изслѣдованіе г. Энгельгардта продолжалъ г. Ермоловъ, подробно изучившій фосфоритныя залежи Воронежской и Тамбовской губерній (съ содержаніемъ отъ 11,68% до 30,70% фосфорной кислоты) и указавшій затѣмъ на вѣроятное присутствіе хорошихъ фосфоритныхъ залежей также и въ юрскихъ

---

[1]) Указанія на техническія ископаемыя вещества Симбирской губерніи въ „Опытѣ прикладной геологіи“ бар. Мейндорфа. 1849 г., стр. 124.

[2]) Bischof: «Lehrb. der chem. und phys. Geologie». 1864 г., B. II, Seit. 262.

[3]) Морозовъ, l. c., стр. 42.

[4]) Романовскій: «Отчетъ о геогностическихъ развѣдкахъ, произведенныхъ по Высочайшему повелѣнію въ Орловской губерніи», стр. 19—21.

[5]) «Геогност. очеркъ Тамбовской губерніи». Записки И. мин. общ., 2-я серія, ч. I, стр. 130—131, 145—146.

осадкахъ Московской и Ярославской губерній [1]). Это указаніе г. Ер
лова на присутствіе фосфоритныхъ залежей въ юрскихъ осадкахъ впол
подтвердилось послѣдующими геологическими изслѣдованіями средней Р
сіи. Такъ, въ 1872 году мною найдена залежь очень богатыхъ фосфо
товъ (съ 30,56% фосфорной кислоты) въ Костромской губерніи [2]); В.
Меллеромъ—въ южной части Нижегородской губерніи (съ 27,4% до 28,3
фосфорн. кисл.) [3]) и мною—въ окрестностяхъ г. Сергача [4]) и, наконе
П. А. Григорьевымъ—въ Рязанской губерніи (съ 14,2% до 50,4% фосфор
известковой соли). Кромѣ того, фосфориты найдены еще проф. К. М. Ѳ
филактовымъ въ третичныхъ осадкахъ Кіевской губерніи и Швапгоферомъ
въ силурскихъ сланцахъ Подоліи. Въ послѣднее время эти фосфорит
залежи изучались гг. Мельниковымъ и Дуниковскимъ, который наше
что коренное мѣсторожденіе этихъ фосфоритовъ—зеленовато-сѣрый сил
скій сланецъ, откуда желваки его и были вымыты водами мѣловаго (с
ственно сеноманскаго) періода и вторично отложены уже болѣе плот
составляя «залежь, единственно достойную разработки» [5]).

Слѣдовательно, открытыя и уже болѣе или менѣе изученныя зале
фосфоритовъ простираются по огромной площади въ предѣлахъ отъ С
ленской губерніи и австрійской границы до р. Волги и отъ Костромс
губерніи почти до Чернаго моря. Опредѣлить хотя бы приблизительною
личиною количество фосфоритовъ, находящихся на этомъ пространст
совершенно невозможно. Въ Подоліи, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ
полуверстномъ протяженіи добыто было въ прошломъ году уже бо
100,000 пудовъ [6]), какое же послѣ того безпредѣльное количество
должно заключаться на пространствѣ десятковъ милліоновъ десятинъ?

По сообщенію *Правит. Вѣстника*, фосфоритовъ добыто въ Подольс
губерніи со времени начала разработокъ ихъ залежей въ 1881 году
конецъ 1883 года (частью даже въ текущемъ 1884 г.) всего лишь ок
250 тысячъ пудовъ, да законтрактовано куп. Буберомъ еще 190 тыся
Слѣдовательно, дѣйствительныя цифры добытыхъ фосфоритовъ отсто

---

[1]) Ермоловъ: «О фосфоритахъ подъ Москою» 1870 и «Recherches sur les g
ments de phosphatz de choux fossile en Russie». 1873.

[2]) «Труды четвертаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ г. Казани»,
пускъ 4, стр. 18—19; Bull. de Natur. de Moskou. 1876 г., pag. 230—232 („Ге
гическія изысканія въ Костромской губерніи“, ч. II, стр. 21—23).

[3]) Меллеръ: „Нѣсколько словъ о фосфоритахъ Нижегородской губерніи“.

[4]) Проток. засѣданій нижег. губерн. статист. комитета. Засѣданіе 16 фев
1877 года, § 8, стр. 5. Въ окрестностяхъ г. Сергача находится почва, называ
мѣстными жителями „сѣрой“ по ея цвѣту и считаемая даже болѣе плодород
чѣмъ „запьянскій черноземъ“ (находящійся въ южной части губерніи, за р.
ной); почва эта несомнѣннаго юрскаго происхожденія и заключаетъ ископаемыя
скаго періода и много фосфорныхъ сростковъ различной степени вывѣтрилости.

[5]) Dunikowski: „Geol. Unters. in Russ Pod. Verh. der k. k. Geol. Reichsar
1883 г., № 17 и 18. Seit. 288—289.

[6]) Dunikowski. l. c., Seit. 289.

очень далеко отъ тѣхъ милліоновъ пудовъ, которые рисовало испуганное воображеніе противниковъ вывоза. Сверхъ того, оказывается, что не всѣ эти добытые фосфориты пошли заграницу, а часть ихъ, по словамъ того же правительственнаго органа, отправлена въ Привислянскій край. Для добыванія фосфоритовъ служатъ прибрежные каменистые утесы по р. Днѣстру и, вообще, гористыя приднѣстровскія мѣстности, составляющія «неудобныя части земельныхъ угодій», а самое добываніе «производится въ большинствѣ случаевъ на открытой поверхности и при посредствѣ рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, получающихъ, въ среднемъ, по 10 коп. съ пуда». (*Русск. Вѣдом.* 1884 г., № 209). Такимъ образомъ, разработки эти не причиняютъ даже вреда порчею нужныхъ угодій, а, въ то же время, даютъ нѣкоторой болѣе или менѣе прибыльный заработокъ населенію и доставляютъ болѣе или менѣе значительныя выгоды владѣльцамъ этихъ неудобныхъ земельныхъ угодій.

А, между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ найдутся еще новыя залежи фосфоритовъ, до сихъ поръ не открытыя. Фасфориты не составляютъ исключительнаго свойства одной какой-либо формаціи, не принадлежатъ къ образованіямъ одной какой-либо эпохи; напротивъ, они встрѣчаются въ разновременныхъ осадкахъ, начиная съ древнѣйшихъ и кончая позднѣйшими, и образуются всегда и всюду, гдѣ только осадочная порода содержитъ достаточно органическихъ остатковъ и гдѣ при этомъ находятся условія, облегчающія взаимнодѣйствіе фасфорной кислоты и извести и способствующія концентраціи происходящей при этомъ фосфорно-известковой соли. Въ зависимости отъ этого и содержаніе фосфорной кислоты въ фосфоритахъ далеко неодинаково и мощность залежей, свойство и число слоевъ ихъ тоже различны. Кромѣ того, содержаніе фосфорной кислоты въ фосфоритахъ не можетъ оставаться постояннымъ; оно неминуемо съ теченіемъ времени измѣняется въ ту или другую сторону, вслѣдствіе непрестанно совершающихся въ толщахъ земныхъ разнообразныхъ физико-химическихъ процессовъ; остановить или измѣнить эти процессы мы не имѣемъ никакой возможности и они будутъ вѣчно совершаться своимъ чередомъ, мѣстами обогащая уже существующія залежи, вызывая все бо̀льшую концентрацію фосфорно-кислой извести, мѣстами же, напротивъ, обѣдняя ихъ, извлекая изъ нихъ эту соль и препятствуя ея дальнѣйшей концентраціи, мѣстами же, наконецъ, формируя новыя залежи, все болѣе и болѣе насыщая основную породу. Поэтому, что̀ бы мы ни предпринимали, мы ни сохранить фосфорной кислоты въ нѣдрахъ земли во всей цѣлости, ни расточить ее сполна никакимъ способомъ не въ состояніи: экономія природы не послушается нашихъ велѣній и будетъ продолжать свое дѣло.

Но даже не принимая во вниманіе всѣхъ этихъ теоретическихъ соображеній и ограничиваясь однѣми извѣстными уже залежами фосфоритовъ, мы, тѣмъ не менѣе, все-таки, должны признать, что возможность предложенія

у насъ почти безгранична и что при отсутствіи спроса возможность э становится простою фикціей, нисколько не улучшающей экономическа положенія страны. Фикція эта можетъ сдѣлаться нѣкоторою реальною в личиною, и наши фосфориты могутъ получить нѣкоторую цѣнность ли въ томъ случаѣ, если будетъ спросъ, и величина эта будетъ тѣмъ больш цѣна — тѣмъ выше, чѣмъ спросъ на нашъ фосфоритъ будетъ сильнѣ Слѣдовательно, въ интересахъ страны должно заботиться о возможнос увеличеніи спроса, а уже никакъ не о сокращеніи или совершенномъ пр кращеніи его: нужно стремиться къ повышенію цѣнности своихъ произв деній, а не къ окончательному обезцѣненію ихъ. Нельзя поэтому возст вать противъ употребленія курскихъ и орловскихъ [1]) самородовъ на мощ ніе улицъ и шоссе, пока они не имѣютъ другаго, болѣе выгоднаго спрос но если бы таковой появился, хотя бы со стороны той же Англіи, то пр мая выгода и для отдѣльныхъ лицъ, и для всей страны продать его высокой цѣнѣ въ Англію, чѣмъ изводить его вмѣсто другихъ малоцѣнны матеріаловъ на мощеніе и постройки, потребившія уже многіе милліоны п довъ этого фосфорита и продолжающія потреблять его до сихъ поръ.

«Хорошо, разумѣется, было бы,—справедливо замѣчаетъ по этому п воду г. Морозовъ,—если бы на пользу нашего сельскаго хозяйства сами, а не иностранцы принялись за разработку залежей. Но разъ это въ настоящую минуту нѣтъ, зачѣмъ же воспрещать пользоваться ин странцамъ тѣмъ, что мы сами игнорируемъ?» [2]) Зачѣмъ же, спрашивае мы, стремиться къ прекращенію едва развившагося спроса и къ оконч тельному уничтоженію цѣнности нашихъ фосфоритовъ?

«То ли было бы,—говоритъ г. Шараповъ въ газетѣ *Русь*,—если бы это тукъ былъ произведенъ не въ Англіи, а дома, да продавался вмѣсто 1 р. к. по 30 — 40 к. за пудъ?» Да, тогда, разумѣется, и удобреніе эти тукомъ обошлось бы г. Шарапову не 34 р. 75 к. съ десятины, какъ т перь, а втрое, вчетверо дешевле. Желаніе г. Шарапова совершенно п нятно, но это еще не значитъ, что оно выражаетъ дѣйствительную п требность страны и согласуется съ ея интересомъ.

Но если мы даже допустимъ, что удешевленіе фосфорно - кислыхъ т ковъ желательно вообще, то и въ этотъ случаѣ мы не находимъ никаки разумныхъ основаній для запрещенія вывоза. При современныхъ высоки цѣнахъ заводы наши, какъ мы видѣли, не могли существовать и закрылис На вновь открывшемся заводѣ въ Суджанскомъ уѣздѣ костяная му или суперфосфатъ обходится самому заводу 1 руб. за пудъ, «не считая п гашенія, затратъ на машины и прочее устройство» [3]), слѣд., не дешев «произведеннаго въ Англіи». Если при такихъ цѣнахъ существованіе з

[1]) Романовскій: „Отчетъ о геогностическихъ развѣдкахъ въ Орловской губерні стр. 19.

[2]) Морозовъ, l. c., стр. 46.

[3]) „1883 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. отд. II, стр. 87.

водовъ фосфорно-кислыхъ удобреній у насъ почти невозможно, то вывозъ нашихъ фосфоритовъ, разумѣется, не причемъ.

Соединеніе же запрещенія вывоза «фосфоритовъ и обработаннаго изъ нихъ тука» съ обложеніемъ ввозимыхъ къ намъ туковъ стѣснительною пошлиною окажетъ, понятно, свое дѣйствіе, но только какъ разъ въ противуположномъ направленіи: туки нашего производства будутъ продаваться еще дороже. Для заводчиковъ такой оборотъ дѣла, несомнѣнно, выгоденъ, но не думаю, чтобы потребители оказались отъ того въ барышахъ. Если признавать фосфоритное удобреніе необходимымъ для нашего благополучія, то слѣдуетъ стремиться къ удешевленію его и уже никоимъ образомъ не къ повышенію его цѣны. Всѣ же стѣснительныя мѣры, будутъ ли онѣ направлены на вывозъ нашихъ фосфоритовъ и ихъ фабрикатовъ, или на ввозъ, одинаково вызовутъ неизбѣжное вздорожаніе этого удобренія.

Въ дѣлѣ удешевленія этихъ туковъ, по мнѣнію г. Полимсестова, «должна стать самымъ мощнымъ двигателемъ государственная казна» и «дать казенную субсидію на устройство фосфоритовыхъ заводовъ, по крайней мѣрѣ, 10-ти» [1]). Любителей казенныхъ субсидій у насъ всегда было довольно, но выигрывало ли отъ этого само дѣло, получалась ли черезъ это государственная польза,—въ этомъ позволительно очень усумниться. Никакими субсидіями нельзя создать и упрочить производство, которое при данныхъ экономическихъ условіяхъ невыгодно и само по себѣ существовать не можетъ, если нѣтъ спроса на это производство. При такомъ положеніи дѣла производство это будетъ существовать и, можетъ быть, даже благоденствовать, но только до тѣхъ поръ, пока казна будетъ хорошо оплачивать издержки производства, находиться въ роли выгоднаго покупщика всѣхъ его фабрикатовъ. Для промышленниковъ это тоже выгодно, но что же выгадаютъ черезъ это «народныя хозяйства, на которыя, по справедливому замѣчанію г. Полимсестова, слѣдуетъ обратить все вниманіе, т.-е. употребить всевозможныя мѣры къ поднятію производительности по преимуществу этихъ (поселянскихъ) полей, потому что съ ними, съ этими полями, неразрывно связана и народная жизнь, и государственная» [2]). Эти самыя «народныя хозяйства», эти самыя «поселянскія поля», понесутъ лишнее обложеніе, еще бо̀льшее податное обремененіе въ пользу заводчиковъ, которымъ будутъ выдаваемы эти рекомендуемыя субсидіи казною, имѣющею источникомъ ту же платежную силу народа.

Чѣмъ бо̀льшее количество труда оплачивается въ странѣ, чѣмъ выше эти оплаты, тѣмъ сильнѣе поднимается благосостояніе страны, тѣмъ выгоднѣе положеніе ея на международномъ рынкѣ, тѣмъ обезпеченнѣе экономическое преуспѣяніе ея; слѣдовательно, чѣмъ болѣе своихъ произведеній перерабатывается въ самой странѣ, чѣмъ совершеннѣе продукты, по-

---

[1]) Полимсестовъ: „О фосфоритахъ", стр. 14, 24.

[2]) Полимсестовъ, l. c., стр. 15.

ставляемые ею на рынокъ, тѣмъ болѣе достигается матеріальная обез ченность населенія, тѣмъ надежнѣе прогрессивное развитіе производите ныхъ силъ страны. Это положеніе, справедливое въ общемъ, въ при ципѣ непримѣнимо обыкновенно въ частностяхъ, немыслимо въ полно объемѣ на практикѣ. Спиртъ, напримѣръ, представляетъ болѣе соверше ный фабрикатъ, чѣмъ зерновой хлѣбъ, но невозможно, чтобы весь хлѣ страны превращался въ спиртъ и только въ видѣ его поступалъ на р нокъ; тоже и патока,—наиболѣе совершенный фабрикатъ,—не можетъ ключить необходимости на рынкѣ картофеля и въ сыромъ видѣ, и въ ви его менѣе совершенныхъ, промежуточныхъ фабрикатовъ. Нельзя поэто стремиться къ водворенію на рынкѣ того или другаго продукта исклю тельно въ одномъ, хотя бы и самомъ совершенномъ его видѣ; жизнь поддается такому несогласному съ ея требованіями стремленію и отвѣти на это перемѣщеніемъ рынка этимъ совершеннымъ продуктомъ и обез неніемъ его, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и невозможностью дальнѣйшаго произв ства этого продукта.

Слѣдовательно, какъ бы ни было желательно развитіе у насъ фаб каціи фосфорно-кислыхъ туковъ и замѣна вывоза фосфоритовъ въ сыро видѣ вывозомъ тѣхъ или другихъ фабрикатовъ ихъ, но пока не обна живается еще потребности въ этихъ фабрикатахъ, пока не заявляет надлежащій спросъ на нихъ, до тѣхъ поръ насаждать во что бы то стало это производство, по малой мѣрѣ, нерасчетливо. Надлежитъ, противъ, заботиться о расширеніи уже начавшагося спроса на фосфорит хотя бы и въ сыромъ, необработанномъ видѣ; по мѣрѣ того, какъ сбы этотъ будетъ увеличиваться и эксплуатація нашихъ фосфоритныхъ зале будетъ развиваться,—по мѣрѣ этого жизнь будетъ вырабатывать наибол выгодныя условія этой эксплуатаціи и практика укажетъ наиболѣе уд ныя формы ея; нужно только не препятствовать послѣдовательному те нію народной жизни, а заботливо устранять всѣ препоны, встрѣчающі на этомъ теченіи. Запрещеніе же заграничнаго вывоза явится, напроти того, новымъ препятствіемъ, создастъ на этомъ теченіи еще новую препо на устраненіе которой потребуется не мало усилій, израсходуется непро водительно не мало труда и денегъ.

Такимъ образомъ, внимательное, безпристрастное обсужденіе занима щаго насъ вопроса показало, надѣюсь, достаточно убѣдительно, во-первых что у насъ еще пока не существуетъ ни одного изъ условій, которы бы могло вызываться запрещеніе заграничнаго отпуска нашихъ фосфор товъ; ни истощенность нашихъ почвъ вообще, ни настоятельная потре ность ихъ въ фосфорно-кислыхъ удобреніяхъ никакъ не могутъ еще поч таться доказанными, полезность же этихъ туковъ для нашихъ полей впол условна: для опредѣленія ея вполнѣ необходимы многочисленные опыт тщательно произведенные и надлежаще провѣренные; во-вторыхъ, что и вѣстныя уже залежи фосфоритовъ занимаютъ у нея громаднѣйшую пл

щадь и представляютъ безчисленные запасы фосфоритовъ, такъ что всѣ опасенія за скорое истощеніе ихъ и стремленія всячески сохранить ихъ одинаково преждевременны, и, въ-третьихъ, что всѣ эти залежи могутъ пріобрѣсти нѣкоторую цѣнность исключительно при увеличеніи спроса, что внутренняго потребленія ихъ на удобреніе у насъ почти не существуетъ, а появиться въ достаточной мѣрѣ оно можетъ лишь при измѣненіи всего сельско-хозяйственнаго строя нашей страны, который опредѣляется всею совокупностью общественно-экономическихъ условій мѣста и времени, и что поэтому заграничный отпускъ оказывается не только желательнымъ, но даже и необходимымъ, доставляя прекрасное средство какъ для увеличенія общей доходности страны, такъ и для надежнаго и болѣе успѣшнаго развитія у насъ фосфоритной промышленности.

Слѣдовательно, не запрещенія или стѣсненія заграничнаго отпуска нашихъ фосфоритовъ, а, напротивъ, расширенія и содѣйствія ему требуютъ, по моему убѣжденію, настоящіе интересы страны.

Этимъ мы могли бы закончить разсмотрѣніе занимающаго насъ вопроса, но для полноты обсужденія его постараемся еще уяснить себѣ также и возможныя послѣдствія-запрещенія этого вывоза.

Запрещеніе это отразится на насъ уничтоженіемъ всякаго сбыта нашихъ фосфоритовъ со всѣми указанными послѣдствіями такого уничтоженія, на западно-европейскихъ же народахъ—лишь нѣсколько болѣе усиленною эксплуатаціей ихъ собственныхъ фосфоритныхъ залежей, еще довольно многочисленныхъ и обезпечивающихъ ихъ въ достаточной мѣрѣ на долгое время. Но предположимъ даже, что всѣ эти залежи, вслѣдствіе усиленнаго потребленія ихъ не только для мѣстныхъ потребностей, но также и для снабженія насъ фосфоритными туками, будутъ истощены окончательно въ скоромъ времени, то и тогда земледѣліе въ Западной Европѣ не будетъ, разумѣется, уничтожено; изыщутъ иной путь для поддержанія плодородія своихъ полей, обратятся къ другимъ источникамъ фосфорной кислоты, а за источниками ея дѣло не станетъ: ихъ великое множество въ природѣ.

Масса различныхъ минераловъ и горныхъ породъ, кристаллическихъ, осадочныхъ и даже вулканическихъ, содержитъ болѣе или менѣе значительное количество фосфорной кислоты [1]); она находится во всѣхъ водахъ, какъ прѣсной, такъ и морской, усвоивается всѣми растеніями, этими «истинными собирателями фосфорной кислоты», по выраженію Бишофа, и всѣми животными, начиная съ инфузорій. Кислота эта находится, такимъ образомъ, въ постоянномъ, непрерывномъ круговоротѣ: «изъ минеральнаго царства она переходитъ въ растительное и изъ него въ животное, въ которомъ и концентрируется въ высшей степени. Органическія вещества затѣмъ гніютъ и разлагаются, и фосфорная кислота выдѣляется и снова воз-

[1]) Bischof: «Lehrb. der chem. und phys. Geologie» (2-e Aufl.). B. II, Seit. 238—241.

вращается въ минеральное царство, подготовляя матеріалъ для образован новыхъ фосфорно-кислыхъ солей. Поэтому всѣ осадочныя породы, ес онѣ даже и не заключаютъ видимыхъ органическихъ остатковъ, все-так содержатъ фосфорно-кислую известь» [1]).

Слѣдовательно, недостатка въ источникахъ фосфорной кислоты нѣтъ даже быть не можетъ: количество ея въ природѣ неизмѣнно и вѣч остается одно и то же, измѣняется временно только ея видъ и форма, зависимости отъ того, во взаимнодѣйствіе съ какими веществами она данный моментъ вступаетъ и какое распредѣленіе частицъ въ данной сре получаетъ: въ одномъ случаѣ частицы эти распредѣляются по сравн тельно очень большой массѣ другихъ веществъ и представляются, та сказать, въ очень раздробленномъ состояніи; въ другомъ же, наоборот онѣ располагаются гуще, болѣе и менѣе насыщая собою основную пород и являются въ болѣе сгущенномъ видѣ, въ болѣе концентрированном состояніи.

Для практическихъ цѣлей такое болѣе концентрированное состояніе фо форной кислоты доставляетъ, понятно, болѣе удобствъ и облегчаетъ примѣненіе, почему фосфориты и пользуются въ настоящее время предп чтеніемъ передъ другими источниками, но все это нисколько не искл чаетъ возможности воспользоваться для тѣхъ же цѣлей и другими исто никами фосфорной кислоты: нужно только изыскать болѣе удобные и вы годные способы для примѣненія ихъ, и техника, разумѣется, найдетъ э способы, когда появится потребность въ этомъ.

Мало того, можно съ увѣренностью утверждать, что даже ранѣе ист щенія фосфорныхъ залежей получатъ себѣ полезное примѣненіе и п служатъ для земледѣльческихъ цѣлей также и другія фосфорныя соли.

Очень интересные опыты г. Левитскаго наглядно доказали, что п выращиваніи растеній въ смѣсяхъ опредѣленнаго состава фосфорно-кисл кали, фосфорно-кислое желѣзо и глиноземъ одинаково питаютъ растені между тѣмъ какъ трехкальціевый фосфатъ (т. е. соль, заключающаяся фосфоритахъ) не способенъ доставлять растеніямъ фосфорную кислоту достаточномъ количествѣ. Поэтому какъ указанія непосредственныхъ оп товъ, такъ равно и точныя теоретическія разсужденія приводятъ проф. К стычева къ слѣдующему, крайне важному для практики заключенію: *«Вн симъ ли мы въ почву растворенную фосфорную кислоту, или же фосфо но-кислыя соединенія желѣза и глинозема, или, наконецъ, двукальціевы фосфатъ,—результатъ во всѣхъ случаяхъ будетъ одинаковъ*, такъ ка въ почвѣ условія таковы, что всякое изъ перечисленныхъ веществъ дае въ ней двукальцевый фосфатъ; *слѣдовательно, всѣ указанныя веществ для сельскаго хозяина равнозначущи»* [2]).

[1]) Bischof, l. c., Seit. 258, 263.
[2]) Костычевъ, l. c., стр. 100.

Между тѣмъ, ортофосфорно-желѣзная соль, содержащая слишкомъ 29% фосфорной кислоты, имѣетъ въ природѣ очень большое распространеніе; она находится и въ кристаллическомъ видѣ, сопровождая золотыя, оловянныя, мѣдныя и желѣзныя руды, заключаясь въ ископаемыхъ животныхъ остаткахъ и даже въ базальтовыхъ лавахъ, а еще чаще и въ большемъ количествѣ въ землистомъ состояніи. Въ этомъ послѣднемъ видѣ она или составляетъ примѣсь къ очень распространеннымъ дерновымъ и болотнымъ рудамъ, или образуетъ цѣлыя залежи въ торфяныхъ болотахъ, или же, наконецъ, является гнѣздами въ лемѣ и глинахъ *) и представляетъ, такимъ образомъ, громадные запасы фосфорной кислоты, которые лишь ожидаютъ своего практическаго примѣненія.

Нельзя допустить, чтобы эта фосфорная соль еще долгое время оставалась въ пренебреженіи и пребывала безъ всякаго полезнаго примѣненія: напротивъ того, можно быть увѣреннымъ, что она въ недалекомъ будущемъ получитъ надлежащее употребленіе и послужитъ на пользу земледѣлію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно и желательно, что фосфорная кислота, заключающаяся въ фосфоритахъ, находится, какъ мы уже замѣтили, въ видѣ трехкальціеваго фосфата, принадлежащаго къ наиболѣе трудно растворимымъ веществамъ и относящагося поэтому къ наименѣе дѣйствительнымъ видамъ удобренія. Многочисленные опыты надъ примѣненіемъ на удобреніе фосфоритовъ вполнѣ убѣдили, что «естественный фосфоритъ, только механически размельченный, не надеженъ и не окупаетъ издержекъ» и что вообще «фосфоритъ менѣе пригоденъ для непосредственнаго примѣненія, чѣмъ для приготовленія суперфосфатовъ» **), причемъ нерастворимая трехкальціевая соль переводится въ болѣе растворимую двукальціевую.

Едва ли дозволительно сомнѣваться въ настоящее время, что въ недалекомъ сравнительно будущемъ и другія соединенія фосфорной кислоты, и другіе источники ея перестанутъ лежать втунѣ, а поступятъ, наконецъ, въ обращеніе и найдутъ себѣ полезное приложеніе. Чѣмъ менѣе останется веществъ, наиболѣе употребляемыхъ для этой цѣли теперь, чѣмъ затруднительнѣе сдѣлается пользованіе ими, тѣмъ скорѣе наступитъ это будущее, тѣмъ большее вниманіе обратятъ на себя другіе источники фосфорной кислоты, и, наконецъ, тѣмъ успѣшнѣе изыщетъ техника способы наиболѣе выгоднаго пользованія этими источниками.

Слѣдовательно, запрещеніе вывоза нашихъ фосфоритовъ, изъятіе нашихъ фосфоритовыхъ зажелей изъ употребленія, можетъ лишь нѣсколько ускорить обращеніе къ другимъ фосфорнымъ соединеніямъ,—обращеніе, которое въ общемъ принесетъ несомнѣнную пользу, намъ же, сохранившимъ съ такими жертвами безчисленные запасы фосфоритовъ въ цѣлости, причинитъ, безспорно, одинъ лишь вредъ: это еще болѣе обезцѣнитъ наши

*) Senft: «Sinopsis der Miner». Abt. 1-е, Seit 481. Bischof, l. c., Seit 253-255.
**) Костычевъ, l. c., стр. 114.

фосфориты и они могутъ не найти тогда болѣе выгоднаго примѣненія, ка опять на мощеніе улицъ и дорогъ.

Такимъ образомъ, и возможныя послѣдствія запрещенія загранична вывоза нашихъ фосфоритовъ показываютъ только совершенную нецѣле образность подобной мѣры.

Лѣтъ около 20 тому назадъ англійское общество было встревоже возможностью скораго истощенія каменноугольныхъ залежей Англіи и да поступило нѣсколько заявленій по этому поводу въ парламентъ. Stan Ievons, профессоръ политической экономіи въ Манчестерѣ, указывая несомнѣнно возрастающіе размѣры эксплуатаціи залежей, достигшихъ 1866 году цифры 100 мил. тоннъ слишкомъ (или 6,200 мил. пуд.), обр щаетъ вниманіе на то, что и внутреннее «потребленіе угля послѣдов тельно возрастаетъ въ геометрической прогрессіи», и заключаетъ отсю что при такомъ положеніи вещей достаточно одного столѣтія для окон тельнаго истощенія Англіей основнаго источника своего торговаго мо щества *).

«Мануфактуры лишены двигательной силы, домны погасли, желѣзн дорожные поѣзда остановлены, пароходы замѣнены парусными суда улицы обречены снова на жалкое освѣщеніе масломъ, домашніе оча опустѣли!»

Вотъ какую мрачную картину близкаго будущаго рисовало въ то вре воображеніе англійскихъ пессимистовъ.

Въ виду этой ужасающей будущности и въ виду сильно увеличиваю гося вывоза англійскаго угля,—вывоза, въ 10-ти лѣтній періодъ (съ 1856 1866 г.) удвоившагося и въ 1866 году превышавшаго 9 мил. тоннъ (5 мил. пуд.), появилось было даже предложеніе обложить вывозимый уго пошлиною, съ цѣлью уменьшенія вывоза. Но предложеніе это не имѣ никакого успѣха, а Waringtоn Smyth, подробно изучившій каменноугольн дѣло Англіи, не считаетъ нужнымъ даже и останавливаться на обсужде этой мѣры *). Онъ, напротивъ, очень обстоятельно доказалъ, что «полож ніе вовсе не на столько опасно, какъ желаютъ его изобразить, и во в комъ случаѣ позволяетъ отдалить срокъ истощенія угля еще на 2-3 ст лѣтія лишнихъ» **), и призналъ вполнѣ необходимою лишь болѣе правил ную и болѣе совершенную эксплуатацію каменноугольныхъ залежей, съ пр мѣненіемъ всѣхъ наиболѣе полезныхъ изобрѣтеній техники.

---

*) Достойно замѣчанія, что Stanley Ievons, говоря о великомъ значеніи каменн угля для современной жизни и указывая на многочисленныя примѣненія его и на возможность замѣны его чѣмъ-либо другимъ, говоритъ, между прочимъ: «Идея, ч электричество сдѣлается современемъ двигательною силою—простое заблужденіе а не прошло и 15 лѣтъ, какъ это «заблужденіе» осуществилось, сдѣлалось фактом дѣйствительностью.

*) La houille et l'exploitation des houillères en Angleterre“ par Waringtor. Smyth. 1872, pag 333.

*) Ibid., pag. 326.

И уголь не былъ обложенъ въ Англіи пошлиною, а вывозъ его и по нынѣ продолжается въ тѣхъ же громадныхъ размѣрахъ, вызывая ропотъ нашихъ углепромышленниковъ, всячески хлопотавшихъ и тутъ о стѣсненіи этого ввоза, и тоже объ обложеніи пошлиною, но только уже не своего, а иноземнаго продукта!

Чѣмъ бóльшее значеніе для страны имѣетъ данный вопросъ, тѣмъ бóльшей осмотрительности требуетъ онъ для своего разрѣшенія, тѣмъ бóльшаго вниманія заслуживаютъ назидательные примѣры другихъ цивилизованныхъ странъ, поучительная опытность другихъ народовъ.

А. Крыловъ.

Нѣмцы въ Африкѣ и отзывы ихъ о ней *).

Кто-то провозгласилъ недавно, что знаменитый нѣмецкій Drang na
Osten замѣнился нынѣ Drang'омъ nach Afrika. Если это дѣйствительно так
то Африка является въ настоящую минуту однимъ изъ самыхъ интере
ныхъ пунктовъ земнаго шара. Дипломаты и публицисты по этому пово
могутъ задаться множествомъ глубокомысленнѣйшихъ и интереснѣйших
вопросовъ. Могутъ, напримѣръ, спросить себя и другъ друга: не сдѣлает
ли въ скоромъ времени Африка яблокомъ раздора между европейскими де
жавами? Не суждено ли ей играть въ концѣ XIX и началѣ XX столѣт
ту самую роль по отношенію къ Европѣ, какую сыграла Америка въ ко
цѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣковъ? Но мы не будемъ останавл
ваться надъ политической стороною дѣла. Мы хотимъ только, въ виду н
сомнѣннаго интереса, возбуждаемаго нынѣ Африкой, познакомить читател
съ положеніемъ дѣлъ и состояніемъ туземнаго населенія въ этой недав
еще мало извѣстной части свѣта. Такъ какъ особенный интересъ ей пр
даетъ внезапно обнаружившееся стремленіе въ нее нѣмцевъ, то мы взя
въ качествѣ матеріаловъ отзывы именно нѣмецкихъ путешественников
ихъ изслѣдованія различныхъ частей Африки и ихъ дѣятельность въ не
Начнемъ съ показаній Отто Лехла, такъ какъ онъ, во-первыхъ, единс
венный путешественникъ изъ нѣмцевъ, изслѣдовавшій Африку исключ
тельно какъ ученый, безъ всякихъ постороннихъ, торговыхъ или полит
ческихъ цѣлей; во-вторыхъ, онъ началъ съ западной части африканска
материка, что позволитъ поочередно, въ географическомъ порядкѣ, обозрѣт

---

*) Матеріаломъ для этой статьи послужили: «Письма изъ западно-африканскаго
бережья» Отто Лехла, «Отчеты» берлинскому географическому обществу снаряженн
имъ экспедиціи въ среднюю Африку, отчетъ оффиціальной экспедиціи германска
экстраординарнаго посольства въ Абиссинію полковника Вольфа, «Письма» герма
скому африканскому обществу изслѣдователя Флегеля и докладъ, читанный въ берли
скомъ географическомъ обществѣ членомъ этого общества Пихуелемъ-Лёше.

вмѣстѣ съ различными путешественниками, всѣ до сихъ поръ еще остающіяся номинально свободными части его.

Отто Лехла прибылъ въ Африку изъ Нью-Іорка на американскомъ суднѣ. Высадился онъ на мысѣ Мезурандо, не вдалекѣ отъ главнаго города негритянской республики Монровіа (названной такъ по имени своего перваго президента Монро), и затѣмъ постепенно объѣхалъ весь восточный берегъ, переѣзжая поочередно изъ одного государства, изъ одной страны, изъ одного, чѣмъ-либо замѣчательнаго, города въ другіе. Далеко внутрь страны онъ не углублялся, не переходилъ границы цивилизаціи, если это торжественное слово примѣнимо къ нынѣшнему состоянію странъ и людей даже и въ занятыхъ уже отчасти европейцами береговыхъ полосахъ Африки. Но то, что онъ видѣлъ, онъ изслѣдовалъ и изучилъ хорошо. Да и немудрено: онъ пробылъ тамъ три года, причемъ главное его вниманіе посвящено было туземцамъ, ихъ нравамъ, обычаямъ, образу жизни и занятіямъ.

Республика Монровіа, лежащая между 4 и 7° сѣвер. шир., простирается на 75 геогр. миль съ запада на востокъ, вплоть до горъ Кондо. Ея обитатели—потомки тѣхъ краснокожихъ и негровъ, которые, не будучи въ состояніи превозмочь своего глубокаго отвращенія къ бѣлымъ американцамъ, предпочли бросить Соединенные Штаты и переселиться на такъ называемый Перцовый берегъ Верхней Гвинеи. Квакеръ Гонкинсъ изъ Балтимора первый положилъ тамъ основаніе колоніи въ 1796 г. Позднѣе, въ 1817 г., одно религіозное американское общество, «the American Colonisation Society», воспользовалось этимъ, взяло дѣло въ свои руки и, разумѣется, тотчасъ же передѣлало республику, которую наименовало *Либеріа*, въ колонію бѣлыхъ. Чтобы привлечь побольше колонистовъ, общество предлагало желающимъ даровой проѣздъ, готовый домъ для жилища и 30 акровъ земли. Республика стала быстро расти и процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ, чему много содѣйствовало то, что богатые американскіе филантропы щедро одѣляли республиканское правительство большими суммами, позволявшими ему постоянно прикупать все новыя и новыя земли. Но процвѣтаніе это было чисто искусственное. Пока являлась значительная помощь изъ метрополіи, до тѣхъ поръ финансовое положеніе республики было если и не блистательно, то все же очень недурно и внушало самыя блестящія надежды. Но какъ только помощь прекратилась, то дѣла пришли въ упадокъ и, ухудшаясь постоянно, привели, наконецъ, республику въ то состояніе анархіи, въ какомъ она находится нынѣ. Все эмигрировавшее населеніе не превышаетъ 20,000 человѣкъ, но, кромѣ него, въ странѣ живутъ еще первоначальные аборигены ея, различныя африканскія племена. Эти племена носятъ названіе басса, крусъ и крэйбэнсъ (ихъ соплеменники есть и въ другихъ, сосѣднихъ странахъ) и представляютъ, въ физическомъ отношеніи, превосходнѣйшіе образцы неразслабленныхъ цивилизаціею первобытныхъ силачей, какихъ только можно себѣ представить. Какъ всѣ жители прибрежныхъ странъ, они страстно любятъ море и большую часть

своего времени (молодые, по крайней мѣрѣ) проводятъ на немъ. Это неутомимые и искуснѣйшіе рыболовы и мореходы. Не вдалекѣ отъ берега постоянно можно видѣть сотни и тысячи ихъ маленькихъ, легкихъ лодочекъ, съ быстротою чаекъ шныряющихъ во всѣ стороны. Завидѣвъ корабль, входящій въ портъ, они тучами налетаютъ на него съ предложеніемъ своихъ услугъ. И каждый корабль, поддерживающій торговыя сношенія вдоль береговъ Африки, непремѣнно присоединяетъ къ своей командѣ изъ бѣлыхъ матросовъ другую, въ такомъ же составѣ, изъ негровъ, которые помогаютъ первымъ въ исполненіи всѣхъ необходимыхъ маневровъ и въ установкѣ парусовъ, но въ особенности въ нагрузкѣ, совершаемой обыкновенно при помощи спеціально для этой цѣли сооружаемыхъ небольшихъ грузовыхъ судовъ. Такой наемъ обходится недорого: негры дешево цѣнятъ свой трудъ, никогда не требуя за него больше 4 долларовъ (al pari 6, а при нынѣшнемъ курсѣ около 8 руб.) въ мѣсяцъ. А, между тѣмъ, они необходимы, потому что европейцы съ большимъ трудомъ переносятъ крайне нездоровый климатъ тѣхъ странъ, на корабляхъ почти всегда появляются лихорадки, матросы теряютъ силу, утрачиваютъ способность работать и ихъ обыкновенно стараются щадить сколько возможно. Впрочемъ, еслибъ и этого не было, то европейскимъ кораблямъ все-таки, не обойтись бы безъ матросовъ изъ береговыхъ негровъ, такъ какъ они далеко превосходятъ бѣлыхъ не только въ силѣ и выносливости, но и въ ловкости и проворствѣ, которыя особенно необходимы при тамошнихъ опасныхъ бурунахъ, свирѣпствующихъ у всѣхъ береговъ, въ особенности же при устьяхъ рѣкъ. При неумѣніи матросовъ справляться съ этимъ мало свойственнымъ европейскимъ морямъ явленіемъ и при незнакомствѣ ихъ съ мѣстностью, товары непремѣнно подвергались бы опасности погибнуть до достиженія корабля. Часто случается, что яростно несущіяся волны ударяютъ лодку въ бокъ и поднимаютъ ее футовъ на 30 вверхъ; тогда, падая опять внизъ, она бо̀льшею частью опрокидывается кверху дномъ. Обыкновенно это случается вблизи берега, потому что тутъ мелко, и ровно идущія на глубинѣ волны разбиваются съ страшной силой и съ ревомъ, подобнымъ грому или пушечной пальбѣ. Нужно быть очень привычнымъ къ этимъ условіямъ, чтобы не растеряться среди нихъ, тѣмъ болѣе, что прибрежныя мели эти кишатъ страшилищами тропическихъ морей — акулами. А въ этихъ мѣстностяхъ есть нѣчто еще болѣе страшное, при видѣ чего даже туземцы блѣднѣютъ, это именно знаменитыя «черныя змѣи». Отвратительныя пресмыкающіяся эти, не находя себѣ пищи на берегу, уползаютъ въ воду ловить рыбу, и горе туземцу, который попадется подъ жало ядовитаго гада. Укушеніе его почти безусловно смертельно; по крайней мѣрѣ, никто не запомнитъ случая излеченія. Негры часто вступаютъ въ борьбу съ акулами, но съ черной змѣей—никогда; отъ нея одно спасеніе: бѣгство. И если у берега, гдѣ начинаются буруны и гдѣ, поэтому, гребцамъ приходится выскакивать въ воду и руками поддерживать лодку, чтобы

она не перекувырнулась,—если тогда они увидятъ за бортомъ черную змѣю, то безъ колебанія бросаются через другой, хотя бы тамъ была цѣлая стая акулъ.

Какъ уже сказано, негры племени крусъ отличные рыболовы. Въ своихъ маленькихъ, узенькихъ гичкахъ, отъ 10 до 12 футовъ длиною и фута въ два шириною, съ небольшимъ парусомъ изъ древесной коры, человѣка по три въ гичкѣ, они выѣзжаютъ въ открытое море иногда миль за 20 и болѣе отъ берега. Для управленія лодкой служитъ имъ своеобразной формы широкое, короткое весло, употребляемое ими смотря по надобности, то какъ весло, то какъ руль. Такія гички дѣлаются ими, изъ крѣпкаго дерева, непремѣнно изъ одного куска, для чего цѣльный стволъ сначала хорошенько обжигаютъ, потомъ искусно выдалбливаютъ и обтесываютъ снаружи. Рыбу они ловятъ посредствомъ веревочныхъ удочекъ различной длины, или же ночью, при огнѣ, убиваютъ рыбъ пиками. При этомъ рыбаки сидятъ обыкновенно на кормахъ гичекъ, свѣсивъ въ воду ноги, которыми ловко работаютъ, какъ веслами, двигая лодку, смотря по надобности, то взадъ, то впередъ. Часто случается, что прожорливыя акулы, не будучи въ состояніи преодолѣть своего апетита при видѣ такого лакомаго куска, выкусываютъ у рыбаковъ икры. Но это ничуть не мѣшаетъ послѣднимъ, отъ природы привязаннымъ къ морю, на другой же день снова пускаться на его зеркальную поверхность и по цѣлымъ днямъ разъѣзжать по ней на своихъ утлыхъ суденышкахъ. Впрочемъ, туземцы вообще поразительно мало чувствительны къ боли. Развѣ ужь очень сильная болѣзнь и, притомъ, такая, которая лишаетъ человѣка сознанія, можетъ заставить ихъ лежать, а то они все на ногахъ, и валяться, а тѣмъ болѣе выказывать страданіе, считается у нихъ постыднымъ. Лехла увидѣлъ однажды, какъ одинъ рыбакъ тащилъ на спинѣ своего товарища, всего искусаннаго акулой. Несчастный обливался кровью, но когда путешественникъ, движимый естественнымъ состраданіемъ, хотѣлъ помочь ему, онъ какъ нельзя спокойнѣе, даже безъ измѣненія въ голосѣ отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, что онъ, отдохнувши тутъ на берегу, самъ пойдетъ домой и попросилъ только дать ему покурить.

Образъ жизни крусовъ, какъ и всѣхъ вообще западно-африканскихъ береговыхъ негровъ, чрезвычайно простъ. Пищу они употребляютъ преимущественно растительную, главный питательный элементъ которой составляютъ мучнистые плоды: бананова, платановъ, хлѣбнаго дерева и одно мѣстное корнеплодное растеніе, называемое кассадо. Оно представляетъ родъ довольно большихъ стволовъ, длиною и толщиною въ человѣческую руку. Вырытые изъ земли стволы эти очень сочны, но сокъ ихъ, видомъ и цвѣтомъ похожій на молоко, ядовитъ, такъ что прежде чѣмъ употреблять ихъ въ пищу, кассадо долго и тщательно толкутъ и моютъ. Немаловажную также роль играетъ въ пищѣ негровъ особеннаго вида мѣстная пальма, на которой растутъ очень вкусные, огромныхъ размѣровъ плоды, вродѣ

орѣховъ. Ихъ ѣдятъ и сырыми, и вареными и, кромѣ того, при вывариванiи отъ нихъ получается чрезвычайное вкусное, оранжеваго цвѣта масло которое употребляется какъ приправа, въ видѣ соуса, ко всякой пищѣ какъ мучной, такъ и мясной. Собственно въ Либерiи разводится также рисъ, но въ слишкомъ маломъ количествѣ сравнителено съ населенiемъ да, къ тому же, онъ и растетъ тамъ плохо, такъ какъ почва тамъ сухая а для риса требуется земля очень мягкая, жирная и сырая. Всевозможные фрукты: дыни, тыквы разнообразнѣйшихъ сортовъ, кокосовые орѣхи, финики, фиги, ананасы, апельсины, лимоны, томаты, макабы—мучнистые шишкообразные фрукты, вкусомъ очень похожiе на картофель, сливы—манго, представляющiя нѣчто среднее между сливой и персикомъ, лѣсныя вишни и многое множество другихъ фруктовъ, которые трудно перечисленовать всѣ, наконецъ, медъ прiятнѣйшимъ образомъ разнообразятъ немножко черезъ-чуръ растительную пищу туземцевъ. Впрочемъ, негры только очень умѣренны въ своихъ потребностяхъ, но они вовсе не по принципу вегетарiанцы. Тамъ, гдѣ условiя мѣстности дозволяютъ охоту, они съ удовольствiемъ ѣдятъ дичь и вообще не прочь покушать послаще. Только, разумѣется, вкусъ у нихъ не развитъ, и они съ одинаковымъ наслажденiемъ поѣдаютъ какъ нѣжное мясо лани, или дикой козы, такъ и жесткое, для европейскаго желудка почти вовсе неперевариmое мясо слона или гиппопотама. Крокодилы, неядовитыя змѣи, птицы, антилопы, кабаны, буйволы даже обезьяны,—все употребляется ими въ пищу при случаѣ.

Пьютъ они преимущественно одну чистую воду, но любятъ полакомиться иногда и спиртными напитками, и въ такомъ случаѣ предпочитаютъ самые крѣпкiе: ромъ, джинъ, крѣпкую водку, промѣнивая ихъ на произведенiя своей земли. Впрочемъ, лыбимымъ ихъ напиткомъ остается, все таки, собственнаго ихъ производства пальмовое вино. Съ ловкостью обезьянъ взлѣзаютъ на высокiя пальмовыя деревья рабы и дѣти, вырѣзаютъ въ верхушкѣ дыру величиною въ футъ и вставляютъ въ нее желобокъ который опускаютъ въ привязываемый къ вѣтвямъ большой сосудъ. Затѣмъ около дерева зажигается костеръ. Дѣйствiе всего этого самое простое Сладковатый сокъ пальмы поднимается отъ жара снизу вверхъ и стекаетъ по желобку въ сосудъ. Этотъ сокъ оставляютъ бродить дней 5 или 8, смотря по тому, кислѣе или слаще напитокъ желаютъ получить, и затѣмъ пальмовое вино готово. Вкусомъ оно очень похоже на шипучiй лимонадъ, чрезвычайно освѣжаетъ въ жару и дѣйствуетъ благодѣтельно в лихорадкахъ и другихъ подобныхъ болѣзняхъ, свойственныхъ тропическом климату. Къ крѣпкимъ напиткамъ его отнести никоимъ образомъ нельзя но если его выпить очень много, то оно дѣйствуетъ подъ конецъ слегка опьяняющимъ образомъ.

Хотя цивилизацiя, въ лицѣ бѣлыхъ, а съ ними и миссiонеры, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ проникли въ ихъ страну, но большинство негритянскихъ племенъ западной Африки до сихъ поръ остается предан

нымъ своимъ языческимъ вѣрованіямъ. Они не поклоняются ни свѣтиламъ небеснымъ, ни огню, но глубоко и непоколебимо вѣруютъ въ существованіе сверхъестественной неземной силы, которой поклоняются въ образѣ своихъ идоловъ. Нѣкоторыя племена, живущія вдоль Бенинскаго залива, считаютъ змѣю за священное животное. Если кто-нибудь изъ негровъ умретъ отъ болѣзни или отъ другой такой же естественной причины, то часто бываетъ, что остальные негры вдругъ почему-либо припишутъ это несчастіе злобѣ того или другаго лица. Тогда образуется родъ суда изъ собранія старшинъ, которые производятъ обстоятельное предварительное дознаніе и, обсудивъ со всѣхъ сторонъ преступленіе, приговариваютъ предполагаемаго преступника къ испытанію ядомъ. Именно, ему повелѣвается выпить полный бокалъ сока одного мѣстнаго ядовитаго растенія, называемаго кассія. Рѣдко совершается эта исторія безъ злоупотребленій, которыя тѣмъ легче, что сокъ кассія не безусловно смертеленъ, а лишь въ извѣстныхъ дозахъ и при извѣстныхъ соединеніяхъ. Если жрецы или старшины желаютъ зла несчастному обвиняемому, то ядъ приготовляется ими такъ, что черезъ два часа послѣ его пріема у паціента дѣлается кровавая рвота, затѣмъ страшныя судороги и смерть. Если же, наоборотъ, обвиняемый человѣкъ богатый, вліятельный или просто пользуется расположеніемъ судей, они дѣлаютъ невинную смѣсь, которая не производитъ тогда никакого вреднаго дѣйствія. Всѣмъ туземцамъ извѣстны эти злоупотребленія и, тѣмъ не менѣе, они глубоко вѣруютъ въ свой *федихьтокъ*, какъ называется вся эта процедура суда и испытанія, считая его судомъ божіимъ. Главнѣйшая причина, почему христіанство такъ туго прививается среди западно-африканскихъ негровъ, заключается въ изстари укоренившемся у нихъ многоженствѣ. По духу же и принципамъ своимъ, христіанство имъ очень симпатично. Какъ и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ, богатство и высота общественнаго положенія у туземцевъ западной Африки выражаются, главнымъ образомъ, въ обладаніи большимъ количествомъ женъ. Браки совершаются путемъ купли невѣсты, и негръ, желающій пользоваться уваженіемъ своихъ соплеменниковъ и пріобрѣсти вліяніе среди нихъ, долженъ непремѣнно покупать елико возможно больше представительницъ прекраснаго пола себѣ въ жены. На Бенинскомъ заливѣ, напримѣръ, есть короли, имѣющіе до 500 женъ. Цѣна невѣстъ чисто условная. Она опредѣляется отчасти положеніемъ и состояніемъ родителей невѣсты, отчасти же имущественнымъ положеніемъ жениха-покупателя. Средней цифрой уплачивается отъ 80 до 150 долларовъ товарами, причемъ цѣна каждаго товара имѣетъ установленную таксу. Такъ, ружье цѣнится въ 6 дол., фунтъ табаку—1 дол., боченокъ пороху—4 дол., кусокъ матеріи — 2 дол. и т. д. Дешевле всего продаются невѣсты въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ экватору съ сѣверной и южной стороны. Тамъ можно купить ихъ не дороже 40 дол.

Большинство этихъ простыхъ, первобытныхъ народовъ очень госте-

пріимно и встрѣчаетъ путешественниковъ съ сердечнымъ радушіемъ. Особенно ярко выступаетъ это гостепріимство передъ наблюдателемъ при продолжительныхъ поѣздкахъ внутрь страны, когда приходится бывать въ такихъ селеніяхъ, въ которыхъ даже старѣйшіе изъ жителей во всю свою жизнь не видали ни одного бѣлаго. И вотъ тутъ-то надобно видѣть, какъ торжественно они принимаютъ невиданныхъ путниковъ, съ какимъ радушіемъ угощаютъ ихъ всѣмъ, что имѣютъ, а, накормивши и напоивши, стараются забавить ихъ танцами, пѣніемъ, игрою на струнныхъ инструментахъ, представляющихъ грубый видъ арфы, и на колокольчикахъ. Одежда у нихъ простая и, такъ сказать, сельски-скромная. Мужчины накладываютъ на плечи длинный кусокъ пестрой матеріи, драпирующій ихъ на подобіе тоги и спускающійся спереди почти до колѣнъ; женщины носятъ родъ коротенькой юбки безъ складокъ, подвязываемой вокругъ таліи. Туземцы не носятъ европейскаго платья даже и тогда, когда получаютъ его въ подарокъ. Ихъ собственная одежда для нихъ и пріятнѣе, и удобнѣе. Однако, упомянутымъ образомъ одѣваются только племена, живущія по самой береговой полосѣ. Чѣмъ дальше внутрь материка, тѣмъ меньше негры прикрываютъ свое тѣло, и, наконецъ, встрѣчаются племена, обходящіяся совсѣмъ безъ всякой одежды. Наоборотъ, разныя блестящія украшенія, преимущественно кольца изъ слоновой кости, мѣди и латуни, которыя носятся на пальцахъ рукъ, у кисти и выше плечь, а также на ногахъ, и ожерелье и головные уборы изъ бусъ и мелкихъ раковинъ, любимыя вообще всѣми неграми, у континентальныхъ считаются необходимой принадлежностію, нельзя сказать — туалета, ибо таковаго вовсе не имѣется, но порядочнаго человѣка. Наиболѣе употребительное оружіе состоитъ, попрежнему, изъ лука, арбалеты и стрѣлъ, большею частью отравленныхъ, изъ пикъ и большихъ ножей, метательныхъ и поуже, употребляемыхъ, какъ кинжалы. Но ружья въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе распространяются между неграми, которые поняли теперь вполнѣ слишкомъ явное преимущество ихъ какъ на охотѣ, такъ и въ особенности на войнѣ.

Непріятное впечатлѣніе производитъ на европейца внѣшній видъ негровъ вышеупомянутаго племени крейбэнсовъ, такъ какъ они, неизвѣстно для чего, обтачиваютъ себѣ со всѣхъ сторонъ зубы такъ, чтобъ они имѣли форму маленькихъ, острыхъ, круглыхъ пикъ. Зубы у нихъ отъ природы прелестные, ровные, бѣлые, точно изъ слоновой кости выточенные. Будучи же заострены, они придаютъ людямъ почти звѣрское выраженіе. По ученію большинства европейскихъ врачей, утверждающихъ, будто зубы неизбѣжно портятся, какъ скоро съ нихъ сошла глазурь, негры-крейбэнсы должны бы были постоянно страдать зубной болью и еще въ относительно молодыхъ годахъ оставаться совсѣмъ беззубыми. Однако, эти племена, воображаемой красоты ради обтачивающіе себѣ зубы, сохраняютъ ихъ до глубокой старости невредимыми и, притомъ, бѣлизны истинно поразительной. Правда, и то сказать: эта процедура заостренія продѣлывается

въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что, можетъ быть, глазурь успѣваетъ образоваться вновь. Что у негровъ вообще превосходные, крѣпкіе и бѣлые зубы, это фактъ общеизвѣстный. Но что менѣе извѣстно, такъ это то, что они свои зубы очень берегутъ, очень за ними ухаживаютъ: каждый разъ послѣ пріема пищи тщательно ихъ выполаскиваютъ, а по утрамъ трутъ снаружи и внутри мягкимъ корнемъ какого-то растенія, какъ европейцы щеткою.

Жилища чрезвычайно разнообразны, смотря по мѣстности и по имѣющемуся въ ней строительному матеріалу. Начиная отъ Либерійскаго, вдоль всѣхъ береговъ: Перцоваго, Слоноваго, Золотаго и Невольничьяго дома дѣлаются, главнымъ образомъ, изъ рѣчной глины, а кроются соломой или травой. Отъ имѣющихъ 13,000 футовъ высоты Камеронскихъ горъ, восточнѣе острова Фернандо По, вдоль береговъ Малимба, Батанга, Бата. Бенита, Клоби и Габонъ до на 10° широты лежащей португальской колоніи Бенгуэла жилища негровъ значительно опрятнѣе и лучше построены. Внутреннія стѣны въ нихъ увѣшиваются красивыми пальмовыми листьями. какъ бы обоями, и крыши тоже дѣлаются изъ искусно сложенныхъ широкихъ пальмовыхъ листьевъ, представляющихъ и защиту отъ дождя, и прохладу въ жару.

Главное занятіе и единственный источникъ пріобрѣтенія туземцевъ заключается въ мѣновой торговлѣ. Иностранные купцы везутъ сюда цѣлые корабли соли, пороху, ружей, табаку, рому, бусъ, глиняной и фарфоровой посуды, желѣзныхъ подѣлокъ, разныхъ невысокаго сорта матерій и т. п., а негры платятъ за все это пальмовымъ масломъ, зернами плодовъ и корнями пальмъ, слоновой костью, каучукомъ, чернымъ и прочими цвѣтными деревьями, а на Золотомъ берегѣ также и золотымъ пескомъ. Лѣтъ 20 тому назадъ былъ, правда, еще и другаго рода мѣновой товаръ, именно невольники. Но этотъ постыдный торгъ, хотя находится и до нынѣ въ полномъ процвѣтаніи внутри материка, въ береговой полосѣ уничтоженъ теперь совершенно, благодаря, главнымъ образомъ, неутомимымъ и энергическимъ усиліямъ Англіи. По крайней мѣрѣ, ни одинъ корабль не смѣетъ больше пуститься въ море съ печальнымъ грузомъ живаго товара, такъ какъ англійскіе военные корабли носятся кругомъ, какъ пчелы, а инструкціи капитановъ на этотъ счетъ такъ точны и положительны, что тутъ не можетъ быть ни разсужденій, ни смягченій. Смертная казнь черезъ повѣшеніе,—вотъ что ждетъ каждаго, кто будетъ пойманъ на морѣ и уличенъ въ этомъ гнусномъ, позорномъ промыслѣ. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы рабство и торговля невольниками были введены въ Африкѣ европейцами или американцами. Нѣтъ, и то и другое составляетъ совершенно самостоятельно выработавшееся мѣстное учрежденіе. Туземцы съ незапамятныхъ временъ имѣютъ обычай продавать за деньги или промѣнивать на товары своихъ военнoплѣнныхъ, равно какъ и наиболѣе слабыхъ въ физическомъ отношеніи соплеменниковъ своихъ. Какъ уже сказано. внутри материка все это невозбранно продѣлывается и до сихъ поръ.

Языкъ негритянскій чрезвычайно своеобразенъ и замѣчательно, что в
племена, даже самыя крошечныя и живущія въ непосредственной бли
одинъ возлѣ другаго, имѣютъ каждое свои лингвистическія особенност
слова и обороты рѣчи, которыхъ не встрѣчается въ языкѣ другихъ пл
менъ. Отдѣльныя слова по бóльшей части довольно благозвучны, но язы
въ общемъ много портитъ обиліе какихъ-то запутанныхъ и какъ бы з
давленныхъ горловыхъ звуковъ, свойственныхъ также и арабскому язык
Сказанное насчетъ своеобразныхъ особенностей въ языкѣ каждаго племе
вполнѣ примѣнимо также и къ нравамъ ихъ. Непремѣнно у всѣхъ хо
что-нибудь да есть свое. Напримѣръ, у племени басса женщинъ продаю
и выдаютъ замужъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, тогда какъ у живущи
всего въ 30 миляхъ отъ нихъ крусовъ предпочитается и цѣнится вы
женщина, уже достигшая извѣстныхъ лѣтъ, въ особенности же такая,
которой есть дѣти. Послѣднее обстоятельство уже само по себѣ предста
ляетъ, такъ сказать, извѣстный капиталъ. Вообще же браки заключают
рано, съ европейской точки зрѣнія, просто въ дѣтствѣ. Если только им
щественное положеніе дозволяетъ это, то мальчика уже въ 14 лѣтъ ж
нятъ на дѣвочкѣ лѣтъ 11. Такіе ранніе браки приняты въ особенности
племенъ, живущихъ по Бенинскому заливу и вблизи его, гдѣ обиліе паль
обусловливаетъ большой экспортъ пальмовыхъ продуктовъ, и, какъ неп
средственное слѣдствіе, зажиточность населенія. Продолжительность жиз
негровъ такъ же различна, какъ и другихъ человѣческихъ расъ, хо
между ними вовсе не рѣдкость старики 80 и 90 лѣтъ, но въ отношен
производительности они далеко уступаютъ прочимъ. Это зависитъ, впр
чемъ, не столько отъ физіологическихъ, сколько отъ окружающихъ физ
ческихъ условій и условій быта. Надо замѣтить еще, что тамъ, куда е
не успѣла проникнуть иностранная торговля, состоящая, къ сожал
нію, въ значительномъ большинствѣ изъ рома и прочихъ спиртныхъ н
питковъ самаго плохаго качества, тамъ, гдѣ, слѣдовательно, не успѣ
развиться пьянство, къ несчастію, легко прививающееся къ неграмъ
крайне разрушительно дѣйствующее на нихъ, тамъ производительность н
селенія несравненно выше. Вообще нужно сказать, что количество му
скаго пола къ женскому относится у негровъ какъ одинъ къ двумъ.

Хотя западно-африканскіе негры и не достигаютъ въ искусствѣ татуир
ванія такого совершенства, какъ, напримѣръ, тихо-океанскіе островитяне и
жители Сіама, но и они татуируются, размалевывая себѣ, при помощи са
и масла, лицо въ формѣ арабесокъ. Это дѣлаютъ, правда, не всѣ, но бол
шая часть племенъ. Въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Нигеръ,
въ королевствѣ Порто-Ново женщины для увеличенія своей прелести ра
крашиваютъ сèбѣ вѣки и десны красновато-фіолетовой краской, что пр
даетъ имъ выраженіе звѣрской злобы и вообще чисто животный характер
лицу. Нѣкоторыя племена Бенинскаго берега не выказываютъ вовсе т
кого дружелюбія къ бѣлымъ, о какомъ говорилось выше. Напротивъ, ес

дѣло не касается торговли или возможности получить подарокъ, то они даже старательно уклоняются отъ всякихъ сношеній съ бѣлыми, знакомства съ ними не заводятъ никогда, никогда ни за чѣмъ не зайдутъ къ нимъ и терпѣть не могутъ принимать ихъ посѣщенія. Разумѣется, если бѣлый, несмотря ни на это, все-таки, заберется къ нимъ, его примутъ, но такъ холодно, съ такой видимой неохотой, что гость едва ли захочетъ повторить посѣщеніе. Но въ особенности ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не дозволяется бѣлымъ присутствовать при торжественныхъ религіозныхъ празднествахъ и плясках. Церемоніи эти совершаются обыкновенно ночью, преисполнены самаго глубочайшаго, а подчасъ и грязнаго суевѣрія, и рѣдко обходятся безъ человѣческихъ жертвоприношеній. Горе бѣлому, котораго бенинскіе негры поймаютъ на подглядываніи этихъ ихъ церемоній! Даже король Порто-Ново, лично очень благосклонный къ бѣлымъ и не допускающій никакого оскорбленія ихъ въ своей странѣ, въ которой пользуется неограниченнымъ авторитетомъ, даже онъ не рѣшается взять на себя отвѣтственность за ихъ жизнь, еслибъ имъ вздумалось нарушить тайну религіозныхъ обрядовъ его подданныхъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно познакомиться основательно съ этой стороной жизни негровъ, которые, разумѣется, и въ разсказахъ такъ же скупы на подробности, и вотъ почему такъ мало до сихъ поръ извѣстно о ихъ религіи и ея обрядахъ. Съ полной достовѣрностью ручаться за это нельзя, конечно, но все заставляетъ думать, что въ бо́льшей части племенъ человѣческія жертвоприношенія уже не совершаются болѣе. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ отличаются такимъ добродушіемъ и нравы въ нихъ настолько мягки вообще, что невозможно предположить ихъ способными на такое варварство. Но въ Порто-Ново, хотя цивилизація коснулась этого королевства даже болѣе, чѣмъ другихъ, нравы населенія сохранили всю свою первобытную суровую дикость, и тамъ эти жертвоприношенія въ полномъ ходу. Тамъ дикое суевѣріе бываетъ поводомъ злодѣянія ужасающей жестокости. Напримѣръ, не далѣе какъ въ маѣ 1882 г., въ жилищѣ короля, неизвѣстно вслѣдствіе какой причины, выпала рама одного окна, замѣчательнаго тѣмъ, что оно изнутри сверху до низу густо утыкано человѣческими костями, взятыми изъ труповъ принесенныхъ жертвъ. Спрошенные насчетъ значенія этого загадочнаго обстоятельства, жрецы объяснили, что боги разгнѣваны и умилостивятся лишь въ такомъ случаѣ, если рама священнаго окна будетъ вмазана известкой, растворенной въ человѣческой крови. Вслѣдствіе этого объясненія 50 молодыхъ дѣвушекъ были убиты и тогда объявили, что гнѣвъ боговъ прекратился. Въ томъ же самомъ королевствѣ существуетъ слѣдующій странный обычай: если сгоритъ домъ какого-либо туземца, то всѣ обитатели этого дома поступаютъ въ собственность короля, на милость и немилость его, и либо приносятся въ жертву богамъ, либо продаются въ рабство. Исполненіе бо́льшей части жреческихъ обязанностей лежитъ на жрицахъ, которыми могутъ быть лишь

молодыя непорочныя дѣвушки, пользующіяся незапятнанной репутаціей, условно строгой нравственности. Когда эти жрицы проходятъ по улица то, при крикѣ ихъ «агха, агха!», всѣ туземцы обязаны поспѣшно о дить подальше въ сторону, чтобы дать имъ дорогу. Иностранецъ же, онъ, не зная тамошнихъ нравовъ, вздумаетъ заговорить съ одной этихъ святыхъ дѣвъ или просто подойти къ ней, подвергается огром денежному штрафу. Истинно съ трудомъ вѣришь глазамъ и ушамъ, к подумаешь, что подобные почти невѣроятные нравы и обычаи существу въ королевствѣ, правда, независимомъ, но отстоящемъ всего въ как нибудь пяти дняхъ ѣзды отъ англійской колоніи Лагосъ. Необъя мо, какъ могли они сохраниться тамъ. Правда, одинъ изъ бывших послѣдніе годы губернаторовъ Лагоса, лордъ Гамильтонъ, узнавъ о кихъ-то, подобныхъ вышеописаннымъ, жестокостяхъ короля Порто-Н произвелъ противъ его чернаго величества военную демонстрацію и н жилъ на него, въ видѣ наказанія, контрибуцію, послѣ чего договор было постановлено, что отнынѣ человѣческія жертвоприношенія отм ются навсегда. Но успѣхъ всего этого былъ кратковременный и обма вый. Въ настоящее время въ Порто-Ново царствуетъ такая же дико такая же анархія, какъ и прежде. Королевство это почти со всѣхъ ронъ окружено страшными болотами не менѣе нѣсколькихъ футъ гл ною, вокругъ которыхъ произрастаютъ цѣлые лѣса зловредныхъ деревь называемыхъ *мангро*, и масса ползучихъ и всякаго рода болотныхъ ра ній. Все это вмѣстѣ наполняетъ атмосферу отвратительными и кр вредными испареніями, распространяющими лихорадки, а, въ то же вр и дѣлаетъ доступъ въ самую страну чрезвычайно затруднительнымъ. этомъ-то, кажется, и заключается главная причина, почему даже англій колоніальная политика увидала себя вынужденной, послѣ нѣсколькихъ с же дорого обошедшихся, сколько и безполезныхъ попытокъ, смот сквозь пальцы на все совершающееся въ Порто-Ново. Такой же, есл бо̀льшей еще дикостью нравовъ отличается лежащее на западъ отъ По Ново королевство Дагоме. Какъ населеніе, такъ и властелинъ этого гритянскаго государства хорошо извѣстны всему свѣту превосходящей кое вѣроятіе жестокостью своихъ человѣческихъ жертвоприношеній. лейбъ-гвардіи, состоящій изъ 5,000 такъ называемыхъ амазонокъ, сос ляетъ ядро арміи этого чернаго деспота, который съ самаго воцаренія детъ непрерывную ожесточенную войну со всѣми своими сосѣдями и жить всѣ дороги въ постоянной осадѣ. Вслѣдствіе этого цвѣтущая и ве обширная торговля Лагоса сильно упала за послѣднія 10 лѣтъ. Въ 1 году Англія вела войну съ этимъ чернымъ тираномъ, котораго прину къ уплатѣ громадной контрибуціи золотымъ пескомъ и пальмовымъ сломъ. Кромѣ того, она заключила съ нимъ договоръ, которымъ онъ жественно обѣщалъ, въ доказательство дружбы своей къ королевѣ ан ской, отмѣнить и уничтожить навсегда въ своихъ владѣніяхъ торго

невольниками, жертвоприношенія людьми и ограбленіе торговцевъ, причемъ было постановлено, что неисполненіе этого обѣщанія будетъ считаться нарушеніемъ мира и имѣть своимъ послѣдствіемъ возобновленіе войны. Но, разумѣется, и тутъ дѣло измѣнилось только по внѣшности, да и то лишь отчасти. Не такъ открыто, съ менѣе дерзкимъ цинизмомъ, но дѣлается все то же самое, что и прежде, особенно, что касается безчеловѣчныхъ религіозныхъ обрядовъ.

Каждаго путешественника поражаетъ изумленіемъ зрѣлище того, съ какими ничтожными матеріальными силами, съ какой горстью солдатъ и полицейскихъ чиновниковъ англійское колоніальное правительство справляется съ своей нелегкой задачей въ этихъ дикихъ странахъ, съ этимъ множествомъ совершенно первобытныхъ, варварскихъ народовъ, вдобавокъ говорящихъ на разныхъ языкахъ, исповѣдывающихъ разныя религіи. Войска и полиція, за исключеніемъ лишь высшихъ начальниковъ, всѣ составлены изъ негровъ. Только съ тонкимъ разсчетомъ, которымъ отмѣчена вся его вѣковая колоніальная политика, правительство имѣло предосторожность набирать этихъ негровъ не изъ среды мѣстныхъ жителей каждой колоніи, а изъ мѣстностей, какъ можно болѣе отдаленныхъ, миль за тысячу оттуда, всегда почти изъ воинственныхъ племенъ и непремѣнно такихъ, языкъ и нравы которыхъ рѣзко отличаются отъ тѣхъ, кѣмъ они призваны командовать. Такъ, напримѣръ, солдаты, составляющіе горнизоны и полицію Золотаго берега, взяты изъ магометанскихъ, далеко на сѣверъ оттуда расположенныхъ племенъ *гассанъ*,—племенъ, изстари враждебныхъ населяющимъ Золотой берегъ *фандіямъ* и *ашантіямъ*. Тѣ и другіе чувствуютъ другъ къ другу непримиримую ненависть и отвращеніе, вслѣдствіе чего нетолько ни одинъ гассанъ не принимаетъ никогда ни малѣйшаго участія въ бунтахъ золотобережныхъ туземцевъ, но еще ожесточенно и съ такимъ наслажденіемъ подавляютъ ихъ, съ какимъ англійскія войска даже и не могли бы дѣлать этого. Вообще же надо замѣтить, что всѣ эти солдаты пріучены (можетъ быть, слѣдовало бы сказать дрессированы) такъ, что они въ каждомъ бѣломъ, только потому, что онъ бѣлый, видятъ начальника. При встрѣчѣ на улицѣ, кто бы ни былъ бѣлый: военный или гражданскій чиновникъ, или и вовсе не служащій, англичанинъ или иностранецъ, все равно, разъ онъ бѣлый, негры-солдаты и полицейскіе обязаны отдавать ему честь. Такъ поступаетъ Англія въ своихъ собственныхъ колоніяхъ. Съ землями же и королевствами, еще сохранившими независимость, но заслуживающими особеннаго вниманія по количеству и качествамъ естественныхъ произведеній страны, она умѣетъ поддерживать самыя дружескія отношенія. Иногда силою, но бо̀льшею частью ловкимъ дипломатическимъ образомъ дѣйствій ей удалось заключить со всѣми корольками и начальниками племенъ прибрежной полосы трактаты, обезпечивающіе безопасность торговли не только англійской, но и вообще европейской. Прочность этихъ трактатовъ и исполненіе ихъ черными владѣльцами гаранти-

руются личными выгодами этихъ послѣднихъ, ибо Англія каждому изъ нихъ выплачиваетъ ежегодно довольно значительную субсидію. Такимъ образомъ, преслѣдуя, конечно, во всемъ, прежде всего и даже исключительно, свои собственные интересы, ни въ чемъ не поступаясь ни спеціально англійскими торговыми выгодами, ни достоинствомъ бѣлыхъ вообще, Англія съумѣла расположить къ себѣ какъ начальниковъ, такъ и населеніе западно-африканскаго побережья. Нельзя отрицать, что имя англичанъ популярно тамъ. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они не имѣютъ преобладающаго политическаго вліянія, они имѣли искусство внушить туземцамъ и уваженіе, и страхъ, и, надо прибавить, даже любовь къ себѣ. У негровъ именно одно не мѣшаетъ другому; даже болѣе того: любовь до нѣкоторой степени обусловливается страхомъ. И въ семейной жизни ихъ, и въ общественно-политическихъ отношеніяхъ оба эти чувства всегда какъ-то идутъ у нихъ рука объ руку. Подмѣтили ли англичане это свойство туземцевъ, или ими руководилъ самимъ имъ въ такой высокой степени свойственный государственно-политическій инстинктъ, только они безспорно съумѣли заслужить дружеское и, какъ кажется, совершенно искреннее расположеніе туземцевъ. Негры всѣхъ племенъ твердо вѣрятъ въ могущество Англіи, и есть полное основаніе думать, что они гораздо скорѣе примирятся съ мыслью о подчиненіи ей, чѣмъ какому-либо другому государству. Несомнѣнно одно: каждому народу, который вздумалъ бы, въ свою очередь, эксплуатировать западную Африку не только въ торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи, необходимо считаться съ вліяніемъ Англіи и англичанъ. *Враждебное* соперничество съ ними можетъ обойтись каждому очень дорого. Ибо и Англія, какъ государство, и англичане, какъ частные люди, могутъ всѣмъ надѣлать много хлопотъ, благодаря уже одному прочно утвердившемуся авторитету своему среди негровъ. Португальцы раньше ихъ проникли въ эту часть Африки и, однако же, не пользуются тамъ и десятой долей того вліянія, какъ англичане. Англичане какъ-то необыкновенно скоро пріобрѣли опытъ въ обращеніи съ неграми, а эти послѣдніе привыкли, съ одной стороны, повиноваться имъ, а съ другой—ожидать отъ нихъ всякихъ благъ для себя. И немудрено: англичане дѣйствительно приносятъ пользу туземцамъ хотя бы уже тѣмъ однимъ, что значительно увеличиваютъ ихъ благосостояніе, развивая торговлю въ странѣ и внося въ нее внѣшнюю культуру, въ формѣ устройства хорошихъ путей сообщенія и разведенія въ широкихъ размѣрахъ годныхъ для промышленности естественныхъ произведеній. Нельзя также сказать, чтобъ они оставляли совсѣмъ безъ вліянія то, что можно назвать внутренней культурой народа. Они стараются уничтожить рабство, варварскія жертвоприношенія, вносятъ элементъ человѣчности въ ихъ взаимныя отношенія, своимъ вліяніемъ на торговлю расширяютъ кругъ ихъ потребностей, вносятъ новыя понятія въ ихъ сознаніе,—словомъ, способствуютъ умственному и нравственному поднятію негровъ. Но что можетъ быть важнѣе всего, они дѣлаютъ это безъ того мо-

ральнаго насилія, которое бываетъ подчасъ вреднѣе, а для первобытныхъ народовъ несомнѣнно гибельнѣе, чѣмъ насиліе матеріальное. Англичане культивирующимъ образомъ вліяютъ на негровъ, но не усиливаются внезапно привить имъ совсѣмъ непосильную для нихъ европейскую культуру во всемъ ея объемѣ, не заставляютъ ихъ на парахъ мчаться въ недоступные вертограды цивилизаціи, которые для этихъ бѣдныхъ пасынковъ природы оказались бы ничѣмъ инымъ, какъ долиной смерти. Безспорно, они при этомъ, можетъ быть, и не думаютъ вовсе о неграхъ и о ихъ пользѣ, а поступаютъ такъ единственно ради своихъ личныхъ выгодъ. Но каковы бы ни были мотивы, а результаты таковы, какъ сказано. Покуда англичане на западѣ Африки не имѣютъ еще соперниковъ и вліяніе ихъ царитъ тамъ безраздѣльно. Нельзя сказать, чтобы ихъ колоніи уже въ настоящее время приносили имъ значительныя выгоды. Но, принимая во вниманіе относительную юность этихъ колоній и то, что съ теченіемъ времени торговые пути все расширяются и проникаютъ далѣе внутрь матерніка, не подлежитъ сомнѣнію, что торгово-политическое значеніе всѣхъ окружающихъ мѣстностей сильно поднимется противъ теперешняго, а сами колоніи будутъ расти и развиваться. Франція въ настоящее время дѣлаетъ попытку повести и свою колоніальную политику въ томъ же направленіи, какъ англійская. Территоріальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя, для французской колоніи Габонъ, извѣстнымъ путешественникомъ де-Брацъ на югъ отъ линіи экватора, будутъ, какъ Отто Лихла узналъ достовѣрно на мѣстѣ, распространены также и вдоль берега, простирающагося на сѣверъ отъ Габона. Каковъ будетъ успѣхъ французовъ, удастся ли имъ теперь сойтись съ туземцами, чего они, надо сознаться, подобно португальцамъ, доселѣ сдѣлать не съумѣли, это покажетъ будущее.

Какъ ни первобытны и ни грубы еще негры, но въ нихъ есть одна превосходная черта, общая безусловно всѣмъ племенамъ и всѣми признаваемая, такъ сказать, основнымъ закономъ. Это—почтеніе къ родителямъ и уваженіе къ старшимъ. Отозваться дурно о родителяхъ негра значитъ нанести ему самое тяжкое оскорбленіе, а слышать, какъ срамятъ его мать,—величайшій для него позоръ, смываемый лишь кровью обидчика. Впрочемъ, такіе случаи вообще рѣдки, потому что негры, даже въ минуты крайняго раздраженія, не позволяютъ себѣ затрогивать родителей того, съ кѣмъ они ссорятся. Нужны очень сильные поводы, чтобы вынудить ихъ къ такому поступку.

Томительно-скучно разговаривать о какомъ бы то ни было дѣлѣ съ негромъ изъ *бапуко*, потому что всѣ племена, обитающія въ мѣстностяхъ, лежащихъ на 3° сѣв. шир., имѣютъ обычай говорить не иначе, какъ параболами и уснащать свою рѣчь образами и сравненіями. Прежде чѣмъ перейти къ дѣлу, тамошній негръ часа два-три мучитъ своего собесѣдника разными ни къ чему ненужными подробностями своей личной и семейной жизни. Онъ при этомъ разскажетъ, сколько у него женъ, когда, гдѣ и какъ

онъ охотился и сражался, гдѣ былъ и что видѣлъ и при всемъ этомъ нагородитъ кучу ни съ чѣмъ несообразныхъ небылицъ. Эти бапуко изстари извѣстны на всемъ западномъ берегу, какъ отличные и необыкновенно отважные мореходы. Жилища ихъ расположены бо́льшею частью на небольшой возвышенности, не вдалекѣ отъ берега моря, а иныя и на самомъ берегу. И съ ранняго утра всѣ мужчины уходятъ въ море на рыбную ловлю. На восходѣ солнца можно видѣть чуть не все мужское населеніе, направляющееся къ берегу, съ своими легкими гичками на плечахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ часто совершенно внезапно поднимается страшный вѣтеръ, называемый тамъ *торнадо*. Вѣтеръ этотъ, свирѣпствующій обыкновенно не долѣе нѣсколькихъ часовъ, неизмѣнно сопровождается бурей, ливнемъ и такимъ туманомъ, что, какъ говорится, ни зги не видать,—день превращается въ ночь. Рыбаки, которыхъ торнадо застигнетъ въ морѣ, теряютъ тогда землю изъ вида и не могутъ попасть на нее, покуда не прекратится зловѣщій вѣтеръ. Случилось разъ, что одинъ бапукъ, застигнутый такимъ образомъ, вздумалъ попытаться, несмотря на вихрь и туманъ, пробраться-таки къ берегу, но въ темнотѣ сбился съ пути и присталъ къ землѣ только по утру третьяго дня; только присталъ не къ материку, а къ острову Фернандо. По, отстоящему отъ бакуко, не болѣе не менѣе, какъ на 80 морскихъ миль. Одинъ въ маленькой лодченкѣ и, притомъ, въ бурю, онъ совершилъ этотъ путь въ два дня. На такой подвигъ (а это не единственный въ своемъ родѣ; Лехла приводитъ его потому только, что онъ случился при немъ) способенъ только негръ, да и то лишь изъ племени бапуко.

Аборигены острова Фернандо По, носящіе названіе *буби*, даже среди негровъ отличаются удивительно низкой степенью развитія. Вотъ этихъ можно, пожалуй, признать дѣйствительно и безнадежно дикими. Единственная способность, которая поражаетъ въ нихъ, это—изумительная, почти сверхъестественная память. Буби въ теченіе цѣлыхъ годовъ помнитъ, сколько и кому именно изъ живущихъ далеко внутри материка соплеменниковъ своихъ отпустилъ товару въ долгъ, и точно также въ состояніи, черезъ много лѣтъ, безошибочно передать самое незначительное происшествіе, котораго былъ свидѣтелемъ, и всѣ его малѣйшія подробности.

Кромѣ религіозныхъ празднествъ, у негровъ бываютъ и общественныя увеселенія, такъ сказать, публичныя торжества, которыя на языкѣ бапуковъ, а также и обитающаго на Камеронскомъ берегу племени *дуаловъ*, носятъ названіе *плапта*. На такія празднества собираются массами негры самыхъ отдаленныхъ племенъ, живущихъ въ дружескихъ отношеніяхъ между собою. Пріѣзжаютъ они обыкновенно въ своихъ большихъ военныхъ лодкахъ, въ которыхъ помѣщается часто до 80 и болѣе гребцовъ, и поочередно посѣщаютъ другъ друга, отдавая визиты одни другимъ. Плапты, въ сущности, ничто иное, какъ соединеніе нашихъ европейскихъ регатъ съ древними олимпійскими играми грековъ. Гонки происходятъ совсѣмъ

такъ же, какъ въ Европѣ, съ тою же обстановкой, съ тѣми же условіями и единственнымъ добавленіемъ (да оно, впрочемъ, и въ Европѣ бываетъ) служитъ то, что, кромѣ несмѣтной толпы зрителей, усѣевающихъ берегъ, таковые помѣщаются еще и въ массѣ лодокъ, выстроенныхъ въ нѣсколько рядовъ по обѣ стороны того пути, по которому буквально съ быстротою стрѣлъ несутся участвующіе въ гонкѣ. Всѣ эти зрители оглашаютъ воздухъ пѣніемъ и кликами привѣтствія, которые повторяются потомъ и тысячной толпой, стоящей на берегу. По окончаніи гонокъ, начинаются бѣгъ взапуски, борьба, метаніе стрѣлъ и копій и, наконецъ, хороводы, за которыми уже слѣдуетъ угощеніе гостей. При этомъ, точно также какъ въ древней Греціи и въ современной Европѣ, побѣдителямъ раздаются призы. Такія плапты длятся по нѣсколько дней подрядъ и во время ихъ никто изъ участвующихъ въ празднествахъ негровъ не работаетъ.

Береговые жители, занятые, главнымъ образомъ, на морѣ, часто ходятъ безоружные. Но подальше внутрь страны — никогда, и нерѣдко случается, что изъ-за какой-нибудь пустячной размолвки одинъ туземецъ убиваетъ другаго. За то убійствъ съ цѣлью ограбленія и самоубійствъ не бываетъ вовсе. До послѣдняго времени существовалъ обычай кровавой мести. Ближайшій родственникъ убитаго обязанъ былъ, подъ страхомъ безчестья, отомстить за его смерть убійствомъ же. Этотъ обычай не вывелся еще и теперь. Но въ послѣдніе годы онъ у многихъ племенъ значительно смягчился въ томъ отношеніи, что они допускаютъ третейскій судъ въ случаяхъ, требующихъ кровавой мести, и, смотря по рѣшенію судей, мщеніе можетъ быть устроено посредствомъ уплаты преступникомъ извѣстной суммы семейству убитаго. Мертвыхъ туземцы хоронятъ бо̀льшею частью въ чертѣ своей усадьбы, но только въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ мѣстахъ.

Не слѣдуетъ думать, однако, основываясь на всемъ вышеизложенномъ, будто негры стоятъ на черезъ-чуръ низкой степени умственнаго развитія. Совсѣмъ напротивъ. Они очень способное племя и развиваются очень быстро. Въ окрестностяхъ англійскихъ колоній, въ особенности тамъ, гдѣ эти колоніи уже давно существуютъ, среди западно-африканскихъ негровъ процвѣтаютъ весьма изрядно и торговля, и ремесла. Въ Сіеррѣ-Леонѣ, напримѣръ, заведены обширныя образовательныя мастерскія: слесарныя, кузнечныя, машинныя, столярныя, каменныхъ работъ, въ которыхъ негры основательно обучаются всѣмъ этимъ ремесламъ, а, кончивъ ученіе, отправляются въ отдаленныя французскія и португальскія колоніи, гдѣ и нанимаются, въ качествѣ пришлыхъ рабочихъ, за болѣе дорогую цѣну, чѣмъ какую могутъ получить дома. Въ главныхъ мѣстечкахъ Золотаго берега, въ Ельминѣ, на мысѣ Коастъ и Акра есть очень много чрезвычайно искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Наблюдателю, желающему убѣдиться, съ какимъ вкусомъ работаютъ эти мастера, стоитъ побывать на свадьбѣ какого-нибудь состоятельнаго туземца названныхъ мѣстностей.

Свадебныя церемоніи и пиршества длятся обыкновенно около недѣли и гости являются на нихъ разукрашенными во всѣ свои драгоцѣнности. Массивныя золотыя запястья на рукахъ, у кистей и у плечъ, у щиколки и у колѣна, золотыя ожерелья съ фермуарами на шеѣ, золотыя серьги и кольца на пальцахъ рукъ и ногъ, тяжелые золотые гребни и шпильки въ волосахъ, надѣваемые при этихъ случаяхъ туземцами, превосходяхъ все, что можно найти въ этомъ родѣ въ Африкѣ вообще. Аборигены тамъ бóльшею частью магометане самыхъ строгихъ правилъ. А обитающіе на Либерійскомъ берегу бассы изобрѣли даже своеобразныя письмена, въ которыхъ каждое слово обозначается особеннымъ знакомъ.

Одну изъ прелестнѣйшихъ, самыхъ здоровыхъ и плодоноснѣйшихъ мѣстностей на западно-африканскомъ побережьѣ занимаетъ французская колонія, расположенная приблизительно въ 120 миляхъ отъ судоходной рѣки Габонъ, отъ которой и самая колонія получила свое названіе. Въ 1843 г. перешедшее во владѣніе французовъ, которые тогда же возвели его въ рангъ колоніи, мѣстечко это, постепенно падая, низошло, наконецъ, въ 1871 г., на степень простой угольной станціи. Но въ 1881 г. правительство снова пожаловало его въ колонію и теперь оно служитъ мѣстомъ, куда заѣзжаютъ, для возобновленія запасовъ угля и воды, французскія эскадры, направляющіяся въ южно-американскія воды. Ввозныя пошлины тамъ съ смѣшаннаго груза взимаются въ размѣрѣ отъ 10 до 12% стоимости онаго. Торговля очень оживлена и главнымъ путемъ ея служитъ протекающая нѣсколько южнѣе Габона и вливающаяся въ Атлантическій океанъ рѣка *Оговай.* Управляетъ колоніей комендантъ-французъ; гарнизонъ состоитъ изъ 500 человѣкъ матросовъ, частью французовъ же, частью негровъ. Укрѣпленія незначительны, но ихъ теперь расширяютъ и улучшаютъ. Въ гавани постоянно стоятъ, на всякій случай, одинъ десантный корабль и двѣ канонирскія лодки. Образованіемъ подростающаго поколѣнія занимаются двѣ миссіи, одна французская, католическая, другая американская—пресвитеріанскаго исповѣданія, обѣ исполняющія свое дѣло съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ. Въ ихъ школахъ дѣти язычниковъ обучаются закону Божію, начальной ариѳметикѣ, чтенію и письму. За это преподаваніе съ родителей учениковъ взимается плата, но французская миссія,—и въ этомъ ея большая заслуга и преимущество передъ американской,—сверхъ того, еще ввела въ своей школѣ практическое и даровое преподаваніе столярнаго, слесарнаго, кузнечнаго и сапожнаго ремеслъ. Но наиболѣе полезнымъ, въ торгово-промышленномъ и земледѣльческомъ отношеніи, дѣятелемъ французской колоніи является, — читатели, навѣрное, удивятся этому,—нѣмецъ, агентъ гамбургскаго торговаго дома Верманъ. Убѣжденный, что въ тамошней богатѣйшей, плодороднѣйшей почвѣ должны приняться и сторицею вознаградить трудъ человѣка многія полезныя растенія, не встрѣчающіяся нынѣ въ Африкѣ, онъ началъ, въ широкихъ размѣрахъ торговаго предпріятія, то, что миссіонеры дѣлали только въ видѣ маленькаго,

такъ сказать, домашняго опыта. Именно, онъ купилъ у французскаго правительства нѣсколько сотъ гектаровъ дѣвственнаго лѣса, расчистилъ его и засадилъ сотнями тысячъ отводковъ кофейнаго дерева, какао, риса, ванили и т. п. Въ настоящее время это уже плантаціи, на которыхъ работаетъ множество туземцевъ.

Въ противуположность другимъ частямъ свѣта, въ особенности Южной Америкѣ, гдѣ побережье отличается бо́льшей красотою мѣстоположенія, чѣмъ материкъ, западно-африканскіе берега производятъ на путешественника впечатлѣніе чрезвычайнаго однообразія. Благодаря бурунамъ, берегъ во многихъ мѣстахъ миль на 10, а иногда и на 20 покрытъ сплошь мелкимъ, непроходимымъ и безобразнымъ кустарникомъ монгро, а за нимъ возвышаются крайне монотонные и всегда закутанные голубоватымъ туманомъ гребни горъ. Если предпримешь экскурсію въ дѣвственные лѣса, для чего и до сихъ поръ еще надо брать съ собою цѣлую толпу людей, дабы они прокладывали дорогу, то увидишь, что, при всей своей грандіозности, растительность въ нихъ далеко уступаетъ американской въ роскоши и разнообразіи. Что касается торговыхъ сношеній и пассажирскаго и почтоваго сообщенія между отдѣльными европейскими колоніями, то они поддерживаются вдоль западныхъ береговъ, прежде всего, двумя англійскими пароходными компаніями, владѣющими въ настоящее время не менѣе, чѣмъ сотнею большихъ пароходовъ; есть также и нѣсколько очень хорошихъ нѣмецкихъ пароходовъ, принадлежащихъ вышеупомянутому гамбургскому дому Верманъ.

Извѣстно, что берлинское «африканское общество» поставило себѣ цѣлью и задачею изслѣдовать, главнымъ образомъ, бассейнъ рѣки Конго, одной изъ величайшихъ въ свѣтѣ. Съ этой цѣлью обществомъ снаряжено и отправлено нѣсколько экспедицій. Экспедиціи эти дѣйствовали съ различнымъ успѣхомъ, и хотя ни одной изъ нихъ не удалось изслѣдовать теченіе рѣки на всемъ ея протяженіи, но всѣ онѣ проникали болѣе или менѣе глубоко внутрь страны; такъ что, по крайней мѣрѣ, южная часть бассейна Конго была въ значительной степени и открыта, и изслѣдована уже въ то время, когда возвратившійся изъ своего героическаго путешествія Стэнлей повѣдалъ европейскому міру невѣдомыя тайны всего протяженія Конго, пройденнаго имъ отъ верховьевъ до устья. Конго, по своей величинѣ, занимаетъ второе мѣсто среди всѣхъ рѣкъ земнаго шара; обиліемъ водъ и протяженіемъ своимъ она уступаетъ только южно-американской Амазонской рѣкѣ. Какъ только открыта была, наконецъ, страна, по которой протекаетъ этотъ грандіозный водный путь, какъ только европейцамъ удалось, преодолѣвъ и безчисленныя физическія препятствія, и враждебность туземцевъ, проникнуть въ эту заповѣдную область, дотолѣ для нихъ недоступную, берлинское географическое общество немедленно снарядило туда экспедицію, которой поручено было, между прочимъ, отправиться, прежде всего, къ одному изъ наиболѣе сильныхъ и богатыхъ

африканскихъ царьковъ, королю Матаямбо. Этотъ король не былъ вполнѣ незнакомцемъ для нѣмцевъ. Его уже раньше посѣщали и завели съ нимъ если еще не практическія сношенія, то знакомство два нѣмецкихъ путешественника, оба члены географическаго общества, доктора Поге и Бухнеръ. Первый изъ этихъ господъ, какъ дольше пробывшій въ Африкѣ, лучше зналъ и тамошнія отношенія, и самого короля, вслѣдствіе чего общество и выбрало его начальникомъ экспедиціи, а въ помощники ему, въ качествѣ географа-спеціалиста, назначило лейтенанта Висмана. Оба отправились въ путь въ ноябрѣ 1880 г. и направились изъ Лоанга вверхъ по теченію Конго до Дондо, гдѣ имъ предстояло сдѣлать необходимыя приготовленія къ дальнѣйшему путешествію. Дондо, по климату и условіямъ жизни, одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ, какіе только существуютъ на свѣтѣ, такъ что португальцы, прежде всѣхъ ознакомившіеся съ нимъ, назвали его «земнымъ адомъ». До сихъ поръ путешествіе совершалось, если и не совсѣмъ по-европейски, то все же болѣе или менѣе сноснымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ экипажѣ, хотя и не представлявшемъ особенныхъ удобствъ. Но чтобы двинуться далѣе, необходимо было подчиниться тѣмъ жалкимъ, вполнѣ первобытнымъ способамъ передвиженія, какіе приняты въ Африкѣ. Способы же эти представляютъ единственный выборъ: или маршировать пѣшкомъ, или ѣхать верхомъ на быкахъ; другихъ не существуетъ. Есть, впрочемъ, еще такъ называемая «типойя». Это послѣднее туземное названіе обозначаетъ носилки первобытнѣйшаго образца, родъ ящика съ зонтикообразнымъ верхомъ и съ прекрѣпленными къ нему палками, за которыя два негра и несутъ его ловко и довольно быстро, не останавливаясь по нѣсколько часовъ подрядъ и не измѣняя обычной легкой рыси. Въ этомъ архаическомъ экипажѣ можетъ помѣщаться только одинъ человѣкъ и сидѣть въ немъ крайне неудобно, да и не безопасно. Все же стѣсненные въ свободѣ движеній, носильщики часто отстаютъ отъ каравана и легко могутъ, вмѣстѣ съ пассажиромъ типойи, сдѣлаться жертвами дикихъ. Такой случай и произошелъ именно въ караванѣ Поге, когда онъ уже возвращался назадъ. Одно племя людоѣдовъ захватило отставшую подъ вечеръ типойю и убило обоихъ носильщиковъ, женщину же, негритянку, сидѣвшую въ типойѣ, отпустили, такъ какъ она была больна.

Въ виду неудобствъ и опасности типойи, европейцы никогда не употребляютъ ее, хотя каждый караванъ непремѣнно запасается нѣсколькими экземплярами. Это необходимо на случай чьей-либо болѣзни. Запаслись этими этими экипажами въ Дондо и Поге съ Висманомъ, на этомъ и покончившіе несложныя приготовленія свои по отношенію къ перевозочнымъ средствамъ. За то имъ оставалось еще много дѣла по найму перевозчиковъ, опытныхъ факторовъ, служащихъ вожаками каравановъ, такихъ проводниковъ, которые умѣли бы обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, наконецъ, по пріобрѣтенію ружей и достаточнаго ко-

личества пороха. Все это заняло много времени, такъ что путешественникамъ пришлось прожить въ негостепріимномъ «земномъ аду» около двухъ мѣсяцевъ. Закупить необходимый запасъ пороху, недорогихъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, различныхъ цвѣтныхъ бусъ и прочихъ товаровъ этого рода, служащихъ въ Африкѣ средствами обмѣна, какъ бы ходячими монетами, на которыя покупаются произведенія страны, они предпочитали въ Малангѣ. Этотъ городъ стоитъ на границѣ цивилизаціи. Пользуясь своимъ положеніемъ послѣдняго, относительно цивилизованнаго пункта на крайнемъ рубежѣ варварства, Маланга завела у себя, по тамошнему, весьма обширную торговлю сказанными мѣновыми товарами, которые въ ней можно достать въ какомъ угодно количествѣ и за цѣну, почти не превышающую европейскую. Торговля эта приноситъ значительную выгоду и городу, и ведущимъ ее купцамъ, европейцамъ и арабамъ, такъ какъ каждому, отправляющемуся внутрь страны, приходится поневолѣ закупать сразу очень большое количество товаровъ, которые служатъ имъ одновременно средствомъ и существованія въ пути, и обороны. Первымъ потому, что только съ помощью этихъ товаровъ они могутъ пріобрѣсти необходимые жизненные припасы (деньги мало знакомы туземцамъ и они неохотно ихъ принимаютъ, да и то лишь въ формѣ очень мелкой монеты, называемой каури). Послѣднимъ потому, что подарками задабриваются старшины и покупается дружба и покровительство начальниковъ племенъ и разныхъ царьковъ, со многими изъ которыхъ вступать въ борьбу было бы весьма трудно, а подчасъ и совсѣмъ невозможно.

Пока Поге и Висманъ запасались всѣмъ необходимымъ въ Малангѣ, туда прибыли еще четыре нѣмецкіе путешественника, въ различныхъ направленіяхъ объѣзжавшіе Африку. Съ востока, сдѣлавъ огромный крюкъ, пріѣхалъ докторъ Бухнеръ, съ сѣвера майоръ фонъ-Меховъ съ своими двумя спутниками, тоже нѣмцами. Всѣ они, конечно, увѣряли всѣхъ и даже другъ друга, будто путешествуютъ съ исключительно научными цѣлями. Но каждый изъ нихъ зналъ, — а теперь, по просшествіи четырехъ лѣтъ, и весь свѣтъ знаетъ,—что научныя изысканія, если и не служили умышленно выставляемыми ширмами, долженствующими скрыть отъ глазъ любопытныхъ другія, настоящія цѣли, то во всякомъ случаѣ являлись лишь дѣломъ второстепеннымъ. Истинная же цѣль для которой пославшіе ихъ снабдили ихъ богатыми средствами и могущественной поддержкой, заключалась въ искусномъ завязываніи дружескихъ сношеній и въ незамѣтномъ подготовленіи путей для вдвойнѣ рѣшенной уже торговой и политической эксплуатаціи страны *). Судьба свела нѣмцевъ-путе-

*) Говоримъ вдвойнѣ потому, что рѣзко обозначившееся теперь стремленіе нѣмцевъ въ Африку,—стремленіе, обнаружившее съ несомнѣнной для всѣхъ ясностью начавшійся еще со времени образованія германскаго единства и усилившійся послѣ берлинскаго трактата антагонизмъ Германіи съ Англіею и приведшее къ такому, въ глазахъ многихъ и по сейчасъ совершенно невѣроятному событію, какъ соглашеніе той

шественниковъ въ Малангѣ какъ разъ передъ именинами императора Вильгельма. Соотечественники отпраздновали этотъ день настолько торжественно, насколько это позволяли условія мѣста, и на слѣдующее же утро разстались, отправясь снова каждый въ свою сторону. Поге и Висманъ направились въ Кимбунду, небольшую страну, населенную негритянскимъ племенемъ, нѣсколько болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ другія. Цивилизація уже настолько проникла въ Кимбунду, что первобытная нагота изъ нея уже изгнана: все населеніе одѣвается, какъ само оно думаетъ и говоритъ, «по-европейски». Правда, вся его «европейская» одежда заключается пока въ однихъ лишь панталонахъ, скроенныхъ на европейскій ладъ, но для средне-африканскихъ негровъ и то уже много, и то представляетъ большой шагъ впередъ. Здѣсь путешественниковъ ждало неожиданное за-

---

же Германіи съ Франціею; это стремленіе дѣйствительно шло, да и теперь еще идетъ двумя параллельными путями: путемъ международной политики правительства и путемъ частной иниціативы. Началось это стремленіе давно и первыя проявленія его выразились несомнѣнно въ частной иниціативѣ. Торгово-промышленный міръ потянулся въ Африку, частные торговые дома учредили тамъ въ разныхъ мѣстахъ конторы, потомъ образовалась группа крупныхъ торговцевъ, компаніей поведшихъ дѣла съ африканскими городами, и, наконецъ, цѣлое общество, поставившее своей задачей пріобрѣтать тамъ землю и устраивать спеціально нѣмецкія колоніи. При этомъ ни отдѣльные торговые дома, ни группа ихъ, ни даже общество, принявшее названіе „африканскаго", вначалѣ не только не думали искать поддержки правительства, но даже, видимо, избѣгали ея. Раза два или три случалось, что нѣсколько членовъ предлагали просить, въ виду возникавшихъ трудностей, помощи правительства. Но другіе члены всѣми силами противились этому, небезосновательно доказывая, что съ физическими затрудненіями частная предпріимчивость можетъ всегда справляться не хуже, а во многихъ отношеніяхъ и лучше правительственной, что же касается затрудненій политическихъ, то вмѣшательство правительства можетъ только увеличить ихъ, а, чего добраго, и создать тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ какъ раздѣлявшихъ это последнее мнѣніе оказывалось каждый разъ значительное большинство, то всѣ предложенія этого рода и отклонялись. Нельзя сказать, чтобы правительство вовсе не думало въ это самое время о колоніальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Извѣстный, отвергнутый парламентомъ проектъ князя Бисмарка объ овладѣніи островомъ Самоа служитъ лучшимъ доказательствомъ противнаго. Но правительственные замыслы колоніальной политики развивались сами по себѣ, а движеніе торговаго міра само по себѣ. Оба эти теченія шли параллельно, но другъ съ другомъ не смѣшивались. Теперь они слились и представляются какъ бы чѣмъ-то органически единымъ и цѣльнымъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, прочно ли это сліяніе, это вопросъ, на который отвѣтить утвердительно покуда еще нельзя. Есть шансы и въ положительную, и въ отрицательную сторону. Въ положительную потому, что колонизаторское дѣло—дѣло трудное, особенно въ тѣхъ размѣрахъ и при томъ характерѣ, какіе желаютъ придать ему нѣмцы. Можетъ статься, имъ и въ самомъ дѣлѣ нельзя будетъ обойтись безъ могущественной поддержки сильнаго государства. Можетъ статься, хотя бы ужь потому, что нѣмцамъ неизбѣжно предстоитъ встрѣтиться на избранномъ ими пути съ антагонизмомъ англичанъ. Шансы отрицательные тѣ, что нѣмцы, превосходнѣйшіе въ мірѣ колонисты, никогда не любили и не основывали колоній. Едва ли даже колоніальная политика въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ и практикуютъ ее англичане, не противорѣчитъ самому духу нѣмецкаго народа.

трудненіе. Оказалось, что племя кимбунду находилось въ это самое время въ ожесточенной войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ и что продолжать путь въ заранѣе начертанномъ направленіи нельзя. Пришлось уклониться въ сторону, да, кромѣ того, еще и съизнова составлять почти весь караванъ, такъ какъ прежде нанятые носильщики и проводники наотрѣзъ отказались идти въ незнакомыя имъ страны, по незнакомымъ дорогамъ. Все это заняло порядочно времени, но, наконецъ, послѣ немалыхъ хлопотъ, удалось добраться въ землю Кіокосъ, населенную нѣсколькими племенами, носящими одно общее названіе тоже *кіокосъ*, отъ котораго и страна получила свое наименованіе. Впрочемъ, получила она его лишь въ устахъ европейцевъ, потому что туземцы странѣ собственно вовсе никакого отдѣльнаго, самостоятельнаго названія не даютъ. Они говорятъ «земля кимбунду», «земля кіокосъ», подразумѣвая подъ этимъ часть страны, населенной тѣмъ или другимъ племенемъ. Выраженіе, что страна Кіокосъ населена нѣсколькими племенами, слѣдуетъ понимать не въ этнографическомъ смыслѣ,—ибо этнографически они всѣ принадлежатъ къ одному негритянскому племени въ обширномъ смыслѣ, т.-е. къ одной расѣ,—а въ смыслѣ политическомъ, если позволительно вообще употребить это слово въ примѣненіи къ такимъ условіямъ общежитія, какія существуютъ въ средней Африкѣ. Въ сущности, тамъ нѣтъ еще ни строго обособившихся націй, ни народовъ въ томъ значеніи, какое мы привыкли придавать этимъ словамъ. Все населеніе, весьма немногочисленное сравнительно съ обширностью занимаемой имъ территоріи, разбито на небольшія группы или кланы, имѣющіе каждый своего начальника или старшину. Вотъ эти-то кланы и называются обыкновенно племенами. Случается, что нѣсколько клановъ или племенъ съ своими старшинами подчиняются власти одного общаго, высшаго начальника, который тогда именуется королемъ. Хотя, какъ уже сказано, все населеніе принадлежитъ къ одной расѣ и національной обособленности не существуетъ, однако, между отдѣльными группами замѣчается болѣе или менѣе значительное этнографическое различіе, составляющее зачатокъ будущаго обособленія, если, конечно, этимъ племенамъ предстоитъ будущее, въ чемъ нельзя не усумниться, видя усиленное и для нихъ несомнѣнно губительное стремленіе европейцевъ внести къ нимъ свою цивилизацію. Можетъ случиться, что они погибнутъ подъ наплывомъ непосильныхъ для нихъ благъ, какъ погибли краснокожіе въ Америкѣ, какъ гибнутъ туземцы Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ. Но еслибъ этого не случилось, африканскіе негры, развиваясь постепенно и самостоятельно, можетъ быть, составили бы нѣсколько многочисленныхъ и сильныхъ народовъ. Группы ихъ разнятся между собою какъ нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями, такъ и типомъ лица и сложенія и, наконецъ, языкомъ, и различія эти бываютъ очень рѣзки между племенами, живущими на большомъ разстояніи одно отъ другого. Въ особенности сильно различіе въ языкѣ. Происходя несомнѣнно отъ одного и того же корня, нарѣчія настолько уже

обособились, что употребляющія его группы часто совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. И тенденція языка къ раздробленію такъ велика, что говоръ каждаго мельчайшаго клана заключаетъ въ себѣ какія-нибудь особенности, которыхъ не замѣчается въ говорѣ другихъ сосѣднихъ клановъ. Понятно, насколько это увеличиваетъ трудности сношенія иностранцевъ со всѣмъ этимъ населеніемъ. Еще болѣе невыгодно отзывается въ этомъ отношеніи взаимная враждебность племенъ. Они, можно сказать, находятся въ состояніи непрерывной войны между собою. Невозможно съ увѣренностью разсчитать свои дѣйствія даже за одну недѣлю впередъ, потому что война возникаетъ изъ-за всякихъ пустяковъ, а иногда и вовсе безъ всякаго предлога, просто изъ желанія подраться или отнять у сосѣдей случайно доставшуюся имъ добычу. Пріѣздъ европейцевъ или же арабовъ-торговцевъ съ ихъ караванами очень часто служитъ поводомъ къ ожесточеннымъ войнамъ. Средне-африканскіе негры не очень-то любятъ бѣлыхъ и вначалѣ относились къ нимъ съ свирѣпой враждебностью. Но мало-по-малу, видя ихъ все чаще среди себя, они стали привыкать къ ихъ посѣщеніямъ и даже съ удовольствіемъ встрѣчать ихъ, такъ какъ по опыту убѣдились, что каждое такое посѣщеніе имѣетъ своимъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ торговыя сдѣлки, весьма, по мнѣнію этихъ несчастныхъ дикарей, выгодныя для нихъ, и приноситъ подарки, до которыхъ они очень падки. Теперь эти сдѣлки и въ особенности эти подарки стали яблокомъ раздора между племенами, такъ что европейцамъ часто приходится или силою, или же просто поспѣшнымъ бѣгствомъ спасаться отъ не въ мѣру усерднаго гостепріимства старшинъ, готовыхъ, изъ зависти и жадности, растерзать и дорогихъ гостей. и избранныхъ ими хозяевъ. Поге и его товарищу пришлось пережить въ землѣ кіокосовъ много непріятныхъ часовъ именно изъ-за этой взаимной зависти клановъ, желавшихъ каждый присвоить исключительно себѣ, помимо другихъ соплеменниковъ своихъ, всѣ выгоды и торговли, и подарковъ. Дѣло не обошлось безъ борьбы, и только путемъ энергическихъ демонстрацій удалось путешественникамъ проложить себѣ путь и кое-какъ перейти черезъ завѣтную черту такъ называемыхъ Воротъ Калунды.

Калунда—страна относительно большая, имѣющая своего короля. Пройти черезъ нее чрезвычайно трудно, потому что король этотъ,—дикарь, надо полагать, весьма неглупый и догадливый,—любитъ европейскіе товары, но самихъ европейцевъ терпѣть не можетъ и пускать ихъ въ свою страну не желаетъ. Имъ отдано строжайшее повелѣніе всѣмъ калундскимъ начальникамъ, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ казней, отнюдь не пропускать черезъ его владѣнія никакихъ иностранцевъ и даже не допускать ихъ вовсе и вступать туда, а если бы нѣкоторые успѣли какъ-нибудь пробраться, то таковыхъ, не причиняя имъ никакого вреда, немедленно направлять подъ конвоемъ въ резиденцію его, городъ Муатіамво. Тамъ онъ подвергаетъ этихъ несчастныхъ слѣдующей расправѣ: обираетъ ихъ до чиста, оставивъ только самую необходимую одежду, провожатыхъ ихъ

забираетъ себѣ, въ качествѣ рабовъ, а самихъ иностранцевъ препровождаетъ, все подъ конвоемъ, къ ближайшему порту. При этомъ нужно замѣтить, что самъ король строго соблюдаетъ то правило, какое предписалъ своимъ подчиненнымъ, т.-е. никакого болѣе существеннаго вреда иностранцамъ не причиняетъ. Ихъ имущество конфискуется, правда, и дальнѣйшее путешествіе воспрещается, но жизнь и личность ихъ не подвергаются никогда ни опасности, ни оскорбленію. Они даже въ большей безопасности въ Муатіамво, чѣмъ среди, по наружности, дружественныхъ племенъ, гдѣ ихъ легко могутъ убить ради корысти. Такіе примѣры бывали не разъ, но въ Муатіамво—никогда. Тамъ, благодаря строгимъ распоряженіямъ короля, никто не смѣетъ и подумать коснуться головы иностранца. Самъ онъ даже любитъ бесѣдовать съ ними, разспрашивать о жизни въ «странѣ бѣлыхъ», торговлю съ ними на границѣ ведетъ самъ очень охотно и подчиненныхъ своихъ поощряетъ къ тому, только пускать этихъ бѣлыхъ въ свои владѣнія не позволяетъ. Но европейцы все же умѣютъ двигаться впередъ, не взирая ни на какія препятствія. Они умѣютъ, за невозможностью побороть ихъ силою, обходить эти препятствія, и средствомъ въ этомъ случаѣ служитъ имъ золото, подкупъ. Посланные берлинскаго географическаго общества, заранѣе предупрежденные обо всемъ, пустили въ ходъ это всемогущее средство и при его помощи успѣли-таки пробраться черезъ Калунду, безъ вѣдома ея владѣтеля. Страшныя казни, которыми онъ грозилъ ослушникамъ его воли, не подѣйствовали: корысть превозмогла страхъ. Путешественники продолжали свой путь безъ замедленій вплоть до тѣхъ поръ, пока имъ не пришлось переходить черезъ рѣку Касаи. Нужно замѣтить, что переходъ рѣки въ бродъ или при помощи мѣстныхъ утлыхъ плотовъ (до сооруженія мостовъ средне-африканскіе дикари, разумѣется, еще не додумались), при томъ багажѣ, живомъ и неодушевленномъ, съ какимъ совершаютъ свой путь караваны, представляетъ дѣло далеко не легкое и весьма мѣшкотное. Дикари обыкновенно пользуются этой вынужденной задержкой и неизбѣжной суетней, чтобы собирать дань съ каравановъ. Не миновали общей участи и Поге съ товарищемъ. Только что ихъ караванъ и сами они пустились черезъ рѣку, какъ явился посланный изъ Кіокоса, съ угрожающимъ видомъ заявивши начальнику племени, которому принадлежалъ плотъ, что если онъ позволитъ европейцамъ переѣхать черезъ рѣку, то на него пойдутъ войною, а бѣлыхъ встрѣтятъ на той сторонѣ ружейными выстрѣлами. Но пока шли переговоры, нѣмцы успѣли уже со всѣмъ караваномъ переѣхать рѣку и причалить къ берегу, такъ что, къ великому ихъ удовольствію, запоздавшему посланному пришлось примириться съ совершившимся фактомъ, измѣнить который было не въ его силахъ. Разумѣется, обѣщаніе выстрѣловъ было пустой угрозой, тѣмъ менѣе страшной, что на той сторонѣ Касаи, куда вступили путешественники, начиналась уже земля *тучилангов*; перваго изъ группы племенъ *балуба*. Отнынѣ имъ надолго не гро-

зила болѣе никакая опасность, потому что эти *тучиланги*, какъ называетъ ихъ Висманъ, или *тусселанги*, какъ именуетъ Поге (сами они предпочтительно называютъ себя балуби), народъ довольно мирный, дружественно расположенный къ европейцамъ и, къ тому же, относительно культурный. По крайней мѣрѣ, у нихъ и въ нравахъ, и въ образѣ жизни замѣтны нѣкоторые слѣды начинающейся цивилизаціи. Они живутъ сравнительно опрятно, строятъ себѣ глинобитныя хижины, разводятъ питательныя растенія, обрабатывая для этого землю, и имѣютъ домашнихъ животныхъ. Послѣднихъ очень мало. Во всей средней Африкѣ имѣются, въ качествѣ таковыхъ, только козы, куры, да, мѣстами, между прочимъ, у тучиланговъ— голуби. Но въ этомъ, можетъ быть, болѣе виноватъ климатъ, чѣмъ туземцы. Наконецъ,—и это, конечно, убѣдительнѣе всего говоритъ въ пользу культурности тучиланговъ, — у нихъ есть зачатки государственности. еще слабые, очень слабые, но все же есть. Какъ и всѣ вообще африканскіе негры, тучиланги разбиты на кланы или племена, но большая часть этихъ племенъ соединилась подъ властью королей, самими ими избранныхъ изъ среды своихъ старшинъ. Такимъ образомъ, составилось два королевства, изъ которыхъ въ одномъ въ особенности, большемъ по размѣрамъ территоріи и по могуществу, учредилось нѣкоторое подобіе внутренняго государственнаго устройства. Объ управленіи въ европейскомъ смыслѣ не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Каждое племя живетъ и управляется внутри самого себя вполнѣ самостоятельно, но есть уже общіе законы, обязательно признаваемые всѣми; каждое племя ежегодно уплачиваетъ королю извѣстную дань, заключающуюся въ опредѣленномъ количествѣ дичи, домашнихъ животныхъ и произведеній земли, и, наконецъ, всѣ начальники отдѣльныхъ племенъ, даже самыхъ отдаленныхъ, обязаны съѣзжаться въ извѣстные сроки къ королю для доклада ему о томъ, какъ идутъ дѣла въ ихъ краю, и для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ королевства. Тутъ рѣшаются вопросы мира или войны, опредѣляются условія торговыхъ сношеній и т. п. Къ сожалѣнію, и эти немногіе зачатки цивилизаціи грозятъ уничтожиться снова подъ разлагающимъ вліяніемъ двойной язвы, не такъ давно появившейся среди тучиланговъ. Эта язва—религіозная распря, вызванная у нѣкоторыхъ племенъ вошедшимъ въ обычай куреніемъ конопли. Дѣло дошло до того, что теперь всѣхъ вообще тучиланговъ приходится дѣлить на курящихъ и некурящихъ коноплю. Какимъ образомъ куреніе этого, самого по себѣ чрезвычайно полезнаго, но въ качествѣ курева столь же зловреднаго растенія, ибо, при употребленіи такого рода, оно дѣйствуетъ не менѣе, если не болѣе одуряющимъ образомъ, чѣмъ опіумъ,—какимъ образомъ, говоримъ, куреніе его связалось съ религіозными вопросами, этого ни одинъ изъ путешественниковъ не объясняетъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они и сами немногое узнали на этотъ счетъ, потому что негры вообще неохотно говорятъ съ иностранцами о своихъ вѣрованіяхъ. Но какъ бы то ни было, только конопля оказалась въ тѣсной связи съ религіей и сдѣлалась

яблокомъ раздора между тучилангами. Они до того свирѣпо враждуютъ изъ-за этого вопроса, что, напримѣръ, два года тому назадъ курящіе истребили въ конецъ нѣсколько поселеній некурящихъ, выжгли и разрушили всѣ ихъ жилища, уничтожили майнаковыя поля, вырубили плодовыя деревья, словомъ, опустошили въ конецъ цѣлую часть страны и перебили большую часть жителей. Теперь на мѣстѣ мирныхъ поселеній видны лишь груды развалинъ да жалкіе древесные пни. Курящіе вообще относятся къ дѣлу съ гораздо бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ некурящіе, потому что послѣдніе являются новаторами, тогда какъ первые — строгіе старовѣры, блюдущіе завѣты и обряды предковъ. Въ своемъ ожесточеніи они доходятъ иногда до крайностей, по истинѣ черезъ-чуръ смѣшныхъ и нелѣпыхъ даже для средне-африканскихъ негровъ. Такъ, властелинъ одного изъ двухъ упомянутыхъ королевствъ, именно бо́льшаго изъ нихъ, король *Каламба Мукенге*, и самъ правовѣрный куритель конопли, вздумалъ, по совѣту и настоянію своей сестры Сангулы, совсѣмъ ужь фанатичной старовѣрки, очистить свое королевство отъ всего, что въ немъ есть общаго съ ненавистными некурящими. Съ этою цѣлью онъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, въ 1874 г. повелѣлъ истребить всѣ плантаціи, всѣхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ голубей, перестроить въ своей резиденціи (тучиланги называютъ ее «городомъ», хотя это простая деревушка, не имѣющая даже названія и потому наименованная Поге въ честь короля Мукенге) хижины на новый ладъ, наконецъ, даже вырубить всѣ пальмы вокругъ. Послѣднія провинились въ глазахъ его тѣмъ, что некурящіе дѣлаютъ изъ ихъ сока вино (обычай, заимствованный отъ западно-африканскихъ негровъ), тогда какъ вѣрные старинѣ курящіе допускаютъ лишь издревле употребляемый кіокосами напитокъ вродѣ пива, приготовляемый изъ мѣстнаго растенія, носящаго у нихъ названіе *лирзы*. Понятно, что вся эта нелѣпая затѣя привела лишь къ быстрому обѣднѣнію несчастныхъ подданныхъ и едва не сдѣлала голодную смерть обычнымъ явленіемъ среди нихъ. Хорошо еще, что природа одарила негровъ изумительными, чисто страусовскими желудками, которые перевариваютъ все, что угодно. Поге разсказываетъ, что на его глазахъ два дикаря съ наслажденіемъ уписывали брошенные имъ истасканные сапоги. Они разрѣзывали кожу на тонкіе ремешки и безъ дальнихъ церемоній препровождали ихъ въ ротъ, лишь слегка помявъ и потеревъ пальцами. Само собою разумѣется, что такіе лакомки надъ выборомъ мяса не задумываются: нѣжная козлятина, или вонючее, жесткое мясо хищнихъ звѣрей, вкусная птица и рыба, или змѣя и даже крокодилъ, для нихъ безразлично; все идетъ въ пищу, только бы попалось. Безразлична, притомъ же, и степень свѣжести мяса: они зачастую пожираютъ его въ такомъ состояніи испорченности, въ какомъ въ другихъ частяхъ свѣта не стали бы ѣсть даже и собаки. Только благодаря этой чисто звѣриной способности своей, подвластные Мукенге тучиланги не умирали съ голода отъ его не по разуму усердныхъ заботъ о ихъ душевной чистотѣ. Мясо, положимъ, не со-

ставляетъ необходимаго элемента въ пищѣ негровъ. Они бо́льшею частью гораздо охотнѣе питаются плодами, которые поѣдаютъ почти всегда въ сыромъ видѣ. Но такъ какъ Мукенге отмѣнилъ и употребленіе бо́льшей части плодовъ (понятно, что въ этомъ отношеніи не было большаго разнообразія между курящими и некурящими тучилангами; всѣ они съ незапамятныхъ временъ ѣли одно и то же), то оставалось питаться корнями, насѣкомыми да дичью. Такъ какъ уже зашла рѣчь о пищѣ, то скажемъ здѣсь же, кстати, что кулинарное искусство негровъ такъ же первобытно, какъ и они сами. Почти вся стряпня ихъ заключается въ грубомъ печеніи мяса при помощи разводимыхъ на открытомъ воздухѣ костровъ. Особенно племена, не держащія домашнихъ животныхъ (до такой утонченности цивилизаціи не всѣ еще дошли), питаются истинно поразительнымъ для европейца способомъ, невольно заставляющимъ обращаться мыслью къ тѣмъ временамъ, когда людямъ не было еще знакомо употребленіе огня. Плоды, какъ сказано, они ѣдятъ преимущественно сырыми и той же чести удостоивается зачастую и мясо. Если передъ тѣмъ дикарямъ приходилось долго голодать, то, поймавъ дичь, они не церемоняться съ нею долго, не теряютъ времени даже на печеніе ея, а прямо пожираютъ ее сырою и, притомъ, ужь совершенно по звѣриному: съ внутренностями, а подчасъ и съ кожей.

Однако, время вернуться къ нѣмецкимъ путешественникамъ, оставленнымъ нами при входѣ въ страну тучиланговъ. Какъ уже сказано, въ странѣ этой имѣются два, по тамошнему, довольно могущественные повелителя: Чингенге и вышеупомянутый Мукенге. Оба царьки эти выслали пословъ на встрѣчу каравану съ любезнымъ приглашеніемъ Поге и его сотоварищей сдѣлать имъ честь посѣтить ихъ, причемъ каждый присоединилъ къ этому приглашенію угрозу объявить войну другому, если дорогіе желанные гости откажутся отъ его гостепріимства. Въ виду такого критическаго положенія, путешественники рѣшились раздѣлиться: Поге отправился къ Мукенге, какъ къ старшему, а Висмана послалъ къ совсѣмъ еще молодому Чингенге. Раздѣлили пополамъ и караванъ, разумѣется, потому что одному явиться въ гости къ мѣстному жителю нельзя: сейчасъ утратишь всякое къ себѣ уваженіе. Важность посѣтителя соразмѣряется въ глазахъ туземцевъ съ количествомъ сопровождающей его свиты, а, что главнѣе всего, это количество опредѣляетъ, много ли и хорошихъ ли подарковъ можно ждать отъ гостя. Свита двухъ нѣмцевъ, даже и раздѣленная, была достатачно велика, чтобы внушить глубочайшее уваженіе туземцамъ. Они толпами высыпали на встрѣчу путешественникамъ, глазѣли на нихъ съ величайшимъ любопытствомъ и удивленіемъ, однако же, издали и подойти близко не рѣшались. И не успѣли нѣмцы достигнуть мѣстопребыванія гостепріимныхъ царьковъ, какъ уже сдѣлались героями, Богъ вѣсть почему, моментально сложившейся легенды. Дѣло въ томъ, что предшественники Мукенге и Чингенге, по имени Кассонго-Мунеме и Кабасу-Бабу, нѣсколько лѣтъ тому назадъ от-

правились на западный берегъ, къ кіокосамъ, и тамъ пропали. Прошли года, а объ нихъ не было ни слуху, ни духу. По всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ убили и ограбили дорогой. Туземцы сами сознавали вѣроятность такого конца своихъ бывшихъ повелителей и не думали ждать ихъ возвращенія. Но, увидавши Поге и Висмана, они почему-то немедленно рѣшили, что это никто иной, какъ покойные Кассонго-Мунеме и Кабасу-Бабу. Инстиктивно сразу же признавая превосходство бѣлыхъ (которые, замѣтимъ мимоходомъ, въ первый разъ появлялись въ этой мѣстности), бѣдные дикари съ смиреніемъ, по истинѣ поразительнымъ, вообразили, будто этотъ видъ приняли преобразовавшіеся и просвѣтлѣвшіе за гробомъ вожди ихъ, ставшіе теперь могущественными князьями и пришедшіе посмотрѣть на свои прежнія владѣнія и на то, какъ идутъ дѣла въ нихъ. Понятно, что это наивное вѣрованіе обезпечило путешественникамъ самый благопріятный пріемъ. Ихъ окружали такимъ почетомъ, такимъ повиновеніемъ, что, кажется, пожелай они только остаться тамъ неограниченными властелинами дикихъ, они могли бы сдѣлать это безъ всякаго труда. Никто, ни даже сами наслѣдники безвременно погибшихъ вождей не подумали бы сопротивляться. По крайней мѣрѣ, Чингенге, если и не особенно радовался появленію своего сверхъестественнаго гостя, а, можетъ быть, и даже вѣроятно, въ душѣ не раздѣлялъ вовсе вѣры своихъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе, не осмѣлился показать этого. Онъ посадилъ Висмана на родъ высокаго стула, изображавшаго тронъ, а самъ сѣлъ гораздо ниже его, такъ что приходился почти у его ногъ, и все время въ разговорѣ называлъ его не иначе, какъ Кабасу-Бабу. Черезъ нѣсколько дней приплелась мать послѣдняго, старая негритянка, до которой тоже дошелъ, въ отдаленіи, гдѣ она жила, слухъ о чудесномъ возвращеніи ея сына. Она, какъ и всѣ, ни мало не усумнилась въ его тождествѣ и приняла его преображеніе за очевидное доказательство его великихъ заслугъ на землѣ. Висманъ, само собою разумѣется, принялъ ее какъ нельзя привѣтливѣе. Къ счастью для него, поцѣлуи не въ обычаѣ у негровъ, такъ что онъ могъ ограничить всѣ свои ласки неожиданно объявившейся матери подаркомъ ей широкой цѣпи изъ бусъ. Она же, съ своей стороны, обѣщала въ самомъ непродолжительномъ времени прислать ему всѣ оставшіяся послѣ него и свято сохраненныя ею богатства, состоявшія, какъ оказалось, изъ 40 или 50 женщинъ и небольшаго количества слоновой кости. Висманъ поспѣшилъ, разумѣется, увѣрить ее, что съ этимъ дѣломъ нѣтъ надобности торопиться и просилъ оставить его сокровища, попрежнему, у себя, пока онъ самъ не пришлетъ за ними. Радушные хозяева окружали своихъ гостей всевозможными удобствами и удовольствіями, какія только могли доставить имъ, водили ихъ всюду, показывали имъ все, что только они желали видѣть. А такъ какъ путниковъ именно и интересовало знакомство съ мѣстностью и съ населеніемъ, то они, понятно, проводили время самымъ пріятнымъ для себя образомъ. Между прочимъ, имъ, какъ преображеннымъ загробной жизнью негритянскимъ вождямъ, дозволено было осмотрѣть во

всѣхъ подробностяхъ не далеко оттуда лежащее озеро Мукамба, о которомъ многіе путешественники, между прочимъ, нѣмцы Шютъ и Бухнеръ, не разъ слыхали самые баснословные разсказы, но котораго никому не удавалось видѣть собственными глазами. По причинамъ, которыхъ не удалось открыть даже Поге и Висману, туземцы считаютъ это озеро священнымъ, соединяютъ съ нимъ массу суевѣрій и упорно скрываютъ его отъ глазъ посторонниxъ. Названіе *Мукамба* обозначаетъ, на мѣстномъ нарѣчіи, *птица падаетъ*. Имъ выражается понятіе о величинѣ озера, которое, по мнѣнію туземцевъ, такъ обширно, что черезъ него не можетъ перелетѣть и птица, не упавши отъ утомленія въ воду. Кромѣ того, они убѣждены, что на немъ невозможно плавать ни людямъ, ни какимъ - либо судамъ, ибо все, что касается поверхности священной воды, немедлéнно же, силою волнъ, выбрасывается на берегъ. Точно также и въ самой водѣ не могутъ, будто бы, жить никакія животныя: въ немъ нѣтъ ни очень часто встрѣчающихся здѣсь бегемотовъ, ни даже крокодиловъ, которыми кишмя кишатъ всѣ рѣки и озера средней Африки. Насколько возможно плаваніе по пресловутому озеру и есть ли въ немъ упомянутыя животныя, Поге и его товарищу удостовѣриться не удалось; но что касается басни объ обширности Мукамба, то фантастичность ея обнаружилась тотчасъ же, потому что Висманъ, верхомъ на волѣ, объѣхалъ его все кругомъ не болѣе какъ въ пять часовъ времени.

Однако, какъ ни пріятно было пребываніе среди поклоняющихся имъ дикарей, но путешественникамъ надо было подумывать о продолженіи пути. Сборы предстояли не малыя, не мало было и хлопотъ, потому что, съ одной стороны, прибывшіе съ ними провожатые и носильщики, соблазненные привольной жизнью у тучилланговъ, отказывались идти далѣе, предъявляя ни съ чѣмъ несообразныя требованія, съ другой же—мѣстные негры ни за что не соглашались замѣнить бунтовщиковъ, такъ какъ за владѣніями тучиланговъ начинались земли, обитаемыя людоѣдами, съ которыми они ни за какія блага въ мірѣ не хотѣли приходить въ соприкосновеніе. Пришлось, чтобъ заставить повиноваться бунтовщиковъ, прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ. Именно имъ было объявлено, что нежелающіе идти далѣе будутъ немилосердно брошены безъ всякихъ средствъ и могутъ сами возвращаться на родину, какъ знаютъ. Эта угроза испугала негровъ, которымъ предстояла, на обратномъ пути, перспектива или умереть съ голода, или попасть въ рабство. Однако, страхъ предъ людоѣдами былъ такъ великъ въ нихъ, что даже эта перспектива не могла побороть его, какъ не соблазнило мѣстныхъ жителей и обѣщаніе большихъ наградъ. Всего только тридцать смѣльчаковъ, считая тутъ и проводниковъ, и носильщиковъ, согласились сопутствовать нѣмцамъ. Этого количества, очевидно, было недостаточно для такого опаснаго пути, какой предстоялъ далѣе, и, пожалуй, путешественникамъ пришлось бы плохо, если бы Мукенге и Чингенге не порѣшили внезапно, что они сами пойдутъ провожать своихъ дорогихъ гостей.

Только, къ величайшему ужасу послѣднихъ, это великодушное рѣшеніе чуть было не привело къ новому, еще горчайшему затрудненію. Провожать непремѣнно хотѣли оба, но только ни въ какомъ случаѣ не вмѣстѣ, а каждый въ одиночку, въ противномъ же случаѣ считали своимъ священнымъ долгомъ и твердо рѣшились идти одинъ на другаго войной. Въ этомъ затрудненіи помогъ всѣмъ Висманъ. Болѣе практическій, а, можетъ быть, и потому, что не имѣлъ такихъ поводовъ вступать въ интимность съ своимъ хозяиномъ, какъ Поге, разсказывавшій Мукенге, главнымъ образомъ, о могуществѣ и превосходствѣ нѣмцевъ надъ всѣми людьми въ подлунной, онъ не считалъ нужнымъ выводить дикарей изъ ихъ страннаго заблужденія насчетъ чудеснаго тождества своего съ Кабасу-Бабу и этимъ путемъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на Чингенге. Онъ притворился весьма опечаленнымъ возникшимъ недоразумѣніемъ, увѣрилъ молодаго вождя, что и ему, и товарищу его было бы несравненно пріятнѣе путешествовать въ обществѣ его, Чингенге (въ дѣйствительности они давно порѣшили выбрать Мукенге, который казался имъ во всѣхъ отношеніяхъ надежнѣе своего черезъ-чуръ энергическаго соперника), но что долгъ повелѣваетъ ему, юношѣ, уступить въ этомъ случаѣ престарѣлому Мукенге, который имѣетъ право на уваженіе и на преимущество уже потому, что онъ старшій. Какъ всѣ первобытные народы, негры питаютъ большое уваженіе къ старости, и Чингенге безъ особеннаго труда послушался Висмана. Понятно, Мукенге, которому, такимъ образомъ, досталась честь охранять бѣлыхъ отъ могущихъ встрѣтиться имъ опасностей, сдѣлалъ это не даромъ. Плата была, по обычаю, выговорена заранѣе, но все же его предложеніе очень обрадовало путниковъ. Старикъ, вполнѣ удовлетворенный и счастливый, присоединился къ каравану съ 200 человѣкъ мужчинъ и небольшимъ числомъ женщинъ. Въ числѣ послѣднихъ была и неизмѣнная спутница своего царственнаго брата, Сангула. Она даже являлась самымъ главнымъ лицомъ въ караванѣ,—лицомъ, безъ участія котораго караванъ этотъ и вовсе, пожалуй, не составился бы. И это не потому только, что всецѣло до тѣхъ поръ подчинявшійся ея вліянію Мукенге (впослѣдствіи это измѣнилось; Поге съумѣлъ настолько овладѣть умомъ старика, что поборолъ это всемогущее вліяніе) ни за что ни самъ не пошелъ бы, ни подданныхъ своихъ не пустилъ бы съ бѣлыми, если бы премудрая Сангула тому воспротивилась, но потому, главнымъ образомъ, что присутствіе этой необыкновенной женщины въ караванѣ одно только и служило, въ глазахъ туземцевъ, гарантіей счастливаго окончанія путешествія. Дѣло въ томъ, что, помимо своей общепризнанной мудрости, Сангула пользовалась еще репутаціей святой женщины и угодной божеству благодѣтельной волшебницы. А такъ какъ такой вполнѣ невѣжественный народъ, какъ негры, не можетъ, конечно, не быть суевѣрнымъ, то они никогда ничего не предпринимаютъ безъ совѣта добраго волшебника или волшебницы и безъ нихъ ни за что не тронутся въ дальній путь. По ихъ мнѣнію, они тогда непремѣнно погибли бы всѣ. И такъ, благодаря Сангулѣ,

караванъ составился въ количествѣ 230 человѣкъ. Это составляло не особенно большую, конечно, но все же достаточную свиту, тѣмъ болѣе, что ею предводительствовалъ могущественный Мукенге. Нѣкоторое время путешествіе продолжалось спокойно, но потомъ опять начались было возмущенія проводниковъ. Страхъ людоѣдовъ рѣшительно одолѣвалъ ихъ, хотя они и знали очень хорошо, что тѣ еще далеко. Тогда, нечего дѣлать, пришлось привести угрозы въ исполненіе: самыхъ несговорчивыхъ, которые, какъ было замѣчено, подбивали другихъ, бросали на дорогѣ однихъ, не оставивъ имъ буквально никакихъ средствъ къ существованію, ни даже провіанта на одинъ день. Тяжело было нѣмцамъ рѣшиться на такую жестокую расправу, но иначе невозможно было поступить. Если они хотѣли достичь своей цѣли и не погибнуть сами въ пути, имъ надо было дѣйствовать энергически, надо было навести страхъ на дикарей, ладить съ которыми, въ такой дали отъ всякой помощи, не оставалось никакихъ иныхъ средствъ. Даже жадность къ подаркамъ, побуждающая ихъ наниматься на службу къ европейцамъ, здѣсь могла бы стать причиною гибели беззащитныхъ бѣлыхъ, ибо несдерживаемые спасительнымъ страхомъ дикари легко могли бы, если не непремѣнно убить ихъ, то бросить однихъ на произволъ судьбы, унеся съ собою все ихъ имущество. И такъ, нѣмецкимъ путешественникамъ пришлось, скрѣпя сердце, употребить строгость и это подѣйствовало. Съ тѣхъ поръ и до самаго конца пути въ ихъ караванѣ не происходило больше ни одного возмущенія. Скоро, впрочемъ, случилось обстоятельство, которое много помогло имъ тѣмъ, что подняло ослабѣвшій духъ ихъ спутниковъ и внушило имъ не только мужество, но даже гордость. Въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія за вышеупомянутымъ озеромъ Мукамба начинаются земли, населенныя тучилангами же, но другаго племени, не входящаго въ составъ ни одного изъ двухъ упомянутыхъ королевствъ и отличающагося отъ живущихъ по ту сторону озера своею воинственностью и еще бо̀льшею дикостью. Мужчины въ этомъ племени по бо̀льшей части всѣ рослые, крѣпкіе молодцы, раскрашенные всѣ такъ, что одинъ видъ ихъ внушаетъ невольный ужасъ, и превосходно вооруженные, т.-е. превосходно, разумѣется, по тамошнему, ибо все ихъ вооруженіе состоитъ изъ стрѣлъ и пикъ. Эти страшные дикари, къ несказанному ужасу носильщиковъ, тысячами собирались на ихъ пути и молча стояли на краю дороги, съ видимымъ изумленіемъ, но и съ свирѣпостью устремивъ глаза на бѣлыхъ, торжественно возсѣдавшихъ верхомъ на волахъ. Никогда невиданное зрѣлище, очевидно, поражало ихъ, но все показывало, что, когда пройдутъ первыя минуты удивленія, они не задумаются напасть на караванъ. Они уже стали было массами надвигаться на него, такъ что начали стѣснять его движеніе. Носильщики робѣли. Еще немного, и они, можетъ быть, побросали бы свои тюки и пустились бы въ бѣгство. Тогда Висманъ, спокойно глядя въ упоръ на толпу грозно надвигавшихся дикарей, выстрѣлилъ на воздухъ и громко скомандовалъ своимъ людямъ: «стрѣляй». Прежде чѣмъ успѣлъ раздаться

залпъ, вся эта масса, такая страшная, грозная на видъ, пустилась въ разсыпную и мгновенно исчезла, Богъ вѣсть куда, какъ туча комаровъ отъ порыва вѣтра. Тучиланги-провожатые пришли въ неописанный восторгъ. Они, какъ дѣти, прыгали отъ радости и оглашали воздухъ смѣхомъ и криками при видѣ паническаго ужаса своихъ воинственныхъ сосѣдей, которыхъ сами порядкомъ трусили за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ.

Для путешественниковъ это оказалось очень выгодно. Съ этой минуты всякій страхъ прошелъ у ихъ проводниковъ. Они даже настолько расхрабрились, что сочинили себѣ забаву, доказывающую, какъ они, въ сущности, остроумны и находчивы. Нѣмцы объяснили имъ, да они и сами прекрасно понимали, что порохъ есть драгоцѣнность, которую растрачивать по пустякамъ нельзя, а слѣдуетъ беречь на случай крайней надобности. Между тѣмъ, паническое бѣгство грозныхъ дикарей до того восхищало ихъ, что они никакъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи попугать ихъ. И вотъ они придумали слѣдующій способъ: какъ только замѣтятъ, что снова начинаетъ собираться толпа, нѣсколько человѣкъ, помѣстившись такъ, чтобъ ихъ не было видно, изо всѣхъ силъ ударяютъ палкой въ растянутую на вѣсу плотную соломенную циновку. Это производило звукъ, какъ двѣ капли воды похожій на выстрѣлъ, и эффектъ никогда не заставлялъ себя долго ждать; размалеванные дикари неизмѣнно бѣжали безъ оглядки, зачастую бросая въ бѣгствѣ и стрѣлы, и луки свои. Проводники вскорѣ такъ наловчились въ этой забавѣ, что когда принимались колотить въ свои циновки, то издали казалось, что слышишь правильный батальный огонь. Разумѣется, объ остановкѣ у воинственныхъ тучиланговъ и о ближайшемъ знакомствѣ съ ними не могло быть и рѣчи.

Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго путешествія, караванъ достигъ рѣки *Луби*. Эта рѣка, большая и широкая, замѣчательна въ особенности тѣмъ, что служитъ какъ бы пограничной линіей, раздѣляющей два типа негритянской расы, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго чертами лица и строеніемъ тѣла. По сю сторону рѣки (направляясь съ запада на востокъ) фигуры негровъ стройны, тонки и высоки, ноги и руки у нихъ вполнѣ соразмѣрныя, лица узкія и удлиненныя, губы полныя, но не безобразно толстыя, а взглядъ по большей части красивыхъ, блестящихъ глазъ привѣтливъ и добродушенъ. Если можно вообще, говоря о неграхъ, употребить слово красота, какъ мы, европейцы, понимаемъ красоту, то надо сказать, что негры по сю сторону Луби красивы. Тѣлосложеніемъ они, впрочемъ, и дѣйствительно красивы, даже съ европейской точки зрѣнія. Негры же по ту сторону Луби, наоборотъ, безобразны. Они тоже высоки ростомъ и удивительной крѣпости сложенія и силы, но совершенно лишены стройности. Широкія плечи, могучая грудь и длинная, почти четырехъугольная, широкая спина скрадываютъ высоту роста, а сравнительно короткія, но толстыя ноги дѣлаютъ всю фигуру неуклюжей. Лицо поразительно напоминаетъ бульдога. Тотъ же широкій, большой лобъ, тѣ же страшно раз-

витыя челюсти, тотъ же огромный подбородокъ, тѣ же выкатившіеся глаза и, наконецъ, то же свирѣпое выраженіе. Страшно толстыя губы довершаютъ типъ поразительнаго безобразія. *Бассонги*, первое изъ встрѣчающихся по ту сторону Луби племенъ, своимъ умственнымъ развитіемъ рѣзко выдѣляются среди всѣхъ остальныхъ негровъ. У нихъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ покинули Малангу, увидали наши путешественники слѣды не только своеобразной цивилизаціи, но и начинающейся культуры. Они нашли тутъ удобные, хорошо и съ очевиднымъ если не знаніемъ, то съ пониманіемъ законовъ архитектуры построенныя жилища, которыя всѣмъ своимъ складомъ и расположеніемъ свидѣтельствовали о стремленія обитателей ихъ не только къ комфорту, но и къ красотѣ. Бассонги живутъ уже не въ убогихъ, кое-какъ построенныхъ изъ переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей и сплошь покрытыхъ пальмовыми листьями хижинахъ, и не въ глиняныхъ избушкахъ, а въ большихъ, очень красивыхъ деревянныхъ домахъ. Дома эти раздѣлены внутри на нѣсколько просторныхъ покоевъ,—роскошь, совершенно неизвѣстная встрѣчавшимся дотолѣ племенамъ,—и содержатся чрезвычайно опрятно. Расположеніе домовъ тоже показываетъ какъ давно уже установившуюся осѣдлость бассонговъ, такъ и прочно привившіеся у нихъ зачатки общественности. Зданія не набросаны какъ попало, безпорядочной кучей, въ которой лицевая сторона одного дома глядитъ на заднюю стѣну другаго, не вырастаютъ передъ путникомъ совершенно неожиданно, какъ грибы, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и въ голову не придетъ искать человѣческаго жилья, наконецъ, не прячутся, точно ежеминутно спасаясь отъ какой-то вѣчно грозящей опасности. Они расположены длинными рядами, съ болѣе или менѣе правильными промежутками между ними, и составляютъ собою большія, широкія улицы и менѣе широкіе поперечные переулки. По внѣшнему виду это совсѣмъ культурныя деревни, съ нѣкоторымъ даже отпечаткомъ городскаго характера. Наконецъ, цивилизація выражается здѣсь всего ярче въ культурѣ земли и животныхъ. Изъ послѣднихъ бассонги держатъ не только стереотипныхъ куръ и козъ, встрѣчающихся, какъ сказано, у всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, совсѣмъ еще дикихъ племенъ, но и свиней, которыхъ, кромѣ бассонговъ, нѣтъ ни у кого. Поля обработаны почти съ художественной тщательностью, плодовыя деревья и кустарники, аккуратно посаженные и окопанные, видимо, пользуются хорошимъ уходомъ и, сверхъ всего этого, разводятся цѣлые лѣса такихъ деревьевъ, которыя нужны бассонгамъ частью какъ средство пропитанія, частью какъ матеріалъ для торговли. Всѣ безъ исключенія деревни окружены, очевидно, искусственно разведенными и очень тщательно содержимыми рощами, пальмовыми (преимущественно масличныхъ пальмъ) и банановыми. Самыя улицы образуются широкими просѣками въ рощахъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ, т.-е. просѣкъ, и построены дома. Мѣстность для разведенія такихъ рощъ избрана, очевидно, вполнѣ сознательно и цѣлесообразно. Въ мѣстахъ болотистыхъ и низменныхъ, которыя часто затапливаются разли-

комъ рѣкъ въ дождливое время года, ихъ совсѣмъ не встрѣчается. Онѣ всѣ расположены на плоскихъ вершинахъ холмовъ и пригорковъ и имѣютъ обыкновенно отъ 1 до 2 нѣмецкихъ миль въ длину и отъ 400 до 800 метровъ въ ширину. Попадаются и болѣе обширныя, такъ что по деревнѣ приходится идти непрерывно часа два и три, но рѣдко: бо̀льшею частью рощи и расположенныя въ нихъ деревни не превышаютъ сказанныхъ размѣровъ. Почти всегда подножіе холмовъ, на которыхъ разведены рощи, со всѣхъ сторонъ окружено ручьями, очень глубокими, съ крутыми берегами, почва которыхъ состоитъ изъ глинистаго песчанника (въ этой странѣ вообще необыкновенное множество ручьевъ, которые до того безпорядочно текутъ въ разныхъ направленіяхъ, что очень трудно отыскать линію водораздѣла). И въ отношеніи пищи бассонги стоятъ несравненно выше прочихъ соплеменниковъ. У нихъ путешественники, давно уже лишенные этого удовольствія, отвели, наконецъ, душу незатѣйливо, но вкусно приготовленными кушаньями изъ свѣжей, хорошей провизіи, хотя отдаленно напомнившими имъ европейскую кухню. Между прочимъ, они нашли тутъ родъ каши изъ проса и маисъ, которые показались имъ настоящей амврозіей послѣ долгаго питанія непривычнымъ для европейца хлѣбомъ,—если можно такъ назвать употребляемое неграми толокно,—состряпаннымъ изъ получаемой, посредствомъ растиранія, муки изъ плодовъ банана, хлѣбнаго дерева и т. д.

Когда караванъ въ первый разъ проходилъ черезъ землю бассонговъ, населеніе, вѣроятно, изъ страха, дичилось путниковъ и не только не высыпало на дорогу толпами, какъ это дѣлали почти всѣ другіе дикари, но прятались въ домахъ, двери которыхъ тщательно запирались. Но на возвратномъ пути, когда Поге ѣхалъ уже одинъ съ Мукенге, убѣдившись въ миролюбіи и въ дружественномъ настроеніи чужеземцевъ, бассонги встрѣтили ихъ съ полнымъ довѣріемъ, причемъ, разумѣется, дали волю своему любопытству. При приближеніи каравана къ какой-либо деревнѣ, всѣ жители, отъ мала до велика, выбѣгали на улицу и тутъ Поге могъ судить о количествѣ населенія. При бѣгломъ обзорѣ трудно, конечно, опредѣлить точную цифру, но, судя по множеству близко одна отъ другой лежащихъ деревень и по массѣ жителей въ этихъ деревняхъ, Поге думаетъ, что густота населенія въ равнинѣ между рѣками Луби и Лумами, гдѣ именно и находится земля бассонговъ (тамъ есть и другія племена, далеко уступающія въ цивилизаціи бассонгамъ, но всѣ превосходящія, все-таки, кіокосовъ, воинственныхъ тучиланговъ и пр.), равняется менѣе переполненнымъ населеніемъ частямъ. Красотою бассонги, какъ сказано, похвалиться не могутъ, но за то отличаются рѣдкими у негровъ осмысленностью и интеллигентностью выраженія лица. Оба нѣмецкіе путешественника единогласно превозносятъ культурность бассонговъ въ своихъ отчетахъ, а одинъ изъ нихъ говоритъ даже, что ему было тяжело, почти совѣстно смотрѣть на нихъ. «Глядя на эти прелестныя, чистенькія деревни, на этотъ коренастый,

сильный, такой мирный, такой трудолюбивый народъ, уже успѣвшій выработать вполнѣ самостоятельно зачатки собственной культуры, мнѣ думалось, сообщаетъ Висманъ, благомъ ли явится для него европейская цивилизація? Нужна ли она ему? Что она ему принесетъ? По всѣмъ вѣроятіямъ, ничего, кромѣ деморализаціи, страданія и, можетъ быть, смерти, ибо въ своемъ высокомъ развитіи она ему непосильна; онъ ее не усвоитъ и не выдержитъ...»

Однако, останавливаться надъ подобными мыслями и чувствами нѣмцамъ не приходилось. Они имъ вообще и по натурѣ мало свойственны, да эти не за тѣмъ и пришли сюда. Надо было, пока обстоятельства и время года благопріятствовали, спѣшить далѣе. Отъ бассонговъ караванъ перешелъ въ область владѣній *качичей*, племени, физической силой и красотой не уступающаго бассонгамъ, но совсѣмъ дикаго. Оно-то именно и составляло предметъ того паническаго ужаса туземцевъ, который чуть было не помѣшалъ Поге и Висману продолжать свой путь, ибо эти качичи — людоѣды. Нечего и говорить, что они враждебно встрѣтили чужестранцевъ. Первымъ дѣломъ они отказали имъ въ лодкахъ для переѣзда черезъ Лубилашъ, такъ что пришлось цѣлую недѣлю простоять на берегу и построить свои лодки. Затѣмъ еще одна недѣля ушла на возню съ караваномъ. Къ неграмъ вернулся весь ихъ страхъ передъ людоѣдами и овладѣлъ ими настолько, что даже Мукенге собрался было возвращаться назадъ со всѣми своими людьми. Тогда путешественники прибѣгли къ средству, которое берегли до тѣхъ поръ, старательно скрывая его отъ туземцевъ, дабы оно не утратило своего эффекта для нихъ. Именно, они принялись каждую ночь устраивать фейерверки и пускать множество ракетъ. Разумѣется, несчастные дикари приняли это за сверхъестественныя явленія, вызванныя чарами волшебниковъ—бѣлыхъ, и до того перепугались, что даже людоѣды-качичи стали какъ шелковые. Ихъ престарѣлый вождь, повергнутый, какъ и все его племя, въ смятеніе, близкое къ отчаянію, лично распоряжался спускомъ лодокъ для бѣлыхъ и, кажется, готовъ бы былъ самъ перевозить ихъ, лишь бы эти страшные люди убрались поскорѣе изъ его владѣній. Съ проводниками легко справились, предложивъ имъ остаться, если угодно, безъ всякихъ средствъ у людоѣдовъ, а Мукенге пригрозили пожаловаться Чингенге, который отплатитъ ему за оскорбленіе Кабасу-Бабу истребленіемъ всего его племени, или, по меньшей мѣрѣ, опустошеніемъ страны. При другихъ условіяхъ Мукенге, можетъ быть, и не испугался бы этой угрозы. потому что если бы его бѣлые друзья погибли, то, разумѣется, некому было бы жаловаться Чингенге, а самъ онъ едва ли вздумалъ бы требовать у Мукенге отчета объ ихъ участи. Развѣ только множество товаровъ, привезенныхъ Мукенге, обратили бы на себя его вниманіе; но такъ какъ старикъ вовсе не намѣревался грабить бѣлыхъ, то и съ этой стороны нечего было опасаться. Опасность грозила иная. Уѣзжая отъ мирныхъ тучилунговъ, Поге и Висманъ оставили въ мѣстопребываніи Мукенге одного

изъ своихъ переводчиковъ, нѣмца же по происхожденію, по имени Германа, и при немъ нѣсколькихъ людей, съ порученіемъ построить тамъ удобный домъ, приспособленный для продолжительнаго пребыванія. Домъ этотъ долженъ былъ служить ядромъ нѣмецкихъ станцій, устройство которыхъ въ различныхъ мѣстахъ, какія покажутся удобными для того, было поручено Поге берлинскимъ «африканскимъ обществомъ». Когда онъ впервые завелъ объ этомъ рѣчь съ Мукенге, старикъ очень обрадовался, повѣривъ, какъ слову евангелія, тѣмъ обѣщаніямъ безчисленныхъ выгодъ, какими не преминулъ ослѣпить его Поге. Онъ уже видѣлъ себя въ мечтахъ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ негритянскихъ королей (Поге обѣщалъ ему, между прочимъ, что германскій императоръ подаритъ ему такое же ружье, какъ у него, и пришлетъ людей, которые обучатъ его подданныхъ отлично стрѣлять) и боялся только одного: какъ бы благодѣтель-бѣлый не раздумалъ и не предпочелъ надѣлить своими благодѣяніями кого-нибудь другаго. Можетъ быть, это-то опасеніе и побудило его, главнымъ образомъ, такъ упорно стремиться самолично охранять драгоцѣннаго благодѣтеля, дабы не выпустить его изъ своихъ рукъ. По той же причинѣ онъ съ восторгомъ принялъ вѣсть объ оставленіи Германа и, передъ отъѣздомъ, повелѣлъ всѣмъ тучилангамъ оказывать ему всевозможное содѣйствіе. Теперь этотъ самый Германъ сдѣлался для него грозой. Вернись Мукенге одинъ, безъ Поге, котораго Германъ долженъ былъ ждать у тучиланговъ, онъ не преминетъ спросить, гдѣ его хозяинъ, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, натравитъ Чингенге на измѣнника Мукенге. Старикъ сообразилъ все это и подчинился. Такимъ образомъ, все обошлось благополучно и путешественникамъ удалось спокойно перебраться черезъ *Лубилашъ*, громадную, широкую и очень глубокую рѣку. Безъ приключеній и почти безъ остановокъ, такъ какъ необходимый дневной отдыхъ и ночевки нельзя считать за таковыя, прошли они всю страну до *Ломани* и уже собирались перебраться на другую сторону Конго, именуемую здѣсь туземцами *Луолаби*, какъ сильное наводненіе причинило новую задержку. Вблизи не было никакого поселенія, такъ что путники вынуждены были вновь приняться за постройку лодокъ и тутъ имъ пришлось порядкомъ потерпѣть отъ голода. Черезъ недѣлю, однако, двѣ лодки были готовы и весь караванъ постепенно перебрался на противуположный берегъ. Вступивъ туда, они очутились въ *Ніянгвѣ*, гдѣ Поге долженъ былъ, по порученію «африканскаго общества», постараться завязать торговыя сношенія и учредить станцію общества, которое намѣревалось, по полученіи отчета, прислать туда своихъ агентовъ. Въ Ніянгвѣ путешественники пробыли два мѣсяца, такъ какъ нужно было время, чтобы исполнить взятое на себя дѣло. Неизвѣстно, вызвало ли оно какія-нибудь затрудненія, или, наоборотъ, неожиданно-скорый успѣхъ потребовалъ того, только товарищи порѣшили разстаться тутъ. Висманъ рѣшился продолжать начатый путь до Занзибара, т.-е. выполнить до конца свою задачу: пройти все теченіе Конго отъ Ат-

лантическаго океана до Индійскаго, а Поге—вернуться въ страну Мукенге, къ ожидавшему его Герману.

Изъ всей массы спутниковъ двухъ нѣмцевъ только три человѣка согласились послѣдовать за Висманомъ. Сколько онъ ни упрашивалъ, какія выгоды ни сулилъ, никто не захотѣлъ ему сопутствовать. И немудрено: онъ обѣщалъ имъ деньги и подарки, правда, но, въ то же время, звалъ въ опасный и далекій путь, на чужбину, въ невѣдомую сторону, а съ Поге каждый имѣлъ въ виду вернуться на родину, выгоды же получались и съ нимъ, хотя и не столь большія. Можно ли было колебаться въ выборѣ? Положеніе Висмана было бы болѣе чѣмъ затруднительно (смѣлый изслѣдователь рѣшился, все-таки, продолжать путь, хотя бы въ самомъ дѣлѣ пришлось идти лишь вчетверомъ), если бы совершенно неожиданный случай не пришелъ къ нему на помощь. Въ то время, какъ онъ и Поге еще находились въ Ніянгвѣ, туда прибылъ съ караваномъ одинъ арабъ, торговецъ, ведшій дѣла съ агентами «африканскаго общества». Узнавъ о пребываніи въ городѣ двухъ нѣмцевъ, онъ немедленно явился къ нимъ, познакомился и предложилъ имъ свои услуги. Висманъ попросилъ, чтобы онъ далъ ему взаймы 20 изъ своихъ многочисленныхъ рабовъ, на что тотъ съ величайшей готовностью согласился. Еще и въ другомъ случаѣ любезный арабъ оказалъ услугу своимъ новымъ друзьямъ, только на этотъ разъ услугу трагическую, безъ которой нѣмцы отъ всей души предпочли бы обойтись. Именно, уже въ моментъ разставанья, путешественникамъ снова понадобились лодки для переправы, а достать ихъ оказалось невозможнымъ. Никто изъ туземцевъ не хотѣлъ, почему-то, наняться перевести ихъ, хотя прежде дѣлали это очень охотно, и бѣдные путники стояли на берегу въ совершенно безпомощномъ состояніи. Вдругъ показалась большая лодка съ тремя гребцами, неграми. Ихъ окликнули, но они даже головы не повернули. Тогда арабъ, не долго думая, скомандовалъ своимъ людямъ: «пали!» Раздался залпъ и всѣ три несчастные гребца упали разомъ, двое убитыми на поваль, третій смертельно раненымъ. Рабы араба поймали лодку и тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, любезно предложилъ ее къ услугамъ нѣмцевъ. Ихъ опечалила эта кровавая сцена, первая, какую имъ случилось видѣть въ Африкѣ. Но такова сила эгоизма въ людяхъ, такъ личный интересъ способенъ заглушить въ нихъ чувство справедливости, что Висманъ, человѣкъ, какъ по всему видно, вовсе не безсердечный, разсказывая эту сцену въ своемъ отчетѣ географическому обществу, говоритъ: «Это совершенно своеобразный и, конечно, предосудительный способъ заставлять слушаться себя, но способъ, можетъ быть, необходимый въ тѣхъ странахъ. Иначе трудно добиться повиновенія». Между тѣмъ, онъ самъ принудилъ негровъ повиноваться, не прибѣгая къ кровавой расправѣ, и едва ли это вообще трудно въ странѣ, гдѣ бѣдные, невѣжественные люди принимаютъ еще фейерверкъ за сверхъестественное явленіе, а выстрѣлъ изъ ружья разсѣеваетъ цѣлыя толпы. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ Стэнлей, арабы, которые давно уже посели-

лись мѣстами въ средней Африкѣ и держатъ всю ея немногочисленную торговлю въ своихъ рукахъ, распоряжаются въ ней чисто какъ въ завоеванной землѣ и смотрятъ на негровъ, какъ на животныхъ. Рабы сами на сѣверѣ, во французскихъ колоніяхъ, они, внутри материка, являются самыми безжалостными и безпощадными рабовладѣльцами. Убить негра для нихъ то же, что подстрѣлить птицу. Они цѣнятъ ихъ только какъ товаръ, приносящій имъ хорошую прибыль при продажѣ, да еще какъ вьючныхъ животныхъ. Арабъ еще глубже южно-американскаго плантатора прежнихъ временъ убѣжденъ, что негръ не человѣкъ, по крайней мѣрѣ, не такой человѣкъ, какъ прочіе люди, и мысль, будто негры могутъ имѣть свои права, свое достоинство и пр., кажется ему не только дикой и смѣшной, но просто возмутительной. И никого въ мірѣ не ненавидитъ такъ африканскій арабъ, какъ англичанъ, строго преслѣдующихъ торговлю неграми.

Разставшись съ Поге, Висманъ выступилъ въ путь съ своими тремя спутниками и съ 20 занятыми у араба рабами. На всю братію у нихъ имѣлось всего десять ружей. Висманъ не взялъ больше, разсчитывая, что на такое маленькое количество людей довольно и этого, тѣмъ болѣе, что на пути (они направлялись, прежде всего, къ Танганикѣ) имъ встрѣтится нѣсколько арабскихъ поселеній, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, можно достать еще оружія. Это путешествіе маленькимъ обществомъ вышло настолько же преисполнено всякаго рода непріятныхъ и опасныхъ приключеній, насколько прежнее было относительно спокойно. Прежде всего, рабы араба оказались чисто разбойничьей шайкой, съ которой рѣшительно не было никакого сладу. Несмотря на всѣ убѣжденія и даже на угрозы Висмана, они грабили всякаго встрѣчнаго, а въ одномъ арабскомъ поселеніи, называемомъ *Кассанго*, вступили въ формальное сраженіе съ тамошними рабами. Несчастный нѣмецъ увидалъ, что съ такимъ конвоемъ ему ни за что не дойти до Танганики, и отправилъ къ хозяину рабовъ посланнаго съ письмомъ, въ которомъ излагалъ свое затруднительное положеніе. Тотъ отвѣчалъ, тоже письменно, что даритъ ему рабовъ и чтобъ онъ дѣлалъ съ ними, что захочетъ. Неграмъ немедленно объявили о такой перемѣнѣ въ ихъ положеніи, и, когда новый хозяинъ хорошенько пригрозилъ имъ, они подчинились. Довольно спокойно успѣлъ Висманъ добраться до Танганики, откуда онъ направился къ тамошнему королю, извѣстному, между прочимъ, изъ книги Стэнлея, *Мирамбо*. Дорога была недальняя и, какъ ожидалъ Висманъ по разсказамъ, спокойная, потому что приходилось проходить черезъ земли, населенныя первымъ въ этой сторонѣ пастушескимъ народомъ. Но оказалось, что тутъ-то, у этихъ аркадскихъ пастушковъ, и ждали его настоящія опасности. Дѣло въ томъ, что незадолго до его прохода извѣстный арабъ Тибу-Тибъ, сопутствовавшій Стэнлею въ его путешествіи, ураганомъ прошелъ по этой землѣ, опустошилъ ее и увелъ много плѣнныхъ. Населеніе, весьма многочисленное и располагавшее нѣсколькими сотнями ружей, съ которыми хорошо умѣло управляться, было озлоблено

на всѣхъ блѣднолицыхъ и искало случая отомстить имъ. Ни въ чемъ неповинному Висману не разъ приходилось оружіемъ прокладывать себѣ путь, а разъ онъ едва не сдѣлался козломъ отпущенія за подвиги Тибу-Тиба. Дикари окружили его ночью со всѣхъ сторонъ, сорвали его палатку и уже готовились съ гикомъ и воемъ пронзить его своими стрѣлами. Къ счастію, одинъ изъ двухъ переводчиковъ не потерялъ присутствія духа. Онъ успѣлъ какъ-то пробраться къ начальнику шайки и объяснить ему, что этотъ бѣлый—гость Мирамбо, который знаетъ о его пріѣздѣ, ждетъ его, такъ какъ увѣдомлено о его отъѣздѣ изъ Танганики и, если онъ не пріѣдетъ въ назначенное время, страшно отмститъ за его смерть. Это спасло Висмана, потому что имя Мирамбо внушаетъ всѣмъ въ восточной Африкѣ такой же паническій ужасъ, какъ людоѣды въ средней. О подвигахъ этого негритянскаго героя ходитъ тамъ множество легендъ, одна другой страшнѣе и чудеснѣе. Разсказываютъ, между прочимъ, будто онъ въ молодости былъ рабомъ-носильщикомъ у одного араба, отъ котораго бѣжалъ, потому что тотъ однажды ударилъ его. Скрывшись отъ хозяина, онъ составилъ шайку разбойниковъ и принялся грабить съ нею караваны. Въ настоящее время онъ король весьма большаго королевства и ежегодно увеличиваетъ свою территорію новыми завоеваніями. Стэнлей, въ бытность свою въ восточной Африкѣ, попробовалъ было силой воспротивиться въ чемъ-то Мирамбо, но долженъ былъ отступить; а тотъ, въ отместку, тотчасъ же разорилъ и уничтожилъ арабское населеніе *Табору*. Висманъ описываетъ его, какъ спокойнаго, серьезнаго человѣка, съ тихими манерами, который молча и внимательно выслушиваетъ все и нѣкоторое время обдумываетъ, прежде чѣмъ отвѣтить. Онъ высокъ ростомъ, сухощавъ и въ физіономіи его нѣтъ рѣшительно ничего, что бросалось бы въ глаза, за исключеніемъ только продольной жилы на лбу, которая надувается при малѣйшемъ неудовольствіи. Онъ принялъ Висмана чрезвычайно радушно, подарилъ ему двухъ откормленныхъ воловъ и двѣ бутылки шампанскаго (вѣроятно, добытыя при разграбленіи какого - нибудь каравана) и много разспрашивалъ объ его отечествѣ. Оказалось, что восточно-африканскій герой слышалъ уже о германскомъ императорѣ и его блистательныхъ военныхъ подвигахъ и, судя о европейскихъ отношеніяхъ по своимъ африканскимъ, полагалъ, что императоръ Вильгельмъ такой же грозный, могущественный властелинъ, какъ онъ, Мирамбо, и, подобно ему, постоянно ведетъ войны съ своими сосѣдями и покоряетъ ихъ земли. Отпуская Висмана съ своими провожатыми до ближайшей французской миссіи, онъ просилъ его передать императору его искреннее и нижайшее почтеніе, а вмѣстѣ и просьбу прислать ему такую же винтовку, какъ у него, Висмана. Дальнѣйшій путь нѣмецкаго изслѣдователя совершился уже довольно быстро и безъ всякихъ приключеній, которыхъ, впрочемъ, тутъ и не могло уже быть, такъ какъ онъ находился теперь на береговой полосѣ, гдѣ встрѣчается много и арабскихъ, и европейскихъ поселеній (послѣднія—

миссіонерскія). Онъ посѣтилъ французскую, потомъ английскую миссію и, наконецъ, попалъ въ Занзибаръ, въ одинъ давно уже основавшійся тамъ нѣмецкій торговый домъ. Ровно два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на африканскую землю со стороны Атлантическаго океана, и можно представить себѣ, съ какою великою радостью и съ какою гордостью увидалъ онъ разстилавшійся передъ его глазами величественный Индійскій океанъ. Не шутка пройти насквозь всю экваторіальную Африку, отъ одного океана до другаго. Тутъ есть чѣмъ гордиться!

Между тѣмъ, Поге возвращался съ Муненге назадъ, въ новоучрежденную нѣмецкую станцію, наименованную имъ, какъ выше упомянуто, въ честь своего пріятеля, Мукенге. Поге сдѣлалъ это, во-первыхъ, потому, что хотѣлъ доставить удовольствіе старику, во-вторыхъ, — и это, разумѣется, главное,—что мѣсто, избранное имъ, не имѣетъ другаго собственнаго названія. Въ средней Африкѣ вообще не имѣютъ обычая давать имена мѣстностямъ, а тѣмъ менѣе поселеніямъ. Горы, рѣки и озера имѣютъ названія, но поселенія нѣтъ. Земля такого-то племени, селеніе такого-то начальника, короля или старшины,—вотъ и все; больше для негровъ не требуется, и европейцамъ самимъ приходится окрещивать мѣстности.

В. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чешско-русскія недоразумѣнія.

(Письмо въ редакцію).

Въ славянскомъ мірѣ и среди его враговъ всегда много говорилось и говорится о такъ называемомъ «славянскомъ вопросѣ», который опредѣляется очень разнообразно, смотря по характеру и знаніямъ разсуждающихъ. Одни видятъ въ этомъ вопросѣ «панславизмъ», т.-е. политическое единство всѣхъ славянъ; западные и южные славяне должны-де присоединиться прямо къ Россіи или должны составить съ ней федерацію. Славянскій вопросъ понимается здѣсь какъ вопросъ политическій, со всѣми страшными катастрофами, которыя сопровождали бы удовлетворительную развязку вопроса. Другіе представляютъ себѣ славянскій вопросъ въ болѣе мирномъ видѣ, понимая его какъ литературную «взаимность», какъ невинную духовную связь разныхъ славянскихъ народовъ, живущихъ подъ разными и неславянскими правительствами. Иные считаютъ славянскій вопросъ вопросомъ религіозно-церковнымъ, который разрѣшится примиреніемъ западнаго и восточнаго христіаиства, или вопросомъ культурнымъ, который разрѣшится возникновеніемъ особой «славянской» культуры въ отличіе отъ «романско-нѣмецкой» культуры, съ принятіемъ русскаго языка, какъ общеславянскаго, и пр. Вообще «славянскій вопросъ» опредѣляетъ всякій по своему, и о какой-нибудь общепринятой формулѣ не можетъ быть и рѣчи. Отсюда происходятъ безконечныя недоразумѣнія, пререканія и разочарованія между самими славянами по поводу этого злополучнаго славянскаго вопроса.

Если славянскій вопросъ составляетъ дѣйствительно «вопросъ», который долженъ быть рѣшенъ, то, прежде всего, должно быть устранено то препятствіе, которое мѣшаетъ его удовлетворительному рѣшенію. Это препятствіе—политическая зависимость западныхъ и большинства южныхъ славянъ. Поэтому «славянскій вопросъ несомнѣнно, прежде всего, вопросъ *политическій*, правда, запутанный, какъ Гордіевъ узелъ». Онъ состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ «вопросовъ». Суть этихъ «вопросовъ» состоитъ въ

томъ, возможно ли возвратить славянскимъ народамъ утраченную ими политическую самостоятельность, чтобъ они сами могли рѣшать о своихъ дѣлахъ, а не были бы вынуждены питать собою другія тѣла. Примѣръ рѣшенія «болгарскаго» и «сербскаго» вопросовъ наглядно показываетъ практическое, *положительное* рѣшеніе этихъ славянскихъ вопросовъ, совершающееся при помощи Россіи; между тѣмъ, положеніе другихъ славянъ, въ политическомъ отношеніи только славянскихъ «австрійцевъ» и «прусаковъ», показываетъ *отрицательный* способъ рѣшенія такихъ славянскихъ вопросовъ. Если «славянскій вопросъ», какъ вопросъ политическій, не разрѣшимъ въ первомъ, т.-е. положительномъ видѣ, то всѣ остальные вопросы: о литературной взаимности славянъ, о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ, о славянской культурѣ и пр. поставлены совершенно напрасно, да они, просто, и немыслимы безъ предварительнаго разрѣшенія перваго главнаго вопроса. Очень можетъ быть, что «славянскій вопросъ», какъ политическій, тоже неразрѣшимъ; но кто не хочетъ въ «славянскомъ вопросѣ» видѣть вопросъ политическій, тотъ не долженъ вообще говорить о «славянскомъ вопросѣ» въ обширномъ смыслѣ, а долженъ довольствоваться только частными «вопросами славянскими», которые могутъ рѣшаться уже внѣ «славянскихъ» интересовъ, да и вопреки имъ; такъ, напр., вопросы чешскій, польскій, словенскій, хорватскій, да, пожалуй, и сербскій, могутъ быть удовлетворительно рѣшены въ самой Австріи и въ ея пользу, но отъ такого разрѣшенія не выиграетъ общій «славянскій» вопросъ. Опредѣляя «славянскій вопросъ» такимъ образомъ, мы очень хорошо сознаемъ всю грозную серьезность, всю почти неопреодолимую трудность поставленной задачи. Мы, разумѣется, не будемъ уже говорить о закидываніи нѣмцевъ славянскими шапками, о паденіи карточныхъ домиковъ Австріи и Германіи вслѣдствіе простаго дуновенія славянскаго колосса и вообще не будемъ предаваться подобнымъ мечтаніямъ о блестящемъ будущемъ славянства, какими забавлялись западные и южные славяне еще два, три десятилѣтія тому назадъ. Въ безотрадномъ положеніи этихъ славянъ въ первой половинѣ нашего столѣтія были позволительны разныя мечтанія, вродѣ поэмы Яна Коллара *Дочь славы*, о блестящемъ будущемъ славянства, которое-де будетъ освобождено отъ ига турокъ, мадьяръ и нѣмцевъ и сольется съ Россіей въ одно море. Дѣйствительность скоро обличила всю несостоятельность такихъ мечтаній. Крымская война показала совсѣмъ неожиданно, что̀ можетъ Россія и чего она не можетъ, и послѣдняя война кончилась не санъ-стефанскимъ миромъ, а берлинскимъ конгрессомъ. Въ другой стороны, съ помощью Россіи, Пруссія въ 1866 и 1870 гг. сдѣлалась хозяйкой Германіи. Такимъ образомъ, чехи увидали себя окруженными единою Германіею, которая имъ и вообще западнымъ славянамъ теперь угрожаетъ больше, чѣмъ старая римско-нѣмецкая имперія. Другая нѣмецкая держава, Австрія, стала твердой ногой на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова, въ земляхъ сербскихъ. Вдобавокъ, польскій вопросъ рѣшенъ не въ пользу славянства: Россія вы-

нуждена самими поляками отказаться отъ разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ мирнаго сожительства поляковъ съ Россіей. И такъ, нѣмцы не разлетѣлись въ дребезги, а сплотились въ единую Германію, которая заняла первенствующее положеніе въ Европѣ между Рейномъ и Вислой; а западное славянство, вынужденное отказаться отъ разныхъ своихъ мечтаній, очутилось въ тѣни этой грозной фигуры, которая можетъ въ скоромъ времени поставить въ Карпатахъ и въ Юлійскихъ Альпахъ такой же памятникъ, какъ на западѣ въ Нидервальдѣ. Миновали тѣ блаженныя времена, когда, по словамъ чешскаго поэта Челаковскаго, швабы (тараканы) и нѣмецкія мыши плясали подъ дудку цыгана-колдуна, этого батюшки бѣдныхъ цыганятъ въ Чехіи и Моравіи. Таковъ печальный для западныхъ и южныхъ славянъ результатъ событій послѣднихъ двадцати лѣтъ. Этотъ результатъ можетъ и не быть послѣднимъ словомъ западно-славянской исторіи; но образованіе единой Германіи въ средней Европѣ и движеніе нѣмецко мадьярской Австріи на юго-востокъ значительно подвинули впередъ опасность германизма на востокѣ. Здѣсь полабскіе и балтійскіе славяне уже погибли, славяне въ Германіи погибаютъ, а остальнымъ западнымъ славянамъ и южнымъ угрожаетъ все усиливающаяся опасность.

Много разочарованій пришлось за послѣднее время испытывать славянамъ, которые создали себѣ свои особыя представленія объ отношеніяхъ славянскаго міра къ его противникамъ, особенно къ нѣмцамъ, и объ отношеніяхъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ другъ къ другу, и вдругъ убѣдились, что лелѣянный ими міръ будущности не соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Это и понятно. Славянскіе народы предавались болѣе своимъ мечтамъ и менѣе серьезнымъ размышленіямъ о дѣйствительномъ положеніи славянства и нѣмцевъ; они мало изучали и мало знали другъ друга, и часто знали не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а такими, какими они представлялись въ извѣстномъ освѣщеніи.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ заблужденій относительно славянскаго міра являются названія: «славянскій народъ», «славянскій языкъ и его нарѣчія», «славянская образованность», «славянская литература и наука», «славянское искусство»,—названія, которыя породили столько путаницы и дали поводъ ко всевозможнымъ недоразумѣніямъ и разочарованіямъ. Все это фантазіи: нѣтъ и въ историческое время никогда не было единаго, цѣльнаго «славянскаго народа», а имѣются «народы» славянскаго племени: русскіе, поляки, чехи, болгары, сербы, хорваты и др.; нѣтъ и въ историческое время не было «славянскаго языка», а есть языкъ русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и нарѣчія этихъ языковъ; нѣтъ «славянской литературы и науки», нѣтъ «славянской образованности». Да, если дальнѣйшее развитіе славянскаго міра пойдетъ такимъ же путемъ, какъ оно шло до сихъ поръ и идетъ теперь, то понятіе «славяне» и не приметъ никогда иного значенія, какъ то, какое оно имѣло и имѣетъ до сихъ поръ, т.-е. значеніе этнографической единицы. Славянство, это—

раса, племя, а не народъ, не народность; это пока хаосъ, грубая непереваренная масса (rudis indigestaque moles), изъ которой можетъ выйти нѣчто, но можетъ и не выйти ничего. Исторія слишкомъ раздѣлила славянскій міръ на нѣсколько строго опредѣленныхъ національныхъ единицъ, которыя другъ другу, пожалуй, не ближе, чѣмъ, напр., романскіе и германскіе народы, и, можетъ быть, славянскіе народы до извѣстной степени еще больше разъединены; у романскихъ и германскихъ народовъ, по крайней мѣрѣ, одна культура, одно письмо, между тѣмъ какъ славянскіе народы раздѣлены и въ этомъ. Въ славянскихъ народахъ есть много одинаковыхъ и сходныхъ этнографическихъ чертъ, но это болѣе важно въ наукѣ, въ славистикѣ, чѣмъ въ практической жизни, гдѣ часто рѣшаютъ дѣло совершенно другіе факторы, чѣмъ раса. Взаимныя отношенія поляковъ и русскихъ, сербовъ и болгаръ, хорватовъ и сербовъ показываютъ, что раса сама по себѣ еще не единитъ, не примиряетъ. А, между тѣмъ, названіемъ «славяне» постоянно злоупотребляютъ, дѣлаютъ фальшивыя заключенія, принимая фантазіи за дѣйствительность и желая опередить исторію, которая одна можетъ создать такой славянскій единый «народъ», такую славянскую «образованность». Относительно «науки» прозвище «славянская» (если это понимать какъ совокупность всѣхъ «славянскихъ» наукъ) уже совершенно лишнее. По нашему мнѣнію, чистая наука одна, обрабатываетъ ли ее французъ или нѣмецъ, русскій или полякъ, арабъ или японецъ *). Методъ и пріемы въ изслѣдованіяхъ въ

*) Мы не можемъ вполнѣ согласиться въ этомъ отношеніи съ почтеннымъ авторомъ. Человѣкъ, а, слѣдовательно, и народъ налагаетъ невольно печать своей индивидуальности на свое творчество и на характеръ результатовъ его, хотя послѣдніе, какъ результаты дѣятельности умственной, общей для всѣхъ людей, усвоиваются всѣми ими и становятся достояніемъ всего человѣчества. Каждый индивидуумъ, будетъ ли это отдѣльный человѣкъ или собирательная народная личность, привлекается тѣми сторонами изучаемаго имъ предмета, которыя соотвѣтствуютъ его индивидуальному характеру, останавливаютъ его вниманіе преимущественно на томъ, что̀ наиболѣе гармонируетъ съ настроеніемъ его души, съ складомъ и характеромъ его духовныхъ силъ и способностей. и идетъ къ желаемымъ результатамъ путями, свойственными его индивидуальности, но можетъ уразумѣть въ открывшейся ему сторонѣ предмета только то, что можетъ быть осмыслено общими для всѣхъ людей категоріями мышленія. Слѣдовательно, на методахъ изслѣдованій каждаго индивидуума, на способахъ, путяхъ, которые онъ избираетъ къ рѣшенію занимающихъ его вопросовъ, и на характерѣ самыхъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ, на томъ, чѣмъ они отличаются отъ вопросовъ, поставленныхъ другими, а, слѣдовательно, и отвѣтовъ, полученныхъ на нихъ, лежитъ печать индивидуальности вопрошателя или изслѣдователя, хотя, въ то же время, и методы, и пути къ рѣшеніямъ, и самые вопросы и отвѣты строются при помощи одной изъ формъ мышленія, общихъ для всѣхъ людей, а, слѣдовательно, и получаемые результаты суть достояніе всего человѣчества. Такое отраженіе индивидуальностей разныхъ народовъ на методахъ и открытіяхъ ихъ ученыхъ и разумѣется, когда говорятъ о наукѣ германской, французской, англійской и т. д.

Неговоря уже о философіи, исторіи и поэзіи, такое отраженіе народной индивидуальности нельзя не замѣтить даже и въ математикѣ. Кому изъ серьезно занимаю-

области естественныхъ наукъ, астрономіи, математики, географіи и пр. одни и тѣ же, и ихъ результатъ идетъ въ пользу всѣхъ народовъ. Въ исторической наукѣ субъективные взгляды автора могутъ, хотя не должны, играть извѣстную роль въ трактованія извѣстныхъ вопросовъ, напр., религіозныхъ и національныхъ, политическихъ и соціальныхъ; но безпристрастный историкъ и здѣсь можетъ хорошо обуздать свои субъективные порывы и, напримѣръ, будучи католикомъ, можетъ совершенно трезво смотрѣть на гуситское движеніе или на нѣмецкую реформацію, не въ примѣръ другимъ историкамъ, увлекающимся больше своими католическими вѣрованіями, чѣмъ наукой, а поэтому и усматривающимъ въ этомъ движеніи не прогрессъ, а регрессъ. Но это уже не чистая наука; здѣсь играетъ роль субъективизмъ автора, или, если такой взглядъ раздѣляетъ интеллигенція этого народа, то можно, пожалуй, сказать, что это взглядъ всего народа на извѣстные вопросы, который, однако, можетъ мѣняться. Такъ, наприм., еще въ началѣ нашего вѣка чешская интеллигенція по большей части проклинала гуситство, усматривая въ немъ заблужденіе, а теперь чешская интеллигенція въ огромномъ большинствѣ видитъ въ гуситствѣ прогрессивное движеніе,—взглядъ, несомнѣнно, болѣе вѣрный.

Другое дѣло въ изящной литературѣ, въ поэзіи, романахъ, повѣстяхъ, въ искусствѣ; здѣсь національный характеръ заявляетъ свою силу и даетъ такимъ произведеніямъ свой отпечатокъ. Поэтому справедливо говорится, напр., о французскомъ и англійскомъ романѣ, объ итальянскомъ, нѣмецкомъ, японскомъ искусствѣ и пр. Существуетъ русскій романъ, польская повѣсть, но опять-таки нѣтъ «славянскаго» романа, нѣтъ «славянской» поэзіи, нѣтъ «славянскаго» искусства. Что же касается «славянской культуры», то о ней серьезно говорить нельзя до тѣхъ поръ, пока «славяне» не будутъ чѣмъ-нибудь другимъ, а не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ.

Если смотрѣть на славянъ безъ всякихъ предвзятыхъ идей, то они, хотя и имѣютъ много общаго, все-таки, представляютъ собой не одинъ народъ, а нѣсколько *народовъ* съ разнымъ характеромъ, съ разными стремленіями и идеалами, съ разной культурой и, наконецъ, съ разными языками, на которыхъ они другъ съ другомъ не могутъ говорить, если не хотятъ играть комедіи. Поэтому имъ приходится прибѣгать къ чужому, нѣмецкому или французскому языку. Подводить разные славянскіе народы подъ одинъ «славянскій» знаменатель кажется невозможнымъ именно по-

---

щихся послѣднею не ясны отличія пріемовъ изслѣдованій оригинальныхъ математиковъ отъ нѣмецкихъ ученыхъ, отъ пріемовъ французскихъ и англійскихъ ученыхъ, французскихъ отъ нѣмецкихъ и англійскихъ отличій, неразлучныхъ и съ характерными чертами общихъ истинъ, добываемыхъ этими пріемами. Но эти пріемы, изобрѣтенные учеными одного народа, конечно, могутъ, будучи разъ открыты, употребляться послѣ и учеными другихъ народовъ. Къ болѣе полному разъясненію вопроса о народности въ наукѣ отсылаемъ читателя къ статьямъ Ю. Θ. Самарина въ *Русской Бесѣдѣ*, издававшейся А. И. Кошелевымъ. *Ред.*

тому, что эти народы, несмотря на многія общія черты, все-таки, разошлись довольно далеко; ихъ слишкомъ раздѣлила исторія и культура. Западные, а отчасти и южные славяне, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ сношеній съ великимъ народомъ нѣмецкимъ, «онѣмечились»; одни совсѣмъ онѣмечились, т.-е. перелились въ нѣмцевъ (полабскіе, балтійскіе, поодрянскіе, а отчасти и повислянскіе славяне); другіе приняли много нѣмецкихъ учрежденій, даже характерныхъ чертъ, но продолжали говорить по-славянски, сохраняя тоже много славянскихъ чертъ. «Онѣмеченіе» тутъ вовсе не «искаженіе»; это естественный процессъ, повторяющійся повсюду въ жизни сосѣднихъ народовъ, особенно въ отношеніи народовъ сильнаго и слабаго *).

Къ числу «онѣмеченныхъ» славянъ втораго разряда принадлежатъ и чехи. Этотъ славянскій народъ показалъ замѣчательную жизненную силу; вся его исторія, это—безпрерывныя столкновенія съ могучимъ нѣмецкимъ народомъ, которому онъ, все-таки, не поддался и съ которымъ онъ до сихъ поръ упорно борется. Онъ дѣйствительно во многомъ онѣмечился, принялъ много крови нѣмецкой, что собственно естественно и до извѣстной степени полезно. Чехи, борясь съ такимъ культурно и матеріально сильнымъ народомъ, какъ нѣмцы, должны были перенимать многое отъ своихъ противниковъ уже ради того, чтобы бороться одинаковымъ оружіемъ. Въ числѣ принимаемыхъ вещей они приняли и у нихъ развилось очень много обществъ политическихъ, гимнастическихъ, студентскихъ, ремесленническихъ, литературныхъ и др.; они развили у себя въ значительной степени принципъ самопомощи, о чемъ свидѣтельствуетъ народный театръ, школьная матица и т. п. Всѣ эти общества преслѣдуютъ полезныя, благородныя, истинно патріотическія цѣли, сближаютъ всѣ сословія и приносятъ чеш-

*) Что разумѣетъ почтенный авторъ подъ словомъ «искаженіе»? Лишиться своей народной индивидуальности, своей народной личности, лишиться силъ оригинальнаго народнаго творчества во всѣхъ формахъ и отправленіяхъ самостоятельной народной жизни, а такъ какъ нельзя совершенно отказаться имъ отъ своей природы, то и стать какою-то безсмысленною помѣсью родного, природнаго съ нѣмецкимъ, стать ублюдкомъ, уродомъ—это ли не искаженіе? О чемъ же хлопочутъ чехи, благородные подвижники, стоятели за свою народность? Чѣмъ, наконецъ, вызвана и вдохновлена прекрасная статья автора, исполненная духомъ любви къ дѣлу славянства и къ народности чешской? Въ словахъ этой статьи сквозитъ глубокая скорбь въ виду кажущейся безнадежности въ борьбѣ съ одолѣвающей славянъ германизацией и предъидущая мысль автора, съ которою мы не можемъ и нельзя согласиться, вызвана, мы убѣждены, этою скорбью. Подождемъ и поработаемъ. Видимая безнадежность для славянства есть кажущаяся безнадежность: колесо исторіи переворачивается и часто неожиданно быстро. Пока славянство не потеряетъ вѣры въ себя, за нимъ будущность. Не вѣра ли чеховъ въ себя спасла и спасаетъ ихъ народность? Господь за слабыхъ матеріально, но сильныхъ духомъ и вѣрующихъ въ него и въ свое право! Побѣждается и рушится дѣло только слабыхъ духомъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы просимъ благосклонныхъ читателей обратить вниманіе на то, что́ далѣе говоритъ авторъ о борьбѣ чеховъ съ силами, враждебными ихъ народности. *Ред.*

скому народу большую пользу, моральную и матеріальную. Чешская литература подвизается въ болѣе нормальныхъ колеяхъ только 3—4 десятилѣтія и не можетъ, конечно, быть сравниваема съ литературами англійской или нѣмецкой; но кто знаетъ хоть немного развитіе чешской литературы, не можетъ не видѣть замѣчательнаго прогресса; уже и теперь есть, если не Пушкины, Некрасовы, Толстые, Тургеневы и Салтыковы, то, все-таки, хорошіе чешскіе поэты и романисты, которые отчасти стоятъ на національной почвѣ чешской, отчасти же на общечеловѣческой; можно спорить, что лучше для молодой чешской литературы, но можно, относясь къ ней безпристрастно, одобрять и то, и другое. На чешскомъ языкѣ существуетъ очень порядочная литература для простого народа, который въ огромномъ своемъ большинствѣ грамотенъ и, вмѣсто прежней разной дряни вродѣ сказаній о Мелюзинѣ и Мегерѣ, о чертяхъ и глупыхъ рыцаряхъ, читаетъ полезныя изданія «Матицы люду» (народнаго фонда). въ томъ числѣ, напр., и книгу Уолэса о Россіи. Имѣется значительное количество газетъ и разныхъ журналовъ, вообще хорошо радактируемыхъ. Такъ идетъ впередъ дѣло народнаго просвѣщенія. Наука на чешскомъ языкѣ тоже подвигается впередъ, хотя, разумѣется, ее нельзя сравнивать, напр., съ нѣмецкой; съ такой ученой литературой трудно конкуррировать, какъ это испытываетъ и наука 60--ти милліоннаго народа русскаго; но чешскіе ученые, съ пражскими профессорами во главѣ, дѣлаютъ все, что возможно, и во всякомъ случаѣ чешскихъ ученыхъ и литератовъ въ Чехіи и Моравіи гораздо больше, чѣмъ нѣмецкихъ ученыхъ и литераторовъ въ этихъ двухъ странахъ. Наконецъ, при существующихъ въ нынѣшней Австріи порядкахъ можно и на чешскомъ языкѣ печатать многое, о чемъ прежде невозможно было и подумать. Само собою разумѣется, что печатается и на чешскомъ языкѣ разный хламъ (гдѣ же его нѣтъ?); но, вѣдь, огромное большинство книгъ издается для удовлетворенія мѣстныхъ и временныхъ потребностей, а вовсе не для того, чтобы показать національный геній. Такая задача лежитъ на многихъ первоклассныхъ геніальныхъ писателяхъ, какихъ у всѣхъ народовъ, даже великихъ культурныхъ народовъ, на перечетъ, а у малыхъ и подавно.

Чехи,—народъ немногочисленный, долго подавлявшійся (1620—1848 гг.) и поэтому остановленный въ своемъ развитіи,—не могли и не могутъ никогда мечтать о конкурренціи съ такими народами, какъ, напр., нѣмецкій или англійскій. Но они, все-таки, съиграли въ исторіи человѣчества видную роль: *гуситство* принадлежитъ не однимъ чехамъ, а всему образованному человѣчеству; гуситство — *единственное славянское* культурное явленіе, которымъ интересуются вездѣ въ образованномъ мірѣ, гдѣ цѣнится идея. Уже англичанка Тальви замѣчаетъ, что «изъ всѣхъ славянскихъ литературъ одна чешская литература можетъ возбудить болѣе общій интересъ. Въ Чехіи въ первый разъ искра блеснула живымъ пламенемъ, которое черезъ сто лѣтъ распространило освѣщающій огонь по всей Европѣ. Имена Гуса и Іеронима Пражскаго не могутъ погибнуть никогда. Долгая борьба

чеховъ за свободу совѣсти и ихъ окончательное паденіе представляютъ одну изъ самыхъ поражающихъ трагедій, какія только можно найти въ человѣческой исторіи».

Чехи, единственный остатокъ полабскихъ славянъ, очутились, послѣ гибели своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, такъ сказать, въ самой пасти нѣмецкаго льва, который уже нѣсколько вѣковъ собирается проглотить этотъ славянскій народъ, но не можетъ: чехи стали нѣмецкому льву костью въ горлѣ. Разумѣется, что они рано стали принимать разные нѣмецкіе порядки, нравы и взгляды; и это не со вчерашняго дня, а уже семь столѣтій тому назадъ. Уже тогда они знали нѣмецкій языкъ, переводили съ нѣмецкаго разныя сказанія въ духѣ тѣхъ временъ, рыцарскіе романы о Александрѣ Великомъ, о Троянской войнѣ и пр.; ихъ короли Премысловичи и Люксенбурги говорили по-чешски и по-нѣмецки. Вообще «онѣмеченіе» чеховъ началось еще давно, но они, все-таки, не сдѣлались нѣмцами по языку, причемъ замѣчательно, что и много нѣмцевъ слилось съ чешскимъ народомъ; не говоря о нѣмецкихъ фамиліяхъ чисто-чешскихъ шляхетскихъ родовъ (Вальдштейнъ, Розенбергъ, Лихтенбургъ и пр.), въ рядахъ чешскаго средняго сословія, интеллигенціи, встрѣчается очень много нѣмецкихъ фамилій, каковы, напр., Юнгманнъ, Эрбенъ, Ригеръ, Браунеръ, Грегръ и пр. Такое вліяніе нѣмецкой литературы, такое смѣшеніе съ нѣмцами продолжается до сихъ поръ. Несомнѣнно, что вслѣдствіе такихъ вѣковыхъ сношеній чехи лишились многихъ славянскихъ чертъ временъ Геродота и Косьмы Пражскаго; но, повторяемъ, это естественный процессъ, котораго предотвратить нельзя, о которомъ сожалѣть излишне и который надо принять какъ совершившійся неизбѣжный фактъ. Во всякомъ случаѣ этотъ процессъ принесъ чехамъ тоже много хорошаго. Вѣдь, у нѣмцевъ можно было поучиться многому и можно постоянно учиться, что вовсе не стыдно и не унизительно. Чешскій литераторъ и чешскій ученый находятъ въ нѣмецкой литературѣ очень многое, чего они въ малой своей литературѣ никогда не найдутъ, и если они захотятъ, чтобъ ихъ мысли, ихъ находки, результаты ихъ научныхъ изслѣдованій стали доступны большему кружку читателей, то они пишутъ на нѣмецкомъ языкѣ, который они знаютъ не только какъ граждане нѣмецкаго государства Австріи, но также какъ ближайшіе сосѣди нѣмецкаго народа; прежде они писали по-латыни, а теперь пишутъ по-нѣмецки. Такъ, по-нѣмецки писали Добровскій, Шафарикъ и Палацкій, пишутъ Квичала, Гейтлеръ, Гебауръ, Гиндели, Крейчій, Челаковскій, Фричъ и вообще всѣ тѣ чехи, которые разсчитываютъ на большій кругъ читателей, не только нѣмецкихъ, но и русскихъ, польскихъ, сербскихъ, французскихъ, англійскихъ и т. д. Гласитъ же одна чешская пословица: «Богъ не оставитъ чеха за то только, что онъ знаетъ по-нѣмецки». Нѣмецкій языкъ чешскихъ ученыхъ здѣсь только средство и больше ничего; вѣдь, пишутъ же и русскіе академики по-нѣмецки и по-французски, зная хорошо, что въ средней и западной Европѣ, а также въ Америкѣ

придерживаются до сихъ поръ извѣстнаго graeca (russica) sunt, non leguntur. Даже одинъ изъ самыхъ важныхъ поборниковъ русскаго языка, какъ общеславянскаго, проф. Ламанскій, издалъ недавно на французскомъ языкѣ книгу о политикѣ Венеціанской республики, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свои замѣчанія о разныхъ современныхъ вопросахъ славянскихъ, которые сдѣлались въ Европѣ болѣе извѣстными, только благодаря своей французской одеждѣ; стало быть, и въ громадной Россіи признается вся важность общеизвѣстнаго европейскаго языка (все равно, нѣмецкаго, французскаго или англійскаго). Русскій авторъ такой французской или нѣмецкой книги можетъ продолжать гордиться и дорожить необъятнымъ просторомъ Россіи и радоваться единству и цѣльности великаго русскаго народа; одно другому не мѣшаетъ, и русскій авторъ можетъ быть увѣренъ, что и малые славянскіе народы пламенно желаютъ, безъ всякаго чувства ненависти и злобы, дальнѣйшаго преуспѣянія русскому народу, русской литературѣ и наукѣ, дабы черезъ сто лѣтъ не нужно было писать по-французски или по-нѣмецки ни русскимъ, ни другимъ славянамъ.

Если сыны великаго, самостоятельнаго русскаго народа считаютъ нужнымъ или полезнымъ иногда прибѣгать къ болѣе извѣстнымъ языкамъ, какъ къ болѣе удобному средству для распространенія своихъ мыслей въ возможно обширнѣйшихъ кругахъ, то что удивительнаго, если сыны малаго чешскаго народа, давно побѣжденнаго нѣмцами и утратившаго свою политическую независимость, по тѣмъ же самымъ причинамъ пишутъ по-нѣмецки. Можетъ быть, не всѣ чехи любятъ нѣмецкій языкъ, но это уже дѣло ихъ чувства, ихъ симпатій и антипатій; реальная жизнь и ея потребности заставляютъ чеховъ знать и употреблять нѣмецкій языкъ даже вопреки ихъ желаніямъ и антипатіямъ. Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, что чешскіе литераторы и ученые ограничиваются однимъ только нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкой литературой и наукой. Это было бы дѣйствительно крайне глупо. Мы замѣтимъ здѣсь только, что въ Прагѣ существуютъ кружки или клубы французскій, англійскій и русскій, въ которыхъ чехи изучаютъ практически эти языки, слушаютъ лекціи на этихъ языкахъ и даже играютъ на этихъ языкахъ въ спектакляхъ. У г. Наперстка въ Прагѣ можно встрѣтить много чеховъ, которые очень порядочно не только читаютъ, но и говорятъ по-англійски, пользуясь его богатой англійской библіотекой и читальней. Французскій же языкъ преподается, какъ обязательный предметъ, въ реальныхъ училищахъ Австріи, и романская филологія нашла въ профессорѣ Пражскаго университета, Ярникѣ, достойнаго представителя. Вообще чехи учатся охотно иностраннымъ языкамъ, и это стремленіе все усиливается. Нѣмецкій языкъ и литература, конечно, остаются и останутся господствующими, такъ какъ языкъ нѣмецкій есть языкъ государственный въ Австріи и болѣе близкій, чѣмъ, напр., французскій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чехи не забываютъ также о другихъ

языкахъ, о французскомъ и англійскомъ, и, само собою разумѣется, конечно, о *языкѣ русскомъ*.

Знаніе русскаго языка у чеховъ всегда было болѣе или менѣе распространено. Многіе старшіе литераторы чешскіе читали русскія книги, напр., Юнгманнъ, Пухмаеръ, Марекъ, Шафарикъ, Палацкій, Ганка и др.; Пухмаеръ и Ганка написали грамматики русскаго языка, первый на нѣмецкомъ, второй на чешскомъ языкѣ. Ганка читалъ лекціи о русскомъ языкѣ въ Пражскомъ университетѣ не безъ пользы для молодаго чешскаго поколѣнія; въ числѣ его учениковъ многіе продолжали заниматься русскимъ языкомъ; назову здѣсь только Іос. Колара (нынѣ лектора русскаго языка въ пражскомъ политехническомъ училищѣ), проф. Первольфа (въ Варшавѣ), Эм. Вавру (въ Одессѣ) и др. И теперь чехи изучаютъ охотно и старательно этотъ самый важный славянскій языкъ, а вышеупомянутый *русскій кружокъ* въ Прагѣ дѣлаетъ свое дѣло, и довольно хорошо, если его члены (мужчины и женщины) рѣшаются даже играть спектакли на русскомъ языкѣ. Мы знаемъ нѣсколько такихъ чешскихъ дамъ, которыя очень хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и языкомъ англійскимъ и нѣмецкимъ. Мы не говоримъ здѣсь о чехахъ, которые живутъ въ Россіи; тѣ, конечно, говорятъ и пишутъ по-русски какъ слѣдуетъ.

Все это извѣстно и многимъ русскимъ, и кто изъ нихъ относится къ чехамъ, какъ истинный ихъ другъ и доброжелатель, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объективно, тотъ не можетъ и требовать большаго. Но есть и такіе русскіе, которые находятъ нынѣшніе успѣхи русскаго языка среди чеховъ недостаточными и хотятъ, чтобы уже теперь каждый мало-мальски образованный чехъ говорилъ и писалъ по-русски, чтобы русскій языкъ сталъ дипломатическимъ языкомъ славянъ и чтобы всѣ нерусскіе славяне скорѣе перестали писать на своихъ «нарѣчіяхъ» и замѣнили ихъ языкомъ русскимъ, который долженъ быть общеславянскимъ.

Если такія мнѣнія относительно русскаго языка, какъ общеславянскаго литературнаго языка въ будущемъ, высказываются только въ принципѣ, какъ желаніе, идеалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не опредѣляется ни время, когда, ни способъ, какимъ долженъ состояться такой важный переворотъ въ духовной жизни славянскихъ народовъ, въ такомъ случаѣ многіе чехи согласны въ принципѣ съ такимъ мнѣніемъ. Но если приверженцы такого мнѣнія думаютъ, что этотъ переворотъ долженъ или можетъ произойти въ скоромъ времени, при нынѣшнемъ политическомъ и культурномъ положеніи дѣлъ въ славянствѣ, въ такомъ случаѣ, вѣроятно, всѣ чехи сочтутъ такое мнѣніе просто утопіей.

Мысль о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ, высказалъ у чеховъ первый, кажется, Іосифъ Юнгманнъ уже въ 1831 году по поводу польскаго возстанія: «Подавленіемъ польскаго языка распространится русскій языкъ, и это можетъ быть первымъ шагомъ къ общему литературному языку

славянскому, который не будетъ инымъ, какъ русскимъ». Юнгманнъ возвращался и впослѣдствіи, такъ сказать, наканунѣ своей смерти, къ этому вопросу (въ своихъ запискахъ). Послѣ Юнгманна защищали такое мнѣніе словаки Кузмани и Штуръ, а Ганка кое-что и писалъ по-русски. Вообще объ этомъ велись разговоры между чешскими писателями, какъ это видно, между прочимъ, изъ писемъ Погодина. Но всѣ эти мнѣнія имѣютъ чисто теоретическое, академическое значеніе; дѣйствительность и практическая жизнь, начавшаяся въ 1848 году, скоро показали, что такія мечтанія нѣсколькихъ лицъ не осуществимы. Кромѣ того, чехи не затѣмъ воскресили свой языкъ изъ мертвыхъ, боролись въ его пользу, добивались и добиваются для него равноправности, чтобы, въ концѣ-концовъ, замѣнить его,—предположивъ даже возможность такой замѣны,—другимъ, хотя и родственнымъ языкомъ, русскимъ. То, что сказалъ объ этомъ Палацкій въ 1872 г., остается общимъ девизомъ чеховъ и другихъ славянъ: «Чехи больше тысячи лѣтъ отстаивали и отстояли свою народность безчисленными и несказанными борьбой и жертвами не затѣмъ, чтобы потомъ отказаться отъ своей народности за какое бы то ни было доброе словцо. Это же самое можно предположить также о другихъ славянахъ, особенно на югѣ. Всѣ мы будемъ учиться русскому языку тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше поученія и утѣшенія будетъ намъ доставлять русская литература; но изъ-за этого мы еще не бросимъ своего собственнаго языка и литературы и не будемъ ими пренебрегать. Мечты о созданіи и введеніи одного всеславянскаго языка — мечты и больше ничего». Тамъ, гдѣ славяне не подлежатъ власти иноплеменниковъ, напр., въ Сербіи, Черной Горѣ и Болгаріи, также не смотрятъ на этотъ вопросъ иначе: сербы и болгары вовсе не думаютъ замѣнить свои языки русскимъ языкомъ, а стремятся къ дальнѣйшему развитію своихъ языковъ и своихъ, хотя и небогатыхъ, литературъ. Примѣръ сербовъ и болгаръ, самостоятельно рѣшающихъ о своей судьбѣ, вполнѣ подтверждаетъ слова Палацкаго, вполнѣ подтверждаетъ давно высказанное мнѣніе, что въ славянскихъ народахъ слишкомъ развито чувство индивидуализма. Это фактъ, съ которымъ долженъ считаться всякій, кто хочетъ серьезно разсуждать о славянскихъ дѣлахъ, а не только увлекаться своими собственными фантазіями.

Если сербы и болгары, у которыхъ есть свои національныя правительства и свои министерства народнаго просвѣщенія, не находятъ нужнымъ замѣнить свой языкъ,—который они пишутъ русской гражданской азбукой,— русскимъ языкомъ, то, спрашивается, какимъ образомъ могли бы, напр., прусскіе славяне (поляки, кашубы, лужицкіе сербы), австрійскіе чехи, поляки (положимъ, что они бы этого пожелали), словенцы, венгерскіе словаки, хорваты и сербы, турецкіе болгары и сербы ввести въ школы русскій языкъ безъ разрѣшенія своихъ ненаціональныхъ правительствъ и министерствъ? Сомнительно, чтобы, напр., австрійскій или венгерскій министры народнаго просвѣщенія разрѣшили преподаваніе русскаго языка или нѣко-

торыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и университетахъ Австріи и Венгріи; извѣстно же, что даже въ русской части Галиціи допускается въ школахъ языкъ не «россійскій», а «руськiй». А только посредствомъ школъ можетъ распространяться извѣстный языкъ въ самыхъ обширныхъ кружкахъ народонаселенія, какъ это видно, напр., на нѣмецкомъ языкѣ въ Австріи, на мадьярскомъ въ Венгріи, на русскомъ въ русской Польшѣ и на нѣмецкомъ въ прусской Польшѣ. Выходящіе изъ такихъ школъ славяне говорятъ и пишутъ (болѣе или менѣе удовлетворительно, но, все-таки, пишутъ) по-нѣмецки, по-мадьярски, по-русски, на языкахъ своихъ государствъ. Иначе, какъ посредствомъ школъ, ни одинъ языкъ въ мірѣ не дѣлается общеупотребительнымъ. Частные уроки тутъ не при чемъ, воспитывая только отдѣльныхъ лицъ, знающихъ тотъ или другой языкъ, наприм., въ Россіи лицъ, знающихъ по-французски или по-нѣмецки. Любопытно было бы узнать мнѣніе защитниковъ русскаго языка, какъ общеславянскаго, какъ они, въ виду всего этого, представляютъ себѣ способъ распространенія русскаго языка между славянами Австріи и Венгріи? Вѣдь, здѣсь существуетъ извѣстный *фактъ*, который надо было бы устранить, но, спрашивается, какимъ же образомъ? Или можно предположить, что, напр., югославянская академія въ Загребѣ или чешская матица въ Прагѣ могутъ сдѣлать такое распоряженіе, что съ 1 января такого-то года всѣ хорватско-сербскіе и чешскіе писатели должны впредь писать исключительно по-русски? Мы сильно сомнѣваемся въ возможности примѣненія къ такому дѣлу подобнаго предписанія. Между тѣмъ, нѣкоторые продолжаютъ представлять себѣ такой громадный переворотъ возможнымъ, и еще въ 1867 г. на славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ высказывались такія мнѣнія съ разныхъ сторонъ. Чехи и другіе славяне, охотно признавая важность знанія русскаго языка, все-таки, держались и придерживаются донынѣ словъ Палацкаго.

И такъ, вслѣдствіе разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, вопросъ о русскомъ языкѣ, какъ о языкѣ общеславянскомъ, не подвигается впередъ. Многіе чехи и другіе славяне учатся и будутъ учиться по-русски, какъ равнымъ образомъ учатся и будутъ учиться и другимъ чужимъ языкамъ; нѣмецкій же они, какъ граждане Австріи, будутъ знать всегда лучше всего. Не надо думать, что русскій языкъ дается имъ легче, чѣмъ, напр., французскій и англійскій. Уже русское письмо, печатное и курсивъ, составляетъ важное препятствіе для взрослаго человѣка; преодолѣніе этого препятствія составляетъ для многихъ чеховъ большое затрудненіе, а русскую скоропись рѣдко кто изъ чеховъ умѣетъ бѣгло читать. Но, по преодолѣніи этого препятствія, начинается другое: борьба съ русскимъ удареніемъ, которое не то, что простое удареніе, а измѣняетъ произношеніе; такъ, напримѣръ, чехъ видитъ въ книгѣ слова: орелъ, возьмешь, звѣзды и вдругъ слышитъ скороговоркой: арјол, возмјош, звјозды. Это препятствіе уже непреодолимо и поэтому ни одинъ чехъ не́ говоритъ вполнѣ правильно по-

русски, если даже онъ и знаетъ русскій языкъ отлично. Впрочемъ, правильное русское удареніе не всегда слышно и въ устахъ русскихъ поляковъ и малороссовъ, которые, все-таки, воспитываются въ русскихъ школахъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Было бы не лишне, поэтому, означать въ русскихъ книгахъ удареніе, по примѣру чешской долготы или французскихъ акцентовъ; это значительно облегчило бы изученіе русскаго языка для иностранцевъ, неславянъ и славянъ. Вообще русскій языкъ труденъ и не легко дается и славянамъ. Русскій языкъ дается чехамъ съ не меньшимъ трудомъ, чѣмъ, напр., англійскій, который имъ, знающимъ языкъ нѣмецкій и, кромѣ того, и латинскій, и французскій, не настолько же чуждъ, насколько языкъ русскій.

Положимъ, однако, что нѣтъ всѣхъ этихъ препятствій для принятія русскаго языка другими славянами въ ихъ литературный языкъ. Спрашивается дальше: извѣстенъ ли теперь въ мірѣ русскій языкъ настолько, насколько *нѣмецкій* языкъ? Извѣстны ли русскія книги такъ, какъ *нѣмецкія*? Даютъ ли русская литература и русская наука уже теперь столько, сколько литература и наука *нѣмецкія*? Можетъ ли русская литература замѣнить западнымъ и южнымъ славянамъ хорошо имъ извѣстную литературу *нѣмецкую?* Мы думаемъ, что самый рьяный поборникъ русскаго языка, какъ общеславянскаго, не можетъ дать на это другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго. А, между тѣмъ, такіе вопросы поставлены вполнѣ правильно и ихъ никоимъ образомъ обойти нельзя. Стало быть, вышеупомянутыя неустранимыя препятствія увеличиваются еще однимъ очень важнымъ. Это препятствіе тоже существующій *фактъ*, который можетъ быть устраненъ только современемъ, вслѣдствіе громаднѣйшаго развитія и напряженія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ многочисленнаго и политически могущественнаго народа русскаго.

Къ числу самыхъ рьяныхъ поборниковъ русскаго языка, какъ общеславянскаго, принадлежитъ В. И. Ламанскій. Мы уже замѣтили, что многіе чехи согласны съ нимъ въ принципѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они въ настоящее время считаютъ осуществленіе этого славянскаго идеала невозможныхъ. Позволимъ себѣ привести здѣсь недавно высказанныя слова проф. Ламанскаго, но съ нѣкоторыми существенными поправками и прибавленіями. Всѣ мы, западные и южные славяне (не исключая и многихъ поляковъ), дорожимъ громадностью и внѣшнею силой нашей (именно «нашей») Россіи. Вспоминая о ея войнахъ и побѣдахъ надъ врагами, всѣ мы благословляемъ судьбу за то, что Россія не раздѣлила участи другихъ славянскихъ народовъ, побѣжденныхъ, утратившихъ свою политическую независимость, и радуемся тому; всѣ мы гордимся и дорожимъ необъятнымъ просторомъ Россіи, радуемся единству и цѣльности русскаго народа, который съумѣлъ и успѣлъ создать великую міровую державу; всѣ мы пламенно желаемъ, чтобы этотъ великій славянскій народъ располагалъ все бо́льшимъ количествомъ людей способныхъ къ смѣлымъ полетамъ фантазіи, къ великимъ завоеваніямъ мысли и

къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ; всѣ мы пламенно желаемъ, чтобы русскій народъ развилъ всѣ свои матеріальныя и умственныя силы, чтобы разцвѣла блестящая русская наука и литература, не уступая ни въ чемъ наукѣ и литературѣ народа *нѣмецкаго*; всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ, чтобы Илья Муромецъ поднялся на свои ноги и чтобы, наконецъ, исполнилось пророчество Яна Колара: «Черезъ сто лѣтъ славянская жизнь наводнитъ все, и славянскій (русскій) языкъ, который нѣмцы считали рѣчью рабовъ, будетъ раздаваться во дворцахъ и въ устахъ самихъ соперниковъ; науки потекутъ славянскимъ русломъ; костюмъ, обычаи и пѣсни нашего народа будутъ господствовать надъ Сеной и Эльбой!» Тогда, и только тогда, всѣ мы, уцѣлѣвшіе еще славяне, преклонимся передъ великимъ русскимъ народомъ и русскій языкъ станетъ самъ собой общеславянскимъ, вмѣсто нѣмецкаго, языкомъ уже «славянской» науки и современемъ «славянской» литературы вообще. А до тѣхъ поръ всѣ слова о замѣнѣ славяскихъ «нарѣчій» русскимъ «языкомъ» останутся, къ сожалѣнію, фантазіями. Если нѣкоторые русскіе предлагаютъ западнымъ и южнымъ славянамъ принятіе русскаго языка, какъ единственное средство, чтобъ выкарабкаться изъ ихъ малости и розни, то тѣ же славяне съ своей стороны возражаютъ: «При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ славянскомъ мірѣ это средство не можетъ примѣниться. Мы въ огромномъ своемъ большинствѣ не хозяева у себя дома и поэтому не можемъ распоряжаться дома по своему собственному усмотрѣнію».

Такимъ образомъ, вопросъ культурный переходитъ въ область политическую, становится *вопросомъ политическимъ*, какимъ онъ въ сущности своей и есть. Стремленіе соединиться въ одно политическое цѣлое встрѣчается у славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ и въ немъ играетъ видную роль сознаніе одного происхожденія этихъ народовъ. Такое стремленіе замѣтно во взаимныхъ отношеніяхъ чеховъ и поляковъ, поляковъ и русскихъ, русскихъ и югославянъ, именно сербовъ и болгаръ. Мысль о политическомъ соединеніи всѣхъ славянъ подъ предводительствомъ Россіи встрѣчается часто въ разныхъ славянскихъ кружкахъ.

Мысль о славянской федераціи подъ предводительствомъ Россіи всѣмъ славянамъ симпатична; она должна быть и будетъ всегда ихъ политическимъ *идеаломъ*, къ которому будутъ стремиться ихъ мыслители и поэты. Но во всякомъ случаѣ *политическая независимость славянъ* должна, какъ уже сказано, предшествовать всякимъ культурнымъ вопросамъ о «славянскомъ» т.-е. русскомъ литературномъ языкѣ, о «славянской» литературѣ, о «славянской» образованности и пр. Все это немыслимо безъ предварительнаго политическаго освобожденія этихъ славянъ изъ-подъ чужой власти вродѣ того, какъ это случилось съ Сербіей и съ Болгаріей. Только тогда, если будетъ политически соединенъ весь народъ сербскій, весь народъ болгарскій, представители ихъ государствъ могутъ опредѣлить отношеніе единой Сербіи и единой Болгаріи къ Россіи, а тѣмъ самымъ и отношеніе народовъ сербскаго и болгарскаго къ русскому.

Намъ пришлось однажды разсуждать съ нѣкоторыми своими земляками о славянско-нѣмецкихъ отношеніяхъ. Самымъ опаснымъ врагомъ славянъ является извѣстное стремленіе нѣмцевъ на востокъ (Drang nach Osten); жертвами этого стремленія сдѣлалась уже половина западныхъ славянъ; оно угрожаетъ всѣмъ остальнымъ западнымъ славянамъ, угрожаетъ и южнымъ. Напрасно уменьшать опасность этого тяготѣнія нѣмцевъ на востокъ; это движеніе нѣмцевъ, продолжающееся больше тысячелѣтія, означаетъ не одно лишь матеріальное завоеваніе, а также и духовное порабощеніе славянъ. Нѣмецкій народъ, многочисленный, обладающій значительнымъ излишкомъ рабочихъ силъ, интеллигенціи, издѣлій, ищетъ для нихъ колоній и рынковъ, но, не обладая заморскими колоніями, считаетъ весь славянскій востокъ и юго-востокъ такими своими колоніями и дѣйствительно пользуется ими въ такомъ смыслѣ. Такъ смотрятъ на славянскій востокъ и юго-востокъ всѣ нѣмцы, правительства и общество, и ихъ экономисты. Въ нѣмецкомъ парламентѣ 1848 года нѣмецкіе патріоты говорили въ пользу тѣснаго сближенія всей Германіи и Австріи, для того, чтобы нѣмцы могли всѣ восточные народы, расположенные по Дунаю, включить въ свою планетную систему, какъ своихъ «драбантовъ». Въ такомъ смыслѣ высказался и австрійскій министръ Брукъ въ своей статьѣ о задачахъ Австріи, и много другихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей Германіи и Австріи. Образованіе имперіи Германско-Прусской, подчиненіе Босніи и Герцеговины Австріи значительно облегчатъ это тяготѣніе нѣмецкой колонизаціи на Балканскій полуостровъ, который уже поставленъ въ такую экономическую зависимость отъ нѣмцевъ. То, что дѣлалось въ Венгріи и въ Галиціи при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II (а при Екатеринѣ II въ Россіи), т.-е. основаніе нѣмецкихъ колоній, возобновляется въ Босніи и Герцеговинѣ. Радоваться такому чисто матеріальному усиленію нѣмецкаго элемента въ славянскихъ земляхъ, въ сербскихъ ли, въ польскихъ ли, могутъ только общественные и государственные дѣятели нѣмецкіе, пруссаки и австрійцы, но никакъ не дѣятели славянскіе. Спрашивается: нѣтъ ли какой-нибудь возможности отвратить, по крайней мѣрѣ отчасти, это опасное для всего славянства стремленіе нѣмцевъ на востокъ и обратить его хоть отчасти на западъ, гдѣ ужь и такъ на верхнемъ Рейнѣ Германія должна стоять на стражѣ и постоянно твердить свою Wacht am Rhein? И вотъ, — разсуждали мы дальше, — на томъ же Рейнѣ, на его нижнемъ теченіи и устьяхъ, въ скоромъ времени осиротѣетъ тронъ голландскій. Голландія и ея прекрасныя и громадныя *колоніи* были бы для Германіи вожделѣннымъ пріобрѣтеніемъ, болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ пріобрѣтенія Фридриховъ и Фридриховъ-Вильгельмовъ на востокѣ въ польскихъ земляхъ. Если предки голландцевъ могли призвать въ свои правители нѣмецкую династію Оранскую, они могли бы это сдѣлать и нынѣ, и такой новый король голландскій изъ Германіи (охотниковъ нашлось бы тамъ много) могъ бы вступить въ извѣстную зависимость отъ германской имперіи. Такимъ образомъ, нѣмецкій народъ нашелъ

бы прекрасныя колоніи, куда бы могъ направить свою эмиграцію, свой излишекъ населенія и интеллигенціи. Въ скоромъ времени Суматра, Ява, Борнео и Целебесъ покрылись бы цвѣтущими нѣмецкими поселеніями, пивоварнями, университетами и разными ферейнами; нѣмецкіе профессора, студенты (хотя бы изъ малайцевъ), фабриканты, ремесленники, земледѣльцы и рудокопы могли бы съ восторгомъ пѣть уже не «Das Vaterland muss grösser sein», а «Lieb Vaterland kannst ruhig sein, dass Süd-Indien ist schon dein!» Мы увѣрены, что и всѣ славяне съ неописаннымъ восторгомъ вторили бы своимъ сосѣдямъ и отъ всей души пожелали бы имъ преуспѣянія въ прекрасной и богатой Индіи. Такимъ образомъ отвлеклись бы силы фатерланда, который все хочетъ grösser sein, съ востока отъ Вислы и Дуная на западъ, къ устьямъ Рейна, и въ заморскія колоніи.

Проф. Ламанскій совѣтуетъ нѣмцамъ броситься въ Америку, гдѣ будто бы предстоитъ нѣмецкой народности славное призваніе. Пусть будетъ и такъ, только бы нѣмцы послушались насъ обоихъ и отвернулись бы отъ славянскихъ земель, а то они ищутъ свою mission glorieuse все еще въ славянскихъ земляхъ.

Но, къ сожалѣнію, это мечты, а практическая жизнь и обстановка западныхъ и южныхъ славянъ совсѣмъ другая, вызывающая къ болѣе серьезнымъ размышленіямъ. Реальные политики нерусскихъ славянъ, предоставляя мечты о блестящемъ будущемъ славянства поэтамъ и философамъ, должны были пойти другимъ путемъ и отыскивать другіе способы, какъ укрѣпить національный бытъ своихъ славянскихъ народовъ, устроить ихъ политическій, матеріальный и духовный бытъ, насколько это въ данный моментъ возможно, и вообще подготовить ихъ къ будущимъ, какъ они еще думаютъ, болѣе благопріятнымъ славянскому дѣлу временамъ. Мы говоримъ здѣсь объ австрійскихъ и венгерскихъ славянахъ, судьба которыхъ тѣсно связана съ судьбой славянъ балканскихъ. О славянахъ въ Германіи, именно о лужицкихъ сербахъ, кашубахъ, поморянахъ, мазурахъ, слензакахъ и полякахъ, говорить не станемъ; имъ не поможетъ уже ни что на свѣтѣ; они, подобно своимъ давно скончавшимся соплеменникамъ полабскимъ и балтійскимъ, мало-по-малу догораютъ при угрюмомъ, грустномъ молчаніи остальныхъ славянъ, которые имъ помочь не могутъ. Чехи, послѣ 1863, 1866 и 1870 гг., вполнѣ понимаютъ слова проф. Ламанскаго: «Aucun Russe sensé ne se décidera jamais à conseiller à sa patrie d'entrer en collision avec l'Allemagne au sujet de la Pologne prussienne, dont la germanisation est si avancée».

Что касается австро-венгерскихъ славянъ, то Австрія относится къ нѣкоторымъ славянскимъ народамъ уже не такъ, какъ въ блаженныя времена Меттерниха и Баха. Особенно очень много пріобрѣли поляки въ Галиціи. Кто знавалъ этотъ австрійскій Kronland еще двадцать лѣтъ тому назадъ, не узналъ бы его теперь; о нѣмецкихъ чиновникахъ, о нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ тамъ почти и помину и вся Галиція стала настоящей Польшей

по языку и по духу. Даже злополучная унитская Русь, «попы и холопы», съ своею ополяченною интеллигенціею, находящеюся въ полной зависимости отъ польскихъ пановъ, живо напоминаетъ Рѣчь-Посполитую, въ память которой воздвигается надъ столицей Червонной Руси, Львовомъ, холмъ «Люблинской уніи», впрочемъ, неконченный. Другой славянскій народъ, который выигралъ въ новой Австріи, это хорваты, которые въ королевствахъ Хорватіи и Славоніи и въ присоединенной къ нимъ бывшей Хорватско - Славонской военной границѣ пользуются обширной автономіей съ полнымъ господствомъ своего языка. Что касается чеховъ, то они не находятся въ столь выгодномъ положеніи, какъ поляки и хорваты, а должны домогаться каждаго куска равноправности съ большимъ усиліемъ; исторія чешскаго отдѣленія Пражскаго университета (единственное болѣе важное пріобрѣтеніе чеховъ) представляетъ наглядный примѣръ примѣненія теоретической равноправности на практикѣ, но и положеніе чеховъ гораздо лучше, чѣмъ было еще недавно. Хуже положеніе другихъ славянъ въ Австріи, сербовъ и словенцевъ, и особенно словаковъ и русиновъ. До того, чтобы австрійскимъ славянамъ быть «нѣжно любимыми Веніаминами» австрійскаго правительства, Габсбурговъ, очень и очень далеко; нѣжно любимыми Веніаминами остаются нѣмцы и мадьяры, а славяне считаются скорѣе необходимымъ зломъ, которое ихъ господа охотно бы сбыли, какъ Іосифа, брата Веніамина. Но такъ какъ часто нужно и съ необходимымъ зломъ устроить какой-нибудь modus vivendi, и всѣхъ тѣхъ австрійскихъ славянъ пока некуда сбыть, да они могутъ еще сослужить службу въ дальнѣйшихъ планахъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, то оказалась и для Австріи, для Габсбурговъ, потребность устроить съ нѣкоторыми (поляками, хорватами, чехами, а отчасти и словенцами) болѣе или менѣе сносный modus vivendi. Только съ русинами, словаками и сербами нельзя пока ничего подѣлать; первые подпали подъ власть поляковъ, а отчасти (въ Венгріи) и мадьяръ; словаки томятся тѣломъ и душой въ когтяхъ мадьяръ; сербы, живущіе въ Венгріи, Хорватіи, Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, находятся въ какомъ-то странномъ положеніи. Если Боснія и Герцеговина останутся на всегда или на болѣе продолжительное время подъ скипетромъ Габсбурговъ, то надо будетъ устроить и политическій бытъ сербовъ иначе, чѣмъ теперь. Въ рукахъ Габсбурговъ имѣется важное средство для такого устройства — сербскій патріархатъ въ Карловцахъ, который начинаетъ вліять и на сербскую церковь въ королевствѣ сербскомъ. Все это довольно печально, особенно если сербскій народъ останется въ такомъ безвыходномъ положеніи на долгое время. Но нельзя же постоянно думать о революціяхъ, подобно полякамъ, и трехмилліонный, политически разорванный сербскій народъ не можетъ въ настоящее время и помыслить объ этомъ, а долженъ искать какой-нибудь сносный modus vivendi съ Австріей и Венгріей.

Австрійскіе «славяне» составляютъ дѣйствительно половину народонаселенія Австріи (съ Венгріей); но эти славяне не народъ, а народы съ

разными языками, культурами, стремленіями; они часто другъ друга очень не долюбливаютъ (напр., поляки и русины, хорваты и сербы), соединяются съ врагами славянства другъ противъ друга, не дѣйствуютъ солидарно. Поляки (паны), хотя теперь и водятъ закадычную дружбу съ чехами, все-таки, иногда посматриваютъ на нихъ и на другихъ славянъ съ недовѣріемъ, не осталось ли въ нихъ еще кое-чего изъ ихъ прежнихъ симпатій къ «москалямъ», а съ «схизматическими» сербами, пишущими московскою азбукой, заводить дружбу не безопасно. Поляки (паны) вмѣстѣ съ мадьярами хотѣли бы хоть сейчасъ поднять войну противъ «Москвы», желая разрѣшить восточный вопросъ на берегахъ Вислы и Нѣмана (въ сосѣдствѣ Пруссіи!), а другіе австрійскіе славяне не хотятъ и слышать о такой войнѣ. Поэтому весь этотъ австрійскій «славизмъ», эта «славянская» Австрія, разсматриваемыя вблизи, вызываютъ только улыбку у знатока австрійскихъ дѣлъ. Всѣ австрійскіе «славяне» никогда не будутъ дѣйствовать сообща, солидарно; ихъ можетъ соединить только нѣмецкая команда Габсбурговъ, и тогда они могутъ, а, вѣроятно, и будутъ служить орудіемъ для выполненія враждебныхъ южному славянству плановъ, напр., въ возможномъ наступленіи Австріи на Сербію и на Македонію. Осуждать за это австрійскихъ славянъ нѣтъ никакого разумнаго повода; они, будучи не Веніаминами Габсбурговъ, не вліятельными руководителями, а только послушными исполнителями ихъ политики (см. дѣятельность Елачича, Родича, Филипповича), не могутъ дать ей направленіе по своему вкусу; да еслибъ эти «славяне» и могли повліять на эту политику, то, спрашивается, въ какомъ смыслѣ: въ чешскомъ, польскомъ, хорватскомъ или сербскомъ? Вѣдь, всѣ эти направленія исключаютъ другъ друга. Внѣшняя политика Австріи обусловливается интересами нѣмецкаго народа и его союзника во всѣхъ анти-славянскихъ предпріятіяхъ, мадьяръ. При такомъ положеніи дѣлъ въ австрійскомъ славянствѣ, неумѣстно и странно говорить объ «австрійскомъ панславизмѣ», котораго нѣтъ и не будетъ. Если нѣкоторыя лица среди австрійскихъ славянъ дѣйствительно и мечтаютъ о такомъ «австрійскомъ панславизмѣ», то они скоро убѣдятся, что это пустыя мечты. Мы вполнѣ согласны съ В. И. Ламанскимъ, что «австрійскій панславизмъ» только искусственное, неорганическое созданіе, не имѣющее ни права на существованіе, ни будущности. Совершенно напрасно увлекаться блестящею будущностью Австріи, какъ «федераціи народовъ» отъ Праги, Кракова, Львова, Варшавы, Кіева до Любляны, Загреба, Дубровника, Бѣлграда, Софіи, Солуня и Константинополя, включая сюда и Вѣну, и Буда-Пештъ, и Букурештъ, и Крою. Всѣ эти народы сами по себѣ, съ своими разнообразными, другъ друга исключающими стремленіями. Россія и Германія своими средствами предотвратятъ такое повтореніе вавилонскаго столпотворенія. Насъ вовсе не прельщаетъ такая «федерація», а насъ тревожитъ совсѣмъ другое, то, что можетъ кончиться дальнѣйшимъ порабощеніемъ славянъ нѣмцами. Мы знаемъ низкую степень

матеріальнаго и умственнаго развитія балканскихъ народовъ, преимущественно славянъ, а, съ другой стороны, мы хорошо знаемъ, что значитъ нѣмецкая промышленность и торговля, наука и литература, культура. Мы знаемъ, что если мало-мальски образованный боснякъ, сербъ или болгаринъ захочетъ надѣть «швабскій» сюртукъ, то ему сошьетъ его вѣнскій портной; если онъ хочетъ имѣть порядочный ножъ, плугъ, молотилку и машину, то онъ можетъ ихъ получить за сносную цѣну не изъ Россіи, а изъ Австріи. Балканскій полуостровъ находится уже теперь въ экономической зависимости отъ Австріи, а тѣмъ самымъ отъ Германіи, отъ австрійско-нѣмецкой промышленности. Такая экономическая зависимость сопровождается обыкновенно и политическою зависимостью. Нѣмецкія (а не русскія) книги и газеты находятъ себѣ сбытъ на Балканскомъ полуостровѣ, босняки и сербы учатся по-нѣмецки; вотъ и культурная зависимость этихъ малыхъ, неразвитыхъ народовъ отъ нѣмецкаго міра, проводникомъ котораго является здѣсь Австрія. Россія освободила эти народы только въ политическомъ отношеніи, но не въ отношеніи экономическомъ и культурномъ. Sic vos non vobis! Въ виду такихъ важныхъ и роковыхъ событій въ южномъ славянствѣ, которое уже идетъ по слѣдамъ западнаго славянства, въ виду все усиливающагося стремленія Австріи на юго-востокъ, въ виду того, что это стремленіе Австріи Германія поддерживаетъ и будетъ всегда поддерживать и какъ государство, и какъ представительница нѣмецкаго народа, его матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, — въ виду всего этого надо ожидать не «федераціи» дунайскихъ и балканскихъ народовъ, а надо опасаться дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія этой разнообразной зависимости южныхъ славянъ отъ Австріи, т.-е. отъ нѣмцевъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ окончательнаго *порабощенія*.

«Австрійскій панславизмъ», какъ «великая идея федераціи австрійскихъ славянскихъ народовъ», насъ не прельщаетъ и не увлекаетъ, такъ какъ мы считаемъ его мертворожденнымъ дѣтищемъ. Другое дѣло, если бы подъ этимъ громкимъ словомъ разумѣть, что отношенія Габсбурговъ къ подвластнымъ имъ славянскимъ народамъ мало-по-малу улучшаются, что нѣкоторые славянскіе народы (опять-таки не всѣ «славяне») находятъ въ Австріи относительно лучшую и болѣе вѣрную опору своей народности, чѣмъ бы нашли въ Германіи. Такой «австріацизмъ» поляковъ и чеховъ, харватовъ и словенцевъ (что еще далеко не «австрійскій панславизмъ») въ данный моментъ и при настоящей политической констелаціи въ Европѣ вполнѣ понятенъ. Изъ такихъ болѣе благоразумныхъ отношеній Габсбурговъ къ ихъ славянамъ, изъ того, что нѣкоторые австрійскіе эрцгерцоги посѣщаютъ чешскій театръ и поклоняются памяти Мицкевича, что наслѣдникъ Рудольфъ говоритъ по-чешски и понимаетъ по-польски и по-хорватско-сербски, не слѣдуетъ еще, что Габсбурги внезапно заразились «славянофильствомъ»; до этого еще очень далеко, да опять-таки это не будетъ «славянофильство» вообще, а «наклонность» къ извѣстнымъ славянамъ. Вообще нынѣшняя Австрія, какая она

ая есть, не та старая Австрія сорокъ и двадцать лѣтъ тому назадъ; Австрія во многомъ измѣнилась, а за это время измѣнился также взглядъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ на Австрію, преимущественно вслѣдствіе образованія сильной Германіи и печальнаго для южнаго славянства исхода берлинскаго конгресса. Австрія, дѣйствительно, долго тѣснила своихъ славянъ, особенно чеховъ; но реальные политики чешскаго народа не могутъ же постоянно предаваться угрюмымъ мыслямъ о бѣлогорской битвѣ, о казненныхъ чехахъ и о страшныхъ послѣдствіяхъ этой катастрофы; вѣдь, и мадьяры не говорятъ уже постоянно о казняхъ Арадскихъ, хорваты о казненныхъ Франкапатѣ и Зринскомъ, поляки о галиційской рѣзнѣ 1846 г. Народы вообще забываютъ и прощаютъ нанесенное имъ зло, какъ только ихъ политическій бытъ устраивается болѣе сноснымъ образомъ. Чехи изъ своей исторіи любятъ именно XV вѣкъ, гусситскій, дорожатъ и гордятся этой великой эпохой, которую описалъ Палацкій лучше всѣхъ другихъ періодовъ чешской исторіи, но вовсе не желаютъ повторенія гусситскаго движенія, не желаютъ и новаго изданія 1618—1620 гг.; они помнятъ, что и въ XV, и въ XVII вѣкѣ славянскій востокъ (тогда Польша) ихъ бросилъ, и опасаются, какъ бы это не повторилось и нынѣ. Всѣ эти историческія воспоминанія хороши въ книгахъ, въ поэзіи, и каждый чешскій патріотъ съ волненіемъ прочтетъ и услышитъ на своей сценѣ прочувствованныя слова Шиллера о страшномъ положеніи дѣлъ въ Чехіи послѣ бѣлогорской битвы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поблагодаритъ судьбу за то, что все это измѣнилось. И реальный политикъ чешскій прочтетъ съ волненіемъ эти стихи, но они не могутъ имѣть вліянія на его политическую дѣятельность, которая обусловливается не историческими воспоминаніями, а дѣйствительностью, настоящими потребностями народа, и тѣмъ, чего въ данный моментъ можно достигнуть.

Для чеховъ Австрія въ настоящее время составляетъ больше, чѣмъ когда-либо, *необходимость*, и они вовсе не желаютъ ея «расклубленія», что, впрочемъ, является теперь дѣломъ не столь легкимъ, какъ иногда кажется. Чехи знаютъ, что въ такомъ случаѣ чешскія земли перешли бы подъ скипетръ Гогенцолерновъ, которымъ уже въ 1757 и 1866 гг. очень хотѣлось завладѣть сѣверной Чехіей до Эльбы (Elbe-Linie); въ первый разъ цѣлость чешскаго королевства спасена побѣдой австрійскаго генерала Дауна подъ Колиномъ, а во второй разъ вмѣшательствомъ Франціи. Извѣстно, что творится теперь посреди нѣмцевъ въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, да и въ другихъ странахъ Австріи. Повсюду тамъ проводится самая рѣшительная пруссацкая пропаганда, требуется отдѣленіе нѣмецкой части Чехіи отъ чешской и вообще дѣлается все въ смыслѣ «das Vaterland (т.-е. Германія) muss grösser sein». Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмцы въ Австріи, особенно въ Чехіи и Моравіи, проповѣдуютъ самую свирѣпую племенную войну противъ чеховъ, нападаютъ на нихъ словомъ и дѣломъ, устраиваютъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ школы съ цѣлью онѣмечивать чешскихъ дѣтей, вымещая на чехахъ все свое остервенѣніе за то, что уже не могутъ вести себя такъ, какъ въ блаженныя

времена Меттерниха, Баха, Шмерлинга и Ауэрсперга, т.-е. уже не могутъ стоять на шеѣ всѣхъ тѣхъ «склавовъ» и говорить: l' état c'est moi! Разумѣется, что чехи защищаются отъ такихъ нападеній своихъ вѣковыхъ враговъ; эта ихъ тяжелая, мужественная борьба, ихъ оборонительная война должна бы была вызывать въ славянскомъ мірѣ, особенно между русскими, бо́льшій интересъ, больше симпатій, чѣмъ оказывается на дѣлѣ. Не за чѣмъ подтрунивать надъ «великой идеей чешской» и защищать «самые справедливые національные интересы Германіи», которые заключаются въ томъ, чтобъ единая Германія разлилась повсюду между Рейномъ, Вислой и Нѣманомъ, между морями Балтійскимъ и Адріатическимъ, и чтобъ всѣ западные и южные славяне включены были въ эту нѣмецкую племенную систему, какъ «драбанты». «Чешская идея» (прозвище «великая» здѣсь излишне, такъ какъ самъ чешскій народъ не «великій») означаетъ посильную защиту уже не однихъ чешскихъ интересовъ, а до извѣстной степени также и интересовъ славянства (если можно такъ выразиться) въ средней Европѣ, гдѣ уже погибло ужасающее множество славянъ и гдѣ до сихъ поръ погибаетъ ихъ много, все во имя тѣхъ же «самыхъ справедливыхъ національныхъ интересовъ Германіи», разумѣется, какъ ихъ опредѣляютъ даровитѣйшіе общественные и государственные дѣятели Германіи, начиная съ маркграфа Герона и кончая желѣзнымъ канцлеромъ.

Чехи не находятъ въ такихъ нѣмецкихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ ничего удивительнаго, отлично зная отношеніе нѣмцевъ къ славянамъ вообще и къ чехамъ въ особенности, чтобъ защищаться отъ слишкомъ имъ извѣстныхъ «самыхъ справедливыхъ національныхъ интересовъ Германіи»; они, какъ народъ малочисленный, ищутъ союзниковъ; они не хотятъ еще отказаться отъ надежды, что славянскій востокъ не всегда будетъ сочувствовать національнымъ интересамъ Германіи, а что онъ замолвитъ когда-нибудь словечко въ пользу чеховъ, причемъ хорошо видятъ, что это становится съ каждымъ годомъ труднѣе. Но все это въ далекомъ будущемъ, а, между тѣмъ, эти интересы Германіи, послѣ разгрома Франціи, заявляютъ свои притязанія все болѣе шумнымъ, безцеремоннымъ и осязательнымъ образомъ. Эти интересы Германіи угрожаютъ до извѣстной степени самой Австріи и вотъ главная причина чешскаго «австріацизма». Чешскій австріацизмъ означаетъ вовсе не безпредѣльную любовь чеховъ къ державѣ и къ династіи Габсбурговъ, а просто политическое благоразуміе, истекающее изъ чувствъ самосохраненія противъ извѣстныхъ имъ національныхъ интересовъ Германіи, т.-е., по просту, противъ «ненасытной пасти нѣмцевъ», какъ это удачно назвалъ чешскій король Премыслъ Отакаръ II. Самые рьяные панслависты изъ чеховъ, которые такъ любили Россію и возлагали на нее свои надежды, не могли дѣйствовать иначе, какъ въ данную минуту быть хорошими австрійцами. Общеизвѣстны слова Іосифа Юнгманна, пламенно любившаго Россію и не очень-то долюбливавшаго Австрію: «Да молимся Богу ежедневно, чтобъ австрійское правленіе продолжалось вѣчно;

ибо если бы мы лишились сегодня австрійскаго правленія, то завтра насъ захватитъ пруссакъ, который такъ и протягиваетъ на насъ свои когти». Эти замѣчательныя слова были высказаны задолго до 1848 года, во время царствованія Императора Николая Павловича, на котораго славяне возлагали столько надеждъ, радуясь тому, что всѣ нѣмцы (и тогда еще не очень сильные пруссаки) подчиняются его требованіямъ. Да и выраженіе «австрійскій панславизмъ» употребилъ извѣстный чешскій публицистъ Гавличекъ, тоже любившій Россію. Въ 1848 г. австрійскіе славяне, тѣснимые нѣмцами и мадьярами, высказались торжественно въ пользу единой Австріи и дѣйствовали въ такомъ смыслѣ; извѣстны слова Палацкаго: «Еслибъ не было Австріи, то надо было бы ее создать». Это вовсе не несчастный «афоризмъ», а политическая необходимость, проистекающая изъ безвыходнаго положенія западныхъ славянъ. Въ такомъ смыслѣ будутъ говорить и дѣйствовать нѣкоторые славянскіе народы Австріи до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся, что съ паденіемъ и «расклубленіемъ» державы Габсбурговъ они не очутятся въ рукахъ Гогенцолерновъ. Очень можетъ быть, что чехи и другіе австрійскіе славяне опять ошибутся въ своей Австріи, какъ они ошиблись въ ней въ 1848—1850 гг., но, тѣмъ не менѣе они будутъ ее всегда поддерживать, во-первыхъ, потому, что они не намѣрены добровольно отдать себя въ жертву нѣмецкому Ваалу, и, во-вторыхъ, потому, что они не убѣждены, что въ близкомъ будущемъ воплотится слово «славянская федерація подъ предводительствомъ Россіи». Все это можетъ быть или казаться печальнымъ, но, тѣмъ не менѣе, это существующій *фактъ*, который обусловливается политическою необходимостью и котораго нельзя сдвинуть съ мѣста однѣми только фантазіями о блестящемъ будто бы *будущемъ* «славянскаго» міра. Объ этомъ будущемъ, впрочемъ, покрытомъ порядочнымъ мракомъ неизвѣстности, можно мечтать, сколько угодно, даже писать стихи по примѣру Колара, но реальной политики на основаніи такихъ сомнительныхъ предположеній о далекомъ будущемъ вести нельзя. Поэтому и чешскіе политики, не переставая увлекаться поэзіей Колара а, пожалуй, и думать о возможной когда-нибудь славянской федераціи, дѣйствуютъ теперь въ пользу своего народа на реальной почвѣ Австріи, которая, съ своей стороны, тоже перестала смотрѣть на нихъ свирѣпыми глазами Меттерниха и Седльницкаго, Баха и Кемпена, Ауэрсперга и Гербста.

Чехи, дѣйствуя въ австрійскомъ парламентѣ, должны искать союзниковъ. Самые подходящіе союзники чеховъ, это—поляки, не только какъ славяне, но также какъ автономисты, противники нѣмецкой централизаціи и гегемоніи, и какъ сильная партія. Другіе славянскіе депутаты (словенцы, далматинцы, русины) немногочисленны и, не составляя самостоятельныхъ парламентскихъ партій, не могутъ быть такими вожделѣнными союзниками. Съ венгерскими славянами чехи уже не могутъ встрѣтиться въ парламентской жизни. Вотъ и происхожденіе, и причина чешско-польскаго союза въ Австріи, который вполнѣ естественъ, несмотря на то, что между чехами

и поляками могутъ быть разногласія и относительно нѣкоторыхъ внѣшнихъ вопросовъ, напр., отношеній Австріи и Россіи и отношеній,—впрочемъ, чисто теоретическихъ,—австрійскихъ славянъ къ Россіи. Съ огромнымъ большинствомъ нѣмецкихъ депутатовъ австрійскаго парламента чехи, конечно, сойтись не могутъ и не сойдутся. Было бы крупнымъ заблужденіемъ считать нѣмецкихъ депутатовъ «либералами», какъ они себя называютъ; въ сущности, они вовсе не либеральная партія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а представители грубой (не духовной) гегемоніи нѣмцевъ въ Австріи, что составляетъ ихъ политическую цѣль. Только съ нѣмецкими «феодалами» (т.-е. шляхтой) и «клерикалами» (т.-е. съ католическимъ духовенствомъ и его приверженцами) чехи сходятся, такъ какъ эти нѣмцы не раздѣляютъ пруссацкихъ стремленій своихъ товарищей «либераловъ», преданы Габсбургамъ и Австріи и поэтому относятся къ остальнымъ ненѣмецкимъ народностямъ не съ высоты своего нѣмецкаго величія, а болѣе съ точки зрѣнія австрійской. По той же самой причинѣ чешскіе депутаты, пожалуй и радикально-демократическаго направленія, сходятся и въ сеймахъ чешскомъ и моравскомъ со многими «феодалами» и «клерикалами». Такимъ образомъ, нѣмецкіе «феодалы» — князья, графы, бароны, Лихтенштейнъ, Гогенвартъ, Фалькенгайнъ, Виндишгрецъ и др., нѣмецкіе «клерикалы»,—епископы, аббаты, Фюрстенбергъ, Бауръ, Грейтеръ, Пфлюгль и др. могутъ быть союзниками чешскихъ «націоналовъ», а нѣмецкіе «либералы» (націоналы) Гербстъ, Пленеръ, Зюсъ, Русъ, Шёпереръ и др. союзниками чеховъ быть не могутъ. Что касается своихъ, чешско-моравскихъ «феодаловъ» (аристократовъ) и «клерикаловъ» (католическаго духовенства), то было бы очень странно, еслибъ, наприм., чешскіе аристократы, князья Лобковицы, Коуницы, Шварценберги, графы Кламъ-Мартиницы, Гаррахи, Туны, Чернины, Коловраты, Кинскіе и др., чешскіе епископы и другіе священники не были союзниками чешскихъ «демократовъ», Ригера, Иречка, Цейттаммера, Грегра, Шрома, Фандрлика и др. сыновъ мельниковъ, слесарей, лѣсничихъ и пр.; этимъ послѣднимъ нѣтъ дѣла до вѣроисповѣдыванія и сословныхъ интересовъ первыхъ, лишь бы они, какъ истинные чешскіе патріоты, вмѣстѣ съ ними заботились о матеріальномъ и духовномъ благѣ чешскаго народа. Воображаемъ, какъ посмотрѣлъ бы, Ригеръ или даже Грегръ на того, кто сомнѣвался бы въ чешскомъ патріотизмѣ князей Лобковица или Шварценберга, графовъ Клама-Мартиница или Гарраха только на томъ основаніи, что эти чешскіе паны — аристократы или вѣрные католики. Навѣрное, и др. Эдуардъ Грегръ, чистѣйшій демократъ, не считаетъ «чешскій патріотизмъ» исключительной принадлежностью, какой-то привилегіей чешскихъ «демократовъ» и «гуситовъ» (употребляя это слово въ смыслѣ XIX вѣка). Конечно, князь Лобковицъ или графъ Гаррахъ увлекаются не Гусомъ и Жижкой, а Альшемъ Штернбергскимъ и даже Юріемъ Подѣбрадскимъ, почитаютъ, вмѣстѣ съ кардиналомъ Шварценбергомъ и пробощемъ Штульцемъ, папу, молятся въ католической

церкви, между тѣмъ какъ Грегръ почитаетъ Гуса, Жижку, Прокопія, а не папу. Но что же изъ этого? Всѣ они чешскіе патріоты, трудящіеся каждый по своему въ пользу своего народа. Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что аристократія въ Чехіи и Моравіи богатое и вліятельное сословіе; еслибъ она держалась въ сторонѣ отъ чешскаго движенія, то такое отсутствіе столь важнаго политическаго и общественнаго фактора отразилось бы нехорошо на самомъ движеніи; но пострадала бы также и сама аристократія, будучи генералами безъ войска. Аристократія въ Чехіи и Моравіи, конечно, не вся чешскаго, славянскаго происхожденія, а значительная часть ея прибыла сюда съ побѣдителями бѣлогорскими изъ разныхъ странъ Европы, равнымъ образомъ какъ не всѣ русскіе князья—Рюриковичи. Но потомки многихъ этихъ чужихъ родовъ давно уже примкнули къ чешскимъ интересамъ, сдѣлались настоящей чешской шляхтой, какъ, напр., князья Шварценберги (изъ Швабіи), графы Белькреди (изъ Италіи), Сильва-Тарука (изъ Португаліи) сдѣлались такой же чешско-моравской шляхтой, какъ Лобковицы, Гаррахи, Чернины. «Славянствомъ» чешская аристократія, конечно, не очень интересуется; но, все-таки, въ ея рядахъ есть уже нѣсколько лицъ, которыя начинаютъ обращать вниманіе и на славянскій міръ; назовемъ графа Яна Гарраха (знаетъ и русскій языкъ) и графа Зденка Коловрата (чешскаго писателя). Можно надѣяться, что такихъ лицъ современемъ будетъ и больше; вѣдь, бывали же между чешскими панами, хотя и онѣмеченными, даже панслависты и Вилемъ изъ Розенберга едва не сдѣлался польскимъ королемъ. Чешскіе и моравскіе аристократы сходятся въ австрійской верхней и нижней палатѣ съ аристократами польскими, а на другихъ мѣстахъ и съ хорватскими, и, такъ какъ національное движеніе проникаетъ всѣ слои общества, то и такія личныя сношенія австрійско-славянской аристократіи поведутъ, вѣроятно, къ болѣе тѣсному сближенію, по примѣру австрійско-славянской демократіи. Австрійско-чешскіе «феодалы» и «клерикалы» не внушаютъ ни одному благоразумному чеху никакой непріязни къ себѣ; они, будучи людьми съ хорошимъ воспитаніемъ, видали много странъ и народовъ, знаютъ, хотя и говорятъ по-нѣмецки, что просвѣщеніе и наука не составляютъ еще исключительной привилегіи нѣмцевъ; они относятся къ національнымъ стремленіямъ чеховъ если не всегда дружелюбно, то, по крайней мѣрѣ, не съ той надменною грубостью, которою отличаются нѣмецкіе «либералы-националы»; эти послѣдніе показываютъ свой «либерализмъ» только на словахъ, но не на дѣлѣ, и возбуждаютъ заслуженную къ себѣ нелюбовь. Наконецъ, католическое духовенство у чеховъ, хорватовъ и словенцевъ проникнуто патріотическимъ чувствомъ и дало много писателей панславистовъ. Кому неизвѣстны Крижаничъ, который такъ пламенно любилъ Русь и ожидалъ отъ нея спасенія для всѣхъ славянъ, Добровскій, Пухмаеръ, Марекъ и др.?

Нѣкоторые русскіе недовольны тѣмъ, что чехи, именно старо-чехи, заключили союзъ съ «ультрамонтанами» и, въ то же время, защищаютъ цѣ-

лость чешскаго королевства, не желая, по очень понятнымъ причинамъ, добровольно отказаться отъ онѣмеченной сѣверной Чехіи и предоставить «Elbe-Linie» пруссакамъ. Тутъ уже никоимъ образомъ нельзя согласить мнѣніе нѣкоторыхъ русскихъ кабинетныхъ ученыхъ и образъ дѣйствій чешскихъ политиковъ, стоящихъ на реальной почвѣ фактическаго положенія и которые знаютъ лучше, какъ надо дѣйствовать на пользу своего народа. Мы увѣрены, что тѣ же самые русскіе писатели, поставленные въ необходимость дѣйствовать въ интересахъ чешскаго народа, скоро бы убѣдились въ правильномъ способѣ дѣйствій чешскихъ политиковъ.

Союзъ чеховъ съ клерикалами и ультрамонтанами ведетъ къ *вопросу о вѣроисповѣданіи*, который уже со временъ св. Кирила и Меѳодія не перестаетъ волновать и ссорить весь славянскій міръ; да и сами Кириллъ и Меѳодій, личности всѣмъ славянамъ въ высшей степени симпатичныя, не избѣжали этихъ злополучныхъ споровъ. Вопросъ о вѣроисповѣданіи чуть не погубилъ чеховъ, поссорилъ окончательно поляковъ и русскихъ и ссоритъ постоянно хорватовъ и сербовъ. Эта церковная борьба славянскихъ народовъ представляетъ крайне печальную картину и наполняетъ душу каждаго «славянскаго» патріота серьезными опасеніями насчетъ будущности всего племени. Она разрыла весь славянскій востокъ, составляя искони важную причину вражды поляковъ съ русскими, терзая на славянскомъ югѣ сыновъ одного народа и не принося никому никакой пользы: останутся же и впредь славянскіе «власи (православные), сиромаси и шокци (католики) убощи» тамъ, гдѣ «србин коси — шваба (нѣмецъ) носи», «србин бере — шваба ждере (жретъ)». Но, къ сожалѣнію, къ этому зрѣлищу въ славянскомъ мірѣ надо уже привыкнуть и сдать его въ архивъ воспоминаній о религіозно-фанатическихъ вѣкахъ XVI — XVII. Пора понять, что религіозная борьба въ славянскомъ мірѣ все продолжаетъ способствовать ослабленію его.

Въ виду этого печальнаго явленія безконечной церковной борьбы славянъ, настаетъ для интеллигенціи всѣхъ славянскихъ народовъ,—если она вообще признаетъ извѣстную солидарность «славянскихъ» интересовъ,— настоятельная необходимость и обязанность способствовать установленію сноснаго modus vivendi между разными церковными обществами у славянъ, не обращая вѣроисповѣданій въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей. Что касается чешской интеллигенціи, то мы можемъ засвидѣтельствовать, что она рѣшительно отклоняетъ отъ себя всякое участіе въ спорахъ религіозныхъ, а тѣмъ самымъ и всякую отвѣтственность въ усиленіи славянской розни во имя вѣроисповѣдныхъ вопросовъ и въ тяжкихъ послѣдствіяхъ такой розни.

Ни одинъ славянскій народъ не пострадалъ по поводу религіозныхъ вопросовъ столько, сколько чехи. Двѣсти лѣтъ они только и дѣлали, что думали и спорили о папѣ и антихристѣ, пока, наконецъ, іезуиты и драгуны не вогнали ихъ опять въ лоно единоспасительной римской церкви.

Все это вполнѣ согласно съ духомъ XV—XVII вѣковъ, но не съ духомъ конца XIX вѣка, когда христіане могутъ болѣе понять и усвоить себѣ великую идею христіанства о любви къ ближнимъ. Чехи съ самаго начала гуситскаго движенія до его печальнаго окончанія на Бѣлой горѣ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія всегда были раздѣлены на партіи; сначала были католики, утраквисты (чашники), сироты, таборы, пантеисты, потомъ католики, утраквисты, лютеране, чешскіе братья. Эта вѣроисповѣдная рознь въ маломъ народѣ заставила его уже рано думать о сносномъ modus vivendi разныхъ церковныхъ обществъ и знаменитые таборы дали первый примѣръ вѣротерпимости. Какое отрадное впечатлѣніе производятъ постановленія таборовъ 1426 г., или постановленія чеховъ-католиковъ и утраквистовъ, собравшихся на сеймѣ Кутногорскомъ 1485 года, особенно если сопоставить такія гуманныя мысли тогдашнихъ чеховъ съ общимъ крикомъ ихъ противниковъ: «убивайте, жгите еретиковъ!» Эта вѣротерпимость осталась въ чешскомъ характерѣ и въ послѣдующихъ вѣкахъ, несмотря на всѣ усиліи іезуитовъ, доказывавшихъ привилегію одного Рима въ дѣлѣ спасенія душъ. Нынѣшніе же чехи, интеллигенція, зная, что вопросъ о вѣроисповѣданіи чуть не принесъ имъ гибели, не хотятъ и слышать о возобновленіи религіозныхъ споровъ, и предоставляютъ себѣ по своему избирать путь спасенія. Они, стало быть, считаютъ дѣло вѣры дѣломъ совѣсти каждаго частнаго лица, а не дѣломъ всего народа; каждый изъ нихъ предоставляетъ себѣ примкнуть по своему усмотрѣнію къ той или другой Христовой церкви, для которой не должно и не можетъ существовать различенія людей по ихъ національностямъ. Общую характеристическую черту чешской интеллигенціи составляетъ, какъ замѣтили, навѣрное, и русскіе, конфессіональный индифферентизмъ *),—черту, вполнѣ понятно послѣ всего того, что творилось въ чешскихъ земляхъ во имя религіи. Поэтому религіозная пропаганда не находитъ благодарной почвы среди чешскаго народа. Встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя принимаютъ католицизмъ, протестантизмъ,

*) Конфессіональный, т.-е. вѣроисповѣдной индифферентизмъ? Врядъ ли справедливо такъ выразиться. Мы увѣрены, что нѣтъ. Индифферентизмъ къ вѣроисповѣданію и терпимость суть понятія существенно различныя и мы убѣждены, что чехъ вѣротерпимъ, но не индифферентенъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія; мы полагаемъ, что если чехъ остается индифферентенъ къ той пропагандѣ, которая сопровождается разными ухищреніями ради корыстныхъ цѣлей, то увѣрены, что вѣроисповѣдное слово, одушевленное истиннымъ духомъ ученія Христа, найдетъ всегда въ Чехіи плодоносную почву; потому что жива душа чешскаго народа и не изсякъ родникъ, бившей ключемъ въ его духѣ во времена гуситскаго движенія. То, что вопросъ національный соединяетъ въ одно чеховъ, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежалъ каждый изъ нихъ, даже включая сюда и «незнабоговъ», нисколько не говоритъ противъ сказаннаго нами; ибо страстная, фанатическая преданность какой-нибудь идеѣ не исключаетъ живой христіанской вѣры, которая никогда не фанатична, слѣд., не соединена съ ненавистью или чувствомъ вражды къ человѣку иного вѣроисповѣданія или къ несчастному въ ея глазахъ, лишенному вѣры.

Ред.

православіе, «безконфессіональность» (это возможно въ нынѣшней Австріи); но все это не имѣетъ ничего общаго съ національнымъ чешскимъ движеніемъ, въ которомъ участвуютъ рьяные католики (напр., духовенство) вмѣстѣ съ протестантами, православными и евреями: всѣхъ ихъ соединяетъ національное дѣло. Возникшее по поводу непогрѣшимости папы волненіе въ католическомъ мірѣ не отразилось на чешскомъ народѣ; не явились ни старо-католики, не усилилась ни протестантская, ни православная пропаганда. Вѣрующіе католики повѣрили и новому догмату, а для некатоликовъ непогрѣшимость римскаго папы не имѣетъ никакого значенія.

Что касается отношенія чеховъ къ православному вѣроисповѣданію, то они къ нему относятся вполнѣ дружелюбно, тѣмъ болѣе, что это вѣроисповѣданіе большей части русскихъ, сербовъ и болгаръ. Кому же неизвѣстно отношеніе благороднаго и просвѣщеннаго Іеронима Пражскаго къ православной русской вѣрѣ, провозглашавшаго въ Витебскѣ и въ Псковѣ, что православіе истинная вѣра? Кому неизвѣстно, что чешскіе утраквисты, отталкиваемые Римомъ, искали связи съ Царьградомъ и утверждали, что ихъ церковь связана съ началомъ христіанства въ Чехіи и въ Моравіи при Кириллѣ и Меѳодіи? Православная церковь въ Прагѣ посѣщается и благочестивыми людьми изъ простаго народа, которые, подобно Іерониму, и здѣсь набожно крестятся, хотя никто и не принимаетъ самаго православія. Это отношеніе чеховъ-католиковъ къ православію бьетъ еще больше въ глаза, если сравнить безсмысленное отношеніе поляковъ-католиковъ къ «схизмѣ», особенно русской. Но отъ этого вполнѣ дружелюбнаго отношенія чеховъ къ православію далеко до ихъ присоединенія къ этому вѣроисповѣданію. Всегда будутъ между чехами отдѣльныя лица, которыя полюбятъ и православіе и примкнутъ къ нему; такъ сдѣлалъ, наприм., Карлъ Сладковскій. Но, съ другой стороны, всегда будутъ и такіе чехи, которые, почитая и православіе, останутся католиками; такъ, наприм. чехи, поселенные въ Волынской губерніи, относятся вполнѣ дружелюбно къ русской народности и къ русской вѣрѣ, но не принимаютъ православія, а остаются католиками или примыкаютъ къ протестантизму, именно къ ученію единства чешскихъ братьевъ. Есть и всегда будутъ чехи, которые искренно вѣруютъ въ единоспасительную римско-католическую церковь и считаютъ римскаго папу истиннымъ намѣстникомъ Христовымъ.

Въ виду воззрѣній чеховъ на вопросы религіозные, мы не раздѣляемъ надеждъ, лелѣянныхъ еще нѣкоторыми старыми московскими славянофилами и питаемыхъ тоже нѣкоторыми ихъ преемниками, что чехи, какъ *народъ*, примутъ православіе. Эта мысль нѣкоторыхъ русскихъ проистекаетъ несомнѣнно изъ самаго чистаго источника и желанія помочь растерзанному славянству. Но мы, зная хорошо взгляды и стремленія чешской интеллигенціи *), не вѣримъ въ ея осуществленіе; мы не согласны съ мнѣніемъ проф.

*) Но современная интеллигенція чешская не составляетъ всего чешскаго народа. Будучи вождемъ послѣдняго въ борьбѣ за національность, она чрезъ это только еще не вождь его въ дѣлѣ вѣры. *Ред.*

Ламанскаго, что «возникнетъ современемъ у разныхъ славянъ-католиковъ искреннее и живое желаніе покинуть латинскій и возвратиться къ славянскому обряду, и затѣмъ, Богъ дастъ, возродится и созрѣетъ въ нихъ энергическое стремленіе къ возстановленію, какъ нѣкогда мечталъ великій чехъ, аббатъ Добровскій, церкви до гильдебрандовской». Считаемъ своимъ долгомъ заявить здѣсь объ этомъ, чтобъ избавить нѣкоторыхъ русскихъ отъ «разочарованія», и прибавимъ еще, что, если чехъ начинаетъ сомнѣваться въ единоспасительности римской церкви, то онъ переходитъ къ гуситскимъ преданіямъ, а тѣ его ведутъ къ протестантизму *), въ которомъ таборы и братья играютъ очень важную роль. Профессоръ Ламанскій придумалъ тоже особый терминъ «греко-славянскій міръ» какъ бы въ противуположность «латино-германскому міру»; къ первому принадлежать-де православные русскіе, болгары, сербы, греки, румыны и даже албанцы, а также и мадьяры, къ другому католическіе и протестантскіе народы романскаго и германскаго племени и «онѣмеченные» и «олатиненные» славянскіе народы **). Такая классификація народа на основаніи вѣроисповѣданія въ концѣ XIX вѣка, при рѣшительномъ господствѣ *идеи народности*, кажется намъ неудачной, особенно, когда подумаемъ, что, съ одной стороны, православные греки и румыны терпѣть не могутъ православныхъ славянъ, что отношеніе православныхъ грековъ и болгаръ напоминаетъ отношеніе католическихъ нѣмцевъ и славянъ, а, съ другой стороны, что «схизматическіе» русскіе и другіе славяне пользуются живѣйшими симпатіями среди славянъ «папистовъ» и «еретиковъ», что православные румыны, замѣнивши кириллицу латиницей, симпатизируютъ католическимъ итальянцамъ и францу-

*) Прибавить къ этому слѣдуетъ: при полномъ невѣдѣніи духа и догматическаго нравственнаго начала, лежащихъ въ основаніи восточной православной церкви.

Ред.

**) Во-первыхъ, не г. Ламанскій изобрѣлъ термины „греко-славянскій міръ“ и „латино-германскій міръ“ для обозначенія двухъ великихъ группъ, на которыя можно раздѣлить христіанскіе народы по вѣроисповѣднымъ и племеннымъ началамъ, легшимъ въ основанія ихъ современной цивилизаціи, а употреблялись эти термины и ранѣе его. Во-вторыхъ, г. Ламанскій, раздѣляя народы на двѣ сказанныя группы, конечно, не разумѣлъ, что народы, зачисляемые имъ въ одну и ту же изъ этихъ группъ, непремѣнно были во всю ихъ историческую жизнь солидарны между собою во всѣхъ своихъ интересахъ политическихъ, національныхъ, экономическихъ и другихъ, чтобы не вступали они въ рознь и борьбу при всевозможныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. И, въ-третьихъ, кто же и когда, основательно разсуждая и внимательно всматриваясь въ теченіе исторической жизни какого-нибудь народа и его цивилизаціи, отрицалъ или могъ отрицать властное, независимое отъ воли человѣка вліяніе вѣроисповѣднаго народнаго начала на народное сознаніе, на всѣ явленія народной жизни и на развитіе ея? Кто можетъ, вдумавшись какъ слѣдуетъ, отрицать это вліяніе на жизнь народа, начиная отъ той поры ея, когда народное сознаніе, еще нерасчлененное, всецѣло охвачено вѣроисповѣднымъ началомъ, до той включительно, когда это вліяніе, ослабѣвъ въ интензивности и объемѣ, дѣйствуетъ незамѣтно для нихъ самихъ въ сознаніи тѣхъ, кто, повидимому, вышелъ изъ подчиненія этому началу.

Ред.

замъ, куда тяготѣютъ и греки. Во всякомъ случаѣ «славизмъ» въ нынѣшней Европѣ сильнѣе «православности». «Славизмъ» или «панславизмъ» настолько противенъ православнымъ грекамъ и румынамъ, насколько католикамъ и протестантамъ-нѣмцамъ; ни тѣ, ни другіе не разбираютъ, «греческій» ли тотъ славизмъ, или «латинскій»,—это для нихъ безразлично: они ненавидятъ «панславизмъ». Равнымъ образомъ нѣтъ относительно славянъ (какихъ бы то ни было вѣроисповѣданій) никакой «протестантской Германіи» и «католической Германіи», никакого «германизма протестантскаго» и «германизма католическаго», а есть только одинъ германизмъ. Дѣло здѣсь не въ вѣроисповѣданіи нѣмцевъ, а въ нѣмцахъ, какъ народѣ; протестантскіе Фридрихи, Бисмарки, Бонины, Путкаммеры—такіе же «друзья» славянъ (все равно протестантовъ, католиковъ, православныхъ), какими были католическіе Оттоны, Героны, Альбрехты Медвѣди, Генрихи Львы, Ульрихи Юнгингенъ и католическіе Габсбурги, Меттернихи, Бахи. Гербсты и Ауэрсперги.

«Славизмъ» и «германизмъ,—вотъ что составляетъ для «славянскаго» міра (православнаго, католическаго, протестантскаго) интересъ дня, чтобы тамъ ни говорилось. Разумѣется, что этотъ интересъ возрастаетъ по мѣрѣ болѣе близкихъ сношеній славянъ и нѣмцевъ и что онъ проявляется особенно живо между чехами. Чешскій народъ борется уже болѣе тысячелѣтія съ германизмомъ, выказавъ и выказывая въ этой своей борьбѣ съ великимъ народомъ такой героизмъ, которому удивляются самц его враги. Въ этой борьбѣ *нравственной* поддержкой служила чехамъ *славянская* идея, которую они представляли себѣ воплощенной въ великомъ царствѣ восточнославянскомъ, т.-е. Руси. Справедливы ли эти упованія, возлагаемыя на такую славянскую идею, имѣютъ ли они основаніе или нѣтъ, это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ это будущее представляется для славянъ очень и очень тяжелымъ. Нѣмцы, въ лицѣ обѣихъ имперій, Германіи и Австріи, стремятся, съ одной стороны, къ обладанію такъ или иначе областями Балтійскаго моря, Вислы, Нѣмана и Двины, а съ другой — областью Чернаго моря, къ Солуню и къ Царьграду, къ устьямъ Дуная, тамъ, гдѣ уже полтора тысячелѣтія тому назадъ господствовали готы, воевали съ тамошними славянами и повѣсили славянскаго князя Божа съ его сыновьями и боярами. Устья Эльбы, Одры, Вислы и Нѣмана принадлежатъ уже нѣмцамъ; по Дунаю также развѣвается нѣмецкій флагъ; дойдетъ ли онъ и до устьевъ этой великой «славянской» рѣки, на которую нѣмцы заявляютъ свои притязанія во имя своихъ національныхъ интересовъ? Вотъ о чемъ размышляютъ теперь часто чехи, посматривая въ своей тяжкой, непосильной борьбѣ на дальній славянскій востокъ. Они пламенно желаютъ, чтобъ эту борьбу славизма съ германизмомъ (протестантскимъ и католическимъ) переняло еще *во время* и продолжало единственное сильное славянское государство, Русь, «avec plus de foi, d'opiniâtreté, d'audace et plus longtemps que ne l'ont fait tous les Slaves occidentaux dans leurs luttes désespérées

contre l'Allemagne», какъ говоритъ проф. Ламанскій. Въ ожиданіи этой болѣе успѣшной матеріальной и духовной борьбы восточнаго славянства съ нѣмцами, чехи стоятъ, какъ его авангардъ, въ своемъ средне-европейскомъ славянскомъ бастіонѣ и пока выдерживаютъ еще напоръ нѣмцевъ, вспоминая слова своего короля Яна: «Того, Богъ да, не буде, абы краль ческый зъ боје утекалъ». Этотъ чешско-славянскій бастіонъ заваленъ уже кругомъ грудами погибшихъ и погибающихъ воиновъ; но его храбрые и стойкіе защитники, поджидая восточно-славянскихъ тріаріевъ, надѣются еще, что имъ удастся отстоять славянскіе Ѳермопилы, что ихъ не постигнетъ участь спартанцевъ Леонида и что, можетъ быть, не нужно будетъ воздвигать имъ памятника со львомъ и съ надписью: «Путникъ, возвести остальнымъ славянамъ, что мы лежимъ здѣсь, какъ повелѣвалъ намъ законъ!»

Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый университетскій уставъ.—Полемика по его поводу.—Что было 25 лѣтъ тому назадъ.—Новый уставъ духовныхъ академій.—Уставъ консисторій.—Положеніе сельскаго духовенства.—Правила о церковно-приходскихъ школахъ. — Отчетъ александровскаго училищнаго совѣта.—Грамотность въ Московской губерніи. — Предстоящій заемъ.— Указъ о непрерывно-доходныхъ рентахъ.—Поступленіе доходовъ.—Роль государственнаго банка въ выпускѣ и погашеніи кредитныхъ билетовъ. — Вопросъ о бумажно-денежномъ обращеніи. — Нижегородская ярмарка.—Хлѣбная торговля.—Вопросъ о покровительствѣ.—Ремесленная выставка въ Москвѣ.

Было время, когда научное знаніе считалось опаснымъ, когда думали, что можетъ быть знаніе излишнее, что большинству не надо знать слишкомъ много. Такъ, въ нашей исторіи еще недалеко то время, когда изъ самыхъ университетовъ изгоняли философію и изложеніе теоретической стороны права ограничивали скромными рамками «энциклопедіи законовѣдѣнія». Относительно женщинъ многіе еще очень недавно держались мнѣнія, что для нихъ знать слишкомъ много опасно и чуть ли не соглашались съ мольеровскимъ моралистомъ, который считалъ достаточнымъ для нихъ одно знаніе хозяйства. Католическое духовенство всегда признавало опаснымъ для мірянъ знаніе богословское. У насъ же, всего два съ небольшимъ вѣка тому назадъ, признавалось опаснымъ даже и изученіе астрономіи.

Когда протопопъ Лаврентій Зизаній представилъ патріарху ученое сочиненіе, которое хотѣлъ напечатать въ типографіи въ Москвѣ, то присланные отъ патріарха лица—игуменъ Илья и справщикъ типографіи Гришка предъявили Зизанію такія возраженія: «У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣряхъ, но эти статьи взяты изъ книги астрологіи, а та книга астрологія взята отъ волхвовъ эллинскихъ и отъ идолослужителей». Зизаній отвѣчалъ, что «написалъ онъ для знанія: пусть человѣкъ знаетъ, что все это — тварь Божья». Ему возражали: Да зачѣмъ писалъ для знанія? Развѣ это правда: говоришь, облака надувшись сходятся и ударяются, и

отъ того бываетъ громъ, и звѣзды называешь животными звѣрями, что на тверди небесной. Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ, а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ».—«Да какже это свѣтила движутся и обращаются?»—спрашивалъ Зизаній и ему отвѣчали: «Ангелы служатъ, тварь водя».

Многіе вѣка научное знаніе «излишнее» считалось вреднымъ, сперва только съ религіозной точки зрѣнія, а впослѣдствіи и съ политической. Время это окончательно миновало. Теперь, съ какой бы политической точки ни смотрѣли на школу, никто уже не видитъ опасности въ самой наукѣ и разнорѣчіе проявляется только въ опредѣленіи тѣхъ внѣшнихъ условій, какими школа должна быть обставлена для лучшаго, свободнаго и безмятежнаго исполненія своего призванія. Но призваніемъ ея всѣ уже признаютъ сообщеніе учащимся возможно бо̀льшаго запаса научныхъ свѣдѣній. Науку никто уже не думаетъ ограничивать, а для успѣха самаго преподаванія и изученія признается необходимымъ, чтобы они не были ограничиваемы въ отношеніи научномъ, какъ бы ни опредѣлялось положеніе школы въ отношеніи административномъ. Такъ, и въ вводимомъ, съ начала наступающаго учебнаго года, новомъ уставѣ русскихъ университетовъ, утвержденномъ 23 августа, положено въ основу начало «академической свободы», хотя онъ существенно видоизмѣняетъ прежнія условія университетскаго устройства.

Характеристической чертою новаго устава представляется устраненіе выборнаго начала въ смыслѣ рѣшающемъ. Ректоръ и деканы прямо назначаются административной властью; относительно профессоровъ, постановляется, что «при открывшейся ваканціи профессора, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее, по собственному усмотрѣнію, лицомъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ ст. 99 условіямъ, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе» (ст. 100). Но министерство можетъ и не утвердить избраннаго, предпочесть ему другаго кандидата, избраннаго совѣтомъ, или «замѣнить должность постороннимъ лицомъ, удовлетворяющимъ требованіямъ статьи 99» (ст. 103). Статья же 99 требуетъ отъ профессора степени доктора. Приватъ-доценты обязаны испрашивать на открытіе своихъ курсовъ согласіе факультета, но если такого согласія и не послѣдуетъ, дѣло, все-таки, рѣшается окончательно министромъ.

Такимъ образомъ, начало выборное является въ новомъ университетскомъ уставѣ лишь какъ вспомогательное, но не рѣшающее. Дальнѣйшія проявленія той же мысли представляются въ передачѣ выпускныхъ экзаменовъ въ руки экзаменаціонныхъ коммиссій, члены которыхъ назначаются министромъ ежегодно (ст. 75), и въ предоставленіи попечителю округа нѣсколько болѣе непосредственнаго наблюденія въ дѣлахъ университетскаго управленія.

Что бы ни говорили объ измѣненіяхъ, какимъ проектъ устава подвергся

при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ, главное, въ чемъ этотъ проектъ удалялся отъ устава 1863 года, а именно—устраненіе выборнаго начала отъ прежняго преобладанія въ внутренней жизни университетовъ, прошло вполнѣ въ состоявшемся законѣ.

Едва ли есть другой вопросъ, который былъ бы такъ разработанъ въ журнальной полемикѣ, какъ вопросъ объ измѣненіи университетскаго устава. *Московскія Вѣдомости* въ теченіе болѣе десяти лѣтъ изображали изъ себя Катона по отношенію къ Карѳагену 1863 года. Ему посвящено было множество спеціальныхъ статей, подписанныхъ и неподписанныхъ. Но, сверхъ того, *Московскія Вѣдомости*, говоря даже о совершенно иныхъ предметахъ, нерѣдко возвращались, какъ бы невольно, къ уставу 1863 г., повторяя свое delendam esse. Изъ петербургскихъ изданій наиболѣе постоянное и живое участіе въ полемикѣ по этому дѣлу принимали *Голосъ* и *Вѣстникъ Европы*, а въ послѣднее время *Новости*. Всѣ эти изданія въ свое время защищали прежній уставъ.

При этомъ главный пунктъ, на который устремлялось ратоборство съ обѣихъ сторонъ, и нападеніе, и защита, представлялся именно вопросомъ о бо́льшемъ или меньшемъ просторѣ для выборнаго начала, съ которымъ связывается и вопросъ о бо́льшей или меньшей самостоятельности университетовъ. Припоминая себѣ всю ту массу аргументовъ, какая перелетѣла черезъ это средоточіе боя и нынѣ покрываетъ все боевое поле, ставшее полемъ побѣды для противниковъ устава 1863 года, и, обсуждая это дѣло хладнокровно, въ связи со всѣми другими сторонами нашей общественной жизни, мы не можемъ не признать, что обѣими сторонами, участвовавшими въ полемикѣ, введено было въ вопросъ много преувеличеній, на которыя пора, наконецъ, указать.

Главной ошибкой обѣихъ сторонъ было то, что обѣ онѣ преувеличивали и степень дѣйствительнаго примѣненія, и политическое значеніе выборнаго начала въ русскихъ университетахъ или хотя бы полной самостоятельности преподающаго въ нихъ сословія. Объ этихъ преувеличеніяхъ сто́итъ напомнить какъ для того, чтобы трезво судить о томъ, что нынѣ сдѣлано, такъ и для того, чтобы умѣрить торжество одной стороны и сѣтованія другой.

Такъ, противники устава 1863 года въ печати впадали въ очевидное преувеличеніе, когда пытались усмотрѣть въ немъ чуть ли не причину самого нигилизма. Они разсуждали такъ, что молодежь совращается съ пути истины ищущими популярности профессорами, а профессоры эти образуютъ изъ себя клику, которая не допускаетъ въ преподавательское сословіе ученыхъ иного рода, популярности не ищущихъ. Популярность—по этому воззрѣнію—пріобрѣталась профессорами какъ соблазнительными поученіями, такъ и поблажкою учащимся на экзаменахъ. Стало быть, все на тотъ же взглядъ, необходимо было, именно и прежде всего съ цѣлью политическою, для пресѣченія распространенія вредныхъ идей, сломить въ уни-

верситетахъ клику «популярничающихъ» профессоровъ ограниченіемъ выборнаго начала и отдѣленіемъ экзаменаціонной власти отъ преподавательской должности.

Такой взглядъ включаетъ въ себѣ сцѣпленіе преувеличеній и недоразумѣній, которыя бросаются въ глаза. Противъ предоставленія профессорскимъ сословіямъ полной самостоятельности и въ пользу бо̀льшаго подчиненія университетовъ надзору центральной административной власти должны стоять на первомъ мѣстѣ аргументы, болѣе солидные, чѣмъ тѣ, которые только что приведены нами. Несомнѣнно, что во всякомъ сословномъ самоуправленіи бываютъ случаи злоупотребленій, являются иногда примѣры такъ называемой «камарадріи» или «консортеріи», и безъ какихъ-либо политическихъ цѣлей. Достаточно указать на легко угадываемый и потому не требующій указанія университетъ, въ которомъ, по общему отзыву, наиболѣе ярко выступала именно «клика» совмѣстителей. Но именно тамъ-то клика вовсе не составлялась изъ профессоровъ, ищущихъ популярности или уличаемыхъ въ превратныхъ ученіяхъ.

Затѣмъ, что касается распространенія анти-общественныхъ, анархическихъ ученій среди молодежи, несомнѣнно, что особая воспріимчивость ея къ нимъ зависитъ, между прочимъ, отъ недостатка семейно-нравственнаго воспитанія, отъ отсутствія нравственной солидарности въ нашей семьѣ и происходящей отсюда ея воспитательной немощи, отъ неустановленности даже въ интеллигентномъ нашемъ обществѣ того безспорнаго, наслѣдственнаго инстинкта, который, истекая изъ народнаго сознанія и преданій, только перерабатывался бы общеевропейскою культурой, но не стирался бы ею.

Не будемъ увлекаться въ сторону этого важнаго вопроса, который отвелъ бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета. Но напомнимъ, что разъ существуетъ въ умахъ воспріимчивость, готовое поле для противуобщественныхъ ученій, то ученія эти могутъ распространяться среди университетской молодежи и совершенно независимо отъ того, какіе въ университетахъ профессоры—ищущіе популярности или неищущіе ея, избранные или назначенные. Конечно, говорить можно что угодно и обвинять кого кому любо. Но серьезно разсуждать нельзя иначе, какъ на основаніи фактовъ. И вотъ факты, обнаруживаемые всею массою политическихъ процессовъ, показываютъ, что распространеніе анархистскихъ ученій происходитъ среди юношества посредствомъ заграничныхъ изданій и списковъ съ нихъ, а нѣтъ ни одного факта, который бы показывалъ, что совращеніе хотя бы одного юноши произошло отъ профессорскихъ лекцій или бесѣдъ. Кто когда-либо слыхалъ, чтобы у насъ профессоръ, будь онъ выборный и хоть самый падкій къ популярности, проповѣдывалъ бы нигилизмъ? Смѣшно даже и подумать объ этомъ. Да и къ чему искать такихъ невѣроятныхъ объясненій, когда самый образъ распространенія тѣхъ ученій виденъ ясно какъ на ладони? Понятно, что во всякомъ центрѣ, гдѣ будутъ собраны тысяча или двѣ тысячи молодыхъ людей, всякое ученіе, къ кото-

рому въ нихъ есть воспріимчивость, будетъ распространяться успѣшнѣе, чѣмъ если бы эти тысячи юношей были разбросаны по десяткамъ въ мелкихъ городахъ и селеніяхъ.

И такъ, та сторона въ полемикѣ, которая относила нигилизмъ къ профессорскимъ лекціямъ, разсуждала совершенно несогласно съ фактами. Никогда профессоры не читали и не внушали нигилизма, и если бы даже всѣ они современемъ назначались, а не избирались, то это, все-таки, не будетъ лѣкарствомъ противъ нигилизма. Воспріимчивость молодежи не зависитъ отъ преподавателей, каковы бы они ни были; не зависитъ отъ нихъ и то обстоятельство, что университеты являются сборными пунктами образовываннаго юношества со всей страны.

Наконецъ, что касается тѣхъ разсужденій въ нѣкоторой части печати, которыя выставляли государственный экзаменъ какъ средство противъ поблажки учащимся со стороны все тѣхъ же профессоровъ, ищущихъ популярности, то и эти разсужденія не имѣютъ ничего общаго съ фактами. Наоборотъ, замѣчательно, что какъ разъ наиболѣе популярные профессоры отличались всегда особенной строгостью на экзаменахъ, что—надо сказать къ чести юношества, этой наиболѣе искренней и безкорыстной части общества—никогда не вредило популярности, заслуженной знаніями и талантомъ.

Нѣтъ, повторяемъ, въ пользу измѣненій въ уставѣ 1863 года и даже ограниченія выборнаго начала и отдѣленія должности экзаменаторской отъ должности профессорской слѣдовало приводить доводы болѣе серьезные, болѣе педагогическіе, болѣе заимствованные изъ самаго быта нашихъ университетовъ, чѣмъ тѣ натяжки свойства политическаго, о которыхъ мы упомянули. Правда, газеты, ратовавшія за отмѣну прежняго устава, ссылались, между прочимъ, и на такіе болѣе спеціальные аргументы. Но, во-первыхъ, ими одними, доводами чисто-дѣловыми, и слѣдовало ограничиваться, не примѣшивая несостоятельныхъ натяжекъ и не ослабляя ими своей аргументаціи. А, во-вторыхъ, нельзя было не замѣтить, что наиболѣе близки къ сердцу этихъ публицистовъ были и наиболѣе важны имъ казались вовсе не профессіонально-педагогическіе виды, но именно тѣ политическія преоккупаціи, которыя не шли къ дѣлу и не могутъ привести къ цѣли. Не могутъ по той простой причинѣ, что никакой университетскій уставъ не можетъ дать средствъ къ излеченію того, что вовсе не зависитъ отъ университетскаго преподаванія и чему въ университетахъ можетъ содѣйствовать общеніе среди молодежи, но никакъ не профессорскій починъ, не такое или иное, но во всякомъ случаѣ явное, передъ всѣми открытое отправленіе преподавательской должности.

Противъ полной автономіи университетовъ (которая, впрочемъ, никогда у насъ и не существовала) можно ссылаться на чувствующееся въ настоящее время повсемѣстное стремленіе къ расширенію функцій государственной власти, къ усиленію ея контроля даже надъ дѣятельностью частныхъ экономическихъ обществъ. Легко указать и на подходящіе примѣры

въ другихъ государствахъ. Наконецъ, несомнѣнно и то, что ходъ ученія въ нашихъ университетахъ въ дѣйствительности оставлялъ желать еще многаго и что нѣкоторыя измѣненія, усовершенствованія университетскихъ порядковъ требовались съ цѣлями прямо педагогическими, а вовсе не посторонними—политическими.

И мы убѣждены, что министерство народнаго просвѣщенія, составляя проектъ закона, а государственный совѣтъ, обсуждая его и исправляя, руководствовались соображеніями, истекающими изъ самаго учебнаго дѣла, а вовс не тѣми видами, какіе навязывались этой реформѣ нѣкоторыми органами печати. *Московскія Вѣдомости*, напримѣръ, могутъ сколько имъ угодно выставлять измѣненіе устава 1863 года, какъ дѣло преимущественно политической важности, такъ какъ, по ихъ словамъ, уставъ 1863 года былъ дѣломъ «нѣкоей партіи въ правительствѣ, которая видѣла въ немъ свой палладіумъ», и такъ какъ тотъ же уставъ породилъ, будто бы, всякое зло, въ томъ числѣ и нигилизмъ. Но, вѣдь, извѣстно, что газета любитъ ставить вопросы болѣе грозно и торжественно, чѣмъ сообразно съ дѣйствительностью.

Преобразованіе университетскаго устава можно объяснять проще. Прежній уставъ дѣйствовалъ 21 годъ. Въ свое время онъ былъ успѣхомъ, но, конечно, не былъ безусловнымъ совершенствомъ. Мы не хотимъ сравнивать достоинствъ того и другаго устава, но должны признать, что устройство нашихъ университетовъ, все-таки, оставляло желать еще многаго, а, стало быть, былъ поводъ для новаго законодательнаго почина. Главные дѣйствительные недостатки въ нашемъ университетскомъ бытѣ, это, во-первыхъ, масса незанятыхъ каѳедръ, и, во-вторыхъ, слабость научной работы среди большинства учащихся, за исключеніемъ развѣ медицинскихъ факультетовъ.

Затѣмъ, вопросъ о томъ, какими путями вѣрнѣе можно достигнуть улучшеній—усиленіемъ ли государственнаго надзора, уменьшеніемъ самостоятельности университетскихъ сословій, или, наоборотъ, предоставленіемъ университетамъ еще бо̀льшей самостоятельности, а учащимся еще бо̀льшаго учебнаго простора—можетъ быть рѣшаемъ различно. Рѣшеніе его зависитъ отъ того, какое начало мы считаемъ вообще плодотворнѣе — начало ли государственнаго почина и контроля или начало самоуправленія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что усиленіе административнаго контроля, проведенное въ новомъ уставѣ университетовъ, соотвѣтствуетъ проведенію того же принципа и въ разныхъ другихъ законодательныхъ актахъ нашего времени.

При этомъ не можемъ не замѣтить въ органахъ печати, спорившихъ противъ усиленія этого начала въ уставѣ университетовъ, нѣкоторой нелогичности, когда они въ разныхъ другихъ сферахъ общественной частной дѣятельности всѣми силами призываютъ увеличеніе почина, вмѣшательства и надзора со стороны государства и даже прямо защищаютъ такъ назы-

ваемый «государственный соціализмъ», въ силу котораго государство призвано перерабатывать самыя основанія всего экономическаго быта народа.

Органы эти дѣлаютъ только четыре исключенія: возможно бо̀льшаго самоуправленія, полной самостоятельности, независимости отъ административнаго вмѣшательства они желаютъ только для университета, суда, земства и печати. Все же остальное, даже распредѣленіе орудій труда и разселеніе людей по странѣ, они хотятъ сдать на заботу правительства. Но жизнь государственная не идетъ такими зигзагами и принципы, въ примѣненіи своемъ, не знаютъ кумовства, хотя бы оно внушалось самыми либеральными цѣлями. Бываютъ эпохи, когда беретъ верхъ тотъ или другой принципъ, но естественно, что̀ то, что признается правдою въ одной области, не можетъ признаваться за неправду въ другой.

Мы должны еще прибавить здѣсь, что органы, спорившіе наиболѣе сильно и настойчиво противъ измѣненій въ уставѣ 1863 года, также впадали иногда и въ преувеличенія. Если приведенный отзывъ *Московскихъ Вѣдомостей*, будто уставъ этотъ служилъ «палладіумомъ» какой-то «партіи въ правительствѣ», представляетъ не болѣе, какъ одно изъ «красныхъ словецъ» газеты, то надо согласиться, что органы противуположнаго мнѣнія впадали въ явное преувеличеніе, видя въ самомъ дѣлѣ въ уставѣ 1863 года нѣчто вродѣ «палладіума» русскихъ университетовъ и даже всего русскаго просвѣщенія. Иностранецъ, который сталъ бы судить о положеніи дѣлъ по этой полемикѣ, могъ подумать, будто наши университеты доселѣ были на дѣлѣ вполнѣ самостоятельныя учрежденія, вродѣ англійскихъ, и что только теперь предполагается подвергнуть ихъ административному надзору. Но кому извѣстны общія условія нашей жизни, тотъ, читая страстную полемику между усердными хвалителями и завзятыми порицателями прежняго устава, не могъ не примѣнить къ нему расиновскаго стиха:

... qu'il n'avait mérité
Ni cet exces d'honneur, ni cette indignité!

Иными словами, ни дѣйствительной самостоятельности прежній уставъ университетамъ не обезпечивалъ, ни нигилизма онъ не создалъ и не распространялъ; все это преувеличенія.

Мы сказали выше, что вполнѣ мыслимо стремленіе внести улучшенія въ бытъ университетовъ какъ путемъ расширенія самоуправленія, такъ и путемъ усиленія правительственнаго руководительства, а потому и составленіе новаго устава въ послѣднемъ смыслѣ вовсе нѣтъ необходимости объяснять чѣмъ-либо инымъ, кромѣ соображеній, вытекающихъ изъ условій самаго дѣла.

Такъ, въ нѣкоторыхъ его опредѣленіяхъ отражается прямо стремленіе къ тому, чтобы устранить два главныхъ недостатка университетскаго быта. Одни изъ этихъ опредѣленій направлены къ умноженію преподавательскаго состава, другіе—къ усиленію учебныхъ занятій студентовъ. Къ первымъ

принадлежать: ст. 62, предоставляющая министру право опредѣлять въ университеты профессоровъ сверхштатныхъ, изъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и имѣющихъ необходимую ученую степень; ст. 64, которая воспрещаетъ одному преподавателю занимать двѣ каѳедры; ст. 68, которая дозволяетъ, однако, профессору объявлять курсы и практическія занятія, сверхъ преподаванія по занимаемой имъ каѳедрѣ, по другимъ предметамъ; наконецъ, ст. 109 и слѣдующія, которыми учреждается должность приватъ-доцентовъ. Приватъ-доцентами могутъ быть лица, имѣющія ученыя степени, или выдержавшія магистерскій экзаменъ, но еще не защищавшія диссертаціи, а, сверхъ того, профессоры другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Мѣры, предназначенныя къ усиленію учебныхъ занятій студентовъ, согласно съ общимъ духомъ устава, заключаются въ умноженіи провѣрки. Изложимъ вкратцѣ, какъ новымъ уставомъ опредѣляются и обусловливаются испытанія. Выпускныя испытанія производятся, какъ уже сказано выше, въ особыхъ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ, предсѣдатели и члены которыхъ ежегодно назначаются министромъ, а остальныя испытанія производятся въ факультетахъ. Къ испытаніямъ въ коммиссіяхъ допускаются только такіе студенты, которые предъявятъ выпускное свидѣтельство, выданное имъ факультетомъ. Для полученія этого свидѣтельства требуется, чтобы студенту было зачтено восемь учебныхъ полугодій (по медицинскому факультету десять), а зачисляется ему только такое полугодіе, въ теченіе котораго онъ выслушалъ число лекцій не меньшее установленной правилами нормы, подвергаясь установленнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ, и участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ. Министерство опредѣляетъ особыми правилами весь этотъ порядокъ повѣрочныхъ предписаній и вообще условій для зачета учебнаго полугодія. Вообще правила объ испытаніяхъ утверждаются министромъ и имъ же измѣняются. При этомъ надо отмѣтить, что въ ст. 79, опредѣляющей формальности для допущенія къ экзамену къ коммиссіяхъ, упоминается о представленіи, сверхъ выпускнаго свидѣтельства отъ факультета, еще и иныхъ документовъ, какіе могутъ быть потребованы правилами. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ лишь мимоходомъ, такъ какъ оно, очевидно, касается условія, стоящаго уже внѣ собственно учебнаго достоинства кандидата.

Въ факультетахъ же производятся, во-первыхъ, повѣрочныя испытанія, о которыхъ только что сказано; во-вторыхъ, испытанія на ученыя степени и состязательныя — на стипендіи. Ученыхъ степеней по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго, полагается только двѣ: магистра и доктора. Ученая степень кандидата отмѣнена и выдерживающіе успѣшно окончательное испытаніе въ коммиссіи получаютъ дипломы первой или второй степени, сообразно успѣхамъ, вмѣсто прежняго дѣленія на кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ.

Постановленія, которыя мы только что изложили, можно считать цѣле-

сообразными или нѣтъ, но цѣлью они несомнѣнно имѣютъ исправленіе двухъ главныхъ недостатковъ въ нашей университетской жизни; они направлены къ пополненію сословія преподающаго и къ усиленію учебной работы въ средѣ учащихся. Стало быть, повторяемъ это еще разъ, достаточно однихъ соображеній, вытекающихъ изъ самаго учебнаго дѣла, чтобы объяснить новый уставъ, и нѣтъ нужды прибѣгать къ тѣмъ мудренымъ и призрачнымъ политическимъ объясненіямъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, выѣзжали обличители прежняго устава въ печати. Такъ или иначе будутъ производиться экзамены и даже будутъ ли ректоры, деканы и профессоры—по выборамъ или по назначенію, что общаго можетъ это имѣть съ пораженіемъ какой-то «партіи въ правительствѣ»? А при реальномъ могуществѣ правительства, какое дается ему у насъ единеніемъ съ народомъ и выражается во всѣхъ законахъ, о какомъ же «палладіумѣ» партіи можетъ быть рѣчь и не странно ли представить себѣ, что подобнымъ палладіумомъ могъ бы служить уставъ, опредѣляющій порядокъ назначенія университетскихъ профессоровъ и производства экзаменовъ?

Оставаясь въ рамкахъ самаго учебнаго дѣла, мы должны признать, что въ новомъ уставѣ вполнѣ логично проведена общая мысль объ исправленіи недостатковъ—усиленіемъ правительственнаго почина, надзора и провѣрокъ, которыя являются средствомъ контроля. И теперь, когда подробныя правила о повѣрочныхъ испытаніяхъ и т. д. еще не составлены, достаточно указать на статьи устава и изъ нихъ уже само собою вытекаетъ предположеніе, что исправное посѣщеніе лекцій по всѣмъ предметамъ курса будетъ не только обязательно для студентовъ, какъ было и доселѣ, но будетъ отмѣчаться, и что репетиціи, практиковавшіяся доселѣ въ университетахъ лишь нѣкоторыми профессорами и несоставлявшія обязательной формальности, впредь будутъ введены по всѣмъ предметамъ и станутъ условіемъ допущенія къ экзамену. Затѣмъ, оправдается ли ожиданіе, что усиленіе формальнаго надзора за ученьемъ подниметъ уровень учебныхъ занятій въ университетахъ—это можетъ показать только будущее.

Выше мы упрекнули нѣкоторыхъ изъ нашихъ собратьевъ за то, что они дѣло учебное ставили по преимуществу на поле политическихъ преоккупацій, по большей части призрачнаго свойства. Но мы готовы согласиться, что и для нихъ есть нѣкоторыя извиненія. Дѣло въ томъ, что уже давно самыя обстоятельства подали наружный поводъ сдвинуть нашъ университетскій вопросъ на эту несвойственную ему почву.

Быть можетъ, этого не случилось бы, если бы, въ прошлое царствованіе, преобразованіе университетовъ не опоздало бы слишкомъ, не отстало бы на долго отъ требованій жизни, какъ то произошло въ дѣйствительности. Напомнимъ, въ какомъ положеніи была у насъ университетская жизнь четверть столѣтія тому назадъ. Формальности и правила, существовавшія въ то время на бумагѣ, были еще тѣ самыя, какія соотвѣтствовали недавнему, правда, предшествовавшему періоду, когда студенты хо-

дили въ треуголкахъ, при шпагахъ, когда за отрощеніе бороды студента исключили бы изъ университета и не только инспекторы, но сами попечители лично наблюдали за короткой стрижкою волосъ на головѣ, когда двѣнадцать фельдфебелей ежедневно являлись въ университетъ и учили студентовъ маршировать, когда для перехода изъ курса въ курсъ и для полученія диплома требовалась одобрительная отмѣтка инспектора о поведеніи, а правила предписывали студентамъ отдавать честь при встрѣчахъ съ генералами.

Прошло едва лѣтъ шесть послѣ того, какъ все это еще требовалось, но въ эти шесть лѣтъ по всей странѣ разнеслось какъ будто вѣтромъ откровеніе о всѣхъ потребностяхъ, безусловно отрицавшихся въ теченіе тридцати лѣтъ предъидущихъ. Всѣ, съ верху до низу, какимъ-то внезапнымъ наитіемъ, сознали, что и жизнь общественная, и личность человѣка должны имѣть не однѣ только обязанности, но и соотвѣтствующія имъ права. Многое, что формально еще держалось, признавалось обветшавшимъ, предназначеннымъ къ сломкѣ и потому больше не обязательнымъ.

Нигдѣ это сознаніе не проявилось живѣе и требовательнѣе, какъ среди молодежи, конечно, какъ всегда бываетъ. И вотъ, въ нѣсколько лѣтъ не только настроеніе учащихся, но и духъ инспекціи, и характеръ лекцій, и самый видъ аудиторій измѣнились. Правила перестали исполняться, въ шесть лѣтъ прошли полтора поколѣнія учащихся, послѣдніе контингенты даже и не слыхали о правилахъ, которыя на бумагѣ продолжали, однако, существовать. Да и не только студенческія правила, но и важнѣйшія, основныя постановленія университетской жизни стали эластичны.

Думали водворить новый, уже точно обязательный порядокъ однимъ составленіемъ правилъ для студентовъ. Но, повторяемъ, еще ранѣе этого слѣдовало преобразовать самый уставъ, такъ какъ всѣ отношенія на дѣлѣ измѣнились. Въ то время, когда политическій элементъ еще не вмѣшался въ дѣло, мыслимо было составленіе такого устава, который предупредилъ бы многія требованія, а, съ другой стороны, далъ бы совѣтамъ возможность спасти юношество отъ послѣдовавшихъ недоразумѣній и увлеченій.

Правда, въ то время было много другой работы и нельзя было сдѣлать вдругъ все необходимое, но, къ сожалѣнію, благопріятный моментъ былъ пропущенъ и случаи, происшедшіе въ 1861 году въ петербургскомъ университетѣ, сразу сдвинули вопросъ школьный на почву политическую. Съ одной стороны, случаямъ этимъ было придано, быть можетъ, слишкомъ большое значеніе, съ другой—молодые люди, разъ очутившись, сперва совсѣмъ неожиданно, въ роли какихъ-то мнимыхъ политическихъ дѣятелей, вообразили себя, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то вродѣ авангарда русскаго прогресса и не быть самымъ крайнимъ на сходкахъ—прослыло не быть честнымъ.

Разъ дѣло приняло такой характеръ, понятно, уже трудно было ожидать составленія такого устава, который былъ бы совершенно независимъ отъ опасеній. Уставъ 1863 года явился впослѣдствіи уже только какъ

средній терминъ между полнымъ осуществленіемъ одного изъ двухъ началъ: совершенной самостоятельности сословія преподающаго, полнаго учебнаго простора для учащихся и, наоборотъ, сильнаго административнаго контроля во внутренней жизни университетовъ и строгой, формальной провѣрки дѣйствительнаго хода занятій студентовъ.

Нынѣшній уставъ осуществляетъ послѣднее изъ этихъ двухъ началъ и осуществляетъ начало это вполнѣ логично. Но, для дополненія очерка, мы упомянемъ, что въ 1861 году, уже послѣ безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ, были заявлены въ правительственной же сферѣ общія основанія для примѣненія начала полной самостоятельности и полнаго простора, съ цѣлями какъ поднятія учебныхъ занятій, такъ и предупрежденія безпорядковъ. Проектъ этотъ принадлежалъ покойному графу М. А. Корфу, бывшему директору петербургской публичной библіотеки.

Сущность предположенія состояла въ томъ, чтобы отмѣнить оффиціальное званіе студента и превратить университеты въ самостоятельныя сословія преподавателей высшихъ курсовъ. Всякъ, кто хотѣлъ бы, могъ бы вносить плату и слушать университетскіе курсы, какіе ему угодно. Студенчество представляло бы тогда простую аудиторію публичныхъ лекцій, не будучи связано между собой никакими обязанностями и никакими правами, а также никакими формальностями надзора. За порядкомъ въ публичныхъ аудиторіяхъ наблюдали бы особые полицейскіе чины, но на общемъ основаніи, а внѣ стѣнъ университета студенты были бы—кто дворяниномъ, кто мѣщаниномъ, кто чиновникъ, живущіе по своимъ сословнымъ видамъ и подлежащіе только общимъ для всѣхъ гражданъ правиламъ. Затѣмъ, въ университетахъ существовали бы испытанія только на окончаніе нормальныхъ курсовъ и на ученыя степени. Стипендіаты же подвергались бы годичнымъ испытаніямъ для удостовѣренія права на сохраненіе стипендій.

Мысль о такомъ отсутствіи формальностей и спеціальнаго надзора могла бы инымъ показаться странною. Но стоитъ вспомнить, что, вѣдь, имѣютъ же постоянныхъ посѣтителей и публичныя лекціи, и публичныя библіотеки, и театры, а, между тѣмъ, надъ такими посѣтителями нѣтъ особой инспекціи. Въ храмахъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ бываютъ толпы гораздо большія, чѣмъ въ обычное время въ университетскихъ аудиторіяхъ. Однако же, эти толпы не нарушаютъ порядка, да и не имѣютъ тѣхъ особыхъ къ тому поводовъ, которые представлялись бы единствомъ званія, корпоративностью, общими правами и домогательствомъ правъ бо̀льшихъ, составленіемъ для этого сходокъ, избраніемъ депутацій, требованіями вродѣ того, чтобы кто-либо въ силу своего званія не подлежалъ особой отмѣткѣ со стороны дворянина или чтобы званіе не препятствовало ему жениться и т. д., и т. д. Живи спокойно, не нарушай порядка, а тамъ ходишь ли ты въ театръ, или въ библіотеку, или въ университетъ—все равно.

Предположеніе это показалось слишкомъ рискованнымъ и изъ него, кажется, и была заимствована только мысль о подчиненіи студентовъ внѣ

стѣнъ университета общему полицейскому надзору, что и было сдѣлано еще до устава 1863 года и хотя вошло въ тотъ уставъ, но не помѣшало ни въ 1861, ни въ 1863 годахъ устройству еще и надзора специальнаго— университетской инспекціи.

Объ этомъ проектѣ мы упомянули еще и съ цѣлью показать, что и на началахъ полной самостоятельности и полнаго простора могло быть создано устройство, котораго цѣлями было бы и усиленіе работы среди учащихся, и даже устраненіе безпорядковъ. Само собою разумѣется, что мы не рекомендуемъ возвращенія къ упомянутому проекту, да и вообще неумѣстно было бы предлагать какой-либо проектъ по поводу только что составленнаго и утвержденнаго устава. Мы хотѣли только остановить вниманіе на той простой истинѣ, что къ одной цѣли можно идти разными путями и достигнуть ея, если только всѣ шаги будутъ послѣдовательны, логичны. А начало самостоятельности и самоуправленія вообще еще слишкомъ мало испробовано у насъ.

Уставъ 1863 года представилъ собою, такъ сказать, средній терминъ между тѣмъ и другимъ направленіемъ, между принципомъ надзора, провѣрки, несамостоятельности учащихъ, какъ сословія, и началомъ полнаго простора, отмѣны всякой оффиціальности званія учащихся и, вмѣстѣ, предоставленіемъ сословію учащихъ полнаго самоуправленія. Выборный ректоръ, все-таки, подчиненъ былъ попечителю, а инспекторъ впослѣдствіи сдѣланъ почти независящимъ отъ ректора, оффиціальное званіе учащихся было сохранено и они подчинены были какъ инспекціи университетской, такъ и полицейскому надзору, какъ университетскому суду, такъ и инымъ мѣрамъ взысканія, за проступки свойства дисциплинарнаго. Наконецъ, вся система экзаменовъ переходныхъ и выпускныхъ сохранена была въ уставѣ 1863 года прежняя

Не по винѣ устава 1863 года, но, при его существованіи, протекло, къ сожалѣнію, самое бурное для нашихъ университетовъ время. Новый уставъ представляетъ бо́льшую цѣльность, осуществляя вполнѣ послѣдовательно принципъ бо́льшаго формальнаго контроля надъ занятіями учащихся и бо́льшаго надзора со стороны государства въ самомъ внутреннемъ управленіи университетовъ. Остается пожелать новымъ условіямъ университетскаго быта бо́льшаго успѣха, чѣмъ имѣли прежнія.

Рядомъ съ новымъ университетскимъ уставомъ мы должны поставить новый уставъ духовныхъ академій, утвержденный 20 апрѣля, но помѣщенный въ *Собраніи узаконеній* только въ концѣ іюня, а потому не упомянутый въ прежнихъ «внутреннихъ обозрѣніяхъ» нашего журнала. Основная мысль и сущность различій новаго устава духовныхъ академій отъ устава 1869 года—тѣ же, какъ и въ новомъ уставѣ университетовъ, сравнительно съ уставомъ 1863 года. Власть совѣта ограничена, власть единоличная усилена. Ректоръ поставленъ какъ начальникъ академіи (§ 22),

многія дѣла, подлежавшія совѣту, переданы въ правленіе, а совѣту съ правленіемъ предоставлено управленіе академіею только «при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ ректора».

Епархіальному архіерею вручено «начальственное наблюденіе за направленіемъ преподаванія и воспитанія въ академіи (§ 11) и предоставлено временно устранять отъ должности виновныхъ въ важныхъ проступкахъ должностныхъ лицъ» (§ 13), а также давать совѣту и правленію «письменныя предложенія къ исполненію или для обсужденія» (§ 15). Ректоръ назначается св. синодомъ по представленію преосвященнаго, на должности штатныхъ преподавателей избираетъ кандидатовъ совѣтъ и представляетъ ихъ главѣ епархіи, утверждаются же профессоры—синодомъ, а лекторы —епископомъ. Кромѣ ректора, которому подчинено и наблюденіе за нравственнымъ и религіознымъ направленіемъ студентовъ, а также предоставлено подвергать студентовъ взысканіямъ, остается въ академіяхъ и инспекторъ, спеціально наблюдающій за поведеніемъ студентовъ. Въ академіяхъ инспекторъ, хотя назначается, какъ и ректоръ, синодомъ, по представленію епископа, но поставленъ въ бо̀льшую связь съ ректоромъ, чѣмъ въ университетахъ, болѣе подчиненъ ректору; онъ долженъ быть изъ ординарныхъ профессоровъ академіи, предпочтительно изъ лицъ духовныхъ, хотя можетъ быть и не духовнымъ лицомъ (§ 32) и въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора исполняетъ его должность.

Изъ предметовъ преподаванія одни должны быть изучаемы всѣми студентами (сюда относятся богословскія науки и философія), другіе раздѣляются на двѣ группы, выборъ между которыми предоставленъ учащимся. Къ первой относится теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языки, съ исторіей русской литературы, наконецъ — еврейскій языкъ и библейская археологія. Ко второй группѣ принадлежатъ: исторія и разборъ западныхъ исповѣданій, исторія и обличеніе русскаго раскола, исторія общая и русская. Сверхъ того, въ каждой группѣ обязательно изученіе одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

Такое раздѣленіе на группы или факультеты имѣетъ ясное практическое назначеніе—облегчить многосложность курса, придавъ изученію, сверхъ общаго богословскаго содержанія, еще нѣкоторую спеціальность—филологическую въ первой группѣ и миссіонерскую во второй. Намъ кажется, что спеціализацію эту можно было еще нѣсколько усилить, а именно сдѣлать въ первой группѣ обязательными оба классическихъ языка, сверхъ еврейскаго, а во второй группѣ обязательнымъ сдѣлать прямо одинъ латинскій языкъ, оставивъ въ каждомъ факультетѣ и выборъ одного изъ языковъ новыхъ. Первое отдѣленіе должно приготовлять по преимуществу ученыхъ богослововъ, которые будутъ поддерживать въ православной церкви науку на подобающей высотѣ, и богословская литература на обоихъ древнихъ языкахъ должна быть имъ открыта. Второе отдѣленіе будетъ

приготовлять, по преимуществу, къ дѣятельности миссіонерской и здѣсь основательное знаніе латинскаго языка необходимѣе, чѣмъ греческаго, по которому, для цѣлей миссіонерскихъ, можно ограничиться и семинарскимъ курсомъ.

Упомянемъ здѣсь же о новомъ уставѣ духовныхъ консисторій, утвержденномъ еще 9 апрѣля 1883 года, но также вышедшемъ въ концѣ прошлаго іюня. Хотя уставъ этотъ и вводится «взамѣнъ таковаго же устава, высочайше утвержденнаго въ 27 день марта 1841», но онъ представляетъ только трудъ кодификаціонный, новое изданіе прежняго устава, измѣненнаго согласно съ новыми законоположеніями, вышедшими въ теченіе послѣднихъ 42-хъ лѣтъ. Сюда относятся преимущественно новыя узаконенія о разводѣ, о мѣрахъ относительно раскола и т. д.

Все внутренно-административное устройство епархій, главнымъ образомъ, опредѣляется именно консисторскимъ уставомъ. Со времени предшествующаго его изданія, въ устройствѣ этомъ произошла было одна замѣтная перемѣна, а именно учрежденіе епархіальныхъ съѣздовъ духовенства. Но о нихъ и въ новомъ изданіи устава консисторій ничего не упоминается. Нѣтъ также перемѣнъ и въ учрежденіи самыхъ консисторій. Консисторскій секретарь остается главною пружиной всего епархіальнаго управленія.

Много писалось о тягости консисторскихъ порядковъ для духовенства, о недостаткахъ консисторскаго суда, о способѣ исканія священническихъ мѣстъ и т. д. Мірское сужденіе въ этихъ вопросахъ должно быть весьма осторожно, во всемъ томъ, что касается власти епархіальнаго іерарха надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ, такъ какъ основы этихъ отношеній имѣютъ происхожденіе каноническое. Но составъ нашихъ консисторій и преобладающая на дѣлѣ роль въ нихъ секретаря, это—только созданіе консисторскаго устава, которое можетъ подлежать измѣненію другимъ уставомъ и вполнѣ доступно сужденію свѣтскому.

Консисторскій секретарь есть собственно начальникъ консисторской канцеляріи. Но нѣтъ въ имперіи иныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ начальникъ канцеляріи имѣлъ бы такое совершенно преобладающее значеніе, какимъ пользуются въ консисторіяхъ секретари. Уже одно то обстоятельство, что здѣсь членами присутствія являются лица духовныя, мало знакомыя со свѣтскими законами, и начальникомъ секретаря есть лицо монашествующее, даетъ большую самостоятельность опытному чиновнику, такъ какъ въ дѣлахъ о духовенствѣ безпрестанно встрѣчаются отношенія къ учрежденіямъ и законамъ гражданскимъ.

Но это не все. Дѣло въ томъ, что секретарь консисторіи поставленъ самымъ закономъ въ положеніе отчасти самостоятельное по отношенію къ самому архіерею. Этотъ секретарь опредѣляется не начальникомъ епархіи и даже не по его представленію; опредѣляется онъ св. синодомъ по избранію и предложенію синодальнаго оберъ-прокурора и увольняется тѣмъ же порядкомъ. Затѣмъ, по закону, секретарь консисторіи, хотя и нахо-

дится «подъ ближайшимъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, но состоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи оберъ-прокурора св. синода, какъ блюстителя за исполненіемъ законныхъ постановленій по духовному вѣдомству, и обязанъ исполнять всѣ его предписанія» (ст. 285 уст. конс.)». Секретарь консисторіи можетъ даже получать отъ оберъ-прокурора непосредственныя предписанія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «ст. 311: секретарь консисторіи, получивъ отъ оберъ-прокурора предписаніе, по исполненію котораго нужно ему содѣйствіе консисторіи, предъявляетъ объ этомъ немедленно присутствію».

Не знаемъ, часто ли бываютъ такіе случаи и сохраняется ли до сихъ поръ необходимость въ удержаніи этого послѣдняго постановленія. Но въ приведенныхъ законахъ выражается собственно петровское учрежденіе всего духовнаго управленія, а мы не разсматриваемъ вопроса объ отношеніяхъ церкви къ государству, о необходимости большей самостоятельности іерархіи въ дѣлахъ духовныхъ. Мы говоримъ только о бытовыхъ послѣдствіяхъ, какія отсюда истекаютъ для подчиненнаго консисторіи духовенства.

Секретарь консисторіи поставленъ въ такія условія, что положеніе его можетъ быть прочнѣе, чѣмъ положеніе самого его начальника, и, дѣйствительно, секретари обыкновенно переживаютъ на мѣстѣ нѣсколькихъ архіереевъ. Допустимъ, что это зависитъ всегда только отъ преклонныхъ лѣтъ іерарховъ. Но самая эта прочность положенія дѣлаетъ секретаря въ консисторіи гораздо болѣе, чѣмъ начальникомъ канцеляріи, то-есть болѣе, чѣмъ простымъ исполнителемъ. Правда, каждый столъ канцеляріи консисторіи ввѣряется особому наблюденію одного изъ членовъ этого коллегіальнаго учрежденія. Но по отношенію къ членамъ секретарь имѣетъ положеніе уже совершенно независимое; въ засѣданіи консисторіи онъ не только дѣлопроизводитель, но еще и какъ бы прокуроръ. Онъ можетъ дѣлать представленія противъ рѣшеній консисторіи, будь они разногласныя или единогласныя, отмѣчаетъ эти свои представленія въ самомъ журналѣ и подаетъ преосвященному рапорты, въ которыхъ излагаетъ тѣ объясненія, какія давалъ членамъ. Сверхъ того, надо имѣть въ виду, что консисторія—мѣсто хотя и коллегіальное, но только совѣщательное, такъ что архіерей можетъ не соглашаться съ рѣшеніями консисторіи и полагать свои собственныя, которыя и приводятся въ исполненіе.

Если такая власть секретаря и нужна для того, чтобы сообщать дѣламъ мѣстнаго духовнаго управленія общее направленіе, то во всякомъ случаѣ едва ли она необходима для правильнаго рѣшенія дѣлъ личныхъ духовенства, вопросовъ о назначеніяхъ, наградахъ и взысканіяхъ. Современемъ, быть можетъ, окажется возможнымъ оставить за секретаремъ только значеніе прокурора, подобное тому, какое имѣютъ члены отъ военнаго министерства въ военно-окружныхъ совѣтахъ, и тогда уже требовать отъ секретаря окончанія полнаго юридическаго курса, а дѣлопроизводство поручать лицу, прямо назначаемому преосвященнымъ.

Вообще, нѣкоторое преобразованіе консисторій, безъ всякаго умаленія канонической власти епископовъ, конечно, могло бы имѣть большое бытовое значеніе для приходскаго духовенства. Сословіе это, уже по самымъ церковнымъ требованіямъ, находится въ состояніи несравненно бо̀льшей зависимости отъ непосредственнаго начальства, чѣмъ лица на какомъ-либо поприщѣ службы государственной. Все, что возможно было бы сдѣлать для облегченія зависимости, сверхъ того, лицъ духовныхъ еще отъ чиновничества, было бы весьма полезно.

Но не только зависимость, а еще и условія быта матеріальнаго стѣсняютъ массу нашего приходскаго духовенства, а именно духовенство сельское у насъ въ такомъ положеніи, изъ котораго необходимо долженъ быть найденъ выходъ, если мы понимаемъ русское преуспѣяніе не только въ смыслѣ успѣховъ умственной жизни въ однѣхъ верхушкахъ страны — городахъ, но и въ значеніи нравственнаго укрѣпленія всей массы народа.

Тысяча лѣтъ тому назадъ возвѣщена русскому народу «благая вѣсть», утѣшеніе въ скорби, оправданіе доброй воли, объясненіе земной несправедливости, обѣщаніе высшаго удѣла. Но многое еще остается совершить, чтобы сдѣлать народу доступнымъ все сокровище чистѣйшаго изъ нравственныхъ ученій, когда-либо проповѣданныхъ на землѣ, того ученія, которое измѣнило весь ходъ исторіи, объединивъ умственную жизнь народовъ, и нравственную правду указало въ любви.

То ученіе, которое подняло раба къ равноправности человѣка, возвысило женщину, поставило образцомъ сердечную чистоту дѣтей, обѣщало награду кроткимъ и указало совершенство въ самоотверженіи, служитъ единтсвенной надежной опорой нравственности и мира на землѣ во взаимномъ благоволеніи людей.

Русскій народъ искренно набоженъ; вѣра составляетъ доселѣ почти исключительный источникъ той умственной доли его жизни, которая пробивается сквозь кору тяжкаго труда и заботъ, какъ растительные всходы сквозь пластъ земли. Но даже и самое догматическое содержаніе вѣры сознается народомъ слишкомъ неполно и неясно. Самые важные догматы народъ понимаетъ сбивчиво и съ догматами смѣшиваетъ свои повѣрья. Что касается стороны нравственной религіи, то народъ ее, можно сказать, скорѣе угадываетъ, чѣмъ знаетъ. Въ народномъ языкѣ есть прекрасное выраженіе— жить «по-Божески». Это значитъ жить, не обижая никого и соблюдая обряды. Но какъ въ догматическомъ содержаніи народъ не дѣлаетъ различій, вѣруетъ, что можно молиться не чрезъ посредство святыхъ, а самимъ святымъ и даже самымъ иконамъ, смѣшиваетъ названія нѣкоторыхъ праздниковъ съ именами святыхъ и громъ приписываетъ Ильѣ пророку, такъ точно онъ не знаетъ и относительной важности нравственныхъ поученій религіи. Скоромную крошку въ постъ онъ считаетъ грѣхомъ бо̀льшимъ, чѣмъ самое безобразное пьянство; въ церковномъ поученіи—«жена да боится мужа» видитъ догматъ, оправдывающій насиліе и даже истязаніе.

Если бы основное начало христіанскаго ученія и нравственности, начало любви было болѣе усвоено народомъ, то нравы его, несомнѣнно, были бы мягче, замѣчалось бы болѣе уваженія къ старости и болѣе пощады слабымъ.

Разсматривая религію съ свѣтской точки зрѣнія собственно какъ величайшую культурную силу, нельзя не признать, что культура наша отстала, между прочимъ, и отъ недостаточной дѣятельности, даже недостаточнаго авторитета духовенства среди народной массы. Не умаляемъ исторической заслуги служителей алтаря, которые вѣками руководили народною молитвой, среди тяжкаго труда, среди рабства и годинъ великихъ испытаній русской земли. Но служители алтаря должны еще стать въ народѣ болѣе дѣятельными учителями религіи чистоты и милосердія.

Недавно вышедшія «правила о церковно-приходскихъ школахъ» (утвержденныя 13 іюня) сопровождаются синодскимъ указомъ, въ которомъ напоминается, что пастыри обязаны «служить по мѣрѣ силъ народному просвѣщенію». Правила эти возвѣщаютъ серьезный починъ духовнаго вѣдомства къ умноженію начальныхъ школъ. Однако, прежде чѣмъ опредѣлять значеніе этой мѣры, приходится напомнить, что сельскія приходскія школы существовали у насъ искони, и было время, когда общее число ихъ показывалось по отчетамъ свыше десятка тысячъ. Но многія ли изъ нихъ дѣйствовали и во многихъ ли, въ самомъ дѣлѣ, учили священники,—вотъ что оставалось сомнительнымъ. Преткновеніемъ служилъ, прежде всего, недостатокъ времени у священника, который обремененъ не только требами, но и хозяйственными заботами.

Доселѣ еще бо̀льшая половина сельскихъ священниковъ не получаютъ жалованья и принуждены жить сборомъ отъ исправленія требъ, а потому хозяйственныя работы служатъ для нихъ подспорьемъ, безъ котораго они обойтись не могутъ. Что̀ даетъ въ деревнѣ доходъ съ требъ, на это мы возьмемъ одинъ примѣръ изъ *Церковно-Общественнаго Вѣстника*, которому свѣдѣнія сообщилъ самъ священникъ. У этого пастыря въ приходѣ находится 800 душъ обоего пола; изъ этого числа были у него на исповѣди за весь великій постъ 510 человѣкъ, а вознагражденія онъ получилъ съ нихъ за эту требу всего 10 р. 79 к. Исключая троихъ прихожанъ изъ разночинцевъ, которые дали священнику за исповѣдь 40 коп., онъ получилъ собственно съ крестьянъ только 9 р. 89 к., т.-е. менѣе двухъ копѣекъ съ исповѣдника. «Хотя въ посту не мало было прочитано поминаній на проскомидіи,—писалъ тотъ же священникъ,—не мало подаваемо было просфоръ для вынутія частицъ, не мало служилось панихидъ и молебновъ, однако, дохода за все это получено 10 р. 5 к. на мою долю; а всего за время поста, т.-е. за 7 недѣль громаднаго труда, получилъ я отъ прихода 20 р. 34 к.»

Вознагражденіе, дѣйствительно, ничтожное за трудъ большой. Но, главное, надо при этомъ имѣть въ виду, что таково вознагражденіе, которое дается человѣку со среднимъ образованіемъ. Не говоря уже о высокомъ

призваніи пастыря, въ какой другой отрасли дѣятельности образованный человѣкъ получаетъ за семинедѣльный трудъ 20 рублей? Не надо забывать, что у этого человѣка есть семья, что онъ прямо обязанъ имѣть семью, и, какъ человѣкъ съ образованіемъ, не можетъ же не стараться дать дѣтямъ воспитаніе, приготовить ихъ въ училище и помогать имъ до пріобрѣтенія ими собственнаго заработка.

Такъ-то живется нашему сельскому духовенству и очевидно, что безъ улучшенія въ его экономическомъ положеніи трудно ожидать отъ него исполненія новыхъ обязанностей.

Въ прошлогоднихъ извлеченіяхъ изъ отчета по духовному вѣдомству, къ сожалѣнію, вовсе не упоминалось о томъ, какъ идетъ дѣло объ обезпеченіи причтовъ опредѣленнымъ пособіемъ отъ земства, взамѣнъ вознагражденій за требы. Въ прежнихъ отчетахъ сообщалось, что въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ достигнуто соглашеніе по этому предмету. Конечно, такимъ образомъ замѣнилась бы только обязательная плата за требы съ недостаточныхъ, и это имѣло бы уже ту хорошую сторону, что устранило бы бывающія иногда столкновенія, въ особенности по поводу свадебъ. Но достаточнаго содержанія земство все равно не въ состояніи дать духовенству. Земство не можетъ отвлекать на этотъ предметъ своихъ средствъ, которыя и безъ того скудны и въ которыхъ оказывается часто недоборъ. А съ опредѣленнаго числа душъ въ приходѣ и земство не соберетъ болѣе, чѣмъ собираетъ теперь причтъ непосредственно. И такъ, улучшилась бы только самая форма «доброхотныхъ приношеній» отъ бѣдныхъ.

Обезпечить все приходское духовенство жалованьемъ изъ казны едва ли возможно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. По отчету за 1881 г., бѣлаго духовенства у насъ состояло на лицо 1,439 протоіереевъ, 35,978 священниковъ и 7,706 дьяконовъ, итого 45,123 чел. однихъ священнослужителей. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще 6,778 священнослужителей же, оставленныхъ за штатомъ по старости и болѣзни, но изъ которыхъ многіе помогаютъ наличнымъ причтамъ и едва ли хоть одинъ имѣетъ возможность жить на получаемую имъ пенсію, кромѣ тѣхъ, которые живутъ у родныхъ. Если же къ этимъ числамъ прибавить еще 48,623 наличныхъ причетниковъ, то общій итогъ окажется 93,743 чел. Такъ какъ почти все это—люди семейные, то какой же суммы потребовало бы отъ государства содержаніе 90 тысячъ семей? Вопросъ объ обезпеченіи сельскаго духовенства очень труденъ, но для него необходимо найти рѣшеніе, потому что въ такомъ положеніи оставлять духовенство нельзя, если мы желаемъ дѣйствительнаго и правильнаго подъема народнаго развитія.

Да, мы должны признать, что вопросъ о самомъ положеніи православнаго духовенства есть одинъ изъ основныхъ вопросовъ дальнѣйшей русской культуры. Легко отдѣлываться отъ этого вопроса, говоря себѣ, что такъ всегда было, и приводить себѣ на память газетныя корреспонденціи о случаяхъ вымогательствъ отъ крестьянъ со стороны духовенства. Но, вѣдь,

и крѣпостное право, и 25-ти лѣтняя солдатчина были, если не «всегда», то очень долгое время, однако, чувство справедливости никогда не примирялось съ этими застарѣлыми, но, слава Богу, устраненными, наконецъ, явленіями.

Оно же не должно примиряться и съ тѣмъ тяжкимъ, зачастую безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находится до сихъ поръ большинство сельскаго духовенства. Потребовать отъ человѣка — средняго образованія, обязать его жениться и потомъ поставить его въ положеніе, гораздо худшее, чѣмъ то, въ какомъ находится волостной писарь, — это принуждена дѣлать церковь, которая имѣетъ право требовать подвига; но это несправедливо и неблагоразумно со стороны гражданскаго общества. Оно при этомъ должно пенять на себя, если православное духовенство, въ дѣятельности народнаго обученія, а, сверхъ того, и по вліянію среди народа, отстало отъ иновѣрныхъ духовенствъ въ иныхъ странахъ. Протестантскій пасторъ почти исключительно — проповѣдникъ, а проповѣдывать можно столькимъ людямъ вмѣстѣ, сколько ихъ помѣщается въ церкви. Безконечно меньшая въ протестантствѣ надобность въ требахъ дѣлаетъ то, что можно имѣть одного пастора на приходъ въ 3 тысячи душъ. Каковы бы ни были достатки подобнаго прихода, ясно, что онъ можетъ содержать священника безбѣдно, доставлять ему даже нѣкоторый комфортъ. Естественно, что отъ пастора, получающаго содержаніе отъ прихожанъ, напр., хоть полторы тысячи рублей (въ дѣйствительности они получаютъ больше), можно требовать не только семинарскаго, но даже университетскаго образованія, которое отъ пастора и требуется.

Понятно, что такой священникъ и по положенію, и по умѣнью будетъ имѣть бо̀льшее вліяніе на прихожанъ и что, свободный отъ другихъ заботъ, онъ дѣятельно и раціонально поведетъ приходскую школу. Но при многообразіи требъ, какое существуетъ въ церковной жизни православной, при большомъ числѣ праздниковъ, частныхъ молебновъ и панихидъ, исповѣди, молитвъ при больныхъ и отпѣваніи умершихъ, крестныхъ ходовъ и посѣщеніи домовъ въ большіе праздники—число православныхъ приходовъ должно быть несравненно больше, и одинъ священникъ едва ли можетъ удовлетворить религіозныя требованія болѣе чѣмъ 300 душъ, т.-е. числа, вдесятеро меньшаго, чѣмъ то, какое мы приняли для протестантскаго прихода. Если пасторъ получитъ отъ прихожанъ 1,500 руб., то, по тому же разсчету, православный священникъ получитъ всего 150 р. Но на такія деньги, говоря по-мірскому, нельзя требовать отъ человѣка и средняго образованія. Да и вообще человѣкъ семейный, даже крестьянинъ, не могъ бы жить при такомъ заработкѣ, если бы не имѣлъ земледѣльческаго хозяйства.

Сельскій священникъ католическій во Франціи получаетъ жалованье отъ государства, но и тамъ, гдѣ онъ жалованья не получаетъ, католическій викарій, даже и съ 300 душъ, болѣе обезпеченъ, такъ какъ католическое духовенство входитъ въ составъ другихъ, болѣе достаточныхъ сословій и

приходъ вездѣ находится въ бо́льшей связи съ имѣніемъ, чѣмъ у насъ. Въ селеніяхъ живетъ болѣе достаточныхъ землевладѣльцевъ и они поддерживаютъ священника. Но, даже не будь и этого, католическій священникъ, все-таки, менѣе нуждается, а, стало быть, и больше имѣетъ времени потому, что онъ—человѣкъ безсемейный.

И такъ, если православный сельскій священникъ, сверхъ отправленія требъ, долженъ еще заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то для школы у него остается уже слишкомъ мало времени. «Правила» 13 іюня и не возлагаютъ на священника не только всего преподаванія въ церковно-приходской школѣ, но даже и непремѣннаго преподаванія въ ней закона Божія. Сверхъ псаломщиковъ, ожидающихъ священническихъ мѣстъ, эти правила допускаютъ къ преподаванію въ приходскихъ школахъ лицъ свѣтскихъ, имѣющихъ званіе учителей начальнаго приходскаго училища, хотя и отдаютъ предпочтеніе тѣмъ лицамъ, которыя воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ, въ томъ числѣ и въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства. Правила дозволяютъ поручать преподаваніе даже закона Божія лицамъ не духовнымъ. Участіе женщинъ въ преподаваніи въ приходскихъ школахъ несомнѣнно придастъ дѣйствительную жизнь многимъ школамъ, которыя теперь лишь числятся на бумагѣ. Отчетъ оберъ-прокурора за 1881 годъ показываетъ общее число этихъ школъ въ 4,404, между тѣмъ какъ, повторяемъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ показывалось еще свыше 10 тысячъ. Въ школахъ этихъ числится 87³/₄ т. мальчиковъ и 17 т. дѣвочекъ, всего 105³/₄ т. учащихся.

Вопросъ только въ томъ, всѣ ли школы дѣйствуютъ, и такой вопросъ естественно возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что число ихъ показывалось въ разное время столь различно. Если бы всѣ онѣ дѣйствовали въ прежнее время, когда въ народѣ менѣе сказывалась потребность въ грамотности, отчего же число ихъ сократилось нынѣ втрое? Если же не во всѣхъ прежде числившихся происходило, въ самомъ дѣлѣ, постоянное обученіе, то позволительно поставить вопросъ объ этомъ и въ отношеніи школъ, сколько ихъ числится нынѣ.

Допущеніе въ нихъ въ качествѣ учительницъ—женщинъ, повторяемъ, можетъ пробудить многія изъ нихъ къ дѣйствительной жизни. Народная учительница вообще лучше учителя потому, что скуднымъ учительскимъ содержаніемъ можетъ довольствоваться женщина гораздо болѣе образованная, чѣмъ мужчина, не говоря уже о трезвости. Сверхъ того, такъ какъ ближе всѣхъ къ приходской школѣ будутъ жена, свояченица и дочери священника, то вознагражденіе за учительство можетъ быть подспорьемъ въ его семейномъ быту. Но на однѣхъ учительницъ, оканчивающихъ курсъ въ женскихъ духовныхъ училищахъ, нельзя разсчитывать много. Училищъ этихъ всего 11 и число ученицъ въ нихъ было въ 1881 году 1,003.

Церковно-приходская школа имѣетъ назначеніемъ, также какъ и начальная школа свѣтская,—утвержденіе въ народѣ религіозно-нравственныхъ

оснований и грамотности. Ни свѣтская, ни церковная школа въ Россіи не можетъ стремиться къ тому, чтобы замѣнить другую, уже просто по громадности неразработаннаго еще поля. И такъ, соперничество между школами того и другаго типа не имѣло бы никакого основанія. Возможность подобнаго предположенія опровергается, сверхъ того, самымъ указомъ синода о ихъ учрежденіи; въ указѣ этомъ предписывается духовенству въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свѣтскія начальныя школы уже существуютъ, открывать свои школы не иначе, какъ по сношенію епархіальнаго архіерея съ подлежащимъ начальствомъ, «такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу».

Въ свою очередь, и министръ народнаго просвѣщенія, въ циркулярѣ къ попечителямъ, ссылаясь на приведенное условіе въ синодскомъ указѣ, предписываетъ не открывать начальныхъ школъ свѣтскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже есть церковно-приходскія, иначе, какъ по сношенію съ преосвященными. Устраненіе соперничества въ открытіи школъ церковныхъ и свѣтскихъ совершенно необходимо, но можно также опасаться, какъ бы не оказалось соперничества въ неоткрытіи тѣхъ и другихъ. Если бы гдѣлибо кто-нибудь сталъ учреждать свѣтскую школу, когда всѣ дѣти школьнаго возраста уже находятъ помѣщеніе въ школѣ приходской, и дѣлалъ бы это нарочно, чтобы отбить у нея учениковъ, то подобное предпріятіе заслуживало бы полнаго порицанія. Но въ Россіи пока нѣтъ, и едва ли въ скоромъ времени окажутся, такія счастливыя мѣстности, въ которыхъ для всего школьнаго возраста было бы достаточное число школьныхъ скамеекъ.

Такъ, изъ «отчета александровскаго (Екатеринославской губ.) училищнаго совѣта» за 1882—83 гг. оказывается, что даже въ этомъ уѣздѣ, гдѣ дѣло народнаго образованія поставлено лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, благодаря рвенію такихъ дѣятелей, какъ покойный бар. Корфъ и г. Новицкій, приходится одна школа на 451 дворъ, 3,156 душъ обоего пола и на 681 дѣтей школьнаго возраста собственно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ состоятъ школы. А такъ какъ въ одной школѣ находятся тамъ, въ среднемъ размѣрѣ, 85 учащихся, то оказывается, что даже въ Александровскомъ уѣздѣ посѣщаетъ школы только одна восьмая часть дѣтей. Стало быть, и здѣсь есть еще мѣсто и просторъ не только для одной церковной школы на каждую свѣтскую, но, предполагая, что и она существуетъ, еще для цѣлыхъ шести школъ.

А остальной Россіи еще далеко до такого числа, какое есть въ Александровскомъ уѣздѣ; значитъ, опасаться конкурренціи школъ еще не время. Между тѣмъ, обязательность сношенія съ другими вѣдомствами для разрѣшенія школы можетъ затруднить это и безъ того уже нелегкое дѣло, къ которому за послѣдніе годы во многихъ мѣстностяхъ земство даже положительно охладѣло именно вслѣдствіе встрѣчающихся въ немъ затрудненій.

Заслуга земства въ дѣлѣ народнаго образованія велика, о ней не надо

забывать, и учрежденіе цѣлой массы школъ приходскихъ, которому можно только пожелать полнѣйшаго успѣха, при добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ, должно придти въ помощь дѣлу земства. До какой степени важенъ былъ почивъ земства въ этой отрасли дѣятельности, доказывается красноречивыми цифрами. Такъ, изъ свѣдѣній, заявленныхъ на учительскомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ прошломъ августѣ, видно, что въ самой Московской губерніи, съ густымъ населеніемъ, раскинутымъ вокругъ столицы, до учрежденія земства находилось всего 113 школъ министерскихъ и 20 частныхъ, а теперь школъ состоитъ до 600 и, все-таки, замѣчается, конечно, огромный недостатокъ въ нихъ. Число грамотныхъ мужчинъ въ Московской губерніи болѣе чѣмъ удвоилось (въ 1869 г. было 80 тыс., теперь числится 190 тыс.), а женщинъ утроилось (10 т.—35 т.).

Все это—заслуга земства и оно, конечно, сдѣлало бы еще болѣе, если бы имѣло болѣе средствъ и если бы дѣло не было такъ обременено многосторонними формальностями. Во многихъ мѣстностяхъ земство поставило свои школы такъ, какъ духовенству трудно будетъ сдѣлать, просто по еще большему недостатку средствъ. Напр., въ Александровскомъ уѣздѣ есть народные учителя, которые получаютъ по 350 руб. въ годъ, а теперь — какъ видимъ изъ отчета—идетъ рѣчь о назначеніи даже 500 р. тѣмъ, лучшимъ учителямъ, которые будутъ преподавать въ вечернихъ школахъ—для взрослыхъ. Нельзя достаточно похвалить при этомъ самую мысль объ учрежденіи «вечернихъ школъ», которая основана на томъ фактѣ, основномъ и все еще какъ будто недостаточно у насъ сознаваемомъ, несмотря на его исконность и очевидность, что, вслѣдствіе климатическихъ условій, у земледѣльческаго населенія въ Россіи остается въ году очень много совсѣмъ свободнаго времени. Вечерняя школа, привлекая взрослыхъ послѣ исполненія ими днемъ небольшихъ зимнихъ занятій, была бы благодѣяніемъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи.

Возвращаясь къ тому, что мы говорили выше о плодотворной культурной роли, какая еще предстоитъ въ Россіи сельскому духовенству, замѣтимъ, что и священникъ могъ бы пользоваться помѣщеніемъ «вечерней школы» для того, чтобы собирать въ ней своихъ прихожанъ хоть разъ въ недѣлю для поученія катихизическаго и нравственнаго. Бесѣды содержанія нравственнаго, веденныя въ такой школѣ, были бы болѣе свободны отъ нѣкоторой формальности и сухости проповѣдей въ церкви.

Отъ вопросовъ учебныхъ и духовно-воспитательныхъ мы должны теперь обратиться къ экономической «злобѣ дня» и начнемъ съ фактовъ финансовыхъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ фактамъ хозяйственнымъ. Примѣрно, черезъ мѣсяцъ или два, намъ предстоитъ выпускъ новаго займа въ 50 мил. руб. непрерывно-доходной ренты. Съ ноября прошлаго года это будетъ третій заемъ; и именно по указу 11 ноября 1883 года выпущено 6% непрерывно-доходной ренты золотомъ на 50 мил. руб., что на

кредитные рубли составляетъ теперь 78½ мил. руб., а по указу 28 марта 1884 года произведенъ 7-й выпускъ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ на 15 мил. фунтовъ стерл., т.-е., примѣрно, на 150 мил. руб. кредитныхъ. Изъ этихъ займовъ отдѣльное мѣсто занимаетъ заемъ желѣзнодорожный; выпускъ же золотой ренты и заемъ, предстоящій нынѣ, находится въ связи.

Памятнымъ указомъ 1 января 1881 года, даннымъ во время управленія А. А. Абазы, было повелѣно: «не прибѣгая къ дальнѣйшимъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, сокращать, по мѣрѣ возможности и безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка, количество кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ уже въ обращеніе». Сокращеніе предполагалось собственно на цифру 417 мил. руб., выпущенныхъ на нужды послѣдней войны; сверхъ нихъ, находилось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ еще на сумму 716½ мил. руб., и эта послѣдняя цифра осталась неизмѣнною съ тѣхъ поръ. Такимъ образомъ, изъ итога нашего бумажно-денежнаго обращенія, представлявшагося цифрой 1,133½ мил. руб., подлежало погашенію нѣсколько больше одной трети.

Хотя погашеніе бумажныхъ денегъ въ такомъ размѣрѣ и не могло обѣщать окончательнаго упроченія нашей валюты, однако, оно казалось необходимымъ. Упомянутые 417 мил. руб. были выпущены въ теченіе короткаго времени, безъ всякаго соображенія съ нуждами торговли, просто потому, что требовались средства на войну; цѣнность кредитнаго рубля отъ этого замѣтно понизилась, или, что все равно, продукты дорожали, а съ ними расли и государственные расходы. Необходимо было безусловно отказаться отъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, и указъ 1881 года, въ этомъ смыслѣ, составляетъ безспорную заслугу А. А. Абазы.

За исключеніемъ изъ 716½ м. р. (такъ называемаго «постояннаго» кредитнаго обращенія)—цифры 173 м. р., составляющихъ размѣнный фондъ государственнаго банка, остальная сумма 543⅓ м. р. представляетъ безпроцентный долгъ казначейства банку за кредитные билеты, которые банкъ выпустилъ отъ себя и предоставилъ казначейству. Но сюда же, къ цифрѣ безпроцентнаго долга банку, должны были причисляться еще и 417 м. р. такъ называемыхъ «временныхъ» выпусковъ, вызванныхъ войной. И такъ, операція, предпринятая по указу 1881 года, должна была состоять изъ двухъ дѣйствій: погашенія долга казначейства банку въ 417 м. р. «временныхъ выпусковъ» и погашенія самыхъ кредитныхъ билетовъ банкомъ, въ размѣрѣ уплатъ, получаемыхъ имъ для этого отъ казначейства.

По указу 1881 года опредѣлено было уплатить для этого банку одновременно 17 м. р., а затѣмъ уплачивать ему ежегодно по 50 м. р. въ теченіе 8 лѣтъ, что и погасило бы весь долгъ ему по 417 м. р. «временныхъ» выпусковъ. Стало быть, при нормальномъ положеніи вещей, то-есть если бы казначейство могло ежегодно, въ теченіе 8 лѣтъ, распоряжаться свободными остатками изъ бюджетныхъ средствъ на 50 м. р., погашая

ими свой временный долгъ банку, а банкъ былъ бы въ состояніи всѣ эти 50 м. р., покрытые кредитными билетами отъ казначейства, тотчасъ сжигать, то операція принесла бы для всѣхъ ощутительную пользу: подняла бы русскій кредитъ и цѣнность кредитнаго рубля. Фактическимъ признакомъ такой возможности служило повышеніе, тотчасъ послѣ обнародованія указа, вексельнаго курса, который въ теченіе всего января 1881 года держался выше 25 пенсовъ, а къ сентябрю дошелъ даже до 26¼ пенсовъ (петербургская биржа 28 авг. 1881 г.) и въ теченіе сентября стоялъ вообще на 26-ти.

Но такъ какъ и финансовое, и кредитное положенія наши ненормальны, то операція не могла ни совершиться такъ просто, ни дать все то, что обѣщалось ея сущностью. Прежде всего, государственный банкъ не могъ дѣйствительно уничтожать кредитныхъ билетовъ на всѣ тѣ суммы, какія получалъ по счетамъ отъ государственнаго казначейства. Чтобы уяснить это, надо напомнить, что въ странѣ, относительно бѣдной капиталами, частный кредитъ слишкомъ несамостоятеленъ и хотя, судя по сотнямъ существующихъ частныхъ и общественныхъ банковъ, онъ у насъ довольно развитъ, но въ дѣйствительности всѣ эти банки опираются на банкъ государственный, который и является не только средоточіемъ всего внутренняго кредита, какъ въ иныхъ странахъ, но, можно сказать, какъ бы источникомъ его.

При такой роли государственнаго банка, состояніе его кассы, естественно, подвержено колоссальнымъ измѣненіямъ, смотря по временамъ года, такъ какъ въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой, отливъ капиталовъ изъ банка и обратный приливъ ихъ не регулируются сколько-нибудь равномѣрно, но дѣлаютъ огромные скачки, въ зависимости отъ времени уборки хлѣба и вывоза его за границу. До января 1881 года разница въ состояніи кассы банка, какъ то показываютъ его отчеты, составляла въ разные мѣсяцы 30 — 35 м. р. (напр., въ 1880 г. низшая цифра была 70 м. р., высшая 101 м. р.).

Пока банкъ распоряжался правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, онъ пользовался имъ для коммерческихъ цѣлей, и производилъ такіе временные выпуски кредитныхъ билетовъ для снабженія центральной кассы и отдѣленій средствами въ теченіе осени, когда происходятъ разсчеты по хлѣбной операціи и вклады отливаютъ, а учетъ векселей сильно возрастаетъ, а затѣмъ постепенно извлекалъ изъ обращенія эти излишніе кредитные билеты и возвращался къ прежней нормѣ. Не надо смѣшивать этихъ, такъ сказать, внутреннихъ банковыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на цѣли торговыя съ тѣми усиленными выпусками, къ которымъ побудило его казначейство для своихъ нуждъ и которые только увеличивали долгъ казначейства банку.

Но когда рѣшено было безусловно отказаться на будущее время отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на какія бы то ни было цѣли, то

касса банка потеряла уже прежній рессурсъ для той эластичности, которая, однако, оставалась для нея обязательною при той роли источника внутренняго кредита, какую исполняетъ у насъ банкъ государственный. Тогда банку пришлось уже, для обезпеченія себя наличностью на время осеннихъ разсчетовъ, прибѣгнуть къ иному средству, а именно накоплять кассу и держать ее въ остальные мѣсяцы гораздо выше, чѣмъ требовали постоянныя нужды торговли. Предвидя такое положеніе, банкъ и выговорилъ себѣ, еще при составленіи указа 1 января 1881 года, чтобы для него не было сдѣлано обязательнымъ дѣйствительное погашеніе кредитныхъ билетовъ одновременно съ полученіемъ уплатъ долга отъ казначейства. Указъ 1 января и предоставилъ банку погашать эти билеты не въ размѣрѣ уплатъ отъ казначейства, т.-е по 50 м. р. въ годъ, но по мѣрѣ возможности.

Такимъ образомъ, получивъ по счетамъ казначейства въ уплату долга 67 м. р. въ первый годъ и по 50 м. р. въ слѣдующіе два года, а всего 167 м. р., банкъ дѣйствительно погасилъ кредитныхъ билетовъ, то-есть сжегъ ихъ, всего на сумму 60 м. р. Остальные онъ долженъ былъ задержать частью въ видѣ резерва для коммерческихъ нуждъ, то-есть для увеличенія своей кассы, частью же принужденъ былъ употреблять на пріобрѣтеніе отъ государственнаго казначейства разныхъ, временныхъ и постоянныхъ, процентныхъ бумагъ, которыя казначейство выпускало какъ на покрытіе своихъ бюджетныхъ дефицитовъ, такъ и на временныя свои нужды, а, наконецъ, и на самую уплату банку по 50 м. р. въ годъ, какъ то требовалось во исполненіе указа 1881 года.

И такъ, ходъ погашенія долга казначейства банку и погашеніе банкомъ кредитныхъ билетовъ, эти два дѣйствія, вмѣщавшіяся въ операціи, установленной указомъ, не совпадали, и одна значительно отстала отъ другой. Вслѣдствіе того, дѣйствительное уменьшеніе количества кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, доселѣ произошло лишь въ такомъ размѣрѣ, что не могло оказать никакого вліянія на ихъ цѣнность, и курсъ продолжалъ падать. Въ настоящее время онъ сравнительно опять поднялся, но, все-таки, стоитъ гораздо ниже ($24^1/_2$ пенса, биржа 1 сентября), чѣмъ былъ при самомъ началѣ операціи. А, между тѣмъ, ежегодная уплата банку по 50 м. р. налагала на казначейство тягость, отъ которой оно могло избавляться только посредствомъ заключенія новыхъ займовъ и переуступки части ихъ банку, для внесенія на свой счетъ тѣхъ 50 м. р., которые оно должно было уплатить банку и которые банкъ одновременно записывалъ на счетъ казначейства, а затѣмъ тотчасъ списывалъ на уплату себѣ его долга.

Съ своей стороны, министерство финансовъ не могло поступать иначе для производства этихъ уплатъ, потому что излишка доходовъ передъ расходами оно не имѣло, а, наоборотъ, нуждалось въ чрезвычайныхъ средствахъ для покрытія даже обыкновенныхъ расходовъ. Отчетъ контроля за 1882 годъ показываетъ, что для покрытія обыкновенныхъ расходовъ обык-

новенными доходами не достало $7^1/_2$ м. р., а, включая остатки отъ прежнихъ смѣтъ, чрезвычайныя поступленія и чрезвычайные расходы за 1882 годъ, оказался дефицитъ въ 51 м. $688^1/_2$ т. р., изъ которыхъ 50 м. р. и представляли уплату банку.

При такомъ положеніи дѣлъ, ясно, что вся сумма уплаченнаго долга банку была заимствована изъ средствъ чрезвычайныхъ. Нельзя, конечно, опредѣлить, какая часть этихъ 167 м. р. была уплачена не изъ займовъ, а изъ другихъ чрезвычайныхъ средствъ. Но въ 1883 году вся уплата 50 м. р. банку была прямо произведена изъ золотой ренты.

Правда, въ 1882 году произошло замѣчательное возвышеніе суммы доходовъ. До войны наибольшую цифру доходовъ далъ 1875 годъ, а именно $576^1/_2$ м. р. (включая оборотные); до этого, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, доходы вообще быстро возрастали. Но съ 1876 года произошло явленіе обратное: цифра дохода упала до $559^1/_4$ м. р., затѣмъ до $548^3/_4$ м. р. (за 1877 г.); подобнаго явленія давно передъ тѣмъ не бывало. Съ 1878 же года, вслѣдствіе возвышенія налоговъ и оживленія дѣлъ, по окончаніи войны, цифра дохода, казалось, пріобрѣла вновь прежнюю эластичность: она выразилась въ почти 626 м. р. за тотъ годъ и безъ малаго 662 м. р. за 1879 годъ.

Затѣмъ эластичность опять теряется: за 1880 г. цифра дохода опять падаетъ слишкомъ на 10 м. р. (651 м.) и остается тождественною (въ милліонахъ) за 1881 годъ. Но въ 1882 году, благодаря новому усиленію налоговъ, сумма доходовъ сразу дѣлаетъ скачекъ вверхъ на 52 м. р.

И такъ, казалось бы, мы начинаемъ приближаться ко времени перевѣса доходовъ надъ расходами. Но расходы возрастаютъ своимъ путемъ, а продолженіе роста доходовъ въ такомъ размѣрѣ, какъ то было съ 1881 на 1882 годъ, представляется, повидимому, невѣроятнымъ. По крайней мѣрѣ, передъ нами фактъ, что, несмотря на свѣдѣнія о весьма благопріятномъ поступленіи доходовъ и о сокращеніи расходовъ, министерство финансовъ рѣшилось прямо отказаться отъ ежегодной уплаты 50 м. р. банку—изъ средствъ, предвидимыхъ росписями, и исходатайствовало новый законъ, въ силу котораго для уплаты банку по 50 м. р. прямо опредѣляется производить ежегодно съ этой цѣлью особые займы.

Мы видѣли, что уже въ ноябрѣ прошлаго года министерство финансовъ вступило на этотъ путь, мотивировавъ выпускъ золотой ренты необходимостью уплаты банку 50 м. р. на основаніи указа 1881 г. (указъ 11 ноября 1883 г.). Но затѣмъ въ іюлѣ текущаго года появился въ *Собр. Указ.* указъ 8 іюня 1884 г., окончательно установляющій этотъ путь спеціальныхъ займовъ для окончанія операціи, предпринятой въ 1881 году. Въ этомъ указѣ сказано, что «уплата банку 50 м. р. наличными деньгами къ опредѣленному сроку вызываетъ иногда необходимость въ заключеніи займовъ въ неблагопріятное для сего время», а потому признано

нужнымъ «предоставить государственному казначейству наиболѣе удобные способы къ исполненію возложенной на него обязанности».

Съ этой цѣлью опредѣляется производить ежегодную уплату 50 м. р. по усмотрѣнію министра финансовъ или кредитными билетами, или же выпусками пятипроцентной непрерывно-доходной ренты, въ золотой или кредитной валютѣ. Рента эта будетъ прямо засчитываться банку въ уплату, по опредѣленному курсу, съ тѣмъ, чтобы проценты по рентѣ, переданной банку, выдавались съ 1 января наступившаго за уплатою года и, впредь до продажи ренты банкамъ, обращались не въ прибыли банка, а на погашеніе кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время войны. Затѣмъ самая форма этихъ займовъ, т.-е. будуть ли они внутренніе или внѣшніе, а также цѣна и условія выпуска—предоставляются также на усмотрѣніе министра финансовъ. Правительство оставляетъ за собой право выкупа этихъ рентъ по нарицательной цѣнѣ, но не ранѣе 20 лѣтъ со времени выпуска каждой. Это послѣднее условіе составляетъ различіе противъ первой непрерывно доходной (золотой) ренты, выпущенной въ ноябрѣ прошлаго года: относительно той, правительство оговорило себѣ право выкупа уже черезъ 10 лѣтъ. Сверхъ того, та, первая непрерывно-доходная рента освобождена навсегда отъ уплаты какой-либо пошлины, чего въ указѣ 8 іюня о новыхъ рентахъ не сказано.

И такъ, вотъ тотъ заемъ, который намъ предстоитъ черезъ мѣсяцъ или два Относительно самой мотивировки этой новой мѣры, въ которой, между прочимъ, подтверждается «о неуклонномъ исполненіи указа 1881 года», надо сказать, что уплата банку и доселѣ производилась чисто-счетнымъ образомъ, при помощи новыхъ процентныхъ бумагъ, и хотя совершалась къ опредѣленному сроку, т.-е. къ 1 января, но выборъ времени, благопріятнаго для выпуска процентныхъ бумагъ для этой цѣли, и доселѣ принадлежалъ министерству финансовъ. И впредь оно будетъ выпускать непрерывно-доходныя ренты, въ какомъ мѣсяцѣ сочтетъ это удобнымъ, но во всякомъ случаѣ, все-таки, ранѣе 1 января слѣдующаго года, такъ какъ исполненіе указа 1881 года требуетъ, чтобы уплата банку производилась ежегодно. И такъ, въ этомъ отношеніи указъ 8 іюня не создаетъ ничего новаго.

Другое дѣло—самый способъ погашенія кредитныхъ билетовъ. Отнынѣ эта часть операціи, предпринятой въ 1881 году,—погашеніе самыхъ кредитныхъ билетовъ,—уже совершенно удаляется отъ другой части той же операціи -отъ погашенія долга казначейства банку. Этого долга,—по выпускамъ кредитныхъ билетовъ на войну,—остается теперь 250 м. р. Выпуская ежегодно непрерывно доходныхъ рентъ на 50 м. р., казначейство погаситъ этотъ долгъ банку въ 5 лѣтъ, и эта сторона указа 1881 года будетъ исполнена въ теченіе опредѣленнаго въ томъ указѣ восьмилѣтняго срока.

Но самое погашеніе кредитныхъ билетовъ, т.-е. уничтоженіе ихъ на

сумму 417 м. р., указомъ 1881 г. хотя и предоставлено было банку произвести постепенно, однако, предполагалось, все-таки, что погашеніе это произойдетъ въ тотъ же восьмилѣтній срокъ, такъ какъ дѣйствительной цѣлью указа была, конечно, именно эта часть операціи. Между тѣмъ, въ силу новаго указа, на погашеніе кредитныхъ билетовъ должны обращаться только 5°/₀ съ той суммы въ непрерывно-доходныхъ рентахъ, какую банкъ получитъ отъ казначейства и не продастъ.

Банкъ, конечно, будетъ стараться продавать ренту, такъ какъ ему выгоднѣе употреблять пріобрѣтенные отъ продажи кредитные билеты—въ операціи кратко-срочнаго кредита, чѣмъ держать въ рукахъ ренту, съ которой доходъ предназначается на погашеніе бумажекъ. А въ указѣ и сказано, что всѣ вырученные отъ продажи рентъ кредитные билеты непремѣнно подлежатъ уничтоженію. Но еслибъ банкъ даже и хотѣлъ всю выручку отъ продажи рентъ цѣликомъ употреблять на погашеніе кредитныхъ билетовъ, едва ли ему это удастся, такъ какъ, несомнѣнно, ему будутъ поручаемы еще другіе займы съ немедленнымъ внесеніемъ авансовъ государственному казначейству. Если же разсчитывать на погашеніе кредитныхъ билетовъ только на тѣ 5°/₀, которые будетъ приносить ежегодные выпуски ренты, т.-е. на 2½ мил. руб. въ первый годъ, на 5 мил. руб. во второй и т. д., то на погашеніе всей, остающейся нынѣ изъ 417 мил. руб. суммы, а именно 357 мил. руб., потребовалось бы 30 лѣтъ.

И такъ, одно здѣсь представляется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, именно, что погашеніе самыхъ кредитныхъ билетовъ на 417 мил. руб., въ теченіе 8 лѣтъ съ 1881 года, какова была существенная мысль указа 1881 года, въ этотъ срокъ не осуществится. Тѣмъ не менѣе, нельзя, все-таки, не сочувствовать намѣренію министерства финансовъ продолжать дѣло 1881 года. Это дѣло заключалось, прежде всего, въ безусловномъ отказѣ отъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Но затѣмъ, если дѣйствительное уничтоженіе части бумажнаго обращенія будетъ происходить гораздо медленнѣе, чѣмъ сперва предполагалось, то оно можетъ сдѣлаться совершенно нечувствительнымъ для поправленія валюты, а, между тѣмъ, на казначейство ляжетъ новое бремя уплаты процентовъ съ 250 мил. руб., а съ прошлогодними 50 мил. руб. (изъ золотой ренты) — на сумму 300 мил. руб.

Мысль объ изъятіи бумажныхъ денегъ изъ обращенія посредствомъ процентныхъ займовъ или о консолидаціи бумажныхъ денегъ, о замѣнѣ безпроцентнаго долга процентнымъ находитъ горячихъ противниковъ въ нѣкоторыхъ публицистахъ. Ихъ тревожитъ, во-первыхъ, то сокращеніе мѣновыхъ знаковъ, которое должно произойти при этомъ, а, во-вторыхъ, ихъ возмущаютъ тѣ жертвы, которыя казначейство, по необходимости, должно понести при такой операціи.

Но разсужденія о количествѣ мѣновыхъ знаковъ, необходимомъ для торговыхъ оборотовъ, совершенно гадательны. Что нынѣшнее бумажное де-

нежное обращеніе не превышаетъ потребности торговли и промышленности въ знакахъ мѣны, это не доказывается нашими приверженцами бумажной «инфляціи» ни однимъ фактомъ, кромѣ того, что въ Москвѣ и еще нѣкоторыхъ внутреннихъ фабричныхъ центрахъ появилось, вдобавокъ, обращеніе досрочныхъ купоновъ отъ процентныхъ бумагъ. Но это явленіе совсѣмъ неубѣдительно. Оно не происходитъ отъ недостатка мѣновыхъ знаковъ, а, во-первыхъ, зависитъ отъ временнаго пониженія цѣнности фондовъ вслѣдствіе прилива ихъ изъ-за границы; во-вторыхъ, оно представляетъ отчасти простое злоупотребленіе, которое хозяева дозволяютъ себѣ по отношенію къ рабочимъ, несмотря на сдѣланное недавно воспрещеніе. Странно говорить, будто количество мѣновыхъ знаковъ соображалось съ нуждами торговли, когда оно фактически умножалось вовсе не сообразно съ торговыми нуждами, а просто вслѣдствіе необходимости денегъ на войну. Если даже допустить, что 716 мил. руб. постояннаго обращенія не были излишни до войны 1877—78 гг., то очевидно, что 1,133 мил. руб., оказавшіеся въ 1878 году, не могли не быть излишни болѣе чѣмъ на треть. Удивительно же было бы въ самомъ дѣлѣ, что, выпуская кредитные билеты для нуждъ войны, мы выпустили бы ихъ какъ разъ въ пропорцію нуждамъ торговли и промышленности.

Между тѣмъ, прямымъ доказательствомъ, что количество бумажныхъ денегъ оказалось слишкомъ велико послѣ войны и продолжаетъ быть излишнимъ доселѣ, служитъ вздорожаніе продуктовъ, обезцѣненіе кредитнаго рубля, продолжающееся и до сихъ поръ. Обезцѣненіе это обнаруживается въ постепенномъ, хотя и съ временными перерывами, паденіи курса. Правда, паденіе курса объясняется неблагопріятностью торговаго баланса. Но привозъ иностранныхъ товаровъ съ каждымъ годомъ сокращается, а задолженность наша заграницей хотя и возрастаетъ, но не въ такой же степени, чтобы объяснять постоянное паденіе курса. Сверхъ того, если рѣчь о бумажныхъ деньгахъ только какъ о мѣновомъ средствѣ, то не надо забывать, что, на ряду съ умноженіемъ бумажнаго обращенія, болѣе и болѣе входили въ обычай еще иныя средства для разсчетовъ, какъ-то: чеки и переводы, уменьшавшіе нужду въ готовой наличности.

«Инфляціонисты» не хотятъ знать, что кредитный рубль есть не только мѣновой знакъ, но еще и прежде всего — обязательство государственнаго казначейства, и что даже мѣновымъ знакомъ онъ только отъ того и можетъ быть, что представляетъ собою внутреннюю цѣнность — обѣщаніе уплаты, хотя бы только въ видѣ пріема его въ платежъ податей. Достаточно простаго соображенія, что изъ 1,000 мил. руб. кредитныхъ, находящихся теперь въ обращеніи, 600 мил. руб. могутъ быть ежегодно обращаемы на платежъ пошлинъ (таможенныя мы исключили), податей и за пользованіе казенными имуществами, чтобы объяснить, что цѣна кредитнаго рубля, хотя онъ и неразмѣнный, доселѣ не падала ниже 60 коп.

мет. Въ этомъ размѣрѣ, т.-е. въ отношеніи 6 къ 10, опъ, все-таки, косвенно остается какъ бы размѣннымъ.

Но возможно ли допустить, что кредитный рубль сохранилъ бы какую-либо цѣнность, если бы казна совершенно отказалась принимать его въ уплату? Конечно, нѣтъ, хотя нужда въ мѣновыхъ знакахъ для торговли и тогда бы осталась. Съ другой стороны, если бы бумажно - денежное обращеніе сократилось съ 1,000 до 600 мил. руб., то-есть всего на 400 мил. руб., то цѣна кредитнаго рубля, несомнѣнно, поднялась бы, такъ какъ тогда, говоря примѣрно, разумѣется, уже каждый рубль могъ бы быть предъявляемъ въ уплату казначейству 600 милл. налоговъ. Если бы при этомъ рубль кредитный, все - таки, не достигъ цѣны 100 коп. мет., то это зависѣло бы, во-первыхъ, отъ неспособности его ходить заграницей, во-вторыхъ, отъ непріема его въ уплату таможенныхъ пошлинъ, въ-третьихъ, наконецъ, отъ того, что не каждый же рубль изъ 600 милліоновъ, обращающихся въ публикѣ, былъ бы дѣйствительно нуженъ для уплаты въ казну, такъ какъ капиталъ въ среднемъ терминѣ обращается въ странѣ быстрѣе чѣмъ одинъ разъ въ годъ.

Такія примѣрныя сравненія не имѣютъ иной цѣли, какъ только, въ виду распространяемаго нынѣ страннаго ученія, напомнить, что бумажныя деньги вовсе не только мѣновые знаки, наравнѣ съ какими-нибудь фишками, что имъ присущъ характеръ государственнаго долговаго обязательства, что въ этомъ заключается сохраняемая ими доселѣ цѣнность и что, не имѣя такой финансовой цѣнности, онѣ не могли бы служить и мѣновыми знаками для торговли.

Отсюда слѣдуетъ, что забота о сокращеніи неразмѣннаго бумажнаго обращенія, хотя бы эта консолидація, это превращеніе части безпроцентнаго долга въ долгъ процентный и налагала на государство большія жертвы, вовсе не есть одна фантазія экономистовъ, но дѣло, обѣщающее большую пользу, дѣло необходимости. Плоха была бы та финансовая система, которая не стремилась бы хотя въ отдаленномъ будущемъ къ упорядоченію нашей денежной системы и къ возстановленію размѣна. Неразмѣнныя бумажныя деньги были и въ Великобританіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Италіи, однако, вездѣ нашли необходимымъ и возможнымъ устранить ихъ, возстановить внутренній государственный кредитъ и размѣнъ, обезпечивающій прочность самого мѣноваго знака.

Жертвы государства на исправленіе денежной системы возвратятся въ иныхъ видахъ: прекратится разорительное для самой казны быстрое вздорожаніе продуктовъ, устранится неточность торговыхъ разсчетовъ, ослабится спекуляція и исчезнетъ эксплуатація нашей денежной неурядицы заграничными биржами, которыя доселѣ наживаютъ ежегодно десятки милліоновъ рублей на одпихъ колебаніяхъ нашего курса, производимыхъ отчасти искусственно и, сказать кстати, при помощи нашихъ же частныхъ коммерческихъ банковъ.

Стало быть, обращеніе къ процентнымъ займамъ для сокращенія количества кредитныхъ билетовъ, само по себѣ, вовсе не есть такой парадоксъ, какъ то представляется нѣкоторымъ публицистамъ. Во всѣхъ предположеніяхъ о возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля процентные займы играли главную роль. Нынѣшній министръ финансовъ Н. Х. Бунге въ проектѣ, составленномъ еще въ 1878 году, предлагалъ слѣдующія мѣры: изъ 1,074 милл. руб. бумажно-денежнаго обращенія (тогдашняя цифра; она почти тождественна съ нынѣшней — 1,073 милл. руб.) изъять 700 милл. руб. консолидируя ихъ посредствомъ внутреннихъ займовъ; изъ остальной же суммы 374 милл., одна часть—180 милл. руб. обезпечивалась бы размѣннымъ фондомъ, а остальная—194 милл. руб. осталась бы въ видѣ безпроцентнаго долга, такъ какъ въ этомъ размѣрѣ профессоръ Бунге признавалъ безопаснымъ необезпеченное обращеніе. Консолидацію же 700 милл. кред. руб. Н. Х. Бунге предполагалъ произвести посредствомъ выпуска внутреннихъ металлическихъ займовъ на такую сумму, какая соотвѣтствовала бы 700 милл. кредитныхъ рублей.

И такъ, переходъ къ систематическому ряду процентныхъ займовъ для отвержденія части (одной трети) безпроцентнаго долга представляетъ лишь въ малой мѣрѣ мысль, которую нынѣшній министръ финансовъ предлагалъ еще 6 лѣтъ тому назадъ.

Но, вполнѣ сочувствуя стремленію къ сокращенію бумажно-денежнаго обращенія и къ упорядоченію нашей денежной системы, мы укажемъ только на одно непремѣнное условіе для успѣха исполненія указа 1 января 1881 года тѣмъ путемъ, какой нынѣ опредѣленъ указомъ 8 іюня. Условіе это—предоставленіе государственному банку дѣйствительной возможности и вмѣненіе ему въ обязанность продавать все количество уступаемыхъ ему рентъ, съ уничтоженіемъ всего количества выручаемыхъ этою продажей кредитныхъ рублей. Для этого слѣдуетъ, прежде всего, бережнѣе обращаться съ кассою банка и избѣгать займовъ на другія, текущія надобности казначейства. При такомъ условіи, — если оно возможно, — всѣ 417 милл. руб., имѣвшіеся въ виду указомъ 1881 года, могли бы быть дѣйствительно погашены, если и не въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1881 года, то хоть въ 8 лѣтъ съ нынѣшняго года.

Нижегородскій губернаторъ генералъ Барановъ назвалъ Нижній—«портомъ» и «пригородомъ» Москвы. Москва можетъ быть довольна, что хоть пригородъ ея торговалъ въ нынѣшнюю ярмарку изрядно, такъ какъ въ самой Москвѣ слышатся жалобы на общій застой въ дѣлахъ. Въ Петербургѣ раздаются жалобы еще громче. Результаты Нижегородской ярмарки оказались лучше, чѣмъ ожидали въ нынѣшнемъ году, и даже лучше прошлогоднихъ. Мануфактурные товары сбывались довольно успѣшно, хотя и по невысокимъ цѣнамъ; разсчеты производились такъ удовлетворительно, какъ давно не запомнятъ.

Послѣ урожая и осенняго вывоза хлѣба, результатъ Нижегородской ярмарки у насъ, можно сказать, самое крупное экономическое явленіе въ году, такъ какъ оно, главнымъ образомъ, обусловливаетъ сбытъ мануфактурныхъ продуктовъ, а, стало быть, и положеніе фабричной производительности. И вотъ,—странное дѣло!—въ то время, какъ у насъ все звонче и настойчивѣе раздаются крики о необходимости усилить покровительство мануфактурамъ, произвести общее возвышеніе таможеннаго тарифа, оказывается, что дѣла мануфактуристовъ еще довольно удовлетворительны, между тѣмъ какъ хлѣбная торговля, а съ ней и земледѣліе, т. е. почти исключительный заработокъ огромнаго большинства населенія, вступили въ состояніе истиннаго кризиса.

Съ тревогою ждалъ земледѣлецъ жатвы и долженъ бы радоваться урожаю, а, между тѣмъ, обстоятельства сложились такъ, что и урожаю-то радоваться нечего. Слышатся, наоборотъ, даже выраженія удовольствія, что урожай, въ концѣ-концовъ, оказался не такъ повсемѣстенъ, какъ думали въ концѣ лѣта, особенно въ восточныхъ губерніяхъ. Утѣшаютъ себя тѣмъ, что хоть будетъ куда дѣвать хлѣбъ, на который рѣшительно нѣтъ спроса.

Уменьшеніе спроса русскаго хлѣба заграницу подъ вліяніемъ соперничества Америки и Австраліи — явленіе не новое, наступившее вовсе не внезапно. Оно сказалось еще до войны. Ограниченіе, а затѣмъ и паденіе сбыта нашего хлѣба обнаруживалось все яснѣе въ то самое время, когда всѣ наши заботы были посвящены увеличенію сбыта нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ. Переложеніе пошлины на золото сразу возвысило таможенный тарифъ на 50%, а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ повышеній.

Между тѣмъ какъ всѣ усилія клонились къ увеличенію сбыта мануфактурныхъ издѣлій и дѣйствительно значительно сократили ввозъ, а для внутренней промышленности искусственно создавали конкурренцію въ русскихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, куда нѣмцы стали переводить капиталы, мастеровъ и рабочихъ,—нашъ хлѣбный отпускъ встрѣтился еще съ соперничествомъ Индіи. Америка и Австралія отбили у насъ англійскій рынокъ, на которомъ когда-то русская пшеница преобладала, и завалили массами своего хлѣба всѣ западные рынки вообще. При этомъ американская пшеница представила то преимущество предъ русскою, что была сортирована. Но, все-таки, отборная русская пшеница считалась по качеству выше американской. Теперь же Индія отнимаетъ у насъ и это преимущество: индійская пшеница оказывается еще лучше нашей.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, несмотря сперва на застой, а потомъ на паденіе общей цифры нашего хлѣбнаго отпуска, усилился было вывозъ въ Германію нашей ржи. Но въ то время, какъ у насъ протекціонисты добивались возвышенія таможеннаго тарифа въ ущербъ иностранной фабрикаціи, какъ будто одна Россія вольна возвышать ввозныя пошлины и вести таможенную войну, Германія, которой эти возвышенія шли въ ущербъ,

какъ для производительности, такъ и въ особенности для транзитной торговли, отвѣтила намъ репрессаліями. Она стала, въ свою очередь, возвышать пошлины на нашъ хлѣбъ и въ настоящее время, пользуясь паденіемъ цѣнъ на своихъ рынкахъ на пшеницу, намѣревается еще поднять пошлины на хлѣбъ. Такимъ образомъ, наша рожь становится для германскаго рынка и менѣе нужна, и менѣе доступна.

Вотъ достигнутые доселѣ экономическіе результаты. Все дѣлалось и дѣлается доселѣ для отечественныхъ мануфактуристовъ, но для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ пока не дѣлается ничего. Между тѣмъ, если хлѣбный отпускъ въ Европу изъ Америки и Австраліи, а въ послѣднее время и изъ Индіи, сдѣлалъ такіе громадные успѣхи, то совершилось это, конечно, не чудомъ, но стараніями. Постройка колоссальныхъ желѣзныхъ дорогъ, удешевленіе провозныхъ тарифовъ для хлѣба, облегченіе погрузки и перегрузки элеваторами, которыми, вмѣстѣ съ тѣмъ, очищаютъ и сортируютъ зерно, устройство при этихъ зерноподъемахъ обширныхъ складовъ для хлѣба и развитіе кредита подъ варранты, что предоставляетъ крупнымъ производителямъ хлѣба и торговцамъ возможность соображаться со спросомъ хлѣба заграницею,—все это, вмѣстѣ взятое, представляло поученіе, которымъ мы не съумѣли пользоваться во время.

Теперь же,—послѣ того какъ искусственное покровительство посредствомъ запретительнаго тарифа, премій и правительственныхъ заказовъ, вызвало у насъ къ жизни большіе заводы, конечно, вблизи заказовъ и премій,—стали утверждать, что всѣ эти заводы не нужны, такъ какъ построены они тамъ, гдѣ нѣтъ ни желѣза, ни угля или гдѣ мѣстнаго угля—какъ въ московскомъ районѣ — недостаточно. Стали разсуждать, что заводы эти слѣдуетъ перенести въ другія мѣстности, туда, гдѣ дѣятельность ихъ будетъ опираться на условія естественныя, а не искусственныя.

Точно также, вызвавъ посредствомъ возвышеній тарифа, быстрое развитіе фабрикаціи ситцевъ, сукна и т. д., въ Лодзи, Згѣржѣ, стали толковать, что, по настоящему, слѣдовало бы возстановить таможню на границѣ Царства Польскаго, такъ какъ тамошняя конкурренція производитъ застой въ нашей внутренней фабричной производительности.

Дѣйствительно, «покровительство», если оно не ограничивается устраненіемъ препятствій, но дѣйствуетъ устраненіемъ соперничества, представляетъ своего рода заколдованный кругъ. Мы станемъ все возвышать тарифъ, но и противъ насъ станутъ дѣлать то же самое. Сегодня мы уступаемъ требованію горнозаводчиковъ о покровительствѣ, завтра мы должны уступить такому же требованію машиностроителей, для которыхъ вздорожалъ матеріалъ, а послѣ завтра всѣ прочіе заводчики сошлются на вздорожаніе машинъ и потребуютъ новаго общаго возвышенія тарифа.

Въ этомъ заколдованномъ кругѣ, какъ и въ логическомъ circulo vitioso, самая логика приводитъ какъ будто къ самопротиворѣчію. Такъ, послѣ оказанія всяческаго покровительства существующимъ желѣзо-дѣлательнымъ

заводамъ, мы пришли, наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ къ наложенію пошлины на уголь, что уже противорѣчитъ покровительству какъ тѣмъ заводамъ, такъ и вообще фабрикаціи.

Между тѣмъ, мануфактуристы сбывали свои произведенія въ Нижнемъ недурно, а въ земледѣльческомъ дѣлѣ опасность, противъ которой ничего не было сдѣлано, приняла, наконецъ, видъ угрожающій. До какой степени въ протекціонистской части печати наивно относились къ необходимости скорыхъ мѣръ для поддержанія нашего хлѣбнаго отпуска, показываетъ примѣръ газетной полемики по поводу пресловутой исторіи съ элеваторами. Образовалась русско-американская компанія, которая не требовала никакой привилегіи, а только разрѣшенія строить элеваторы. Предложеніе ея могло включать въ себѣ условія неудобныя, по которымъ оно и было отклонено,—это другой вопросъ. Но въ газетной агитаціи противъ этой компаніи какой доводъ выставлялся главнымъ и считался наиболѣе убѣдительнымъ? Тотъ, что Америка, не довольствуясь отнятіемъ у насъ европейскаго хлѣбнаго рынка, хочетъ еще взять въ «свои» руки всю русскую хлѣбную торговлю! Америка, цѣлая часть свѣта, выставлялась подводящею «интригу» противъ Россіи посредствомъ какой-то компаніи.

Не говоримъ уже относительно преувеличеннаго представленія о патріотизмѣ двухъ нью-йоркскихъ капиталистовъ, которые, будто бы, готовы были пожертвовать собственными выгодами интересамъ чикагскихъ экспортеровъ хлѣба и для этого соединились еще съ двумя русскими богатыми землевладѣльцами. Но достаточно сообразить, что, вѣдь, Америка въ настоящее время уже является побѣдительницей надъ нами на европейскихъ рынкахъ, стало быть, для чего же ей еще подпускать подъ насъ такую хитрую интригу? Интригуютъ слабые, а сильные просто захватываютъ, какъ Америка и сдѣлала. Между тѣмъ, басня объ американской интригѣ имѣла у насъ въ печати большой успѣхъ и ее еще доселѣ по временамъ припоминаютъ, поздравляя себя, что спасли русскій хлѣбный вывозъ отъ американскихъ элеваторовъ, складовъ иваррантовъ. Дѣйствительно, есть съ чѣмъ поздравлять себя!

И, въ то же самое время, тѣ же протекціонисты указываютъ сами, что безъ устройства элеваторовъ и обширныхъ складовъ, а также безъ развитія кредита подъ варранты намъ о какомъ-либо соперничествѣ съ Америкой и Индіей въ хлѣбной торговлѣ нечего и думать. Но хотятъ, чтобы все это сдѣлали само правительство или чисто-русскіе предприниматели. Правительству, однако, которое дѣлаетъ займы изъ 6-ти процентовъ, не такъ легко обратить 25 милл. рублей на дѣло чисто-коммерческое, которое ему, конечно, дало бы только убытки. Что касается чисто-русскихъ частныхъ компаній, то нельзя, разумѣется, не пожелать ихъ основанія и успѣха, но чуть ли намъ не суждено еще на долго остаться при одномъ пожеланіи, такъ какъ что-то восемь такихъ компаній уже образовались было, полу-

чили уставы и открыли дѣйствіе гораздо раньше русско-американской, но вскорѣ ликвидировали свои дѣла.

Не только ничего не сдѣлано доселѣ для поддержанія земледѣлія и хлѣбнаго отпуска, отъ котораго одного зависятъ и столь любезный протекціонистамъ «торговый баланс», и самый спросъ въ народѣ продуктовъ покровительствуемыхъ фабрикантовъ, и, наконецъ, исправное поступленіе налоговъ, но скорѣе предвидятся еще перемѣны неблагопріятныя и для земледѣлія, и для отпуска хлѣба. Такъ, первое серьезное предостереженіе о паденіи нашего хлѣбнаго отпуска подъ вліяніемъ американскаго соперничества и объ утратѣ русскимъ хлѣбомъ прежняго преобладанія на англійскомъ рынкѣ было заявлено еще лѣтъ семь тому назадъ въ запискѣ, поданной одесскимъ купечествомъ объ упадкѣ одесской торговли. Съ тѣхъ поръ помощь ни откуда не явилась, но, наоборотъ, сильное обложеніе привознаго угля въ портахъ Чернаго моря, послѣдовавшее нынѣшнимъ лѣтомъ, несомнѣнно можетъ отозваться только неблагопріятно на отпускѣ хлѣба изъ Одессы, вслѣдствіе вздорожанія фрахтовъ. Хлѣбъ изъ южныхъ губерній еще болѣе прежняго станетъ направляться, по юго-западнымъ дорогамъ, къ Кенигсбергу и частью выгодъ нашимъ экспортерамъ придется дѣлиться съ нѣмцами.

Далѣе. Протекціонисты указываютъ на возможность удешевленія и улучшенія самаго производства хлѣба посредствомъ бо́льшаго примѣненія земледѣльческихъ машинъ, но при этомъ забываютъ, что сами же они требуютъ наложенія пошлинъ на земледѣльческія машины, ввозимыя изъ-за границы, увѣряя, что тогда и у насъ устроится фабрикація ихъ не хуже заграничной.

Но устроится она или не устроится, во всякомъ случаѣ это дѣло еще впереди, а между тѣмъ какъ проектъ объ обложеніи привозныхъ земледѣльческихъ орудій уже составленъ, самое земледѣліе и хлѣбная торговля уже вступили въ состояніе кризиса, который ждать ничего не будетъ. Всѣ извѣстія согласны въ томъ, что спроса на нашъ хлѣбъ изъ-за границы совсѣмъ нѣтъ, цѣны на хлѣбъ падаютъ, русскій хлѣбъ, уже вывезенный за границу, сбывается тамъ даже дешевле, чѣмъ за него было заплачено въ Россіи, лишь бы продать, но покупателей нѣтъ. Петербургскіе хлѣбные амбары на Невѣ ломятся отъ излишка хлѣба, сваливаемаго уже на зимовку; то же происходитъ въ Рыбинскѣ, и полагаютъ, что огромныя партіи хлѣба даже не дойдутъ до Рыбинска, а останутся зимовать на волжскихъ пристаняхъ, что обойдется торговцамъ дешевле.

Высказываясь выше противъ возвышеній таможеннаго тарифа, мы должны оговориться, что разумѣли при этомъ только дальнѣйшія увеличенія пошлины въ настоящее время съ протекціонистской цѣлью. Никто, конечно, не станетъ спорить, что пошлины таможенныя, какъ и всякіе другіе налоги, могутъ быть по временамъ и постепенно возвышаемы, собственно съ цѣлью усиленія казеннаго дохода. Едва ли есть также у насъ

въ Россіи и такіе противники протекціонной системы, которые считали бы возможнымъ сразу отказаться и отъ всякаго покровительства. Такія быстрыя перемѣны невозможны въ дѣлѣ промышленности, которая развивается долговременно, сообразно съ существующими условіями, и не выноситъ внезапной, крутой ихъ перемѣны безъ кризиса.

Но если уже говорить о покровительствѣ, то необходимо замѣтить, что, обращаясь, главнымъ образомъ, въ пользу крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, оно иногда шло прямо противъ своего принципа, принося имъ въ жертву «національный» же трудъ ремесленный. Съ одной стороны, самое развитіе фабричнаго дѣла поглощало независимый ремесленный трудъ, замѣняя ремесленниковъ фабричными, что представляло, впрочемъ, явленіе неизбѣжное. Съ другой стороны, облегчая фабрикантамъ пріобрѣтеніе изъ-за границы сырья и продуктовъ полуобработанныхъ, такое покровительство убивало вспомогательный ремесленный трудъ, который занимался приготовленіемъ издѣлій, не требующихъ большаго капитала въ машинахъ. Какъ на примѣръ перваго явленія, можно указать на исчезновеніе самостоятельнаго производства дешевыхъ часовъ въ Россіи, замѣнившагося сборкою частей механизмовъ, выписываемыхъ фабрикантами изъ-за границы; то же самое можно сказать о мелкомъ, ремесленномъ приготовленіи музыкальныхъ инструментовъ. Другое явленіе отразилось въ упадкѣ независимаго ремесленнаго производства мелкихъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, и вообще въ кризисѣ кустарнаго производства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дороговизна въ Россіи капитала и недостатокъ мелкаго кредита сдѣлали то, что, по мѣрѣ титаническихъ успѣховъ въ каждой отрасли производства, ремесленники подпали подъ полную кабалу посредниковъ-торговцевъ, которые, во - первыхъ, берутъ за свое посредничество больше, чѣмъ платятъ за трудъ, во-вторыхъ, фальцифицируютъ «національный» трудъ, заставляя ремесленниковъ ставить на своихъ издѣліяхъ иностранныя клейма и тѣмъ заграждать себѣ путь къ пріобрѣтенію извѣстности.

Поэтому всякаго сочувствія заслуживаетъ мысль объ открытіи въ Москвѣ въ апрѣлѣ будущаго года первой всероссійской ремесленной выставки. Дѣло это, по истинѣ національное, должно было зародиться въ природномъ центрѣ Россіи, тамъ, гдѣ живѣе сознаетъ себя русская мысль и сильнѣе чувствуется русскій починъ.

Самое возникновеніе этого предпріятія имѣетъ характеръ очень сочувственный. Безъ всякаго оффиціальнаго повода и покровительства, само ремесленное сословіе Москвы, по мысли члена своего А. Н. Пузанова, приступаетъ къ устройству выставки въ Петровскомъ паркѣ исключительно на собственныя средства экспонентовъ. Собраніе выборныхъ московскаго ремесленнаго сословія назначаетъ коммиссію, съ г. Пузановымъ во главѣ; коммиссія быстро составляетъ планъ дѣйствій, издаетъ циркуляръ, обращенный ко всѣмъ русскимъ ремесленникамъ о необходимости такой выставки, которая выяснила бы положеніе ремесленнаго дѣла въ Россіи.

Мысль находитъ сочувствіе и въ Москвѣ, и внѣ Москвы. Вырабатываются смѣты и вполнѣ практичная программа. По предварительному разсчету расходовъ, каждый участвующій долженъ внести 15 р.; если впослѣдствіи окажется прибыль, то она будетъ раздѣлена между участниками. На выставку будутъ допускаться только издѣлія собственныхъ мастерскихъ ремесленниковъ, записанныхъ въ цехи, и, сверхъ того, издѣлія мастерскихъ, содержимыхъ при школахъ и пріютахъ благотворительныхъ обществъ. Къ сентябрю участвующихъ объявилось уже болѣе 900 челов. Петербургской газетѣ *Новости* сообщаютъ изъ Москвы, что нѣкоторые изъ здѣшнихъ торговцевъ, продающихъ издѣлія ремесленниковъ, недружелюбно относятся къ этому предпріятію и даже угрожаютъ своимъ поставщикамъ товара лишить ихъ заказовъ, если они примутъ участіе въ выставкѣ. Будемъ, однако, надѣяться, что такихъ торговцевъ найдется въ Москвѣ немного и что отъ своихъ угровъ они откажутся. Выставка откроется 21 апрѣля будущаго года, въ день столѣтія оффиціальнаго учрежденія ремесленнаго сословія.

Предпріятіе это заслуживаетъ сочувствія во всѣхъ отношеніяхъ: и какъ плодъ свободнаго общественнаго почина, и какъ дѣло, разсчитанное скромно, безъ лишнихъ затѣй, русское дѣло, веденное на практическій нѣмецкій ладъ, и какъ серьезная попытка къ освобожденію русскаго ремесленнаго знанія и искусства отъ той анонимности и того гнета, въ какихъ его держитъ торговая эксплуатація.

Выше, бесѣдуя о вечернихъ школахъ для взрослыхъ, учреждаемыхъ александровскимъ земствомъ, мы сказали, что доселѣ ничего не сдѣлано, чтобы обратить въ пользу массу поневолѣ свободнаго времени, какое по необходимости остается у земледѣльческаго населенія страны сѣверной. Между тѣмъ, этотъ нашъ основной экономическій фактъ могъ бы быть обращенъ въ пользу развитія не только школъ, но и ремеслъ въ быту крестьянскомъ. Вмѣсто того, чтобы отрывать земледѣльцевъ отъ сохи и передѣлывать ихъ въ фабричныхъ крѣпостныхъ, какъ бы того желали протекціонисты, слѣдовало бы желать великаго покровительства распространенію ремесленнаго труда въ селеніяхъ, тѣмъ болѣе, что дѣло учрежденія ремесленнаго кредита, то дѣло, которому въ Германіи положилъ начало Шульце изъ Делича, у насъ могло бы на себя взять правительство, какъ сдѣлало оно при учрежденіи банка для снабженія крестьянъ землею. Но для того, чтобы дать сильный толчекъ истинно-плодотворному дѣлу, содѣйствіе кредитомъ къ распространенію въ нашихъ селеніяхъ ремесленнаго труда, въ видѣ подспорья къ труду земледѣльческому,—для этой цѣли и меньшія средства были бы достаточны. Вообще широкое, еще почти непочатое пространство представляетъ великая, плодородная русская нива для предпріятій, направленныхъ къ поднятію умственнаго и экономическаго народнаго благосостоянія.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Настоящее и будущее электричества.—Его исторія.—Смерть Рихмана.—Первая электрическая машина и лейденская банка.—Электрическій змѣй.—Открытіе гальваническаго тока.—Александръ Вольта и его знаменитый столбъ.—Гальваническіе элементы и законъ Ома. — Связь между электричествомъ и магнетизмомъ и открытіе Эрстеда.— Электро-магнетизмъ.—Электролизъ. — Индукція.— Приложенія электричества.— Телеграфъ и баронъ Шиллингъ.—Аппараты Морзе и Юза.—Усовершенствованія въ телеграфахъ и распространеніе телеграфной сѣти. — Телефонъ, фонографъ и микрофонъ. — Электрическое освѣщеніе. — Регуляторы. — Лампы Лодыгина, Кона и Булыгина.—Свѣча Яблочкова.—Другія системы электрическаго освѣщенія.—Дифференціальныя лампы.—Лампы съ накаливаніемъ Эдиссона, Максима и Свана.—Эдиссонъ, какъ изобрѣтатель.—Распространеніе электрическаго освѣщенія.—Электрическое освѣщеніе на желѣзныхъ дорогахъ. — Фотофоръ Труве. — Передача силы на разстоянія помощью электричества.—Электрическое отопленіе. — Электрическія лодки. — Электро-аэронавтика и опыты Тиссандье.— Электрическіе часы.—Противупожарныя электрическія приспособленія, желѣзнодорожная сигнализація, никкелированіе, добываніе металловъ и разныя мелкія примѣненія электричества. — Леченіе электричествомъ.— Заключеніе.

Ни одна отрасль человѣческаго знанія не имѣла такого сильнаго вліянія на всѣ стороны жизни, какъ электричество. Въ относительно короткое время эта область физической науки сдѣлала такіе успѣхи, такъ далеко ушла впередъ, что мы едва успѣваемъ слѣдить за ея поступательнымъ движеніемъ. Открытія и изобрѣтенія по электричеству поражаютъ смѣлостью и неожиданностью. Новая сила, сила XIX столѣтія, сдѣлалась въ рукахъ человѣка могучимъ орудіемъ цивилизаціи. Силой тока пользуются уже почти во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности. Но недалеко то время, когда сила эта сдѣлается господствующей, когда все будетъ производиться наиболѣе просто и экономично при помощи электричества, а всѣ другія силы будутъ сведены къ возбужденію тока. Всякій, кто слѣдилъ за прогрессомъ механики и физики, долженъ придти къ убѣжденію, что электрическая энергія есть дѣятель будущаго, что съ нею тѣсно связано дальнѣйшее развитіе человѣчества. Уже и сейчасъ намѣчены новыя научныя отрасли, въ основѣ которыхъ лежитъ сила электричества.

Электро-терапія, электро-технологія, телеграфія, телефонія, гальванопластика, электрическое освѣщеніе, желѣзнодорожная сигнализація, электроаэронавтика, передача силы на разстоянія, — все это наглядные примѣры того, какъ широко развѣтвился за послѣднее время этотъ небольшой и весьма еще юный отдѣлъ физической науки.

Высшія техническія школы, сознавая всю важность электро-техники, вводятъ въ свои программы обширные курсы по этому отдѣлу физики. Такъ, уже въ настоящее время электро-техника читается въ Штутгартѣ, Ахенѣ, Ганноверѣ, Карлсруэ. Не мало способствуютъ также ея успѣхамъ электрическія выставки, быстро слѣдующія одна за другою. Время отъ времени объявляются конкурсы на важнѣйшія изобрѣтенія въ области электротехники. Такъ, французская академія наукъ предложила большую премію имени Вольта (50,000 фр.) за изобрѣтеніе болѣе совершеннаго способа утилизаціи электричества, какъ источника теплоты, свѣта, химической энергіи и средства для передачи работы. Конкурсъ открытъ до 30 іюня 1887 года. Двѣ малыя преміи на золотую медаль (3.000 фр.) назначены за усовершенствованіе теоріи примѣненія электричества къ передачѣ силъ на разстоянія и за изслѣдованіе атмосфернаго электричества (происхожденіе его и причина сильныхъ электрическихъ явленій въ облакахъ). На туринской электрической выставкѣ назначена премія въ 10,000 фр. за лучшій способъ передачи силы на разстоянія. Для возможно широкаго научнаго развитія электро-техники во Франціи образовалось международное общество электриковъ, насчитывающее уже 860 членовъ, между которыми встрѣчаются представители 20 государствъ. Публика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ этой области, ожидая крупныхъ и рѣшительныхъ переворотовъ въ жизни и въ промышленности. Изумленная открытіями Эдисона, Яблочкова, Сименса и др знаменитыхъ электротехниковъ, она не видитъ предѣла изобрѣтательности и съ все возрастающимъ интересомъ ловитъ на лету всякую новость, выходящую изъ этого міра.

Чѣмъ же объясняется это массовое любопытство? Конечно, тѣмъ, что электричество глубоко захватываетъ самую жизнь, стремясь увеличить удобства, комфортъ и вообще народное благосостояніе. Всѣ приложенія электричества имѣютъ самое близкое отношеніе къ жизни и къ практикѣ, и потому они, такъ или иначе, близко касаются всякаго; успѣхи электротехники составляютъ общее достояніе. Вотъ это-то, такъ сказать, общечеловѣческое значеніе электричества и дѣлаетъ его столь популярнымъ и общеинтереснымъ.

Электричество представляетъ собою одну изъ наиболѣе юныхъ отраслей естествознанія. Развитіе его совершилось почти на нашихъ глазахъ, хотя несомнѣнно, что первое знакомство человѣка съ электричествомъ должно быть отнесено къ самой глубокой древности. Проявленіе атмосфернаго электричества, явленіе грома и молніи, невольно останавливало на себѣ вни-

маніе древнихъ. Мы имѣемъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства, что египетскіе и римскіе жрецы, владѣвшіе многими тайнами природы, знали кое-что и объ электричествѣ. Такъ, между прочимъ, имъ было извѣстно существованіе электрическихъ рыбъ, разряженіе грозовыхъ тучъ посредствомъ громоотводовъ; жертвы, приносимыя въ храмѣ Юпитера, убивались электрической искрой. По преданію, одинъ изъ римскихъ царей Туллъ Гостилій, желая, по примѣру своего предшественника Нумы Помпилія, свести небесный огонь на жертву въ храмѣ Юпитера, былъ убитъ молніей. Но физическія познанія древнихъ затерялись въ глубинѣ вѣковъ и пропали почти безслѣдно для потомства. Въ древности электричество разсматривали, какъ необыкновенное явленіе природы, свойственное только одному янтарю, отъ греческаго названія котораго (elektron) произошло и самое названіе силы. Явленіе это было подмѣчено за 6 вѣковъ до Р. Х. греческимъ ученымъ Ѳалесомъ изъ Милета.

Существованіе электрическихъ рыбъ также было не безъизвѣстно древнимъ (о нихъ пишетъ Плиній); но свѣдѣнія ихъ объ этихъ интересныхъ животныхъ были крайне смутны и ограничивались весьма неопредѣленными представленіями.

Отрывочныя, разрозненныя эмпирическія познанія древнихъ не могли, конечно, способствовать дальнѣйшему развитію физической науки, и она въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была обречена на полнѣйшее бездѣйствіе.

Только въ XVII столѣтіи начались первые серьезные опыты, касавшіеся, главнымъ образомъ, воздушнаго электричества. Въ 1652 году французы Далибаръ и Делеръ, по предложенію Франклина, устроили нѣчто вродѣ громоотвода и во время грозы получили на концѣ высокаго металлическаго шеста сильныя искры атмосфернаго электричества.

Подобные опыты уже въ то время чрезвычайно интересовали публику; при экспериментахъ Делера присутствовалъ самъ Людовикъ XV. Все было такъ ново, оригинально, почти непостижимо, что простой металлическій шестъ,—этотъ примитивнѣйшій изъ всѣхъ физическихъ приборовъ, этотъ первообразъ громоотвода, извѣстнаго еще древнимъ, — казался современникамъ какимъ-то чудомъ, когда на вершинѣ его сверкала электрическая искра.

Такого рода изслѣдованія производились послѣ того многими натуралистами и, между прочимъ, нашими соотечественниками М. В. Ломоносовымъ и петербургскимъ профессоромъ Рихманомъ, погибшимъ отъ молніи во время самаго опыта.

Желая изслѣдовать накопленіе электричества на проводникѣ, Рихманъ изолировалъ громоотводъ, проведенный въ его кабинетъ, и, приступивъ къ наблюденіямъ 6 августа 1753 г., во время сильной грозы, разразившейся надъ Петербургомъ, по своей неосторожности, былъ мгновенно пораженъ гигантской искрой, вышедшей изъ проводника. Въ письмѣ къ Шувалову по поводу этого случая Ломоносовъ пишетъ, между прочимъ: «Рихманъ

умеръ прекрасною смертью, но страшусь, чтобы невѣжды не перетолковали сей случай противу наукъ!» Идея громоотвода, какъ извѣстно, принадлежитъ Веніамину Франклину изъ Филадельфіи.

Знаменитый физикъ XVII столѣтія магдебургскій бургомистръ Отто фонъ-Герике, изобрѣтатель воздушнаго насоса, первый устроилъ электрическую машину и получилъ при ея помощи искусственную искру. Главную существенную часть машины Герике составлялъ сѣрный шаръ, вращающійся на оси станка и натираемый прямо рукой. Съ такимъ простымъ физическимъ приборомъ были изучены многія свойства электричества и, между прочимъ, было замѣчено, что при натираніи шаръ издаетъ трескъ и свѣтится въ темнотѣ. Въ 1671 году вышло въ свѣтъ замѣчательное сочиненіе Отто фонъ-Герике «Experimenta Magdeburgica», послужившее фундаментомъ для дальнѣйшаго развитія науки объ электричествѣ. Машинка магдебургскаго бургомистра привлекала къ себѣ вообщее вниманіе. Самые простые электрическіе опыты, хорошо извѣстные теперь любому гимназисту, приводили въ изумленіе европейскихъ ученыхъ; такъ, напр., первый опытъ воспламененія сѣрнаго эфира электрической искрой, произведенный въ 1744 г. въ только что основанной Фридрихомъ Великимъ академіи наукъ, поразилъ всѣхъ присутствующихъ. Герике первый высказалъ мысль о тождественности электрической искры съ молніей, а въ 1743 году аббатъ Нолле уже прямо утверждалъ, что гроза въ природѣ и электричество въ рукахъ человѣка—одно и то же, и что облако представляетъ собою ничто иное, какъ главный кондукторъ огромной электрической машины.

Особенно сильную сенсацію въ ученомъ мірѣ прошлаго столѣтія произвело открытіе лейденской банки. Приборъ этотъ былъ устроенъ одновременно и независимо въ 1754 г. прелатомъ Клейстомъ въ Помераніи и Кюнеемъ въ Лейденѣ.

Послѣ открытія лейденской банки число наблюденій стало быстро увеличиваться; электризовали все, что попадалось подъ руку,—людей, животныхъ, трупы, растенія и неодушевленные предметы. Такимъ образомъ, скоро накопился богатый фактическій матеріалъ. Вѣсти объ изобрѣтеніяхъ въ области электричества все болѣе и болѣе распространялись, а вмѣстѣ съ этимъ расло и любопытство публики; всякій хотѣлъ лично, на самомъ себѣ испытать то, о чемъ такъ много слышалъ. Опыты съ электрической машиной и съ лейденской банкой сдѣлались необыкновенно популярны. Многіе при опытахъ получали столь сильные удары электричества, что едва потомъ могли оправиться. Физикъ Мушенбрюкъ такъ сильно пострадалъ отъ искры, что писалъ послѣ того Реомюру: «Я бы не согласился получить другой подобный ударъ, даже еслибъ мнѣ предложили французскую корону». Электрическія машины стали появляться на ярмаркахъ для удовлетворенія любопытству толпы, и, напр., въ Данцигѣ, на Доминиканскомъ рынкѣ еще въ 60-хъ годахъ можно было видѣть стариннаго устройства машины, приводимыя въ движеніе на подобіе самопрялки; за

6 пфениговъ всякій могъ осмотрѣть интересный приборъ и за ту же цѣну получить одинъ электрическій ударъ.

Въ 1852 году г. Франклиномъ въ Филадельфіи и де-Ромасомъ во Франціи былъ устроенъ такъ называемый электрическій змѣй для сообщенія земли съ тѣми слоями атмосферы, гдѣ тучи разряжаются. Въ присутствіи многочисленной публики гигантскій змѣй де-Ромаса ($7^1/_2$ фут. вышиною и 3 фут. шириною) поднялся на 550 фут.; между веревкой и землей появлялись огненныя струи до 3 — 4 д. толщиною, сопровождаемыя громомъ, а электрическія искры, сбѣгавшія въ землю, оставляли въ ней отверстія около 1 д. въ діаметрѣ. Этими и другими опытами было несомнѣнно доказано, что въ воздухѣ всегда есть запасъ электричества.

Докторъ Циммерманъ въ своемъ сочиненіи *О гальванизмѣ* пишетъ слѣдующее объ открытіи гальваническаго тока: «Можно доказать,—говоритъ онъ,—что безсмертное открытіе вольтова столба, сдѣлавшееся источникомъ переворотовъ въ наукѣ и въ промышленности, произошло изъ пустаго случая, — изъ того, что жительницѣ Болоньи, г-жѣ Лучіи Гальвани, въ 1790 году вздумалось приготовлять бульонъ изъ лягушекъ, прописанный ей докторомъ, какъ лѣкарство, и случайно положить нѣсколько этихъ животныхъ, уже обнаженныхъ кухаркою, на столъ, гдѣ находилась электрическая машина». Гальвани производилъ опыты въ своей лабораторіи. Когда одинъ изъ его друзей приблизилъ случайно кончикъ скальпеля къ берцовымъ нервамъ лягушки въ то время, какъ другой извлекалъ изъ машины искры, то въ мышцахъ лягушки при каждой искрѣ происходили сильныя судорожныя сокращенія. Этому-то анекдотическому случаю мы и обязаны нашей современной электро-техникой.

Открытіе Гальвани было научно обслѣдовано и объяснено знаменитымъ итальянскимъ физикомъ Александромъ Вольта, который доказалъ, что гальваническій токъ развивается отъ соприкосновенія разнородныхъ металловъ. Устроенный имъ въ 1780 г. приборъ для полученія большихъ количествъ электричества, извѣстный подъ именемъ вольтова столба, по выраженію Араго, представляетъ самый удивительный инструментъ изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ человѣчествомъ, не исключая телескопа и паровой машины.

Открытіе гальваническаго тока и изслѣдованія Вольта составляютъ эпоху въ развитіи ученія объ электричествѣ. Всѣ тѣла, при соприкосновеніи которыхъ появляется электричество, стали называть электровозбудителями, различая ихъ по тому, какимъ электричествомъ они заряжаются— положительнымъ или отрицательнымъ. Для полученія гальваническаго тока вскорѣ послѣ того было устроено нѣсколько приборовъ, паръ или элементовъ, какъ ихъ называютъ, представляющихъ собою ничто иное, какъ систему двухъ (или нѣсколькихъ) электровозбудителей.

Всѣ явленія тока были математически точно выражены извѣстнымъ закономъ нѣмецкаго физика Ома, который въ 1827 году указалъ ту зави-

симость, какая существуетъ между электровозбудительной силой, сопротивленіемъ и силою тока. Этотъ чрезвычайно важный въ ученіи о гальванизмѣ законъ очень долго третировался берлинскими учеными журналами, какъ сплетеніе утопій, недостойныхъ физика, а французы приняли этотъ законъ только спустя десять лѣтъ послѣ его опубликованія.

Между электричествомъ и гальванизмомъ скоро была доказана самая тѣсная связь. То и другое представляетъ проявленіе одной и той же силы, но только въ различномъ состояніи,—первое въ статическомъ, а второе въ динамическомъ. Кромѣ того, давно замѣчена была нѣкоторая аналогія между электрическими и магнитными явленіями, особенно рельефно проявлявшаяся во время сильныхъ грозъ. Извѣстно было, напр., что при ударѣ молніи металлическія части громоотводовъ намагничиваются, а въ надгробныхъ металлическихъ крестахъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ поперечныхъ брусьяхъ всегда проявляется болѣе сильное намагничиваніе, чѣмъ въ продольныхъ.

Въ сочиненіи Араго *О громѣ и молніи* и многихъ другихъ приведено не мало примѣровъ, неоспоримо доказывающихъ, что подъ вліяніемъ молніи стрѣлки компаса въ большей или меньшей степени измѣняютъ свое направленіе, а иногда прямо мѣняютъ свои полюсы, въ чемъ не разъ убѣждались англійскіе мореплаватели. Не рѣдко также замѣчали послѣ удара молніи намагничиваніе желѣзныхъ и стальныхъ предметовъ; но всѣ подобныя наблюденія не поддавались научному анализу и только въ 1820 г. датскому физику Эрстеду удалось найти соотношеніе между электричествомъ и магнетизмомъ, которое онъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: гальваническій токъ, дѣйствуя на магнитную стрѣлку, стремится повернуть ее въ положеніе, перпендикулярное къ ея нормальному положенію *). Эрстедъ открылъ, что подъ вліяніемъ тока магнитная стрѣлка отклоняется отъ плоскости магнитнаго меридіана, а Амперъ показалъ, какъ именно она при этомъ отклоняется. Всѣ явленія, относящіяся къ взаимному дѣйствію магнетизма и электричества составили потомъ особый отдѣлъ электро-магнетизма. Послѣ того, какъ англійскіе физики Никольсонъ и Карлиль разложили воду на ея составныя части дѣйствіемъ гальваническаго тока, Гумфри Дэви произвелъ обширныя изслѣдованія въ этомъ направленіи. Онъ показалъ, что щелочи и щелочныя земли суть тѣла сложныя; онъ первый разложилъ токомъ ѣдкое кали и добылъ изъ него металлъ—калій. Но наилучшее открытіе Дэви, какъ въ шутку говорятъ англичане, состоитъ въ открытіи Фаредэ, этого величайшаго ученаго нашей эпохи. Когда Дэви читалъ въ Лондонѣ свои популярныя лекціи объ электролизѣ, онъ замѣтилъ между своими слушателями молодаго человѣка, поразившаго его своими остроумными вопросами. То былъ Фаредэ, сдѣлавшійся уче-

*) Есть, впрочемъ, мемуары, доказывающіе, что дѣйствіе тока на стрѣлку было замѣчено еще въ 1802 г. итальянскимъ физикомъ Романьези.

никомъ Дэви и вскорѣ прославившійся своими замѣчательными изслѣдованіями въ области гальванизма. Чрезвычайно важное открытіе сдѣлано въ 1832 г. Фаредэ въ Англіи, который нашелъ, что токъ можетъ черезъ вліяніе, при извѣстныхъ условіяхъ, возбудить электричество въ другомъ проводникѣ, и назвалъ такой способъ возбужденія токовъ индукціей или наведеніемъ, а самые токи индуктивными или наведенными. Наведеніе токовъ можетъ быть подобнымъ же образомъ достигнуто и магнитами. Это магнито-электрическая индукція. Всѣ дѣйствія гальваническаго тока получили уже широкое примѣненіе на практикѣ. На индукціи основано устройство магнито-электрическихъ и динамо-электрическихъ машинъ; электролизомъ пользуются въ гальванопластикѣ *), металлургіи, химической промышленности, тепловыми дѣйствіями тока для электрическаго освѣщенія и т. д.

Изъ этого краткаго историческаго очерка видно, что ученіе объ электричествѣ и гальванизмѣ развилось и выросло только въ теченіе настоящаго столѣтія; изъ рукъ Вольта, Ампера, Ома, Дэви и Фаредэ оно вышло во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Въ исторіи наукъ не было, да, вѣроятно, и не будетъ еще подобнаго примѣра, чтобы за такое короткое время какое-нибудь явленіе природы было открыто, изучено и примѣнено къ удовлетворенію столь разнообразныхъ потребностей человѣчества.

Мы перейдемъ теперь къ приложеніямъ электричества и посмотримъ, какъ велики успѣхи электро-техники, сдѣланные за послѣдніе годы.

Попытки устроить электрическій телеграфъ родились еще въ прошломъ столѣтіи; но всѣ они были неудачны, потому что тогда стремились примѣнить не гальванизмъ, а статическое электричество. Первый, кто воспользовался для этого токомъ, былъ нѣкто Земмерингъ, устроившій въ 1809 году, по предложенію баварскаго короля Максимиліана, настоящій телеграфный аппаратъ. Въ 1812 г. баронъ Шиллингъ, служившій тогда при посольствѣ въ Мюнхенѣ, привезъ этотъ приборъ въ Петербургъ, гдѣ и занялся его усовершенствованіемъ. Послѣ многихъ опытовъ Шиллингъ въ 1830 г. устроилъ первый телеграфъ и уже въ 1832 г. у себя на квартирѣ показывалъ его Императору Николаю Павловичу, который собственноручно написалъ на бумагѣ: «Je suis charmé d'avoir fait ma visite a M. Schilling», что и было безошибочно передано телеграфомъ. Въ 1837 году состоялось высочайшее повелѣніе соединить телеграфомъ Петербургъ съ Кронштадтомъ, но Шиллингъ вскорѣ послѣ того умеръ, не успѣвъ осуществить этой задачи. Несомнѣнно, однако, что честь открытія телеграфа принадлежитъ Россіи. Баронъ Шиллингъ всей Европой признанъ отцомъ электромагнитнаго телеграфа. Изъ Бонна, гдѣ въ 1835 г. Шиллингъ показывалъ

*) Гальванопластика одновременно открыта Якоби въ Россіи и Спенсеромъ въ Англіи.

свой приборъ на съѣздѣ естествоиспытателей, свѣдѣнія о немъ быстро распространились по Европѣ и, наконецъ, нѣкто Кукъ вмѣстѣ съ Уитстономъ устроили, основываясь на идеѣ Шиллинга, новый аппаратъ, который и былъ принятъ въ Англіи. Въ 1839 г. началъ строить телеграфы русскій академикъ Якоби, которому Николай Павловичъ поручилъ соединить проволокой Зимній дворецъ съ главнымъ штабомъ. Первые телеграфы были или со стрѣлками, какъ аппаратъ Шиллинга, или съ циферблатами, какъ приборъ Якоби. Они были вытѣснены болѣе удобными и совершенными пишущими и печатающими телеграфами, между которыми особое распространеніе получилъ пишущій аппаратъ Морзе, а изъ печатающихъ — Юза, введенный въ Европѣ въ 60-хъ годахъ. Въ этомъ послѣднемъ аппаратѣ, приводимомъ въ движеніе опускающимся грузомъ, передача депеши производится нажиманіемъ на клавиши особой клавіатуры, соотвѣтствующія извѣстнымъ буквамъ и знакамъ, причемъ депеша печатается на бумажной лентѣ другой станціи. Разница между ними та, что телеграфъ Юза, несмотря на сложность своей конструкціи, передаетъ въ минуту 30 словъ, а Морзе только 15; но, не смотря на это, послѣдній, благодаря простотѣ своего устройства, болѣе распространенъ и сейчасъ, наприм., въ работѣ находится 37,800 аппаратовъ Морзе. Всѣ усовершенствованія, сдѣланныя за послѣднее время въ электро-магнитныхъ телеграфахъ, главнымъ образомъ, направлены къ тому, чтобы сдѣлать возможной одновременную передачу по одной и той же проволокѣ сразу двухъ, четырехъ и даже болѣе депешъ (дуплексы, квадруплексы, мультиплексы). Недавно происходили замѣчательные по дальности разстоянія непрерывные переговоры по телеграфу. Изъ Лондона по индо-европейскому телеграфу переговаривались съ Калькуттой на 10,500 верстъ. Аппаратъ Морзе дѣйствовалъ превосходно.

Въ послѣднее время стали устраивать желѣзнодорожные и судовые телеграфы, позволяющіе получать и отправлять депеши на полномъ ходу во время пути. Въ Англіи уже строятся пловучіе маяки-телеграфы, снабженные телеграфными аппаратами; они прикрѣпляются ко дну на подобіе бакеновъ и соединяются съ кабелемъ.

Значеніе телеграфа въ государственной, общественной и экономической жизни трудно опредѣлить въ короткихъ словахъ; оно и безъ того ясно для всякаго. Достаточно сказать, что телеграфъ уже введенъ въ Китаѣ, между Пекиномъ и Тіенсиномъ.

Телеграфная сѣть расширяется съ изумительной быстротой. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, длина всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ линій достигла уже 650,000 килом., а длина проволоки 1.800,000 килом., т.-е. если бы вытянуть эту проволоку въ одну линію, то ею можно бы обмотать землю 45 разъ.

Въ 1876 году быстро одинъ за другимъ были изобрѣтены телефонъ, фонографъ и микрофонъ; приборы эти при своемъ появленіи надѣлали очень много шуму. Фигурировавшій на филадельфійской выставкѣ 1876 года те-

лефонъ бостонскаго профессора Белля обратилъ на себя всеобщее внимание. Приборъ этотъ, о которомъ извѣстный английской физикъ Томсонъ сказалъ, что онъ представляетъ собою чудо изъ чудесъ, служитъ для передачи человѣческой рѣчи на извѣстное разстояніе. Телеграфъ передаетъ мысль, телефонъ — самую рѣчь. Аппаратъ Белля идеально простъ по своему устройству, дѣйствуетъ безъ батареи и какое угодно время, безъ всякихъ издержекъ и безъ всякой подготовки со стороны говорящихъ лицъ.

Во всякомъ телефонѣ, вслѣдствіе того, что и индуктивный токъ слабъ, и много теряетъ въ силѣ во время передачи, звукъ говорящаго ослабляется въ 2,000 — 8,000 разъ и потому бываетъ слышенъ только при поднесеніи телефона къ уху. Индуктивный токъ въ этомъ приборѣ не можетъ быть даже обнаруженъ обыкновеннымъ гальванометромъ; сила его почти въ билліонъ разъ менѣе силы тока въ обыкновенныхъ телеграфахъ. Въ настоящее время существуетъ много системъ телефоновъ; нѣкоторые изъ нихъ, благодаря усовершенствованной конструкціи, могутъ служить для переговоровъ на очень большихъ разстояніяхъ; такъ, наприм., между Нью-Іоркомъ и Клевелендомъ существуетъ телефонъ на 700 миль, а вновь построенное сообщеніе между Чикаго и Нью-Іоркомъ простирается на 1,500 верстъ и телефонъ дѣйствуетъ вполнѣ успѣшно. При помощи телефона могутъ переговариваться не только двое, но и нѣсколько лицъ, и, кромѣ того, можно передавать мелодію.

Между многочисленными примѣненіями, которыя нашелъ телефонъ въ практической жизни, отмѣтимъ наиболѣе важныя. Въ военное время онъ можетъ служить для перехватыванія непріятельскихъ депешъ (для чего рядомъ съ телеграфной проволокой прокладываютъ телефонную; въ крѣпостяхъ для передачи приказаній и командъ разнымъ частямъ войскъ и батареямъ, а также при поднятіи на воздушномъ шарѣ съ цѣлью развѣдки непріятельской позиціи; для переговоровъ съ водолазами и въ каменно-угольныхъ копяхъ; для открытія присутствія тока, какъ гальваноскопъ; на фабрикахъ, заводахъ и вообще при передачѣ звуковъ на разстояніе до 60 километровъ (какъ показали опыты въ Мюнхенѣ). Тамъ, гдѣ ни телефонъ, ни телефонъ съ микрофономъ не могутъ быть примѣнены непосредственно (какъ, наприм., на войнѣ звукъ орудій мѣшаетъ телефонной передачѣ), съ удобствомъ можетъ быть примѣненъ приборъ Якоби.

Телефонная сѣть въ относительно короткое время очень широко раскинулась; въ настоящее время телефонъ введенъ уже въ Китаѣ, Японіи, Индіи и даже на Сандвичевыхъ островахъ. Въ Россіи въ теченіе какихъ-нибудь 5 лѣтъ число абонентовъ возрасло до 1,200.

Между Дувромъ и Кале дѣйствуетъ уже телефонъ посредствомъ подводнаго кабеля.

18 января 1878 г., въ американской газетѣ *Scientific American* появилось слѣдующее извѣстіе: «Томасъ Эдиссонъ надняхъ принесъ въ редакцію маленькую машинку, поставилъ ее на столъ и началъ вертѣть ру-

коятку; тогда машина спросила насъ о здоровьѣ, нравится ли намъ фонографъ и въ заключеніе пожелала намъ покойной ночи». Вскорѣ вѣсть о новомъ удивительномъ изобрѣтеніи появилась во всѣхъ журналахъ съ подробнымъ описаніемъ конструкціи прибора, которая оказалась весьма простою.

Засѣданіе парижской академіи наукъ 11 марта 1878 г., въ которомъ уполномоченный Эдиссона Паскесъ показывалъ свой фонографъ, отличалось необычнымъ оживленіемъ. Въ этомъ знаменитомъ засѣданіи произошелъ маленькій курьезъ. Ученое собраніе заподозрило фокусъ и Паскеса стали было обвинять въ томъ, что онъ угощаетъ академію не новымъ физическимъ приборомъ, а просто чревовѣщаніемъ. Ропотъ былъ настолько серьезенъ, что Паскеса удалили въ другую комнату и заставили тамъ говорить въ фонографъ, который затѣмъ былъ внесенъ въ залу засѣданія. При вращеніи фонографа послышалась членораздѣльная человѣческая рѣчь и зала огласилась шумными рукоплесканіями.

Несмотря на свою удивительную простоту, фонографъ представляетъ, однако, крайне несовершенный аппаратъ, даже и при всѣхъ послѣдующихъ усовершенствованіяхъ. Это не помѣшало, впрочемъ, Эдиссону выражать весьма преувеличенныя надежды на свой приборъ. Такъ, онъ думалъ, напр., фонографически печатать цѣлыя сочиненія и потомъ заставлять фонографъ читать ихъ, выражалъ убѣжденіе, что приборъ этотъ будетъ произносить человѣческую рѣчь лучше, чѣмъ самъ человѣкъ, что примадонны, вмѣсто исполненія ангажементовъ, будутъ просто присылать въ дирекцію оловянные листки съ фонографа. По словамъ Эдиссона, фонографъ можетъ быть учителемъ музыки, передавать завѣщаніе много лѣтъ спустя послѣ смерти завѣщателя и его голосомъ, и многое тому подобное. Въ своемъ аэрофонѣ онъ при помощи паровой машины стремится передать человѣческій голосъ на большое разстояніе и, притомъ, весьма громко, чтобы дать возможность говорить оратору передъ большой толпой, передавать громко приказанія на судахъ и т. д. Упругая, колеблющаяся пластинка открываетъ и закрываетъ клапанъ паровой трубы и паръ громовымъ голосомъ воспроизводитъ звуки, произносимые въ аэрофонѣ.

Юзъ своимъ микрофономъ достигъ того, что посредствомъ телефона можно слышать такіе звуки, которые обыкновенно неуловимы для человѣческаго уха, какъ, напр., хожденіе мухи, треніе между колесами карманныхъ часовъ и пр. Микрофонъ, усиливая звуки, въ акустикѣ играетъ ту же роль, какъ микроскопъ въ оптикѣ. Важныя услуги приборъ этотъ можетъ оказать въ медицинѣ и хирургіи; пользуясь имъ, врачъ можетъ изслѣдовать біеніе пульса и сообщить по телефону совѣтъ больному. Современная медицина уже воспользовалась микрофонами. Недавно, какъ сообщаетъ *Science et Nature*, Казиміромъ Дембинскимъ изобрѣтенъ новый микрофонъ, при помощи котораго человѣческая рѣчь можетъ быть передана совершенно ясно на разстояніе 400 верстъ.

Обратимся теперь къ одному изъ наиболѣе важныхъ примѣненій электричества — къ освѣщенію. Хотя до сихъ поръ электрическая лампа еще не вытѣснила газоваго освѣщенія, но, тѣмъ не менѣе, практическое примѣненіе электрическаго свѣта, по словамъ Томсона, составляетъ не только мечту ученаго, но имѣетъ на своей сторонѣ и возможность практическаго осуществленія. И дѣйствительно, съ каждымъ годомъ на нашихъ глазахъ все болѣе и болѣе развивается электрическое освѣщеніе и мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что эта отрасль электро-техники болѣе, чѣмъ всѣ другія, интересуетъ общество. Все чаще и чаще слышимъ мы о новыхъ шагахъ въ этомъ направленіи. Кажется, уже никто не сомнѣвается въ справедливости мнѣнія Томсона, что преобразованіе механической силы въ электрическій свѣтъ должно обойтись дешевле, чѣмъ превращеніе той же силы въ газовое освѣщеніе.

Извѣстно, что между угольными электродами, если они были приведены въ соприкосновеніе и затѣмъ удалены на извѣстное разстояніе, появляется блестящее пламя—вольтова дуга, свѣтъ которой зависитъ отъ накаленныхъ частицъ угля, отрывающихся отъ электродовъ и сгорающихъ. Вслѣдствіе того, что угли постепенно сгораютъ, пространство между ними увеличивается, токъ ослабѣваетъ и явленіе свѣта мало-по-малу исчезаетъ.

Очевидно, что для поддержанія постояннаго и непрерывнаго свѣта необходимо, чтобы угли, по мѣрѣ сгоранія, сближались сами съ собой автоматически и чтобы сближеніе это было извѣстнымъ образомъ регулировано, сообразно съ степенью сгоранія углей. Къ этому и направлены всѣ усилія современныхъ электро-техниковъ. Въ 1848 г. были устроены съ этою цѣлью довольно сложнаго устройства регуляторы сперва Фуко, а потомъ Сереномъ; но такъ какъ, съ одной стороны, они дороги, а съ другой—не даютъ возможности дробить свѣтъ, требуя, въ то же время, очень сильнаго тока, то они и не рѣшили окончательно вопроса о практическомъ примѣненіи электрическаго освѣщенія.

Въ 1874 и 75 годахъ появились лампы Булыгина, Кона и Лодыгина, въ которыхъ при посредствѣ машины Alliance накаливались угли, помѣщаемые въ безвоздушномъ пространствѣ; но и онѣ имѣли нѣкоторые важные недостатки, а именно: требовали частой перемѣны углей и давали свѣтъ болѣе слабый, чѣмъ свѣтъ вольтовой дуги.

Задача электрическаго освѣщенія была практически разрѣшена нашимъ соотечественникомъ Яблочковымъ въ 1873 году, а въ 1876 г. онъ уже получилъ во Франціи привилегію на свою электрическую свѣчу (bougie électrique). При посредствѣ простаго и дешеваго прибора, безъ употребленія регуляторовъ, онъ достигъ того, что вольтова дуга, несмотря на сгораніе углей, остается постоянною, вслѣдствіе чего горѣніе происходитъ правильно, безъ всякихъ перерывовъ. Все изобрѣтеніе Яблочкова, сдѣлавшее переворотъ въ этой области электро-техники, заключалось въ томъ, что онъ поставилъ угли не одинъ надъ другимъ, какъ дѣлали раньше, а

параллельно, вслѣдствіе чего при сгораніи углей разстояніе между ними не измѣнялось и длина дуги оставалась постоянною.

Самая свѣча состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ углей (діам. въ 4 милим.), поставленныхъ другъ отъ друга въ разстояніи 3 мил., пространство между углями наполнено какимъ-нибудь изолирующимъ веществомъ (каолинъ, алебастръ, баритъ), которое подъ вліяніемъ высокой температуры превращается въ парообразное состояніе и, накаливаясь само, увеличиваетъ яркость свѣта и сообщаетъ ему пріятную для глаза окраску (отъ каолина фіолетовую, отъ алебастра розоватую). Кромѣ того, изолирующій слой предохраняетъ угли отъ поломокъ и держитъ ихъ всегда на одномъ и томъ же разстояніи. Для большей прочности угли покрываютъ теперь мѣдью гальванопластически. Устроенная такимъ образомъ свѣча можетъ быть сравнена съ обыкновенною стеариновой свѣчею: угли—это фитиль, изолирующій слой—стеаринъ. Такъ какъ угли сгораютъ неравномѣрно, одинъ, соединенный съ положительнымъ токомъ, почти вдвое скорѣе другаго, то Яблочковъ употребилъ для своихъ фонарей машины съ перемѣннымъ (альтернативнымъ) токомъ и, мѣняя направленіе его, достигъ равномѣрнаго сгоранія.

Чтобы не мѣнять свѣчи въ теченіе, напр., вечера, въ фонарь, покрытый матовымъ колпакомъ, ставятъ нѣсколько свѣчей; когда сгоритъ одна—загорается другая. Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ техническія подробности относительно недостатковъ свѣчи и указывать на всѣ тѣ улучшенія и усовершенствованія, какія въ ней были сдѣланы. Скажемъ только, что при равной силѣ свѣта освѣщеніе Яблочковскими свѣчами обходится въ 4—6 разъ дороже, чѣмъ при употребленіи регуляторовъ; одинъ расходъ на угли въ двадцать разъ больше. Большая потеря свѣта является отъ колпака, надѣваемаго на фонарь; она колеблется отъ 40—50%.

Поэтому для освѣщенія большихъ открытыхъ пространствъ — гаваней, маяковъ и т. п., гдѣ нуженъ свѣтъ сконцентрированный, рекомендуютъ регуляторы, а для театровъ, магазиновъ, частныхъ домовъ — свѣчу. Что касается конкурренціи между электрическимъ и газовымъ освѣщеніемъ, то уже окончательно выяснилось, что борьба эта въ случаѣ утилизаціи даровыхъ силъ природы должна окончиться полной побѣдой электричества. Если до сихъ поръ электрическое освѣщеніе еще не вытѣснило окончательно газоваго, то это только потому, что, при употребленіи паровой машины, оно обходится дороже и, притомъ, не позволяетъ дробить свѣтъ настолько, чтобы было возможно на всякомъ мѣстѣ получать слабый электрическій источникъ свѣта. Первоначально употреблявшіяся машины Грамма замѣнены теперь динамо-электрическими машинами Сименса, которыя дешевле, легче, занимаютъ объемъ въ 6 разъ меньше и даютъ немного болѣе свѣта.

Первоначально Яблочковская свѣча появилась въ Парижѣ, гдѣ ею были освѣщены Place et Avenue de l'Opéra, Place du Théâtre Francais, Place de la Bastille. Затѣмъ электрическое освѣщеніе было примѣнено въ Лондонѣ,

на набережной Темзы между Уэстминстерскимъ и Ватерлооскимъ мостами, въ библіотекѣ British Museum, на одной изъ мадридскихъ площадей, въ Петербургѣ: въ Большомъ театрѣ, на Литейномъ мосту, на площади Александринскаго театра, въ Москвѣ, Кіевѣ и во многихъ другихъ городахъ. Несмотря на относительную дороговизну, Яблочковскій фонарь все болѣе и болѣе распространялся до тѣхъ поръ, пока не появились системы, могущія успѣшно съ нимъ конкуррировать. Важная заслуга Яблочкова состоитъ въ томъ, что онъ своимъ изобрѣтеніемъ далъ сильный толчекъ электрическому освѣщенію, перенесъ вопросъ о немъ изъ сферы разнаго рода теоретическихъ соображеній на практическую почву. Въ упрекъ свѣчѣ Яблочкова ставятъ дороговизну, что она требуетъ динамо-электрической машины вмѣстѣ съ паровой (около одной паровой лошади на свѣчу), колпакъ ея задерживаетъ около 50% свѣта, и что, наконецъ, она часто потухаетъ, что влечетъ за собой одновременное угасаніе всѣхъ свѣчей въ цѣпи. Во всѣхъ этихъ упрекахъ есть, конечно, значителиная доля правды и способъ Яблочкова не появился въ такомъ совершенномъ видѣ, чтобы всякія дальнѣйшія усовершенствованія были излишни. Самое главное неудобство свѣчи заключалось въ частомъ потуханіи, на что изобрѣтатель и обратилъ особое вниманіе. Въ настоящее время, благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ, это случается довольно рѣдко и то благодаря небрежности механика при машинѣ или неправильной установкѣ свѣчей. Относительно дороговизны также нужно замѣтить, что стоимость свѣчи очень понизилась: на парижской всемірной выставкѣ она стоила 1¼ фр., а теперь 20 сантимовъ. Въ Петербургѣ же стоимость 23 к., такъ что часъ горѣнія обходится 13 коп., а въ дифференціальныхъ лампахъ 3—6 коп.

Не слѣдуетъ также забывать о многихъ другихъ преимуществахъ электрическаго освѣщенія, а именно о полной его безопасности въ пожарномъ отношеніи *) и о томъ, что оно вовсе не портитъ воздуха, тогда какъ свѣтильный газъ по своей ядовитости, какъ доказалъ Петенкоферъ, постоянно диффундируя въ жилыя помѣщенія, отравляетъ въ нихъ воздухъ, не говоря уже о порчѣ его продуктами горѣнія. Кромѣ того, свѣча Яблочкова, несмотря на высокую температуру вольтовой дуги, обладаетъ столь ничтожнымъ лучеиспусканіемъ тепла, что на близкомъ разстояніи отъ нея можно безопасно держать руку. Только полной безопасностью электрическаго освѣщенія, конечно, и можно объяснить такой, напр., странный фактъ, что амстердамскій газовый заводъ освѣщается лампами съ накаливаніемъ Максима. И такъ, электрическое освѣщеніе обязано своимъ развитіемъ, главнымъ образомъ, русскимъ электро-техникамъ; заграницей же ничего особен-

*) Раздутый противниками электрическаго освѣщенія случай въ парижской Большой оперѣ, конечно, не имѣетъ значенія. Дѣло было такъ: изолирущія вещества проволоки, гуттаперча и хлопокъ, воспламенились отъ до красна раскалившейся подъ вліяніемъ сильнаго тока проволоки; но такіе случаи теперь, когда проволоку изолируютъ негорючимъ амміантомъ и т. п. веществами, невозможны.

но оригинальнаго и, такъ сказать, выдающагося. въ смыслѣ инициативы, не сдѣлано въ этой отрасли. Лампы Ренье, Вердермана и регуляторы Репьева и Доброхотова-Майкова, появившіеся вскорѣ послѣ свѣчи Яблочкова, хотя и представляли нѣчто оригинальное, но примѣненія не получили. Регуляторами Репьева, кажется, освѣщалась только типографія лондонской газеты «Times». Затѣмъ въ 1879 г. появилась лампа Жамена, сходная со свѣчей Яблочкова по расположенію углей, но отличающаяся многими деталями и тѣмъ, что вольтова дуга въ ней внизу угля и весьма постоянна, число свѣчей, вводимыхъ въ одну и ту же цѣпь, можетъ быть вдвое болѣе, свѣтъ бѣлѣе, а угли горятъ медленнѣе. Спиральная лампа Тихомирова имѣетъ одинъ уголь въ формѣ спирали, обвитый вокругъ другаго и служащій положительнымъ полюсомъ. Большой успѣхъ имѣла дифференціальная лампа Сименса (принципъ которой принадлежитъ Чиколеву), представляющая собою ничто иное, какъ регуляторъ электрическаго свѣта. Угли здѣсь расположены одинъ подъ другимъ, какъ во всѣхъ лампахъ съ регуляторами. Каждая отдѣльная лампа, введенная въ цѣпь, независима отъ другихъ, такъ что потуханіе одной нисколько не вліяетъ на другія.

При помощи дифференціальныхъ лампъ можно достичь въ одномъ мѣстѣ очень сильнаго свѣта, а въ другомъ, наоборотъ, слабаго, т.-е., другими словами, этотъ приборъ позволяетъ дѣлить до нѣкоторой степени свѣтъ, что весьма важно для практики.

Вскорѣ послѣ этого знаменитый производитель изобрѣтеній, американецъ Эдиссонъ, дѣлаетъ попытку, скажемъ кстати, далеко не новую,—примѣнить къ электрическому освѣщенію накаливаніе платиновой проволоки гальваническимъ токомъ; но она издаетъ слабый свѣтъ, скоро плавится и рвется, даже и въ томъ случаѣ, если содержитъ значительную примѣсь иридія и осмія. Эдиссону удалось, однако, уничтожить это неудобство. Онъ выкачиваетъ воздухъ изъ стекляннаго колпачка, въ который вставляется платиновая проволока, и затѣмъ запаиваетъ его; тогда проволока, во-первыхъ, не перегораетъ, и, во вторыхъ, издаетъ весьма сильный свѣтъ. Такимъ образомъ появились такъ называемыя лампы съ накаливаніемъ, которыя въ настоящее время въ большомъ ходу. Затѣмъ Эдиссонъ, вмѣсто платины, съ успѣхомъ сталъ употреблять для накаливанія угольки, приготовленные изъ бристольской бумаги, и получилъ въ своихъ лампочкахъ съ угольками свѣтъ, равный 15—16 стеариновымъ свѣчамъ. Потомъ стали готовить угольки изъ хлопчатобумажныхъ волоконъ, изъ травы и т. п. Теперь существуетъ нѣсколько системъ подобныхъ лампочекъ, какъ, напр., Максима, Свана, Ленъ Фокса и др.

Несомнѣнно талантливый физикъ Эдиссонъ получилъ свою извѣстность не только своими дѣйствительно замѣчательными изобрѣтеніями, но и тѣмъ еще, что его остроумныя открытія взяты на откупъ одной американской акціонерной компаніей въ Нью-Іоркѣ, обладающей огромнымъ капиталомъ. Эдиссону платятъ очень большое жалованье, ему отведено прекрасное

помѣщеніе въ Менло-Паркѣ, къ его услугамъ около 20 паровыхъ машинъ, сонмъ помощниковъ и богатѣйшія лабораторіи.

Отъ него требуется только, чтобы онъ изобрѣталъ. И вотъ, этотъ сказочный богатырь создаетъ безъ устали изобрѣтенія, часто дѣйствительно важныя и интересныя, а подчасъ, уставъ изобрѣтать, выпускаетъ въ свѣтъ старое и безполезное. Въ зависимости отъ творчества колеблется и цѣна акцій. Къ сожалѣнію, съ именемъ этого остроумнаго физика много связано и нелѣпыхъ утокъ. Такъ, напр., въ газетахъ, въ эпоху полнаго разцвѣта изобрѣтательности Эдиссона, появилось извѣстіе объ изобрѣтенной имъ самоубаюкивающей люлькѣ. Звуки, испускаемые ребенкомъ, поступаютъ въ слуховую трубу, находящуюся надъ люлькой и, преобразовываясь въ механическую работу, качаютъ люльку. Чѣмъ сильнѣе крики ребенка, тѣмъ энергичнѣе укачиваніе.

Электрическое освѣщеніе получило уже примѣненіе при освѣщеніи маяковъ, судовъ, жел. дорогъ, на войнѣ, на фабрикахъ, въ минахъ, при освѣщеніи улицъ, театровъ и магазиновъ, въ фотографіи (введено Левицкимъ), а также для освѣщенія темныхъ полостей организма (въ 1879 г. Труве освѣтилъ внутренности щуки). При діагнозѣ болѣзней можетъ служить діафоноскопъ Лазаревича, вводимый въ прямую кишку или маточный рукавъ.

Въ какомъ положеніи находится сейчасъ электрическое освѣщеніе, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Особенно развилось оно въ С.-Амер. Штатахъ, гдѣ многіе мелкіе города уже изгнали газъ изъ обращенія, а на континентѣ первый ввелъ электрическое освѣщеніе городокъ Нантуа (депар. Ain), воспользовавшись для этого гидравлической силой.

Въ небольшемъ городкѣ Калифорніи Санъ-Жозе на площади между двумя большими улицами помѣщается на желѣзной усѣченной пирамидѣ, на высотѣ 60 мет., 6 лампъ, по 400 свѣчей каждая; свѣтъ получается очень пріятный и по силѣ напоминаетъ лунный; 6 такихъ пирамидъ превосходно освѣщаютъ весь городъ съ его предмѣстьями.

Въ Нью-Іоркѣ Эдиссономъ устроено электрическое освѣщеніе для ста домовъ на 6 миль протяженія. Нѣкоторые дома находятся на 1,000 метр. разстоянія отъ центральной станціи и въ каждомъ можетъ горѣть отъ 3—100 лампъ. Абоненты платятъ столько же, сколько за газъ. Въ настоящее время проложено проводовъ на 12,000 лампъ съ накаливаніемъ, да заказовъ получено на 61½ тысячу. Въ кузницахъ и мастерскихъ Сенъ-Дени съ большой выгодой примѣнены при освѣщеніи аккомуляторы. Электрическій свѣтъ проникъ даже въ Азію; такъ, въ Японіи онъ получилъ уже право гражданства и введенъ, къ великому удовольствію японцевъ, въ корабельныхъ мастерскихъ, докахъ и верфяхъ. Китайцы также вводятъ эдиссоновскія лампы на своихъ корабляхъ.

Въ Россіи въ обширныхъ размѣрахъ устроено электрическое освѣщеніе на Невскомъ проспектѣ. 32 фонаря работаютъ 4-мя динамо-электрическими

машинами Сименса при 40 сильномъ локомобилѣ. Лампы дифференціальныя требуютъ одну силу на лампу, свѣтъ которой=2,000 свѣчамъ. Въ Москвѣ дифференціальными лампами освѣщена площадь храма Христа Спасителя.

Прекрасно освѣщенъ парижскій Эденъ-театръ. Для наружнаго освѣщенія и фойе примѣнены 16 дифференціальныхъ лампъ, для сцены же 48 свѣчей Яблочкова. Послѣднія предпочтены лампамъ съ накаливаніемъ за ихъ яркость, что чрезвычайно важно для воспроизведенія театральныхъ эффектовъ.

Въ Англіи, Германіи и Франціи были произведены въ обширныхъ размѣрахъ опыты освѣщенія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ электричествомъ (лампами съ накаливаніемъ) при посредствѣ динамо электрической машины и аккомуляторовъ Фора. Динамо-машина устанавливается въ багажномъ отдѣленіи, или, что удобнѣе, за локомотивомъ или тендеромъ, и приводится въ движеніе отъ оси вагоннаго колеса. Дневнымъ движеніемъ можно воспользоваться для заряженія аккомуляторовъ. Такого рода опыты производились во Франкфуртѣ, а постоянное освѣщеніе было устроено на линіи между Лондономъ и Брайтономъ, во Франціи же между Парижемъ, Ліономъ и Средиземнымъ моремъ.

Въ нынѣшнемъ году Труве конструировалъ безопасную лампочку (фотофоръ), которою можно пользоваться при работахъ въ такихъ помѣщеніяхъ, гдѣ является опасность взрыва (каменноугольныя копи, нѣкоторые химическіе заводы, пороховые, динамитные, газовые и т. п.). Батарейка помѣщается на спинѣ или на шеѣ, а самая лампочка утверждается на головѣ.

Обратимся теперь къ другую чрезвычайно важную сферу примѣненія электрической энергіи—къ передачѣ силы на разстоянія.

Долго и упорно держалось мнѣніе, что передача силы на болѣе или менѣе значительныя разстоянія посредствомъ электричества возможна только для произведенія слабыхъ и незначительныхъ усилій, какъ, напр., для телеграфныхъ аппаратовъ. Но быстрое развитіе электро-техники за послѣднее время показало громадное значеніе электрической силы, а также возможность недалекаго переворота въ промышленной, общественной и даже частной жизни. Особенно важное значеніе электрическая энергія получила послѣ изобрѣтенія динамо-электрическихъ машинъ, когда явилась возможность передавать работу на значительныя разстоянія.

Самое распространенное и обычное примѣненіе передачи силы на разстоянія путемъ электричества нашло у насъ освѣщеніе.

Что же касается примѣненія передачи силы на разстоянія посредствомъ электричества для произведенія всякой иной работы, то этимъ стали заниматься позднѣе. Первый выдающійся опытъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 году. На протяженіи одной версты токъ дѣйствовалъ между двумя машинами Грамма и вторая изъ нихъ приводила въ дѣйствіе небольшой насосъ. Подобный

опытъ произведенъ былъ Марселемъ Депре въ 1882 г. на электрической выставкѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ разстояніе между передающею силою и насосомъ, качающимъ воду, доходило до 60-ти верстъ, а проводниками служили обыкновенныя телеграфныя проволоки на столбахъ. Марсель Депре доказалъ этими опытами, что *полезное дѣйствіе при электрической передачѣ энергіи не зависитъ отъ разстоянія.* Мюнхенскіе опыты и выводъ Марселя Депре вызвали сильную полемику въ технической литературѣ, такъ что спустя нѣкоторое время пришлось повторить ихъ снова на парижской сѣверной дорогѣ, гдѣ передавалось около 4-хъ паровыхъ силъ на растояніе 8 верстъ. Впрочемъ, еще раньше въ Лондонѣ горѣніе свѣчи Яблочкова долго поддерживалось на разстояніи 14-ти верстъ.

Еще болѣе важное значеніе будетъ имѣть передача силъ на разстояніе электричествомъ, когда мы будемъ въ состояніи широко воспользоваться даровыми силами природы, каковы вѣтеръ, теченіе рѣкъ, водопады, приливы и отливы и, наконецъ, солнечная теплота.

Но при пользованіи даровыми силами природы необходимо умѣть передавать работу, для чего, какъ показали опыты Марселя Депре *) и другихъ, съ большой выгодой можно воспользоваться электричествомъ. По Берингеру, вода, какъ даровой двигатель, въ 10 разъ дешевле пара.

Самымъ поражающимъ примѣромъ, какую громадную работу можетъ давать вода, служитъ Ніагарскій водопадъ. По послѣднимъ изслѣдованіямъ американскаго инженера Rhodes, работающаго въ настоящее время надъ проектомъ утилизаціи Ніагары для цѣлей освѣщенія ближайшихъ городовъ, среднее количество воды, падающей въ этомъ водопадѣ съ высоты 230 футъ, составляетъ болѣе 270,000 куб. фут.; такимъ образомъ, онъ можетъ дать до 7.000,000 лош. силъ. Энергичнѣе всѣхъ принимаются за пользованіе даровыми силами природы американцы: на американскомъ берегу Ніагарскаго водопада имѣется 5 отводныхъ каналовъ, на которыхъ установлены водяныя колеса въ 1,000 лош. силъ; кромѣ того, устроенъ подземный отводный каналъ, въ который направлена вода изъ верхней части водопада, приводящая въ движеніе нѣсколько турбинъ, имѣющихъ въ общей сложности 5,000 лош. силъ. Benjamin Rhodes доказываетъ, что работа Ніагары для электрическаго освѣщенія посредствомъ турбинъ обойдется *въ 5 разъ дешевле* работы паровыхъ машинъ, несмотря на громадныя затраты. Въ видѣ опыта рѣшено воспользоваться работой Ніагары для освѣщенія г. Буфало, отстоящаго отъ водопада на 80 километр., причемъ разсчетъ ведется Rhodes на 2,000 лампъ. Марсель Депре устроилъ для Гренобля передачу силы водопада, расположеннаго въ 14 верстахъ отъ города, посредствомъ электричества для приведенія въ дѣйствіе фонтана,

---

*) 5 мая сего года академія наукъ въ Парижѣ, обративъ вниманіе на тѣ услуги, которыя электричество можетъ принести промышленности въ вопросѣ о передачѣ работы на разстоянія, присудила Марселю Депре награду Фарадея.

лѣсопильнаго завода и типографскаго станка. Работа передается въ 7 лош. силъ.

Во Франціи муниципальный совѣтъ г. Руана рѣшилъ воспользоваться силой теченія р. Сены для работы динамо - машинъ, которыя доставятъ электрическую энергію для освѣщенія города. Весь городъ будетъ освѣщаться одной весьма сильной электрической лампой, помѣщенной на вершинѣ каѳедральнаго собора. Въ городѣ Рочестерѣ, въ Америкѣ, пользуясь водопадами рѣки Дженесси, устроили электрическое освѣщеніе; точно также у насъ, въ Финляндіи, на одной большой бумагопрядильной фабрикѣ съ этой цѣлью примѣнена сила водопада.

Но самое важное значеніе электрической передачи работы на разстояніи—это тотъ громадный переворотъ, который она произведетъ въ децентрализаціи рабочихъ силъ народа, какъ въ промышленности, такъ и въ частной жизни рабочаго.

Вотъ что говоритъ по этому поводу докторъ Slaby въ рѣчи, читанной имъ въ германскомъ обществѣ поощренія промышленности:

«Чтобы уяснить себѣ, возможно ли доставить нашему ремесленнику рабочую силу при помощи электрической передачи, сдѣлаемъ наименѣе выгодное предположеніе, что только 25°/₀ работы передаются по назначенію отъ главнаго центральнаго двигателя. Во что обойдется кустарю или мелкому промышленнику лош. сила въ часъ въ его мастерской, если онъ будетъ получать ее изъ центральнаго пункта?» спрашиваетъ докторъ Slaby и затѣмъ, пользуясь вычисленіями, сдѣланными Сименсомъ, въ одной изъ его лекцій въ «Society of Arts», дѣлаетъ выводъ, что лошадиная сила для мастерской ремесленника обойдется, при передачѣ отъ центральнаго двигателя электричествомъ, не болѣе, какъ 20,57 пфен. въ часъ. Если же еще принять во вниманіе, что передача электричествомъ обходится minimum въ 6 разъ дешевле пароваго двигателя, то при пользованіи даровой силой природы, внѣ всякаго сомнѣнія, электрическая передача энергіи положительно незамѣнима.

И такъ какъ удешевленіе производства въ нашей промышленности требуетъ скученности рабочихъ рукъ, что вреднымъ образомъ отражается какъ на здоровьѣ рабочаго класса, такъ и вообще на санитарномъ состояніи городовъ, то теперь,—когда очевидна возможность электрической передачи и въ особенности при пользованіи даровыми силами природы,—децентрализація рабочихъ рукъ можетъ легко осуществиться, что не только не повредитъ промышленности, но, напротивъ, значительно разовьетъ ее. Не говоря уже о томъ, что электрическая передача дастъ рабочему возможность работать у себя дома, въ семьѣ, она гарантируетъ его отъ фабричной деморализаціи. Такимъ образомъ, нѣкоторыя фабрики превратятся только въ складочное мѣсто уже изготовленныхъ товаровъ, — въ контору, распредѣляющую получаемыя произведенія по мѣстамъ сбыта.

По силѣ возможности мы старались познакомить читателя съ тѣми глав-

ными видами электрической передачи силы, которые въ большей или меньшей степени уже получили право гражданства въ нашей жизни. Что же касается примѣненія электрической передачи къ обыденной жизни, то въ этомъ отношеніи сдѣлано пока еще очень мало. Въ парижскихъ магазинахъ, впрочемъ, можно часто встрѣтить швейныя машины и вентиляторы. работающіе при помощи электродвигателей. Даже у насъ, въ Петербургѣ, начало входить въ моду освѣщеніе электричествомъ каретъ дѣловыхъ людей, читающихъ въ нихъ газеты или дѣловыя бумаги. Домашнее освѣщеніе, напр., можно легко и недорого устроить всякому у себя дома, пользуясь гальваническими батареями. Такъ, каждый часъ горѣнія одной лампы Эдиссона въ 14,3 свѣчи обойдется при батареѣ Ренье въ $8^1/_2$ коп., при батареѣ Ланда-Шаперона $9^1/_2$ коп.

Англійскіе лорды, съ презрѣніемъ относившіеся къ газовому освѣщенію, рѣшились замѣнить свѣчи своихъ салоновъ элекрическими лампочками, и герцогъ Сутерландскій первый освѣтилъ свой дворецъ лампочками Свана.

Товарищество Сименса и Гальске въ Петербургѣ принимаетъ абонементъ для комнатнаго освѣщенія по 4 коп. за 1 часъ горѣнія лампочекъ съ накаливаніемъ въ 25 свѣчей. Почти всѣ магазины въ Гостинномъ дворѣ изъявили на это условіе свое согласіе и въ скоромъ времени въ районѣ Невскаго проспекта керосиновое освѣщеніе будетъ окончательно вытѣснено. Въ Лондонѣ гг. Эдмундсонъ и К° спеціально занимаются освѣщеніемъ зимнихъ помѣщеній, употребляя для этого лампочки Свана.

Тепловыя дѣйствія тока думали также примѣнить для отопленія жилищъ, желѣзнодорожныхъ вагоновъ и для приготовленія пищи. Въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Вѣнская Выставка* находимъ цѣлую коллекцію различныхъ приборовъ для электрическаго отопленія, изготовленныхъ Вильке. На послѣдней электрической выставкѣ въ Петербургѣ былъ выставленъ подобнаго рода аппаратъ, подъ названіемъ электрической печи. Но всѣ эти попытки пока преждевременны и отопленіе посредствомъ тока оказывается совершенно неэкономичнымъ даже и при пользованіи даровыми силами природы. При настоящемъ уровнѣ электро-техники превращеніе механической работы въ теплоту невыгодно. Есть, впрочемъ, случаи, гдѣ нагрѣваніе посредствомъ тока можетъ принести большую пользу, — это именно превращеніе въ жидкое состояніе трудноплавкихъ металловъ.

В. Сименсъ на парижской электрической выставкѣ расплавилъ нѣсколько килограмовъ стали въ теченіе 14 минутъ, тогда какъ въ печахъ плавка продолжается нѣсколько часовъ; расходъ на топливо, по его словамъ, былъ почти втрое меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда плавятъ непосредственно.

Большое вниманіе публики возбудила изобрѣтенная въ 1882 г. Труве электрическая лодка. Въ 1838 г. Якоби первый сдѣлалъ серьезную попытку воспользоваться электричествомъ для движенія судовъ и поднялся въ устроенной имъ лодкѣ безъ гребцовъ, паруса и пара вверхъ по Невѣ противъ

теченія. Интересный опытъ не имѣлъ, однако, важныхъ послѣдствій и вопросъ объ электрическихъ лодкахъ оставался почти безъ движенія до изобрѣтенія Труве. Его лодка плавала по р. Сенѣ. Публика познакомилась съ нею на парижской электрической выставкѣ. Всѣ приспособленія въ лодкѣ Труве очень легки, удобопереносимы и весьма просты по конструкціи, что даетъ возможность всякую обыкновенную лодку въ нѣсколько минутъ превратить въ электрическую. Маленькая по объему, но довольно сильная батарея и особенно устроенный руль, — вотъ существенно важныя детали электрической лодки, которая пока еще не имѣетъ никакого практическаго значенія, а служитъ только для катанья да для охоты за дикими утками (въ Глазговѣ). Послѣ Труве электрическая навигація была примѣнена въ Англіи, гдѣ подобнаго устройства лодка дѣлала до 14 в. въ часъ противъ теченія и могла плыть безостановочно отъ 6—10 час. Электродвигатели, вѣроятно, съ успѣхомъ будутъ примѣняемы къ подводному плаванію миноносокъ. Затѣмъ вниманіе общества было привлечено замѣчательными опытами Тиссандье, примѣнившаго электричество къ управленію воздушнымъ шаромъ. Онъ устроилъ двигатель около 12 пуд. вѣсомъ, который можетъ поднять 3-хъ пассажировъ и при тихой погодѣ можетъ двигаться со скоростью 4 м. въ секунду. Шаръ имѣетъ 900 куб. ф.

Много работаютъ въ послѣднее время надъ изобрѣтеніемъ электрическихъ часовъ; но хотя системъ чрезвычайно много, но онѣ все еще не получили практическаго примѣненія. Особаго вниманія заслуживаютъ часы, изобрѣтенные Шикзаломъ. Они безъ завода, безъ пружинъ и весь механизмъ въ нихъ состоитъ изъ 2-хъ колесъ. Часы идутъ весьма равномѣрно, стоятъ (стѣнные) не болѣе 5 руб. и приводятся въ движеніе 2-мя элементами Лекланше. Интересенъ также электрическій хронометръ Тимченко.

Среди болѣе или менѣе серьезныхъ примѣненій электричества встрѣчаются и всякаго рода мелочи. Такъ, напр., въ лондонскомъ Савой-театрѣ и въ парискомъ Châtelet лампы Свана были примѣнены въ балетѣ, для воспроизведенія блестящихъ звѣздъ на головахъ танцовщицъ. Труве изобрѣлъ электрическіе брилліанты для головныхъ уборовъ и булавокъ. Въ одномъ изъ № *Scientific American* было сообщено объ изобрѣтеніи электроскопа,—прибора, посредствомъ котораго можно видѣть на далекое разстояніе. Описываются опыты въ Мельбурнѣ, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Они будто бы ясно видѣли, стоя въ темной комнатѣ, скачки, происходившія въ Флемингтонѣ. Но если все это и не совсѣмъ правдоподобно, и сильно напоминаетъ американскую утку, то несомнѣнно, однако, что на вѣнской выставкѣ былъ аппаратъ, снимающій фотографіи на далекомъ разстояніи.

Докторъ Клода приготовилъ фланель, которая при одномъ соприкосновеніи обнаруживаетъ присутствіе электричества, и увѣряетъ, что это прекрасное лѣкарство отъ ревматизма. Шатене устроилъ маленькій электрическій аппаратъ, выжигающій на почтовыхъ маркахъ три штриха, какъ до-

казательство того, что марка была уже въ употребленіи. Тотъ же способъ можетъ быть примѣненъ для билетовъ, купоновъ и т. п.

Существуютъ электрическіе приборы для записыванія импровизацій; таковъ, напр., аппаратъ, изобрѣтенный Фейеромъ, въ Штутгартѣ, и названный имъ фортепіаннымъ телеграфомъ. Онъ, въ то время, какъ играютъ піесу, совершенно точно записываетъ ноты. Такіе же импровизаторы устраиваются для пѣнія.

Весьма серьезно, наприм., дѣлались попытки примѣнить электричество къ истребленію крысъ. Кусокъ мяса соединяется проводникомъ съ лейденской банкой и ея разрядомъ убиваетъ животное.

Одинъ изъ вѣнскихъ мебельныхъ фабрикантовъ примѣнилъ аккомуляторъ Корнбюха къ столярному мастерству; накаленный электричествомъ металлическій прутъ служитъ для воспроизведенія на деревѣ различныхъ узоровъ.

На художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. фигурировала электрическая гравировальная машина Захарова. Машина эта автоматически воспроизводила на металлическихъ вещахъ весьма изящные узоры и работала столь быстро, что въ 6 мин. гравировала 1 кв. дюймъ. Позднѣе Шмидтъ изобрѣлъ электрическую машину подобнаго рода для гравированія и копированія рисунковъ.

Во Франціи съ успѣхомъ примѣнено электричество для предохраненія виноградниковъ отъ дѣйствія весеннихъ морозовъ. Вокругъ виноградника раскладываютъ костры. Внутрь же виноградника помѣщаютъ термометръ и батарею, соединенную съ кострами посредствомъ проводниковъ. Когда ртуть въ термометрѣ понизится до 0°. токъ замыкнется и запалы воспламеняютъ костры.

Въ Америкѣ выходящая въ Лауренсѣ газета *American* уже печатается помощью электричества, приводящаго въ движеніе большія скоропечатныя машины. Пробовали даже пахать землю электричествомъ.

Въ Миланѣ въ галлереѣ Виктора-Эммануила примѣненъ способъ зажиганія газовыхъ рожковъ, которыми освѣщенъ громадный стеклянный куполъ, посредствомъ электричества. Недавно на одной изъ фабрикъ близъ Берлина рабочіе замѣтили, что изъ ремня главнаго ведущаго шкива при приближеніи пальца выскакиваютъ сильныя искры; съ тѣхъ поръ для зажиганія газа на фабрикѣ стали употреблять это импровизированное огниво. Вѣнскій придворный каретникъ Лонеръ примѣнилъ электрическое освѣщеніе къ каретамъ. Токъ отъ аккомулятора зажигаетъ двѣ лампочки съ накаливаніемъ, прикрѣпленныя къ сбруѣ лошадей.

Весьма важное значеніе имѣютъ автоматическіе электрическіе приборы для предупрежденія столкновенія поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ. Въ настоящее время они повсюду введены уже и техники не мало работаютъ надъ ихъ усовершенствованіемъ.

На технической выставкѣ гражданскихъ инженеровъ въ Петербургѣ

былъ выставленъ подобнаго рода аппаратъ для сигнализаціи, изобрѣтенный механикомъ варшавской дороги Лачиновымъ.

Новый приборъ представляетъ серьезное усовершенствованіе сигнальныхъ колоколовъ Сименса, введенныхъ на многихъ русскихъ дорогахъ. На привислянской желѣзной дорогѣ въ каждомъ пассажирскомъ вагонѣ устроены сигналы для остановки поѣзда; стоитъ подавить пуговку, чтобы машинистъ былъ тотчасъ же увѣдомленъ о необходимости остановки.

Въ настоящее время сильно распространяется никкелированіе, т.-е. покрываніе никкелемъ мѣдныхъ, стальныхъ и желѣзныхъ предметовъ съ цѣлью предохраненія ихъ отъ ржавчины и сообщенія имъ болѣе красиваго цвѣта. Теперь никкелируютъ хирургическіе инструменты, металлическія части упряжи, ножи, вилки, самовары, лампы, ружья, пистолеты, часы, части паровыхъ и швейныхъ машинъ и многое другое. Еще болѣе важное примѣненіе нашелъ электролизъ въ рафинированіи металловъ, при добываніи изъ руды золота и при добываніи нѣкоторыхъ металловъ. Въ химической промышленности примѣненіе электричества составляетъ эру. Уже сейчасъ силой тока пользуются для бѣленія и окрашиванія тканей.

Въ Лондонѣ на этихъ дняхъ изобрѣтенъ электрическій фильтръ для очищенія воды. Пропуская черезъ воду токъ, надѣются достигнуть того, что часть воды будетъ разлагаться и отдѣляющійся кислородъ убьетъ микробовъ, обусловливающихъ своимъ присутствіемъ въ водѣ заразныя болѣзни.

Въ Нью-Іоркѣ устраиваютъ денежныя кассы, которыя не только звонятъ въ то время, когда ихъ желаютъ взломать, но даже снимаютъ мгновенную фотографію съ злоумышленника. Надняхъ газеты сообщали объ удивительномъ электрическомъ будильникѣ, принимающемъ всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы разбудить спящаго. Будильникъ этотъ звонитъ, затѣмъ воспроизводитъ музыкальные звуки и, наконецъ, стаскиваетъ колпакъ съ головы. Если же и это не поможетъ, то у кровати появляется билетикъ съ надписью: «вставать живо», и, наконецъ, упорствующій сбрасывается съ постели.

Мало по-малу входятъ въ употребленіе электрическія пожарныя приспособленія, въ особенности въ большихъ европейскихъ театрахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Scientific American* описывается новое примѣненіе электричества къ быстрому снаряженію пожарныхъ командъ. По звонку, извѣщающему о пожарѣ, пріученныя заранѣе лошади сбѣгаются къ назначенному мѣсту, гдѣ на нихъ автоматически надѣваются хомуты и прочая упряжь. Въ 55 секундъ пожарная команда уже выѣзжаетъ въ ворота, также отпирающіеся автоматически посредствомъ электричества.

Заграницей существуетъ уже такое приспособленіе для увѣдомленія пожарныхъ частей: на улицахъ или даже на каждомъ дворѣ имѣется пуговка отъ электрическаго провода. Въ случаѣ пожара достаточно подавить эту пуговку, чтобы моментально сообщить въ пожарное депо, въ какомъ именно домѣ горитъ.

Нѣтъ возможности въ краткомъ очеркѣ разсмотрѣть всѣ примѣненія электричества: такъ они обширны и многообразны. Мы вовсе не касались, напр., чрезвычайно интересной области приложенія электричества къ медицинѣ. Если цѣлебныя свойства его извѣстны даже нѣкоторымъ дикарямъ (негры западнаго берега купаютъ больныхъ дѣтей въ тѣхъ водахъ, гдѣ есть электрическія рыбы), то наши современные врачи еще слишко мало знаютъ о дѣйствіяхъ тока на организмъ, хотя леченіе электричествомъ практикуется уже въ широкихъ размѣрахъ.

Но и электротерапіи предстоитъ, по всей вѣроятности, блестящая будущность. Tout par l'electrecite, – это формула жизни будущихъ поколѣній.

Вопросъ объ аккомуляторахъ почти еще не разработанъ и это представляетъ пока серьезный тормазъ для успѣховъ электро-техники. Многое еще остается сдѣлать, но и то, что сейчасъ произведено человѣчествомъ, достойно удивленія.

Тотъ моментъ, когда будетъ рѣшенъ вопросъ о передачѣ силы на разстоянія при посредствѣ даровыхъ силъ природы и найденъ способъ утилизаціи атмосфернаго электричества, будетъ полной побѣдой человѣчества,

Заключимъ нашъ очеркъ словами самаго крупнаго дѣятеля въ области элекро-техники, покойнаго В. Сименса:

«Не слѣдуетъ бояться,—говоритъ онъ,—что утилизація даровыхъ силъ природы приведетъ насъ опять къ тѣмъ временамъ, когда вѣтряныя мельницы и гидравлическое колесо служили двигательною силою малочисленнымъ фабрикамъ и заводамъ. Нѣтъ, *мы будемъ знать, какъ запасать, переносить и какъ пользоваться* этими силами сообразно съ нашими потребностями, а наши потомки въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи будутъ, пожалуй, смотрѣть на исключительное употребленіе каменнаго угля съ такими же чувствами, какія внушаетъ намъ видъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій нашихъ предковъ».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Октябрь. 1884 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ нашей періодической печати уже давно замѣчается очень серьезный пробѣлъ, это — отсутствіе послѣдовательной, систематической и по возможности полной библіографіи. Не разъ были дѣлаемы попытки восполнить этотъ недостатокъ изданіемъ спеціально-библіографическаго журнала; такой журналъ выходилъ въ Петербургѣ подъ редакціей г. Эмиля Гартье, а въ Москвѣ издавался *Критическій Обзоръ*. Эти попытки, весьма симпатичныя по задачѣ и даже хорошія по исполненію (особливо журналъ г. Э. Гартье), оказались неудачными въ томъ смыслѣ, что журналы эти прекратились. Въ настоящее время существуетъ еще *Книжный Вѣстникъ* въ самомъ скромномъ видѣ, болѣе похожій на сборникъ книгопродавческихъ объявленій, чѣмъ на журналъ, имѣющій какую-либо литературную задачу. Не станемъ вдаваться въ разборъ причинъ, заставившихъ издателей прекратить свою полезную дѣятельность; изъ ихъ числа отмѣтимъ одну, безусловно достаточную для прекращенія изданія, это—равнодушіе нашей публики къ спеціальнымъ журналамъ этого рода. Но изъ этого равнодушія едва ли можно вывести заключеніе объ отсутствіи въ русскомъ обществѣ интереса къ обзорамъ вновь выходящихъ книгъ. Если интересъ еще настолько мало развитъ, что на удовлетвореніи его не въ состояніи держаться особый журналъ, подобно тому, какъ мы это видимъ въ чужихъ краяхъ, то изъ этого слѣдуетъ, — для насъ, по крайней мѣрѣ, — что на обязанности самой печати лежитъ развивать въ обществѣ вкусъ и охоту къ знакомству съ общимъ ходомъ умственнаго и духовнаго развитія человѣчества, вѣрное отраженіе котораго даетъ намъ

работа печатнаго станка. Въ примѣненіи къ настоящему дѣлу не можетъ имѣть мѣста вопросъ о томъ, спросъ ли создаетъ предложеніе, или предложеніе создаетъ спросъ,—во-первыхъ, уже потому, что въ спросѣ сомнѣнія быть не можетъ. Помимо естественной и теоретически очевидной необходимости, его существованіе доказывается тѣмъ фактомъ, что за границею, гдѣ интеллигенція ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ русской интеллигенціи,—въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ,—издается по нѣсколько періодическихъ изданій, исключительно посвященныхъ библіографіи; всѣ журналы этого рода имѣютъ обширный кругъ читателей не только въ своихъ странахъ, но и въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ спеціальныхъ журналовъ (ежемѣсячныхъ, двухнедѣльныхъ и еженедѣльныхъ), дающихъ не одни только короткіе отзывы и рецензіи, а нерѣдко и обстоятельныя критическія статьи, большинство иностранныхъ журналовъ имѣетъ критическій и библіографическій отдѣлы. Въ русскихъ журналахъ есть тоже отдѣлы библіографіи. Но какъ въ иностранныхъ, такъ и въ русскихъ общелитературныхъ журналахъ они крайне необстоятельны; главный ихъ недостатокъ — случайность помѣщаемыхъ въ нихъ отзывовъ. Для читателя остается совершенно непонятнымъ, почему о такой-то книгѣ говоритъ одинъ журналъ и не говорятъ другіе, почему объ иной книгѣ, несмотря на всѣ ея достоинства, умалчиваютъ всѣ журналы, а о другой, ничѣмъ особенно не выдающейся, даютъ отзывы сразу нѣсколько журналовъ. Въ умѣ читателя складываются предположенія и подозрѣнія, служащія не къ чести журналистики, является огульное недовѣріе ко всѣмъ журнальнымъ отзывамъ, одинаково вредно отзывающееся какъ на самомъ обществѣ, такъ и на авторахъ и издателяхъ книгъ. Масса публики не знаетъ, что выходитъ въ свѣтъ; относительно того, о чемъ до нея такъ или иначе дошли свѣдѣнія, она не имѣетъ достаточныхъ указаній, на которыя можно бы было положиться. Лучшія книги выходятъ въ сопровожденіи скромныхъ газетныхъ объявленій, затерянныхъ между объявленіями, ничего общаго съ книжнымъ дѣломъ неимѣющими; а никуда негодный хламъ,—издѣлія Никольской улицы, позорящей печатный станокъ своими изданіями,—напутствуются пространными и иногда заманчивыми рекламами. Изъ всего этого выходитъ самый прискорбный сумбуръ. Разобраться въ немъ крайне трудно тѣмъ въ особенности, кому именно наиболѣе необходимо путное, доброе чтеніе; мы разумѣемъ жителей провинціи и деревень. Столичный обыватель, покупая книгу лично, можетъ составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о томъ, за что платитъ деньги, что внесетъ въ свой домъ и въ свою семью, тогда какъ провинціалъ находится въ постоянной опасности или напрасно загубить деньги, или того хуже—за свои гроши нажить себѣ лихо.

Зло тѣмъ болѣе велико, что жертвами его становятся, по большей части, люди, составляющіе самую полезную для народа часть нашей численно небольшой интеллигенціи, — учителя, средняго достатка землевладѣльцы, священники, провинціальный служивый людъ. Для нихъ книга не прихоть

и не роскошь, а необходимость, единственное спасеніе отъ притупляющаго вліянія захолустья. Въ большинствѣ случаевъ этотъ классъ читателей можетъ пользоваться только немногими книгами и на выписку ихъ затрачиваетъ далеко не излишекъ своихъ средствъ, а экономіи, сдѣланныя иногда путемъ очень чувствительныхъ лишеній. Понятно, какую нравственную и матеріальную цѣну представляютъ двѣ, три, пятокъ книгъ, выписанныхъ въ теченіе года, и понятно, какое горькое разочарованіе ждетъ человѣка, положившагося на широковѣщательныя объявленія какого-нибудь Прѣснова, Леухина и имъ подобныхъ; а, между тѣмъ, эти-то прѣсновскіе и леухинскіе грязные листы и составляютъ единственный источникъ библіографическихъ свѣдѣній для провинціи. Противовѣса имъ нѣтъ никакого въ нашей печати; она считаетъ почему-то несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ говорить о гостиннодворскихъ изданіяхъ, игнорируетъ ихъ, и совсѣмъ напрасно: именно тамъ-то, въ этихъ книжныхъ мастерскихъ, и фабрикуется наибольшая часть того, что читаетъ провинція, весь русскій народъ, чѣмъ зачитывается и нравственно отравляется.

Выше мы сказали объ отрывочности и случайности библіографическихъ отзывовъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что добрая половина ихъ рецензій касается исключительно книгъ или недоступныхъ, или ненужныхъ для массы среднихъ читателей. Вниманіе редакцій и рецензентовъ останавливается, главнымъ образомъ, на трудахъ ученыхъ, относительно которыхъ употребляется казенное выраженіе, что «они составляютъ цѣнный вкладъ» и т. д. Очень цѣнны, конечно, эти вклады и необходима ихъ критическая оцѣнка. Но и то, и другое составляетъ достояніе сравнительно незначительнаго меньшинства. Кромѣ того,— надо сказать правду,—самая оцѣнка всегда въ бо̀льшей или меньшей степени обусловлена «направленіемъ» и разными иными редакціонными, но не всегда чисто литературными соображеніями. Вышесказанное меньшинство знаетъ это и умѣетъ, въ свою очередь, оцѣнить по достоинству отзывъ того или другаго журнала. Но большинству читающей публики эти тонкости мало извѣстны и попадаетъ она въ просакъ на каждомъ шагу.

Та же самая «направленская» рознь въ нашей литературѣ имѣла своимъ послѣдствіемъ обоюдное замалчиваніе журналами другъ друга. Если порою кто и обмолвится словомъ о литературномъ собратѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, словомъ недобрымъ, лишь затѣмъ, чтобы разнести противника; одобрительное и сочувственное слово является очень рѣдкимъ исключеніемъ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, читатели одного журнала имѣютъ лишь самое смутное понятіе, иногда совершенно превратное, о другихъ органахъ русской печати. Большинство же читающей публики,— особливо той, о которой мы говорили выше,—вынуждено ограничиваться чтеніемъ одного журнала и остается въ полномъ невѣденіи того, какъ смотрятъ другіе журналы на тотъ или иной предметъ общаго значенія и интереса, какіе вопросы ими подняты, какія рѣшенія предложены по извѣст-

нымъ вопросамъ и т. под. Вмѣсто того, чтобы выводить читателя изъ его замкнутаго, тѣснаго кругозора на широкій просторъ знанія и мысли, каждый журналъ только о томъ и хлопочетъ, какъ бы еще тѣснѣе его закупорить въ темномъ уголкѣ и пропустить къ нему лишь долю свѣта въ такой мѣрѣ и въ той окраскѣ, въ какой это желательно ради извѣстнаго направленія. Политика заѣдаетъ и уже почти заѣла литературу.

О произведеніяхъ иностранной печати наша публика знаетъ еще менѣе, или почти ничего не знаетъ, если не считать нѣсколькихъ романовъ, преподносимыхъ ей въ болѣе или менѣе плохихъ переводахъ. Тѣ, кому доступны иностранныя книги въ подлинникѣ, найдутъ въ русской журналистикѣ крайне скудныя руководящія указанія относительно книгъ серьезнаго и научнаго содержанія и ровно никакихъ по части беллетристики, книгъ для юношества и для дѣтей А, между тѣмъ, по этимъ-то, именно отдѣламъ и необходимъ самый тщательный выборъ. Насколько нашу отечественную литературу, со включеніемъ беллетристики, заполонили тенденціозность и политика, настолько же даетъ себя чувствовать въ литературахъ иностранныхъ наступленіе позитивизма и матеріализма и, параллельно съ ними, натурализма въ беллетристикѣ. Объ этихъ направленіяхъ и о результатахъ, ими достигнутыхъ въ литературѣ, намъ не разъ придется говорить въ нашихъ библіографическихъ обзорахъ. Теперь же мы считаемъ нужнымъ оговориться разъ навсегда, что, оставаясь вѣрными задачамъ нашего журнала, мы твердо рѣшились избѣгать въ нашихъ будущихъ обозрѣніяхъ всякой неумѣстной въ этомъ дѣлѣ исключительности. Для проведенія личныхъ убѣжденій, идей и тенденцій весьма достаточно другихъ отдѣловъ журнала; проведеніе ихъ, такъ сказать, демонстративнымъ и сравнительнымъ методомъ должно имѣть мѣсто въ статьяхъ критическихъ, публицистическихъ и только до извѣстной строго ограниченной мѣры въ произведеніяхъ беллетристики. Но въ этомъ послѣднемъ мы дѣлаемъ лишь уступку, вынужденную несвойственнымъ беллетристикѣ полемически-воинствующимъ направленіемъ, которому она поддалась за истекшее двадцатилѣтіе. Художественность уступила мѣсто дидактикѣ, изящество и красота оказались непригодными для стѣнобитнаго орудія, въ которое хотѣли превратить романъ и повѣсть, идеалъ красоты — правда изгнана, какъ неподдающаяся тенденціи, по сущности своей антитенденціозная. Таково положеніе беллетристики и не у насъ однихъ, и не одной беллетристики; то же самое замѣчается въ живописи и даже въ музыкѣ. Нигдѣ нѣтъ правды; вездѣ господствуетъ фальшь подъ прикрышкою реальности, вездѣ условность и неправда, якобы оправдываемыя тенденціею, или, вѣрнѣе, разными тенденціями.

Въ одномъ изъ своихъ очерковъ Щедринъ, всегда такъ чутко отмѣчающій наши безобразія, сказалъ, что «пропалъ стыдъ; былъ стыдъ и нѣтъ его—пропалъ»... А пропалъ онъ отъ того, что подъ благовиднымъ предлогомъ способствовать торжеству идеи или идейки, которую каждый счи-

таетъ безошибочною и единственно спасительною, перестали разбирать средства, мало по малу утратили чутье правды, изолгались и потеряли стыдъ въ литературѣ, въ искусствѣ, а, вслѣдъ за тѣмъ, и въ жизни. Фальшь свое дѣло сдѣлала: проведеніе самыхъ благихъ, казалось бы, тенденцій привело къ наиплачевнѣйшимъ результатамъ, и въ нихъ еще разъ сказалась великая истина, что не цѣль оправдываетъ средства, а, наоборотъ, добрыя и честныя средства не могутъ привести къ нехорошей цѣли. На этой основѣ, въ предпринимаемомъ нами трудѣ мы не намѣчаемъ никакой партіонной цѣли; мы просто имѣемъ въ виду принести посильную пользу обществу, а средствомъ къ тому избираемъ честное, по крайнему нашему разумѣнію, правдивое и безпристрастное сообщеніе нашимъ читателямъ возможно полныхъ свѣдѣній о всѣхъ новостяхъ русской и иностранныхъ литературъ и журналистики. Въ этомъ отдѣлѣ журнала отзывы наши не будутъ имѣть характера и значенія критики, всегда и обязательно субъективной и полемичной. Само собою разумѣется, и въ этихъ отзывахъ мы не можемъ совершенно отказаться отъ права выражать наше сочувствіе или несочувствіе произведенію, о которомъ будемъ давать отчетъ. Для людей, знакомыхъ съ нашими взглядами и убѣжденіями, это будетъ служить также указаніемъ въ пользу или не въ пользу книги. Но главная наша задача состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ безпристрастно и объективно ознакомить читателя въ краткомъ изложеніи съ содержаніемъ и характеромъ данной книги и по возможности опредѣлить ея мѣсто и значеніе въ литературѣ. Мы сознаемъ всю трудность принимаемой на себя задачи, особливо же на первое время. Но трудности бояться—дѣла не дѣлать; опасаться неудачи—не предпринимать ничего. Какъ мы справимся съ дѣломъ, покажетъ будущее; при началѣ же дѣла намъ придаетъ бодрость и силу сознаніе, что это начинаніе наше будетъ напутствовано сочувствіемъ и добрыми пожеланіями успѣха со стороны всѣхъ, смотрящихъ на печать не какъ на боевую машину, а какъ на орудіе мирнаго прогресса, какъ на служительницу правды.

Планъ библіографическаго отдѣла мы намѣтили въ такомъ видѣ:

1) Обзоръ русскихъ, польскихъ и иностранныхъ журналовъ (французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ) за истекшій мѣсяцъ.

2) Отчетъ о выдающихся книгахъ, вышедшихъ за послѣднее время въ Россіи и заграницей, беллетристическихъ и научныхъ.

3) Рецензіи книгъ по педагогикѣ и обзоръ изданій для дѣтскаго и народнаго чтенія.

4) Отчетъ о книгахъ, посвященныхъ искусству, и иллюстрированныхъ изданіяхъ (éditions de luxe).

5) Библіографическій указатель книгъ, вышедшихъ въ Россіи и чужихъ краяхъ, съ обозначеніемъ ихъ продажной цѣны.

О такихъ книгахъ, которыя, по значенію своему, заслуживаютъ болѣе подробнаго ознакомленія съ ними читателей, мы будемъ давать уже не библіографическіе отзывы, а статьи критическаго характера или прямо экстракты, отводя имъ соотвѣтствующее мѣсто внѣ библіографическаго отдѣла.

Планъ этотъ, по многимъ причинамъ и соображеніямъ, не можетъ получить полнаго осуществленія во всей цѣлости съ первыхъ же книгъ. Исполнить это мы надѣемся съ декабрской книжки текущаго года и никакъ не позднѣе январской будущаго. Отдѣлъ этотъ будетъ печататься подъ особою нумераціей страницъ на тотъ конецъ, чтобы въ теченіе года изъ него составилось два или три отдѣльныхъ тома, могущихъ служить справочною книгою. Къ каждому тому будетъ приложенъ алфавитный списокъ именъ авторовъ, о произведеніи которыхъ даны отзывы, съ указаніемъ страницы, занятой отзывомъ.

Гг. авторы вновь выходящихъ книгъ окажутъ нашему дѣлу великую помощь, если соблаговолятъ присылать свои произведенія тотчасъ же по ихъ выходѣ въ свѣтъ. Этимъ они облегчатъ намъ возможность не запаздывать съ отзывами и не пропустить, по случайному недосмотру, ихъ книги совсѣмъ безъ отзыва. **Ред.**

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Вѣстникъ Европы».—«Русское Богатство».—«La Nouvelle Revue».—«Bibliothéque iniverselle et revue Suisse».—«Nord und Sud».—«Deutsche Rundschau». — «The Nineteenh Century».

За истекшіе мѣсяцы настоящаго года въ *Вѣстникѣ Европы*, по части оригинальной беллетристики, напечатана одна крупная вещь: повѣсть Д. Н. Мамина *Жилка*, — вещь хорошая и выдающаяся не потому только, что появляется во дни беллетристическаго оскудѣнія. Авторъ хорошо знаетъ описываемую имъ среду и изображаетъ ее очень талантливо. Въ золотоносной странѣ на Бѣлоглинскомъ заводѣ, крупномъ торговомъ селѣ, похожемъ на городокъ, живетъ купеческая семья «древляго благочестія», хотя и перешедшая въ единовѣріе, но свято хранящая отеческія преданія и порядки. Все въ домѣ по старому, какъ при «батюшкѣ-родителѣ» было. Чай пьетъ вся семья Брагиныхъ изъ «батюшкина» самовара, въ «батюшкиныхъ» чашкахъ; даже печка «батюшкина», неуклюжая и неудобная, охраняется отъ всякой передѣлки, какъ нѣкая святыня. Порядки въ семьѣ строгіе, старозавѣтные. Главенствуетъ старуха, Татьяна Власьевна, скитская воспитанница, начетчица, постница и столбъ и утвержденіе благочестія. Сыновья, Гордѣй Евстратовичъ, самъ отецъ семейства, и замотавшійся Зотушка, въ полномъ подчиненіи *мамынькѣ*, крѣпкой вдовѣ, матёрой. Мы здѣсь не станемъ дѣлать отступленія отъ главной нити разсказа и пропускаемъ прекрасную главу объ искушеніи, бывшемъ Татьянѣ

Власьевнѣ въ молодости, о ея грѣхѣ и покаяніи. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ въ повѣсти. У Гордѣя Евстратовича два женатыхъ сына и дочка-невѣста. Первый разладъ закрадывается въ эту добрую семью съ той минуты, когда пропившійся «радѣтель», золотоискатель Маркушка, передаетъ Брагину обращикъ кварца изъ открытой имъ золотоносной *жилки*. Но набѣжавшія было тѣни пока устранены. Гордѣй Евстратовичъ охлопатываетъ заявку золота, причемъ вынужденъ прибѣгать къ нелегальнымъ путямъ и ублажать чиновниковъ, отъ которыхъ зависитъ дѣло. Наѣзжаютъ эти чины въ старозавѣтный домъ, напиваются пьяны, напаиваютъ Брагина, безобразничаютъ, врываются на женскую половину. При другихъ обстоятельствахъ Татьяна Власьевна знала бы, какъ распорядиться съ незванными гостями, а теперь вынуждена все сносить, угощать и ублажать. «И все это изъ-за жилки!»—думала она, хватаясь за голову. Зотушка хихикаетъ пьянымъ, дурацкимъ смѣхомъ.

«— А ты чему обрадовался, дуракъ?—грозно спросила Татьяна Власьевна, взбѣшенная этою выходкою.

«— Я? Хи-хи-хи... Вотъ она жилка-то, мамынька!.. Хи-хи-хи...

«— Тьфу, дуракъ!—отплевывалась Татьяна Власьевна.

«— Золота захотѣла... денегъ... Богатые будемъ... Мамынька, рюмочку!..»

Жилка оказалась богатѣйшею; повалило золото, деньги, богатство, а съ ними разладъ, неурядица и бѣды. Брагинъ ссорится съ родными и старыми друзьями, давитъ сыновей работой; старые завѣты отступаютъ на задній планъ передъ новыми порывами быстро богатѣющихъ людей; просыпаются всѣ дурные инстинкты. Сыновья Гордѣя Евстратовича спиваются съ кругу и развратничаютъ; самъ Гордѣй Евстратовичъ ухаживаетъ за снохою и изъ мерзкихъ своихъ видовъ на нее совсѣмъ губитъ сына. Между тѣмъ, не довольствуясь золотомъ изъ жилки, онъ принимается за торговлю виномъ. Дѣло кончается полнымъ разрушеніемъ когда-то образцовой семьи и банкротствомъ. Брагинъ успѣлъ спасти десять тысячъ рублей и отдалъ ихъ спрятать матери. Но когда потомъ спросилъ эти деньги, старуха отперлась отъ ихъ полученія. Гордѣй Евстратовичъ повалился на полъ, захрипѣлъ и въ ночь умеръ. Въ дни богатства и гордости Брагиныхъ, старики не отдали Нюшу, дочку Гордѣя Евстратовича, за любимаго человѣка. А послѣ смерти отца почти насильно выдали за какого-то проходимца, Косякова, разсчитывавшаго на припрятанныя старухою деньги. Всѣ вымогательства черезъ жестоко избиваемую Нюшу ни къ чему не приводятъ. Окончательно спившійся Зотушка помогаетъ Косякову украсть деньги Татьяны Власьевны, а себѣ выговариваетъ за это обращикъ жилки, внесшей въ ихъ домъ всѣ несчастія. «Косяковъ навсегда скрылся изъ Бѣлоглинскаго завода, а Зотушка истолокъ въ ступкѣ Маркушкину жилку и тою же ночью всыпалъ ее въ церковную кружку». Такъ заканчивается повѣсть г. Мамина.

Мысль, вложенная въ основу повѣсти, какъ видитъ читатель, не блещетъ ни новизною, ни оригинальностью. Ее нельзя даже признать безусловно вѣрною, или, по меньшей мѣрѣ, неподлежащею спору. Быстро и безъ труда пріобрѣтаемое богатство, притомъ же не совсѣмъ легальными путями, нерѣдко ведетъ за собою разныя бѣды, подобныя описаннымъ г. Маминымъ. Но едва ли кто рѣшится сказать, что такія или иныя какія-нибудь бѣды должны явиться

непремѣнными и необходимыми спутниками скорой наживы, хотя бы и не «отъ трудовъ праведныхъ». Ошибочность такого положенія неотразимо доказывается множествомъ «палатъ каменныхъ», въ которыхъ богато, покойно и счастливо живется очень хорошимъ семьямъ, несмотря на то, что глава семьи началъ свою карьеру съ мѣднымъ алтыномъ въ карманѣ и нажилъ богатство еще менѣе чистымъ способомъ, чѣмъ Гордѣй Брагинъ. Но мы полагаемъ, что авторъ и не замышлялъ писать на заданную тему вродѣ: злѣ нажитое и злѣ пройдетъ, а просто взялъ возможный и не рѣдкій въ дѣйствительной жизни случай и разсказалъ его правдиво, жизненно, а потому и прекрасно. По отношенію къ взятымъ авторомъ личностямъ въ его повѣствованіи все складывается естественно, развитіе характеровъ и всего дѣйствія логично; взятая авторомъ среда изображена такъ, что въ читателѣ не возникаетъ сомнѣнія въ вѣрности передачи. Всѣ дѣйствующія лица живутъ настоящею жизнью, они не дѣланныя, не выдуманныя авторомъ и не списанныя имъ съ фотографическою точностью. Не типы это, конечно, въ полномъ значеніи этого слова; но нѣкоторыя изъ нихъ приближаются къ типамъ, и всѣ имѣютъ въ себѣ типическія черты, такія характерныя особенности, которыя, будучи имъ исключительно присущи, составляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличительный признакъ цѣлаго ряда личностей. Въ особенности хороша,—точна живая,—Татьяна Власьевна, и вообще автору болѣе удались женскія фигуры, даже лишь слегка намѣченныя. Мужчины вышли значительно слабѣе. Личность самого Гордѣя Евстратовича не вполнѣ выдержана, не говоря уже о Зотушкѣ; его мы считаемъ неудавшимся лицомъ въ повѣсти, наравнѣ съ Косяковымъ, въ которомъ, по настоящему, и надобности никакой не было. Со смерью Гордѣя Евстратовича какъ бы обрывается логичность разсказа, и все за тѣмъ слѣдующее составляетъ слабѣйшую часть повѣсти. Все то, что относится до Маркуши и его товарищей, значительно теряетъ отъ нѣкоторой растянутости и ненужныхъ повтореній. Сдѣлавши эти оговорки, мы, все-таки, считаемъ *Жилку* г. Мамина лучшимъ беллетристическимъ произведеніемъ нынѣшняго года.

Совсѣмъ иное мнѣніе приходится намъ высказать о повѣсти П. Д. Боборыкина *Безъ мужей* (*Вѣстникъ Европы*, мартъ и апрѣль). Тутъ все, начиная съ посвященія, порядочно-таки странно. Посвящена повѣсть *«памяти великаго мастера»*. Какого мастера? Какой масонской ложи или мастера чего-либо иного? Мастера бываютъ всякіе и даже великіе мастера. Самъ г. Боборыкинъ тоже мастеръ не послѣдній писать много. За этимъ таинственнымъ посвященіемъ слѣдуетъ безсвязный разсказъ о томъ, какъ одна разорившаяся барыня, Ольга Евграфовна Усманская, пріѣхала съ дочерью, Марьею Денисовною, въ Крымъ сдѣлать послѣднюю попытку словить жениха. Всѣ прежнія попытки не привели къ желанному результату, а къ нежеланному привели—«къ *chute*—дочь называла это всегда по-французски» и скрывала отъ матери, какъ скрыла и послѣдствіе этой *chute*, т.-е. ребенка. Мамаша съ дочкой живутъ какъ собака съ кошкой, всѣмъ завидуютъ и всему завидуютъ, жениха не излавливаютъ и уѣзжаютъ изъ Крыма, причемъ мамаша объѣлась такъ, что «ее замутило отъ перепеловъ и всю дорогу она ныла и повертывалась съ боку на бокъ, заставляла останавливаться, и кончила бранью»... Утомленная дорогою и разстройствомъ желудка Ольга Евграфовна заснула, а Марья Денисовна пошла погулять, гдѣ-

то присѣла и «застыла въ нѣмой и строгой думѣ. Она еще больше знала теперь, для чего ей жить и куда идти». Далѣе слѣдуетъ... подпись автора. По предъидущему можно предполагать, что барышня собирается идти разыскивать своего ребенка, сданнаго въ воспитательный домъ, и жить намѣревается для этого дитяти. Такая-то интересная исторія росписана на семи печатныхъ листахъ, изъ которыхъ пробужденію материнскаго чувства въ дѣвушкѣ отведено полторы страницы. Остальное занято никому и ни на что ненужными разсказами анекдотическаго свойства о разныхъ лицахъ, имѣющихъ очень слабое отношеніе къ Усманскимъ, а то такъ и ровно никакого. Всѣ эти лица производятъ впечатлѣніе болѣе или менѣе плохихъ портретовъ съ живыхъ людей, видѣнныхъ г. Боборыкинымъ въ Алуштѣ и въ Ялтѣ. Субъективность автора бросается въ глаза: весь многочисленный персоналъ, толкущійся невѣдомо зачѣмъ въ *Безъ мужей*, явно дѣлится на любимчиковъ г. Боборыкина и нелюбимчиковъ. Послѣднихъ онъ старается расписать въ самомъ каррикатурномъ видѣ, причемъ прибѣгаетъ къ крайне грубымъ пріемамъ вродѣ того, какъ объѣлась Усманская, какъ ее замутило и т. далѣе. Впрочемъ, и любимчикамъ не легче: имъ тоже не поздоровится отъ похвалъ г. Боборыкина, дѣлающихъ ихъ смѣшными и глупыми. Въ возвеличиваніи, какъ и въ опозориваніи авторомъ дѣйствующихъ лицъ, грубость пріемовъ одинаково не достигаетъ цѣли и производитъ впечатлѣніе, совершенно обратное желаемому авторомъ. Такъ, дѣвица Русанова—докторъ естественныхъ наукъ, дѣвица Захарова, прозванная «Котикомъ», и профессоръ Гущинъ не внушаютъ къ себѣ никакой симпатіи, несмотря на всѣ хлопоты возлюбившаго ихъ г. Боборыкина, а смѣхъ возбуждаютъ на каждомъ шагу, особенно этотъ «Котикъ», обрѣтшій жизненную пристань въ кухнѣ и почерпающій всю мудрость изъ книги *Спутникъ жизни*, въ которой «и по астрономіи все есть, и по исторіи, и какъ простоквашу дѣлать». Въ этой прекрасной книгѣ, осчастливившей дѣвицу Захарову, все есть, не достаетъ лишь рецепта, какъ и чѣмъ удовлетворить запросы отъ жизни русской дѣвушки изъ такъ называемой интеллигенціи. Такой недосмотръ восполненъ г. Боборыкинымъ въ его *Безъ мужей* и оказывается, что это совсѣмъ не такъ хитро, какъ казалось: стоитъ только или получить дипломъ доктора какихъ-нибудь наукъ, или начать дѣлать простоквашу и вѣчно суетиться съ засученными рукавами между чайнымъ столомъ и кухней,—и все дѣло въ шляпѣ. При слѣдующемъ изданіи *Спутника жизни*, составитель его, вѣроятно, не преминетъ рядомъ съ простоквашей помѣстить и боборыкинскій рецептъ къ благоденственному и мирному житію дѣвицъ, оставшихся «безъ мужей».

Чтобы сдѣлать свое повѣствованіе вполнѣ достойнымъ посвященія «памяти великаго мастера», г. Боборыкинъ въ немъ «словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой». Въ изображеніи вечерняго пейзажа, на первой страницѣ повѣсти, стоитъ отмѣтить такія выраженія: «Сверху, подъ сводомъ неба, занялись гребни скалъ, отражая вспышку зари.—У самаго шоссе журчали изъ желобовъ два ствола воды.—Тѣни сливались и падали слоями.—Вдали трепетно лизнуло по облаку пламя маяка. Море покоилось пластомъ стали и беззвучно вздрагивало». Въ другомъ мѣстѣ: «Темнота стояла синяя». Внѣшность героини, Марьи Денисовны, изображена такъ: «Онъ тогда, съ другаго конца стола, замѣтилъ ея голову, большую, круглую, съ взбитыми на лбу волосами, ея сочныя губы,

расширенныя ноздри, скулы, смуглое лицо, широкій станъ, затянутый въ длинный корсажъ и жестковатый. Брови ея, густыя и прямыя, и родинку съ волосами на лѣвой щекѣ онъ также замѣтилъ». Портретъ вышелъ очень *жестковатый*. остается только припомнить фамилію оригинала. А вотъ фигура офицера, виновника *chute* этой барышни: «Вошелъ безъ доклада гусарскій офицеръ, въ голубомъ съ серебромъ, полный» и т. д. Или еще такія прелести: «Ахъ!— больше вздохнула, чѣмъ воскликнула она, и прошлась рукой по глазамъ.— «Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ блюдомъ глаза ея прошлись по столовой. — Бѣлки ея глазъ еще томнѣе прохаживались по немъ. — Она провела влажными бѣлками своихъ глазъ по лицу и фигурѣ брюнета»... Но довольно.

Въ сентябрской книжкѣ *Вѣст. Европы* началась *Деревенская исторія*. съ подзаглавіемъ *Счастливчикъ*, Ѳ. Э. Ромера. Высказывать объ этой повѣсти какое-либо сужденіе преждевременно, такъ какъ она не окончена. Если мы упомянемъ еще о двухъ или трехъ мелкихъ разсказцахъ, то этимъ и исчерпается весь отдѣлъ оригинальный беллетристики журнала за текущій годъ; о переводной мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. *Исторія одной волости*, очеркъ изъ жизни приволжскаго захолустья, В. Н. Назарьева (май — іюнь) ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ всѣхъ «очерковъ» всякихъ захолустій нашего обширнаго отечества. Никакою оригинальностью *Исторія* Никольской волости не отличается и интересъ представляетъ довольно умѣренный, несмотря на то, что время, захваченное этою исторіей, само по себѣ представляется крайне любопытнымъ. Авторъ начинаетъ съ «недавней старины», т.-е. съ послѣднихъ годовъ, предшествовавшихъ освобожденію крестьянъ. Затѣмъ слѣдуетъ освобожденіе, устройство крестьянскаго самоуправленія, отмѣна откуповъ, земство, новый судъ, непремѣнные члены, урядники,—всѣ реформы истекшаго двадцатилѣтія и то, какъ онѣ отразились на житьѣ-бытьѣ обывателей захолустнаго уголка, славившагося своимъ плодородіемъ и довольствомъ. Передъ читателемъ мелькаютъ фигуры разныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ,—хорошихъ и дурныхъ, крѣпостниковъ и либераловъ; тутъ проходятъ цѣлою вереницею управляющіе имѣніями, исправники, посредники и всѣ должностныя лица новыхъ учрежденій, крестьяне отъ волостныхъ старшинъ, писарей, цаловальниковъ и богатыхъ до подпастка и нищихъ ребятишекъ включительно. Но всѣ они проходятъ и мелькаютъ, какъ въ калейдоскопѣ, въ случайныхъ сочетаніяхъ, а не въ цѣльной картинѣ. Отъ этого полная раздробленность и отсутствіе цѣлостности впечатлѣнія. Происходятъ разныя превращенія: крѣпостниковъ въ либераловъ и обратно, трезвыхъ въ пьяницъ, богатыхъ въ нищихъ и многія иныя метаморфозы; но все это какъ-то случайно, безсвязно, почти безпричинно. Иныя явленія переданы вѣрно, но не видно ихъ необходимости, ихъ отношенія къ предшествовавшему и воздѣйствія на послѣдующее. Такъ преподается исторія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ мудрено и неудобно разъяснять всякія «почему» очень сложнаго и деликатнаго свойства. Но отъ историка «одной волости», пишущаго въ серьезномъ журналѣ не для гимназистовъ, мы въ правѣ требовать по возможности полнаго освѣщенія сообщенныхъ фактовъ и выясненія ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу. Въ пятой главѣ (іюнь), наприм., авторъ говоритъ: «Что же дѣлать, если своеобразная и, въ то же время, необычайно живучая глушь, рано или поздно, но неминуемо налагаетъ

свой особый отпечатокъ на всѣхъ и на все, что только попадетъ въ ея бездонную трясину? Какъ же быть, когда до сихъ поръ всякія начинанія и преобразованія тотчасъ же перерождались на нашей почвѣ, такъ же точно, какъ перерождался какой-нибудь калифорнскій овесъ на никольскомъ черноземѣ? Съ своей стороны, мы можемъ только указать, какимъ превращеніямъ подвергались дѣятели и всякаго рода мѣропріятія, насильственнымъ образомъ, такъ сказать, по приказу занесенныя въ захолустье. Начнемъ съ мировыхъ посредниковъ...» Мы находимъ, что указать, «какимъ превращеніямъ подвергались дѣятели и мѣропріятія», недостаточно и неинтересно; самый фактъ превращеній всѣмъ извѣстенъ и составляетъ не исключительное явленіе, свойственное захолустью и никольскому чернозему. Начнемъ и мы съ посредниковъ; ихъ превращеніе совершалось не въ однихъ захолустьяхъ, а повсемѣстно, и загубила ихъ не «бездонная трясина», а нѣчто другое. Та же общность явленія замѣчается по отношенію къ крестьянскому управленію, земству, приходскимъ попечительствамъ, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ; обо всемъ этомъ говоритъ авторъ и только констатируетъ факты. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ причинъ. тѣмъ болѣе, что о нихъ уже говорено и писано не мало; мы только хотѣли отмѣтить ошибочность мнѣнія автора *Исторіи одной волости*, будто «захолустье» и «черноземъ» играютъ во всемъ этомъ преобладающую или даже замѣтную роль. Въ *Исторіи* г. Назарьева мы не встрѣчаемъ ни одного такого явленія, которое было бы присуще одной волости или одному краю и обусловлено ихъ исключительнымъ положеніемъ. Все это видано-перевидано «отъ хладныхъ финскихъ скалъ» до конца земли русской, и новаго ничего ровно авторъ не сообщаетъ никому, кромѣ вышеуказаннаго ошибочнаго взгляда на вліяніе мѣстныхъ причинъ. Исторія захолустья могла бы представить интересъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ ней сообщались такіе факты и явленія, какихъ мы не видимъ въ другихъ мѣстностяхъ, и, притомъ, было бы указано, почему то или другое дѣло идетъ тамъ иначе, чѣмъ повсемѣстно. А такіе уголки въ Россіи есть и не въ захолустьяхъ. Жаль только, что люди, нелишенные наблюдательности, правдивые и гладко пишущіе, какъ г. Назарьевъ, сами мало интересуются такими уголками и оставляютъ ихъ безъ вниманія и въ безвѣстности.

Въ той же книгѣ *Вѣстн. Европы* окончена статья Н. И. Костомарова: *Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи* (августъ—сентябрь). «Личность Миниха,—говоритъ нашъ уважаемый историкъ, — безспорно одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ ряду дѣятелей русской исторіи... Будучи въ Россіи чужеземцемъ и въ русской службѣ наемникомъ, онъ, по своему обширному уму, не могъ послѣдовать общему предразсудку своихъ земляковъ-нѣмцевъ, которые, вступая въ Россію, считали ее варварскою страною, смотрѣли на русскій народъ, какъ на матеріалъ, пригодный только для ихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ. Минихъ не переставалъ принадлежать къ той народности, въ нѣдрѣ которой родился, но уразумѣлъ, какъ немногіе изъ природныхъ русскихъ, всѣ достоинства русскаго народа и служилъ пользѣ и интересамъ Россіи честно, открыто и неутомимо». Пріѣхалъ Минихъ въ Россію на службу императору Петру I, а умеръ 16 октября 1767 г. 84½ лѣтъ отъ роду; изъ этого времени онъ пробылъ въ ссылкѣ въ Сибири 21 годъ, съ 1741 по 1762 годъ. Слѣдовательно, на службѣ Россіи онъ провелъ

около двадцати пяти лѣтъ; изъ нихъ лишь первыя двадцать были самою дѣятельною и славною эпохою въ жизни фельдмаршала, достигшаго, наконецъ, такой высоты, паденіе съ которой было неизбѣжно. Повторять біографическія подробности о фельдмаршалѣ Минихѣ мы считаемъ излишнимъ; онѣ извѣстны всѣмъ, и по этой части статья г. Костомарова не сообщаетъ ничего новаго. Но мы остановимся нѣсколько на событіяхъ, предшествовавшихъ паденію Миниха, и на самой катастрофѣ, жертвою которой онъ сталъ, такъ какъ въ нихъ мы усматриваемъ нѣкоторыя указанія на «значеніе въ русской исторіи» славнаго иноземца, какъ это значеніе понималось современниками. Биронъ, самъ нѣмецъ, великій покровитель всѣхъ нѣмцевъ въ Россіи, не любилъ Миниха. Вотъ, что читаемъ мы объ этомъ въ статьѣ г. Костомарова: «Съ Остерманомъ Минихъ вначалѣ очень сблизился, но когда государыня сдѣлала его членомъ кабинета, Остерманъ измѣнился къ нему въ своихъ чувствованіяхъ. Еще болѣе внутренно сталъ ненавидѣть Миниха Биронъ... Биронъ боялся, чтобы умный Минихъ не оттѣснилъ его отъ высочайшей особы... и всечастно чувствовалъ свою собственную малость передъ Минихомъ. Не взлюбили Миниха оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ и канцлеръ гр. Головкинъ... Оба возбуждали, вмѣстѣ съ Остерманомъ, противъ Миниха любимца императрицы (Бирона)». Эти недруги Миниха выпроводили его сначала изъ дворца, гдѣ онъ имѣлъ помѣщеніе, а потомъ и изъ Петербурга въ армію. При жизни Императрицы Анны Ивановны Бирону, несмотря на всю его силу, трудно было предпринять что-либо противъ Миниха, пользовавшагося особымъ благорасположеніемъ государыни, выразившемся даже въ послѣднихъ словахъ, сказанныхъ ею на смертномъ одрѣ: «Императрица, проводя взорами по толпѣ господъ, наполнявшихъ комнату, замѣтила Миниха и сказала ему: «Прощай, фельдмаршалъ!» Потомъ, обводя угасшіе глаза по другимъ и уже не будучи въ силахъ распознать кого-нибудь, она произнесла: «Всѣ, прощайте!» Съ этими словами императрица испустила дыханіе». Но послѣ смерти императрицы, ставши неограниченнымъ повелителемъ, позволяя себѣ третировать родителей малолѣтнаго императора, регентъ могъ бы не стѣсняться съ фельдмаршаломъ и, по меньшей мѣрѣ, удалить его подъ благовиднымъ предлогомъ. Почему онъ этого не сдѣлалъ? Нуженъ ли былъ ему Минихъ, или не сообразилъ Биронъ своего положенія и значенія Миниха, или не успѣлъ, или не посмѣлъ? На все это мы не находимъ отвѣта. Между тѣмъ, герцогъ Курляндскій съ первыхъ же дней регентства «увидалъ, что противъ него можетъ подняться сильная партія и его положеніе вовсе не такъ прочно, какъ представляли ему его угодники». Не могъ Биронъ, при тогдашней системѣ шпіонства и доносовъ, не знать отношеній Миниха къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, и, несомнѣнно, имѣлъ подозрѣнія противъ фельдмаршала, весьма не двусмысленно высказанныя за ужиномъ въ ночь самаго сверженія регента. «Фельдмаршалъ,—обратился онъ къ Миниху,—вамъ случалось во время вашихъ походовъ предпринимать что-нибудь важное ночью? Фельдмаршалъ смѣшался...» Какъ бы то ни было, за свою оплошность или нерѣшительность Биронъ поплатился. Въ ту же ночь Минихъ безъ малѣйшаго труда арестовалъ регента и провозгласилъ правительницею Анну Леопольдовну. «Минихъ, низложивши регента, казалось, очутился на такой высотѣ власти, на какую только могъ надѣяться взойти. Но положеніе его вовсе не такъ было прочно, какъ можно было заключить по наружнымъ временнымъ признакамъ». Имъ всѣ тя-

готились: правительница, ея супругъ, Остерманъ, оскорбленный тѣмъ, что не онъ сталъ главою кабинета, а фельдмаршалъ. Всѣ боялись его. Даже отставка фельдмаршала не успокоила ничьихъ опасеній. Какихъ-либо указаній, оправдывающихъ эти страхи, мы не имѣемъ и, по краткости регентства принцессы Анны Леопольдовны, можемъ предполагать, что никакого замысла со стороны Миниха противъ нея не было. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь нельзя сказать, что страхи эти не оправдались бы впослѣдствіи, если бы Миниха не предупредили приверженцы принцессы Елизаветы. Эти послѣдніе лучше Бирона и Анны Леопольдовны поняли «значеніе Миниха въ русской исторіи» и неотложно поспѣшили убрать фельдмаршала съ исторической сцены въ Пелымь, откуда, въ то же время, былъ отпущенъ совсѣмъ неопасный Биронъ. На чью бы сторону ни сталъ Минихъ во время переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра Великаго, онъ вездѣ былъ бы одинаково опасенъ и неудобенъ. Предполагая самое вѣроятное, что онъ искренно сталъ бы на сторону императрицы, какое бы тогда мѣсто могъ онъ занять въ правительствѣ? И могло ли бы новое правительство довѣряться фельдмаршалу-иноземцу, совершившему уже одинъ государственный переворотъ? Младенецъ императоръ былъ живъ, въ Германіи имѣлся на лицо другой претендентъ на русскую корону, такъ что отъѣздъ Миниха за границу, о чемъ онъ поговаривалъ, не могъ служить ручательствомъ въ томъ, что съ удаленіемъ его за границу и его «значеніе въ русской исторіи» отойдетъ въ область исторіи и не надѣлаетъ хлопотъ и затрудненій новому правительству.

Изъ ссылки Минихъ былъ возвращенъ Императоромъ Петромъ III, и невѣдомо какой бы оборотъ приняли событія, если бы этотъ государь послѣдовалъ совѣтамъ, даннымъ престарѣлымъ фельдмаршаломъ въ критическія минуты. Когда совершился новый государственный переворотъ, тогда Минихъ «отправился къ императрицѣ и смѣло предсталъ передъ нею», — пишетъ Н. И. Костомаровъ.

«— Вы хотѣли противъ меня сражаться?—спросила его Екатерина.

«— Ваше величество!—отвѣчалъ Минихъ,—я хотѣлъ жизнью пожертвовать за государя, который возвратилъ мнѣ свободу. Но теперь я считаю своимъ долгомъ сражаться за васъ и вы найдете во мнѣ вѣрнѣйшаго слугу вашего.

«Императрица оцѣнила поступокъ Миниха по его достоинству, хотя бы имѣла болѣе права поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ, чѣмъ Елизавета. Минихъ поднималъ противъ Екатерины оружіе, чего не дѣлалъ противъ Елисаветы...» Къ высказанному нами выше въ объясненіе причинъ, побудившихъ Елисавету поступить съ Минихомъ, какъ съ врагомъ, мы считаемъ умѣстнымъ добавить, что Императрица Екатерина не имѣла никакихъ поводовъ принимать крутыя мѣры противъ старика-фельдмаршала; напротивъ, она имѣла очень разумныя основанія проявить въ отношеніи его самое широкое великодушіе и милосердіе. Вмѣсто 57-ми лѣтняго фельдмаршала, разгромившаго Крымъ и Турцію, низложившаго грознаго правителя, десять лѣтъ державшаго въ своихъ рукахъ судьбы Россіи, вмѣсто человѣка, полнаго энергіи, силы и честолюбія, какимъ былъ Минихъ при восшествіи на престолъ Елизаветы, передъ Екатериною стоялъ почти восмидесятилѣтній старикъ, сломленный двадцатилѣтнею тяжкою ссылкою, всѣми забытый, никакого «значенія» не имѣющій ни въ кругу высшихъ чиновъ, ни въ арміи, ни въ народѣ. Какъ въ то время, двадцать лѣтъ назадъ, ссылка Миниха была актомъ политики, а не правосудія, такъ и въ 1762 году милость

Императрицы Екатерины II является политическимъ актомъ. Въ обоихъ же случаяхъ «значеніе» Миниха было понято и оцѣнено вѣрно, сообразно съ историческими моментами, пережитыми Россіей.

Статья г. А. Н. Пыпина *Народничество* (янв.—февр.) послужила поводомъ къ довольно интересной полемикѣ, въ которой приняли участіе и ежедневныя газеты, причемъ г. Пыпинъ обмѣнялся возраженіями съ г. Златовратскимъ, а именно помѣстилъ въ апрѣльской кн. *Вѣст. Европы* отвѣтъ на открытое письмо г. Златовратскаго, напечатанное въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя по поводу этого открытаго письма высказались въ передовой статьѣ. Возвращаться къ этой полемикѣ мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ и ограничимся весьма немногими указаніями. Въ отвѣтѣ г. Златовратскому г. Пыпинъ настаиваетъ на высказанномъ въ статьѣ *Народничество* и замѣчаетъ, что «народничество есть еще очень невыясненное направленіе». Мы полагаемъ, что эта невыясненность отнюдь не можетъ быть поставлена въ укоръ ни направленію, именуемому народничествомъ, ни въ частности кому-либо изъ его представителей, и г. Пыпинымъ никому въ укоръ не ставится. Невыясненность не составляетъ отличительнаго признака, присущаго народничеству. То же самое ставилось въ свое время въ вину славянофильству и можетъ быть указано даже теперь и во всякомъ другомъ направленіи: либеральномъ, консервативномъ и т. д. Г. Пыпинъ говоритъ, что народники нерѣдко *чураются* другъ друга, и цитируетъ слова г. Златовратскаго, «что многіе народники своими неловкостями подавали поводы къ недоумѣніямъ...» Но развѣ именуемые и сами себя именующіе консерваторами, либералами и пр. не подавали и не продолжаютъ подавать «неловкостями» поводовъ къ усобицамъ въ средѣ *своихъ* и къ укорамъ со стороны противниковъ? А, между тѣмъ, эти направленія получены у насъ готовыми и опредѣленными. Съ переносомъ ихъ на русскую почву и съ необходимымъ приспособленіемъ къ ней «недоумѣнія» сдѣлались неизбѣжными. Народничество не извнѣ принесено; нигдѣ, кромѣ нашего отечества, нѣтъ ничего ему подобнаго. Оно возникло у насъ дома, очень недавно, при неблагопріятныхъ условіяхъ, изъ коихъ мы отмѣтимъ отсутствіе серьезной и безпристрастной критики. Пришествіе «разночинца», провозвѣстника народничества, совпало съ эпохою увлеченій, и былъ этотъ «разночинецъ» встрѣченъ какъ нѣкій тріумфаторъ. Но «именины сердца» миновали, и вчерашніе тріумфаторы очутились въ весьма драматическомъ положеніи. Званіе «разночинца» оказалось несовмѣстнымъ съ положеніемъ литератора; предстояло или возвратиться къ обыденнымъ занятіямъ, къ тяжкой борьбѣ съ нуждою своимъ разночинническимъ трудомъ, или противупоставить той же нуждѣ литературный заработокъ. Вотъ что по этому поводу цитируетъ г. Пыпинъ изъ Добролюбова объ одномъ даровитомъ «разночинцѣ»: «Строгіе эстетическіе цѣнители хотѣли, чтобы онъ дольше *вынашивалъ* въ душѣ свои произведенія, давалъ своимъ очеркамъ больше стройности, больше объективировалъ ихъ, лучше отдѣлывалъ со стороны внѣшняго изложенія... Ему ли было заботиться о *вынашиваніи* въ душѣ своихъ образовъ, объ изящной ихъ отдѣлкѣ! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно»... *вынашивать*, отдѣлывать и заботиться объ изяществѣ и красотѣ, когда семья голодаетъ. «Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, въ какомъ проходила жизнь разночинца-писателя (Кокорева), мало благопріятствуетъ ровному и спокойному теченію мыслей». Драма несомнѣнная и очень тяжелая; но, къ со-

жалѣнію, таковъ законъ, что не только хорошей повѣсти написать, но даже плохаго башмака сшить нельзя такъ скоро, какъ того требуетъ семейная и насущная нужда, что самый талантливый человѣкъ вынужденъ губить свое дарованіе на ремесленной работѣ за недостаткомъ средствъ и времени заниматься художественною отдѣлкою своихъ произведеній. А, съ другой стороны, таковы неумолимыя требованія искусства, литературы и общества, пользующагося ихъ произведеніями, что ремесленный и скороспѣлый трудъ, вызванный гнетомъ нужды, удовлетворить ихъ не можетъ. Къ счастью, не всѣ разночинцы находятся въ такой нуждѣ, о которой говорилъ Добролюбовъ; есть между ними, такъ или иначе, изъ нужды вышедшіе, и вотъ на этихъ-то лежитъ обязанность внести въ литературу не сырой матеріалъ, въ видѣ вороха сваленный въ нее ихъ предшественниками, а обработанный, *выношенный* «ровнымъ и спокойнымъ теченіемъ мысли», приспособленный къ общественнымъ, законнымъ требованіямъ. Только ставши на этотъ путь и на немъ достаточно поработавши, народники въ состояніи будутъ удовлетворительно отвѣтить на запросъ г. Пыпина, предъявить «опредѣленное и обдуманное изложеніе идей народничества». Въ настоящемъ же своемъ положеніи народничество остается пока въ образѣ стремленій и порывовъ, очень симпатичныхъ, но далеко не опредѣлившихся и неизвѣстно еще къ чему могущихъ привести. Для того же, чтобы придти къ чему-нибудь, необходимо работать, очень много работать, подчасъ въ тяжелой борьбѣ съ нуждою и въ еще болѣе тяжелой—съ увлеченіями былыми тріумфами.

Статья г. Пыпина *Объ историческомъ складѣ русской народности* (сентябрь) не кончена и мы къ ней возвратимся въ свое время, а теперь обратимся къ другому журналу, благо рѣчь зашла о народничествѣ,—къ *Русскому Богатству*.

Оттѣнокъ «народничества», котораго держится журналъ, выясненъ въ статьѣ самого издателя, А. Е. Оболенскаго, въ январской книжкѣ, подъ заглавіемъ: *О народничествѣ—отвѣтъ издателя на письмо профессора NN*. Самое письмо напечатано тутъ же. Насколько этотъ отвѣтъ можетъ удовлетворить вышеприведенному запросу г. Пыпина, пусть посудятъ сами читатели. «Мы уже выяснили ранѣе,—говоритъ г. Оболенскій,—научную теорію счастья и достаточно указали тамъ, что счастье неразрывно связано съ устройствомъ организаціи (?) и, слѣдовательно, не для всѣхъ одинаково. Къ этому же ведетъ и другой всеобщій законъ современной науки. Основный принципъ теперешней науки, это—мировой законъ эволюціи (развитія), распространяющійся на всѣ области жизни; законъ этотъ тѣсно и неразрывно связанъ съ закономъ наслѣдственности, т.-е. передачи признаковъ отъ предковъ къ потомкамъ. Прямая дедукція изъ этого принципа есть невозможность развитія, внѣ наслѣдственныхъ особенностей даннаго народа, выработанныхъ предъидущимъ процессомъ жизни. Отсюда уваженіе къ народнымъ особенностямъ мысли, чувства, воли (говоря объективно — организаціи), т.-е. уваженіе въ томъ смыслѣ, что они должны изучаться и приниматься во вниманіе при всякихъ попыткахъ прогрессивнаго развитія... На практикѣ это рѣшается весьма просто: не слѣдуетъ дѣлать ни одного общественнаго шага, не узнавъ субъективной оцѣнки и мнѣній о немъ народа...» Намъ сдается, что просто это въ теоріи, а на практикѣ-то именно и могутъ оказаться *весьма* серьезныя и многоразличныя затрудненія къ узнанію истинной «оцѣнки» народомъ «попытокъ прогрессивнаго развитія» и его «мнѣнія» по этому пред-

мету. Далѣе слѣдуетъ такой же наборъ мудреныхъ словъ; тутъ есть и объ «этической теоріи, стоящей во главѣ современной европейской этики», и объ «основахъ морали», и «о величайшихъ гуманныхъ выводахъ европейской экономической науки», и затѣмъ объявляется, что это-то и есть «выраженные вкратцѣ основные принципы научнаго народничества». Далѣе авторъ объясняетъ, что «*научное* народничество уважаетъ и особенности другихъ національностей... что оно не желало бы и подавленія интеллигенціи какой-либо иной группой, напримѣръ, необразованной массой», и выражаетъ сожалѣніе, «что интеллигенція въ значительной своей долѣ, и по большей части вслѣдствіе недостатка научныхъ знаній, не хочетъ понять и принять истинныхъ законовъ прогресса, не хочетъ знать новой европейской науки...» Прекрасно, но такъ полагаетъ «научное народничество» или, вѣрнѣе, теоретики народничества, та часть его, которая, по *достаточности своихъ знаній*, поняла и приняла все вышепрописанное, а что на это скажетъ народъ, если обратиться къ его «субъективной оцѣнкѣ и мнѣніямъ», того ни г. Оболенскій и никто въ мірѣ предвидѣть не можетъ. Очень можетъ оказаться, что относительно другихъ національностей и малосвѣдущей интеллигенціи (хороша въ самомъ дѣлѣ такая интеллигенція!) мнѣнія народа не совпадутъ съ научными положеніями господъ народниковъ. Что же тогда дѣлать? Остается одно изъ двухъ: или отказаться отъ научныхъ теорій, отвергнутыхъ народомъ, и подчиниться субъективному мнѣнію массы, или сказать этой массѣ: «нѣтъ, подожди; сначала ты поучись, пойми и прими истинные законы прогресса и уразумѣй всю европейскую науку, а потомъ давай разсуждать». Теоретически можно и такъ поступить, и эдакъ,— теорія на все покладиста, на практикѣ же, какъ ни приложи, все выходитъ неладно. Въ результатѣ получится, что *научное* народничество само по себѣ: оно интеллигенція, или болѣе или менѣе обуреваемая самомнѣніемъ часть интеллингенціи, а народъ самъ по себѣ, и не спѣться имъ иначе, какъ въ томъ разѣ, когда одинъ изъ нихъ перестанетъ быть тѣмъ, что онъ есть. Народники просто, не научные, а народники *нутромъ*, народники-мистики, въ этомъ отношеніи стоятъ на болѣе народной почвѣ, и они логичнѣе; для нихъ *нутро* народа замѣняетъ всякіе научные выводы и законы *европейской* науки (т.-е. общечеловѣческой цивилизаціи) и они ожидаютъ изъ этого *нутра* возрожденія новыхъ выводовъ и законовъ.

На какой бы, впрочемъ, научно-теоретической или неопредѣленно-мистической почвѣ ни стояло народничество, его послѣдователи одинаково наивно совершаютъ «неловкости» въ беллетристическихъ произведеніяхъ и въ такъ называемыхъ серьезныхъ статьяхъ. Какъ на примѣръ, мы укажемъ на разсказъ г. Дм. Волкова: *Что можно сдѣлать?* (*Русск. Богатство*, янв.—февр.). Только что вступившій въ должность непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, отъ лица котораго ведется повѣствованіе, ѣдетъ въ волость для дознанія о злоупотребленіяхъ волостнаго писаря, Пахомова, по жалобѣ на него крестьянина Бѣлобородова. Дорогой, при смѣнѣ лошадей, непремѣнный членъ встрѣчается съ становымъ приставомъ, Подгрубскимъ, удостовѣряющимъ, что Пахомовъ не только пьяница, мошенникъ и взяточникъ, но, къ тому же, «изъ этихъ... принадлежитъ къ партіи нигилистовъ». Пріѣхавши въ волость, непремѣнный попадаетъ въ домъ мѣстнаго мироваго судьи, Стоякова. Они пріятели, на «ты»; изъ повѣсти же оказывается, что оба они не знали о томъ,

что служатъ въ одномъ уѣздѣ. Знакомому съ уѣздною жизнью это можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Но повѣримъ разсказчику на слово. Стояковъ и пришедшій къ нему Бѣлобородовъ, кулакъ, свой человѣкъ у судьи и мѣстный воротило, крѣпко настаиваютъ на необходимости прогнать со службы писаря Пахомова безъ всякихъ околичностей, т.-е. безъ дознанія. Бѣлобородовъ такъ же, какъ и становой, подозрѣваетъ, что писарь «сицивилистъ». Судья этому не даетъ вѣры, а говоритъ, что просто «писаришка—человѣкъ дрянной и его безусловно слѣдуетъ по шапкѣ». По дознанію обнаруживается, что Пахомовъ, хотя и пьетъ, и много пьетъ, а, все-таки, какъ писарь, человѣкъ идеальный, давшій обѣтъ «передъ Богомъ по правдѣ жить и никого не обижать». Доносъ Бѣлобородова, дурные отзывы становаго и мироваго судьи вызваны именно тѣмъ, что Пахомовъ живетъ по правдѣ и отстаиваетъ мужиковъ отъ ихъ обидъ и притѣсненій. А судья таковъ:

«Чѣмъ же онъ несправедливый?»—спрашиваетъ непремѣнный членъ писаря.— «Всѣмъ, Аристархъ Петровичъ! У него теперича такъ: ежели баба съ мужикомъ судится, такъ во всемъ мужикъ правъ; ежели мѣщанинъ съ мужикомъ,—мѣщанинъ; ежели мѣщанинъ съ купцомъ—купецъ; ежели купецъ съ дворяниномъ—дворянинъ; а ежели всѣ они разомъ засудятся съ гласнымъ, который, значитъ, имѣетъ право выбирать судей, такъ гласный всѣхъ правѣе выйдетъ».

Въ видѣ противуположенія, въ разсказѣ выведенъ другой писарь, Каблуковъ, негодяй полнѣйшій, но угодный становому, судьѣ, исправнику и всѣмъ воротиламъ вродѣ Бѣлобородова. Вопреки всѣмъ настояніямъ, непремѣнный беретъ сторону правыхъ, отстаиваетъ Пахомова и хочетъ удалить Каблукова. Его уговариваютъ, грозятъ будущими выборами, припугиваютъ подозрѣніемъ въ «неблагонадежности». Но онъ остается непоколебимъ и обращается съ результатами своихъ дознаній къ присутствію по крестьянскимъ дѣламъ. Тогда предводитель, негоднѣйшій изъ всей этой коллекціи негодяевъ, предъявляетъ предложеніе губернатора о немедленномъ увольненіи писаря Пахомова за обнаруживаемый имъ вредный образъ мыслей. Непремѣнный пораженъ и возмущенъ, ѣдетъ въ губернскій городъ выяснить всѣ злокозненности начальнику губерніи. Исправникъ, случайно попавшій въ то же время на станцію, уговариваетъ не ѣздить, или, по крайней мѣрѣ, не ходить къ губернатору.

«Какъ хочешь, только помни, что ты тогда все потеряешь!—серьезно сказалъ исправникъ.—Теперь еще ты можешь служить и, пожалуй, приносить пользу! Если будешь говорить съ губернаторомъ, не предлагай ему никакихъ своихъ реформъ и поудержись расхваливать Пахомова». На этомъ заканчивается разсказъ г. Волкова. Дальше, впрочемъ, и разсказывать нечего; такой безпросвѣтный подборъ мерзавцевъ, въ какой попалъ Аристархъ Петровичъ, рано или поздно, такъ или иначе, вытуритъ его вонъ изъ службы и изъ уѣзда. Мы оставимъ въ сторонѣ кое-какіе промахи автора и очевидныя преувеличенія и остановимся лишь на выводахъ, которые можно извлечь изъ его повѣствованія. Изъ лицъ второстепенныхъ, не геройствующихъ, наиболѣе симпатичнымъ оказывается исправникъ. «Я хоть и полицейскій крюкъ,—говоритъ онъ непремѣнному,—кое-что этакое... вижу и чувствую...» Видитъ же онъ, что у непремѣннаго «сердце хорошее, совѣсть чистая, намѣренія благія», что онъ можетъ приносить пользу, и ради сохраненія возможности приносить пользу совѣтуетъ ему не лѣзть на рожонъ. Исправникъ не герой, но въ немъ не совсѣмъ угасла

искра Божія; онъ—средній человѣкъ, способный понимать добро и сочувствовать ему, готовый приносить пользу или помочь принести таковую, ничѣмъ лично не рискуя. Становой—дрянненькій человѣчекъ и только. А предводитель. мировой судья, членъ управы, воротилы гласные,—это поголовно мерзавцы, одинъ хуже другаго. Между тѣмъ, эти-то послѣдніе и суть выборные люди, излюбленные народомъ. И такъ, вотъ къ какимъ результатамъ привела «субъективная оцѣнка и мнѣніе народа» о лицахъ, которымъ онъ ввѣряетъ ближайшіе свои интересы. Гдѣ же искать отъ этого спасенія? *Что же можно сдѣлать?* Изъ заключительныхъ словъ повѣсти выходитъ, что одно только и остается: бѣжать какъ можно скорѣе къ губернатору и на него возложить все упованіе на обузданіе избранныхъ народомъ его представителей и выразителей его «субъективной оцѣнки и мнѣній». Путь этотъ, на нашъ взглядъ, не особенно новъ и не удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ: что можно сдѣлать? Спору нѣтъ, можно сбѣгать и къ губернатору, и къ губернскому предводителю, и къ прокурору... Мало ли къ кому еще можно обратиться за помощью и защитой! Очень можетъ быть, что эти господа защитятъ правыхъ и по мѣрѣ силъ своихъ покараютъ неправыхъ; только этимъ разрѣшится, во всякомъ случаѣ, частный вопросъ, т.-е. дѣло о волостномъ писарѣ Пахомовѣ, а общій вопросъ—что можно сдѣлать или, вѣрнѣе, что надо сдѣлать?—остается открытымъ для тѣхъ, кто уже раньше не пришелъ къ грустному рѣшенію: ничего не дѣлать, ибо ничего не подѣлаешь. И вотъ такія-то рѣшенія частенько встрѣчаются на страницахъ *Р. Богатства*: *Каторжница* (янв.) побилась, побилась и повѣсилась; героиня разсказа *Послѣдній разсчетъ* (іюль) отравилась; докторъ, въ очеркѣ *День Павла Егоровича* (іюль), махнулъ на все рукою и возвращается по два раза въ день домой пьяный; студентъ въ разсказѣ *Друзья* (августъ) умираетъ отъ трупнаго зараженія вслѣдъ за старикомъ рабочимъ, умершимъ отъ гангрены... Все это не только не даетъ отвѣтовъ на какіе бы то не было вопросы, но даже и не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ; всѣ самоубійства, смерти и погрязанья въ захолустьяхъ случайны, не *объективированы*, какъ бы выразился Добролюбовъ, и ничего они не доказываютъ.

Въ мартовской книжкѣ есть повѣсть г. В. Панютиной *Чужой сынъ*, въ которой пространно разсказывается, какъ Гриша, очень способный мальчикъ, сынъ крестьянина, былъ взятъ бариномъ, отданъ въ гимназію и, дошедши до пятаго класса, оказался чужимъ въ обѣихъ семьяхъ, въ своей и въ барской, т.-е. отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ, хотя къ родителямъ въ побывку пріѣзжаетъ, переписывается съ ними и даже деньгами помогаетъ изъ своихъ крайне скудныхъ средствъ. Опять что-то странное выходитъ, опять недодѣланное, опять невразумительно, почему онъ сталъ чужимъ, а не сдѣлался своимъ и въ барскомъ домѣ, и въ родной семьѣ. Завтра можно написать,—мало того, можно эту же повѣсть дописать такъ, что этотъ самый Гриша станетъ тѣмъ связующимъ звеномъ, отсутствіе котораго яко бы обусловливаетъ отворванность интеллигенціи отъ народа. Необходимости такого отчужденія изъ повѣсти г-жи Панютиной не усматривается, практически ея не существуетъ; отчужденіе только возможно, но оно не есть нѣчто неизбѣжное. А, еще разъ повторяемъ, мало ли что бываетъ и мало ли что возможно! Это все случайности, на которыхъ нельзя строить никакихъ обстоятельныхъ заключеній.

Къ тому же надо добавить, что всѣ эти «очерки, разсказы, этюды и картинки» написаны вяло, скучновато, отрывочно и незаконченно съ малоудачною поддѣлкою подъ мужичій говоръ. Къ слову объ этомъ говорѣ. Мы бы полагали, что въ разсказѣ *Что можно сдѣлать?* въ январской книжкѣ, на страницѣ 47, въ строкѣ четвертой внизу, замѣна одного простонароднаго выраженія другимъ, болѣе употребительнымъ въ печати, нисколько не измѣнила бы смысла фразы, а читателей и въ особенности читательницъ избавила бы отъ большаго неудобства при чтеніи вслухъ семейно.

Научныя и критическія статьи журнала могутъ дать извѣстной части публики разнообразное и полезное чтеніе, хотя тоже отрывочное и случайное. Тутъ есть и *Теорія распредѣленія богатствъ* Родбертуса, и *Критика современныхъ системъ нравственности* Л. Фуллье, и *Сѣверное сіяніе*, и *Прошедшее и будущее религіи* Герб. Спенсера, и критическія статьи, и научныя новости. О научныхъ статьяхъ *Р. Богатства* мы будемъ говорить подробнѣе, когда войдемъ въ рамки ежемѣсячныхъ отчетовъ о всѣхъ послѣднихъ книжкахъ русскихъ журналовъ.

Ан.

La Nouvelle Revue. Paris. 15 août et 1 septembre. Послѣднія книги этого журнала, стремящагося стать во главѣ французской журналистики, довольно бѣдны содержаніемъ. То, что Ренанъ говоритъ объ японскомъ искусствѣ, слишкомъ спеціально и сухо для публики, читающей популярные органы печати. Нѣсколько интереснѣе статья Ренара: *Вліяніе Германіи на Францію съ 1870 года.* Авторъ возстаетъ противъ излишняго поклоненія нѣмецкимъ авторитетамъ, которое овладѣло французами, прежде совершенно незнавшими Германіи. Онъ разбираетъ различныя причины, вслѣдствіе которыхъ Германія побѣдила Францію, указываетъ на существенныя преимущества Германіи въ области научной, школьной, экономической и т. д., но при этомъ отмѣчаетъ недостатки, которыми страдаетъ Германія и которыхъ слѣдуетъ избѣгать французамъ. Онъ говоритъ, что каждая изъ этихъ двухъ націй имѣетъ свои отличительныя качества и развитіе этихъ качествъ должно составлять главную задачу дѣятельности каждой изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, если взять область интеллектуальную, то Франція въ теченіе вѣковъ отвоевала себѣ уголокъ, сдѣлавшійся исключительною ея собственностью. Всѣ признаютъ, что французскій народъ обладаетъ способностью живо воспринимать и воспринятое формулировать ясно; ему присуще искусство проливать на каждый вопросъ свѣтъ и изображать все въ изящной формѣ. Остроуміе и утонченность представляютъ неизбѣжныя качества всѣхъ произведеній французскаго ума. Франція никогда не переставала производить пріятныхъ собесѣдниковъ, людей съ изящнымъ вкусомъ, литераторовъ, посвященныхъ во всѣ тонкости изящества красиваго языка, писателей вообще и прозаиковъ въ частности, привлекательныхъ и остроумныхъ. Германія, напротивъ, съ давнихъ поръ была благословенною страною учености. Продолжительныя и кропотливыя изслѣдованія вполнѣ соотвѣтствуютъ невозмутимому и настойчивому характеру ея гражданъ. Они въ равной мѣрѣ легко прочитываютъ и сочиняютъ громоздкіе фоліанты. Ученые всѣхъ родовъ, неутомимые раскапыватели библіотекъ, собиратели фактовъ и данныхъ, напоминающіе собою живые словари, никогда не оскудѣвали

на германской почвѣ. Задача Франціи — добывать изъ нѣмецкихъ рудниковъ знанія, научныя истины и распространять ихъ по свѣту. Подражаніе нѣмецкой наукѣ съ ея спеціальными изслѣдованіями можетъ только извратить французскій геній и лишить родину Вольтера ея прежняго значенія въ европейской цивилизаціи. Такова основная мысль статьи, отчасти справедливая, но во многомъ односторонняя и ошибочная (№ 15 августа).

Больше всего намъ понравилась статья Арведа Барина: *Женскій монастырь въ Италіи въ XVI вѣкѣ*. Въ ней изложено жизнеописаніе настоятельницы монастыря св. Андрея — Фелиціи Распони, составленное одной изъ монахинь этого монастыря. Біографія издана недавно въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и мы должны быть благодарны автору статьи, извлекшему все интересное изъ этого наивнаго и непосредственнаго произведенія. Историческая литература имѣетъ весьма немного памятниковъ, которые могли бы соперничать по простотѣ и неподдѣльной правдивости съ повѣствованіемъ сестры Серафимы, изобразившей не только жизнь игуменьи, но и жизнь монастыря, и свое собственное міросозерцаніе. Почитатель аскетизма не найдетъ въ этой біографіи ничего, что бы напоминало житія средневѣковыхъ святыхъ. Сестра Серафима разсказываетъ совершенно спокойно, безъ всякаго стѣсненія, такія детали изъ быта своихъ подругъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ нашими представленіями о монастырской жизни и показываютъ непониманіе основныхъ иноческихъ обѣтовъ. Вотъ, напримѣръ, картинки изъ повседневной жизни монастыря св. Андрея. Монастырь лежалъ среди садовъ, невдалекѣ отъ города Равенны. Онъ былъ совершенно открытъ, его не окружала стѣна; напротивъ, множество оконъ, дверей и калитокъ способствовало сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ. Подъ окномъ комнаты, гдѣ обучались музыкѣ, у задняго выхода, въ пріемной, въ церкви постоянно толпились блестящіе кавалеры, галантные монахи, чужестранцы, посѣщавшіе Равенну. Тамъ слышался шумъ пріятной болтовни, смѣшивавшійся съ музыкой, здѣсь происходилъ обмѣнъ любовныхъ посланій, стихотвореній и подарковъ. Однажды въ обитель явилось общество монаховъ, прибывшихъ съ разныхъ концовъ Италіи для посѣщенія женскихъ монастырей города, чтобы познакомиться съ сестрами. Духовные отцы вызывали, безъ всякаго стѣсненія, красивыхъ монахинь, любезничали съ ними бо́льшую часть дня и прислали потомъ много конфектъ самой красивой изъ нихъ. Въ монастырѣ царило полное потворство и только нѣкоторыя суровыя инокини порицали сестру Максимиліану за то, что она не удовольствовалась для бесѣдъ продолжительнымъ днемъ, но устроила въ одной изъ дверей нѣчто вродѣ маленькой бойницы, закрывавшейся на день, чтобы чрезъ это отверстіе бесѣдовать съ своимъ другомъ всю ночь.

Вотъ какъ воспитывалась Фелиція, будущая игуменья. Ее насильно постригли еще почти въ дѣтскомъ возрастѣ и въ обители Фелиція занялась своимъ образованіемъ. Она умѣла еще раньше читать и шить; ей хотѣлось выучиться писать, пѣть, играть на клавесинѣ, вышивать, однимъ словомъ, сдѣлаться благородной дамой. Мірская программа была осуществлена и никто не находилъ ее неподходящей для монахини. Всѣ наставники расхваливали ея прилежаніе, въ особенности замѣчательны успѣхи Фелиціи Распони въ музыкѣ, какъ свѣтской, такъ и духовной. Она пѣла очень мило и исполняла на клавесинѣ «миссы, вечерни, мадригалы, танцы и другія вещи, не отступая отъ всеобщаго обык-

новенія». Вскорѣ она сдѣлалась блестящей дѣвицей, о которой много толковали въ Равеннѣ и благодаря которой пріемная наполнилась прекрасными кавалерами. Много побѣдъ было одержано прекрасной монахиней, но сама она оставалась равнодушной. Наконецъ, ея часъ пробилъ и сестра Серафима съ удовольствіемъ и увлеченіемъ разсказываетъ про любовь своей героини, увлекшейся однимъ достойнымъ дворяниномъ.

Платоническая любовь, продолжавшаяся три года, приводитъ въ восхищеніе сестру Серафиму и она подробно изображаетъ всѣ перипетіи этой любви, развивавшейся совершенно въ духѣ Петрарки. Эта идеальная любовь послѣ трехъ лѣтъ прекратилась; кавалеръ измѣнилъ и разошелся съ матерью Фелиціей. За то, когда разочарованная Фелиція Распони была избрана въ игуменьи, то она занялась превращеніемъ веселаго монастыря въ самую строгую обитель. При помощи архіепископа равенскаго, всѣ двери были замурованы, за исключеніемъ одной. Около монастыря построили высокую каменную стѣну, вездѣ придѣлали хорошіе замки, а сестрамъ, которыя пожелали бы нарушить каноническія правила, приказъ архіепископскій угрожалъ отлученіемъ отъ церкви и заключеніемъ въ темницу. Въ пріемной большой полотняный занавѣсъ мѣшалъ видѣть монахинь во время бесѣдъ съ родственниками и другими посѣтителями. Комнаты сестеръ, прежде походившія на роскошные будуары, приняли видъ келій, лишенныхъ всякихъ украшеній, какъ этого требуетъ обѣтъ нищеты. Сама игуменья занималась сочиненіемъ діалога о превосходствѣ монашеской жизни. Дѣятельность матери Фелиціи закончилась тѣмъ, что когда прошелъ срокъ ея служенія, монахини единогласно выбрали въ игуменьи мать Камиллу, отличавшуюся грубостью и страстью къ веселью; монастырь опять зажилъ попрежнему.

Рукопись сестры Серафимы попала къ отцу Бенедетто Фіандрини и тотъ сдѣлалъ на ней надпись, вполнѣ характеризующую непосредственность этой монашеской біографіи: «Читайте и не будьте скандализованы».

Насколько беллетристика слаба въ послѣднихъ нумерахъ журнала, можно видѣть изъ повѣсти Тастевена: *Прасковія, сцены изъ русской жизни*. Авторъ, повидимому, побывалъ въ Россіи и вынесъ кое-какія свѣдѣнія о русской народной жизни, но свѣдѣній этихъ недостаточно, и, благодаря неумѣлости писателя, въ результатѣ получается весьма плохая повѣсть. Для того, чтобы придать мѣстный колоритъ, Тастевенъ прибѣгаетъ къ чисто внѣшнему способу и вводитъ въ разсказъ различные русскіе термины вродѣ: l'ispravnik, l'izba, schtoff, tchoulane, schtschti и т. д. Однимъ словомъ, знанія русской жизни мало, не больше, чѣмъ у Жюля Верна въ его Строговѣ, но только у Жюля Верна замѣтенъ талантъ, а у Тастевена этого таланта нѣтъ (№ 1 сентября).

Въ предшествовавшихъ нумерахъ, начиная съ 1 января, были помѣщены слѣдующія болѣе замѣчательныя статьи: *Письма Флобера къ г-жѣ Жоржъ Зандъ*. Въ этихъ письмахъ французскій романистъ называетъ Жоржъ Зандъ своимъ учителемъ. Переписка эта весьма интересна для біографіи какъ писателя, такъ и писательницы.—*Греція передъ революціей 1821 г.* Бикеласа. Очеркъ написанъ извѣстнымъ греческимъ историкомъ и патріотомъ съ большимъ знаніемъ дѣла (январскіе №№). — *Происхожденіе алхиміи* Бертело. Прекрасное изслѣдованіе французскаго химика, составленное не только на основаніи печатныхъ матеріаловъ, но даже по рукописнымъ источникамъ. Авторъ

занимаетъ видное мѣсто среди французскихъ ученыхъ, но, какъ намъ кажется, этотъ трудъ былъ бы болѣе удобенъ въ спеціальномъ историческомъ журналѣ; для обыкновенной публики онъ мало популяренъ (февральскіе №№).—*Современный натурализмъ* Ренара. Остроумно написанная характеристика и оцѣнка натуралистическаго движенія въ литературѣ и искусствѣ (№ 1 мая). *Жизнь въ XIII столѣтіи* Лекуа де-ла-Маршъ—культурно-историческій этюдъ католическаго историка, хорошаго знатока средневѣковой жизни. Написанъ увлекательно, но съ нѣкоторой идеализаціей, сообразно съ направленіемъ католической школы историковъ, которая прославляетъ благосостояніе низшихъ классовъ въ средніе вѣка во время господства католической церкви (№ 15 іюля).—*Старинныя парижскія корпораціи* Д'Орсе. Статья написана легко, съ цѣлью доказать, что уничтоженіе корпорацій, какъ торговыхъ, такъ и промышленныхъ, принесло значительный вредъ и что Франція нуждается въ корпораціяхъ, преобразованныхъ на болѣе либеральныхъ началахъ (№ 1 августа).

Bibliothèque Universelle et Revue Suisse. Lausanne. Juillet et août. Послѣдніе нумера швейцарскаго журнала, снискавшаго себѣ весьма почтенную репутацію, заключаютъ статьи большею частью неинтересныя для русской публики. Наше вниманіе могло остановиться только на этюдѣ Кенеля: *Гербертъ Спенсеръ и его философія.* Авторъ пользуется двумя сочиненіями знаменитаго англійскаго философа: *Данныя этики* и *Соціологія.* Хотя онъ самъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія Спенсера и не раздѣляетъ его нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, но отношеніе его къ разсматриваемому ученію отличается полнымъ безпристрастіемъ. Мы еще не встрѣчали ни одной характеристики этическихъ и соціологическихъ теорій Спенсера, которая могла бы сравниться по ясности и простотѣ съ тѣмъ, что говоритъ Кенель. Онъ утверждаетъ, что Гербертъ Спенсеръ величайшій изъ современныхъ философовъ, такъ какъ, по его убѣжденію, величайшимъ философомъ данной эпохи долженъ считаться тотъ, кто лучше другихъ подводитъ итоги всѣхъ знаній, добытыхъ до него, тотъ, кто связываетъ въ одну систему всѣ элементы современной ему науки и мысли. Именно такимъ мыслителемъ, по мнѣнію швейцарскаго критика, въ развитіи философіи XIX вѣка является Спенсеръ. Этотъ преемникъ Локка, Кондильяка, Гельвеція, Бентама и, наконецъ, Чарльза Дарвина создалъ философскую систему, основанную на эволюціи и увѣнчивающуюся ученіемъ объ утилитаризмѣ. Трудъ англійскаго философа такъ значителенъ, что авторъ отказывается въ журнальной статьѣ изложить болѣе или менѣе подробно то, что наполняетъ 15 томовъ и заняло 30 лѣтъ жизни мыслителя, совершенно посвятившаго себя исканію истины. Онъ выбираетъ два сочиненія, тѣсно связанныя между собою и представляющія самую существенную сторону этой философской системы.

Этика во всякой философіи составляетъ важнѣйшее содержаніе. Въ области морали Спенсеръ не останавливается на простомъ воспроизведеніи утилитарнаго ученія, существующаго въ философіи съ древнѣйшихъ временъ. Онъ прилагаетъ къ нравственности ту самую гипотезу эволюціи, которую Дарвинъ и Ламаркъ примѣнили къ изученію матеріальнаго міра. Развитіе всѣхъ наклонностей и вкусовъ, которые могутъ умножить наслажденіе, не умножая при этомъ страданій человѣка, полное удовлетвореніе всѣхъ его хотѣній, если только изъ этого не вытекаетъ для него или другихъ болѣе зла, чѣмъ добра,—вотъ что

должно считаться нравственнымъ, ибо это соотвѣтствуетъ конечной цѣли эволюцiи въ природѣ. Эгоизмъ, это—первый законъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый изъ нравственныхъ законовъ, такъ какъ уничтоженiе эгоизма повлекло бы за собою уменьшенiе всеобщаго счастья. Съ другой стороны, чувства альтруистическiя не менѣе необходимы для поддержанiя рода и для развитiя счастья.

Истребленiе всѣхъ слабыхъ сильными имѣло бы слѣдствiемъ уничтоженiе жизни, а, вмѣстѣ съ жизнью, и счастья. Альтруизмъ, это—форма разумно понятаго эгоизма. Весь прогрессъ соцiальный и политическiй—ничто иное, какъ постепенное развитiе альтруизма. Для установленiя прочнаго основанiя нравственности Спенсеръ вводитъ научную теорiю эволюцiи и это служитъ переходомъ отъ этики къ соцiологiи. Тутъ, прежде всего, является первобытный человѣкъ, относительно котораго Кенель высказываетъ различныя сомнѣнiя. Если портретъ этого первобытнаго человѣка у Спенсера менѣе фантастиченъ, чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени у Жанъ-Жака Руссо, то еще пройдетъ сто лѣтъ и характеристика англiйскаго философа будетъ казаться еще болѣе фантастичной и неправдоподобной. Самая важная сторона въ развитiи человѣка, это—развитiе его психическихъ и религiозныхъ представленiй. Порядокъ у Спенсера слѣдующiй: сновидѣнiя приводятъ къ идеѣ о двойственной природѣ; идея о двойственности къ представленiю о духѣ; представленiе о духѣ къ идеѣ о безсмертiи и о постоянномъ присутствiи предковъ; идея объ этомъ присутствiи и объ этомъ безсмертiи къ представленiю о необходимости жертвъ и моленiй, т.-е. къ образованiю культа; культъ обращается постепенно къ могиламъ, животнымъ, растенiямъ и другимъ предметамъ, за которыми, по мнѣнiю человѣка, скрывается душа предка. Переходя отъ конкретнаго къ отвлеченному и дѣлая съ каждымъ днемъ болѣе широкiя обобщенiя, человѣкъ доходитъ до идеи о всемiрномъ духѣ, проникающемъ все вещественное, т.-е. о Богѣ единомъ и всемогущемъ.

По поводу этихъ стройныхъ выводовъ швейцарскiй критикъ Спенсера замѣчаетъ вполнѣ справедливо, что главное свойство подобной послѣдовательной системы заключается въ томъ, что стоитъ только согласиться съ первымъ положенiемъ и тогда приходится принять всѣ остальныя. Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложенiемъ соцiологическихъ ученiй Спенсера и скажемъ только, что это изложенiе прекрасно передаетъ сущность теорiй великаго англiйскаго мыслителя. При всемъ несогласiи Кенеля съ воззрѣнiями разбираемаго имъ писателя, онъ съумѣлъ оцѣнить по достоинству громадность работы, положенной на уясненiе системы, замѣчательныя интеллектуальныя силы, необходимыя для такой работы, и весьма высоко поставилъ Спенсера въ исторiи развитiя человѣческой мысли. Религiозныя и философскiя убѣжденiя критика не помѣшали ему понять. чуждую по своимъ выводамъ, систему и не лишили его, какъ уже было сказано, способности отнестись къ ней безпристрастно.

Что касается статей, помѣщенныхъ въ швейцарскомъ журналѣ съ начала года, то мы прилагаемъ здѣсь перечень самыхъ замѣчательныхъ: *Рафаэль изъ Урбино* Кенеля (въ январскомъ нумерѣ); этюдъ, составленный на основанiи англiйской бiографiи художника, написанной Кроу и Кевелькезелемъ. Странно, что авторъ не воспользовался солиднымъ трудомъ Мюнца, французскаго ученаго.—*Въ славянскихъ земляхъ* Вердильяка. Статья касается южныхъ славянъ, какъ турецкихъ, такъ и австро-венгерскихъ. Написана по нѣсколькимъ моно-

графіямъ и памфлетамъ, вышедшимъ за послѣднее время въ Англіи, Франціи и Бельгіи. Авторъ относится сочувственно къ славянамъ, порицаетъ Австрію за захватъ Босніи и Герцеговины и желаетъ соединенія южныхъ славянъ подъ эгидою Сербіи (февральскій №). — *Рабочіе вопросы. Участіе въ предпріятіи и кооперація* Арведа Барина. Авторъ избѣгаетъ теорій и разсматриваетъ съ фактической стороны два типа ассоціацій: 1) когда рабочіе участвуютъ въ видѣ пайщиковъ въ прибыли своихъ хозяевъ и 2) когда они образуютъ кооперативное общество для производства. Описаны весьма интересныя попытки, осуществленныя во Франціи въ послѣднее время (№№ за мартъ и апрѣль).— *Происхожденіе главныхъ аристократическихъ фамилій* Вердильяка. Собраніе весьма интересныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ спеціальныхъ англійскихъ и французскихъ генеалогическихъ монографій (іюньскій №).

Беллетристика во *Всемірной Библіотекѣ* составляетъ самую слабую сторону и за всѣ прошедшіе мѣсяцы настоящаго года по этой части въ ней не было ничего заслуживающаго вниманія.

Nord und Süd. Eine deutsche Monatsschrift, herausgegeben von Paul Lindau. Breslau. Juli, August und September. Журналъ Павла Линдау отличается бойкостью и разнообразіемъ; онъ болѣе отзывчивъ и менѣе церемонно-важенъ, чѣмъ, напримѣръ, *Нѣмецкое Обозрѣніе*. Въ нумерахъ, разсматриваемыхъ нами, помѣщено нѣсколько статей и этюдовъ культурно-историческаго и литературнаго содержанія. Хотя они не всѣ одинаково основательны по обработкѣ матеріала, но вопросы, затронутые ими, имѣютъ интересное общеобразовательное значеніе, а изложеніе вполнѣ доступно.

Небольшое изслѣдованіе Брюкка *О стигматизаціи* сопоставляетъ свѣдѣнія о чрезвычайно любопытномъ явленіи въ исторіи культуры. Въ католической церкви, въ области болѣзненнаго вырожденія религіознаго чувства, доводящаго нѣкоторыхъ нервныхъ, впечатлительныхъ субъектовъ, увлеченныхъ крайнимъ мистицизмомъ, до ненормальнаго физическаго и духовнаго состоянія, не послѣднее мѣсто занимаетъ стигма, т.-е. появленіе у подобныхъ восторженныхъ личностей, на ряду съ экстазами, особаго рода кровавыхъ знаковъ на тѣлѣ, соотвѣтствующихъ тѣмъ ранамъ, которыя были на тѣлѣ Спасителя во время Его крестныхъ страданій. Раны эти, считающіяся особенною благодатью Божіей, появляются, повидимому, безъ всякихъ механическихъ поврежденій какимъ-нибудь орудіемъ и отъ времени до времени изъ нихъ выступаетъ кровь. Начиная съ среднихъ вѣковъ, стигматизированныя личности появлялись въ различныхъ странахъ Европы и вездѣ пользовались покровительствомъ католическаго духовенства. Большею частью это были женщины; у мужчинъ это явленіе встрѣчалось рѣже. Открытіе такихъ вѣрующихъ, отпечатлѣнныхъ особою благодатью Христа, привлекало къ нимъ многихъ благочестивыхъ католиковъ, которые получали оттиски ранъ, кровавыхъ крестовъ и т. д. и относились къ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ къ реликвіямъ. Въ новѣйшее время стигматизированными занялись и правительство, и наука, желая, съ одной стороны, искоренить суевѣрныя движенія, обусловливаемыя весьма возможнымъ обманомъ, съ другой стороны—выяснить, чисто научнымъ путемъ, сущность этого загадочнаго явленія. Однимъ изъ послѣднихъ событій подобнаго рода было появленіе Луизы Лато, умершей въ прошломъ году. Брюккъ собралъ все, что только было писано какъ объ Луизѣ Лато, бельгійской стигматизированной дѣвушкѣ, такъ и

о нѣкоторыхъ ея предшественницахъ въ Вестфаліи. Для того, чтобы читатели могли составить себѣ представленіе объ этомъ любопытномъ проявленіи болѣзненной религіозности, мы приведемъ, на основаніи Брюкка, описаніе характеристичныхъ признаковъ у одной изъ стигматизированныхъ дѣвушекъ. Вотъ что пишетъ правительственная коммиссія по поводу бывшей монахини Анны-Екатерины Эммерихъ: «Явленія, замѣчавшіяся у А.-Е. Эммерихъ, состояли въ періодическомъ кровоистеченіи изъ ранъ на рукахъ и ногахъ и на правомъ боку, а также изъ креста на груди и полосы, охватывавшей голову, причемъ ея приближенные утверждали, что она постепенно отвыкла отъ пищи и питья и нѣсколько лѣтъ ничѣмъ не питалась. Слѣды этихъ ранъ, говоритъ коммиссія, замѣтны еще и теперь въ видѣ рубцовъ отъ зажившихъ пораненій; только на головѣ, при самомъ тщательномъ разслѣдованіи, не найдено никакихъ признаковъ прежнихъ ранъ. Крестъ на груди состоитъ изъ множества ранъ въ видѣ тонкихъ черточекъ». Коммиссія уличила эту дѣвушку въ умышленномъ произведеніи стигмъ и она даже созналась передъ судомъ въ своемъ обманѣ. Оказывается, что она читала чрезвычайно прилежно мистическую книгу *Пламя любви* и увлеклась въ ней житіемъ св. Франциска изъ Ассизи, носившаго на себѣ раны Христа. Желая уподобиться св. Франциску, она искусственнымъ путемъ воспроизвела всѣ явленія, описанныя въ книгѣ. Вообще, изъ статьи Брюкка видно, что стигматизація есть результатъ особаго психическаго состоянія мистически настроенныхъ нервныхъ натуръ, доводящаго ихъ до умышленнаго пораненія съ цѣлью возбудить въ окружающихъ удивленіе и, такимъ образомъ, удовлетворить болѣзненно настроенному чувству религіознаго славолюбія.

Беранже и Курье Крейсига. Параллельная характеристика двухъ писателей, имѣвшихъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе послѣ революціонной Франціи, написана горячо и оттѣнена весьма тонкими штрихами. Это посмертное сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго историка литературы. Трудно даже рѣшить, кто больше повредилъ реставрированію монархіи Бурбоновъ: авторъ народныхъ пѣсенъ—Беранже или ѣдкій, остроумный памфлетистъ-сатирикъ Поль-Луи Курье. Но во всякомъ случаѣ эти два дѣятеля, въ свое время пользовавшіеся необыкновенной популярностью, при всемъ ихъ кажущемся несходствѣ, въ основныхъ чертахъ являются людьми одного пошиба, съ совершено одинаковымъ направленіемъ. Какъ Беранже, такъ и Курье не имѣли опредѣленныхъ убѣжденій и принциповъ, руководились чисто субъективными личными впечатлѣніями и поклонялись французскому національному божеству, извѣстному подъ названіемъ успѣха. Если бы Крейсигъ меньше былъ зараженъ свойственною въ послѣднее время нѣмцамъ враждебностью къ французамъ, то его характеристика этихъ двухъ въ высшей степени типичныхъ французскихъ писателей была бы еще болѣе вѣрна и поучительна (іюльскій №).

Болонскій университетъ въ средніе вѣка Рудольфа Леонгарда и *Положеніе женщинъ въ древности* Франца Бернгевта — двѣ статьи чисто фактическаго характера. Одна знакомитъ насъ съ жизнью и дѣятельностью средневѣковаго университета, другая излагаетъ наглядно болѣе или менѣе извѣстные факты, касающіеся важныхъ сторонъ античной жизни; такого рода статьи, написанныя исключительно съ цѣлью сообщить знанія, приносятъ для среднихъ читателей весьма много пользы. Излагать содержаніе или же характеризовать

подобныя статьи нѣтъ никакой необходимости и мы ограничиваемся только указаніемъ на нихъ (августъ).

Начало искусства въ Греціи Морица Гернеса. Рядъ открытій, совершонныхъ на греческой почвѣ отдѣльными изслѣдователями и цѣлыми коммиссіями въ Аѳинахъ, Олимпіи, Микенахъ, Делосѣ, Кипрѣ, Троѣ, Пергамѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, совершенно перестраиваютъ начальную исторію греческой цивилизаціи вообще и греческаго искусства въ особенности. Статья Гернеса. написанная на основаніи интересной монографіи Мильхгефера *Начало искусства въ Греціи*, сообщаетъ главнѣйшіе результаты довольно просто, но, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко. Гернесъ возбуждаетъ любопытство своихъ читателей, но не удовлетворяетъ пробужденной имъ любознательности, и читатели должны будутъ обратиться къ другимъ сочиненіямъ за болѣе подробными свѣдѣніями. Мы въ этомъ случаѣ совѣтуемъ взять книгу самого Мильхгефера (сентябрь).

Въ предшествующихъ нумерахъ были помѣщены слѣдующія, болѣе интересныя, статьи: *О прежнихъ студенческихъ союзахъ* О. Мейра. Данныя взяты изъ исторіи Геттингенскаго университета во второй половинѣ XVIII вѣка (апрѣль).— *Отрывокъ изъ біографіи и современной исторіи* Карла Бидермана. Этотъ отрывокъ изъ мемуаровъ замѣчательнаго нѣмецкаго историка относится ко времени, предшествовавшему 1848 году, и начинается съ 1840 года. Воспоминанія не касаются личной, субъективной жизни автора; они посвящены преимущественно общей исторіи тогдашней Германіи и въ этомъ заключается ихъ важное значеніе. — *Беовульфъ. Древнѣйшій германскій эпосъ* Вильгельма Герца. Хорошо написанный этюдъ объ этомъ древнемъ англо-саксонскомъ произведеніи отличается однимъ недостаткомъ, свойственнымъ бо̀льшей части историко-литературныхъ работъ, посвященныхъ древнѣйшей исторіи, а именно идеализаціей и восхваленіемъ всего германскаго (май). — *Геній и сумасшествіе* Павла Радештока. Психологическое изслѣдованіе Радештока занимается изученіемъ сходства физіологическихъ и психологическихъ признаковъ, существующихъ между проявленіями генія и сумасшествія, и приходитъ къ признанію тождественности источника обоихъ явленій (май, іюнь).

Deutsche Rundschau, herausgegeben von Julius Rodenberg. Berlin. Juli, August und September. Роденбергъ, подобно Линдау, занимаетъ весьма видное мѣсто среди нѣмецкихъ журналистовъ. Оба редактора много путешествовали. Линдау живалъ въ Парижѣ, а основатель *Нѣмецкаго Обозрѣнія* хорошо изучилъ Англію и Бельгію. Благодаря подобнымъ условіямъ, эти представители нѣмецкой прессы отличаются большей смѣлостью въ пріемахъ и большей широтою взгляда. *Нѣмецкое Обозрѣніе* стремится, по разнообразію статей, стать наравнѣ съ главными французскими и англійскими органами; даже наружнымъ своимъ видомъ оно нѣсколько напоминаетъ знаменитый французскій журналъ *Revue des deux mondes*. Роденбергъ старается украсить свой журналъ именами различныхъ германскихъ знаменитостей и вслѣдствіе этого иногда помѣщаетъ работы или залежавшіяся въ портфеляхъ у извѣстныхъ ученыхъ, или же, по своему спеціальному характеру, не соотвѣтствующія требованіямъ общеобразовательнаго журнала. Къ такого рода статьямъ, въ послѣднихъ нумерахъ этого журнала, слѣдуетъ причислить *Обзоръ нѣмецкихъ мемуаровъ* профессора Вегеле, *Путешествіе въ Остъ-Индію* профессора Іолли и рѣчь Дюбуа-Реймона о *Дидро*. Вегеле,

одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ, пишетъ по заказу мюнхенской академіи, для коллекціи по исторіи различныхъ наукъ въ Германіи, исторію своей науки. Повидимому, то, что помѣщено въ *Нѣмецкомъ Обозрѣніи*, составляетъ отрывокъ изъ общаго сочиненія. *Обзоръ мемуаровъ* начинается XIV вѣкомъ, временемъ Карла IV и доведенъ до нашихъ дней. Это простой перечень съ краткими, сухими, чисто библіографическими замѣчаніями (іюль). *Путешествіе въ Остъ-Индію* профессора Іолли наполнено деталями о профессорской дѣятельности ученаго санскритолога, приглашеннаго въ Калькутту для чтенія лекцій по индійскому праву. Воспоминанія Іолли помѣщены въ пяти нумерахъ и заканчиваются въ августовской книжкѣ словами: «Тринадцатаго мая я высадился въ Венеціи и вскорѣ послѣ того началъ опять читать лекціи въ Вирцбургѣ передъ нѣмецкими студентами». Рѣчь о Дидро была произнесена Дюбуа-Реймономъ въ берлинской академіи наукъ. Рѣчь знаменитаго прусскаго физіолога не представляетъ ничего интереснаго и новаго. То, что онъ говоритъ о даровитости Дидро, о разнообразіи его дѣятельности, о заслугахъ по редакторству энциклопедіи,—все это было сказано другими болѣе обстоятельно и даже съ бо̀льшимъ изяществомъ (сентябрь). За то *Воспоминаніе о Гарибальди*, появившееся безъ имени автора, отмѣченнаго только тремя звѣздочками, остановило на себѣ наше вниманіе, правда, не столько характеристикой Гарибальди, сколько нѣкоторыми подробностями, весьма хорошо рисующими пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ прусская политика, вдохновляемая геніемъ Бисмарка. Авторъ этого воспоминанія стоитъ, повидимому, близко къ прусской дипломатіи и, можетъ быть, даже, принадлежитъ къ числу дипломатическихъ агентовъ Бисмарка. Передъ началомъ франко-прусской войны онъ былъ въ Константинополѣ и сошелся съ нѣкоторыми членами тамошней итальянской колоніи. Это были бо̀льшею частью прежніе политическіе изгнанники, невозвратившіеся на родину послѣ ея освобожденія, но сохранившіе значительное вліяніе и обширныя связи въ новой, возрожденной Италіи. Тутъ, въ Константинополѣ, въ бесѣдахъ пруссака съ итальянцами возникъ планъ о вмѣшательствѣ итальянскихъ волонтеровъ въ борьбу Германіи съ Франціей. На правительство нельзя было разсчитывать, а потому предположено было организовать, на прусскія деньги, сильный отрядъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ Гарибальди, и двинуть этотъ отрядъ въ южную Францію для отнятія Ниццы и Савойи. На запросъ автора, прусское иностранное министерство отвѣтило полнымъ согласіемъ и предоставило для этого дѣла необходимыя деньги и нужное оружіе. Тогда прусскій дипломатъ отправился сначала въ Италію для переговоровъ съ радикалами, а потомъ пробрался на островъ Капреру къ Гарибальди, котораго строго стерегло итальянское правительство. Съ Гарибальди заключенъ былъ договоръ, не осуществившійся только потому, что быстрые успѣхи германскаго оружія сдѣлали излишнею всякую чужеземную помощь. Какъ извѣстно, Гарибальди сражался потомъ въ рядахъ французскихъ республиканскихъ войскъ противъ германцевъ. Самого Гарибальди пруссакъ изображаетъ человѣкомъ, одареннымъ крупными государственными способностями и относившимся нѣсколько презрительно къ своимъ товарищамъ, вождямъ радикальной партіи (іюль).—*Островъ Критъ. Путевыя воспоминанія* Мальтцана. Критъ рѣдко посѣщается путешественниками и принадлежитъ къ числу самыхъ неизвѣданныхъ частей Европы. Мальтцанъ, уже прежде путешествовавшій по Африкѣ, посѣтилъ этотъ островъ и

даже совершилъ нѣсколько экскурсій по направленію къ могучимъ горамъ, наполняющимъ внутренность страны. Самое любопытное мѣсто этихъ довольно бѣглыхъ замѣтокъ—описаніе богатаго монастыря св. Троицы съ характеристикою жизни критскихъ монаховъ. Между прочимъ, Мальтцана удивило то обстоятельство, что, при посѣщеніи келій добрыхъ отцовъ, онъ, на ряду съ иконами святыхъ, замѣтилъ лубочное изображеніе членовъ россійскаго Императорскаго дома (августъ).—*Бертольдъ Ауэрбахъ* Юліана Шмидта. Нѣмецкій критикъ писалъ еще раньше, при жизни покойнаго поэта, о его произведеніяхъ. Настоящая статья вызвана появленіемъ переписки Бертольда Ауэрбаха съ его другомъ Яковомъ Ауэрбахомъ и представляетъ апологію критика по поводу одного мѣста этой переписки, гдѣ поэтъ недоумѣваетъ, прочитавъ разборъ Юліана Шмидта, въ которомъ утверждается, что Ауэрбахъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Жанъ-Поль Рихтера. Вся эта статья состоитъ въ сравненіи этихъ двухъ писателей. Намъ понравилось замѣчаніе о наивномъ тщеславіи Ауэрбаха, которое тотъ не могъ и не умѣлъ скрывать.—*Современное состояніе ученія о холерѣ* Вильгельма Флиса. Очеркъ составленъ весьма ясно и популярно. Читатель можетъ познакомиться съ открытіемъ Роберта Коха, нашедшаго и опредѣлившаго холерный бациллъ. Далѣе онъ видитъ, какъ, вслѣдствіе проникновенія въ организмъ этого бацилла, развиваются болѣзненные симптомы и какимъ путемъ эти микроскопическіе организмы попадаютъ въ нашъ организмъ. Флисъ намѣчаетъ даже, въ какомъ направленіи начинаетъ, въ недавнее время, разрабатываться вопросъ о леченіи холеры и утверждаетъ, что медицина находится на вѣрномъ пути къ установленію средствъ, способныхъ умертвить бациллы и пріостановить дѣйствіе гибельныхъ для человѣка процессовъ (сентябрь).

Въ предъидущихъ нумерахъ *Нѣмецкаго Обозрѣнія* мы замѣтили слѣдующія статьи, заслуживающія упоминанія: *Пергамъ* Мильхгефера. Этюдъ о пергамскихъ мраморахъ, произведшихъ такое сильное впечатлѣніе на археологовъ и художниковъ, а въ числѣ прочихъ и на нашего И. С. Тургенева.—*Современное состояніе изслѣдованій полярныхъ странъ* Фридриха Ратцеля. Краткій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точный очеркъ вопроса, принадлежащаго къ числу самыхъ запутанныхъ въ географической наукѣ (февраль). —*Лейтенантъ Гюнтеръ* Генинга Шенберга. Маленькій разсказъ, написанный тепло и просто и изображающій типичнаго прусскаго воина старыхъ временъ (мартъ).—*Этюды о Гёте* Вильгельма Шерера. Вильгельмъ Шереръ, авторъ лучшей исторіи нѣмецкой литературы, считается въ Германіи хорошимъ знатокомъ Гёте. Пишетъ онъ изящно; все, что помѣщено въ этомъ нумерѣ, относится къ одному только произведенію Гёте, именно къ *Фаусту*. Критическій разборъ *Фауста* отличается многими тонкими замѣчаніями (май).—*Законодательство Юстиніана* профессора Зейферта. Академическая рѣчь Зейферта слишкомъ кратка и суха, такъ что изъ нея читатель можетъ почерпнуть только самыя общія свѣдѣнія о такомъ важномъ явленіи въ исторіи права, какъ законодательство Юстиніана (іюнь).

The Nineteenth Century. A monthly review. London. Iuly, August and September. Девятнадцатый Вѣкъ, одинъ изъ самыхъ большихъ англійскихъ журналовъ, особенно обиленъ статьями, касающимися внутренней и внѣшней политики Англіи. Эти статьи принадлежатъ перу людей самаго различнаго направленія и нерѣдко случается, что на страницахъ журнала ведется

споръ между литературными и научными противниками. Къ произведеніямъ болѣе общаго характера принадлежитъ: *Ретрогрессивная религія* Герберта Спенсера. Это, собственно, отвѣтъ позитивисту Гаррисону на разборъ религіозныхъ теорій знаменитаго англійскаго философа и защита этихъ теорій. Весь вопросъ вращается около того; какое вѣрованіе слѣдуетъ считать первоначальнымъ, ибо Спенсеръ утверждаетъ, что сначала появилось вѣрованіе въ духъ человѣческій и потомъ уже воззрѣніе, что духи обитаютъ въ неодушевленныхъ тѣлахъ, изъ чего развились уже фетишизмъ и поклоненіе силамъ природы (іюль). Отвѣтъ на защиту Спенсера помѣщенъ Гаррисономъ въ томъ же журналѣ подъ заглавіемъ *Агностическая метафизика*. Гаррисонъ стоитъ на почвѣ контовской позитивной философіи и относится враждебно ко всякимъ попыткамъ подобныхъ построеній (сентябрь). Весьма важному вопросу посвящена статья: *Техническое воспитаніе* Генри Солли. Въ Англіи уже давно чувствовалась необходимость поднятія уровня техническаго образованія въ средѣ ремесленнаго сословія. Профессіональныя школы сдѣлались вопросомъ дня и этотъ вопросъ подвергся всесторонней разработкѣ не только со стороны правительства, но и со стороны самого общества. Въ спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ появилось очень много статей о положеніи дѣла въ Америкѣ, Швейцаріи, Германіи и Франціи. Со свойственною англичанамъ практичностью, лондонское городское управленіе и лондонскіе цехи взялись за устройство института для распространенія техническаго образованія. Къ этому же привлечены были болѣе выдающіеся ремесленники, лучше всего знающіе, въ чемъ заключаются недостатки прежней профессіональной подготовки. Образовались, въ средѣ лондонскихъ ремесленниковъ, организованные кружки, поставившіе себѣ троякую задачу: устройство профессіональныхъ классовъ, собираніе и сообщеніе результатовъ, добытыхъ болѣе искусными работниками во всемъ, что касается правильной постановки хорошихъ методовъ техническаго образованія и воспитанія, и, наконецъ, обращеніе вниманія ремесленныхъ союзовъ страны на необходимость повліять, чтобы поденщики и подмастерья могли посѣщать подобные классы. Въ Лондонѣ, кромѣ ремесленныхъ классовъ, заведенныхъ въ городскомъ и цеховомъ институтѣ, существуетъ еще школа ремесленная, завѣдываемая тѣмъ же институтомъ. Подобныя же школы были учреждены въ недавнее время въ Лидсѣ, Ноттингемѣ и другихъ важнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ. Особенно хвалитъ Солли «политехническій христіанскій институтъ для молодыхъ людей», основанный въ Лондонѣ однимъ религіознымъ обществомъ. Англійское правительство не могло не обратить вниманіе на это общественное движеніе и особая коммиссія занялась изученіемъ вопроса о профессіональномъ обученіи. Члены коммиссіи работали горячо и быстро. Коммиссія, въ концѣ-концовъ, представила министерству и парламенту двѣ объемистыя Синія Книги, наполненныя матеріалами, собранными въ Англіи, Америкѣ и на материкѣ Европы. Къ этимъ матеріаламъ присоединенъ обстоятельный докладъ коммиссіи; содержаніе этого доклада резюмируется Солли безъ всякихъ собственныхъ лишнихъ добавленій. Въ виду настоятельности этого вопроса у насъ, мы совѣтуемъ всѣмъ интересующимся дѣломъ познакомиться со статьею Солли (августъ).— *Заря новой Италіи* маркиза Нобили Вителлески. Членъ сената итальянскаго королевства знакомитъ англійскую публику съ тѣми измѣненіями, которыя со времени объединенія Италіи совершенно преображаютъ обликъ и вну-

треннее содержаніе этой страны. Во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни, въ промышленности, наукѣ и литературѣ происходитъ эволюція, заключающаяся въ приспособленіи всего заимствованнаго къ потребностямъ народнаго генія и, такимъ образомъ, Италія переживаетъ эпоху созиданія новаго общества и новаго государства. Изъ всѣхъ политическихъ статей насъ заинтересовала работа Джонсона: *Англійское преобладаніе на Востокѣ.* Въ ней прямо, безъ обиняковъ, высказывается мысль, что обладаніе Индіей и восточными колоніями и систематическое развитіе ихъ экономическихъ средствъ составляетъ необходимое условіе для существованія всего населенія Соединеннаго Королевства. Онъ считаетъ совершенно празднымъ и несвоевременнымъ вопросомъ разсужденіе о томъ, не была ли бы Великобританія счастливѣе и сильнѣе какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, если бы обладаніе Индіей не доставило ей того вліянія на всемірную торговлю, которое дѣлаетъ Лондонъ центромъ денежныхъ оборотовъ, англійскіе провинціальные города—средоточіями невѣрной и измѣнчивой фабричной дѣятельности и скопляетъ на трехъ островахъ чрезмѣрное населеніе, представляющее контрасты богатства и бѣдности и доставляющее во время коммерческихъ неудачъ удобное поле для соціальной и политической агитаціи. Разъ уже Англія ступила на этотъ путь, она должна идти по немъ впередъ, до самаго конца. Тутъ приводится весьма интересное соображеніе о томъ, какъ господство на восточныхъ рынкахъ даетъ Англіи возможность устанавливать балансъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ другими государствами, несмотря на видимую невыгодность въ отношеніи между ввозомъ и вывозомъ. Приведемъ примѣръ изъ того, что говорится о торговлѣ съ Соединенными Штатами. Великая заатлантическая республика продаетъ Великобританіи хлопка и хлѣба ежегодно на 88.000,000 фунтовъ и покупаетъ у Англіи хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ на 40.000,000 фунтовъ. Рождается вопросъ: чѣмъ покрываетъ Англія этотъ недочетъ, не производя драгоцѣнныхъ металловъ для чеканки монеты и имѣя количество металловъ только въ размѣрѣ, необходимомъ для внутренняго денежнаго обращенія? Между тѣмъ, оказывается, что ввозъ и вывозъ звонкой монеты въ Соединенные Штаты и обратно совершенно балансируется. Вопросъ разрѣшается просто: Соединенные Штаты покупаютъ въ Индіи, Китаѣ, на островахъ Восточнаго Архипелага пряности, кофе, чай, шелкъ и т. д., не ввозя въ эти страны ничего, кромѣ немногихъ спеціальныхъ произведеній хлопчато-бумажной мануфактуры и керосина. Средства для уплаты доставляются, главнымъ образомъ, отъ продажи хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ и металлическихъ фабричныхъ произведеній и каменнаго угля, ввозимыхъ изъ Великобританіи и обмѣниваемыхъ на восточныхъ рынкахъ при посредствѣ агенствъ восточнаго банка на лондонскіе кредитивы. Такимъ образомъ, прямо или косвенно, ввозъ изъ Америки въ Соединенное Королевство вполнѣ уплачивается произведеніями британской промышленности. Изъ этого ясно, какъ важно въ экономическомъ отношеніи все большее и большее развитіе англійскаго преобладанія какъ политическаго, такъ и экономическаго на Востокѣ (сентябрь).

Въ предшествовавшихъ нумерахъ были помѣщены слѣдующія, болѣе выдающіяся произведенія: *Повседневная жизнь въ средневѣковомъ монастырѣ* Джессопа. Мы знакомимся въ этомъ этюдѣ со всѣми деталями монастырской жизни въ XIII столѣтіи. Къ статьѣ приложенъ даже примѣрный планъ мона-

стыря по образцу одного клюнійскаго пріората въ Норфолькѣ.—*Жилища для бѣдныхъ* Кросса. Обсужденіе вопроса, занимающаго въ настоящее время англійское правительство и общество. Торійскіе государственные люди выдвигаютъ этотъ вопросъ на первый планъ.—*Новый взглядъ на мормонство* Барклея. Авторъ лично посѣтилъ столицу мормоновъ на берегу Соляного озера и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ его прежнія представленія о мормонахъ ложны и основаны на клеветахъ (январь).—*О радугахъ* профессора Тиндаля. Очеркъ написанъ съ свойственнымъ этому великому популяризатору мастерствомъ (февраль).—*Цвѣта, просторъ и музыка для народа* Октавіи Гилль. Характеръ и значеніе этой статьи опредѣляется цѣлью, съ которой она была написана. Это—рефератъ, читанный г-жею Гилль въ кирльскомъ обществѣ, основанномъ для облегченія участи бѣднѣйшихъ жителей города и для доставленія имъ удовольствій (май).—*Забытыя библіи* профессора Макса Мюллера. Написано по поводу изданія коллекціи англійскихъ переводовъ священныхъ книгъ Востока.—*Восемь лѣтъ кооперативнаго производства сорочекъ* Эдифи Симкоксъ. Интересныя свѣдѣнія о вполнѣ удавшейся попыткѣ коопераціи, представленныя одною изъ участницъ (іюнь).

В. М—ій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«La joie de vivre». *E. Zola.*—«Chérie». *E. Goncourt.*—«Sapho». *Alphonse Daudet.*—«Belinda».*Rhoda Broughton.*—«Andrée». *George Duruy.*—«La belle Madame de Vassard». *Alain Bauquenne.*—«Le Prince Zelah». *Jules Claretie.*—«La police secrète Prussienne». *Victor Tissaut.*—«Jetta». *Georg Taylor.*—«Prus: as». *Ernest Eckstein.*—«Grosse Menschen». *Schuking.*—«Hohe Gönner». *Ernest Wichert.*—«Schwarze Schatten *Rosenthtal.* Nicht für Kinder». *Oscar Hempel.*

При обзорѣ иностранной беллетристики за текущій годъ сами собою выдвигаются на первый планъ ея произведенія, доступныя большинству русскихъ читателей, т.-е. переведенныя на русскій языкъ. Въ виду замѣтнаго оскудѣнія у насъ оригинальной беллетристики, переводная получаетъ особенное значеніе,—такое, какого она не имѣла въ то время, когда въ русскихъ журналахъ печатались произведенія Диккенса, Теккерея, Жоржъ-Зандъ, Виктора Гюго или Флобера и Эберса, давшихъ въ увлекательной и общедоступной формѣ вѣрныя картины давно минувшихъ эпохъ, цѣлыя историческія монографіи, или прежнія романы Э. Зола («la Curee», «le Ventre de Paris», «Sonex. Eugène Kongon») и Шпильгагена, изображавшихъ яркими чертами злобы дня Франціи и Германіи, ихъ политическіе и общественные недуги и взаимнодѣйствіе тѣхъ и другихъ. И именно въ настоящее-то время мы не видимъ въ выборѣ иностранныхъ романовъ для перевода той разборчивости, какой въ правѣ желать и требовать читатели. За прошедшій и нынѣшній годъ мы не видимъ въ переводѣ ни одного выдающагося романа; нѣтъ ни историческихъ монографій вродѣ «Саламбо», «Иродіады», «Уарды» и имъ под., нѣтъ романовъ-памфлетовъ, приближающихся

къ сатирѣ *). На мѣстѣ такихъ прекрасныхъ вещей за текущій годъ передъ нами лежатъ *Радость жить* (*La joie de vivre*) Зола, *Шери*—Гонкура и *Сафо* — Доде. Ихъ печатали сразу нѣсколько журналовъ, и чего ради? Только изъ-за именъ авторовъ, а никакъ не ради содержанія самихъ произведеній, такъ какъ переводы ихъ были начаты ранѣе, чѣмъ они были окончены печатаніемъ въ подлинникѣ. *Сафо* переводился даже съ рукописи. Печатая переводы, ни переводчики, ни редакціи не знали содержанія подлинниковъ и перевирали заглавія не по одному только плохому знанію французскаго языка. Такимъ перевираніямъ подверглись названія романовъ Зола «La joie de vivre» и «Pot-bouille», переведенный по-русски *У пылающаго очага*. Въ особенности же забавный казусъ вышелъ года два тому назадъ съ романомъ Доде— «Evangeliste»; переводчикъ озаглавилъ его *Евангелистъ*, а потомъ оказалось, что дѣло идетъ о проповѣдницѣ дамѣ. Понятно, что при такомъ хватаніи на лету романовъ, помѣщаемыхъ въ подлинникѣ въ газетныхъ фельетонахъ, для оцѣнки переводимаго произведенія быть не можетъ другаго критерія, кромѣ имени автора. А этого далеко не достаточно, какъ это не разъ и доказывалось самимъ дѣломъ.

Мы не станемъ передавать здѣсь содержанія новаго романа г. Зола «La joie de vivre»; переводы его, болѣе или менѣе плохіе, печатались въ пяти или шести русскихъ журналахъ (вотъ какъ обрадовались!) и онъ, по всей вѣроятности, знакомъ большинству русской публики. Самъ по себѣ это одинъ изъ самыхъ слабыхъ романовъ Э. Зола; успѣхомъ же онъ обязанъ, кромѣ имени автора, небывалою еще *натуралистичностью* нѣкоторыхъ описаній, которымъ мѣсто совсѣмъ не въ изящной литературѣ, а въ клиническихъ бесѣдахъ акушерскаго отдѣленія. На русскомъ языкѣ многое сглажено, совсѣмъ выкинуто или замѣнено точками; только, на нашъ взглядъ, мало выкинуто и, во всякомъ случаѣ, отъ большихъ сокращеній романъ могъ бы выиграть. Здѣсь неумѣстно возобновлять старый споръ о достоинствѣ «натуралистическихъ» пріемовъ, человѣческихъ документовъ вообще и протоколовъ о происхожденіи на свѣтъ младенцевъ въ частности. Самое сокращеніе такихъ протоколовъ въ переводахъ уже достаточно уясняетъ взглядъ на нихъ редакцій русскихъ журналовъ.

Законы всегда одни для всѣхъ произведеній искусства, литературы, живописи, ваянія, музыки и архитектуры. Они настолько общи, что мы даже въ понятіяхъ смѣшиваемъ разныя отрасли искусства и нерѣдко говоримъ: «романистъ изобразилъ картину или рядъ картинъ, живописецъ далъ на своемъ полотнѣ драму, такое-то архитектурное произведеніе есть цѣлая поэма». Что художественно въ одной отрасли, то художественно и въ другой, и наоборотъ—недопустимое въ одной, не можетъ быть допущено ни въ какой другой. Нашъ русскій художникъ, по достоинству оцѣненный французами и, смѣемъ думать, всею Европою, — графъ Л. Н. Толстой въ романѣ *Анна Каренина* описалъ роды такъ, какъ подобаетъ истинному художнику. Провѣрить и доказать это легко, стоитъ только примѣрить къ живописи; изображенное гр. Тол-

---

*) Такой романъ: *Баккалавръ* Жюля Валлеса былъ напечатанъ въ 1882 г. въ *Наблюдателѣ*; романы-памфлеты: *Сбитый съ толку* и *Жіанъ и Гансъ* помѣщены въ прошломъ году въ *Русск. Мысли*, а въ нынѣшнемъ настоящая сатира: *Семейство Кардиналь* Галеви.

стымъ можетъ быть представлено на картинѣ и выставлено на любой выставкѣ. А если бы какой-нибудь живописецъ «натуралистической» школы рискнулъ перенести на полотно сцены, описанныя Зола, то его картина попала бы не на выставку, а въ секретное отдѣленіе странствующаго музея на ряду съ восковыми фигурами и всякими монстрами. Рембрантовская *Лекція анотоміи* указываетъ грань, за которую не должно переступать искусство. За этою гранью начинается другая область—науки и, притомъ, спеціальной науки; тамъ искусство является уже не самостоятельнымъ, а становится въ служебное положеніе изготовителя учебныхъ пособій. Также точно и документальная, протокольная литература имѣетъ свою строго-ограниченную область въ ученыхъ рефератахъ, диссертаціяхъ и лекціяхъ.

Все вышесказанное примѣнимо и къ роману Эдм. Гонкура *Шери*, переведенному въ *Наблюдатель*, но еще съ нѣкоторымъ дополненіемъ. Это романъ по настоящему документально-протокольный въ прямомъ смыслѣ этого слова. Года два тому назадъ Эдм. Гонкуръ задумалъ написать *монографію* великосвѣтской дѣвушки. Не полагаясь на свои единичныя силы и находя недостаточнымъ имѣвшійся у него запасъ человѣческихъ или, вѣрнѣе, женскихъ документовъ, онъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ женщинамъ, прося ихъ снабдить его таковыми документами съ той самой минуты, какъ каждая изъ нихъ начала себя помнить, безъ опущенія какихъ бы то ни было, самыхъ интимныхъ подробностей ихъ дѣтства, отрочества, перехода къ зрѣлости и т. д. «На книгѣ я выставлю свое имя,—говорилъ онъ своимъ будущимъ сотрудницамъ,—но настоящимъ ея авторомъ будете вы». Призывъ не остался безъ отвѣта, женскіе документы посыпались со всѣхъ сторонъ и изъ этого-то *благонадежнаго* матеріала Гонкуръ соорудилъ... свое слѣдственное дѣло о пустопорожней жизни одной больной дѣвицы. Вышло настоящее чудище! Если бы книга не носила имени Эдм. Гонкура, ея не то переводить, читать бы никто не сталъ, а кто бы и началъ, то, навѣрное, не дочиталъ бы и до половины. Скучна она протокольно, скучнѣе любаго слѣдственнаго дѣла. Въ томъ, по крайней мѣрѣ, всегда есть извѣстная нить, развитіе которой можетъ интересовать читателя. А въ этомъ повѣствованіи такой нити нѣтъ. Въ немъ, вмѣсто фабулы, отрывочныя сценки, иногда мастерски написанныя, но неимѣющія между собою никакой необходимой связи; изъ нихъ любая можетъ быть выкинута безъ малѣйшаго ущерба для цѣлаго, а нѣкоторыя даже съ пользою; вмѣсто развитія характера, сообщенія о физіологическихъ особенностяхъ развитія женскаго организма съ такими же натуралистическими подробностями, какъ у Э. Зола въ его «La joie de vivre», а затѣмъ слѣдуютъ патологическія подробности развитія нервоза и истеріи у свѣтской барышни, не успѣвшей словить мужа. На двадцатомъ году Шери умираетъ—и прекрасно дѣлаетъ. Очень жаль, что нѣкоторыя изъ подругъ мадемуазель Шери вышли замужъ и могутъ народить никуда негодныхъ дѣтей. Къ счастью для человѣчества и для Франціи, дѣвицы, описанныя Эдм. Гонкуромъ, составляютъ очень рѣдкія исключенія. Корреспонденціи дамъ-сотрудницъ, помогавшихъ автору своими откровенностями, сослужили ему плохую службу, попросту говоря, сбили талантливаго писателя съ толку. Онъ излишне довѣрился женскимъ документамъ, упустивши изъ вида цѣлый рядъ соображеній, доказывающихъ ихъ недостовѣрность. Онъ забылъ прирожденный женщинамъ недостатокъ объективности, въ особенности когда дѣло касается ихъ собственныхъ особъ,

ихъ воспоминаній о прожитой юности и молодости. У женщинъ свѣтскихъ, много выѣзжавшихъ, избалованныхъ успѣхами или просто ухаживаніями, этотъ недостатокъ доходитъ до полной потери сознанія дѣйствительности, до способности извращать факты и наврать на себя небылицы совершенно добросовѣстно, безъ малѣйшаго желанія сказатѣ неправду. Вызванныя извѣстнымъ писателемъ на откровенное сообщеніе своихъ воспоминаній барышни безсознательно преувеличили и свои нервозы, и прихоти вкуса, и пережитыя ими физіологическія кризисы, совершающіеся у громаднѣйшаго большинства дѣвушекъ много проще и спокойнѣе, чѣмъ это кажется гг. Зола и Гонкуру. При томъ же, эти кризисы наступаютъ у различныхъ субъектовъ такъ разновременно и такъ разнообразно, что строить на этомъ какіе-либо общіе выводы и положенія невозможно.

Эдм. Гонкуръ хотѣлъ написать «монографію» великосвѣтской дѣвушки, а, вмѣсто того, у него вышла «исторія болѣзни» одной знатной барышни. Нашъ высокоталантливый соотечественникъ Ѳ. М. Достоевскій изображалъ, почти исключительно, больныхъ людей, мужчинъ и женщинъ. Но какая же громадная разница между психически больными Достоевскаго и истерическими барышнями Гонкура! При чтеніи произведеній перваго, страшно становится за себя и за людей, становится больно; въ себѣ самомъ и во всѣхъ окружающихъ видятся и чувствуются признаки тѣхъ же разстройствъ, подобно тому, какъ при чтеніи *Мертвыхъ душъ* подмѣчаются въ себѣ и въ людяхъ отдѣльныя черты представленныхъ типовъ. У Гоголя собирательные типы здоровыхъ, у Достоевскаго такіе же типы больныхъ русскихъ людей. Тутъ правду видишь, этой правдѣ вѣришь; она неотразима никакими документами. Неправда и канцелярская дѣланность протоколовъ Гонкура бросаются въ глаза и возбуждаютъ не отвращеніе даже, а просто чувство гадливости, похожее на то, какое испытываетъ трезвый человѣкъ въ присутствіи безобразно и грязно пьянаго субъекта. Въ подлинникѣ многое сглаживается и выкупается прелестью слога, такъ сказать, внѣшнею красотою произведенія. Въ переводѣ это теряется; нѣжные, иногда неуловимые оттѣнки пропадаютъ, тонкіе штрихи или остаются незамѣтными, или выходятъ непріятно-грубыми. Такіе протоколы, какъ *Шери*, могли бы безъ малѣйшаго ущерба для русской публики оставаться непереведенными.

Совсѣмъ иныя рѣчи приходится намъ вести о романѣ Альфонса Доде *Сафо*, и о немъ побесѣдоватѣ стоитъ, такъ какъ это романъ, во всякомъ случаѣ, выдающійся. Переведенъ онъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (мартъ и апрѣль 84 г.) съ рукописи, какъ значится въ примѣчаніи. Газета *Русскія Вѣдомости* сообщала, что одновременно съ редакціей *Русск. Вѣстника* рукопись *Сафо* была куплена у автора для перевода однимъ американскимъ журналомъ. Получивши оригиналъ, редакторъ американецъ деньги по уговору заплатилъ, а романа переводить не сталъ, находя его безнравственнымъ и вреднымъ. Наши соотечественники не такъ разборчивы: романъ они перевели и напечатали и даже не въ одномъ *Русск. Вѣстникѣ*, а также въ *Наблюдателѣ*, въ *Изящной Литературѣ* и еще гдѣ-то. До американскихъ деликатностей мы еще не дожили, да, къ тому же, на нашемъ базарѣ и не то еще сходитъ. Впрочемъ, объ этихъ переводахъ мы поговоримъ особо, а теперь возвратимся къ самому роману. Озаглавленъ онъ такъ: *Сафо.—Парижскіе нравы.—Моимъ сыновьямъ, когда они достигнутъ двадцатилѣтняго возраста.* Альфонсъ Доде, какъ видно изъ этой надписи на книгѣ, знаетъ, что давать читать своимъ дѣтямъ и въ

какомъ возрастѣ. Но онъ можетъ ошибиться относительно пригодности того же самаго для чужихъ дѣтей: въ особенности же ни онъ, ни мы не можемъ имѣть никакого ручательства въ томъ, что его произведеніе не будетъ прочитано 19, 18-тилѣтними и еще болѣе юными молодыми людьми. разъ книга выпущена въ свѣтъ и переведена въ нѣсколькихъ журналахъ. Предохранить юношей отъ чтенія въ подлинникѣ романа Доде довольно трудно, а отъ чтенія въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Наблюдателѣ* совсѣмъ нельзя (не запирать же ихъ на ключъ!). Но допустимъ даже, что, въ силу предупрежденія автора, родители соблюдутъ своихъ сыновъ до указаннаго возраста отъ чтенія *Сафо*,—гдѣ же тогда ручательство за доброе, а не пагубное вліяніе разсказанной въ этой книгѣ исторіи на молодыхъ людей, перешедшихъ указанный возрастъ? Исторія же такая: молодой человѣкъ 21 года. Жанъ Госсенъ, только что пріѣхавшій въ Парижъ кончать свое образованіе, встрѣчаетъ на артистическомъ костюмированномъ вечерѣ у инженера Дюшелетъ нѣкую Фанни Легранъ, одѣтую египтянкой. Послѣ непродолжительной бесѣды съ молодымъ человѣкомъ египтянка куда-то скрылась. На дворѣ уже бѣлѣла заря. Хотѣлъ уйти и Жанъ, но его остановилъ пріятель и позвалъ ужинать въ веселой компаніи какой-то актрисы изъ «Буффъ». Египтянка оказалась поблизости. «Не ходи къ нимъ!»—прошептала она, и Жанъ повиновался, послѣдовавъ за незнакомкой, не зная, кто она, молода ли, хороша ли она; онъ ее даже не разсмотрѣлъ. Онъ пошелъ за нею, подчинясь превосходству ея воли и тому далеко не нравственному чувству, которое влечетъ молодыхъ людей слѣдовать за первою встрѣчною женщиною по полутемнымъ улицамъ и бульварамъ. Это подчиненіе дурной женщинѣ и постоянно возбуждаемымъ ею дурнымъ инстинктамъ натуры, нѣжной до слабости и мягкой до безхарактерности, и составляетъ всю основу романа; въ послѣдовательномъ и постепенномъ, совершенно неуловимомъ развитіи пагубнаго вліянія въ корень развращенной, немолодой женщины, доводящей искренно любимаго ею юношу до конечной нравственной гибели, и заключается вся несложная, не новая, но захватывающая душу фабула романа.

Фанни Легранъ, вмѣстѣ съ Жаномъ, пришла въ его квартиру, пробыла у него два дня и, прощаясь, оставила свой адресъ. Но молодой человѣкъ занялся приготовленіями къ консульскому экзамену и почти забылъ о случайной связи. Недѣли черезъ двѣ Фанни явилась сама, потомъ стала бывать по нѣсколько разъ въ недѣлю. Этимъ, все-таки, не устанавляется между ними никакой интимности. Жанъ не чувствуетъ ровно ничего къ этой женщинѣ. ему незнакомо даже чувство ожиданія, несмотря на то, что она, по тонкому разсчету, является всегда въ одинъ и тотъ же часъ; онъ не интересуется ни ея прошлымъ, ни настоящимъ, какъ и чѣмъ она живетъ. Послѣ одной загородной прогулки Жанъ Госсенъ ночевалъ у Фанни и ушелъ отъ нея съ твердою рѣшимостью навсегда разорвать всякія отношенія къ ней. Только это оказалось не такъ просто, какъ онъ думалъ. Она продолжала являться къ Жану, а когда тотъ чуть не гналъ ее вонъ, покорно уходила, повторяя: «Ну, что же... въ другой разъ». Жанъ готовъ уже былъ бѣжать отъ нея на родину: такъ чувствовалъ онъ всю опасность такой любовницы, но тотчасъ же послѣ экзаменовъ опасно занемогъ. Когда молодой человѣкъ опомнился отъ бреда, у его постели сидѣла Фанни, ухаживавшая за нимъ во все продолженіе болѣзни. Жанъ, все-таки, хотѣлъ удалить ее; удалить было некуда,—у Фанни все распродано, выгнать ее можно

только на улицу... Началась жизнь вмѣстѣ—maritalement. «Тутъ-то и крылась ловушка»,—говоритъ авторъ.—Жану хорошо было, точно его баюкали. Былъ онъ влюбленъ? Нѣтъ, онъ былъ благодаренъ за любовь, за вѣчно ровную нѣжность». Всѣ опасенія исчезли; молодому человѣку все казалось совершенно нормальнымъ, а, между тѣмъ, онъ нечувствительно, незамѣтно опошливался этимъ сожительствомъ.

Разъ Жанъ случайно встрѣтился съ скульпторомъ Каудалемъ, которому Фанни служила когда-то натурщицею для его знаменитой статуи *Сафо*. Каудаль сидѣлъ съ Дюшелетомъ за столикомъ передъ рестораномъ. Оба они обрадывались молодому человѣку, усадили съ собою, заговорили о его связи съ Фанни. «О, давно все покончено!»—отвѣтилъ Жанъ, самъ не сознавая хорошенько, для чего говорилъ неправду. Тогда Каудаль и Дюшелетъ, уже нисколько не стѣсняясь, заговорили о Сафо, какъ о такой дурной женщинѣ, ради которой нечего стѣсняться въ выраженіяхъ. Передъ молодымъ человѣкомъ раскрылась вся мерзость позорнаго прошлаго его любовницы, этой сорокалѣтней Сафо, переходившей изъ рукъ артистовъ и поэтовъ въ руки рабочихъ и острожниковъ, сидѣвшей въ тюрьмѣ, прошедшей всѣ ступени паденія. Жанъ уходитъ ошеломленный, удрученный стыдомъ, съ твердой рѣшимостью сейчасъ же выгнать ее. Потомъ онъ начинаетъ резонировать: за что выгнать? Развѣ неизвѣстно ему было ея прошлое? Развѣ ея вина увеличивается тѣмъ, что она была любовницей людей извѣстныхъ, знаменитостей? «А, между тѣмъ, въ затаенномъ уголкѣ его сознанія поднималось дрянное чувство, въ которомъ нельзя признаться,—гордость тѣмъ, что досталась она ему наравнѣ съ великими артистами, что и они находили ее красавицей». Въ сердцѣ молодаго человѣка смѣшиваются ревность къ прошлому и болѣзненная гордость за это прошлое; эти два одинаково мерзкихъ чувства, разжигаемыя чтеніемъ старыхъ любовныхъ писемъ, которыя получала когда-то Сафо, переходятъ у Жана Госсена въ какую-то унизительную и постыдную страсть. Онъ жжетъ эти письма, но, прежде чѣмъ бросить ихъ въ огонь, упивается ихъ чтеніемъ. «Нѣтъ, постой... дай сюда, я хочу прочесть и это!» — повторяетъ онъ. Это одна изъ самыхъ мастерскихъ сценъ въ романѣ.

Сафо угадала и вѣрно оцѣнила то, что происходило въ душѣ ея возлюбленнаго; она поняла, что теперь нѣтъ надобности ни скрывать отъ него что-либо, ни притворяться,—и она сбрасываетъ всякую личину порядочности и приличія, является во всей наготѣ своей пошлости и цинизма. Ей нечего бояться, онъ уже не вырвется, крѣпко привязанъ онъ силою своей собственной деградаціи. Блеснулъ было передъ Жаномъ лучъ животворнаго свѣта въ образѣ прекрасной, чистой дѣвушки; явилась надежда на спасеніе въ любви къ ней, въ ея любви и честномъ бракѣ, и разрывъ съ Сафо совершился ради этого хорошаго будущаго... Но чтобы окончательно покончить съ прошлымъ, Жану Госсену надо взять свои письма у Фанни. Онъ идетъ за ними и у ея дверей встрѣчаетъ гравера, ея бывшаго любовника, поплатившагося тюремнымъ заключеніемъ за любовь къ этой женщинѣ. Въ Жанѣ вспыхиваетъ опять и съ новою силою ревность... Но эта сцена сообщенія Госсеномъ Фанни извѣстія о его женитьбѣ и сцена у нея послѣ встрѣчи гравера рѣшительно непередаваемы; ихъ надо читать въ подлинникѣ и тогда только можно понять, испытать всю силу удручающаго впечатлѣнія, производимаго ими. За послѣднею сценою слѣдуетъ оконча-

тельное и безповоротное паденіе молодаго человѣка. Его бракъ съ честною дѣвушкою становится невозможнымъ. Ни искры чистой, ни пятнышка незагрязненнаго не остается въ его загубленной душѣ. Онъ выходитъ изъ объятій Сафо не фактическимъ негодяемъ, какъ граверъ, а хуже, ниже, гаже... негоднымъ человѣкомъ. Дальше... дальше разсказывать нечего. Онъ ѣдетъ консуломъ въ Америку, зоветъ съ собою Фанни, а она бросаетъ его и возвращается къ своему граверу.

Въ противуположность натуралистической растрепанности послѣдняго романа Гонкура, его уснащенности ненужностями и вводными эпизодами, въ *Сафо* нѣтъ ни одного слова лишняго, все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, ничего нельзя выкинуть. Интересъ читателя поглощенъ двумя главными дѣйствующими лицами, Жаномъ Госсеномъ и Сафо; вниманіе не отвлекается въ сторону; второстепенныя лица занимаютъ лишь столько мѣста, сколько это строго необходимо для уясненія дѣйствій и взаимныхъ отношеній героя и героини. По формѣ, по языку, романъ образцово безукоризненъ. Но опять-таки встаетъ тотъ же неотвязный вопросъ, возбужденный самимъ авторомъ,—гдѣ ручательство въ томъ, что его полезно читать молодымъ людямъ, перешедшимъ двадцатилѣтній возрастъ? По нашему мнѣнію, ни двадцати двухъ, ни двадцатичетырехлѣтняго молодаго человѣка нельзя предостеречь такою книжкою отъ связи съ старою, опытною развратницею, а натолкнуть на подобную связь можно и, чѣмъ человѣкъ моложе, тѣмъ легче, возбудивши въ немъ весьма щекотливое въ юношахъ любопытство. Нужно ли такое предупрежденіе? Вопросъ очень серьезный. На него едва ли можно дать категорическій отвѣтъ, пригодный при всякой комбинаціи; все зависитъ отъ личнаго характера и качествъ молодаго человѣка и женщины, съ которою онъ такъ или иначе сошелся. Не вдаваясь въ глубь вопроса, что завело бы насъ за предѣлы библіографическаго отчета, мы скажемъ только, что въ данномъ случаѣ Альфонсомъ Доде взятъ герой, по природѣ своей, столь плохой, нравственно неустойчивый, хилый, что о такомъ и говорить не стоило; а въ дѣйствительной жизни для такихъ никакія предупрежденія не въ пользу. Какъ вы ихъ ни предостерегайте, у нихъ характера и силы воли не хватитъ воспользоваться добрымъ предупрежденіемъ. Мы бы поставили на романѣ Доде иную надпись, а именно: «Моимъ сыновьямъ и дочерямъ (въ особенности дочерямъ), когда они сдѣлаются отцами и матерями». Это романъ для родителей, а не для сыновей. Поздно предупреждать двадцатилѣтнихъ ребятъ, когда съ малолѣтства вы не съумѣли выработать въ нихъ прочной нравственной устойчивости и силы; объ этомъ надо думать въ то время, когда сынишку можно по головкѣ гладить и по штанишкамъ отшлепать, а не тогда, когда его рукою не достанешь. Самыя краснорѣчивыя и талантливыя нравоученія не замѣнятъ собою ни нравственнаго чувства, ни энергіи, если таковыя не выработаны умнымъ воспитаніемъ и честнымъ примѣромъ. По прописямъ хорошо учить только каллиграфіи. Какъ пропись, романъ Доде неудовлетворителенъ и потому еще, что сама Сафо, т.-е. Фанни Легранъ, несмотря на свою порочность, все-таки, симпатичнѣе этой дрянной тряпки, Жана Госсена. Она любитъ по своему, но любитъ дѣйствительно; она способна на самоотверженіе и доказываетъ это, ухаживая за больнымъ юношею и забывая собственные интересы; она все готова сдѣлать и все способна сдѣлать для любимаго человѣка. Вы сознаетс, что не ея вина, если ея возлюб-

любленный оказался дрянью. неспособною ни поднять ее нравственно,—возможность чего невольно чувствуется, — ни разстаться съ нею накрѣпко, и самъ только тогда лишь могъ бы стать путнымъ человѣкомъ, когда бы его всю жизнь на чужихъ плечахъ таскали. Урокъ молодежи,—разъ уже авторъ имѣлъ въ виду преподать урокъ, — вышелъ бы дѣйствительнѣе, если бы Доде поступилъ грубѣе, опошлилъ бы своего героя такъ, что уподобиться ему было бы не только позорно, но и *стыдно* въ юношескомъ значеніи этого понятія, или если бы онъ отнялъ у героини ея симпатичныя черты; но это можно было сдѣлать только въ ущербъ художественности. А Альфонсъ Доде въ этомъ романѣ явился настоящимъ художникомъ и, увы, плохимъ наставникомъ.

Все сказанное нами о *Сафо* относится къ подлиннику, а отнюдь не къ переводамъ, совершенно исказившимъ этотъ въ литературномъ отношеніи прекрасный романъ. Тѣ господа, которые его перевели на русскій языкъ, живаго мѣста, живаго слова въ немъ не оставили. Предоставляемъ судить читателямъ: вотъ образцы перевода, помѣщеннаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ:*

«Достигнувъ третьяго этажа, онъ уже отдувался подобно носильщику фортепьяно; у него захватывало дыханія (sic), а она, внѣ себя отъ восторга, съ удлиненными отъ волненія рѣсницами, шептала: «О, милый...»

«Онъ былъ до крайности блѣденъ и придерживалъ обѣими руками грудь, которую ему страшно ломило».

«Она пробыла у него два дня и затѣмъ ушла, оставивъ его подъ впечатлѣніемъ нѣжной кожи и тонкаго бѣлья. Она не оставила ему никакихъ свѣдѣній о себѣ, кромѣ своего имени и нѣсколькихъ словъ: «Когда вы меня пожелаете, позовите меня... я всегда буду къ вашимъ услугамъ».

Это *пожелаете* и *къ вашимъ услугамъ* восхитительно!

«Воспоминаніе о женщинѣ, сохранявшееся въ продолженіи нѣсколькихъ дней у камина среди легкаго и сладостнаго аромата, улетучивалось вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ и, наконецъ, исчезло...» (*Русск Вѣстн.*, мартъ, стр. 367).

Сцена ревности къ прежнимъ любовникамъ:

«Скоро онъ сталъ обвинять ее въ томъ, что она сохраняетъ снисходительность къ этому негодяю, и она вынуждена была объясниться тихо, но съ нѣкоторою твердостью: «Ты знаешь, Жанъ, что я его болѣе не люблю, ибо люблю тебя...» (Ib., стр. 403).

«И говоря это, она съ ненавистью во взорѣ металась по кровати, блѣдная, съ чертами лица, словно удлиненными отъ гнѣва» (апрѣль, стр. 690).

Таковъ весь переводъ. Можно себѣ представить, съ какимъ «удлиненнымъ отъ прискорбія носомъ» ходилъ бы Доде, если бы зналъ, какъ изуродовано его дѣтище, и какими удлиненными отъ стыда ушами должны хлопать переводчики, поставляющіе журналамъ эти продукты незнанія французскаго и русскаго языковъ. Ничего подобнаго не найти ни въ одномъ иностранномъ журналѣ, ни въ какой литературѣ; а у насъ рѣшительно не знаешь, гдѣ кончается область дѣятельности литературщиковъ и гдѣ начинаются владѣнія литераторовъ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, какъ всегда, нѣтъ худа безъ добра. Романъ Доде обезображенъ до неузнаваемости, и рѣчи быть не можетъ о вредѣ или пользѣ отъ его чтенія въ такихъ переводахъ; кромѣ смѣха, онъ ничего не возбуждаетъ и для юношей можетъ служить учебнымъ пособіемъ, въ видѣ образца того, какъ переводить не слѣдуетъ.

Передъ нами третій романъ, озаглавленный женскимъ именемъ: *Белинда* Роды Браутонъ (Rhoda Broughton. — Belinda. Tauchnitz edition. Переводъ въ *Вѣстникѣ Европы*, мартъ—августъ 1884 г.). Г-жа Рода Браутонъ пользуется весьма почетною литературною извѣстностью, пріобрѣтенною въ особенности романомъ: *Redas a Rose is She*. Не припомнимъ, былъ ли онъ переведенъ на русскій языкъ. *Белинда*, во всякомъ случаѣ, значительно слабѣе этого произведенія талантливой писательницы. Переводъ г-жи А. Э. вполнѣ удовлетворителенъ: надо отдать справедливость г-жѣ А. Э.: она одна изъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ нашихъ переводчицъ. Сущность романа заключается въ слѣдующемъ. Молодыя дѣвушки-сестры, Белинда и Сара, живутъ въ Дрезденѣ съ бабушкою, мистриссъ Черчиль, доброю старушкою, эгоисткою, предоставляющею внучкамъ безграничную свободу подъ однимъ условіемъ, чтобы онѣ ее за собою не таскали и вообще не безпокоили. Сестры милы и прелестны, какъ и подобаетъ быть чистокровнымъ англійскимъ *миссъ*. Белинда— красавица съ правильными чертами лица, холоднымъ и неприступнымъ видомъ, за которымъ скрывается нѣжное и доброе сердце. Несмотря на ея красоту, мужчины сторонятся отъ нея, какъ бы побаиваются. Сара совершенная противуположность сестры: это хорошенькая, беззаботно кокетливая, живая дѣвушка, не знающая отбоя отъ ухажевателей и жениховъ. Она подхватываетъ ихъ самымъ легкомысленнымъ образомъ, безъ малѣйшаго намѣренія выходить замужъ, и потомъ сама не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ нихъ, бѣжитъ къ сестрѣ, умоляетъ выручить, и Белинда выручаетъ. Она выпроводила уже шестерыхъ жениховъ и рѣшительно отказывается отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣла Сары, когда та упрашиваетъ избавить ее отъ седьмаго—угрюмаго, болѣзненнаго ученаго, профессора Форта, изловленнаго ею ради пустой шалости. Между тѣмъ, въ толпѣ молодежи, вертящейся вокругъ дѣвушекъ, есть одинъ, Давидъ Райверсъ, серьезно влюбленный въ Белинду, но не рѣшающійся объясниться. Она тоже его любитъ, дѣлаетъ все возможное, чтобы ободрить молодаго человѣка, и только обезкураживаетъ его. Наконецъ, имъ удается объясниться, но въ рѣшительную минуту tête- -tête прерванъ чьимъ-то приходомъ. На слѣдующій день Белинда идетъ въ городской садъ, гдѣ она условилась встрѣтиться съ Давидомъ. Онъ не является на свиданіе. Дѣвушка, въ отчаяньи, считаетъ себя покинутою, брошенною, неспособною внушить любовь кому бы то ни было... Ее не успокоиваетъ и безсвязная записка Райверса, въ которой онъ сообщаетъ, что страшная катастрофа вынуждаетъ его спѣшно уѣхать въ Англію. Потомъ оказывается, что отъѣздъ молодаго человѣка вызванъ извѣстіемъ о смерти его отца, покончившаго самоубійствомъ вслѣдствіе денежныхъ затрудненій. Белинда думала было писать ему, но не рѣшилась.

Проходитъ годъ. Вся семья Черчилей въ Англіи; о Райверсѣ нѣтъ ни слуха, ни духа. Между бабушкою и Белиндою установились самыя натянутыя, почти враждебныя отношенія. Отъ тоски и семейныхъ непріятностей дѣвушка ищетъ спасенія въ книгахъ, въ занятіи наукой и выбираетъ въ руководители профессора Форта, бывшаго жениха Сары. Въ это время одна знакомая Черчилей, большая сплетница, приноситъ вѣсти, что видѣла Райверса въ Лондонѣ, въ театрѣ съ красивой и нарядной дамой, едва ли родственницей. На вопросъ этой дамы, будетъ ли онъ у Черчилей, Давидъ отвѣтилъ отрицательно и перемѣнилъ разговоръ. Белинда въ отчаяніи: къ тому же, она видитъ, что въ

тягость бабушкѣ и сестрѣ. Въ ея головѣ складывается рѣшеніе выдти замужъ за стараго Форта, засушивнаго мозгъ и сердце надъ книгами. Напрасно старается Сара отклонить сестру отъ этого брака, напрасно говоритъ ей, что Райверсъ можетъ еще вернуться, Белинда спѣшитъ свадьбою. Не прошло мѣсяца со дня ея замужества, какъ дѣйствительно получается письмо отъ Райверса, въ которомъ онъ говоритъ, что не переставалъ любить Белинду, все время работалъ, чтобы содержать семью, а теперь, благодаря нежданному наслѣдству, выбился изъ нужды и умоляетъ Белинду сдѣлаться его женою. Въ отвѣтъ молодая женщина посылаетъ ему объявленіе о своей свадьбѣ, потомъ идетъ читать вслухъ мужу какую-то ученую книгу, но, не окончивши главы, падаетъ въ обморокъ.

Белинда съ мужемъ въ Оксфордѣ (въ подлинникѣ *Oxbridge*). Ея жизнь невыносима: это физическая и нравственная каторга. Въ ея профессорѣ нѣтъ ни проблеска человѣческаго. Онъ цѣлыми днями заставляетъ жену читать вслухъ, писать, работать за себя и для себя. Несчастье Белинды превышаетъ всякую мѣру. Давидъ Райверсъ пріѣзжаетъ въ Оксфордъ.

Профессоръ собирается ѣхать въ Швейцарію. Молодая женщина, сознавая опасность оставаться въ одномъ городѣ съ нѣжно-любимымъ человѣкомъ, упрашиваетъ мужа взять ее съ собою. Онъ отказываетъ. Белинда настаиваетъ, чуть не умоляетъ. Профессоръ ни за что не соглашается изъ скупости, изъ нежеланія увеличить расходы на поѣздку. За время отсутствія мистера Форта молодые люди переживаютъ чистую идиллію первой любви. Но профессоръ возвращается и увозитъ жену въ какой-то приморскій городокъ. Райверсъ слѣдуетъ за ними и убѣждаетъ, наконецъ, Белинду разстаться съ своимъ ученымъ мучителемъ и уѣхать съ нимъ. Послѣ нѣкотораго колебанія молодая женщина соглашается. Тутъ слѣдуютъ однѣ изъ лучшихъ страницъ романа; душевная борьба, вызванная столкновеніемъ гордости, любви и чувства долга, изображена мастерски. Всю ночь Белинда не спала, писала мужу. Раннимъ утромъ она уѣзжаетъ, но сознаніе долга беретъ верхъ, и она возвращается съ полдороги, терзаясь мыслью, что ея письмо уже въ рукахъ мужа. Нѣтъ, письмо на своемъ мѣстѣ, въ ея комнату никто не входилъ. Она идетъ къ м-ру Форту, хочетъ лично все сказать ему... Белинда отворяетъ дверь и входитъ. Профессоръ сидитъ неподвижно у стола и не оборачивается на звукъ ея голоса. Она подходитъ ближе, хочетъ взять его руку, заглядываетъ въ лицо. Мистеръ Фортъ умеръ.

Романъ, какъ видитъ читатель, очень чистый, даже нравственный; въ противуположность вышеразобраннымъ, его можно дать читать кому угодно. Только едва ли онъ займетъ кого бы то ни было. Несмотря на превосходныя сцены въ частности, въ общемъ онъ скученъ, слишкомъ растянутъ; въ немъ мало жизни и нѣтъ жизненности, захватывающей душу читателя даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о любви, о страданіяхъ несчастной женщины. Чувствуется постоянно какъ бы нѣкоторая натяжка, дѣланность... Но, во всякомъ случаѣ, лучше уже переводить такіе романы, чѣмъ *La joie de vivre* и *Chèrie*.

Съ польскаго переводится романъ Ежа, тоже озаглавленный женскимъ именемъ: *Гандзя Заюрницкая*. Переводъ (въ журн. *Русское Богатство*) еще не конченъ, въ подлинникѣ же мы его не читали, почему отчетъ о немъ вынуждены отложить до окончанія перевода.

Упомянувши о романѣ Шпильгагена *Филинъ* или *Гансъ-Филинъ*, переведенномъ въ *Наблюдателѣ* и въ нашемъ журналѣ, мы исчерпаемъ всю серiю иностранныхъ романовъ, помѣщенныхъ въ русскихъ крупныхъ журналахъ. Передавать содержанiе этого романа мы не станемъ, такъ какъ онъ извѣстенъ нашимъ читателямъ.

Нигдѣ не появляется въ свѣтъ такого множества романовъ, какъ во Францiи; нигдѣ такъ быстро они не раскупаются, какъ тамъ. Встрѣтить романъ, вышедшiй десятымъ, пятнадцатымъ изданiемъ, совсѣмъ не рѣдкость; иные выдерживаютъ нѣсколько десятковъ изданiй и заходятъ даже за сотню. Авторъ романа и передѣланной изъ него драмы «Le père de Martial» получилъ въ одинъ годъ за эти два произведенiя болѣе 200 тысячъ франковъ—цѣлое состоянiе. Въ Парижѣ успѣхъ одного романа создаетъ уже положенiе автору и ассюрируетъ его будущность. Немудрено поэтому, что первая цѣль писателя тамъ есть погоня за успѣхомъ по какому бы то ни было грязному пути. Весь вопросъ въ томъ, чтобы заставить заговорить о себѣ, читать свое произведенiе. На дорожкѣ, проторенной гг. Зола и Гонкуромъ, становится тѣсно, дальше по ней идти не куда, не рискуя очутиться, вмѣстѣ съ своимъ романомъ, передъ судомъ исправительной полицiи, а потомъ въ кутузкѣ, какъ то случилось недавно съ одною актрисою, пустившеюся въ писательство. За то ея романъ-пасквиль,—комъ литературной грязи,—имѣлъ успѣхъ колоссальный. Вообще въ Парижѣ, какъ видно, люди очень падки до романовъ, въ которыхъ выведены живыя, болѣе или менѣе извѣстныя лица. Только этимъ мы можемъ объяснить нѣкоторый успѣхъ *Andrée*, романа Жоржа Дюрюи. «Весь Парижъ» узналъ представленные въ немъ портреты, называлъ подлинники, и о романѣ заговорили совсѣмъ не по достоинству его. Фабула не отличается ни новостью, ни замысловатостью, и мы лично, кромѣ порядочной скуки, ничего изъ этого романа не вынесли. Андре, единственная дочь богатаго сахарозаводчика Пассемара и баловница папаши, съ дѣтства сблизилась съ Жакомъ Генрiо, воспитанникомъ ея отца, талантливымъ художникомъ-живописцемъ. У нея самой тоже артистическiя склонности, она поетъ и рисуетъ, въ особенности же кокетничаетъ, не зная никакой мѣры и даже безъ опредѣленной цѣли. Генрiо очень основательно влюбленъ въ нее, а она лишь забавляется, поддерживаетъ въ немъ надежду на взаимность, хорошо сознавая всю неосуществимость этой надежды. Молодой человѣкъ уѣзжаетъ въ Римъ въ погонѣ за искусствомъ и славой. На прощанье Андре дѣлаетъ жестъ рукою, похожiй на воздушный поцѣлуй, и говоритъ: «Другъ, Iаковъ семь лѣтъ работалъ ради того, чтобы получить Рахиль!» Но не успѣлъ влюбленный юноша доѣхать до Рима, какъ его Рахиль начала уже кокетничать съ его же другомъ, Марёлемъ, молодымъ адвокатомъ, попеченiямъ котораго Генрiо поручилъ свою возлюбленную и свои сердечные интересы, помѣстивши его домашнимъ секретаремъ къ Пассемару. Марёль, честный и умный малый, отлично видитъ всѣ недостатки дѣвушки, сознаетъ, что всѣ ея возвышенныя идеи, все стремленiе къ прекрасному не болѣе, какъ притворство и обманъ, орудiя утонченнаго кокетства, но, несмотря на это, онъ не въ силахъ противустоять очарованiю. Въ письмахъ къ другу въ Римъ Марёль безпощадно разбираетъ характеръ Андре и ея чувства къ Генрiо. На эту тему онъ исписываетъ много, слишкомъ много страницъ и,

разумѣется. безполезно: друга отъ его увлеченія не спасаетъ, а на себѣ лично испытываетъ очень старую истину. что «совѣты легче подавать. чѣмъ самому по онымъ поступать». Подъ вліяніемъ раскаянія въ измѣнѣ дружбѣ Марёль уѣзжаетъ въ Римъ и говоритъ влюбленному художнику, что Андре его не любитъ. никогда не будетъ его женою. что она любитъ другаго. Генріо сначала не понимаетъ, потомъ ему вдругъ становится яснымъ, что измѣна совершилась. Молодые люди дерутся на дуэли: Марёль опасно раненъ. Въ отчаяніи отъ мысли, что онъ убилъ друга, Генріо ухаживаетъ за раненымъ съ страстнымъ самоотверженіемъ. Больной выздоравливаетъ. Друзья снова даютъ обѣщанія поддерживать другъ друга и забыть бездушную кокетку. На бѣду, Марёль занемогаетъ римскою лихорадкою и, обезсиленный потерею крови, умираетъ въ бреду о своей любви.

Тѣмъ временемъ Андре, понимая, что для нея одинаково потеряны и Генріо, и Марёль, выходитъ замужъ за нѣкоего де-Моренкура, самонадѣяннаго хвастуна, воображающаго себя художникомъ и писателемъ. Молодая женщина скоро убѣждается въ безнадежной ничтожности мужа, потерпѣвшаго самыя смѣшныя неудачи на своемъ литературномъ и артистическомъ поприщѣ, тогда какъ картина Генріо сразу дала ему громкую извѣстность. Тутъ только Андре понимаетъ, чего она лишилась, благодаря своему кокетству, вспыхиваетъ неудержимою страстью къ товарищу дѣтства, хочетъ добиться его любви, наконецъ, просто отдаться ему. Но передъ молодымъ художникомъ встаетъ воспоминаніе о погибшемъ другѣ и онъ отвергаетъ любовь красавицы. Андре де-Моренкуръ кончаетъ тѣмъ, что мирится съ своею жизнью и съ ничтожествомъ мужа, толстѣетъ, окружаетъ себя толпою льстящихъ ей неудачниковъ и получаетъ прозвище: «la Muse des ratés».

Мы не знаемъ, насколько вѣренъ говоръ, что Дюрюи въ лицѣ Андре изобразилъ извѣстную дѣвушку высшаго парижскаго общества, а ея обожателя списалъ съ недавно умершаго талантливаго художника. Это не можетъ интересовать русскую публику, такъ какъ ей неизвѣстны подлинники, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ интересовать ее и самый романъ. Между тѣмъ, о немъ говорятъ, полагаясь на шумъ, надѣланный имъ въ Парижѣ и вызванный никакъ не его литературными достоинствами.

La belle Madame le Vassart. Alain-Bauquenne. Опять женское имя на заглавіи романа, опять описаніе парижскихъ нравовъ и опять исторія, не блещущая ни новостью сюжета, ни типичностью дѣйствующихъ-лицъ. Это перепѣвъ на тему *Федры* и, пожалуй, *Сентиментальнаго воспитанія*. Двѣнадцатилѣтній мальчишка уже съ особеннымъ чувствомъ цѣлуетъ свою учительницу музыки, очень красивую дѣвицу сомнительнаго происхожденія, воспитанницу какихъ-то темныхъ личностей. Юноша уѣзжаетъ кончать свое музыкальное образованіе въ Римъ (опять въ Римъ!); въ его отсутствіе учительница выходитъ замужъ за его папашу и становится madame ле-Вассаръ. До молодаго человѣка, музицирующаго въ Вѣчномъ городѣ, доходятъ прескверные слухи о легкомысленномъ поведеніи красавицы-мачихи. Даніель ле-Вассаръ-fils, стараясь увѣрить самого себя, что его обязанность спасать честь отца, въ сущности же мучимый ревностью, — онъ влюбленъ въ бывшую учительницу, — перестаетъ музицировать и мчится въ

Парижъ. Дошедшіе до него слухи оправдываются и даже слишкомъ. Ревновать ему приходится, весьма не безосновательно. къ венгерскому офицеру, къ странствующему принцу и къ министру, ухаживать за которымъ рекомендовалъ женѣ самъ старикъ ле-Вассаръ изъ своихъ честолюбивыхъ видовъ. Между тѣмъ, новая Федра не оставляетъ въ покоѣ и пасынка. остающагося, впрочемъ, столь же чистымъ, какъ Іосифъ Прекрасный. Но обстоятельства слагаются такъ несчастливо. что старикъ ле-Вассаръ заподозриваетъ сына въ томъ, въ чемъ не считалъ нужнымъ заподозривать гонведа, принца и министра. и умираетъ отъ аневризма. Красавица-вдова воображаетъ. что ея амуры съ Даніелемъ пойдутъ какъ по маслу. Не тутъ то было: молодой человѣкъ для вящей безопасности совсѣмъ уѣзжаетъ. Мачиха знаетъ. какъ ревнивъ ея неподатливый пасынокъ. хочетъ взять его именно съ этой стороны и начинаетъ продѣлывать самыя скандалезныя вещи. Въ цѣль попадаетъ только послѣдняя выходка: Даніелю подаютъ афишу, анонсирующую. что мадамъ ле-Вассаръ принимаетъ участіе въ представленіи укротителя звѣрей, ея любовника. Молодой человѣкъ скачетъ къ мачихѣ, умоляетъ не срамиться по ярмарочнымъ балаганамъ, а когда она стоитъ на своемъ, тогда онъ убиваетъ ее кинжаломъ въ самое сердце, самъ же садится въ вагонъ и уѣзжаетъ на дачу — топиться...

Чего хочешь. того просишь,—все есть. Нѣкоторыя мѣста романа слѣдуетъ читать съ аккомпаниментомъ *тремоло* въ оркестрѣ. какъ въ старыхъ мелодрамахъ. Но за то есть и прекрасныя мѣста по живости и вѣрности описаній подробностей парижской жизни, какъ, напримѣръ, картина бала, описаніе салона издательницы «Revue Lorraine», г-жи Герве,—читай между строкъ: г-жи Эдмондъ Аданъ, издательницы *Nouvelle Revue*,—или домашней обстановки министра. Очень хороши фигуры принца кипрскаго и молодаго журналиста. Если дѣйствительно парижскіе нравы похожи на описанные авторомъ, то, надо признаться. они болѣе, чѣмъ отвратительны. Романъ прочитывается съ интересомъ.

Le Prince Zilah. Claretie, Jules. 1884. *E. Dentu.* По поводу этого романа тоже говорили, будто многія дѣйствующія лица списаны авторомъ съ натуры. Это весьма похоже на правду; за то самый романъ очень мало похожъ на дѣйствительную жизнь. Герои мыслятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ совсѣмъ не по-человѣчески. Это, положимъ, до нѣкоторой степени входитъ въ кругъ ихъ геройскихъ обязанностей. только уже никакъ не въ той мѣрѣ, въ какой допустилъ это авторъ. Хотя всѣ они мадьяры да цыганки, однако же, люди нашего времени. образованные и живутъ не въ какой-то «бѣлой арапіи», а въ городѣ Парижѣ. и потому отъ нихъ всякій въ правѣ ожидать поведенія, соотвѣтствующаго времени и мѣсту, а не происхожденію ихъ отъ спутниковъ Атиллы и изгнанныхъ изъ Индіи баядерокъ. Очевидно, что Клареси не посмѣлъ навязать всѣхъ измышленныхъ имъ несодѣянностей французамъ и итальянцамъ и взвалилъ ихъ на венгровъ, цыганъ и русскихъ, точно на мертвыхъ. Князь Зилахъ. венгерскій магнатъ, въ лѣтахъ довольно солидныхъ. влюбился въ молоденькую дѣвушку, Марсу, незаконную дочь русскаго генерала и *плѣнной* цыганки. Марса образована блистательно, богата, какъ дочь Креза, и влюблена въ мадьярскаго князя со всѣмъ пыломъ своей полуцыганской крови. Князь дѣлаетъ ей предложеніе, но тутъ-то и выходитъ «заковыка», какъ говорятъ хохлы. Другой венгерскій баринъ, другъ князя Зилахъ, Михаилъ Менко, еще дѣвчонкой обольстилъ ее и соблазнилъ, а потомъ жениться не могъ, такъ какъ

уже состоялъ въ законномъ бракѣ. Подумала, подумала Марса, поколебалась малую толику, да и рѣшила: была не была, выйду замужъ за князя, скрою какъ-нибудь отъ него согрѣшеніе, учиненное по молодости лѣтъ и неопытности, наслажусь любовью и потомъ покончу съ собою; но... барышня предполагаетъ, а авторъ располагаетъ. Передъ самой свадьбой точно изъ земли выскочилъ овдовѣвшій Менко и требуетъ, чтобы она выходила замужъ за него, въ противномъ случаѣ грозитъ местью. Марса, какъ и подобаетъ, выгнала его вонъ и чуть не затравила собаками. Угрозу свою Менко исполнилъ; при выходѣ изъ церкви онъ отдалъ какой-то пакетъ князю. Тотъ вспомнилъ о немъ лишь оставшись наединѣ съ молодою супругою, т.-е. тогда именно, когда всякій другой на его мѣстѣ, навѣрное, забылъ бы о всѣхъ пакетахъ и конвертахъ. А тутъ на бѣду еще и молодая растерялась, струсила, начала приставать къ мужу просьбой не распечатывать конверта... Ну, и катастрофа: въ пакетѣ оказалась коллекція писемъ Марсы къ Менко. Улики на лицо. Молодая женщина ползаетъ на колѣняхъ, во всемъ признается; мужъ находитъ, что это нѣсколько несвоевременно, и говоритъ, чтобы она убиралась къ своему любовнику, котораго, впрочемъ, обѣщается убить. Но Менко,—какъ тогда, на помолвкѣ, изъ земли выскочилъ, такъ теперь сквозь землю провалился,—найти его нѣтъ никакой возможности. За нимъ пускается въ погоню Янски Варкели, тоже другъ князя. Между тѣмъ, Марса сошла съ ума, только не совсѣмъ. Почудивши въ домѣ умалишенныхъ столько времени, сколько угодно было Клареси, она выздоравливаетъ; вмѣстѣ съ разсудкомъ авторъ возвращаетъ ей любовь мужа, а Янски Варкели добирается, наконецъ, до виновника всѣхъ бѣдъ Менко и убиваетъ его на дуэли. Но отъ всего этого никому легче не становится и, измученная всѣми вынесеными передрягами, бѣдная цыганка умираетъ въ объятіяхъ неутѣшнаго супруга, мадьярскаго князя Зилаха. Съ начала до конца все ходульно, нелѣпо и даже незанимательно.

La police sécrète Prussienne. Tissaut, Victor. Викторъ Тиссо не въ первый разъ принимается за нѣмцевъ и не въ первый разъ имъ отъ него изрядно достается. Въ точности и правдивости сообщаемыхъ имъ свѣдѣній можно весьма усумниться, особливо по прочтеніи его книги «La Russie et les Russes», написанной имъ съ годъ тому назадъ послѣ трехъ или четырехмѣсячнаго путешествія по Россіи. Путевыя замѣтки по нашему отечеству изданы прекрасно, но наполнены самымъ отчаяннымъ враньемъ. Книга о тайной прусской полиціи, очевидно, документъ не совсѣмъ достовѣрный. Германскій посолъ въ Парижѣ, принцъ Гоэнлое, въ свое время напечаталъ опроверженіе сообщаемыхъ Тиссо фактовъ, признавая литературныя достоинства произведенія. Въ отрицаніи фактовъ мы считаемъ себя въ правѣ быть много сдержаннѣе германскаго посла, въ оцѣнкѣ же книги вполнѣ раздѣляемъ его мнѣніе. Написана книга превосходно, читается съ увлеченіемъ и въ этотъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше извѣстныхъ русской публикѣ произведеній Грегора Самарова, съ которыми по характеру имѣетъ не мало общаго. Переводъ такой книги на русскій языкъ былъ бы во всякомъ случаѣ лучшею услугою нашей читающей публикѣ, чѣмъ переводы грязныхъ французкихъ романовъ.

Ietta. Taylor, Georg. Leipzig, Hirzel, 1884. Гейдельбергскій профессоръ Адольфъ Гаусратъ, пишущій подъ псевдонимомъ *Георгъ Тейлоръ*, пріобрѣлъ громкую извѣстность, какъ романистъ, въ особенности своимъ *Анти-*

ноемъ (Antiolis), появившимся года четыре тому назадъ. Новое произведенiе нѣмецкаго ученаго *Iетта* — романъ тоже историческiй и тоже изъ римской жизни, только изъ другой, болѣе поздней жизни. Какъ беллетрическое произведенiе, послѣднiй романъ много ниже своего предшественника. Дѣйствiе происходитъ въ самый разгаръ великаго переселенiя народовъ; античный мiръ готовъ погибнуть подъ напоромъ варваровъ. Христiанство одержало окончательную побѣду и уже успѣло распасться само на два непримиримыя ученiя. Религiозные споры изъ теоретическихъ, какими они были при императорѣ Адрiанѣ, превратились въ совершенно практическую борьбу за власть между послѣдователями Никейскаго собора и арiанами. На историческую сцену выступаетъ новый факторъ—германцы; на отпоръ варварамъ направлены всѣ физическiя и нравственныя силы имперiи, вслѣдствiе чего центръ политической жизни находится уже не въ Вѣчномъ городѣ, а на берегахъ Рейна и Некара, въ живописной странѣ Гейдельберга, гдѣ императоръ Валентинiанъ стоитъ укрѣпленнымъ лагеремъ, чтобы отражать наступленiя алемановъ. Но собственно войны и политика занимаютъ въ романѣ очень невидное мѣсто; цѣль автора была изобразить глубокое различiе между одряхлѣвшимъ уже романизмомъ и полнымъ юной мощи германизмомъ. Эти двѣ противуположности онъ олицетворяетъ въ своихъ герояхъ—въ германцѣ Ротхари и въ красавицѣ-римлянкѣ Iеттѣ и ихъ несчастымъ бракомъ, такъ сказать, демонстрируетъ абсолютную несовмѣстимость и непримиримость двухъ культуръ, отжившей и вновь возникающей.

Въ лицѣ героини передъ нами является послѣдняя римлянка, гордая своимъ происхожденiемъ, десятивѣковою культурою своего народа, страстная поклонница его великаго прошлаго, мечтающая о возможности воскресить во всей его чистотѣ античный духъ, которому римляне обязаны всемiрнымъ господствомъ. Она воспиталась на античной поэзiи и философiи, въ особенности на мистической философiи Пифагора. Iетта гордо вѣритъ въ себя и въ свои идеалы и, благодаря этой вѣрѣ, пользуется неотразимымъ влiянiемъ на всѣхъ окружающихъ. Но въ ней уже нѣтъ цѣльности убѣжденiя, сама-то она уже не то, чѣмъ были римлянки великой эпохи; ея мистическiй умъ колеблется между новыми вѣрованiями. А по ясно и твердо выраженному мнѣнiю профессора Ад. Гаусрата, несокрушимость силы народа обусловливается его непоколебимою вѣрою въ традицiю. Причина несчастiй героини заключается въ ея бракѣ съ алеманомъ Ротхари, перешедшимъ на сторону римлянъ изъ-за распри съ своими соотечественниками. Вначалѣ молодой варваръ увлекается красотою и грандiознымъ развитiемъ римской жизни, вѣритъ даже, что подъ властью Рима народы были бы счастливѣе, чѣмъ подъ владычествомъ германцевъ. Но природа беретъ въ свое время верхъ надъ этими разсудочными увлеченiями, и въ Ротхари просыпается германецъ въ то самое время, когда онъ воображалъ, что уже вполнѣ усвоилъ себѣ римскую культуру. Его семейная жизнь чище и болѣе замкнута, и обстановка у него иная, онъ иначе одѣвается и ѣстъ, и пьетъ, иначе вѣритъ, ему не нравится толпа и *форумъ* съ его шумомъ, онъ ищетъ другихъ развлеченiй и удовольствiй. Однимъ словомъ, эта жизнь не по немъ, и тутъ то со всею силою проявляется нравственная рознь между нимъ и его женою-римлянкою. Она мечтала сдѣлать изъ него настоящаго римлянина, а, вмѣсто того, сама вынуждена слѣдовать за нимъ въ страну варваровъ. Съ этой минуты ихъ семейное счастье безвозвратно потеряно. Изъ вышеизложеннаго

сущность романа и его основная идея достаточно ясны, поэтому мы не станемъ слѣдить за его дальнѣйшими перипетіями и ограничимся лишь передачею его окончанія. Ротхари, заподозрѣнный въ честолюбивыхъ замыслахъ, погибаетъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ подъ ударами убійцъ, посланныхъ императоромъ. Іетта, видѣвшая смерть мужа и своего ребенка, мститъ тѣмъ, что возбуждаетъ алемановъ противъ римлянъ. Послѣ долгихъ скитаній и совершеннаго одиночества, она умираетъ, растерзанная волками въ моментъ послѣдней попытки отомстить императору.

Замѣчательное по глубинѣ знанія автора, послѣднее произведеніе Георга Тейлора страдаетъ именно избыткомъ вложенной въ него эрудиціи. Превосходный и увлекательный самъ по себѣ романъ тонетъ въ такой массѣ научнаго матеріала, что чтеніе его становится непосильнымъ огромному большинству читателей. Подробныя описанія римскихъ и германскихъ домовъ, ихъ обстановки, крѣпостей, цѣлые трактаты о богахъ римлянъ и о германскомъ культѣ Митры и т. под.,—все это интересно, пожалуй, но доведено до такой мелочности, занимаетъ такъ много мѣста, отдѣлано съ такою добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго, что перебраться терпѣливо черезъ эту сушь можетъ только ученый, а не заурядный читатель, требующій отъ романиста беллетристическаго произведенія, а не диссертаціи съ романической начинкой.

Prussias. Eckstein, Ernest. 3 Bände. Leipzig. Въ числѣ писателей, пріобрѣтшихъ въ Германіи извѣстность историческими романами, Э. Экштейнъ стоитъ на ряду съ Эберсомъ и Тейлоромъ, хотя и уступаетъ имъ первенство. Его послѣдній романъ, заглавіе котораго приведено выше, передаетъ очень пространно, — кажется, даже слишкомъ пространно, — исторію возмущенія римскихъ рабовъ подъ предводительствомъ Спартака. Взявши въ руки романъ Тейлора (особливо *Антиноя*), читатель всецѣло переносится въ эпоху и среду, изображаемыя знаменитымъ ученымъ. Въ романахъ Эберса читатель какъ бы проходитъ только по мастерски реставрированнымъ городамъ, дворцамъ и храмамъ античнаго міра; дѣйствующія же въ нихъ лица только переряжены въ костюмы, соотвѣтственные времени, а мыслятъ они, чувствуютъ, говорятъ и поступаютъ совсѣмъ по новому, не такъ, какъ бы, казалось, это должно быть много столѣтій назадъ. У Экштейна, въ его *Прузіасѣ*, самая обстановка остается не болѣе, какъ декораціей. Авторъ настолько сглаживаетъ всякое различіе между своими римлянами и современными нѣмцами, что читатель порою забываетъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Такой пріемъ едва ли можетъ послужить на пользу историческаго романа, и мы не обинуясь становимся на сторону гейдельбергскаго профессора, несмотря на всю труднočитаемость его послѣдняго романа.

Grosse Menschen. Schucking, Levin 3 Bände. Это послѣднее произведеніе Шюкинга принадлежитъ къ лучшимъ историческимъ романамъ, хотя и оно не совсѣмъ свободно отъ погрѣшностей, общихъ всѣмъ нѣмецкимъ повѣствованіямъ этого рода. Самою крупною изъ нихъ мы считаемъ недостатокъ объективности у авторовъ, сильно портящій впечатлѣніе, производимое на читателя великими людьми прошлыхъ вѣковъ, разсуждающими о политикѣ, философскихъ и религіозныхъ вопросахъ, какъ современные намъ нѣмецкіе ученые. У Экштейна, Дана и въ особенности у Эберса историческія личности теряютъ всякую характерность своего времени. Положимъ, люди всегда

были одни и тѣ же, ихъ волновали тѣ же страсти, мечты и страданія: всегда были пессимисты и оптимисты, отрицатели и увлекающіеся и т. д., но читателю интересно найти въ историческомъ романѣ изображеніе того, какъ и по поводу чего могли проявляться всѣ эти чувства въ давно бывшія времена. Нѣмецкіе же романисты даютъ только картины внѣшняго быта описываемыхъ ими эпохъ и воспроизводятъ внутреннюю, нравственную жизнь по новѣйшимъ нормамъ, по субъективной мѣркѣ. Тотъ же недостатокъ мы считаемъ себя въ правѣ отмѣтить въ послѣднемъ романѣ Л. Шюкинга, изданномъ уже послѣ смерти автора. Конечно, для избѣжанія такого недостатка автору необходима изъ ряда выходящая способность переноситься умомъ и сердцемъ въ описываемую имъ эпоху, необходимо совлечь съ себя «новаго человѣка» и нравственно отождествиться съ «древнимъ человѣкомъ». Въ наше время эта мудреная задача была самымъ блестящимъ образомъ разрѣшена только Густавомъ Флоберомъ и лишь до нѣкоторой степени А. Гауератомъ.

Романъ *Великіе люди* захватываетъ полную глубокаго интереса эпоху папства Льва X, время Возрожденія (Renaissance). Всѣ передовые, «великіе» люди того времени едва поддерживаютъ лишь внѣшнюю связь съ христіанствомъ; въ душѣ они настоящіе языческіе философы, страстные поклонники языческой литературы и искусства; а во главѣ ихъ папа Левъ X изъ дома Медичисовъ увлекается общечеловѣческими идеалами, не имѣвшими въ то время ничего общаго съ христіанствомъ, котораго онъ стоитъ верховнымъ повелителемъ. Противъ него ведется глухая интрига старыми кардиналами, превращающаяся, наконецъ, въ грозный заговоръ. И вотъ этотъ человѣкъ, мечтавшій осчастливить человѣчество, стать его благодѣтелемъ, этотъ мягкій философъ и утонченный знатокъ въ искусствѣ видитъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ грубой и жестокой силѣ ради личной безопасности; онъ приходитъ къ сознанію, что нѣтъ для него другаго средства спасти себя и управлять подвластными, какъ только сломивши сопротивленіе и заставивши молчать недовольство совсѣмъ не философскими средствами. Этотъ въ высшей степени драматическій моментъ въ жизни «великаго человѣка» авторъ обходитъ ссылкою на историческіе документы и цитатами. Равнымъ образомъ авторъ оставляетъ читателя въ неизвѣстности, какъ отнеслись къ этому противники папы, что пережили и перечувствовали враждебные ему кардиналы, осужденные на смерть. А, между тѣмъ, для читателя все это было бы неизмѣримо интереснѣе и завлекательнѣе, чѣмъ философскіе разговоры и взгляды дѣйствующихъ лицъ на совершающіяся событія, на ихъ культурное значеніе и послѣдствія. Историческая вѣрность такого пониманія дѣйствительности даже «великими людьми» въ моментъ самыхъ событій, по меньшей мѣрѣ, сомнительна: въ романѣ же она производитъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе личныхъ мнѣній автора, пришитыхъ бѣлыми нитками къ историческимъ дѣятелямъ, которые выходятъ отъ того блѣдноватыми, заслоненными личностью романиста. Сдѣлавши эти оговорки, мы должны сказать, что во всемъ остальномъ послѣднее произведеніе Л. Шюкинга обладаетъ всѣми достоинствами, которыхъ читатель въ правѣ требовать отъ историческаго романа. Фабула, т.-е. завязка, развитіе и развязка собственно романа, занимаетъ въ немъ не только не первенствующее, но даже и не особенно видное мѣсто.

Hohe Gönner. *Wichert, Ernest*. *Leipzig*. Въ ряду послѣднихъ нѣмецкихъ романовъ *Покровители* кажется намъ однимъ изъ лучшихъ. Фабула его

несложная и неважная: двое молодыхъ людей, художникъ и актриса, оба талантливые, нѣжно любятъ другъ друга, но такъ загнаны немилосердною судьбою, что готовы покончить самоубійствомъ подъ гнетомъ нужды и отчаянія. Высокіе *покровители* принимаютъ въ нихъ доброе участіе, выводятъ на широкій путь. Художникъ Роландъ и артистка Анжелика пожинаютъ обильные лавры, а потомъ соединяются на вѣки и рвутъ не менѣе обильныя розы любви безъ шиповъ. Романъ написанъ занимательно, читается легко и весело, скрашивается значительною дозою вложеннаго въ него здороваго юмора. Очень хорошо очерчены фигура Маротти, одного изъ *покровителей*, котораго знакомые титулуютъ «графомъ», поблажая его слабости къ почестямъ и знатности, и личность журналиста Шихеля, далеко не могущаго почитаться украшеніемъ нѣмецкой прессы.

Schwarze Schatten. Rosenthal. Stuttgard. Авторъ переноситъ читателя въ Америку, въ высшія сферы нью-іоркской аристократіи, незнающей счета своимъ милліонамъ, ни границы своей роскоши. Въ этомъ кружкѣ однимъ изъ первыхъ можетъ считаться банкиръ Ванъ Вель хутъ, типъ дѣловаго и практическаго янки. За то его красавица-дочка не уступаетъ въ романичности ни одной барышнѣ Новаго и Стараго свѣта и влюбляется по уши въ молодаго нѣмецкаго музыканта, вынужденнаго бѣдностью занять мѣсто швейцара въ домѣ ея родителя. При достаткахъ банкира, при его любви къ самому цѣнному изъ его сокровищъ, Эвелинѣ, при американскихъ взглядахъ на разницы общественныхъ положеній, ничто бы, кажется, не препятствовало молодымъ людямъ сейчасъ же и пожениться. Но тогда никакого романа не было бы; такъ вотъ, чтобы не лишить насъ удовольствія прочесть хорошую книжку, авторъ счелъ нужнымъ уволить талантливаго Вредова отъ должности швейцара и отправить его доканчивать свое артистическое развитіе при помощи субсидіи, выдаваемой банкиромъ. Этимъ случаемъ пользуется нѣкій искатель приключеній, руки и милліоновъ Эвелины, выдающій себя за испанскаго графа, въ сущности же какой-то бандитъ. По доносу этого «гишпанца», юный нѣмецкій виртуозъ попадаетъ въ тюрьму и на скамью подсудимыхъ, что не особенно рекомендуетъ слѣдственную часть заатлантической республики. Но присяжные дѣлаютъ свое дѣло, молодой человѣкъ выходитъ изъ суда не только оправданнымъ, но и настоящимъ тріумфаторомъ. Данный имъ потомъ концертъ превращаетъ тріумфъ въ полный апоѳеозъ. Но и этого мало: работникъ и служанка, обокравшіе въ Германіи мать артиста, — отчего онъ и впалъ въ нищету,—переѣхали тоже въ Америку и возвращаютъ ему присвоенное состояніе, нѣсколько сотъ тысячъ марокъ... Послѣ этого уже ничего болѣе не оставалось, какъ взять подъ ручку прелестную Эвелину и отправиться съ нею къ вѣнцу. Такъ и поступилъ счастливчикъ Вредовъ.

Написанъ романъ бойко и увлекательно; сцены американской жизни переданы хорошо. Книжка читается легко и съ удовольствіемъ.

Nicht für Kinder. Hempel, Oscar. Berlin. Это сборникъ нѣсколькихъ разсказовъ, довольно бойко написанныхъ, но, во всякомъ случаѣ, ни чѣмъ особенно не выдающихся. Мы прошли бы ихъ молчаніемъ, если бы вниманіе наше не остановилось на странной особенности предисловія. Въ немъ авторъ грозитъ судебнымъ преслѣдованіемъ содержателямъ библіотекъ, которые позволятъ себѣ безъ его, автора, разрѣшенія давать своимъ абонентамъ на прочтеніе эту книжку. При этомъ Гемпель ссылается на какую-то статью прусскаго закона.

Такого рода процессъ, если онъ только возникнетъ, будетъ, навѣрное, интереснѣе самаго произведенія, могущаго послужить для него поводомъ.

М.

ИСТОРІЯ, ПОЛИТИКА И ПРОЧ.

«Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ». *Н. М. Голубова.*—«Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи». *Н. Ф. Хованскаго.*—«Руководство къ изученію исторіи музыки». *Арфей фонъ-Доммеръ.*—«Nouvelles études d'histoire religieuse» *par Ernest Renan.*—«La contre-Revolution ou XVI siecle». *Martin Philippson.*—«Mission des juifs». *Saint Yve d'Alveydre.*—«Les courtisanes romaines». *Paul Lacroix.*—«L'Allemagne et l'Italie». *Rothan.*—«Les Allemands». *Dillon.*—«Correspondance». *George Sand.* Tome VI.—«Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte». *Robert Pöhlman.*

Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ въ связи съ уголовнымъ и государственнымъ правомъ Моисея и Талмуда и сравнительно съ институтами убѣжищъ у древнихъ грековъ и римлянъ, въ средневѣковой и новой Европѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе Н. М. Голубова. Выпускъ первый. Спб., 1884 г. О правѣ убѣжища у различныхъ народовъ древности вообще и у древнихъ евреевъ въ особенности было писано очень много и учеными историками, относившимися къ своему дѣлу критически, и учеными богословами и археологами, не всегда въ достаточной мѣрѣ провѣрявшими источники. Еще недавно, въ Лейпцигѣ, появилась докторская диссертація, написанная американскимъ священникомъ, бывшимъ у себя на родинѣ профессоромъ богословія и еврейскаго языка. Г. Биссель представилъ добросовѣстную работу, безъ которой не можетъ обойтись ни одинъ изслѣдователь права убѣжища у израильтянъ. Если бы г. Голубовъ успѣлъ познакомиться съ трудомъ Бисселя, то, вѣроятно, онъ бы отнесся нѣсколько осторожнѣе къ своему дѣлу. Русское изслѣдованіе, появившееся почти одновременно съ американскимъ, отличается большимъ самомнѣніемъ автора при отсутствіи той научной подготовки, которая необходима для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Г. Голубовъ, отличающійся большимъ патріотизмомъ, считаетъ источникомъ института убѣжища израильскую землю. Съ этою цѣлью онъ стремится доказать, что этотъ институтъ не могъ возникнуть ни въ Египтѣ, ни въ Персіи, ни въ Ассиріи, ни въ Китаѣ, ни въ Индіи. Тутъ нашему изслѣдователю пришлось погрузиться въ область исторіи древняго Востока, весьма трудную для спеціалистовъ и совершенно невѣдомую для г. Голубова. Такъ, онъ прямо утверждаетъ, что въ кастовомъ Египтѣ не могло быть и рѣчи объ идеѣ права и справедливости. Всякій изучавшій исторію не только Египта, но и каждаго другаго государства, никогда не скажетъ, чтобы когда-нибудь могло встрѣтиться организованное общество безъ малѣйшей идеи права и справедливости, и далѣе всякій историкъ знаетъ, что чѣмъ грубѣе такое общество, чѣмъ больше въ немъ произвола, тѣмъ вѣроятнѣе появленіе въ немъ такихъ институтовъ, какъ право убѣжища или Миръ Божій. Откуда Карръ, на котораго ссылается г. Голубовъ, взялъ свою теорію, что въ Египтѣ безсмертными считались только души привилегированныхъ классовъ, души же прочихъ классовъ осуждались на вѣчное переселеніе изъ одного тѣла въ дру-

гое, мы не знаемъ, но напрасно г. Голубовъ пользуется для такого важнаго вопроса такимъ недостовѣрнымъ пособіемъ, какъ книга Карра. Еслибъ онъ справился со *Словаремъ египетской археологіи* Пьерре или съ такой классической работой, какъ *Чтеніе о религіи древнихъ египтянъ* Лепажъ-Ренуфа, тогда бы онъ не сталъ утверждать подобныхъ странностей. Для Персіи онъ приводитъ факты изъ *Духа законовъ* Монтескьё и опровергаетъ ихъ на основаніи Маколея. По поводу ассиріанъ онъ толкуетъ о двухъ царяхъ Нинахъ, легендарномъ и дѣйствительномъ. Китай называется классическою страною кастъ и произвола. Возможность существованія права убѣжища въ Индіи, безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія этого вопроса, опровергается цитатою изъ Бокля, въ которой говорится о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются судры. Въ этомъ родѣ ведется вся научная аргументація г. Голубова, и потому мы его книгу никакъ не можемъ назвать изслѣдованіемъ, такъ какъ у него нѣтъ научнаго метода и онъ даже не понимаетъ, какія условія требуются для правильности и точности историко-юридическаго изслѣдованія. Это видно не только при изученіи учрежденій другихъ народовъ, но въ такой же степени и при разработкѣ основной темы сочиненія, т.-е. при разсмотрѣніи правовыхъ отношеній у древнихъ евреевъ.

Исторія израильскаго народа въ Египтѣ. Ѳ. Елеонскаго. Спб., 1884 года. Произведеніе г. Елеонскаго, профессора с.-петербургской духовной академіи, занимаетъ середину между двумя областями: одной — исключительно церковно-богословской, другой—чисто исторической. Почтенный изслѣдователь, правда, имѣлъ въ виду задачу болѣе церковно-богословскаго характера и туда мы за нимъ не послѣдуемъ, такъ какъ это чисто спеціальная сторона его работы. За то считаемъ долгомъ отмѣтить заботливыя отношенія автора къ даннымъ, добытымъ историческою наукою и египтологіей. У насъ еще такъ мало работъ по исторіи и древностямъ Египта, что трудъ г. Елеонскаго въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ является чуть ли не первымъ на нашей почвѣ. Неудивительно, что авторъ, не будучи египтологомъ, пользовался иногда уже устарѣлыми сочиненіями вродѣ *Руководства египетскихъ древностей* Улеманна или *Мѣсто, занимаемое Египтомъ во всемірной исторіи* Бунзена. Но за то онъ руководился такими капитальными трудами, какъ *Географическій словарь древняго Египта* Бругша и *Географическія надписи* того же автора. Здѣсь не мѣсто указывать на пробѣлы въ египтологической литературѣ, преимущественно французской, которые слѣдовало бы пополнить въ подобномъ сочиненіи, точно также какъ не мѣсто для замѣчаній детальнаго свойства, которыя необходимо вытекаютъ изъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія книги. Но во всякомъ случаѣ считаемъ нужнымъ сказать, что авторъ, насколько это позволяла спеціальность его точки зрѣнія, постарался примѣнить данныя, добытыя въ области египтологіи западно-европейскими учеными.

В. М—ій.

Руководство къ изученію исторіи музыки. Аррей фонъ-Доммеръ. Изд. П. Юргенсона. Москва, 1884 г. Наша музыкальная литература обогатилась въ этомъ году однимъ весьма цѣннымъ трудомъ по исторіи музыки; мы говоримъ о *Руководствѣ къ изученію исторіи музыки* А. Доммера, изданномъ извѣстной фирмой П. И. Юргенсона. Къ этому сочиненію приложенъ *Очеркъ исторіи музыки въ Россіи* преподавателя исторіи русскаго церковнаго пѣнія въ петербургской консерваторіи, З. Дурова, расположенный параллельно исто-

ріи обще-европейской музыки. Капитальный труда этотъ, обнимающій собой развитіе и исторію музыки, начиная съ дохристіанскихъ временъ до второй половины настоящаго столѣтія, является почти единственнымъ у насъ руководствомъ по исторіи музыки, если исключить *Очеркъ всеобщей исторіи музыки* г. Саккети, *Основанія исторіи западно-европейской музыки* Бренделя въ пер. г. Зиновьева и нѣсколько монографій по исторіи нашей музыки гг. Михневича (*Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи*), Миропольскаго (*О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и Западной Европѣ*), Одоевскаго *Русская и такъ называемая общая музыка* и др.

Основательное знакомство съ предметомъ, добросовѣстное изученіе источниковъ, отсутствіе фразерства, доведенное иногда даже до сухости изложенія, ясное и отчетливое отношеніе ко всякому разсматриваемому явленію, взгляды, лишенные признаковъ увлеченія и партійности, столь свойственныхъ нѣмецкимъ критикамъ и историкамъ, прекрасныя характеристики, чуждыя пристрастія, какъ эпохъ, такъ и отдѣльныхъ крупныхъ дѣятелей, скептическое отношеніе къ анекдотической сторонѣ дѣла и отсутствіе гадательныхъ гипотезъ въ области мало-извѣстныхъ отраслей развитія музыки (напр., у евреевъ, грековъ, римлянъ, китайцевъ и разныхъ восточныхъ народовъ), — вотъ достоинства сочиненія Доммера, бросающіяся въ глаза даже при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ. Нигдѣ вы не встрѣтите стремленія автора приписывать нѣмецкому генію право на предпочтеніе предъ другими національностями; напротивъ, Доммеръ воздаетъ должное по заслугамъ всѣмъ народностямъ, внесшимъ свою лепту въ музыкальную сокровищницу, дѣлая прекрасную оцѣнку дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и здраво-логически освѣщая данную эпоху въ связи съ предъидущей (напр., Глюка, Моцарта и др.).

Очеркъ г. Дурова, являющійся, по словамъ издателя г. Юргенсона, сжатымъ изложеніемъ большаго труда автора: *Опытъ исторіи музыки въ Россіи*, распадается на двѣ части: исторію церковнаго пѣнія и исторію свѣтской музыки, доведенной до Глинки, положившаго начало новому современному періоду нашей музыки. Трудъ этотъ основывается на источникахъ, къ которымъ авторъ, къ сожалѣнію, обнаруживаетъ мало критическаго отношенія. Что касается свѣтской музыки, то со времени введенія въ Россіи христіанства до Петра Великаго, она, какъ извѣстно, постоянно подвергалась гоненіямъ, главнымъ образомъ, со стороны духовенства, видѣвшаго въ ней великій соблазнъ, увлекавшій массу по пути грѣха; намъ думается, что едва ли можно говорить о нашей свѣтской музыкѣ, выражавшейся въ народныхъ пѣсняхъ и въ уличныхъ представленіяхъ бродячихъ музыкантовъ, какъ объ «искусствѣ», предполагающемъ извѣстный историческій ростъ по опредѣленнымъ законамъ и нормамъ, представляющемъ извѣстныя градаціи въ своемъ развитіи и пережившемъ извѣстные періоды.

По вопросу о церковномъ пѣніи г. Дуровъ старается провести ту мысль, что оно дошло къ намъ неизмѣннымъ съ самыхъ древнихъ поръ, чуть ли не отъ временъ апостольскихъ; съ этимъ едва ли можно согласиться, если вспомнимъ, что уже въ XVI вѣкѣ высшее духовенство жаловалось на искаженіе многихъ церковныхъ напѣвовъ, благодаря невѣжеству пѣвчихъ. При всемъ томъ необходимо отмѣтить въ пользу г. Дурова знаніе предмета и обстоятельное знакомство съ древними церковными напѣвами и ихъ исторіей.

Переводъ г-жи Желябужской сдѣланъ весьма старательно; мысли автора переданы ясно и прекраснымъ языкомъ; встрѣчаются маленькіе промахи вродѣ Жомелли (вмѣсто Іомелли). Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ 42 печатныхъ листа убористаго шрифта и можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для знакомства съ исторіей музыки, тѣмъ болѣе, что цѣна ея сравнительно не особенно высока; книга стоитъ 4 руб. и имѣетъ несомнѣнный интересъ и для неспеціалистовъ-музыкантовъ.

Изданіе этой книги, какъ и многихъ другихъ по исторіи и теоріи музыки, рекомендуетъ г. Юргенсона, какъ человѣка, добросовѣстно служащаго дѣлу развитія у насъ музыки; долголѣтняя его дѣятельность на этомъ поприщѣ заслуживаетъ всякой похвалы и нельзя не пожелать, чтобъ онъ нашелъ себѣ побольше подражателей.

В. Б—инъ.

Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи. Н. Ф. Хованскаго. Выпускъ первый. Саратовъ, 1884 г. Мы съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ каждое проявленіе въ жизни провинціальной литературы. Если на западѣ Европы жалуются на то, что крупные центры, преимущественно столицы, стягиваютъ къ себѣ изъ провинцій всѣ лучшія силы и, такимъ образомъ, обрекаютъ провинціальную литературу почти на полную гибель, то у насъ, при громадности русской земли, при разсѣянности русскаго населенія и при ничтожномъ количествѣ русской интеллигенціи, мѣстная провинціальная литература должна встрѣчать непреодолимыя препятствія для своего развитія.

А, между тѣмъ, нигдѣ страна не нуждается такъ въ образованіи многихъ второстепенныхъ умственныхъ центровъ, какъ у насъ на Руси. При обширности разстояній, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія и при разнообразіи условій быта, Москва и Петербургъ не могутъ оказывать достаточно сильнаго дѣйствія вездѣ, гдѣ только есть русскіе люди, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ и въ самыхъ глухихъ уголкахъ. Чѣмъ болѣе подвигаемся мы отъ этихъ культурныхъ центровъ къ ихъ периферіи, тѣмъ слабѣе становится вліяніе умственнаго движенія, происходящаго въ этихъ центрахъ. Въ свою очередь, центральная литература для того, чтобы отвѣчать на всѣ запросы, должна получать эти запросы оттуда, гдѣ они возникаютъ, и не только одни запросы, но и матеріалъ, необходимый для ихъ разсмотрѣнія. Между тѣмъ, сношенія двухъ умственныхъ средоточій Россіи съ болѣе отдаленными ея краями почти не существуетъ. Изъ вышесказаннаго приходится заключить, что у насъ условія литературнаго вліянія и литературнаго развитія должны нѣсколько разниться сравнительно съ западно-европейскими и образованіе второстепенныхъ центровъ является насущною необходимостью. Провинціальная печать и провинціальная литература могли бы установить необходимую связь между интеллигентными кружками столицъ и населеніемъ всей русской территоріи.

Саратовъ, по количеству жителей и по торговому значенію, представляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ, около которыхъ вращается жизнь Поволжья. Понятно, почему мы порадовались, получивъ книгу г. Хованскаго. Мы надѣялись встрѣтить въ *Очеркахъ по исторіи города Саратова и Саратовской губерніи* много такихъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя совершенно недоступны намъ, жителямъ Москвы. Въ первомъ выпускѣ вначалѣ говорится на шести страницахъ, подъ страннымъ заглавіемъ *Кое-что вообще о г. Саратовѣ и Сара-*

товской губерніи, о значеніи и состояніи Саратовскаго края, причемъ затронутъ вопросъ о необходимости основать въ Саратовѣ университетъ. Далѣе идетъ краткая библіографія сочиненій, касающихся Саратовскаго края. Тутъ, на ряду со спеціальными книгами и работами, помѣщены нѣкоторыя общія сочиненія, касающіяся всей Россіи, какъ, напримѣръ: *Географическо-статистическій словарь* Семенова, *Исторія пугачевскаго бунта* Пушкина. Болѣе интересенъ библіографическій указатель книгъ мѣстнаго изданія. Большая часть книги занята біографіями уроженцевъ Саратовскаго края, получившихъ извѣстность какъ писатели, ученые, воины и государственные люди. Помѣщены біографіи или, лучше сказать, біографическіе очерки Радищева, Княжевича, Шевырева, Введенскаго, Губера, Пыпина, Салова и другихъ. Въ этихъ біографическихъ набросках, на ряду съ общеизвѣстными фактами, встрѣчаются нѣкоторыя интересныя подробности. Какъ на примѣръ болѣе удачныхъ біографій, укажемъ на жизнеописаніе Введенскаго. За то географическій очеркъ губерніи весьма плохъ; въ немъ нѣтъ ничего новаго, всѣ извѣстія, въ немъ сообщаемыя, встрѣчаются въ спискѣ населенныхъ мѣстъ, въ словарѣ Семенова, въ географическихъ руководствахъ и въ другихъ справочныхъ изданіяхъ. Напримѣръ, цифры среднихъ годовыхъ температуръ взяты изъ академическаго мѣсяцеслова на 1865 годъ. *Началомъ исторіи Саратовскаго края* заканчивается первый выпускъ труда г. Хованскаго. Въ этой части исторіи Саратовской земли много лишняго, неидущаго къ дѣлу. Зачѣмъ помѣщать въ мѣстной исторіи большую выписку изъ Плано Карпини о нравахъ и обычаяхъ татаръ въ XIII столѣтіи, которую можно найти обыкновенно во всѣхъ большихъ исторіяхъ Россіи?

Таково содержаніе небольшой по объему книги г. Хованскаго. Недостатковъ въ ней много, самостоятельнаго изслѣдованія мало, но, помня, что всякое начало трудно, мы должны быть и за эту работу благодарны автору, старавшемуся, по мѣрѣ силъ, сдѣлать хотя что-нибудь для своего роднаго города. Къ книгѣ приложены двѣ фотографіи: видъ Царицынской улицы въ г. Саратовѣ, исполненный довольно плохо, и недурной портретъ Радищева, снятый съ гравюры, сдѣланной Паннемакеромъ для *Историческаго Вѣстника*.

В. М—ій.

Nouvelles études d'histoire religieuse par Ernest Renan. Paris. 1884. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ знаменитый французскій ученый и писатель издалъ подъ заглавіемъ: *Этюды по исторіи религіи* первое собраніе своихъ статей, относящихся къ вѣрованіямъ древняго міра, среднихъ вѣковъ и Востока. Въ настоящемъ собраніи Греція и Римъ затрогиваются немного, за то помѣщены довольно обширныя работы по буддизму и среднимъ вѣкамъ. Не всѣ этюды имѣютъ одинаковое значеніе и отличаются одинаковымъ достоинствомъ; нѣкоторые изъ нихъ привлекаютъ читателя только своимъ замѣчательнымъ языкомъ и по содержанію не представляютъ ничего новаго и серьезнаго. Къ такимъ статьямъ принадлежатъ: *Экспериментальный методъ въ религіи*, *Паганизмъ*, *Сравнительная миѳологія*, *Переводы Библіи*, *Религіозное искусство*, *Замѣтка по поводу процесса Галилея*.

Совсѣмъ особое мѣсто въ этомъ томѣ занимаетъ публичная лекція, читанная Ренаномъ на юбилеѣ Спинозы при открытіи памятника въ честь великаго философа. Эта блестящая бесѣда, проникнутая теплотою и исполненная сочув-

ствія къ Баруху Спинозѣ, представляетъ обращикъ ораторскаго таланта Эрнеста Ренана. Характеристика отличается тонкостью чертъ и изящной гармоніей. Въ ней нѣтъ глубокаго философскаго анализа, но, во всякомъ случаѣ, это прекрасная публичная лекція, производящая сильное впечатлѣніе.

Теперь обратимся къ болѣе обширнымъ и важнымъ статьямъ. Двѣ относятся къ Востоку и три къ католической средневѣковой Европѣ. Большой этюдъ о буддизмѣ распадается на двѣ части, написанныя въ разное время. Одна носитъ названіе *Первые труды о буддизмѣ*, другая — *Новые труды о буддизмѣ*. Хотя этой работѣ Ренанъ, повидимому, придаетъ большое значеніе, но мы должны сказать прямо, что, несмотря на много остроумія, невзирая на различныя дѣльныя замѣчанія и блестящія страницы, этотъ этюдъ не стоитъ на высотѣ современной науки. Онъ скорѣе представляетъ собою подведеніе итоговъ трудамъ французскихъ изслѣдователей, которыхъ Ренанъ почему-то считаетъ лучшими знатоками буддизма. Особенно много почерпнуто имъ изъ классическихъ трудовъ Бюрнуфа. Но Ренану остались неизвѣстными труды, изданные въ Германіи, Голландіи и Англіи. Мы напрасно искали въ этомъ этюдѣ слѣдовъ изученія работъ Ольденберга, Зейделя, Керна, Кюнена, Рисъ Девидса и, наконецъ, англійскихъ переводовъ, помѣщенныхъ въ священныхъ книгахъ Востока, издаваемыхъ Максомъ Мюллеромъ въ Англіи. Вся эта богатая литература о буддизмѣ, накопившаяся за послѣднее время за предѣлами Франціи, игнорируется Ренаномъ. Вотъ почему мы считали себя въ правѣ сказать, что этюдъ о буддизмѣ не соотвѣтствуетъ состоянію современной науки.

Персидскія теазіи. Этотъ этюдъ вводитъ насъ въ міръ мусульманскій, среду шіитовъ. Теазіи или персидскія драмы соотвѣтствуютъ средневѣковымъ мистеріямъ; въ нихъ изображаются различные моменты изъ сказанія о трагической смерти Али и его двухъ сыновей Гассана и Гуссейна.

Самою важною статьею въ этомъ собраніи, какъ намъ кажется, слѣдуетъ считать прекрасную работу подъ заглавіемъ *Іоахимъ изъ Флоры и Вѣчное Евангеліе*. Это не только популярный этюдъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезный ученый трудъ. Ренанъ въ немъ вполнѣ вѣрно ставитъ на видъ, что движеніе, происходившее во францисканскомъ орденѣ въ XIII столѣтіи, во главѣ котораго стоялъ генералъ ордена Іоаннъ Пармскій, было неудавшейся попыткой создать новую религію. Родоначальникомъ этой новой религіи выставлялся у францисканцевъ благочестивый аббатъ Іоахимъ изъ Флоры, а доктрина этого вѣроученія заключалась въ Вѣчномъ Евангеліи, твореніи, проповѣдовавшемъ царствіе Св. Духа, долженствовавшее замѣнить царствіе Христово. Въ этихъ теоріяхъ крайнихъ францисканцевъ мистицизмъ смѣшивался съ соціалистическими мечтаніями; все это движеніе отпечатлѣно чрезвычайною оригинальностью. Ренанъ знакомитъ насъ не только съ самымъ движеніемъ, но и съ главнымъ источникомъ, въ которомъ оно выразилось и изъ котораго лучше всего познается, т.-е. съ Вѣчнымъ Евангеліемъ. Родственнымъ характеромъ отличаются двѣ слѣдующія статьи: *Францискъ изъ Ассизи* и *Монашеская идиллія XIII столѣтія*. Характеристика основателя францисканскаго ордена ничѣмъ не уступаетъ характеристикѣ Спинозы. Матеріаломъ для нея послужила нѣмецкая біографія Карла Газе, но то, что изложено ученымъ нѣмцемъ въ цѣлой книгѣ, занимаетъ у Ренана около тридцати страницъ.

Францискъ изъ Ассизи, по мнѣнію французскаго историка, одна изъ самыхъ

идеальныхъ личностей въ исторіи человѣчества, а для самого Ренана, прибавимъ мы, какъ видно изъ характеристики, онъ является предшественникомъ его основныхъ соціальныхъ и даже политическихъ воззрѣній.

Въ *Монашеской идиліи XIII вѣка* изъ біографіи Христины Штоммельнъ, экстатической дѣвушки изъ окрестностей Кёльна, весьма удобно познакомиться съ религіозной экзальтаціей, до которой доходили нѣкоторыя мистическія натуры въ средніе вѣка. Къ собранію статей приложено довольно большое предисловіе, представляющее нѣчто вродѣ исповѣди автора, во многомъ напоминающей взгляды Франциска изъ Ассизи.

La Contre-Revolution religieuse au XVI siècle. Philippson, Martin. Felix Alcan. Реформа католичества въ XVI вѣкѣ была необходима; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что она совершилась вопреки всѣмъ мѣропріятіямъ, противъ нее направленнымъ, совокупность которыхъ Филиппсонъ называетъ «контръ-революціей XVI вѣка», и даже въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе таких мѣропріятій и упорнаго противодѣйствія тѣхъ, отъ кого зависѣло совершить необходимую реформу мирнымъ путемъ и тѣмъ предупредить полное отдѣленіе отъ католичества протестанскихъ церквей. Для русскихъ читателей эта книга представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что изъ нея ясно видно, какъ католицизмъ того времени, напрягая всѣ свои силы на борьбу съ тѣмъ, что почиталось новшествами, самъ былъ увлеченъ въ сторону, противуположную реформаторству, и самъ вдался въ новшества, выразившіяся въ созданіи ордена іезуитовъ и въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Тридентскаго собора относительно церковной іерархіи и догматовъ. Въ пылу борьбы вожди «контръ-революціи» сочли возможнымъ, ради временныхъ цѣлей, отклониться отъ свято-отеческихъ преданій, еще болѣе усилить и закрѣпить рознь съ восточною церковью и сдѣлать совершенно невозможнымъ возвратъ къ соединенію церквей. Всего этого, разумѣется, не говоритъ авторъ, но это само собою вытекаетъ изъ его книги, очень солидной по эрудиціи, въ особенности же замѣчательной вполнѣ безпристрастнымъ отношеніемъ къ предмету, при разработкѣ котораго безпристрастіе встрѣчается всего рѣже.

Mission des Juifs. Saint-Yves d'Avleydre. Изд. *Calmann Lévy.* Ц. 10 руб. Первое появленіе автора означенной книги на литературномъ поприщѣ было не безъ блеска, истекавшаго въ значительной степени изъ мистификаціи, довольно странной, выражаясь деликатно. Первый свой трудъ онъ подписалъ псевдонимомъ или анонимомъ: «Одинъ изъ государей». Это было года два тому назадъ и подало поводъ къ нелишеннымъ комизма догадкамъ. Вторая книга того же автора появилась въ свѣтъ подъ тѣмъ же самозванствомъ, заставившимъ обратить вниманіе на оба произведенія. Теперь часть секрета открыта, и нареканіе снято съ Донъ-Педро бразильскаго, съ Леопольда II бельгійскаго и съ Оскара шведскаго, трехъ государей, наиболѣе заподозрѣнныхъ въ писательствѣ. Но были еще и другія догадки: одни приписывали книги невѣдомымъ главарямъ франъ-масонства, другіе — цѣлому обществу *ученыхъ*, работавшихъ подъ скрытымъ покровительствомъ какого-то государя, третьи, наконецъ, доходили до предположенія, что книги эти составлены орденомъ іезуитовъ. Въ опроверженіе всѣхъ догадокъ авторъ открылъ теперь свое настоящее имя; но этимъ, все-таки, не достаточно выяснена вторая часть секрета,—кто такой самъ г. д'Альвейдръ. Судя по портрету, приложенному къ книгѣ, мы можемъ только

сказать, что онъ довольно красивый брюнетъ, лѣтъ подъ 40. Приблизительно эти года онъ самъ даетъ себѣ въ предисловіи. Какъ тогда, — при выходѣ первой книги,—такъ и теперь все еще позволительны догадки, и мы считаемъ себя въ правѣ высказать нашу, а именно, что авторъ могъ бы, кажется, съ большимъ основаніемъ подписать книгу «Mission des Juifs» анонимомъ: «par l'un d'eux», чѣмъ титуловаться вѣнценосцемъ на обертках двухъ первыхъ своихъ произведеній. Разбирать эту книгу въ 947 страницъ нѣтъ цѣли. Несмотря на всю эрудицію автора, по преимуществу раввинскую, его тяжеловѣсный томъ можетъ интересовать лишь очень немногихъ читателей. Конечные выводы автора о братскомъ союзѣ народовъ, безъ различія національностей и языковъ, представляются намъ подлежащими спору. Неубѣдительны положенія автора. будто Европа находится съ 1648 года въ положеніи *анархіи* и что анархія должна уступить мѣсто *синархіи* (новое слово, изобрѣтенное авторомъ путемъ заимствованія отъ греческаго συνάρχειν—совмѣстно управлять). Признаемся, самая эта *синархія* представляется намъ нѣсколько подозрительною; она смахиваетъ что-то на *синедріонъ*, если только не тождественна съ этимъ еврейскимъ учрежденіемъ. И сходство это мы усматриваемъ не въ одномъ созвучіи, но и въ самой сущности дѣла.

Можно вѣрить или не вѣрить въ осуществленіе провозвѣщаемой д'Альвейдромъ международной идилліи путемъ «примиренія науки и религіи іудео-христіанской, сближенія между учительствомъ религіознымъ и свѣтскимъ, отдѣленія авторитета (Autorité) отъ власти (du Pouvoir), ограниченія политики тремя соціальными и спеціальными властями». Все это очень фантастично, но, въ концѣ-концовъ, не представляется абсолютно невозможнымъ, теоретически, по крайней мѣрѣ. Но вотъ что подрываетъ, на нашъ взглядъ, значеніе книги «Mission des Juifs»: ея авторъ неоднократно говоритъ, что онъ съ восемнадцатилѣтняго возраста состоитъ единственнымъ обладателемъ какой-то *высшей* тайны, что ему извѣстно какое-то необычайное преданіе, долженствующее разъяснить Моисея и Христа, и что эта тайна и это преданіе навсегда должны остаться достояніемъ правящихъ и невѣдомыми управляемымъ, т.-е. всему человѣчеству, за исключеніемъ хранителей «великой Истины». Это штучка довольно старенькая; главы браминовъ въ Индіи, *браматма*, нѣсколько тысячъ лѣтъ увѣряютъ въ томъ же своихъ послѣдователей, то же дѣлали верховные жрецы Египта, главари масонства и всякіе шарлатаны, начиная съ полумиѳическаго Гермеса. Это слишкомъ напоминаетъ великаго Конта—графа Калліостро. Положимъ, на подобную штуку и въ наше время ловятся люди; но всякій благомыслящій человѣкъ хорошо знаетъ цѣну такимъ таинственнымъ знаніямъ и помнитъ, сколько бѣдъ надѣлали человѣчеству вѣрованія въ эти знанія. Однимъ этимъ разрушается всякая, даже теоретическая, возможность синархической идилліи. Если мыслима таковая, то лишь при одномъ условіи, что всякое знаніе будетъ всеобщимъ достояніемъ и ничто познанное ни для кого не будетъ тайною.

Les courtisanes ramaines. Lacroix, Paul (Bibliophili Jacob). Говоря о такихъ произведеніяхъ литературы, въ которыхъ беллетристика сходится съ исторіей, мы считаемъ себя не въ правѣ пройти молчаніемъ небольшую. но полную интереса книжку знаменитаго французскаго библіофила. Это не романъ и не повѣсть, а нѣчто лучшее; на нашъ взглядъ, это блестящая.

яркая, полная неотрицаемой исторической правды картина жизни римскаго полусвѣта, это драгоцѣннѣйшій и превосходно подобранный матеріалъ для всякаго романиста, который бы задался мыслью написать повѣсть изъ временъ Цезарей. Съ первыхъ страницъ авторъ какъ бы беретъ за руку читателя и ведетъ его на главныя, фешенебельныя гулянья императорскаго Рима, на *Via Sacra* и *Via Appia*. Тамъ передъ нимъ проходятъ нескончаемою вереницею толпы веселой, беззаботно прожигающей жизнь молодежи, цвѣтъ римскихъ кокотокъ въ своихъ болѣе, чѣмъ лёгкихъ, полумиѳологическихъ туалетахъ; толпы изнѣженныхъ мужчинъ, раздушенныхъ и завитыхъ, съ наклеенными на лицѣ мушками, какъ у нашихъ прабабушекъ прошлаго вѣка, поэты, разбогатѣвшіе отпущенники, гладіаторы, щеголяющіе своею мускулатурою и физическою силою, римскія матроны, забывшія преданія строгой старины и смѣло переступающія ту границу, которая отдѣляетъ честную женщину отъ гетеры. Авторъ живыми чертами опредѣляетъ различіе между античными гетерами Аѳинъ и этими дамами, поражающими насъ роскошью нарядовъ, великолѣпіемъ носилокъ, передъ которыми наши восьмирессорныя коляски съ гуттанерчевыми колесами и запряжки à la Daumont показались бы чуть не простенькими экипажами. Эти *bonae meretrices* окружены цѣлыми свитами аббиссинскихъ рабовъ, красивыхъ рабынь, карликовъ и дѣтей... Иныя сами правятъ бойкими конями, запряженными въ блестящія колесницы, или же катаются верхомъ на выписныхъ скакунахъ. Книга П. Лакруа писана, конечно, не *ad usum delphini*, не для юношества; это ученое изслѣдованіе о весьма щекотливой сторонѣ римской жизни временъ полной нравственной разнузданности того *Вавилона*, противъ котораго гремѣли первые христіанскіе учители и отцы.

L'Allemagne et l'Italie. *Rothan*, *C. Allemagne*. Авторъ, бывшій секретарь французскаго посольства при берлинскомъ дворѣ, передаетъ въ этой книгѣ много подробностей и дипломатическихъ документовъ, могущихъ служить историческимъ матеріаломъ для времени, подготовившаго франко-прусскую войну. Для большинства публики книга слишкомъ суха и мало интересна.

Les Allemands. *Didon*. Послѣ разгрома Франціи нѣмцами, французы, въ чаяніи *реванша*, обратили очень серьезное вниманіе на всестороннее изученіе Германіи, ея учрежденій, общественной и частной жизни нѣмцевъ. Лучше бы было подумать объ этомъ раньше, лѣтъ 15—20 тому назадъ; тогда, быть можетъ, и разгрома бы не было. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Книга отца Дидона (доминиканскаго монаха) посвящена исключительно изученію учебной части Германіи, ея университетской и школьной жизни. Противъ нѣкоторыхъ выводовъ отца Дидона можно возразить многое; но въ общемъ книга полна самаго глубокаго интереса и поучительности не для однихъ французовъ. Нѣмцы поспѣшили уже перевести ее на *нѣмецкій языкъ*.

Correspondance. *George Sand*. *Tome VI*. *Изд*. *Calmann Lévy*. Одновременно съ открытіемъ памятника Жоржъ Зандъ вышелъ въ свѣтъ и послѣдній томъ *Переписки* знаменитой писательницы. Онъ во многихъ отношеніяхъ интереснѣе и живѣе предшествовавшихъ томовъ. Значительная часть заключающихся въ немъ писемъ адресована людямъ нашего времени; авторъ бесѣдуетъ съ ними о событіяхъ, которыя прошли передъ нашими глазами, и о лицахъ, намъ извѣстныхъ. Многое въ этихъ откровенныхъ письмахъ можетъ придтись кое-кому не по вкусу, какъ, напримѣръ, рѣзкія сужденія высокота-

лантливой писательницы о Гамбеттѣ и чрезмѣрная ея доброжелательность къ принцу Наполеону. Первое изъ писемъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, помѣчено 14 іюля 1870 г., т.-е. писано передъ самымъ началомъ франко-прусской войны. Жоржъ Зандъ съ опасеніемъ смотритъ на воодушевленіе, охватившее массы; она не понимаетъ такого энтузіазма, когда дѣло идетъ не о борьбѣ за великую идею, а только о рѣшеніи вопроса: у кого лучше пушки и ружья, у французовъ или у пруссаковъ; она крайне неодобрительно говоритъ о пѣніи *Марсельезы*, съ разрѣшенія и одобренія императора, и высказываетъ нелишенное правдоподобности подозрѣніе, что крики: «Въ Берлинъ! Въ Берлинъ!» вызваны подстрекательствомъ полиціи. При первыхъ неудачахъ французовъ, она уже предвидитъ паденіе Наполеона и возможность республики; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, она полагаетъ, что «союзники», т.-е., собственно, великія нейтральныя державы, могли бы отдать французскій тронъ одному изъ орлеанскихъ принцевъ и что народъ спокойно принялъ бы такое рѣшеніе. Любопытно письмо, адресованное принцу Наполеону чуть не наканунѣ окончательнаго паденія имперіи. Невольную улыбку вызываютъ дружескіе совѣты, преподаваемые въ немъ писательницею этому прославившемуся своею трусостью рыцарю, *поберечь* себя и не подвергаться излишнимъ опасностямъ.

Всѣ письма этого періода, 1870 и 1871 годовъ, посвящены преимущественно политикѣ. Дальнѣйшая переписка съ Флоберомъ, Дюма-сыномъ и г-жею Эд. Аданъ представляетъ исключительно литературный интересъ. Заключающіеся въ нихъ критическіе взгляды и сужденія ставятъ письма ихъ въ неразрывную связь со всею литературною дѣятельностью автора *Консуэло*.

Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte im Zusammenhange mit der Gesammtenwicklung städtischer Civilisation dargestellt. Pëhlman. Robert Leipzig. 1884. Авторъ этой работы—молодой историкъ, отличающійся стремленіемъ заниматься культурными и экономическими вопросами. Новое его сочиненіе имѣетъ не только значеніе научное, но связано также со многими практическими вопросами. Вопросы эти, волновавшіе западно-европейское общество, начинаютъ волновать также и насъ. Необходимость жить въ городахъ съ ихъ до невозможности скученнымъ населеніемъ, выгоды, возникающія отъ тѣснаго сожитія людей,—все это должно быть противупоставлено вредному вліянію городской жизни, удаляющей человѣка отъ природы, и плохой санитарной обстановки, которая необходимо появляется вслѣдствіе тѣсноты. Въ древности, въ городскихъ государствахъ, какъ видно изъ картины жизни, въ такихъ городахъ, какъ Тиръ, Карѳагенъ, бо́льшіе эллинистскіе города и, наконецъ, Константинополь, эти неудобства чувствовались еще съ бо́льшею интензивностью. Богатый матеріалъ, собранный изъ писателей, юристовъ классической древности и даже отцовъ церкви, распадается на пять главъ. Въ первой разсматривается, какимъ образомъ происходилъ ростъ большихъ городовъ римско-эллинскаго міра. Во второй опредѣляется отношеніе къ вопросу о чрезмѣрномъ населеніи государства и общества. Въ третьей излагаются мѣры для снабженія съѣстными припасами и для регулированія квартирнаго вопроса. Въ четвертой—санитарныя мѣры, какъ-то: очистка улицъ, мощеніе, канализація, свозка нечистотъ, гигіеническія условія при постройкѣ домовъ, снабженіе водою и т. д., и, наконецъ, въ пятой главѣ говорится о мѣрахъ, предпринятыхъ государственною властью для освобожденія городовъ отъ чрезмѣрнаго населенія. Книга написана весьма ясно и живо.

М.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, ТЕХНОЛОГІЯ И ПРОЧ.

„Ученіе объ удобреніи почвъ". *Костычева.*—„Систематическій курсъ ботаники". *Н. Раевскаго.*—„Записки по медицинской физикѣ". *А. С. Шкляревскаго.*—„Учебникъ химической технологія". *Е. Реинбота.*—„Азбука минералогіи". *Н. Иванова.*—„Русскій народный лечебный травникъ и цвѣтникъ". *В. Гарецкаго и Бильки.*

Ученіе объ удобреніи почвъ. Руководство для практическихъ хозяевъ. Составилъ Костычевъ. Спб., 1884 года. Вопросъ объ удобреніи начинаетъ серьезно интересовать нашихъ сельскихъ хозяевъ. Изъ года въ годъ повторяющіеся неурожаи неотразимо свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи плодородія почвы. Земля настойчиво требуетъ возвращенія того, что изъ нея ежегодно уносится жатвой. Житницѣ Европы отъ систематическаго истощенія грозитъ серьезная опасность, если землевладѣльцы не позаботятся о своевременномъ возстановленіи замѣтно ослабленнаго плодородія. Пора, давно пора серьезно подумать о будущемъ, тѣмъ болѣе, что усовершенствованная земледѣльческая культура выдвинула уже на европейскихъ рынкахъ сильныхъ хлѣбныхъ конкуррентовъ.

Наше сельское хозяйство уже обратилось къ улучшеннымъ сельско-хозяйственнымъ орудіямъ и мало-по-малу вводитъ плуги и разнаго рода машины. Но одного этого мало. Необходимо еще удобреніе и... знанія.

Въ книгѣ г. Костычева добросовѣстно собранъ и обработанъ весь матеріалъ, касающійся научно-практической разработки вопроса объ удобреніи. Въ ней подробно и вполнѣ обстоятельно разобраны всѣ виды удобрительныхъ веществъ, начиная съ извести и кончая навозомъ. Книга, занимающая собою около 15 печатныхъ листовъ, дѣлится на 4 отдѣла: въ 1-мъ разсматривается косвенно дѣйствующія удобрительныя вещества (известь, поваренная соль, гипсъ); во 2-мъ непосредственно дѣйствующія удобрительныя вещества (вспомогательныя), куда относятся азотистыя, фосфорнокислыя и каліевыя соединенія; въ 3-мъ трактуются полныя удобренія, какъ, напр., навозъ, человѣческія изверженія, компосты. Въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ химическій сельско-хозяйственный анализъ и организацію опытовъ для сравненія между собою различныхъ удобреній.

Книга г. Костычева написана толково, интересно и съ знаніемъ дѣла, такъ что заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нашихъ сельскихъ хозяевъ, мало знакомыхъ съ современнымъ положеніемъ ученія объ удобреніяхъ. Хотя изложеніе автора и не особенно популярно, но, тѣмъ не менѣе, основныя идеи и выводы доступны всякому образованному человѣку. Очевидно, что г. Костычевъ стремился сдѣлать свою книгу понятною для большинства сельскихъ хозяевъ. Во всякомъ случаѣ она можетъ принести нѣкоторую пользу русскому земледѣлію и мы желали бы обратить на нее вниманіе читающей публики.

Систематическій курсъ ботаники для реальныхъ училищъ. Н. Раевскаго. Съ 161 рисунк. въ текстѣ. 4 исправлен. издан. Глазунова. Спб., 1884 г. У насъ такъ мало дѣльныхъ учебниковъ, особенно по естественной исторіи, что мы цѣлые десятки лѣтъ настойчиво держимся за одну какую-нибудь

книжку, принятую за руководство, забывая, что, можетъ быть, учебникъ этотъ давно устарѣлъ, не можетъ болѣе соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ и потому нуженъ другой, болѣе удовлетворительный.

Многіе антики учебной литературы еще и теперь употребляются въ нашихъ школахъ; причиной этому является отсутствіе дѣльныхъ сочиненій, которыя бы имѣли право вытѣснить изъ обращенія хотя и достойное, но устарѣвшее руководство.

Правда, за послѣднее время печатается много учебниковъ, даже черезъ-чуръ много, но о многихъ изъ нихъ можно сказать, что они печатаются напрасно.

Но мы не можемъ сказать этого о книжкѣ г. Раевскаго, отличающейся несомнѣнными педагогическими достоинствами — ясностью и послѣдовательностью изложенія. Учебникъ написанъ очень сжато и, несмотря на свою полноту, занимаетъ всего около 11 печатныхъ листовъ; иллюстрированъ онъ недурными и удачно выбранными рисунками. Намъ кажется страннымъ только расположеніе курса, который у г. Раевскаго начинается прямо съ систематики, физіологія же и анатомія растеній помѣщаются въ концѣ книги. Казалось бы, въ педагогическомъ отношеніи удобнѣе обратное распредѣленіе матеріала.

Записки по медицинской физикѣ. Проф. А. С. Шкляревскаго. Вып. 1-й. Динамика. Изд. студентовъ 1-го курса медицинскаго факультета университета св. Владиміра. Кіевъ, 1884 г. При бѣдности нашей учебной литературы вообще, хорошо составленныя записки составляютъ по истинѣ отрадное явленіе. Курсъ медицинской физики г. Шкляревскаго составленъ добросовѣстно и изданъ очень хорошо. Вся динамика раздѣлена на 16 лекцій, изъ коихъ 6 послѣднихъ посвящены электричеству. Книга написана живымъ, занимательнымъ и довольно популярнымъ языкомъ. Одно, что портитъ изданіе, само по себѣ очень опрятное, это—непозволительно исполненные рисунки: чертежникъ не пользовался даже инструментами, а дѣлалъ рисунки отъ руки и, притомъ, въ высшей степени небрежно.

Учебникъ химической технологіи. Составилъ инженеръ-технологъ Е. Рейнботъ, преподаватель химической технологіи въ спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. Ч. I. Технологія питательныхъ веществъ. Топливо. Писчебумажное производство. Съ 76 политипажами. Спб., 1884 г. Общее образованіе въ нашихъ реальныхъ училищахъ, какъ извѣстно, заканчивается собственно шестью классами; седьмой же, такъ называемый дополнительный, имѣетъ совершенно особый, болѣе или менѣе спеціальный характеръ. При переводѣ въ 7-й классъ воспитанники реальныхъ училищъ подраздѣляются уже на химиковъ и механиковъ; одни поступаютъ на химико-механическое отдѣленіе, другіе на механико-техническое, гдѣ они, между прочимъ, изучаютъ нѣкоторые спеціальные предметы, какъ, напр., химическую технологію, строительное искусство, технологію металловъ и дерева, механику и т. п. Теоретическое образованіе сопровождается практическими работами для учениковъ механическаго отдѣленія—въ мастерскихъ, а для учениковъ химическаго—въ лабораторіяхъ.

Преподаванію химической технологіи въ реальныхъ училищахъ авторъ разсматриваемой книги въ предисловіи къ ней, основываясь на десятилѣтнемъ опытѣ, приписываетъ образовательное значеніе. Онъ говоритъ: «Кромѣ сообщенія учащемуся извѣстнаго запаса фактическихъ знаній, химическая технологія, какъ

прикладная наука, даетъ ученику новую точку зрѣнія, освѣщаетъ иначе пройденное имъ изъ другихъ предметовъ, ибо пользуется фактами и разъясненіями, данными въ курсѣ другихъ наукъ; заставляетъ ученика оглянуться назадъ съ болѣе опредѣленною цѣлью и, притомъ, самостоятельно повторить многое изъ пройденнаго; отвѣчаетъ, между прочимъ, на тѣ вопросы, которые каждый изъ насъ задавалъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ и которые касаются предметовъ, окружающихъ насъ ежеминутно въ нашей повседневной жизни».

Въ составъ 1-й части технологіи г. Рейнбота входятъ топливо и отопленіе, броженіе и дрожжи, мукомольное производство, хлѣбопеченіе, крахмальное производство, крахмальная камедь, крахмальный сахаръ и патока, пивовареніе, свеклосахарное и писчебумажное производство. Мы рѣшительно отказываемся понять, чѣмъ руководствовался авторъ, соединяя въ одну книгу такія мало сходныя между собою отрасли технологіи, каковы топливо, писчебумажное дѣло и производство питательныхъ веществъ, и почему онъ находитъ удобнымъ начинать курсъ съ топлива и питательной технологіи.

Положимъ, что стройной и вполнѣ научной классификаціи техническихъ производствъ не существуетъ, а потому, конечно, ихъ можетъ комбинировать всякій по своему благоусмотрѣнію. Однако, для цѣлей преподаванія вполнѣ достаточны тѣ подраздѣленія технологіи, какія приняты въ нашихъ высшихъ спеціальныхъ училищахъ. Дѣлятъ, напр., химическую технологію на минеральную и органическую, причемъ, какъ само собой понятно, начинаютъ съ первой, всецѣло основанной на неорганической химіи. Такъ слѣдовало бы сдѣлать и г. Рейнботу въ его учебникѣ. Автору не безъизвѣстно, что курсъ неорганической химіи проходится въ VI классѣ настолько подробно, что ученики, переходящіе въ VII к., безъ затрудненія могутъ усвоить и стеклянное, и фарфоровое производства. Органическая же химія имъ почти не преподается (иногда только сообщаются самыя краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ органическихъ соединеніяхъ), такъ что усвоеніе технологіи питательныхъ веществъ является для нихъ болѣе труднымъ. Во всякомъ случаѣ лучше идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, чѣмъ наоборотъ. Для учебника было бы цѣлесообразнѣе начинать съ болѣе легкой минеральной технологіи, для усвоенія которой ученики имѣютъ уже надлежащія химическія познанія.

Въ своемъ введеніи г. Рейнботъ не совсѣмъ правильно передаетъ тѣ признаки, руководствуясь которыми создали раздѣленіе промышленныхъ учрежденій на фабрики, заводы и ремесленныя заведенія: «фабрики перерабатываютъ заводскія издѣлія въ большинствѣ случаевъ механическими средствами», сказано на стр. XIV. По такому опредѣленію выходитъ, что фабрики перерабатываютъ не сырые матеріалы, а заводскія издѣлія, тогда какъ всякому хорошо извѣстно, что, напр., хлопокъ, изъ котораго прядутъ бумажную пряжу на прядильныхъ фабрикахъ, вовсе не заводское издѣліе. Сырье перерабатываютъ также и всѣ другія прядильныя фабрики. Далѣе врядъ ли вѣрно и то, что ремесленныя заведенія отличаются отъ заводовъ и фабрикъ только меньшими размѣрами и меньшей приспособленностью къ удобной, скорой и дешевой работѣ.

Что касается спеціальной части учебника, то относительно ея можно сказать, что она составлена вполнѣ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла; научная сторона развита обстоятельно, изложеніе ясное, рисунки исполнены очень аккуратно и въ общемъ курсъ г. Рейнбота производитъ очень пріятное впечатлѣніе,

тѣмъ болѣе пріятное, что принятый въ реальныхъ училищахъ курсъ Лесгафта далеко не удовлетворителенъ.

Азбука минералогіи для городскихъ училищъ. Составилъ Н. Ивановъ. Москва, 1884 года. Эта маленькая и дешевенькая книжка (она занимаетъ всего 4 съ небольшимъ листа) заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны нашихъ педагоговъ вообще и народныхъ учителей въ частности. Книжка г. Иванова представляетъ собою образецъ живаго и вполнѣ популярнаго изложенія. Рѣдко можно встрѣтить въ такомъ маломъ объемѣ столько полезнаго труда. Несомнѣнно, что почтенный трудъ г. Иванова будетъ принятъ въ нашихъ низшихъ училищахъ, такъ какъ онъ весьма успѣшно рѣшаетъ задачу — какъ нужно преподавать естественную исторію дѣтямъ. Изложеніе *Азбуки минералогіи* отличается отчетливостью, краткостью и ясностью. На 67 страницахъ сообщается вполнѣ систематично и обдуманно весьма много самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, которыя безъ труда могутъ быть усвоены 10-ти лѣтними мальчиками. Ко всему этому книжка иллюстрирована многими интересными и хорошо выполненными рисунками. Попутно сообщаются краткія свѣдѣнія о воздухѣ и его составныхъ частяхъ, говорится толково о томъ, что такое химическое соединеніе, и т. п. Минералы разсматриваются только самые полезные, такъ сказать, повседневные, какъ-то: поваренная соль, кварцъ, полевой шпатъ, каменный уголь, торфъ, известь, сѣра, металлы и т. п. Печать крупная, отчетливая; цѣна дешевая.

Русскій народный лечебный травникъ и цвѣтникъ съ рисунками всѣхъ травъ и цвѣтовъ, отпечатанныхъ въ ихъ натуральномъ видѣ. Способъ исцѣленія всѣхъ болѣзней и недуговъ изстари испытанными народными способами и средствами изъ растительнаго царства природы, съ приложеніемъ словаря мѣстныхъ названій травъ и цвѣтовъ и отдѣла о ядовитыхъ и неядовитыхъ грибахъ. Составлено аптекарями В. Горецкимъ и Билькомъ, подъ редакціей доктора Вл. Второва, на основаніи старинныхъ рукописныхъ травниковъ, новѣйшихъ трудовъ лучшихъ ботаниковъ и личныхъ наблюденій при 20-ти лѣтней практикѣ. Въ 2 частяхъ. Изданіе книгопродавца С. И. Леухина. Москва, 1885 г. Цѣна 5 р., въ перепл. 6 р. Это длинное заглавіе можетъ служить лучшей рекомендаціей новаго произведенія. Никто, конечно, не усумнится, что это продуктъ никольскаго книжнаго рынка, давно систематически эксплуатирующаго полуграмотныхъ и легковѣрныхъ читателей. *Русскій народный травникъ и цвѣтникъ* представляетъ собою образецъ крупной книжной аферы. Здѣсь дѣло идетъ не о пятачковыхъ изданіяхъ: передъ нами солидныхъ размѣровъ томъ, стоющій 5 р. Положимъ, что образованная публика по одному заглавію узнаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и не купитъ этой книги; но, вѣдь, за нею стоятъ тысячи людей, для которыхъ такого рода лечебники представляютъ огромный интересъ и, эти тысячи по своему невѣжеству и легковѣрію легко могутъ сдѣлатся жертвою книгопродавческой аферы. Мы, конечно, не обратили бы вниманія на «травникъ и цвѣтникъ», составленный *аптекарями*, подъ редакціей *доктора*, если бы не чувствовали нравственной обязаности предупредить кого возможно о дѣйствительныхъ достоинствахъ книги.

Подобныя произведенія печати нельзя серьезно разбирать; они внѣ критики и даже внѣ библіографической оцѣнки. Ихъ можно только цитировать. Въ каж-

домъ словѣ новаго произведенія видѣнъ эксплуататорскій пріемъ никольскихъ книгопродавцевъ-издателей, подобныхъ г. Леухину.

Предисловіе начинается слѣдующими словами: «Изучая царство растительное, мы невольно должны преклоняться передъ благостію Господа нашего Вседержителя, который сдѣлалъ все такъ, что нѣтъ почти ни одного растенія, которое бы не приносило пользы и не служило для человѣка если не лѣкарственнымъ способомъ, то удовлетворяло бы другимъ потребностямъ». Далѣе доказывается, что намъ нѣтъ надобности «обращаться за границу нашего отечества, когда у насъ у самихъ въ царствѣ природы находится цѣлая масса всевозможныхъ цѣлительныхъ растеній». «Дѣло только въ томъ,—уже окончательно убѣждаютъ почтенные аптекаря,—что намъ придется, если мы желаемъ только себѣ пользы; отрѣшиться отъ мысли, что наше отечество бѣдно лѣкарственными средствами и не имѣетъ даже нѣкоторыхъ растеній, и затѣмъ заняться серьезно тѣмъ, что произрастаетъ въ нашей Россіи, и тогда-то мы увидимъ, что мы не только не бѣдны лѣкарственными растеніями, но, напротивъ, у насъ ихъ столько и цѣлебная сила ихъ такъ велика, сравнительно съ тѣми, которыя мы добываемъ изъ-за границы, что ни одному изъ насъ никогда больше и не пойдетъ въ голову обращаться за лѣкарствами къ иностранцамъ, когда у насъ у самихъ есть и лучше, и цѣлебнѣе, и дешевле».

Съ неподражаемой наивностью развиваетъ составитель (хотя ихъ двое, но предисловіе идетъ отъ одного лица) мысль, что наши ученые врачи и ботаники не знаютъ многихъ травъ и кореньевъ. Въ доказательство этого приводится разсказъ, какъ одинъ знаменитый докторъ былъ сконфуженъ деревенскимъ знахаремъ, который яко бы подалъ доктору какой-то корешокъ да и спрашиваетъ: «что, дескать, это?» и тотъ, къ стыду своему, не знаетъ. Тогда знахарь предложилъ доктору натереть корешкомъ руку; но когда тотъ это сдѣлалъ, то рука у него вздулась и опухоль спала только послѣ того, какъ мужичекъ далъ потереть руку какой-то другой травкой. «Докторъ не сталъ уже разбирать ни классовъ, ни семействъ, а прямо, безъ дальнихъ церемоній, послушался простаго мужичка и убѣдился, что въ Россіи много еще такихъ произрастеній, которыя могутъ принести и пользу, и вредъ».

Самый текстъ такъ же безграмотенъ, какъ и предисловіе. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ находимъ такое мѣсто: «Давно уже доказано и въ настоящее время составляетъ неоспоримую истину, что растенія, находясь въ природномъ своемъ климатѣ и на матерой почвѣ земли произрастающія всегда дѣйствительнѣе насажденныхъ въ ботаническихъ садахъ». Рисунки вовсе не въ натуральномъ видѣ, а крайне плохіе и не иллюминованные.

«Дай Богъ, чтобы нашъ трудъ принесъ хоть небольшую пользу для общаго блага и народнаго здоровья»,—заканчиваютъ составители, а мы скажемъ: дай Богъ, чтобы подобныя произведенія не появлялись болѣе въ печати и чтобы наше книжное дѣло попало, наконецъ, въ руки людей, уважающихъ печатное слово.

К. Т.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Русскія Вѣдомости сообщаютъ, что издатель *Народной Библіотеки*, г. Маракуевъ, въ октябрѣ выпускаетъ въ свѣтъ довольно объемистый 1-й томъ сочиненій *Чарльза Диккенса*, въ новомъ переводѣ И. В. Майкова. Въ этотъ выпускъ вошли *Приходскіе очерки* и рядъ юмористическихъ разсказовъ, принадлежащихъ самой ранней порѣ великаго англійскаго романиста. Цѣна изданію назначается вполнѣ общедоступная. Это важное условіе, въ связи съ значительной популярностью у насъ Диккенса, даетъ основаніе надѣяться, что творецъ *Оливера Твиста* и *Копперфильда* будетъ завоевывать себѣ новыя симпатіи въ той многочисленной читающей средѣ, для которой прежнія его русскія изданія были недоступны.

— *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ, что 19 сентября 1884 года отставному лейтенанту флота М. А. Вернеру разрѣшено издавать въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, еженедѣльный иллюстрированный журналъ, подъ названіемъ *Вокругъ Свѣта*. Срокъ выхода еженедѣльный. Подписная цѣна за годъ съ пересылкой 3 руб., за полгода 1 р. 50 к.

— Редактору-издателю *Вѣстника Промышленности*, инженеръ-технологу Кречетову, разрѣшено изданіе въ Москвѣ еженедѣльной иллюстрированной подцензурной газеты, подъ названіемъ: *Промышленная Лѣтопись*. Цѣна 5 руб. въ годъ. Подписчикамъ журнала *Вѣстникъ Промышленности* эта газета будетъ разсылаться безплатно.

— Лектору при московскомъ университетѣ Я. І. Вельму разрѣшено изданіе ежемѣсячнаго подцензурнаго научно-литературнаго журнала на латышскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Austrums* (Востокъ). Цѣна за годъ съ доставкою 3 рубля.

— Инженеру К. Е. Цейсъ и двор. В. А. Драницыну разрѣшено изданіе въ Петербургѣ еженедѣльнаго подцензурнаго журнала, подъ названіемъ: *Строительный Матеріалъ*. Цѣна съ доставкою 6 руб.

— Мѣщанину Н. П. Аловерту разрѣшено изданіе въ Петербургѣ двухъ подцензурныхъ журналовъ: 1) ежемѣсячнаго, подъ названіемъ *Мой Журналъ*— модный журналъ для дѣтей. Цѣна безъ доставки 3 руб. 2) Еженедѣльнаго, подъ названіемъ *Вѣстникъ Моды*. Выходить будетъ тремя изданіями разныхъ цѣнъ: 3, 5 и 7 руб. безъ доставки.

— Издателю-редактору журнала *Изящная Литература*, П. И. Вейнбергу, разрѣшено изданіе подцензурнаго иллюстрированнаго журнала: *Журналъ для дѣвицъ* (старшаго возраста). Изданіе ежемѣсячное; цѣна 4 руб., съ доставкою 5 р., съ пересылкою 6 руб.

— Купцу Ѳ. К. Петрику разрѣшено изданіе въ Петербургѣ газеты *Уніонъ*, исключительно посвященной торговлѣ. Выходить будетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ; цѣна съ перес. 4 рубля. Газета, какъ намъ передавали, стоитъ въ связи съ нѣмецкимъ изданіемъ того же названія, посвященнаго исключительно торговой рекламѣ.

— I. П. Недлеру разрѣшено изданіе въ Петербургѣ подцензурнаго ежемѣсячнаго журнала на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Deutsche Zeitschrift für die Russische Jugend* (Нѣмецкій журналъ для русскаго юношества). Цѣна 4 руб., съ пересылкой 5 руб.

— Есть слухъ, что журналъ *Зритель*, издававшійся В. В. Давыдовымъ, переходитъ въ руки издателя *Волны*, И. И. Кланга, который хлопочетъ о переименованіи его въ *Искорки*, *Стрѣлу* или *Нашу Жизнь*. Возобновляемый журналъ будетъ выходить, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати, подъ редакторствомъ г. Руссіанова, съ января будущаго года еженедѣльно.

— Г. Шпажинскій написалъ трагедію въ стихахъ, въ 5-ти, дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Чародѣйка*. Дѣйствіе происходитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ XV вѣкѣ. Пьеса принята на Императорскую сцену и готовится къ постановкѣ.

— Очень распространенная въ Россіи нѣмецкая газета *Über Land und Meer*, кромѣ обычныхъ своихъ ежедневныхъ выпусковъ большаго формата, очень подходящаго для иллюстрацій, выходитъ теперь, такъ сказать, вторымъ изданіемъ въ видѣ ежемѣсячныхъ книжекъ въ форматѣ in 8°. Содержаніе то же, что и въ большомъ изданіи, тѣ же иллюстраціи, только уменьшенныя, сообразно новому формату, представляющему значительныя удобства при чтеніи. Иллюстраціи такъ же хороши, чисты и отчетливы, какъ въ большомъ изданіи. Что же касается текста, то его занимательность и полная пригодность для семейнаго чтенія уже давно пріобрѣли себѣ громкую и заслуженную извѣстность.

— Сколько времени и иногда безплодно теряется на пріисканіе на географической картѣ какого-нибудь мало извѣстнаго городка или мѣстечка, извѣстно каждому. Вновь изданный въ Лейпцигѣ *Spezialatlas des deutschen Reiches* (Спеціальный атласъ нѣмецкой имперіи) Равенштейна устраняетъ это неудобство весьма простымъ способомъ. При атласѣ приложенъ алфавитный указатель названій, вошедшихъ въ карты атласа. Самыя же карты раздѣлены на квадратики наложенною на нихъ сѣткою, причемъ каждый квадратикъ означенъ буквою и цифрою, какъ на шахматной доскѣ. При каждомъ названіи въ указателѣ стоитъ номеръ карты, буква и цифра квадратика, въ которомъ находится искомое мѣстечко. Нововведеніе, весьма достойное подражанія.

— До чего можетъ доходить дешевизна книгъ въ Германіи, можно судить по тому, что издательская фирма Энгельхорнъ въ Штуттартѣ выпустила недавно съ согласія автора сдѣланный переводъ романа Онэ: *Собственникъ хижины (Hüttenbesitzer)*, стоющій въ продажѣ 50 пфениговъ (25 коп. съ перес. въ Москву). Этотъ романъ составитъ первый томъ *Allgemeinen Romanenbibliothek*.

— Нашимъ библіотекамъ и любителямъ изящныхъ изданій (éditions de luxe) знакомы *L'Ombrelle* и *L'Eventail Uzann'a*. Въ настоящее время готовится къ выходу въ свѣтъ не менѣе совершенное произведеніе въ этомъ родѣ и того же автора: *Son Altesse la femme*. Цѣна будетъ, какъ намъ сообщали, отъ 20 до 25 рублей. *Вѣеръ* и *Зонтикъ* сполна раскуплены и уже теперь продаются вдвое и втрое дороже первоначально объявленной цѣны. Эти изданія, наравнѣ съ *Chanson de l'Archer*, если даже не выше этой книги, считаются совершеннѣйшими произведеніями типографскаго искусства.

— Въ Италіи вышла недавно книга: *Annuario della tipografia, libreria ed arti affini in Italia* (Ежегодникъ печатнаго дѣла, книжной торговли и соприкасающихся съ ними искусствъ въ Италіи), раздѣленная на двѣ части. Въ первой изложены законы о печати, международныя конвенціи относительно литературной собственности, уставы итальянскихъ союзовъ книгопродавцевъ, писателей, типографовъ и типографскихъ рабочихъ. Во второй части: адресы всѣхъ издательскихъ, книгопродавческихъ и типографскихъ фирмъ и публичныхъ библіотекъ Италіи. Къ намъ, какъ вѣроятно, и во всѣ редакціи, нерѣдко обращаются за подобными свѣдѣніями, которыхъ мы не всегда въ состояніи дать. Весьма желательно, чтобы это изданіе нашло подражателей въ нашемъ отечествѣ.

— Парижскою издательскою фирмою Фирменъ Дидо заявлено о готовящейся къ выходу въ свѣтъ очень интересной книги: *Modes et usages au temps de Marie-Antoinette* (Моды и обычаи временъ Маріи-Антуанеты). Книга составлена по журналу г-жи Елофъ (Eloffe, придворной портнихи королевы и поставщицы придворныхъ дамъ. Записки г-жи Елофъ обнимаютъ періодъ времени съ 1786 по 1796 годъ. Та же фирма готовитъ изданіе: «Dictionaire historique et pittoresque du théâtre et des arts quí s'y rattachent» par. M. Arthur Pougin.

— Фирмою Hachette, въ Парижѣ, издана *Война и миръ* гр. Л. Н. Толстаго на французскомъ языкѣ, въ трехъ томахъ. Готовится изданіе перевода *Анны Карениной*.

— Въ Лондонѣ ожидается появленіе въ высшей степени любопытной книги: *Сборникъ индостанскихъ пословицъ*, составленной д-ромъ В. Фаллонъ (S.-W. Fallon) и изданной въ Бенаресѣ.

— Погоня во Франціи за сюжетами для романовъ и за «человѣческими документами» доводитъ до того, что одинъ молодой французскій писатель путемъ газетныхъ объявленій вызываетъ поставщиковъ сюжетовъ и «документовъ». Людямъ, приключенія которыхъ послужатъ ему сюжетомъ для комедіи, Дюменъ обѣщаетъ уплатить тысячу франковъ, а тѣмъ, кто описаніемъ своихъ несчастій дастъ канву для драмы, двѣ тысячи.

— Журналъ *Le Livre* сообщаетъ слѣдующій разсчетъ авторскаго гонорара, полученнаго г-жею Е. Браддонъ. Два первые ея романа: *Aurora Floyd* и *Secret of lady Audley* разошлись въ количествѣ 200,000 экземпляровъ каждый и дали автору 500 тысячъ франковъ. Три слѣдующихъ романа въ *три мѣсяца* распроданы въ числѣ болѣе 200 тысячъ экземп. каждый и принесли автору около 1.250,000 франковъ, не считая нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ, давшихъ тоже не мало. Итого въ три съ половиною года г-жа Браддонъ получила за свой литературный трудъ около двухъ милліоновъ франковъ!

СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Январь. Наша семья и ея историческія судьбы. Очерки В. Я. Стоюнина.—По Испаніи. Изъ путешествія Д. Л. Мордовцева.—Система Меттерниха. По его письмамъ. А. Д. Градовскаго.—Народничество. А. Н. Пыпина.—Жилка. Изъ разсказовъ о золотѣ. Д. Н. Мамина.—Осада Лондона. Повѣсть Генри Джемса младшаго. Съ англійскаго.—Многострадальный писатель. Біографія, письма и пр... Ѳ. М. Достоевскаго. К. К. Арсеньева. **Февраль.** Молодость Тургенева. П. В. Анненкова. — Наша семья и ея историческія судьбы. Окончаніе. В. Я. Стоюнина.—Жилка. Изъ разказовъ о золотѣ. Д. Н. Маина. — Система Меттерниха. По его письмамъ. Окончаніе А. Д. Градовскаго.—По Испаніи. Изъ путешествія. Д. Л. Мордовцева.—Осада Лондона. Повѣсть Генри Джемса младшаго. Съ англійскаго. Окончаніе. А. Э.—Народничество. Окончаніе. А. Н. Пыпина.—По пути. Разсказъ. А. А.—**Мартъ.** Пятихины дѣти. А. И. Эртеля. — Рихардъ Вагнеръ. Біографическій очеркъ. П. А. Трифонова.—Жилка. Изъ разсказовъ о золотѣ. Д. Н. Мамина.—Константинъ Аксаковъ. А. Н. Пыпина. — Белинда. Романъ Роды Браутонъ. Съ англійскаго.—По Испаніи. Окончаніе. Д. Л. Мордовцева.—Негръ-пасторъ Джонъ-Криди. Разсказъ съ англ. А. Э. **Апрѣль.** Рихардъ Вагнеръ. Окончаніе. П. А. Трифонова.—Безъ мужей. Повѣсть. П. Д. Боборыкина.—Въ горскихъ обществахъ Кабарды. Всев. Миллера и Макс. Ковалевскаго.—Константинъ Аксаковъ. Окончаніе. А. Н. Пыпина.—Полевая почта во время войны 1877—78 г. В. Д. Кренке.—Жилка. Окончаніе. Д. Н. Мамина.—Белинда. Романъ Роды Браутонъ.—Русскіе беллетристы новаго поколѣнія. К. К. Арсеньева.—**Май.** Исторія одной волости. Очерки изъ жизни приволжскаго захолустья. В. Н. Назарьева.—Безъ мужей. Повѣсть. Окончаніе. П. Д. Боборыкина.—Полевая почта во время войны 1877 — 78 г. Окончаніе. В. Д. Кренке.—Джорджъ Эліотъ. Очеркъ жизни и сочиненій. А. С.—Семья Звѣревыхъ, Изъ народнаго житья-бытья. А. Л.—Русская наука и національный вопросъ въ XVIII в. А. Н. Пыпина.—Новые сборники русской поэзіи. К. К. Арсеньева.—Белинда. Романъ Роды Браутонъ.—**Іюнь.** Исторія одной волости. В. Н. Назарьева.—Джорджъ Эліотъ. Окончаніе. А. С.—Безъ начала и безъ конца. Изъ воспоминаній о дѣтствѣ. И. Х—мова.—Русская наука и національный вопросъ въ XVIII в. А. Н. Пыпина.—Листки изъ сибирскаго альбома. В. Р—ова.—Мусульманскіе паломники. Изъ путешествія по Аравіи. А. В. Елисѣева.—Белинда. Романъ. Роды Браутонъ. — По вопросу о прекрасномъ. В. А. Гольцева.—**Іюль.** Князь Суворовъ въ опалѣ. 1797—1798 г. А. Ѳ. Петрушевскаго.—Мусульманскіе паломники. Изъ путешествія по Аравіи. Окончаніе. А. В. Елисѣева.—Русская наука и національный вопросъ въ XVIII в. Окончаніе А. Н. Пыпина.—Дебютъ. Разсказъ. К. С. Баранцевича.—Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны. Ю. Г. Жуковскаго.—Психическія явленія и тѣлесные процессы въ организмѣ животныхъ и человѣка. И. Р. Тарханова.—Белинда. Ро-

манъ, Роды Браутонъ. — Государственный соціализмъ въ политикѣ и литературѣ. Л. З. Слонимскаго.—**Августъ**. Психическія явленія и тѣлесные процессы въ организмѣ животныхъ и человѣка. Окончаніе. П. Р. Тарханова.— Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи. Н. И. Костомарова.— Женщина и ея имущественное положеніе. Историческій очеркъ. М. И. Кулишера. — Белинда. Романъ, Роды Браутонъ. Окончаніе. — Беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ. (А. И. Левитовъ). А. Н. Пыпина.—Иветта. Разсказъ Гюи-де-Мопассана. — Домашній судъ. Изъ хроники южно-русскаго села. И. Потапенко.—**Сентябрь**. Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи. Окончаніе. Н. И. Костомарова.—Деревенскія исторіи. Счастливчикъ. Ѳ. Э. Ромера.—Эдинбургскій университетъ и трехсолѣтній его юбилей. Ѳ. Ѳ. Мартенса. — Отъ скуки. Разсказъ. И. Борскаго.—Объ историческомъ складѣ русской народности. Историко-критическія замѣтки. I—IV. А. Н. Пыпина.—Джулія. Повѣсть Вальтера Безанта. Съ англ.—Францъ Листъ. Біографическій очеркъ. П. А. Трифонова.—Кризисъ парламентаризма. Л. З. Слонимскаго.

РУССКОЕ БОГАТСТВО. **Январь**. На порогѣ жизни. Прологъ къ роману. А. Михайлова.—Что можно сдѣлать? Разсказъ Дм. Волкова.—Каторжница. (Матеріалы для драмы). Е. Д—виной.—Школьные типы. Антропологическій этюдъ. Профессора П. Лесгафта.—Объ измѣнчивости физическихъ свойствъ жидкостей и газовъ. Очеркъ. А. Герига.—Объ органической жизни. Карла Фохта.—Свобода и правда искусства. М. К. Цебриковой.—Отчего крестьяне предпочитаютъ свою школу земской. А. Г. **Февраль** Жильцы кладбища. Попова изъ Воронежа.—Крестьянское дѣтство. (Картинки изъ прошлаго). В. Савихина.—Что можно сдѣлать? Разсказъ. Окончаніе. Дм. Волкова.—Объемъ атомовъ. Сэра Вилльяма Томсона. — Школьные типы. Продолженіе. П. Ф. Лесгафта.—Теорія распредѣленія богатствъ. Родбертуса-Ягецова.—Прошедшее и будущее религіи. Герберта Спенсера.—**Мартъ**. Думки въ прозѣ. Каева.— Чужой сынъ. Повѣсть В. Панютиной.—Среди заразы. Очерки, картинки, характеристики. Ив. Печковскаго.—Ассоціація контрастовъ. А. Шмакова.—Школьные типы. Профессора П. Лесгафта.—Теорія распредѣленія богатствъ. Окончаніе. Ротбертуса-Ягецова.—Новое ученіе о растеніяхъ. Е. Эйнфахера.—О свободѣ воли. Письмо къ редактору. Профессора Н. Я. Грота.—**Апрѣль**. Пустяшное дѣло. А. Пазухина.—Драма. Разсказъ Кокичева.—Школьные типы. Окончаніе. Проф. П. Лесгафта. — Новое направленіе въ русской наукѣ права. М. Гребенщикова.—Устройство вселенной. Делонэ.—Объемъ атомовъ. В. Томсона. Оконч.—По поводу пересмотра и кодификаціи гржд. законовъ. Игоря Тютрюмова.— **Май — Іюнь**. Голодъ. Очеркъ Л. Симоновой. — Живые мертвецы. В. К. Гандзя Загорницкая. Романъ Т. Ежа.—Развитіе чувствованій. Л. Е. Оболенскаго.—Борьба клѣтокъ съ вредными агентами. П. Никольскаго. — Новыя теоріи преступленія и наказанія. М. Гребенщикова.—Дарвинизмъ въ психологіи. В. Гутора.—Новѣйшія изслѣдованія морской глубины. Е. Эйнфахера. — Человѣческія расы. М. Филиппова. — Новыя гипотезы о матеріи. Z. — По поводу пересмотра и кадификаціи гражд. законовъ. Игоря Тютрюмова. **Іюль**. День Павла Егоровича. Очеркъ Александры Бостромъ (гр. Толстой). — Послѣдній разсчетъ. Этюдъ. И. Гофштетера.—Гандзя Загорницкая. Романъ Т. Ежа. (съ польскаго). — Зачатки философскаго мышленія въ древней Индіи. Доцента Д.

Куликовскаго.—Сѣверное сіяніе. А. де-Сапорты. — Писательская двуличность. (О повѣсти Боборыкина). Созерцателя. — Къ вопросу о прекрасномъ (отвѣтъ на статью Гольцева). Л. Е. Оболенскаго. **Августъ**. Друзья. Попова изъ Воронежа.—Деревенскіе вечера. Разсказъ В. Савихина. — Гандзя Загорницкая. Романъ Т. Ежа (съ польскаго). — Критика современныхъ системъ нравственности. Соч. Альфреда Фуллье. — Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи. Н. Грота. — Что считаетъ правомъ нашъ народъ. Л.—По поводу кадификаціи гражд. законовъ. Игоря Тютрюмова.

НАБЛЮДАТЕЛЬ. Январь. Локомотивъ. Повѣсть Ю. Г. Завиоѣцкаго.—Вопросъ о землѣ и положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ. Н. Флеровскаго.—Гансъ-Филинъ. Романъ Фридриха Шпильгагена.—На большой дорогѣ. Святочный разсказъ. Вологдина. — Во имя долга. Романъ Генриха Рабюссона. (Съ франц.). — Наша отпускная торговля и стоимость производства вывозимаго хлѣба. М. В. Неручева.—Джонъ Буль на Гвадалквивирѣ. Разсказъ Энтони Троллопа.—**Февраль**. Тревожное счастіе. Романъ К. В. Назарьерой.—По Италіи. Д. Л. Мордовцева.—Гансъ-Филинъ. Романъ Фридриха Шпильгагена.—Лига обскурантовъ. И. Д.—Мароа Ильинична Рябинова. Очеркъ. П. Кармасанова. — Во имя долга. Романъ Генриха Рабюссона. Окончаніе. — Аристократизмъ Петербурга и Россіи вообще. Е. П. Карновича. **Мартъ**. Тревожное счастіе. Романъ К. В. Назарьевой.—Отъ школы къ труду. В. Я. Стоюнина.—Село Павлово и кустарная промышленность. В. П. Безобразова.— На чужомъ полѣ. Разсказъ А. В. Круглова. — Утѣха жизни. Романъ Эмиля Золя. — По Италіи. Д. Л. Мордовцева.—Гансъ-Филинъ. Фридриха Шпильгагена.—Картины петербургскихъ нравовъ В. О. Михневича. **Апрѣль.** Тревожное счастіе. Романъ К. В. Назарьевой. Окончаніе. — По Италіи. Д. Л. Мордовцева. — Недоумѣніе Капиталины Васильевны. Разсказъ Вологдина. — Гансъ-Филинъ. Фридриха Шпильгагена.—Отъ школы къ труду. (Окончаніе). В. Я. Стоюнина. — Воспитаніе женщинъ. Поля Жане.—Село Павлово и кустарная промышленность. В. П. Безобразова. — Утѣха жизни. Эмиля Золя. **Май**. Куфычъ. Разсказъ. Д. Карышева. — По Италіи. Д. Л. Мордовцова. — Село Павлово и кустарная промышленность. В. П. Безобразова. — Умалишенные. Очеркъ В. Н. Никитина. — Утѣха жизни. Романъ Эмиля Золя. — Въ садахъ. (Крымскія акварели). Д. И. Стахѣева.—Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ. Е. П. Карновича. — Гансъ-Филинъ. Ром. Фридриха Шпильгагена. Окончаніе. — **Іюнь**. Въ Алуштѣ. (Крымскія акварели). Д. И. Стахѣева.—Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ. Оконч. Е. П. Карновича.—Англія и Ирландія. Статья Джемса Брайса.—Въ тиражъ погашенія. Разсказъ И. А. Борисова. — Утѣха жизни. Романъ Эмиля Золя. Окончаніе.—Картины петербургскихъ нравовъ. В. О. Михневича. — По Италіи. Д. Л. Мордовцева. — Мать. Разсказъ Ф. Мэрріэтъ. **Іюль**. Крымскія акварели. Д. И. Стахѣева. — Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. В. В.—Шери. Романъ Эдмонда Гонкура.—Знакомые люди. Романъ. В. Л. Маркова.—Несчастная любовь. Разсказъ. К. Максимова. — Въ рисовыхъ поляхъ. Разсказъ Маркизы Коломби. (Съ Итал). — Послѣднія десять лѣтъ жизни Брамбеуса. А. В. Старчевскаго. **Августъ**. Знакомые люди. В. Л. Маркова.—По Италіи. Д. Л. Мордовцева.—Сафо. Романъ Альфонсъ Додэ. — Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ В. В. Окончаніе. —Миссъ Гарріэтъ. Разсказъ Гюи - де - Мопассана. — Картины петер-

бургскихъ нравовъ. В. О. Михневича. — Покойная сестра его жены. Изъ жизни американскаго литератора. Разсказъ Франка Стокмана.—Крымскія акварели. Д. И. Стахѣева. — Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса. А. В. Старчевскаго.—Лиза Флёронъ. Романъ Онэ. (Съ француз.). **Сентябрь**. Призраки счастія. Комедія В. А. Крылова.—Новыя театральныя дѣла. П. Д. Боборыкина.—Жанъ Рокслэнъ. Разсказъ изъ жизни Луизіаны. Джоржа Кэбля.—Петербургскій съѣздъ представителей городскихъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія.—Лиза Флёронъ. Романъ Онэ.—Знакомые люди. Романъ В. Л. Маркова.—Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса. А. В. Старчевскаго.—Сафо. Альфонса Додэ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Январь. Семья Вурдалака. Неизданный разсказъ графа А. К. Толстаго.—Противъ теченія. Н. А. Любимова.—Закавказье въ торговомъ отношеніи. А. Т. Макарова.—Найденышъ. Историческій романъ графа Е. А. Саліаса. — Воспоминанія о Скобелевѣ и занятіи южной Болгаріи. В. В. Яшерова. — Наши рефорты. Н. П. Семенова. — Годы ученія Рафаэля. А. В. Вышеславцева. — Русское музыкальное общество въ Москвѣ. Г. А. Лароша. **Февраль**. Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. (Путевой дневникъ). В. В. Крестовскаго. — Блудный братъ. Повѣсть. К. Орловскаго. — Религіозная жизнь въ Сѣверной Америкѣ. Е. К. С.—Разсказы изъ простонароднаго быта. Р. Л. Маркова.—Записки Ѳ. П. Леонтьевой.—Ржаной червь и мѣры для его истребленія. К. Э. Линдемана. — Дочь Алаяръ-Хана. Н. А. Крыжановскаго.—Декабристы. Д. И. Завалишина.—Передъ смертью. Повѣсть. **Мартъ**. Штундизмъ. А. Д. Воронова.—Блудный братъ. Повѣсть. К. Орловскаго.—Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго.—Флорентинская община милосердія.—Дочь Алаяръ-Хана. Н. А. Крыжановскаго.—Поляки, ихъ мнѣнія и толки. Р.—Въ трясинѣ болотной. П. П. Гнѣдича. — Воспоминанія о Скобелевѣ и занятіи южной Болгаріи. В. В. Яшерова.—Сафо. Альфонса Додэ. **Апрѣль**. Наканунѣ судебной реформы 1864 г. В. Я. Фукса.—Блудный братъ. К. Орловскаго. — Религіозная жизнь въ Сѣверной Америкѣ. Е. К. С. — Сафо. Альфонса Додэ. Окончаніе. — По поводу книги А. Н. Энгельгардта: Письма изъ деревни. И. В. Васильева.—Дочь Алаяръ-Хана. Н. А. Крыжановскаго. **Май**. Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго. — Блудный братъ. Повѣсть К. Орловскаго. — Воспоминаніе о Григоріи Ефимовичѣ Щуровскомъ. Профессоровъ московскаго университета. А. П. Богданова, Н. А. Попова, М. А. Толстопятова, М. А. Павлова и Д. Н. Анучина.—Бездна. Б. М. Маркевича.—Достоевскій какъ психопатологъ. Очеркъ В. Ѳ. Чижа. — Изъ прожитаго. Н. П. Гилярова-Платонова.—Жизнь прожить—не поле перейти. Записки неизвѣстнаго. **Іюнь**. Значеніе Индіи въ политикѣ Россіи съ Турціей и Англіей. С. А. Идарова.—Бездна. Б. М. Маркевича. — Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго.—Изъ прожитаго. Н. П. Гилярова-Платонова. — Очеркъ исторіи византійскаго искусства. М. П. Соловьева. — Блудный братъ. Повѣсть. Окончаніе. К. Орловскаго. — Достоевскій какъ психопатологъ. Окончаніе. В. Ѳ. Чижа. **Іюль**. Земельный кредитъ въ Россіи Л. П.—Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. В. В. Крестовскаго.—Бездна. Б. М. Маркевича.—Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Д. В. Цвѣтаева. — Дочь Алаяръ-Хана. Н. А. Крыжановскаго. — Изъ прожитаго. Н. П. Гилярова-Платонова. — Обзоръ сейсмическихъ и вулканическихъ явленій 1883 г. А. П. Орлова.—Нѣсколько

словъ о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ. Б. В. Струве. — Наши металлическіе займы. Н. А. Новосельскаго. **Августъ**. Императоръ Іосифъ II и его восточная политика. Гл. I—V. Н. Сбоева. — Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. Оконч. В. В. Крестовскаго.—Земельный кредитъ въ Россіи. Л. П.—Бездна. Б. М. Маркевича.—Изъ прожитаго. Н. П. Гилярова-Платонова.—Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Д. В. Цвѣтаева.—Дочь Алаяръ-Хана. Н. А. Крыжановскаго.—Французская книга объ образованіи въ Германіи. L. X.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. **Январь**. Ксенія Борисовна Годунова. Н. И. Костомарова. (Съ иллюстр.). — Соціалистъ прошлаго вѣка. Д. Л. Мордовцева. — Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина. (По неиздан. документ.). М. И. Сухомлинова.—Отрывокъ изъ воспоминаній. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. А. П. Мелюкова. — Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго. Д. Д. Языкова. — Повстанскія похожденія Сигизмунда Сумины. Н. В. Берга. — Разсказы о быломъ. А. Н. Корсакова.—Изъ частной жизни Гладстона. К. Н. В.—Документальная исторія чорта. В. Р. Зотова. — Дочь королевы Викторіи. Ѳ. И. Булгакова.—Саванарола. Адольфа Глазера. **Февраль**. Сторонники воцаренія Екатерины II. Д. А. Корсакова.—Соціалистъ прошлаго вѣка. Оконч. Д. Л. Мордовцева.—Въ немшоной странѣ С. В. Максимова.—Семейство Тургеневыхъ. О. В. Аргамаковой.—Пушкинская гречанка. А. С. Кирова.—Памяти архіепископа Димитрія одесскаго. К. Б.—Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова. Д. Д. Языкова.—Испорченная жизнь. Е. М. Гаршина.—Воспоминанія о Р. А. Фадѣевѣ. П. С. Усова.—Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 г. В. И. Герье.—Отецъ современной біологіи. N. N. (Съ иллюстр.).—Французское общество во время Крымской войны. В. Р. Зотова. **Мартъ**. Полемическія статьи Пушкина. М. И. Сухомлинова.—Въ немшоной странѣ. Окончаніе. С. В. Максимова.—Таинственный свертокъ. Историч. разсказъ. К. К. Случевскаго.—Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи въ 1814 — 1870 годахъ. И. Н. Захарьина. — Лермонтовъ и цензура. Ѳ. И. Булгакова.—Изъ моихъ воспоминаній. П. С. Усова.—Убійство М. А. Стаховича и М. И. Городецкаго. — Идеи о народномъ образованіи въ екатерининское время. И. Б. — Русскіе поэты въ XVII и началѣ XVIII в. Е. Н. Карновича. — Герцогъ Рейхштатскій. Фр. Гогенгаузена.—Послѣдніе годы второй имперіи. В. Р. Зотова. **Апрѣль**. Чума въ Москвѣ въ 1654 г. А. Г. Брикнера.—Видѣніе въ публичной библіотекѣ. Историческій сонъ. Д. Л. Мордовцева.—Забытый талантъ. А. И. Кирпичникова.—Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи. И. Н. Захарьина.—Воспоминаніе о Д. И. Языковѣ. А. П. Милюкова. (Съ иллюстр.).—Екатерина II и Даламберъ. Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами. Съ предисловіемъ и замѣчаніями Д. Ф. Кобеко.—Убійство егермейстера В. Я. Скарятина. М. Н. Баженова.—Исторія одного неосуществившагося изданія. П. К. Мартьянова.—Угорскіе народы. В. Н. Майнова.—Первая жертва освобожденія американскихъ невольниковъ. В. З.—Іовъ, Прометей и Фаустъ. Опытъ этико-исторической параллели. Ѳ. И. Булгакова. **Май**. Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. А. Н. Незеленова.—Въ скудельницѣ. Историч. разсказъ. К. К. Случевскаго.—Екатерина II и Даламберъ. Окончаніе.—Первое подданство Туркменъ Россіи. Н. И. Веселовскаго. — Тяжелыя времена. (Изъ воспоминаній доктора). N. N.—Письма Пушкина къ Н. М. Языкову. — Изъ моихъ воспоминаній. П. Ѳ. Ви-

стенгофа.—Библіографическіе труды С. Д. Полторацкаго и Д. Д. Языкова.—Лола Монтесъ, графъ фонъ-Ландсфельдъ. Е. П. Карновича.—Передовой человѣкъ древности. Ѳ. И. Булгакова. — Записки Ванъ-Галена. Н. А. Бѣлозерской. **Іюнь.** Колыбель милліоновъ. В. И. Немировича-Данченко.—Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. А. И. Незеленова.—Калигула. Драма. Дюма-отца. Переводъ В. П. Буренина. — Воспоминанія о Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 г. Ѳ. Н. Устрялова.—Учитель Лермонтова А. З. Зиновьевъ. Д. Д. Языкова.—Женщины пугачевскаго возстанія. Приключенія и судьба «женокъ», причастныхъ къ Пугачевскому бунту. А. В. Арсеньева.—Пребываніе въ Спа русскихъ государей. К. Н. В. (Съ иллюстр.).—Записки Ванъ-Галена. Гл. II. Н. А. Бѣлозерской. **Іюль.** Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. Гл. III. А. И. Незеленова. — Калигула. Драма. Дюма - отца. Переводъ В. П. Буреника. — Колыбель милліоновъ. Оконч. В. И. Немировича-Данченко. — Воспоминаніе о Петербургскомъ университѣ въ 1852—1856 г. Ѳ. Н. Устрялова. — Литературная дѣятельность. И. А. Гончарова и Д. Д. Языкова.—Вооруженные караваны для торговли съ Остъ-Индіею. П. С. Усова.—Юридическія воззрѣнія народа. И. Б—ва.—Домъ Богдана Хмѣльницкаго. (Съ иллюстр.).—Новооткрытый православный писатель-апологетъ. А. Ѳ. Хойнацкаго. — Суевѣрія человѣчества. М. К. Цебриковой. **Августъ.** Русская исторія въ народныхъ поговоркахъ и сказаніяхъ. И. Д. Бѣлова.—Отрывокъ изъ записокъ Н. М. Коншина. — Воспоминанія о Петербургскомъ университетѣ. Оконч. Ѳ. Н. Устрялова. — Тамбовскій край въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. И. И Дубасова.—Новый списокъ «Мертвыхъ душъ». Д. Д. Языкова. — Императрица Елизавета Петровна и король Людовикъ XV. К. Н. В.—Сибирскіе сатрапы. Барона В. И. Штейнгеля.—Историческій романъ на западѣ. Ѳ. И. Булгакова. — Парижъ четверть вѣка назадъ. В. Р. Зотова.—Суевѣрія человѣчества. М. К. Цебриковой.—В. Г. Шварцъ и его картина: поѣздъ царицы въ XVII в. Ѳ. Б. **Сентябрь.** Этнографъ-беллетристъ. П. С. Усова. Къ исторіи польскаго возстанія 1863 г. К. Н. В.—Тамбовскій край въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Гл. IV и V. И. И. Дубасова.—Выдержки изъ записной книжки. П. К. Мартьянова.—Семейныя отношенія гр. Остермана. П. П. Каратыгина. — Старина XVIII столѣтія. В. О. Михневича. — Карлово въ сороковыхъ годахъ. — Городокъ, любитый Гёте.—Суевѣрія человѣчества. М. К. Цебриковой.—Документальная исторія сношеній съ чортомъ. Оконч. В. Р. Зотова.

ГРАЖДАНИНЪ. Январь. Тенета. Гл. I—VI. Романъ. К. Тхоржевскаго.—Чадъ жизни. Драма. Б. М. Маркевича.—Вогезскій разсказъ Э. Шатріана.—Головня. Гюи-де-Мопасана. — М-ме Баптистъ. Гюи-де-Мопасана. — Безъ покаянія. А. Сливицкій.—Въ малайскомъ гаремѣ.—Стеклянное производство. **Февраль.** Недоразумѣніе. Романъ. Кн. В. Мещерскаго.—Тенета. Романъ. К. Тхоржевскаго.—Ошибка. Повѣсть. О. Телешевской.—Бродяга. Повѣсть. Дж. Габертона.—Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ.—Страничка изъ національной исторіи Франціи.—Финмаркенъ. Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ.—Царское багреніе.—Въ Африкѣ. Очеркъ. **Мартъ.** Недоразумѣніе. Ром. Кн. Мещерскаго.—Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго.—Бродяга. Повѣсть. Дж. Габертона.—Изъ недописанной тетради. Повѣсть. Н.—Надя. Повѣсть. Л. Н.—Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ.—Индія и покореніе Ахала. **Апрѣль.**

Недоразумѣніе. Ром. Кн. В. Мещерскаго. — Находчивость. Гюи-де-Мопасана.—Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго.—Бродяга. Окончаніе. Дж. Габертона.—Записная книжка. П. А. Каратыгина.—Корка хлѣба. Разсказъ Франсуа Коппе.—Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ.—Индія и покореніе Ахала. Продолженіе. **Май**. Двѣ встрѣчи. Разсказъ Хепоs. — Павлуковъ Очеркъ съ натуры. О. Телешевской.—Старикъ. Разсказъ. М. Дроздова.—Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго. — На южномъ берегу Крыма. П. П. Гнѣдича. — На чужбинѣ. Повѣсть. К. Тхоржевскаго.—Зимнія сказки. Г. Де-Вогюе.—Анархія въ Парижѣ. М. Лялина. — Индія и покореніе Ахала. А. Шаховскаго. Окончаніе. **Іюнь**. Недоразумѣніе. Кн. В. Мещерскаго. — Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго. — Два разсказа А. Додэ.—Уѣздный геній. Разсказъ. И. Ш.—Холодный пріемъ. Разсказъ.—На опасномъ пути. Разсказъ Ф. Коппе.—Когда я былъ диктаторомъ. (Юмористическая фантазія. Съ Англ.).—Почему перешелъ? Очеркъ Н. Тронина.—Портреты. Разсказъ. В. Ж.—Иностранецъ-абсолютистъ. Ст. М—ча.—Островъ Сахалинъ. Очеркъ. А. Максимова. **Іюль**. Путешествіе Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича.—Недоразумѣніе. Кн. В. Мещерскаго.—На волосокъ отъ смерти. Историческій разсказъ.—Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго.—Самаритянка. Разсказъ. С.—Потомокъ рыцарей. Истор. романъ. Н. В. Кукольника.—На хуторѣ. Разсказъ. М. Волотовскаго. — Изъ жизни Бетховена. Разсказъ.—Серебряный наперстокъ. Разсказъ Ф. Коппе. — Китай и китайцы. — Оазисы пустыни. Очеркъ.—На островѣ Гохландѣ во время Крымской войны. Очеркъ.—**Августъ**. Недоразумѣніе. Ром. Кн. В. Мещерскаго. Окончаніе. — Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго. Продолженіе.—Потомокъ рыцарей. Ром. Н. В. Кукольника.—За алмазами. Разсказъ.—Характеръ беллетристики 60-хъ годовъ и ея вліяніе на художественный вкусъ.—Китай и китайцы.—Школьное дѣло въ Японіи.—Изъ бумагъ полицейскаго агента. Очеркъ. **Сентябрь**. Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго.—Потомокъ рыцарей. Ром. Н. В. Кукольника.—Отомстила. Повѣсть. К.—11 мѣсяцевъ въ плѣну. Разсказъ. Е. Зариной. — Первая любовь. Разсказъ.—Республика Санъ-Марино. Очеркъ. — Глухой уголъ. Очеркъ.—Дагестанъ. Очеркъ.—Фортепіано. Очеркъ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Въ вышедшихъ книгахъ помѣщены: А. Килландъ. Эльза. Расказъ.—Э. Золя. Радуется, что живешь. Романъ.—Георгъ Эберсъ. Сѣдой локонъ. Легенда. — Ф. Штильгагенъ. Филинъ. Романъ. — Мигуэль Сервантесъ Сааведра. Бдительный стражъ. Интермедія.—Осипъ Шубинъ. Исторія одного генія. Повѣсть.—Францисъ Эннъ. Простая исторія,—Гольдони. Вѣеръ. Комедія.—Де-Гонкуръ. Шери. Романъ.—Арандъ. Господинъ Ассесоръ. Разсказъ. — Софусъ Шандорфъ. Безъ устоя. Романъ. — Сальваторе Фарина. Между струнами контрбаса. Повѣсть.—Маркъ Твайнъ. Юмористическіе очерки.—Сальваторе Фарина. Набѣжали тучи. Повѣсть.—Гауэльсъ. Женитьба Тонелли. Разсказъ. — Альфонсъ Додэ. Сафо. Романъ. — Джанатанъ Свидетъ. Сказка о бочкѣ. — Мигуэль Сервантесъ Сааведра. Театръ чудесъ. Интермедія. — Андре Терье. Бигарро. Разсказъ.—Гансъ Гофманъ. Гельголандская рыбачка. Новелла.—Генрихъ Сенкевичъ. Миша. Разсказъ.—Антонъ Троллопъ. Любовь стараго человѣка. Романъ. — Дидро. 1) Мадамъ де-ла-Помлеро. 2) Это не сказка. Разсказы.—Поль Гейзе. Чернуха Якобія. Новелла.—Макбетъ. Трагедія Шекспира. Пер. А. Л. Соколовскаго.—Исторія нѣмецкой пѣсни. Соч. Эдуарда Шюре.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

БОГОСЛОВІЕ, ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ.

Добролюбовъ, І., свящ. Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей рязанской епархіи, нынѣ существующихъ и упраздненныхъ, съ списками ихъ настоятелей на XVII, XVIII и XIX ст. и библіографическими указаніями. Томъ первый. Зарайскъ. 1884. Тип. А. Титовой. 7 д., 363+V стр. 1.200 экз.

Кончина праведника. Изд. Русскаго Свято-Андреевскаго общежит. скита на Аѳонѣ. К. 81. Т. Д. Повальскаго. 8 д., 500 экз.

Куртцъ, І. Библейская исторія, разсказанная по Св. Писанію и объясненная. Перев. съ нѣмец. для лицъ евангелич.-лютеранскаго вѣроисповѣданія. Спб 84. Типо-литогр. Р. Голике. 8 д., 1.000 экз. Ц. 90 к.

Майковъ, Л. Старинные русскіе паломники въ изданіи православнаго палестинскаго общества. Критическія замѣтки. Спб. 1884. Тип. В. Балашева. 8 д., 19 стр., 75 экз.

Православная церковь на Александровской высотѣ въ Ригѣ. Рига 84. Типо-лит. Липинскаго. In folio. 300 экз.

Присоединеніе къ православію обратившагося изъ раскола, именуемаго старообрядчествомъ. Арх. 84. Губ. тип. 9 д 1.000 экз.

Пругавинъ, А С. Отщепенцы староверы и нововѣры. Очерки изъ области современныхъ религіозно бытовыхъ движеній русскаго народа. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1884 Тип. д-ра М. Хана. 12 д., 2 нен. + 203 стр., 300 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Соловецкій монастырь и его святыни. Изд. редак. жур. „Досугъ и Дѣло". Спб. 89. Тип. товар „Общ. Польз.". 8 д., 1.500 экз.

Холмскій, А. И. Пессимизмъ и quasi-научная критика. Нѣсколько замѣчаній на брошюру проф. Н Я Грота: „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній". Одесса. 1884 Тип. В. Кирхнера. 8 д., 63 стр. 400 экз. Ц 50 коп.

Arréat (Lucien). La Morale dans le drame, l'épopée et le roman. Paris. 1884. 219 p. in 18. Ц. 1 р. 25 к.

Bouillier (Francisque). Etudes familières de psychologie et de morale. Paris. 1884. III et 315 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Dunan (Charles). Essai sur les formes à priori de la sensibilité. Paris. 1884. 227 p. in 8. Ц. 2 р. 50 к.

Félix (le R. P.). Le Charlatanisme social. Paris. 1884. XII et 420 p. in 8. Ц. 2 р.

Guyau (M.). Les Problèmes de l'esthétique contemporaine. Paris. 1884. VIII et 260 p. in 8. Ц. 2 р. 50 к.

(Bibliothèque de philosophie contemporaine).

Liard (Louis). Logique. Paris. 1884. 230 p. in 18. Ц 1 р.

(Cours de philosophie. Logique. Psychologie. Morale. Philosophie générale).

Perriollat (Charles). Essai de philosophie scientifique. Paris. 1883. 324 p. in 8. Ц. 2 р. 50 к.

Brasch (M.). Die Klassiker der Philosophie. Lpz. 5 und 6 Lief. 193 — 288 S. in 8. Ц. по 28 к.

Brodbeck (A.). Mensch und Wissen.

Stuttgart. 1884. X und 218 S. in 8. Ц. 2 р.
Chateauroux (O. v.). Im Himmel. Herausgegeben von E. Warnecke. Lpz. 1884. VIII und 93 S. in 8.
Der Spiritismus. Auf Grund eigener Erfahrung und gewissenhafter Untersuchung für baltische Leser besprochen von G. Heidinger. Рига. 84. Тип. Шталь. 8 д., 550 экз.
Jahresbericht des evang.-lutherischen Diakonissen-Hauses in Mitau für die Vereins-jahre vom I Juni 81 bis zum 1 Juni 83. Мит. Тип. Штеффенгагенъ и сынъ. 8 д., 500 экз.
Jerwitz (W.). Zum Trost. Worte über das Fortleben der Seele. Dresden. 1884. 56 S. in 16. Ц. 55 к.
Köhler (H.). Johannes der Täufer. Halle. 1884. 180 S. in 8.
Lorm (H.). Natur und Geist im Verhältniss zu den Culturepochen. Wien und Teschen. 1884. VI und 201 S. in 8. Ц. съ пер. 2 р. 50 к.
Otto (F.). Wunderglaube und Wirklichkeit. Lpz. und Berlin. 1885. XII und 378 S. in 8. Ц. 3 р. 60 к.
Plümacher (O.). Der Pessimismus in Vergangenheit und Gegenwart. Heidelberg. 1884. XII und 355 S. in 8.
Pruess, E. Was ist classisch und was romantisch? Eine ästhetisch-philosophische Betrachtung. Любл. 84. Тип. М. Коссаковской. 8 д., 100 экз.
Schmidt-Warneck (F.). Die Sociologie Fichte's. Berlin. 1884. 215 S. in 8.
Schüz (A.). Philosophie und Christentum. Stuttgart. 1884. IX und 158 S. in 8.
Sommer (H.). Die Religion des Pessimismus. Berlin. 1884. 40 S. in 8.
Warneck (D. G.). Protestantische Beleuchtnug der römischen Angriffe auf die evangelische Heidenmission. Gütersloh. 1884. I Hälfte. XII und 233 S. in 8.

Butler (Joseph). The Analogy of Religion Natural and Revealed to the Constitution and Course of Nature. With an introduction and an appendix by Henry Morley. London. 1884. pp. 312 in 18. (Morley's Universal Library Vol. 10).
Lieblein (J.). Egyptian Religion. Leipzig. 1884. pp. 46 in 8.
Richey (Thomas). The Nicene Creed and the Filioque. Reprinted, with notes and appendix, from The Church Eclectic. New-York. 1884. pp. 62 in 18.
Tulloch (John). Modern Theories in Philosophy and Religion. Edinburgh and London. 1884: pp. XIV and 444 in 8.
Which is the True Church? or, A Few Plain Reasons for Joining the Roman Catholic Communion. By C. F. B. A. New edition with an enlarged appendix and additional notes. London. 1884. pp. 84 in 8.

КНИГИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ ДЛЯ НАРОДА, УЧЕБНИКИ, ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ И ПРОЧ.

издинныя съ разрѣшенія духовной цензуры.

Адъ и рай. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 10,000 экз.
Андрусова Николаевская пустынь. 2-е изд. Спб. 84. Тип. Ерофеева. 8 д., 1,500 экз.
Аргентовъ, А. Изъ бесѣдъ съ молоканами. Ниж. Нов. 84. Тип. Райскаго и Душина. 8 д., 300 экз.
Бахметева, А. Избранныя житія святыхъ, кратко изложен. по руководству Четіихъ-Миней. М. 84. Тип. Іогансонъ. 8 д., 4,800 экз.—Мѣсяцы: май, іюнь, іюль. декабрь.
Берегись горячихъ напитковъ. Спб. 84. Тип. Кругъ. 16 д., 40,000 экз.
Бесѣда о лѣтѣ Рождества Христова. Спб. 84. Синод. тип. 16 д., 5,000 экз.
Библейская археологія. Т. I. Вып. 2-й. Спб. 84. Тип. Едеонскаго. 8 д., 1,200 экз.
Благодат. сила церков. молитвы. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 25,000 экз.
Бѣляевъ, А. Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйш. христіан. догматовъ изъ начала любви божественной. Изд. 2-е. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 8 д., 1,200 экз.
Видъ возобновленнаго Печенегскаго монастыря во имя преп. Трифона, Архан. губ. Спб. 84. Тип. товар. «Общест. Польза». 4 д., 4,500 экз.
Виноградовъ, Н. Будущность Церкви Христовой у всего міра въ ихъ взаимномъ отношеніи. Догматико-экзегетич. изслѣдованіе. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 8 д., 600 экз.
Воскресные дни всего года, ихъ богослуженіе. М. 84. Тип. Снигерева. 8 д., 1,000 экз.
Вѣчное поминовеніе на проскомидіи въ Пантел. монастырѣ. Спб. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 2,000 экз.
Георгіевскій. Домашнее пѣніе православнаго христіанина. М. 84. Лит. Р. Гроссе. 8 д., 280 экз.
Грѣхъ не бездѣлица. Изд. 16-е. Спб. 84. Тип. Кругъ. 16 д., 20,000 экз.
Догматъ о поминовеніи усопшихъ по Стефану Яворскому. Кост. 84. Губ. тип. 8 д., 1,200 экз.
Драгоцѣн. богатство, собранное изъ божествен. писаній. Изд. 2-е. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 1,200 экз.
Душеполезныя размышленія. Вып. пятый, шестой, седьмой и осьмой. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 20,000 экз.
Живой мертвецъ. Истин. происш.

Изд. свящ. Зефирова. Ниж.-Новг. 84. Тип. Шубинскаго. 16 д., 2,000 экз.

Жизнь и страданія св. великом. Екатерины. Спб. 84. Тип. дома призр. малол. бѣдн. 16 д., 6,000 экз.

Жизнь св. апост. Павла. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 4,800 экз.

Жизнь и страданія св. великом. Варвары. М. 84. Тип. Пономарева. 16 д., 4,800 экз.

Жизнь и страд. св. великом. Варвары. М. 84. Тип. Барбей. 18 д., 9,600 экз.

Жизнь и страд. св. муч. Трифона. М. 84. Тип. Пономарева. 16 д., 4,800 экз.

Житіе св. Филарета Милостиваго. М. 84. Тип. Рихтеръ. 18 д., 12,000 экз.

Житія святыхъ. Спб. 84. Тип. Суворина. 8 д., 3,000 экз. За мартъ и апрѣль.

Житіе св. подвижницъ Восточ. Церкви. Спб. 84. Тип. Дома призр. малолѣт. бѣдн. 8 д., 2,000 экз.

Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго слово о лжепророкахъ и ложныхъ учителяхъ. Спб. 84 Тип. И. Куна. 8 д., 10,000 экз.

Исторія о прекрасномъ Іосифѣ. М. 84. Тип. Барбей. 18 д., 9,600 экз.

Исторія Кажеозерскаго монастыря. Архан. 84. Тип. Черепанова. 16 д. 3,600 экз.

Какъ должно говѣть. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 4,800 экз.

Кончина міра, страшный судъ и вѣчность мукъ. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 6,000 экз.

Краткое сказаніе о жизни и чудесахъ св. блажен. Василія Христа ради юродиваго. М. 84. Тип. Барбей. 18 д., 7,200 экз.

Легатовъ, И. Чтеніе объ исправленіи церков. книгъ въ Россіи и о началѣ раздоровъ, извѣст. подъ именемъ старообрядчества. Спб. 84. Тип. Поздняковой. 8 д., 2,000 экз.

Матвѣевскій Слово въ день праздков. Смолен. Бож. Матери. Спб. 84. Тип. Киршбаума. 8 д., 5,000 экз.

Молитвы Спасу предъ Нерукотвореннымъ образомъ Его, Богородицѣ и на освященіе воды, читаемыя въ Ставропигіальномъ Новоспас. монастырѣ. М. 84. Тип. Ефимова. 4 д., 1,200 экз.

Молитва святителю Николаю. Спб. 84. Тип. Траншеля. 3,000 экз.

Мухинъ, В. Воспоминанія объ обители преп. Паисія, близъ гор. Галича, о самомъ Галичѣ и о находящихся въ немъ и близъ него св. храмахъ и обителяхъ. М. 84. Тип. Фришъ. 8 д., 600 экз.

Н. Ф. Жизнь св. благовѣрн. кн. Петра, въ иночествѣ Давида, и княг. Февроніи, въ инокиняхъ Евфросиніи, муром. чудотворцевъ. М. 84. Тип. Вильде. 16 д., 5,000 экз.

Н. Ф. Житіе кн. Констанина и чадъ его Михаила и Өеодора. муром. чудотвор. М. 84. Тип. Вильде. 16 д., 5,000 экз.

Община въ Космодемьянскѣ и нѣсколько словъ о благотворительности. Вят. 84. Тип. Куклина. 8 д., 5,000 экз.

Объ антихристѣ и концѣ міра М. 84. Тип. Барбей. 16 д. 9,600 экз.

Обѣты иноческой жизни. Изд. третье, аөонскаго Пантелеймонова монастыря. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 3,000 экз.

О вѣрѣ во Христа. Изд. 13-е. Спб. 84. Тип. Кругъ. 16 д., 10,000 экз.

О духовн. значеніи Порѣчской Ордынской пустыни. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 1,200 экз.

О загробной жизни. Изд. 6-е. М. 84. Тип. Ефимова. 8 д., 10,000 экз.

О милосердіи и благотворительности къ бѣднымъ въ память усопшихъ. Спб. 84. Тип. Штауфа. 8 д. 6,000 экз.

О пьянствѣ. Спб. 84. Тип. Кругъ. 16 д., 10,000 экз.

Отчетъ православ. палестин. общества за 1883 — 84 года. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 1,500 экз.

Отъ гроба Господня изъ Іерусалима. М. 84. Тип. Ефимова. 32 д., 2,500 экз.

Очеркъ руск. на Аөонѣ Пантелеймонова монастыря. М. 84. Тип. Ефимова. 32 д., 10,000 экз.

Подвиги Соловецкой обители. Изд. 6-е. Спб. 84. Тип. Черепанова. 16 д., 3,600 экз.

Покаянная крестопоклонная хартія. Нижн.-Новг. 84. Тип. Райскаго и Дунина. 8 д., 1,200 экз.

Полные святцы съ 1885 по 1941 г. Спб. 84. Тип. Каспари. 16 д., 18,000 экз.

Посохъ христіанина. Нов. 84. Тип. Павлова. 8 д.

Правдинъ. Описаніе гор. Шуи и шуйскихъ церквей съ прил. сказанія о чудесахъ отъ чудотв. иконы шуйско-смоленской Божіей Матери. Шуя. 84. Тип. Борисоглѣбскаго. 8 д.

Праздничныя и великоп. церков. пѣснопѣнія съ пояснен. и перев. Спб. 84. Тип. Котомина. 8 д., 3,000 экз.

Пятидесятница или Троицинъ день. Изд. 6-е. М. 84. Тип. Снегирева. 16 д., 8,400 экз.

Размышленія христіанина, посвященныя Ангелу-Хранителю на каждый день въ продолж. мѣсяца. Спб. 84. Тип. Скороходова. 16 д., 12,000 экз.

Сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по рус. рукописямъ съ 16 в. по 19 в. Спб. 84. Лит. Беггрова. 260 экз.

Свѣтъ во тмѣ сидящему или вразумленіе умирающему. Вят. 84. Тип. Куклина. 8 д., 5,000 экз.

Служба съ акаөистомъ въ честь ико-

ны Неопалимыя Купины. К. 84. Тип. Кіевопечерс. лавры. 2,250 экз.

Служба съ акаѳистомъ Пр. Богородицѣ, въ честь и память явленія чудотв. иконы ея Неопалимыя Купины. К. 84. Тип. Кіевопеч. лавры. 16 д., 1,200 экз.

Страданія св. муч. Вонифатія. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 4,800 экз.

Фіалковскій. О крестномъ знамен. и о перстослож. для крест. знаменія. М. 84. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 330 экз.

Холмогоровъ. Объясненія общественн. богослуженія. М. 84. Тип. Малинскаго. 8 д., 1,000 экз.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Атаманъ разбойникъ „Львиное сердце", или чудесное спасеніе изъ подземелья прекрасной Елены Историч ром. въ 2-хъ час. Изд. книгопр. Е. Губанова. М 84 Тип. Рихтеръ 15 д., 6,000 экз.

Взятіе Парижа 18 марта 1814 г. Изд. ред. жур. „Чтеніе для солдатъ" Спб. 85. 8 д, 1 000 экз. Ц. 10 к.

Булгаковъ, Ѳ. Петербургскіе проказники. Комедія-фарсъ въ 3 дѣйст. Перед. для русской сцены. Спб. 84. Лит Москов. Театр. библіотеки, Е. Разсохина. 4 д. 110 экз.

Бѣжецкій, А. Путевые наброски въ странѣ Мантильи и Кастаньетъ: за Пиренеями—Мадридъ—Севилья—Гренада—Біаррицъ—Парижъ. Спб. 84 Тип. А. Суворина, 12 д., 1 000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Гоголь, Н. Полное собраніе сочиненій. Т. 3-й Похожденія Чичикова или мертвыя души. 5-е изд. М. 84. Т. Т. Гагенъ, 8 д., 12.100 экз. Ц. за всѣ 4 тома 5 руб.

Грабина, А. Господа адвокаты. Очеркъ. К. 84. Т. К. Милевскаго, 8 д., 2.000 экз. Ц. 7 к.

Григоровичъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій. Въ 10 томахъ съ портретомъ автора. Спб. 1884 г. Ц. 15 руб., съ перес. 17 руб.

Де-Монтепенъ, К. Симона и Марія. Романъ Спб. 84. Тип. И. Скороходова. 8 д.—Часть I, 200 экз.—Часть II, 250 экз.—Часть III, 230 экз. Ц. 1 р. 50 к. за каждую часть.

Дмитревскій, первый русскій актеръ. Спб. 84. Изд. ред. жур. „Мірской Вѣстникъ". 8 д., 1,000 экз. Ц. 5 к.

Записки провинціальнаго шалопая (Вып. второй). Изд. книж. тог Е. Крымскаго. Звенигородка, Кіев. губ 84. 8 д., 300 экз.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. 2 й М. 84. Тип. Т. Малинскаго, 8 д., 600 экз.

Калугинъ, Н. Стрѣлокъ безъ промаха. Ком.-водев въ 2-хъ дѣйст. Спб. 84. Тип. торг. дома. С. Леонтьева и К°, 8 д., 300 экз.

Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника, съ портретомъ автора и рисункомъ. 2 т. 84. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Карновичъ, Е. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюр. и портретами. Спб. 84. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., 1,500 экз Ц. 3 р. 50 к.

Короленко, Л. Повѣсти и разсказы изъ записокъ прошлаго времени. Т. III-й. Спб. 84. Тип. А. Пожировой. 8 д., 600 экз. Ц. за 3 тома 4 р.

Костомаровъ, Н. Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе Царя Михаила. Третье изданіе, товарищ. „Общественная Польза". Спб. 84. Тип. товарищ. „Обществ. Польза". 8 д., 36 стр., 2,000 экз.

„Ливадія". Альбомъ художественно-литературный. Фотографіи примадоннъ театра „Ливадія". Сезонъ 1884 г. Картинки съ натуры, сценки, разсказы, шутки, остроты, каламбуры и проч., Спб. 84. Тип. торг. дома С. Леонтьева и К°., 4 д., 5,000 экз.

Михайловъ, А. Голь. Романъ въ 2-хъ част. Час. 1-я. Спб. 84. Тип. С. Добродѣева, 12 д., 3,000 экз.

Михневичъ. В. Картинки петербургской жизни. Съ 10-ю картинк. художника М. Е. Малышева. Спб. 84. Ц. 2 р, съ пер. 2 р. 25 к.

Назарьева, К. В. Въ когтяхъ нищеты. Романъ. Спб. 84. Тип. А. Траншеля. 12 д., 96 стр., 960 экз.

Немировичъ-Данченко, В. И. Забытый рудникъ. Разсказъ. Москва. 84. Тип. А. Карцева. 16 д. 52 стр., 6,000 экз. Ц. 15 к.

О'Генлонъ, Э. Дорогое наслѣдство. Романъ Уйда. Фрески. Разсказъ. Спб. 84. Тип. И. Скороходова. 8 д., 480 экз. Ц 1 р. 50 к.

Оленинъ, П. Пѣсни скорби. (Ut potiar patior!) М. 84. Тип.-лит. И. Кушнерева и К°. 8 д., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Островскій, А. Сочиненія. Т. 10-й. Спб. 84. Тип. А. Траншеля, 8 д., 2,500 экз. Ц. 3 р.

Пазухинъ, Н. Убійство милліонера разбойникомъ Чуркинымъ. Народ. сказаніе. Изд. книгопр. А. Абрамова. М. 84. 16 д., 9,600 экз.

Параша-сибирячка или несчастный—«охъ!» а за несчастнаго—Богъ. Рус. народ. историч. былина, изъ временъ царствов. Импер. Александра 1-го. Изд. книгопр. Е. Губанова. М. 84. Тип. Рихтеръ. 16 д., 12,000 экз.

Паруновъ, М. А. В. Кольцовъ и его

пѣсни. Съ изображеніемъ памятника Кольцову въ Воронежѣ. Изд. 3-е. Спб. 84. Тип. М. Хана, 8 д., 6,000 экз. Ц. 10 к.

Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга. Изд. книгопр. А. Губанова. М. 84. 16 д., 12,000 экз.

Полный провинціальный календарь—альманахъ на 10 лѣтъ. Съ прилож. 10-ти стѣн. календарей (съ 1885 по 1895 г.). Изд. книж. тор. Е. Крымскаго. Звенигородка, Кіев. г. 84. 8 д., 4,000 экз.

Синее Домино. Современная драма. Романъ. Ч. 1-я. Изд. редак. газ. «Новости Дня». М. 84. 8 д., 1,200 экз Ц. 1 руб.

Сказка о королѣ Лирѣ и королевѣ Паскевнѣ Изд. книг. Е. Гусанова. М. 84. Тип. Рихтеръ. 16 д , 12,000 экз.

Соколовскій, А. З. Поспѣшишь, людей насмѣшишь. (Сценка). Спб. 84. Типо-лит. дома призр. малол. бѣдныхъ. 4 д., 16 стр., 10,000 экз. Ц. 3 к.

Соколовскій, А. Жизнь для человѣка тайна (съ натуры). Спб. 84. Тип. Дома призр. малолѣтн. бѣдн. 4 д., 10,000 экземп.

Супоневъ, А. Разсказы о севастопольцахъ. Изд. 3-е. Спб. 84. Тип. М. Хана. 8 д., 6,000 экз. Ц. 15 к.

Сѣраковскій, И. Тайны. Вступленіе къ повѣсти. К. 84. Тип. Давиденко. 16 д., 1,440 экз. Ц. 25 к.

Толстой, А. Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повѣсти, былины, баллады, притчи, пѣсни, очерки. Съ портретомъ. Т. 1-й и 2-й. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 3,000 экз. Ц. за 2 тома 3 р.

Толстой, А. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 3,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. гр. Разсказы о севастопольской оборонѣ. Рисунки Н. Каразина. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 84. 8 д., 20,000 экз. Ц. 20 к.

Тургеневъ, И. Однодворецъ Овсянниковъ. Разсказъ. Изд. Глазунова. Спб. 84. Ц. 4 к.

Тургеневъ, И. Пѣвцы. Разсказъ. Изд. Глазунова. Спб. 84. 8 д., 25,000 экз. Ц. 4 к.

Хемницеръ, И. И. извѣстный русскій баснописецъ. (Съ портретомъ). Спб. 84. Изд. ред. народн. жур. «Мірской Вѣстникъ». 8 д., 1,000 экз. Ц. 5 к.

Чуровскій, Л. Черный кощей, или заднѣпровскій хуторъ у лунной горы. Рус. романъ изъ временъ Петра Великаго. Въ 2-хъ час. Изд. книгопр. Д. Прѣснова. М. 84. 16 д., 6,000 экз.

Шадринъ, А. Родъ князей Зацѣпиныхъ. Историческій романъ. 2-е изд. Спб. 84. Государ. тип. 8 д., 3 нен. + 324 + 4 нен. + 399 + 1 нен., стр. 1,750 экз. Ц. 4 руб.

Шиллеръ Полное собр. сочиненій въ пер. русскихъ писат. Т. 1-й и 2-й. Изд. 6-е, перепечатка 5-го изданія Н. Гербеля. Спб 84. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 4,000 экз.

Шопенгауеръ. Библіотека европейскихъ писателей, издаваемая В. Чуйко. Вторая серія 1884 г. № 17. Спб. 84. 8 д., 1,025 экз.

Bostel (Ferdinand). Zakaz Miechowity. Lwów. 1884. 54 str. in 8. Ц. 40 к.

Dumas (Aleksander). W dwadzieścia lat później. Romans historyczny. Przetłómaczył K. M. Lwów, 1884. Tom III. Zeszyty 31—33. 49—161. str. Tom. IV. Zeszyty 33—36. 172 str. in 8. Ц. т. 1 р. 20 к.

Fellner (E. d-r). Morderca kobiet Hugo Schenk i jego ofiary. Romans kryminalny z naszych czasów, podług autentycznych źródeł. Wiedeń. 1884. Zeszyt I. 32 str. in 8. Ц. 30 к.

Jeske-Choiński (Teodor). Z miłości. Opowieść jakich wiele. Kraków. 1884. 109 str. in 8. Ц. 1 р.

Kraszewski, J. I. Bez serca. Obrazy naszych czasów. Nakład Gebethnera i Wolfa. Варшава. 1884. Тип. Сикорскаго. 12 д., 1.000 экз. Томъ I. 329 стр.—Томъ II. 3 нен.+227 стр. Томъ III. 3 нен.+116 стр. Ц. 2 р. 70 к.

Kraszewski, J. I. Wybór powieści (Wydanie tanie). Serya II. T. 33. Pamiętnik panicza. Powieść. Nakładem. M. Glücksberga. Варшава. 1884. Тип. Оргельбранда сынов. 8 д., 3 нен+156 стр. 250 экз. Ц. seryi (20 zesz.) 7 р.

Malczewski (Antoni). Marya. Wstępem, żywotem poety i objaśnieniami opatrzył Piotr Paralyk. Lwów, 1884. 135 str. in 8. (Arcydzieła poetów polskich z objaśnieniami. T. I). Ц. 55 к.

Masłowski (Ludwik). Listy do przyjaciela. Lwów, 1884. VII i 87 str. in 8. Ц. 75 к.

Orzeszkowa, E. Tanie zbiorowe wydanie powieści. Tom. VI. Pamiętnik Wacławy ze wspomnień młodéj panny ułożony. Powieść. Częśc pierwrza. Варшава. 1884. Тип. Левенталя. 8 д., 403 стр. 3.500 экз. Ц. 65 к.

Sass (Paweł). Pamiętnik znaleziony. Opowiadanie historyczne. Dwa tomy w jednym. Lwów, 1884. 2 nien., 160 i 102 str. in 8. Ц. 2 р.

Skiba (Wołody). Pojedynek amerykański. Powiastka. Lwów, 1884. 143 str. in 16. Ц. 90 к.

Wasi rówieśnicy. Obrazki z młodości sławnych ludzi w Polsce. Z pism najlepszych autorów wybrał Władysław Piast.

Lwów, 1885. VIII i 196 str. in 8. Ц. 1 р. 20 к.

Albalat (Antoine). La Maîtresse de Jean Guérin. Histoire intime d'une passion. Paris. 1884. 303 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Alice (F.). Bravette. Histoire. Genève. 1884. 156 p. in 18. Ц. 1 р.

Amiel (Henri-Frédéric). Fragments d'un journal intime, précédés d'une étude par Edmond Scherer. Genève. 1884. Tome II, 331 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Arène (Paul). Vingt jours en Tunisie. Paris. 1884. 297 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Artois (Armand d'). La Princesse Falconi, drame en un acte, en vers. Paris. 1884. 25 p. in 8.

Asseline (Alfred). Madame de Monaco. Paris. 36 et 12 p. in 18. Ц. 1 р. (Les Grandes amoureuses).

Aubert (Charles). Les Nouvelles amoureuses. Paris. 1884. Vol. XII. Une Mission délicate. 60 p. in 18. Ц. 1 р.

Aubert (Charles). Péchés roses. Paris. 1884. Vol. III. Le Premier voyage. 61 p. in. 18. Ц. 1 р.

Avenel (Paul). Une Amie dévouée. Moeurs parisiennes. Paris. 1884. 376 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Badin (Adolphe). Couloirs et coulisses. Paris. 1884. 359 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Banville (Théodore de). Poésies nouvelles. Nous tous. Décembre 1883 — Mars 1884. Paris. 1884. VIII et 288 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Bauquenne (Alain). La Belle madame Le Vassart. Roman parisien. Paris. 1884. 382 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Bergeret (Gaston). Le Quadrille des lanciers, saynète en cinq figures. Paris. 1884. 34 p. in 8.

Beysson (Louis). Un Amour platonique. Paris. 1884. 124 p. in 12.

Boisgobey (Fortuné du). Babiole. Paris. 1884. Tome I, 276 p. Tome II, 266 p. in 18. 2 т. Ц. 3 р.

Bornier (v-te Henri de). Comment on devient belle. Paris. 1884. 322 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Boussenard (Louis). Aventures périlleuses de trois français au pays des diamants. Paris. 1884. 336 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.
(Les Grandes aventures).

Bouvier (Alexis). Le Fils de l'amant. Paris. 397 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Bouvier (Alexis). La Petite Cayenne. Paris. 325 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Bourget (Paul). L'Irréparable. Deuxième amour. Profils perdus. Paris. 1884. 299 p. in 18 Ц. 1 р. 75 к.

Carrance (Evariste). La Prostituée. Le Divorce. Monologues en vers. Agen. 1884. 8 p. in 18.

Carette, née Bouvet (M-me). Passion. 5-me édition. Paris. 1884. 291 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Case (Jules). La Petite Zette. 2-me édition. Paris. 1884. 281 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Chaperon (Philippe). Histoires tragiques et contes gais. Paris. 1884. 234 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Chartrain (Emile). Poivrot et Cocardel. Avec préface d'Alexandre Pothey. Paris. VII et 318 p. in 18 Ц. 1 р. 75 к.

Cladel (Léon). Urbains et ruraux. Avec une notice de Maurice Talmeyr. 2-me édition. Paris. 1884. XV et 324 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.
(2-me série des va-nu-pieds).

Claretie (Jules). Le prince Zilah. Roman parisien. 7-me édition. Paris. 1884. 438 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Collas (Loius). L'Enfant volé. Paris. 1884. 319 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.
(Bibliothèque des jeunes gens).

Comtesse Natalia (La) par l'Auteur de La Comtesse Mourenine. Paris. 1884. 317 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Coualhac (V.). Les Drames de l'espionnage. La Fille du gendarme. Paris. 1884. VII et 276 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Couturier (P. L.). Le Manuscrit de l'abbé N... Paris. 1884. 317 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Crébillon le fils. L'Ecumoire. Histoire japonaise. Bruxelles. 1733 — 1884. 261 p. in 8. Ц. 5 р.

Darc (Daniel). Voyage autour du bonheur. Avec une préface par Armand Silverstre. Paris. XVI et 344 p. in 18. Ц. 2 р. 50 к.

Darimon (Alfred). A travers une révolution (1847 — 1855). Paris. 1884. VIII et 351 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Daudet (madame Alphonse). L'Enfance d'une parisienne. Paris. 128 p. in. 12. Ц. 5 р.

Delaroa (Joseph). Les Patenotres d'un surnuméraire. Paris. 1884. XVI et 252 p. in 32. Ц. 1 р. 75 к.

Delair (Paul). Les Rois en exil, pièce en cinq actes, en sept tableaux. Tirée du roman d'Alphonse Daudet. Paris. 1884. 147 p. in 18.

Delevau (Alfred). Les Cocottes de mon grand-pere. Paris. 370 p. in 18. Ц. 2 р. 50 к.

Duruy (Georges). Andrée. Paris. 1884. 374 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Diguet (Charles). Béatrice Cenci. Paris. 36 et 12 p. in 18. Ц. 1 р.
(Les Grandes amoureuses).

Dostoievsky (Th.). Humiliés et offensés. Traduit du russe par Ed. Humbert. Paris. 1884. 360 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Erhard (Auguste). La Princesse Casse-Cou. Préface par Jules Claretie. Paris. 1884. XII et 304 p. in 8.

Fisch (Auguste). Georges Fisch, d'après son journal intime. Suivi de Un Jeune prissonnier pour Christ, épisode de sa jeunesse. Précédé d'une préface par M. Ed. de Pressensé. Paris. 1884. XVI et 194 p. in 18. Ц. 1 p. 25 к.

Foley (Charles). Les Saynètes. Paris. 1884. 120 p. in 8. Ц. 2 p. 50 к.

Gautier (Jndith). La Femme de Putiphar. Paris. 40, 12 et 8 p. in 18. 1 p. (Les Grandes amoureuses).

Gérard (André). Solange. Paris. 1884. 241 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Girardin (J.). Sans-coeur. Paris. 1884. 291 p. in 18. Ц. 1 p.

Glouvet (Jules de). Croquis de femmes. Léontine Duval. Madame Raveneau. Angélina. Deux procès de femmes. Parnay. Le Rosier. La Foi du charbonnier. Paris. 1884. 353 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Gobin (A.). Un Conseil de famille. Paris. 1884. 308 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Grenet-Dancourt (E.). L'Homme qui bâille, monologue comique. Paris. 1884. 16 p. in 8.

Gréville (Henry). Un Crime. Paris. 1884. 318 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Guibout (dr E.). Les Vacances d'un médecin. 4-me série. 1883. L'Allemagne. La Russie. La Pologne. Strasbourg. Paris. 1884. XIX et 200 p. in 18. Ц. 1 p. 25 к.

Guizot. Lettres à sa famille et à ses amis, recueillies par M-me de Witt, née Guizot. Paris. 1884. 438 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Guyot (Yves). Un Fou. Paris. 312 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Gyp. Le Monde à côté. 4-me édition. Paris. 1884. 322 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Haberlin (Edouard). Les Employés (souvenirs). Paris. 1884. III et 316 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Hailly (Gaston d') et Paul Tenissey. Les Etapes féminines. Claudia Vernon. Paris. 364 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Hugo (Victor). Oeuvres complètes. Edition définitive d'après les manuscrits originaux. Histoire. Tome III: Histoire d'un crime. Déposition d'un témoin. 2-me partie: Troisième journée. Le Massacre. Quatrième journée. La Victoire. Conclusion. La Chute. Paris. 1884. 339 p. in 8. Ц. 3 p. 75 к.

Hugo (Victor). Oeuvres complètes. Edition définitive d'après les manuscrits originaux. Paris. 1884. Le Rhin. Tome I. 465 p. in 8. Ц. 3 p. 75 к.

Huysmans (J. K.). A rebours. Paris. 1884. 294 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Job. Pauvre aveugle... s'il vous plait? Paris, 1884. 283 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Joliet (Charles). La Fornarine. Paris. 47 p. in 18. Ц. 1 p. (Ls Grandes amoureuses).

Josselme (F.). Moeurs du second empire. Adèle. Paris. 1884. 328 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Joyeuses histoires de nos pères (Les). Paris. 1884. Vol. V. Le Ruisseau miraculeux. Le Bel écuyer. Cocus prudents. Mésaventures d'un concierge. Amour et désillusion etc. 93 p. Vol. VI. Le Seau d'eau. Qui en veut? Elle est bonne et fraîche. Les Roueries de dame Simone etc. 91 p. in 18. Ц. 1 p. за томъ.

Kandel (Georges). Lieutenant, capitaine et commandant. Paris. 1884. II et 302 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Kock, Henry de (Paul de Kock fils). Ratée. Histoire d'hier. Paris. 278 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Korigan, Paria (Madame Emile Lévy). Just Lhermenier. Paris. 1884. 287 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Labarrière (Paul). Contes courants. 2-me édition. Paris. 1884. 316 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Labitte (Alphonse). Les Fantaisies réelles Le 108-me Uhlans. Le Toast. Deux âmes. Quatre jours de consigne. Histoire d'une jacinthe. A l'Opéra. Pendant la pluie. Paris. 1884. 313 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Laluyé (M. Léopold). Le Laquais de madame, comédie en trois actes. Paris. 72 p. in 24.

Launay (Alphonse de). Bonne nuit... Paris. 1884. 318 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Legoux (Jules). Autour d'un chapeau, saynète. Paris. 1884. 16 p. in 8.

Leroy (Charles). Guide du duelliste indélicat. 2-me édition. Paris. 1884. XI et 287 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Leroy (Albert). L'Amour sans phrases. Paris. 352 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Liégeard (Stéphen). Au Caprice de la plume. Etudes, fantaisies, critique. Paris. 1884. V et 426 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Lomon (Charles). L'Amirale. Paris. 1884. 259 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Maldague (Georges). La Parigote. Paris. 1884. 414 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Mahalin (Paul). Les Jolies actrices de Paris. 4-me série. Paris. 1884. 265 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Maizeroy (René). Les Amours défendues. Paris. 1884. Vol. III. La Consolatrice. La Vierge à la chaise. Mariages riches (rien dès agences). 66 p. in 12. Ц. 1 p.

Manivet (Paul). Après le mariage? monologue en vers. Paris. 1884. 16 p. in 8.

Marcel (M-me Jeanne). Le Clos-Chantereine. Paris. 1884. 248 p. in 18. Ц. 1 p.

Maricourt (R. comte de). Souvenirs d'un magnétiseur. Paris. 1884. 315 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Maryan (M.). La Maison de famille. Paris. 1884. 297 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Massa (comtesse M. de). La Chanoinesse d'Ambremont. Paris. 1884. 371 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Maupassant (Guy de). Les Soeurs Rondoli. 5-e édition. Paris. 1884. 310 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Maupassant (Guy de). Des vers. Paris. 1884. VII et 214 p. in 12. Ц. 3 р.

Mendès (Catulle). Monstres parisiens. Paris. Vol. IX. Les Résignées. Le Mangeur de rêve. Madame de Fleurence. de 147—187 p. Vol. X. Le Lâche. Les Ingénus. La Tueuse d'Echo. de 191—232 p. in 16. Ц. 75 к. за томъ.

Mendès (Catulle). Jeunes filles. 4-me édition. Paris. 332 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Mérouvel (Charles). La Veuve aux cent millions. Paris. 1884. Vol. I. Les Frégault. 398 p. Vol. II. Andrée et Séraphine. 380 p. in 18. Ц. 3 р.

Mirabeau. Lettres d'amour à Sophie, écrites du donjon de Vincennes. Nouvelle édition précédée d'une notice sur l'auteur. Paris. 1884. XII et 308 p. in 18. Ц. 50 к.

Montégut (Emile). Nos morts contemporains. Paris, 1884. II-me série. Théophile Gautier. Eugène Fromentin. Charles Gleyre. St. René Taillandier. Maurice de Guérin. Eugénie de Guérin. 351 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Montet (Joseph). L'Amour tragique. 2-me édition. Paris. 1884. 318 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Moraes fils (Mello). Poëmes de l'esclavage et légendes des indiens. Traduction de la Revue commerciale, financière et maritime. Rio de Janeiro. 1884. XXVIII et 87 p. in 18.

Moreau (Marcellin). L'Horloge ou Egoïsme et dévouement, vaudeville en un acte. Paris. 47 p. in 24.

Moreau (Marcellin). Ni trop haut, ni trop bas, vaudeville en 2 actes. Paris. 67 p. in 24.

Motte (Monnier de La). Loin du bonheur. Paris. 1884. 336 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Navery (Raoul de). Le Serment du corsaire. Paris. 1884. 421 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Ninet (John). Arabi Pacha. Berne, 1884. XXXVI et 356 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Noirot (docteur L.). L'Art de vivre longtemps. Paris. 338 p. in 18. Ц. 2 р. 50 к.

Noirot (M-me A.). Jeanne Dubourg. Paris. 1884. 351 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Normand (Jacques). Le Monde où nous sommes. Paris. 1884. 332 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

O'Monroy (Richard). A la Hussarde! Paris, 1884. 313 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Or (Louis d'). Gaités de sabre. Paris, 1884. 320 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Pailleron (Edouard). La Poupée. Paris, 1884. 8 p. in 18.

Pène (H. de). Henri de France. Paris, 1884. 578 p. in 4. Ц. 12 р. 50 к.

Poitevin (M-lle Marie). Les Grancogne-Léogan. Paris. 1884. 350 p. in 18. (Bibliothèqhe des mères de famille). Ц. 1 р. 50 к.

Pontmartin (A. de). Les Trois veuves. Paris. 1877. 51 p. in 18.

Proth (Mario). Depuis 89. Paris. 1884. XVI et 337 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Remusat (Charles de). Abélard, drame inédit, publié, avec une préface et des notes par son fils Paul de Rémusat. Nouvelle édition. Paris. 1884. XXV et 541 p. in 8. Ц. 3 р. 75 к.

Revel (V.). Le Boudiné, thèse en vers. Paris. 1884. 15 p. in 8.

Ricard (J.). Magdon. Paris, 1884. 338 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Richebourg (Emile). Les Drames de la vie. La Petite Mionne. Paris. 1884. Tome III. Madame Joramie. 418 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Richepin (Jean). Complet! monocoquelogue. Bruxelles. 1884. 10 p. in 8. Ц. 50 к.

Richepin (Jean). Sophie Monnier maîtresse de Mirabeau. Paris. 48 p. in 18. (Les Grandes amoureuses). Ц 1 р.

Robbe (Prierre). Rabelais novice, comédie en un acte et en vers. Paris. 1884. 6 et 36 p. in 8.

Rouslanc (V.). Kira une jeune fille russe. Paris, 1884. 320 p. in. 18. Ц. 1 р. 75 к.

Roux (Paul). Un Drôle de mort, saynète-bouffe. Paris. 1884. 15 p. in 18.

Saint-Amand (Imbert de). La Cour de l'imperatrice Joséphine. Paris. 1884. 414 p. in 18. (Les Femmes des Tuileries). Ц. 1 р. 75 к.

Saint-Juirs (A.). Françoise de Rimini. Paris. 36 et 12 p. in 12. (Les Grandes amoureuses). Ц. 1 р.

Sand (George). Correspondance. 1812—1876. Paris. 1884. Tome V, 398 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Saulière (Auguste). Pour une femme. Paris. 1883. 378 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Saunière (Paul). Le Père Braséro. Paris. 1884. 412 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Sauvenière (Alfred de). Pour lire le soir. 2-me édition. Paris. 1884. 301 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Scribe (Eugène). Oeuvres complètes. Vol. 39 (II-me série. Comédies, vaudevilles. Vol. 30). Les Surprises, comédie-vaudeville en un acte. Babiole et Joblot, comédie-vaudeville en deux actes. Rebecca, comédie-vaudeville en deux actes. L'Image, comédie-vaudeville, en un acte. Jeanne et Jeanneton, comédie-vaudeville cn deux actes. Paris. 1884. 353 p. in 14. Ц. 1 р.

Sébillot (Paul). Contes des provinces

de France. Paris. 1884. XIX et 332 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

(La France merveilleuse et légendaire par H. Gaidoz et Paul Sébillot Vol. II).

Ségalas (M-me Anaïs). Les Romans du wagon. Le Duel des femmes. Le Bois de la Soufrière. Un Roman de famille. Le Figurant. Paris. 1884. V-312 p. in 12.

Silvestre (Armand). En pleine fantaisie. Paris. 368 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Sirven (Alfred). L'Enfant d'une vierge. Conte oriental. 2-me édition. Paris, 1884. 303 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Soirées parisiennes de 1883 (Les) par un Monsieur de l'orchestre (Arnolod Mortier). Préface par Charles Gounod. Paris. 1884. XVI et 572 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Stapleaux (Léopold). La Nuit du mardi gras. Paris. 1884. 305 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Stenger (Gilbert). Le Sous-préfet de Chateauvert. Moeurs provnciales. Paris. 1884. 372 p. in 18. Ц. 1 r. 75 к.

Tavernier (Adolphe). Sur le terrain. Monologue. Paris. 1884. 16 p. in 18.

Tcheng-Ki-Tong (le colonel). Les Chinois peint par eux-mêmes. Paris. 1884. X et 291 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Théo-Critt. La Colonelle Durantin. Avec une préface par le colonel Ramollot. Paris. 1884. XXIII et 284 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Théocrite. Les Idylles. Traduction de J. A. Guillet. Paris. 1884. 192 p. in 32. Ц. 5 p.

Theuriet (André). Nouvelles. Bigarreau. Souffrances de Claude Blouet. L'Abbè Daniel. La Saint-Nicolas. Paris. 1884. 296. p. in 12. Ц. 3 p.

Tissot (Victor). La Police secrète prussienne. 6-me édition. Paris. 1884. III et 436 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Trécourt (Maria). Calendrier des pensions et des familles. Poésies mensuelles. Dieu et la nature. 3-me édition. Paris. 1884. 188 p. in 18.

Vaux (baron de). Les Duels célèbres. Prèface par Aurélien Scholl. Paris. 1884. XXXI et 180 p. in 8. Ц. 10 p.

Vernier (Valéry). Les Liaisons dangereuses d'aujourd'hui et autres histoires. Paris. 1884. 302 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Vignon (Claude). Le Mariage d'un sous-préfet. La Statue d'Apollon. Paris. 1884. 361 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Vogüé (le vicomte E. Melchior de). Le Fils de Prierre le Grand. Mazeppa. Un Changement de règne. Paris. 1884. 363 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Wodzinski (comte). La Princesse Lamanzoff. Paris. 1884. 400 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Wolff (Albert). Mémoires d'un parisien. Voyages, à travers le monde. 4-me édition. Paris. 1884. 402 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Albert (M.). Ohn'Sterben kommt man nicht zum Leben. Novelle. Hagen i. W. und Lpz. 1884. 224 S. in 8. Ц. 1 p. 30 к.

Anjel (E.). Heckenrosén. Breslau. 1884. 254 S. in 8. Ц. 2 p. 75 к.

Baudissin (Gräfin). Reuchlin. Roman. Jena. 1884. I und II Bd.: 279—288 S. in 8. Ц. 3 p. 10 к.

Becker (C. A.). Gebrüder Haus und Braus und Hüll und Füll. Lpz. und Berlin. 1885. VI und 114 S. in 8.

Berkow (K.). Um Seinetwillen. Roman. Berlin. 1884. I—III Bd.: 311, 313 und 306 S. in 8. Ц. 6 p. 60 к.

Dewall (J. v.). Sonnige Tage. Stuttgart und Lpz. 1884. 191 S. in 8. Ц. 1 p. 65 к.

Diethoff (E.). Unter der harten Hand. Stuttgart. 211 S. in 8.

Findel (J. G.). Schach Bismarck. Zeitgeschichtlicher Roman. Lpz. 1884. V und 220 S. in. 8.

Freydorf (A. v.). Rhodopis. Karlsruhe. 1884. 98 S. in 8.

Fulda (S.). Satura. Lpz. 1884 VI und 8 4 S. in 8. Ц. 85 к.

Gerke (Fr. C.). Melodisches aus dem Sommerlande. Gedicht. Lpz. 1884. IV und 216 S. in 16.

Grimm (J.). Kleinere Schriften. 7-ter Band. 4-ter Th. XIII und 608 S. Berlin 1884. in 8.

Hase (R.). Der Meierfritz und der Müllerhans. 62 S. in 8.

Heine's (H.). Werke. Illustrirte Pracht-Ausgabe. Herausgegeben von H. Laube. Wien. Lpz. Prag. I Bd. I Heft. 24 S. in 4. Ц. 28 к.

Henksch (A. F.). Aus Ungarns Novellenschatz. Wien und Pressburg. 1884. VII und 329 S. in 8.

Heyse (P.) und L. Leistner. Neuester deutscher Novellenschatz. München und Lpz. 1884. I—III Bd.: 254, 231 und 239 S. in 8. Ц. 55 к.

Hiller (F.). Erinnerungsblätter. Köln. 1884. 257 S. in 8.

Holtschmidt (F.). Aus dem verfehmten Tempel. Lpz. 1884. 186 S. in 8.

Kretzer (M.). Zweiseelenmenschen. Jena. 146 S. in 8. Ц. 55 к.

Lange (Th.). Der letzte Wikinger. Nach dem Dänischen von U. Michelsen. Lpz. 1884. 182 S. in 8.

Leuenberg (E.). Berliner Humor. Berlin. 1884. 156 S. in 8.

Limburg (A. v.). Des wilden Jägers Erbe. Roman. Berlin. 1884. I und II Bd. 268 und 236 S. in 8. Ц. 4 p. 40 к.

Loën (A.). Kampf um Liebe. Breslau. 1884. 264 S. in 8. Ц. 2 p. 75 к.

Matensen (H.). Aus meinem Leben. 2-te und 3-te Abth. Karlsruhe und Lpz. 1884. 260 S. in 8.

Meisner (M.). Der Mann der That. Hamburg. 144 S. in 8.

Morre (C.). Die Frau Räthin. Charakterbild. Wien. 1884. 72 S. in 8.

Moscherosch (H. M.). Philanders von Sittewald. Sprachlich erneuert von K. Müller. Lpz. I und II Th. 352 und 441 S. in 8.

Müller (K.). Der blinde Passagier. Die beiden Auswanderer. Mülheim a. R. 96 S. in 12.

Normann (H.). Perlen der Weltliteratur. Stuttgart. 24 und 25 Lief. 161—216 S. in 8.

Otto (L.). Gräfin Lauretta. Lpz. 1884. II und 199 S. in 8.

Pantofel-Regiment, Das. Oranienburg. 88. S. in 16.

Pasqué (E.). Auf dem Domkrahnen. Bremen. 166 S. in 8.

Prènzlau (K. v.). Ein modernes Duell. Graf Dufour. Zwei Tage aus einem Herrscherleben. Drei Novellen. Mülh. a./R. 64 S. in 12.

Ranzoni (E.). Vor funfzig Jahren. Berlin Wien und Lpz. 1884. VII und 238 S. in 8.

Rosenthal-Bonin (H.). Schwarze Schatten. Roman. Stuttgart und Lpz. 1884. 284 S. in 8. Ц. 2 р. 50 к.

Sardou (V.). Die schwarze Perle. Dresden und Lpz. 1884. 139 S. in 8. Ц. 1 р. 40 к.

Schwebel (O.). Vom Eisenhute bis zur Kaiserkrone. Minden. III Th., von Jahre 1675—1881. 456 S. in 8.

Schwerin. (Gr. J.). Im Wechsel der Zeiten. Roman. Berlin. 212 S. in 8. Ц. 55 к.

Söndermann (A.). Der Raubritter und sein Kind. Berlin. 640 S. in 8.

Sweet (A. E.) und J. A. Knox. Humoristische Reise durch Texas von Galveston bis zum Rio Grande. Aus dem Englischen von R. Teuscher. Jena. 1884. XII und 475 S. in 8. Ц. 5 р. 50 к.

Telmann (K.). Lebensfragmente. Novellen. Breslau und Lpz. 1884. 273 S. in 8. Ц. 2 р. 75 к.

Waldheim (R.). Ein stummer Zeuge. Mülh. a./R. 64 S. in 12.

Wald-Zedwitz (L. v.). Potz! Blitz! Humoresken aus dem Soldatenleben. Berlin. 1884. 167 S. in 8. Ц. 55 к.

Werner (E.). Gebannt und erlöst. Roman. Lpz. I und II Bd. 301 und 288 S. in 8. Ц. 4 р. 40 к.

Wichert (E.). Die Braut in Trauer. Erzählung. Lpz. 1884. 184 S. in 8.

Wildenbruch (E.) Christoph Marlow. Trauerspiel. Berlin. 1884. 118 S. in 8.

Viktor (M.). Sommer und Winter. Roman. Lpz. I Bd. 307 S.; II Bd. 319 S. in 8. Ц. 4 р. 95 к.

Woldemar (R.). Im Tode entsühnt. Roman. Berlin. 513 S. in 8.

Zapfen (H. v.) und F. A. König. Sonderbare Ballgäste. Die Bataillons-Ordonnanz. Militär-Humoreske. Mülh. a./R. 64 S. in 12.

Besant (Walter). Dorothy Forster. Leipzig: 1884. Vol. I. pp. 295. Vol. II. pp. 302 in 12.

(Collection of British Authors Tauchnitz edition Vol. 2259—2260). Ц. 1 р. 70 к.

Blackmore (R. D.). The Remarkable History of Sir Thomas Upmore, Bart, M. P., formerly known as „Tommy Upmore". Leipzig. 1884 Vol. I. pp. 280. Vol. II. pp. 287 in 12. Ц. 1 р. 70 к.

(Col. Tauchnitz Vol. 2263—2264).

Elliot (Frances). Diary of an Idle Woman in Spain. Leipzig. 1884. Vol. I. pp. 279. Vol. II. pp. 271 in 12. Ц. 1 р. 70 к.

(Col. Tauchnitz Vol. 2261—2262).

Forrester (Mrs.). Omnia Vanitas: a tale of society. Leipzig. 1884. pp. 278 in 12.

(Col. Tauchnitz Vol- 2265). Ц. 55 к.

Marryat, Florence (Mrs. Francis Lean). Under the Lilies and Roses. A novel. Leipzig. 1884. Vol. I. pp. 294. Vol. II. pp. 278 in 12. Ц. 1 р. 70 к.

(Col. Tauchnitz Vol. 2269—2267).

Mathers. Hellen (Mrs. Henry Reeves). Eyre's Acquittal. Leipzig. 1884. Vol. I. pp. 303. Vol. II. pp. 279 in 12. Ц. 1 р. 75 к.

(Col. Tauchnitz Vol. 2269—2270).

Mc Carthy (Justin). Maid of Athens. Hamburg, 1884. Vol. I. pp. 294. Vol. II. pp. 308 in 12. Ц. 1 р. 60 к.

(Asher's Collection Vol. 249—250).

Molesworth (M. L.). Lettice. London. pp. 224 in 12.

Ouida. Princess Napraxine. Leipzig. 1884. Vol. I. pp. 288. Vol. pp. 262. Vol. III. pp. 287 in 12. Ц. 2 р. 55 к.

(Col. Tauchnitz Vol. 2256—2258).

Stories by American Authors. New-York: 1884. Vol. III. The Spiders Eye. By Fitz James O'Brien. A Story of the Latin Quarter. By Frances Hogson Burnett. Two Purse-Companions. By George Parsons Lathrop. Poor Ogla-Moga. By David D. Lloyd. A Memorable Murder. By Celia Thaxter. Venetian Glass. By Brander Matthews. pp. 198 in 12.

Winter (J. S.). Cavalry Life of Sketches und Stories in barracks and out. A new edition. London. 1884. pp. VI and 349 in 18.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изд. редакц. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 84. Тип. Товарищ. «Общест. Польза». 8 д., 1,100 экз.

Карамзинъ, Н. Исторія Государства Россійскаго. Вел. кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Дешевая библіотека. Изд. А. Суворина. Спб. 84. 16 д., 5,100 экз. Ц. 10 к.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Изд. А. Суворина. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 3 нен.+517 +4 нен. стр., 1,500 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія царствованія Императора Александра II Царя-Мученика, незабвеннаго Царя-Освободителя. Изд. 2-е, книж. маг. «Народная Польза». Спб. 85. Тип М. Румша. 12 д., 47 стр., 300 экз. Ц. 15 к.

Новрузовъ, І. Исторія Россіи до дома Романовыхъ. Для начал. училищ. Изд. 1-е. Тиф. 84. Тип. канц. главнонач. граж. час. на Кав. 8 д., 415 экз.

Петрушевскій, А. Генералиссимусъ князь Суворовъ. въ 3-хъ томахъ. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 2,000 экз. Томъ 1-й. Съ портретомъ, тремя факсимиле и картой VIII + 486 стр.—Томъ второй. Съ портретомъ, факсимиле и картой: 3 нен.+472 стр.—Томъ 3-й. Съ снимкомъ съ маски и двумя картами: 5 нен.+ 458 стр. Ц. за три тома 10 р.

Рука Всевышняго отечество спасла или освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 году. Изд. А. Абрамова. М. 84. Тип. Барбей. 16 д., 12,000 экз.

Русская земля отъ Ярослава до татарскаго погрома. Изд. ред. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. Тип. товар. «Общест. Польза». 8 д., 1,000 экз.

Историческая портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г. съ кратк. ихъ біографіями. Вып. V-й. Изд. А. Суворина. Спб. 84. 4 д., 3,000 экз. Ц. 2 р.

Prószyński, L. Kilka słow o charakterze dziejowym słowian i ich posłannictwie. Варшава 1884. Тип. К. Ковалевскаго 8 д., 3 нен.+76 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р.

Jarochowski (Kazimierz). Opowiadania i studia historyczne. Poznań, 1884. Serya nowa. 413 i 1 nien str. in 8. Ц. 1 р. 20 к.

Błampignon (abbé). L'Episcopat de Massillon d'après des documents inédits suivi de sa correspondance. Paris. 1884. II et 373 p. in 12. Ц. 1 р. 75 к.

Bouillet (M. N.). Dictionnaire universel d'historie et de géographie. Ouvrage revu et continué par A. Chassang. 28-me édition augmentée d'un supplément. Paris. 1884. IV, 2024 et 11 p. in 8. Ц. 10 р. 50 к.

Bonnefon (D.). Les Ecrivains modernes de la France ou Biographie des principaux écrivains français depuis le premier empire jusqu'à nos jours avec une analyse, une appréciation et des citations de leurs chefs-d'oeuvre. Ouvrage destiné à faire suite aux Ecrivains célèbxesà l'usage des établissements d'instruction publique. 3-me éditon, revue, corrigée, augmentée et accompagnée de résumés synoptiques. Paris. 1884. 556 p. in 8.

Courept (l'abbé A). Le Mille et une curiosité de l'histoire extraites de l'Atlas d'histoire universelle. Avignon. 1884. X et 184 p. in 18.

David (Ernest). G. F. Händel. Sa vie, ses travaux et son temps. Paris. 1884. XIV et 371 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Guyard (Stanislas). La Civilisation musulmane. Leçon d'ouverture. Angers, 1884. 74 p. in 12. Ц. 1 р. 25 к. (Bibliothèque orientale elzévirienne Vol. XXXVII).

Gaidoz (H.) et Paul Sébillot. Blason populaire de la France. Paris, 1884. XV et 382 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к. (La France merveilleuse et légendaire par H. Gaidoz et Paul Sébillot Vol. I).

Jusserand (J. J.). Les Anglais au moyen âge. La Vie nomade et les routes d'Angleterre au XIV-e siècle. Paris. 1884. 306 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Langrange (abbé F.). Vie de m-gr Dupanloup évêque d'Orléans. 2-me édition. Paris, 1884. Tomme III. L'Evêque d'Orléans. II-me partie. LX et 540 p. in 8. Ц. 3 р. 75 к.

Lefèvre-Pontalis (Antonin). Vingt années de république parlementaire au XVII-me siècle. Jean de Witt, grand pensionnaire de Hollande. Paris. 1884. Tome I, IV et 543 p. Tome II, 572 p. in 8. Ц. 8 р. за 2 томъ.

Leroy-Beaulieu (Anatole). Un homme d'état russe (Nicolas Milutine) d'après la correspondence inédite. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le regne d'Alaxandre II (1855—1872). Paris. 1884. XI et 332 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Magnenat (J.). Histoire générale. Histoire contemporaine (1815—1884). Lausanne. 1884. 299 p. in 18.

Philippson (Martin). Les Origines du catholicisme moderne. La Contre-révolution religieuse au XVI-e siècle. Bruxelles. 1884. XV et 618 p. in 8. Ц. 5 р.

Rathsamhausen (Morel). Description de la dernière époque géologique et explication des mythes et légendes cosmogoniques des divers peuples de l'antiquité.

L'Humanité à l'époque tertiaire. Bordeaux. VIII et 53 p. in 8. Ц. 65 к.

Thureau-Danjin (Paul). Histoire de la mônarchie de Juillet. Paris. 1884. Tome I. VII et 458 p. Tome II, 438 p. in 8. II. 8 p.

Renan (Ernest). Nouvelles études d'histoire religieuse. Paris. 1884. XXI et 533 p. in 8. Ц. 3 р. 75 к.

Baur (ct.). Michail Dmitriewitsch Skobelew. Reval. 1884 31. S. in 8.

Corvin (O. v.). Aus dem Zellengefängniss. Briefe aus bewegter, schwerer Zeit. (1848—1856). Lpz., 1884. VII und 546 S. in 8. Ц. 3 р. 30 к.

Corvin. 1789—1848. Geschichte der grossen französischen Revolution und ihre Folgen. Lpz. 22—24 Lief. 1009—1152 S. in 8. Ц. по 28 к.

Cosak (W.). Jugendleben und Wanderbilder von Johanna Schopenhauer. Danzig. 1884. VI und 185 S. in 8.

Delitzsch (F.). Documente der nationaljudischen christgzläubigen Beweg und Südrussland. Erlagen. 1884. 44 und XXIV S. in 8.

Disselhoff (J.). Der Grosse Krieg zwischen Frankreich und Deutschland in den Jahren 1870—1871. 112 S. in 8.

Duncker (M.). Geschichte des Alterthums. Neue Folge. Lpz. 1884. I Bd. XI und 478 S. in 8.

Encyklopädie der neueren Geschichte. Herausgegeben von W. Herbst. Gotha. 20 Lief. 721—794 S. in 8. Ц. по 55 к.

Fonseca (W. da). Neu Indiskretionen. Mittheilungen aus der geheimen Diplomatie der letzten 30 Jahre. Berlin, 1884. 17 Lief. 449—494 S in 8.

Geschichte, Allgemeine, in Einzeldarstellungen herausgegeben von W. Oncken Berlin. 85 Abth.: 577—704 S. in 8. Ц. 1 р. 65 к.

Kampf, Der, der Deutschen in Böhmen und Oesterreich. Lpz., 1884. IV und 173 S. in 8.

Petersen (R.). Henrik Steffens. Ein Lebensbild. Aus dem Dänischen von A. Michelsen. Gotha. 1884. VI und 419 S in 8. Ц. 3 р. 30 к

Roi (J. F. A de le). Das institutum Judaicum in seiner Blüthezeit 1760. Karlsruhe und Lpz., 1884. 111 S. in. 8.

Roi (S. F. A. de la). Die evangelische Christenheit und die Inden unter dem gesichtspunkte der Mission geschichthich betrachtet. Karlstruhe und Lpz., 1884. (I. Bd. XVI und 440 S. in 8.

Schipper (J.). Wiliam Dunbar. Sein Leben und seine Gedichte. Berlin, 1884. XVIII und 412 S. in 8. Ц. 3 р. 85 к.

Schröder (L.). Friedrich der Grosse. Ein Lebensbild in seinen Briefen. Stuttgart. 204 S. in 8

Schrös (H). Hinkmar, Erzbischof von Reims. Sein Leben und seine Schriften. Freib. i. B. 1884. XII und 588 S. in 8.

Annual Register (The): a review of public events at home and abroad for the year 1883. New Series. London. 1884. pp. VI, (402) and 202 in 8.

Brackenbüry (Col- C. B.). Frederik the Great. London. 1884. pp. VIII and 266 in 18.

Church (R. W.). Bacon. London: 1884. pp. VIII and 227 in 18. (English Men of Letters. Edited by John Morley)-

Longman (F. W.). Frederick the Great and the Seven Years' War. London: 1881 pp. XII and 252 in 12.

(Epochs of Modern History edited by Edward E. Morris, J. Surtees Phillpotts, and C. Colbeck).

Mc Carthy (Justin Hantly). England under Gladstone. 1880 — 1884. London: 1884. pp. 356 in 18.

ПОЛИТИКА, ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ И СТАТИСТИКА.

Вардзскій, А. Объ отвѣтственности должн. лицъ судеб. вѣдомства за преступленія и проступки по службѣ. Изслѣдов. умысла въ преступленіяхъ и проступ., предусмотрѣн. статьями пятаго раздѣла улож. о наказ. угов. и исправ. изд. 1866 г. Съ прилож. проекта постановленій, коими могъ бы быть замѣненъ этотъ раздѣлъ. Тула. 84. Тип. Н. Соколова, 8 д. 1,000 экз. Ц. 2 р.

Древній законъ и обычай. Изслѣдованіе по исторіи древняго права, Сэръ Генри Сомнеръ Мэнъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Максима Ковалевскаго М. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ въ связи съ уголовнымъ и государственными правами Моисея и Талмуда и сравнительно съ институтами убѣжищъ у древнихъ грековъ и римлянъ, въ средневѣковой и новой Европѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе П. М. Голубова. Спб. 1884 г. Выпускъ I. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Матеріалы по статистикѣ Новгородской губерніи, собран. и обработан. статистич. отдѣлен. новгород. губ. земс. управы. IV. Списки населенныхъ мѣстъ и свѣдѣнія о селеніяхъ Новг. губ. Крестецкій уѣздъ. Обработалъ С. Матвѣевъ. Нов. 84. Типо лит. Н. Богдановскаго. 4 д., 400 экз.

Мудровъ, А. Очерки мелкаго народнаго кредита. Выпускъ I: Сберегательныя

кассы. Ц. 40 к., съ пер. 60 к. Выпускъ II: Вспомогательныя кассы. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. Москва. 1883 г.

Рошковскій, Л. Судеб. уст. Императора Александра II-го. Съ комментаріями и разъясненіями. Уст. гражд. судопроизв. Вып. 2-й. Производство въ общихъ судеб. мѣстахъ (ст. 202—742). Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. 3,000 экз. Цѣна 1 р. 25 к.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое описаніе города Киржача (Владимірской губ.). Съ политипажами. М. 84. „Русская“ типо-литогр. 8 д., 600 экз. Ц. 3 р.

Узаконенія, изданныя въ поясненіе и дополненіе къ суд. уставамъ Императора Александра II. Спб. 84. Тип. „Петерб. Газ.“. 8 д., 10,000 экз.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, съ разъясненіями по рѣш. кассац. депар. Правит. 10-е испр. и допол. изд. Спб. 84. Тип. м-тва пут. соб. 8 д., 2,400 экз. Ц. 2 р.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II. Съ комментаріями и разъясненіями уставовъ уголовнаго судопроизводства. Выпускъ третій. Спб. 1884. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. 14 нен.+471—726 стр., 4,000 экз. Ц 1 р. 50 к.

Щербаковъ. Практич. руковод. для полковыхъ судовъ воен. вѣдомства и бригад. судовъ погран. стражи. Час. I. (дополненная). Часть II (вновь переработ.). Изд. 2-е Спб. 84. Тип В. Киршбаума. 8 д., 1,500 экз. Ц. 3 р. 75 к.

Chailley (Joseph). L'Impôt sur le revenu. Législation comparée et écononomie politique. Paris. 1884. 633 p. in 8. Ц. 4 p.

Gorges (J. M.). La Dette publique. Histoire de la rente française. Paris. 1884. 390 p. in 18. Ц. 2 p.

Mun (comte Albert de). La Législation sociale et le régime corporatif. Discours. Paris. 1884. 16 p. in 12.

(Oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers).

Prins (Adolphe). La Démocratie et le régime parlementaire. Bruxelles. 1884. 220 p. in 8. Ц. 2 p.

Reynaud (Louis). L'Année financière et commerciale. II-me année. Histoire des évènements financiers de 1883. Paris. 1884. 302 et 4 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Rocque (H. Le Trésor de la). Les Finances de la république. Les Chambres prodigues. Paris, 1884. 489 p. in 18.

Sainte-Suzanne (Raymond de Boyer de). Les Petits états de l'Europe. La Principauté de Monaco. Paris. 1884. XVI et 334 p. in 8. Ц. 1 p. 75 к.

Senne (N. M. Le). Droits et devoirs de la femme devant la loi française. Paris. 1884. XV et 421 p. in 8. Ц. 3 p. 50 к.

Thierry-Mieg (Ch.). La France et la concurrence étrangère. Paris. 1884. VIII et 233 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Ussel (le v-te Philibert d'). La Démocratie et ses conditions morales. Paris. 1884. 288 p. in 18.

Dehn (P.). Deutschland und Orient in ihren wirthschaftspolitischen Beziehungen. München und Lpz. II Theil: XXXII und 127 S. in 8. Ц. 2 p. 20 к.

Präjudicate der Rigasch. Raths betreffend den Civil-Process. Zw. Band (1881, 1883). Kymmel's Verlag. Лейпц. 84. Тип. Мицгеръ и Виттигъ. 8 д., 400 экз.

Kraemer (C.). Der Familien-Bund, sein Programm etc. Eine Antwort auf die soziale Frage. Lpz. 54 S. in 8.

Wiermann (H.). Der Deutsche Reichstag. Seine Parteien und Grössen. Lpz., 1884. I Th. IV und 334 S. in 8.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Czarnowski (Stanisław). Szkice z wędrówki po ziemiach słowiańskich. Kraków. 1884. 58 str. in 8. Ц. 35 к.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod redakcya F. Sulimierskiego, B. Chlebowskiego i Wł. Walewskiego. Zeszyt LVI. Tom. V. Nakładem W. Walewskiego. Варшава. 1884. Тип. „Вѣка“ 4 д., 561—640 стр. 3,000 экз. Ц. 50 к.

Blache (Noël). Au pays du mistral. Paris. 1884. VII et 314 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Contenson (baron G. de). Chine et Extrême-Orient. Paris. 1884. 294 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Bonvalot (Gabriel). En Asie centrale. De Moscou en Bactriane. Paris. 1884. 2 et 309 p. in 18. Ц. 2 p.

Gourdon (Maurice). A travers l'Aran (itinéraires d'un touriste). Paris. 1884. 148. p. in 12.

Gros (Jules). Voyages, aventures et captivité de J. Bonnat chez les Achantis. Paris, 1884. IV et 278 p. in 18. Ц. 2 p.

Russel (c-te Stanislas). Une Mission en Abyssinie et dans la Mer Rouge. 23 Octobre 1859—7 Mai 1860. Préface de M. Gabriel Charmes. Paris, 1884. XXVIII et 306 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Vogel (Charles). Le Monde terrestre au point actuel de la civilisation. Nouveau précis de géographie comparée descriptive, politique et commerciale avec une introduction, l'indication des sources et cartes et un répertoire alphabétique. Paris. 1883.

Tome III. 3-e et dernière partie comprenant l'Australie et l'Océanie, les régions polaires et des notes additionnelles. 725 p. in 8.

Geuter, K. Neuer Führer durch Riga mit besond Berücksichtigung der Umgebung und der Strandorte. Рига 84. Тип. Мюллеръ. 12 д. 1,000 экз.

Krauss (F. S.). Sagen und Märchen der Südslaven. Lpz. II Bd. LVI und 430 S in 8. Ц. 4 р. 30 к.

Lindenberg (P.). Berlin. II Bdch. 132 S. in S.

Märchen und Sagen, Japanische gesammelt und herausgegeben von Prof. D. Brauns. Lpz 1885. XXIV und 439 S. in 8.

Noé (H.) Tagebuch aus Abbazia. Wien. 332 S. in 8. Ц. 2 р. 40 к.

Petersen. Transkaukasien. 32 S. in 8.

Russland. Land und Leute. Herausgegeben von Herman Roskoschny. Lpz. 69—71 Lief. (Asien 28—30 Lief.) in folio. Ц. по 55 к.

Schweiger-Lerchenfeld (A. v). Von Ocean zu Ocean. Wien, Pest und Lpz. 9—11 Lief. 259—352 S. in 8. Ц. по 35 к.

Zöller (H.). Pampas und Anden. Berlin und Stuttgart. 1884. 409 S. in 8.

Marvin (Charles). Reconnoitring. Central Asia: pioneering adventures in the region lying between Russia and India. London. 1884. XVIII and 421 in 8.

МАТЕМАТИКА, АСТРОНОМІЯ, ФИЗИКА и ХИМІЯ.

Вегеръ и К°. Приблизительно нормальныя данныя вѣса, роста и емкости легкихъ, а также нѣкоторыя гигіеническія соображенія. Спб. 84. Тип. Ветчинкина. 16 д., 1.000 экз. Ц. 10 к.

Пальшау, А. Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и разсчетъ деталей машинъ, съ 7-ю таблицами чертежей. Для реальныхъ и техническихъ училищъ. Спб. 82. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 79 к.

Меншуткинъ, Н. Лекціи органической химіи. Часть 1) углеводороды, 2) металоорганическія соединенія, 3) спирты или алкоголи. Спб. 84. Тип. В. Демакова, 8 д., 1,400 экз. Ц. 3 р.

Carvallo (E.). Leçons de statique. Avec 81 figures. In-8. Michelet. Ц. 1 р.

Flammarion (Camille). La Pluralité des mondes habités. Avec 2 eaux-fortes. In-32. Charpentier. Ц. 2 р.

Gripon (E.). Cours complet de physique, rédigé conformément aux derniers programmes officiels à l'usage de l'enseignement secondaire classique et de l'enseignement secondaire spécial. Avec 447 figures. In-12. E. Belin. Ц. 2 р. 75 к.

Jacquier (Edme). Problèmes de physique, de mécanique, de cosmographie, de chimie à l'usage des candidats aux baccalauréats et sciences, au baccalauréat de l'enseignement spécial et aux écoles du gouvernement. In-8. Gauthier-Villars. Ц. 3 р.

Jousset (le Dr. A.). Traité de l'acclimatement et de l'acclimatation. Avec 16 planches en couleur et 220 tableaux. In 8. Doin. Ц. 5 р.

Marie (Maximilien). Histoire des sciences mathématiques et physiques. Tome V. Huyghens à Newton. In-8. Gauthier-Villars. Ц. 3 р.

Maxwell (James Clerk). Traité élémentaire d'électricité, publié par William Garnett et précédé d'une notice sur les travaux en électricité du professeur Maxwell. Traduit de l'anglais par Gustave Richard. In-8. Gauthier-Villars. Ц. 3 р. 50 к.

Résal (H.). Traité élémentaire de mécanique céleste. 2 édition. In-4. Gauthier-Villars. Ц. 12 р. 50 к.

Stallo (J. B.). La Matière et la physique moderne. In-8. Alcan. Cart. Ц. 3 р. (Forme le Tome 48 de la Bibliothèque scientifique internationale).

Vial (L. C. E.). La Chaleur et le froid. In-8. Michelet. Ц. 1 р.

Wurtz (Ad.). Traité de chimie biologique. Seconde partie (dernière). In-8 illustré. Masson. Ц. 4 р.

ТЕХНОЛОГІЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Афанасьевъ, П. По поводу возраженій г. Тиме на статью П. Афанасьева «Опредѣленія усилія и его работы при образованіи стружекъ». Спб. 84. Тип. А. Траншеля. 8 д., 300 экз.

Броуновъ, П. Годовой ходъ отклоненія температуры отъ нормальной въ европейскихъ циклонахъ. (Съ рисункомъ). Спб. 84. Тип. Имп. акад. наукъ. 8 д., 2 нен.+27 стр., 200 экз. Ц. 20 к.

Верига, В. Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу, для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Изд. 2-е. 72 объяснительными рисунками работъ, инструментовъ, и т. п. Спб. 84. Тип. И. Скороходова. 8 д., VIII + VII + 240 стр. 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Галицкая, А. Наука кройки платьевъ и дамскихъ накидокъ, бѣлья дамс., мужс. и дѣтс., объ отдѣлкѣ шляпъ, товаровѣдѣніе и т. п. Изд. 8-е. Вар. 84. Тип. К. Новаковскаго. 8 д., 500 экз.

Глодзинскій, К. Новѣйшая практ. метода кройки дамскаго, дѣтскаго и верх-

няго платья. Изд. 9-е. Вар. Тип. Носковскаго. 4 д., 3,000 экз.

Гостковскій, Р. Теорія движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ примѣненіи ея къ практикѣ. Съ 52-мя чертежами и одной таблицей въ текстѣ. Перев. съ польскаго Т. 1-й и 2-й. Хар. 84. Тип. К. Счасни, 8 д., 1,200 экз. Ц. за 2 т. 7 р.

Докладъ въ коммиссію Императорскаго москов. общ. сельск. хозяйства по вопросу о хуторахъ и соврем. условіяхъ крестьян. хозяйст. М. 84. Тип. А. Клейнъ. 8 д., 3,200 экз.

Дьяконовъ, Дм. Алюминій, его свойства и техническая обработка, сплавы его съ другими металлами. Спб. 84. Типо-лит. А. Пероттъ. 8 д., 15 стр., 1,200 экз. Ц. 25 к.

Изслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи. Вып. IV. Южно-русское тонкорунное овцеводство. Съ рисунками въ текстѣ и 2-мя картинами. Изд. д-та землед. и сельской промышленности. Спб. 84. Тип. Киршбаума. 4 д., 1,200 экз.

Зефковъ, О. Таблицы для измѣренія дерева въ брусьяхъ и доскахъ, перевед. на квадрат. футы и дюймы, одного дюйма толщины. Спб. 84. Изд. книжн. магаз. А. Цинзерлина. 2 д., 600 экз. Ц. 10 р.

Корвинъ-Саковичъ, Ѳ. Приготовленіе безводнаго кристаллическаго сахара изъ крахмала (виноградняго сахара) заводскимъ путемъ по привилегиров. въ Россіи и заграницею способу, и значеніе его для промышленности. Рига. 84. Тип. Шталя. 8 д., 500 экз.

Ламарръ, А. Новое руководство для любителей фейерверочнаго искусства или практическія правила для приготовленія цвѣтныхъ огней, фальшвейеровъ и всѣхъ фейерверочныхъ издѣлій. Пер. Н. Горѣловъ. Изд. В. Печаткина. Спб. 84. 8 д., 3,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Молоховецъ, Е. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Части I и II. 11-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 84. Тип. Шепердсона. 8 д., 451+293+LIX стр., 3,000 экз. Ц. 4 р.

Правила о постройкахъ въ селеніяхъ, предупрежденія пожаровъ и гашенія ихъ. Съ приложен. правител. распоряженій. Псковъ. 84. Тип. губ. зем. 8 д., 6,500 экз.

Радкевичъ, М. Упрощенный способъ вычисленія земляныхъ работъ съ таблиц. половинъ и четвертей площадей. Спб. 84. Тип. м-ва пут. сооб. 4 д., 1,000 экз.

Рыкачевъ, М. Атмосферныя волны, произведенныя изверженіемъ Кракатоа (Съ приложеніемъ таблицы кривыхъ). Спб. 1884. Тип. Имп. акад. наукъ. 8 д., 2 нен.+15 стр., 200 экз. Ц. 15 к.

Соломко, Е. О кристаллической породѣ с. Исачки. Спб. 84. Тип. В. Демакова. 8 д., 100 экз.

Симоновичъ, А. Руковод. для устройства дѣтскихъ садовъ. Съ приложеніемъ рисунковъ для занятій по Фребелю, съ играми, пѣснями и нотами. Изд. 2-ое. Е. Бороздиной. Спб. 84. 8 д., 1,400 экз. Ц. 2 р.

Тумскій, К. Технологія нефти. Заводская обработка нефти. Съ 84 политипажами и особымъ атласомъ. М. 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Фойтъ. О причинахъ отложенія жира въ животномъ организмѣ. Пер. съ нѣмец. Н. Ивановъ. Изд. К. Риккера. Спб. 84. 8 д., 800 экз.

Burton (W. K.). A. B. C. de la photographie moderne, contenant des instructions pratiques sur le procédé sec à la gélatine. Traduit de l'anglais sur la 3 édition, par G. Huberson. In-12. Gauthier-Villars. Ц. 1 р. 15 к.

Gavand (Eugène-Henri). Etude de construction d'un métropolitain souterrain. In-folio avec 25 planches. Tignol. Ц. 4 р.

Lechalas (M. C.). Hydraulique fluviale. Gr. in-8 illustré. Baudry. Ц. 8 р. 75 к.

Wazon (A.). Génie sanitaire. Principes techniques d'assainissement des villes et habitations suivis en Angleterre, France, Allemagne, Etats-Unis, et présentés sous forme d'études sur l'assainissement de Paris. Gr. in-8 illustré. Baudry. Ц. 7 р. 50 к.

Lauer (J.). Spreng- und Zündversuche mit Dynamit und comprimirter Schiessbaumwolle. Wien. 96 S. in 8.

МЕДИЦИНА.

Bymor. Bramwell. Болѣзни спиннаго мозга. Пер. М. Шульгина, подъ ред. П. Ковалевскаго. Изд. ред. жур. „Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопаталогіи". Хар. 84. 8 д., 2,000 экз. Ц. 5 р.

Дмитріевъ, В. Кефиръ. Лечеб. напитокъ изъ коровьяго молока. Изд. 3-е, совер. переработ. и значит. допол. Изд. К. Риккера. Спб. 84. 8 д., 1,200 экз.

Клоссе, К. По поводу холеры, дифтерита и оспопрививанія. Популярныя бесѣды. Новгородъ. 1884. Тип. губ. правл. 12 д., 27 стр., 1,040 экз. Ц. 20 к.

Котовщиковъ, Н. Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. I. Физическая діагностика. Съ 186 рисунками и 8 таблицами. Изданіе главнаго военно медицинскаго управленія. Спб. 1884. Тип. Я. Трея. 8 д., 3 нен.+IV+430+2 нен. стр. 4,000 экз.

Микроскопическая техника

при медицинскихъ и паталого-анатомическихъ изслѣдованіяхъ. Dr. Carl Friedlaender Спб. 1883 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Скворцовъ, И., проф. Курсъ практической гигіены для студентовъ, врачей и общественно-санитарныхъ учрежденій. Отдѣлъ первый. Санитарная статистика и географія, съ данными по антропологіи и демографіи. Выпускъ первый. Варшава. 1884. Тип. К. Ковалевскаго. 8 д., 2 нен. + XVII 480 стр., 1 таблица, 1,200 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Соколовъ, А. Матеріалы къ ученію о вдыханіи холоднаго воздуха при брюшномъ тифѣ.

Стеценка. П. Къ патологической анатоміи околоушной и подчелюстной слюнныхъ желѣзъ при общихъ хроническихъ болѣзняхъ.

Тицнеръ, А., д-ръ. Ялта, какъ осеннее лѣчебное мѣсто, послѣ курса минеральныхъ ваннъ и водъ. Изданіе второе. Новгородъ. 1884. Типо-лит. Н. Богдановскаго. 8 д., 2 нен.+36 стр., 715 экз. Ц. 25 коп.

Черепнинъ, Н. П. Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1884. Тип. А. Траншеля. 8 д., 3 нен.+II+1 нен.+130 стр., 2,500 экз. Ц. 90 к.

Цейссль, Г. Основы патологіи и терапіи сифилиса и связанныхъ съ нимъ венерич. болѣзней. 2-е изд. Перев. П. Ширяева и В. Строковскаго. М. 84. Тип. И. Дурново. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Эбштейнъ. Тучность, ея причины, послѣдствія и новый способъ леченія. Общедоступно изложено Д. Фридбергомъ. Спб. 84. Русская скороп. Куна. 8 д., 2,120 экз. Ц. 35 к.

Эбштейнъ, В. Тучность (Corpulenz) и ея леченіе на физіологич. основахъ. Пер. съ 6-го изд. Н. Ивановъ. Изд. К. Риккера. Спб. 84. 8 д., 800 экз.

Элленбергеръ, В. д-ръ. Учебникъ общей терапіи домашнихъ животныхъ. Переводъ и изданіе д-ра Я. Шмулевича. Часть первая. Спб. 1884. Тип. Э. Арнгольда. 8 д., 1 нен.+256 стр., 1,200 экз. Ц. 2 р.

Projekt przepisów, majacych na celu ograniczenie choleri, w razie wybuchu takowej w Warszawie. Wipracowany przez redakcyję Gazety Lekarskiej. Варшава. 1884. Тип. К. Ковалевскаго. 4 д., 10 стр., 1,000 экз.

Uchwala towarzystwa lekarskiego Warszawskiego dotyszacą zapobiegania roswojowi epidemii choleri i środków pomocy publicznéj w razie wyduchu cholery. Варшава. 1884. Тип. К. Ковалевскаго. 8 д., 20 стр., 1,000 экз. Ц. 25 к.

Bert (Paul). Le Choléra. In 16. Ollendorff. Ц. 1 р.

Boissard (le Dr. A.). De la Forme de l'excavation pelvienne considérée au point de vue obstétrical. Avec 50 planches. In 4. Asselin. Ц. 2 р. 50 к.

Claux (Docteur V. du). La Chronique de l'hygiène en 1883 avec une préface de Francisque Sarcey. Paris, 1884. 194 p. in 8. Ц. 2 р. 50 к.

Cornil (V.). Leçons professées pendant le premier semestre de l'année 1883—84. Recueillies par MM. Berlioz, Babinski. Gibier et Chantemesse. Avec 25 fig. In 8. Alcan. Ц. 2 р.

Coudray (le Dr. Paul). Conditions de l'intervention chirurgicale dans les localisations externes de la tuberculose. In 8. Asselin. Ц. 1 р. 75 к.

Debrand (le Dr. Louis). Des Rétrécissements du conduit vulvo-vaginal (Voies génitales antérieures de la femme). In 8. Delahaye et Lecrosnier. Ц. 2 р.

Dutrieux-Bey (le Dr.). Le Choléra dans la Basse-Égypte en 1883. Relation d'une exploration médicale dans le delta du Nil pendant l'épidémie cholérique. Avec une carte. In 8. Berthier. Ц. 2 р. 50 к.

Laveran (A.). Traité des fièvres palustres, avec la description des microbes du paludisme. In 8 illustré. Doin. Ц. 5 р.

Lecorché (le Dr.). Traité théorique et pratique de la goutte. Avec 5 planches. In 8. Delahauyfe et Lecrosnier. Ц. 6 р. 50 к.

Mairet (le Dr. A.). Biologie. Recherches sur l'élimination de l'acide phosphorique chez l'homme sain, l'aliéné, l'épileptique et l'hystérique. In 4. Masson. Ц. 2 р. 50 к.

Petit (le Dr. A.). Guide du médecin et du pharmacien de réserve, de l'armée territoriale et du médecin auxiliaire. In 12. Doin. Ц. 2 р. 50 к.

Poincaré (Léon). Prophylaxie et géographie médicale des principales maladies tributaires de l'hygiène. Avec 24 cartes dans le texte. In 8. Masson. Ц. 6 р.

Saint-Vel (O.). De la Douleur phyt sique et morale au point de vue physiologique et pathologique. In 12. Delahaye e- Lecrosnier. Ц. 1 р. 50 к.

Sée (G.). De la Phtisie bacillaire des poumons. Avec 2 planches en chromolithorgp.hie. In 8. Delahaye et Lecrosnier. Ц. 5 р. 50 к.

Bielski, S. Ueber reine Hallucinationen im Gebiete des Gesichtssinnes im Dunkelzimmer der Augenkranken. Dissertation. Дер. 84. Тип. Шнакенбургъ. 8 д., 500 экз.

Statut der Kranken, Unterstützungs- und Sterbe-Casse für die Arbeiter des ständischen Gas- und Wasserwerks zu Riga.

Рига. 84. Тип. В., Геккеръ. 8 д., 300 экз.

ЛИНГВИСТИКА.

Барановскій, С. Идеографія. Общій языкъ для всѣхъ народовъ. Хар. 84. Тип. Окруж. Шт., 16 д.. 300 экз.

Бурдонъ и Михельсонъ. Полный словарь иностранныхъ словъ 115,000. вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ, съ означеніемъ ихъ корней. Изд. 8-е. М. 85. Тип. Іогансонъ. 8 д., 1,072 стр., 4,800 экз.

Макаровъ, Н. Полный русско-французскій словарь. Час. I-я. А. Н., Час. II-я. О—Ѵ. Спб. 84. Тип. Тренка и Фюсно, 8 д., 3,050 экз. Ц. за 2 части 5 р.

Наливкинъ, В. и Наливкина, М. Русско-сартовскій и сартовско-русскій словарь общеупотребит. словъ, съ прил. крат. грамматики по нарѣчіямъ Наманганскаго уѣзда. Каз. 84. Универс. тип. 8 д., 1,200 экз. Ц. 3 р.

Sayce (A. H.). Principes de philologie comparée. Traduits en français pour la premiére fois par Ernest Jovy, et précédés d'un avant-propos par Michel Bréal. Paris. 1884. XXII et 310 p. in 18. Ц. 16 р. 75 к.

Schleicher (A.). La Theorie de Darwin et la science du langage. De l'importance du langage pour l'histoire naturelle de l'homme. Traduit de l'allemand par M. de Pommayrol. Paris. 1868. VI et 31 p. in 8. (Collection philologique. Recueil de travaux originaux ou traduits relatifs à la philologie et à l'histoire litteraire avec un avant-propos de M. Michel-Breal. 1-er fascicule). Ц. 3 р. 75 к.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Бересфордъ, У. В., лордъ. Скорострѣльныя орудія на полѣ битвы. Лекція. Спб. 1884. Типо-лит. Р. Голике. 8 д., 31 стр., 500 экз.

Гердъ, И. Я. Атлетическія игры для войскъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ и старшихъ классовъ корпусовъ. Съ 4 таблицами рисунковъ. Москва. 1884. Тип. А. Карцева. 8 д., 45+2 нен. стр., 1,200 экз. Ц. 40 к.

Ренгартенъ, И., полковникъ. Учебникъ для батальонныхъ школъ саперныхъ батальоновъ по фортификаціи и артиллеріи. Часть II. Курсъ старшаго класса. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб. 1884. Типо-лит. Р. Голике. 8 д., VIII+203+1 нен. стр., XXV листовъ чертежей, 1,200 экз.

Чичаговъ, М. и Харкевичъ, В. Сборникъ тактическихъ примѣровъ. Приложеніе къ тактикѣ. Съ чертежами и схемами. М. 84. Тип. Штаба Мос. воен. окр. 8 д., 1,000 экз.

Чичаговъ, Л. Примѣры изъ прошлой войны 1877—1878. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ. Изданіе 2-е. „Доблести русскихъ воиновъ". Вып 1-й. Изд. В Березовскаго. Спб. 84. 8 д , 5,000 экз. Ц. 30.

Яницкій, Б. Таблицы раскладокъ на провіант. и фураж. довольствіе, отпускаемое отъ интендант. вѣд. съ таблиц. переложенія муки мѣрою на вѣсъ и обратно и т. п. Варш. 84. Тип. В. Шульца и К., 4 д., 4,000 экз.

Soldat (Le). Incorporation, instruction, vie militaire. Par G. L. M. Paris. 1884. IX et 402 p. in 8.

ПЕДАГОГІЯ, УЧЕБНИКИ и ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Бунаковъ, Н. Въ школѣ и дома. Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и примѣненная къ преподаванію роднаго языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Ч. II. 3-й и 4-й курсъ. Курсъ 3-го года начальной школы. 10-е исправленное изд., Д Полубояринова. Спб. 84. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 207+1 нен. стр., 10,000 экзем. Ц. 65 к.

Бунаковъ, Н. Грамматическія и орѳографическія упражненія въ начальной народной школѣ. (Для 2-го и 3-го года обученія). Приложеніе къ книгѣ для чтенія «Въ школѣ и дома». Изд. Д. Полубояринова. Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 38+2 нен стр., 3,000 экз. Ц 15 к.

Бунаковъ, Н. Азбука и уроки чтенія и письма въ 3-хъ книгахъ. Изд. 30-е. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 20,000 экз Ц. 25 к.

Бураковскій, С. Уроки начальной грамматики русскаго языка, приспособленные къ программѣ приготов. и перваго классовъ гимназій и реал. училищъ. Новг. 84. Тип. Новг. Губ. Правл. 8 д., 620 экз. Ц. 30 к.

Варавва, Н. Руководство естествен. исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Ботаника. Годъ 2-й и 3-й. Изд. 3-е, дополненное, книж. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 84. 8 д., 4,800 экз. Ц 90 к.

Веребрюсовъ, А. Прямолинейная тригонометрія. Руководство для среднихъ учебн. завед. Съ прилож. кратк. понятія о нивеллированіи и съемкѣ плановъ. Хар. 84. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 2,000 экз. Ц. 50 к.

Веркгауптъ, Г. Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. II. Иліада. Пѣснь четырнадцатая. Изд. книж. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 85. Тип. Э. Лисснеръ в

Ю. Романъ. 12 д., 101—162 стр., 2,400 экз. Ц. 30 к.

Вулихъ З. Кратк. курсъ геометріи и собраніе геометрич задачъ. Изд. 8-е. Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К⁰. 8 д., 5,000 экз. Ц. 80 к.

Гартцъ, В. Руковод. ариѳметики. Ч. 1-я. Цѣлыя числа. Спб. 84. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 3,000 экз.

Гельвальдъ, Ф. Естествен. исторія племенъ и народовъ. Со множест. иллюстрацій художника Келлера Лейцингера. Изд. А. Суворина. Спб. 84. 8 д., Вып. 36-й. 2,000 экз. Ц. 30 к. 37-й. 2,000 экз. Ц. 30 к.

Домашнее пѣніе христіанина. Съ нотами свящ. М. Георгіевскаго. М. 84. Лит. В. Гроссе. 8 д., 300 экз.

Евнитскій. Учебникъ по закону Божію. Спб. 84. Тип. Евдокимова. 8 д.

Евтушевскій, В. Сборникъ ариѳметическихъ чадачъ и численныхъ примѣр. для приготовител. и систематич. курса. Ч. 1-я.—Цѣлыя числа. 23-е изд. Спб. 84. Тип. Товар. «Общест. Польза». 8 д., 5,020 экз. Ц. 35 к.

Ельницкій, К. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Изд. 3-е журн. «Семья и Школа». Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К⁰. 8 д., 3,000 экз. Ц. 75 к.

Ивановъ, Н. Азбука минералогіи для городскихъ училищъ. М. 84. Тип. А. Карцева. 8 д., 67 стр. 2,400 экз. Ц. 30 к.

Иловайскій, Д. Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи. Изд. 15-е М. 84. Товищ. «Печат. С. Яковлева». 8 д., 334 стр., 10,000 экз. Ц. 75 к.

Julii Caesaris de bello Gallico commentarii: secundus, tertius et quartus. Съ граммат. историч. и географ. примѣчаніями и картой Галліи. Примѣчанія составилъ Н. Наумовъ. Вып. 2-й. Изд. книжн. маг. наслѣдн. бр. Салаевыхъ. М. 84. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Кирпичниковъ, А. и Гиляровъ, Ѳ. Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій. (Примѣнительно къ правописанію). Изд. 19-е, насл. бр. Салаевыхъ. М. 84. Тип. С. Орлова. 8 д., 79+1 нен. стр., 30,000 экз. Ц. 40 к.

Ковалевскій, С. Учебн. химіи. 5-е изд., пересмотрѣн. и дополнен. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Концевичъ, И. Продолженіе начальныхъ упражненій въ русской грамматикѣ. Рига. 84. Тип. Шнакенберга. 8 д., 1,000 экз.

Краткое руководство къ изученію православн. богослуженія. Вил. 84. Тип. Сыркина. 16 д., 2,400 экс.

Кудрявцевъ, М. Н. Ариѳметика на счетахъ. М. 84. Товарищ. «Печатня С. Яковлева». 8 д., 110 + II + 1 нен. стр., 1,200 экз. Ц. 80 к.

Кузнецовъ, А. Самоучитель или новѣйшая и полная энциклопедич. россійская азбука. Изд. Сытина. М. 84. 8 д., 4,800 экз.

Латышевъ, В. Учебникъ ариѳметики (въ объемѣ курса младш. клас. гимназій) 2-е изд., исправлен. Спб. 84. Тип. В. Балашева, 8 д., 2,000 экз. Ц. 35 к.

Лаутерштейнъ, А. Раціональная руская грамматика по новому сравнительно-обобщительному методу и съ многими новыми правилами. Спб. 84. Тип. Ѳ. Елеонскаго и К⁰. 8 д., 2,400 экз.

Лубенецъ, Т. Родная нива. Задачи для самост. письм. упражненій, съ рисун. Пособіе при изученіи рус. языка въ начальн. училищ. Ч. 2-я. Внѣшнее построеніе рѣчи. Изд. 2-е. К. 84. Универс. тип. 8 д., 2,200 экз. Ц. 30 к.

Малининъ, А. Курсъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е, книжн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 84. Тип. М. Лаврова и К⁰. 8 д., 298 стр. 9 600 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Меликовъ. Руководящія указанія и программа для преподаванія курса тактики въ юнкерскихъ училищахъ. Спб, 84. Тип. В. Демакова. 8 д., 11 стр., 3,500 экз.

Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ. Изд. 22-е. Спб. 84. Тип. Ѳ. Елеонскаго. 8 д., 30,000 экз.

Новрузовъ, І. Первая книга послѣ азбуки для начальныхъ училищъ. Тиф. 84. Тип. канц. главнонач. граж. част. на Кав. 8 д., 415 экз.

Полевой, П. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Ч. I. Младшій возрастъ. Изд. Полубояринова. Спб. 84. Тип. бр. Шумахеръ. 8 д., 20,000 экз. Ц. 50 к.

Поповъ, Д. Товарищъ-книга для первоначал. чтенія и письмен. работъ по русск. языку. Спб. 84. Тип. В. Балашева. 8 д., 1,700 экз. Ц. 50 к.

Послѣдовательное объясненіе православ. богослуженія. Вып. I. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 2,400 экз.

Поспишилъ, А. О. Избран. сочиненія Платона. I. Апологія Сократа и Критонъ. Греч. текстъ съ руск. примѣчаніями и стат. о древне - греческой философіи и Платонѣ. К. 84. Универ. тип. 8 д., 1,200 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Потоцкій, В. Курсъ русской грамматики, изложенный въ связи съ правописаніемъ. Кн. 1-я. Введеніе час. I. Этимологія. Спб. 84. Тип. Дома призр. малол. бѣдн. 8 д., 1,200 экз. Ц. 40 к.

Пожарскій, В. Полный курсъ русскаго чистописанія, изд. 4 - е, исправл. и

дополн. Спб. 84. Лит. Голике. 8 д., 100,000 экз. Ц. тетр. 20 к.

Рудаковъ. Исторія православной церкви. 18-е изд. Спб. 84. Тип. Елеонскаго. 8 д., 6,000 экз.

Сахаровъ, А. Переводъ III и IV кн. одъ Горація. Со словами и примѣч. для учащихся безъ помощи учителя. Изд. книжн. маг. Іогансонъ. К. 85. 16 д., 3,000 экз.

Солонинъ. П. Н. Записки по методикѣ рус. языка, составленныя для учительск. семинарій, учительск. институтовъ и для учителей народн. школъ. Отд. II. Методика объяснительнаго чтенія. Изд. 5-е, исправл. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 2,025 экз. Ц. 40 к.

Софоклъ, Эдипъ Царь. Трагедія. Подстрочн. перев. съ греческ. со словар. и примѣч. Пособіе для учениковъ и учащихся безъ помощи учителя. Изд. Д. Газиса. Од. 84. Тип. Славянскаго. 8 д., 400 экз. Ц. 60 к.

Тимирязевъ. Жизнь растенія. Десять общедоступ. чтеній. Изд. 2 е, испр. и дополн. книгоп. А. Васильева. М. 85. 8 д., 2,400 экз. Ц. 2 р.

Тихомировъ, Д. Элементарн. курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ школъ. 12-е изд. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 12 д., 2 нен. + II + 160 стр., 50.000 экз. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Д. Опытъ плана и конспекта элемент. занятій по родному языку. Методич. пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 6-е. М. 84. Тип. Лаврова и К°. 8 д., 2,400 экз.

Уле, О. Почему и потому. Учебникъ физики въ вопросахъ и отвѣтахъ. Перев. съ нѣмец. Изд. 4-е. Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д.. 1,200 экз. Ц. 1 р.

Фарникъ, О. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Изд. 5-е, исправленное и измѣненное. Спб. 84. Тип. В. Комарова. 8 д. 3 нен. + III + 1 нен. + 248 стр., 4,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ. А. Образцы новой русской словесности. Для среднихъ учебныхъ заведеній вообще. Изд. 2-е, съ измѣненіями. Спб. 84. Т. I. Ломоносовскій періодъ. Ц. 1 р. 20 к., т. II. Карамзинскій періодъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., т. III. Пушкинскій періодъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Шалландъ, А. Француз. элементар. грамматика для низш. и сред. клас. учеб. заведеній. Ч. 1-я. Изд. 3-е, исправ. Спб. 85. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 5,000 экз. Ц. 40 к.

Шимковъ, А. Курсъ опытной физики. Ч. II-я. О свѣтѣ. Съ чертеж. и рисун. въ текстѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Хар. 84. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 2,000 экз. Ц. 2 р.

Ягичъ. Лекціи по рус. языку на высшихъ женскихъ курсахъ 1883—4 г. Изд. О. Крестьяновой. Спб. 84. Лит. Ѳомина. 8 д., 125 экз.

Baranowski (Mieczysław). Na jakie zgubne wpływy narażone jest zdrowie młodzieży w szkole i jak szkoła stara się wpływy te usunąc. Tarnów, 1884. 43 str. in 16.

Poeche (Izydor). Elementarz domowi. Szybka, praktyczna nauka szytania doraźnego, wraz z pisaniem. Kraków. VIII i 102 str. in 16.

Felix (Jules). Un Mot, un son. Petits récits enfantins composés en mots d'une syllabe. Paris. 38 p. in 8. Ц. 75 к.

Félix (Jules). Vingt deux historiettes amusantes en mots divisés par syllabes. Paris. 46 p. in 8.

Germain (L.). Alphabet des mères de famille ou Méthode graduée et facile pour appurendre à lire aux jeunes enfants. Paris. 108 p. in 12. Ц. 1 р.

Joly (M. H.). Notions de pédagogie suivies d'un résumé historique et d'une bibliographie et rédigées conformément aux programmes officiels. Paris. 299 p. in 16. Ц. 1 р. 50 к.

Pagès (Adrien). Bonté et dévouement, saynéte enfantine. Paris. 23 p. in 24.

Pagès (Adrien). Esprit ouvert, coeur fermé, scène enfantine. Paris. 24 p. in 24.

Pagès (Adrien). Le Plumage ne fait pas l'oiseau, scène enfantine. Paris. 23 p. in 24.

Pagès (Adrien). Science et patriotisme, dialogue pour garçons. Prose et vers. Paris. 24 p. in 24.

Pages (Adrien). Son de cloce, voix de Dieu, scène enfantine. Paris. 24 p. in 24.

Rondier (M-me Annette). Scènes enfantines. Paris. 142 p. in 12. (Bibliothèque laïque de l'enfance).

ABC-Buch. Neues, für freisinnige Wähler. Ein Lexikon parlamentarischer Zeit- und Streitfragen. 3-ter Jahrgang. Berlin. 1884. VIII und 544 S. in 8.

Christaller (E.). Ueber unser Gymnasialwesen. Lpz. 81 S. in 8.

Donner, W. und Grube, C. Elementarkursus der deutschen Grammatik. III Stufe. Рига. 84 Тип. Шталь 8 д., 3,500 экзем.

Hasselblatt, C. Bericht über die Schule Mosetla, in Transvaal, in Süd-Afrika. Спб. 64. Тип. А. Кругъ. 8 д., 300 экз.

Hirsch (F.). Geschichte der deutschen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die

neueste Zeit. Lpz. 1884. 9 Lief. 193—272 S. in 8.

Jolly (L.). Die französische Volksschule unter der dritten Republik. Tübingen. 1884. 84 S. in 8.

Leimbach (C. L.). Ausgewählte deutsche Dichtungen für Lehrer und Freunde der Litteratur. Kassel, 1884. V Bd. I und II Lief. 1—320 S. in 8.

Singer (J.). Humanistische Bildung und der classische Unterricht. Wien. 1884. IX und 88 S. in 8.

Stueki (G.). Natur-Mensch-Gott. Bern. 1884. Popular-wissenschaftliche Abhandlungen für Lehrer und gebildete Laien aller Stände. 482 S. in 8.

Taschenbuch für Deutschlands Schüler. Herausgegeben von Oberlehrer Dr. F. Koch. Lpz. Vom 1 April 1884—1 April 1885. 46 S. in 8.

Gurcke (Gottfried). Englische Schulgrammatik. 1-er Teil: Elementarbuch. 16-te Auflage. Hamburg. 1884. pp. VIII and 230 in 8.

Merivale (Herman Charles). Binko's Blues. A tale for children of all growths. London. 1884. pp. XII and 207 in 8.

ИСКУССТВО И ИЗДАНІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ.

Карменъ. Опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимств. изъ повѣсти П. Меримэ. Слова Мельяка и Галеви. Муз. Бизе. Вол. перев. съ итальянс. Н. Овсянникова. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 2,000 экз. Ц. 35 к.

Неронъ. Опера въ 4-хъ дѣйст. Муз. А. Рубинштейна. Вольн. перев. съ итал. Н. Овсянникова. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 2,000 экз. Ц. 35 к.

Я. В. „Бубновый король“. Оперетта въ 3 дѣйс. Муз. Лажарта. Собраніе либретто опереттъ № 26. Изд. Я. Волкова. Спб. 8 д., 650 экз. Ц. 10 к.

Я. В. „Веселая война“. Оперетта, въ 3 дѣйс. Муз. Штрауса. Собр. либретто опереттъ № 22. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. Типо-лит. Ризникова 8 д., 2,000 экз. Ц. 10 к.

Я. В. „Бѣгство Фантаски“. Оперетта, въ 3 дѣйс. и 4-хъ карт. Муз. Штрауса. Собр. либретто опереттъ № 24. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. Типо-лит. Ризникова. 8 д., 2,000 экз. Ц. 10 к.

Я. В. „Маленькій Герцогъ“. Оперетта. въ 3 дѣйс. Муз. Лекока. Собр. либретто опереттъ № 23. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. Типо-лит. Ризникова. 8 д., 2,000 экз. Ц. 10 к.

Я. В. „Жирофле-Жирофля“. Оперетта, въ 3 д. муз. Лекока. Собр. либретто опереттъ № 24. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. Типо-лит. Ризникова. 8 д., 2,000 экз. Ц. 10 к.

Besneray (Marie de). Les Grandes époques de la peinture. Gr. in-8 illustré. Delagrave. Ц. 1 р. 45 к.

Clermont-Ganneau (Ch.). Mission en Palestine et en Phénicie entreprise en 1881. Cinquiême rapport. Avec 12 planches. Gr. in-8. Maisonneuve. Ц. 5 р.

(Extrait des Archives des missions scientifiques et littéraires).

Enault (Louis). Paris-Salon. 1884. 2-e vol. (9-e vol. de la collection) 94 p. in 8. Ц. 7 р. 5 к.

Foulques de Villaret (Amicie de). Les Antiquités de Saint-Paul d'Orléans, d'après des documents inédits. Avec plans et vues de l'ancienne église. In-8. (Orléans). E. Lechevalier. Ц. 3 р. 75 к.

Liénard (Felix). Archéologie de la Meuse. Description des voies anciennes et des monuments aux époques celtique et gallo-romaine. Tome II: Partie centrale du départament. In-4 avec atlas. (Verdun). Champion. Ц. 20 р.

Massarani (Tullo). Théorie des arts au XIX siècle. Charles Blanc et son œuvre. Critique, historique et théorie des arts du dessin. Architecture, sculpture, peinture. Avec une introduction par Eugène Guillaume. In-8 illustré. Rothschild. Ц. 6 р.

Mély (F. de). La Céramique italienne. Sigles et monogrammes. In-8. F. Didot. Ц. 5 р.

Poirée (Elie). L'Evolution de la musique. La Musique en 1884. Les Bases de l'évolution. Paris. 1884. 206 p. in 18 Ц. 1 р. 75 к.

Victimes du devoir (Les). Paris. 20 et 4 p. inf. Ц. 50 к.

Ruprich-Robert (V.). L'Architecture normande aux XI et XII siècles en Normandie et en Angleterre. Première livraison. Avec 15 planches. In-4. Des Fossez. L'ouvrage complet en 12 livraisons. Ц. 120 р.

Sainte-Marie (E. de). Mission à Carthage. Ouvrage publié sous les auspices du ministère de l'Instruction publique. Gr. in-8 illustré. Leroux. Ц. 7 р. 50 к.

Nohl (L.). Das moderne Musikdrama. Wien. 267 S. in 8.

Rumbauer (M.). Römische Mosaik. Roma-Neapolis. Berlin. 1884. VIII und 229 S. in 8.

СМѢСЬ.

Блюмъ, З. Что дѣлать? По адресу передовыхъ умовъ еврейства. Тиф. 84. Тип. канц. главнонач. граж. час. на Кавказѣ. 8 д., 313 экз.

Все, что хотите, узнаете, только купите тайну современной пифіи дѣвицы Сарры Фильдъ. Спб. 84 Тип. К. Фельдмана. 16 д., 2,000 экз. Ц. 15 к.

Гатцукъ, Крестный календарь на 1885 г. Годъ 20-й. М. 4 д., 800,000 экз. Ц 15 к.

Гатцукъ, А. Крестовый календарь на 1885 г. Годъ 20-й. М. 4 д., 400,000 экз. Ц. 10 к.

Иллюстрированный каталогъ на 1884—85 годъ. Карманная справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей, механиковъ и помѣщиковъ. Изд. т-ства Буркгардъ и Урлаубъ. Второе пересмотрѣнное изданіе. Спб. 1884. Тип. Г. Шахтъ и К⁰. 16 д., 155+1 нен.+III+1 нен. стр., 5,000 экз.

Календарь на 1885 г. Изд. Баркова. М. 84. 16 д., 50,000 экз.

Календарь и справочная книжка для учащихся на 188⁴/₅ учебный годъ. Раздается безплатно покупателямъ учебныхъ книгъ и пособій книж. маг. товарищ. М. Вольфъ. Спб. 12 д., 10,070 экз.

Каталогъ книгамъ, продающимся въ книж. магазинахъ Глазунова. № 5. Іюль, 1884 г. Спб. 84. Тип. И. Глазунова. 8 д., 3,000 экз.

Положеніе о взаим. земс. страхованіи, Высочайше утвержденное 7 апрѣля 1864 г. и Сводъ правит. по сему предмету распоряженій, постанов. псков. губ. зем. собр. и правила о постройкахъ въ селеніяхъ и о мѣрахъ противъ пожаровъ. Псковъ. 84. Тип. губ. зем. 8 д., 1,600 экз.

Путеводитель по Крыму. Сост. Г. Карауловъ и М. Сосногорова. Изданіе четвертое, значительно пополненное и улучшенное, съ приложеніемъ двухъ картъ, пяти рисунковъ и проч. Одесса 1883 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Руководство къ приготовленію фруктовыхъ винъ и добываніе сахара-патоки изъ арбузовъ хозяйственнымъ способомъ. Съ 8-ю таблицами рисунковъ. Составилъ Г. С. Игнатовичъ М. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Русскій народный календарь на 1885 г. Изд. П. Шарапова. М. 84. 4 д., 60,000 экз. Ц. 15 к.

Справочно-памятная книжка-календарь для охотниковъ на 1884—85 гг. Составилъ В. Лаврентьевъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 руб. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к. въ пер. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Справочная книга для армейскаго и флотскаго духовенства. Вып. 3-й, за 1884 г. Спб. 84. Тип. Евдокимова. 8 д.

Хозяйственный календарь на 1885 годъ. Отрывочный. Спб. 84. Тип. М. Хана. 12 д., 10,000 экз.

Annuaire diplomatique et consulaire des états des deux mondes. Supplément à l'Almanach de Gotha. 1884. Gotha VII et 285 p. in. 32. Ц. 1 р. 80 к.

Babin (Augustin). Le Véritable régénérateur scientifique et moral (Divisé en deux parties). Plus un important complément. 1-re édition. Paris. 1884. 164 p. in 12.

Coeuret (Auguste). Manuel petit marin. In-12. Ganme. Ц 1 р. 50 к.

Durand (Ch. F.). Les Guérisseurs. Physiologie du guérisseur. Le Bourreau-médicin. Les Rebouteurs. Médicine mystique, etc. In-32. Marpon et Flammarion. Ц. 1 р 75 к.

Philomneste Junior. La Bibliomanie, en 1883. Bibliographie rétrospective des adjudications les plus remarquables faites cette année et de la valeur primitive de ces ouvrages. In-12. (Bordeaux). Brunox. Ц. 2 р. 50 к.

Sarcey (Francisque). Gare à vos yeux!! Sages conseils donnés par un myope à ses confrères. In-16. Ollendorff. Ц. 1 р.

Société des àmis de livres. Annuaire. Paris. 1884. 102 p. in 18.

Witkowski (docteur G. J.). Le Ma-qu'on a dit desmédecins. 1-e série Auteursl grecs et latins. Paris. 1884. VII et 239 p. in 12. Ц. 1 р. 75 к.

Brockhaus' Conversations-Lexikon. 13-te Auflage. Berlin und Wien. 118—122 Heft., 769—954 L., (VIII Bd.) und 128 S.; (IX Bd.), in 8. Ц. по 28 к.

Heckner (F.). Die Wahrheit für Männer mit gesundem Menschenverstand Braunschweig. 1884. 112 S. in 8.

Rodkinssohn (M. Z.). Der schulchan Aruch und seine Beziehungen zu den Iuden und Nicht juden. Deutsch von Löwy. Wien. 1884. 68 und X S. in 8.

Spamer's (O.). Illustrirtes Konversations-Lexikon für das Volk. Lpz. 2-te Auflage. 8 Lief. 449—512 S. in 8. Ц. по 28 к.

КНИГИ НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Patuzzi (G. L.). Perchè... Roma. 1883. 165 p. in 8.

Rovetta (G). Ninnoli. Roma, 1883. 142 p. in 8.

Zacchi (G.). Pape e re, ossia lo teoriche di conciliazione politico-religiosa. Roma. 1884. 353 p. in 8.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Желая по возможности облегчить своимъ подписчикамъ хлопоты по розысканію и пріобрѣтенію книгъ, періодическихъ изданій и музыкальныхъ произведеній, контора журнала имѣетъ честь предложить имъ свое посредничество:

1) по покупкѣ и высылкѣ находящихся въ продажѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ, а также и нотъ, причемъ пересылку контора журнала принимаетъ на свой счетъ;

2) по подпискѣ на русскіе и иностранные журналы и газеты, указанные въ помѣщенномъ ниже сего спискѣ, и

3) по собиранію и сообщенію всякаго рода справокъ по книжному, музыкальному и типографскому дѣлу.

Списокъ періодическихъ изданій, которыя подписчики „Русской Мысли“ могутъ выписывать чрезъ контору журнала.

РУССКІЯ.

Библіотека для Чтенія. 12 кн. 11 р.
Будильникъ. 50 №№. 9 и 12 р.
Военный Сборникъ. 21 кн. 7 р. 50 к.
» » съ Русскимъ Инвалидомъ. 10 р.
Востокъ. 8 р.
Воспитаніе и Обученіе. 5 р.
Врачебныя Вѣдомости. 8 р.
Врачъ. 9 р.
Всемірная Иллюстрація. 52 №№. 16 р.
Вѣстникъ Европы. 12 №№. 17 р.
Волна. 52 №№. 8 р.
Газета Гатцука. 52 №№. 5 р.
Гражданинъ. 52 №№. 8 р.
Другъ женщинъ. 6 и 7 р.
Душеполезное Чтеніе. 12 кн., 4 р.
Вѣстникъ Росс. Общ. Садоводства, 8 р.
Дѣтское Чтеніе. 12 кн. 6 р. 75 к.
Дѣтскій Отдыхъ. 6 р.
Европейская Библіотека. 10 р.
Журналъ Гражд. и Угол. права. 9 р.
» Коннозаводство. 8 р.
» Русск. химич. физич. общества. 5 р.
Женское Образованіе. 10 №№. 4 р. 50 к.
Живописное Обозрѣніе. 8 р.

Заграничный Вѣстникъ. 10 р.
Задушевное Слово для дѣтей:
младшаго возраста 6 р.
старшаго » 6 р.
Записки Русск. Техн. Общества. 8 р.
Здоровье. 24 №№, 8 р.
Земледѣльческая Газета (ежен.). 52 №№. 3 р. 90 к.
Зодчій. 12 №№. 15 р.
Инженерный Журналъ. 5 р.
Историческій Вѣстникъ. 12 №№. 10 р.
Извѣстія Император. Русск Географ. Общества. 4 р.
Иллюстриров. Вѣстникъ. 12 №№. 4 р. 50 к.
» міръ. 50 №№. 8 р.
Игрушечка. 6 р.
Лучъ. 6 р.
Медицинская Библіотека. 17 р.
Медицинское Обозрѣніе. 12 №№. 10 р.
Минута. 9 р.
Мірской Вѣстникъ. 4 р.
Модный Свѣтъ, I изд., съ 12 кар., 7 р.
» » II » » 24 » 8 р.
» » III » » 36 » 10 р.
Московскій Листокъ. 9 и 10 р.
Московская Новая Газета. 10 р.
Московскія Вѣдомости. 17 р.
Модныя Выкройки. 7 р.
Наблюдатель. 14 р.
Народная Школа. 4 р. 50 к.
Недѣля съ роман., еженед. 8 р.
Новое Время. 17 р.
Новости. 10 и 17 р.
Нувеллистъ, муз. журн. 12 №№. 6 р.
Новороссійскій Телеграфъ. 14 р.
Нижегородскій Биржев. Листокъ. 7 р.
Нива. 52 №№, 5 и 6 р.
Новый Русскій Базаръ (дамскій):
модный журн. I изд. 8 р.
» » II » 9 р.
» » III » 11 р.
Обзоръ Графич. Искусствъ. 5 р.
Осколки. 7 р.
Педагогическій Сборникъ. 12 №№. 6 р.
Переводы отдѣльн. роман. 9 р.
Петербургская Газета. 10 р.
Петербургскій Листокъ. 10 р.
Правительственный Вѣстникъ. 12 р.
Природа и Охота. 12 №№. 14 р.
Развлеченіе. 52 №№. 5 р.
Родникъ. 5 р.
„ со сборникомъ 6 р.
Ребусъ. 4 р.
Русское Садоводство. 4 р.
Русская Старина. 12 кн. 9 р.
Русскій Архивъ. 12 кн. 9 р.
„ Вѣстникъ. 12 кн. 16 и 17 р.
„ Инвалидъ. 10 р.
Русскія Вѣдомости. 10 и 11 р.
Русь. 8 р.
Русскій Курьеръ. 9 р.
Разсвѣтъ. 52 №№. 7 р.
Россія. 8 р.
Русское Богатство. 12 №№. 8 р.
С.-Петербургскія Вѣдомости. 16 р.
Свѣтъ и Тѣни и Мірской Толкъ. 13 р.
Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. 4 р. 50 к.
Семейные Вечера: старш. возр. 5 р. 50 к.
„ „ младш. „ 5 р. 50 к.
Семья и Школа. 12 №№. 12 р.
Слово. 12 №№, 17 р.
Собраніе иностран. роман. 12 №№. 12 р
Современныя Извѣстія. 9 и 10 р.
Странникъ. 12 №№. 6 р.
Сынъ Отечества. 8 р.
Стрекоза. 52 №№. 10 р.
Сборникъ къ Роднику. 2 р.
Техническій Сборникъ. 12 №№. 16 р.
Хозяйственный Строитель. 12 №№. 14 р.
Художественный журналъ. 12 №№. 8 р.
Церковно-Обществ. Вѣст. 52 №№. 7 р.
Церковный Вѣстникъ съ Христіан. Чтеніемъ. 7 р.
Чтеніе для солдатъ. 4 р.
Шутъ. 51 №№. 6 р.
Электричество. 24 №№. 6 р.
Юридическій Вѣстникъ. 8 р.
Южный Край. 12 р. 50 к.
Юридическое Обозрѣніе. 10 р.
Вѣстникъ Промышленности. 10 и 11 р.

Списокъ иностранныхъ газетъ и журналовъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книгѣ.

---

393 D



